

А. Б. Карповъ.

У Р А Л Ь Ц Ы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРЕДЬ.

Посвящается памяти Іоасафа Игнатьевича Желѣзнова.

ЧАСТЬ 1-я.

Яицкое войско

отъ образования войска до переписи полковника Захарова
(1550—1725 гг.)

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХІІ-21321
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕІ

УРАЛЬСКЪ.

Войсковая Типография.

1911.

ЧАСТЬ 1-я.

Отъ основанія войска до первой переписи, произведенной въ 1723 году.

— Живите, братцы, пока Москва не знаетъ,
Москва узнаетъ—плохо будетъ!
(Послов. Урал. казаковъ).

— По крутымъ берегамъ,
Вдоль Яика рѣки,
Видны адѣсь, видны тамъ,
Казаки, казаки...
Все то вольный народъ,
Всюду сабли стучать,
Нѣтъ печали, заботъ,
Всюду пѣсни звучать.
Здѣсь и тамъ тумаки,
Черный водось до плечъ,
И шумять казаки
И свободна ихъ рѣчъ.

A. П. Хоромахинъ.

ЧАСТЬ 1-я.

I.

Кто жилъ на Яикѣ до прихода казаковъ¹⁾.

— „Давно давно минувшихъ дней
Преданы старымъ глубокой!“.
Пушкинъ.

Давно это было. Много тысячъ лѣтъ назадъ, на томъ месте, где теперь несетъ свои быстрые воды старый Яикъ, были глубокія воды огромнаго моря. Ходили изъ него просторы сизыя, высокія волны. Широкой бѣзъ мѣры полосою разливалось оно по наибольшей киргизской степи, захватывая собою Аральское и Каспійское мора. И среди него отдельными островами выдѣлялись вершины выѣшнихъ Уральскихъ горъ.

Но шли годы, проходили сотни, тысячи лѣтъ, поднималось незамѣтно морское дно, поднимались выше Уральскія горы, стекали воды широкаго моря на сѣверъ въ Ледовитый океанъ и, среди его волнъ, появились обширныя полосы земли. Прошли еще сотни лѣтъ и отодвинулось море на югъ, заняло оно собою обширную измѣнность выѣшнихъ киргизскихъ степей, а между ними и Ледовитымъ океаномъ встали Уральскія горы и восточная русская равнина. Прошли опять годы и сотни лѣтъ... Несоединенное съ океаномъ море стало терять свои воды и становилось все меньшее и меньшее и наконецъ распалось оно на два мора: Каспійское и Аральское, а на бывшемъ морскомъ днѣ появилась растительность, расцвѣла жизнь. Появились озера и реки. Загряль своики быстрыми зеркальными водами Яикъ, покатилась широкая тихая матушка Волга. И понесли они свои воды въ Каспійское море.

Все оживилось;—зацвѣли пышнымъ ковромъ широкія степи, покрылись берега Яика курчавою зеленою тѣнистыми лѣсовъ. Тысячи перелетныхъ стацъ оглашали его воздухъ радостными кликами; надъ широкими вѣменами и по густымъ прибрежнымъ камышамъ раздавалось гоготанье гусей, перемежаясь съ звонкими серебристыми кликомъ пролетающихъ лебедей. Въ густыхъ лѣ-

¹⁾ Материаломъ для составленія этого очерка служили схѣмичнія книги: Соловьевъ „Исторія Россіи“; Карамзинъ „Исторія Госуд. Россійскаго“; Рычковъ „Топogr. Оренб. губерніи“; Хозяйств. опис. Астр. и Казахской губерніи 1809 г. Элизе Реклю „Человѣкъ и земля“; „Россія“—подъ ред. В. П. Семенова, томъ VI и XVIII и многие другие источники. Нѣкоторыми же сѣдѣніями о холодахъ и вѣтѣахъ, а также и о гор. Саксонъ, бывшемъ на Яикѣ, я обязанъ Серги Влад. Бородину, любезно поставившему мнѣ выписки изъ сочин. Ибнъ-Даста, арабскаго географа, жившаго въ X вѣкѣ и писавшаго о нашихъ сѣверныхъ странахъ; арабскій текстъ съ русскимъ переводомъ и приѣчаніями изданъ проф. Хвойсономъ. С.П.Б. 1870 г.

сахъ и въ камышовыхъ заросляхъ по Яику и Илеку бродили табуны дикихъ свиней, на устьѣ его строили свои высокія хижины суетливые бобры. Табуны сайгаковъ, кулановъ и тарпановъ (дикихъ лошадей) паслись по его привольнымъ степямъ. Воды Яика и моря были полны всевозможныхъ рыбъ и всюду то тутъ, то тамъ, въ волнахъ морскихъ, плескался неуклюжій тюлень—наслѣдье Сѣвернаго океана, подарокъ давно исчезнувшаго громаднаго моря, покрывавшаго степную равнину, да кое гдѣ подъ аркими лучами жаркаго солнца блестѣла на раскаленной землѣ морская соль, искрясь и бѣлья пушистымъ налетомъ по гладкой степи.

И по этой широкой, необозримой, цвѣтущей равнинѣ кочевали со своими стадами разныя дикия воинственные орды.

Но кто были эти орды, какъ назывались они—ни народныхъ преданій, ни древнія летописи не оставили намъ объ нихъ никакого воспоминанія.

Давно это было.

Первые извѣстія о народахъ, жившихъ съ незапамятныхъ временъ по Яику, встречаются у греческаго историка Геродота, жившаго за 400 лѣтъ до Рождества Христова. Описывая нынѣшнія южно-русскія степи, Геродотъ говоритъ, что тамъ, по берегамъ Чернаго и Каспійскаго моря, между Танаисомъ (Дономъ), Истромъ (Дуваемъ), и на востокѣ до Даника (Лисы) жило дикое воинственное племя скіфовъ. Это было пастушеское, кочевое племя, занимавшееся скотоводствомъ. Скифы были блокоми, краснолицы, съ голубыми глазами; съ мягкими, длинными, жаждкими, искраско-желтыми волосами. Они были очень похожи другъ на друга, толсты и мясисты. Браки ихъ не отличались плодовитостью. Нравы были дикаго, необузданаго, страстны, вспыльчивы и лѣнивы. Ихъ обычай были какъ и у всѣхъ кочевыхъ народовъ Азіи: весь годъ они кочевали со своими стадами по необозримымъ степямъ нынѣшней южной Россіи, мужчины на лошадяхъ, а женщины и дѣти въ телѣгахъ, запряженныхъ волами. Паша ихъ была лошадиное молоко и мясо. Самымъ почетнымъ занятіемъ у нихъ считалась война; они пользовались въ древности широкой извѣстностью, какъ отважные наездники и мѣткіе стрѣлки изъ лука. Сражались они пѣши и конны; стрѣлы назывались адомъ. Они не знали желѣза и копья и топоры ихъ были изъ кѣди и бронзы. На войнѣ скіфи отличались жестокостью и храбростью, они сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, дубили ее и употребляли для домашнихъ подѣлокъ. Геродотъ разсказываетъ подробно способъ дубленія этой кожи и обшивку кожею, снятой съ руки человѣка, футлара (колчана) для лука и стрѣль. „Человѣческая кожа была толстою и блестящую изъ всѣхъ по бѣлизѣ“—говорить Геродотъ. „Многіе изъ нихъ одѣваются въ содранныя кожи, какъ въ плащи, сшивая ихъ на изнѣвь козырь тулуповъ“. Изъ череповъ убитыхъ враговъ скіфи дѣлали чаши и пилю изъ нихъ. Разсказы о скіфскихъ жестокостяхъ поведали къ слуху, что они были людоѣды и что питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ.

Скифы распадались на нѣсколько родовъ, во главѣ которыхъ стояли кня-

зъя; одинъ изъ родовъ—паралаты, въ иѣстности Г'ерроcть въ Борисфенѣ (Днѣпѣ), считался главнымъ и изъ него выбирался царь. Главный богъ у нихъ былъ богъ неба и назывался Паней, кроме него они поклонялись огню очага и богу войны, но не имѣли ни кумировъ, ни алтарей; приносили кровавыя жертвы, иногда даже человѣческія. Съ греками, жившими по берегамъ Чернаго моря, особенно въ Таврійѣ (Крыму), они поддерживали самые оживленныя и дружественныя сношения, но въ массѣ чуждалась всѣхъ народовъ и цивилизаций.

Живи набѣгами и любя войны, скифы были беззокойными сосѣдами и предпринимали иногда довольно далекіе походы. Такъ, за 630 лѣтъ до Рождества Христова они вторглись въ Мидію (въ нынѣшнюю персидскую провинцію Азербайджанъ) и проникли въ Месопотамію и Сирію до Египта; двадцать лѣтъ скифи владѣли завоеванными землями, но наконецъ царь Клаксаръ победилъ и выгналъ ихъ въ ихъ степи. Желая отомстить имъ за это нашествіе, персидскій царь Дарій I, въ 515 г. до Рождества Христова, пошелъ на нихъ съ болѣшимъ войскомъ въ походъ въ глубь ихъ страны, но, потерявъ изъ людей и не имѣя возможности настичь ихъ въ вустынныхъ степяхъ, вернулся обратно.

На востокѣ отъ скифовъ, отъ моря Каспійскаго въ Азію, въ нынѣшихъ киргизскихъ степахъ жило сильное и воинственное племя *массагетовъ* побѣлившихъ Кира, цара персидскаго, подъ предводительствомъ своей царицы Томирисъ. Одеждою и нравами они были сходны со скифами и украшали золотомъ шлемы, пояса, конскіе приборы и какъ скифы-же не знали ни жезла, ни серебра и дѣлали свое оружіе изъ иѣди.

За два вѣка до Рождества Христова господство скифовъ въ южныхъ степахъ смѣнилось господствомъ другого дикаго племени—*сарматовъ*, которые вышли изъ Мидіи черезъ Кавказъ и, отбросивши скифовъ въ Азію, саки заняли ихъ степи отъ Дуная до Каспійскаго моря. Древній греческій историкъ Птоломей, описывая въ это время скифовъ, говоритъ, что они жили на востокѣ отъ сарматовъ и въ ихъ странѣ протекали реки Ринность (нынѣшніе Узеніи), Даинъ (Яикъ), Оксосъ (Аму-Дарья), Яксартъ (Сырь-Дарья) и Шаропамъ (Объ).

Сарматы, подобно скифамъ, были кочевники и по своему образу жизни почти ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ. Сарматы были блокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороды и широкую одежду; свое тѣло они расписывали разными узорами. Отличались дикостью и жестокостью нравовъ; поклонялись мечу, огню и приносили въ жертву лошадей. Любимое занятіе ихъ, какъ и всѣхъ дикихъ племенъ, были набѣги и война. Они не умѣли сражаться пѣшкомъ, но, какъ лихіе наездники, на лошадяхъ были неотразимы. Женщины у сарматовъ отличались замѣчательною силой, были воинственны и храбры и сражались вмѣстѣ съ мужьями.

Два вѣка кочевали сарматы по южнымъ степямъ на берегахъ Чернаго моря и на сѣверѣ отъ Кавказа, но незадолго до Рождества Христова изъ Зазав-

когда выходить новые дикие орды аланы и вытесняют сарматовъ на съверъ и западъ, а сами поселяются на ихъ мѣстѣ, отъ съвернаго Кавказа вплоть до Дона. Подробныхъ сѣдѣній обѣ образѣ жизни алановъ не сохранилось. Извѣстно только, что они были кочевники и занимались грабежомъ и войнами.

Болѣе трехсотъ лѣтъ прожили они на занятыхъ ими степяхъ и въ 375 г. послѣ Рождества Христова были вытеснены новымъ могущественнымъ и воинственнымъ племенемъ гуннами.

Многотысячными толпами, съ женами, дѣтьми и со всѣми своими стадами ринулся неудержимой волной этотъ дикий безстрашный народъ изъ глубины Азіи, переправившись черезъ Яикъ, Волгу и Донъ, истребилъ и покорилъ передъ собою всѣ племена, которые встрѣтились ему на пути. Храбрые аланы не могли въ битвахъ вынести ужасного вида гунновъ и были разбиты въ истреблены, остатки ихъ присоединились къ гуннамъ. Чтосталось со скифами, сарматами и другими народами, историки того времени не упоминаютъ, такъ какъ все ихъ вниманіе было обращено на тѣ бѣдствія, которыхъ происходили въ Европѣ отъ нашествія полуцищъ этого дикаго невиданнаго еще въ Европѣ завѣроподобнаго народа.

Гуны отличались отвратительнымъ видомъ—у нихъ почти не было лица, а вместо него безобразный кусокъ мяса, на которомъ вместо глазъ видѣлись какія-то пятна. Они рѣзали лицо ножемъ, чтобы не росла борода; были толстощей, сутулы и казались не людьми, а грубыми болванами, имѣли края ноги отъ постоянной физы верхомъ. Безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бороды и жили, какъ дакіе звѣри; питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немногого подъ сѣдломъ; о домахъ они не хотѣли знать, сматая ихъ могилами; съ молодости привыкли перепосыть веногоду, голодъ и жажду; разъ надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ лоскутьями. Безобразная обувь мѣшала имъ ходить. Они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадахъ, на сѣдахъ отправляли свои дѣла:ѣли, сози, пили, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ. Военно-плѣненные должны были обрабатывать землю и ласти стада. Не было у нихъ ничего постояннаго: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Они ни во чѣто не вѣрили. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткала грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей и были также безстрашны, какъ и ихъ мужья, а въ битвахъ принимали участіе вмѣсть съ міни. Многожезство было у нихъ въ обычаяѣ.

Какъ могучая волна, хлынулъ потокомъ этотъ свирѣпый народъ въ сердце Европы разоря и истребляя все на своемъ пути прошелъ Германію и Италію. Ужасъ предъ гуннами былъ настолько великъ, что даже знаменитый въ Европѣ полководецъ Эрмазарихъ не рѣшился вступить съ ними въ битву и лишилъ себя жизни.

Разбитые потомъ на Каталаунскихъ поляхъ, гуны отхлынули на востокъ и заняли земли отъ Яига до Тиссы (въ вышней Венгрии). Послѣ смерти

ихъ вожда Атиллы въ 453 г. царство гунновъ распадается и самое имя гунновъ исчезаетъ изъ исторіи. Исчезло только название, но не исчезли народности, которые жили въ этой области и остались вѣдь осадкою отъ гунского переселенія. Народности эти становятся известны въ среднемъ Поволжѣ подъ именемъ болгаръ въ V вѣкѣ въ отчасти аваръ (одного происхожденія съ гуннами) и жившихъ въ степяхъ за Яикомъ. Часть болгаръ поселилась по низовьямъ Волги и Яика и заняла сѣверное побережье Каспійскаго моря; это племя называлось хвалиссы, отъ которыхъ въ то время получило свое название и Каспійское море—Хвалисское море, а славяне, а потомъ и русские называли его Хвадынское (искаженное Хвалисское).

Въ 565 г., тѣснящие другими народами, авары (или обры, какъ называютъ ихъ русскіе лѣтописи) перешли изъ Азіи черезъ Яикъ и разселились по южно-русской степи, занявъ мѣсто на сѣверѣ отъ Кавказа по Дону, Волгѣ и Яику.

Авары очень походили на гунновъ и отличались только тѣмъ, что не брали головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украсивъ ихъ лентами. Болгары признали власть въ севернаго хана Баяна, который вскорѣ завоевалъ Моравію, чеховъ и другихъ западныхъ славянъ, а также Паннонію. Вскорѣ онъ началъ на сѣверныхъ славянъ. Онъ вступилъ къ нимъ съ шестидесятю тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ и началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жителей, которые спасаясь разбѣжались по лѣсамъ. Спаслись отъ рабства и разоренія только славяне, жившіе за Вислою въ далѣ къ сѣверу. Со своими покоренными народами авары обращались высокомѣрно и жестоко. Прѣѣзжая на зиму къ славянамъ, они оскорбляли цѣломудrie ихъ женъ и дочерей; брали съ взрода тягостную дань и всячески его угнетали. Авары презирали славянъ за ихъ хлѣбоапашество.

Насавши на славянское племя дулебовъ-бужанъ (волынинъ) и покоривъ его, обры стали звѣрски поступать съ ихъ женами: „когда нужно было вѣхать обрину,—говорить лѣтописецъ,—то онъ не вѣльѣ впряженъ въ телѣгу ни коя, ни вола, но приказывалъ впряженъ по три, по четыре или по шести женщинъ. Были обры,—продолжаетъ лѣтописецъ,—тѣлонъ велики и умомъ горды въ Богъ истребилъ ихъ—всѣ померли, не осталось ни одного”; въ лѣтописи имѣется и поговорка того времени: „погибоща аки обре, ихъ-же яѣсть племени, ни наслѣдника”.

Обры просуществовали на Яикѣ и въ южныхъ степахъ до 796 г., когда Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Панноніи, а въ 867 г. они почти всѣ были истреблены болгарами.

На мѣста, занятые обрами, переправившимися черезъ Яикъ, хлынула изъ Азіи новая волна переселенцевъ—это были хозары (или козары). Уже русскіе лѣтописи упоминаютъ хозаръ въ серединѣ IX вѣка и говорятъ, что славяне платили имъ дань. Это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что было вполнѣ естественно на границѣ Азіи и Европы, на путяхъ народа-

довъ, воротами котораго была равнина, лежащая по течению р. Яика между Уральскимъ хребтомъ и Каспийскимъ моремъ. Мудесси¹⁾, писатель того времени, говоритъ следующее о странѣ хозарь. „Она, — говоритъ онъ, — лежитъ по ту сторону (на западѣ) Каспийскаго мора, очень обширна, но суха и неплодородна. Много въ ней овецъ, меду и евреевъ. На границѣ этой страны (на западѣ) находится стѣна Яджуджа и Муджуджа и она смѣжна со странами Византійского государства. Две рѣки, въ этой странѣ, впадающія въ Каспійское море²⁾, на берегахъ которыхъ находятся самые большие города ихъ. На границѣ страны лежитъ гора³⁾. Столица ихъ называется Итакемъ⁴⁾. Къ городамъ этой страны принадлежать и Булгаръ, Семендеръ, Сиверь, Хомладжъ, Баланджаръ и Бейда. Изъ этого видно, что хозарамъ платили дань и болгари.

Интересная сѣдѣвія о большомъ городѣ хозарь, бывшемъ по всѣмъ даныи на Яикѣ, Саксинѣ упоминаетъ тотъ же писатель Ибнъ-Даста. Перечисляя большие города хозарь, онъ говоритъ и объ этомъ городѣ, но т. к. въ числѣ городовъ, лежавшихъ по Волгѣ, онъ совершенно не упоминаетъ обѣ земли, то очевидно, что этотъ городъ лежалъ на другой рѣкѣ, впадающей въ Каспійское море, т. е. на Яикѣ. Это былъ, какъ увидимъ ниже, на столько большой городъ, что Ибнъ-Даста не могъ его пропустить, перечисливъ города на Волгѣ.

Смѣшанность племенъ въ Хозарскомъ царствѣ соотвѣтствуетъ смѣшанію религій; здесь уживались другъ противъ друга четыре религіи: языческая, маронетанская, христіанская и еврейская. Послѣднюю исповѣдывалъ каганъ, верховный предводитель хозаровъ. Большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя изразцы и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ города пустѣли, жители забирали и иѣнія и откочевывали въ степь.

Хозары распространяли свою власть далеко на западъ; покоривши болгари, они завоевали Крымъ и Киевъ. Славянскія племена полять, стѣверянъ, родиничей и ватичей признали надъ собою ихъ верховную власть и платили имъ дань по бѣлѣ съ дыма (дона). Иго хозарь не угнетало славянъ, по крайней мѣрѣ лѣтописецъ, изобразивъ жестокость обровъ, не говорить ничего подобнаго о хозарахъ.

Царь ихъ каганъ долженъ быть императорскаго поколѣнія. Входящіе къ нему падаютъ лицъ и ждутъ, чтобы онъ велѣль имъ встать и говорить. Никто не смѣетъѣхать верхомъ мимо кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклониться гробу, ити пѣшкомъ и сѣсть на лошадь, когда могила

¹⁾ Выписанъ изъ Ибнъ-Даста (сообщ. Серг. Влад. Бородинымъ).

²⁾ Возлѣ и Яика.

³⁾ Вѣроятно Кавказскіе горы.

⁴⁾ На рѣкѣ Волгѣ въ 12 verstахъ выше нынѣшней Астрахани, развалины этого города существуютъ донынѣ.

уже скроется изъ глазъ. Если каганъ скажетъ кому либо: „поди, умри!”, то тотъ немедленно идетъ домой и убиваетъ себя.

Для царствованія кагану назначалось 40 лѣтъ; по истечевіи этого срока граждане и вельможи немедленно убивали его, чтобы предупредить разслабленіе его ума и души, и избирали нового кагана.

У кагана 25 женъ, прасылаемыхъ ему обыкновенно со съдѣственными государями изъ числа ихъ родственницъ, и 60 наложницъ.

Когда царь выѣзжаетъ верхомъ, то войско слѣдуетъ за нимъ, сзади его на цѣлую версту, народъ же падаетъ наѣзъ и встаетъ тогда, когда онъ уже проѣдетъ.

Воиновъ, побѣжавшихъ съ поля сраженія, лишали жизни, воевачальниковъ за то же самое отдавали вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми другимъ воевачальникамъ, которые разсѣкали преступника на двое и вѣшали въ такомъ видѣ на деревѣ за шею.

По рѣкѣ Волгѣ, раздѣлявшей столицу на двѣ части, ходили вверхъ и внизъ торговыя суда и кипѣла бойкая торговля.

Хозары раздѣлялись на два типа: одни были черноволосы, смуглы лицомъ и были похожи на индийскихъ народовъ, другіе были блѣдны, красивы и стройны.

Въ главномъ городѣ Итиль сосредоточивалась главная торговля окрестныхъ народовъ; здѣсь были склады товаровъ всѣхъ странъ и шла караванная дорога изъ Европы въ Азію черезъ Яикъ до Индіи. У этихъ хозаръ гостившіе арабскіе писатели встрѣчаются впервые руссовъ, также гостей, призывающихъ въ Итиль по Волгѣ изъ славянскихъ земель (русскихъ) черезъ Донско-Волжскую переволоку (между нынѣшнимъ Царицыномъ на Волгѣ и Калачемъ на Дону) отъ хозарского городка Бѣлой Вѣжи на Дону. Одинъ изъ арабскихъ писателей, Ибнъ-Фодланъ, описываетъ этихъ руссовъ и особенно подробно ихъ похоронный обрядъ (тогда языческій), который овъ видѣлъ по случаю смерти привывшаго въ Итиль ихъ князя.

Въ 913—914 г.г. пятьсотъ русскихъ судовъ, спустившись по Дону до Волжно-Донской переволоки, просили у хозаръ пропуска черезъ ихъ владѣнія для того, чтобы ити воевать прикаспійскіе народы, причемъ половину добычи они обѣщали отдать хозарамъ. Получивъ отъ кагана пропускъ, руссы перетащили черезъ переволоку изъ Дона въ Волгу свои суда, проплыли имъ Итиль и, выплавивъ въ Каспійское море, разгромили западную его побережья до Адербайджана (провинція въ Персіи). Но на возвратномъ пути, у устья Волги, жители Итиля, собравшись вмѣстѣ съ бургасами (мордою) и волжскими болгарами, напали на руссовъ, разбили ихъ и присвоили себѣ ихъ добычу.

Въ концѣ VIII вѣка черезъ Яикъ проходитъ новая орда торского происхожденія угры. Переиравившись черезъ Яикъ, часть ихъ направилась на сѣверъ и заняла южные отроги Уральскихъ горъ и образовала впослѣдствіи особый народъ, потомъ извѣстный у русскихъ подъ именемъ башкиръ, а другая часть угровъ направилась на западъ, тѣсни хозаръ, проплыла мимо Киева въ 898 г. и заняла степи по Днѣпру до Чернаго моря.

Начиная съ 700 года хозары вели на своей восточной границѣ беззора-
рванные войны съ воинственной и дикой ордой печенѣговъ. Съ дав-
нихъ поръ народы турецкаго племени подъ названіемъ хангроеz кочевали
по средней Азіи и распространялись на западъ до Яика, где историческія
извѣстія заставляютъ ихъ подъ именемъ печенѣговъ. Печенѣги граничили на
западѣ съ хозарами, а къ востоку, въ далекой Азіи — съ другими турецкими
ордами, кочевавшими на вымѣнныхъ приаральскихъ и алтайскихъ степахъ и
носившими название узогъ или чутогъ, т. е. свободныхъ, а впослѣд-
ствіи у русскихъ подъ названіемъ половціевъ. Первое извѣстіе о печенѣгахъ
у русскихъ лѣтописяхъ имѣется подъ 915 годомъ.

Отгѣсивъ хозарь на западъ, печенѣги заняли въ IX вѣкѣ степи между
Волгою и Яикомъ. Но недолго жили печенѣги за Яикомъ. Желая удалить изъ
своихъ степей и съ Яика печенѣговъ, хозары заключили союзъ съ своими
единоплеменниками узами. Узы начали на печенѣговъ, вытеснили ихъ и заняли
ихъ иѣста по Яику въ Волгѣ. Печенѣги въ свою очередь двинулись на западъ
и начали на угровъ (мадьяръ), которые жили въ степяхъ Азовскихъ и Дѣви-
ровскихъ. Угры не выдержали написка и перешли въ концѣ IX вѣка въ
Средне-Дунайскую равнину, где впослѣдствіи основали свое Венгерское коро-
левство. Попытки хозарь остановить движение печенѣговъ не имѣли успѣха
и скоро послѣдніе заняли всѣ степи отъ Дона до нижнаго Дуная, и въ се-
рединѣ IX вѣка печенѣги уже появились въ области Днѣпра.

Бывшій въ это время у узогъ, занявшихъ тогда иѣста по Яику и Волгѣ,
извѣстный путешественникъ Казвини¹⁾ описываетъ ихъ глазный городъ.

Городъ этотъ называется имъ Саксикомъ и описывается очень изоголюд-
нымъ, имѣющимъ много каналовъ и изобилующимъ деревьями. Сорокъ раз-
ныхъ племенъ узогъ жили въ немъ и тамъ стекалось множество ивестран-
цевъ и купцовъ. Жители мусульмане и имѣютъ много мечетей. Холодъ тамъ
очень силенъ. Дома внутри обиты войлокомъ и крыты сосновымъ деревомъ.
Жители этого города въ торговлѣ употребляли свинецъ вѣсто серебряной ио-
ниты. Городъ лежалъ на очень богатой рыбами рѣкѣ, которая больше
Тагра и по показанию Аль-Гариста, переправившагося иѣскомъ чрезъ покра-
ту льдомъ рѣку, имѣть въ ширину больше 1840 шаговъ (больше версты).
Географъ Ибнъ-Аясъ, впослѣдствіи сообщающій въ сокращенномъ видѣ извѣстія
Казвина объ этомъ городѣ, пробавляетъ слѣдующее замѣчаніе: „высѣ
наводнила вода протекающей мимо рѣки эту страну такъ, что и сѣдовъ стро-
ній не осталось“. Если бы этотъ городокъ лежалъ на Волгѣ, то объ этомъ-
бы Казвини сообщилъ-бы прямо, т. к. Волга ему была извѣстна, извѣстѣсть
быть и Итиль и во всякомъ случаѣ овъ прямо сказаль-бы, что это рѣка
Волга и не сталъ бы ее иѣрить шагами (какъ рѣку ему мало извѣстную),
да и широка рѣка Волга въ то время (1000 лѣтъ назадъ) была далеко бо-

¹⁾ Выписано изъ Ибнъ-Даста.

лье версты, т. е. она и теперь даже у Казани¹ (въ бывшемъ болгарскомъ царствѣ) шире версты. Нѣтъ сомнѣнія, что такой ширины могъ быть тогда только одинъ Яикъ (другая рѣка хозаръ, кроме Волги). Но гдѣ былъ этотъ городъ на Яикѣ—невѣдѣмо: до насъ не сохранились даже его развалины, вѣроятно, уничтоженные Яикомъ, перемѣнившимъ за эту тысячу лѣтъ, извѣрное, не одно русло.

Въ десятомъ вѣкѣ значение хозаръ, какъ сильного государства, падаетъ. Великій князь Святославъ въ 965 г. разбилъ хозаръ, завоевавъ ихъ крѣпость Сарканъ, разграбилъ города Итиль и Семендеръ и окончательно сломилъ ихъ могущество. Они сохранили свое господство только въ Крыму, но и здѣсь они были совершенно разбиты въ 1016 г. соединенными силами грековъ и русскихъ, подъ предводительствомъ Мстислава Тмутараканскаго, сына св. Владимира. Съ тѣхъ поръ хозары изъ исторіи исчезаютъ; остатки ихъ вѣкоторые видятъ въ караимахъ южной Россіи.

Печенѣги дѣлились на 8 ордъ подъ управлениемъ родовыхъ хановъ; четыре орды поселились къ западу, а четыре къ востоку отъ Днѣпра. Они заняли также и степную часть Крымскаго полуострова. Это были салые беспокойные сосѣди Руси. Въ мирное время печенѣги помогали торговлѣ Руси съ корсуньской областью (Крымомъ), занимались перевозить товары или продавали Руси ковей и прочій скотъ; при враждебныхъ отношеніяхъ залегали на дорогахъ въ Византію, особенно у днѣпровскихъ пороговъ и грабили судовые караваны: въ 972 г. они у пороговъ напали на Святослава, возвращавшагося изъ Болгарского похода, и убили его. Они не разъ врывались въ Киевскую землю и опустошали ее, и вели безпрерывныя войны съ Русью. Въ 1036 г. печенѣги въ послѣдній разъ напали на Русь, но были разбиты и бѣжали. Съ этой поры печенѣги болѣе не приходили къ русскимъ лѣтописи лишь изрѣдка упоминаютъ о печенѣгахъ вмѣсть съ торками (узы) и берендейами.

Будучи народомъ вполѣ кочевымъ, не зная земледѣлія, печенѣги быстро передвигались съ мѣста на мѣсто въ своихъ подвижныхъ жилищахъ, ища мѣстъ, удобныхъ для пасти скота—главнаго источника ихъ жизни. Печенѣги славились быстротою своихъ ковей; вооруженные копьями, лукомъ и стрѣлами, они моментально окружали непріятеля, и, въ случаѣ неудачи, моментально же скрывались изъ глазъ; броситься вмѣсть съ лошадью въ глубокія и быстрыя рѣки—для нихъ было обычное явленіе. Лодокъ для переправы они не имѣли, а употребляли для этого большія вадутыя кожи. Окладъ лица печенѣговъ отличался свирѣпостью; одежда же походила на стариинную персидскую.

Первый заслатель, который упоминаетъ о печенѣгахъ, былъ императоръ Константинъ Багрянородный. „Печенѣги—говорить онъ—жили вначалѣ между рѣками Артель (Волгой) и Геерь (Яикомъ) въ сосѣдствѣ съ хазарами и узами. Позже послѣдніе два народа вытѣснили ихъ изъ этихъ жилищъ, и тогда печенѣги двинулись дальше за западъ. Только немногіе печенѣги остались въ своихъ старыхъ жилищахъ между узами, отъ которыхъ они отличались

своими своеобразными костюмами¹. Такимъ образомъ видно, что были восточные, оставшись изъ своихъ первобытныхъ жилищахъ, и западные печенѣги, переселившіеся въ Европу. Первый известный намъ магометанскій писатель, упоминавший о печенѣгахъ, былъ Ибнъ—Хордебекъ, писавшій между 855—874 годами; онъ причисляетъ къ пограничнымъ народамъ туркскихъ тагазазъ, китайцевъ, тибетцевъ, гузовъ и проч., а также и печенѣговъ. Ибнъ—Хордебекъ во всикомъ случаѣ могъ имѣть въ виду только тѣхъ печенѣговъ, которые жили между Яикомъ и Волгой.

Абу—Доледъ¹), который путешествовалъ около 940 года, отправился изъ Бухары черезъ разныя Туркестанскія земли и прибылъ въ страну печенѣговъ, и рассказываетъ объ нихъ, что они имѣютъ длинныя бороды и усы, ведутъ войны между собой, употребляютъ въ пищу однѣ просо, публично сообщаются со своими женами и никому не платятъ даня. Пространство ихъ земли онъ считаетъ въ 12 дней пути (т. е. приблизительно 400—450 верстъ) и при томъ замѣчаетъ, что печенѣги говорили ему, что страна ихъ простирается до земли славянъ (русскихъ).

Изъ сказанного видно, что Абу—Доледъ посѣтилъ первобытныхъ жилища печенѣговъ, жившихъ между Яикомъ и Волгой, но не тѣхъ, которые жили въ Европѣ. При томъ изъ его указаній видно, что на Яикѣ оставалась ихъ немалая часть, какъ показываетъ Константинъ Багрянородный, а напротивъ, вѣрѣть только небольшая часть ихъ переселилась въ Европу, а остальные оставались на Яикѣ и въ стенахъ отъ Яика до Волги. Здѣсь, очевидно, поддавшись власти узовъ (полоццевъ), они продолжали жить до прихода татаръ.

Въ концѣ XI вѣка печенѣги въ Европѣ были оттеснены половцами (угазами). Благодаря искудусобицамъ между печенѣжскими хазами половцы одержали надъ ними верхъ и печенѣги ушли за Дунай, где они получили отъ грековъ землю для поселенія, где и селились въ XIII вѣкѣ съ окружающими ихъ народностями.

Узы, куманы или, по русскимъ лѣтописямъ, половцы явились изъ глубинъ Азіи въ IX вѣкѣ, занеся степи по Нику и Волгѣ и поразивъ печенѣговъ, заняли въ концѣ XI вѣка всѣ южно-руssкія степи. Въ русскихъ лѣтописяхъ они упоминаются въ 1055 году по смерти Ярослава I-го. Это было народъ татарского происхожденія и языка. Себя они называли кинчакъ (рода Кинчака). Въ этомъ году эта орда съ ханомъ своимъ Болушемъ появилась въ предѣлахъ Переяславскаго княжества и ушла въ степь; въ 1056 и 1068 году они вступаютъ опять въ русскую землю, разбиваются русскую рать, грабить села и города и уходить въ степь; съ этого времени у русскихъ князей вачивается съ ними безпрерывная борьба, продолжавшаяся почти двѣстя лѣтъ.

Весною въ 1185 г. выступилъ противъ кочевниковъ Игорь Святославичъ князь Новгородъ-Сѣверскій, но потерпѣлъ полное пораженіе; память объ этомъ бѣдственному походѣ, повлекшемъ за собою опустошеніе обширныхъ

¹⁾ Выписка изъ Ибнъ-Даста.

пограничныхъ областей, долго жила на Руси и навсегда сохранила въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Были-ли у половцевъ города—неизвѣстно. На Яикѣ-же, какъ было сказано раньше, они жили въ г. Саксинѣ (узы). Въ то время, какъ Русь вела безпрерывную борьбу съ половцами, въ дальнихъ восточныхъ степяхъ Азіи, на сѣверо-западѣ отъ Китая, кочевали два народа монголовъ и тата (татаръ); образъ жизни ихъ былъ одинаковъ съ другими подобными же кочевниками, явившимися прежде въ исторіи, какъ-то: скіфи, гунны, половцы и друг. Въ первой четверти XIII вѣка монгольский хань Темучинъ, болѣе известный подъ именемъ Чингизъ-хана, подчинилъ себѣ всѣ монгольскія орды, татаръ и казаковъ (киргизъ), кочевавшихъ тогда въ вершинахъ Амура въ сопѣтствіи монголами и на западѣ до Иртыша. Образовалась огромная масса воинственного народа, которая двинулась на востокъ, западъ и юго-западъ, разрушая все на своемъ пути.

Въ 1222 г. часть этихъ народовъ подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ Чингизъ-хана: Джебэ и Субутѣ, пріѣдя изъ за Каспійскаго моря че-резъ Кавказъ, напала на половцевъ и стала жестоко бить ихъ. Русскіе каязъ, чтобы предупредить татаръ, соединились съ половцами, но 31 мая 1223 г. потерпѣли полное пораженіе на р. Калѣѣ. Татары, какъ называли эту орду наши лѣтописцы, преслѣдуя разбитое русское войско, дошли до Днѣпра, избивая всѣхъ жителей и опустошивъ землю. Вся южная Россія обратилась въ пустыню и груды развалинъ. Дойдя до Днѣпра, татары повернули на востокъ и, перейдя Донъ, Волгу и Яикъ, скрылись въ степяхъ, уводя съ собою въ столицу Чингизъ-хана въ г. Каракорумъ¹⁾ пленныхъ русскихъ—первыхъ и не-виданныхъ еще ими до сихъ поръ европеицъ.

Шесть лѣтъ прошло съ ухода татаръ и обѣихъ не было никакихъ извѣстий. Въ это время въ ордѣ умеръ Чингизъ-хань. Ему наследовалъ сынъ его Удегей (Октай). Стравою, лежащую между Яикомъ и Даѣпромъ (какъ покорен-ной) досталось править внукъ Чингизъ-хана Батыю (Бату). Съ 300 тысячамиъ войскомъ, въ составъ которого вошли два (изъ пата) киргизскихъ племени кыпчаки и алчимы, составившие ядро Золотой или Кыпчачской орды. Батый въ 1229 г., переиравшись черезъ Яикъ, вошелъ въ южно-русскія степи въ земли половцевъ. Половцы и хвалиссы, жившіе на Яикѣ, собравшись вмѣстѣ, встрѣтили Батыя неподалеку отъ берега моря между Вол-гой и Яикомъ въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Рыль-нески, где были имъ разбиты и, по сохранившимся преданіямъ у татаръ, мѣсто это названо Батыемъ Такъ-Салганъ, что значитъ „возстановленіе престола“. Это название сохранилось до сихъ поръ²⁾.

Обѣ этомъ новомъ нашествіи татаръ наши лѣтописцы говорятъ слѣдующее: „Того-жъ лѣта (1229 г.) саксанди и половцы взбѣгоща

¹⁾ Въ верховыхъ р. Ангары въ Забайкальѣ.

²⁾ Опис. Астрах. и Казк. губ., изд. Ими. Вольн. Экон. Общ. 1809 г., стр. 43.

ианизу къ болгаромъ передъ татары и сторожеве болгарски прибѣгли, бѣли отъ татаръ близъ рѣки, ея же нынѣ Яикъ¹⁾). Представленные собственными силами половцы не могли отстоять своей независимости и были совершенно порабощены татарами. Часть печенѣговъ бѣжала въ Венгрию и здѣсь получила земли подъ условиемъ крещенія, остальная часть постепенно слилась съ родственнымъ имъ татарами. Той же участіи подверглись и визовые болгары—хвалиссы, жившіе по южному берегу Каспійскаго моря, по названіямъ Яика и Волги; отъ половцевъ, бывшихъ за Яикъ, осталось въ воспоминаніе только одно название рѣкъ Узеней²⁾, тѣ, слившись съ татарами, жили послѣдовательно узы (оловцы) въ названіе этого места и рѣкъ отъ нихъ перешло къ татарамъ, а отъ послѣдніхъ къ казакамъ на Яикъ.

Въ 1236 г. Батый со всей своею ордою напалъ на верхнихъ болгаръ, взялъ ихъ столицу Валкій Городъ на Волгѣ (ниже устья р. Камы) и истребилъ почти всѣхъ жителей, а въ слѣдующемъ году ворвался въ руссіе предѣлы, взадъ Москву, разорилъ земли и, обложивъ русскихъ князей тяжелой данью, съ массою русскихъ плѣнныхъ вернулся со своею ордой на Донъ, Волгу и Яикъ. Съ этого года Россія стала даніцей татаръ и находилась подъ ихъ ярмомъ около двухсотъ лѣтъ.

Извѣстный путешественникъ Плано-Карпини³⁾, посѣтившій берега Яика въ 1246 г., описывая землю кумановъ (половцевъ, они же узы) по сю сторону р. Яика и далѣе за нею землю киаглей, между прочими говорить, что въ землѣ команской было четыре рѣки: Даиръ, Донъ, Волга и Яикъ, т. е. Яикъ, и что въ этой землѣ близъ юга подъ руси были „морда, билеры, сирѣчъ булгарія, бастраки иже есть венгры“, подразумѣвая подъ бастраками башкаръ; далѣе же онъ пишетъ: „команская земля есть велика и долгаго пространства, ея народъ большую частью искоренѣ отъ татаръ, а проще всѣ скрылись, а остатокъ пребылъ въ работѣ подъ ними; но и тѣ, которые было укрылись, многіе возвратились и подверглись подъ иго ихъ“.

Изъ этого описанія можно вывести только одно заключеніе, что это была печальная пустыня, въ которой только „подобно помету лежали кости мертвыхъ людей“—жертвы Батыева нашествія.

Спустя семь лѣтъ тутъ проѣхалъ другой путешественникъ Рубриквистъ⁴⁾,

¹⁾ Караханий. Исторія Государства Россійскаго, т. III, стр. 175, примѣчаніе 355. Эти строки лѣтописи окончательно подтверждаютъ, что гор. Саксынъ лежалъ на р. Яикѣ.

²⁾ Хозяйств. опис. Астрах. и Кавказ. губ. 1809 г., стр. 69.

³⁾ Плано-Карпини—итальянскій монахъ въ 1245 г. былъ оторванъ напою Иннокентіемъ IV во главѣ послѣднихъ къ татарамъ. Посольство проѣхало черезъ Польшу, Кіевъ и половецкія станицы въ станъ Батыя, который отправилъ его вглубь Азіи ко двору первоконного хана въ Каракорумъ въ хану Гаюбу, где, проживъ иѣсколько недѣль, онъ отправился въ обратный путь. Онъ оставилъ о своемъ путешествии любопытныя замѣтки о нравахъ татаръ и монголовъ. На русскомъ языке соч. Плано-Карпини изѣтъ въ „Сборнѣи путешествийъ къ татарамъ“ Языкова, Саб., 1825 г.

⁴⁾ Рубриквистъ, ионахъ, былъ отправленъ въ 1258 г. Людовикомъ IX французскимъ къ монгольскому хану Магу. Онъ посетилъ Крымъ, южную Россію, Кавказъ, Сибирь и Среднюю Азію. Его весьма интересныя путевые записки переведены на русский языкъ и изданы Д. И. Языковымъ въ 1825 г.

который говорить слѣдующее: „Въавша около двѣнадцати дней отъ рѣки Этилія (отъ Волги), обрѣли мы другую большую рѣку, именуемую Ягакъ (Яикъ), которая истекаетъ изъ полуночныхъ странъ земли паскаторъ (башкеръ) и впадаетъ въ сіе море (Каспійское, о которомъ онъ говорить раѣ); языкъ же паскаторскій и венгерскій есть одинъ, въ оные суть все пастыри (т. е. ко-чующіе народы-скотоводы), не именующіе ни единаго города, ни пригорода; со стороны западной граничатъ они съ Великою Булгаріею и этой земли къ вос-току. Въ сихъ полуночныхъ странахъ не находится уже ни единаго города, т. ч. Малая Булгарія (т. е. Дунайская, куда еще ранѣе этого ушла часть болгаръ) есть послѣдняя страна, гдѣ оные есть“.

Слѣдовательно и Рубриквишь на всемъ протяжениі южной Россіи и по Яику встрѣтилъ лишь одну пустыню, населенную остатками кочевыхъ народовъ, уцѣльвшихъ отъ Батыева нашествія. Въ ней не было ни одного города.

На обратномъ пути изъ Каракорума въ 1255 г. онъ уже говорить о построеніи г. Сарая¹⁾ на Волгѣ, будущей столицы Золотой орды. Въ 1335 г. фло-реантинецъ *Леголетти*,ѣздившій въ Азію съ караваномъ геаузскихъ куп-цовъ уже говорить и о городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ²⁾ и даже опредѣляетъ разстояніе между Сарайчикомъ, Сараемъ и Ургенчемъ.

Но кто же были эти страшные завоеватели, оставлявшіе за собою только развалины сель и городовъ и поля, усыпанные трупами побѣжденныхъ ими народовъ?

Это были такие-же кочевники, лакіе, храбрые и не боявшіеся смерти, какъ и бывшіе предъ тѣмъ другіе подобные-же народы. Но этотъ народъ, съ которымъ Русь вела безпощадную и кровавую, почти четырехсотъ-лѣтнюю борьбу и съ которымъ пришлось стоять лицомъ къ лицу на Яикѣ первыми азиатами казакамъ, по виду былъ совершенно не похожъ на другихъ, бывшихъ до сихъ поръ на югѣ Руси завоевателей. У нихъ были выдающіеся скелы, пропиллюстнитъ носъ, узкіе, маленькие глаза съ большими, чѣмъ у другихъ илемъ, разстояніемъ между вими. Они были не большого роста, имѣли рѣдкіе волосы на бородѣ и усахъ. Жили они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланнныхъ изъ хвороста и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ, вверху которыхъ было от-верстіе для свѣта и выхода дыму, потому что посрединѣ юрты у нихъ всегда былъ разведенъ огонь. Эти юрты легко разбирались и складывались и возились на телѣгахъ. Главное богатство изъ было въ скотѣ: въ верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадахъ. Вѣроили въ одного Бога, но этому Богу они не молились и не чествовали его, а приносили жертвы идоламъ, сдѣланннымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщавшимъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами клади изображеніе сосковъ, считая ихъ охранни-

¹⁾ Сарай — столица хановъ Золотой орды лежала на берегу Волги тамъ, гдѣ нынѣ находится г. Царевъ. Развалины Сарая сохранились до сихъ поръ. При раскопкахъ, произведенныхъ тамъ въ 1843—47 г.г. найдены массы золотыхъ, серебр. и мѣдн. монетъ татарскихъ, турецкихъ и индійскихъ съ 1310 г., кольца, серги и др. предметы, а также и золотая корона хана Джанибека (хранящаяся въ Бѣлѣ).

²⁾ Развалины Сарайчика находятся недалеко отъ нынѣшней Сарайчиковской станции.

телей стадъ. Еоготовили умершихъ хановъ, изображеніемъ которыхъ приносили жертвы, и клади поклоны, смотря на югъ. Сильно держались суевѣрныхъ преданій, напр., считали грѣхомъ дотронуться ножемъ до огня, бичевь до стрѣль, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить одну кость о другую, пролить на землю молоко или какой либо другой напитокъ и т. п. Молнию они считали огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба и могущимъ оплодотворить женщину. Вѣрили въ будущую жизнь, но думали, что и тамъ будутъ вести такую же жизнь, какъ и на землѣ. Вѣрили гаданіямъ и чарашъ; вѣрили, что огонь все очищаетъ и потому иностраннѣхъ пословъ и русскихъ князей съ дарами проводили сперва между двухъ огней, чтобы они не могли принести хану какого либо зла. Не было ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Бралились они между собою рѣдко и никогда не дрались. Воровъ у нихъ не было и потому кибитки ихъ никогда не запирались; другъ съ другомъ они были общительны, помогали въ нуждѣ; были выдержаны и терпѣливы, могли нѣсколько дней оставаться безъ пищи и быть въ то же время веселыми—пѣть, играть, какъ будто сътко пообщдали. Они легко переносили также холода и жаръ; жеаны ихъ были цѣломудрены на дѣлѣ, но невоздержанны на непристойныя слова. Татары любили пить, но и въ пьяномъ видѣ не любили браниться и никогда не дрались между собою. Татары могли имѣть женъ кто сколько хотѣлъ, покупая ихъ дорогую цѣной у родителей послѣдовихъ. На женщинахъ лежали всѣ хозяйственныя работы. Вообще же женщины у татаръ пользовались большими уваженіемъ; щадить ихъ по возможности было закономъ.

Мужчины ихъ ничѣмъ не занимались кромѣ стрѣльбы изъ лука, и еще нетрудною заботою о стадахъ; большую же часть времени они проводили на охотѣ и были поэтому отличными стрѣлками. Дѣти съ 2—3 лѣтъ начиналиѣздить верхомъ и стрѣлять въ цѣль. Даже женщины и дѣвушкиѣздили верхомъ и имѣли луки и стрѣлы. Татары, столь обходительные другъ съ другомъ, были столь же раздражительны въ гаѣвливы съ чужими, лживы, ковары, страшно жадны и скучны и сварливы: убить человѣка имѣть ничего не стоило. Наконецъ оазы были очень неопрятны и неряшловы.

Татары были страшны и грозны своею военною организацией. Всѣ они были воины. Чингизъ-ханъ опредѣлилъ, чтобы надъ каждымъ десятюю человѣками былъ одинъ начальникъ—десантникъ; надъ десятюю десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятюю сотниками—тысячникъ. Надъ десятюю тысячниками особый начальникъ, а число войска, ему подчиненного, называлось тьмою. Сторожевые отряды назывались караулами. Бѣглецы съ поля битвы (если бѣгство не было общимъ) умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе предавались смерти; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ пленъ, а товарищи не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Кажд-

дый татаринъ долженъ бытъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненіи стрѣлами, тошоръ и перевки для того, что бы тащить осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣли краяя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; у вѣкоторыхъ были броши и для себя и для лошадей изъ кожи; у нихъ были щиты, сдѣланные изъ хвороста. По приказанию Чингизъ-хана татары не должны были щадить имѣнія и жизнь враговъ, т. е. плодъ пощады — сожалѣніе противно духу воина. Миръ заключали они только съ тѣми народами, которые признавали ихъ господство. Условія, при которыхъ они принимали другіе народы въ подданство, были слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому требованію и давать десятину отъ всего: отъ людей, отъ вещей; у русскихъ брали они лесятаго отрока и дѣвицу, которыхъ отводили въ свои кочевья и держали въ рабства, а остальныхъ жителей перечисляли для сбора податей. Батый имѣлъ до 600 тысячъ воиновъ, изъ которыхъ было 160 тысячъ татаръ, а 450 тысячъ иноплеменниковъ — христіанъ и другихъ подданныхъ.

На востокѣ отъ этой орды за Яикомъ до псковъ Каракорума жила другая орда, называемая Золотой или Синей ордой, управляемая особымъ ханомъ.

Таковы были новые завоеватели, съ которыми суждено было Россіи вести безпрерывную многогодковую и кровавую борьбу, въ разгарѣ которой впервые появился на Руси передовой борецъ ея и хранитель ея границъ — безстрашный и отважный казакъ.

II.

Борьба Москвы съ татарами и образование казачьихъ общинъ на Руси.

„Въ стары времена Россия была земелька небольшая, слабосильная. Коли устояла она, коли воззречилась надъ вѣлиніи царствами и имѣніи, въ томъ много ей помогли казаки—лыцари, вѣлъ казаки: и донскіе, и терскіе, и запорожскіе, и волжскіе, и сибирскіе, и лицкіе—они по границамъ россійскимъ краемъ держали и басурмановъ усмирять. Бытъ казаковъ не зналъ чтобы съ Россію было“.

Соч. Железнова. „Уральцы“. Ч. III. Три Ивана. Разсказъ казака Ивана Чакрынина.

Обложивши русскихъ давно, татары болѣе ихъ не беспокоили; отличаясь вѣротерпимостью, они не принуждали русскихъ привинать свою религію.

Но гнѣвъ порабощенія былъ силѣвъ и тяжелъ. Великій князь могъ быть визнанъ только по халкской грамотѣ; пріѣзжавшіе татары за сборомъ да-ли грабили русскія села и города.

Медленно поправлялась Россія отъ нанесенного ей жестокаго пораженія, и разрушенныя области долгое время были пустынны и необитаемы.

При Батыѣ была построена за берегу Волги столица хана Сарай и по смерти Батыя его преемникъ Берге въ 1260 г. принялъ исламъ; эта новая религія татаръ быстро распространялась среди кочевниковъ, превращавъ къ ней дикой храбости мусульманскій фанатизмъ. Но, на счастье Руси, могущество Золотой орды продолжалось не долго; орду разѣдѣли пережитки родового быта—усобицы родовъ. Уже въ концѣ XIII вѣка одинъ изъ главныхъ полководцевъ Сарайскаго хана по имени Ногай, отказался ему повиноваться и, отдѣлившись съ частью татаръ отъ главной орды, образовалъ въ пространствѣ между Яикомъ, Волгой и Камой независимую орду, которая по его имени и стала называться *Ногайской*, столицею которой стала г. Сарайчикъ на р. Яикѣ.

Послѣ этого орда значительно ослабла и русскіе князья стали дѣйствовать сильнѣ. Во всѣхъ русскихъ областяхъ начинаетъ прорываться у народа ненависть къ своимъ угнетателямъ. Такъ когда однажды изъ мурза Татай въ 1367 г. напалъ на Рязань и выжегъ ее, русскіе князья напали на него сами и разбили за голову. Въ тотъ же годъ болгарскій мурза Булатъ-Темиръ напалъ на приволжскіе города, но князья погнались за нимъ и разбили татаръ у р. Пьяны, где большая часть ихъ утонула.

Эта победы ободрили русскихъ князей и постепенно стали вспыхивать возмущения противъ татаръ; такъ въ 1374 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ въордъ перебилъ больше тысячи татаръ, прѣхавшихъ со своимъ посольемъ къ князю Дмитрію Константиновичу и нагло оскорблявшихъ его.

Но вотъ въ 1377 г. Заяцкій ханъ Арапша съ береговъ Свягаго или Аразьского моря пришелъ изъ за Яика и съ согласія сарайскаго хана Мамая, соединившись съ мордвою, напалъ на русскіе предѣлы. Выступивши противъ него русскія войска при битвѣ за р. Пьяни онъ разбилъ за голову. Русское войско погибло почти все. На плечахъ бѣжавшихъ остатковъ русской рати татары ворвались въ Нижній-Новгородъ и разорали всю область, другая орда взяла Рязань и разорила и эту область. Обѣ эти области представляли груду развалинъ; тысячи пленныхъ русскихъ ушли съ собою татары въ степь.

Главными виновниками этого разгрома русскіе считали морду и потому осенью этого же года русскіе князья въ отомщеніе разорили морду и взяли въ пленъ почти всѣхъ жителей.

Мамай, разсерженный этими, т. к. морда была подъ его верховнымъ правлѣніемъ, послалъ своихъ военачальниковъ наказать русскихъ и за слѣдующій годъ толпы татаръ наводнили Нижегородскую землю.

Русскіе князья въ свою очередь * начали на грабившихъ землю татаръ, разбили ихъ; тысячи татарскихъ труповъ покрыли поле битвы. Слабые остатки татаръ едва спаслись отъ преслѣдованія русскихъ. Это была первая большая победа русскихъ.

Мамай рѣшилъ отомстить русскимъ и ждалъ удобнаго случая и ваконецъ 1380 г. выступилъ на Московскія земли съ громаднымъ войскомъ. Великій князь Дмитрій Донской въ свою очередь стала собирать русскія войска и 8-го сентября на Кулачковомъ полѣ участъ Мамая была рѣшена: татары были разбиты въ самъ Мамай едва спасся отъ пѣна. Послѣ этой знаменитой въ исторіи Россіи и рѣшительной битвы, русскіе уже перестали бояться татаръ и временно свергнули съ себя вхъ постыдное и тужелое иго.

Но торжество русскихъ было недолго. Въ 1381 г. волынъ Яика перевалили черезъ себя новую ликую орду, вышедшую изъ глубинъ Азіи. То былъ Заяцкій ханъ Токтамышъ, потомокъ Чингиз-хана, который, получивъ въ свой удѣль отъ Тамерлана Кинчакскую орду, двинулся со всемъ своей ордой получить ханство Мамая. Между нимъ и Мамаемъ на берегу р. Калки произошла битва и Мамай былъ разбитъ и бѣжалъ въ Крымъ, а Токтамышъ въ слѣдующій годъ разбилъ Московское княжество, взялъ Москву; испепеливъ ее, перебивъ массу жителей онъ вернулся въ Сарай, уводя съ собою тысячи пленныхъ и награбленное имущество¹⁾.

¹⁾ Послѣ ухода татаръ великий князь Дмитрій Донской давалъ за погребеніе 80 ткаль по 1 руб. и издерживалъ на это 300 рублей. Слѣдовательно было погребено 24 тыс. челов. (Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. 3, стр. 366).

Россія слова подпала подъ иго татаръ, слова татары собирали дань и разъѣзжать по русскимъ городамъ и селамъ. Снова великие князья должны былиѣздить въ орду на поклоны.

Прошло одиннадцать лѣтъ и на берегахъ Яика въ 1392 году появились без счетныхъ полчища знаменитаго завоевателя и владыки всей Азіи грознаго Тамерлана. Онъ шелъ наказать своего вѣроломнаго ставленника Тохтамыша. Тохтамышъ собралъ свою орду, перешелъ Волгу и здѣсь въ степяхъ между Яикомъ и Волгой разыгралась еще невиданная прічиною степью грандиозная битва. Около миллиона воиновъ участвовало въ ней.

Тохтамышъ былъ побѣженъ и бѣжалъ за Волгу, а победитель половины міра „на ея берегахъ великолѣпо праздновалъ свою побѣду среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносилѣ яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ“.

Удовольствовавшись побѣдою, Тамерланъ возвратился обратно.

Прошло три года и снова на берегахъ Яика появились полчища Тамерлана. На этотъ разъ грозный завоеватель переправлялъ свои орды за Яикъ съ цѣлью окончательно уничтожить ненавистнаго и даже послѣ побѣды не признававшаго надъ собою власти Тохтамыша. На этотъ разъ враги сошлись на берегахъ Терека. Тохтамышъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ за Волгу. Въ этой жестокой сечи, какъ пишутъ наши лѣтописи, татары гибли „тмами“.

Такъ одна орда вырѣзывала другую и облегчала русскимъ ихъ тяжелое иго. Разгромивъ Тохтамыша, Тамерланъ двинулся въ Рязанскую область, сжегъ Рязань и, ограбивъ, разоравъ ее и взять плѣнныхъ, круто повернулъ на югъ, гдѣ, спустившись по Дону, разорилъ Азовъ и взялъ самыя неприступныя крѣпости Грузіи; послѣ этого повернулъ на Волгу, разрушилъ и срылъ до основания столицу хановъ Сарай и снова скрылся за Яикъ въ свои стени.

Послѣ этихъ двухъ битвъ Кинчакская орда потеряла окончательно свою силу и хотя и не была такъ страшна, какъ во времена своего могущества, но все-же съ ея дикою силою въ набѣгами Москва считалась еще почти цѣлыхъ двѣстѣ лѣтъ и вела съ татарами саму непримиримую кровавую и безпрерывную борьбу.

Теперь татары уже не властвовали надъ Россіей, а довольствовались подарками, которые посыпали имъ московскіе князья. Сами татары уже не ходили на Русь покорять ее, а лишь дѣлали безпрерывные набѣги для грабежа и захвата плѣнныхъ.

У татаръ все время шла междуусобія и только въ 1412 г., когда въ Золотой ордѣ воцарился сынъ Тохтамыша Зелени-Султанъ, великий князь Василій Дмитревичъ поѣхалъ въ орду съ подарками хану и со всѣми своими веномъжами, но эта была послѣдняя поѣздка и послѣдніе слѣды татарскаго ига надъ Москвою.

Приблизительно въ это же время наши лѣтописи упоминаютъ о казакахъ¹⁾. Это было въ 1444 г., когда султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ татаръ и, разоривъ ея села и волости, захвативъ богатую добычу и массу пленныхъ, онъ остановился недалеко отъ Рязани и сталъ ихъ продавать на выкупъ пришедшимъ къ нему рязанцамъ. Цѣлые были выкуплены и Мустафа опять пошелъ на Рязань, но изъ этого разъ уже съ миромъ. Ему необходимо было перезимовать въ городѣ, потому что оставаться въ степи не было ни какой возможности — аса степь съ осени была сожжена пожаромъ, зима же была лютая съ большими снѣгами и сильными вьюгами; отъ безкорыстія лошади у татаръ перемерзли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великий князь отправилъ на Мустафу двухъ своихъ воеводъ — князя Василія Оболенскаго и Андрея Гольяева „съ дворомъ своимъ да мордуя на лыжахъ²⁾. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на р. Листини, потому что рязанцы не пустили его въ свой городокъ. Татары полузымерши, безконные, не могли владѣть луками по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ мордвы и отъ казаковъ Рязанскихъ; казаки пришли вооруженные „сулицами, рогатинами и саблями³⁾. Не смотря на свое беспомощное состояніе татары рѣзались крѣпко, по выражению лѣтописца живыми въ руки не давались и были сломлены только превосходнымъ числомъ русскихъ. Мустафа былъ убитъ.

Но кто же были эти казаки? Откуда и какъ появились они на Руси.

Еще въ XI и XII вѣкахъ въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются по юго-восточнымъ границамъ русскихъ княжествъ различное населеніе, сливущіе, то подъ именемъ черныхъ-клобуковъ, то берендьевъ, коуевъ, турльевъ, торковъ и бродниковъ. Изъ лѣтописей видно, что они находились подъ властью своихъ воеводъ или же князьковъ; видно также, что ихъ образъ жизни былъ полукочевой, полуосѣдлый. „По всей вѣроятности это были сбродныи и бродячіи шайки вродѣ позднѣйшихъ казаковъ“ пишетъ объ нихъ Соловьевъ³). Торки упоминаются уже въ 1114 г.: „битеся половцы съ торки и печенѣги у рѣки Дозу и сѣкоша сѧ два и двѣ нощи и предоша торды и печенѣги ко Владимиру“ (Мономаху). Къ этому Каракзанъ заіѣчаетъ⁴): „Гдѣ въ однихъ лѣтописахъ говорится о торкахъ, берендѣахъ и печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только черные клобука. Сie имъ было для нихъ общимъ и лазо имъ безъ сомнѣнія отъ черныхъ шапокъ. Сахъ же черныхъ клобуковъ называли черкасами“. Это подтверждается словами кievской

¹⁾ В историческом очерк казачьих войск М. Хорошнина, 1884 г., онъ говоритъ, что о казакахъ впервые упоминается въ 1380 г., поднесшихъ Дмитрию Донскому, послѣ Куликовской битвы, образъ Гребенской Божией Матери. Въ истории никогда объ этомъ не упоминается, а потому этотъ вопросъ остается открытымъ.

²⁾ Соловьевъ „Ист. Росс.“, т. 4, стр. 64 и 244.

³⁾ Ист. Рес., т. 3, стр. 38—39.

⁴⁾ Ист. Гос. Рес., т. 2-й, прилѣч. 218.

лътописи: „и склонг свою дружину (въ 1141 г.) пойде поимя съ собою Ва-
чеславъ полкъ весь и всѣ черные клобуки, еже зовутся черкасы”¹⁾). Прибыв-
шихъ къ Владимиру Мономаху въ 1114 г. половцѣ и торковъ оль вынуж-
дены быль прогнать, т. к. они „любы грабежъ, не могли кочевать тамъ (въ
Переяславль) спокойно. Однако жъ многие изъ нихъ остались на Днѣпрѣ и
были известны подъ общемъ именемъ черныхъ клобуковъ и служили рос-
сіанамъ”²⁾.

О бродникахъ въ первый разъ упоминается въ 1147 г. Сватославъ, идя
войною за Смоленскъ, соединился съ ханомъ половецкимъ, со своимъ дадей
и такъ называемыми бродниками.

Говоря объ нихъ, Каразинъ³⁾ говоритъ: „Сіи люди были христіане, оби-
тали въ степяхъ донскихъ среди варваровъ, угодоблялись имъ дикою жизнью
и, какъ вѣроятно, состояли большою частью изъ бывшихъ русскихъ. Оия за
деньги служили нашимъ князьямъ въ ихъ междуусобіахъ”. Во время битвы
на берегахъ р. Калки въ 1224 г. бродники присоединились къ татарамъ,
у нихъ быль свой воевода *Плюсими*; послѣдній цѣловалъ брестъ Мстиславу
и другимъ князьямъ, что если они садутся, то татары не убьютъ ихъ, но
отпустятъ на выкупъ; князья повѣрали, сдались и были задавлены: татары
подложили ихъ подъ доски, на которыхъ сѣли обѣдать⁴⁾.

Что среди половцевъ обитало не мало русскихъ людей, порвавшихъ связь
съ Россіей и, надо думать, видно изъ записокъ Плано-Карпини
(въ 1246 г.) „Начальники монгольськіе, пишетъ онъ въ земляхъ, завоеван-
ныхъ, именуются басаками и при малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь
людей безоружныхъ: такъ истребили они великое число россіанъ, обитавшихъ
въ земль половецкой”. Въ своемъ замѣчаніи⁵⁾ по этому Каразинъ говоритъ,
что эти люди, вѣроятно, были бродники, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи.

Объ этихъ людяхъ, жившихъ среди половцевъ и, поздаче, среди татаръ,
упоминается и у Рубриквиса (1253 г.). Озы говорить, что между Волгою
и Дономъ въ станѣ монгольскомъ и въ окрестностахъ находилось множество
россіанъ, венгровъ (башкирцевъ) и ясовъ, которые, составляя какъ-бы на-
родъ особенный и занимающа землиъ своихъ побѣдителей, скитались въ сте-
пяхъ, занимались разбоемъ и грабили путешественниковъ⁶⁾.

Далѣе изъ исторіи видно, что черкасами наши лѣтописи называли малорос-
сійскихъ казаковъ. Такимъ образомъ все эти берендеи, бродники, торки и дру-
гие были вичто иное какъ первые русские казаки, ядромъ которыхъ были
малороссы. Въ то время, какъ на югѣ Россіи по привольнымъ степямъ юти-
лись берендеи, бродники и другіе вольные люди, не признававши надъ собою

¹⁾ Каразинъ. Ист. Госуд. Рос., т. 2-я, примѣч. 374.

²⁾ Тамъ-же, т. 2, стр. 99.

³⁾ Тамъ-же, т. 2, стр. 142.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 2-я, стр. 450.

⁵⁾ Каразинъ. Ист. Гос. Рос., т. 4, стр. 36.

⁶⁾ Тамъ-же, т. 2, примѣч. 302 и т. 4, стр. 38.

и чьей власти, въ восточной Россіи въ верховьяхъ Волги, народилась другая вольница, известная у нашихъ лѣтописцевъ подъ названіемъ ушкуйниковъ.

Подвигами ушкуйниковъ и ихъ разбойни пестрить вся наша история того времени.

Уже въ 1366 г. наши лѣтописцы упоминаютъ о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ Дмитріемъ Иоанновичемъ Донскимъ. Причиною этой ссоры были разбоя Новгородскихъ ушкуйниковъ. Въ 1360 г. эта вольница взяла гор. Жукотинъ на р. Камѣ, перебила много татаръ въ разграбила ихъ богатства. Всѣдѣль за этимъ идетъ цѣлый рядъ набѣговъ ушкуйниковъ на приволжскіе города, въ 1369 г., „осень шло Волгою 10 ушкуевъ (разбойничихъ судовъ), а иные шли Камо... въ слѣдующемъ году дважды ходили ушкуйники Волгою и много зла надѣлали. Въ 1371 г. ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 г. разбойники въ 90 ушкуяхъ пограбили Вятку; потомъ взяли г. Болгары и хотѣли замѣчъ городъ, но жители откликнулись за 300 рублей, послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 — вверхъ, добрались до Обухова, опустошили все. Засурва и Марквашъ, высадились на лѣвый берегъ Волги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ и дорогую разорили много сель на берегахъ Ветлаги. Въ 1375 г., въ то время когда великий князь Дмитрій стоялъ подъ Тверью, Новгородскіе разбойники на 70 ушкуяхъ подъ начальствомъ Прокона и какого-то Смоллячика взялись подъ Костромою; тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ 5000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1500 человѣкъ. Но Проконъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступили въ битву съ костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые вошли въ беззащитный городъ и жила здѣсь цѣлую недѣлю, грабя дома и забирали въ олѣнь жителей; они забирали съ собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, пѣнниковъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижний Новгородъ, они повернули въ Каму, и помедливши тутъ некоторое время, вошли въ Волгу, въ г. Болгарахъ продали басурманамъ женъ и дѣвицъ, плененныхъ въ Костромѣ въ Нижнемъ въ поплыли въ посадахъ по Волгѣ внизъ къ Сараю, грабя гостей (купцовъ) христіанскихъ, а басурмановъ побили; они донесли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь Астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обмазонъ¹⁾.

Такие же разбои повели и къ ссорѣ Новгорода со Спиковымъ въ 1390 г., но ушкуйчество не прекращалось: подъ слѣдующемъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другие собрались и вошли въ посадахъ

1) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 3, стр. 371, 373 и 374.

и ушкулхъ рѣкою Ваткою и Камою, взали Жукотинъ, Казань, выплыли по-
томъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей¹⁾).

Таковы были ушкуйники.

Замѣчательно, что послѣ 1444 г., послѣ упоминанія о Рязанскихъ каза-
кахъ наша лѣтопись уже болѣе ни разу не упоминаютъ ни о черныхъ-кло-
букахъ, ни о бродникахъ, ни объ ушкуйникахъ,—они исчезаютъ изъ исторіи
Россіи и вместо нихъ на тѣхъ-же мѣстахъ появляются на сценѣ казаки подъ
разными наименованіями, ушкуйники уже называются Волжскими казаками, хотя
название судна „ушкуй“ существуетъ до конца царствованія Ивана Грознаго.
Но и они уже плавать не ушкуйники, а казаки²⁾.

Но когда и въ силу какихъ обстоятельствъ эти русскіе бѣглецы утратили свои
первоначальные имена и стали называться казаками, исторія намъ не говорятъ.
Можно предположить только одно, что жили среди татаръ болѣе 200
лѣтъ, эти люди привыкли ихъ обычай и настолько усвоили ихъ нравы, что ста-
ли въ концѣ концовъ называть себя такъ-же, какъ назывались у хановъ и
мурзъ ихъ воины т. е. казаками.

Что у татаръ такъ называлась легкая конница видно изъ многихъ примѣ-
ровъ. Такъ, когда въ 1477 г. крымскій царевичъ Зенебекъ запросилъ вели-
каго князя Иоанна III—можетъ ли онъ найти у него безопасное убѣжище,
въ случаѣ изгнанія, то Иоаннъ отвѣталъ: „Еще не имѣя ни силы ни власти
и будучи единственнымъ казакомъ ты спрашивалъ меня найдешь-ли отдохновен-
іе въ моей землѣ?“ и т. д.³⁾.

А въ 1481 г., когда ханъ Ахметъ возвратился съ богатою добычей изъ
кабѣга, изъ Литви, „приде царь Иванъ (ногайскій) въ Ногай, а съ нимъ
сили 1000 казаковъ и взадъ съ собою шурью свою изъ Ногай, а съ нимъ
сили 15 тысячъ казаковъ⁴⁾). Изъ этихъ примѣровъ видно, что отборная и
легкая конница татаръ носила название казаковъ.

Киргизы до сихъ поръ называютъ себя казаками.

Съ развитіемъ казачества название казакъ означало на Руси вольнику,
заѣздниковъ, удальцовъ. Самое характерное значеніе казака находимъ въ пись-
мѣ Ногайскаго князя Уруса къ Ивану Грозному: „я твой казакъ,—пишеть
онъ—и твоихъ воротъ чловѣкъ; братству моему знамя то: захватъ илад-
ши мои братья или дѣти въ вашу сторону войною ити, то я, если смогу
ихъ унять, умру: если не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю“⁵⁾.

Такимъ образомъ въ серединѣ XV вѣка въ южно-русскихъ предѣлахъ и
на юго-востокѣ Россіи появляются казаки; они живутъ на Днѣпре: Мало-

1) Соловьевъ, Ист. Рос., т. 4, стр. 15.

2) Такъ, въ 1554 г. въ лѣтописи говорится: „Угонилъ Атамазъ Бедыка Павловъ ушкуль (на Ка-
слійск. морѣ) съ дѣвками царевыми (казанс. цари дочери), да и набаты цареви“... Карамзинъ. Ист.
Гос. Рос. т. 8, прил. 408).

3) Карамзинъ, т. 6, стр. 57.

4) Карамзинъ, т. 6-й, примѣч. 240.

5) Соловьевъ, Ист. Рос. т. 6-й, стр. 123.

российские казаки, или по русскимъ лѣтописямъ „черкасы“, Рязанскіе въ верховьяхъ Дона и за Волгѣ Волжскіе.

Пополнившись все новыми и новыми выходцами изъ Руси, они широкимъ кольцомъ опоясываютъ южную часть Руси, располагаются на пустынномъ „поле“, отдѣлающемъ Русь отъ хищной орды татаръ, и постепенно образовываются тамъ свои вольные общины и современемъ уходить и за это дикое „поле“ и захватывать далекія „запольныя рѣчки“ Донъ, Терекъ и Икъ.

Но кто же были эти люди, почему онишли изъ Руси въ широкія вольныя степи, предпочитая буйную и полную опасности боевую жизнь тихой и мирной обстановкѣ на своей родинѣ?

Въ каждомъ государствѣ всегда были и есть люди, недовольные тѣмъ или другимъ порядкомъ, люди угнетаемые, люди думающие, что ихъ угнетаютъ, или люди неподходящіе подъ рамку обыденной политической жизни общества.

Неурадицы въ древней Руси настолько извѣстны, что о нихъ я не буду распостраняться. Вѣчныя междусобія и страшные поборы воеводъ — все это давило и ложилось тяжелымъ ярмомъ на простой народъ, который все это выносилъ на своихъ плечахъ и выносилъ стойко и долго. Одно татарское иго лежало на его плечахъ цѣлыми столѣтіями.

Одну изъ тяжелыхъ и грустныхъ картинъ жизни народа рисуетъ наше лѣтописецъ при управлении Русью бояръ во время дѣтства Ивана Грознаго: „Потомъ (бояре) за города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были — исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлавъ себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣвали вельможами; думали, что править и строить, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія, изду беззѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали по мѣдѣ“¹). И молодой Иванъ Грозный въ рѣчи къ народу съ лобзаго иѣста во всеуслышаніе всей земли русской говоритъ, что власть килзей и бояръ, лихомицѣй, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась; что она самъ будетъ теперь судья и оборона²). Но царствованію Ивана Грознаго не суждено было облегчать тяготы народной и наши лѣтописи, передавая обѣ этомъ времена и о дѣлахъ его опричина, съ тревоговою сообщаютъ, что многія села и деревни запустили и вародъ бѣжалъ цѣлыми массами.

Бѣжалъ народъ куда глаза глядѣть, бѣжалъ, бросалъ свои разоренные дома... Бѣжалъ на Волгу, на Донъ, на Дѣвиръ къ черкасамъ, подальше отъ неправыхъ судей, отъ алчныхъ бояръ, отъ тяготы, неурядицы и отъ произвола, царившаго на Руси. Бѣжалъ „въ молодечество“, „казаковать“, потѣшить свою удачу, бить некристей — басурманъ.

Всюду по областямъ шло бѣгство народа. Въ 1502 г., отправляя Кафтанскаго послы, Иоаннъ III писалъ Рязанской книагиѣ Агриники: „а ослушается

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 6-й, стр. 48.

²⁾ Тамъ-же, стр. 64.

кто и пойдет самодуром на Донъ въ молодечество ихъ бы ты Агрипина, велѣла казнити, вдовьемъ да женскимъ дѣломъ не отпирайся; а по уму бабью не учнешь казнити, ино ихъ май велѣти казнити и продавати¹⁾.

Но ни казни, ни жестокія избы не сдерживали народа: онъ уходилъ толпами.

Стараясь въ свою очередь колонизовать свои украины, московское правительство, давая разрѣшенія въ заселенію кѣста, обычно приказывало новоселамъ: „людей къ себѣ звать не тяглыхъ въ не писменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не ябедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, которые изъ городовъ и волостей выбиты²⁾“.

Куда же было дѣваться этимъ людямъ, выбитымъ изъ городовъ и волостей, которыхъ даже вновь возникающія села на украинахъ русской земли не имѣли права принимать къ себѣ?

Конечно и эти люди шли туда-же въ дикое „поле“, въ невѣдомые имъ края, гдѣ не было ни московскихъ воеводъ, ни земской тяготы. Они склонились тамъ, соединились въ военные общества, имѣвшія свою организацію, для которыхъ война служила главнымъ занятіемъ. Они называли себя казаками, „лыцарями“, предпочитая жизнь безъ всякой зависимости отъ кого-либо, жизнь воинственную, привольную, жизнь разгульную, жизнь въ степи на границахъ и даже за границами государства.

Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное извѣстному, составляли самую отважную, самую воинственную часть населения. Въ исторіи Россіи они имѣли важное значеніе какъ колонизаторы пустынныхъ степей, какъ пролагатели путей къ новымъ жилищамъ. Отвага и удаль нужны человѣку, чтобы бросить родину и итти искать счастье въ степь въ невѣдомыхъ ему краяхъ; эта-же отвага и рѣшимость поддерживались въ немъ и далѣ при безпрерывной борьбѣ со степными хищниками, зная, что онъ предоставленъ самому себѣ и что сзади на родинѣ его ждетъ не поддержка, а можетъ быть неволя и муки.

Существованіе казаковъ на границахъ Московскаго Государства, какъ посланецъ-воиновъ, готовыхъ во всякое время отразить нападеніе врага, было весьма важнымъ для Москвы. Понятно поэтому, что первые посланники появляются Рязанскіе казаки, т. к. Рязанская Украина болѣе всего подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. Уже въ княжествѣ Василія Иоанновича московское правительство употребляло ихъ съ пользою при сношеніяхъ съ турецкими султансами въ Крымѣ: они провожали пословъ и указывали дороги болѣе безопаснѣя въ степи; на запросы, гдѣ лучше сходиться ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, Рязанскіе казаки отвѣчали, что „на полдорогѣ отъ Азова къ московскимъ границамъ находятся переволоки; на этой переволокѣ (между Дономъ и Волгой) прибой людамъ

¹⁾ Иловайский. Истор. Рязанск. княжества. Моск. 1858 г., стр. 224.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 480.

астраханскимъ, и тутъ послы съмъ провожатыи скодиться нельзя; надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великаго князя Українѣ, но всего лучше назначить съѣздъ на Хопрѣ¹⁾). Тогда уже Рязанскіе казаки знали всѣ степи до Чернаго моря.

Потомъ, съ развитиемъ поселеній Рязанскіе казаки, вѣроятно, спустились на Донъ и потерявъ свое первоначальное название стали известны въ исторіи подъ именемъ Донскихъ.

Между тѣмъ татарская орда, благодаря междуусобіямъ, царившимъ въ ней, разбилась на слѣдующія самостоятельные царства: *Астраханское на низовьяхъ Волги съ городами Астраханью и Тюменью*²⁾. Разрушенный Тамерланомъ, а потомъ и Иваномъ Грознымъ Сарай постепенно теряетъ значеніе и падаетъ, *Ногайская большая орда*, которая кочевала „отъ верху рѣки Бузулука на поляхъ и до Синаго моря“³⁾, т. е. до Аральскаго моря, занимая и теченіе рѣки Яика съ г. Сарайчикомъ; *Ногайская малая орда*: „Отъ рѣки Куба (Кубань) отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому и до верху рѣки Манычи“⁴⁾. При этомъ ногаи постепенно разбиваются въ свою очередь на массу мелкихъ ордъ подъ управлениемъ самостоятельныхъ царей, князьковъ и иурзъ, почти независимыхъ другъ отъ друга⁵⁾. *Казанское*, на мѣстѣ бывшихъ болгаръ, по Камѣ и среднему течению Волги съ главнымъ городомъ Казанью и *Крымская орда* въ Крыму.

Лишеннія прямой дали отъ Московскаго правительства, эти хвощи орды занимались безпрерывными набѣгами на русскія Україны, грабили села и города, пѣнили жителей и уводили ихъ въ рабство. Особенно были грозны и страшны Москвѣ крымскіе татары. Безпрерывными набѣгами они бесчетное число разъ разоряли русскія южныя области и не разъ брали въ самую Москву, уводя съ собою тысячи русскихъ плѣнныхъ. О состояніи этихъ несчастныхъ въ Крыму до насъ дошло современное извѣстіе латовца Михалона, бывшаго въ Крыму посломъ отъ Литвы: „Корабли, приходящіе къ крымскимъ татарамъ часто изъ моря изъ Азіи привозятъ имъ оружіе, одѣжды и лошадей, а отходить отъ нихъ нагруженные рабами; и всѣ ихъ рѣшки замечены только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, и всякий изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, виѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ быть у него раба, во предполагал, что можетъ достать ихъ несметное количество, обѣщающее по контро-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 383.

²⁾ Гор. Тюмень лежала у Каспійскаго моря на юго-западѣ и была подвержена нападенію, начиная съ 1600 г. вмѣстѣ съ ней было построено городъ Терки, который и существовалъ какъ крѣпость до 1722 г., но потомъ стала тоже заливаться моремъ и уже къ концу 1770 г. вмѣстѣ съ Тюменью была совершенно затоплена и исчезла изъ моря. (Хоз. описание Астраханск. и Кавказск. губ. 1809 г., стр. 204).

³⁾ Карамзинъ, т. 6-й, примѣч. 242 и „Большой Чертежъ“, стр. 229.

⁴⁾ Тамъ-же и „Большой Чертежъ“, стр. 93.

⁵⁾ Карамзинъ, т. 6-й, стр. 121.

акту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружие и живыхъ коней, живыми же, но не конями, а людьми и при томъ нашей крови. И эти обещанія исполнялись въ точности, какъ будто наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. По этому одинъ еврей — мѣнило, видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ въ Тавриду плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ сторонахъ или нетъ и откуда такое ихъ множество? Такъ всегда они имѣютъ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости. Тѣ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованы, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясе дохлыхъ животныхъ, покрытыхъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины, которыхъ побѣждали, держатся иначе; некоторые должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ хазу. Когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, цѣльми десятками приковываютъ другъ къ другу около шеи и продаютъ такими десятками съ аукціона¹⁾.

Но не только Крымъ, но и Ногаи и Казань имѣли массу русскихъ плѣнныхъ. Уже тогда, когда Москва была въ силѣ, въ царствование Ивана Грознаго въ 1550 г. при возведеніи имъ на казанскій престолъ Шигъ-Аля послѣдній отпустилъ болѣе 60 тысячъ русскихъ плѣнныхъ!²⁾.

Отсюда понятно почему всѣ воины съ татарами считались воинами священными, угодными Богу, какъ противъ хищныхъ враговъ своей родины, враговъ Христа.

Московскіе государи всегда старались выкупать плѣнныхъ изъ Крыма. Обычно посланникъ въ Крымъ, поѣдъ набѣговъ крымцевъ, они наказывали по возможности выкупать членныхъ: обыкновено платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей, за сотника стрѣлецкаго 50, за поладью 25, за дочь княжескую 50. Въ одинъ изъ послѣднихъ набѣговъ крымцевъ въ 1591 г. попалось въ пленъ очень много значительныхъ людей и потому русскому послу къ Крыму Безобразову приказаво было ихъ выкупить за 100—200 рублей каждого. Особенно былъ страшенъ набѣгъ Крымцевъ въ 1592 г. Они вывели тогда изъ Москвы такъ много полову, что старые люди не запомнили такой войны отъ поганыхъ³⁾.

Жесточеніе Москвы къ татарамъ дошло до того, что плѣнныхъ татаръ умерщвляли жестокимъ образомъ. Въ малолѣтство Ивана Грознаго находятся

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7-й, стр. 169 и 170.

²⁾ Каразинъ. Т. 8-й, стр. 81.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7., стр. 327.

страшных известий поэтому подъ 1535 годомъ, когда послѣ набѣга татаръ часть ихъ была настигнута московскими войсками, разбита и взята въ пленъ: „Посадили татаръ цара Шигъ-Алея, въ Псковѣ, 78 человѣка въ тюрьму на смерть, въ томъ числѣ семеро дѣтей, а въ Новгородѣ 84 человѣка; въ продолженіи сутокъ они померли, только 8 человѣкъ остались живы въ тюрьмѣ, не поены, не кормлены маого двѣй; этихъ побила; а женщинъ посадили въ другую тюрьму полегче“. Подъ 1555 годомъ: „давали дѣлки по монастырямъ татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститься, а кото-
рые не захотѣли, тѣхъ метали въ воду“¹⁾.

Съ образованіемъ казачества, между Москвой и татарами зазвалась от-
чаянная, безпрерывная и беспощадная борьба. Теперь уже бывшіе бродники
и ушкуйники не грабить Руси,—они превращаются въ „казаковъ-лицарей“,
борцѣвъ за многострадальный русскій народъ, „за вѣру христіанскую“
„Бать некристей“ они считаютъ свою главною и святою обязанностью. На
югъ Россіи эти „казаки-лицари“ сплачиваются въ военные общины, дѣ-
лаютъ набѣги на крымцевъ, ногайцевъ, громятъ ихъ улусы по берегамъ Чер-
наго моря, ведутъ священную войну, войну христіанскаго креста съ мусульман-
скимъ полумѣсяцемъ и вершить великое русское дѣло—укрѣпляя южнѣ
Московскаго государства.

Противъ нашихъ казаковъ мусульманскій міръ выставляетъ своихъ каза-
ковъ. Со временемъ Иоанна III-го Азовскіе турецкіе казаки упоминаются какъ
злые разбойники. Въ 1501 г. московское правительство посыпаетъ жалованье
султану за ихъ разбои²⁾). Въ Крыму у татаръ были свои Бѣльгородскіе
казаки³⁾ (въ Аккерманѣ).

Въ царствованіе Ивана Грознаго казацкіе набѣги на татаръ дѣлаются съ каж-
дымъ годомъ все отважнѣе и страшнѣе. Они представляли тогда изъ себя уже столь
грозную силу, что съ нимъ считались не только татары, но и турецкій сул-
танъ. Малороссійскіе казаки громили не только Крымъ, но и турецкіе берега.
Донцы въ свою очередь нападали на Крымъ съ другой стороны и грабили
турецкій Азовъ. Они нагнали страхъ на крымцевъ настолько сильный, что
когда крымскій ханъ узналъ, что Иванъ Грозный приспалъ на Дѣворъ къ
князю Богдану Рожинскому и ко всѣмъ Днѣпровскимъ (малороссійскимъ) ка-
закамъ „великое жалованье“ и приказалъ имъ, чтобы они веснойшли
на крымскія украины, онъ настолько былъ испуганъ, что сталъ совѣтovаться
съ князьями и мурзами, какъ ему быть. Мурзы ему отвѣчали:—„Если при-
деть маого людей на судахъ, то города ихъ не остановять; вѣдь казакъ—
собака: когда и на корабляхъ за нихъ приходять турецкіе стрѣльцы, те
они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ!“⁴⁾)

1) Соловьевъ, т. 7-й, стр. 168.

2) Тамъ же, т. 5-й, стр. 117 и 436.

3) Тамъ-же, т. 6-й, стр., 26.

4) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7-й, стр. 31.

Хань-крымский безпрерывно жаловался польскому королю на малороссийских казаковъ, которые не упускали случая поживаться на счетъ татаръ и провѣдывали про крымцевъ и доносили о нихъ въ Москву¹⁾). Благодаря этимъ развѣдкамъ вѣсти о походѣ крымского хана на Русь доходили до Москвы черезъ казаковъ на 15 дней раньше прибытия хана съ войсками²⁾.

Нашъ посланникъ Петъръ Тургеневъ въ 1551 г. доносилъ Иоанну Грозному изъ Ногайскихъ улусовъ: „Прислаль Турецкій царь къ Измаилу-Мирзѣ после сее весно съ тѣмъ: уже и маѣ отъ него (Иоанна Грознаго) обиды великия; — поле все и рѣки у меня воотнималъ, Донъ у меня отаялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю; казаки его съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дона пить не даютъ. Русскіе же казаки Астрахань взали, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ. Какъ вы за это стоять не умѣете?”³⁾.

Когда же случалось, что казаки грабили караваны ногайскихъ купцовъ или пословъ, то московское правительство на подобные жалобы отвѣчало: „Вамъ гораздо вѣдомо: лихихъ людей гдѣ вѣтъ? На поле ходать казаки многіе—казавцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и изъ нашихъ украинъ съ ними смѣшивши ходать: и тѣ люди какъ вами тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лахо никто ихъ не учить; а учинивъ какое-либо лахо, они разѣзжаются по своимъ землямъ”⁴⁾.

Въ царствованіе Ивана Грознаго на югѣ Россіи казаки уже образуютъ изъ себя правильныя военные общины: *Малороссийские казаки* (черкасы) на Днѣпѣ, *Донскіе* на Дону и *Волжскіе* на Волгѣ.

Кромѣ этихъ вольныхъ и почти независимыхъ отъ Москвы казаковъ, на границахъ Московскаго государства были свои московскіе городовые казаки,—Смоленскіе, Путівльскіе, Тульскіе, Рязанскіе, Мещерскіе, Орельскіе, Новосильскіе, Довковскіе, Елифанскае, Рижскіе, Дѣдиловскае, Рыльскіе, Шацкіе⁵⁾ и др. Всѣ они въ концѣ царствованія Ивана Грознаго были переписаны и имъ были даны наказы какъ служить. Они должны были служить о дозоръ, посыпать станицы въ степь и держать разѣзды по степи, слѣдить за воинскими людьми, сматывать сакны (слѣды) и довоевать обѣ этомъ въ ближайшіе города. Въ прибавку къ казакамъ посыпались дѣти боярскіе, посадскіе люди, и жители сѣверной украины—севрюки. За свою службу они получали особое жалованье въ городахъ Шацкѣ, Новосильѣ и Орѣ. Что касается границъ станичныхъ разѣздовъ, то во время управлѣнія этими казаками въ 1571 г. боярина Никиты Романовича Юрьева (зачальника надъ сторожевою и станичною службою) Путівльскія станицыѣздили къ верховь-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 379.

²⁾ Тамъ-же, т. 5, стр. 437.

³⁾ Тамъ-же, т. 6, стр. 124 и Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. 8, прим. 254.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-я, стр. 420.

⁵⁾ Тамъ, стр. 25—29.

зъ Тора по Міюсу, Самарѣ (притокѣ Даїпра), Орли, къ Даїпру до Песь-
ихъ костей, Тульские во Мжу и Коломену на Муравскій шляхъ (дорогу);
Рязанскіе къ Съверному Донцу и Святому горамъ, а Мещерскіе внизъ по
Дону до Волжской переволоки.

Подъ охраной двойного ряда казаковъ Москва собиралась съ силами, крѣпла
чтобы окончательно сломить своихъ старинныхъ враговъ. И вотъ въ 1552 г.
Москва, собравши сильную рать, громить Казань. Самъ Иоаннъ Грозный съ
150 тысячными войскомъ послѣ многодневнаго кровопролитнаго боя береть
Казань и подчиняетъ себѣ Казанское царство.

Нельзя пройти молчаниемъ того, что при взятіи Казани участвовали не
менѣе 15 тысячъ казаковъ¹⁾ и что они были всегда во главѣ войскъ и
даже при самомъ послѣднемъ штурмѣшли во главѣ колоннъ съ своими ата-
манами. Эти казаки были казаки вольные, а не московскіе городовы, т. е.
они имѣли атамановъ, у московскихъ же городовыхъ казаковъ были сотники и
головы. Вооружены они были саблями, луками и рогатинами. Но кто были
эти казаки: Малороссійскіе, Донскіе, или Волжскіе — лѣтописи не говорятъ.

Послѣ взятія Казани идетъ полный развалъ Ногаевъ. Остались только
царства: Астраханское на устьѣ Волги, Ногай большіе и малые и Крымское.
При чёмъ у Астраханцевъ съ Ногаями начинается рядъ междуусобій. Въ виду
того, что первымъ Янцкимъ казакамъ пришлось имѣть дѣло съ ногаями, яв-
ляется необходимъ прослѣдить ихъ исторію нѣсколько подробнѣе.

Въ октябрѣ 1553 г. пришли къ Иоанну послы отъ ногаевъ отъ мурзы
Измаила (изъ Сарайчика) съ челобитьемъ, чтобы великий князь оборонилъ
ихъ отъ Астраханскаго царя Ямурчая, послалъ бы рать свою за него въ по-
садилъ бы въ Астрахань на его мѣсто царя Дербыша, а Измаиль и другие
мурзы будуть исполнять государеву волю²⁾.

Пользуясь этимъ случаемъ, Иоаннъ Грозный весною 1554 г. выслалъ съ
княземъ Юриемъ Пронскимъ-Шемякинымъ 30 тысячъ войска, которое пошло
Волгою и взяло Астрахань 29 июня. При взятіи Астрахани впередъ съ пе-
револоки на Дону пошли на разведку дѣти боярскіе и казаки съ атаманомъ
Федоромъ Павловнымъ. Астрахань была взята. Астраханцевъ было уже на-
столько мало, что Пронскій передалъ новому Астраханскому царю Дербышъ-
Алею всего: мурзъ 600, черныхъ людей 7 тыс. и бѣглцовъ, пойманыхъ
въ стени, 3 тысячи.

Уже въ слѣдующемъ году ногайскій князь Измаиль поссорился со своимъ
братьемъ Юсуфомъ и братъ „рѣзались въ продолженіе нѣсколькіхъ дней, по-
ка Измаиль не одолѣлъ Юсуфа“. Юсуфъ былъ убитъ. Ногайцевъ съ объахъ

1) Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., т. 8-й, стр. 98—117 и примѣч. 325: Всей конницы было 85 тыс.,
изъ нихъ въ каждую полку 1000 стрѣльцовъ и 700—800 казаковъ.

2) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-й, стр. 125 и, даѣте относящееся къ Ногаю, стр. 126, 127, 128,
129, 131, 132, 133 и 134.

сторонъ пало множество: „Какъ орда Ногайская стала, такого надежа надъ нами не бывало“. Такъ дорызывали кочевники другъ друга, приготовляя торжество Московскому правительству.

Боясь появления въ Сарайчакѣ изъ Крыма Юсуфовыхъ дѣтей, Измайлъ просилъ Государа послать стрѣльцовъ и казаковъ на Волгу по перевозамъ, чтобы не пропустить ихъ. Просьба была немедленно исполнена: стрѣлецкій голова Кофтыревъ и казачій атаманъ Павловъ отправились на Волгу. Но въ 1555 г. Янгурчай, бѣжавшій въ Крымъ, и дѣти Юсуфа, собравъ около себя вѣрныхъ Ногаевъ, Крынцевъ и Янычарь, появились подъ Астраханью. Дербышъ съ Астраханцами и казачьимъ отрядомъ, оставленнымъ Провскимъ, отразили нес୍�рѣтелей. Но Дербышъ пропустилъ дѣтей Юсуфа черезъ Волгу, которые появились подъ Сарайчикомъ, напали врасплохъ на Измайлъ и выгнали его. Измайлъ въ свою очередь, собравшись съ людьми, опять выгоняетъ племянниковъ и владѣеть всѣми ногаями.

Въ мартѣ слѣдующаго года Дербышъ измѣняетъ царю и, соединившись съ крымскими ханомъ и Юсузовыми дѣтьми, нападаетъ въ Астрахань на московского послы Мансурова, который отбивался три дня, но, не будучи въ силахъ держаться, сѣлъ на суда и поплылъ вверхъ по Волге до переволоки въ Донъ, откуда доносилъ царю, что у него изъ 500 чел. отряда осталось 308: „иные побиты, иные потонули, другое съ голоду на дорогѣ померло“. Государь немедленно послалъ Измайлу 50 казаковъ съ пушками, а „полемъ“ послалъ для него Измайлова и Астраханского дѣла 500 казаковъ съ атаманомъ Ляпуновымъ Филимоновымъ. Волгою кромѣ того оторвались стрѣльцы съ головами Черенисовыми и Тетеринными, казаки съ атаманомъ Колупаевымъ и ватчане съ главнымъ головой Шисемскимъ. Атаманъ Филимоновъ предупредилъ всѣхъ и первый нападаетъ на Дербыша въ валъ Астрахань, побивъ много татаръ и взявъ ихъ много въ пленъ. Дербышъ уѣжалъ въ Крымъ съ Юсузовыми дѣтьми. Но послѣдніе не долго оставались въ Крымской сторонѣ, начались опять рѣзы между ногаями; три дня рѣзались они, но потомъ помирились съ дадею Измайломъ, и вскорѣ прислали бить челомъ къ русскимъ головамъ, что желаютъ служить Государю, какъ служилъ ихъ ядя Измайлъ, будутъ кочевать у Астрахани, а дурного ничего дѣлать не будутъ. Головы приносили ихъ челобитье, дали имъ суда „на чёмъ ѿхать къ Измайлу (можемъ въ Сарайчакѣ) и на чёмъ корниться на Волгѣ“.

Послѣ этого Государь велѣлъ Филимонову встать на Волгѣ, а сотнику Кобедеву на „р. Иризѣ для обереганія Ногаевъ отъ Крымскихъ и Русскихъ казаковъ“, а также и для перевоза пословъ.

Сыновья Юсуфа не долго прожили въ мирѣ съ дадею. Осенью 1557 г. они согнали его съ кваженія и просяли Государа не сердиться на нихъ за это, такъ какъ „между ними прошла кровь—Измайлъ убилъ у нихъ отца“.

До чего была уже слаба тогда Ногайская орда, видно изъ того, что въ станъ у Юсузовыхъ дѣтей говорили: „Если Государь дастъ Измайлу пищаль-

никовъ, то ногаи всѣ пропали; Государь всю Волгу до самаго моря скоро возвьметъ и Сарайчикъ, возвьметъ весь Яикъ, Шемаху, Дербентъ и намъ всѣмъ быть отъ него взятымъ. Книги говорять, что всѣ басурманскіе государи русскому государю поработаютъ".

Въ то же время русскіе послы доносили Царю: „Ногаи изводятся, людей у нихъ мало добрыхъ и, тѣ голодны необычайно и паша; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; земля ихъ пропала, другъ друга грабятъ".

Но въ томъ-же году у ногаевъ опять была разнъя, Измаилъ напалъ на племянниковъ, осилилъ ихъ и прогналь, изъ которыхъ старшій Юнусъ отѣхалъ на службу въ Москву. Послѣ этого русскій посолъ доносилъ Грозному: „Ногаи всѣ пропали, немногого ихъ съ Измаиломъ осталось, да и тѣ въ разнѣ. Измаилъ сильно боится Юнуса, потому что его любить всѣ улусы люди, а кроме Юнуса юрга держать не кому. Измаилъ веютровый человѣкъ, да и старъ уже; улусы у него жутатся, грозятъ ему, хотятъ въ Крымъ бѣжать".

Такъ сами ногаи дорѣзывали друга друга и безъ выстрѣла отдавались въ руки Москвы. Между тѣмъ въ этотъ голь наступила жестокая зима. Ногаи окончательно опустѣли и упали: скотъ и люди гибли въ степахъ отъ несноснаго холода. Даже у сильнаго тогда крымскаго хана осталось къ веснѣ не болѣе 10 тысячъ исправныхъ конныхъ воиновъ, а у ногаевъ еще менѣе¹⁾.

Въ такомъ жалкомъ и плачевномъ положеніи находились ногаи въ то время, когда на берегахъ Яика появился первый русскій колонизаторъ отважный и смѣлый казакъ.

¹⁾ Караканинъ. Ист. Гос. Рос., т. 8, стр. 160.

III.

Какъ собиралось Яицное войско.

За Ураломъ за рѣкой казаки гуляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пускаютъ!
Казаки не простаки—вольные ребата;
Все на шапкахъ тумаки, все живутъ богаты.
Они ночи мало спятъ, въ полѣ разѣждаются,
Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.
Ихъ товарищъ острый ножъ, сабля-лихѣйка...
Пропадемъ мы на за грешъ, жизнь наша—кошѣйка!
(Изъ яицни Уральскихъ казаковъ).

Быль ковецъ царствованія Ивана Грознаго.

Быстро катилъ свои воды древній Яикъ, подмывая свои „круги яра обрывчаты”, разсыпая свою „желты песок”. Какъ сказочный богатырь, растянулся онъ въ сладкой дремѣ по вольной зеленой степи, задумчивый и молчаливый, играя свою жеинчужной волной съ яркими лучами золотистаго солнца. А вокругъ него зеленымъ бархатнымъ ковромъ, распахнувшись широкою гладью, лежала бесконечная степь, убѣгая своимъ цвѣтамъ далеко далеко на просторъ, пока видѣть ее глазъ. И гдѣ ни взглянетъ, всюду колыхалась она яркою зеленою... И вѣтъ ей конца, нѣть ей мѣры! Съ громкимъ клокотомъ парилъ надъ нею „сизый орель” — беркутъ, распустивъ свои жугучія крылья. Лишь изѣйка опускался онъ на курганъ, смотрѣлъ своимъ зоркимъ окомъ и ждалъ добычи. Дланною цѣпью убѣгали въ синюю даль эти курганы — древніе могильники скифовъ, половцевъ и другихъ, почевавшихъ когда-то по Яику, дикихъ народовъ. Высоко поднявшись надъ вими и трепеща своими крыльями, нѣть надъ степью свою звонкую лѣсню веселый жаворонокъ, и повсюду перелетая съ мѣста на мѣсто паслись по ковыльной степи стада стрепетовъ и тяжелыхъ дрофъ. Разсыпавшись по долинамъ и среди кургановъ въ степи, блестя своею голубозатою шерстью и опустивъ свои большія головы, бродили тысячины стада дикихъ ковей — турпановъ.

Рядомъ съ ними паслись другія дикия лошади, стройныя и поджарыя, съ длинными стоячими ушами, съ небольшою гривою и короткими хвостами, съ густою дымчато-сѣрою шерстью, они „великии табузы”¹⁾ быстро перебѣгали съ одного поля на другое; это было куланы. Вадымаа чыль, проносились

¹⁾ Рыжковъ. Топогр. Оренб. губ. 1762 г., стр. 206.

табунами по степи легкие и быстрые, какъ вѣтеръ, осторожные сайгаки и повсюду по ильменямъ и озерамъ слышалось гоготанье гусей, серебристый крикъ лебедя — шипуза и раздавались неумолкаемые крики тысячи утокъ и куликовъ.

Дній только наступала весна, лишь только степь покрывалась зеленымъ ковромъ, какъ проносились надъ нею вольными и бесчисленными табунами дикия птицы. Оглашали они степь своимъ радостнымъ крикомъ и пѣвецъ. Покрывали они собою пространныя степныя озера, скрывались въ заросляхъ камышей и вили свои гнѣзда. Съ звонкимъ серебристымъ крикомъ одни только лебедь кликунь провесился дальше изъ сѣвера въ цикл тундры. Шумъ и стонъ стоялъ въ это время на взморѣ въ черняхъ. Красный гусь и лебедя ютились тогда въ его камышевыхъ заросляхъ, вили гнѣзда и оставались на все лѣто; блестя своими бѣлыми перьями и махая пушистыми крыльями по песчанымъ морскимъ островамъ, гнѣздились тысячные табуны пеликановъ и баклановъ. Лишь прохода средь зарослей камышей по берегу моря, одни только дикия сваны нарушали покой этого мирного первнаго царства.

Блестя своею тѣнистою зеленою по всему Яику, раскинувшись лѣса; широкомъ полосою тянулась они его берегомъ и по берегамъ его притоковъ. Широкою десятиверстною полосою болѣе чѣмъ на сто верстъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря были такіе же могучіе лѣса между Волгой и Яикомъ по Рынъ-пескамъ, охватывая собою камышъ-самарскія озера и Узенія. Тихо шумѣли они своею зеленою листвою, тихо шептались ихъ говорливые листья съ прилетающимъ вѣтеркомъ и звали и манили подъ свою тѣнь на отдыхъ и покой. Подъ ихъ вышнѣмъ побровомъ ютились куница, выдры и дикие кабаны; перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, въ ихъ густыхъ заросляхъ жили суетливыя и вертливыя бѣлки; особенно славились своею пушистой шерстью бѣлки по р. Илеку¹⁾.

Воды Яика были полны всевозможной цѣнной рыбой:— бѣлуги, осетры, шипы, сазаны обилии его быстрыя воды. Не даромъ-же Яикъ называли во все времена „рыбной рѣкою“.

Все было дико и вольно надъ Яикомъ. И по его необозримымъ степямъ всюду кочевали въ легкихъ кибиткахъ со своими стадами остатки когда то могучей въ грозной для Руси Золотой орды, ногайскіе татары. Разбившись за мелкія владѣства, они кочевали по этой степи по всему течению Яика, по извилинамъ Волги и далеко на востокъ до Аральскаго моря. Столицю ногайской орды былъ городъ Сарайчикъ²⁾ на Яикѣ. Когда то цвѣтущій, богатый и обширный, овъ хотя и не былъ, какъ раньше, многолюдныи и шумныи, но все же былъ сильныи и грозныи оплотомъ ногаевъ. Это былъ городъ, окруженный высокимъ землянымъ, длиною около пяти верстъ, валомъ.

¹⁾ Рыболовъ. Топограф. Оренб. губ. 1762 г., стр. 201.

²⁾ По татарски Саранъ-Джадихъ, т. е. Новый Сараф.

Въ срединѣ крѣпости была цитадель, окруженнаго стѣною болѣе высокой, чѣмъ городъ, и вѣзвшая въ длину около двухсотъ и въ ширину до ста сажень. Въ цитадели находились роскошные дворцы хановъ, сдѣланные изъ кирпича, мрамора и изразцовъ; тамъ-же былъ монетный дворъ, гдѣ чеканили монеты со своимъ именемъ ханы Ильбачъ (1378 г.), Текхамышъ (1380 г.) и Дервашъ (1402 г.)¹⁾. Самъ городъ занималъ площадь болѣе одной квадратной версты [1]. Подъ защитою его стѣнь цвѣла когда то богатая торговля, шло караваны купцовъ изъ Азова черезъ Сарай на Волгѣ на Сарайчикъ и далѣе въ Ургенчъ за Хиву. По этой караванной дорогѣ съ незапамятныхъ временъ были вырыты глубокіе, иногда выложенные внутри камнемъ, колодцы, остатки которыхъ вѣсты съ развалинами Сарайчика сохранились до нашихъ дней [2]. Это былъ всемирный торговый караванный путь, по которому обиѣзжались товары Европы и Азіи; путь, который шелъ до Монголіи, Китая и Индіи, и вѣроятно, всѣ орды, шедшія изъ Азіи, на Яикъ шли этой дорогой, что видно уже изъ того, что Батый разбилъ половцевъ а халассовъ на Рынъ-пескахъ, въ местности, лежащей по этой дорогѣ. Рядъ колодцевъ, до сихъ поръ сохранившихся между Яикомъ и Волгою, калмыки называли Тамерлановою дорогою, подъ такимъ именемъ эти колодцы известны и теперь у киргизъ.

Но мало жила татара въ своемъ городѣ, они все еще были кочевниками. Круглый годъ кочевали они по степи, оглашая ее своими заукающими пѣснями и крикомъ своихъ табуновъ. На сѣверъ отъ татаръ, занимая верховья Яика и южные отроги Уральскихъ горъ, жило другое кочевое племя—башкыры; они были, какъ и татары, скотоводы и бродили со своими стадами круглый годъ. Они входили въ составъ Казанского царства; послѣ взятия Казани сами добровольно подчинились Москвѣ. На западъ отъ ногаевъ кочевали на устьѣ Волги остатки татаръ Астраханского царства, а на востокъ отъ Яика далеко-далеко въ степахъ у Аральского моря кочевали вышедши изъ приалтайскихъ степей грозные своею численностью воинственные калмыцкія орды; еще далѣе за ними на востокъ кочевали киргизы или казаки, какъ они сами называли себя.

Вольно жило въ этой необъятной равнинѣ кочевымъ народамъ, и повсюду въ степи стояли ихъ улусы, и мирно паслись табуны ихъ скота. Только въ Сарайчикѣ, Астрахани и Казани, въ этихъ трехъ единственныхъ городахъ, бывшихъ тогда во всей необъятной степи, развивались зачатки культурной жизни этого дикого пастушескаго народа.

Все дышало тутъ просторомъ и волей, тихо колыхался серебристый кониль по гладкой, какъ сватерть, степи, разодѣлась, разукрасилась она веселыми цветами и, какъ невѣста, въ богатомъ и узорномъ нарядѣ ждала къ себѣ дорогихъ гостей.

Но вотъ показались они—эти жданные гости; плывутъ они на ладьяхъ по зеркальной глади Яика, разсыпаютъ и пѣвать веслами его тихія воды,

¹⁾ Извѣст. Общ. Археол. Истор. и этнограф. при Казанск. университѣтѣ, т. XIII, вып. 3, стр. 242.

вдуть отъ веселья круги. Въ казацкихъ кафтанахъ, въ кольчугахъ, въ панциряхъ, съ бердышами и копьями, съ сайдаками и съ кривыми саблями медленно движутся они по глади Янка. И услыхали въ первый разъ зеленые берега его русскій говоръ. Пришли давно ждавные гости!... Заскрипѣли, заблестѣли жемчужной струею древній Янкъ, радостю приветная своихъ воныхъ дѣтей, смотрѣть, какъ плывутъ они на ладьяхъ, какъ, взмуривъ суроыя очи, они чутко прислушиваются къ каждому звуку, какъ зорко скотрять они по сторонамъ въ густую прибрежную заросль и не сводить своихъ очей съ синей дали, съ широкой и зеркальной глади Янка.

Но вотъ гости остановились. Вышли они изъ лодокъ. Высокіе, бородатые, усталые отъ длиннаго похода, спершись о копья и пищали, встали они толпою на его берегу.

— Славное мѣсто! и островъ большой, и отъ орды далеко. Для коня мѣста лучше не надо! говорить одинъ изъ нихъ.

— Конь такъ конь,— отвѣчаютъ другіе.

— Эй, не зѣрай, атаманъ молодецъ!

Оглянувшись, а изъ за кустовъ, изъ протока выплыла блазко къ нимъ длинная лодка, въ ней сидѣть татары.

— Не робь, братцы! кричать атаманъ: проворай — не то уѣдуть!

И зазвенѣла тетива лука, ударила кремень по огниву и въ первый разъ огласились берега Янка громомъ московской пищали, въ первый разъ понеслась московская стрѣла надъ его водами, засвистѣла, загудѣла она въ глубоко вонзилась во вражескую грудь. Убиты враги русской земли, схвачены оставшіеся живо въ плавъ.

— Вотъ и языка лобыли,— говорятъ гости,— будешь черезъ кого развѣдать о татарамъ!

Расположились казаки кономъ. Осмотрѣли они островъ, сѣдѣли вокругъ земляной валь.

— Рыбы много, орда кочуетъ далеко по Янку, авѣра и кабана кругомъ много,— говорили имъ схваченные плавъ.

И остались гости зимовать на Янкѣ, чтобы бѣсѣ ранней весной идти на промыселъ на широкую матушку Волгу, на сине-море Хвалынское.

Но кто же были эти первые удальцы?

Кто осмѣлился дерзко войти въ самое гнѣздо враговъ Русь, не боясь ни тяжкой неволи, ни хищной и злобной татарской орды? Когда пришли эти отважные и безстрашные люди за эти зеленые берега, на вольныхъ степяхъ этой далекой и невѣдомой „запольной рѣки“?

Увы! исторія замъ этого не говорить. Лишь осталось обѣ этомъ на Янкѣ “дно старинное предавіе обѣ атаманѣ Гуриѣ и о его женѣ, первой женщіи,

за Янкѣ, бабушкѣ Гутникѣ. Это преданіе записано Рычковомъ въ ноябрѣ 1748 г. въ Яндкомъ городкѣ со словъ казацкихъ старшинъ¹⁾.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Рычковъ:

«Въ сю мою бытность тогдашай войсковой атаманъ Илья Григорьевъ, сынъ Меркуриевъ, въ разговорахъ со мною о началѣ того войска, противъ учивенаго въ вышеозначенномъ описании объявленіи²⁾, гораздо пополнительнѣе сказывалъ. Сіе его показаніе достойно всякаго вѣроатія, потому что не только онъ, но и отецъ его, войсковой же атаманъ Григорій Меркуриевъ (который, имѣвъ около ста лѣтъ отъ рода, въ прошломъ 1741 г. умеръ), были язичкіе уроженцы, и какъ тамошніе главные командары, есть тамошнія обстоятельства только свѣдущіе, что нынѣ таковые едва уже могутъ ли тамъ и сникаться, кроме вынѣшняго войскового атамана Андрея Бородина, но и сей все тожь мнѣ подтверждалъ. И такъ прежде, нежели настоящее этого войска состояніе изъ имѣющіхся въ Оренбургской губернскій казцеляріи дѣль описано будетъ, не безирлаично здѣсь объявить, о чёмъ я отъ иныхъ войсковыхъ атамановъ увѣдоилъ, что можетъ сочинить исторію озаго войска впредь для знанія.

По сказавшемъ ихъ, помянутый войсковой атаманъ Григорій Меркуриевъ, коей, какъ выше значится, болѣе ста лѣтъ жилъ, помнилъ бабку свою, а отца его, Меркурия, тещу, которая умерла въ излеченіствѣ его, Меркуриева, живъ также болѣе ста лѣтъ. Сія его бабка сказывала ему и другимъ, что она, будучи уже лѣтъ двадцати отъ рожденія, знала весьма престарѣлую женщину татарской природы, по прозванию Гумиху, которая о началѣ войска Яицкаго и о первыхъ ихъ обстоятельствахъ объявила слѣдующее.

Въ самыи де тѣ времена, когда Темирг-Аксакъ, а по европейскому названію Тамерлангъ, со многими татарскими войсками разныхъ области разорялъ (по исторіи объ немъ могло быть сіе въ исходѣ XIV или въ началѣ XV столѣтій), былъ некто изъ донскихъ казаковъ именемъ и прозваниемъ Василий Гуна; сей, прибравъ себѣ въ товарищество тамошнихъ казаковъ человѣкъ съ тридцать, въ томъ числѣ былъ одинъ татаринъ, отлучился съ Дезу на промыселъ, или паче для воровства, и, сдѣлавъ лодки, тако жъ и запасу на готови, сколько было надобно, сначала выѣхали на Каспійское море, гдѣ они въ камышахъ все лѣто пробыли, производя свои промыслы, и дошедъ до устья до протоковои рѣки Яика, коими она въ помянутое море впадаетъ, пошли по ней вверхъ. Усмотря же, что оныя мѣста глухія, незаселенные, а при томъ и лѣсъ имѣющія (знатно, что тогда лѣсу тамъ было довольно, хотя нынѣ озаго весьма уже мало), разсудили, какъ ту рѣку, таъ и оныя мѣста имѣть себѣ уѣжжіемъ и пристанищемъ. Препроводя жъ тутъ первую зиму, по вскрытии воды паки на суда убрались и за первый свой

1) Рычковъ. Топогр. Оренб. Губ. 1762 г., изд. 1887 г., стр. 278—286.

2) Рычковъ упоминаетъ тутъ о своей книгѣ „Исторія Оренбургской губерніи“, написанной имъ раніе „Топографіи Оренб. губ.“ и гдѣ между прочимъ сіе тоже писалъ о происхождѣ. Яицк. войска.

промысел поехали; и будучи на морѣ, разбивали и грабили многія купеческія суда съ разными товарами до самой осени, а къ земѣ пади въ рѣку Яикъ возвратились, и такъ нѣсколько лѣтъ въ томъ семье оромысѣ упражнялись, подаваясь отъ устья рѣки Яика вверхъ съ мѣста на мѣсто.

Во время сихъ ихъ промысловъ и первыхъ по рѣкѣ Яику пристанищъ, между Волги и Яика рѣкъ, и за Яикомъ на степной сторонѣ, кочевали тоида татары называемыя Золотой орды, которые, имѣя слухъ, что Тамерланъ по возвращеніи своемъ изъ Россіи замѣрзъ учинить нападеніе на ту ихъ орду и ону разорить, пребывали въ крайней отъ него опасности; и для того предупредивши себя во всегдашней отъ него оборонѣ, лошадиные свои табуны и скотскія стада близъ кабитокъ своихъ содержали, и по нѣсколько осѣдланныхъ лошадей при самыхъ кабиткахъ имѣли. Но еще прежде нежели обѣ ономъ Тамерланъ получены были у нихъ подлинная вѣдомость, въ оной Золотой ордѣ произошло междуусобие и великое смятеніе, которому та старуха, называемая Гумиха, весьма малую, но внезапную и странную причину сказывала, а именно:

Въ самую темную и глубокую полночь осѣдлованная и у кабитки на привязи бывшая молодая лошадь, невѣдомо чего испугавшись, шарахнулась и, оторвавшись отъ кабитки, имѣвшееся на ней сѣдло стала съ себя сбивать и, такъ бѣгая по табунамъ, всѣ табуны перетревожила, а отъ того и въ улусахъ у людей сдѣлалася шумъ и беспокойство, въ томъ чаяніи, что конечно отъ войскъ Тамерлановыхъ учинено на нихъ нападеніе; почему де вслѣдъ взялся за оружіе, и сѣдши на готовыхъ лошадей, въ той ночной темнотѣ и торопости одни за другихъ стали нападать, и учинили вопль, и промежъ себя такое кровопролитіе, что нѣсколько тысячъ побито ихъ въ томъ незнаніи. А когда день и свѣтъ насталъ, и узнали, отъ кого кони улусы больше погубы причинено, и больше другъ на друга вознегодовали, признавая, якобы то умышленно и со злобы сдѣлано; и такъ улусть противъ улуса дѣйствительно сражаться стали, каждый свой родъ и улусъ защищаль, отчего еще больше между ними кровопролитія сдѣлалось, и многие въ отдаленныхъ степныхъ мѣстахъ укрывались; а нѣкоторые роды или айаки, уходили тогда къ рѣкѣ Яику. Между сими послѣдними и оной старуха, называемая Гумихою, съ одною своею семьею, въ которой было три брата и три снохи, въ томъ числѣ и она была за мѣньшимъ братомъ, скиталясь нѣсколько времени по пустой степи, къ рѣкѣ же Яику пѣши пришли. И хотя де у троихъ братьевъ былъ одинъ лукъ и сайдакъ, но вигдѣ на звѣра, ни птицы убить изъ него не могли, и отъ крайнаго де голода убивши они двухъ снохъ, большую и среднюю, будучи на степи, ихъ сѣли, а потому съ величайшими трудами едва дошли до рѣки Яика, сдѣлали тутъ изъ таловъ плетневый себѣ шалашъ, гдѣ и зановоали. Сей ихъ шалашъ былъ у нихъ блазъ озера, при которомъ усмотря ненарочно подианью, и что тутъ рыба отъ множества дохнетъ, обрадовались, но была въ недоумѣніи, какъ ону доставать, ибо никакихъ рыболовныхъ снастей не-

и вѣли. Въ такомъ размышлениі будучи, оная Гуничка догадалась обрѣзать имѣвшіяся у нея давнина косы, и изъ оныхъ суща тоненькия вити, сдѣлала маленький сакъ, какіе при неводахъ бывають, коимъ по бывшему въ томъ озерѣ множеству рыбы начали ловить, и ею виѣли свое проплатаніе.

Вышеозначенные донскіе или паче первые лиціе промышленники, хотя и поблизу того жъ мѣста зимовье свое имѣли; однако ни они про сіе татарское семейство, ниже оное про нихъ, казаковъ, ничего не знали до тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ трехъ братьевъ, меньшой, а ея Гугнихиа мужъ, вышелъ на степь, съ тѣмъ намѣреніемъ, не найдетъ ли онъ послѣ разбитой и отдалившейся орды лошадей, или чего другого, прося братьевъ своихъ, дабы они въ небытность его жену его такъ, какъ и первыхъ двухъ, не убили и не сѣзали, угрожая, ежели они то сдѣлаютъ, то онъ ихъ обоихъ живота лишить, а потому самъ себя умертвить; и, такъ взявшися свой лукъ и сайдакъ, пошелъ въ степь для своего намѣренія.

Во время отлучки того татарина, означенные казаки за ихъ пуждами ходили по лѣсу на лыжатъ, и тотъ ихъ татарскій станъ примиѣти, стали ихъ пристраивать, а показанный Гугнихиа мужъ, возвращаясь изъ степи, прагналъ нѣсколько лошадей, при томъ и оный линный шляхъ примиѣти, братьямъ своимъ съ великимъ удивленіемъ разсказывать; да и сіе объявавъ, ико овь будучи въ малыхъ лѣтахъ слыхалъ отъ стариковъ, что отъ руки Янка далеко есть россійскіе города Астрахань и другие, и россійскіе де люди въ зимнія времена подъ ногами несуть деревы, съ которыми они по глубокому сѣгу способно ходить, признавая изъ того, что конечно по близости отъ нихъ россійскіе люди находятся и ради того отъ нихъ должно иль заранѣе убраться. Но въ самый де тотъ разговоръ начали на нихъ означенные казаки и двухъ большихъ братьевъ на томъ же мѣстѣ убили, а меньшой братъ, мужъ ея, Гугнихиа, сперва хотя было и поудалился, однако и окъ убить, и платье его на станъ привезено, и ей было показано. Сіе чинилось при самомъ вступлениі весны, послѣ чего рѣка Янка вскрылась, и время прашло оныхъ казакамъ отставаться паки на промыселъ. При томъ своею отправленіемъ метали они обѣней, Гугнихѣ, жребій, положа ея въ цѣву съ тѣмъ, чтобы тому, кому она по жребію достанется, ту цѣву изъ будущей добычи вычестъ. Но жребію трижды доставалась она находившемуся въ ихъ артели татарину, на что прочие только много озлобились, что, признавъ его за волшебника, вязъ за руки и за ноги, размахавъ,бросили его въ Янку, гдѣ онъ и утонулъ, а ее, Гугниху, безъ жребія подарили атаману своему Василію Гумѣ.

Отправляясь въ море на промыселъ, взята была помянутныи ихъ атаманомъ и она, Гугниха, и находилась при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ; а пониже оставшися отъ Золотой орды татары кочевьями своими еще располагались тогда по Янку рѣкѣ, и извѣстясь о тѣхъ казакахъ, нѣкоторые изъ нихъ вступили съ вимъ въ союзъ, и въ ту же компанию отъ времени до времени приставать начали. И такъ они жень стала получать себѣ отъ нихъ, а при томъ и на

плънныхъ казакъ женились, и вѣсколько дѣтей прижили; но по тогдашнему ихъ разбойничьему обыкновенію, или чаче по вѣкоторому суетлѣю, а другое инаять, яко бы для того, что отъ младенческаго ихъ крику, отъ поинки и отъ непріятелей своихъ укрываться имъ было невозможно, общими приговоромъ положили, при самомъ рожденіи всѣхъ ихъ убивать, и вѣсколько лѣтъ такъ дѣйствительно со всѣми тирански поступали, что и нынѣ всѣ яицкіе казакъ подтверждаютъ, съ тою токмо разностію, что вѣкоторые инаять, яко бы то чинилось съ младенцами олого женского рода, а мужскъ полъ оставлять былъ.

При такихъ безчеловѣчныхъ ихъ поступкахъ, одинъ изъ нихъ казакъ именемъ Тимъ Федоровъ, родившуюся ему дочь, по просьбѣ жены своей, сожалѣя, держалъ у себя потаенно года съ два, а когда узнали тодругие его браты, и озвѣ укрывать ее болѣе уже не могъ, то при случай ихъ казацкаго собранія, взять за руку, ввелъ въ кругъ, сказалъ: что хотя у нихъ и есть приговоръ такихъ младенцевъ побивать, но озвѣ руки своихъ на кровь свою поднять не могъ, а нынѣ не только его неповиннаго младенца, но и себя самого за то, что общий приговоръ пренебрѣгъ, въ войсковое разсужденіе предаетъ. Сперва приговаривали многіе, чтобы обоихъ, какъ отца, такъ и младенца, предать смерти, дабы не зарушать права своего и приговора; но ваконецъ бѣльшая часть ощущалася и прашдѣ въ сожалѣїе, закричали, чтобы ихъ не казнить, и такъ не только оный казакъ Тимъ Федоровъ съ дочерью его отъ смерти спаслась, но и тотъ ихъ безчеловѣчный приговоръ вовсе отмѣненъ, въ всякомъ дѣтей своихъ воспитывать началь.

Послѣ того, что далѣе, то болѣе, людство ихъ умножатся стало приходомъ съ Дону и изъ другихъ великороссийскихъ городовъ, и согласясь выбрали они для житья своего первое мѣсто при урочищѣ, называемомъ Коловоротное, отъ именающаго ихъ городка разстояніемъ внизъ по Яику рѣкѣ 60 верстъ. Тутъ подѣлали для житья своего землянки, а для обороны отъ непріятелей небольшой ровъ. Оставшіеся отъ Золотой орды татары, ненавидя, что ови въ ихъ мѣстахъ заселились, и подъѣзжая къ ихъ кибиткамъ въ ночные времена на лодкахъ, кибитки ихъ ломали, пожитки грабили, а женъ и дѣтокъ къ себѣ увозили, часто нападали на нихъ, казаковъ, многолюдными собраниеми и съ великимъ устремлѣніемъ; и хотя они, казаки, многоажды бывали отъ нихъ въ осадахъ, но всегда отбивались, дѣлая деревянныя пушки и омѣсто ядеръ употребляли каменья, кости и тому подобное. Чего ради оные татары, не помогши имъ преодолѣть силу, стали-было ласкатъ, увѣщевая, чтобы они къnimъ склонились, а обѣщаю: ежели склонятся и къ nimъ въ орду перейдутъ, учивть ихъ мурзаніи, и дать во владѣніе имъ по вѣколько кибитокъ; но казаки нимало на то не склонялись; и такъ они, татары, видя, что ихъ ни силу, ни обманами достать не можно, отъ тѣхъ мѣстъ отдалились и никакихъ противностей болѣе уже имъ не показывали.

На показанномъ иѣстѣ живши они нѣсколько лѣтъ, наконецъ усовоѣтовали послать отъ себя въ Его Величеству Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу объявить о себѣ и просить, дабы Онь, Великій Государь, ихъ, казаковъ, милостиво принялъ подъ царскую свою державу, обѣщаюсь служить Ему, Великому Государю, и наслѣдникамъ Его; и для того выбравъ между собой двухъ человѣкъ, одного русскаго, а другого татарина, послали въ Москву къ Его Царскому Величеству и, объявивъ чрезъ нихъ о всѣхъ обетоѧтельствахъ, просили у Его Царскаго Величества милостиваго защищенья, которую ихъ просьбу Его Величество соизволилъ милостиво принять, и на руку Янка пожаловалъ имъ грамоту съ тѣмъ, чтобы они, живущи тутъ, ему, Великому Государю, служили спрроно; изъ-за чего приходомъ къ винѣ изъ Великороссийскихъ городовъ разнаго званія людей стали они еще усиливаться.

Потомъ съ показанного урочища Коловоротнаю переселились они немногими поиные на другое уроцище, называемое Орлынскимъ, отъ вышняго городка въ винѣ же 50 верстъ; отсюда, собравшись изъ нихъ 300 человѣкъ, ъздили на лодкахъ въ море для своихъ обыкновенныхъ промысловъ, куда выѣхавъ, нашли тамъ донскихъ казаковъ 400 человѣкъ на такомъ же промыслѣ, съ которыми сообщась, учали разбивать персидскія торговыя суда и тамошнія деревни грабить и другія разоренія причинять; почему отъ персидскаго двора произошли за винѣ многія жалобы. И потому отправлены были на Донъ и Янкъ Его Царскаго Величества грамоты и велено было послать нарочныхъ для успѣшнія ихъ отъ того, чтобы они, оставя тѣ свои промыслы, къ Великому Государю явились съ покаяніемъ. И для того повелѣно было прислать къ Москвѣ съ Дону войскового атамана Фрола Минаева, съ Янка атамана же Ивана Бѣлоусова, которые по тѣмъ грамотамъ и ъздили. И будучи Его Царскому Величеству представлены, получили повелѣніе именемъ Его Величества указомъ, обонимъ имъ ъхать на море, дабы тѣхъ разбойниковъ уговаривать; а какъ уговорить, всѣхъ ихъ привести къ Москвѣ. По тому Его Царскаго Величества указу оные атаманы, бывъ на Каспійскомъ морѣ и уговоря казаковъ, въ самыхъ тѣхъ лодкахъ, въ коняхъ они по морю ъздили, Волгою рѣкою до Нижнаго Новгорода пришли, а оттоль на ямскихъ подводахъ привезены были въ Москву. По привозѣ же ихъ въ Москву, какъ они представлены были ко двору, то каждый имѣлъ у себя топоръ и плаху; и увидѣвъ Его Царское Величество, всѣ легли на плахи, прося въ винахъ своихъ всемилостивѣйшаго прощенія, почему они и прощены. Однако-же винѣ наказанія посланы въ Польшу и подъ Ригу вини свои заслуживать, гдѣ служили семь лѣтъ. Потомъ вѣкоторые изъ нихъ по винѣ желаніемъ отпущенны на Донъ и на Янкъ; а которые похотѣли остаться въ тамошней сторонѣ, тѣ и по винѣ желаніемъ поселены на Великихъ Лукахъ, и дано имъ для тамошнаго ихъ содержанія по одному крестьянину, и таѣ оная войска Янкаго въ Польшу и подъ Ригу бывшая служба за самую первую почитается*.

Таково единственное предание, дошедшее до насъ о первомъ появленіи казаковъ на Яикѣ. Что Гугаиха не мифъ, а существовала действительно, хотя въ далеко позднее время, чѣмъ нашествіе Тамерлана, видно изъ того, что не такъ давно казаки за своихъ пирахъ пили, да иногда и теперь пьютъ „за пребабушку Гугаиху!“

Другимъ документомъ о первоначальномъ появленіи казаковъ служатъ че-
лобитныи казаковъ при царѣ Петре I-и. Самыи интересныи изъ нихъ —
челобитная станичнаго атамана Федора Рукавишникова въ 1720 году, подан-
ная отъ войска въ Петербургъ въ военную коллегию, и другая челобитная
станичнаго атамана Федора Мехайлова 1721 г. 1-го февраля, поданная
отъ лица войска также въ Петербургъ въ военную коллегию. Такъ какъ объ-
онѣ по своему содержанію почти схожи, то я привожу въ нихъ только одну
послѣднюю. Вотъ что писало тогда войско о своемъ основаніи:

„Въ прошлыхъ, Государь, давнихъ годѣхъ, собрались прадѣды и дѣды
наши въ степь на рѣку Яикъ, всякие вольные люди: русскіе съ Дову и възъ
иныхъ городовъ, а татары изъ Крыма, съ Кубаніи и изъ иныхъ мусульман-
скихъ народовъ, и поселились той рѣки Яика въ лукѣ, и жили на томъ
мѣстѣ многое время, а было ихъ всего сорокъ человѣкъ, и подъ то ихъ жи-
лище праходили татары Золотой орды великии собраніемъ и присыпали
отъ себя съ такимъ словомъ, чтобы они эту рѣку оставили (хотя то мѣсто
поселить своими татары), а шли жить въ орду, что хотѣли ихъ всѣхъ по-
ставить мурзамъ и дать улусы. Они того не учинили и въ орду къ нимъ
не пошли, за что они, татары, ихъ осадили, и хотѣли всѣхъ поморить
голодною смертью. И отъ голода бѣли подошли и кожи и коренья и вину
всякую нечистоту, и дѣлали деревянныи пушки и били по нихъ, татарамъ,
въ которыи, вмѣсто ядеръ, клали кости и задыжки, и побили ихъ, татаръ,
немалое число, что они, татары, видя, и отступили. И потомъ жили они,
дѣды наши, немалое время своевольно, ни подъ чьей державою, и собрав-
шись думали: у кого имъ быть подъ властью, и послали отъ себя двухъ
казаковъ, русскаго да татарина, къ дѣду Вашему, Великій Государь, блажен-
ной памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Механлу
Феодоровичу всея великаго и малаго и бѣлаго Россіи самодержцу съ членобит-
емъ, чтобы онъ, Великій Государь, ихъ пожаловалъ — принялъ подъ свою
протекцію. И онъ, Великій Государь, указалъ имъ быть подъ свою вла-
стью и служить себѣ, Великому Государю и своимъ наслѣдникамъ. Такожъ
дать свою Великаго Государя грамоту на онуу рѣку Яикъ, съ угодьяи и съ
сущами при ней, рѣкѣ, притокѣ, и всякими угодьяи, съ вершинами той рѣки до
устыя, что имъ на той рѣкѣ жить и владѣть и ему, Великому Государю,
служить казачью службу, и набираться на житѣ вольными людьми, котораяи и
дана была, а изъ котораго приказа, того у насъ на Яикѣ никто не помнить)“ *).

*) Москв. отд. архива Главн. Штаба. Дѣло Воен. коллег. № 30 (по описи № 107).

Въ члобитной Рукавишникова кромѣ того добавлено, что дѣды и прадѣды ихъ пришли „тому назадъ лѣтъ двѣстѣ“. Въ другихъ члобитныхъ того времени казаки, повторяя почти то же самое, говорятъ только различное количество казаковъ, первоначально прашедшихъ за Яикъ. Такъ въ члобитной отъ войска станичнаго атамана Астраханкина, подавной въ воен. колл. въ 1720 году 18 мал. казаки говорятъ: „Въ прошлыхъ годахъ было насть именованавшихъ на Яикѣ казаковъ только 600 человѣкъ“. Въ своихъ отвѣтахъ на вопросные пункты въ воен. колл. въ томъ же 1720 году 10 января другіе казаки, прїехавши съ зимовой станицей съ презентомъ (кусомъ), говорятъ тоже самое, что ихъ было въ началѣ 600 человѣкъ. Какъ увидимъ далѣе, оба отвѣта имѣли свои основанія.

На основаніи этого преданія и члобитныхъ казаковъ установилось мнѣніе, что первые яицкіе казаки произошли отъ донцовъ. Не вдаваясь въ настоящее время въ оцѣнку этихъ данныхъ, я считаю нужнымъ замѣтить здѣсь только то, что не только Гугни, но и послѣдующіе, переселившіеся на Яикъ, казаки были не донцы, а жители сѣверныхъ русскихъ областей, тѣ же ушкуйники, называвшіеся при царѣ Иванѣ Грозномъ волжскими казаками, о чёмъ мною подробнѣ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Между тѣмъ, на основаніи словъ Рычкова и члобитныхъ казаковъ, всѣ писавшіе впослѣдствіи объ уральцахъ: Левшинъ¹), Пушкинъ²), Витеvскій³) и другіе, повторяя разсказъ о Гугаихѣ, шаблонно увѣрази, что яицкіе казаки произошли отъ донцовъ. Мордовцевъ въ болѣе позднѣйшемъ труде, не основываясь уже совсѣмъ ни на какихъ давніхъ, прямо пишетъ, что Яицкое войско произошло отъ донцовъ. Витеvскій-же въ своихъ очеркахъ уже не удовольствовался преданіемъ Рычкова, а рассказалъ особое преданіе, сообщенное ему „однимъ почтеннымъ и уже пожилымъ урядникомъ Уральскаго войска С—ымъ“. Въ этомъ преданіи онъ говоритъ объ извѣстномъ всему войску героѣ Рыжечкѣ, что якобы этотъ герой Рыжечка отличился въ битвѣ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ⁴) и, выпросивъ за свою службу Яикъ, построилъ неслыханный въ Уральской исторіи и преданіяхъ „Горачій“ городокъ, а потомъ и Яицкій городокъ (нынѣшній Уральскъ). Въ концѣ-же этого замѣчательнаго „преданія“ Витеvскій категорически заявляетъ, что первоначальное основаніе Яицкаго войска принадлежитъ донскимъ казакамъ, что подтверждается и историческими данными. Но какія давнія подразумѣвали Витеvскій—неизвѣстство, объ нихъ онъ не обмолвился ни однімъ словомъ, сохранивъ эту тайну навсегда при себѣ. [3]

Прежде чѣмъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, кто были первые яицкіе казаки, постараемся выяснить приблизительно то время, когда они впервые

¹) Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ 1823 года.

²) Исторія Пугачевскаго бунта.

³) Яицкое войско до Пугачева (Рус. Арх. 1879 г. №№ 3, 4, 8, 10, 11, 12).

⁴) Фактически же Рыжечка жилъ при царѣ Петру I, гдѣ отличился въ Полтавской битвѣ.

подились на Яикѣ. Въ преданіи о Гугнихѣ о первомъ появлениі казаковъ на Яикѣ говорится между прочими, что „Войсковой атаманъ Григорій Меркурьевъ помнилъ бабку свою, а отца его, Меркурия, тещу, которая умерла въ младенчествѣ его, Меркуриева, живь также болѣе ста лѣтъ. Сія его бабка сказывала ему и другимъ, что она, будучи уже лѣтъ двадцати отъ рожденія^а, знала весьма уже престарѣлую Гугниху, жену первого атамана Гугни, которому она досталась молодою женщиной.

Если мы взглянемъ теперь въ перепись войска, произведенную полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, то увидимъ, что войсковому атаману Григорію Меркуриеву въ это время было 57 лѣтъ. Слѣдовательно Григорій Меркуриевъ родился въ 1666 г. Если предположить, что ему было 10 лѣтъ, когда онъ слышалъ отъ своей стольнѣй бабушки разсказъ о Гугнихѣ, то выходить, что его бабушка родилась приблизительно въ 1576 г. и познакомилась съ Гугнихой въ 1596 г. (двадцати лѣтъ отъ рожденія) и если предположить, что „престарѣлой“ Гугнихѣ было тогда 90 лѣтъ, то выйдетъ, что родилась она въ 1506 г., и если 20 лѣтъ (приблизительно) была взята атаманомъ Гугнею, то это произошло въ 1526—1530 году.

Упоминаніе-же въ преданіи о Тамерланѣ, бывшемъ въ Россіи въ 1392 и 1395 годахъ, не можетъ быть принято во вниманіе, т. к. имя этого грозного завоевателя и разгромъ, который онъ сдѣлалъ Золотой ордѣ, настолько врѣзались въ память татаръ, что всѣ послѣдующіе беспорядки и междуусобія войны, бывшия въ Золотой ордѣ, казались татарамъ предъ Тамерлановыми нашествіемъ столь незначительными, что исчезали изъ памяти. Осталось одно только грозное имя Тамерлана, какъ виновника всѣхъ бѣдъ и полнаго развала Золотой орды.

Въ исторіи ногайскихъ татаръ за вторую половину XVI вѣка, именно въ то время, когда появился Гугня у устья Яика, красной антио проходить рядъ кровавыхъ междуусобій; съ 1550—до 60-хъ годовъ князь Измайлъ (Янцкій, въ Сарайчикѣ) рѣжется со своими племянниками изъ за престола, битвы идутъ съ перемѣнами счастіемъ и иногда продолжаются по вѣсколько дней. Упомянута о времени прихода казаковъ на Яикѣ, Гугниха говорить, что въ ордѣ были междуусобія и великия смятія, что вполнѣ совпадаетъ и съ историческими данными. Въ челобитной Федора Рукавишникова, юоданной въ 1720 г., онъ говорить, что казаки поселились на Яикѣ лѣтъ двѣсті тому назадъ, т. е. приблизительно тоже въ 1520 году.

И если примемъ 1550 годъ за время первого появленія казаковъ на Яикѣ, то едва ли отступимъ отъ истины.

Посмотримъ, нѣть ли еще какихъ-либо данныхъ для подтвержденія сообщеннаго Рычковымъ преданія о существованіи казаковъ на Яикѣ въ 1550-хъ годахъ.

Мы уже знаемъ изъ II главы, что въ 1551 году нашъ посланникъ Петръ

Тургеневъ, будучи въ ногайскихъ улусахъ, доносилъ Ивану¹⁾: что турецкій царь писалъ къ Измайлъ Мирзѣ, что „руssкіе-же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ. Какъ вы за это стоять не умѣтѣ“?

Въ томъ-же году русскій гонецъ доносилъ Грозному²⁾: „Шли мы Волгой изъ Казани въ Астрахань и какъ воровались съ Иргизскимъ устьемъ, прашель на насъ въ стругахъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личуга Хромой Путинвецъ и взяли у насъ судно царя Янгурчез (Астраханского царя); а у нихъ просилъ его назадъ, но они мнѣ его не отдали и меня позорили“...

Въ 1567 году приходили къ турецкому султану послы изъ Хивы и, изъ Бухары и говорили, что „Московский государь взялъ Казань да Астрахань ихъ воюетъ и другие многие басурманские юрты“³⁾.

Кто-же были эти удальцы, которые не только воюютъ улусы ногаевъ князя Измайлла, улусы, находящіеся на Яикѣ, но и воюютъ Хиву и Бухару, лежащія далеко за Яикомъ? Кто этотъ казакъ Личуга Хромой, который смѣло грабить въ присутствіи князя Мещерскаго у устья рѣки Иргиза (со стороны Яика) московскаго гонца, едущаго по Волгѣ съ судномъ царя Янгурчеза?

Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если допустимъ, что это были „пріяцкіе орлы“ — первые яицкіе казаки.

Еще при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ въ 1552 году было около 15 тысячъ вольныхъ казаковъ. Но кто они были — исторія пока намъ ничего не говоритъ. О томъ, что дозды участвовали при взятіи Казани, у нихъ сохранилось предавіе, а у яицкихъ казаковъ обѣ участія ихъ въ этомъ бою осталась на память внукамъ только старинная пѣсня:

— И сказалъ Ериакъ царю Грозному:

„Догорить сѣща — я Казань возьму!“

Догорѣла сѣща — въ Казани поднялося облако!

Какъ вскрикнетъ Ериакъ Донскимъ казакамъ,
Довскими казакамъ Гребенскими и Яиковскими:

— „Ой, вы братцы мои, атаманы молодцы!“

Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,

Вы гоните язъ города всѣхъ басурманъ!...⁴⁾“

Кто знаетъ, можетъ быть когда-нибудь исторія вамъ скажетъ, кто были эти вольные казаки, бравшіе въ числѣ около 15 тысячъ городъ Казань? Можетъ быть это были дѣйствительно донскіе, терскіе и яицкіе казаки со своимъ общіемъ атаманомъ Ериакомъ Тамофьевичемъ, потомъ уже, послѣ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 6-й, стр. 124 и Каракинъ, Ист. Госуд. Рос., т. 8 прим. 254.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 6-й, стр. 421

³⁾ Тамъ-же, стр. 290.

⁴⁾ Микушинъ, Сборн. Ураз. каз. пѣсенъ, стр. 28. О взятіи Яицкаго казаками Казани пишется и другой вариантъ этой пѣсни на стр. 29.

валтіл Казані, сдѣлавши „воровскій атаманомъ“ и покеривши впослѣствіи Сибирь?

О томъ, что казаки на Яикѣ поселились въ царствованіе Ивана Грознаго, между прочимъ служить единственный уцѣлѣвшій въ войскѣ памятникъ старины—это соборный диптихъ Михайло-Архангельского собора въ г. Уральскѣ. Въ этомъ диптихѣ, видимо начатомъ съ первыхъ лѣтъ существованія войска, написаны имена и московскихъ царей и первый изъ нихъ упомянутъ царь Иванъ Грозный.

Зачѣмъ-бы японцы казакамъ въ соборномъ диптихѣ, если бы они поселились на Яикѣ при Федорѣ Ioannovichѣ, записывать отца его Ioanna Grozvago? Очевидно, что они записали первымъ того царя, при которомъ они или поселились на Яикѣ, или того, которому они начали служить свою первую службу.

Гдѣ жили первые казаки на Яикѣ: въ Орѣшномъ-ли, Колонвертномъ и другомъ какомъ мѣстѣ—трудно сказать, т. к. надо предполагать, что въ концу царствованія Ioanna Grozvago число ихъ было невелико. Зиму на Яикѣ, озі, вероятно, въ лѣтнее время уходили „на промыселъ“ на Волгу или, спускался по ней, „гуляли по сию морю“ и грабили суда и купеческіе караваны. Съ Волги на Яикѣ были у нихъ проторенныи и хорошо известныя дороги, о которыхъ весьма часто упоминается въ исторіи.

Въ 1556 г., послѣ вторичнаго занятія Астраханіе, Иванъ Грозный велѣлъ казацкому сотнику Кобелеву встать „на рѣку Иргизъ для обереганія навигаціи отъ крымскихъ и русскихъ казаковъ“, а также и для перевоза пословъ.

Изъ этого распоряженія видно, что далеко до 1556 г. русскимъ казакамъ былъ известенъ Яикъ, и что по Иргизу или вблизи него была одна изъ „воровскихъ дорогъ“ къ ногаизмъ; но надо полагать, что эта дорога на Яикѣ была степью—конная или пѣшая.

Другая дорога, болѣе удобная и безопасная отъ татаръ и видимо самая излюбленная, шла по рѣкѣ Самарѣ, вершини которой лежать въ трехъ verstахъ отъ рѣчки Камишъ-Самара, впадающей въ Яикъ. Этотъ водорадѣль между двумя рѣками издавна служилъ золотомъ и находящимся въ частой время вблизи него казачья станица Ореабургск. войска вноситъ вазавае Переялодской. По этимъ рѣкамъ въ 1730-хъ годахъ Татищевы, по указанію сакмарскихъ казаковъ, устроенъ Московскій траскъ изъ вновь основанаго Оренбурга.

Въ книжѣ „Большой Чертежъ“, относящейся къ концу 1600 года, такъ описаны эти рѣки *):

„Рѣка Самара вытекаетъ съ востоку четырьмя разсошими отъ Дюнима рѣки (р. Камишъ-Самара): протоку Самары 620 верстъ. А рѣка Дюнгиль паза въ рѣку Яикъ; отъ верху рѣки Самары до рѣки Яика 120 верстъ“. Уже тогда эти двѣ рѣки описывались вѣдѣтъ, какъ составляющія одно общее—путь на Яикъ, хотя длина теченія обѣихъ рѣкъ сильно преувеличена.

*) Книга „Большой Чертежъ“ Г. И. Сапаскій, изд. 1846 г., стр. 150.

Что р. Самара была въ то время большой глубины, видно изъ географического лексикона, составленного въ 1773 г., въ которомъ говорится, что для построенія въ 1787 г. Сорочинской крѣпости на Самарѣ (въ 245 verstахъ отъ Самары) возили грузъ „водою на большихъ лодкахъ“; тамъ же въ описаніи р. Самары сказано, что она истекаетъ отъ рѣки Яика такъ близко, что отъ Татищевої пристани, на Яикѣ имѣющейся, къ Пере-волоцкой крѣпости, которая въ верховьяхъ рѣки Самары построена, по мѣрѣ только восемнадцать verstъ¹⁾.

Царь Федоръ Иоанновичъ, желая построить на устьѣ р. Самары городъ Самару, писалъ въ 1586 году въ грамотѣ къ князю Урусу (Иамаллову сыну): „а мы за Волгѣ и за Самарѣ велѣли васъ беречи накрѣпко и ваши улусы отъ воровъ отъ казаковъ, чтобы отайдь ни казакъ не воровалъ и ваши улусы не приходилъ, того для есмы и городъ поставили на Самарѣ, чтобы вамъ и вашимъ улусамъ было бы бережеѣ. А которые воры казаки будутъ на Яикѣ или сверхъ Самары и вы бъ сослали въ нашъ городъ Самару, съ вашими воеводами на тѣхъ воровъ ходили съ нашими людьми вѣѣть и ихъ побизали и языка вѣшиали...“²⁾.

Объ этой-же переволокѣ на Яикѣ упоминаютъ астраханскіе воеводы, князь Одоевскій и Головинъ, въ своей отпискѣ къ самарскому воеводѣ въ 1614 г. июня 19: „И тебѣ-бѣ, господине, пишутъ они, про то было бъ вѣдомо и распроса бѣ тебѣ про то подланно, сколько отъ Самары ходу на Яикѣ... и сколько отъ Самары, отъ которой мыста до Яика переволоки и ходу и распроса бѣ послати тебѣ съ Самары проѣзжую станцу“³⁾.

Таково было значеніе р. Самары, какъ главнаго водного пути между Волгой и Яикомъ. И по этому главному пути шли „удалые добры-молодцы“ съ Волги на Яикъ на промыселъ и обратно за Волгу.

Гуляя по Волгѣ и по морю, казаки со для взятія Казани сдѣзались не только грѣзомъ ногаевъ, но стали страшны и для торговыхъ каравановъ на Волгѣ; разбои ихъ привнесли на столько обширные размѣры, что прекратила всякую торговлю на Волгѣ и по Каспійскому морю, гдѣ казаки грабили и убивали не только купцовъ русскихъ и иноzemныхъ, но и русскихъ пословъ и пресѣкли торговлю англичанъ, незадолго передъ тѣмъ начавшихъ сбывать свои товары этимъ путемъ въ Персию.

Пирюютъ казаки, не щадить они бусы—корабли ни на Волгѣ, ни на морѣ Хвалынскомъ; пройдетъ ли „ѣмецъ“, или русское купеческое судно, или царское съ „сизыми орлами“ на борту,—летѣтъ удалъцы... Обступаютъ его на легкихъ стружкахъ, и раздается зловѣщій окликъ:

1) „Географический лексиконъ Росс. госуд. или словарь описывающій“ и т. д., составл. Федоромъ Нелюбимымъ, 1773 г., стр. 365, 367 и 300.

2) Войск. арх., матер. для исторіи войска. Выписано изъ Главнаго Моск. архива минист. ин. дѣлъ. Дѣла ногайскія.

3) Акты Историч., т. 3, № 26—1614 г. июня 19. Ур. Войск. арх. дѣло 8 разр. № 85, отд. 35 стр. 13—14.

— „Гей, сарынь на кичку!“

Падаетъ на колѣна оторопѣлаа стражи и челядь. Напрасна защита. Уже вѣбираются, карабкаются казаки со всѣхъ сторонъ на судно и паруютъ, дува-вать добычу.

Двадцать лѣтъ гуляли на просторѣ казаки. Но вотъ насталъ 1577 г. и таюо двинулась рать царя Грознаго внизъ по Волгѣ съ воеводою Иваномъ Мурашкинымъ; плывутъ съ нимъ на судахъ стрѣльцы, а берегомъ идетъ ков-ная рать, ловить онъ по дорогѣ „воровскихъ казаковъ“ и казнить ихъ любою смертью.

Но не унываютъ безшабашные казаки, кликнули имъ кличъ атаманы-моисед-цы, собрались они и напали на московскаго воеводу.

И закипѣлъ бой на Волгѣ; боятся казаки и на рѣкѣ и пѣши на берегу; крѣпко и долго боятся даѣтъ рати. Но вотъ сдаются казаки, тѣснить ихъ московскіе стрѣльцы, рѣдѣеть казацкая сила, и бросились они въ разныя сто-роны кто вверхъ, кто внизъ по „матушкѣ Волгѣ“, а слѣдомъ за ними спѣшать стрѣльцы. И долго послѣ этого собирались разсѣянныи „казаки охотнички“ около своего атамана Ермака Тимофеевича...

„На рѣчкѣ, братцы, на Камышинкѣ
Собиралися, съѣзжалися люди вольные:
Что Донскіе, Гребенскіе казаки со Яицкими,
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ-душа...
...Да меня, Ериака-казака, вы послушайте:
Вотъ проходить у насъ, братцы, лѣто теплое,
Наступаетъ-то у насъ зима холодая.
Да мы гдѣ-же эту зимушку зиовать будемъ?
На Яика-городъ идти—зареходъ велики;
На Казаевъ городъ идти—тамъ самъ царь стоять,
А на тихомъ Дону быть—намъ ворами слѣть!“

Задумались молодцы и надумали Ермакъ ядти и взять Сибирь подъ цар-скую руку...

Намъ на Волгѣ быть—все ворами слѣть,
Намъ ворами слѣть, быть половленными,
По разныи по тюрьмамъ поразсаженными,
А мнѣ, Ериаку, быть повѣшенному!“ ¹⁾)

Говорить другая старинная пѣсня этого времени.

Гдѣ удалые добры-молодцы зиовали эту зиму—неизвѣстно, но только въ слѣдующемъ году казаки во главѣ со своими атаманами: Митей Бритоусо-скимъ, Иваномъ Юрьевымъ, Иваномъ Колыцомъ и Барбошой ²⁾) позвились

¹⁾ Макушинъ. Сборникъ пѣсень Урал. каз., стр. 24 и 27.

²⁾ Карманинъ. Ист. Госуд. Росс., т. IX примѣч. 663. Изъ нихъ Барбушъ, какъ увидимъ дальше, былъ однимъ изъ атамановъ лицемѣрѣйшихъ казаковъ.

ожидало у г. Сарайчика на Яекъ и въ лакомъ налетѣ взяли этотъ городъ съ бою. Чтобы взять этотъ городъ, нужна была сила немалая. Но казаки взяли, разграбили и сожгли его; они не только „людей живыхъ сѣкли“ — лакъ писалъ потомъ въ своей жалобѣ князь Урусъ Ивану Грозному — но „и сертвыхъ изъ земли вынимали и гробы ихъ разоряли“¹).

Нагруженные богатою добычею, казаки вѣроятно разбрелись въ разныя стороны: яцкіе со своимъ атаманомъ Барбошемъ ушли за Яекъ, а волжскіе и донскіе на Волгу.

Получивъ отъ князя Уруса извѣстіе о этомъ грабежѣ, Иваевъ Грозный, будучи съ нимъ въ дружбѣ, послалъ снова рать логить казаковъ и въ отвѣтъ своемъ Урусу писалъ такъ: „И мы на Волгу и къ Сарайчику казаковъ не посыпывали, и воровали (ови) сами безъ нашего вѣдома и нашихъ пословъ вмѣстѣ съ вашими переграбили; и прежде того они воровали и мы съскавъ казнить велѣли; а нынѣ есмы на Волгу людей своихъ изъ Казани и изъ Астраханіи многихъ послали, а велѣли имъ тѣхъ воровъ волжскихъ и донскихъ казаковъ перевѣшати“²).

Посланные изъ Казани войска снова разбили казаковъ за Волгѣ и атамана Митя Бритуосова и Ивана Юрьевъ были пойманы и въ присутствіи пріѣхавшихъ отъ князя Уруса пословъ были казнены въ Москвѣ³). Спаслись отъ захвата только Иваевъ Кольцо да Барбошъ, вѣроятно, скрывавшіеся на Ликѣ, куда казанскія войска за дальностію не пошли.

Но Иванъ Грозный заочно приговорилъ ихъ къ смертной казни, что видно изъ грамоты къ князю Урусу: „а для атамановъ Ивана Кольца да Барбоши и для иныхъ казаковъ послалъ Государь въ Казань въ всѣ украинные города, а велѣль тѣхъ волжскихъ атамановъ казнити смертию“⁴).

Съ разной весны, съ апрѣля слѣдующаго 1579 г. Иваевъ Кольцо уже состоять въ числѣ атамановъ у Ериака и 21 июня этого года, вмѣстѣ съ Ериакомъ, явился къ Строгоновскимъ на р. Камѣ.

Эти всѣ казаки, бывшіе у Ериака, называются въ грамотѣ, посланной царемъ Грознымъ къ Строгоновскимъ, „волжскими казаками атамана Ериака Тимофеевича съ товарищи“⁵).

Въ то время какъ Ериакъ громилъ сибирскихъ татаръ, яцкіе казаки сдѣлались страшны для ногаевъ князя Уруса. Они грабили и жгли ихъ улусы, истребляли мужчинъ, брали въ плѣнъ ихъ женъ. Жалобами на эти подвиги казаковъ пестрить за это время вся переписка съ ногаями въ „Ногайскихъ дѣлахъ“.

¹) Карамзинъ. Дѣла ногайскія 1581 г. № 10, листъ 140.

²) Ногайскія дѣла № 10, листъ 195.

³) Тамъ-же, № 10 листъ 269.

⁴) Тамъ-же, листъ 258.

⁵) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-й, стр. 427.

Такъ продолжалось вплоть до конца царствованія Ивана Грознаго.

Но вотъ въ 1584 г. онъ умеръ. Не стало на Руси Грознаго царя, вмѣсто него вступилъ на царство его сынъ, кроткій и тихій царь Феодоръ Ioannovitch.

Но грабежи казаковъ на Яикѣ не прекращались.

Въ это-же время, приблизительно въ 1584—85 гг., на Волгѣ, у устья р. Самары собралось до 600 волжскихъ казаковъ со своимъ атаманомъ „Матюшкой“¹⁾. Шумѣть „удалые добры-молодцы“, судать они въ своемъ вельномъ кругу, куда имъ идти зимовать. Ходать среди нихъ ихъ товарищи старые „орлы пріянцкіе“, что пришли на Яикъ еще съ атаманомъ Василіемъ Гугенемъ и которые вмѣстѣ съ волжскими казаками были на промыселъ на матушкѣ-Волгѣ. Немного этахъ удальцевъ, терплются они въ общей массѣ волжскихъ казаковъ; зовутъ они ихъ къ себѣ въ гости на вольный и быстрый Яикъ.

Шумитъ казацкій кругъ... Но вотъ застучали весла, поднялись паруса и быстро одва за другого потянулись казацкія лодки вверхъ по р. Самарѣ. Бдуть удальцы зимовать на Яикъ. Шестьсотъ человѣкъ новыхъ гостей идутъ на далекую „запольную рѣчку“, идуть и бороздятъ членами тихія воды Самары. А кругомъ лѣсь, луга, раздолбье и воля-вольная. Не найдутъ ихъ тутъ московские военводы, не страшень имъ тутъ никто.

Ведутъ ихъ на Яикъ старые казаки яицкіе, радостно ведутъ они ихъ за собою,— мало ихъ было на Яикѣ, теперь будетъ больше.

Но вотъ и переволока. Перетянули удальцы свои лодки, спустились по Камышъ-Самарѣ на Яикъ въоплыли внизъ по его широкой глади.

Проплыли они по Яику и встали у широкаго острова.

— Здѣсь, атаманы-молодцы, и кошу быть! — говорить имъ проводникъ и яицкіе казаки старожилы: вотъ тутъ и наши курени стоятъ.

Встрѣчаютъ гостей оставшіеся казаки на Яикѣ.

И вышли изъ лодокъ удальные гости, расположились они кошемъ и стали готовиться на зимовку. Кто строить курени, кто роеть ровъ и дѣлаетъ валъ, кто ловить дикаго зѣбра и рыбу.

Настала зима и у казаковъ уже выросъ цѣлый городокъ, построены крѣсцкія стѣны—валы, выкопанъ глубокій ровъ²⁾.

Но въ какомъ-же мѣстѣ на рѣкѣ Яикѣ казаки построили свой городокъ? На это намъ можетъ отвѣтить только сохранившееся до нась описание „Большого Чертежа“, т. е. карты Московскаго государства того времени. Это описание было составлено въ царствованіе Михаила Феодоровича по старому большому чертежу, который сдѣланъ былъ „давно при прежніхъ госуда-рахъ“ и былъ настолько ветхъ, что „впередъ по немъ урошищъ смотрѣть не

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайск. дѣла, дѣло № 8.

²⁾ Каракинъ. Ист. Госуд. Рос., т. I стр. 42 и прилѣч. 138, а также Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайскія дѣла № 8, стр. 8, письмо казака Уруса въ 1584—86 гг.—... „а изъ тѣ поры пришель на Яикъ казаковъ съ шестьсотъ или семьсотъ, поставили городъ большой“. Каракинъ считаетъ постройку этого городка въ 1584 году.

можно, избился весь и развалился" и былъ въ употреблении до конца царствования Бориса Годунова, т. е. до 1600 года.

Вотъ что тамъ сказано при описаніи рѣки Яика:

"А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ пала въ Яикъ съ лѣвны стороны Яика Илеза рѣка (рѣка Илекъ) ниже горы Тустоби, по нашему та гора Соленая: ломаютъ въ ней соль.

А на устьи тое рѣки островъ Кошъ Яикъ. А промежъ тѣхъ протоковъ и рѣки Яика на острову казачій городокъ" [4].

Карамзинъ упоминаетъ о построеніи этого городка въ своей исторіи (томъ X, стр. 42) называетъ его „нынѣшиимъ Уральскомъ" и въ то же время для опредѣленія его (тамъ-же въ своей выносѣ 138) говорить, ссылаясь на Большой Чертежъ, что казачій городокъ на Яикѣ былъ при устьѣ р. Илекъ. Уральскъ-же стоять при устьѣ рѣки Чагана въ 180 верстахъ ниже устья рѣки Илека. Ужъ если Карамзинъ такъ легко перемѣщалъ оба эти мѣста, то винить другихъ писателей, повторявшихъ тоже самое, не приходится.

И такъ первое казачье поселеніе на Яикѣ, известное Москвѣ, было у устья рѣки Илека.

Изъ преданий-же, записанныхъ Іос. Игн. Желѣзновымъ, видно, что казаки называли этотъ городъ Голубымъ городкомъ. Проѣзжая въ 1858 г. въ этомъ мѣстѣ, Желѣзновъ такъ описываетъ остатки этого городка¹⁾.

Междѣ Бородинскимъ форпостомъ и Илецкимъ городкомъ въ равномъ разстояніи, прибѣрно верстахъ въ 15 отъ того и другого, въ Илеку впрочемъ ближе, справа отъ Урала, начинается старое русло Урала Кошъ-Яикъ. Ось скривленной линіей описываетъ дугу и пониже Бородинского форпоста впадаетъ въ Ураль. Кругомъ его будетъ верстъ 50, а отъ устья до другого, по Уралу, верстъ 25, а прямо по линіи отъ устья до устья верстъ 15. Выше Бородинского форп., верстахъ въ трехъ, выпада въ Кошъ рѣка Киндели. Въ старину казаки всякое старое русло Яика называли кошемъ, что нынѣ называется старицей. Верстахъ въ трехъ ниже верхняго кошевскаго устья есть возвышенное мѣсто на подобіе гребня, упирающеся въ Яикъ. Эта возвышенность называется „Голубое городище". Такъ оно называется отъ рѣчки за Ураломъ, текущей въ лугахъ. Эта рѣчка чисто иное, какъ обыкновенный луговой ерникъ. Она называется Голубой рѣчкой, отъ нее и городище Голубымъ называется. Уже по одному городищу можно догадываться, что это былъ городъ. Ось дѣйствительно былъ. Теперь есть признаки, но лѣтъ за 8 все рвы и валы были вѣдены, даже основанія башенъ кирпичныхъ были видны. Но лѣтъ 8 или десѧть назадъ Ураль въ этомъ мѣстѣ сильно сталъ рвать яръ и почти все городище сорвалъ. По рассказамъ старика Кулікова, прежній яръ остался теперь уже на Бухарской сторонѣ, гдѣ, какъ обыкновенно вились, образуется песокъ и растетъ лѣсъ. Два года назадъ послѣднюю башню

¹⁾ Войск. арх., III раз. № 85, отд. 42, стр. 11—18. Путевые замѣтки Желѣзнова, до сихъ поръ еще неподанные, гдѣ между прочимъ имѣется набросанный его рукой планъ этого городка.

сорвало. Нынѣшней весной, да и въ прежнія, вырывало кости человѣческія съ признаками гробовъ¹⁾). Значить городъ весь сорвало — рветъ кладбище, которое было во всякомъ случаѣ ввѣ города. Но сверхъ городскихъ непосредственныхъ укрѣплений съ одной, именно съ луговой стороны, крѣпость защищена была сторожевыми башнями. Нѣкоторые изъ нихъ и доселѣ вадѣются, т. е. основаніе или рѣты значатся.

По преданію Уральскихъ казаковъ и киргизовъ, тутъ жили вольные люди. Илецкіе казаки говорятъ, что жила орда. Или илецкіе казаки не знаютъ или съ наивѣріемъ болтаютъ, чтобы заглушить всякую мысль, что тутъ жили яцкіе казаки. Вѣроятно они въ Палласу говорили, что тутъ жила орда. Въ 1768 г. Палласъ видѣлъ это укрѣпленіе и говорилъ, что та крѣпость была ногайскихъ татаръ...

Невиже Голубого городища есть возвышенность, называемая Дуванное. Еще доказательство, что тутъ жила русскіе молодцы, дуванъ дуванаши²⁾.

Въ сторонѣ отъ Голубого городища есть пчельникъ. Въ немъ живетъ старый студеновскій казакъ и передаетъ, что прежде наказывутъ Благовѣщенія слышалась въ лугахъ пушечная пальба, но нѣсколько лѣтъ прекратилась.

— Привидѣніе, — говорить старикъ. Въ старину, дескать, когда наши начинали сраженіе съ басурманами, то открыли огонь въ полночь, не почли праздникъ, и оттого потерпѣли пораженіе. Въ назиданіе другихъ и происходила по ночамъ въ Благовѣщеніе пушечная пальба. Передъ началомъ боя одинъ старикъ уговаривалъ нашихъ, чтобы почли праздникъ и боя не начинали. Послѣ того и городъ перенесли къ Кирсановскому ярамъ³⁾.

Такъ собирались казаки на Яикѣ.

Изъ этого очерка видно, что постепенное заселеніе казаками рѣки Яика началось съ царствованія Ивана Грознаго, приблизительно въ 1520—1550 году, сначала въ количествѣ 30—40 человѣкъ, а потомъ въ 1584—85 году прибыло 600—700 человѣкъ волжскихъ казаковъ.

Отсюда понятно, почему яцкіе казаки въ своихъ членобитныхъ при Петре I, говоря о первыхъ казакахъ на Яикѣ, считаютъ количество ихъ то въ 40, то въ 600 человѣкъ; все зависѣло вѣроятно отъ того, чьи потомки были казаки, писавшіе членобитныя, первой партіи атамана Гугаи или слѣдующей, пришедшей съ атаманомъ Матюшкой.

Первозвачальные пришельцы съ атаманомъ Василиемъ Гугней въ первые же годы, вѣроятно, соединились съ другими волжскими казаками гдѣ-небудь на Яикѣ и построили свой городокъ или у Колыванского или Орѣшнаго, т. к. надо полагать они зимовали на Яикѣ тамъ, гдѣ считали для себя лучше и удобнѣе, и въ ногайскихъ дѣлахъ имѣются указанія на то, что у казаковъ на Яикѣ было нѣсколько городковъ, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ И самый признакъ что тутъ жили христіане, т. к. мюнхене хоронить безъ гробовъ.

²⁾ Т. е. дѣлывшіе добчу.

III.

Отнуда собирались назани на Яикъ, кто они были, ихъ нравы и обычай.

— На Яикъ собирались со всѣхъ сторонъ, со всей можнѣй сказати вселенной. Народъ шелъ сюда ловкій, смѣлый, храбрый, гордый, народъ съ амбиціей; таковъ, батюшка, народъ, которому не жалось на жестъ своего рожденія, которому искала вольготы, простора; одно слово народъ, что называется, сортъ.

— Сказать тебѣ притчу—отгадашь ли?

— Говори. Попробую, авось отгадаю.

— Пчелка беретъ со всякаго цѣлѣта по капелькѣ соку. Что выходитъ?

— Медъ, отвѣчалъ я.

— Отгадалъ, сказавъ старикъ. Подобно сему и наше дѣло: со всякаго значить сословія по молодцу и вышло славное, храбре войско Яицкое, по именишнему Уральское. Этого не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ не бреши.

Соч. И. И. Железнова „Уралмы“ т. III, стр. 61.
Казакъ Терскій. Рассказъ казака Барсукова.

Вопросъ о томъ, кто были первые яицкіе казаки, были-ли то донцы или другіе какіе-либо казаки, до сихъ поръ оставался исторіею не выясненнымъ и все писавшіе объ яицкихъ казакахъ шаблонно повторяли одно, что яицкіе казаки произошли отъ донскихъ, т. е. главную массу ихъ составляли донские казаки.

Въ настоящее время въ Войсковомъ архивѣ имѣются материалы, взятые изъ архива Москвы, которые даютъ полную картину о томъ, кто были эти первые пионеры Яика и изъ какихъ людей состояла тогда буйная понизовая вольница, т. наз. волжскіе казаки, отъ которыхъ и произошли уральцы.

Самые старые списки яицкихъ казаковъ, дожедшіе до насъ, были составлены Богданомъ Зміевымъ въ 1632 году. Эти списки найдены И. П. Хорошевымъ въ Москвѣ. Главають Архивъ Минист. Юстиціи (столбецъ Бѣлгородскаго стола, дѣло № 40, листы 22—83) и были переписаны имъ какъ материалъ для исторіи войска, но безъ указанія, по какому поводу они составлены. Въ настоящее же время удалось отыскать члоботаю Богдана Зміева¹⁾, изъ которой видно, что эти списки составлены при производствѣ иль первой переписи казаковъ на Яикъ въ 1632 году при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ (см. приложение I).

Изъ этой переписи видно, что казаковъ на Яикъ въ то время было 950 человѣкъ, всѣ они великорусскаго происхожденія за исключеніемъ 4 инородцевъ,

¹⁾ Акты Моск. госуд., т. 2 № 429, разр. приказъ, Московская столъ, столбецъ № 227, листъ 14.

всѣ носить православныя имена, кромѣ корельца (Оношко). Изъ всѣхъ 95^н человѣкъ только 93 имѣютъ прозвища или фамиліи, остальные называютъ себѣ по имени и отчеству (Иванъ Михайловъ, Петръ Сидоровъ и т. д.) и лишь 487 человѣкъ къ своимъ именамъ прибавляютъ назанія мѣста, откуда они прибили на Яикъ ¹⁾). Эти драгоценныя въ историческомъ отношеніи указанія пролазятъ яркій свѣтъ на то, откуда собирались эти „добры молодцы“, эти „волжскіе казаки“ — „понизованъ вольница“, и кто были первые ящики казаки.

Распредѣливъ по городамъ всѣхъ казаковъ, давшихъ указанія о своей родинѣ, или мѣста, откуда они пришли на Яикъ, мы увидимъ, что самое большее количество выходцевъ даютъ города: Нижний Новгородъ 47, Казань 37, Москва 31, Астрахань 25, Темниковъ 20, Шадъ 16, Ярославль 14; затѣмъ слѣдуютъ въ порядке численности города: Кострома, Смоленскъ и Вологда, давшіе по 12 чл.; Краснослободскъ и Владимиръ по 10; Арзамасъ 9 ч., Уржумъ и Рязань по 8; Саратовъ, Чебоксары, Вязьма въ Кадомѣ (Тамб. губ.) по 7 чл., Самара и Устюгъ (Вологод. губ.) по 6; Шуя, Юрьевъ (Влад. губ.), Касимовъ, Куришъ и Козьмодемьянскъ по 5 чл.; Бѣлозерскъ, Архангельскъ, Тетюши и Свіяжскъ по 4 чл.; Переяславль-Залѣцкій, Ржевъ, Ростовъ (Яросл. губ.), Коломна, Балахна, Сузdalъ, Путинъ, Воронежъ, Черный Яръ, Лашевъ, Курскъ, Вятка, Псковъ, Галичъ (Костромской) и Духъ (Костром.) по 3 человѣкъ; Дмитровъ, Бѣлевъ, Желѣзный Устюгъ (Новгород.), Кашина, Новгородъ, Угличъ, Василь, Холмогоры, Новый Торжокъ, Пощечинъ, Калуга и Никольское (Влад. губ.) по 2 человѣкъ, и наконецъ слѣдующіе города дали по одному выходцу: Ливны, Волоколамскъ, Симбирскъ, Дрогобичъ, Бѣлецкій Верхъ, Малинъ, Верхотурье, Кинешма, Михайловъ, Гороковецъ, Тюмень, Вычегодская соль (Сольвычегодскъ Волог. губ.), Руза (Моск.), Юрьевъ Половъскій (Влад.), Павлово (Нижегор.), Тула, Тихвинъ, Свіяжскъ, Стародубъ, Ряжскъ, Орлецъ (Архангел. губ. „орланъ“), Можайскъ, Бѣлгородъ, Брянскъ, Каргополь, Оса, Романовъ (Яросл.), Лысково, Осташковъ, Дѣдово, Лебедевъ, Караваевъ, Улжа (Костр.), Волжовъ и Торопецъ.

Кромѣ того называвшихъ себя терцами 7 и гребенцами 2 человѣкъ, и сверхъ того изгородцы: пермякъ 1, корелецъ (по имени Озошко) 1, мещерацъ 1, лензакъ (вѣроюство ляфлязедецъ изъ г. Лемзела) и сибирика (правосл.) 2, поморцевъ 2 (видимо Арханг. губ.) и имѣется пять человѣкъ съ неясными указаниемъ мѣста своей родины: „мурашкинецъ“, „погорѣлаго городища“, „Гусенинъ“, „чивеленинъ“ и „долгорашенінъ“.

Если-же ихъ распределить по существующимъ нынѣ губерніямъ, то получится слѣдующая картина:

Нижегородской губерніи 63, Казанской 61, Тамбовской 44, Владимирской 42, Московской 39, Астраханской 28, Симбирской 25, Ярославской 22, Костромской и Смоленской по 20, Вологодской 19, Рязанской 16, Вятской

¹⁾ Такъ наприм.: Митка Федоровъ Ярославецъ, Андрющка Анисимовъ Нижегородецъ, Фрэма Потапова Казанецъ и т. д.

12, Пензенской 10, Новгородской и Архангельской (сюда включены и два помора) по 9, Саратовской, Курской, Тверской по 7 человекъ, Самарской 6, Псковской, Орловской и Пермской (сюда включенъ и ивородецъ „пермякъ“) по 4 чел., Тульской, Воронежской губерн. и сибириаковъ (сюда включенъ тюменецъ) по 3 чел., Черниговской и Олонецкой губерн. по одному и по одному же лемзаку, мещераику и корельцу, терскихъ казаковъ 7 и гребенскихъ казаковъ 2.

Изъ этого списка видно, что бывшіе волжскіе казаки и первые яицкіе казаки были выходцами главнымъ образомъ изъ великорусскихъ сѣверныхъ областей, лежащихъ по бассейну рѣки Волги и даже изъ Вологодской и Архангельской губерній. Чтобы въ Холмогоръ или Архангельска добраться въ то время до Яика, нужна была рѣшимость немалая, вужла была отвага и сильность выдающіяся. Не всякий человѣкъ могъ рѣшиться на такой подвигъ.

Въ этомъ спискѣ не видно ни одного донца, между тѣмъ имъ скрывать свое званіе не было никакой необходимости: терцы и гребенцы съѣло говорили о себѣ, а одинъ изъ нихъ терецъ Лапоша подальше даже членобитную о зачисленіи его въ яицкіе казаки; одинъ изъ гребенцовъ, какъ видно изъ списковъ, сказался прямо „гребенской казакъ“. Если-бы среди яицкіхъ казаковъ были тогда донцы, то безусловно хотя вѣсколько человѣкъ изъ нихъ попало бы въ перепись, но этого мы не видимъ.

Другимиъ документомъ, дающимъ яркую характеристику того, изъ какого элемента состоялось Яицкое войско, служить перепись Войска, произведенная полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, т. е. почти 90 лѣтъ спустя послѣ переписи, произведенной въ царствованіе Михаила Феодоровича. Каждый казакъ давалъ [показаніе о себѣ подъ присягою подъ страхомъ „зашенія живота“ и подъ своимъ показаніемъ „кладъ руку“, т. е. подписанвался]. Каждый казакъ долженъ былъ показать: 1) откуда родомъ онъ самъ или предки его и изъ какого званія происходить; 2) сколько лѣтъ приверстанъ въ казаки (т. е. сколько лѣтъ на службѣ) и при какомъ атаманѣ; 3) дѣти его, сыновья и лѣта ихъ; 4) когда прашелъ на Яикъ онъ или предки его.

По этимъ показаніямъ выяснилась вся картина прошлаго Яицкаго войска, происхожденіе казаковъ, ихъ служба, бывшіе атаманы.

Подлинная перепись находится въ бывшихъ дѣлахъ Военной коллегии, нынѣ въ Москвѣ, отд. архива Главнаго штаба: „Книга сказокъ яицкимъ казакамъ“ въ кожаномъ переплѣтѣ и прошузирована; въ ней листовъ № 23—1016, № 24—1012, № 25—972, № 26—542 л., въ этомъ послѣднемъ, кроме сказокъ казаковъ, сказки прошлыхъ людей и работниковъ, которые въ общей спискѣ казаковъ не записаны. Изъ этихъ сказокъ составленъ общий списокъ подъ № 22 на 360 листахъ¹⁾). Перепись эта была переписана по просьбѣ М. П. Хорошина писцомъ Я. Егоровыми; съ этой переписи снята собствен-

¹⁾ Въ томъ-же архивѣ (казачье поимѣніе) и книга эта озаглавлена такъ: „Книга, переписная переписи господина полковника и лейбъ-гвардіи капитана Захарова со товарищи Яицкихъ казакахъ 1723 и 1724 годовъ“.

поручено копія Вач. П. Бородиныхъ, что составило книгу въ 201 полустать, которая и хранится въ архивѣ Войск. хоз. правлениі; гдѣ же находится копія съ подлинной, списанная для М. П. Хорошкова,—ненавѣстно. Перепись эта была всесторонне разработана Вач. Петр. Бородиныхъ, въ составлены были таблицы казаковъ: 1) по городамъ и губерніямъ, откуда они прибыли; 2) по времени ихъ прихода на Яикъ; 3) особый списокъ донескихъ казаковъ и 4) по бывшему званію и общественному положенію ихъ на мѣстахъ родины и 5 таблица, показывающая сроки службы казаковъ (когда приверстанъ въ казаки (см. приложения II, III, IV, V, VI и VII).

Изъ этихъ списковъ и таблицъ видно, что если распределить всѣхъ переписанныхъ у Захарова 3164 чел., бывшихъ тогда на Яикѣ, казаковъ по нынѣ существующимъ губерніямъ, то получится слѣдующее:

Старинныхъ лицовыхъ казаковъ 74 человѣка; прибывшихъ съ 1599 года изъ разныхъ губерній:

Казанской губерніи—874, Симбирской 578, Самарской 523, Нижегородской 315, Владимирской 107, Уфимской 99, Пензенской 90, Московской 83, Тамбовской 58, Донской области 50, Рязанской губ. 38, Костромской 25, Ярославской 26, Польши 13, Тульской и Вятской по 9, Курской и Астраханской по 8, Смоленской 7, Воронежской 5, Саратовской и Черниговской 4, Вологодской и Сибирской губера. по 3, Терской области, Петербургской и Выборгской губера. по 2, Архангельской, Киевской, Полтавской, Запорожья, Орловской по одному человѣку. Кроме этого, ненавѣстно откуда прибыли (не помнить) 72, показали себя прямо завоеванными или бѣжавшими изъ киргизск. племяна калмыками 4, показавшими мѣста прежнаго жительства въ искаженномъ видѣ, такъ что определить, изъ какой губерніи, трудно (запр. Г. Погорѣловъ, Г. Кампиръ и др.) всего 9 чел. и калмыкъ, причисленныхъ къ войску при Петрѣ I (буддиста)—43 человѣка.

Какъ видно изъ этого перечня, всѣхъ болѣе количествомъ бѣглецовъ дали Казанская, Симбирская, Самарская и Нижегородская губерніи; если же принять во вниманіе, что губернія Казанская и Самарская сами комплектовались переселенцами жителей сѣверныхъ областей, то будетъ ясно, что главной составной частью Яикаго войска были люди сѣверной Руси, а никакъ не юга, а тѣмъ болѣе Дона.

На первомъ мѣстѣ, давшемъ наиболѣшее число переселенцевъ, нужно поставить г. Алатырь, а главное Алатирскій уѣздъ, давшій 565 человѣка, изъ нихъ однихъ крестьянъ было 544 человѣка. Второе мѣсто занимаетъ Самарскій уѣздъ, давшій 331 человѣка, изъ нихъ крестьянъ 327 челов. Постаралась поставкою бѣглыхъ и сама Самара: кроме 20 посадскихъ людей, она дала войску 84 воинъ и иныхъ стрѣльца, а всего 135 человѣка.

Затѣмъ, по количеству бѣжавшихъ, следуютъ уѣзди: Симбирскій, Аразанскаій, Казанскій, Нижегородскій и т. д.

Бѣжалъ народъ, что называется, всякаго чина и облика. Кроме крестьянъ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей, бѣжали дѣти подъзачихъ, бѣлодворцы, духовные, дворовые люди, бобыли, и т. д. Бѣжалъ тоже одинъ подпрапорщикъ и даже одинъ „изъ нѣмецкихъ князей“, какъ звачится въ переписи Захарова. Что бѣжавшій былъ князь,—это, разумѣется, сомнительно, но что въ числѣ бѣжавшихъ на Яикъ были и иностранцы, можетъ свидѣтельствовать даже теперь существующая въ Войску фамилія казаковъ Маркобруновыхъ. Бѣжавшій нѣмецкій князь носилъ чисто-русскую фамилію — Рязановъ, что, впрочемъ, неудивительно, ибо русскій человѣкъ имѣетъ замѣчательную способность пріурочивать иностраннныя фамиліи къ русской почѣ, чemu припомнъ можетъ служить хотя бы фамилія Гамильтоновъ, передѣланная народомъ въ известную теперь фамилію Хомутовы.

Вотъ списокъ казаковъ по ихъ общественному положенію, бывшему на родинѣ, и по національностямъ:

Старинные язакіе казаки	74.
Крестьяне	1922.

Казаки, вновь прибывшіе изъ великороссійскихъ городъ и мястечекъ (городовые казаки):

юртovые, станичные	90
казачьи слободы	112
бѣлохатаные казаки	75
городские служилые	37
конные казаки	6
отставные конные казаки	1
доярские казаки	48

Посадскіе люди 212, конные и пѣше стрѣльцы 152, ясачные служивые и другіе татары 70, завоеванные и бѣглые башкиры 49, дворовые люди 40, польской породы (завоеванные и другіе) 29, служилые и бѣлохатаные солдаты 28, бобыли 20, духовного званія 18, пушкари 9, бѣлодворцы 7, дворянине („по дворянскому списку“) 7, мордовской породы 7, черкашевы и изъ черкасъ (горскаго) 7, шведской и чухонской породы 5, калмыцкой породы 4, записные бѣлодворцы и рыбные ловцы государевой рыбной слободы 4, ящики 4, ногайскіе татары 3, записные Его Имп. Вел. неводчики 2, мящане 2, записные государевы кузнецы 2, записные каменщики 1, червые кузнецы 1, ямскіе охотники 1, служивые иноземческія службы 1, дѣти подъзачихъ 1, подпрапорщики 1, чувашской породы 1, турчанинъ 1, нѣмецкаго рода 1, волошанинъ 1.

Теперь мы должны обратиться къ другому интересному же вопросу о томъ, кто-же были главные поставщики въ Войско. Вотъ что пишеть объ этомъ

Вячеславъ Петр. Бородинъ въ своемъ ненайденномъ и неоконченномъ трудѣ: „Кратай очеркъ 300-лѣтія службы Уральского войска”¹⁾.

На это имя отвѣчаетъ та-же перепись Захарова. Главный поставщикъ былъ бояринъ, стольникъ Михаилъ Плещеевъ, владѣвшій селомъ *Промзино-Городище*, въ Алатырскомъ уѣздѣ. За нимъ слѣдуютъ и другіе сильные властители, а по вѣсѣ вѣроятіемъ и уѣснителя: бояре князь Лиховъ, помѣщикъ Никита Вутлеровъ, стольникъ князь Щербатовъ, князь Баратинскій, князь Черкасскій, помѣщикъ Аргамаковъ, князь Вяземскій, съѣтлѣшій князь Александръ Дан. Меньшиковъ, князь Куракинъ, князь Трубецкой, князь Ростовскій, князь Василій Долгорукій, помѣщикъ Соймоновъ, бояринъ князь Иванъ Троекуровъ, князь Баратинскій, бояринъ Борисъ Петровичъ князь Ромодановскій, бояринъ Морозовъ, Шереметевъ, князь Волховской, бояринъ Прозоровскій, князь Репнинъ, бояринъ Гагаринъ²⁾ и т. д. и т. д.

Изъ этого, далеко не полнаго перечня поставщиковъ, не выбраннаго умышленно, а сдѣланнаго по порядку черновой записи, при разработкѣ переписи Захарова, видно, что поставщиками были люди все именитые, люди съ бѣльшимъ значениемъ въ тогдашнее время.

У насъ есть интересное историческое свѣдѣніе, что даже самая перепись Захарова произведена была по приказанію съѣтлѣшаго князя Александра Давыдовъ. Меньшикова (Петръ былъ тогда въ Персидскомъ походѣ), который считалъ въ Яицкомъ войсکѣ болѣе 500 своихъ крестьянъ, но объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить въ перечнѣ событий второго столѣтія Яицкаго войска.

При внимательномъ чтеніи переписи часто можно встрѣтить, что сначала, напр., бѣжать старшій братъ, а потомъ, черезъ годъ, появляется уже его отецъ, дѣдъ и изладшіе братья. Изъ этого ясно, что сообщенія Яика съ Русью были болѣе или менѣе частны, такъ что уголокъ этотъ былъ въ общеніи со старымъ пепелищемъ.

Сказавъ ранѣе, что главный контингентъ войска были бѣлые, и мѣлкие, мы приведемъ, что второстепенныи были бѣлые же и „засеванные“ изъ тѣхъ жѣ, куда яицкіе казаки ходили въ походы.

И это наше положеніе мы основываемъ на переписи-же Захарова.

Часто ходи въ походы³⁾, казаки, рассказали о своемъ житьѣ, или своимъ свободнымъ, незабитымъ, какъ у тогдашнаго крестьянина, видомъ, вѣроятно, возбуждали интересъ въ населеніи, находящемся при тогдашнемъ крѣпостномъ правѣ и неурядицахъ далеко не въ завидномъ положеніи. Полная свобода

1) Войсковой архивъ. Материалы для истории войска.

2) А также и Москву „въ станцизъ“ и „съ кусомъ“, куда ходили по слѣдующей дорогѣ: „изъ Самару, Симбирскъ, Алатырь, Аразмасъ, Муромъ, Владимиръ и на Москву“. (Документы Захарова въ 1723 г. августа 20 въ Военную коллегию. Войск. архивъ, дѣло III раз. № 86, отъ № 86, стр. 20). Какъ видно изъ переписи, эти города служили главными поставщиками бѣглыхъ въ войско. А. Б. Караповъ.

своих же собратий, крестьянъ, которыхъ правительство теперь, когда они бѣжали въ казаки, жалуетъ деньгами, сукнами, свинцомъ, порохомъ и даже чарою зеленой-чина, ихъ разсказы о привольныхъ мѣстахъ, безъ бурмистровъ, старость и прочихъ атрибутовъ крѣпостничества, невольно заставляли задумываться многихъ, а больше рѣшительныхъ и бѣжать въ обѣтованныя мѣста. Положенія казачьи нравились народу еще и потому, что даже своихъ пленныхъ, „завоеванныхъ“, какъ говорить первыи, казаки не дѣлали рабами, а приверстывали къ себѣ въ товарищи, въ казаки. Поэтому въ перенесиша мы встрѣчаемъ выраженіе: „изъ завоеванныхъ поляковъ, башкирцевъ, ингерманландской и чуконской породы“ и т. д.¹⁾)

Всѣ, искашившіе о Яицкомъ войскѣ, единогласно показывали, что „Яицкіе казаки произошли отъ Донскихъ“. Эти показанія они основывали главнымъ образомъ на показаніяхъ атамана Рукавишникова, въ 1720 году, показаніяхъ яицкихъ депутатовъ — Тамбовцева, Авкудинова, Колпакова и Акутина, въ 1766 году, а также на свѣдѣніяхъ, собранныхъ Неплюевымъ и Рачковымъ.

Въ отвѣтъ на это скажемъ только то, что всѣ эти свѣдѣнія были чисто официальныя. Въ самонь дѣлѣ, могъ ли атаманъ Рукавишниковъ, — этоѣ крайне умный и энергичный человѣкъ, какъ увидимъ далѣе, — въ 1720 году говорить въ государственной коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ свѣтѣйшему князю Меньшикову, что онъ, Рукавишниковъ, и почти всѣ яицкіе казаки бѣглые отъ него, свѣтѣйшаго князя Меньшикова, отъ Апраксина, Репнина, Шереметева и другихъ сильныхъ властію сподвижниковъ Петра? Могъ ли умный человѣкъ, выбранный въ депутаты цѣлыми войсками, а съдовательно и самими бѣглыми, заявить официально, передъ цѣлой коллегіей, что все выбравшее его войско почти поголовно бѣглые крестьяне, стрѣльцы и посадскіе люди? Испо, что этого быть не могло, тѣмъ болѣе, что такой посланный всегда снабжался самыми подробными инструкціями, и въ то же время долженъ былъ звать о тѣхъ 4-хъ указахъ Петра, посланныхъ казакамъ, въ которыхъ онъ строжайше запрещалъ принимать бѣглыхъ „подлаихъ“ и другихъ людей, а принимать въ казаки только „вольныхъ людей“. Такими многократными указами переполнена вся исторія казачьихъ войскъ и изъ-за укрывательства бѣглыхъ людей потомъ началась въ Яицкомъ войску даже распри войска съ атаканомъ Меркульевымъ, о чёмъ мы будемъ говорить въ своеемъ мѣстѣ.

„Набираться вольными людьми“ ни одно войско, разумѣется, не могло, ибо, по народной пословице „отъ величья волѣ не бѣгаютъ“, а потому единственная ссылка была на донцовъ, какъ старѣйшихъ казаковъ, которымъ иниціальный переходъ въ Яицкое войско не могъ быть воспрещенъ, „по казачьимъ вольнымъ обычаямъ“.

¹⁾) Здѣсь кстати будетъ сказать и о слѣдующемъ обычай казаковъ: всѣ казакианные, какой бы вѣры они ни были, обязаны были принять православіе, а всѣ бѣлые никакъ право исповѣдывать ту вѣру, которую находили лучшею.

Депутаты же 1766 г., которых мы поименовали выше, получили такую обстоятельную инструкцию отъ войска (она есть въ войсковомъ архивѣ), что, ясно, не могли говорить ничего другого, кромѣ того, что имъ приказано, и въ приказано было говорить то, что показывалъ атаманъ Рукавишниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, серьезно вдумываясь въ поставленный вопросъ, мы цѣально должны остановиться на слѣдующемъ: какая была необходимость донцамъ бѣжать на Яикъ, когда въ то время на Дону жалось много лучше, чѣмъ на Яикѣ? Донские казаки прекрасно „добывали себѣ запузы“ не только на окраинахъ Россіи, за Кубанью, но и за Черномъ морѣ, безпрестанно разоряя турецкіе города по всему побережью моря, даже до самого Царьграда. Всѣ цари, начиная съ Ивана IV Васильевича и почти до конца царствованія Петра I-го, должны были усиленно отписываться въ Константинополь, отказываясь отъ донцовъ, какъ отъ неподвластной Москвѣ вольницы и даже возвратить назадъ Азовъ,—эти ворота въ Черное море,—взятый донцами въ 1637 году. Все это дѣлалось, разумѣется, изъ-за болезні разорвать дорогой миръ съ Турцией, въ то время, когда Москва не была еще „собрана“ какъ слѣдуетъ и что сдѣлано было только потомъ сильной рукой Петра Великаго».

Къ всему сказанному В. П. Бородавымъ, я считаю должны добавить слѣдующее:

Перепись полковника Захарова, сдѣланная въ Яцкомъ войскѣ въ 1728 году, даетъ намъ указавіе, что всѣхъ донцовъ пришло на Яикъ 44 человѣка; при этомъ важно и то обстоятельство, что направившій изъ донцовъ пришель на Яикъ только въ 1617 году, т. е. за 33 года позднѣе 1584 года, т. е. того года, когда на Яикъ пришло 600 волжскихъ казаковъ.

Остальные же донские казаки пришли на Яикъ въ 1623 г. (два человѣка) и въ болѣе поздніе годы, начиная съ 1633 года.

Если же мы справимся въ словарѣ Даля, то увидимъ, что самый первый выходецъ на Яикъ атаманъ *Василій Гуна* былъ не донецъ, а житель сѣверной Руси—новгородецъ¹⁾. И мы едва ли ошибимся, если скажемъ, что не донцы пополнили кадры волжской вольницы, а что бывшіе ушкуйники—волжские казаки—сами иногда уходили на Донъ и тѣмъ усиливали собою ряды донцовъ. Въ тѣ времена, когда появились первые казаки на Яикѣ, за все время царствованія Ивана Грознаго, среди донцовъ то и дѣло встречаются атаманы и казаки, которые носятъ прозвища то „новгородецъ“, то „мещерацъ“ и т. д., о чёмъ часто упоминается хотя бы у того-же Соловьевъ въ его „Исторіи Россіи“. Отсюда видно что Яцкое войско образовалось самостоятельно внарадъ отъ волжскихъ казаковъ, а потомъ бѣглецами изъ сѣверной Руси. На Донъ же шли жители южныхъ областей, что будетъ вполнѣ ясно, если хотя бѣгло

¹⁾ В. И. Даля „Толковый словарь живого великорусского языка“ 1873 г. „Гуна, Гунчикъ жер. Новгородское, Уральско-казачье, тоже гусарь, кто гуситъ. За здоровье бабушки Гуткина!—праматерь Урал. казаковъ“.

ваглянуть на наши рѣчные системы, служившія тогда единственными путями сообщенія и разселенія жителей древней Руси.

Да какіе-же это были донцы — жители самой южной русской области, которые умѣли ходить на лыжахъ? Гдѣ вы найдете такого поселенника южныхъ областей, хотя бы на томъ-же Дону или въ нынѣшнемъ Уральскомъ войскѣ, который ходилъ бы, или умѣлъ ходить на лыжахъ? А вѣдь у Василия Гуганя его молодцы умѣли ходить за лыжахъ! Неужели и это были донцы?

Различное происхожденіе донцовъ и уральцевъ рѣзко выразилось какъ въ характерахъ и типахъ этихъ двухъ различныхъ войскъ, такъ и въ бытоворѣ и общинномъ строѣ ихъ, и главнымъ образомъ въ нарѣчіяхъ, въ говорѣ законъ. У донцовъ слышенъ южно-русскій говоръ, уральцы-же говорятъ сѣвернымъ нарѣчіемъ.

Чтобы увѣрять, что уральцы произошли отъ донцовъ, нужно доказать, что главное ядро яицкихъ казаковъ составляли донцы — и только при этомъ условіи можно было бы смѣло говорить, что уральцы произошли отъ донцовъ, а когда этого неѣть, когда историческія данныя, голые факты намъ говорить, что главную массу и почти единственную яицкихъ казаковъ со-ставляла волжская вольница, комплектовавшаяся жителями сѣверныхъ русскихъ областей,— повторять это было-бы недѣльностью. Можно только спрашивывать, бы-ла ли въ Яицкомъ войскѣ хотя вѣсколько донцовъ, а не увѣрять, что уральцы произошли отъ донцовъ. Съ такимъ-же основаніемъ, конечно, можно увѣ-рять, что уральцы произошли отъ мещеряковъ или отъ корельцевъ, такъ какъ ихъ въ войскахъ было по одному человѣку. Что касается путь, по ко-торымъ шла эта бѣглѣцы на Яицкъ, то конечно было-бы смѣшно думать, что этотъ путь лежалъ черезъ Каспійское море и далѣе вверхъ по Яицку. Между тѣмъ большинство иссавшихъ объ Яицкомъ войскѣ рассказываютъ, что первые яицкие казаки поднялись вверхъ по Яицку и остановились въ первомъ поселеніи яицкихъ казаковъ, какъ мы теперь знаемъ — въ Голубомъ городкѣ или по преданіямъ въ Орѣшномъ или Коловертномъ.

Подобное предположеніе — пишетъ Вяч. Петр. Бородинъ въ своемъ труде — болѣе чѣмъ неосновательно.

„Да и въ самомъ дѣлѣ — говорить онъ — воровскіе казаки, чтобы достигнуть своего первого поселенія на Яицкѣ, Голубого городка, должны бы были спус-титься внизъ по Волгѣ, проплыть мимо вѣскольскихъ городковъ, пробиться у Астрахана, проѣхать моремъ до р. Яица, пробраться по Яицу мимо Но-гайской орды, — и плыть вверхъ по Яицу около 700 verstъ это по тракту, а рѣкою, подалуй, и около тысячи verstъ! Является прямой вопросъ: почему же они не остановились на какомъ-либо другомъ мѣстѣ, ближе къ устьямъ Яица, напр. въ Будариномъ, извѣстномъ въ древности своими лѣсами и дру-гими угодьями, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, такъ какъ все берега Яица были тогда покрыты лѣсомъ, о чѣмъ сообщаетъ намъ извѣстный путе-

шественникъ Шалласъ. Затѣмъ, почему Орѣшное или Голубое городище могло прельстить ихъ? На сколько известно, ни то, ни другое мѣсто не отличались никакими преимущественными удобствами. Не проще ли и не ближе ли къ истинѣ будетъ постановка вопроса совершенно иначе, согласно примѣръ истории древней Руси.

Извѣстный историкъ Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи говорить, что русскій народъ, въ своихъ переселеніяхъ, особенно цѣваль рѣчной путь, обязательно пользуясь волоками и разселялся по какой-либо большой рѣкѣ почти всегда внизъ по течению. Сѣверная Двина и Волга — живые этому примѣры. Если мы остановимся на этомъ положеніи, то заселеніе Яика окажется очень простымъ. Казаки шли съ Волги въ р. Самару, оттуда спускались по р. Камышъ-Самарѣ, въ р. Яикъ, около нынѣшней Татищевої станицы¹⁾. Волокъ въ 3—4 версты — разстояніе ничтожное, тѣль болѣе, что у насъ есть примѣры болѣе широкихъ волоковъ, которыми пользовалась Русь, — переволакиваясь, наорю., изъ Волги въ Донъ, у Добувки, или извѣстнаго въ древности Волока Ламскаго, изъ-за которого были даже распри между удѣльными князьями.

Далѣе все становится просто: первое, ближайшее къ устью р. Камышъ-Самары, мѣсто, которое полюбилось „воровскимъ казакамъ“, было Голубое Городище, гдѣ они остановились, окопались и даже сдѣлали на нѣкоторомъ разстояніи отъ городка сторожевыя башни. Всего же вѣрѣ, они встрѣтили тутъ или покинутыя жилища и окопы, а можетъ быть даже и жителей.

Основавшись на Яикѣ, будущіе яицкіе казаки, подобно разселенію хотя бы новгородцевъ, начали спускаться внизъ по течению рѣки и послѣдовательно одно за другимъ основывали временные поселенія, т. е. прали ту витку, по которой потомъ новые недовольные и ищущіе вольности и простора добирались до самаго клубка, состоявшаго изъ тѣхъ смѣльчаковъ, которые, въ силу привычки, не могли вить постоянное гнѣздо, а продолжали движеніе впередъ до тѣхъ поръ, когда, можетъ быть, встрѣтились съ другой такой-же группой смѣльчаковъ, громившихъ „погань некрещеную“ около устья Урала у Сарайчика²⁾.

О правахъ первыхъ яицкихъ казаковъ мы имѣемъ весьма смутныя представленія. Это была буйная вольница, не признававшая надъ собою ничѣй власти, можетъ быть, даже винчалъ и не признававшая семьи, но современенъ, уже

1) Прежде берега Камышъ-Самары и притока ея Грязнушки были покрыты сплошными лѣсами; не смотря на то, что теперь лѣсовъ по берегамъ ихъ уже вѣтъ, рѣчки эти теперь все-таки на столько глубоки, что по зимѣ возможно плавать въ лодкахъ, ибо въ настоящее время глубина названныхъ рѣкъ (въ вершинахъ) отъ 1 до 8 аршинъ, а ширина до 3-хъ саженъ. По берегамъ Грязнушки до сихъ поръ сохранились признаки стариннаго жилья, по видимому развалины землянокъ.

В. Бородинъ.

2) Что казаки дѣйствительно постепенно заселяли Яикъ внизъ по теченимъ, видно будетъ изъ слѣдующихъ главъ.

А. Б. Карповъ.

приблизительно въ 1615—20 году, при переселеніи казаковъ изъ Кирсанова дра въ выѣшній Уральскъ, видѣо, что у казаковъ были семьи, о чёмъ имѣются данныя. Люди съ жалѣзною волей, съ сильными характерами, люди, не признававшіе надъ собою никого, кроме своей личной воли, и дорожившіе этой волей болѣе всего на свѣтѣ, каковы были первые яицкіе казаки, сплотившись въ общаву, нуждались и въ твердой власти, которая могла бы управлять ими, и эта власть и сама община выработали для этого свои суровые и жестокіе законы. За побѣгъ со службы, за воровство, убийство — казаили смертію; за буйство, драки „были нещадно ричажемъ“ или виновнаго влали „на шары на палы“, т. е. раскладывали на цалки и „были нещадао.“ Отголосокъ этого наказанія до сихъ поръ еще существуетъ на Уралѣ въ дѣтскихъ играхъ: до сихъ поръ казачата раскладываютъ виновнаго „на шары на палы“¹). Смертную казнь производили или сажаніемъ „въ куль да въ воду“, или виновнаго пристрѣлевали изъ ружья. Приговореннаго къ наказанію посадки въ воду, если эта казнь совершилась лѣтомъ, влали въ мѣлкій вмѣстѣ съ камнями и бросали въ воду, или, привязавъ камень на шею, стаикивали его въ воду съ высокаго яра; если же это происходило зимою, то осужденнаго стаикивали въ прорубь и толкали подъ ледь, а если онъ хотѣлъ еще взглянуть на божій свѣтъ, то били его дубиной по головѣ²).

Принесъ съ собою въ древней Руси древне-руssкіе обычая, казаки принесли на Яикъ и вѣчесой колоколъ и вѣчевой кругъ. Всѣ дѣла рѣшались кругомъ, на который они собирались по зову колокола или по словесному распоряженію своихъ начальниковъ. Въ кругу участвовалъ всакій казакъ и имѣлъ право высказывать все, что онъ думалъ и что по его мнѣнію было необходимо. Власть надъ войскомъ сосредоточивалась въ рукахъ атамана, выбраннаго казаками изъ своей среды въ кругу всѣхъ войскъ вольными голосами. Въ помощь къ атаману выбирался есаулъ (есауль) одинъ или два, смотря по количеству казаковъ. Власть атамана у первыхъ казаковъ, какъ видно изъ некоторыхъ пріимѣровъ, была почти неограниченная: такъ по преданію атаманъ Нечай поѣхѣлъ дѣлякъ только за то, что тотъ предсказывалъ неудачный походъ въ Хиву. Атаманы сѣѣались и назначались, когда того хотѣли сами казаки. Съ первыхъ-же временъ существованія казачества на Яикѣ видно раздѣленіе ихъ на десятки со своимъ выборнымъ десятникомъ. Ни сотниковъ, ни хорунжихъ у яицкихъ казаковъ тогда не было вплоть до Петра I, и лишь послѣ перенеси Захарова въ грамотахъ встрѣчаются хорунжіе, и сама перепись, раздѣлявъ казаковъ на сотни, дала вѣсто новой должности сотника.

¹⁾ Если, напр., казаченокъ дѣлаетъ въ игрѣ какую-нибудь фальшь или въ „срединѣ“ игры заказываетъ, бросить игру и тѣмъ разстроить весь ходъ игры, тогда участники, чтобы отучить тѣхъ, кто извѣрилъ недоброжелательного рода, кричатъ: „на шары на палы“, и если угроза эта не подѣствуетъ, то хватаютъ его за руки и за ноги и опускаютъ на рядъ разложенныхъ по землѣ палокъ и какъ вадекъ катаютъ виновника по палкамъ. Понятно, при такомъ наказаніи важна не физическая боль, а нравственная. (Кирсанова „Уральцы“, томъ III, стр. 62—66, „Казакъ Терскій“).

²⁾ „Ураз. Вѣсн.“ 1877 г. № 18.

никовъ. Для походовъ, забѣговъ и для службы московскому правительству, казаки наряжали отъ себя станицы, во главѣ которыхъ стояли выбранные вольными голосами походные атаманы, къ нимъ выбиралась помощники:— походные есаулы (ясаулы) и знаменщики. Количество есауловъ и знаменщиковъ вполавъ зависѣло отъ числа казаковъ, находящихся въ станцаѣ; такъ напр., при нарядѣ казаковъ въ 1682 г. во второй Чигиринской походѣ было 200 человѣкъ при одномъ походномъ атаманѣ, есауловъ 2, знаменщиковъ 2; въ 1701 г. при нарядѣ 600 челов. въ Шведской (Свѣтскѣй) походѣ при одномъ походномъ атаманѣ было есауловъ 4, знаменщиковъ тоже 4¹⁾.

Есаулы, или ясаулы, какъ они назывались въ грамотахъ того времени, и знаменщики были лица начальствующіе, что видно изъ того, что когда у казаковъ выработалась наемка, т. е. дача денежной подмоги „на подъемъ“ выходившимъ на службу казакамъ, то подмога платилась есауламъ и знаменщикамъ почти одинаковая; такъ, во 2-й Чигиринской походѣ (въ 1682 г.) „подмоги даво атаману 25 р., двумъ есауламъ по 22 р., двумъ знаменщикамъ по 21 р., радозымъ по 18 р.“²⁾.

Уѣзжая на промыселъ или рыбную ловлю, казаки для охраны своего городка, своихъ куревей и имущества оставляли своихъ товарищѣй, на обязанности которыхъ лежало охранять городокъ отъ татаръ. Это послужило началомъ такъ называемой „домосѣдной команды“ или „домосѣдцевъ“, просуществовавшей вплоть до начала 1800-хъ годовъ. Какъ видно изъ некоторыхъ историческихъ актовъ, имѣвшихся въ Войсковомъ архивѣ, домосѣдцы были люди пожилые, въ большинствѣ старики или малолѣтки, остававшіеся въ городкѣ по своему желанію и за извѣстную плату, „маслоку“, дававшую имъ остальнымъ казакамъ, уѣзжавшимъ на промыселъ или на рыбную ловлю.

Въ самомъ началѣ образованія войска эту команду, вѣроятно, составляли семейные казаки и старцы, имѣвшіе склонность къ осѣдлой жизни, и вѣроятно также получали наемку или же часть изъ рыбныхъ промысловъ или добчи.

Не имѣя возможности заниматься земледѣліемъ и не имѣя хлѣба, казаки вынуждены были силою необходимости покупать или изѣвать его на рыбу или добычу въ приволжскихъ городахъ: Самарѣ, Саратовѣ, Сызрани и другихъ, построенныхъ уже въ концѣ 1580 годовъ, куда отправлялись большими станицами, внося вѣдомствѣ даже съ пушками, гдѣ и запасались хлѣбомъ на всю зиму, а можетъ быть и на круглый годъ. Этотъ хлѣбъ и другое нужное для нихъ товары они безусловно везли на лодкахъ по извѣстному уже пути черезъ переволоку на рекѣ Самарѣ, т. к. едва ли можно допустить существованіе у древнихъ языческихъ казаковъ какого-либо другого способа перевозки

¹⁾ Челобитная яицкихъ атамана Ивана Иванова въ 2600 чл. рядовыхъ 1720 г. 12 окт. Матер. ист. войска, Ур. войск. арх.

²⁾ Тамъ-же.

тажестей, кроме какъ на лодкахъ и на выючныхъ лошадяхъ, т. к., не занимаясь хозяйствомъ, они не имѣли и телѣгъ.

Рыболовство у первыхъ казаковъ едва ли составляло предметъ промысла; оно было развито не столько, на сколько требовали того обстоятельства дѣла—необходимость иметь продовольствие, чтобы иметь запасы еды для себя и для обиѣна на хлѣбъ въ приволжскихъ городахъ.

Эти рыболовства, въ началѣ не имѣвшія характера промышленности, вѣроятно были въ самомъ зачаточномъ состояніи. Багренье производилось гдѣ-либо вблизи городка, а также весенняя и осенняя плавня, если они тогда производились. На эти рыболовства казаки вынуждены были выѣзжать въ полномъ вооруженіи и всѣмъ войскомъ, такъ какъ иначе рисковали быть захваченными и разбитыми тогда еще все же сильными для казаковъ ногайами. Такимъ образомъ составилась багрѣнное и плавенное войско со своими атаманами.

Объ рыбной ловлѣ на Яикѣ въ прежнее время, когда рыболовство съ развитиемъ на Яикѣ гражданственности превратилось въ одну изъ главныхъ отраслей народного хозяйства, а также о костюмахъ, аравахъ и обычаяхъ мы скажемъ въ соответствующемъ мѣстѣ при описаніи перенесенія казаками своего городка на устье рѣки Чагана, когда уже община казаковъ признаетъ опредѣленную измѣнющую форму и среди нихъ является склонность къ гражданственности и семейной жизни.

Одежда казаковъ того времени едва ли отличалась чѣмъ-либо отъ одежды московскихъ поселянъ. Только со временемъ, съ развитиемъ казацкой общины, она постепенно вдохновляется и переходитъ въ выработанный боевымъ опытомъ казацкій бешметъ и въ кафтанъ съ открученными рукавами, какъ у московского опашена или однорядки. Только старая московская стрѣлецкая шапка съ мѣховой опушкой и высокими конусообразными цветными верхомъ—тумакомъ сохранилась у казаковъ за Яикѣ вплоть до начала 1800-хъ годовъ, какъ типичная принадлежность костюма уральскихъ казаковъ.

Первые казаки на Яикѣ были люди воинственные. Они проводили жизнь въ походахъ и на войнѣ, и ихъ мысли были далеки отъ семейного очага. Зиму на Яикѣ и занимались въ это время охотою или рыбной ловлею, они раннею весною отправлялись „на промысел“ или, какъ называлось это у довцовъ, „лобывать зипуны“. Раздолье было на матушкѣ Волгѣ, еще раздолье было тогда на синемъ морѣ Хвалынскомъ... И повсюду гладкія воды и Волги и мора бороздили тогда легкіе „струги разспаренные“—воровскіе кораблики.

Собирались удалые добры молодцы изълюбленныхъ ими островахъ вблизи устья Яика на Пешномъ и Камынивомъ и разбивали тамъ „бусы корабли“ купеческіе и русскіе и басурманскіе... зе гаушились они иногда помѣряться силой и съ бусами государевыми, „сизими орлами клейменными“. И дуза-

или добры молодцы свою добычу. Не было купцовъ на морѣ — ъхали тогда удалцы далеко въ синее море и грабили персидскіе берега.

Приходила осень, казаки возвращались на Яикъ въ свой Голубой городокъ, где и зимовали. Но, видимо, некоторые зимовали и въ другихъ мѣстахъ по Яику, т. к. въ историческихъ актахъ того времени видно, что у казаковъ на Яику было нѣсколько городковъ, вѣрѣа зимовокъ.

Сообразно съ этимъ казаки, отѣлевшіе для зимовки въ другое мѣсто отъ Голубого городка, имѣли у себя своего особаго атамана, что видно изъ другихъ актовъ. Такъ въ 1586 г. у казаковъ на Яику было одновременно нѣсколько атамановъ, вѣроятно, каждый изъ нихъ со своими казаками имѣлъ особое мѣстопребываніе на Яику.

О нравахъ того времени и обѣ удалой казацкой жизни сохранилось до настѣ преданіе, записанное И. И. Желѣзновымъ въ разсказѣ: „Казакъ Терескій”¹⁾.

Вотъ что записалъ И. И. Желѣзновъ о казакѣ Терескомъ:

„Кажись, чего бы лучше казакъ съ Терека. По всѣмъ правамъ долженъ бы быть молодчина. Ань вѣть. Такой вышелъ, съ позволенія сказать, уродина, такой лыттай, изъ рукъ онъ, бывало, не сдѣлать, все-то у него изъ рукъ валится. Къ примѣру: пойдутъ казаки-десантники въ луга сѣю косить, — всѣ работаютъ какъ слѣдуетъ, а Терескій только и знаетъ, что косу точить да пробиваєтъ; въ цѣлый день больше двухъ-трехъ про-косовъ не пройдетъ. Пойдутъ десантники рыбачить, закинуть неводъ, всѣ тянутъ, всѣ работаютъ до пота лица, только Терескій ни за что не принимаетъ, — возьметъ въ руки багоръ и ждетъ, когда подтянутъ неводъ, чтобы забагрить готовую рыбу. Соберутся десантники на кошъ, станутъ обѣдѣ или ужинъ варить, — всѣ что-нибудь дѣлаютъ, только Терескій ни за что не принимается: ни дровъ онъ не наберетъ, ни воды не принесетъ, ни рыбы не почиститъ. Словомъ, такой былъ увалень этотъ Терескій казакъ, хоть брось. На два дѣла былъ только гораздъ: поспать да пожрать. Супротивъ этой статьи не было Терескому ни спорщака, ни поборщика. На счетъ ѿды одинъ за десантныхъ уписывалъ, а за счетъ спанья — словно богатырь послѣ боя по цѣлымъ суткамъ головы не поднималъ, развѣ только для ѿды. Сварить казаки обѣдъ, собираютъ чашки, ложки, принасываютъ чиновъ манеромъ сѣсть за столъ; гладь, а Терескій ужъ у котла, лѣзть съ ковшомъ, схватить самыи лучшій кусокъ и сожреть. Когда, бывало, варить рыбу, казаки сначала щербу хлебаютъ, а Терескій сю-жъ минуту „присусовится“ къ рыбнимъ варкамъ, всѣ покидаются изъ котла и сожреть — любилъ, значить. И сѣхъ, и грѣхъ. Отъ этого самого казаки и сложили про него поговорку: „кто за что, а Терескій за варочку“. Казаки посмѣиваются надъ нимъ, а онъ и въ

¹⁾ Соч. И. И. Желѣзнова „Уральцы“, т. 3-й стр. 62—66. „Казакъ Терескій“ разсказъ казака Афанасія Димитревича Барсукова.

усь не дуешь, только ухмылается. Отъ жранья да отъ спанья Терскій разбухъ, словно тюленъ.

Такимъ образомъ прожилъ Терскій сколько-то времени, десятники особенно не будили его, а только подтрунивали. На послѣдокъ попалъ Терскій въ другой десятокъ. Новые товарища пристрояли его, говорятъ: „Ты что за атаманъ такой?! Коли хочешь сладко Ѣсть, работай, а мы тебѣ не халуи“. Терскій и тутъ вздумалъ было алыничать, да не на таковскихъ напалъ. Новые десятники разъ сказали, два сказали, въ третій ужъ не говорили, а пошли къ атаману и поклонились.

Атаманъ собралъ кругъ, и въ кругу присудили дать Терскому науку, а если наука не пойдетъ въ прокъ, то выключить его, какъ ледащаго, изъ казачьаго званія и прогнать съ Лика на всѣ четыре стороны. За наукой дѣло вѣстало — тутъ же въ кругу, при всемъ честномъ народѣ разложили Терскаго на шары-из-шалы и откатали голубчикъ.

Что жъ изъ этого вышло? А то, что Терскій словно переродился, — золото, а не казакъ стала. Еще десятники, бывало, святъ, а онъ поднимется ни свѣть, ни заря и придется хозяиничать: и воды принесеть, и дровъ набереть, и кашу сварить: словомъ, работаетъ за десятерыхъ, а самъ весель, доволенъ, дѣлаетъ все вподиражку, да казакамъ спасибо сказывать, что уму-разуму научили. Справедливо, значитъ, сказано, что „битый двухъ небитыхъ стонть“.

Прошло сколько-то времени, Терскаго сдѣлали десятникомъ. Пополь въ гору нашъ Терскій. Разъ въ одной стычкѣ съ ордой Терскій показалъ большую храбрость и расторопность, и общество сдѣлало Терскаго старшиной. Вотъ какъ! Прошло еще сколько-то времени, умеръ главный атаманъ. Казаки, не долго думал, къ Терскому: „Опричь тебя никто-де иной вѣ достоинъ быть атаманомъ. Бери въ свои руки атаманскій посохъ и заправляй нашими дѣлами“. — Вотъ какъ, — замѣтилъ разсказчикъ, — Терскаго въ атаманы! А все шары-да-шалы. Справедливо видно, сказано: „вѣ уча, въ поши не становить“.

Терскій отъ атаманства отказывается, говорить, что атаманомъ быть недостоинъ.

— Сами знаете, казакъ я причинный, то-исъ штрафованный, — пояснилъ разсказчикъ.

— Чѣмъ же причинный сирашиваютъ казаки.

— Какъ чѣмъ? — говоритъ Терскій. — Разъ забыли, какъ вы мечи на шарахъ-на-шалахъ валили?

— Эта причина не въ причину. Это наука — ничего больше. Если бы наказали тебя за воровство или за другое какое преступление противъ общества, то дѣло иное, тогда бѣ и сами мы тебя атаманомъ вѣ сдѣлали.

Дѣло происходило, какъ слѣдуетъ въ кругу, при собраниіи всѣхъ казаковъ. Терскій отговаривается: я-де молодъ, есть постарше меня. Но ему возражаютъ, что въ такихъ дѣлахъ вужень вѣ старый, а бывалый. Терскій просить дать ему три дня на размышленіе. Казаки не соглашаются, прямо требуютъ, чтобы онъ сейчасъ-же взять въ руки атаманскій посохъ и дѣло съ концомъ.

— Полно, товарищ, очураться, сказалъ кто-то изъ казаковъ: тебѣ же хуже будетъ. Смотри, говорить проказникъ смѣхомъ, опять взвалишь на шары-на-паль.

Весь кругъ отъ этихъ словъ разсмѣялся. Улыбнулся и Терскій.

— Ну, быть по вашему,—промолвилъ онъ.—Только вотъ что, товарищи: дайте изъ ваши руки, т. е. подпиську,—понимать разсказчикъ.

— Въ какой силѣ?—саранчиваютъ казаки.

— Чтобы вы во всемъ меня слушались,—говорить Терскій.

— Да какъ же мы не будемъ тебя слушаться,—говорить казаки, ва то ты и атаманъ.

— Однако,—говорить Терскій, отобравши отъ васъ руки, я буду спокойенъ.

Казаки согласились, и сталъ Терскій атаманствовать отличнымъ манеромъ, словно родился атаманомъ.

Перезимовали. На весну казаки собираются въ море на промыселъ.

Ты не подумай рыбу ловить,—замѣтилъ казакъ и улыбнулся.—Терскій не соглашается, говорить, что годъ высокосный, что Кассіавъ-Рынланъ обидится, и отъ того удачи не будетъ, что если разъ потерпятъ они неудачу, то всегда фортуна служить не будетъ.

— Если выиче пойдемъ на промыселъ,—говорить Терскій, то никогда не будемъ ходить; а если выиче не пойдемъ, то вѣчно будемъ ходить.

Но казаки резонанъ атамана не винили, требовали похода. Терскій сослался на „заручинъ“ листъ. Но казаки пуще прежнаго уперлись.—„Вишь гусь лапчатый“,—говорить казаки про Терскаго. „Вонъ онъ зачѣмъ требовалъ отъ насъ руки, чтобы совѣстъ волю съ насъ снять! Дудки! чтобы тамъ ни случилось, а пойдемъ въ походъ; на зло атаману пойдемъ, чтобы впередъ не было атаманамъ повадки распоряжаться намъ по своей волѣ“.

Въ тотъ же день собрались казаки въ кругъ и выбрали новаго атамана. „Заручинъ листъ“, значить, потерялъ свою силу.

Новый атаманъ изъ воли казаковъ не вышелъ, повелъ ихъ въ море и попалъ, словно куръ во-ши. Гдѣ-то на персидскомъ берегу попали казаки въ засаду и половины не досчитались, а добычи получили брусь съ оселкомъ. Послѣ того, собравшись съ силами, пошли казаки сухопутьемъ въ орду, кажется, подъ Хиву. Та же исторія:—казаковъ пощипали и прогнали. Словомъ, куда послѣ того казаки ни пойдутъ, вездѣ уронъ понесутъ. Сбылось, значитъ, предсказаніе Терскаго,—фортуна отказалась служить.

Казаки дулись-дулись, да и перевернулись: рѣшались итти въ Москву просить подданства. Подданство-то выпросили, а фортуну все-таки не воротили,—покинула она казаковъ на вѣка-вѣчные“.

V.

Борьба яицкихъ казаковъ съ татарами и первыя ихъ службы
1586, 1591 и 1594 годовъ.

Изъ холопства, изъ неволи
Выйдетъ доблестный чудакъ—
И поскакать въ чисто поле
Руссий рыцарь—мой казакъ.
Отъ спаснаго боярства
Убѣжитъ онъ въ куреви,
На украинскъ государства
Разведеть свое огни.
Онъ, проѣзжавши сквозь село,
Прокаленный на сѣвѣ,
Выйдетъ скѣло и открыто,
Выйдетъ съ пізой на конѣ.
Онъ что встрѣтитъ—встрѣтить,
Какъ нагорный злой потокъ;
Царство русское раздвинетъ
И на югѣ и на востокѣ.

Н. Ф. Савичевъ.

Настала весна 1586 г. Разбрѣлъ свои ледяныя оковы Яикъ Горыновичъ, заскрялись, заблестѣли его воды и быстрой струею понеслись онѣ въ синему морю Хвалынскому. Облизываютъ онѣ островъ Кошъ-Яикъ и отражаютъ въ своей зеркальной глади высокія и крѣпкія стѣны казачьяго Голубого городка.

Вспоминали изъ куреней „казаки — лыцари“, что стоять на берегу Яика, кто на крѣпкомъ валу. Любуются они зеленою степью, радуются красному дню, яркому солнцу. Смотрятъ они на матушку широкую степь, какъ распахнулась она своей безграничною гладью далеко во всѣ стороны и манитъ-зоветъ ихъ къ себѣ на просторъ.

Тянуть она „удалыхъ добрыхъ молодцевъ“ на „волю-вольную подальше отъ душныхъ куреней, на свою зеленую гладь потѣшить удачу молодецкую. Уже кликнулъ клачъ лихой атаманъ Матюшка, визываетъ онѣ охотниковъ погромить соѣдніе татарскіе улусы. Много въ нахъ добра и шелка и золота, много въ улусахъ червоокихъ красавицъ.

И суетятся у берега „зицкие орлики“, чиная они легкіе стружки, быстроходныя бударки, собираются молодецъ на промыселъ.

Приготовлены пищала и турки¹⁾ и тяжелые кистени богатырскіе. Заострены кремни у курковъ, звенять кривыя сабли, блещутъ острыя конъя.

Но вотъ садится ясное солнце за синею дымкою, поѣжало вечернею прохладо-

¹⁾ Тяжелыя турецкія ружья, имѣвшія внутри ствола нарѣзъ, въ отличіе отъ пищалей, которыхъ были гладкоствольными.

дой, застучали весла, гребутъ молодцы внизъ по Яку. Едва слышны тихіе удары весла, сдержанній шепотъ.

Прошла холоданая ночь, чуть чуть забрежило на востокъ, вспыхнула азая зорька.

— Таванъ¹⁾, молодцы,—шепчутъ есаулы. Передается этотъ шепотъ изъ стружка въ стружокъ, изъ лодки въ лодку.

Осторожно причалены къ берегу ладьи, осмотрѣны кремни у чищалей приготовлены кистени и сабли. Собрались толпой казаки вблизи атамана на берегу Яка.

— Пора, атамазы-молодцы! Съ Богомъ! Двинулись удальцы. Тако, безшумно вдуть они по гладкой степи.

Но вотъ зазаялъ чуткій татарскій песь. Подхватили его лай псы изъ соѣдніхъ кибитокъ. Еще минута—две и засуетились сторожевые татары, засвистѣла стрѣла!

— Урусь! урусь!! разносится крикъ по кибиткамъ.

— На сломъ, атамазы молодцы!! крачить атамазъ.

— На сломъ! закричали въ ридахъ. И отгласилась тихая степь громкими боевыми кликами удальцовъ казаковъ, и ринулись они на соянные улусы.

Разбудили эти крики подсолнечныхъ татаръ. Выбѣгаютъ они изъ кибитокъ, засвистѣли татарскія стрѣлы, и засипѣлъ бой.

Крѣпко боятся татары, но страшна сила казацкая, тѣжко бывать богатырскіе кистени, замертво рубить острый сабли. Уже загорѣлся ясный день, взошло весеннее яркое солнце. Разбиты татары, ускакали на быстрыхъ коняхъ оставшіеся въ живыхъ. Плачутъ плѣнныя татарки, лежать убитые ихъ мужья и братья, а вокругъ стоять бородатые лахіе казаки, загоняютъ они разбѣжавшіе скотъ, ловятъ лошадей, собираютъ по кибиткамъ добро, снимаютъ кровавые доспѣхи съ убитыхъ татаръ.

Выше поднимается яркое солнце, лѣтѣтъ оно свои золотые лучи на зеленый цвѣтущій коверъ гладкой, какъ скатерть, степи. Уложена богатая добыча на лодки, взяты красавицы, сидѣть овѣ среди молодцовъ на ладьяхъ, испуганно озираясь кругомъ. Вмѣстѣ съ ними на стругѣ сидѣть дочь князя Измаила, сестра ногайскаго князя Уруса. Но вотъ подняли удальцы паруса, застучали весла, и поплыли они на быстрыхъ стругахъ въ Голубой городокъ, а рядомъ по берегу, гарцуя на татарскихъ лошадяхъ, ведутъ ихъ товарищи отбитые табуны скота.

Встрѣчаютъ молодцевъ оставшіеся казаки въ городкѣ. Любо имъ глядѣть, какъ плывутъ ихъ товарищи съ громкими пѣснями, какъ разсѣкаютъ легкіе струги зеркальныя воды Яка.

Сложенна добыча, сидѣть робкою толпою испуганныя и блѣдныя татарки, приведенъ скотъ.

¹⁾ Таванить—грести обратно, задерживать ходъ лодки.

Мечутъ молодцы жеребій — дуванатъ добычу.

А добычи не мало... „Взяли казаки въ полонъ у ногайскихъ людей женъ триста душъ, и взяли хозяина жену, сестру Уруса, въ полонъ, да всего взяли казаки у ногаевъ съ три тысячи животовъ (животныхъ) да пятнадцать панцирей”¹⁾.

Раздуванева добыча. Покрила ночь темнимъ пологомъ казацкій городокъ. Несутся надъ Яикомъ разгульныя пѣсни, зненять бубны и гусли, слышны хиульныя рѣчи...

А въ татарскихъ улусахъ идеть суета; скачутъ отъ улуса къ улусу, отъ одного мираны къ другому гонцы. Летать гонцы къ князю Урусу, везутъ они съ собой недобрую вѣсть о набѣгѣ казаковъ.

Разсердился князь Урусъ и велѣлъ задержать только что отпущенаго было въ Москву русскаго посла Ивана Хлонова, прѣѣхавшаго къ Урусу, чтобы взять съ него „шертъ”, т. е. присягу на вѣрность новому царю Федору Ioанновичу.

Заарестовавъ посла, Урусъ немедленно приказалъ миразъ Сендъ-Ахмету итти на казаковъ и прогнать ихъ съ Яика. Сендъ-Ахметъ, получивъ это приказаніе, въ свою очередь задержалъ бывшаго при немъ посла боярскаго сына Рэзгильдѣя Любочиненова, прѣѣхавшаго къ нему съ тѣмъ-же порученіемъ, что и Хлоновъ къ Урусу. Собравъ свои силы, Сендъ-Ахметъ обложилъ Голубой городокъ и восемь дней держалъ казаковъ въ осадѣ.

Вотъ что писалъ объ этомъ въ Москву Любочиненовъ²⁾.

„Казаки лошадей и людей и Измаилову книжную дочь въ полонъ взяли... воевали казаки ногайские улусы и Урусъ князь приславъ къ Сендъ-Ахмету миразъ человѣка своего и велѣлъ ему итти со всѣми его братьями и дѣтьми и племянниками и со всѣми улусными людьми на казаки на Кошъ-Яикъ, а я де Урусъ-князь со всѣми людьми пойду на Кошъ-жес на Яикъ, а станемъ де виѣсть промышлять надъ казаками и будеть возьмемъ казаковъ и мы де государевыхъ пословъ къ Москвѣ отпустимъ, а будеть де казаковъ не возьмемъ и мы де ихъ съ людьми распродадимъ. И Сендъ-Ахметъ пришелъ со своимъ братомъ и дѣтьми и со всѣми людьми на Яикъ и къ казакамъ приступалъ восемь днегъ и казаки у Сендъ-Ахмета миры, да у Канъ-мираны многихъ людей побили и на Яикъ Сендъ-Ахметъ миразъ Уруса каззя не дождался, прѣч пошелъ”...

Не во времѧ-ли этой осады казаки стрѣляли изъ деревянной пушки въ осаждающихъ татаръ костами и сами отъ голода бѣли подошвы и кожа?

Казачьи преданія, за весьма малымъ исключеніемъ, какъ یвидимъ далѣе, подтверждаются историческими данными. Нѣть основанія не согласовать и

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайскій дѣлъ 1586 г. Показаніе бѣжавшихъ отъ князя Уруса, служивыхъ юртозныхъ татаръ Баклел и Казынайдана астраханскому воеводѣ Лебавову-Ростовскому, 25 августа 1586 г.

²⁾ Ногайскій дѣлъ 1586 г. № 5.

имѣющееся у насть преданіе объ осадѣ казаковъ въ городкѣ съ этимъ исто-
рическимъ документомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще не найдено дру-
гихъ данныхъ объ этой осадѣ.

Не будучи въ состояніи прогнать казаковъ, татары отошли отъ Яика бли-
же къ Волгѣ. Казаки же, почувствовавъ свою силу, стали дѣлать одинъ за
другими.

Видѣвъ съ этимъ князь Урусь не отпускалъ послана Ивана Хлопова; взя-
тые въ пленъ у Голубого городка 3 казака были доставлены къ Урусу и
при допросѣ показали ему, „что городъ крѣпокъ и взять имъ, ногалимъ, горо-
да нельзя” и „что они люди царскіе”. Озлобленный за Москву Урусь все
время козилъ съ собою Хлопова и лишь позднею осеню рѣшилъ отпустить
его въ Москву и, призвавъ его къ себѣ въ послѣдній разъ, выговаривалъ ему:

„Только де язъ, помни отца своего да старого великаго князя, что отецъ
мой ему другъ былъ и шерть давалъ, язъ тебя отпушу, а не для иныши-
наго великаго князя. А на казаковъ язъ иду, ань и што вадъ вими сдѣ-
ляю, то сами увидите. И только твой государь не похочеть со мною въ ин-
ру быти и казаковъ съ Яика и Волги не сгонитъ и я съ вими стану во-
ватца и сложуся съ крымскими за одинъ¹⁾”).

Ограбивъ послана до нага: „животишико и рухляди все поймаль—жаловался
Хлоповъ,—взялъ двухъ коней, опричь рухляди всякой, кожъ и платья”,
Урусь отпустилъ его въ Москву.

Обобразивъ такимъ образомъ послана и отпустивъ его, Урусь пишетъ новому
царю Федору Ioannovичу²⁾:

„Многаго крестьянства государю, царю и великому князю Федору Ioanno-
вичу вселы Руси Урусь князь моего членъ бѣть. Отецъ твой, бѣлый царь,
съ моимъ отцомъ, Исмаиломъ княземъ, въ дружбѣ былъ и въ любви, а ѿкъ
отца моего Исмаила князя не стало, и язъ отъ отца твоего, бѣлага царя,
не отсталъ. А ты, какъ не стало отца твоего, totчасъ же отъ меня отсталъ.
А лѣтось послалъ ты ко мнѣ послана своего Ивана Хлопова и посоль твой
Иванъ засимоваль въ Астрахани и прашель ко мнѣ по весни. А язъ передъ
Иваномъ тебѣ роту и шерть учинала на томъ, что мнѣ отъ тебя до своей
смерти не отстана. И хотѣль еси послати въ тебѣ послана своего съ твоимъ
посломъ вѣстъ, но въ тѣ поры прїехалъ отъ тебя толначъ Бахтиаръ съ
досадными словами. Такихъ словъ отъ отца твоего, бѣлага царя, отецъ мой
Исмаилъ не слыхалъ. А приказалъ еси съ нимъ, что ты на четырехъ мѣс-
тахъ хочешь города ставить: на Уфѣ, да на Увеѣ, да на Самарѣ, да на
Бѣлой воложкѣ. А тѣма мѣсты твои дѣды и отцы владѣли ли? Да писалъ
еши ко мнѣ, вѣкорыее мурзы съ Саадемъ Киреемъ царемъ кочуютъ, и мнѣ

¹⁾ Ногайская дѣла 1586 г.

²⁾ Моск. Арх. Минист. Иностр. дѣль. Дѣло 1586 г. № 8. Отправление послана Ивана Хлопова къ ногайскому князю Урусу къ Санды-Ахмету мурзѣ и къ прочимъ мурзамъ для приведенія ихъ къ пра-
васи въ вѣрности Россійскому Государю Федору Ioannovичу, страница 8 ил.

бы тѣхъ мурзъ жаловати и чтати и быти съ ними въ соединеніе, а Козырева улуса мурзы не други а твои, и моя. И ты недруги свои другомъ се-бѣ чинишь.

То если недобroe и съ тѣми своими досадными словами хотѣль есмі послать къ тебѣ съ посломъ твоимъ послѣ своего, ажъ тѣ поры, пришедѣ на Яикъ казаковъ изъ 600—700 человѣкъ, поставили городъ большой. И съ того города намъ много лиха починилъ, и Иванъ Хлоповъ то видѣлъ. А некоторые русаки наше въ руки попадались и они сказывали: мы де дѣлаемъ по государя нашего приказу, и городъ де поставили на Яикѣ и воюемъ по государеву величью. Зачѣмъ такъ надо мню дѣлаешь? Отецъ твой такъ надо мною не дѣлай. И мы, видѣвъ твою такую недружбу, чаали тебя недругомъ и задержали твоего послы Ивана Хлопова".

Пока Урусь держалъ Ивана Хлопова, въ это время другіе ногайскіе ала-дѣтели—мурзы, принявъ царскихъ пословъ, немедленно отпустили ихъ обратно и въ свою очередь отправили своихъ пословъ съ подарками въ Москву. Въ присланыхъ грамотахъ они всѣ завѣрять цара о вѣрности и дружбѣ, но всѣ они просить свести казаковъ съ Яика въ Волгу. Такъ одинъ изъ нихъ Урмакметъ-мирза между прочимъ пишетъ¹⁾:.... „И только свое жалованье къ наше учинашь и какъ недругъ твой турскій солтавъ пойдетъ въ Астрахань, и мы учнемъ противъ его стояти. И буде того нашего слова не послушашь, съ зами завоюешься, изъ Яика и Волги воды не дашь и казаковъ не сведешь и наша шерть нарушатся и любовь наша до конца урвется. И со многого ратью учнемъ искать, кому-жъ что Богъ дастъ, то и будетъ".

Но какъ ни просили татары о выводѣ казаковъ съ Яика, русское правительство было совершено другихъ взглядовъ и въ расчетѣ его не только не входило вывести казаковъ съ Яика, но оно само старалось по возможности закрѣпить за собою все визовые Волги и обезопасить свою восточную украину отъ набѣговъ ногайцевъ. И несмотря на всѣ протесты татарь, Федоръ Иоанновичъ не только не караетъ казаковъ за ихъ набѣги, но одновременно приказываетъ стронуть въ томъ же 1586 г. на Волгѣ городъ Самару.

Съ этого времени начинаются безпрерывные набѣги казаковъ на ногаевъ; воಗи въ свою очередь истятъ казаковъ и вѣроятно не разъ осаждали казаковъ въ ихъ городкахъ. Урусь, отпустившая Хлопова, говорить, что онъ „на казаковъ идеть" и вѣроятно ходилъ и не одинъ разъ, о чёмъ говорятъ казачьи преданія.

Къ этому-же времени относятся въ первыя извѣстныя исторіи службы яицкихъ казаковъ московскому правительству.

¹⁾ Ногайский дѣлъ 1586 г.

Но кроме этихъ исторически известныхъ службъ у казаковъ имѣются преданія о своихъ первыхъ службахъ. Одно изъ нихъ о „трехъ Иванахъ“ записало И. И. Жельзиновъ со словъ казака Ивана Чакригина¹⁾). Народная фантазія относитъ эту службу къ Куликовской битвѣ. Но вѣтъ дыма безъ огня, и если народное сказание забыло или перепутало время совершившагося события, отъ этого самый фактъ, самыя действующія лица этого события не утрачиваются ни на юту своего значенія, какъ лица исторической, и лишь возведенія народной фантазіею въ сказочныхъ герояхъ лыцарей—богатырей.

Вотъ что говорить это преданіе:

„Въ старину басурмановъ было видимо-невидимо, словно саранчи проклятой. Со всѣхъ сторонъ они безперечь врывались въ Россию и вызывали царей нашихъ на брань-войну. Хоть, бывало, радъ-нерадъ, а воюй, не то давъ плати. Такъ было въ то время. Напали на Россию заразъ три невѣрные царя: салтанъ турскій, царь казанскій и ханъ крымскій. Ну, нашему-то царю и не въ могуту стало. Что станешь дѣлать? Сила солому ломить. Вотъ ось, батюшка нашъ, и шлетъ на Яикъ къ казакамъ грамоту, пишетъ: „Такъ и такъ, помогите, православные! нехрестя одолѣваютъ. Сколько вѣсъ тамъ на Яикѣ есть, всѣ не ходите: будьте и половиночки“.

Значать и въ тѣ поры царями вѣдомо было, что язакіе казаки молодцы, настоящіе воины, на руку охулки не положатъ. Ладко.

Въ тѣ поры казаковъ на Яикѣ было всего-нѣ-всего человѣкъ триста, — значитъ, самая малость. Получили они отъ царя грамоту, сошлись въ казачій кругъ, распустили знамечко свое шелковое, — позлащенное, и стали думать думу бѣгунскую. Что дѣлать? Всѣмъ идти — царь не желаетъ, да Яикѣ бросать опасно, пожалуй, еще какъ-нибудь орда нахлынетъ. Половиночки идти — другой половиночки завидно. Какъ тутъ быть? Думали, думали казаки, да и рѣшили: послать на подмогу къ царю только троихъ казаковъ, что ни самыхъ лучшихъ воиновъ, троихъ лыцарей поединщиковъ. Помолась въ благословясь, побѣхали наши лыцари на поле Куликово, где было собранье воинское. Первому лыцарю имя Иванъ Пымжала, второму — Иванъ Шатала, въ третьему — Иванъ Кладъ. И четвертый лыцарь съ ними побѣхалъ: въ случаѣ казакѣ неустойки, было бы кому на Яикѣ вѣсть дать. Этого лыцаря звали Иванъ Бирючихъ-ланъ. Ладко. Прѣѣхали наши лыцари въ армию царя российского, то-есть въ саму пору. Стоять на полѣ Куликовскомъ российская армейушка, словно сиротинушка: всѣ воины авеселы, всѣ воеводы и бояры головы новѣйши. И было, касатикъ, отчего. Супротивъ одої рати царя российского стоять три рати трехъ царей неѣрныхъ. Боя они не начинаютъ, а вызываютъ поединщиковъ. Въ старину, виши, бывъ такой обычай: супротивная армія рѣдко въ бой вступали, а рѣшили споръ поединщиками. Такъ было и въ ту пору.

¹⁾ Соч. И. И. Жельзинова „Урадьцы“, т. III, рассказъ Три Ивана, стр. 1—5.

Отъ трехъ ратей басурманскихъ выѣхали три богатыра поединщика, престрашнѣющіе. Каждый съ ногъ до головы желѣзомъ покрытъ, точь въ точь собака, лютый индрикъ-зѣръ.

- Какой зѣръ? прервалъ я.
- Индрикъ-зѣръ, что въ пѣснѣ поется. Развѣ не слыхалъ?
- Нѣть, а желаль бы послушать, — сказалъ я.
- Пожалуй, виучекъ мой ужо пропоетъ.
- Нѣть, Иванъ Никитичъ, ты самъ пропой, если можно.
- Этой ты, этой ты какой! на старости-то лѣтъ я буду грѣшить.
- Ну, пожалуй, не пой, Иванъ Никитичъ, а расскажи словами.
- Словами? Словами можно, — сказалъ старикъ и началъ:

Не галичья стая подымалася,
Не зѣриное собраньеце собиралося;
Не галичья стая въ перелеть летить,
Не зѣриное собраньеце въ перебѣгъ бѣжитъ;—
Напередъ бѣжитъ собака, лютый индрикъ-зѣръ.
У индрички копыточки булатныя,
Шерсточка на индричкѣ бужажазя,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиночкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два аблочки катаются,
Жемчугъ-бунчикъ разсыпается.
Подбѣгааетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченкѣ, къ быстру Днѣпу.
Засвисталь-то онъ, собака, по зѣленому.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посложились.

— Вотъ овъ какой собака, лютый индрикъ-зѣръ! — сказалъ старикъ. — Сунься-ка на него, ожгесся, зубъ скусишь. Побить такого зѣра, касатикъ, не итуовку облизать. Сколько тамъ съ расейской стороны не было князей и бояръ, а выйтъ супротивъ басурманскихъ поединщиковъ ни одного 'охотника не вѣскалось. А невѣрные-то цари свое дѣло дѣлаютъ, нудать нашего, говорятъ: „высылай поединщиковъ, иль-бо самъ выходи: не то покорись въ дань плати“. Каково нашему-то царю слушать таковы словеса изъ усть орды! Царь, говорить, самъ хотѣлъ идти на поединокъ, вѣдѣль было коня сѣдлать и латы себѣ приготовлять. А тутъ, какъ разъ, и прилетѣли ваши орлы орловичи, сирѣчь ваши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успѣлъ только вымолвить: „Голубчикъ!“ А голубчики ужъ вылетѣли въ поле и ударили на басурманскихъ поединщиковъ, даромъ что они похожи на индрикъ-зѣра. Разъ, два, три: басурманы съ коней долой! Разъ, два, три: басурманскіе головы торчатъ уже на казачьихъ коньяхъ! Значить, шабашъ!

Басурманекія рати, извѣстно, послѣ того преклонились передъ нами. Значить, ваша земля! Царь запѣвъ воззвалъся въ то всѣй земленой престолъ. Значить: никто же на ишь!

На такихъ великихъ радостяхъ царь ссыпаетъ всѣхъ: и князей, и бояръ, и казаковъ нашихъ въ первопрестольный градъ, въ каменну Москву. Значить, пиръ паровать и награды раздавать! Потушили гурьбой въ Москву всѣ князья и бояры, другъ друга перегоняютъ, другъ друга перебиваютъ. Отъ поединка хота они и отказались, но отъ пира-банкета, а пуще отъ награды не прочь. Значить, печи бить—нѣть насть, пиво пить—мы не хуже васъ.

И наши лыцари побѣхали, но не торопятся, и ёхутъ себѣ, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, потихоньку, посмирнехоньку. Думаютъ про себя: „наше отъ насть не уйдетъ“.

Много-ли мало-ли паровали у царя князья и бояры и казаки яицкіе, наконецъ пришло время награды раздавать.

Спрашивается царь князей и бояръ:

— Чѣмъ май вѣсъ дарить-жаловать: золотомъ казной иль драгоцѣнными камнами?

Отвѣчаютъ князья и бояры:

— Не надо намъ ни золотой казны, ни драгоцѣнныхъ камней, а пожалуй насть деревнами да крестьянами.

И пожаловалъ царь князей и бояръ деревнами да крестьянами.

Спрашивается теперь царь нашихъ казаковъ.

— А вѣсъ, атаманы-молодцы, чѣмъ дарить-жаловать: золотомъ ли казной, самоцвѣтными камнами, иль, какъ князей и бояръ, деревнами да крестьянами?

Отвѣчаютъ наши казаки:

— Не надо намъ, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцвѣтныхъ камней, не надо намъ ни деревень, ни крестьянъ; а пожалуй насть рѣкой Ижомъ, отъ вершинъ до устьевъ, съ рыбами ловлами, сѣнными покосами и лѣсными порубками.

А князья и бояры слышать да смыются: „Вотъ дураки казаки то, вотъ дураки—чего просятъ!—говорятъ межъ себѣ.—Развѣ земля ваша клиномъ сошлась: гдѣ вѣтъ воды, гдѣ вѣтъ травы, гдѣ вѣтъ лѣса? Вотки палку и дерево выростетъ. Прямые дураки, безтолочь!“ говорятъ про нашихъ казаковъ.

А наши казаки не дураки, не безтолочь. Они знали честь и совѣтъ, помнили заповѣль Божію: „въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывай“, твердо знали и пословцу: „на чужой каравай рта не разѣвай“. Нѣть, старики наши не дураки, они не о своей одной выгодѣ заботились, а заботились о пользѣ всего своего общества.

Вонъ нынѣшніе-то казаки,—прибавилъ Чакрыгинъ,—могно сказать, тоже не дураки, да за малымъ дѣло стало, себѣ на умѣ. Стараются только едѣвать какую-нибудь отлику, выслужить что забудь себѣ одному, приѣрно

крестъ, а пуще чинъ, чтобы, знаешь, чиновникомъ сдѣлаться, да съ нашего брата, начиновнаго казака, волокшу дратъ¹⁾).

Такъ говорить народъ объ своихъ первыхъ службъ.

Пусть это будетъ легенда, сказка, но народъ въ этой сказкѣ описываетъ свою исторію, свою жизнь, высказываетъ свое мировоззрѣніе, свои думы, и вмѣстѣ съ рассказываемымъ фактомъ рѣзкими штрихами рисуетъ намъ быть и правы той далекой эпохи, въ которой дѣйствовали его любимые героя.

Храня эту сказку, онъ вмѣстѣ съ нею хранить и воспоминаніе объ одной изъ первыхъ службъ своему царю, которая врѣзалась въ его память, какъ фактъ доблестный и славный для его родного края, имѣвшій мѣсто въ давно забытомъ и далекомъ прошломъ.

Можетъ быть, позднѣйшая историческая данная намъ подтвердить эту сказку и указать точное время дѣйствія ея героевъ, но пока этихъ данныхъ нѣть, эта сказка, это преданіе служить единственнымъ документомъ о первой службѣ пріянцкіхъ „орловъ орловичей“ [5].

Первая же известная въ исторіи служба яицкихъ казаковъ была въ 1586 г. Объ ней сохранились весьма скучныя свѣдѣнія. Поводомъ къ ней послужили набѣги казаковъ на ногайскіе улусы.

Въ то время, какъ они громили татаръ на Икѣ и озлобленный князь Урусь ходилъ неоднократно на Голубой городокъ, въ это время въ 1586 г. на устьѣ р. Самары на Волгѣ строился городъ Самара; осенью этого года къ г. Самарѣ приплылъ на суднѣ изъ Москвы Муратъ-Гирей, крымскій царевичъ, въ сопровожденіи двухъ московскихъ воеводъ Пивова и Бурцева.

Этотъ Муратъ-Гирей²⁾ и его родной братъ Сейдъ-Гирей были выгнаны изъ Крыма въ 1586 г. своимъ дадею Исламъ-Гиреемъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, царь предложилъ имъ убѣжище у себя, дозволивъ первому кочевывать со своими татарами близъ Астрахани, а Муратъ-Гирея позвалъ въ Москву, обласкалъ и посадилъ его на княжение въ Астрахань. Муратъ-Гирею суждено было быть слѣпымъ орудіемъ политики московского правительства. Царь Федоръ, обѣщая племянникамъ крымское ханство, въ свою очередь пугалъ ими крымскаго хана Исламъ-Гирея, чѣмъ сдерживалъ его набѣги, а также склонялъ его на свою сторону противъ польского короля Баторія.

Въ числѣ порученій, данныхъ Муратъ-Гирею, было склонять всѣхъ ногайскихъ князей и мурзъ на сторону московского правительства и наказать одного изъ ногайскихъ князей Якшисата, который, соединившись съ крымскими и азовскими татарами, три раза въ теченіе 1586 года ходилъ въ набѣги на русскія земли. Для этого похода, а также и для предполагаемаго похода въ Крымъ и Царьшу московское правительство обѣщало выслать ему казаковъ и до десяти тысячъ стрѣльцовъ и пушкъ. Въ то-же время царь

1) Волокшу дратъ—брать вятки.

2) О царевичѣ Муратѣ-Гиреѣ—у Баранзина, т. I, стр. 33—34 и тамъ-же примѣчаніе 113.

Федоръ послалъ съ Федоромъ Акинфовымъ къ бывшему во вновь строющемся гор. Самарѣ воеводѣ Григорію Засѣкіну грамоту (которую онъ получилъ 11 сентября), гдѣ приказывалъ, чтобы Засѣкінъ вызвалъ всѣхъ виновныхъ предъ царемъ казаковъ на „его государеву службу“. Получивъ эту грамоту, Засѣкінъ, не зная на Волгѣ „виноватыхъ царю“ казаковъ, посовѣтовавшись съ воеводами Пиновымъ и Бурцевымъ, рѣшилъ послать за казаками на Яикъ, гдѣ было тогда не мало виноватыхъ передъ царемъ казаковъ. Тамъ были и Барабошъ, давно уже приговоренныи къ смертной казни за Сарайчикъ и многого другихъ атамановъ, виновныхъ въ разгромѣ ногайскихъ улусовъ. Въ это время въ Самарѣ находился одинъ изъ лицъ казаковъ, вѣроятно прибывшій съ Яика по какимъ-нибудь дѣламъ къ воеводѣ. Воспользовавшись этимъ, Засѣкінъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ на Яикъ своего литовскаго голову Семейку Колчова, съ которымъ онъ послалъ казакамъ, чтобы они „шли на государеву службу въ Астрахань, а изъ Астрахани на Терку“ и что Государь „за ихъ службы везать вины имъ ихъ отдать“.

Военоды Бурцевъ и Пиновъ написали царю о всемъ слышанномъ ими о разгромѣ казаками на Яикѣ ногайскихъ улусовъ и вмѣстѣ съ царевичемъ Муратъ-Гиреемъ уѣхали въ Астрахань.

Муратъ-Гирей прибылъ въ Астрахань позднею осенью 1586 года; для встречи его „войско стояло въ ружье, въ крѣости и пристави гремѣли пушки, били въ набаты и въ бубны, играли въ трубы и въ сурзы“. Но окруженный пышнымъ дворомъ, онъ былъ окруженнъ и русскими чиновниками, которые наблюдали за всѣми движеніями Мурата; даже въ мечеть онъ юздалъ черезъ многочисленные ряды стрѣльцовъ, но и тамъ не могъ ни съ кѣмъ объясниться безъ свидѣтелей.

Не смотря на это онъ служить Московскому царю ревностно: склоняясь низко къ тишинѣ и покорности и „называлъ себя Владыкою четырехъ рекъ: Дона, Волги, Яика и Терка, всѣхъ вольныхъ улусниковъ и казаковъ“¹⁾.

Пока Муратъ-Гирей плылъ по Волгѣ, въ это время литовскій голова Кольцовъ прибылъ въ Голубой городокъ, гдѣ и объявилъ царскую грамоту.

Собравшій по этому поводу кругъ вѣроятно былъ очень шумный. Барабошъ и другіе атаманы, видимо, считая вызовъ казаковъ на службу ловушкою, „грамотѣ не поверили“. Барабошъ прекрасно зналъ, что двухъ товарищѣ его, за забѣгъ на Сарайчикъ, повѣсили, а третій Иванъ Кольцо спасся только тѣмъ, что ушелъ съ Ериакомъ въ Сибирь. Оставалась очередь быть повѣшенному Барабошу, но осторожный атаманъ рѣшилъ лучше остаться на Яикѣ, чѣмъ рисковать своей головой.

Атаманы-же Мещерацъ и другіе грамотѣ повѣрили и пошли на службу, и пришли въ Самару 23 октября, откуда выступили въ Астрахань 28 октября.

1-го ноября Засѣкінъ получиль изъ Москвы другую грамоту, въ кото-

¹⁾ У Карашинна, примѣч. 112.

рой уже прямо указывалось о томъ, чтобы выслать на службу виноватыхъ злодѣй казаковъ, атамановъ Барабоша и Мещеряка и другихъ, громившихъ ногайскіе улусы казаковъ, о которыхъ писали царю воеводы Пивовъ и Бурназъ изъ Самары.

Въ отвѣтъ на эту грамоту Засѣкинъ писалъ слѣдующее: ¹⁾

„Государю Царю и Великому князю Федору Ioанновичу всея Россіи холопъ твой Гришка Засѣкинъ чоловѣкъ бѣть. Пасаль ты, Государь, ко мнѣ, холому твоему, ноябра 1 день: писалъ къ тебѣ къ Государю воевода Роману Пивову, да Михаило Буриеву про казачье воровство, что громили ногайскіе улусы казацкіе атаманы Бойдашка Барабоша да Мазимка Мещеряка и иные атаманы и казаки и такія великия бѣды починали и тебя, Государь, съ ногайской ордой ссорили. И Романъ, и Михаило, поговори со мною, посыпали съ твою государевою грамотою къ тѣмъ-же атаманамъ и ихъ казакамъ ливовскую голову Семейку Кольцова, да казака, который отъ нихъ-же пріѣхалъ, чтобы они шли на твою государеву службу въ Астрахань и ко мнѣ, холозу твоему, писаво въ твоей государевої грамотѣ сентябре въ 11 день съ Федоромъ съ Акинфовыми, которые атаманы и казаки виноваты тебѣ, Государю, были и ты, Государь, за ихъ службу пожалуешь, велиши вину ихъ ини отдать, а они шли-бѣ на твою государеву службу въ Астрахань, а изъ Астрахани на Теркѣ, и на Волгѣ, Государь, атамановъ и казаковъ виновныхъ не было и изъ холопъ твой по той твоей Государевої грамотѣ поговори съ воеводами Романомъ и Михаиломъ, посыпали на Янкѣ къ атаманамъ и казакамъ Семейку Кольцова и велѣлъ имъ идти на твою, Государь, службу за Муратъ-Гиреемъ царевичемъ въ Астрахань и октября, Государь, въ 23 день пришли ко мнѣ, къ холозу твоему, на Самару съ Янка Мазимка Мещеряка, да Ермака Петрова, да Ортиха Болдарева, да Тихонъ П-шъ ²⁾, а съ ними казаковъ 150 человѣкъ, а на Янкѣ остались атаманъ Бойдашка Барабоша, да Нечай Шацкой, да Янбулатъ Ченбулатовъ, да Якуня Павлова, да Никита Усъ, да Переуша Зезя, да Ивашило Дуда, а съ ними казаковъ полторети ста человѣкъ ³⁾ и язъ холопъ твой, октюбря въ 28 день изъ Самары Мазиму Мещеряка съ товарищи до твоей государевої грамоты, которая ко мнѣ прислана ноября 1 день, за шесть днѣй на твою государеву службу за Муратъ-Гиреемъ царевичемъ

¹⁾ Глазк. Моск. Арх. Минист. Иностр. дѣлъ, ногайскія дѣла 1586 г. № 18 обѣ отпускѣ изъ Москвы въ Астрахань Крымскаго Муратъ-Гирея царевича съ воеводами Пивовыми и Бурназовыми, даби имъ, промыслить надъ Янкисатомъ княземъ, а потому соединиться съ ногайскими татарами итакъ войцю на Польшу. Тутъ-же отписки оныхъ воеводъ и Астраханскихъ и отписки Государевыхъ къ имъ грамотѣ. Отписка дѣла 85. Этотъ документъ былъ найденъ есауломъ С. Н. Севастьяновымъ, работавшимъ въ этомъ архивѣ и скопировавшимъ съ него копію, которую онъ потомъ передалъ А. П. Хорошкуну.

²⁾ Фактически это атамана настолько неприятно, что помѣстить ее полностью не представляется возможнымъ.

³⁾ „Полторети ста значатъ 250⁴⁾. Запѣтна С. Н. Севастьянова на копіи съ этой отписки.

отпустилъ, а Богданка, Государь, Варабонъ съ товарищи со Янка изъ твою Государеву службу не пошли и твоимъ Государевымъ гранотамъ не поизбралъ¹⁾.

Изъ этой отписки воеводы Засѣкина видно, что на Янкѣ казаковъ въ это время было на лицо 400 человѣкъ, остальные были гденибудь на промыслахъ; управляли казаками одиннадцать различныхъ атамановъ, жившихъ каждый свою станицу, но надо полагать, что въ городкѣ у нихъ былъ въ общій атаманъ; но кто изъ названныхъ въ отпискѣ воеводы атамановъ былъ войсковой атаманъ — не видно. Не видно тутъ и атамана „Матюшки“, съ которыми казаки пришли на Янкѣ въ 1584—85 году, а также въ Василія Гуганя. Послѣдній или умеръ, или сложилъ свою голову где-либо въ лихоль валѣтъ на ногаевъ.

Когда пришли яицкіе казаки въ числаѣ 150 человѣкъ съ Мазиномъ Мещерякомъ въ Астрахань — неизвѣстно. Были ли они вмѣстѣ съ русскими войсками въ походѣ за князя Ікшисата и ходили ли въ Польшу, сейдѣній пока не имѣется, но можно сказать одно, что походъ въ Польшу едва ли соостоялся, т. к. еще 6 января 1582 г. было заключено съ Польшою пемріє на десять лѣтъ, и если требовалась казаки „въ Польшу“, то лишь для службы на польской границѣ. Съ собранными въ Астрахани войсками Муратъ-Гирей „вмѣстѣ со своимъ братомъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ ногаями, казаками, черкесами, ожидая только Федорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячъ обѣщанныхъ ему стрѣльцовъ“. Но царь медлилъ. Опасаясь Стефана Баторія гораздо болѣе, чѣмъ крымскаго хана Ислама и не уѣбренный въ мирѣ съ Польшею, онъ пасаль Мурату въ февралѣ 1587 г.: „Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирять нашего врага, сильнѣйшаго. Будь готовъ съ вѣрными ногаими и казаками ити къ Вильнѣ, где встрѣтишься со мною; и когда управимся со своимъ литовскимъ недругомъ, тогда легко истребимъ и нашего, поздравимъ Сайдетъ-Гирея ханомъ улусовъ крымскихъ“¹⁾.

Но войны съ Крымомъ съ Польшей не было и лишь въ 1590 г., въ январѣ, началась война съ шведами подъ Нарвой. Но Муратъ-Гирей былъ въ это время въ Астрахани.

Вотъ все, что извѣстно о первой удостовѣренной историческими документами службѣ яицкихъ казаковъ. Но можетъ быть больше чѣмъ уѣбреннымъ, что черезъ яѣсколько лѣтъ снова найдутся гдѣ-либо въ архивахъ сейдѣнія о новой первой службѣ войска московскому правительству.

Оба сейдѣнія, какъ о считавшейся до этого первой службѣ яицкихъ казаковъ въ 1591 г. (походъ на Шамхала Тарковскаго), такъ и о службѣ въ 1586 г. найдены совершенно случайно, т. к. дѣла московскихъ и другихъ архивовъ не всѣ еще подверглись всесторонней обработкѣ и не все обнародованы въ Актахъ Историческихъ, Археографическихъ и другихъ сборникахъ.

¹⁾ Карапанинъ, т. X, стр. 34.

Частное же лицо можетъ наткнуться на нихъ среди массы всевозможныхъ документовъ только случайно, т. к. съдѣнія о первыхъ службахъ язаковъ казаковъ находятся въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ и архивахъ. Такъ, указаніе о службѣ въ 1586 г. случайно найдено въ Московскомъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ въ „Ногайскихъ дѣлахъ“, документъ же о службѣ казаковъ въ 1591 г. извлеченъ изъ астраханскаго архива въ 1830-хъ годахъ и сталъ извѣстенъ лишь благодаря опубликованію его въ 1841 г. въ Актахъ Историческихъ¹⁾.

Не будучи въ состояніи взять Голубого городка и выгнать казаковъ съ Янка и въ тоже время не желая подчиняться царевичу Мурату-Гирею, князь Урусь въ этомъ же году послалъ своихъ пословъ къ турецкому султану, чтобы тотъ вошелъ въ Астрахань и что князь Урусь со своими ногаями будетъ ему помогать. Послы Уруса остановившись въ Крыму, жаловались толмачамъ московского посла²⁾: „Государь великий князь завоевалъ съ памъ пословъ Уруса князя, велѣль обезчестить и отпустить ихъ съ Москвы не пожаловать, а казаки боломеские сильно обижаютъ насъ, много улусовъ у насъ повоевали, много городковъ поставили на Янкѣ и за Янкомъ, тѣсноту намъ сѣѣзди бельшую“.

Но турецкій султанъ войскъ въ Астрахань не отправилъ и ногаи привуждены были подчиниться Москвѣ, объясняя потомъ это турецкому султану тѣмъ, что „чья будетъ Астрахань, Волга и Янкѣ, того будетъ и вся ногайская орда“³⁾.

Для ногаевъ настали тяжелыя времена. Съ одной стороны ихъ громили язаки казаки, съ другой тереки и даже донцы. Терки, кроме того, громили крымцевъ и турокъ, которые или изъ Азова къ Дербенту. Въ свою очередь Муратъ-Гирей и астраханские воеводы потребовали отъ ногаевъ „лучшихъ людей въ закладъ“ за вѣрность московскому правительству. Московский посолъ доносилъ изъ Крина царю⁴⁾: „Потѣхали мурзы ногайскіе и всѣ лучшіе люди въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, женъ и дѣтей и все чибаѣ, говорятъ: „Просали у насъ Муратъ-Гирей и воеводы Астраханскіе лучшихъ людей, братью нашу и дѣтей въ закладъ: но наши отцы, дѣды и предѣды вѣкъ свой жили, а закладовъ не давали, въ волѣ государя московскаго бывали и просыгали, но никогда надъ нами такой неволя не бывало, что вадъ наше дѣласть теперь Муратъ-Гирей царевичъ“. Мурзы и всѣ лучшіе люди вслѣдствіе этого послали турецкому султану бить челомъ, чтобы праналъ въ подданство.

Какой отвѣтъ привезли мурзы отъ султана — неизвѣстно, но только большая

¹⁾ Томъ I, 1584—1598 г. Соб. 1841 г. № 280, стр. 436—446.

²⁾ Соловьевъ, томъ 7, стр. 332.

³⁾ Такъ-же.

⁴⁾ Такъ-же.

часть татаръ, жившихъ на Иникѣ, вѣроятно, съ княземъ Урусомъ, т. к. объ неемъ болѣе въ исторіи не упоминается, перекочевала въ Хиву въ городъ Ургенчъ. Другая часть ушла въ Крымъ и въ степи на востокъ отъ него, на низовья Кубана, а оставшись вынуждены были признать себя подданными московского царя и остались кочевать на старыхъ мѣстахъ.

О жизни японцевъ казаковъ за это время не осталось никакихъ свѣдѣній. Надо предполагать, что они занимались исключительно своими „промышлѣніями“ на Волгѣ или на Каспійскомъ морѣ, куда была свободная дорога по Яку. Донцы въ это время грабили Крымъ, а запорожцы въ 1588 г. взяли Очаковъ и въ числѣ 1500 человѣкъ привезли коремъ изъ судахъ въ кримскіе улусы и взяли 17 селъ¹⁾). Казаки въ царствованіе Федора Иоанновича являются на гравицахъ Московского государства столь грозною силой, что оно, опираясь на нихъ, громить на своихъ окраинахъ одного за другимъ многонѣконыхъ враговъ и пребрѣгаетъ Сибирь, Яикъ и Тerekъ.

О службѣ казаковъ въ 1591 году являются слѣдующія свѣдѣнія:

Вѣсть о взятіи сильного Казанского царства московскимъ царемъ быстро разнеслась между кавказскими князьями и потому тотчасъ же по взятии Казани, въ ноябрѣ 1552 г., въ Москву прїѣхали двое черкасскихъ князей съ просьбою, чтобы государь „вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопы“. Послѣ этого не прошло и 3-хъ лѣтъ, какъ явились въ Москву „князья черкасские жаженскіе, Сибокъ съ братомъ Ацымзукомъ да Туракомъ“, въ сопровожденіи 150 челов. Они были членомъ отъ „всей земли Черкасской, чтобы государь далъ имъ помошь на турецкаго и кримскаго царей, а они—холопы царя и великаго князя съ женами и дѣтьми и во вѣки“.

„Государь пожаловалъ ихъ своимъ велѣніемъ жалованьемъ, на счетъ-же турецкаго цара велѣлъ имъ отмолвить, что туркій султанъ въ мару съ царемъ и великимъ княземъ, а отъ кримскаго государя хотеть ихъ беречь, какъ только можно“.

Когда-же Московское государство утвердилось въ устьяхъ Волги, завоевавъ Астраханское царство, въ 1556 году, то событие это открыло Москвѣ возможность завладѣть цѣлыми рядами мелкихъ княжествъ въ Прикаспійѣ. Такъ, напр., лѣтомъ 1557 года прїѣзжали въ Москву „другіе черкасские князья“. Тогда-же „двое князей черкасскихъ кабардинскихъ—Темрюкъ и Тизрютъ—прислали бить членомъ, чтобы государь велѣлъ имъ себѣ служить и велѣлъ бы астраханскимъ воеводамъ дать имъ помошь на Шамхала Тарковскаго“. Посолъ говорилъ: „Только Государь ихъ пожалуетъ, какъ пожаловалъ жаженскихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь грузинскій и вся земля грузинская будутъ также бить членомъ Государю въ службу, потому что грузинскій князь въ союзе съ кабардинскими князьями“.

¹⁾ Соловьевъ, т. 7, стр. 219.

Но въ это же самое время Шамхаль Тарковскій и князь тюменскій (съ береговъ Терека) тоже прислали пословъ съ челобитьемъ, „чтобы государь зелѣцъ имѣть бѣть въ своемъ имени, приказацъ бы астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговыи людамъ дадъ бы дорогу чистую”...

И такъ, черкасскіе князья просили помощи на Шамхала, а Шамхаль просилъ помощи на черкасскіхъ князей; тюменскій же мурза просилъ помощи на дядю своего, тюменскаго князя: „посадицъ бы Государь его на Тюменѣ, а онъ холопъ государевъ”.

Московское государство было въ сильномъ затрудненіи, какъ разобраться со всѣми этими челобитьями „о холопствѣ”, но, тѣль не менѣе, обнадежало осѣѧщихъ челобитчиковъ. Результатъ, разумѣется, былъ тотъ, что власть московскаго цара и обѣщанная помошь была только изъ словахъ, т. к. земли челобитчиковъ, кромѣ сообщенія моремъ отъ Астрахани, были далеки отъ предѣловъ настоящаго Московскаго царства, а поэтому отношенія между приказскими князьями оставались тѣ-же, не смотря на то, что всѣ чисились „холопами государевыми”.

Но самый безлюблѣнныи изъ всѣхъ холопей былъ Шамхаль Тарковскій, владѣвшій Дагестаномъ, а также Кумыкской степью. Его разбом на морѣ и безопасность, которыи онъ дѣлалъ поселившимся на Терекѣ „вольнымъ русскимъ людямъ”, назвали, наконецъ, указъ цара астраханскому воеводѣ, чтобы отправить для усиленія Шамхала войска.

Земля эта, находясь въ сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказа, соприкасалась съ Хвалинскимъ (Каспійскимъ) моремъ, а такъ какъ жители его, какъ и всѣ горцы, вели тогда жизнь разбойничью, то это влажество, съ отчаянными, изощрившимися въ морскихъ и сухопутныхъ набѣгахъ населеніемъ, было-тоего рода изозолью для окружавшихъ его сосѣдей. Главное поселеніе (и почти единственное)—было Тарки, откуда и самое название правителя Шамхала Тарковскаго („князь Дагестанскій”).

Одно изъ очень старинныхъ путешественниковъ, Гербертъ, вотъ что писать о Таркахъ¹⁾: „Сей городъ лежитъ въ пяти верстахъ отъ Каспійскаго моря, на обширной долинѣ, между скалами... Шамхаловъ дворецъ построенъ на высокомъ мѣстѣ... улицы тѣсны и дома не красивы. Вода проведена съ горъ черезъ трубы въ ханскій дворецъ и во всѣ части города, древняго и весьма немалаго... Достоинство Шамхала произошло отъ аравитянъ, которые въ первыхъ мѣсяцахъ магометанскаго зѣтосчислѣнія овладѣли берегами Каспійскаго моря. Шамъ—есть имя города Дамаска, откуда присылались начальники или князья въ сіи завоеванныя земли; имя Халъ—означаетъ князя... Другой извѣстный старинный путешественникъ, Олеарій, говоритъ, что Шамхаль по арабски значить сельзъ.”

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., т. X, примѣч. 330. Городъ Тарки былъ срытъ въ 1728 г. Нынѣшніе Тарки стоятъ на другомъ мѣстѣ. Тамъ-же примѣч. 117.

Особенно хлопоталъ о походѣ на Шамхала кахетинскій царь Александръ (въ Грузіи), который въ числѣ другихъ князей искалъ покровительства у единовѣрной съ нимъ Москвы. Александръ предлагалъ царю построить крѣпости на Терекѣ и послать тысячу двадцать воиновъ на Шамхала, овладѣть его столицею Тарками и берегомъ моря открыть сообщеніе съ Иверію и съ Кахетіей. Уже въ 1590 году русскія войска стали тѣснить Шамхала „и рѣку Консу государевы люди у него отняли и городъ на Консѣ хотать ставити“ ¹⁾.

Вѣроятно въ помощь дѣйствовавшимъ тамъ войскамъ было приказано въ 1591 году астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину послать войско противъ „непослушника царскаго, Шевкальского“ и въ томъ войскѣ „быть лигумъ и волжскимъ атаманамъ шаказакамъ“. Якшкіи вѣлько взять для этой цѣли 500 чл., а волжскихъ 1000. Въ актѣ опредѣляется имъ отъ казны жалованье: „и за корицъ ииъ давати въ Астрахани по осьминъ муки человѣку, да десятма человѣкамъ четверть круза и толокна, или по болку пригоже, смотря по житью, сколько ови у Астрахани станутъ жити, а коннымъ сверхъ того дати по четверти овса человѣку. А буде они для нужи учнутъ просити денегъ, и ииъ дати по полтинъ человѣку за вужду, а о достальномъ о денежномъ жалованыи и о хлѣбномъ запасѣ для шевкальскія службы государевъ указъ будетъ впередъ“.

Рать должна была итти на Шамхала съ гор. Терка (вновь заложенный городъ на рѣкѣ Терекѣ), а казаки должны были прйтти къ Астрахани „къ сроку, къ Троицыну дню и кончѣ къ Петрову заговѣйну и грамоты государевы о томъ къ ииъ посланы“ [6].

Дорога на Тарки шла черезъ Тюмень (на берегу Каспійскаго моря), отъ города Терки „съ Терки до Тюмени конному днѧще, а пѣшему два дни; а отъ Тюменскаго до города Тарки дважъ дни“ ²⁾.

Когда выступили авцае казаки въ Астрахань и оттуда на Терки, что дѣлали въ этомъ походѣ и когда вернулись обратно на Якъ, сведѣній не имеется.

Въ Исторіи же Караванова ³⁾ говорится, что царь Федоръ Иоанновичъ послалъ войска на Шамхала два раза; первый разъ съ воеводою княземъ Григориемъ Засѣкіинымъ, подъ начальствомъ котораго, вѣроятно, были лицкіе казаки. Засѣкіинъ разбилъ Шамхала и прогналъ его въ непреступныя горы „и многихъ людей (у него) побили и самого Шевкала ранили“. Довершить покореніе Шамхальской области поручено было князю Андрею Хворостину, походъ котораго относится уже къ 1594 году; но такъ какъ казаки въ то время слу-

1) Каравановъ, т. X, примѣч. 119.

2) Каравановъ, томъ X, примѣч. 117.

3) Каравановъ, т. X, стр. 17, примѣч. 380.

жази неопределное время, то легко может быть, что яицкие казаки, продолжая свою службу за Терекъ, могли быть в подъ комадою Хворостава. Хворостинъ должен былъ, занявши Тарки, ждать союзныхъ войскъ отъ Иверского цара Александра, подъ командою его сына Юрия, и, соединившись съ ними, окончательно разгромить Шамхала и передать его область тестю Юрию, другому князю Дагестанскому. Но этотъ походъ оказался неудачнымъ. Князь Александръ не прислалъ обѣщанныхъ войскъ и Хворостинъ, заявши всю Шамхальскую землю и гор. Тарки, напрасно и долго ждалъ войскъ Иверского кназа. Въ это время Шевкаль успѣлъ соединиться съ кумыками и черкасами и въ свою очередь напасть на Хворостина; вотъ что известно объ этомъ: „и на Конѣ городъ поставиша и съ ратными людьми саде воевода князь Владимиръ Тимоф. Долгорукій, а въ Таркахъ города поставить не дали: пришли извѣсіе шевкальскіе и кумыцкіе люди и черкасы и государевыхъ людей побиша. Воеводы же утекли не со многими людьми; а убили ту (тутъ) Ив. Вас. Измайлова и иныхъ дворянъ, а разныхъ людей съ три тысячи“... Оставшися войска собрались въ г. Терки.

Въ то время какъ казаки пошли въ походъ за Шамхала, въ этотъ-же годъ на берегу Волги былъ заложенъ новый городъ Саратовъ.

О слѣдующей службѣ яицкихъ казаковъ, бывшей въ 1594 году, имѣются еще болѣе скучныя сведения, чѣмъ о предыдущихъ. Этотъ годъ застаетъ яицкихъ казаковъ въ Переяславѣ Рязанскомъ (на берегу р. Оки въ нынѣшней Рязанской губерніи), съмѣсть со волжскими и донскими казаками. Сколько ихъ было — неизвѣстно, также неизвѣстно, когда они были вызваны съ Яицка и на какую службу. Объ нихъ упоминаетъ лѣшь „Вѣдомость о хлѣбномъ жалованіи, выданномъ Василіемъ Колтовскимъ казакамъ и пашти разсыльщику Омельяну Васильеву о томъ, чтобы онъ доправилъ на Колтовскому недостающій у него хлѣбъ“¹⁾). Къ этой вѣдомости, помѣченной 18 августа 1594 г., приложенъ длинный списокъ казаковъ съ атаманомъ Федоромъ Недоброимъ, всего 353 человѣка, съ именами и отчествами (изрѣдка фамиліи или прозвища) безъ указания и раздѣленія ихъ по войскамъ; т. ч. опредѣлить, сколько было яицкихъ и другихъ казаковъ, не представляется возможнымъ. Въ концѣ списка сказано: „И всего по Васильеву-Колтовскому даточному списку казаковъ оять, дать къ счету, дать Василій въ Переяславѣ Рязанскомъ Донскимъ и Волжскимъ и Яицкимъ атаманомъ и казакомъ хлѣба 1562 чети безъ полутортнико ржи, 2057 частей безъ полуосмыни овса; и передаль сверхъ указу Василій лашка 19 четей ржи, 4 чети съ четвертью овса. И тотъ хлѣбъ на Васильевъ доправить.“ Въ этомъ документѣ между прочимъ имѣется любопытная подробность: казаки остались недовольны па раздатчика Василія темъ, что „Василій имѣлъ у крестьянъ хлѣбъ вверхъ, а мы (казакамъ) давалъ вровень, потому у него и

) Русск. Истор. библиотека, т. XVIII. Донскія дѣла кн. 1-я 1908 года, стр. 1—24. У подлиннаго документа начало иѣть (запись изъ Арх. Мин. Имп. Дѣлъ. Донскія дѣла, сказка 1-я 1594 г.).

дашекъ сталъ въ ось", звиду этого „достальнай приїрный овесь 25 четей безъ четнерика отдаєть Федору Недоброму съ товарищи 353 человѣка всѣмъ на раздѣлъ".

Въ этомъ году Россія ждала войны со Швеціей, съ которой было заключено временное перемирие на два года, и русскія войска собирались къ Новгороду и разставались отъ него по Эстонской и Финляндской границамъ, гдѣ стояли въ бездѣствіи до 18 мая 1595 г., когда наконецъ былъ заключенъ окончательный миръ. Въроятно и лицкіе казаки, бывши въ Переяславѣ Залівскомъ,шли къ шведской границѣ, гдѣ и участвовали при заключеніи мира. Можно также предположить, что они предназначались для усиленія гарнизоновъ южнорусскихъ городовъ, когда московское правительство, послѣ страшного набѣга крымскаго хана въ 1592 г., опустошившаго рязанские, каширскіе и тульскіе предѣлы и захватившаго небывало большое количество пленныхъ, рѣшило построить на югѣ Руси „на всѣхъ сакиахъ (путахъ) татарскихъ" новые города и населить ихъ ратными людьми: „стрѣльцами и казаками". Къ постройкѣ новыхъ городовъ было приступлено съ осени 1593 г.

Но гдѣ именно изъ этихъ двухъ мѣстъ были на службѣ лицкіе казаки въ 1594 году, въ историческихъ документахъ пока не имѣется никакихъ указаний. Безусловно, со временемъ, эти предѣлы исторіи Уральского войска будуть пополнены, и можно ожидать, что въ числѣ службъ войска окажутся такія, о которыхъ мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго представления.

VI.

Смутное время на Руси. Походъ Нечая въ Хиву. Участіе Яицкихъ казаковъ въ рядахъ самозванцевъ. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова (1594—1613 гг.)

„Горы бо мотиль тогда звишася побіеніи, по правдѣ ратовавшихъ, яже бывша ведицію бои на прошествії отъ Туды въ Калугу, и поетъ Кромаки на Борисѣ подъ Кашарою и подъ Орломъ и подъ Нажинъ Новинъ Градомъ и во многихъ мѣстахъ; и крихуся тогда человѣцы въ дебри не проходимыи и въ чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры неиздомныи”...

Изъ автографа Абрах. Палицына. Каменецъ, т. III, прик. 311.

Въ 1598 г. умеръ царь Федоръ Ioannovitchъ, у царя Федора ютей не было. Единственный наслѣдникъ престола, второй сынъ Ioanna Groznoаго царевичъ Дмитрій былъ еще въ 1591 г. убитъ наемными убійцами въ Угличѣ. Тогда собранными въ Москвѣ земскими соборомъ былъ избранъ на царство братъ жены царя Федора бояринъ Борисъ Годуновъ.

Съ восцареніемъ Бориса Годунова для казаковъ настало тяжелое время. Разграбленный на донцовъ за ихъ грабежи крымцевъ и ногайцевъ, онъ въ первый же годъ своего царствованія приказалъ не пускать донцовъ въ города, ловить ихъ тамъ и казнить, всѣхъ безъ разбора¹⁾. Распространилось ли это распоряженіе на другія казачьи войска — неизвѣстно, но виду того, что въ то время, какъ и въ послѣдующія времена, вилотъ до царствованія Петра Великаго, казачество на Руси составляло какъ-бы одну общую семью, надо предполагать, что и другимъ казакамъ не было пощады отъ Бориса. Это былъ первый царь, который, вступивъ за престолъ, вмѣсто милостивой грамоты казакамъ — съ первыхъ дней объявилъ свою опалу и отдалъ ихъ въ руки налачей. Думалъ-ли тогда царь Борисъ, что эти опальные и озлобленные казаки въ недалекомъ будущемъ будутъ первыми и главными виновниками его паденія?

Виѣсть съ опалою на казаковъ, Борисъ Годуновъ подтвердилъ и указъ 1593 г. о прикрѣплении крестьянъ къ землѣ въ обѣ отдачѣ ихъ во власть помѣщикамъ. Къ этому присоединился голодъ и въ одной Москве погибло 500 тысячъ человѣкъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. 8, стр. 92.

И вотъ въ Польшѣ въ 1603 г. является человѣкъ, назвавшій себѣ спасшимся отъ смерти въ Угличѣ царевичемъ Дмитриемъ. Большинство историковъ называетъ его самозванцемъ Гришкомъ Отрепьевымъ, другие же склонны думать, что это былъ дѣйствительно спасшийся отъ убийца, подославшихъ Борисомъ Годуновымъ, настоящій царевичъ Дмитрій.

Въ этомъ-же году, зная, что донскіе казаки не любили Бориса, самозванецъ послалъ на Дозъ литвина Свиблова съ грамотою, гдѣ онъ писалъ, что онъ истинный сынъ Ивана Грознаго, и что вмѣсто него убили другого, а онъ бѣжалъ отъ Годунова въ Польшу; въ этой грамотѣ, называя казаковъ „вольными христіанскими рыцарами“, онъ звалъ ихъ къ себѣ на службу „на славное дѣло: свергнуть раба и злодѣя съ престола Ioannova“¹⁾).

Получивъ грамоту, донцы немедленно отправили двухъ атамановъ Андрея Корела и Михаила Нежанова въ Краковъ, гдѣ въ это время находился самозванецъ, чтобы убѣдиться въ подлинности царевича.

Въ Краковѣ они увидѣли его „честнаго Сигизмунда королемъ польскому и вельможами павани“. Увидѣвъ его въ такой обстановкѣ, донцы признали его за настоящаго царевича и немедленно послали къ нему 2 тысячи человѣкъ казаковъ. Вся сила самозванца, когда онъ вступилъ въ августъ 1604 г. въ русскіе предѣлы, состояла всего изъ этихъ двухъ тысячъ казаковъ и двухъ тысячъ русскихъ бѣглецовъ и поляковъ.

Царь Борисъ, узнавъ объ этомъ, послалъ на Дозъ дворянина Хрущова уговорить казаковъ и объяснить имъ ихъ заблужденіе. Но уже ни грамота, ни слова не подействовали на озлобленныхъ казаковъ, они схватили Хрущова, сковали и привезли къ самозванцу, гдѣ Хрущовъ, увидѣвъ его, упалъ на колѣни и призвалъ его за Дмитрія царевича. Такъ разгорался бунтъ.

По мѣрѣ того какъ Отрепьевъдвигался въ московскіе предѣлы, къ нему постепенно подходили казаки. Въ декабрѣ 1604 г. къ самозванцу присоединилось 12 тыс. малороссійскихъ казаковъ и въ январѣ 1605 еще 4 тыс. донцевъ.

Принимали-ли участіе въ дѣлахъ этого самозванца яицкіе казаки, пока историческихъ данныхъ не избѣтсѧ. Въ виду дальности разстоянія Яицкаго городка отъ Дона, надо думать, что привозимы грамоты донцевъ и самозванца и вѣсти о событияхъ на Руси дошли до Яицкаго войска уже тогда, когда все было кончено и самозванецъ въ юнѣ 1605 г. подъ именемъ Дмитрія сѣлъ на московскій престолъ.

Въ это время яицкіе казаки были заняты походомъ на Хиву.

Вѣсть о покореніи Ермакомъ Сибири, его слава дошли и до Яика. Это событие вознаполо казаковъ и кружило имъ головы. Ихъ захотѣлось самимъ совершить подобный же подвигъ и привести царю вмѣстѣ со своими повинными головами какую-нибудь страну, какъ это сдѣлалъ Ермакъ. Но едан-

¹⁾ Сигельманъ. Исторія Донскаго войска, 1834 г., часть 1-я, стр. 86—87.

ственная страна, находившаяся въ съсѣдствіи съ Яикомъ, была Хива. Туда лежала пустынная и дальняя дорога черезъ степи. Грабя въ степи караваны хивинскихъ купцовъ, казаки не могли не знать о ея существованіи. Изъ разспросовъ хивинцевъ они прекрасно звали, сколько войска у хана и когда возможно напасть на Хиву. Кроме покоренія Хивы была и другая цѣль— это добыча и женщины, которыхъ на Яикѣ было мало.

Какъ бы то ни было, но казаки развею весною 1605 г., ограбивъ караванъ хивинскихъ купцовъ и узнавъ отъ нихъ, что хивинскій ханъ Арабъ-Магометъ находится въ лѣтнее время далеко отъ столицы Ургенча, рѣшились въ числѣ 500 человѣкъ ити въ Хиву съ походнымъ атаканочемъ *Нечаемъ*, вѣроятно съ тѣмъ самимъ *Нечаемъ Шатихамъ*, который „грамотѣ не повѣрилъ“ и не пошелъ на службу въ 1586 году въ Астрахань.

Объ этомъ походѣ на Яикѣ сохранилось преданіе, записанное Рычковымъ во время пребыванія его въ Яицкомъ городкѣ въ 1748 году¹⁾.

Вотъ, что рассказывали ему казаки старшими объ этомъ походѣ:

„Въ тѣ же времена изъ казаковъ Яицкаго войска никто по прозванию *Нечай*, собравъ себѣ въ компанию 500 человѣкъ, взялъ намѣреніе ити въ Хиву, уповая быть тамъ великому богатству и подузыть себѣ знатную добычу. Съ оними отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ²⁾ и будучи у горъ, называемыхъ именемъ *Дьяковыми*³⁾, отъ вынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился и по казачьему обыкновенію учинилъ совѣтъ, или кругъ, для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобы избрать человѣка, для показанія прямого и удобнѣйшаго туда тракта. Когда въ кругу учивалъ былъ докладъ, тогда дѣвка его изъ писарей, выступая, стала представлять, коль отважно и несходно оное ихъ предпріятіе,—изъяснила, что путь будетъ степной, незнакомый, провинта съ ними зеводольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малолюдно. Помянутый Нечай отъ сего дѣвака представлена такъ иного разсердился и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его човѣсить, почему онъ тогда жъ и топъшень, а онимъ горы прозваны и по нинѣ именуются *Дьяковыми*.

Отправясь онъ, Нечай, въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ и, подступая подъ нее въ такое время, когда хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ кроме малыхъ и престарѣлыхъ никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія городъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ захватъ, а ханскихъ женъ въ полонъ собралъ, изъ которыхъ одну онъ, Нечай, самъ себѣ взялъ и при себѣ ее содержалъ. По таковому счастливому завѣдѣніи онъ, Нечай, и бывши съ ними казаки ильскою временемъ жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ и обѣ опасности мало думали; но та ханская

1) Рычковъ, Топogr. Оренб. губ. 1762 г., изл. 1887 г., стр. 286—290.

2) Тутъ, вѣроятно, ошибка, надо читать: *снизу по Яику*.

3) Эти горы до сихъ поръ известны подъ названіемъ *Дьяковыхъ горъ*.

жена знатно, полюбя его, Нечай, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ жить свой спаси, то бъ овъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы хазъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ, Нечай, той ханской жены казонецъ и послушалъ, однако же всѣма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отагошеннъ многомъ и богатомъ добычею, скоро слѣдовать не могъ; а хазъ вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего похода и вида, что городъ его Хива разграбленъ, начало же иѣшкавъ, со всѣми своимъ войскомъ въ погоню за нимъ, Нечаемъ, отправился, и чрезъ три дня его настигъ за рѣкѣ, именуемой Сыръ-Дарьѣ¹), гдѣ базарка чрезъ горловину ея переправлялись, и надаль на нихъ съ тахимъ устремлениемъ, что Нечай съ казаками своимъ хотя и храбро оборонялся и иногохъ хивинцевъ побилъ, но напослѣдокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побить, кроме трехъ или четырехъ человѣкъ, конь, ушедъ отъ того побоища, въ войско Лянцкое возвратились и о его погибели рассказали. Въ ономъ войсковомъ атаманомъ объявленіи показано и сie, яко бы хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральского моря въ Каспійское впада, на устьѣ ея отъ Каспійского моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судамъ ходу не было; но я послѣднее сie обстоятельство за неимѣніемъ достовѣрныхъ извѣстій не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ войсковыхъ атамановъ сказано".

Это предавіе вполнѣ подтверждается *Абдуль-Гази-ханомъ*, сыномъ хивинскаго хана Арабъ-Магомета, при которомъ яицкіе казаки взяли Хиву (Ургенчъ).

Въ своемъ сочиненіи „Родословная исторія татаръ“ *Абдуль-Гази* разсказываетъ о набѣгѣ яицкихъ казаковъ такъ²):

„Шесть мѣсяцевъ спустя поспѣ вступленія на престолъ Арабъ-Магометъ-хана, тысяча русскихъ казаковъ съ *Лика* неожиданно напала въ начальюна на Ургенчъ, въ которомъ не было никого, кроме простого народа, такъ какъ хазъ съ войсками находился на берегахъ рѣки Аму. Русскіе умертвили въ городѣ тысячу человѣкъ, захватили около тысячи молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, нагрузили тысячу повозокъ самыми дорогими вещами, а остальные вещи, какъ ткани, шубы, одѣжды, ковры, одѣяла, туфли и подушки, сожгли, поспѣ чего вышли изъ города и направились къ берегу рѣки. Но такъ какъ они провели въ городѣ семь сутокъ, то Арабъ-Магометъ-ханъ, извѣщеный обѣ этомъ въ Хавѣ, имѣлъ время возвратиться въ Ургенчъ. Оевъ направился въ тылъ казакамъ, чтобы отрѣзать имъ отступленіе и устроить на ихъ пути окопы со рвами. Русскіе сражались двое сутокъ и на третью имъ удалось овладѣть окопами и пройти ихъ. Они были сильные. Наши все на коняхъ и потому заскакали два фарсаха впередъ и снова устроили окопы со рвами. Наши хотѣли захватить русскихъ, пока они еще въ

¹⁾ Тутъ ошибка: надо читать Аму-Дары.

²⁾ Выписка взята изъ соч. А. И. Макшеева „Истор. обзоръ Туркестана“ 1900 г., стр. 50—52.

степи и жары сильны, въ томъ разсчетѣ, что если они успѣхутъ достичнуть воды, то построить укрѣпленіе въ одинъ день, дадуть о себѣ знать, получить подкрепленіе, и тогда мы все погибнемъ,—поэтому наши удвоили свои усилия. Русскіе продолжали сражаться, но истощили свои запасы воды и начали пить кровь, а на пятнадцатый день не находили даже крови для сбитья. Узбеки атаковали ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе сражались сначала изъ поэзіи, выѣхавшей обоза, а потомъ за телѣгами. На седьмой день узбеки вахтынули на нихъ все сразу. Достигнувъ обоза, они сѣшились, ворвались въ лагерь и стали рубить оборонявшихся саблями. Сотни русскихъ успѣла однако бѣжать въ то время, когда наши занимались грабежемъ, достигла берега Дарьи, где устроила изъ дерева небольшое укрѣпленіе подъ крѣпостью Тукъ. Арабъ-Магометъ-ханъ атаковалъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого приводовъ для кромѣ рыбы, и послѣ пятнадцатидневной осады завладѣлъ укрѣпленіемъ".

Въ другомъ мѣстѣ Абуль-Гази, по поводу своего рождения (въ юль 1605 г.), разсказываетъ слѣдующее: "Въ годъ моего рождения, весною, десять купцовъ, отправившихся по торговымъ дѣламъ къ русскимъ, были встрѣчены около Яика тысячью русскими казаками. Казаки перебили ихъ всѣхъ, кроме двухъ, отъ которыхъ желали получить свѣдѣнія объ Ургенчѣ. Одинъ изъ двухъ купцовъ, родомъ изъ Туркестана, сказалъ имъ, что въ настоящее время въ Ургенчѣ нетъ ни одного человѣка изъ войскъ, что самыя близкайшія войска находятся въ разстояніи суточного хода (коннаго), что въ городѣ не осталось никого, кроме простого народа, и что съ одной стороны города разстилается степь, по которой стотысячная армія можетъ незамѣтно подойти къ самымъ городскимъ воротамъ. Сообщивъ эти свѣдѣнія, онъ, какъ иноземецъ, говорилъ въ дѣлѣ все, что могло быть пріятно казакамъ. Обрадованные русскіе тотчасъ же двинулись въ путь въ числѣ тысячи, взявшись съ собою этого туркестанца въ качествѣ вожака, и прибыли въ городу, въ который вошли черезъ ворота Мерзы. Жители города были такъ далеки отъ подобнаго сюрприза, что когда однѣ русскій ударилъ пикой мясника, торговавшаго въ первой лавочкѣ, мясникъ, принимая его за сипая (своего вояна), закричалъ: „Зачѣмъ ты ѿшь гразъ, проклятый ариянина!" Русскіе убили въ этотъ день тысячу человѣкъ, но мой отецъ бросился ихъ преслѣдовывать, властить и истребить всѣхъ до единаго. Когда я родился, черезъ сорокъ дней послѣ этого происшествія, отецъ мой сказалъ: „побѣдою, одержанною нами надъ невѣрными, Богъ благословитъ первый шагъ этого ребенка", и даль мнѣ имя Абуль-Гази, такъ какъ съ другой стороны еще мать моя была изъ фамиліи, извѣстной подъ именемъ Гази".

Оба эти разсказа подтверждаютъ одинъ другого, разница только въ количествѣ бывшаго въ походѣ казаковъ. Въ этомъ случаѣ болѣе правдивая цифра будетъ на сторонѣ казачьаго преданія, т. к. трудно предположить, чтобы въ то время казаки могли отправить въ походъ болѣе 500 человѣкъ,

ихъ всего-то на Яикѣ тогда было не болѣе 1000—1500 человѣкъ; если бы изъ этого количества погибло въ Хивѣ тысяча, то мы едвали бы встрѣтили потомъ лицъ казаковъ въ войскахъ самозванцевъ, между тѣмъ участіе ихъ въ событияхъ этого времени подтверждается многими историческими актами.

Что казаки были не все перебиты и что часть ихъ вернулась на Яикъ, показываетъ уже тотъ фактъ, что оставшися на Яикѣ были подробно освѣдомлены объ участіи своихъ погибшихъ товарищъ, объ чёмъ могли имъ сообщать только спасшіеся казаки.

Объ этомъ походѣ у казаковъ сохранилась слѣдующая пѣсня:

Не ясны соколики солеталися,
Не хивинскіе визиришки соѣзжалися,
Сходилися, соѣзжалися добры молодцы,
Удалые казаки пріяцікі;
Они крѣпкую тутъ думу думали:
„А кому изъ насъ, ребата, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребата, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ ребятушки атамавушку,
Налета мы возьмемъ себѣ походнаго
Нечая казака возьмемъ бывалого!“
Нечай говорить—словно труба трубить,
Начнетъ покрикивать словно сверѣль свистать.
— А и долго-ль намъ, ребата, за морахъ стоять?
На морахъ стоять, ребата, лишь разбой держать!
Не пора ли намъ, ребата, все опомянуться,
Все опомянуться, ребата, воспокаяться,
Воспокаяться, ребата, въ своихъ вольностахъ?
Не итти-ли намъ, ребата, за Россіюшку,
Во Россіюшку, ребата, все съ повинною?
Мы съ повинною пойдемъ къ царю Бѣлому,
Повесемъ мы къ нему свои головы повинные,
А не то пойдемъ, ребата, да полонимъ Хиву,
Покоримъ мы ее царю-батюшкѣ,
И Хивой, тогда, ребата, мы поклонимся¹⁾.

Кромѣ этой пѣсни имѣется еще два варианта ей; обѣ они кончаются тѣмъ, что казаки хотятъ поклониться Хивою царю Бѣлому..

Что казаки были знакомы съ Хивою далеко до похода Нечая, видно изъ золотыхъ хивинскихъ пословъ въ 1567 г. турецкому султану о томъ, что казаки не только взяли Астрахань, но что „и ихъ воюютъ“. Жалуясь султазу,

¹⁾ Эта пѣсня была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. (см. Михушина, „Сборн. пѣс. Ур. ал. каз.“, стр. 54).

что казаки и нѣт воюютъ, хивинцы безусловно говорили именно о хивинскомъ ханствѣ, которое и тогда не выходило изъ предѣловъ рѣки Аму-Дары. Въ одной изъ своихъ пѣсень яицкіе казаки, воспѣвая Яикъ, между прочими говорятъ:

„Ахъ бывало мы, казаки-братья,
На твоихъ волнахъ лихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычкою
За персидскою, за хивинскою“...¹⁾.

Гдѣ же казаки могли, плавая на легкихъ стругахъ, имѣть себѣ хивинскую добычу?

Всѣ исторические данные говорятъ намъ, что рѣка Аму-Дарья когда-то однажды изъ рукавовъ своихъ (горловиной) вышла въ Каспійское море, о чёмъ упоминается и въ книгѣ „Большой чертежъ“, где сказано о Хивѣ занесенномъ по разспросамъ хивинскихъ купцовъ или путешественниковъ. Тамъ обѣ Аму-Дарьи говорится такъ: „Изъ Синего моря (Аральского моря) вытекла рѣка Арзасъ и потекла въ Хиалимское море (Каспійское)... А въ рѣку Арзасъ съ востоку пала рѣка Аму-Дарья...“ Очевидно, что тутъ подъ названіемъ Арзасъ надо понимать ту „горловину“, которая шла отъ Аму-Дарьи въ Каспійское море и которая известна у хивинцевъ подъ именемъ Узбоя. Разгуливая по Каспійскому морю и исѣщая персидскіе берега, яицкіе казаки не забывали наѣзжать и горловину Аму-Дарьи и знакомиться съ хивинскими товарирами... А разживаться тамъ было чѣмъ: въ то время по берегу горловины Аму-Дарьи отъ Каспійского моря вилотъ до Ургенча стояли богатые города, развалины которыхъ, сохранившіеся до нашихъ дней, вмѣстѣ съ развалинами крѣпостей, большихъ зданий, минаретовъ и памятниковъ изящного восточного зодчества, построенныхъ изъ жгутаго кирпича съ разноцвѣтной поливой, слѣды водопроводовъ и оросительныхъ каналъ, золотныя и серебряные монеты и запасы—все напоминаютъ о томъ, что имѣлъ въ безводной Туркменской пустынѣ когда то кипѣла жизнь ²⁾.

По этой „горловинѣ“, Узбою, лежалъ съ незапамятныхъ временъ торговый путь изъ Каспійского моря въ Хиву и города, стоявшіе по его берегамъ, славились своимъ богатствомъ и красотой.

Было тогда гдѣ разгуляться пріянцкимъ орламъ. Испуганные ихъ набѣгами и грабежами на морѣ и особенно набѣгомъ Нечая, хивинцы дѣйствительно перегородили Аму-Дарью вблизи Аральского моря, о чёмъ и говоритъ въ преданіи яицкихъ казаковъ, тогда болѣе другихъ заинтересованныхъ въ этомъ событии. Предавія хивинцевъ и записки путешественниковъ того времени вполнѣ согласуются съ преданіями яицкихъ казаковъ, хотя гдѣ

¹⁾ Н. Г. Ильинъ. Сбор. пѣс. Урах. каз., стр. 50.

²⁾ Книга „Аму и Узбоя“ неизвестн. автора. Печатана въ Самарѣ 1879 г., стр. 44.

устройства плотины, существующей до сихъ поръ у устья Аму-Дарьи въ Хивѣ, показанъ различно¹⁾.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что хивинцы перегородили русло Узбоя послѣ морскихъ налетовъ яицкихъ и волжскихъ казаковъ на города и села, лежавшіе по Узбому; и лишь только послѣ этого и переселенія жителей съ береговъ Узбоя въ Хиву казаки предприняли туда набѣгъ черезъ степь.

Дальнѣйшія события на Руси не прошли безслѣдно для яицкихъ казаковъ; поводомъ для этого могло послужить волненіе у терцевъ, ближайшихъ со-сѣдей яицкихъ казаковъ на морскихъ промыслахъ.

Вѣсть о событияхъ въ Москвѣ долетѣла и до нихъ далекой запольной рѣки, и къ нимъ на Терекъ дошли вѣсти, что при вступлѣніи на престоль самозванецъ, принимая въ первый разъ бояръ, допустилъ къ своей руцѣ разъ-ше бояръ главныхъ своихъ помощниковъ—донскихъ и малороссійскихъ казаковъ.

Захотѣли-ли терцы иѣть и себѣ такую же честь или по другому причинамъ, но въ 1606 г. они одного изъ своихъ казаковъ Илью Муромца называли Петромъ и стали разглашать, что въ 1592 г. царица Ирина (жена Федора Іоанновича) родила сына Петра, котораго Годуновъ подмытилъ дѣвочкою Феодосіей, вскорѣ послѣ того умершю,—выдумка, по всѣмъ вѣроятіямъ, московская—замѣчасть Соловьевъ²⁾, т. к. странно, чтобы какому-нибудь казаку пришли на умъ такія хитрости.

И вотъ раннею весною 1606 г. терцы всѣмъ войскомъ спустились за стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ противъ устья Терека. Напрасно терскій воевода уговарилъ ихъ не покидать границу беззащитно и оставить по крайней мѣрѣ половину казаковъ на Терекѣ; но казаки не послушались и всѣ, въ числѣ 4 тысячъ, отправились къ Астрахани и поплыли далѣе по Волгѣ. Узнавъ объ этомъ, Лжедмитрій послалъ звать царевича въ Москву, посланный засталъ ихъ въ Самарѣ; казаки согласились и двинулись вверхъ по Волгѣ, но дѣлъ не могъ уже свидѣться съ племянникомъ.

Въ Москвѣ въ это время не существовало Лжедмитрія,—онъ былъ убитъ (17 мая 1606 г.) и вместо него былъ избранъ на царство бояринъ Василий Шуйский.

Яицкіе казаки не могли не быть осведомлены о происходившихъ событияхъ и еще раннею весною, гуляя на промыслахъ по Каспійскому морю, они встрѣтили тамъ своихъ товарищѣй терцевъ съ ихъ царевичемъ Петромъ. Если они удержались отъ совѣтской побѣдки съ ними въ Москву, то вѣроятно присоединились къ нимъ въ то время, когда терцы иѣли назадъ и спускались внизъ по Волгѣ, узнавъ, что Лжедмитрій убитъ. Когда же вслѣдъ за смертью Лжедмитрія распространился слухъ, что онъ не убитъ, а спасся и зоветъ опять

¹⁾ Въ книгѣ „Аму и Узбоя“ находятся интересные материалы по этому вопросу. Въ этой книжѣ главнымъ образомъ решается въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о направлении Аму-Дарьи по струму руслу и о соединеніи такимъ образомъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рес., т. 8, стр. 144—145.

за службу въ рымъ ему казаковъ, яицкіе казаки двинулись вмѣстѣ съ терскими и съ царевичемъ Петромъ къ мимо Царицына на Довъ¹⁾), гдѣ и приняли потомъ совмѣстно съ донцами и съ другими казаками самое дѣятельное участіе подъ знаменами второго самозванца. Въ довершевіе смуты, чтобы крестьяне не переходили толпами къ самозванцу, царь Василій Шуйскій издалъ 9 марта 1607 г. рѣшительный указъ о укрѣпленіи навсегда крестьянъ за помѣщиками.

Въ виду того, что яицкіе казаки участвовали во все время смуты въ войскахъ самозванцевъ и привыкли участіе во всѣхъ бояхъ, и т. к., за весьма рѣкими исключеніями, во всѣхъ этихъ бояхъ казаки въ лѣтописяхъ не раздѣляются по войскамъ, а прямо называются казаками, является необходимость хотя въ краткомъ очеркѣ изложить послѣдовательно всѣ события того времени.

Вся сѣверская Украина (лежащая тогда по лѣвому берегу Днѣпра) по призыву Путівльского воеводы князя Шаховскаго возстала первая. Вождемъ собравшагося ополченія сдѣлался бѣглый холопъ Болотниковъ. Матежные войска быстрошли къ Москвѣ, но подъ городомъ Серпуховскимъ 2 декабря 1606 г. были разбиты царскими войсками подъ начальствомъ князя Михаила Скопин-Шуйскаго. Болотниковъ бѣжалъ. Нѣкоторые казаки (4 тысячи, какіе—нѣизвѣстно) еще держались въ селеніи Зaborѣ, но наконецъ съ атаманомъ Беззубовимъ сдались, присягнувъ царю Василію въ вѣрности. Болотниковъ же укрѣпился въ Калугѣ. Недовольные прикрытиемъ къ землѣ и отдачей ихъ въ зависимость помѣщикамъ, крестьяне толпами стали переходить къ Болотникову. Между тѣмъ Шаховской призвалъ къ себѣ терскаго Илью Муромца—царевича Петра, который вмѣстѣ съ терскими, донскими и аѣроятно и яицкими казаками былъ встрѣченъ въ Путівль „съ честью“ и вскорѣ съ Шаховскимъ, разбивъ царскія войска при Пчельевѣ и принудивъ ихъ снять осаду съ Калуги, прибылъ въ Тулу, гдѣ присоединился къ пимѣ и Болотникову со своею толпой.

Узнавъ, что Болотниковъ соединился съ Ильейкой, какъ звали самозванца царевича Петра, царь Василій послалъ князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Длупнова къ Каширу. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель, вошелъ тоже къ этому городу. Войска сошлись на берегахъ рѣки Восмы 5 июня 1607 г. Въ этой битвѣ, по словамъ лѣтописей, „воровъ было казаковъ донскихъ и терскихъ и волжскихъ и яицкихъ и украинскихъ людей, путинцевъ и ельчанъ съ товарищи тридцать тысячъ“... Битва продолжалась съ утра до 5 часовъ вечера. Болотниковъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ Тулѣ, „а достальныя воры и лучшіе промышленники терскіе

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. XII, стр. 99.

и яицкіе, волжскіе, донскіе, и пущевльскіе и рыльскіе атаманы и казаки... тысяча семьсотъ человѣкъ... сѣли въ бояракѣ (въ оврагѣ) и городокъ себѣ сдѣлали... а подлѣ боярака стояли съ разъезды, Федоръ Булгаковъ да Про-кофій Ляпуновъ и воровскіе люди изъ боярака изъ ружья стрѣляли по разъездамъ... и воры казаки въ бояракѣ сидѣли два дні... упрашивались, чтобы имъ помереть, а вѣ отдаться... стрѣляли изъ ружей до тѣхъ мѣстъ, что у нихъ зелья (пороха) не стало; и тѣхъ воровъ извѣгахъ побили, а достальнихъ взяли и назавтра всѣхъ казнили... только оставили семь человѣкъ изъ живыхъ по человѣчеству дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородцевъ да Арамаз-цевъ, что они тѣмъ дворянамъ учинили добро, какъ они шли казаки съ Терека съ воромъ съ Петрушкой, Волгою, къ вору растригѣ (первому Иже-димитрю) и воротились съ воромъ Волгю назадъ, и тѣхъ дворянъ встрѣти-ли на Волгѣ и воръ ихъ хотѣлъ побить, и они ихъ не вѣдѣли побить "...¹⁾).

Разбивъ матежниковъ подъ Каширою, царь Василій, вмѣстѣ съ вой-сками, двинулся къ Тулѣ, гдѣ заперся Болотниковъ съ самозванцемъ Петромъ. У вихъ было не менѣе 20 тысячъ войска. Чтобы взять безъ болѣ Тулу, рѣшили запрудить рѣку Упу плотиною; боясь потопа и голода, Болотниковъ 10 октября 1607 г. сдался, послѣ чего Болотниковъ, Шаховской, Илья Муромецъ и казачій атаманъ Федоръ Нагиба были посланы въ ссылку, гдѣ потомъ Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, а Болотникова и Федора Нагибу утопили въ Каргополѣ.

Казалось, что всѣ враги, вълашавшіе русскую землю, были уничтожены, но поляки отыскали другого смѣльчака, который согласился принять на себя роль царевича Дмитрія. Это былъ попонскій сынъ Матвій Веревкинъ или, какъ увѣряютъ современныя лѣтописи, „жидъ“, который и объявилъ себя спасшимся царевичемъ Дмитріемъ.

Снова на Руси поднялась смута. Снова сѣверская украинна, казаки и толпы крестьянъ стали толпами приходить къ новому самозванцу. Къ нему пристали также толпы поляковъ подъ начальствомъ Мѣховецкаго, который назывался гетманомъ войскъ второго самозванца. Начальство надъ казаками принялъ на себя атаманъ малороссійскихъ казаковъ Иванъ Мартыновъ Заруцкій, лукавый и рѣшительный человѣкъ²⁾.

Всі южная Россія признала его своимъ царемъ; толпы самозванца двину-лись къ Калугѣ, гдѣ и укрѣпились. Царь Василій вмѣстѣ съ другими вой-сками послалъ въ Калугу и тѣхъ четыре тысячи казаковъ, которые сдались подъ Серпуховомъ 2 декабря 1606 г. Но эти казаки, прибывъ въ калуж-скій станъ, избунтовались, и воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву, а казаки пе-редались самозванцу. Одновременно съ этимъ къ самозванцу приходили все новые и новые войска изъ Литвы и Польши. Собравшись съ силами, самозва-

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., томъ XII прим. 131 и 132 и Акты Арх., т. II № 74.

²⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., т. XII, стр. 39.

весь двинулся къ Москвѣ и, разбивъ по дорогѣ высланное противъ него царское войско, расположился 1 юля 1608 г. становъ въ сель Тушинъ близъ Москвы, почему и получилъ название *Тушинскаго вора*. Отпущенна изъ Москвы жена первого самозванца, *Марина Мнишекъ*, была перехвачена вторымъ самозванцемъ, который принудилъ ее признать его своимъ мужемъ, что ему было необходимо для доказательства того, что онъ дѣйствительно тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ *Дмитрия*.

Всѣдѣ за утвержденіемъ второго самозванца въ Тушинъ ему присягнула 22 сѣверныхъ города.

Пока самозванецъ стоялъ въ Тушинѣ, польскій король Сигизмундъ вступилъ въ префы Россіи, осадилъ Смоленскъ и послалъ гетмана Рожинскаго схватить *Лжедмитрія*. Но *Лжедмитрій*, узнавъ объ этомъ, переодѣвшась, тайно ночью бѣжалъ въ Калугу (29 декабря 1609 г.). Русскіе, считавшіе все время *Лжедмитрія* истиннымъ царевичемъ, не захотѣли служить королю и на утро казаки всѣ двинулись изъ Тушинъ въ Калугу, но Рожинскій со своими латанками настигъ ихъ и изрубилъ болѣе тысячи человѣкъ и казаки вынуждены были вернуться обратно. Но спокойствіе было не надолго. Казаки, не жѣлая служить польсамъ, воспользовавшись случаемъ, ушли въ Калугу, куда перѣхала и *Марина Мнишекъ*. Между тѣмъ мятежъ разгорался все болѣе и болѣе... Поляки осаждали Троицкую лавру, король шелъ войною на западную области. Города были разорены, селенія пусты. Всѣ были вооружены, всѣ стремились авѣдомо куда, но общія мысли были направлены теперь противъ одного врага, поддерживавшаго смуту — поляковъ. Войско, посланное Шуйскими противъ Сигизмунда подъ начальствомъ брата его *Дмитрия Шуйскаго*, было разбито польскимъ гетманомъ *Жолкѣвскимъ* и это пораженіе погубило Шуйскаго. *Жолкѣвский* послѣ побѣды пошелъ къ Москвѣ, чтобы возвести за московскій престолъ Владислава.

Самозванецъ тоже двинулся къ Москвѣ изъ Калуги. Тогда москвичи съ Захаромъ *Лапуновомъ* низложили Шуйскаго съ престола и насильно пострагали его въ монахи, а братьевъ его заключили подъ стражу (1610 г. 17 юля).

Послѣ низложенія Василія за Руси наступило *междудзарствіе*. *Жолкѣвскій*, стоявшій подъ Москвою, требовалъ избрания за престолъ Владислава, и боярская дума рѣшила лучше подчиниться Владиславу, чѣмъ самозванцу, послѣ чего *Жолкѣвскій* вошелъ въ Москву, но узнавъ, что Сигизмундъ самъ хочетъ быть московскимъ царемъ, немедленно уѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, захвативъ съ собою низложеннаго Шуйскаго съ братьями, а начальство надъ поляками, оставшимися въ Москвѣ, поручилъ *Гонсльскому*. Между тѣмъ жители сѣверо-восточныхъ городовъ, страшно разоряемые воровскими шайками самозванца, стали постепенно возвставать противъ него и города, еще не занятые тушинцами, слыша о ихъ разбоахъ, пересыпались между собою грамотами, чтобы имъ тушинскому царю не присягать, а стоять за московское го-

сударство, и одинъ за другимъ они стали возвставать противъ самозванца.

Въ это же время (въ декабрѣ 1610 г.) самозванецъ былъ убитъ ногайскимъ княземъ Арасланомъ.

Москва, присягнувшая Владиславу изъ страха предъ самозванцемъ, зачумала послѣ его смерти свергнуть польское иго и, выгнавъ поляковъ изъ Московскаго государства, выбрать своего русскаго царя. Разосланные патріархомъ Гермогеномъ грамоты по городамъ, призывающіе народъ на защиту православной вѣры, возымѣли свое дѣйствіе и къ Москвѣ потянулись служилые люди изъ областей.

Во главѣ ополченія всталъ Прокопій Ляпуновъ. Видя, что надежды на возведеніе на московскій престолъ своего кандидата рушились, и видя полный разгромъ Руси и засилье поляковъ, казаки подъ начальствомъ Заруцкаго и князя Трубецкого присоединились къ ополченію Ляпунова. И вотъ въ мартѣ 1611 г. сто тысячъ войска вошли въ сожженную поляками Москву, жители присоединились къ войску и осадили поляковъ въ Кремль и Китайгородъ. Битвы продолжались съ перемѣнами счастіемъ. Въ то-же время Заруцкій, „злчный и венасытный“, какъ называютъ его зѣтвины, женившись за Мариной Минишекъ и обѣщаюсь ей возвести на престолъ сына ее отъ Тушинскаго вора — Ивана, пользуясь смутными обстоятельствами и желая еще болѣе расположить къ себѣ казаковъ, разрѣшилъ казакамъ грабить не только въ городѣ, но и въ селеніяхъ. Строгій Ляпуновъ захотѣлъ прекратить эти грабежи и, для примѣра и въ страхѣ другимъ, 20 казаковъ, пойманыхъ и уличенныхъ въ грабежахъ, приказалъ, посадивъ въ изѣшокъ, бросить въ воду. Но казаки спасли брошенныхъ и стали роштать на Ляпунова. Въ свою очередь застѣвшій въ кремль Госѣвскій написалъ именемъ Ляпунова указъ городскими воеводами о немедленномъ истребленіи казаковъ въ одинъ день и часъ. Этотъ подложный указъ попалъ въ руки казаковъ, которые потребовали отъ Ляпунова объясненія. Въ кругу, среди собравшихся казаковъ Ляпуновъ объяснилъ имъ подложность этой бумаги, но казаки, руководимые Заруцкимъ, возмутились и убили Ляпунова.

Вся власть послѣ этого перешла къ честолюбивому Заруцкому и казаки подъ его руководствомъ вновь предались грабежу.

Казалось, земля русская погибла. Но въ это время въ Нижнемъ-Новгородѣ явились патріоты: князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и гражданинъ Мининъ. Они сдѣлали воззваніе къ народу, молили спасти Россію отъ гибели, и отовсюду пошли къ Нижнему ратные люди, посыпались пожертвованія. Находившійся подъ Москвою Заруцкій, боясь нижегородскаго ополченія, хотѣлъ избавиться отъ Пожарскаго убѣйствомъ, но это ему не удалось. Тогда онъ съ частію казаковъ и съ Мариной Минишекъ бѣжалъ въ юго-восточныя области къ Астрахани.

Другая часть казаковъ, подъ начальствомъ князя Трубецкого, пресоединилась къ ополчению князя Пожарского.

Придя къ Москвѣ въ августѣ 1612 г., Пожарскій разбилъ польского гетмана Ходкевича, прашедшаго на помощь позакамью, сидѣвшимъ въ Кремль. Битва была кровопролитная и упорная; не имѣлъ болѣе надъ собою злой вои-ли Заруцкаго, казаки отчаянно бились вмѣстѣ съ ополченцами. Въ седьмой чась битвы, когда ополченіе было утомлено, Пожарскій для поддержавія пѣхоты привужденъ былъ сѣѣть конницу. Трубецкой не пожелалъ принять участія въ битвѣ, тогда бывшіе у него казачьи атаманы Межаковъ, Коломна, Романовъ и Козловъ, видя, что поляки берутъ верхъ, сказавъ Трубецкому: „Отъ вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится!“¹⁾) крикнули „на коня!“ и со всѣми своими казаками²⁾ быстро напали на польское войско и рѣшили битву,— поляки бѣжали къ Поклонной горѣ.

24 августа, въ поведѣльникъ, на разсвѣтѣ опять начался бой и продолжался до шестого часа утра. Поляки смили русскихъ и втолтали ихъ въ рѣку, такъ что самъ Пожарскій едва устоялъ со своимъ полкомъ и привужденъ былъ перенравиться на лѣвый берегъ. Казаки вѣпринимали участія въ битвѣ, ушли за рѣку къ своему табору и покинули Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ былъ занятъ подзаками, вышедшими изъ Китай-города. Поляки распустили свои знамена на церкви раздражали казаковъ,— пишетъ Соловьевъ,³⁾— они съ яростью бросились опять къ острожку и выбили оттуда поляковъ; но одно чувство у этихъ дикарей смѣналось другимъ: увидавъ, что они одни боятся съ непріятелемъ, а дворянинъ Пожарскаго иль не помогаютъ, казаки въ сердцахъ опять всплыли изъ острога, ругая дворянъ: „они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бѣемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда!“ Клементьевскій острогъ опять быть занятъ поляками.

Видя, что съ однѣмъ своимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣло, Пожарскій и Мининъ послали къ казакамъ келара Абраамія Палицына. Абраамій въ сопровождѣніи многихъ дворянъ отправился въ началѣ къ самому важному мѣсту къ—Клементьевскому острогу, у которого еще стояла толпа казаковъ, и началъ говорить имъ: „Отъ васъ началось дѣло добровъ, вы стали крѣпче за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью: а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить?“ Эти слова тронули казаковъ: они отвѣчали, что готовы ити на враговъ и помрутъ, а безъ побѣды не возвратятся, только пусть келарь вѣдеть въ тaborы изъ другимъ казакамъ⁴⁾ и уговориваетъ ихъ также всту-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 448.

²⁾ Какъ это была казаки—чешивѣстко.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 449—450.

⁴⁾ Изъ этого видно, что казаки въ Москвѣ были различными войсками.

пить въ дѣло. Келарь лоѣхалъ и на берегу рѣки увидѣлъ множество казаковъ, которые собирались переходить на тотъ берегъ въ свои таборы; Палицынъ уговорилъ ихъ возвратиться назадъ; другие казаки, которые стояли уже за другомъ берегу, видѣ, что братья ихъ возвращаются назадъ, не зная еще въ чёмъ дѣло, бросились также назадъ черезъ рѣку, одинъ вбродъ, другие по лавамъ; видѣ, что дѣло пошло на ладъ, Палицынъ перебѣжалъ черезъ рѣку въ самые таборы казацкіе; здесь одни казаки пресеконко пили, другие играли въ зернь, но Палицынъ успѣлъ и ихъ уговорить, и вотъ вся эта толпа обворванцевъ, босыхъ, нагихъ (ибо все награбленное тотчасъ пропивалось и проигрывалось) бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей, съ крикомъ „Сергіевъ! Сергіевъ!”¹⁾). Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарского тоже двинулось впередъ, острогъ Клементьевскій былъ снова взятъ у поляковъ и русская пѣхота залегла по знамъ и краинамъ по всей дорогамъ, чтобы не пропускать гетмана къ городу²⁾). На другой день гетманъ Ходкевичъ, выѣхавъ съ бывшими у него малороссійскими казаками, ушелъ отъ Москвы въ Можайску.

Но въ это время опять наступила рознь между казаками и дворянами. Виновниками этого считаются князя Трубецкого, который не хотѣлъ подчиняться Пожарскому, а также князя Шаховскаго, Шлещеева, Шереметьева и князя Засвідкина, которые начали „атамановъ и казаковъ научать на всякое зло, чтобы раздѣление и ссору въ землѣ учинить“. Результатомъ этого было то, что казаки стали кричать, „что они голодны и холодны, не могутъ дольше стоять подъ Москвою, пусть стоять подъ нею богатые дворяне!“

Послѣ такого заявленія казаковъ, архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры Діонисій и келарь Авраамій послали казакамъ церковные сокровища: ризы, стихари, епитрахи и въ закладъ въ тысячу рублей за короткое время и написали имъ грамоту. Эта посылка тронула казаковъ: имъ стало совѣтно и страшно брать въ закладъ церковные вещи изъ монастыря и они возвратили ихъ обратно съ двумя атаманами и въ грамотѣ своей обѣщались все перетерпѣть и отъ Москвы не уйти.

Послѣ этого дружескихъ усилий обѣ рати осадили Кремль и 22 октября 1612 г. казаки взяли штурмомъ Китай-городъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого сдался и Кремль. При этомъ польскій полковникъ Струсь со своимъ полкомъ достался казакамъ, которые „многихъ плѣнныхъ ограбили и побили“. 27 ноября оба ополченія Трубецкого и Пожарского сопѣлись въ Кремлѣ, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебень. Обѣдомъ и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ,—говорить Соловьевъ,—окончилось величое народное торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно черезъ два вѣка” (1812 г.).

¹⁾ Св. Сергій считался заступникомъ русской земли, почему въ данномъ случаѣ это былъ боевой кличъ московской рати.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 450.

Въ то время, когда въ Москвѣ праздновали побѣду, князь Пожарскій послалъ особый корону на встречу Сигизмунду, сѣшившему къ освобожденію осажденныхъ въ Кремль; этотъ отрядъ разбилъ, шедшаго впереди короля, войско Адама Жолкѣвскаго. Король въ свою очередь потерпѣлъ неудачу и подъ Волоколамскомъ, гдѣ казачки атаманы Нелиуба Марковъ и Иванъ Есавчикъ на трехъ приступахъ „побили много литовскихъ и польскихъ людей“. Послѣ этой неудачи король повернулся назадъ въ Польшу.

Освободившись отъ враговъ, Москва стала готовиться къ выборамъ царя. Разославъ были по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать въ Москву выборныхъ для великаго дѣла. При выборахъ цара „какой-то дворянинъ изъ Галича привезъ изъ соборъ письменное изѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Федоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Въ это-же время вошелъ донской атаманъ и также подалъ письменное изѣніе. — „Что это ты подальше, атаманъ?“ — спросилъ его князь Пожарскій. — „О природномъ царь Михаилъ Федоровичъ“, — отвѣчалъ атаманъ. Однаковое изѣніе, поданное дворяниномъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Федоровичъ былъ провозглашенъ царемъ¹⁾.

Новый царь былъ избранъ. Междуцарствіе кончилось. Въ 1613 г. въ казачьемъ кругу, собранномъ на Дону, гдѣ было много волжскихъ и яицкихъ казаковъ — казаки присягнули на вѣрность новому царю. Вотъ что пишетъ объ этомъ Соловьевъ²⁾. „Донцы по этому случаю вынесли только-что полученнное царское знамя, составили около него кругъ, а подъ знаменемъ лежаль человѣкъ, осужденный на смерть. Когда царскій посланникъ Опухтинъ спросилъ, что это за человѣкъ? то ему сказали: „двоихъ пьяныхъ казаковъ проговорились, что атаманы и казаки за посмѣхъ вертятся, а отъ Иванки Заруцкаго не забить, быть подъ его рукою“. Одного изъ этихъ казаковъ прежде повѣсили, а другой приговорены къ смерти и лежатъ теперь подъ знаменемъ. При этомъ многие казаки были членомъ посланнику, чтобы онъ для имени царского величества отпросилъ у нихъ этого молодца отъ казни, потому что онъ виноватъ безъ хитрости, неумышленіемъ сопьяна. Посланникъ, зная, что такъ бывало и прежде, и вѣдя, что тутъ было много казаковъ со Волги и Яика, что ихъ государской милостью обнадежить, началъ говорить: „Вы этому казаку ничего не сдѣлали до меня, я теперь пріѣхалъ съ царскими жалованьемъ, у васъ у всѣхъ теперь радость, а государь милосердъ и праведъ, всѣхъ насть виноватыхъ пожаловалъ, ни чьихъ винъ не поманулъ: такъ и вы бѣ теперь этого виноватаго для имени царского величества пощадите; а царское величество Богъ въ сохраненіи держать, и враги ему никакого зла сдѣлать не могутъ.“ Только что посланникъ выговорилъ эти слова, казаки завопили: „Дай Господи государю царю на многія лѣта! Сами мы зна-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 460—461.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 25—26.

емъ, что государь милосердъ и праведенъ, Божій избраникъ, никто ему зла сдѣлать не можетъ". Осужденного подняли и атаманъ Епиха Радиловъ сталъ его бранить: "нора прійти въ познанье: сии знаемъ, сколько крови пролилось въ Московскомъ государствѣ отъ нашего воровства и смутныхъ словъ, что вмѣщали въ простыхъ людей; мы уже по горло ходимъ въ крови хрестіавской; теперь Богъ далъ намъ государя милостиваго, и вами бы собакамъ перестать отъ воровства, а не перестанете, то Богъ васъ всѣхъ побьетъ, гдѣ бы вы ни были".

Присутствіе яицкихъ и волжскихъ казаковъ на Дону объясняется тѣмъ, что въ то время и вплоть до царствованія Петра I-го казачья община составляли какъ бы одну семью. Донское же войско, какъ болѣе многочисленное и старѣйшее, имѣло вліяніе на другія казачьи войска. Здѣсь на Дону собирались казаки всѣхъ войскъ, решались всѣ споры казачьи дѣла: куда итти казакамъ въ походы за зипунами, кому служить и т. д. Донцы, когда ихъ было мало, чтобы буда-либо на промыселъ, а также и другіе казаки (яицкие, малороссійские, волжские и терские) посыпали станицы въ сѣднія войска и приглашали ихъ съ собою въ походы. Что Донское войско имѣло громадное вліяніе на другія казачьи войска, въ томъ числѣ и на Яицкое, видно будетъ изъ слѣдующихъ главъ.

Такъ ковчилось смутное время на Руси, затихли бравые клики, но внутри Россіи остались пустынныя области, испепеленные города и деревни, тысячи разоренныхъ и обнищалыхъ крестьянъ. Земля была разорена.

Дошедшіе до насъ акты того времени рисуютъ намъ страшныя картины того, какъ грабилась тогда земля русская: ватчане, извѣщаа перияковъ въ 1611 г. о присягѣ своей Тушинскому Дмитрію и приглашаа ихъ сдѣлать тоже самое, послали имъ образецъ кресто-цѣловальной записи, въ которой присягающіе, между прочимъ, обязываются не пускать къ себѣ казаковъ, въ томъ числѣ и яицкихъ, иначе какъ только по торговымъ дѣламъ и не слушать указовъ ихъ..... "А казаковъ вами волжскихъ, и донскихъ, и терскихъ, и яицкихъ, и астронскихъ стрѣльцовъ въ городъ изогихъ людей не пущати и ихъ указовъ не слушати-же; а пущати казаковъ въ городъ для торговли по немногу, десятка по два или по три и долго имъ въ городѣ не жити"¹⁾.

Это заявленіе ватчанъ было вызвано безконечными грабежами какъ казаковъ, такъ и выбитыхъ изъ сель тысячи крестьянъ. Въ это тяжелое время для Руси всѣ сословія находились въ какомъ то броженіи, но болѣе всѣхъ страдали крестьяне и посадскіе люди. Не говоря о врагахъ вицкихъ—полкахъ, ливовцахъ, много воровскихъ казачьихъ и крестьянскихъ шаекъ грабили въ городахъ и селахъ, грабили на большихъ дорогахъ, грабили на окраинахъ государства и подъ самой Москвой; и были по выражению тогдаш-

¹⁾ Акты Арх. Эк., т. 2, № 170.

нихъ лѣтописцевъ „пуще и грубѣе ливы и вѣмецъ“. Вотъ что говорится въ грамотахъ того времени объ этомъ: „велько посыпать къ атаманамъ и казакамъ, которые стоять въ уѣздахъ и земли нашего государства пустошатъ, церкви Божіи разоряютъ и образы обдираютъ, и всякое поруганіе православной крестьянской вѣрѣ чинять беспрестаны и православныхъ крестьянъ мучать всякими различными муки и огнемъ жгуть и до смерти побивають казакъ посмѣсть въ всѣхъ земляхъ не бывало мука и позора всякими позорить, и собрати вичаго не дадутъ, и казны нашей, которая наше и вредъ собрана въ городахъ, и запасовъ никакихъ къ наше къ Москвиѣ не пропускатъ, и ратныхъ нашихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей ихъ съ запасы, на нашу службу и торговыхъ людей ни съ какими товары въ проѣзжихъ конныхъ и пѣшихъ никакихъ людей никуда не проводятъ, грабить и побивають“¹⁾). Вотъ что говорить Караванъ о состояніи земли русской въ періодъ разгара смутнаго времени, гдѣ *не казаки*, а лахи и служилые московскіе люди „руссіе измѣнники“, перебѣжавши къ Тушинскому во-ру, разорали русскія области^{2):} „Россію терзали свои болѣе, нежели изоплененные: путеводителями, наставниками въ хранителіи лаховъ были *наши измѣнники*³⁾, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣвахъ: лахи съ оружіемъ въ рукахъ только смотрѣли и смигались безумному междуусобію. Въ лѣсахъ, болотахъ непроходимыхъ россіяне указывали или готовили имъ путь и числомъ превосходнѣй берегли ихъ въ опасности, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала лахамъ, они избирали себѣ лучшыхъ изъ плѣнниковъ красныхъ юношей и дѣвицъ или отдавали на выкупъ ближнимъ — а снова отнимали, къ забавѣ россіянъ! Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стала теплая кровь, гдѣ лежали трупы убиенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій... Святыхъ юныхъ иночекъ обнажали, позорили; лишанные чести, лишились и жизни въ мукахъ срама... Были жены, прельщаемыи иносплеменниками и развратомъ; но другія смертю избавляли себя отъ завѣрского насилия. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейство: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру воизъль ножъ въ грудь лаху... всѣхъ твердынь въ добродѣтель предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самоналовъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сіе вселнѣшнюю злобу, лахи содрагались и говорили: „что же будетъ наше отъ россіянъ, когда она въ другъ друга губятъ съ такою лютостью?.. Въ общемъ кружениіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы — гос.

¹⁾ Акты Арх. Экз., т. III, №№ 44, 50, 58, 57, 59 и 61.

²⁾ Караванъ, т. III, стр. 79—81.

³⁾ Это уже никакъ не казаки, казаковъ лѣтописцы называютъ своимъ именемъ: „казаки“

подами, чернь — дворянствомъ, дворяне — вельможами. Не только простые прошты, но и знатные знатныхъ и разумные разумныхъ обольщали измѣнью въ домахъ и въ самыхъ битвахъ... скотъ и псы жили въ алтаряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потиротовъ; мяса стояли на дискосяхъ, на иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вместо знаменъ; въ разахъ іерейскихъ плясали блудницы. Ивоковъ, священниковъ палили огнемъ, допытывалась въ сокровищъ..." в т. д.

Такъ разоряли землю свои „руssкіе измѣнники“. Нельзя отрицать, конечно, и того, что въ этихъ грабежахъ принимали участіе и казаки, но вѣдь казаковъ у самозванцевъ было не болѣе 10—12 тысячъ, а остальную масу 30—40 тысячъ составляли „руssкіе измѣнники“ и „лахи“.

Основываясь на этихъ и другихъ документахъ, инигіе, писавшиа объ участіи казаковъ въ родахъ самозванцевъ, объясняютъ это исключительно толькo однимъ стремлениемъ казаковъ къ грабежу родственнаю имъ русскаго народа. Это какъ фактъ вошло даже въ учебники исторіи. Но это предположеніе болѣе чѣмъ неосновательно. Было бы наивно думать, что казаки шли къ самозванцамъ ради толькo одного грабежа родной земли. Трудно представить себѣ, чтобы сегодняшній выходецъ изъ Руси, самъ чисто русскій и православный человѣкъ, этотъ борецъ за „вѣру православную“шелъ бы съ легкимъ сердцемъ въ Русь исключительно только для грабежа. И кого онъ могъ грабить за Русь? Обищалаго, забитаго, полуоголоднаго крестильника? Что онъ могъ взять съ него? Зачѣмъ было имъ ити туда за эпизунами? У казаковъ было тогда широкое поле для грабежа, гдѣ имъ никто не мѣшалъ и гдѣ они имѣли богатую добычу — эти края были: Волга, Каспійское и Черное моря; тамъ вдали воеводъ, вдали бояръ они могли пророватъ на вольной волѣ, какъ борцы за Руssь, какъ „лыцари“, истребляя басурманъ, на пользу родинѣ.

Имѣя такое обширное и богатое поле для грабежа, могли ли казаки жалеть промѣнять его, рискуя быть переловленными и побитыми на другое поле — Руssь? И что это вдругъ вздумалось имъ такъ сразу, ни съ того, ни съ сего, пограбить своего брата православнаго человѣка, да еще выдумать для этого самозванца да не одного, а потомъ и сразу нѣсколько?

Причину этого явленія надобно искать пѣсколько глубже.

Мы видимъ, что царь Борисъ сразу вооружилъ противъ себя казаковъ. Онъ запретилъ имъ бывать въ городахъ, гдѣ въ вѣльѣ ловить, сажать въ тюрьмы и казнить, не отличая виноватыхъ отъ правыхъ. Этими самими онъ поставилъ ихъ въ безвыходное положеніе, т. к. они не могли получать себѣ хлѣбъ, котораго не имѣли, и товары, которые имъ были необходимы.

И вотъ они слышать, что въ Польшѣ появился спасшійся отъ смерти царевичъ Дмитрій. Они получаютъ отъ него грамоту, посыпаютъ своихъ довѣренныхъ, чтобы убѣдиться въ подлинности царевича и ведать его въ Кра-

бовъ у польского короля, окруженнаго пышною свитой и вельможными панами!

Этого было довольно, чтобы темные и безграмотные казаки утвердили въ подлинность царевича.

Въ ихъ же казачьихъ земляхъ, гдѣ каждый былъ свободенъ и воленъ говорить, думать и дѣлать что ему хотѣлось, не спрашиваясь съ желаніемъ своего начальства, гдѣ свобода слова и совѣсти были главными и основными устоями общины,—тамъ, вѣроятно, знали о Борисѣ и Василіѣ далеко больше, чѣмъ въ Москвѣ, и не только ихъ подноготную жизнь, но и всѣ тѣ пути, благодаря которымъ они заняли престолъ московскихъ монарховъ,—эти свѣдѣнія, можетъ быть, даже и въ искаженномъ видѣ, ас во всякомъ случаѣ не въ пользу первыхъ, быстро распространялись врагами царей Бориса и Василія среди казачьихъ общинъ и поэтому неудивительно, что казаки вдругъ противъ Москвы, убѣжденные въ правотѣ своего дѣла, можетъ быть, даже увѣренные въ подлинности обоихъ самозванцевъ.

Грабежъ казаковъ былъ лишь—послѣдствіе и немѣбѣжное зло тогдашней войны,—не только казаки, но и московскія рати за войнѣ занимались грабежомъ. А казаки тогда были на войнѣ; они вели войну съ правительствою, они хотѣли имѣть цара поставленнаго ими,—казаками; удачный опытъ донцовъ съ первымъ Лжедмитріемъ далъ имъ надежду имѣть другого цара, который будетъ относиться къ нимъ милостиво и ласково; они не любили Бориса за его казни, а Василія Шуйскаго уже, вѣроятно, потому, что онъ былъ виновникомъ паденія ихъ ставленника первого Димитрія и, понятно, они, какъ сторонники послѣдняго, не могли ждать къ себѣ милости и отъ Василія. Она не любила и самыи строй Московскаго государства того времени, съ его лихокамными боярами, съ его сысками, застѣнками, съ его тяжелымъ гнетомъ и полнымъ безправіемъ визшаго класса.

Поэтому неудивительно, если мы видимъ казаковъ слѣдо и упрано бьющихся за своихъ ставленниковъ и когда надежды возвести ихъ на Московскій престолъ рушатся и когда они видятъ войска поляковъ въ стѣнахъ Москвы, видятъ развалъ земли русской, то они первые встаютъ на защиту Руси и дерутся рука съ рукою рядомъ съ русскимъ ополченіемъ, берутъ штурмомъ Китай-городъ, клянутся, что не уйдутъ, пока не возьмутъ Кремля, и дѣйствительно держать свое слово.

Они грабили до тѣхъ поръ, пока находились подъ властью темной силы Болотникова, Тушинскаго вора и Заруцкаго. Но достаточно было въ Москвѣ появиться среди ихъ рядовъ священному для нихъ духовенству, услышать ласковое слово этого ратовавшаго тогда за спасеніе родины духовенства и казаки отказались отъ жалованья, прекращаютъ грабежи и ревностно очищаютъ русскую землю отъ ненавистныхъ имъ поляковъ.

Шесть лѣтъ полной анархіи и междуусобія—время достаточное для того

чтобы разбудить въ темной массѣ народа инстинкты къ грабежу и превратить этотъ грабежъ въ дѣло обычное, привычное для вольници, которая, какъ увидимъ далѣе, уже не довольствуется обычнымъ грабежомъ купцовъ и баржъ на Волгѣ и морѣ, а идти дѣйствительно уже на грабежъ земли русской, чего ранѣе до самозванщины въ казачьихъ общинахъ не бывало, а если и было, то какъ рѣдкое исключение.

Нельзя также умышленно подчеркивать грабежи только однихъ казаковъ и ратныхъ людей и не придавать¹⁾ значенія другимъ дѣятелямъ на томъ-же попришѣ.

Кромѣ нихъ и казаковъ Русь грабили и далеко въ большей степени, чѣмъ казаки, люди высшаго правящаго класса: воеводы, дьяки, помѣщики и купцы.

Вотъ что имѣется у другого историка Соловьевъ о нравахъ того времени¹⁾:

„Внутреннее духовное отношеніе человѣка было слабо; все держалось только формами, вѣнчаною силой, и гдѣ эта вѣнчаная сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Страшно было состояніе того общества, члены которого, при видѣ корысти, порывали всѣ самыя нѣжныя, самыя священные связи! Взаточничество не уменьшилось, только взаточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія подозрѣнія просители вѣшли подарокъ къ образу въ домѣ правительственнаго лица, или при христосованіи всовывали деньгъ въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ. Во всѣхъ сословіяхъ, — говорить другой современникъ — иностранецъ, — вспаривались раздоры и несогласія; никто не довѣрилъ своему близкому; цѣны товаровъ возвысились невмогърно; богачи брали росты больше жидовскихъ и масульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ служаль друга не иначе какъ подъ закладъ и сверхъ того бралъ четыре процента еженедѣльно, если же закладъ не былъ выкупить въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ безвозвратно”.

Это говорить иностранцы, а вотъ слова русскаго современника: „впали мы въ обѣяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ и въ лихви, и въ неправды и во всякихъ злыхъ дѣла”. О доносахъ при царѣ Борисѣ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: ²⁾ „довосили другъ на друга попы, чернцы, пономари, просвирни, жены доносили за мужей, дѣти на отцовъ, отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились и въ этихъ оказавшихъ доносахъ много крови пролилось незиной, многие отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами разорили: ви при одночѣ государѣ такихъ бѣдъ никто не видаль. Люди происхожденія знатнаго — князья, потомки Рюрика, доносили другъ на друга, мужчины доносили царю, женщины — царицѣ”.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. 8, стр. 62—64.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. 8, стр. 68 и 69.

Такъ жила Русь въ то время.

И зналъ это, однихъ ли казаковъ — нужно обвинять въ разбоя? Конечно грабежи не дѣлаютъ чести казакамъ, но вѣдь тѣ, кто на Руси, должны были высоко носить знамя чести, тѣ первые не знали или забывали о ней и во темной и безграмотной массѣ казаковъ должно было быть выразителями ея идей? Они были дѣти своего времени и при томъ дѣти свободные, воинственные, умѣвшіе добывать себѣ добро только саблемъ. Они брали примеръ со своихъ старшихъ братьевъ — воеводъ и помѣщиковъ и дѣйствовали такъ же, какъ они, съ тою только разницей, что казакъ, занимаясь грабежомъ, рисковалъ въ отвѣтъ получить или пулю въ ножъ, или тюрьму и висѣлицу; тогда какъ облеченный властью воевода и помѣщикъ, грабя народъ, не рисковалъ ни чѣмъ, напротивъ ограбленный имъ поселенецъ самъ рисковалъ, въ случаѣ сопротивленія, тюрьмою и даже жизнью.

Зная это, можно ли подчеркивать грабежи казаковъ въ увѣрять, что ради только желанія пограбить русскую землю они вступали въ ряды самозванцевъ? Говорить это — значитъ говорить завѣдомую неправду и явно исказить исторію.

ГЛАВА VII.

Перенесение городка къ Кирсановскимъ ярамъ. Помимо на Янкѣ Заруцкаго и Марини. Перенесение городка на устье рѣки Чагана. Походъ Шемая въ Хиву. Служба казаковъ въ 1629 г. (1613—1632).

Ты, Янушка, золотое ико!
На твоемъ на иле, у круга ира,
У круты ира, у думанного,
У думанного, у Маринкии,
Лежать лодочка потоплена
Оль золотой казней со Маринкией,
Въ Москвѣ каменной ей награбленной.
Ты теки, теки, нашъ Янушка,
Ты корни, корни насы удальникъ
Добрый молодецъ, слуговъ вѣрныхъ
Цари батюшки благородного.
(Изъ письма Урад. казак.)

Ишошелъ, какъ тяжелый кошмаръ, кровавый періодъ самозванщины. Прислали новому царю кончились казачьи смуты, но на окраинахъ Россіи остатки разбойничихъ шаекъ продолжали грабить и разорять области; особенно отличался неутомимый наездникъ Лисовской, который съ полусотни отрядами, быстро переходя съ мѣста на мѣсто, опустошалъ южную и юго-западную Русь. Противъ него былъ посланъ Пожарскій.

Въ Астрахани-же скрывался другой врагъ Россіи—атаманъ Заруцкій съ Мариной Мишечкой. Объявляя вѣздѣ ея сына Ивана царевичемъ и истинными наследникомъ престола, онъ поднововалъ всѣ юго-восточные области и противъ него былъ посланъ изъ Москвы отрядъ подъ начальствомъ князя Ивана Никитыча Одоевского, окольничаго Семена Васильевича Головина да дьяка Василия Юдина и съ ними „дворянинъ и дѣти боярскіи и стрѣльцы отъ московскихъ и сонязовыхъ городовъ и атаманы-казаки съ Дону, и съ Волги, и съ Яику, и съ Терки“¹). Этотъ отрядъ выступилъ изъ Москвы въ 1614 г. въ маѣ иѣсацѣ, водово („плавной“) Волгою.

Одновременно съ приказомъ о посылкѣ войскъ въ Астрахань противъ Заруцкаго новымъ царемъ была послана на Донъ грамота, въ которой онъ, обращаясь милостию къ казакамъ, шлетъ имъ свое жалованье и велитъ имъ нарядить отъ себя казаковъ въ помощь московскимъ воеводамъ для поминъ Заруцкаго съ Мариной Мишечкой. Въ этой грамотѣ, посланной 13 марта 1614 г., между прочимъ, говорится².

¹) Акты Истор., т. III № 270, страниц. 436—438. Тоже Донскія дѣла (Русск. Истор. биб.), т. XVIII, стр. 58.

²) Русская Историческая библиотека, т. XVIII, Донскія дѣла стр. 67—68. № 14. Царская грамота Донскому казачьему войску съ посылкою знамени, военнаго и другаго запасовъ, съ изыщицемъ о походѣ воевода подъ Астрахань, и съ требованиею помочи противъ Заруцкаго и Марини.

...А на Волгу-бъ есте, и на Яикъ, и на Терекъ, и по инымъ рѣкамъ къ атаманомъ ихъ казакомъ отъ себя писали и посылали, чтобы они, зоры Бога, и души свои, и нашу истинную православную християнскую вѣру греческаго закона, и прежнихъ великихъ государей Российскихъ, предковъ нашихъ, къ себѣ ихъ царское милостивое жалованье и свою къ нимъ, великимъ государемъ, службу и правду, і видя нашу царьскую милость и жалованье ко всѣмъ нашимъ подданнымъ, что намъ, великому государю, становеть служить, нынѣ намъ, великому государю, потому-жъ съ вами виѣстѣ— служили и примили, и на Астороганскихъ воровъ, на Іашка Зарутцкого съ товарищи съ нашими бояры і воеводы и съ ратными людьмишли виѣсте, и намъ, великому государю, служили, и надъ ними промышляли, сколько милосердий Богъ по-мощи подастъ, а ихъ воровской смуте ни въ чёмъ не верили и крови крестьянскіе вновь лить не заводили. *А ныне-бъ къ намъ, великому государю, Волжские, и Яицкие и Терские и иныхъ рѣкъ атаманы и казаки прислали ис товарищемъ своимъ наши царские очи и къ себѣ наше царское милостивое жалованье и повелѣнья видети, и мы, великий государь, дадимъ наши царскіе пресвѣтлые очи видети, и пожаловать ихъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, къ нимъ отпустить, и съ ними прикажемъ и отпашемъ къ нимъ подлинно, какъ нынѣ быти въ нашемъ царскомъ жалованье і въ повелѣнья. А какъ вы, атаманы и казаки, намъ, великому государю, подъ Астрахань послужите, и божию милостию, а гашю прямою къ намъ службою и радѣніемъ наша отчина Астраханское государство отъ воровъ очиститца и будетъ подъ нашою царскою десницю, и мы, великии государь,— вѣсъ за ту службу пожалуемъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ свыше прежнихъ великихъ государей царей Российскихъ, і въ впередъ учнемъ вѣсъ держати въ нашемъ царскомъ великомъ жалованье і въ призрѣнья на веки, надети наша и извучата.*

Виѣстѣ съ этой грамотою въ томъ же году 18 марта была послана изъ Донъ грамота и отъ россійского духовенства. Повторяя почти то-же самое, что и царская грамота, духовенство, между прочимъ, говорить, что Зарутцкій, живя въ Астрахани, дѣлаетъ смуту „и на Волгу, и на Яикъ, и на Терекъ къ атаманомъ ихъ казакомъ смутныя слова пишетъ, пра-водачи ихъ въ свою же въ душепагубную погибель; и съ персидскимъ шахомъ ссылаютца; и государеву искону вѣчную отчину Асторогань і въ ней всѣхъ православныхъ крестьянъ шаху отдастъ, хотать великаго государя нашего и его великихъ государства съ шахомъ тѣмъ ссоритъ“¹⁾.

Получивъ эти грамоты, Донское войско послало ихъ отъ себя для прочтѣнія съ казакомъ Кудраецевымъ съ товарищи къ другамъ казачьимъ войскамъ на Волгу, Терекъ и Яикъ. Этотъ въ высшей степени интересный и, кажется,

¹⁾ Русская Ист. библ., т. 1XVIII. Донскія дѣла, № 18, 1614 г., марта 18. Соберная грамота россійского духовенства Донскому казачьему войску о прискатіе хѣра противъ Зарутцкаго и Марини, съ описаниемъ бѣдствій, наисененныхъ ими государеву.

единственный сохранившийся образчикъ переписки между казачьими войсками говорить слѣдующее: „Великому и славному рыцарскому Воденому, и Терекому и Яицкому войску, и всѣхъ рѣкъ преславутыхъ господамъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску. Праславъ къ вамъ Самодержавный Государь Царь и Великий Князь Михаило Федоровичъ всея Руси свои царьскія грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и солитру, и сукна, и запасъ, и къ вамъ на преславную рѣку писать тоже, жалованье многое денежное, и сукна, и солитру, и запасъ; и мы къ вамъ, господа, послали его царьскія грамоты ко всему войску, и въ Асторohanь, и къ Зарудкому, и ко всѣмъ Россійскаго царства и Московскія области, чтобы Господь Богъ гнѣвъ своей отвратилъ и на милосердіе преложилъ, чтобы покой итишину есть воспріатели, и въ соединеніе были душами и сердцами своими, а ему, Государю, служили и примили, а бездѣлникомъ не потакали; задни забывайте, на предпая возврашайтесь, а ожидайте, государя, будущихъ благъ, а вѣдаете и сани святого Бога писанье: тысяча лѣтъ яко единъ день, и лень единъ яко тысяча лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣть, и мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; и мы, господа наши, за насть не ливитеся. А которыхъ царьскія грамоты къ вамъ посланы, и вы, господа, знаете, какъ ихъ дослати въ Асторohanь, явно или тайно, либо кто не посмѣть, ино дровеникомъ дайте, да къ намъ отпишите о всемъ подлинно; а послали если къ вамъ съ тѣми грамотами казака волнаго, Третьяка Дмитріева сына Кудрявцева. А мы вамъ о любви челомъ бьемъ до лица землаго, до общія нашей матери, аминь. А отпущенъ Третьякъ съ товарищи съ Дону мая 17 день“¹⁾.

Подлинная грамота эта была найдена въ Астраханскомъ губернскомъ правлениі, писана столбцомъ на одномъ листѣ безъ скрѣпъ. Быть свернута пакетомъ, имѣть на оборотѣ надпись: „Великія Россійскія державы и московскія области, оберегателями, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску“. Наже надпись: „122 (1614 г.) июня въ 17 день привезенъ атаманъ Третьякъ Дмитріевъ Кузнецовъ“.

Какъ видно изъ помѣтки, эта грамота пошла въ Астрахань черезъ мѣсяцъ. Когда она побывала на Яикѣ—неизвѣстно. Извѣстно только одно, что казаки на Яикѣ въ это время были въ крайне тяжеломъ положеніи; и безъ того малочисленные, они потеряли 500 человѣкъ въ Хивѣ, потерали много людей во время смутнаго времени и обезсиленные должны были вести безпрерывную борьбу со своими сосѣдами татарами, которые, въ свою очередь раздраженные частными набѣгами казаковъ, старались нападать на казаковъ, захватывать ихъ въ плѣнъ и также и ихъ скотъ. Отброшенные далеко отъ русскихъ городовъ, изъ которыхъ самый ближайшій Самара находился почти въ 300 вер-

¹⁾ Акты истор. т. III, стр. 12, 1614 г., мая 17. Грамота Донск. кнз. войска къ казакамъ волжскимъ, терскимъ и яицкимъ съ препровождениемъ грамотъ.

стахъ отъ Яика и предоставленные санинъ себѣ въ борьбѣ съ этимъ сильнымъ тогда противникомъ, казаки уже не разъ задумывались пойти съ повинной въ русскому царю. Наступившее смутное время и съ нимъ полная звярдія въ русскихъ областяхъ отразилась и на инородческія племена, жившихъ на Яикѣ. Извѣстій видно, что татары, пользуясь малочисленностью казаковъ, осадили ихъ городокъ, и, какъ видно изъ записокъ И. И. Желѣзнова, у казаковъ былъ бой и весьма неудачный, при чемъ рассказывавшій ему обѣ этомъ казакъ говорилъ, что причиной этого было то, что казаки не пошли празднікъ и начали бой съ татарами въ Благовѣщеніе, отчего и потерпѣли неудачу.

Все это взятое вмѣстѣ, а также недостатокъ пороха и снаряда, составлявшихъ тогда монополію казакамъ, послужило одной изъ причинъ, что получение царской грамоты о призываѣ ихъ къ царю явилось для казаковъ событиемъ какъ нельзя болѣе кстати. Бывшіе же на Дону во время прінятія донцами присяги новому царю яицкіе казаки своими рассказами о добротѣ и милостяхъ царя еще болѣе убѣдили казаковъ въ необходимости воспользоваться случаемъ и итти съ человѣтъемъ въ Москву. Собравъ кругъ и прочитавъ грамоту царя, заслушавъ ихъ видѣти его царскія пресвѣтлыя очи и обѣщавшаго пожаловать имъ своихъ великихъ жалованьемъ, казаки „усовѣтовали послать отъ себя, какъ говорить преданіе, къ царю Михаилу Федоровичу объявить о себѣ и просить, чтобы онъ, Великій Государь, ихъ, казаковъ, милостиво принялъ подъ царскую свою державу, и для того, выбравъ между собою двухъ человѣкъ, одного русскаго и другого татарина, послали въ Москву“. По преданію-же царь принялъ посланыхъ милостиво „и на Яикѣ рѣку пожаловалъ имъ грамоту съ тѣмъ, чтобы они, живущіи тутъ, ему, Великому Государю, служили вѣрно“.

Но получивъ эту грамоту, старши-липци не уберегли ее. Она сгорѣла въ пожарѣ, бывшемъ въ Яицкомъ городкѣ около 1680 г.

Услышавъ отъ царя милостивое слово и получивъ грамоту на Яикѣ или „владѣянную“, какъ называются ее казаки до сихъ поръ, казаки приблизительно въ этомъ же году надумали перенести свой городокъ къ Кирсановскому ярлу. Наплы-ли казаки свой Голубой городокъ неудобнымъ для обороны отъ татаръ, убѣдившись въ этомъ послѣ „неудачи“, или по другой причинѣ, но казаки бросили насиженное място и перешли вѣтъ войскомъ за новое. Этотъ новый городокъ назывался у нихъ Кирсановскимъ городкомъ.

Палласъ, проѣзжавшій мимо мяста, гдѣ стоялъ Кирсановскій городокъ въ 1769 г. 25 юля, говорить слѣдующее ¹⁾:

„Потомъ вѣхали по высокому берегу Яика, который такошніе жители Нижній Кирсановъ яръ называютъ. Выше онаго видѣть еще такой-же высокій берегъ, Верхній Кирсановъ яръ называемый, на которомъ, какъ то сказываютъ

¹⁾ Палласъ. Пут. по раз. пров. Росс. Изд. 1809 г., стр. 408.

илицкие казаки, былъ прежде построенъ Яицкій городокъ. Еще и нынѣ видны тамъ окопы и остатки землянокъ; и такъ объявлеве казаковъ кажется справедливо".

Бывшій тамъ же въ 1858 г. Іос. Игн. Желѣзновъ пишетъ въ своихъ письмовыхъ замѣткахъ¹⁾: „Кирсановскій городокъ былъ ниже Орѣшной луки у Красныхъ Кирсановскихъ яровъ. Теперь тутъ Кирсановскій форпостъ. Остался признакъ довольно большого значительного вала. Валъ начинался отъ Урала и подходилъ къ ерику. Теперь измѣнилось. Гдѣ былъ ерикъ, тутъ течеть Ураль, гдѣ текъ Ураль, тутъ сѣдалась низъ, обросшая лѣсомъ. Тутъ много жучковъ (осетровыхъ) рыбъ и проч." Въ дневникѣ приложенъ набросанный рукой Желѣзнова планъ бывшаго городского вала и окружающей местности.

Но пока грамота донцовъ съ атаманомъ Кудрявцевымъ съ товарищи шла за Яикъ, пока въ казацкомъ кругу рѣшили послать въ Москву съ челобитьемъ, въ это время въ низовьяхъ Яика разыгрывался послѣдний кровавый актъ самозванчества.

Выѣхавъ изъ Москвы съ ратью, князь Одоевскій 12 марта (1614 г.) послалъ жителямъ Астрахани грамоту съ узвѣщеваніемъ оставить Заруцкаго и Марину Мишевъ, гдѣ пишетъ, что идетъ на Заруцкаго съ ратью, перечисляя которую, упоминаетъ и лицъ казаковъ²⁾.

По дорогѣ онъ получилъ извѣстіе отъ Астраханскаго выходца „отъ Миткай Иванова Карагана съ товарищи, что въ Астрахань пришли волжскіе казаки 560 человѣкъ на вербной вѣдѣлѣ и Ивашкомъ Заруцкимъ и съ Маринкою учали было заводити воровство" и хотѣли выслать изъ Астрахани 700 чл. служилыхъ людей на море подъ предлогомъ оберегать казылбашскіе (персидскіе) бусы (суда), а самимъ воспользоваться этимъ случаемъ и на свѣтлое воскресеніе въ заутреи перебить въ городѣ остальныхъ служилыхъ людей „и животы ихъ пограбати"³⁾.

Получавъ это свѣдѣніе, Одоевскій 17 мая послалъ въ Астрахань къ жителямъ другую грамоту, въ которой, желая подѣйствовать на религіозное чувство жителей, пишетъ слѣдующее⁴⁾:

„А прежнее воровство и смута и на крестьянское кроворазлитье и на православную на християнскую вѣру посяганье, Сеномирскаго дочери Маринки, какъ она, по совѣту и по ссыпкѣ съ польскимъ Жигмонтомъ, королемъ и съ папою Рынскимъ хотѣла въ Россійскомъ государствѣ истинную нашу православную християнскую вѣру попрati и учинити Рынскую и Люторскую Панижскую вѣру, и вместо церквей Божихъ учинити свои Рынскіе костелы, и воровство же и многую измѣну къ Россійскому государству Ивашкѣ Заруцкаго, Царскаго Величества богомольцы, митрополиты и архиепископы и епископы и весь освященный соборъ и Царскаго Величества бояри писали къ

¹⁾ Войсков. архивъ, дѣло III раз., № 85, отд. 42, стр. 10.

²⁾ Рус. Ист. библ., т. XVIII, Данская дѣла, стр. 53.

³⁾ Акты Истор., т. III, стр. 486 и 488.

⁴⁾ Тамъ-же.

вашъ поддано; а Великій Государь, нашъ Царь и Великій князь, Михаило Федоровичъ всю Русіи, по своему царскому милостивому обычаяу, жалѣа о вѣсль и о душахъ вашихъ, чтобы вы думами и тѣломъ въ ихъ прелести не погребли, и Царскаго Величества отчина Астрахань въ небѣрѣ не была и иная-бъ Божье не перестало въ ней славиться, послать изъ Заруцкаго въ Илавной, Волгою, боярина и воеводѣ своихъ, настъ князя Ивана Никитича Одоевскаго, да окольничего Семена Васильевича Головина, да дьяка Василя Юдина... и (мы) по Царскаго Величества наказу, прося у всепредраго Бога милости, идемъ на того вора Заруцкаго къ Астрахани въ гдѣ его свѣдаемъ" ...

Пока князь Одоевскій и Головинъ плыли Волгою къ Астрахані, въ это время терскій воевода Петръ Головинъ, узнавъ, что Заруцкій хочетъ его убить, чтобы взволновать Терекъ, отправилъ подъ Астрахань стрѣлецкаго голову Василія Хохлова съ 700 человѣкъ. Прибыль подъ Астрахань, Хохловъ нашелъ жителей Астрахані въ явной войнѣ съ Заруцкимъ. 9000 мужчины и 6000 женщинъ выбѣжали въ станъ къ Хохлову, Заруцкій же, видя, что ему нельзя далѣе оставаться въ Астрахані и дожидаться посланныхъ по Волгѣ воеводѣ, 12 мая бѣжалъ изъ Астрахані и поднялся немногого вверхъ по Волгѣ; Хохловъ бросился за ними съ „астраханскими служилыми людьми и съ терскими съ атаманами съ казаками и съ терскими со всѣми ратными людьми“ и вступили въ бой „противъ вора Заруцкаго и Маринки и воеводѣ волжскихъ атамановъ и казаковъ... и ихъ побили, а иныхъ многихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ живыхъ взяли, а воръ Заруцкій съ немногими людьми ушелъ за Яикъ“¹⁾). Вместѣ съ Заруцкимъ бѣжала и Маринка съ сыномъ.

Прибывъ въ Астрахань, воеводы Одоевскій и Головинъ 6 июня послали на Яикъ моремъ стрѣлецкаго голову Гордѣя Пальчикова и Савостына Овучуна, съ которыми кромѣ стрѣльцовъ пошли на Яикъ „зита и иѣмецъ“, т. е. наемное войско изъ латвы и иѣмцевъ²).

15 июня вслѣдъ за Пальчиковымъ воеводы отправили тоже моремъ на Яикъ стрѣлецкаго голову Банна Голачина. Поводомъ къ этой посылкѣ послужила поимка 15 июня двухъ ногайскихъ татаръ, которые въ распросѣ съ пытки показали:³⁾ „Посыпали ихъ съ Яика съ Соленої горы, а по татарски слогать Индерэ казаки, которые съ Ивашкой Заруцкимъ, къ Интереку князю, да къ Коракельмаметѣ мурзѣ для лошадей тому двадцать день, чтобы они прислали къ нимъ за аязаты десять тысячъ лошадей и стоять де казакамъ на Яикѣ на Медвѣжьемъ острову, постави острожекъ, а отъ Соляной горы, откуда ихъ

1) Акты арх. Эксп. т. III, № 18.

2) Акты ист. т. III, № 58.

3) Акты Историч. № 26, 1614 г. июня 19. Отписка астраханскаго воеводѣ князя Одоевскаго и Головину Самарскому воеводѣ князю Пожарскому, о показаніи двухъ захваченныхъ ногайцевъ относительно Заруцкаго, Маринки и волжскихъ каз.

послали, до того Медвѣжья острова ходу вверхъ Яикомъ въ другой день и посылали... на Самару восемь человѣкъ казаковъ провѣдывать, что на Самарѣ вѣсти, а переволочиться де имъ съ Иика на Самарскихъ вершинахъ, а переволоки будетъ день... всѣхъ де казаковъ съ шестьсотъ и въ тѣхъ многие ранены; а всѣмъ де владѣютъ казаки атаманомъ Трени Усъ съ товарищи, а Иашкѣ Заруцкому и Маринѣ ни въ чёмъ воли нѣть... а сколько имъ на Яикѣ стоять и куды съ Иика идти и что ихъ думы того подланно не вѣдаютъ".

Посылая Байма Голчина съ 600 стрѣльцовъ, воеводы ему наказываютъ¹⁾: „И Байму бѣхати на Яикъ на сїхъ и днемъ и ночью и сходитесь съ головами съ Гордѣемъ да съ Савостьяномъ, а шадчись съ Гордѣемъ и пропѣдаѣ про вора про Иашка Заруцкаго до прама и прося у Бога милости на него приходить и промышлати надъ нимъ сколько милосердый Богъ помогъ подастъ въ смотра по такошнему дѣлу, чтобы надъ нимъ поискъ учнѣти, и никуды бѣ его не упустити, а себя уберечи. Да будетъ казаки, которые съ Иашкомъ Заруцкимъ, учнугть имъ сдаваться, а имъ будетъ учнуть говорить, чтобы они имъ казакомъ крестъ цѣловали на томъ, чтобы ихъ не побити, и Гордѣю, и Савостяну и Байму крестъ казакомъ не цѣловати, а писати о томъ о указѣ на скоро въ Астрахань къ боярину и воеводамъ и дѣаку, а самимъ, особя Иашка Заруцкаго и воровскыхъ казаковъ, стояти до указу съ великимъ береженіемъ, чтобы ихъ никуды не упустити и себя отъ нихъ уберечи. Да посланы изъ Астрахани на Яикъ, на Иашка же Заруцкаго, Казай мурзы, да Курнашъ мурза съ товарищи, сухимъ путемъ, и какъ ини близко ихъ будуть, и Гордѣю и Байму сослаться съ ними, чтобы они берегли того на крѣпко, чтобы воръ Иашко Заруцкой съ воровскими казаками сухимъ путемъ не перешель къ Самарѣ рѣкѣ. А будетъ казаки ии сдадутся съ Иашкомъ Заруцкимъ безъ крестнаго цѣлованія, и имъ Анараслана Мурзу и Ипперековыхъ дѣтей и всѣхъ аманатчиковъ, которые были у Иашка Заруцкаго въ аманатыахъ, Конай мурзъ и Курнашъ мурзъ съ товарищи не давати, а вести ихъ съ собою въ Астрахань. А будетъ Баймъ встрѣтится съ Гордѣемъ, да съ Савостяномъ на дорогѣ, а Гордѣй и Савостяну буде про вора про Иашка Заруцкаго вѣсти не было, и Гордѣй бы веротился съ нимъ назадъ и промышлати въ однолично надъ Иашкомъ Заруцкимъ и надъ казаками ве оплошио".

Боясь, чтобы Заруцкій, добывъ лошадей, не бѣжалъ съ Яика степью, эти же воеводы пашутъ грамоты на Донъ (19 июня), чтобы въ случаѣ если Заруцкій бѣжитъ на Донъ, то чтобы войско было вѣрою царю и схватило вора. Одновременно же изыщищаютъ о показавшихъ татарь самарского воеводу князя Пожарского и просить послать станцу по р. Самарѣ узнать, где перево-

¹⁾ Акты Истор., т. III, стр. 23. Шамять стрѣлецкому головѣ Голчину о томъ, чтобы онъ соединился съ стрѣлецкими головами Пальчиковыми для преслѣдованія на Яикѣ Заруцкаго и Марини 1614 г. июня 15.

лока по Самарѣ на Якъ въ слѣдить, чтобы Заруцкій съ Янка не ушелъ черезъ Самару.

Пальчиковъ, выступивъ 6 июня, прибылъ къ устью Янка 11 июня, гдѣ увидѣлъ слѣды стана шайки Заруцкаго, „наѣхали на городище“, какъ пишетъ въ своемъ донесеніи Пальчиковъ¹⁾; тотчасъ въ этотъ день онъ по слѣдамъ двинулся дальше и 18 числа приѣхалъ до „Баксакаго верховья и по дорогѣ до Баксакова верховья видѣли слѣды семи воровъныхъ становъ, гдѣ они стояли и паслися рыбью и звѣреньемъ и на всѣхъ станахъ огни сибѣчали и на всѣхъ у нихъ станахъ по тридцать два котла“, при этомъ Пальчиковъ пишетъ, что гдѣ по вожевской сказкѣ (т. е. описываетъ пути, по которому онъ шелъ съ отрядомъ) „на коихъ урочищахъ и сколько до какого урочища ходу и мы тѣ урошица написавъ подлинно послали къ вамъ. (Это описание пути, къ сожалѣнію до сихъ подъѣздѣть еще не найдено, т. к. въ актахъ историческихъ видѣ вѣ опубликовано). А възвѣрь Якъ рѣка по вожевской сказкѣ узка и лѣса по тѣмъ урошищамъ крѣпки и въ стругахъ беззѣстно на Маринку съ сыномъ и на вора на Иванка Заруцкаго и за воровскихъ казаковъ притти и языки промыслить невозможно; а Кутукъ мурза Енарослановъ съ конными стрѣлцами и съ татарами, июня 14 день съ нами не съѣжжался; а съ Баксаку, государи, проезжъ у Бога милости, пошли за Маринкою вверхъ по Яку по тѣмъ урошищамъ, гдѣ начаемся Маринки съ сыномъ и вора Иванка Заруцкаго, на слѣдѣ, того же числа июня въ 14 день; а которыхъ, государи, мы за Маринкинъ ставу, на городище, нашли браное воровское письмо, за печатью послали къ вамъ въ Астороханъ“.

Въ слѣдующемъ своемъ донесеніи Пальчиковъ говорить²⁾, что съ устьемъ Янка они „поѣхали сверхъ по Яку на сильхъ днемъ и ночью, тѣмъ, что изъ Янка до 14 недѣли“ и 24 июня наѣхали на Маринкѣй городокъ³⁾ [7], гдѣ застали Заруцкаго въ Марину, и съ нами бились, и въ городѣ ихъ осадили, и казаки видя себѣ тѣсноту Государю... члены были и цѣловали крестъ июня въ 25 день, а злозынхъ врагонъ вора Иванка Заруцкаго и Маринку и сына ея Иванка вручилъ Богъ въ руцѣ ваши боярина и воеводы... и ведѣмъ ихъ къ вамъ въ Астрахань снязанныхъ съ собою вмѣстѣ“...

¹⁾ Акты Истор., т. III, стр. 22. Отписка стрѣлцкаго головы Пальчикова и Онуучча астраханскимъ воеводамъ князю Одоевскому и Годовану о пр-слѣдованіи Заруцкаго и Маринки 1614 г. между 14 и 24 юн. Подлинное изъ архива Астрах. губ. правлѣнія.

²⁾ Акты Истор.-ч., т. III, стр. 32, 614 г. юна 5. Отписка стрѣлцкаго головы Пальчикова и Онуучча астраханскимъ воеводамъ о побѣдѣ Заруцкаго и Маринки.

³⁾ Маринкинъ яръ находится на правомъ берегу Урала между Кулагинскимъ и Гребенщиковскимъ поселками, какъ иначе называемыемъ „Красный Маринкинъ яръ“, вблизи этого яра находится городище, гдѣ и быъ поиманъ Заруцкій съ Маринкой.

Въ Маринкинъ городокъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ дѣлалъ раскопки топографъ капитанъ Алексеевъ, который вырылъ кирнички, осколки глиняной посуды, уголья и проч. остатки жилья. При Маринкинъ городокъ находятся котлубанъ „Побоечень“ и въ полуверстѣ протекаетъ р. Ураль. Татары зовутъ лѣдышнее жесто „Игуръ“.

27 июня, возвращаясь обратно, Пальчиковъ „на Синекаловомъ урочищѣ“ встрѣтилъ посланную къ нему изъ Астрахани степью „конную станцу“ (т. е. конное войско), благодаря чему онъ посыпалъ въ Астрахань съ сотниками Казанскими, Пыхачевыми и Хвостовыми донесеніе о поискѣ „воровъ“. Вмѣстѣ съ этими сотниками посыпали въ Астрахань „казаки къ воеводамъ атамановъ казачьихъ шты (шесть) человѣкъ Истому Желѣзное колыто, да Василья Соловьевоа, да двунадцати человѣкъ казаковъ, очи ваши видѣти и милостивое слово отъ васъ слышати“.

Это были казаки изъ шайки Зарудскаго. Относительно аманатовъ Пальчиковъ пишетъ, что ихъ вскорѣ за нихъ ведутъ казаки въ Астрахань, но какъ увидимъ д鋤ше, они и не думали ихъ отпускать.

5 июля Пальчиковъ прибыль на устье Волги „за Учугъ за Чурку“, откуда на другой день онъ съ колодниками прибыль въ Астрахань, где ихъ немедленно отправили въ Казань. Зарудскій былъ отправленъ отдельно отъ жены; Марану провожало 600 стрѣльцовъ, Зарудскаго 230; въ случаѣ нападенія сильнейшаго отряда провожатыхъ было приказано побить пленниковъ. Въ Москвѣ Зарудскаго посадила на колъ, сына Марана повѣсила; сама Марина умерла въ тюрьмѣ.

Такъ жалко коачила свои дни одна изъ знаменитѣйшихъ авантюристокъ, того времени, игрушка судьбы и слѣдного счастья, она была поперемѣнно: дочерью знамея польского нельзяжи, русской царицей, женой двухъ самозванцевъ и казацкаго атамана, чтобы потомъ быть побиванной среди послѣдовъ предаванной ей горсти своевольныхъ казаковъ на пустынной и чуждой ей рѣкѣ, и вновь войти въ Москву, но уже не съ блестящею сватой, не при радостномъ звонѣ колоколовъ, а въ щипахъ колодника и скрыться навсегда за темными стѣнами тюрьмы...

О смутномъ времени за Руси и о пребываніи Мараны Машекъ на Янѣ у казаковъ сохранилось предаваніе. Это прелавіе, записанное И. И. Желѣзновымъ со словъ казака Ивана Никитича Чакрыгина, помѣщено въ соч. И. И. Желѣзнова подъ названіемъ „Марана, бѣглая царица“¹⁾. Вотъ что пишетъ обѣ этомъ И. И. Желѣзновъ:

„Кто такова была эта Маранка, чай, самъ знаешь, говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ: — Чай и по вашимъ печатаваннымъ книжкамъ обѣ ей значится.

Я утверждательно кивнула головой. Старикъ продолжалъ:

— Стало быть и толковать обѣ этомъ нечего. Однако, — спросилъ онъ меня, — однако спрошу тебя, касатикъ, какъ тамъ, по вашимъ то книжкамъ значится насчетъ Маранкина мужа, сирѣчь насчетъ злолукаваго и злобозацаго Гришки Разстрѣлки: что онъ такой? А пуще: какимъ побитомъ въ Москвѣ за царство сѣлъ? Вѣдь дѣло-то, сударь мой, что ни бай, не шуточное, а?

¹⁾ Соч. И. И. Желѣзнова, Уральцы, т. 2, стр. 278—282.

Вопрос старика заставил меня взять слушателя перейти въ роль рассказчика. Задача предстояла мнѣ не легкая, надо было поддержать авторитетъ человѣка „свѣдущаго“, какъ частенько величали меня, иногда съ отг҃вѣкомъ ироніи. Иванъ Никитичъ, старикъ въ своемъ родѣ умный и лукавый, не слишкомъ то вѣроятной въ историческомъ познаніи нашего брата чиновнаго люда.

Въ простыхъ и короткихъ словахъ, насколько можно, я рассказалъ старику о Лжедимитріи и о событіи, сопровождавшемъ его воцареніе и паденіе. Само-собой разумѣется, что въ разсказѣ моемъ Лжедимитрій явился простымъ смертнымъ „проходимцемъ“, какъ величали я его передъ моимъ сѣдымъ слушателемъ.

— Нѣть, касатикъ! Разстрижка былъ не простой человѣкъ, но проходимецъ,—возразилъ старикъ, когда я кончилъ разсказать о самозванцѣ.— Статочное ли дѣло,—продолжалъ онъ,—чтобы простой проходимецъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, хоть бы съ неба звѣзды хваталь,—статочное ли дѣло, говорю, чтобы простой проходимецъ на царство сѣль! Гдѣ это видано, а?

— Да вѣдь сидѣть же!—сказалъ я не безъ грусти, что „лекція“ моя—ува! вѣдь убѣдила сѣдого слушателя.

— Сидѣть-то, сидѣть, что и бать, всѣ знаютъ, да сѣль-то какъ—не всякий, видно, знаєтъ!—сказалъ старикъ съ жаромъ—вотъ этого и хотѣль отъ тебя допытаться, а увы, вижу, ничего насчетъ этой приидчи не знаешь. Опо, есть когда говорить правду, гдѣ-жъ и знать-то вашему брату. Знаю, въ нашихъ печатованныхъ книжкахъ ничего этакого не будетъ, да и въ нашихъ-то не во всѣхъ найдешь,—прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ.— Въ печатованныхъ книгахъ многаго не сыщешь, не беспокойся: все общизнано, все урѣзано, все укорочено, все устожено... Вотъ, хоть бы, къ пріемѣру, между нами будь сказано, „Псалтырь“—что онъ, полный что ли?—Ни!—старикъ потрясъ головой.—Десятой доли, сударь мой, въ немъ нѣть того, что царь Давидъ по вдохновенію Божьему, записалъ. Оно, пожалуй, есть когда говорить правду, съ одной стороны, такъ и слѣдуетъ, добавилъ старикъ:— вѣдь по языку псалмы летать можно человѣку...

— Какъ летать?—спросилъ я.

— Какъ летаетъ птица по воздуху,—отвѣчалъ старикъ,—такъ и человѣкъ можетъ летать по воздуху, прочитавши такой псаломъ изъ секретныхъ, что изъ нашихъ-то „Псалтырей“ выкинуты. Ну, всего-етаго въ мірѣ и нельзя пущать, не равень человѣкъ, иной добро-то и употребить во зло.

— А, вотъ въ чёмъ штука-то!—замѣтилъ я.

— Да, въ этомъ-то и штука!—подтвердилъ старикъ.—Иль-бо вотъ еще къ пріемѣру, насчетъ „Четь-Минеи“,—продолжалъ онъ:— тоже, сударь мой, урѣзана.

Сказавъ это, старикъ замолчалъ и приложилъ палецъ ко лбу. Замѣтно было, что онъ старался что-то припомнить.

Черезъ минуту, тихо, самъ про себя, онъ забормоталъ: „и явился пре-

подобному Макарію...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! сказалъ вслухъ старикъ и опять замолкъ, потому, некоего погодя, слова что-то забормоталъ, а ваконецъ ясно и отчетливо сталъ, смотря прямо на меня, говорить, какъ будто по книгѣ читать:

„Являлся святый мученикъ Димитрій царевичъ, единому отъ монаховъ въ монастырѣ града Углича, добродѣтельно жительствовавшему именемъ Тихону, и скажа ему, глагола: „нѣкто у васъ назовется именемъ моимъ, и прослынетъ царевичемъ и погубить губителя моего Бориса Годунова и истребить родъ его и самъ на престолѣ Радзейскаго царства погибнуть..“

— Это, сударь мой, что я тебѣ сю книгу прочиталь,—заговорилъ старикъ,—показано въ печатованной „четы-милеи“ о житіи Дмитрія царевича, убиенаго по изущенію Бориски Годунова, а въ писанномъ житіи Дмитрія царевича читалъ не то, совсѣмъ другое.

— Въ писанномъ! почти вскрикнулъ я.—Есть у тебя, Иванъ Никитичъ? Пожалуйста, покажа!

— Нѣть! быль короткій отвѣтъ. А видѣлъ я, продолжалъ старикъ,—ѣть двадцать тому назадъ, у одного уставщика въ Сергиевскомъ скиту. Вотъ въ писанномъ-то житіи показано, что самому, вишь-ли, Гришкѣ Разстрижкѣ было откровеніе. Стоять это онъ разъ въ соборѣ поблизъ гробницы Дмитрія царевича и слышать гласти, исходящій изъ гробницы, отъ честныхъ, значится, мощей святого мученика и чудесая влятеля, гласть таковой!—сказалъ старикъ, и потомъ снова началъ говорить, будто по книгѣ читать:

„Пресвѣтъ Бориска сѣма царское: и завелось оттого въ Москву нечастіе великое. Грѣда въ Москву, Григорій! Изми вѣнецъ царскій съ главы истребителя царскаго, и царствуй съ вѣрой и благочестіемъ. И почтѣтъ на тебѣ Божіе благословеніе и мое благословеніе, дондеже пребудешь въ вѣрѣ и благочестії. Но горе тѣ будетъ, окаянному, аще сократишся съ пути истиннаго: погибнешь ты смертю лютую, и не заслѣдуешь царствія небеснаго.

— Да ты просто чудеса разсказываешь, замѣтилъ я, улыбаясь.

— А какъ-же бы ты думалъ,—возразилъ старикъ съ едва замѣтнымъ удовольствіемъ.—Знамо чудеса! Да ты, не сийся, касатикъ. Въ писанномъ житіи Дмитрія царевича показано такъ: быль-де онъ, то-ась Гришка Разстрижка, въ юности своей угодевъ Богу, и потому самому визошло на него откровеніе Божіе. Но окаймленный врагъ рода человѣческаго переиначилъ по своему. нарыль Гришкѣ аму и ввергъ его въ тартарары, въ тренсподню и вовлекъ все наше царство въ бѣду горшую, нежели была при Борисѣ. Замѣсть того, чтобы изъ града Углича идти прямо въ Москву и повѣдать откровеніе патріарху и всему синклиту, золукаовый Гришка, знамо по изущенію діавольскому, кинулъ въ землю еретическую, сирѣчь, въ полацкую, сложилъ козын съ крижаками, съ оборванцами, связался съ лютеркой Маринкой,—этого мало, сударь мой,—свюхался съ папой рымскимъ, съ ненавистникомъ вѣры православной, апостольской, да и задумаль, сатанинское

отродіе, всю Расею произвесть въ Рымскую, въ панежскую, значитъ, вѣру. Казову штуку-то удраль было!

Но милостивый Господь Богъ не попустилъ въ конецъ погибнуть православному народу.

— Чудеса, чудеса! говорилъ я, смотря на рассказчика, и не скрывая невольной улыбки.

— Чудеса, чудеса! передразнилъ меня старикъ, видимо, недовольный моимъ невѣріемъ и легкомысліемъ.—Знамо чудеса!—сказалъ наконецъ старикъ съ жаромъ.—Хошь вѣрь, хошь не вѣрь — твое дѣло: вольному воля, спасенному рай, что я бать!

— Только не смѣйся голубчикъ: не хорошо. Въ старину, сударь мой,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—бывали чудеса, а вызыче вотъ и не будутъ! прибавилъ старикъ со вздохомъ.

Тутъ старикъ занесся въ область такой фантазіи, сказаний о которой хотя, по моему мнѣнію, и не лишены своего рода интереса, но за всѣмъ тѣмъ не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Если бы я задумалъ передавать здѣсь и все то, что толковалъ инъ Иванъ Наскитичъ Чакрыгіа по поводу рукописнаго житія Дмитрія царевича и по поводу чудесъ отъ антихриста, я слишкомъ бы далеко зашелъ и потерялъ бы, пожалуй, изъ вида главный предметъ этого разсказа. И такъ обращаюсь къ Маринѣ, бѣглой царицѣ.

— Казъ задали ей въ Бѣлокаменной перцѣ-азѣ-ра съ гвоздачкой,—говорилъ Иванъ Наскитичъ про Марину,—такъ то-жъ секунду подобрала, бестія, подоль-то свой въ зубы — даромъ,—что царицей величалась, — да и драли вонъ изъ Москвы безъ оглядки. Значить: залетѣла ворона въ чужія хоромы. Кшишъ, проглатай!—прибавилъ старикъ съ презрѣніемъ.

— Ложь-ли, правда-ли, говорить,—продолжалъ онъ,—что сорокой оборотилась, да въ выпорхнула изъ окна царскихъ палатъ. Вишнѣ, чернокнижница, сказываютъ, была, а есть-когда бы не то, то, лескать, сидѣть бы ей на одновѣ колу съ сожителемъ своимъ, злобознѣмъ и золуказнымъ Гришкой Разстрѣжкой.

— Долго, говорятъ, слонялась она по Расею, изъ одного мѣста въ другое, мутала и поднимала народъ на Москву, подыскивала, вишнѣ, согласничковъ, чтобы опять, какъ ни на есть, завладѣть первопрестольнымъ градомъ, каменной Москвой, да опять, какъ ни на есть, на царство сѣсть. Значить, разлакомилась, сударка, Ѣсть крупичатныя калачики. Однако земного взяла. Немнogo выискалось охотниковъ служить колобродницѣ, самая малость, человѣкъ до ста два, не больше. Ну, видимое дѣло, съ такой партіей Москвы не захватишь, на царство не сядешь, толковать ли? Значить не до царства пришло бѣглланѣ, а лишь бы только голову свою уберечь. Вотъ она, грозить, и удрала на Яикъ, выстроила тамъ городъ, что и теперича называется близъ Кулагинской крѣпости, выстроила городъ и въ немъ съ своими согласничками засѣла. Что она тутъ дѣлала, на что надѣялась, долго-ли прохаждалась—шуть ее знаеть. Напослѣдокъ, сказываютъ, прашли изъ Ра-

сех войска и подступили подъ ея городокъ, чтобы пошабашить колобродиницу. Долго, говорать, бѣсовская дочь, отбивалась и въ руки живая не давалась, во въ отвертълась-таки. Взяла ее въ полонъ, засадили въ колодку и увезли, голубушку, въ Москву. Тамъ, значитъ и жизнь свою скончала.

— Все? — спросилъ я.

— Нѣть, не все! — сказалъ старикъ. — Вотъ только на счетъ казны Маранкиной расскажу: тогда ужъ и все.

— Въ послѣднее время, жилиши въ городкѣ своемъ, — говорилъ старикъ: — Маринка стала замѣтать, что согласнички ея стали взыѣвать и однѣ по одному отъ нея отставать, почитай всѣ отстали, осталась при ней самая малость и то не ради ея самой, а ради казны ея золотой. У нея, изволишь ли знать, было многое множестао — воза, сударь мой, казны золотой и серебряной, что въ каменной Москвѣ награбила. Вотъ этой то казной, известное дѣло, и хотѣли согласнички ея покорыстоваться. Хоща прямо они и не высказывали свои замыслы, однако Маринка понимала весь ихъ умыселъ, не плошала, ухо востро держала, бестія. — Раздѣлила она, братецъ мой, казну свою на дѣвъ равныхъ части и нагрузила цѣлыхъ дѣвъ лодки. — Виши, собачья дочь, сколько захапала добра христіанскаго! — Одну лодку покуда оставила при себѣ въ городкѣ, — видно, надѣялась еще какъ-нибудь отбоиться, — а другую лодку, на всякий случай, отправила съ двумя приближенными, съ санями, значитъ, вѣрными согласничками, вверхъ по Яику и велѣла гдѣ-нибудь въ глухомъ иѣстѣ сорятать, — видо, думала въ случаѣ неустойки удрать изъ городка, какъ и изъ Москвы удрала.

Вѣрные ея согласнички, что на лодкѣ то уѣхали, видно, только на глазахъ у нея были вѣрными, а за глазами себѣ на умѣ, ужъ бать ли! Отпрысили они съ версту отъ Маранкина городка, взяли да и утопили лодку съ казной въ Яикѣ, къ бухарской сторонѣ, подъ самими краснинъ яромъ, что зовется, чай, и ты знаешь, и дузанный яромъ, и Маринкины яромъ, знамо дѣло, хотѣли опосля достать и одни покорыстоваться, да не покорыстовались, голубчики. — Сказываютъ, что лишь только они задумали это сдѣлать, какъ Маринка, — знамо, посредствомъ червоянъ, — узала ихъ замыслы и ихъ самихъ иогубила: вмѣстѣ съ лодкой и сами они пошли по топорному за дно, а были, говорать, первые пловцы и водолазы славные. Значить, супротивъ червоянъ вѣчного не подѣлаешь.

Лодка эта со всей казной и подвесъ лежать въ Яикѣ поль самимъ Дуваннимъ яромъ, — продолжалъ старикъ. — И въ стары годы, слышалъ я отъ стариковъ, многіе изъ нашихъ казаковъ ластились около этой казны. И на моей памяти — самъ бываль свидѣтель... Да что скрывать, — у человѣка утаишь, у Бога не утаишь, — самъ, грѣшный человѣкъ, самъ въ былое время, зарелся на эту казну, самъ, сударь мой, за компанию съ другими, запускалъ багорчикъ въ Яикѣ! Сказать прямо, многіе изъ нашихъ казаковъ пытались достать лодку съ казной: и неводами, и ярыгами, и баграми пре-

бовали, и водолазы по цѣлымъ днямъ ныряли, но все по пустому: вѣтъ лодки, да и на поди! Словно и не было. А была, всѣ толкуютъ, что была. Только, сударь мой, кака то огромнѣюшія, должно быть слоновыя, кости вылавливали — вотъ и все. Значать ильбо землей завалило, — время то много прошло, — ильбо Маринка закодовала. — Значить, лежать этой казыѣ на дѣт Яикушки до скончанія вѣка. Значить, будеть сѧ и того, что въ пѣснѣ пропоенъ, да въ побранкѣ упомянемъ.

— Въ какой пѣснѣ въ какой побранкѣ? — спросилъ я какъ-то невольно, хотя хорошо знать ту и другую.

— Пѣсаню то разскажу; — сказель старикъ, — это ужъ мое дѣло: взялся за гужъ — будь дюжъ, а на счетъ побранки уволь. Если когда не слыхалъ, прабабиль она, то ступай на Яикъ, гдѣ ребятишки купаются и кончень балт: какъ разъ услышишь.

Но инѣ на тотъ разъ не зачѣмъ было ходить на Яикъ и наблюдать за казачатами. Въ жизни моей я не разъ слыхалъ, какъ иной казаченокъ, а иногда и бородатый казакъ, разобиженный или раздосадованый другимъ, сунуть, бывало, обидчику, между прочимъ, чтобы тотъ съ Маринкина яра свалился, чтобы подъ Маринкиномъ яромъ волной захлебнулся и чтобы Маринкиной казной подавился. Зная это, я и не настаивалъ у старика, чтобы онъ сказалъ побранку, но пѣсаню прослушалъ. Вотъ она:

Ты Яикъ, Яикъ, быстра рѣченька,
Издалеча течешь ты мутаехонъка.
Позади себя оставляешь ты —
Въ одну сторону круты яры,
Въ другу сторону желты пески:
Круты яри — обрызгать,
Желты пески — разсыпать.
Ахъ, бывало, мы, казаки-братья,
По твоимъ волнамъ тихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычей,
За персидскою, за хивинскою.
Ты Яикушка — золотое дно.
На твоемъ на дѣ, у крута яра,
У крута яра, у Дуваннова,
У Дуваннова, у Маринкина,
Лежитъ лодочка позатоплена,
Съ золотой казной со Маринкиной,
Въ Каменной Москвѣ ей награбленной!
Ты теки, теки, нашъ Яикушка,
Ты корки, корки нась удалыхъ,
Добрыхъ молодцевъ, слуговъ вѣрныхъ
Цара-батюшки, благовѣрнаго.

Кончивъ пѣсню, которая, замѣчу кстати, ни больше, ни меныше, какъ варианть на общеупотребительную между Уральцами и ими до біенія сердца любовную пѣсню о Янушкѣ Горыновичѣ, Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ продолжалъ:

За часъ иль бо за два до того, какъ, значитъ, попасть ей въ колодку, Маринка велѣла у полуночныхъ воротъ своего городка, близъ самой воды, вырыть глубокую яму. Вырыли. Ладно.— Велѣла въ эту яму опустить другую лодку съ казной. Опустили. Ладно.

— Пойду а теперича,— говорить она своимъ согласничкамъ, что при вѣт еще оставались, пойду, говорить, въ лагерь къ царскому воеводамъ просить замѣревія, а вы, говорить, оставайтесь здѣсь.

Тѣ рады, сударь мой, что казна въ ихъ рукахъ остается.

— Слушаю!— говорять они.

— Слушать то слушайте,— говорить Маринка, да не зѣвайте.— Кто охотникъ стоять на часахъ и караулить казну до моего прихода?— спрашиваетъ она согласниковъ.

Долго что то охотника не выискивалось: всѣ чего то другъ друга испутгались. Напослѣдокъ вызвался одинъ удалый молодецъ, что ни самый первый и любимый ея наперстникъ. Маринка посмотрѣла на него и вся затряслась: отъ злости, значитъ.

— Не думала я, не чаяла,— говорить она ему,— что ты оставешься здѣсь, я думала, ты со мной пойдешь.— Знать, казна моя тебѣ дороже меня. Да ладно, ладно!— говорить она.— Хочешь караулить?— еще разъ спрашиваетъ она его.

— Хочу!— говорить онъ, а самъ поблѣдѣлъ и трясется. Значить, почуяло сердечко невзгоду.

— Ну, стой здѣсь, сказала она, и велѣла ему стать посередь лодки.

— Онъ нехотѣ, нехотѣ сталъ, а она какъ выхватить изъ зепи (изъ кармана) пистоль, да какъ бацаетъ въ него— онъ и съ копытъ долой!

— Карапуль же теперѣ! сказала она убитому и велѣла засыпать землей и лодку съ казной, и убитаго своего наперстника. И всѣ, кто тутъ былъ изъ ея согласниковъ, всѣ, сударь мой, нехотѣ, нехотѣ, а послушались.

Такимъ манеромъ, сударь мой, продолжалъ Иванъ Никитичъ и другая лодка съ казной сгнила— пропала въ матъ сырой землѣ.— Ужъ бать лѣ, — и около этой лодки ластились наши казаки, особенно калмыки охотники до кладовъ. Изрыли, ископали земли довольно таки, не оставили живаго иѣстечка около Маринкина городка, а шишъ взяли.— Значить, Маринка заколдовала, — что и бать.

А въ лодкѣ этой, сударь мой, сказываютъ, лежить: въ одной половинѣ, что къ кормѣ, чистое золото, а въ другой половинѣ, что къ носу, чистое серебро, а посередь лодки четыре ружья: два изъ нихъ,— заключилъ старикъ,— неоцѣненные!...

Хотя казаки и выдали Марину и Заруцкаго и „цѣловали крестъ Государю“, хотя и посыпали бить челомъ атамана Желѣзное Колыто со ставицей въ Астрахань къ воеводамъ, но сами, оставшись за Яикъ, не только не отвезли татарскихъ аманатовъ, но часть ихъ, человѣкъ больше ста, съ атаманами Тренею Усомъ и Верзигой задумали идти съ Яика къ Иргизскимъ вершинамъ, а оттуда на Волгу и, ограбивъ рыбныхъ ловцовъ, добыть струга и грабить караваны; другая половина съ атаманами Максимионъ Дугая Нога и его братомъ Алешей „съ товарищи“ рѣшила идти за Самару по домамъ¹⁾.

Узнавъ объ этомъ, астраханскіе воеводы посыпаютъ на Яикъ стрѣлецкихъ головъ Ивана Черткова и Ивана Остренева съ ратью, чтобы разбить казаковъ и недопустить за Волгу тѣхъ, которые хотѣли идти за воровство²⁾.

Стрѣлецкіе головы застали казаковъ въ началѣ августа на Медвѣжьемъ островѣ и „многихъ казаковъ побили и живыхъ поймали и городокъ ихъ взяли и знамена, которые у казаковъ были, Ивашко Заруцкаго поймали и утекли съ бою казаки на лѣсъ и по болотамъ неизногіе“.

Послѣ этого боя 25 августа были пойманы около Астрахани „у учуга у бузана“ восемь человѣкъ лицовыхъ казаковъ „Денка Ивановъ съ товарищи“, которые съ пятки показала³⁾, что они въ то время, когда были за Яикъ, Чертковъ и Остреневъ въ Медвѣжьемъ городкѣ не были, а были на Богатомъ; и что приѣхали на Яикъ послѣ разгрома, гдѣ заѣзжали и на Медвѣжій островъ, и на Медвѣжьѣ де бродятъ разгромные казаки Илейка Боровъ, Максимко Лайсонъ, Ивашко Кувшиновъ съ товарищи двадцать человѣкъ, и сказывали вѣть, что собрались послѣ разгрому казаковъ съ атаманомъ съ Тренею Усомъ да съ Верзигою сорокъ человѣкъ, съ Барюгомъ тридцать человѣкъ, съ Олферкомъ съ Губою пятьдесятъ человѣкъ, пошли воровать на Волгу да съ Микиткой де са Усомъ собралось человѣкъ съ пятьдесятъ, и пошли вверхъ по Яику на Челанъ, на Челанъ де имъ зимовать, для того что де и Микитка за старостью нынѣ на Волгу перейти не можно, а Илейка де Боровъ съ товарищи пошли вверхъ по Яику на Иргизъ, а съ Иргиза итти имъ для воровства на Волгу; а впередъ де того, до разгрому, пошли съ Медвѣжья острова отъ казаковъ изъ городка на Иргизъ охотники, казаки Васка Рѣзвой, Жалка Васильевъ, Гришка Шаблыкинъ, Шомалко Гайдукъ съ товарищи человѣкъ съ шестьдесятъ, а съ Иргиза де было имъ итти на Волгу жъ воровать⁴⁾. Узнавъ эти свѣдѣнія, астраханскіе воеводы пишутъ объ этомъ самарскимъ воеводамъ, предостерегая ихъ о замѣревѣ казаковъ: „И ванъ бы, господа, про воровскихъ казаковъ тѣ вѣсти были вѣдомы, чтобы ови за Иргизѣ и на Волгѣ безвѣсто на рыбныхъ ловцовъ не пришли, и государевыхъ казенныхъ запасныхъ судовъ въ проѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей не погромили“.

¹⁾ Акты истор., т. III, № 34, 1614, іюля 15.

²⁾ Акты истор., т. III, № 42, 1614, августа 30. Отписка Астрах. воеводъ самарскимъ воеводамъ о разбитіи Волжскихъ казаковъ на Яикѣ.

³⁾ Тамъ-же.

Въ этомъ показаніи яицкихъ казаковъ мы видимъ нашего старого знакомаго яицкаго атамана Никиту Уса, который 28 лѣтъ тому назадъ грамотѣ не посвѣрль и не пошелъ въ 1586 году за службу въ Астрахань, а теперь за старостью не можетъ итти за промыселъ на Волгу, а пошелъ со своими товарищами на Чаганъ. Интересно было бы знать, пришелъ ли онъ къ волжскимъ казакамъ въ Медвѣжій городокъ, чтобы вѣстѣ итти на промыселъ или былъ и раньше все время у Заруцкаго въ шайкѣ? Можетъ быть, овъ оставался единственнымъ со своими 50 молодцами представителемъ тѣхъ яицкихъ казаковъ, которые были все время въ рядахъ самозванцевъ?

Такъ окончился послѣдній актъ тяжелаго для Россіи времени.

Медленно врача вала Русь свои тяжелыя раны — въ землѣ всюду было неустройство, всюду еще продолжали бродить шайки разбойниковъ, грабившихъ окраины Руси. Приводя въ порядокъ внутреннія области, новый царь старался утихомирить и окраины. Ногайскіе татары, особенно кочевавшіе вблизи Крыма, за смутное время перестали признавать власть царей и стали дѣлать набѣги на русскіе села и города.

Въ 1616 году въ маѣ былъ посланъ по этому дѣлу изъ Москвы въ Астрахань Григорій Плещеевъ съ княземъ Алексеемъ Льзовымъ, которые всѣхъ большихъ ногаевъ, кочевавшихъ на Крымской сторонѣ и ушедшихъ туда „издавнихъ лѣтъ“¹), привели „подъ государеву руку“ и перевели съ крымской стороны на ногайскую сторону и „учинили ихъ въ государевой волѣ и въ послушаніи крѣпакъ свыше прежнаго“. Эти же Плещеевъ и Льзовъ уговорили бѣжавшихъ ранѣе къ Ургенчу въ Хиву татаръ вернуться обратно съ Абху-мурзою и съ 15 тысячами улусныхъ людей, которые стали кочевать вблизи Астрахани. У этихъ татаръ было взято до 15 тысячъ русскихъ пленныхъ²).

У казаковъ на Яикѣ за это время не происходило ничего выдающагося.

Вернувшись съ похода изъ Москвы, казаки отдыхали. Въ это время многие изъ нихъ имѣли семью. Въ нихъ пробудился духъ гражданственности. Война въ стѣнахъ Москвы, какъ война религіозная, народная, война противъ поляковъ, какъ противъ еретиковъ, укрѣпила у казаковъ религіозныя чувства. Принять подданство царю Михаилу Федоровичу, обзаведясь семьюми, казаки почувствовали потребность имѣть у себя церковь, имѣть священника, который могъ бы крестить дѣтей, отаивать умершихъ, служить церковными службы и дѣлать другія христіанскія требы. Годъ постройки церкви нужно отнести приблизительно къ промежутку времени между 1614—1620 г. Церковь была построена по преданію, изъ дерева, во имя Казанской Божіей Матери. Между тѣмъ въ своемъ очеркѣ „Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ“³), Влад.

¹) Тѣхъ, которые ушли въ 1590 г. при Муратѣ-Гиреѣ-паревичѣ.

²) Акты Моск. Госуд. т. II № 75. Дѣло по челобитью Григорія Плещеева о пожалованіи ему за службу вотчину.

³) Ориг. Езархіал. Вѣд. № 2 и 3, 1878 г. Витевскій.

Витевский говорить, что эта церковь была не во имя Казанской Божией Матери, а во имя Алексея Митрополита; это онъ основываетъ на слѣдующемъ соображеніи: „Чудотворная икона Казанской Божией Матери хотя и была найдена (на месте сгорѣвшаго дома стрѣльца Окучина его десятилѣтней дочерью, Матреной) еще въ 1579 году, но казаки могли узнать о ней не раньше смутаго времени, т. к. ратники, отправлявшіеся изъ Казани подъ Москву, взяли съ собой списокъ съ Чудотворной иконой Казанской Богородицы, чудесной помощи которой приписано было потомъ и спасеніе Москвы отъ поляковъ. Даѣще известно, что праздніе Казанской Божией Матери установлеъ быъ для всей Россіи только въ 1649 году, послѣ того какъ 21 октября, на канунѣ празднія Казанской Богородицы у царя Алексея Михайловича родился наследникъ престола Дмитрій Алексѣевичъ“¹⁾. На основаніи этого и на основаніи показанія священника Степана Афавасьевъ¹⁾ въ 1772 г., который говорить, что колебаній былъ отслуженъ въ церкви „Алексея Митрополита, она же Кирсановская“, Витевский приходитъ къ заключенію, что первая церковь на Яикѣ была во имя Алексея Митрополита. Но это предположеніе не вполнѣ основательно, такъ какъ не только время построенія Казанской и Алексѣевской церкви, но и другихъ церквей: Петра и Павла, Михаило-Архангельской и Преображенія Господня, бывшихъ въ Яицкомъ городкѣ до 1736 г., установить до сихъ поръ не удалось. Объ нихъ имѣются самыя отрывочныя сѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно лишь догадываться о приблизительномъ времени ихъ постройки. Такжѣ не имѣется никакихъ историческихъ документовъ, которые могли бы намъ указать, которая изъ этихъ церквей была первой церковью на Яикѣ, и поэтому правильнѣе будетъ, оставивъ этотъ вопросъ открытымъ, руководствоваться въ данномъ случаѣ казачинъ предаваемъ, записаннымъ И. И. Желѣзновымъ, гдѣ говорится, что первая церковь на Яикѣ была во Имя Казанской Божией Матери; не вѣрить же этому преданію мы пока не имѣмъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ предавія казаковъ оказывались до сихъ поръ вполнѣ правильными.

То что праздніе Казанской Божией Матери былъ установленъ въ 1649 г. не даетъ основанія предполагать, что церковь нельзя было построить раньше этого времени, т. к. по справкамъ у лицъ компетентныхъ, это служить препятствиемъ не могло, ибо святина фактически существовала и была давно еще въ 1579 г., назнага церковью. Что касается до показаній священника въ 1772 году, то какъ увидимъ далѣе, у насъ имѣются данные, что церковь Алексея Митрополита находилась въ Яицкомъ городкѣ не въ Куреняхъ, т. е. старой части города, а въ Кирсановской станицѣ, поселившейся рядомъ съ Куренями приблизительно въ 1680 годахъ изъ Кирсановского городка, гдѣ по переселеніи войска на устье Чагаза въ 1620-хъ годахъ, оставалась часть

¹⁾ Ур. Войск. Арх. III р., хлѣв. № 35, стр. 83.

казаковъ и жила тамъ вплоть до 1680-хъ годовъ, когда „по маломѣстству“ переселилась въ Яицкій городокъ и засяла своимъ куревиями отдалыное мѣсто съверище старого городка, почему въ то время Яицкій городокъ раздѣлялся на двѣ части: на старый Яицкій городокъ и на Кирсановскую станцу, отчего и церковь святаго Алексія Митрополита, построеннаа среди Кирсановской станицы, носить потомъ название Кирсановской церкви.

Во всякомъ случаѣ казаки въ то время могли построить церковь только или во Имя Казанской Божіей Матери или во Имя Михаила Архангела, имя котораго носилъ царь.

Слѣдуя казачьему преданію и принимая во взімнавіе совершившіяся на Руси события можно прійти къ заключенію, что казаки находясь подъ впечатлѣніемъ битвъ, кровавыхъ междуусобій, будучи почти цѣлый годъ подъ Москвою въ рдахъ русскаго ополченія, конечно знали о томъ, что спасенію Москви рати были обязаны чудесамъ Казанской Божіей Матери; и это конечно не могло не повліять на то, что первая церковь на Яицѣ была построена казаками во имя Казанской Божіей Матери, какъ спасительницы Россіи отъ ига поляковъ, тѣмъ болѣе, что они сами вѣроятно имѣли случай убѣдиться во время боевъ въ Ея чудодѣйственной силѣ. Подъ впечатлѣніемъ Ея чудесъ и потому, что, (какъ мы видимъ изъ списковъ 1632 г.), самое большое число казаковъ дали Казанская и Нижегородская губерніи, которымъ конечно была ближе къ сердцу своя родная святыня, — казаки и построили церковь во имя Казанской Божіей Матери.

Кто былъ первый священникъ въ Кирсановскомъ городкѣ, ни предавій, ни документовъ не сохранилось, но, какъ увидимъ далѣе, казаки все время посыпали на благословеніе своихъ священниковъ въ г. Казань къ казанскому и свіяжскому епископамъ.

Но не долго прожили казаки въ новомъ городкѣ. Выбранное имъ мѣсто у Кирсановскихъ яровъ оказалось неудобно: „зимою заносило снѣгомъ, а лѣтомъ отъ песку житья не было“.

И вотъ приблизительно въ 1620 году казаки рѣшаютъ переселиться вновь на другое и болѣе удобное мѣсто на устьѣ реки Чагана. Установить точно голь, когда именно переселились казаки къ устью Чагана въ вышней Уральскъ, не представляется возможнымъ. Давными для этого служать лишь слѣдующіе документы.

Въ 1720 году 10-го января казаки, прибывшіе съ зимовою станицею, за вопросные пункты Коллегіи иностр. дѣлъ отвѣчали о времени основанія Яицкаго городка слѣдующее: „Междуду реки Яица и другой — Чагана сдѣланъ у нихъ деревянный острогъ. Званіе тому ихъ острогу — Острогъ. А то ихъ жилище началось, какъ они отъ старинныхъ модей слыхали, тому нынѣ назадъ здѣль со ста“, т. е. приблизительно въ 1620 году.

Въ 1720 г. на Яицѣ среди казаковъ находились таїе сатриархи, какъ казакъ Осипъ Бѣлоусовъ, которому во времія переписи Захарова было болѣе

100 лѣтъ и который находился на службѣ въ мало ни много—ровно 76 лѣтъ! Другой патріархъ, бывшій тогда на Яикѣ, былъ казакъ Клюмбетъ Таузевъ, который во время переписи Захарова былъ на службѣ уже 70 лѣтъ.

Сылались въ своемъ показаніи на старинныхъ людей, казаки, имѣя у себя такихъ старожиловъ, ковечно, не могли ошибиться и если ошиблись, то разѣтъ на всѣсколько лѣтъ, ибо эти старики были почти живые свидѣтели основанія Яицкаго городка. Другамъ основаніемъ для опредѣленія времени построенія Яицкаго городка за устье Чагана служатъ указаніе Рычкова въ его „Топографіи Оренбургской губ.“ (стр. 291), где онъ говоритъ, со словъ старшинъ и казаковъ, „что отъ постройки того городка по тотъ 1748 годъ (когда Рычковъ былъ въ Яицкомъ городкѣ) было лѣть съ полтораста“, т. е. Рычковъ опредѣляетъ его построеніе приблизительно въ 1600 году.

Въ своемъ преданіи о второмъ походѣ въ Хиву казаки говорятъ, что Шемай ходилъ туда послѣ перенесенія юродка къ устью Чагана, и при походѣ встрѣтилъ калмыковъ въ степахъ далеко за Яикомъ у береговъ Аравльскаго моря и Аму-Дары. Казаки-же, кочевавши до этого далеко на востокѣ, появились у береговъ Аму-Дары и въ вершинахъ Энбы только въ 1620 г., и, постепенно подвигаясь на западъ, въ 1630 году занимаютъ нижнее течение Яика и всю стель до Волги¹⁾.

Такимъ образомъ походъ Шемая въ Хиву могъ быть въ промежутокъ времени между 1620—1625 годовъ; если бы онъ пошелъ позже, то встрѣтилъ бы калмыковъ по своему пути въ болѣшомъ количествѣ и едва ли бы они дали ему возможность пройти къ Хивѣ; если бы онъ пошелъ ранѣе 1620 г., то не встрѣтилъ бы ихъ совсѣмъ. Въ своемъ походѣ онъ встрѣтилъ лишь передовыя части калмыковъ, которыхъ даже не рѣшились напасть на него, чтобы отбить своихъ плѣнныхъ, а вступила въ переговоры.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно вывести одно заключеніе, что Яицкій городокъ, вынѣшній Уральскъ, основанъ приблизительно въ 1620 г.

О томъ, какъ перебѣгали казаки съ Кирсановскими яровъ къ устью Чагана, имѣется прекрасный разсказъ Іос. Игн. Желѣзнова „Видѣніе“²⁾.

Казакъ Никита Чакрыгинъ, разсказывалъ ему это преданіе такимъ образомъ:

—...Задумали наши казаки перенести свой городъ съ Кирсанова яра къ рѣчкѣ Чагану,—говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Мѣсто, вишь, на Кирсановомъ яру было неудобно, зимой снѣгомъ заносило, а лѣтомъ отъ песку житья не было. Задумали они это дѣло, снарядили небольшую партию послыщиковъ, да и послали спросить сонбата у старѣйшихъ, что жили на морѣ, на Камызы-островѣ.

Искони бѣ тамъ жили казаки—лыцари, самые то ись старики—старожилы, которыхъ въ городѣ было душно и которые, между нами будь сказано,

¹⁾ Рычковъ „Топogr. Оренб. губ.“, стр. 88, и Макшеевъ „Истор. обзоръ Туркестана“, стр. 30.

²⁾ Соч. И. И. Желѣзнова „Урахъцы“, т. 8, стр. 48—52.

любили просторъ и раздолье, а ужъ есть ли что просторище и раздольище батюшки сиая моря Каспийскаго? Можетъ статься, на Яикѣ вверху и поселеній настоащихъ не было, а на морѣ, на островахъ да на буграхъ навѣрное была казачья притони. И нельзя не быть, касатыкъ: ѿдѣ въ стары годы казаки наши частенько разѣзжали по морю, какъ въ пѣсняхъ поется: „во легкихъ стругахъ за добычей, разбивали бусы кораблики все арияжские, татарские, басурманские“; этимъ только и жили, что грѣха танть. Такъ какъ же на Камынь-островѣ, иль бо на другомъ какомъ, не жить зашимъ казакамъ? И въ пѣснѣ про Яикушку-Горыныча, знаешь, поется:

...На островѣ — Камынь-островъ,
Братцы, стараки живутъ.
Старики живутъ старожилы,
Иль же по девизности лѣтъ...

— Постой, постой, Иванъ Никитичъ! — перебилъ я. — Въ этой пѣснѣ говорится про стариковъ — старожилыхъ. Можетъ статься, они жили на Камынь-островѣ ради Бога, то есть спасали свои души.

При сихъ словахъ Иванъ Никитичъ улыбнулся: замѣчаніе мое насчетъ стариковъ, спасавшихъ душа, показалось старику до крайности смѣшнымъ и изивнымъ.

— Но вѣтъ ли такой пѣсеньки, — продолжалъ я, — гдѣ бы прямо говорилось, что на Камынь-островѣ, иль бо на другомъ какомъ жили не старики старожилы, а казаки-лыцара?

Старикъ подумалъ и сказалъ:

— Какъ не быть! Есть! Вотъ однѣ такъ и вертятся на языкѣ, да, чтобъ ее намочило, забылъ, какъ съ конца-то начинается. Пода ты, вотъ такъ и вертятся... чтобъ ее... Постой, постой! Вспомнишь.

И старикъ началъ нараспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

Выметывалъ нашъ Яикушакъ
На сиамъ-морѣ Камынь-островъ.
На островѣ-Камынь казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на сиамъ морѣ
Бусы-корабли, все легкия лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной.
Снимали съ золотой казной красаву-дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлать золоту казну пуховою шапкой.
На конь клади раскрасавицу, красну дѣвишку
И начали между себя трасти жеребій.
Досталась атаманушка красна дѣвушка.

Возговорить атаманушка таковы слова:
„На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
На паю на дувашъ я послѣдай сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красная дѣвушка.
Возговорить красна дѣвушка таковы слова:
Ужъ ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня за правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно въ пятьсотъ рублей;
Подвязочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.
Самой-то мнѣ, красной дѣвушки, мнѣ цѣны нѣту.
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ.

— Вотъ тебѣ въ лыцари, коли хочешь знать! — сказаъ старикъ. — Эти, чай, не очено заботились о душѣ, — прибавилъ старикъ, засмѣвшись. — Потомъ продолжалъ:

— Да что обѣ этомъ толковать! Наші праотцы, какъ орлы поднебесные, перепархивали съ мѣста на мѣсто, когда и куда хотѣле, и жили тамъ, гдѣ лучше въ вольготѣ. Хоща непостоянно, временно, а надерживались таки казаки около устья Яика, по островамъ морскимъ, да по буграли чернѣвымъ. Такъ было, значитъ, и въ ту пору, когда ваши задумали переносить городъ. Вотъ къ имъ-то, къ этимъ, значитъ, камынинскимъ старикамъ-лыцарямъ, кирсановскіе казаки и поѣхали за совѣтомъ. Тогда, сударь мой, не какъ иначе, тогда все дѣлали собча, всѣмъ войскомъ.

— Побыли ваши казаки сколько-то времени за Камынъ-островѣ у старѣйшихъ, усовѣтовались съ ними насчетъ этого дѣла, тоись насчетъ перевоса городка, и поплыли назадъ къ устью яика. Лишь только вѣхали они въ Золотинскій прорѣтъ, на встрѣчу имъ попался старецъ, плывущъ въ ма-ленькой лодочкѣ одинъ-одинехонекъ, гребеть на одно весельце. Старецъ такой древній, важный, благолѣпный, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ на лбу. Съѣхались казаки къ старецу; поздоровались. Казаки говорятъ:

— Отче сватой! — Задумали мы перенести городъ съ мѣста на другое. — Начинать ли намъ это дѣло дѣлать? — Дай совѣтъ.

Старецъ спросилъ ихъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали за Чаганъ рѣку. — Тогда старецъ говорить имъ:

— Не быль я на томъ мѣстѣ, а знаю, что оно хорошо, къ поселенію удобно, лугами и всякими угодьями богато. Только вѣдайте, чада, на томъ мѣстѣ городу вашему приведется испытать разныя коловоротности: будуть у васъ таинъ труси, матежи, кровопролитныя браны и всякия сумятицы и неурядицы. Станутъ васъ таинъ иудить насчетъ креста и бороды, станутъ заводить у васъ солдатскія очереди, богоопротивные легіоны и разные неполезные для васъ штаты, а въ единъ время появится между вами такой за-

бѣглый царь... Вотъ изъ-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако современемъ все затихнетъ, и вы уарите мокой...

Казаки говорятъ:

— Ничего, святый отче, къ трусамъ, мятежамъ и кровопролитникамъ бранить намъ не привыкать стать: на томъ и живемъ. «Намъ и прежде говоряли: „на крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится“». — Да мы на это мало смотримъ. А на очередь, да на легионы и плевать-то не хотимъ: все перемелется, мука будеть. Ты только благослови насъ, отче!

— Богъ васъ благословить! — сказалъ старецъ, освѣтилъ казаковъ крестомъ, да и поплылъ путемъ-дорогой.

И казаки поплыли своимъ путемъ-дорогой. Много-ли, мало-ли отплыли отъ того мѣста, гдѣ съ старцемъ то повстрѣчались, остановились, да и говорить промежъ себя: «Что же, братцы, мы не спросили старца-то, кто онъ такой? Вернемтесь!» Сказали это да и вернулись назадъ. А старецъ плылъ уже въ морѣ. Однако они скоро его догнали и спрашиваютъ:

— Прости насъ, отче, дава мы не спросили тебя, — кто ты такой? — Повѣдай намъ.

— Алексѣй Митрополитъ! — говорить старецъ.

Лишь только онъ выговорилъ, какъ въ то же мгновеніе поднялось отъ воды густое облако, скрыло и лодку, и святителя. Отъ такихъ словъ казаки пришли въ ужасъ неописанный. Не пришли они еще въ себя отъ страха и ужаса, не отудобили, какъ облако зорѣѣло, разсѣялось, и ни лодки, ни святителя не видать стало, одно гладкое, какъ стекло, море. — Значитъ: видѣвъ было.

— Такое-то, сударь мой, чудо повстрѣчалось съ нашими казаками. Не откладывая дѣла вдаль, казаки въ то же лѣто поднялись съ Кирсанова яра и перебралисъ къ рѣкѣ Чагану. Подѣляли плоты, посадили на нихъ женъ, дѣтей, нагрузили имуществомъ и вскакимъ скарбомъ, что можно было взять, отслужили Господу Богу молебенъ, пропѣли канунъ Алексѣю Митрополиту и пустились внизъ по Яику, а лошадей и всю животную погнали берегомъ. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановской городищѣ тьма-тьмуща углей, чай, и ты видѣлъ.

— Изъ строенія казаки взяли только одну церковь чернаго лѣса. Бережненько разобрали ее по бревенкамъ, да по дощечкамъ и сплавили на плоту. Церковь была во имя Казанской Божией Матери. Поставилиши на новомъ мѣстѣ церковь, казаки по приговору всего общества и по благословенію духовныхъ чиновъ сдѣлали къ ней въ память чуднаго видѣнія прадѣль во имя св. Алексѣя Митрополита. Этотъ прадѣль и подиесъ существуетъ».

Мѣстность, выбранная для построенія нового городка, оказалась весьма удаленою и удобною для обороны. Въ то время Яикъ обивалъ городъ не только

съ востока, но съ юга и съ запада¹⁾). Его воды текли по нынѣшней старецѣ (что у Михайло-Архангельского собора), обмывали городокъ (нынѣшне Куреніе) съ юга и поворачивали за сѣверъ вдоль берега, называемаго нынѣ Чечора, и, проходя по этому берегу сѣвериѣ собора, сливались съ водами Чагана, такъ что нынѣшнее теченіе Чагана отъ города до устья было въ то время русломъ Яика. Такимъ образомъ Ханская роща была за Ураломъ и самъ Яицкій городокъ, расположенный на высокомъ мѣстѣ въ лукѣ Яика, былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ водою и лишь съ сѣверої стороны была степь. Кирсановская церковь во имя Казанской Божией Матери должна была находиться приблизительно тамъ, где нынѣ находится Михайло-Архангельскій соборъ или гдѣ либо южнѣ его, т. к. городокъ простирался только до этого собора и лишь приблизительно въ 1680 г., когда Кирсановская станица „по малолюдству“ переселилась въ Яицкій городокъ и заняла мѣсто сѣвериѣ городка, городъ расширился до того мѣста, где нынѣ стоитъ церковь Петра и Павла. Съ сѣверной стороны въ городокъ у казаковъ находилось кладбище тамъ, где теперь находится Михайло-Архангельскій соборъ. Это предположеніе подтверждается произведенными въ концѣ юна 1909 года раскопками въ мѣстности южнѣ собора, вблизи бывшей войсковой избы. Поводомъ для этого послужилъ образовавшійся легкій провалъ земли на этомъ мѣстѣ. Раскопки вѣль войсковой архитекторъ Ив. Мих. Желѣзновъ; благодаря имъ явилась возможность убѣдиться, что тутъ были могилы; въѣкоторыхъ было по 2 и по 3 скелета въ одной ямѣ, обложеніи досками. Что это кладбище стариинное, видно изъ того, что слой мѣла, известіи и щебня толщиною около $1\frac{1}{2}$ вершковъ, бывшій на поверхности земли во время постройки Михайло-Архангельскаго собора и впослѣдствіи занесенный сверху другимъ слоемъ черной земли, оказался лежащими и на эти мѣста могилахъ, что вполнѣ доказываетъ, что они существовали ранѣе постройки собора, т. е. до 1748 г.

Разсказъ настоятеля собора отца протоиерея Корнаухова вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе:—когда вокругъ собора въ 1874 г. строилась каменная ограда, то при заложеніи фундамента было найдено много человѣческихъ костей и остатки гробовъ. Кости эти сложены вблизи наружной стѣны собора у алтара и зарыты въ общую могилу.

Объ устройствѣ и планѣ древнаго Яицкаго городка до нась не дошло никакихъ свѣдѣній.

Рычковъ, посѣтившій Яицкій городокъ до Шилихина пожара, въ 1748 г. заставшій городокъ въ первобытномъ видѣ, пишетъ объ немъ слѣдующее²⁾: „Улади въ немъ по большей части тѣсныя и вѣкоторыя таѣ узки, что двумъ

1) Это видно изъ сохранившагося плава, сдѣланного до Шилихина пожара (до 1751 г.), но когда именно—невѣдѣмо, а также изъ плава 1772 года.

2) Городокъ при Рычковѣ простирался до нынѣшней Петропавловской церкви и лишь послѣ Шилихина пожара въ 1751 году былъ распланированъ чѣсколько иначе и расширенъ до предѣловъ Казанской церкви (бульвара и торговой площади).

телѣгамъ разъѣхаться почти невозможно. Что до укрѣпленія привадлежить, то въ 1744 году все жило (жилище) съ одной стороны отъ Чагана къ старому течению Яика¹) двойнымъ плетнемъ обнесено, между котораго валиана земля и укрѣплено столбами, а снаружи весь оный плетень обмазанъ глиной, и кругъ всего сдѣланъ ровъ, а съ прочихъ сторонъ, окружая все селеніе, означенная старица къ рѣка Чаганъ мѣстоположеніемъ дѣлаютъ оный довольно оборонительныи".

Тѣснота построекъ старого городка и узкость улицъ объясняются желаніемъ казаковъ во что бы то ни стало сдѣлать оборону городка наиболѣе удобной: чѣмъ меньше городъ, тѣмъ легче его защищать и потому казаки въ ущербъ удобства и безопасности отъ пожара тѣснились до возможныхъ предѣловъ и въ своей отпискѣ Неплюеву въ 1751 году, какъ увидимъ далѣе, отказывались принять, послѣ пожара, новый планъ городка съ широкими улицами и правильно раздѣленными кварталами, мотивировали это тѣмъ, что имъ тогда оборонять городокъ будетъ невозможно по причинѣ большой длины его укрѣпленій.

Ввиду скученности построекъ каждый пожаръ грозилъ гибелю городку и, какъ увидимъ далѣе, городокъ не разъ выгоралъ до чиста, но казаки снова воздвигали свои курени, какъ они называли свои дома, на старыхъ мѣстахъ (каждый казакъ на старомъ своемъ мѣстѣ) и городокъ принималъ снова прежній видъ съ тѣми-же узкими улицами и съ тѣми-же очертаніями кварталовъ. Мѣстность, где былъ первый городокъ, до сихъ поръ называется „Курени".

Съ переселеніемъ казаковъ въ городъ на устьѣ Чагана, или какъ онъ сталъ называться—Яцкій городокъ (Яцкъ-городъ), жизнь ихъ постепенно начинаетъ прииматъ жизнь правильно устроенной общины. Они имѣютъ церковь, священника, семьи и наконецъ, солотавшись въ одвоцѣлое, имѣютъ и общихъ начальниковъ. Въ этотъ періодъ мы не встрѣчаемъ у нихъ уже нѣсколькихъ атамановъ и нѣсколькихъ городковъ. Всѣ они сосредоточиваются въ Яцкомъ городкѣ и лишь весьма незначительная часть ихъ остается въ Кирсановѣ или, какъ называли потомъ это поселеніе казаки въ своихъ отпискахъ, въ Кирсановской станицѣ.

Въ это-же время начинаются у казаковъ постоянныи сношенія съ Москвою, и въ 1626 году мы видимъ, что правительство вызываетъ яцкихъ казаковъ—охотниковъ поселиться въ г. Самару, за что изъвили желаніе только нѣсколько человѣкъ²): атаманъ Максимка Гильянецъ, казаки: Якушка Микитинъ, Семейка Петровъ, Иванка Васильевъ Путавлецъ, Гришка Васильевъ, Степанашка Федоровъ и Ивашка Павловъ, которые „вышли съ Яика изъ юрты съ женами и съ дѣтьми", за что по Государеву указу имъ въ 24 день 1726 г. они были пожалованы „по сунку по добруму". Всего-же

¹) Тогда Яикъ уже ушелъ къ Бухарской сторонѣ и его старое русло получило название старицы.

²) Московск. Арх. Министер. Императ. двора и ружейной палаты, дѣло № 111, 1626 г.

дано имъ „по 4 аршина безъ чети суква лазореваго по 2 р. портище”...

Такимъ образомъ видно, что въ 1626 г. у казаковъ были уже жены и дѣти и что некоторые изъ нихъ, болѣе малодушные, предпочли вѣдѣто тревожной и бранной жизни на Яикѣ жизнь болѣе тихую и мирную въ го-родѣ Самарѣ.

Приблизительно къ этому же времени относится и второй неудачный по-ходъ казаковъ къ Хиву. Чреданіе о немъ записано Рычковымъ въ его „То-нографії Оренбургской губерніи” (страница 288), когда обозъ былъ въ Яңцзыкомъ городкѣ (въ 1748 г.) Старшины передавали ему обь этомъ походѣ слѣдующее:

„Нѣсколько лѣтъ послѣ того яицкіе казаки селезіемъ своимъ перешли въ устью рѣки Чагана, на третью мѣсто, гдѣ нынѣ Яңцзыкъ казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селезіемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванию Шамай, прибравъ себѣ въ това-рищество человѣкъ до 300, взялъ такое же напѣреніе, какъ и Нечай, а именно: чтобы еще синть учинить походомъ за Хиву, для наживы тамош-нами богатствами. И такъ согласась пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошель, засиживали, а весною далѣе отпра-вились. Будучи около рѣки Сыръ-Дарьи, на степи усмотрѣли двухъ калмыц-нныхъ ребятъ, которые ходили для зѣвроловства, разрывали ямы зѣврінны, ибо тогда около оной рѣки Сыръ-Дарьи¹⁾ кочевали еще калмыки. Захватя сихъ калмыцкихъ ребятъ, употребили они ихъ на той степи за вожей, ради показавія дорогъ. И хотя калмыки оныхъ своихъ ребятъ у нихъ, казаковъ, къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе калмыки, злобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что, собравшись много-людно, скрились въ потаенное визменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ калмыкъ, и приказали, усмотря яицкіхъ казаковъ, рѣчь замъ въ,бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, якобы они роютъ зѣврінны же ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что то еще калмыцкіе гулебщики роютъ ямы, и сказали о томъ Шамаю, своему атаману, и потому всѣ изъ обоза поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытое калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ, казаковъ, ударили и помянутаго атамана съ нѣсколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими калмыкъ высвободить; ибо врошихъ отпустя, требовали оныхъ своихъ калмычать къ себѣ обратно; но казаки отвѣтствовали, что у нихъ атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сыръ-Дарьи²⁾ переправлялись, не потра-

¹⁾ Тутъ надо понимать не Сыръ-Дарью, а Аму-Дарью. А с т.

²⁾ Тутъ тоже ошибочно названа такъ р. Аму-Дарья. А с т.

фили, ио, прошибшись, выше угодили къ Аравльскому морю, гдѣ у нихъ пропаista не стало. Къ тому же наступило зимнее время, чего ради принуждены они были на томъ Аравльскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой глади пришли, что другъ друга умерщвляя бѣли, а другіе съ голоду покидали. Оставшіеся же посыпали къ хивинцамъ съ прошениемъ, чтобы ихъ къ себѣ взяли, и спасли бѣ ихъ тѣмъ отъ «мерти; почему, пріѣхавъ къ нимъ, хивинцы всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оные яицкіе казаки, 300 человѣкъ, тамъ прошли. Означенный же атаманъ Шамай, спустя вѣселько лѣть, калмыками привезенъ и отданъ въ Янцкое войско».

Такъ печально окончился второй походъ яицкихъ казаковъ въ Хиву. Послѣ этого казаки уже не предпринимали туда ни одного похода. Въ ихъ воображении Хива стала рисоваться какой-то заколдованный недоступной страной. „Хива—заклятая страна”, говорили казаки. Съ Хивою имъ пришлось встрѣтиться снова только въ 1717 г. и опять таки неудачно:— всѣ они, въ числѣ 1500 человѣкъ, погибли.

О первой службѣ яицкихъ казаковъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ имѣется весьма скучный свѣдѣнія. Объ ней упоминается въ царскому наказѣ 29 марта 1629 года воеводамъ князу Солнцеву-Засѣкину и Благово, назначеннымъ въ Переяславль Рязанскій противъ крымскихъ татаръ, гдѣ имъ предписывается оправить всѣ мѣры предосторожности и между прочими велико: посылаемыи въ разѣзы дѣтамъ боярскимъ и попавшимся по несчастью въ плѣнъ на разспросы татаръ отвѣтить, что московскія рати иногочисленны и что въ ихъ ридахъ есть много храбрыхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ упоминается и о казакахъ яицкихъ¹⁾). Что цѣлаль отрядъ князя Засѣкина и былъ ли въ бою—данныхъ не имѣется.

¹⁾ Акты Арх. эксп. т. III № 187, Рабининъ, географич. и статистич. очеркъ Урал. каз. войска, часть I, стр. 17.

VIII.

Старинная жизнь и обычай яицкихъ казаковъ.

Не бѣла березынька къ землѣ клонится,
Не ковыль трава въ чистомъ полѣ заматаасл;
Заматаасл, загулялся добрый молодецъ
Въ одной тоненъкй каражинной¹⁾ во черкешенкѣ;
У черкешечки рукавички назадъ заткнуты
И серебряной будавочкой они притянуты.
За плащами езь несетъ ружьецо—турку цѣльную,
Турку цѣльную, все ружеце снасть турецкую,
Въ правой рукѣ она несетъ посопочекъ тоненъкй гордоленъкій,
Онъ посопочекомъ, добрый моледецъ, подпираасл,
Горючими слезами, разудаленькій, заливавасл.
Какъ нель нимъ надъ молодчикомъ несчастыце солучилось:
Заносило у добра молодца путь-дороженьку,
И сбивало-то добра молодца со дороженька,
Прибивало добра молодца ко городу;
Ко тому ко городу, къ незнакомому,
Къ незнакомому ко городу ко Яицкому.

Старинныя пѣсни яицк. казаковъ.—Съ рукописи Гос. Им. Желѣзнова.

Съ переселенiemъ казаковъ въ Яицкій городокъ, ихъ жизнь, какъ строго рыцарского ордена, жизнь безъ женщинъ кончилась,—казаки хотя и остаются по прежнему „промышленниками“, но уже они имѣютъ осѣдлость, имѣютъ семью.

Объ ихъ образѣ жизни, о нравахъ ихъ, костюмахъ, общинахъ управлениіи того времени до насъ дошли самые скучные свѣдѣнія, и то благодаря лишь бывшимъ въ Яицкомъ войскѣ такимъ лицамъ, какъ Рычковъ въ 1748 г., и известный путешественникъ Палласъ въ 1769 г. Вносясьтъ по разспросамъ стариковъ Іосафу Игнат. Желѣзнову удалось кое-что возстановить изъ этого далеко прошлаго и въ его замѣткахъ, разбросанныхъ въ его черновыхъ бумагахъ, хранящихся въ Войсковочнъ Архивѣ²⁾), имѣется очень много цѣннаго материала по Яицкой старинѣ. Во время Желѣзнова на Яицѣ еще были люди, хорошо помнившіе старину, жизнь казаковъ, ихъ нравы и ихъ одѣжды, тѣмъ болѣе что послѣднія носились казаками до 1837 г., т. е. когда окончательно ввели казакамъ однообразную форму.

Дополненіемъ къ этимъ материаламъ служатъ различныя грамоты въ воѣско, отписки казаковъ и ихъ членовъ.

¹⁾ Каражинъ отъ арабскаго слова „каризи“—ткань краснаго цвѣта.

²⁾ Войск. Арх., нач. зам. Л. И. Желѣзнова, д. III разр., № 85, отд. 18, стр. 79—82, въ также нач. статья „Что такое казачій офицеръ“ (тамъ же).

Суммируя все эти данные, мы получимъ хотя краткую, но все же достовѣрную картину того, какъ жили лицѣ казаки въ старину, какъ они управлялись, какъ ходили въ походы и чѣмъ занимались у себя дома.

Какъ было сказано въ IV главѣ, казаки привнесли съ собою на Якъ и древне-русское вѣче и древне-русскую общину. Свобода религіи, свобода слова и полная свобода отдѣльной личности были главными и основными устоемъ этой общины.

Всѣ члены въ этой общинѣ были равны между собою: всѣ покорялись одинаковымъ правиламъ и следовали одинаковыми обычаями, вытекавшими изъ условій самой жизни и потому имѣвшими силу закона: словомъ, не было между ними привилегированного класса, какимъ является нынѣ офицерство вообще и дворянство въ особенности.

Домашнее правлениѣ у казаковъ было выборное.

Главу общины, войскового атамана и всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная отъ походного атамана и кончая простымъ десантникомъ, казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ своей среды и давали имъ власть творить судь и расправу надъ собой въ тѣхъ одинакожъ разибрахъ, какіе допускались обычаниями народа, но не больше.

Дѣла обыкновенныя, обиденныея, какъ напр. тяжелыя, спорные и т. п., разбирались и решались атаманомъ и кругами начальниковъ по обычаямъ, имѣвшимъ силу закона.

Дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ цѣлаго общества или дѣла уголовныя, по такимъ преступленіямъ, которые непосредственно влекли за собой смертную казнь, или тажкое тѣлесное наказаніе, обсуживались и решались по большинству голосовъ въ войсковомъ кругу—имѣвшемъ характеръ древняго славянскаго вѣча—въ кругу, гдѣ каждый изъ казаковъ имѣлъ право подачи голоса.

Главнымъ начальникомъ этой общины являлся выборный кругомъ Войсковой атаманъ, у него въ распоряженіи состояло два Войсковыхъ есаула; къ концу 1600-хъ годовъ въ числѣ чиновъ, состоящихъ у атамана, имѣлись Войскового писаря—это тоже что вышѣ начальники штаба, который велъ всю переписку и былъ правой рукой Войскового атамана. Всѣдѣ за этими должностями въ грамотахъ при Петре Великомъ у казаковъ виденъ Войсковые старшины, которые являлись товарищами Войскового атамана при управлениѣ войскомъ и при решеніи различныхъ дѣлъ засѣдали вмѣстѣ съ Войсковыми атаманомъ и Войсковыми писаремъ въ Войсковой избѣ, т. е. въ избѣ, гдѣ сосредоточивалось управлениѣ войскомъ и находилась канцелярия атамана. Эта Войсковая изба иногда въ грамотахъ называется Станичною избою, и находилась тамъ, гдѣ нынѣ стоятъ Михаило-Архангельскій соборъ, на югъ отъ него въ 10 саженяхъ.

Какъ видно изъ переписи полковника Захарова, Войсковые атаманы, слу-

жили не больше года, иногда же въ течениѣ года смѣялось нѣсколько атамановъ. Многие же уважаемые казаки выбиралась снова къ атаману и есть праинѣры, что одинъ и тотъ-же казакъ былъ выбираемъ въ разные годы атаманомъ войска и атаманствовалъ съ зернышками до 15 разъ.

Выбирались атаманы изъ самыхъ храбрыхъ, разумныхъ и толковыхъ льдей—рѣдко они были грамотны, большинство не умѣло подписать своей фамиліи и за нихъ расписывался Войсковой писарь. Чтобы водить казаковъ въ бой, нужна была отвага и храбрость, а не грамотность, грамотныхъ же, но не мнѣе отважныхъ, казаки выбирали въ Войсковые писаря—каждому вѣдавали свое.

Всѣ должностныя лица, въ началѣ служившия изъ за чести, виосльствіе, съ развитиемъ общества, должны были удѣлять много времени на службу обществу и не имѣли возможности заниматься своимъ хозяйствомъ, отчего терпѣли убытки, поэтому создавшее общество стало платить имъ жалованье; такъ Неплюевъ въ 1748 г. засталъ у казаковъ слѣдующіе оклады жалованья: Войсковому атаману 40 руб. въ годъ и 3 ярлыка на багрецъ (о чёмъ будеть сказано дальше въ описаніи багреца), войсковому писарю и войсковому есауламъ по 15 руб. въ годъ. Войсковые старшины получали всего лишь по одному лишнему ярлыку на багрецъ.

Всѣ дѣла войска рѣшались кругомъ, каждая грамота, полученная войскомъ, объявлялась войску въ этомъ-же кругу, чины, засѣдавшіе въ Войсковой избѣ, не имѣли права дѣлать никакихъ несогласныхъ съ обычаями распоряженій безъ согласія круга.

Вотъ что пишетъ Шаласъ о войсковомъ кругѣ, видѣнномъ имъ въ 1769 г.¹⁾:

„Власть сего установленнаго правленія (атамана и старшинъ) вообще очень ограничена и лицкій народъ такъ же, какъ у донскихъ казаковъ, виѣть первый голось во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Ничего рѣшить не можно безъ собранія народа, которое у нихъ кругъ называется. Если надлежитъ важное окреѣлевѣтие, или полученные изъ вышняго суда указы объявить народу, то благовѣстять въ колоколь у соборной церкви и чрезъ то даютъ знать изъ собранію. Обыкновенное къ тому время назначено предъ полуднемъ въ исходѣ десятаго часа: но въ чрезвычайныхъ случаяхъ можетъ быть собраніе и во всякое другое время. По такой повѣсткѣ собираются изъ всего города со стоящіе въ службѣ казаки къ малому канцелярскому подлѣ главной церкви находящемуся каменному строенію и, не наблюдая порядка, становятся вокругъ нарочно огороженного четырехугольного мѣста. Если довольно собралось изъ народа и есаулы долесутъ о томъ атаману, сидящему въ канцеляріи со старшинами, то выходить онъ съ булавою, у которой голова серебряная и вызолочена, на покрытое крыльцо виѣтъ со старшинами. Потомъ выходить оба

¹⁾ Шаласъ, Путеш. по разн. пров. Росс., изд. 1809 г., стр. 413—416.

есаула на огороженное место, кладутъ свои шапки и жезлы на землю и, прочитавъ обыкновенную молитву, кланяются сперва атаману и старшинамъ, а потомъ каждый на свою сторону около стоящему народу, который взаимно имъ кланяется. Послѣ того, взять жезлы и шапки и подошедъ къ атаману, кладутъ свои шапки предъ его ногами, а жезлы держать въ рукахъ. Получа отъ атамана приказъ, выходить опять къ народу и, повторивъ вѣсколько разъ сѣдующія слова: „Помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско Яицкое!“, объявляютъ громкимъ голосомъ народу то дѣло, о которомъ созвѣтовать должно, собираютъ народное мнѣніе и доводѣсть онѣ атаману, который озять чрезъ есауловъ объявляетъ либо потребное и противное ихъ мнѣнію представление, или утвержденное согласіемъ опредѣленіе. На приятное представление обыкновенно кричать: „согласны, ваше высокородіе“¹⁾, а на противное: „не согласны“, и притомъ разшуть, напомная о вольности своихъ предковъ. Полученный изъ Государственной военной коллегіи указъ читаетъ писарь, стоя между есаулами, и народъ слушаетъ онъ, снявъ шапки, о чёмъ есаулы также напередъ уведомляютъ.

Но не всегда войсковой кругъ собирался по звону вѣчевого (церковнаго) колокола.

Обычно же казаки сповѣщались о сборѣ круга войсковыми есаулами.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Желѣзновъ и подтверждаетъ невѣсткій авторъ въ „Уральск. Вѣд.“ за 1867 г. (№ 48).

„Наканунѣ того дня, какъ быть кругу, одинъ изъ свиты атамана — войсковой есауль (въ родѣ нынѣшнаго адъютанта), въ роскошной одежды, на богато убранномъ конѣ, съ жезломъ въ рукахъ разѣжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, во всеуслышаніе выкликалъ къ народу:

„Послушайте, атаманы-молодцы и все войско Яицкое, не пейте зелена вина, ни даровую, ни купленную: заутро кругъ будетъ!“

Извѣщеніе есауловъ съ предупрежденіемъ на счетъ воздержанія отъ чарки зелена вина, казаки съ трезвими и несохмѣльными головами, какъ по крайней мѣрѣ предполагалось, собирались въ назначенный день на площадь къ войсковой избѣ.

Въ этомъ кругу решались всѣ дѣла и производились расправы. Изъ записокъ Желѣзнова видно, что въ этомъ кругу иногда бывали случаи комические: „Иногда подвергался ктонибудь изъ казаковъ штрафованію; виноватъ преступника громко объявлялась, а также объявлялось и наказаніе, какому оно подлежитъ; толпа зекотово кричала: „Бить его хорошенько!“ что тутъ же и исполнялось. Иногда стоящіе казаки и по огромности сбора не видѣв-

¹⁾ Казаки отвѣтами криками „Добо!“ или „Немобо!“, что видно изъ дневника Наполеона де Босси-Балля. въ 1748 г. Казаки въ 1769 г. не могли называть своего же казака, хотя бы и Боярского атамана, ваше высокородіе. Палиасъ, вѣроятно, слышалъ отвѣты казаковъ, бывшихъ тогда въ добре, офицерами, производившими сѣдѣствія. А съ т.

шіе, кого именно присуждаютъ къ наказанію, кричать тоже: „бей его хорошо!“, между тѣмъ некоторые, зная, кто такой виноватый, не имѣютъ наказывающейся, говорятъ брачашему: да это твой отецъ, дядя или братъ; тогда вновь крикъ: „не надо бить, простить его!“ Но уже поздно,—бѣдны грѣшники выводятся подъ руки, покрытый кровью”.

Особенно жестоко наказывали казаки за воровство, иногда даже смертной казнью. Шалласъ, упоминалъ о некоторыхъ обычаяхъ того времени, говорить между прочими: „Прежде были они (казаки) вѣсколько грубы и по большей части имѣли обыкновеніе запорожскихъ казаковъ, какъ напримѣръ: заемодавецъ могъ должника, привязавъ къ лѣвой руцѣ веревку, водить я быть до тѣхъ поръ, пока онъ собереть мірскии подаяніемъ потребное на плащъ долгу число денегъ, или выкупятъ его пріятели. При томъ еще наблюдалось примиція достойное обстоятельство, что если заемодавецъ сдѣлаетъ ошибку и привяжетъ должника за правую руку, которою обыкновенно престается, то заемодавецъ дѣлается чрезъ то виноватиимъ и не можетъ уже требовать долга. Прежде было еще такое обыкновеніе, что если кто не захочетъ больше держать своей жены, то выводить на площеадь и продаетъ“.

Описывая жизнь яицкихъ казаковъ въ 1696 г., Шалласъ говоритъ слѣдующее¹⁾:

„Яицкіе казаки какъ въ правленіи ихъ дѣлъ, такъ и въ житіи совершаю волыни. Молодые люди почти всегда провождаются дни въ забавахъ, и многие казаки вдались въ праздность и пьянство. Женскій полъ также любить увеселеніе и кажется, что имѣть склонность къ щегольству и къ любви. Убранство ихъ разнится отъ простого россійского только въ пестрыхъ и красныхъ рубахахъ, которыхъ они любятъ, и еще есть разность въ богате вышитыхъ чепцахъ, которые отъ чела торчатъ прямо вверхъ; но верхушка у нихъ круглая и плоская. Мужчины носятъ обыкновенное казацкое или польское платье. Нынѣ между ними есть уже люди знающіе и хорошихъ правовъ; да и вообще находится при Яицѣ добронравный и чистоту наблюдавшій народъ, а все оное произошло отъ довольно достатка и частаго обхожденія съ иностранными купцами.

Во всѣ большия церковные праздники и торжественные дни народъ обыкновенно собирается по окончаніи Божіей службы къ канцеляріи, где для подчыванія его бываетъ выставлено вѣсколько ведерь вина, и на древесной корѣ положены хлѣбъ и рыба. Въ канцеляріи снимаютъ зерцало со стола цѣлой и ставятъ всякия крѣпкія напитки, виленую рыбу, прѣсную и пансную икру и хлѣбъ; потомъ атаманъ и старшины пьютъ при пушечной пальбѣ за Высочайшія здравія, также за здоровье главныхъ начальниковъ и всего казацкаго войска.

Ко многимъ увеселеніямъ подаетъ молодому народу поводъ сватаніе и бра-

¹⁾ Соч. Шалласа, стр. 416—419.

бракосочетаніе, о чемъ для многихъ особливыхъ обстоятельствъ упомянуть надлежать. Къ говореніи невѣстѣ, со дня достойныхъ смысла говоренья до самой свадьбы собираются ея подруги каждый вечеръ, поютъ обсы, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ сіе время, которое иногда продолжается до 20 недѣль, женихъ почти можетъ обходиться съ невѣстой такъ, какъ мужъ съ женой. Въ дѣвишникѣ долженъ онъ принести невѣстѣ въ подарокъ платье и весь женскій уборъ; напротивъ того, невѣста дарить ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣчнаго ѣдетъ невѣста отъ церкви на телѣгѣ, а позади ея сидитъ мать и сваха, которая на всѣхъ пальцахъ должна имѣть кольца, а сбѣ со стороны приврываютъ невѣсту полотенцемъ, дабы артисты лица ея не видали. Предъ телѣго идеть женщины съ отцомъ и другомъ; позади телѣги многие ѻдуть на лошадяхъ верхомъ и однѣ изъ нихъ держатъ полосатую плахту, какую черкасскія¹⁾ женщины обыкновенно носятъ вмѣсте юбки, на длинномъ шестѣ такъ, какъ знамя; и оная плахта тѣмъ достойнѣе пріимѣнія, что здѣшнія женщины ею не носятъ. Въ прочемъ пріятельства пропровождаютъ день бракосочетанія въ пять, паскѣ и пѣви, и при томъ еще по большей части на улицѣ. Очень часто пляшутъ по татарски, и въ сей паскѣ молодые люди дѣлаютъ перекинутыя движения съ удивительной проворствомъ и крѣпостью членовъ: ибо они съ малыхъ ять привыкаютъ ко всакимъ труднымъ упражненіямъ и, употребляя огнестрѣльное оружіе и коне, искусно стрѣляютъ изъ луковъ".

Въ этой замѣткѣ, говоря о чепцахъ, Палласъ описываетъ „сороку“ — женскій головной уборъ, бывшій во всеобщемъ употреблении у уральскихъ казакъ до 1840-хъ годовъ. Говоря, что казаки носятъ вольскій костюмъ, Палласъ имѣлъ въ виду казацкіе кафтаны съ откидными рукавами, которые были вечно иное какъ видоизмѣненный древне-русскій опашень или однорядка, во времена Палласа уже вышедший въ Россія изъ употребления и оставшійся лишь на окраинахъ у казаковъ, въ томъ числѣ и у яицкихъ.

О костюмахъ казаковъ того времени имѣются самые точные указанія. Одно изъ нихъ, записанное И. И. Желѣзновымъ въ 1850-хъ годахъ со словъ генерала Бизанова, бывшаго очевидцемъ того времени, когда казаки еще носили национальные костюмы, другимъ же указаніемъ служатъ старинные акты, въ томъ числѣ и проектъ Неплюева объ одѣждѣ казаковъ, а также и дoшедшіе до насъ гравюры и рисунки лицъ казаковъ конца 1700 г., которые вполнѣ подтверждаютъ записанное Желѣзовымъ.

Кромѣ этихъ данныхъ въ „Военномъ Вѣдомостяхъ“ за 1867 г.²⁾ имѣются прекрасныя „Замѣтки о народномъ бытѣ и одѣждѣ уральскихъ казаковъ“ незвѣстнаго автора, подписавшагося псевдонимомъ Н—ъ. Авторъ, какъ онъ пишетъ, имѣлъ специальное порученіе для сбора свѣдѣній и описанія старинной

¹⁾ Черкасскій, т. е. махоросійскій.

²⁾ № 2—5.

казачьей одежды уральскихъ казаковъ, которое могло бы служить дополнениемъ и разъяснениемъ для коллекцій казачьихъ костюмовъ, посланныхъ въ 1867 году въ Москву на русскую этнографическую выставку. Заканчивая описание уральскихъ костюмовъ, авторъ статьи въ заключеніе говоритьъ: „Перечисливъ детали народнаго костюма и описывая ихъ значеніе, мы имѣли источникомъ исключительно рассказы старыхъ людей, которые по мѣрѣ возможности провѣрять отысканіемъ въ сличеніемъ экземпляромъ старинной одежды, но тѣмъ не менѣе надѣемся, что со временемъ историкъ Уральского войска почерпнетъ въ этихъ свѣдѣніяхъ материалы для своихъ изслѣдований по этому предмету“.

Авторъ этой замѣтки едва ли живъ, но все же отъ лица войска должно поблагодарить пожелавшаго остатся неизвѣстнымъ этого труженика, поработавшаго на общую пользу родной земли. Безъ его указаний, какъ увидимъ ниже, мы едвали-бы имѣли теперь возможность имѣть такое точное и подробное знакомство съ прежними костюмами нашихъ казачекъ, какое мы имѣемъ благодаря его несмысла добросовѣстному труду.

І. И. Желѣзновъ говоритъ, что казаки въ стариину одѣвались такъ:

„Бешметъ бирюзового, пурпурного, малиноваго или желтаго цвѣта, преимущественно изъ сукна или шелковой матеріи; кругомъ визкаго воротника и по борту галунъ; на бешметъ надѣвался суконный малиновый или синий кафтанъ съ весьма визкиемъ воротникомъ, который не застегивался на шея, а открытый шель до половины груди, такъ что бешметъ оставался открытымъ въ видимъ; съ половины груди у кафтаны были застежки или крючки; у рукавовъ кафтаны подъ мышками были длинные прорѣзи, куда могли продѣваться руки, тогда рукава закидывались назадъ и завязывались или застегивались пуговками или застежками; кафтанъ по воротнику, борту и за прорѣзахъ подъ мышками обшивался галуномъ широкимъ или узкимъ, смотря по званію: широкимъ — у старшины и узкимъ — у младшихъ чиновъ. Галунъ на кафтанахъ нашивался и сзади по щамъ отъ талии до мыщъ или плечъ. Поверхъ бешмета надѣвалась азиатская сабля, не касаясь земли, на портупею накладывался кушакъ съ камнями, серебромъ и другими украшениями; тутъ-же привѣшивались принадлежности огнестрѣльного оружія: сумки для пуль и пороху и для храненія насаленныхъ тряпокъ. Шаровары были широкія, завернуты въ сапоги. Парадныя шапки вродѣ польскихъ конфедератовъ или уланскихъ полковъ, но, чтобы не слазили, дѣлали ихъ невиновными съ закругленными углами“.

Такъ описалъ костюмъ казаковъ, со словъ старожиловъ и генерала Бизанова, І. И. Желѣзновъ, но мнѣ кажется, что этотъ костюмъ, особенно шапка, носился лишь однимъ зажиточнымъ классомъ. Шапка, похожая на польскую конфедератку, никогда не упоминается и никогда не встречается на гравюрахъ — напротивъ того всѣ единогласно утверждаютъ, что у языческихъ казаковъ шапки были высокія стариинаго русскаго типа.

Описывая одежду лицевых казаковъ, Рязанскій¹⁾, между прочимъ, говоритьъ, что казаки одѣваются такъ же, какъ донскіе, „но только шапки иѣшуть, подобныя ямскамъ,” высокія, но притомъ малиноваго цвѣта, опущенныя черной овечьей“.

Н—ъ такъ описываетъ казачью шапку: „Переходя въ головному убору, мы за первоѣ плавѣ встрѣчаемъ шапку съ широкими бархатными или перлупчатыми околышемъ и высокими остроконечными верхомъ, который дѣлался преимущественно изъ малиноваго бархата или сукна и обшивался узкими золотыми галунами“.

Это описание вполнѣ подходитъ къ иѣюшимъ у насъ рисункамъ лицевыхъ казаковъ въ старинныхъ костюмахъ. Этотъ верхъ назывался у казаковъ — тумакомъ.

Описывая бешмета, Н—ъ говоритъ, что онъ „былъ до колѣнъ — подхолдиль покроенъ къ татарскому бешмету и застегивался у груды на 3 или 4 пуговицы. По вороту и по борту обшивался иногда галуномъ. Эта принадлежность уральского костюма, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы получили изъ разсказовъ старыхъ людей, игралъ въ одеждахъ роль прежнаго камзола или нынѣшнаго жилета, а потому въ старину часто шился такъ, обр., что передъ бешмета былъ шелковый, а спинка и рукава изъ китайки или другой какой-либо недорогой матеріи“.

Кроикъ этой, такъ сказать, парадной одежды, Н—ъ говоритъ, что повседневный костюмъ казака составляли:

„Халатъ съ рукавами широкими, съуживающимися къ кисти рука. Шился изъ шелковыхъ и полушелковыхъ, часто нестраго цвѣта, матерій; въ лѣтнее время шился изъ панки и другихъ легкихъ матерій.

Зипума — тотъ же халатъ, съ болѣе широкими рукавами, шился преимущественно изъ сукна одного цвѣта. Самый нарядный зипунъ былъ малиноваго сукна, обшитый у ворота и рукавовъ узкими золотыми галунами.

Тулупъ, или тогдашняя шуба — былъ толькоже зипунъ, обшитый по вороту и подбитый, смотря по состоянію, болѣе или менѣе дорогими кѣхомъ“.

Скажемъ отъ себя, что халатъ, зипуанъ и тулупъ, особенно халатъ, были изысканы казаками отъ татаръ, хванищею, а главнымъ образомъ отъ киргизъ, когда они въ началѣ 1700-хъ годовъ прикочевали къ берегамъ Иика.

Что касается сапогъ, то Н—ъ говоритъ, что „старинные сапоги шились изъ кожи разныхъ цвѣтовъ и часто передки и оторочки голенища были золотого цвѣта, а все остальное черного“.

Нижнюю одежду казаковъ Н—ъ описываетъ такъ:

„Покрой нижней одежды, которая яиогда щилась изъ шелка съ разноцвѣтыми „ластовицами“, подходила къ азиатской рубашкѣ прямымъ воротомъ и широкими воротниками, часто обшиваемыми галуномъ или шауркомъ.“

¹⁾ Рязанскій, Хорейство. Описаніе Астрах. и Казахской губ. 1809 г., стр. 579.

Кромъ этого рубаха шалью вѣсколько длиннѣе русской, а извѣстно, что азиаты носать очень длинныя рубахи. Задняя часть казачьихъ панталонъ кроилась „шириакою“, т. е. въ этомъ мѣстѣ была вставка, весьма удобная для казака при верховойъ ъздѣ, какъ утверждаютъ портнихи тогдашняго времени.

Вотъ главнѣйшіе виды старинной верхней одежды уральцевъ, о формѣ которой мы постарались узнать самими тщательными разысканіями и насыть очень удивляютъ слова Палласа, который говоритъ, что на Яикѣ „мужчины носатъ обыкновенное казачье или больское платье“.

Такъ заканчиваетъ свое описание мужского костюма Н.—ъ.

Что касается женской одежды, которую носили яицкія казачки, а потому и уральцы до середины 1800 годовъ, то она, по словамъ Н.—а, состояла въ слѣдующемъ:

Начнемъ съ головного убора, который у замужнихъ женщинъ называли „сорокой“, это былъ родъ глухого кокошника съ покрышкою малиноваго или темнозеленаго бархата. Передъ сороки, называемый „налобникомъ“, винилася жемчугомъ и драгоценными камнями, почему этотъ головной уборъ часто имѣлъ значительную цену. Въ Уральскѣ, въ семействѣ Г. М. Метровсова, сохраняется сорока, стоимость которой въ Петербургѣ оцѣнена въ 10/т. руб. сереб.¹⁾ Покрышка и бока сороки, или лопасти ея, обшивались золотымъ галуномъ. У бѣдныхъ людей драгоценные камни сороки замѣнялись тажемъ-вѣсами, стразами, а жемчугъ—бусами.

Для того, чтобы сорока, какъ слѣдуетъ, сидѣла на головѣ, волосы заплетались въ двѣ косы и обивались поперекъ головы: потому на ту прическу надѣвался „подкокошникъ“, слѣзанный изъ весьма плотной матеріи, а затѣмъ уже надѣвалася сорока. Сверхъ ея повязывалася длинный кисейный, расшиты золотомъ, серебромъ, а изогда шелками платокъ, концы которого слабинъ узломъ завязывались подъ горломъ. Касательно повязки этого платка была еще особенность: когда уралка хала кататься, концы платка завязывались назадъ.

Вотъ подробное описание стариннаго бабыаго головного убора, и мы снова оставляемъ въ удивленіи, читая такое описание у Палласа, который говоритъ, что женщины на Яикѣ носатъ на головѣ „чешцы, торчащи вверхъ съ круглой и плоской покрышкою“.

Головной уборъ дѣвушки отличался слѣдующимъ: волосы заплетались въ одну косу, къ которой прикрѣплялась золотая „кисть“ довольно массивная; кромъ этого, сзади головы привязывалася „лопасть“, имѣвшая форму трапеци; узкая сторона ея, параллельная нижнему краю лопасти, имѣла выемку, которая охватывала затылокъ. Съ наружной стороны лопасти обшивалася разноцѣнными матеріями и вин опредѣлялась мѣста различныхъ частей лопасти, какъ-то: „подзорина“—отверстіе въ срединѣ лопасти, чрезъ которое продѣвалася коса; а мѣста, за которыхъ лежала прикрѣпленная къ ней кисть, ви-

¹⁾ Это относится къ 1867 г. А. э. т.

зывалась „подкистниками“ — „большими“ и „малыми“, другія части ло-
пасті назывались „подильники“ и „зеркальце“. Дѣвушка украшалась
„поднизкою“, т. е. сизанной изъ болѣе или менѣе крупного жемчуга сѣткою,
прикрѣпленной къ золотому галуну, которымъ и обвязывалась голова.

Весь этотъ уборъ былъ праздничный или парадный; въ быдевое же
время голова повязывалась платкомъ и преимущественно „шириною“, то
есть тѣмъ же платкомъ, но продолговатымъ. Ширики были всегда шелковыя
и имели различныя названія, какъ-то: „барсовакъ“, „итальянская“ и др.
Старухи носили платки болѣе темныхъ, а молодыя женщины и дѣвушки бо-
лѣе светлыя цвѣтовъ. На молатву и дѣвушка не могла явиться съ не-
покрытой головой и повязка опускалась на лицо.

Въ основѣ одежды казачекъ были, какъ и теперь, — „сарафанъ“ и „ру-
башка“. Сарафанъ казачій шьется подъ горло съ широкими проймами. Во-
ротъ и проймы (кромѣ той части послѣднихъ, которая приходится подъ
мышками) обшты галуномъ. Спереди, начиная отъ шеи до подола, идетъ
двойной рядъ галуна, который внизу, по подолу, расходится вершковъ на 5-ть
каждую сторону. (Эта часть галуна называется „усами“). Сарафанъ кро-
ится косынью, съ складками на верху, такъ что въ началѣ узкій на столько,
что липнъ можетъ охватить горло, овъ постепенно расширяется къ низу и въ
подоль становится очень широкимъ. Между двумя рядами галуза, отъ шеи
и до подола, нашивается рядъ высокихъ, золотыхъ или серебряныхъ пуго-
вницъ; часло пуговицъ, смотря по росту, бываетъ отъ 17-ти до 19-ти. Ма-
терія для сарафановъ употреблялись различные; большая часть ихъ уже не
существуетъ винѣ. Сарафани были „парчевые“, „зарбатные“, „перюсенные“,
„канаватные-черенковые“, „тафтяные“ и т. д. Цокрой прежней рубашки,
вадѣваемой при сарафанѣ, былъ тотъ-же, что и выше (въ 1867 г.). Къ си-
цевому, а у бѣдныхъ къ выбойчатому стану рубахи, пришивались широкіе
въ плечахъ и съуженные у кисти „рукава“, плечи которыхъ, называемыя
„выставками“, всегда дѣлались изъ матерій совершенно другого цвѣта и
болѣе нарядныхъ, чѣмъ рукава, отъ которыхъ овѣ отдѣлялись широкими, се-
ребряными или золотыми, часто съ рубцами (городками) галуномъ. Надѣть
рубаху, казачка очень высоко, почти у самой груди, подноясывалась узкимъ
плетневымъ шнуркомъ, который вмѣстѣ съ крестомъ на шеѣ былъ венреѣн-
ной принадлежностью каждого уральца и уралки, съ винѣ она клалась въ гробъ¹⁾.

Надѣтый на рубаху, сарафанъ повязывался въ свою очередь поясомъ изъ
крученаго шелка, тканаго золотомъ и серебромъ. На фонѣ его ткались чер-
ныя шелкомъ винѣ, отчество и фамилия владѣтельницы пояса. Работа этихъ
поясовъ, которыхъ концы украшались кистями, производилась самими казач-
ками, и мы считаемъ долгомъ указать на нее, какъ на результатъ труда
уральской женщины, о дѣятельности которой весьма невыгодно отзываются

¹⁾ Крестъ носится также на шнурѣ, а у женщинъ иногда на бисеринѣ или серебрѣ „гайтанѣ“.

ища, писавшія объ Уральскомъ войскѣ, и Палласъ, упоминая объ этомъ, говоритьъ, что „жевакій воль на Яикѣ любать увеселенія и имѣть склонность къ щегольству и любви“.

Сверхъ сарафана надѣвалась „фуфайка“ — распашная изъ парчи, или другой, шитой золотомъ и серебромъ матеріа, круглый воротникъ фуфайки и поясъ ея обшивалась галуномъ; рукавовъ не было. Въ замннее время фуфайку замѣнила „шубка“, довольно короткая, подбитая бѣльчимъ или лисьимъ мѣхомъ и обшита по краямъ „портьшкою“¹⁾). Фуфайка, единственная деталь костюма, похожая покроемъ на бешметъ, запоминается собою азіатское вліяніе, которое отразилось также и на обуви старинной женщины, называемой „черьками“ — родъ туфлей, передъ которыхъ было вышить золотомъ и серебромъ. Подъ черьками носились „касторовые“ чулки — синаго цвѣта, со „стрѣлками“.

Вотъ описание старинной одежды уральскихъ казаковъ и мы просимъ читателя не постыдиться за насъ, если его утомятъ эти длинный перечень нашего мѣстного костюма. Мы видѣли въ виду то, что пройдетъ 20—30 лѣтъ (отъ 1867 г.) и о живописномъ, старинномъ костюмѣ уральцевъ останутся лишь преданія, часто весьма искаженные».

Такъ окончилъ неизвѣстный авторъ свою статью и его слова оказались пророческими: ровно черезъ тридцать лѣтъ на улицахъ Уральска уже не было видно почти ни одной казачки, одѣтой въ свой національный костюмъ, а объ сорокахъ сохранилось только одно смутное воспоминаніе и въ настоащее время во всемъ войскѣ не нашлось ни одной сороки, чтобы сдѣлать съ нее рисунокъ, и лишь едва удалось найти двѣ фотографіи (и то единственная) казачекъ, сидящихъ въ сорокѣ, чтобы эти фотографіи, какъ драгоценныя реликвія безвозвратного прошлаго, приложить къ настоающему очерку.

Въ течеиie почти трехсотлѣтнаго своего существованія сарафанъ уральской казачки по требованію моды иногда измѣнялъ свою вышвость.

„И, дятатко! говорила монахиня Августа Невзорова И. И. Жельзинову²⁾ — что за одѣждѣ? Одѣжда дѣло переходящее; нынче одна, а завтра другая. И въ стари годы одѣжду безперечь изѣвали. Вотъ уже мы, на что бабы, да и то зачастую изѣвали одѣваніе одно на другое. Примѣрио сказать о полу-шубкахъ (шубка). Нашивали полушубки съ двойными рукавами, одни катъ подобаетъ надѣвати на руки, а другіе такъ себѣ болтались позади и спускались почесть до земли, таъ себѣ, не для удобности, а для красы, для блески, а послѣ и ихъ отпороли, стали объ однихъ носить. Тоже къ примѣру и о сарафанахъ. Извѣстно, сарафаны были безрукавны, а въ стариину были съ рукавами, но рукавчики опять таки же надѣвались на руки и дѣлались-то не для

¹⁾ Шорѣши, т. е. выдра. Авт.

²⁾ Соч. И. И. Жельзинова „Уральцы“, т. 3, „Рассказъ монахиня“, стр. 137.

того, чтобы надевать, а пришивались сзади къ мышкамъ для одного блеснра".

Такъ измѣнялся въ мелочахъ казачий сарафанъ, оставаясь въ общемъ своемъ видѣ безъ замѣненія вплоть до конца 1800-хъ годовъ.

Казачий сарафанъ и вѣсть съ нимъ фуфайка, сорока, поднизы и прочія принадлежности женского казачьего костюма были привнесены казаками такъ же, какъ иѣче, какъ общинное устройство и мужская одежда, изъ древней Руси. Это былъ когда то костюмъ зажиточного класса всей європейской Руси. Достаточно взглянуть для сравненія на прилагаемую при этомъ очеркѣ фотографію женщинъ города Галича (изнятой изъ книги „Живописная Россія“, т. VI часть 2-я, страница 212, издание Вольфа 1899 г.), чтобы убѣдиться, что никакой разницы въ одѣяніи, какъ уральской казачки, такъ и женщины изъ Галича не имѣется. Все одинаково: и сарафанъ, и сорока, и фуфайка (безрукавка).

Первые женщины у казаковъ, вѣроятно, были татарки, персіянки и можетъ быть племенные калмычки (изнятые у татаръ), но уже во время смутнаго времени и послѣ него казаки стали брать себѣ жено изъ мѣстъ своей родины, изъ європейской Руси, откуда послѣдовали и привнесли съ собою свой зародный древне-русскій костюмъ, сохранившійся на Уралѣ до сихъ поръ, хотя носить его теперь почти однѣ старухи.

Казачки къ своимъ сарафанамъ ткали сами себѣ кушаки, во у нихъ кроме этого дѣла были и другія занятія, — они вели хозяйство мужа, вѣчно занятаго служебными командировками, рыбными и звѣриными промыслами; въ свободное время занимались тканьемъ изъ верблюжьей шерсти особой ткани, называемой армякъ, обѣ этими удивляютъ и Рычковъ и Палласъ; вотъ что говорить послѣдній:

„Некоторые изъ казачихъ женъ, а особенно татарки, дѣлаютъ изъ неокрашеной верблюжьей шерсти весьма крѣпкій камлотъ разной доброты и простоты, продаютъ очень дешево; но есть столь изрядные и чистые камлоты, что они нимало не уступаютъ Бриссельскому въ добротѣ, да и были бы еще превосходнѣе, если бы не имѣли порока россійскаго полотна, то есть ежели бы ткали большия и широкія куски. Камлотъ называютъ они по татарски арманъ, и кажется, что такое название произошло отъ каргизовъ: ибо изъ жено ткуть такой же, но не очень чистый камлотъ. Камъ въ здѣшнихъ странахъ верблюжья шерсть совершенно хороша и весьма дешева, то желать должно, чтобы люди поощрены были къ приготовленію онаго товара въ большемъ количествѣ и ткали бы камлотъ широкими и большими кусками, ибо на сей товаръ вездѣ много кущакъ сидѣтъ. При рекѣ Яикѣ можно бы держать множество верблюдовъ для ихъ шерсти и такой верблюжій заводъ быль бы лицемъ казакамъ весьма прибыточесъ. Нынѣ хота и держать верблюдовъ, но очень мало, по причинѣ худой продажи азіатскимъ караванамъ. Верочень здѣшняя колючими и солеными травами оброслая степи доставляютъ пріятный корицъ верблюдамъ.".

Рыковъ опредѣляетъ въ цѣну аршина длиною и шириной въ дѣй четверти продавались отъ трехъ до пяти рублей. Цѣна же верблюжьей шерсти во время Палласа была: самой худой 60 коп., а хорошей по два рубля пудъ.

Въ то время какъ казачки вели домашнее хозяйство, ихъ мужья занимались скотоводствомъ, звѣриными и рыбными промыслами и торговлей. Объ этихъ промыслахъ говорить и Рыковъ и Палласъ; послѣдній говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Между ними (янцкими казаками) находятся самые нужные ремесленники, какъ напримѣръ: сапожники, кузнечи, плотники и прочие мастеровныe люди; и не могутъ терпѣть, чтобы пришлые ремесленники между ними селились домами. Всакими товарами, коихъ тамъ не дѣлаютъ, изобильно снабдываютъ городъ прѣѣзжающіе для рыбнаго торгу купцы.

Содержаніе скота почитается у казаковъ за превосходный промыселъ: но россіане по большей части держать только рогатый скотъ и лошадей. Въ сей теплой странѣ скотъ рождается хорошо и ростомъ велико, а особенно лошади и мало не уступаютъ россійскимъ въ бодрости, силѣ и пригожествѣ. При томъ-же они привыкли лѣтомъ, и по нуждѣ зимою сами промышлять себѣ кормъ на частбищахъ, и только тогда даются имъ сѣно и хороший кормъ, когда ихъ берутъ домой для употребленія въ тяжелую работу при рыбной ловлѣ. Здѣсь никогда не подковываютъ лошадей, и потому отъ сухой земли дѣлаются у нихъ хорошия и твердыя копыта. Степные татары, содержащіе множество бараповъ, кочуютъ въ войлошныхъ кибиткахъ: напротивъ того россіане въ тѣхъ мѣстахъ, куда они ночью скотъ гоняютъ, изымаютъ землянки (баски) изъ плетней, которая спаружи обиазана глиною или грязью. Отъ реки Ішка гоняютъ много скота за Волгу и далѣе, также отпускаютъ множество сала и кожъ въ тѣ мѣста, въ коихъ есть кожевенные и мыльные заводы, какъ напримѣръ, въ Казань, Ярославль, Арзамасъ и въ другіе города.

Сверхъ того еще здѣшніе казаки ходятъ на звѣранный промыселъ¹⁾ и бываютъ кабановъ, волковъ, бобровъ, степныхъ лисицъ и корсаковъ. На такой промыселъ ходить они по большей части по наступленію зимы для того, что сѣдѣ заѣрѣ на сѣнѣ легко усмотреть можно; при томъ же въ оное время не бываетъ знатной рыбной ловли".

Эти сѣдѣвія дополняютъ Рычконъ, говоря, что казаки, оторвавшись на звѣранные промыслы, собирались большими вооруженными партиями человѣкъ до 500 и болѣе. Кромѣ этого съ развитиемъ казачьей общины среди казаковъ является классъ часто купеческій, который ведетъ торговлю съ сосѣд-

¹⁾ Казакъ, который занимался „звѣраннымъ промысломъ", иначе говоря скотомъ, назывался у энциклопедіи казакъ „мулебщикомъ". Прим. авт.

тих кочевыми народами, даже съ далекою Хивою, а также и съ приволжскими городами.

Но самыи главныи и самыи добычливыи промысломъ у яицкихъ казаковъ была рыбная ловля. Живя на берегу рыбной рѣки, казаки хорошо изучили жизнь рыбъ и ихъ привычки и сообразно съ этими привычками и характеромъ рыбы, безъ рыболовныхъ техникъ, безъ бюрократической указки ихъ вольная община, самъ народъ, привыкъ для ловли рыбы выработанные имъ самимъ многолѣтнимъ опытомъ такие усовершенствованые практические и оригинальные приемы, которые своею простотою и въ тоже время и рационально организованною системою приводили въ удивление и поражали всѣхъ бывшихъ за Яикъ путешественниковъ. Этими ловлями, подобныхъ которымъ быть не только могли въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, уральцы по справедливости могутъ гордиться.

Быть ли падежъ скота, случался ли неурожай, ихъ надежды, ихъ помыслы обращались къ родному кормилицу „Яикушкѣ— золотому дну“ и старый Яиць-Горыновичъ не измѣнялъ своимъ дѣтямъ „пріяницкихъ орламъ“. Бѣлуги, осетры, севрюги трепетали золотистыми тѣлами въ сѣяхъ казаковъ-лыцарей или бились на длинныхъ баграхъ..

И полюбиль-же народъ своего кормильца прозвалъ, онъ его Горыновичемъ — много крови, много горя казацкаго видѣли крутые и разсипчатые его берега, много казачьей силы, много жевакихъ горькихъ слезъ отдали ему его любимымъ дѣти, защищая его, кормилица, отъ своихъ враговъ..

„Круты бережки, низки долушки
У нашего преслоутаго Яикушки,
Костычи бѣлыми, казачими усылами,
Кровью залою, молодецкою упитави,
Горючими слезами матерей и женъ полававы“....

Такъ говорить казачья пѣсня о берегахъ родного Яика.

И много разныхъ пѣсенъ поеть казакъ, прославляя своего Яикушку, но одна изъ нихъ — гимнъ Яику Горынчу распространена болѣе всѣхъ и поется сверху до внизу по его крутымъ берегамъ, гдѣ лишь живутъ его вѣрные дѣти казаки пріяницкие.

„Яиць ты нашъ, Яикушка,
Яиць ты сынь Горыновичъ!
Про тебя-ли, про Яикушку,
Идеть слава добрая,
Про тебя-ли, про Горынча,
Идеть рѣчъ хорошая.
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Яикушка
Его были краешки,

Жемчужные у Якушки
Его круты бережки.
Мутнеконек нашъ Якушка,
Вѣжимъ ты быстреховъко.
Прорылъ, протекъ нашъ Якушка
Всѣ горы, всѣ долушки,
Выметывалъ нашъ Якушка
Посередъ себя часты островы.
Съ вершинъ взялся нашъ Якушка,
Вѣжимъ же ты вплоть до устьица,
До славнаго ты дѣ моря,
До моря до Каспійскаго,
Какъ до славнаго до города,
До города до Гурьевъа,
За Гурьевымъ выпадаль ты
Во батюшку-сине море,
Какъ до славнаго до острова,
До острова Кацыниза.
На островъ Кацынинъ,
Братцы, старики живутъ,
Старики, братцы, старожилы,
Они по девянство лѣтъ.
Съ покореною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ".

Такъ воспѣваютъ казаки свою родную рѣку — кормилицу.

О первыхъ рыбныхъ ловляхъ яицкихъ казаковъ мы имѣемъ повѣтіе лишь изъ записокъ бывшихъ за Иикѣ Рычкова и Палласа. Ихъ обоихъ поражали рыбные промыслы казаковъ и каждый изъ нихъ сдѣлалъ описание этихъ промысловъ и оба они дополняютъ другъ друга.

Ихъ поражаетъ также и перегородка, слѣдствиа поперекъ Яика вблизи Яицкаго городка, — учугъ, но они мало удѣлаютъ вниманія за его устройство и лишь слегка говорятъ о немъ. Когда казаки поставили первый учугъ, давнихъ не имѣется, во можно предположить, что первый учугъ па Яикѣ, около Яицкаго городка, былъ забить въ то время, когда на устьѣ Яика въ 1640 годахъ былъ построенъ гостини (купцомъ) Гурьевымъ яицкій каменныи городокъ (получившій потомъ названіе Яикъ Гурьева городка) и когда въ первый разъ Гурьевымъ была устроена на устьѣ Яика „учужная забойка“, т. е. тотъ-же учугъ и что казаки, по прамѣту гурьевскаго учуга, устроили и у себя вблизи городка свой учугъ. Въ своихъ показаніяхъ капитанъ Мавриау яицкие казаки въ 1774 году вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе и говорятъ, что учугъ близъ Яицкаго городка былъ сдѣ-

занъ ини по оримѣру гурьевскаго учуга, „потому что много рыбы черезъ гурьевскій учугъ въ начь приходило“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ казачій учугъ существовалъ на Яикѣ, какъ свидѣтельствуютъ исторические документы, далеко раньше 1752 года, т. е. того времени, когда Ицикому войску былъ отданъ гурьевскій учугъ.

Участвовать въ рыбной ловлѣ по казачьему обычью могли только казаки, состоящие на службѣ, въ удостовѣреніе чего каждый служащий казакъ получаетъ ярлыкъ за войсковою печатью или какъ называли его казака — „печатка“. Каждый служащий казакъ имѣлъ право только на одинъ ярлыкъ, войсковой же атаманъ получалъ въ видѣ жалованья три печатки²⁾ и такимъ образомъ могъ ловить рыбу своими домашними за трехъ человѣкъ; старшиналь давалось по одной лишней печаткѣ. Отставные и малолѣтніе могли покупать эти печатки и, имѣя ихъ, баграть наравѣ со служащими казаками, во никто не имѣлъ права продавать свою печатку не яцкому казаку — ловить рыбу имѣзи право только яцкіе казаки.

Во время пребыванія Рячкова (въ 1748 г.) на Яикѣ цѣна на печатки была до 5 рублей.

Палластъ, описывая рыбныхъ ловли казаковъ, говоритъ сѣдующее:

„Главный проиисѣль и упражненіе яцкихъ казаковъ состоить въ рыбной ловлѣ, которая нигдѣ въ Россіи столь хорошо не распоражена и закована не ограничена, какъ въ адѣшнемъ мѣстѣ. Въ рѣкѣ Яикѣ бываетъ ловъ только четыре раза въ году, и три лова можно почесть главными. Первый и самый важный ловъ въ году бываетъ въ январѣ мѣсяца: ибо тогда таскаютъ рыбу баграми, потому называется баѣнье. Второй или северожерій ловъ (весенняя плавня) бываетъ въ маѣ мѣсяца и продолжается до июня. Потомъ третій и не столь важный ловъ (осенняя плавня) случается въ октябрѣ мѣсяца и ловятъ рыбу сѣтьми. Напослѣдокъ въ началѣ декабря ловятъ рыбу сѣтьми подо льдомъ въ другихъ рѣкахъ и степныхъ озерахъ, а вѣ въ Яикѣ; и сіе можно назвать четвертымъ ловомъ, который ни мало не важенъ, потому что тогда ловятъ только мелкую рыбу про домашний обиходъ.

При верхнемъ концѣ Яицкаго городка переоружена вся рѣка заколомъ, такъ что хода рыба свободно входить въ Яикѣ изъ Каспийскаго моря, но выше Яицкаго городка идти не можетъ.

Потомъ надлежитъ упомянуть о рыбѣ въ Яикѣ, и сіе можетъ служить руководствомъ къ сочиненію извѣстія о рыбной ловлѣ. Въ рѣкѣ Яикѣ обыкновенно водятся осетры, бѣлуги, шипы (особливой родъ осетровъ, которые по своей гладкости въ острому носу такъ названы), севрюга, стерляди, сомы, са-

¹⁾ „Памятникъ Новой Русской Исторіи“. Т. II, 1872 г. Водопадъ на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бутомъ, стр. 258.

²⁾ Довесеніе Наполеона въ Воен. Коллегію въ 1748 г. ноября 22 (Воен. арх., філе III раз., № 85, отд. 3, стр. 1—47).

заны и бѣлая рыбица, а изъ малыхъ и простыхъ рыбъ суть щуки, судаки, бершики, лещи, голавли, чеховъ и множество мелкой рыбы, которой и въ Волгѣ не меньше находится. Напротивъ того здѣсь совсѣмъ нѣтъ ходящихъ въ Волгѣ стадами желѣзицы и малыхъ осетровъ, костерами называемыхъ. Также весьма рѣдко попадается въ Яикѣ красная рыба, которая на Волгѣ и Камѣ рѣкѣ подъ санъ именемъ довольно известна; но здѣсь оное названіе значитъ совсѣмъ иное; ибо подъ санъ разумѣютъ всѣхъ большихъ и дорогихъ осетровъ, напротивъ того всякую простую и мелкую рыбу называютъ общимъ именемъ бѣлая рыба.

Изъ ходящихъ стадами рыбъ сперва идетъ вверхъ Иика бѣлая рыбица въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда очень многое ловятъ подо льдомъ большими удама, на которыхъ насаживаются кусочки изрѣзанной рыбы. Жюша она весной и осенью попадаетъ въ сѣти, однако очень рѣдко. Въ марта, апрѣлѣ и маѣ идутъ осетры разнаго рода изъ Каспійскаго мора. Сперва входитъ въ Яикъ бѣлуги, потомъ осетры и стерляди, а въ исходѣ апрѣля севрюги гораздо въ большемъ количествѣ, нежели бѣлуги. Всѣ сіи рыбы ходятъ стадами, а особенно севрюгъ бываетъ въ Яикѣ такое несказанное множество, что при Гурьевѣ ясно видѣть можно въ водѣ тму оныхъ. Всѣ казаки уѣблютъ, что прежде сего при Ицикомъ городкѣ сдѣлались отъ сильного начора рыбы проломъ въ проведенномъ чрезъ рѣку учунъ или замокъ, и принуждены были поставить на берегъ пушки для прогнавія рыбы пальбою. Сказываютъ, да и вѣрить тому можно, что всякая рыба идетъ въ верхъ рѣка для метания икры, и что осетры въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда ростетъ трава, трутся на каменистыхъ мѣстахъ, и такимъ образомъ икру выпускаютъ, а севрюги дѣлаютъ то съ половины маѣ подъ до половины юны. Однако никогда не видно ни въ Яикѣ, ниже въ Волгѣ осетровыхъ дѣтенышъ; напротивъ того ловятъ множество малыхъ и чрезмѣрно нѣжныхъ стерлядей узкими сѣтями. Впрочемъ казаки въ томъ уѣблютъ, что осетры и бѣлуги бываютъ въ рѣкѣ во всю зиму, а севрюги еще лѣтомъ уходить назадъ въ море. Потому у казаковъ сдѣлано такое узаконеніе, что во время бывающаго въ маѣ севрюжьяго лова должны они бѣлугъ и осетровъ въ сѣть попавшихся опять бросать въ воду; ибо какъ оную рыбу зимою ловить и мерзлую развозить можно, то надлежать по высокой цѣнѣ продавать, и отъ того ожидать большей прибыли. Сіе узаконеніе столь строго у нихъ наблюдаютъ, что если кто оное преступитъ, то непремѣнно того наказывать на тѣлѣ, и лишають всей наловленной рыбы¹⁾.

Осетровъ и бѣлугъ таскаютъ баграми или по таинственному названію баирямъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Сіи рыбы осенью, какъ то сказываютъ, становятся рядами въ глубокихъ мѣстахъ рѣки, гдѣ они во всю зиму спокойно пребываютъ. Но какъ въ Яикѣ глубокія мѣста отъ пересыпанія песку и наноснаго ила очень

¹⁾ Въ поминутомъ узаконеніи точно поставлены сіи слова: „бить и грабить“.

часто, да и почти ежегодно, перемѣняются во время бывающего весной заводненія, то и не можно звать, гдѣ зимою рыба больше стоять будетъ. Почему иногда казаки еще осенью, когда ледъ начинаетъ становиться, привѣчаютъ за рыбой, и сказываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыба хочетъ стать, въ то время играеть и часто выбрасывается изъ воды. Напротивъ того другое ходить туда, какъ скоро река льдомъ покроется, ложатся вѣчкомъ на гладкія и еще сѣвгомъ непокрытны мѣста, завѣшиваютъ головы полотенцемъ въ такъ могутъ видѣть стоящую за дѣвъ рыбу. Такія мѣста они замѣчаютъ и стараются во время ловли больше наловить. Если осенью будетъ въ Иркѣ большая вода, то рыба становится за ровныхъ и мелкихъ мѣстахъ, а въ противномъ случаѣ вѣтъ глубины и обыкновенно бываетъ больше рыбы въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ.

Какъ скоро стало время багренья, а именно 3 или 4 числа января, то бываетъ всеобщее собравіе народа съ обыкновенными обрядами. Спрашиваются вокругъ, возвратились ли по большей части отъѣхавшіе за дѣланіи казаки, наѣдываются о тѣхъ привѣчанныхъ мѣстахъ, въ коихъ находится больше рыбы, и напослѣдокъ назначиваются дѣнь, въ который должно начать рыбную ловлю. Какъ при сѣмъ, такъ и во время прохода ловить выбираютъ для заблуденія порядка одного атамана, и придаются къ нему нѣсколько старшинъ, а простые казаки собираются артелями по пяти человѣкъ и больше. Каждый казакъ къ рыболовному времени приготовляется все потребное. Главное дѣло состоять, чтобы хороши были багры и багровища разной длины, на которые насаживаются крючья. Багоръ долженъ быть очень остръ и для того завариваются уксаломъ. Они согнуты на подобіе полукруга, такъ что конецъ съ той широкой частью, которая привѣлена къ багровищу посредствомъ наложенной кожи и тонкой деревянки, находится почти параллельно. Обыкновенный короткий багоръ, соромной называемый¹⁾, бываетъ длиною отъ трехъ до пяти саженъ, и состоять кроме желѣзного крюка и гладкаго кола, навязъ называемаго, на который крюкъ насаживаются еще изъ длиннаго шеста, который у нихъ багровище называется. Потомъ дѣлаются багры отъ 7 до 10 саж., и называются яроммы, ибо такими баграми баграть въ тѣхъ мѣстахъ, где есть яръ или высокій круглый берегъ, и слѣдовательно большая глубина. Къ упомянутымъ двумъ шестамъ сего багра привязываются еще третій середышъ или подчалока называемый, отчасти для того, что трудно найти столь длинные шесты, а отчасти для того, что посредствомъ такихъ составныхъ шестовъ можно скорѣе привѣтить рыбу на крюку. Для багрева въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, где требуется шесть длиною отъ 12 до 15 саж., привязываются еще третій длиной шесть или багровище, а къ навязу, то есть къ колу, на который крюкъ насаженъ, привѣшиваются желѣзную ги-

¹⁾ Соромъ называютъ казаки резкое дно въ рекѣ, и какъ короткими баграми ловить только въ неглубокихъ мѣстахъ: то симъ и называется соромымъ.

ри до пяти фунтовъ тяжелыю, дабы опущенный багоръ тѣмъ изъше водою отосило. Всѣ сіи шесты должны быть изъ хорошаго сухого лозаго, изъ сѣверныхъ странъ привозимаго или другого прямого дерева и отстружены гладко. Концы у шестовъ сканиваются, виѣтъ связываютъ крѣпкими веревочками, поливаютъ водою и замырежаваютъ, такъ что въ связанныхъ шестахъ мало не гнутся. При томъ еще наблюдаютъ, чтобы всѣ связанные концы шестовъ точно были въ прямой линіи съ острымъ ковшомъ крюка, а въ противномъ тому случаѣ рабу ловить не можно. Кромѣ длинныхъ багровъ долженъ каждый казакъ имѣть при себѣ еще подбагренникъ, т. е. короткій крѣпкій багоръ и не далѣе полуторы сажени, которымъ вытаскиваютъ рибу на ледъ; сверхъ того пешню, для прорубанія во льду проруба.

Въ тотъ день, въ который должно зачать ловить рыбу, собираются всѣ имѣющіе ярлыки казаки въ запраженыхъ саняхъ и со всѣмъ снарядомъ, еще до восхода солнца, на обыкновенное мѣсто предъ городомъ и становятся рядами по порядку, какъ кто пріѣхалъ прежде или послѣ¹⁾). Выбранный въ сей рыбной ловлѣ атаманъ тамъ ихъ осматриваетъ, всякий-ли казакъ имѣетъ при себѣ ружье, чтобы въ случаѣ нападенія киргизовъ можно было дать отпоръ. Потомъ два войсковыхъ есаула увѣщиваются собравшимися народа въ наблюдевшемъ порядка, и какъ скоро настанетъ день, то изъ города даютъ знать двумя пушечными выстрѣлами; послѣ чего каждый скачетъ во всю конскую прыть въ назначеннуу къ рыбной ловлѣ страну, чтобы занять выгоднѣйшее мѣсто, которое напередъ примѣтилъ. Однако никто не смѣеть прорубь рѣбать прежде, пока всѣ по своимъ мѣстамъ не станутъ, и тогда уже атаманъ даетъ къ тому звать ружейныхъ выстрѣломъ.

При каждомъ рубежѣ должны всѣ казаки до разсвѣта собираться въ тотъ день, въ который будетъ происходить ловля, и ожидать сигнала отъ атамана; послѣ чего всѣ, такъ какъ и въ первый день, стараются по возможности другъ друга предупредить.

Большій казакъ прорубаетъ на томъ мѣстѣ, где онъ вознамѣрился ловить, посредственную круглую прорубь, ибо позволено становиться другъ подлѣ друга столь близко, какъ хотятъ, но никто не можетъ присвоить себѣ двѣ проруби; развѣ что другой оставя, прѣчь отойдеть. Частыми перемѣнами мѣсть и новыми опытами проходить ловлею все назначеннное на одинъ день и много верстъ занимающее пространство. Гдѣ мелкія мѣста, тамъ употребляютъ казаки короткіе багры, и обыкновенно въ каждой руцѣ держать по багру, и при томъ еще такимъ образомъ, чтобы острый ковшъ стоялъ противъ воды для того, что встревоженная рыба изъ мелкихъ мѣстъ идетъ внизъ для присеканія глубокаго мѣста. Багры опускаются на самое дно, и отдѣляются отъ онаго только вершика на 3, ибо идущія по дну большія рыбы, попавши

¹⁾ Рычковъ въ своей „Топограф. Описб. губ.“ пишетъ, что казаки въ 1748 г. передъ багреньемъ собирались къ войсковой избѣ, которая была въ Михайло-Архангельского собора.

на острый конец багра, гнетутъ казаку. Какъ скоро казакъ сіе примѣтъ, то тащить къ себѣ и взыскивать пойманную рыбу, пока подбагренникомъ достать и на ледъ вытащить можетъ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ длинные багры употреблять должно, держать казакъ только одинъ багоръ по причинѣ его тягости. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлаются длинные проруби для того, что какъ рыба стонуть спокойно, то, оборотивъ острый конецъ багра по водѣ, водить оный сверху къ низу и потомъ вытаскивать къ верхней части проруби. Но какъ водятъ баграми по всѣмъ сторонамъ вокругъ, то часто случается, что два казака вдругъ наловятъ одну рыбу, и тогда по ихъ обыкновенію дѣлать оную по-поламъ. Такъ же долженъ и тотъ, который, будучи не въ силахъ вытащить большую рыбу на ледъ, призываетъ ближняго товарища на помощь, раздѣлить съ нимъ изловленную рыбу. Во время сей удивительной ловли не рѣдко иметь казакъ счастье вытащить въ одинъ день десять большихъ рыбъ, а иногда и больше; напротивъ того другой стонуть цѣлый день и больше, не видавъ ни одной рыбы, и потому иногда во весь мѣсяцъ не изловить настолько, сколько онъ долженъ дать подать на вооруженіе и заплатить имѣющіеся на немъ долги. Каждый казакъ при своемъ отъѣздѣ обыкновенно обѣщаетъ церкви первую рыбу или больше, если ему будетъ въ ловлѣ счастье. При ловлѣ рыбы баграми имѣютъ они такое сувѣріе, что если кому попадется лягушка на багоръ, что дѣйствительно иногда случается¹⁾: только во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя саѣ и будетъ перекѣвать багры и мѣста. Удивленія достойно, что сіи искусные въ рыбной ловлѣ люди могутъ не токмо слышать на багре лягушку, но всякуюмелкую рыбу; однако иногда вытаскиваютъ лягушку вместо хорошей рыбы.

Второй большой ловъ бываетъ севрюжій весною. Какъ скоро находящіеся въ Гурьевѣ казаки пришлютъ въ каѣ мѣсяцѣ извѣстіе, что сія рыба вошла въ устье Янка, либо они должны то наблюдать, тогда всѣ приготовляются къ лову. Порядокъ притомъ наблюдаютъ такой же, какъ при зимней ловлѣ. Выбираются также атамана, которому каждый имѣющій право къ рыбной ловлѣ казакъ долженъ подчиняться. При каждомъ рубежѣ обыкновенно протягиваются черезъ рѣку веревки по приказу атамана, дабы никто не могъ чрезъ предѣль переступить. Въ каждомъ верхнемъ отѣвлѣнномъ урочищѣ продолжается ловъ съ недѣлю, а въ нижнихъ къ Гурьеву занимающихъ только по три дня, потому что севрюга тогда уже зачинаетъ возвращаться въ море. Послѣдній рубежъ обыкновенно бываетъ при Сарачикѣ, отъ которого ловля простирается до самого моря и въ одинъ день кончится. Ночью даютъ рыбѣ время опять всходить на выловленное мѣсто рѣки; потомъ всѣ казаки собираются до восхода солнца къ рубежу и ожидаютъ тань атаманскаго сигнала къ

¹⁾ Въ рѣкѣ Янкѣ находятся превеликія лягушки, о коихъ ниже упомянуто будетъ.

продолжению рыбной ловли въ низъ рѣки: при чёмъ каждый старается быть передавать до забрасывания сѣти. Казаки сидятъ порознь въ лодкахъ, будары называемыхъ, сами гребутъ и сѣтими управляютъ. Такія лодки обыкновенно дѣлаются изъ стволовъ чернаго и бѣлаго тополеваго дерева, потому что при Яикѣ едва можно сискать другое дерево надлежащей толщины. Къ смоленію сїихъ употребляются ту каменнаю чистою смолу, которую находятъ въ Уфимской провинціи въ высокомъ берегѣ въ Бѣлую текущей рѣчки Иазера и съ другими материалами привозить въ верхней странѣ. Употребляемыя при сей ловлѣ сѣти длиною бывають отъ 20 до 30 саж. и состоятъ изъ двухъ решетъ, изъ коихъ одна уже и на два аршина длине, такъ что въ водѣ дѣлаетъ излучину, и передъ собою имѣеть переднюю изъ тонкихъ веревочекъ сплетенную решу, въ которой клютки шараныю зачищены на полторы цапени. Одинъ конецъ такой двойной сѣти привязанъ къ плавучему по водѣ чурбану, а другой конецъ держать сидящій въ лодкѣ казакъ посредствомъ двухъ къ верхнему краю решетъ привязанныхъ веревокъ, а за вижніемъ краю привязаны камни для того, чтобы оный волочился по дну и не скоро бы поглощалъ сѣть водою. Казакъ, забросивъ сѣть понеракъ рѣки, плаваетъ на лодкѣ безъ гребли и наблюдаетъ, чтобы сѣть не шла занескою. Идущіе противъ воды севрюги не находятъ въ передней рѣдкой сѣти ни малѣшаго препятствія, но если они, увидѣвъ другую частую сѣть, хотятъ идти назадъ, то передняя сѣть одерживаетъ ихъ за плавца перья и шероховатый хребетъ. Казакъ можетъ по веревкамъ, которые держать въ рукахъ, чувствовать, когда много рыбы въ сѣти набралось. Въ такомъ случаѣ онъ, рыбу вынувъ, опять сѣть забрасываетъ. Отъ великаго движенія безчисленныхъ одна за другой плывущихъ сѣтей и лодокъ дѣлается вода столь мутна, что идущая въ верхъ рыба не можетъ сѣти видѣть и потому больше въ оную попадаетъ. Сказываютъ, что отъ крику и стуку ловящихъ казаковъ уходить рыба въ низъ и при вижнѣ рубежъ собирается оной такое множество, что есть-ли передние казаки, хотя мало переступивъ за рубежъ, бросить сѣти, то едва бывають въ силахъ вытащить оныя изъ воды отъ множества поизвѣшайшейся рыбы.

По окончаніи сей ловли признаются казаки за другіе промыслы,ѣздить для торгу, или для покупки хлѣба на Волгу и Самару, и осенью убираютъ хлѣбъ съ полей¹⁾). Какъ скоро все оное исправлять, то въ исходѣ сентября или въ началѣ октября мѣсяца начинается осенью въ низней странѣ Яика рыбная ловля большими рѣдкими сѣтями, ярыми называемыми и дозволяется ловить всякую большую и малую рыбу. Но и во время сей ловли не чрезвычайно много бываетъ сазановъ, сомовъ и другой мелкой рыбы. Порядокъ при томъ наблюдаютъ такой же, какъ при прежнихъ ловляхъ. По всякое утро собираются для ожиданія сигнала, стараются другъ друга упередить,

¹⁾ Пашни у казаковъ появились лишь съ 1750—60 годовъ.

чтобы закануть съѣть въ наилучшемъ мѣстѣ, и каждый вечеръ кончается ловъ при назапачаньи рубежа. Спустя нѣсколько недѣль послѣ того бываетъ ловля подо льдомъ въ другихъ рѣчкахъ, о чёмъ уже выше упомянуто; но сія ловля не почитается важной, и ловить только простую рыбу, а по большей части такъ называемую чехонь, а при семъ еще упомянуть надлежитъ, что по окончаніи осеннеї ловли многіе казаки на возвратномъ пути обыкновенно ловятъ рыбу въ озерахъ и стечныхъ рѣчкахъ.

Теперь слѣдуетъ описать обыкновенное употребленіе и приготовленіе рыбы, икры и другихъ ея частей. Наиначе во время багорай и севрюжьей ловли привозятъ къ Яику куоцы изъ дальніхъ странъ Россіи. Наловленныхъ замою осетровъ въ бѣлугѣ казаки продаютъ, не вынимая изъ нихъ потроха, по договорной цѣнѣ, а куоцы, приготовляя рыбу въ икру, укладывая въ ваза и заморозивъ, развозятъ по городамъ. Цѣна рыбы не по всякой годъ бываетъ одинаковая, и прежде сего покупали рыбу гораздо дешевле. Нынѣ обыкновенно продаютъ десять хорошихъ осетровъ по 30 и по 45 рублей, въ большихъ, хотя въ нихъ и быть икры, по шести, а иногда и по семи рублей одинъ. Бѣлужева продается на вѣсъ почти вполнѣ дешевле осетровъ, но цѣлая бѣлуга въ разсужденіи превосходной ея величины превосходить и цѣною осетра. Самые большие бѣлуги, коихъ ловятъ въ Яикѣ, бываютъ въ сомъ до 25 пудовъ, а иногда и больше. Икры вынимаютъ до пяти пудовъ, которая по причинѣ слизи почитается за самую худую и продаютъ пудъ не дороже полутора рубля. Осетры длиною около сажени и самые большие обыкновенно бываютъ съ молоками или санда въ сомъ до пяти цудовъ. Въ прочемъ случаются превеликіе съ икрою и верѣдко вынимаютъ изъ нихъ икры по пуду, которая почитается за самую лучшую, и продаютъ пудъ онай по два рубля и дороже. Лѣтъ за восемь начали въ Яикѣ показываться какъ осетры, такъ и севрюги, которые снаружи ни величиною, ниже видомъ не различаются отъ обыкновенныхъ, но имѣютъ въ себѣ бѣлую икру, хотя и въ меньшемъ количествѣ, но вкусомъ гораздо превосходише простой, и для того обыкновенно посыпается ко Двору. Если то правда, что рассказываютъ, то еще больше удивленія достойно, а именно за нѣсколько лѣтъ нашла въ старой бѣлугѣ большую часть окаменѣлой икры; напротивъ того весьма рѣдко попадается такъ называемый бѣлужій камень въ изловленныхъ въ Яикѣ рыбахъ сего рода.

Всякую свѣжую икру чистятъ слѣдующимъ образомъ: пропускаютъ сквозь частую сѣтку или сквозь рѣшето, придавливая слегка руками и изъ въ сей полуздѣнной странѣ послѣ нового года часто случается теплая погода, отъ которой прѣвала икра можетъ испортиться, то обыкновенно придвигиваются въ оную вѣсколько соли. Если зимою солять икру, то кладутъ близъ фунта соли на каждый пудъ икры, а во время осенней ловли до полтора фунта соли. Въ прочемъ примѣчено, что чѣмъ ниже въ Яикѣ ловится рыба, тѣмъ

слишоватъ и хуже икра въ ней бываетъ; напротивъ того, чѣмъ выше заходить рыба въ рѣку, тѣмъ лучше икра изъ нея вынимается. Какъ севрюжій ловъ происходитъ въ жаркое время года, то сюю рыбу разрубаютъ, вынимаютъ позвонки и мясо, надрѣзывъ полосами, солятъ крѣпко. Потомъ отчестъ валить и отчасти неваленую возить на Волгу и тамъ грузить въ суда. Такимъ-же образомъ солять сазановъ и другую худую рыбу или не солевую валить и развозать. Но сожалѣнія достойно, что не мало не стараются отчасти солить осетрину въ бочкахъ и приправлять уксусомъ и перцемъ, отъ чего можно бы гораздо больше прибыли получить; возвращивъ того нынѣ отъ худого солевія иного рыбы портится, иль, по крайней мѣрѣ, дѣлается она недѣловой и вкусу противной пищею.

Севрюжья икра мало уступаетъ осетриной въ добротѣ, да и на Волгѣ, где севрюгу умѣютъ сберегать живую до земли, иѣшаютъ съ осетриновою икрой; не при яицѣ не можно иного соблюсти, какъ соленую, и потому она продается гораздо дешевле, а виноградъ уменьшаетъ цѣну чрезвычайное множество сей рыбы. Соленую икру приготовляютъ троекратъ образомъ. Самая простая называется наложная. Очищаютъ икру отъ большихъ жилокъ, кладутъ до двухъ футовъ соли въ пудъ икры и расталаютъ на циновкахъ для сушки на солицѣ, потомъ давать ногами и продаютъ пудъ по 80 коп.

Хорошая икра называется зернистая; во всеякому вкусомъ пріятна, потому что она бываетъ очень солена. Очищенную икру солятъ въ долгихъ корытахъ, кладутъ отъ восьми до десети футовъ соли на пудъ икры, иѣшаютъ лопатами и потомъ кладутъ въ рѣшета или въ частныя сѣтки, чтобы вышла изъ неї жижка и сдѣлалась бы гуще; послѣ чего валить въ бочки и угнетаютъ. Пудъ зернистой икры продается по рублю и обыкновенно почитается она постоянной пищею простого народа.

Самая чистая и лучшая по виду, изъ цѣлыхъ зеренъ состоящая и не такъ скоро порчѣ подверженная, икра называется мѣшошная по ее приготовленію, а именно: сперва разводятъ крѣпкій рассоль и берутъ длинные, узкие, изъ толстаго холста или храща, сшитые мѣшаки, которые наполняютъ свѣжей икрой до половины, а потомъ наливаютъ сколько рассоломъ. Какъ скоро икра просолѣтъ, то сіи повѣшанные между обыкновеннымъ поперечными шестами мѣшаки выжимаютъ сильно руками; послѣ чего даютъ висѣть икру въ мѣшакахъ еще 10 или 12 часовъ, чтобы она вѣсколько проѣтила и напослѣдовъ валить въ бочки и угнетаютъ. Такая икра продается дороже, а по крайней мѣрѣ пудъ съ четвертью.

Такъ-же собираютъ, а виноградъ изъ севрюги спинныхъ жилъ, которыи сушать, называютъ вязицою и употреблять въ пищу. Такую жилу въ свѣжей рыбѣ уши подрѣзываютъ, вырываютъ и сушать на воздухѣ. Сушеную вязицутъ во 25 очковъ, и продаютъ тысячу отъ трехъ до четырехъ рублей. какъ почти весь осетровый и севрюжій потрохъ почитаются за годный на-

ищу, то желудокъ, который здѣсь татарскими словами танакъ называются, никогда не бросаютъ, но ъѣдать охотно.

Драгоценная часть, которую изъ осетровъ и севрюгъ собирая продаются, называется плаввой пузырь. Скушающіе всякую рыбу куницы обыкновенно продаются назадъ овнѣ пузырь казакамъ, которые дѣлаютъ изъ него рыбий клей следующимъ образомъ: вынувъ пузырь изъ рыбы моютъ и выворачиваютъ, такъ что наружная кожа будеть внутри, а бѣлая, сѣтлая, блѣдная внутренняя кожа снаружи и такъ вѣлять на воздухѣ; черезъ что блѣдная кожа легкѣ отстаетъ отъ другой. Содравъ ону, завертываютъ въ мокрую тряпичу, потомъ навертываютъ одинъ пузырь на другой, и згибаютъ на подобіе змѣи или сердца между тремя вколоченными въ доску солицами; и какъ они въ такомъ положеніи нѣсколько просохнутъ, то вѣшаютъ на ниткѣ въ тѣни, дабы они совершенно засохнули. Такимъ образомъ приготовленный рыбий клей продается по разной цѣнѣ, а именно: севрюжій, который за самый лучшій почитается, покупаютъ иногда по сорока рублей пудъ; осетровый отъ 20 до 30; а бѣлужій, который хуже всѣхъ, отъ 12 до 15 и 18 рублей. Здѣсь дѣлаютъ также клей изъ сомовыхъ пузырей, который хотя и бѣль, однако для худой его доброты продается пудъ не съ большинствомъ по пяти рублей.

Соль при яицкихъ рыбныхъ ловляхъ есть столь важна вещь, что неотъемлемо должно о ней упомянуть. Яицкие казаки имѣютъ вольность сали оною запасаться, и кроме домашаго расхода употребляютъ ежегодно много тысячъ пудовъ на соленіе развозимой по Россіи рыбы и икры. Степи вдоль Яика съмъ добромъ отъ натуры столь богато снабжены, что тамошніе жители никогда не будутъ въ томъ имѣть недостатка. Знатайшиа иѣста, откуда яицкие казаки берутъ готовую поваренную соль, суть два озера. въ киргизской степи находящіяся, изъ коихъ одно называется Грязное [8], а другое Индерское, да еще два озера въ калмыцкой степи по ту сторону реки Усы лежащія, и по тому Усемскіе соли называются. О сакъ и о большомъ Индерскомъ озерѣ будетъ ниже упомянутое пространнѣе, а о первомъ озерѣ, о которомъ впредь не будетъ случая говорить, объяслю я то, что въ отъ достовѣрныхъ людей слышалъ. Ибо опасность отъ киргизцовъ въ другія обстоятельства удержали меня осмотрѣть сіе озеро, при томъ же оно и не очень важно.

Грязное озеро находится отъ яицкаго городка въ южно-восточной сторонѣ больше 250 верстъ въ киргизской степи, а отъ Яика прямо въ восточную сторону больше ста верстъ.

Какъ сіе озеро гораздо ближе другихъ и казаки, собравшись до нѣсколько сотъ человѣкъ и вооружась, ходили туда только лѣтомъ и привозили соль въ городъ на домашнее употребленіе. Но не по всакій годъ и не во всякое время года, а только въ жаркое и сухое лѣто садилась въ семь озерѣ соль толстымъ черепомъ и въ послѣдніе года садилось очень мало соли, такъ что для сей неизвестности и для труднаго собранія тамошней соли имѣлъ туда

не ъздить, но беруть соль на употреблениѣ во время пешей рыбной ловли изъ Иадерскаго соленого озера; какъ то при всѣхъ форпостахъ въ нижней странѣ Яика лежитъ запасная соль отчасти въ ямахъ, а отчасти въ бочкахъ, которыя покрыты рогожами и обмазаны глиною.

Но казаки сказываютъ, что Грязное озеро, по ихъ исчислениѣ, имѣть въ окружности болѣе 20 верстъ. Оно находится въ головѣ и ровной степи, которая состоитъ изъ желтой съ пескомъ смѣшанной глины. Съ сей стороны не видно ни рѣчекъ, ни ключей, которые бы въ озеро текли, изъ него выходитъ. Дво въ озерѣ, которое кажется вездѣ очень мелко, состоять изъ синаго мягкаго ила, который во время сильнаго вѣтра смѣшивается съ водою. Сачные толстые соляные черепы, кои въ юль и августѣ иѣсацъ обыкновенно находили, были толщиной въ палецъ. Казаки ходили въ вѣду и, ст великимъ трудомъ собирали сый черепъ руками, клади въ привезенную съ собою колоды или лодки, которая длиною веревкою привязывалась къ своимъ лошадямъ для вытаскивания за берегъ, либо для глубокой и вязкой тины не можно привести лошадей на самыи берегъ. Прежде сего казаки для добыванія денегъ въ межевое время, то есть когда рыбнаго лова не бываетъ, брали соль изъ сего озера, возили за лодкахъ черезъ степь въ Самару и тамъ отдавали въ казенные магазины по десяти копѣекъ пудъ, но послѣ оное оставлено.

Въ сѣверную сторону отъ сего озера находится еще другое, но не очень соленое, и казаки называютъ его мордо, то есть малое море. Сие озеро лежитъ выше Чагаскаго форпоста въ восточной сторонѣ, и по прямой дорогѣ считается до него 80 верстъ. Сказываютъ, что сие озеро иѣсколько менѣе Грязаго и никогда въ немъ много соли не садится*.

Рычковъ, описывая тѣ же ловли, говорить о нихъ очень кратко, но при этомъ объясняетъ причину того, почему рыбы во время багренья попадаютъ на багры, говорить, что „осетры, будучи потревожены, то внизъ по водѣ спускаются хвостомъ, имѣя голову впереди“. Можно добавить только, что осетръ спускается, имѣя тѣло направленнымъ почи почерекъ течеія рѣки; благодаря чему, встревоженный шумомъ народа въ пробивавшемъ прорубей, овъ солниваетъ внизъ и сильнъ „наваливается“ на багры, направленные острѣемъ вверхъ по течеію рѣки, въ чёмъ и заключается весь секретъ багренья.

Эти рыбные ловли съ развитіемъ войска составляли самый главный промыселъ яицкихъ казаковъ. Рычковъ говоритъ, что по окончаніи весеннѣй плавки, въ юль иѣсацъ, казаки ъздили „за хлѣбомъ въ Самару и Сызрань, яко у нихъ при Яицкомъ городкѣ пашень не бывало и нѣть“; послѣ багренья, въ концы февраля или началѣ марта, казаки вновь отправлялись въ эти города. Туда они вели рыбу и покупали тамъ хлѣбъ и необходимыя товары. Шла туда казаки большими обозами, съ ними для охраны ихъ, шель конвой „станица“, доходившая до 100 человѣкъ казаковъ

и ногда даже съ пушкою, о чмъ имѣются указанія въ дѣлахъ войскового архива. „Понеже ъздимъ мы для покупки хлѣба на Сырань и на Самару многолюдствомъ со всѣмъ боемъ и съ пушками“ — писали казаки въ своей челобитной Петру I (въ 1720 г. 20 мая). „Станица“ при обозѣ называлась „ертаулъ“. Этимъ именемъ „ертаулъ“ казаки называли всакій караулъ при войскѣ на походѣ (головной отрядъ, даже сторожевые разъезды). Пріѣхавъ въ Самару или Сырань, казаки разъѣзжались по ближайшимъ городамъ и селамъ, гдѣ и продавали свои товары и въ свою очередь закупали то, въ чмъ нуждались сами, а главное хлѣбъ; послѣ этого они сѣѣзжались къ зарайѣ назначеному времени въ тотъ же пунктъ, откуда разѣхались, и всѣ снова также возвращались на Яикъ.

Признавъ подданство царю Михаилу Федоровичу, казаки, кромѣ этихъ станицъ, ежегодно отправляли въ Москву одну зимовую станицу одновременно съ обозомъ въ ковѣ февраля и нѣсколько легкихъ станицъ, отправляемыхъ въ разное время по мѣрѣ нужды. Съ каждою изъ этихъ станицъ ѿхъ станичный атаманъ и его помощники станичный есаулъ и нѣсколько казаковъ, человѣкъ отъ 10 до 30. Съ зимовою станицею отправлялся царскій „кусъ“ или по нынѣшнему презентъ, состоявший изъ осетровъ, осетровой икры и кабановъ, которые отказались отъ войска къ царскому столу. Вносясь въ кусу стала прибавлять калмычать, кибитки, шубы и проч., которые дарились лицамъ, власть имущимъ при царскомъ дворѣ. Откуда получилось свое начало этотъ обычай, точно не установлено, но по всейѣѣтности овъ явился съ первого же днѣ подчиненія войска царю Михаилу Федоровичу, когда первые депутаты войска — „татаринъ и русскій“ били ему ченою и положили предъ его „ясными очами“ дары своихъ трудовъ и родного Яика¹⁾.

Этотъ старинный обычай сохранился и донинѣ. Кромѣ этого съ зимовою станицею войско получало отъ цара грамоты и распоряженія, и само было ченою о своихъ нуждахъ, какъ-то: просило порохъ, свинецъ, пушки, колокола и проч., которые, получивъ изъ московскихъ арсеналовъ, казаки съ ранней весной нагружали въ лодки и спускались внизъ по Волгѣ до Самары. Легкія станицы посыпались по мѣрѣ надобности; они везли съ Яика различная челобитная и отписки отъ войска и въ свою очередь получали грамоты и распоряженія отъ цара. Всѣ прибывающіе со станицами казаки получали въ награду сабли, сукна за кафтаны, ковши и денежныя награды. Дорога, по которой шли станицы, лежала на Самару, потомъ на Сибирь, Алатирь, Арзамасъ, Муромъ, Владимиръ и на Москву²⁾). Нуждалась въ казакахъ, малочисленное тогда Яцкое войско старалось со своими воз-

¹⁾ О томъ, сколько и кому ввозилось въ презентъ, будетъ сказано въ соответствующихъ мѣстахъ.

²⁾ Довесенія полковника Захарова 1723 г. августа 20 въ Военную Коллегію. Войск. Арх. дѣло III раз. № 85, отдѣлъ № 86, стр. 20.

врашивавшися изъ Москвы станицами набираться „вольными людьми“. Этими объясняется, почему такъ много было въ войскахъ выходцевъ изъ этихъ городовъ,—бѣжавшіе разыше звали съ собою товарищей или родныхъ. Пройти же за Яикъ иныи путемъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ мы видимъ, что казаки изъ своего городка „видѣли „въ Русь“ не иначе какъ большими и вооруженными обозомъ съ ертауломъ и даже съ пушкою. Какъ-же могъ пробраться туда одинокий и беззащитный бѣглецъ? Только этой опасностью пути за Яикъ и объясняется то, что когда донскіе и терскіе казаки быстро росли и пополнялись прашельцами и считали, даже во времена самозванцевъ, въ своихъ рядахъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ, яцкіе казаки только черезъ сто лѣтъ послѣ этого къ царствованію Петра I-го едва едва насчитывали въ своихъ рядахъ около четырехъ тысячъ человѣкъ! На Яикъ шелъ самый смѣлый, самый рѣшительный народъ, не боявшійся ничего. Прибывшій на Яикъ бѣглецъ былъ вполнѣ гарантированъ, что его не выдадутъ. „И раньше въ прошлыхъ годѣхъ отъ насъ, Яцкаго войска, никакими бѣглыми людьми отдачи не бывало: на поле къ себѣ бѣглыхъ людей не призываешь, а со поля не ссылаешь“, говорить казаки запольной рѣки Ика въ своей отпискѣ еонскому казанскому въ 1688 г., отсыпая ему въ выдачу „бѣглого поса“. Всякий бѣглецъ, прибывшій на Яикъ, кто бы онъ ни былъ, становился равноправнымъ членомъ казачьей семьи и имѣлъ право исповѣдывать ту вѣру, которую онъ находилъ для себя лучшей,—свобода вѣроисповѣданія была полная. Только взятые въ пленъ на войнѣ обезьяны были править православіе, но у казаковъ, не признававшихъ рабства, пленные не дѣлались рабами въ какъ у славянъ въ древней Руси¹), они были вольны и по принятіи православія оставались жить въ качествѣ вольныхъ людей и такихъ-же равноправныхъ казаковъ, какъ и ихъ завоеватели. Поэтому всѣ завоеванія по перенеси Захарова числятся православными, принесшіе-же на Яикъ сами, по своей волѣ, исповѣдуютъ свою вѣру.

Отрѣзанные отъ Руси широкими и дикими полемъ, по которому отъ Яика до Волги кочевали воинственные татары, а съ 1630 г. многочисленные и еще болѣе воинственные калмыки и, имѣя далѣе на востокѣ дикия киргизскія орды, предоставленные самими себѣ, яцкіе казаки сплотились въ одну безстрашную военную семью, готовые во всякую минуту отразить навязчиваго врага. Куда бы ни ходилъ казакъ, онъ былъ вооруженъ. Оружіе стариннаго яцкаго казака состояло главнымъ изъ ружья—турки или пищали. Туркомъ называлось тяжелое турецкое ружье, имѣвшее внутри нарѣзы, пищалью—ружьемъ московской рати, тоже тяжелымъ, но гладкоствольнымъ; у ружей казаки имѣли разжики, т. е. двѣ деревянныя ножки, прикрепленныя къ цѣлью ружья на особомъ шпенькѣ, и на которыхъ клалось ружье, какъ на подпорки, для бо-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. I, стр. 72.

лѣ щитного и вѣрнаго выстрѣла. Но имѣвшіе ружѣй были вооружены лукомъ (сайдакъ) и стрѣлами, которые хранились въ колчанѣ. Главнѣйшее оружіе коннаго болѣ было копье, получившее впослѣдствіи название имѣ. Кромѣ этого оружія казаки имѣли сабли, но сабель они почему-то не долюбливали; ихъ имѣли въ большинствѣ только старшины и другие начальники, хотя они были и у рядовыхъ казаковъ. Сидя на конѣ, казаки, какъ видно по сохранившимся гравюрамъ, предпочитали имѣть правую руку свободою, имѣли копье въ большинствѣ на лѣвой сторонѣ; ружья вѣшались черезъ правое плечо, при чемъ прикладъ ружья находился съ лѣвой стороны. Впослѣдствіи, когда появились пистолеты или, какъ называли ихъ казаки, пистоли, они составляли одну изъ главныхъ принадлежностей вооруженія язичникъ казаковъ и носились заткнутыми за поясъ.

„Любо-дорого было смотрѣть на старого казака,“ — говорила монахиня И. И. Желѣзнову¹⁾. „Разодѣнется, бывало, въ камизинный зиугъ, въ широкія шаровары, въ иную пору парчевни, — на голову нахлобучить высокую барабью шапку съ вострымъ бархатнымъ верхомъ, за плечи закинуть винтовку иль-бо турку подъ серебряной васѣчкой и серебряными бляхами, въ руки возьметъ пику острую, древко ленточкой перевитое, къ боку пристѣнить кривую саблю турецкую въ серебряной оправѣ иль-бо сайдакъ съ колчаномъ — и этии старые казакиrudовать умѣли, — да какъ сядеть во всемъ убранствѣ на лошадь, такъ и раздуется: гора-горой, конва-конвой, ву, просто богатырь ста-рый, примѣрно Илья Муромецъ иль-бо Добриня Накитичъ“.

Въ походы, на войну и въ набѣги, какъ уже было сказано раньше, казаки ходили станицами, въ каждой станицѣ былъ походный атаманъ, есаулы и знаменищики, смотря по числу казаковъ, однѣ, два, три, или болѣе.

Яицкіе казаки, сваражая отъ себя казаковъ на службу правительству, руководствовались древнимъ русскимъ обычаемъ, гдѣ земство, выставляя рать для ополченіе, вызывало для этого желающихъ и давало имъ на подъемъ кони; этотъ обычай принесли съ собою казаки и на Бикъ. На службу шли только желающіе „охотники“ и за это получали отъ общины деньги „на подъемъ“ или, какъ называются теперь, „наемку“, цѣна наемки бала различная, смотря по походу, отъ 20 до 100 и болѣе рублей.

Отправлялись-ли казаки въ набѣгъ или въ походъ, они имѣли каждый по два лошади, или „одвѣ-конъ“, — это вызывалось необходимостью службы противъ татаръ, потому калмыкъ и алгирзъ, которые сами, отправляясь въ набѣгъ, имѣли тоже по два лошади, и потому догнать ихъ, имѣя одну лошадь, не представлялось возможнымъ. Въ бою ма сломъ (въ атаку) они шли разсыпанными одиночными строемъ „лавою“, чтобы каждому казаку было свободно владѣть копьемъ, главнѣйшимъ его оружіемъ. Описывая атаку

¹⁾ Соч. И. И. Желѣзнова, т. 3-й, стр. 142 „Рассказъ Монахини“.

ищенныхъ казаковъ, Равинскій¹⁾ говоритъ, что на Кавказѣ въ позовомъ керпусѣ „они очень дружно ударяютъ на непріятелей и въ тотъ мигъ, какъ должно броситься въ бой, вдругъ закричать, схватываются съ себя шапки, берутъ овны въ зубы и поражаютъ непріятелей пиками и саблями”. Другого боевого строя казаки не знали. Сиѣшенные они шли на сломъ такъ-же, какъ и пѣхота; окруженные большими силами, они батовали лошадей (связывали особымъ образомъ вѣстѣ) и, положивъ ихъ или устроивъ изъ нихъ живую стѣну, отстрѣливались отъ непріятеля.

Служить казаки начивали съ 16—18 лѣтъ, что видно изъ переписи Захарова, и служили до глубокой старости, пока въ силахъ были владѣть оружиемъ. Только болѣзы или увѣчье давали право казаку оставить службу ранѣе, чѣмъ придется старость.

Завися отъ Москвы, только по нарядамъ станицъ на службу, казаки въ своемъ внутреннемъ управлении ни подчинились никому, вплоть до царствованія Петра Великаго.

Въ своихъ отвѣтахъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ 1720 г. 10 января казаки говорятъ, что „вѣдомы они бывали нарядъ сего всѣхъ дѣлами и нарядомъ въ приказѣ Казацкаго дворца (въ Москвѣ), а по опредѣлѣнію губерній вѣдомы они были и жалованье дававо имъ по 1719 г. изъ Казацкой губерніи и нарядъ имъ быть на службу оттуда же. И о нарядѣ на Его Великаго Государя службы къ чину въ войско присланы изъ приказа Казацкаго дворца Великаго Государя грамоты”²⁾.

Со своими соѣдами,—татарами, а потомъ съ калмыками, казаки самостоѣтельно вели войны, объявляя войну или заключая миръ („занирење”) смотря по обстоятельствамъ.

Окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными ордами, казаки ни однажды не могли быть спокойны за цѣльность своего городка и своихъ стадъ. Чтобы охранить табуны отъ неизвестного захвата врагомъ, они съ первыхъ же лѣтъ окружили свой городокъ тройнымъ рядомъ рвовъ и валовъ—первый валъ непосредственно окружалъ городъ (городской валъ), второй находился въ верстѣ отъ первого, а третій въ сенихъ верстахъ отъ города шелъ отъ Янка до Чагаза и предназначался для пастьбы скота. Въ случаѣ неизвестного нападенія врагъ не могъ сразу погнать табунъ и казаки во время могли прійти на помощь и прогнать нападавшихъ. Мѣстность, окруженнная ближайшимъ къ городу валомъ, вѣроятно предназначалась для загона скота на ночь.

Паласъ, бывшій въ Яицкомъ городѣ второй разъ въ 1772 году, обратилъ внимание на остатки этихъ валовъ и говорить объ нихъ слѣдующее:

„Не добѣжая за сѣмь верстъ съ сѣверной стороны до Яицкаго города

¹⁾ Равинскій. Хозяйственное описание Астрах. и Казак. губерній 1809 г., стр. 579.

²⁾ Московск. отд. Архива Главн. Штаба. Дѣло Воен. Кол. 1721 г. № 30 опись 107, дѣло яицкое новыѣ—(передано при Петрѣ изъ Каз. Иностр. Дѣлъ).

видна линія, которую въ прежнія времена яицкіе казаки для защищенія общихъ паствъ противъ набѣговъ ногайцевъ и киргизцевъ между Яикомъ и Чаганою валомъ и рвами укрѣпили; такъ же надлежало и черезъ другой подобный переѣзжать ровъ не дозжая за версту до города, заключающій внутренній уголъ рѣки сela”¹).

Въ описываемый періодъ всѣ казачьи войска, какъ было говорено выше, составляли одну семью. Главные вопросы о войнахъ, набѣгахъ и другіе, имѣвшіе общій казачій интересъ, решались на Дону, гдѣ всегда находились ставцы или цѣлые отряды другихъ, особенно яицкіхъ казаковъ. Яицкіе казаки въ своихъ отѣтвенныхъ пунктахъ Колдегіи Иностр. Дѣль въ 1720 году 10 января отвѣчали, что они даже „между собою въ призывающихся ссорахъ главную расправу имѣли и вынѣ имѣютъ отъ Донскаго войскового атамана съ войскомъ. А отъ Дона до Яика мѣсяцъ фазы”.

Что это не чистая фраза, удостовѣряютъ акты того времени, о чёмъ будеть сказано въ своемъ мѣстѣ. Конечно, тутъ говорится не о простыхъ спорахъ и разногласіяхъ, а о болѣе важныхъ дѣлахъ и спорахъ между войсковыми партіями. Казаки въ своихъ преданіяхъ называютъ себя „орлами”, „орликами пріянцкими” или „орлами-орловичами” и дѣйствительно въ то далекое время Яицкій городокъ, гдѣ жило все Яицкое войско, представлялъ изъ себя настоящее богатырское орланое гнѣздо. Чтобы рѣшиться жить въ немъ, нужно было быть героемъ, безстрашнымъ казакомъ-лыцаремъ, съ орлиною душою. Заброшенный на далекой украинѣ государства, находясь на самонѣ послѣдніемъ краю Руси, отрѣзанный отъ нее пустынною широкою степью и окруженній со всѣхъ сторонъ на сотни верстъ непримиримою дикою воинственной и хищной ордою татаръ, а потомъ калмыкъ и киргизъ—Яицкій городокъ представлялъ изъ себя единственныи, крошечный клочокъ земли, гдѣ развивался русскій флагъ и гдѣ горѣть безстрашныхъ и отважныхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, не только не боялась этой орды, но сама была грозною и страшною окружающимъ врагамъ. Это было въ буквальномъ смыслѣ слова орланое гнѣздо, откуда пріянцкіе орлы дѣлали свои отважные набѣги, то въ степь, то на морѣ, орлы, ничтожную горсть которыхъ не могли сломить тысячи полчища калмыкъ и киргизъ, каждый разъ со страхомъ отходившихъ въ свои стени по мѣрѣ изногодневной осады городка, а осаждали они городокъ чуть не каждый годъ, а изогда и по нѣсколько разъ въ годъ.

Да кто-же могъ пробраться въ этотъ далекій, окруженный со всѣхъ сторонъ хищной ордой городокъ, какъ только не человѣкъ съ орлиною душою! Туда шелъ только отважный, готовый отдать жизнь за орлиную волю!

¹) Палласъ, часть 3-я кн. 2, стр. 92. Во времена Палласа Яицкій городокъ простирался до выѣзжей Казацкой церкви.

IX.

Разбои казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Разгромъ ими стрѣльцовъ. Посылка Богдана Змѣева уговаривать казаковъ. Казани заслуживають вины подъ Смоленскомъ. 1632—1634.

...Ужъ ты, батюшка нашъ, православный Царь!
Мы слажено тебѣ все правду—истину,
Мы гдѣ были, мы гдѣ юдели:
Ужъ мы были, ужъ мы юдили въ синемъ морѣ,
Рыбивали мы на синемъ морѣ бусы-корабликі
Татарскіе, архангельскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сказ-орла, безъ Государя.
Ты прости насть, батюшка, во всѣхъ винатахъ,
Ты пусти насть, батюшка, изъ Яикъ рѣку"...

(Изъ письма Урал. каз.)¹⁾

III. Покро распахнулось Хвалынское морѣ, манить и ласкаетъ оно синюю гладью, просторомъ и волей зоветъ къ себѣ удалыхъ добрыхъ молодцевъ. Есть гдѣ разгуляться по его необъятному раздолью, потѣшать удалъ молодецкую. Не достать тутъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ московскіиъ воеводамъ. Вольными орлами летаютъ по его волнамъ на своихъ легкихъ стругахъ пріянцкіе лыцари, изъ конца въ конецъ бороздятъ его пѣнистая волны ихъ легкія лодки. Присплютъ къ нимъ и другіе казаки-охотники и съ тихаго Дона, и съ Тереса, и съ матушки Волги. Нѣть ни прохода, ни проѣзда ни кораблемъ-бусамъ, ни легкими лодкамъ — все громять и дуванять удалые молодцы; не поймать вѣтра въ полѣ — не поймать казаковъ на морѣ. Разгромлять и скроются, затеряются они, словно чайка, среди бѣлыхъ гребней въ синей дали въ невѣдомыхъ островахъ.

Уже распросрочился царь Михаилъ Федоровичъ. Не разъ онъ писалъ пріянцкимъ орламъ бросить свое воровство. Много разъ писалъ онъ и донскимъ витязямъ. Писалъ онъ довдцамъ: „отъ васъ многие атаманы и казаки ходить на Волгу и на Яикъ и на морѣ и на Волгѣ суды и бусы громятъ и многую шкоту дѣлаютъ, а вы ихъ отъ того не унимаете. А впредь-бы еще однолично нашего повелѣнія не послушались: подъ турскіе города и на крымскіе улусы не ходили и ссоры не чинили, и воровъ-бы есте атаманъ и казаковъ, которые ходить на Волгу и на Яикъ, отъ воровства унимали и чинили имъ наказаніе по своему суду, какъ у васъ за Дону повелось" ²⁾). Но трудно успокоиться взволнованному морю, еще труднѣе казакамъ бросить свои промыслы. Не слушаютъ казаки царскихъ грамотъ. Идутъ грабежи на Волгѣ и на морѣ. Раз-

¹⁾ Михушина, Сборн. пѣс. Урал. каз., стр. 39.

²⁾ 1626 г. 22 октября, царская грамота на Донъ съ выговоромъ за набѣгъ на Азовъ, турскіе города и крымскіе улусы, за грабежи на морѣ и за сношение съ запорожскими. Русск. Ист. библ. т. XXXI. Донскія дѣла, стр. 251—253.

гнѣвался царь и положилъ на казаковъ свою опалу — длишилъ онъ ихъ своего жалованья и приказалъ довить ихъ и бить. Погромивши въ 1631 году много судовъ и нагруженные добычей, шестьсотъ яицкихъ и донскихъ казаковъ ушли зимовать на Донъ, гдѣ расположились „въ семи городахъ отъ городка отъ Кущака да до городка Голубыхъ“¹⁾, къ впль стали собираться казаки съ Дону съ низовыхъ городковъ, чтобы съ весной снова идти на Волгу и на море.

Много зимовало въ эту зиму на Дону и другихъ яицкихъ казаковъ, задумали они идти всѣ на службу къ литовскому королю. Проеѣхали объ этомъ въ Москву и вотъ царицынскій воевода князь Волковскій послалъ для разведчики на Донъ Васильку Угримова. Вотъ что доносилъ воевода со словъ этого разведчика:²⁾ „...а говорять де, государь, они донскіе і яицкие воровские казаки, что де ты, Государь царь і великий князь Михаилъ Федоровичъ всея Русии за нихъ, казаковъ, за ихъ вину свою государеву опалу положилъ, і ихъ де ты, государь, казаковъ, отъ своего государева жалованья учинилъ въ забвеныи. Да они-жъ де, государь, донскіе і яицкие казаки въ нижнюю і въ верхнюю городкахъ говорили, токо де къ наимъ на Донъ вынеча на весну не будетъ государена жалованья і ево государева жалованново слова, і мы де пойдемъ з Дону всѣ въ Запороги къ литовскому королю на службу. Да евраля, государь, во 12 день перешло де съ Яику на Донъ въ верхней городокъ въ Креянные полтораста человѣкъ воровскихъ казаковъ съ отаманы, съ Івашкомъ Зыковымъ да съ Елькою Спицынымъ для проѣзжавшаго твоей государевы службы, куды де, государь, по твоему государеву указу на твою государеву службу ратными людемъ походъ будеть; а ихъ де, государь, казаковъ нынече на Яище въ зборе доль тысечи человѣкъ конныхъ: а ожидаютъ де, государь, они къ себѣ твоей государской милости і твоего государева жалованья, гдѣ ты, государь царь і великий князь Михаило Федоровичъ всея Русии, укажешь вмъ быть на своей государеве службе. И про тѣ вѣста, я, холопъ твой, на Черной ярь къ воеводе къ Левонтью Бувакову і въ Асторожовъ къ воеводамъ, къ Ивану Салтыкову съ товарища, писаль же. А изъ Царицынъ де, государь, они, воровские казаки, хвалитца і хотять, пришедъ, городъ ажечь и людей побать за то, что де, государь, имъ, воровскимъ казакамъ, отъ царицынскихъ служилыхъ людей чинитца теснота великая, вездѣ де ихъ казаковъ на переходахъ побиваются, і въ язычехъ смильте і приводатъ на Царицынъ. И Царицынъ де, государь, имъ, воровскимъ казакамъ, стала пуще Азова, нигдѣ де имъ отъ Царицынскихъ служилыхъ людей з Дону на Волгу, а съ Волги на Донъ переходовъ нѣтъ. А какъ, государь, чаять по вестямъ къ Царицыну приходу воровскихъ казаковъ, і инѣ, холопу твоему, въ городе сидѣть будеть і оборонитца вѣкемъ: служилыхъ, государь, людей на Царицынъ мало,

¹⁾ Русск. Ист. биб. т. XVIII. Донскія дѣла № XXIV, стр. 338. Отписка царицынского воеводы князя Льва Волинского о разныхъ вѣстяхъ азовскихъ, ногайскихъ и казачьихъ; получена въ Москву въ 1632 г. марта 27.

²⁾ Тамъ-же.

всево конныхъ і сѣмыхъ стрѣльцовъ триста человѣкъ, і тѣ не сполна, да годовальщиковъ, государь, пятьдесятъ человѣкъ. И тѣхъ, государь, царицескихъ стрѣльцовъ нынеча на Ахтубе у кирасиной ломки сто человѣкъ. И о томъ меѣ, колону своему, какъ ты, государь царь і великий князь Михаилъ Федоровичъ всея Русии укажешь".

Такъ писалъ воевода царю о воровскихъ казакахъ.

Но должно быть распоряженія царя къ веснѣ не послѣдовало, т. к. донесеніе воеводы было получено въ Москву 27 марта. Не дождавшись себѣ службы, большая часть аицкихъ казаковъ, бывшихъ на Яикѣ въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, покинула внизъ по Яику въ море, по обычаю, „за промыслы", бывшіе же въ Голубомъ городкѣ на Дону тоже отъ нихъ не отстали и ввиду слабости царицынского гарнизона, прошли съ Дону мимо Царицына, захватили на Волгѣ струги и загуляли по матушкѣ Волгѣ.

Для разгрома яицкихъ казаковъ царь послалъ изъ Астрахани стрѣльцовъ. Встрѣтились стрѣльцы съ яицкими казаками на Яикѣ; казаки разбили ихъ на голову и забрали у нихъ пушки. Получивъ эту вѣсть отъ спасшихся стрѣльцовъ, воеводы донесли объ этомъ царю.

До чего тогда была слаба Москва, видно изъ того, что правительство не рѣшилось вновь послать на Яикъ стрѣльцовъ, а послало туда уговаривать казаковъ Богдана Семеновича Змѣева съ товарищемъ Прибылымъ Аристовымъ. Какъ видно изъ челобитной казака Дапоши, съ Змѣевымъ была послана грамота не только къ яицкимъ казакамъ, но и къ терцамъ, звать ихъ на службу къ Москвѣ „противъ государевыхъ недруговъ—польскихъ и литовскихъ людей". Долго пришлось Змѣеву путешествовать по запольной рѣкѣ Яику, по морю, по Волгѣ, пока удалось ему уговорить „лыцарей" бросить воровство и ити на службу въ Москву. Это путешествіе онъ кончилъ поздней осенью и казаки только въ ноябрѣ пошли заслуживать свои вины въ Москву. Въօслѣдствіи уже въ царствование Алексея Михайловича въ 1650 г. въ своей челобитной объ отставкѣ, перечисляя свои службы, Змѣевъ говорить о своей послыши на Яикъ такимъ образомъ:¹⁾ „да я жъ быль посланъ на Яикъ атамановъ и засудовъ и казаковъ уговаривать и, уговоря, ко кресту ихъ приводить; и я всѣхъ казаковъ уговорилъ и ко кресту правель: крестъ цѣлявали блаженныя памяти государю нашему, отцу твоему, государю, царю и великому князю Михаилу Федорову всея русии, и тебѣ, государю, по полной записи; а опричь меня на Яикъ казаковъ ко кресту никто не приводжалъ. Да я жъ ученизъ тебѣ, государю, прѣбыль: взаль у казаковъ на Яикѣ пушки и пушечные запасы, какъ ови побили на Яикѣ твоихъ государевыхъ людей высылку изъ Астрахани, и съ тѣмъ присланъ къ тебѣ, государю, Прибылъ Аристова, и Прибылъ за тотъ пріѣздъ пожалованъ; а съ Яика присланъ Прѣ-

¹⁾ Акты Москв. госуд. т. II № 429. Челобитная Богдана Змѣева объ отставкѣ его отъ службы 1650 г.

былова же, что казаки крестъ цѣловали, а за то Прибылой пожалованъ же. И за ту мою службу пожаловать ты, государь, меня своимъ государевымъ жалованьемъ только денежною придачею, и придача не выдана, а иными начальствомъ не пожалованъ". Просить по причинѣ старости отставить его отъ службы, а вмѣсто себя послать на службу даточного человѣка.

Найденные списки казаковъ въ числѣ 950 человѣкъ (см. приложение I) представляютъ изъ себя списки только „воровскихъ казаковъ“, тѣхъ, которые были „на промыслахъ“ и пришли въ Москву заслуживать свои вини. Къ сожалѣнію до сихъ поръ не найдено донесеніе самого Зибѣва о его пребываніи на Яикѣ и списки остальныхъ лицъ казаковъ, которые были дома на Яикѣ и которыхъ Зибѣвъ безусловно тоже уговаривалъ и приводилъ къ присягѣ „по всѣй записи“, что не могло обойтись безъ подписи подъ присягою или безъ составленія списковъ присягнувшихъ казаковъ. Казаковъ же на Яикѣ, какъ мы знаемъ, было въ сборѣ „двѣ тысячи козныхъ“. Можно предположить, что эти списки были привезены Зибѣвымъ съ собою и хранятся гдѣнибудь въ архивахъ Москвы виѣстъ съ его донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ на Яикѣ.

Давъ присягу, ящики казаки въ зимнее время потянулись кѣсколькими станицами по дорогѣ въ Москву; тѣ, которые не успѣли цѣловать креста на Яикѣ, цѣловали его на пути въ Тимирязевъ, въ Касимовъ, въ Владимиръ. Съ первою станицею пошелъ войсковой атаманъ Тимофей Никифоровъ Попъ, который прибылъ въ Москву 5 января 1633 года. Казаки шли на службу о дву-конь, что видно изъ чрезобитной Лапоши. Къ характеристику того времени можно отнести то обстоятельство, что по дорогѣ въ Москву къ казакамъ приставали люди, которые были вовсе не казаки, — для этого нужно было только заявить казакамъ свое желаніе быть казакомъ и по казачьему обычью имъ отказать въ этомъ казаки не могли; такихъ атаманомъ Попомъ записано около 90 человѣкъ: „приставали къ нему въ дорогѣ, какъ отошелъ съ Самары къ Москве, и оказались тѣ казаки съ Яика и съ запольныхъ рѣкъ“. Этихъ казаковъ зачислили на службу наравнѣ съ прочими, между тѣмъ, какъ увидеть далѣе, некоторые изъ нихъ дѣйствительно пристали къ казакамъ, будучи крестьянами ближайшихъ къ дорогѣ селъ и городовъ.

Всѣхъ казаковъ прибыло въ Москву около 950 человѣкъ и всѣ они были посланы на службу „въ полки“ подъ Смоленскъ.

Во главѣ этихъ 950 человѣкъ первоначально были: войсковымъ атаманомъ Никифоръ Прокофьевъ (очевидно войсковой атаманъ Попъ, прибывшій съ Яика, былъ отправленъ обратно); войковые есаулы: Федоръ Дербенскій; Яковъ Даниловъ, Сава Овдольевъ; станичные атаманы: Андрей, прозвище Потапъ Сник-саревъ, Калина Ивановъ, Овсимъ Ивановъ, Иванъ Семеновъ Черногорской; есаулы станичные: Василій Писаревъ, Яковъ Гуща, Василій Казинъ, Андрей Федоровъ сынъ Сазанъ, Иванъ Копыто, Григорій Павловъ и Гаврила Микулінъ.

Вскорѣ послѣ первыхъ же битвъ подъ Смоленскомъ среди этихъ начальниковъ мы встрѣчаемъ потомъ или совершенно другія фамиліи или тѣхъ же

лиць, но занимающихъ другія должности. Изъ этого списка видно, что ста-
ничныхъ атамановъ было 4 человѣка, а всѣхъ есауловъ 10 человѣкъ на 950
казаковъ, т. е. каждый есауль начальствовалъ приблизительно надъ сотней
казаковъ, и каждая станица была отъ 200 до 300 чел.

Прибывшимъ въ Москву войскому атаману Попу было дано 15 руб. въ
«камка добрая, сукно аглакое доброе», а казакамъ по 10 руб. По мѣрѣ
прибытія остальныхъ станицъ имъ всѣмъ выдавалось по 10 р. жалованья и,
кромѣ того, при отправлении подъ Смоленскъ выдано за январь „на корыть,
и на муку“ „атаманамъ по 2 алтына, есауламъ по 10 денегъ, казакамъ по 8
денегъ на день человѣку“. [9]

По прибытію въ Смоленскъ яицкіе казаки стали просить о прибавкѣ жа-
лованья и конского корму, причемъ указывалось, что такая прибавка имъ
производилась въ прежнее время, когда они находились подъ Смоленскомъ съ
княземъ Димитриемъ Маметрюковичемъ Черкасскимъ [10]; изъ надписи на
этой просьбѣ видно, что донскимъ и яицкимъ казакамъ отпускалось тогда
такое же жалованье, какое было выдано имъ и въ этотъ разъ, но по чено-
батью прибавлено на кормъ по 2 деньги въ день на человѣка, а къ жало-
ванью по 1 руб. въ годъ¹⁾.

Къ Смоленску передовая ставица прибыли въ томъ-же году 23 января²⁾
(въ此刻ъ числѣ казаковъ—неизвѣстно) и вошли въ составъ арміи „боярина
и воеводы“ Михайла Борисовича Шеина.

Въ это время русская армія, посланная еще въ 1632 г. для того, чтобы
„неправда польскому и литовскому королю отомстить и города, которые отданы
Польшѣ и Литвѣ за саблею, поворотить ворожнему къ Московскому государ-
ству“³⁾, а главнымъ образомъ чтобы вернуть Смоленскъ, взятый поляками во
время смутного времени въ 1611 г., состояла изъ 32 тысячъ войска со 158
орудіями. Часть этой арміи, тысячу около 20, осаждала Смоленскъ подъ общею
командою главнаго воеводы Шеина. Находившійся въ Смоленскѣ польскій губер-
наторъ Станиславъ Воеводскій не сдавался и отражалъ всѣ приступы русскихъ.

Вступивъ въ составъ арміи, осаждавшей Смоленскъ, яицкіе казаки прия-
млютъ во все время осады, продолжавшейся болѣе года, самое дѣятельное участіе
во всѣхъ бояхъ, и въ каждомъ боѣ въ донесеніяхъ о нихъ воеводы пишутъ,
что яицкіе казаки „служили государю и бились явственно“, т. е. мужественно
и храбро. Въ спискахъ отличившихся послѣ каждого боя видно много
язицкихъ казаковъ, которые бились явственно и убивали непріятельскихъ рат-
никовъ, „мужиковъ“—какъ называются въ актахъ того времени. Кромѣ этого
казаки были почти единственнымъ войскомъ, которое умѣло добывать языковъ
(плѣнныхъ для разспроса), за что они награждались за каждого взятаго языка
„по сукну“, т. е. по хуску сукна на кафтанъ.

¹⁾ Акты Моск. госуд. ред. Н. А. Попова, т. I, разрядный приказъ, Моск. столъ, №№ 553, 554.

²⁾ Акты Моск. госуд. ред. Н. А. Попова т. I, №№ 479, 480, 491.

³⁾ Соловьевъ Ист. Рос., т. 9, стр. 222.

Самой сильной позицией у русских под Смоленском была Покровская гора, хорошо укрепленная, имевшая артиллерию, сильно беспокоившая защитников Смоленска; начальником горы был полковник Маттисон; недалеко от этой горы был особый „острожек“, т. е. укрепленный лагерь князей Прозоровского и Былосельского. Лицкие казаки, какъ видно изъ историческихъ данныхъ, находились подъ командою князя Прозоровского и выѣхали съ его войсками занимали этотъ „острожекъ“.

Всѣ старания поляковъ были направлены на Покровскую гору, гдѣ бои проходили весьма часто.

Первый бой, гдѣ пришлось быть лицкимъ казакамъ, былъ бой въ Сирокоренъ 6 февраля, гдѣ участвовала станица атамана Калина Иванова¹⁾. Подробности этого боя неизѣбѣты.

Въ марта часть лицкихъ и донскихъ казаковъ ушла отъ Смоленска къ Стародубу, гдѣ съ атаманомъ Балашемъ, какъ свидѣтельствовалъ стародубский воевода Ерошкинъ, будто бы занималась грабежомъ, во днѣской атаманъ Семенъ Прирота это опровергъ и довѣсь сѣверскому воеводѣ Чушкину, что они „донские и лицкіе казаки съ атаманомъ Балашемъ бились съ литовскими людьми подъ Кричевымъ и Сурожемъ“ и даже отбили у непріятеля пять знаменъ и пушку, которыхъ и отправили — въ Москву²⁾.

Апрѣля 1-го поляки сдѣлали вылазку, напали на Покровскую гору; для отбитія ихъ, въ числѣ другихъ войскъ, Прозоровскій „былъ посланъ атаманъ Калина Ивановъ сынъ съ станицею“³⁾.

18 мая войска ходили за приступъ Смоленска; отъ князя Прозоровскаго, въ числѣ другихъ войскъ, была наряжена для этого и лицкіе казаки: „станичный атаманъ Василій Афонасьевъ сынъ Бутаковъ со своею станицею“ „Атаманъ Потапъ Андреевъ сынъ Сникаревъ съ своею станицею съ есауломъ и казаки“⁴⁾ — всего двѣ станицы, т. е. половина всѣхъ бывшихъ у Смоленска лицкихъ казаковъ. Приступъ былъ отбитъ; въ дѣлѣ сохранился списокъ казаковъ станицы Бутакова, отличившихся въ этомъ дѣлѣ. О всѣхъ казакахъ вообще говорится, что они „бились явственно“, про особо отличившихся сказано такъ: „Атаманъ Василій Афонасьевъ сынъ Бутаковъ на томъ приступѣ Государю служилъ, бился явственно — убилъ мужика. Потапъ Петровъ сынъ Толстой бился явственно, убилъ мужика и его на томъ приступѣ ранили въ правую ногу. Иванъ Васильевъ сынъ Лощилоевъ бился явственно, убилъ мужика и его на томъ бою ранили въ правую ногу да въ синеву“... и т. д.

¹⁾ Дѣла обѣ участій лицкихъ казаковъ въ боахъ подъ Смоленскомъ найдены въ Москвѣ. отдельно архива министерства юстиціи, Новгородской столы, столбецъ 80 и 83 на различныхъ листахъ, гдѣ послѣ указаний о времени боя иногда имеются и списки казаковъ. О бой 6 февраля — указания на листѣ 86.

²⁾ Акты Москв. Госуд. т. I, № 509.

³⁾ Новгор. столы, столб. 83, листъ 81.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 1—5 и 143.

Самые кровопролитные и самые сильные штурмы Смоленска были 26 мая и 10 июня. Передъ штурмами были сделаны въ стѣнахъ города „проломы“, на штурмышли всѣ войска, бывшіе у Шеина. 26 мая войска ходили два раза на приступъ и не смотря на то, что оба раза яицкіе казаки занимали стѣны и вносили туда свои знамена—оба приступа были отбиты.

26 мая яицкіе казакишли на приступъ подъ командой Семена Горяннова Гуринова (одинъ изъ начальниковъ московскихъ войскъ), который „съ яицкими атаманами и есаулы и съ казаки государю служилъ и къ городу Смоленску съ такимъ приступомъ приступали и у пролома на городской стѣнѣ съ знаменами были“¹⁾.

Въ списѣ отличившихся казаковъ въ этомъ бою видно, что войсковыми (погодными) атаманами было тогда бывшій станичный есаулъ Василій Никитинъ сынъ Писаревъ, который, какъ и всѣ остальные, былъ явственно и кроме того „застрѣлилъ изъ пищали мужика“. Кромѣ Писарева, въ числѣ другихъ, были явственно и убили „мужиковъ“: станичный атаманъ Потапъ Андреевъ Слюндаревъ, атаманъ Овисимъ Ивановъ Чертопрудъ („застрѣлилъ изъ пищали мужика“), атаманъ Иванъ Филиппевъ Копыто, атаманъ Калина Ивановъ, войсковой есаулъ Яковъ Брага; Васильевої станицы (имя одного изъ атамановъ, можетъ быть Писарева) казаки: „Григорій Ивановъ сынъ Казанецъ былъ съ знаменемъ и на городовой стѣнѣ съ знаменемъ былъ, былъ явственно, убиль мужка“. Дальше идетъ перечисление наиболѣе отличившихся казаковъ Васильевої станицы, въ концѣ же сказано: „да у него же Василья въ станицѣ на приступѣ убили двухъ казаковъ до смерти—Одисейка Иванова да Фотѣйка Григорьева сына Лемзака“.

Послѣ списка станицы Васильевої идетъ списокъ отличившихся казаковъ „Андреевої станицы Толстошенина“ и т. д. по станицамъ.

Въ списѣ „русскими и иѣменскими солдатами“ (бывшими въ московской войсکѣ), донскими и яицкими казаками и вскими ратными людьми, которые къ Смоленску приступали и на приступахъ подъ городомъ и въ шанцахъ побиты и переранены маі въ 26 десь“, показаны убитыми на первомъ приступѣ, яицкіе казаки: Ивашко Дмитріевъ сынъ татаринъ-Нижегородецъ, Васька Ивановъ сынъ Верхотуреніца. Въ списѣ разленыхъ на первомъ приступѣ яицкихъ казаковъ не видно. Во время второго приступа „побито до смерти“ яицкихъ казаковъ, Тимофеевої станицы Микиборова: Гуляко Федоровъ, Федька Герасимовъ сынъ Москвитинъ, Федька Андреевъ Архангельскою города. Раненые: Тимофеевої станицы Микиборова: Архипко Алексеевъ Путимецъ и еще 4 человѣка, всего 5. Васильевої станицы Писарева—4 человѣка, Ивановы станицы Копыта—2 чел., Калинина станицы Иванова: Ивашко Федоровъ Щедра и еще 2 чел., Андреевы станицы Слюндарева—6

¹⁾ Нескогр. столъ, столб. 38, листы съ 36 по 49.

человѣкъ, Анисимовы станицы Иванова 1 чл., Иванковы станицы Черногорскою 2 чл. Всего же было убито въ этомъ бою 7 человѣкъ и ранено 23 человѣка¹). Изъ этихъ данныхъ видно, что на штурмъ Смоленска 26 мая были все яицкіе казаки и что у нихъ были знамена,—это первыя знамена яицкихъ казаковъ, о которыхъ упоминаютъ исторические акты. Когда они были жалованы войску и первыя ли это знамена вообще—указаній не имѣется.

На слѣдующій приступъ, 10 июня, изъ отряда князя Прозоровскаго, въ числѣ другихъ войскъ, былъ посланъ „яицкихъ казаковъ“ атаманъ Василій Афанасьевъ сынъ Бутаковъ съ своею станицею и съ казаками²).

Въ этомъ бою были также отличившіеся казаки. Огличіе ихъ заключалось, какъ и въ предыдущихъ бояхъ, въ томъ, что они „былись явственно“ и многие „мужиковъ побили“.

Чрезъ два дня снова былъ штурмъ Смоленска, на этотъ разъ войска шли, какъ и 26 мая, въ большомъ количествѣ въ проломѣ въ стѣнѣ. Яицкие казаки были на этомъ штурмѣ подъ командой Семена Гуринова въ полномъ своемъ составѣ „атаманы и есаулы и казаки и у пролома на городовой стѣнѣ знаменами были“³). Въ спискахъ отличившихся видны тѣ же атаманы и есаулы, что и при штурмѣ 26 мая, а также много и радовитъ казаковъ⁴). Отбивъ подрядъ нѣсколько штурмовъ, поляки рѣшили сдѣлать вылазку на беспокойную и хъ Покровскую гору въ 29 июня вышли „изъ Смоленска изъ Молоховскихъ воротъ конные и пѣше польские и лятовские и аѣмѣцкіе люди и былъ бой окольничему и воеводѣ князь Семену Васильевичу Прозоровскому и яицкихъ казаковъ атаману Василію Афанасьеву сыну Бутакову со всемъ своюю станицею съ казаки“, а также „яицкихъ казаковъ атаману Потапу Соколову со всемъ своюю станицею съ есауломъ и казаки“. Всѣ они „былись явственно“, вылазку отбили и многіе отличились⁵).

Въ своемъ донесеніи яицкой войсковой (походной) атаманъ Лисаревъ пишетъ, что 3 июля онъ былъ посланъ княземъ Прозоровскимъ „со своюю станицею, да войсковой есауль Яковъ Давиловъ сынъ Брага за рѣку за Катынко и я, холопъ твой Василій Микитинъ сынъ Лисаревъ, служель тебѣ, Государю, бился явственно, убилъ мужика, другого срубилъ“⁶). Изъ этого донесенія видно, что у войскового атамана была своя станица, т.-е., начальствуетъ надъ всѣми походными войсками, онъ въ то-же время былъ и станичный атаманомъ.

Въ это-же время въ іюль мѣсяцѣ къ осажденному Смоленску стали подходить на выручку постепенно отряды польскихъ войскъ. Для отраженія одного

¹) Новгородск. столъ, столбецъ 30, листы 3, 11, 42 и 50—52.

²) Новгород. столъ, столб. 88, листы 6 и 147.

³) Новгородск. столъ, листъ 50.

⁴) Списки яицк. казаковъ заняли 10 листовъ съ 50 по 60 (Тамъ-же).

⁵) Новгород. столъ, столб. 88, листы 11 и 152.

⁶) Тамъ-же, листъ 127.

въ тѣхъ отрядовъ было 30 юля посланы всѣ яицкіе казаки съ тѣмъ-же, начальствовавшимъ надъ ними, Семеномъ Гуриновымъ. „Шли на проходъ въ городъ Смоленскъ—доносить Гуриловъ—польские и литовскіе и вѣмецкіе люди и посыпалъ меня князь Прозоровскій съ яицкими атаманы и ясакуы и казаки за рѣчку на Есновую и бой былъ въ моега Семенова приказу атаманы и ясакуы и казаки государю служили“¹⁾.

Поляки были отбиты. Соловьевъ²⁾ пишетъ, что гарнизонъ Смоленска былъ настолько истощенъ восьмимѣсячной осадой, что готовъ былъ уже сдаться, но въ это же время вступивший на престолъ новый польскій король Владиславъ послѣшилъ за помощь къ Смоленску съ 23 тысячами войскомъ; вѣдь съ нимъ шли запорожскіе и малороссійскіе казаки, а союзники его крымскіе татары напали на южныя русскія области. Узнавъ объ этомъ, мало дисциплинированный и плохо организованный русскія рати пришли въ волненіе.

„А дворяне и дѣти боярскія украинскіхъ городовъ, видя татарскую войну, слыша, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, матери, жены и дѣти въ полонъ взяты, изъ подъ Смоленска разѣхались и остались подъ Смоленскомъ всичкіе люди“³⁾.

Король прибылъ къ Смоленску 25 августа 1633 г. и всталъ съ войсками на рѣкѣ Боровой, въ семи верстахъ отъ города. Первымъ распоряженіемъ его было сбить русскихъ съ Покровской горы, где укрѣпился полковникъ Маттисонъ и где вблизи стояли въ острожкѣ князья Прозоровскій и Бѣлосельскій⁴⁾.

Уже черезъ три дня послѣ своего прихода часть польского войска двинулась подъ этотъ острогъ нижнею дорогою за Днѣпромъ. На встречу имъ было посланъ отрядъ и Гуриновъ со всѣми яицкими казаками. Казаки соплемись съ ними „Августа въ 28 день подъ острогомъ, по катанской дорогѣ, по луговой, за рѣкою за Днѣпромъ“ и закипѣлъ бой; много было пешрітельскаго войска: „польскій и литовскій король Владиславъ, да королевичъ Казимиръ а съ ними гетманъ Радивиль да Казановскій съ польскими и съ литовскими и съ вѣмецкими со многими людьми“. Но яицкіе казаки не считали врага въ себѣ они „и атаманы, и ясакуы, и казаки Государю служили и противъ короля и королевача и противъ гетмановъ стояли на крѣпко... и польскихъ и литовскихъ людей яицкіе казаки побивали и языки (плънныя) и знамена у литовскіхъ людей поимали“⁵⁾. Разбитые на голову гетманы едва унесли ноги. Въ этомъ бою было особенно много отличившихся казаковъ, „убившихъ мужика“ и проч.

Пока происходилъ у яицкыхъ казаковъ бой за Днѣпромъ, часть поляковъ пробралась по Покровской горѣ къ Смоленску, оттуда осажденные сдѣлали

¹⁾ Новгородъ, столъ, столбъ 33, листъ 61.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 225.

³⁾ Тамъ-же, стр. 229.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 225.

⁵⁾ Новгородскій столъ, столбецъ 33, листъ 69.

вылазку в овладѣли шведами Маттисона, но были вытѣснены изъ нихъ сотнами, приславшими Прозоровскіи и Бѣлосельскими¹⁾.

Отбиты со всѣхъ сторонъ и потерпѣвъ пораженіе, поляки 11 сентября снова напали на Маттисона и на острогъ Прозоровскаго, бой длился два дня и двѣ ночи²⁾). Яицкіе казаки участвовали въ этомъ бою въ отрядѣ Прозоровскаго и, какъ и всегда, бились явственно³⁾). Всѣ штурмы были отражены, но воеводы рѣшили, что „государевныи людимъ польскіе и литовскіе люди не въ мочь въ городка за Покровской горѣ не удержать“ и ночью вывели весь гарнизонъ полковника Маттисона къ себѣ въ большой острогъ; Прозоровскій тоже очистилъ свой острогъ и перешелъ въ большой обозъ за Дѣтвѣрь, при чёмъ покинуто было въ окопахъ нѣсколько пушекъ и запасы⁴⁾. По словамъ поляковъ, огромные валы, равнявшіеся высотою стѣвамъ Смоленска, насыпаны были съ изумительнымъ трудомъ, если бы ихъ добывать приступомъ, то много пролилось бы крови⁴⁾). Но воеводы со спокойной совѣстью отдали эти почти неприступныи твердыни безъ боя. Въ тоже время поляки въ тылу Шенна взяли и сожгли Дорогобужъ, гдѣ были сложены запасы для войска.

Видѣть съ этимъ въ московскихъ войскахъ стала ощущаться большой недостатокъ въ сѣбѣстыхъ припасахъ, дисциплина падала и много ратныхъ людей стали самовольно уходить изъ войска по домамъ. Глядя на нихъ, стала потихоньку уходить и казаки. Собирались казаки въ Рославльскомъ и Брянскомъ уѣздахъ, гдѣ въ серединѣ октября мѣсяца собралось донскихъ и яицкихъ каз. около 1200 человѣкъ съ атаманами Иваномъ Никитинымъ-Теслевымъ, Анисимомъ-Ивановымъ Чертопрудомъ и Василиемъ Ивановымъ. Рославльский воевода въ своемъ донесеніи, полученному въ Москву въ Приказѣ 6 ноября, писалъ, что эти казаки занимаются грабежомъ. Поэтому къ нимъ былъ посланъ 6 декабря воевода Илья Васильевичъ Наумовъ, которому и удалось уговорить ихъ вернуться обратно къ Смоленску⁵⁾). Надѣ этими казаками Наумовъ былъ назначенъ начальникомъ. По дорогѣ къ Смоленску въ декабрѣ, не дѣлжая до него 30 верстъ, „донские и яицкіе казаки, сойдясь съ польскими и литовскими ратными людьми въ деревнѣ Охмарѣ, тѣхъ латовскихъ людей побили“ и взяли въ плѣнъ 30 человѣкъ, изъ которыхъ воеводою Наумовыи 15 человѣкъ были посланы въ Москву⁶⁾). Какъ видно изъ дальнѣйшихъ актовъ, съ этими плѣнными побѣхалъ въ Москву яицкій атаманъ Анисимъ Чертопрудъ.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 225.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

³⁾ Новгор. столъ, столбецъ 32, листы 15 и 157.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

⁵⁾ Акты Моск. Госуд., ред. Н. А. Попова, т. I, №№ 584 и 591.

⁶⁾ Тамъ-же, № 610.

Между тѣмъ подъ Смоленскомъ происходилъ одинъ бой за другой. 18-го сентября польскія войска съ Покровской горы пошли за приступъ „къ Иадракову городку“, а одновременно изъ Смоленска была сдѣлана вылазка „конная и пѣшая“. Въ отраженіи этого приступа участвовали войска Прозоровскаго съ яицкими казаками, которые были со своимъ войсковымъ атаманомъ *Лисаревымъ*, войсковымъ есауломъ *Братою*, и атаманами *Снокаревымъ* и *Бутаковымъ*, „съ ихъ станицами“¹).

Положеніе русской рати съ очисткою Покровской горы становилось съ каждымъ днемъ хуже. 6 октября король съ Покровской горы перешелъ на Богданову оковницу вверхъ по Дѣбру и сталь обозомъ позади русского острога, а пѣшихъ людей и туры поставилъ противъ большого русского острога на горѣ²). 9-го октября Шеинъ вывелъ свои войска противъ непріятеля. Польская конница обратила въ бѣгство часть русской пѣхоты, но отъ другой была превзуждена бѣжать сама; лишь вступившая ночь остановила дѣло³). Въ этомъ боѣ участвовали всѣ бывшіе у Прозоровскаго яицкіе казаки со своимъ войсковымъ и другими атаманами⁴).

По польскимъ извѣстіямъ русскіе потеряли 2 тысячи убитыми, у полковъ-же было очень много раненыхъ, убито людей не много, но много потягло лошадей. Соловьевъ говорятъ⁵): „Шеинъ писалъ въ Москву, что дороги московскія непріятель занялъ всѣ и проѣзду ви откуда нѣть. Съ конца октября русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ конекомъ корму. Стрѣльба продолжалась между обозами. Поляки стрѣляли съ горы Скворонковой на русскій сталь, русскіе стрѣляли снизу и потому не причиняли вреда непріятелю, но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметовъ королевскихъ“.

Такъ постепенно русская армія изъ осаждющей превратилась въ осажденную.

Шеинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было попытаться ударить на королевский обозъ, о чёмъ особенно настаивалъ полковникъ Лесли, главный между иноземными войсками, бывшимъ на службѣ у московскаго правительства подъ Смоленскомъ. Поэтому 18 декабря часть войскъ была направлена „на шавцы подъ литовскій обозъ“; изъ отряда Прозоровскаго былъ посланъ „голова Богданъ *Долгихъ* да яицкихъ казаковъ ясауль Григорій *Павловъ*, да атаманъ Калина *Ивановъ*“. Взять обоза не удалось; отличившихся въ этомъ бою яицкихъ казаковъ очень много⁵).

21 декабря снова произошелъ бой „у Боярскаго острога у задняго земляного городка“. Въ бою участвовалъ отрядъ Прозоровскаго и всѣ яицкіе

¹) Новгородск. столб. 33, листы 20, 129 и 161.

²) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

³) Новгородск. столб., столбецъ 33, листы 24, 83, 92, 132 и 166.

⁴) Соловьевъ. Ист. Рос. кн. 9, стр. 226 и 227.

⁵) Новгородск. столб., столб. 33, листы 78 и 89.

казаки подъ начальствомъ головы Богдана Цельткова. — Казаки шли „со всѣми атаманы, ясаулы и казаки“, при чемъ фамилии атамановъ и есауловъ тѣ же. Всѣ они „Государю служили и бились лѣтственно“ и отличившихся „убившихъ вуража“ и проч. было изнога¹⁾.

Войска Шеина были окружены со всѣхъ сторонъ. Во чтобы то ни стало нужно было взять королевскій обозъ и вотъ 28 декабря снова завязался бой. Русскіе пошли за Днѣпъръ „подъ королевскій таборъ и на томъ бою были боя... князь Прозоровскому и посланъ быть голова Богданъ Цельтковъ съ ящики казаками на шанцы и съ шанца литовскихъ людей выбили“. Въ бою былъ войсковой атаманъ Писаревъ и атаманы Сокаревъ и Бутаковъ со своими станицами и „казаки Государю служила и бились лѣтственно“²⁾.

Но эта побѣда не улучшила положенія русской рати.

— Влѣдствіе холода и голода — говорить Соловьевъ³⁾ — въ русской стаѣ открылась сильная смертность. Узнавъ объ этомъ, король въ послѣдній числѣ декабря послалъ Шеину и чужестраннымъ офицерамъ грамоты съ ученіемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того чтобы погибать понапрасну отъ меча и болѣзней».

Пока шли бои подъ Смоленскомъ, 1200 донскихъ и ящики казаковъ, подъ начальствомъ воеводы Наумова, не имѣя возможности пробраться къ осажденной въ Смоленскѣ арміи Шеина, остались въ Рославльскомъ уѣздѣ и беспокоили непріятеля своими набѣзданіями на ихъ фланги, гдѣ, судя по полученнымъ ими наградамъ, происходили весьма частные бои и казаки брали не мало языковъ.

О подробностяхъ этой службы пока не имѣется никакихъ указаій. Атаманъ Чертопрудъ, посланный отъ Наумова съ 15 языками (плѣнными), прибылъ въ Москву въ началѣ января, гдѣ онъ и товарищи его были пожалованы сукнами, при чемъ „атаману Онисиму Иванову сыну Чертопруду“ дано сукно „аглинское (англійское) противъ доброго настрафилю 4 аршина по 25 алтынъ аршинъ, а казакамъ 15 суконъ настрафильныхъ по 2 рубля портаже“. На отсутствовавшихъ казаковъ два сукна взялъ Чертопрудъ „и въ его мѣста есауль казачей Васка Михайловъ Налетовъ руку приложилъ“⁴⁾.

Наградивъ казаковъ за привозъ въ Москву плащевыхъ, ихъ 21 января отправили обратно къ боярину Наумову, при этомъ послали къ нему „съ Апсаніемъ Чертопрудомъ и съ казаки знамя дорогоилкое да десять знаменъ химдяшныхъ“, которыми было приказано Наумову, по прибытіи Чертопруду, раздать „дѣтямъ боярскимъ и атаманомъ, и казакомъ, которые съ тобою въ полку, по сотнямъ, да о томъ къ вашъ отписать“⁵⁾.

¹⁾ Новгор. ст. столб. 33, листы 24, 85 136 и 171.

²⁾ Новгор. ст. столб. 33, листы 32, 139, 177.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 227.

⁴⁾ Москов. Арх. Минист. Инвент. Двора и Оружейной палаты дѣло № 92.

⁵⁾ Акты Москов. Госуд. ред. Н. А. Попова, т. I, № 603, стр. 569.

Это первое упоминание о даровании знаменъ яицкимъ казакамъ. Сколько же было дано станицѣ Чертошура, свѣдѣній не имѣется.

Въ началѣ февраля въ Москву прибыла отъ Наумова другая казачья станица, надо полагать, съ вѣстями о ходѣ дѣлъ въ Рославльскомъ уѣздѣ и съ отписками о раздачѣ знаменъ. Этой станицѣ приказано было выдать „за Рославскую службу и за яицкий приволье донскимъ и яицкимъ атаманамъ, есауламъ и казакамъ государева жалованье язычково по сукну добруму за языки“. Сукно было роздано по „росписи“.

Какъ образчикъ „росписи“ того времени о выдачѣ сукна казакамъ, привожу эту роспись:

„Роспись что дати государева жалованья донскимъ и яицкимъ атаманомъ и есауломъ и казакомъ за Рославскую службу ныашняго 142 (1634 г.) за яицкий приволье.

Атаману Агюю Иванову за четыре языка четыре сукна добрыхъ. Казакомъ Миките Аеонасьеву сыну Чертому за два языка два сукна добрыхъ, Григорью Филипову, Мартыну Кузину, Лукьянну Олесяеву, Лазарю Ильину, Василью Полозову, Федору Иванову, Обросиму Васильеву. Исаю Андронову, Степану Григорьеву, Дмитрею Кубышкину, Осину Петрову, Фомѣ Карьеву, Борису Паренову, Осозасю Волку, Сергею Иванову, Терентию Иванову, Савею Ильину, Климу Дроконову, Володимеру Креневу, Ивану Федуличу по сукну по добруму человѣку. Казакомъ Степанковы станицы Кругового Онашке Тимофееву за четыре языка четыре сукна добрыхъ, Федке Вурнице за два языка да Дружине Чертому за два жъ языка по два сукна человѣку добрыхъ, Ильи Наумова человѣку Ивашку Кирилову сукно добро.... Дано вспять 188 суконъ настрафилю лазореваго по 2 рубли. Атаману и есаулу дано во 4 аршина сукна англіянскаго сизово по рублю аршинъ, (на оборотѣ). По сей памяти за Федора Вурника взяты два сукна Дружинка Чорной и руку приложилъ, справиль Тимилка Васильевъ¹⁾.

По полученія сукна „тотчасъ вѣлько имъ ити на государеву службу, въ полки къ боярамъ и къ воеводамъ“.

Изъ этого раздаточнаго списка видно, что во время только одного 1634 г. въ службѣ подъ Рославлемъ яицкіе и донскіе казаки поймали 188 языковъ.

19 февраля окруженнай со всѣхъ сторонъ поляками и теряя всевозможныя лишенія Шеніть послѣ переговоровъ очистилъ свой острогъ и вышелъ изъ подъ Смоленска. „Русскіе выступили изъ острога— пишетъ Соловьевъ²⁾— со свернутыми знаменами, съ согашенными флагами, тихо, безъ барабаннаго боя и музыки. Поровнявшись тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ король на лошади, окруженнай сенаторами и людьми ратными, русскіе люди должны были положить всѣ знамена наземлю; знаменоносцы отступили на три шага назадъ

¹⁾ Москов. Арх. Минист. Импер. Двора и Оружейн. палаты дѣло № 127, листы 1, 2, 7 и 8.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 228, 229 и 231.

и ждать, пока гетманъ именемъ королевскимъ не зелить имъ поднять знамя; тогда, запаливши фитили и ударивши въ барабаны, русское войско двинулось по московской дорогѣ, взявши съ собою только 12 полковыхъ пушекъ по особому позволенію короля. Самъ Шенкъ и всѣ другіе воеводы и начальники, поклонившись съ королемъ, сошли съ лошадей и визко поклонились Владиславу, послѣ чего по приказанію гетмана, свѣли опять на лошадей и продолжали путь.

Всего вышло изъ подъ Смоленска съ Шенномъ 8056 человѣкъ; изъ этого числа многіе повезены больные и въ дорогѣ умерли, другіе оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ. Больныхъ осталось подъ Смоленскомъ 2004 человѣка.

Что касается яицкихъ казаковъ, то ихъ вышло вмѣстѣ съ отрядомъ Шенна 344 человѣка и осталось въ Смоленскѣ въ числѣ больныхъ 36 человѣкъ¹⁾.

По прибытии въ Москву воевода Шенкъ былъ казненъ, какъ измѣнилъ, а князей Семена Прозоровскаго и Михаила Бѣлосельскаго приговорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣніе отобрать на Государя. Отъ смертной казни эти воеводы были освобождены только потому, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣнья Прозоровскаго и боязни Бѣлосельскаго.

Казаки прибыли вмѣстѣ съ войсками Шенна тоже въ Москву. Здѣсь всѣхъ яицкихъ казаковъ, какъ видно изъ сохранившихся челобитныхъ того времени, „Государь пожаловалъ... и государевы очи видѣли и у государевой благодатной руки были“.

Были казаки также похвалаы за свои службы и за язычный приводъ и за половное терпѣніе сукнами: „Яицкому казаку Андрющѣ Логинову за приводъ языка 4 аршина настрафилю“, дано было по 4 аршина яицкимъ казакамъ Олешкѣ Бирюку, Грачкѣ Павлову, Олешкѣ Филипову, Олешкѣ Кирилову, Олешкѣ Игнатьеву, Оронко Потапову, Москву Алексѣеву (послѣднѣй или за половное терпѣніе), Гришѣ Левонтьеву, Денису Изакову (за взятыхъ языковъ), Трифону Теникову и Ивановой ставицѣ Копыту казаку Савкѣ Гребенскому за языки и т. д. ²⁾.

Постепенно выздоравливавшіе яицкие казаки, выходя изъ Смоленска, по прибытии въ Москву подавали челобитныа о допускѣ ихъ въ царской рукѣ и видѣть царскія очи.

На всѣхъ этихъ челобитныхъ на оборотѣ имѣется надпись: „Государь пожаловалъ, велѣль написать — къ руки“ (см. приложение VIII и IX).

Многіе раненые казаки, которые послѣ выздоровленія уже не могли продолжать казачью службу, „за свои раны и кровь“ были устроены на службу: „Осыпъ Прутцкой, Михаило Шелковниковъ, Ивашко Шумовской въ городѣ

¹⁾ Акты Арх. Экспед. т. III №№ 220, 239 и 246, Рабининъ Георг. и стат. опис. Урад. войска, часть 1-я, стр. 18.

²⁾ Москов. Арх. Минист. Импер. Двора и Оруж. палаты дѣло №№ 170, 202, 231, 244, 294 и 316.

Козловъ дворовыми и загородными иѣсты. А государева жалованья денежные оклады имъ: Осипу Прутскому 8 р. (въ годъ), Михаилу Шелковникову 6 р., Ивашко Шумовскому 5 р., да имъ же государева жалованья дано въ Козловской уѣздѣ въ деревне Турсаковѣ подъ дворы усады въ длану по 70, а поперекъ по 20 саж. человѣку.

Дикаго поля на пашаю Осипу Прутскому да Михайлу Шелковникову по 15 чети человѣку, Ивашку Шумовскому 10 чети въ поле, а потому же сѣна межъ поль и по зацоплю Осипу да Михайлу по 30, а Ивашку 20 копеекъ". Такимъ-же образомъ, впослѣдствіи, раненый и изуродованный лицкій казакъ Трофимъ Афанасьевъ Ратовъ получилъ мѣсто подъячаго въ Козловѣ¹⁾ (см. прилож. X).

Такъ устраивались „на мѣста“ лыцари—инвалиды въ добroe старое время.

Что инвалиды казаки предпочитали устраиваться „въ Руси“, объясняется тѣмъ, что на Яикѣ довольствоваться рыбной ловлею, единственнымъ доходнымъ промысломъ, могли только состоящіе на службѣ казаки, отставные же были лишены этого промысла и потому предоставленные самимъ себѣ, если не имѣли родныхъ, должны были влечь самое бѣдственное существование. Впослѣдствіи, благодаря этому обычая, очень многіе казаки, особенно молодѣтки, сироты и старики, уходили изъ войска „за скудостю“ въ Самару или въ другіе близайшиe города „на житье“.

Долго-ли стояли казаки въ Москвѣ и когда отпущены изъ Яикѣ—непрѣстно. Въ этомъ-же 1634 году мы видимъ часть тѣхъ-же казаковъ, которые были подъ Смоленскомъ и вышли съ Шевенемъ, уже на службѣ въ Тулѣ, Ливнахъ, Яблоновѣ, Дѣдиловѣ и др. „украинныхъ городахъ“ „поворстанными (записанными) помѣстами окладами и деньгами“. Объ этой службѣ лицкѣхъ казаковъ, продолжавшейся очень долго, почти не имѣется никакихъ указаний, кроме раздаточныхъ списковъ на жалованье и челобитныхъ самихъ казаковъ, о чёмъ будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Казаки, бывшіе въ отрядѣ Наумова, послѣ отступленія Шевена своеевольно ушли въ Рославль, потому были на Сѣверской украинѣ и подъ Калугою, откуда въ іюнѣ 1634 г. отошли на Любунское городище, где имъ была получена царская грамота съ приказаниемъ сыскать людей Стрешнева. Казаки отыскали ихъ, но „воры—атаманы“ Федоръ Коляхъ и Аникимъ Чертопрудъ съ шестью тысячами человѣкъ донскихъ и лицкихъ казаковъ, захвативъ находившуюся у людей Стрешнева государеву зеленную (порохъ) и свинцовую казну, пошли Тульской дорогой къ полю. Присланные изъ Серпухова съ этими вѣстями въ Москву лицкіе казаки Томилка Федоровъ и Оверка Никаторовъ въ разспросѣ показали, что воровскіе казаки съ зельемъ и свинцомъ пошли на Донъ²⁾.

¹⁾ Моск. Глаз. Арх. Мин. Юст. Вѣлгр. ст. столб. 138 л. 111—113.

²⁾ Акты Моск. Госуд. редакц. Н. А. Попова, т. I, № 608, стр. 569.

Характеристикою порядковъ, царившихъ какъ въ русской, такъ и въ польской рати, а также и у казаковъ, является любопытное показаніе 24 лицкихъ и „кормовыхъ“ казаковъ, ушедшихъ самовольно изъ подъ Смоленска на службу къ польскому королю въ действовавшихъ противъ русскихъ подъ Смоленскомъ.

Это показаніе привожу цѣликомъ¹⁾.

„142 г. (1633 г.) ноября въ 29 день приславы къ государю къ Москвѣ изъ Мещовска и изъ Серпейска ящики и кормовые казаки, которые отъѣзжали къ литовскимъ людямъ, аныѣ побили литовскихъ людей въ Серпейскомъ уѣздѣ въ Деминской волости, прїехали къ государю къ Москвѣ, а привели съ собою литвина Ивашка Матвѣева:

Атаманъ — Ивашко Семеновъ сынъ Черногорецъ, есауль — Авдюшка Федоровъ сынъ Сазанъ. Казаки: Гришка Ивановъ сынъ Растворъ, Аeonька Борисовъ, Микифорко Федотовъ, Нионтко Никитинъ сынъ Заборовской, Потапко Федоровъ сынъ Болдыръ, Степанко Федоровъ, Логинко Корниловъ, Ивашко Григорьевъ сынъ Камариченинъ, Левка Дмитріевъ сынъ Галичанинъ, Сенька Никитинъ сынъ Татаринъ, Деника Васильевъ, Фотѣйко Андреевъ, Ивашко Игнатьевъ, Симозко Асанасьевъ, Еуфимко Сидоровъ сынъ Болдыренокъ, Ивашко Ивановъ сынъ Черниковъ, Ивашко Антоновъ, Левка Тимофеевъ сынъ Головачевъ, Климентко Тарасовъ, Павликъ Ивановъ.

Кормовые Индрикова полку:

Пронка Федосьевъ сынъ Полякъ, Икушко Федоровъ сынъ Устюженинъ и всего 25 человѣкъ, а 4 чел. отстали отъ нихъ въ Калугѣ и въ Мещовску и на Москвѣ і въ разрядѣ не объявiliлись.

А на Москвѣ атаманъ Ивашко Семеновъ сынъ Черногорецъ да есауль Авдюшка Федоровъ сынъ Сазанъ съ товарищи 23 чел. сказали: Вышли де они съ Яика и посланы на государеву службу подъ Смоленскъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Черногорцомъ²⁾ вмѣстѣ въ 141 г. и пришли въ Смоленскъ въ великой мясоѣдѣ за 4 недѣли до масленицы и были подъ Смоленскомъ 15 недѣль и учаль быть голодѣ и ови бѣгали изъ подъ Смоленска человѣка по 2 и по 3 и по 5 и по 6 и больше и сбиралися въ Смоленскомъ уѣздѣ за 40 верстъ отъ Смоленска въ волости въ Корсаковщинѣ и собрались ихъ донскихъ и лицкихъ и кормовыхъ казаковъ съ 700 чел. и въ 141 (1633) году, передъ Николаинми днемъ, венчаниемъ, отобралися ихъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Аристовымъ съ 80 чел. пошли къ Балашу, а иные хотѣли проходить на Донъ, и какъ будуть за 3 версты отъ Рославля на рѣкѣ на Остру, и на нихъ посыпалъ rosлавскій воевода кн. Дмитрій Сентовъ государевыхъ ратныхъ людей и ихъ многихъ побили, а иные въ рѣкѣ перетонули, а которые остались и тѣ, боясь ити за государеву службу подъ

¹⁾ Москв. Арх. Министерств. Юстиція, Москв. ст., столб. 100, листы 498—506.

²⁾ Станичный атаманъ. Примѣтн. авт.

Смоленскъ, измѣнили государю и прашли въ Кричевъ, а иные съ тѣ поры измѣнили государю, — отѣхали съ атаманомъ же Севергроем Левонтьевымъ 50 чл., а собралось ихъ русскихъ всякихъ людей въ Кричевъ 120 чл., а изъ Кричева послали ихъ въ Красное къ паву къ Меделонскому и Меделонской даль имъ по 3 р. человѣку да королевскихъ денегъ дано имъ по 5 руб. человѣку, и были они съ королемъ и съ королевичемъ и съ гетманомъ подъ Смоленскомъ недѣль съ 20 и больше, а держали де ихъ въ обозѣ, приказани били ротмистру паву вожу именіи ему не нѣдаютъ, а изъ обозу ихъ не отпускали — не вѣрили имъ; и тому недѣль съ 6 у того ротмистра взялъ ихъ къ себѣ на поруку черкасской (малороссійской) полковникъ имеци ему не вѣдаютъ, а прозваще Вечовка, потому что они знамися съ имѧ на Дону, и съ тѣмъ полковникомъ пошло черкасъ въ загонъ для корму конныхъ и пѣшыхъ 140 чл. да ихъ русскихъ казаковъ 60 чл. и ъдучи, они съ есауломъ съ Андрюшкою и съ казаки межъ себя сковаривались, какъ бы имъ вину свою къ государю привезти надъ литовскими людьми учивить проныръ и ъхати къ государю къ Москвѣ съ службою; и какъ пришли въ Серпѣйской уѣзде въ Деменскую волость въ деревнѣ Торквѣ, осталась черкасъ¹⁾ съ 50 чл. да ихъ товарищѣ, русскихъ казаковъ, 35 чл.; а съ имѧ пошло (далъше) черкасъ съ 70 чл., а ихъ казаковъ 30 чл., и отпѣль отъ той деревни перстъ съ 10 столи въ деревнѣ 2 дні да 2 ночи, а урочища, тои деревни не помнить, а въ 3-ю почъ тѣхъ литовскихъ людей, которые были съ ними въ трехъ избахъ, человѣкъ съ 40 — побили, а достальныи де литовскіе люди учили съ ними биться и стали имъ силы и ихъ разогнали — 22 чл. приѣжала въ Мещовскъ, а 7 чл. пришла въ Серпѣйскъ, да они же съ собою связавъ увезли литвина Ивашка Матаѣва и того литвина принесли съ собою къ Москвѣ; казаки же Левка Дмитріекъ сынъ Галиченинъ да Аѳенъка Борисовъ сказали, что оставлены они были въ кошу²⁾ и какъ приѣждали къ нимъ съ боемъ черкасы раненые и сказали, что русскіе казаки измѣнили и черкасы учили казаковъ взять и казаки съ литовскими людьми учили биться и они Левка и Аѳенъка побѣжали и сошлись съ товарища своимъ въ той деревнѣ гдѣ побили литовскихъ людей, а изъ деревни ушли въ Серпѣйскъ. И всего было съ ними виѣть въ Мещовскому и въ Серпѣйскому уѣзду въ войнѣ черкасъ и смоленскихъ мужиковъ съ бердишами и съ рогатинами съ 1000 чл. Да солдаты Идринкова полку Фандана Пронъка Федостѣвъ сынъ прозваще Полякъ сказался казачій братъ, а въ кормовые написался во 141 году. — Капіасова полку Унжимъ, Якушко Федоровъ сынъ Устюженинъ гулящій человѣкъ написался въ кормовые во 141-и же году, а изъ подъ Смоленска вошли они въ воровство къ казакамъ, которые сбирались въ Смоленскому уѣзду въ Корсаковщанѣ и государю измѣнила съ яицкими же казаки виѣст.

¹⁾ Малороссійскіи казаковъ. Прим. авт.

²⁾ Т. е. въ деревнѣ Торквѣ на станѣ (комѣ) съ полковникомъ Вечевка. Авт.

А въстей атаманъ и казаки сказали: король и гетманъ Радивиль стоять подъ Смоленскомъ выше Дѣвичьей горы, противъ боярскаго полку, а людей съ ними по скѣтѣ вскихъ конныхъ и пѣшихъ и черкасъ съ 30 тысячъ чл., и тѣ голодны бредутъ въ Литву безпрестанно, а сколько какихъ людей порознь, того не вѣдаютъ, и при нихъ изъ королева табару были по боярскому острогу изъ паряду (пушекъ), а они русскіе люди и черкасы стояли у города у Смоленска. И слышали отъ литовскихъ людей, какъ король ставился къ боярскому острогу, и государевы люди выходили на вылазку и литовскихъ и нѣмецкихъ людей пѣшихъ побили иного, а убито-де пѣшихъ людей съ треть, а иные говорятъ что висози; да слышали они отъ литовскихъ же людей, что идутъ къ королю пѣшихъ цесарскыхъ нѣмецъ 20 тыс. человѣкъ да черкасъ 10.000 чл., а подлинно лѣ нѣцы и черкасы идутъ, того они не вѣдаютъ; а больше того прибыльныхъ людей нигдѣ не сказывали, да они же слышали что король хотѣлъ идти въ Польшу, а будетъ у короля сеймъ, а о чёмъ будетъ сеймъ того не вѣдаютъ. Хлѣб запаснаго въ Смоленскѣ никакого при нихъ отнюдь не воживали да и за торгу мало хлѣба — съ московскій съ 2-дневжній хлѣбъ кусили въ 2 алтіна; а пѣшие люди эйтва гайдуки и вѣницы Ѣдять кобылятину. И были челомъ королю о заслуженныхъ гропахъ и король имъ гропей не дать, а говорилъ имъ чтобы они подождали; а иныхъ никакихъ вѣстей не вѣдаютъ и не слыхали. А латинъ, которого привели казаки, Ишашико Матвѣевъ сказался новгородскаго поѣту: отецъ де его служилъ гетману Хатѣбевицу, а иные за отцомъ его было въ волости въ Торцѣ, а онъ иной служаль подъ Смоленскомъ у ротмистра у Буйницкаго на одинъ конь и за Чату пошелъ съ черкасн и съ русскими казаки и на станѣхъ ставился съ есауломъ съ Андрюшкомъ Сазаномъ вѣстѣ; и какъ тотъ есауль и казаки въ Серпѣцкомъ уѣзду въ деревни тварищѣ его 2 чл. убили а его связали и въ иныхъ избахъ казаки побили черкасъ съ 30 чл.; и какъ черкасн учали быть тѣмъ казакомъ сильнъ и казаки разбѣжались и его покинули связана и онъ развязался ушелъ въ гумно и хотѣлъ ити на государево имя въ его вини казаки же Левка Галичанинъ да Аѳонъка Борисовъ да Иака Васильевъ и связавъ привели въ Серпѣцкъ, а вѣстей никакихъ не вѣдаютъ".

Всѣ эти казаки были посажены въ тюрьму и надъ ними началось слѣдствіе. Отвѣты казаковъ тоже даютъ любопытную картину быта того времени:

„Роспрошиваны яздкіе казаки про жены и про дѣти и что у кого есть ружья. У атамана у Ишашика Семенова Черноэрца жена Катеринка Григорьевна дочь, въ Темниковѣ въ Красной слободѣ, да у него же пищаля да сзадакъ.

У есаула у Андрюшки Федорова Сазана жены нѣть да онъ же сказалъ что розрядной подъячій Томило Васильевъ взялъ у него лошадь да у него же у Андрюшки сзадацъ да 2 сабли.

У казаковъ: у Андрюшки Иванова Ростегая жена Ульянка Сергѣева дочь, сидѣть тутъ же въ тюрьмѣ, а посажена изъ разбойнаго приказу, а въ ка-

комъ дѣлъ того не вѣдастъ, а овъ Гришка жилъ въ Шацкомъ въ казачьей слободѣ въ казакахъ, и тое-де жену его безъ него отдалъ во дворъ шатчану сыну боярскому Федору Авдрееву сыну Губкову дядя жены его, потому что тотъ дядя его живетъ во крестьянѣхъ за тѣмъ Федоромъ Губковымъ, а Федоръ-де Губковъ начъ сидѣть на Москавѣ въ тюремѣ, въ черной палатѣ, а сынъ его Гришка 5 лѣтъ нынѣ въ Шацкомъ уѣздѣ въ Федоровѣ по-вѣстѣ Губкова, въ деревнѣ въ Обуховѣ, а ружья у себя не сказалъ.—У Степанка Федорова жена Татьянка Сидорова дочь, на Москавѣ, въ Гавриловѣ приказѣ Бонина, у слободчика, у Дорофеяка Васильева а ружья у себя не сказалъ. У Гаврилка Яковлевы Казанца жена Мареица Иванова дочь, на Саратовѣ а ружья у себя не сказалъ. У Петрушки у Дементьевы Сѣдово жена Марина Иванова дочь, во дворѣ у Надѣи Свѣтешникова да 2 дѣтей — сынъ Кузка 5 л., а другой Артюшка 3 л., а у Надѣи де Свѣтешникова овъ Гришка и жена его кабальные; а какъ сѣѣжалъ отъ Надѣи съ Москвы тому 3-й годъ и былъ въ Астрахани, а изъ Астрахани пошелъ было въ Казань и на дворъ присталъ къ яицкимъ казакамъ *за тѣ поры какъ яицкіе казаки шли съ Яика ко государю къ Москвѣ*, а ружья у себя не сказалъ. У Левки Дмитріева Галиченіза, у Аѳонъки Борисова, у Логвишка Корнилова, у Фотька Авдреева, у Ивашка Автонова, у Левки Тимоѳеева Головачева, у Павлика Иванова жень вѣтъ, а ружья у себя сказали по пищали. У Ниѳонтса Микитина Заборовскаго, у Потапка Федорова, у Якушка Федорова Устюжанена жезъ вѣтъ, а ружья у себя сказали по пищали да по саблѣ. У Ивашка Иванова Чернякова жены вѣтъ а ружья у себя сказалъ пищаль да карабинъ, у Мавифорка Федотова, у Аѳонъки Антипина жезъ вѣтъ, а ружья у себя сказали по саблѣ, у Ивашка Григорьева Комаречинана, у Сеньки Микитина Татарина, у Демки Васильева у Ивашка Игватьева, у Симонка Аѳанасіева, у Алфими Сидорова Болдыренка, у Клиника Тарасова, у Левки Кириллова Василевца, у донскаго казака у Лучки Кондратьева, у Проныки Федосѣева Поляка жезъ и ружья никакого у себя не сказали, а ружье-де все взято у нихъ въ Разрадѣ. Да тѣ же яицкіе казаки сказали что ихъ же товарищъ яицкой казакъ Гришка Семеновъ вышелъ изъ-за рубежа посыпъ ихъ и прішелъ ихъ въ тюрему мавѣщать, и овъ того казака отъ себя не отпустили, потому что онъ съ *ничижъ* изъ-подъ Смоленска въ Литву отѣзжалъ и держать въ тюремѣ съ собою жъ, а жеза у него въ Тениковѣ въ Красной слободѣ.

На оборотѣ: По сей расписки взялъ Василій Яковлевъ 13 пищалей да 2 сабака да 5 сабель да съ мелкою рухлядью мѣшокъ а въ семъ кафтанишо лазоревъ ветчанъ да рубашка¹⁾.

Чѣмъ кончилось ихъ дѣло, выпущены ли они были на свободу или суждено имъ было сидѣть „въ бѣло-каменной тюрьмѣ“, неизвѣстно—указано поэтому не найдено.

¹⁾ Москов. Архив. Министр. Юстиц., Московск. столъ, столб. 100, листы 621—623.

ТЛАВА X.

Появление чалмыковъ на Яикѣ. Разбои казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Доносъ Полѣнова. Постройка на устьѣ Яина города Гурьева. (1634—1645).

В то время какъ казаки заслужили свои вины подъ Смоленскомъ, на Яикѣ совершалось событие, имѣвшее громадное значеніе для яицкихъ казаковъ. Кочевавшіе далеко за Адальскимъ моремъ, у границъ Китая, часть калмыцкой орды (Зюнгерь) подъ начальствомъ двухъ владѣльцевъ *Лоузаната* и *Еадента* около 1620 г. двинулись на западъ и заняли своими кочевьями вершины рѣкъ Ишина, Тобола и Эйбы; въ слѣдующіе годы они постепенно подвигались на западъ, заняли течениe р. Ори, а въ 1630 г. все низовыe рѣки Яика, подчинили себѣ татаръ, кочевавшихъ за Яикомъ и, перейдя приблизительно въ 1636 г. Яикъ, покорили татаръ, жившихъ въ числѣ 40 тысячъ кибитокъ въ стени между Яикомъ и Волгой и стали кочевать изъ мѣстахъ¹⁾). Такимъ образомъ яицкій казачій городокъ оказался окруженнymъ со всѣхъ сторонъ новою воинственностью и враждебною ордою и окончательно отрѣзаннымъ отъ Руси. Проехать въ Русь одиночными людьми или малочисленными отрядами не представлялось уже возможнымъ. Новые соседи казаковъ были таки-же кочевые, частушескія, даکія и воинственные орды, какъ и татары и считали войну и набѣги дѣломъ обычнымъ.

Управлялись балмыки своимъ ханомъ, каждый родъ ихъ или улусъ управлялся наимономъ или княземъ (въ русскихъ актахъ того времени они назывались „владѣльцами“). Улусы въ свою очередь разбивались на аймаки и управлялись зайнангами, каждый аймакъ дѣлился для частицы скота на особы группы или хатуны изъ 10 или 12 кибитокъ, составлявшихъ самое меньшее административное дѣленіе, т. е. слово хатунъ означало котель, въ данномъ случаѣ являлось выражениемъ общества, варившаго себѣ пищу въ одномъ котѣ. Найона получалъ ежегодно отъ своихъ подданныхъ десятую часть отъ всего скота и имѣлъ власть подвергать за преступленія различными тѣлесными наказаніями, а также отрубать руку, рѣзать уши, вось и проч., только не имѣть права казнить. Послѣ смерти найона дѣти его дѣлили улусъ между собою; власть хана также была наследственна. При ханѣ состояли князья и советники *тайши*; предводители аймана или отдельной толпы назывались *дайчинъ*. Суды назывались *араси*, секретарь хана или

¹⁾ Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 88 и Макиѣвъ, Истор. обзоръ Туркестана, стр. 30.

зайсанга — найречи. Особые довѣренные, посылаемые отъ одного улуса къ другому или въ русскіе города по дѣламъ, назывались *дараца* или *дарига*.

Все богатство калмыкъ заключалось въ скотѣ, поэтому цѣлое лѣто они кочевали по степямъ отъ одного пастваща къ другому. Вѣроисповѣданія они были ламайскаго.

Правыѣ на Яикъ, они возобновили свои старинные законы, для чего съѣхались къ увалачъ Уральскихъ горъ (на Общемъ Сырту), гдѣ дали клятву строго выполнять эти законы. Въ этихъ законахъ были установлены самыя строгія наказанія за слѣдующія преступленія¹⁾: за разбой, убѣства, воровство, пріемъ бѣглыхъ, безчестье духовныхъ и чиновниковъ, за то если кто либо не пустить къ себѣ проѣзжаго почевать (бездѣтная вдова должна непремѣнно пустить къ себѣ молодого проѣзжаго), за непочитаніе родителей и учителей, за поджогъ, за насилие женщины въ поцѣлуѣ чужой жены (тому публично давался щелчокъ по одному члену). У тѣхъ, кто трусилъ въ битвѣ, отбирались всѣ военные доспѣхи и украшения и штрафовали большою цѣною; тѣль же, кто оказывалъ храбрость и защищалъ отъ зепріятельского удара своего товарища, награждали конемъ и оружиемъ.

Палласъ, бывшій среди калмыкъ въ 1769 г., описывая ихъ костюмы, нравы и обычай говорить объ ихъ слѣдующее²⁾:

„Тягчайшее тѣлесное и въ лишеніе пожитковъ состоящее наказаніе положено за воровство. Кроме платежа за украденую вещь и положенной прѣдачи изъ скота, еще предписано вору за кражу малыхъ вещей изъ посуды или платы отрубить палецъ у руки, если онъ не сохотеть отступиться пять лопадьми или быками, да и за кражу иголь и яточекъ положено наказаніе.

При сей слуачѣ должно еще упомянуть о судебной и обыкновенной клятвѣ у калинкою. Простая клятва въ томъ состоитъ, что они цѣлуютъ дуло у ружья, а если сего неѣть, то прікасаются языкомъ къ стрѣлѣ и острымъ концомъ приставливаютъ къ головѣ. Въ важныхъ дѣлахъ даютъ клятву слѣдующимъ образомъ: взять топоръ или какуюнибудь желѣзную вещь, раскалываютъ, и виноватый привужденъ вѣсколько сажень вести одну изъ концовъ пальцевъ для оправдавшаго себя въ томъ, въ чёмъ его увираютъ.

Калмыкское оружіе состоитъ по большей части въ коньяхъ, стрѣлахъ и лукахъ, сдѣланыхъ изъ дерева, а особливо изъ ясеня или еще изъ рога, которые за лучшіе и потому драгоценныя попытаются. Стрѣлы употребляютъ они разнаго вида, а именно: короткія, деревянныя съ шишкой на концѣ, кончики бывать стѣць и звѣрковъ; еще легкія стрѣлы съ узкими желѣзными конейцомъ, также съ малымъ, на долотце похожимъ, а большия военные стрѣлы съ большимъ остроконечнымъ конейцомъ. Всѣ такія стрѣлы опушиваютъ они орлиными перьями, которыя берутъ только изъ хвоста: ибо перья изъ

¹⁾ Равинскій. Хозяйства. синк. Кавказ. и Астр. губ. 1809 г., стр. 177. Равинскій относить изображеніе калмыками старыхъ законовъ къ 1640 г.

²⁾ Палласъ. Пут. по разн. пров. Росс., изд. 1809 г., стр. 455—490.

крылья къ тому не способны, по той причинѣ, что опущенные ими стрѣлы косо лѣтятъ. Разные струбы кладутся въ особливыя перегородки въ калчакѣ, привязанные по правую сторону сѣла, а лукъ висить въ сунѣкѣ по лѣвой сторону. Зажеточные калинки охотничьи употребляютъ огнестрѣльное оружіе. Каждый вооруженный калинка имѣть кольчугу, которая достають они по большей части отъ торгующихъ трухменцевъ. Я видѣлъ у нихъ кольчуги персидской работы, которые цѣнили съ слишкомъ въ 40 лошадей, и сделаны изъ полированной стали. Но есть и простыя кольчуги, кои вымѣняютъ они за шесть и за восемь лошадей. Совершенное ополченіе состоять изъ круглого пишака, отъ которого вокругъ шеи до самыхъ плечъ, а свереди до бровей висеть желѣзная сѣтка, такъ-же состоять изъ колчугъ съ рукавами, простирающимися до самой кисти, а сю снаружи покрывается особливой кольчужной лоскуть съ брючками, которые кладутся между пальцами. На конѣдѣлокъ наружная сторона руки отъ локтя до кисти прикрывается двумя стальными бляхами, которые застегивають плотно посредствомъ пряжекъ, и служатъ къ удерживанію удара въ сраженіяхъ".

Таковы были новые соѣди яицкаго казаковъ, съ которыми имѣло пришлось жить рядомъ ровно полтораста лѣтъ.

Съ этихъ поръ у казаковъ начинается съ калинками рядъ стычекъ: казаки то ведутъ съ ними войну, то заключаютъ миръ.

О первыхъ столкновеніяхъ казаковъ съ калинками съѣдѣтай не имѣется и лишь только въ 1680-хъ годахъ видно, что у казаковъ была съ ними война, послѣ которой было и „замирѣваніе“ (миръ).

Вернувшись казаки изъ подъ Смоленска и снова взялись за свои промыслы. Настаетъ весна, разобьетъ свои ледяные оковы Янѣкъ и раздѣлятся войско на двѣ части. Олай „казаки-охотнички“ ёдутъ на промыслы на Хвалынское море и на Волгу, другіе остаются на Янѣкѣ и идутъ всѣмъ войскомъ на севрюжью плавни. Изъ каждого десятка рыболововъ выбираются по одному казаку для сторожевой ставицы — ертаула и изъ каждыхъ двухъ десятковъ по одному кошевому¹⁾; ёдутъ ертаульные съ ертаульными атаманомъ „коини и оружанъ“ по обѣимъ сторонамъ рѣки и на бухарской и на степной сторонѣ, сторожать они, чтобы не застали върасполохъ рыболововъ хищные калинки и татары. Рядомъ съ войскомъ по Самарской сторонѣ движется обозъ, ведутъ его кошевые, охраняютъ его тѣ же ертаульные. Пріѣдетъ обозъ на конѣ²⁾ — засуетятся кошевые: приказываютъ выпрягать лошадей, разставлять

1) Кошевые — казаки, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за порядкомъ на конѣ. Этотъ порядокъ рыболовства и также и сѣнокосеній (ст. ертаульники и кошевые) продолжался до начала 1800 годовъ, что видно изъ дѣлъ Войск. Арх. III р. По хронолог. Указ. № 219 (1788—1800), листы 149—162 и 230—243. Въ то время казаки изъ сторожевой станицы и кошевые получали заемку отъ 20 до 25 руб.

2) Конѣ — станъ; изъ пѣкотор. документ. Войск. арх. можно заключить, что два десятка казаковъ, имѣвшіе одного кошевого, составляли отдаленную административную станицу, называемую тоже кошемъ. (Войск. Арх. Опредѣленія Войск. Капц. за 1804—10 г.г.)

кошары¹⁾ и ждут плавецкое войско. А ертаульные казаки уже стоять далеко от обоза въ степи... стоять они тамъ отдѣльными омзъэжими ка-раулами²⁾, ведутъ разѣзды. Настанетъ ночь и прислушиваются чуткихъ ухомъ сторожевые казаки въ воиной ташинѣ, не крадется ли гдѣ врагъ, не слышно ли гдѣ конскаго тонота, басурманскаго говора.

Тако въ это время въ Яицкомъ городкѣ, остаются тамъ только старые да малые, жены да дѣти. Сторожить ихъ домостройная команда. Выставляеть она, кругомъ по городскому валу сторожевыхъ казаковъ, а въ степи далеко и на Самарской и на Бухарской сторонѣ ставить по воровскимъ калмыцкимъ и татарскимъ перелазамъ на обычныхъ мѣстахъ притины (заставы)³⁾. Наловить казаки севрюгъ и тѣмъ-же порядкомъ будуть обратно. Пріѣдуть и потанется длинный обозъ на Сызрань и Самару. Придетъ время покоса—опять всѣмъ войскомъ будуть они на степь, на луга... опять съ ними идти сторожевая станица—ертаульные казаки и кошевые.

Придетъ осень, собираются казаки на осеннюю плавлю и опять тоже охрана, тѣ же кошевые при обозѣ. Вернутся, а тамъ ужъ скоро зима и багрецъ... и снова съ раннею весною тянетъ казачий обозъ на Волгу „въ Русь“⁴⁾.

Другая часть войска, охотниччи-проишлениники, все лѣто гулаютъ по синевѣ морю Хвалынскому, по матушкѣ Волгѣ. Скрываются они на синей морской глади, на своихъ любимыхъ островахъ Камыниномъ и Пѣшаомъ ждутъ себѣ добычи. Плохо приходилось торговымъ судамъ. Не было имъ проходу отъ воровскихъ казаковъ. На Волгѣ, по свидѣтельству путешественника Олеарія, въ 1636 году яицкие казаки разграбили у Чернаго яра громадный караванъ судовъ и ушли на Каспійское море, гдѣ и заснули.

Изъ донесенія воронежскаго воеводы князя Козловскаго, написаннаго со словъ яицкаго есауда Ивана Яковлева *Полтнова*⁵⁾ видно, что яицкіе казаки въ 1636 году, на пятой недѣль величайшаго поста, человѣкъ съ пятьсотъ или больше ходили въ походъ въ судѣхъ Хвалынскими моремъ погромомъ на Казылбашскаго (персидскаго) шаха изъ городъ Фарабосъ и городъ Фарабосъ взяли⁶⁾, а озвѣ Иванъ Полтновъ въ тѣ поры у яицкихъ казаковъ быль есауломъ, и погромивъ тотъ городъ пошли назадъ Хвалынскими моремъ и пригребли въ рѣку Яикъ⁷⁾.

1) Кошарь—временное жилище, обычно конусообразный, покрытый парусинами или кожами шапаша.

2) Отъѣзжий карауль тоже, что и застава, но подвижная, изѣняющая мѣсто.

3) Притины—постоянныя всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ сторожевые заставы (пости). Внѣсѣдѣтніи притины стали называться никетами.

4) Жившіе въ Кирсановской станиѣ казаки производили ловлю въблизи своей станицы и, какъ пишетъ Палласъ по предавію яицкихъ казаковъ, гранью рыбныхъ ловель и настѣнъ для скота между казаками, жившими въ Яицкомъ городкѣ и въ Кирсановѣ, служила р. Рубежная, потому она и получила свое название. (Палласъ, часть 3, т. 2, стр. 90—91) (11).

5) Русская Истор. библіот., т. XVIII, Донскія дѣла № 1, стр. 549—552. Донесеніе Вороеж. воеводы князя Козловскаго о грабежахъ яиц. кнз. за морѣ и Волгѣ.

6) У Олеарія этотъ городъ называнъ Ремъ (Жуковскій), Краткій обзоръ достопримѣт. соб. Оренб. края, 1822 г., стр. 64).

Здесь казаки встретили волжских казаковъ, атамана Ивана Самару и съ нимъ семьдесят человѣкъ. Встрѣтились удальцы и пошли разспросы.

И тотъ атаманъ Иванъ Самара сказывалъ имъ, что идеть въ Казылбаскую землю рекою Волгою Немецкой корабль съ товары¹ и стали казаки въ кругъ думу думать, стали они „домышляться чтобы его погромить“.

А онъ Иванъ Полѣновъ говорилъ въ кругу „самъ другъ съ атаманомъ яицкихъ казакомъ, что бъ того корабля не громить и государевы огнли на себя тѣмъ не извести и Нѣмецкому кораблю съ государемъ скуты ве учинить“.

Но не понравились эти рѣчи казакамъ охотничкамъ. „И въ томъ кругу всѣмъ войскомъ за него Ивана зашумѣли“:

„Въ томъ Государева воля—закричали казаки—за то по государеву указу вѣшаются насть, не жалѣютъ повсѣмъ по низовымъ городамъ!“.

И придумали казаки въ кругу „всѣмъ войскомъ яицкихъ“ этотъ нѣмецкій корабль погромить, дождавшись его на Хвалынскомъ морѣ. Взять-же они его придумали на ходу „какъ оль парусомъ побѣжитъ по вѣснѣ въ 145 (1637) году, а напередъ того корабля придумали громить Государевы бусы по той же несѣ, которые бусы пойдутъ съ Терека въ Астрахань, а изъ Астрахани за Терекъ съ государевыми запасы и съ ратными людьми; и тѣми бусами туть корабль на ходу погромить“.

Сказано—слѣдано. Разгромить государевы бусы для казаковъ было леско—бусы эти шли обычной дорогой и въ обычное время. Искать ихъ не приходилось. Нужно было узнать, где находятся нѣмецкій корабль.

И вотъ для разыѣки о нѣмецкомъ кораблѣ, чтобы его „сшибчатъ“, казаки послали Полѣнова и съ нимъ сорокъ человѣкъ казаковъ степью. Шли удалые молодцы ровно три недѣли и увидѣли этотъ корабль „выше Самары, пониже Тетюшъ“. Встрѣтилось имъ по дорогѣ судно „казаца посадскаго чезовѣка Спиррея прикащика“; можно ли пройдти мимо?!— разгромили они это судно и захватили на немъ четырехъ человѣкъ „ярыжныхъ“¹), которые „прото тутъ корабль сказывали имъ, что въ томъ кораблѣ только сорокъ человѣкъ боевыхъ людей Немецъ, спричъ торговыхъ людей. Да тѣ-жъ ярыжные сказывали имъ, что вдуть за тѣмъ кораблемъ і иные и ногие Немцы съ товары торго-вать за моря въ Казылбаскую землю“.

Получивъ эти свѣдѣнія, Полѣновъ съ товарищи вернулись обратно на Яакъ. Добрые вѣсти сдѣлали свое дѣло. Казаки стали собираться, чтобы разгромить „Нѣмецъ“ и не выпустить добычу изъ рукъ. Застучали весла и на помощь къ морскимъ товарищамъ поплыли съ Яака двѣнадцать лодокъ.

И тѣ государь, яицкіе казаки, писаль воронежскій воевода, тѣхъ нѣмецъ приговорили громить и вынѣ, государь, да тово зазимовало на Хвалынскомъ морѣ девять струговъ яицкихъ казаковъ, а въ стругу по штвдесать (60) и по семидесять человѣкъ да двенадцать лотокъ выгребли изъ Яаку на Хвалынское-жъ море къ тѣмъ же казакомъ, а въ лотке по двадцати человѣкъ для

¹) Ярыжные—работчики на судахъ.

твоихъ государевыхъ Терскихъ и Астраханскихъ "бусы" и Немецкихъ кораблей".

Въ общемъ собралось призацкихъ добрыхъ молодцевъ въ море около 900 человѣкъ. Но мало показалось имъ этой силы. Рѣшили они послать вѣсть за Донъ, чтобы шли казаки охотнички къ нимъ въ товарищество. Послали они за этимъ на Донъ того же Полѣнова въ день Покрова Пресвятой Богородицы, а съ нимъ яицкихъ казаковъ Алексея Степанова да Алексея Наумова съ товарищи пятьдесят трехъ человѣкъ.

Прѣѣхали казаки изъ Дона „о Дмитріевской субботѣ (въ 1637 г.)“, и разсыпались по донскимъ городкамъ, въ Маначь, и въ Голубые, и во всѣ казачьи городки и стали ото всего Яицкаго войска называть вѣтнѣ вѣтъ донскихъ казачьихъ городковъ запорожскихъ черкасъ и донскихъ казаковъ за Хвалынское море громить Государевы бусы Терские и Астраханские и немецкіе корабли“.

Разнесся кличъ призацкихъ орловъ по всему Дону, и стали собираться „Запороскіе черкасъ и Донскіе казаки въ верхніе казачьи города къ Пати Избамъ, и къ Чару, и въ Голубые, и въ Стрѣльчіе, и въ Пашино“... чтобы „собравшись идти имъ на Волгу и на Хлзимское море для того что имъ по вынѣшней вѣсѣ громить Государевы бусы Терские, и Астораханскіе и Немецкіе корабли“...

Въ заключеніи воевода пишетъ: „А онъ ясауль Иванъ Полѣновъ, помѣтное государево крестное целование, итти съ ними не похотѣть твоихъ Государевыхъ бусъ Терскихъ, и Астораханскихъ, и Немецкихъ кораблей громить“...

Какъ видно, лихой ясауль задумалъ выслужиться и, выѣхавъ съ Дона въ Воронежъ, явился тамъ къ воеводѣ и выдалъ головою и своихъ товарищъ и все войско.

Получивъ отъ Полѣнова всѣ эти свѣдѣнія, князь Козловскій послалъ объ этомъ донесеніе въ Москву и туда же въ посолскій приказъ направилъ и Полѣнова.

Полѣновъ былъ таинческимъ представителемъ тогдашней „бродячей Руси“. Натура энергичная, беззокойная, неуживчивая. Гдѣ только не побывалъ Полѣновъ? Что это было за бродяга—видно изъ его члобитной, поданной имъ въ Москву 27 марта того-же года¹⁾:

... „Служиль я, холопъ твой, тебѣ Государю — пишетъ Полѣновъ — прѣжъ сего здѣсь на Москвѣ, твою государеву службу казачью; а какъ у тебя, пра-веднова государи, учинилась съ Литовскими королемъ мирное поставленіе и была розмена на рубеже (1618 г.), какъ принали на розмене, блаженные памяти отца твоего государева, великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго і всеа Русии, и я, холопъ твой, на тоѣ розмене былъ, а какъ съ тої розмены пришли къ Москвѣ, и мена, холопа твоего, по-халопицѣ твой государевъ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ; и я, хо-

¹⁾ Русская Истор. библиотека т. XVIII, Девскія дѣла, № 2. 1637 г. марта 27. Члобитная яицкаго казака ясаула Ивана Полѣнова обѣ освобожденіи его за службу изъ холопства боярина Морозова.

лецъ твой, не хотя быть въ боярскомъ дворе и похотяль служить тебѣ, го-
сударю, попрежнему, отъ боярина отъ Василья Петровича спѣль на визъ и
служилъ тебѣ, государю, въ твоей государевої вотчиине на Теркахъ, въ кон-
ныхъ стрельцахъ восьмь лѣтъ, а былъ въ пятидесятничикахъ стрелодиныхъ.
И по твоему государеву указу, въ тѣ поры приславъ быль на Терки и съ
Посольского приказу толмачъ Айгилда Витюковъ съ твоими государевыми
дѣлами, а велено тово толмача Айгилду проводить съ Терекъ въ Кизылбashi.
И по твоему государеву указу, съ Терекъ твой государевъ воевода кнізь Юрий
Дмитревичъ Хваростининъ послалъ того толмача Айгилду провожать до
Кизылбашъ сотника конныхъ стрельцовъ Степана Агабалова да насть, холопей
твоихъ, десять человѣкъ конныхъ стрельцовъ. И какъ мы, ходили твоимъ, того
толмача проводили въ Кизылбаскую землю, и воѣхали ись Кизылбаской земли
опять на Терки, и проѣхавъ Дербенъ противъ Усмей Койдацкова кназа, и туть
Усмей выѣхалъ изъ горъ съ узденями своими, и насть, холопей твоихъ, пони-
маль за смертными боемъ въ пологъ къ себѣ въ горы; и сидели мы, холо-
пя твои, у него, Усмей подъ полатаю въ чепахъ і въ железе шеснадцать не-
уѣзъ, животъ свой мучили за тебя, праведнова государя. И объ насть, холо-
пехъ твоихъ, присыпалъ къ тому Усмей изъ Кизылбаскіе земли изъ
Дербени шаховъ воевода Уметь Султанъ; для де ты чево, праведнова Москов-
скова царя людей поималъ за провожатыми шаховыми? И онъ, Усмей, ска-
залъ: за то де я государевыхъ людей Терскихъ стрельцовъ поималъ въ по-
лонъ, што де она у меня побили узденей моихъ, лугчехъ людей. И по многимъ,
государь, присыпкамъ шахова Дербенскова воеводы, туть Усмей насть
отпустилъ въ Дербенъ, а изъ Дербени, государь, воевода насть, холопей твоихъ,
отпустилъ съ Терскиими стрельцами, которые провожали гвоихъ государевыхъ
кречечниковъ въ Кизылбашъ съ твоими государевыми кречеты съ
послами, съ кназемъ Григорьевъ Тюеакинымъ съ товарищи. И та, государь,
ио Кизылбаскай службушка и полонское терпенье известно въ Посольскомъ
приказе; и твоє царское денежное жалование маѣ, холопу твоему, съ това-
рище, за изрость по пяти рублевъ дано. И какъ я, холопъ твой изъ Дербеня
приѣхали на Терки, и меня съ Терки твой государевъ воевода кназь Иванъ Оа-
дрѣвичъ Дашковъ прислалъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ съ твоими го-
сударевыми дѣлами въ приказъ казанскова Дворца. И за той службушку, я,
холопъ твой, и за выѣздъ твоимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ пожало-
вать и сукно взялъ, и у тебя, праведнова государя, у руки быль. И по тво-
ему государеву указу, съ Москвы быль отпущенъ на Терекъ, и подорожная
и прогоды маѣ были даны. И твой государевъ бояринъ Василей Петровичъ
Морозовъ, не спустя меня съ Москвы, бѣгъ твоего государева указу, по той
старой кабале похолопилъ сильно, потому что та кабала на меня взята за
меня боярина Ивана Васильевича Морозова. И я, холопъ твой, отъ боярина
Ивана Васильевича спѣль на Еикъ, а въ твою государеву вотчиину за Терки
иати не посмелъ, потому што, сведавъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ меня съ

Терекъ велѣть изять къ себѣ. А зыне я, холоцъ твой, помня твоє госуда-
рево прежнєе крестное целованья какъ служилъ на Теркахъ приѣхалъ къ
тебѣ, нраведному государю, съ Еику съ твоими государевыми тайными дѣ-
ломъ въ Посольской приказѣ. А которые, государь, мои братья, боярские
люди, прежъ иского съ Еику, и съ Терекъ, и из Дону приѣзжали къ тебѣ,
государю, съ твоими государевыми дѣлами, и тѣ боярские люди отъ бояръ из
такихъ службы ис холопства свободожены на волю и служить тебѣ, государю, въ
разныхъ чинахъ. Милосердный государь, царь і великий Князь Махаило Фе-
деровичъ всеа Русии, пожалуй меня, холона своего, за мое искаженіе службен-
ка и за нынешнее, и за полоцкое терпѣніе, вѣла, государь, изъ отъ боярина
Ивана Васильевича Морозова ис холопства освободить, чтобы я, холоцъ
твой, служа въ неволѣ, въ конецъ не погибъ, и твоей царской службїи ве-
редь не отбыль Царь государь смилился¹⁾.

Изъ этой челобитной между прочимъ видно, что главною цѣлью доноса ею
на лицакахъ казаковъ было желаніе освободиться изъ холопства боярина Морозова,
что въ Москвѣ и практиковалось для поощренія донесчиковъ, объ
чемъ, видимо, она была хорошо осведомленъ.

И дѣйствительно, по его челобитью „Государь... лицакаго ясауза Ивана
Полѣнова пожаловалъ, велѣль ему дать своего государева жалованья за вы-
ходъ и за вѣсти сѣмь рублей да сукно доброе... и (приказалъ) служить ему
въ Москвѣ въ казакахъ Кругового станицы. А государева жалованья по-
деньшаго корымъ давать ему велѣно по 10 десягъ на десь“²⁾.

Такимъ образомъ Полѣновъ достасть своего — быть освобожденъ изъ хо-
лопства и назначенъ на службу въ Москву съ донскими казаками. Но и тутъ
Полѣновъ не ужился. Прибывшій съ Дону со станицею стачиной атаманъ
Иванъ Каторжный съ товарищи въ 1640 году подали въ Москвѣ въ посоль-
скомъ приказѣ на Полѣнова жалобу³⁾:

„Жалеть де за Москвѣ и называется донскимъ казакомъ Иваномъ, зо-
вутъ Полѣновъ и ихъ оглашаютъ всакамъ дурномъ“. Просили казаки ихъ по-
жаловать: — „велѣть того Ивана ссыпать, для чего онь донскими казаками
называется“?

Полѣнова ссыпали и павели о немъ справки. Чѣмъ кончилось это дѣло —
невѣдѣмо. Не имѣется свѣдѣній также и о томъ, — удалось ли послѣ донеса
Полѣнова яицкимъ, запорожскимъ и донскимъ казакамъ погромить Гамаю-
нские корабли.

¹⁾ Помѣтка на оборотѣ челобит.: „Выписати въ доказахъ: иными такимъ свободы отъ холопства боярскому давана ли; и будеъ давана, и гдеъ ить і въ какихъ людехъ быти велено“.

²⁾ Русская Истор. Библіот. т. XVIII, Донскій дѣлъ, № 7. 1639 г. декабря 28. Отѣйтнія пакты къ разрядѣ думного цѣкви Ивану Гаврелеву и думку Григорию Ларіонову со свѣдѣніями по дѣлу о челобитѣ яицкаго Ивана Полѣнова на боярина Ивана Васильевича Морозова.

³⁾ Русская Истор. Библіот. т. XVIII, Донскій дѣлъ, № 10. 1640 г. февраля 24. Распростран-
яющія казака Ивана Полѣнова по челобитью атамана Ивана Каторжного и казаковъ его станицы
за оглашеніе дурныхъ вѣстей про донскихъ казаковъ въ Москвѣ.

Но всакою случаю разгромъ яицкими казаками каравана на Волгѣ и го-
роца Фарабата въ Персія, а также и доносъ Полінова не могли оставаться
безслѣдно. Въ февралѣ 1637 года въ Москву явились *пріѣхавшиесъ Яика*
съ отписками два донскихъ казака: атаманъ Нефедъ Осиповъ и есаулъ Федоръ
Трифоновъ. Что это были за отписки и зачѣмъ были посланы донцы на Яикъ
— неизвѣстно, можно лишь предположить, что эта посылка была вызвана гра-
бежами яицкихъ казаковъ и донцы возвели къ нимъ царскія грамоты. Дон-
цамъ было дано за пріѣздъ 8 аршинъ камни адашашки лазоревой мелкот-
рассой по 30 алтынъ аршинъ, 2 портища сукна лудышу ткачишеваго по полу
2 рубли аршинъ, 2 портища сукна аглинскаго ткаинаго по рублю аршинъ¹⁾.

Другихъ чѣрь относительно казаковъ, кромѣ уговора, тогда Москва не
предаринимала. Донцы-же въ этомъ году, соединившись съ запорожцами,
взали турецкую твердыню на устьѣ Дона городъ Азовъ (1637 г. 19 июня),
который имъ выходить съ Дона на Черное море.

Трудно было тогда московскому правительству бороться съ казаками. По-
сыпалть рать на Яикъ за дальность разстоянія было опасно; эта рать встрѣ-
тила бы на пути пустынныя заволжскія степи, и, кромѣ того, ей пришлось бы
прокладывать себѣ дорогу среди многочисленныхъ и воинственныхъ калмы-
кихъ ордъ, тогда еще непривыкавшихъ надѣть собою ни чьей власти, и за-
нимавшихъ исключительно грабежами русскихъ сель и башкиръ. Оазы были
тогда настолько сильны, что не только нападали на села, но въ 1639 г. оса-
дила городъ Самару²⁾. Калмыки, кочевавшіе по рѣкамъ: Торгуу, Еруслану
и Узенямъ, задумали тогда пробраться для грабежа въ камско-волжскіе пре-
дѣлы и, встрѣтивъ на пути г. Самару, окружили ее въ числѣ 10 тысячъ
человѣкъ. Самарскій воевода рѣшилъ защищаться и послалъ за помощью въ
Казань. Не смотря на свою многочисленность, калмыки, вооруженные только
стрѣлами, не были въ состояніи штурмовать городъ и потому держали его
въ крѣпкой осадѣ. Когда же изъ Казани прибыла на судахъ пѣхота и сухо-
путьемъ конница, калмыки были окружены и потерпѣли пораженіе. Разбита-
ты ови бросились възвѣзь черезъ Самару, но спастись удалось немногимъ.

Въ 1640 г. яицкіе казаки, гулавшіе по морю, были смущены появленіемъ
на устьяхъ Яика астраханскихъ стрѣльцовъ съ гостемъ (кунцомъ) Гурьевъ.
Пребыли стрѣльцы въ гость Гурѣй съ рабочими и стали они строить горо-
докъ и сдѣлали учумную забойку (учугъ).

И на пустынномъ устьѣ Яика выросъ Яикъ—каменный городокъ⁴. Объ
основаніи этого городка, впослѣдствіе Яикъ-Гурьевъ городка (нынѣшняго
Гурьева), Рычковъ³⁾ пишетъ со словъ яицкихъ казаковъ, что г. Гурьевъ
былъ построенъ кунцомъ Михаиломъ Гурьевымъ, въ то время, когда еще

¹⁾ Москов. Арх. Минист. Имп. Дворъ и Оружейной палаты дѣло № 61, листъ 4.

²⁾ Россія, изд. Семенова, т. VI, стр. 421.

³⁾ Рычковъ. Топogr. Орен. губ., изд. 1887 г., стр. 250—251.

существовалъ Сарайчикъ и Яккомъ владѣли татары. Чтобы обезвредить татаръ, Гурьевъ прибѣгалъ къ хитрости и во время постройки городка „все оное мѣсто съ той стороны, откъль татары опасались, задернуто было ширусами, въ тотъ видъ, дабы они знали, что то суда торговыя и рыболовныя стоять, а не крѣость строить“, и что въ началѣ овъ платили дань татарамъ, жившимъ въ Сарайчикѣ, пока не укрѣпилъ городъ.

Но это преданіе не поддерживаетъ повѣрки съ историческими документами. Да и трудно было казакамъ въ то время (1759 г.) точно помнить годъ постройки городка на устьѣ Яика; перепутавъ время, казаки не забыли только фамилію первого основателя этого городка и то, что ему пришлось откупиться отъ дикихъ шакъ калмыкъ и татаръ, кочевавшихъ тогда вблизи устья Яика.

Въ то время, когда существовалъ еще Сарайчикъ, города Гурьева не было. Ось этомъ свидѣтельствуетъ путешествіе англійскаго посланника въ Россіи Дженкинсона въ 1558 г., когда онъѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ Астрахань, а оттуда моремъ въ Мангышлакъ; онъ былъ тогда на устьѣ Яика и, упоминалъ о Сарайчикѣ и о князѣ Иамаялѣ, въ слова не говорить о какомъ бы то ни было русскомъ городкѣ или селеніи на устьѣ Яика. Слѣдовательно тогда Гурьева городка не существовало. Въ книгѣ Большого чертежа также не упоминается ни о какомъ городкѣ на устьѣ Яика; по всему течению его въ то время (около 1600 г.) былъ только одинъ казачій городокъ на Кошь-Яикѣ (Голубой городокъ). Слѣдовательно и тогда Гурьева городка еще не было. Въ 1614 г., преслѣдуя Заруцкаго и Марину, стрѣлецкие головы Цальчиковъ и Онучинъ также не видѣли на устьѣ Яика никакого городка. Если бы въ то время тамъ былъ русскій городъ или селеніе, то головы стрѣлецкіе всего вѣрѣ могли бы узнать здѣсь о Маринѣ и Заруцкомъ, или по крайней мѣрѣ донесли бы, какія вѣсти ими тутъ получены, но вѣдѣто того они должны были рассматривать слѣды Заруцкаго.

Единственнымъ указаниемъ о времени построенія Гурьева служитъ жалованная грамота, даваемая царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ въ 1679 г., декабря 4 дня, гостю Михаилу Гурьеву на освобожденіе его отъ разныхъ податей и повинностей, гдѣ сказано¹⁾: „Да дѣлѣ же сю Михайловъ родной Гурій съ дѣтьми своими, а съ его (Михаила) дѣтьми съ Михайлой да съ Андреемъ да съ отцемъ его Иваномъ, радѣя наикъ Велакимъ Государемъ и ища нашей государевой казни во всемъ прибыли, въ прошломъ въ 148 (1640) году завели вновь и устроили за моремъ на рѣкѣ Яикѣ свои деньги городъ каменной и для рыбной ловли сдѣлали учили; и въ то градовое строеніе и учужданье заводы пожитки свои всѣ истощали и одолжали, а въ строеніи тотъ каменный городъ сталъ имъ со всякимъ разореніемъ

289.942 руб. 4 алтына и 5 денегъ и взять тотъ городъ и со всѣмъ учужными промысломъ и съ заводами въ приказѣ Большого дворца; а въ нашу Великихъ Государей казну отъ того ихъ нового завода Яицкаго учуга учнилось денежной казнѣ изъ откупу и въ иеранохъ промыслу въ пошлинахъ во всѣхъ городѣхъ многія прибыли и впередъ та прибыль отъ того Яицкаго учуга въ нашу Великихъ Государей казну стала быть прочна".

Въ то время, когда цѣны на всѣ продукты были до смѣшного малы, сумма въ 289 тысячъ рублей, затраченная Гурьевъ на постройку городка, является суммой колоссальной.

Конечно, казаки не могли быть доволы постройкою Гурьева, а также и учужною забойкой, мѣшавшей проходу рыбы вверхъ по Яицкому. Но замѣтить, что черезъ учугъ все-таки рыба проходить и въ довольно значительномъ количествѣ, казаки по примѣру гурьевскаго учуга построили точно такой-же учугъ вблизи верхней части своего городка, тотъ самый городской учугъ, который, мѣняясь съ годами свое мѣсто, существуетъ до нашихъ дней.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ актовъ, гость Гурій не сразу приступилъ къ постройкѣ каменнаго городка. Въ началѣ былъ построенъ острогъ, по типу обычныхъ русскихъ остроговъ, деревянный или земляной, укрѣпленный плетнями. Летомъ въ 1645 г. сынъ Гурія, Михаилъ Гурьевъ рѣшился строить вместо острога каменный городокъ, о чёмъ и подалъ челобитную.

Но едва успѣль построиться этотъ новый городокъ (острогъ), какъ ему стала угрожать опасность со стороны донцовъ, задумавшихъ въ 1643 г. идти за Яицкъ и срыть его до основанія.

Проводомъ къ этому послужило недовольство донцовъ тѣмъ, что въ найденной, послѣ убитаго на Дону послы Кантакузина, грамотѣ къ турецкому султану, донские казаки были названы московскимъ правительствомъ ворами. Казаки возмутились и донской атаманъ Иванъ Каторжный и другіе говорили въ кругу: „Всегда про насъ такъ пишутъ, называютъ ворами, а службы нашей къ нимъ много. На Дону намъ не жить; подождемъ съ моря нашу братию, если они придутъ всѣ по здорову, то мы еще за Дону поживемъ, а если съ моря придетъ немногихъ людей, то намъ на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на другое мѣсто: на устье Яицкому поставленъ городъ, мы этотъ городъ сроемъ, станови жить на Яицѣ и на море ходить" ¹⁾.

Узнавши объ этомъ намѣреніи донцовъ, царь приказалъ астраханскому воеводѣ князю Борису Рѣпину съ товарищи слѣдить за приходомъ ихъ на Яицкъ и промышлять вадъ наими воинскими людьми, а если въ городкѣ на устье Яицкъ ратныхъ людей мало, то послать туда „сколько пригоже".

Воеводы въ свою очередь въ 1644 г. 28 марта написали объ этомъ въ Яицкій городокъ (Гурьевъ) стрѣлецкому головѣ Ивану Юрьевичу Глѣбову, гдѣ, излагая события за Дону, приказываютъ ему, по получении грамоты, жить

1) Акты Истор. т. III, статья 295, стр. 475—478 и Соловьевъ т. 9, стр. 312.
14**

въ Гурьевѣ въ великомъ береженьи и пропѣдывать не появятся-ли Донскіе казаки, а если появятся то сколько и въ какихъ мѣстахъ и не захотятъ ли они того городка, который построенъ на устьѣ Яика, взять и засѣсть въ немъ, и если людей въ городѣ мало то отписать въ Астрахань откуда ему вышлютъ ратныхъ людей въ прибавку „сколько пригоже“¹. Глѣбову называлось городокъ Сиречь и не дать его казакамъ².

Но дозы за Яикъ не пошли и городокъ съ 1646 года сталъ строиться каменными. Изъ документовъ не видно, для чего Михаилъ Гурьевъ просидѣлъ о построеніи каменнаго городка; но вѣть сомнѣнія, что главною къ тому причиной послужила опасность отъ ногайцевъ и калмыковъ, а таѣжь и нежеланіе платить имъ ту дань-откупъ, о которомъ говорить казачье предавіе. Въ то время часть ногайцевъ удалилась отъ Кубань за Куринъ, а другая стала кочевать въ степи между Болгою и Яикомъ и не разъ то измѣняла Россія и переходила къ калмыкамъ, то снова возвращалась въ подданство Россіи. Это были во всякому случаѣ очень беспокойные соѣди для вновь строющагося городка.

О томъ какъ строился на устьѣ Яика каменный городокъ историческіе акты говорятъ слѣдующее³:

„Да въ прошломъ во 153 (1645) году апрѣля въ 18 день, блаженныи памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михаило Федоровичъ всеза Россіи указалъ гостю Михайлу Гурьеву, по его, Михайлова, челобитью, на рѣкѣ на Яикѣ устроити городъ каменной, иѣрою четырехъ сотъ саженъ кромѣ башенъ, четвероугольной, чтобы всякая стѣна была по сту саженъ; а по угламъ сдѣлати четыре башни да въ стѣнахъ мѣжъ прасель четыре же башни; а стѣны бѣ были мѣжъ башенъ поровну, по пятидесятіи саженъ мѣжъ башенъ; да двухъ башенъ быти двоимъ воротамъ. А сдѣлати тотъ каменной городокъ въ ширину и въ толщину и въ вышину и съ зубцами, противъ Астраханскаго каменнаго города, каковъ каменой гододъ сдѣлалъ въ Астрахань князь Федоръ Оболенской съ товарищи: стѣна городовая межъ воротъ и башенъ дѣлать въ ширину въ полторы сажени, а въ вышину и съ зубцами четырехъ саженъ, а зубцы по стѣнѣ сдѣлати въ длину саженъ, а въ толщину въ полсажени, а въ вышину въ полторы сажени; а башни дѣлать въ иѣрою противъ Астраханскаго же каменного-города, каковы башни дѣланы въ Астрахани межъ городовыхъ прасель; а дѣлать башни въ Яикскомъ городѣ вымотря подмастерымъ каменнаго дѣла накрѣпко, чтобы изъ тѣхъ башенъ, въ приходѣ воинскихъ людей, можно было изъ наряду³) городъ очищать на все стороны. А поставить тотъ каменой городъ за Яикѣ рѣкѣ, иѣрою четырехъ сотъ саженъ, да восемь башенъ съ вороты, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ на Яикѣ рѣкѣ поставленъ острогъ, отъ Яика рѣки, отъ берега саженъ съ

¹) Акты Истор. т. III, стр. 475—478.

²) Акты Историч. т. IV, стр. 129, 132—136.

³) Нарадъ—пушки. А въ т.

двадцать; а каменаго города стѣнъ быти отъ Яика рѣки по тому мѣсту, гдѣ виагъ у Яицкого острогу, отъ рѣчные стороны ровъ выкатанъ для того что Яикъ рѣка будеть близко городовыя стѣны; а ровъ около того города копати со всѣхъ сторонъ новой, чтобы быль глубокъ и набѣть туть ровъ частикомъ; да около того жъ каменнаго города, отъ Яика рѣки по Яикъ же рѣку, съ трехъ сторонъ, сдѣлати издолобы крѣпкіе; а гдѣ быль по берегу Яика рѣки, городскіе стороны, плетень заплетеши, а въ томъ мѣстѣ у Яика рѣки гдѣ быль плетнемъ заплетеши, сдѣлать обрубъ противъ того жъ, каковъ обрубъ сдѣланъ въ Астрахани. А за то каменное городовое дѣло пожаловалъ Государь гостя Михаила Гурьева, велѣль ему Яицкой учюгъ и Енбискіе воды держати безобрачно семь лѣтъ, съ Семена дни 154 (1646) году по Семевъ же десь 161 (1653) году; а что съ того Яицкаго учюга и съ Енбискіхъ водъ довелось на тѣхъ на семь лѣтъ взять откупныхъ денегъ, противъ годового окладу и съ печатными пошлинами, семидецать тысячъ восемь сотъ двѣнадцать рублевъ тридцать два алтына полнѣсты денегъ, въ тѣхъ откупныхъ и пошлинныхъ денегъ на тѣхъ уроочныя годы, имати на немъ Михайлъ не велѣль. И въ прошлыхъ въ 156 (1648) и во 157 годахъ, по отпискамъ изъ Астрахани боярина и воеводы князя Федора Семеновича Куракина съ товарище, Яицкой каменой городъ почать дѣлать въ прошломъ во 155 году юни съ 6 числа и сдѣлано де того Яицкаго каменнаго города: отъ рѣки Яика проѣзжая башня въ ширину дѣвъ стѣны, по сени сажень стѣна, дѣвъ жъ стѣны по сени сажень безъ четыи стѣна, а въ вышину та башня дѣвъ сажени съ третью, а толщина полтары сажени; а на той проѣзжей башнѣ сдѣлана каменная церковь шатровая, во имя всеимилостиваго Спаса Нерукотворного Образа да въ придѣлѣхъ верховыхъ Апостоловъ Петра и Павла да Алексія человѣка Божія, а вышина той церкви десять саженъ съ полусаженемъ. Да у того жъ Яицкаго города сдѣлана башня проѣзжая да башня серединя брусаныя, да три башни круглыя изугольникъ, а мѣрою тѣхъ круглые и брусянныя башни, кругомъ по девастинадцати и по двадцати по четыри сажени башня, а въ вышину одна трехъ саженъ съ полусаженемъ, другая полуторы сажени и пол-полтрети сажени, а дѣвъ башни по сажени безъ полутрети, а ноперегъ по шти саженъ и съ башни, а толщина полуторы сажени; за башня проѣзжая, въ ширину дѣвъ стѣны по шти саженъ съ третью и пол-полтрети сажени, въ ширину дѣвъ стѣны по шти саженъ безъ четыи, толщина полуторы сажени. А городовыя стѣны по сраслонъ девастин пятьдесятъ одна сажень въ четью, а въ вышину въ одномъ прасѣдѣ дѣвъ саженъ съ полутрети, а въ иныхъ прасахъ по полусаженемъ и пол-полтрети сажени, а толщина по полуторы сажени. Да подъ серединю брусланую башню да подъ городовую стѣну, подъ пятьдесятъ саженъ, биты сваи и бутовыя каменемъ набучено, и стѣнныи каменемъ обложено, гдѣ быти городовой стѣнѣ; а башни и городовой стѣны не дѣлано, да и не начато дѣлать городовыя стѣны дѣла прасла, по мѣрѣ сто саженъ, да башня изугольникъ

круглая отъ рѣки Яика, и ровъ не копанъ, гдѣ сваи бить. Да въ нынѣшнемъ во 158 (1650) году писалъ ко Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Руссии изъ Астарахани боярии и воевода князь Иванъ Андрющевичъ Голицынъ съ товарищи, и прислали Яицкому городовому дѣло роспись, какову роспись подалъ имъ Астараханецъ Иванъ Остриковъ, которому приказано быть у Яицкого городового дѣла; а въ росписи написано: въ прошломъ въ 157 году апрѣля съ 28 числа да сентября по 3 число нынѣшняго 158 году¹⁾), за Яикъ сдѣлано городового каменаго дѣла, надъ старымъ городовомъ дѣломъ: отъ Яицкіе отъ наугольные башни до середней четвероугольной башни городовые стѣны прясло, въ длину пятдесятъ сажень, а въ вышину по городовые зубцы двѣ сажени, да середніе четвероугольные башни, сверхъ стараго дѣла, въ вышину по малую зубцовую стѣнку полчетверти сажени, а въ длину и поперегъ та башня шесть сажень да у тобѣ жъ башни, по обѣ стороны въ городовыхъ стѣнахъ сдѣланы двѣ избы каменыхъ для городовыхъ караульщиковъ; а отъ серединѣ башни да наугольные до степные круглые башни, сдѣлано городовые стѣны, сверхъ старого дѣла, прасло, въ длину пятдесятъ сажень, а въ вышину по городовые зубцы двѣ сажени; да круглые наугольные степные башни сдѣлано, сверхъ старого жъ дѣла, по малую стѣну по зубцы полчетверти сажени, а кругомъ тобѣ башни девятнадцать сажень, а у тобѣ башни, по обѣ стороны, въ городовыхъ стѣнахъ сдѣланы двѣ—избы каменыхъ для городовыхъ караульщиковъ; а отъ круглые отъ наугольные отъ степные башни по серединѣ четвероугольную башню съ вороты сдѣлано прясла пятдесятъ здинъ сажеъ; а сверхъ старого дѣла, сдѣлано того прасла по всей городовой.... А городовыхъ запасовъ отъ 157 году въ нынѣшней во 158 годъ осталось у того городового дѣла: восемьдесятъ тысячъ кирпичу сженаго, восемьдесятъ двѣ тысячи шесть сотъ кирпичу необжигоного, сорокъ пять сажень дровъ (пригнаны плотомъ послѣ Семена дни, и тѣ де дрова изойдутъ въ осень на кирпичное сженье, а къ веснѣ нынѣшняго 158 году дровъ не будеть), да верстоваго и буговаго камени, дачи, осталось патдесять паусковъ, три пауска извести, свай дубовыхъ съ пять сотъ. А показали де Яицкое городовое дѣло дѣлать сентября съ 1 числа нынѣшняго 158 году, потому, что де у Михайлова приказщика Гурьева на городовое дѣло работами людемъ денегъ не стало, да и для того, что де въ прошломъ во 157 (1649) году воровскіе казаки, атакавъ Ивашико Кондыреевъ съ товарищи, городовые многіе запасы за морѣ погромили, и дровъ и всякихъ запасовъ за городовые дѣло припасать вверху по Яику рѣкѣ не дали, и отъ того де казачья воровство городовому дѣлу въ прошломъ во 157 году было начанье, да нынѣшнемъ де во 158 году отъ ихъ казачья воровство городовому дѣло мотчанье будетъ же, потому что запасовъ къ го-

¹⁾ Новый годъ считался тогда съ 1-го сентября.

родовому дѣло пропасено мало.— И боярину и воеводамъ князю Михайлу Петровичу да околичему Тимофею Федоровичу и Ильѣ Кузиничу, и дьякону, послати изъ Астрахани на Яикъ нарочно астраханца сына боярского добра, которого бѣ съ такое дѣло стало и кому бѣ можно было вѣрить, и вѣльши ему на Яикѣ городовое всякое дѣло досматрать и переписать на роспине: сколько того Яицкого городового всякаго строеніе сдѣлано и сколько того городового дѣла противъ Государева указу не додѣлано, и сколько какихъ городовыхъ запасовъ у нынѣшняго 158 году во 159 году осталось и впередъ пропасене, и сколько какихъ запасовъ бѣ тѣмъ запасомъ въ прибавку надобно, и какъ то Яицкое городовое дѣло чашь совсѣмъ въ отдыѣкѣ будеть и переписавъ то городовое каменное всякое дѣло, и тое роспись вѣльши привести къ себѣ въ Астрахань, за его переписчиковою рукой; да какъ съ Яика перепасчика Яицкому городовому каменому дѣлу роспись къ нимъ въ Астрахань привезеть, и боярину и воеводамъ князю Михайлу Петровичу Пронскому съ товарищи, о томъ отписати ко Государю и роспись Яицкому городовому каменому дѣлу прислати въ приказъ Казанского Дворца⁴.

Изъ этихъ актовъ видно, что дѣло постройки городка подвигалось медленно и что много материловъ привозилось изъ Астрахани и что Яицкимъ казакамъ постройка городка пришлась не по душѣ. Съ постройкою городка закрывался имъ выходъ въ море, служившее главной ареной ихъ удальговъ. Въ городкѣ былъ поставленъ гарнизонъ изъ астраханскихъ стрѣльцовъ¹), сдѣлившихъ за каждый движеньемъ казаковъ и доносившихъ обо всемъ въ Астрахань. Построеніе же учуга на устьѣ Яика не могло ее повлиять на рыбные промыслы казаковъ. И по этому неудивительно, что Яицкие казаки старались всѣми иѣрами тормозить постройку городка, а иногда, какъ увидимъ далѣе, грабили и самыи городѣ. На этотъ разъ, какъ видно изъ актовъ, Яицкие казаки не давали рубить по Яику лѣса для дровъ и всякихъ запасовъ по городовому дѣлу и цгromили на морѣ съ атаманомъ Иваномъ Кондыренымъ транспортъ съ запасами и материалами.

О значеніи Гурьевъ въ исторіи войска видно будеть изъ дальнѣйшихъ главъ.

¹⁾ Стрѣльцы въ Гурьевъ назначались изъ Астрахани со смѣною каждый годъ и потому назывались „городальщиками“.

ГЛАВА XI.

Служба казановъ въ Тулѣ, Ливнахъ, Яблоновѣ, Веневѣ, Осколѣ,
Усманѣ и другихъ „украинныхъ“ городахъ. (1634—1645).

Молодой турчинъ города береть,
Города береть, по себѣ дѣлить:
Кому золото, кому серебро,
Кому молодца, кому лѣвицу...

(Изъ писки Урал. казаковъ¹⁾).

Еачиная отъ Тулы, далеко на югъ отъ Московской Руси вплоть до Чернаго моря въ началѣ 1600-хъ годовъ лежало дикое поле. Не было тамъ ни одного жилья. Лишь только на Дону и въ южной части Девора жили кое гдѣ русскіе люди—донскіе и запорожскіе казаки. Раздолѣ было татарамъ... Настанетъ весна и какъ хищные волки разсыпаются они по степи, налетаютъ на русскія украины, грабятъ села и деревни и уводятъ въ плѣнъ толпами мирныхъ поселанъ. Но вотъ послѣ польской войны русское правительство начинаетъ укрѣплять свои южныы границы, строить оно въ 1636 году города Козловъ, Тамбовъ, Ломовъ, Яблоновъ и пасадаетъ ихъ ратными людьми. И по всѣмъ татарскимъ шлахамъ встаютъ одинъ за другимъ укрѣпленные городки; отъ городка до городка, проводятся валы укрѣпляются эти валы тыномъ, засѣками, башнями и острогами и вездѣ на югъ, по этой линіи околовъ и рвовъ, ждутъ хищную орду русскія дружины. По всѣмъ татарскимъ шлахамъ проходить далеко на югъ проѣзжія казачьи станицы, разъѣзжая о врагѣ. Противъ трехъ главныхъ татарскихъ шлаховъ Муравскаю, Изюмскаю и Калміоскаю [12] были поставлены рати въ укрѣпленныхъ городахъ:—противъ Муромскаго въ Тулѣ, противъ Изюмскаго въ Изюмѣ, противъ Калміосскаго—въ Ливнахъ. Это были глашные города, гдѣ сосредоточивалось управление ратныхъ людей и казачьихъ разъездовъ. Въ одинъ изъ этихъ городовъ—Тулу и были посланы, послѣ выхода изъ подъ Смоленска, около ста яицкаго и столько-же донскіхъ казаковъ на постоянную службу. Здѣсь казакамъ разрѣшено было поселиться семьями, дазы были земли подъ пашню; на обзаведеніе домовъ и хозяйства („на селитьбу“) было выдано пособіе по 5 р. на человѣка.

Въ 1636 году часть этихъ казаковъ около 140 человѣкъ были переведены изъ Тулы во вновь построенный Козловъ, но, какъ видно изъ человѣтной этихъ казаковъ въ 1638 году, „за своею скудостью“ и неудобной пахотной земли они окончательно разорились. „Многіе Государь—пишутъ они въ человѣтной—наши братья казаки и дворишки постава изъ Козлова обрели съ бѣдности,

¹⁾ Изъ неизданныхъ записокъ И. Ильи Жельзнова. Войск. Арх., дѣло III раз., № 85, етд. 18, стр. 68.

зъ нынѣ нась холопей твоихъ въ Козловѣ осталось 40 человѣкъ съ женемицами и дѣтишками и пашня, Государь, пахать начали, рожь сѣяли занимавши и одолжали великие долги и ружьишко, Государь, проѣли¹⁾). Излагая свои бѣлы, казаки просить пожаловать имъ деньгами по ихъ бѣдности. Одновременно съ донскими и лицкими казаками подали челобитную о привезкѣ жалованья и поселенные въ Козловѣ „стрѣльцы, и полковые и сторожевые казаки, и пушкари, и затищики, и воротинщики и кузнецы”, всего 595 человѣкъ. Изъ этой челобитной видно, что и они тоже „завели пашню и дворашкамъ построились, а многіе бѣдны и безхлѣбны и только Государь не укажетъ дати нынѣ своего хлѣбнаго жалованья и изъ нихъ многіе побредуть розно”²⁾. По этой челобитной приказано было выдать донскихъ и лицкихъ казакамъ по 5 р. на человѣка. Очевидно, первые поселенцы въ Козловѣ терпѣли страшную нужду, и хотя при выдачѣ жалованья по 5 р. донскихъ и лицкихъ казакамъ Бориски Бухарцеву съ товарищи, велико было взять съ нихъ крестьянка поруки въ томъ, что имъ устроиться въ Козловѣ на житѣе и изъ Козлова не сбѣжать³⁾, но въ дальнѣйшихъ документахъ уже нигдѣ не упоминается о казакахъ въ Козловѣ,— надо полагать, они „нобрели розно” или переселились въ Тулу къ товарищамъ.

Часть донскихъ и лицкихъ казаковъ (сколько человѣкъ — точно неизвѣстно) жили въ Москвѣ и ходили на службу вмѣстѣ съ жившими въ Тулѣ и составляли съ ними одну ставицу. Въ своей челобитной, поданной царю въ 1648 г. о выдачѣ имъ впередъ жалованья на подъемъ на службу, они говорятъ: „Нынѣ мы холопы твои на Москвѣ своихъ донишками”³⁾. Такъ жаль между прочимъ вспауль лицкихъ казаковъ Григорій Копилловъ.

Казаки, поселившіеся въ Тулѣ, несли сторожевую службу и ходили въ походы для отраженія набѣговъ татаръ. Но обѣ этой службы ихъ, къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ документовъ. До нась дошли лишь свѣдѣнія о выдачѣ имъ жалованья, ихъ челобитники съ упоминаніемъ о боязни съ татарами и кое гдѣ донесенія воеводъ о этихъ бояхъ. Но всѣ эти свѣдѣнія на столько отрывочны и сжаты, что составить по нимъ полную картину службы казаковъ въ этихъ городахъ не представляется возможнымъ. Они лишь слегка приподнижаютъ завѣсу съ этого, бывшаго до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго, даждаго прошлаго и годны лишь какъ матеръялъ для исторіи войска.

Но какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, все же они проливаютъ свѣтъ на эту, бывшую во тьмѣ прошлаго, службу лицкихъ казаковъ и освѣщающую общую картину быта того времея и характеръ этой эпохи.

Изъ имѣющихся данныхъ видно, что казаки получали опредѣленное жалованье:

¹⁾ Челобитная дон. и лиц. каз. Бориски Бухарецъ съ товарищи 40 чл. 1638 г. лист. 18, Моск. Глаз. Арх. Минист. Юстиції, Вѣлагород. столъ, столбецъ № 92, листы 258—267.

²⁾ Такъ-же.

³⁾ Москв. Глаз. Арх. Минист. Юстиції, Бѣлг. ст. столб. 215, лист. 116.

атаманы 2 алтына 2 деньги, есауль 2 алтына, а рядовые по десять денегъ на день.

Жалованье это всегда выдавалось впередъ на каждые 4 мѣсяца съ нового года, считавшагося тогда съ 1-го сентября. Дѣти казачьи зачислялись на службу одинаково съ отцами „на убыль мѣста“, но получали жалованье значительно меньше, отъ 4 до 5 денегъ въ день. Жалованье это возвышалось лишь за личныя заслуги и за долгую службу. За разы, за отличіе въ бою казакамъ кромѣ праобразки жалованья къ ихъ окладамъ прибавлялось и количеству отведенной подъ нашни земли.

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ сохранившихся списковъ, атаманы имѣли „по окладу“ по 550 чети и 300 чет. земли; столько же имѣли и казаки.

Изъ многихъ человѣтвихъ видно, что казаки часто отпускались „по обѣщанію“ за колене въ Соловки, другіе же „за старостью и за ранами“ устраивались въ монастыри и постригались въ монахи.

Служба казаковъ въ украинныхъ городахъ продолжалась весьма долго вплоть до царствованія Петра Великаго, когда въ спискахъ казаковъ не видно уже ни одного первоначального выходца съ Яика, а въ ихъ рядахъ стоять или поверстанные постороннія лица или дѣти и внучки старыхъ яицкихъ казаковъ, утратившия совершенно всякую связь съ Яикомъ, но все еще официально называемые яицкими казаками.

Данныя о этой службѣ появляются лишь съ 1636 года. О службѣ же 1634—35 годовъ не имѣется совершенно никакихъ свѣдѣній за исключеніемъ человѣтвной яицкаго казака Ратова и справокъ по ней въ приказѣ¹⁾), изъ которыхъ видно, что верстанье казаковъ на службу въ Тулу было въ 1634 году и что уже въ 1635 г. они служили въ Дѣдиловѣ, где былъ бой съ татарами въ гдѣ Ратовъ за рану получилъ 3 р. прибавки къ жалованью.

Какъ видно по сохранившимся спискамъ, всѣхъ донскихъ и яицкихъ казаковъ въ Туль въ 1636 году было 192 чел., изъ нихъ яицкихъ 85. У нихъ было три атамана и 4 есаула при 185 рядовыхъ. Атаманами были Ларіонъ Анисимовъ, Фарсъ Бурдуковъ и Ларіонъ Кудринъ. Есаулы—Сила Семеновъ, Кондратій Кузьминъ, Афанасій Ивановъ и Григорій Коптевъ (яицкій). (см. прилож. X).

Воеводами въ Туле въ это время были стольники казакъ Юрій Буйносовъ-Ростовскій и Иванъ Ржевскій. Услышавъ весною 1636 г. о набѣгѣ татаръ къ Ливнамъ, они послали туда голову Севастіана Протасова и съ нимъ всѣхъ донскихъ и яицкихъ казаковъ всего 191 человѣка²⁾). Казаки встрѣтили татаръ, не добѣжая до Ливенъ, въ городкѣ Новосильѣ, где „за тѣми татарами пошли въ походъ и татаръ побали и языковъ поймали“. Но когда казаки пришли въ Новосилье обратно, то воеводы Новосилья князь Дмитрій Семеновъ

¹⁾ См. приложение X, относящееся къ службѣ казаковъ въ украинныхъ городахъ.

²⁾ Москов. отд. Арх. Мин. Юст. Моск. стол. № 115, листы 377—378.

и Максимъ Крюкоевъ подъ языки не дали ни подводъ, ни провожатыхъ, и казаки должны были сами наять подводы и сами въ провожать; это стоило имъ отъ Новосилья до Тулы на каждого язака по рублю. Также не дали воеводы подводы и подъ раненаго казака; пришлось казакамъ наять и раненному подводу и заплатить тоже рубль. По этому поводу казаки во главѣ съ есауломъ Григоріемъ Колтѣвымъ подали воеводамъ челобитную о возвратѣ израсходованныхъ денегъ (сколько — неизвѣстно), которую воеводы направили со своимъ разъясненіемъ царю. На оборотѣ этой челобитной помѣтка: „Отписать въ Новосиль къ воеводамъ, чтобы отписали къ Государю подлинно, для чего казакамъ подъ языки подводъ не дали и только будетъ не дали подводъ дуростью своею, и то они учинали не дѣломъ; и на которыхъ подводахъ казаки языковъ до Тулы везли и за эти подводы прогоны велѣть доправить на нихъ“¹⁾.

Порадки въ арміи существовали тогда самые погріахальные; не только не было опредѣленнаго указанія о дачѣ казакамъ подводъ, но и выдача пороха и свинца производилась имъ по личному взглѣду воеводъ, такъ напримѣръ передъ походомъ въ это лѣто казакамъ было роздано 2 пуда зелья и 1 пудъ свинцу „и за томъ бою зелье и свинецъ у нихъ вышло“. Въ возвратѣ израсходованаго, казакамъ пороха не выдали и они должны были обѣ этомъ подавать челобитную царю, и лишь по царскому указу вѣдѣно было давать имъ его каждый разъ когда они израсходуютъ его въ бояхъ, но приказывалось головѣ Севостьяну Протасову „чтобы онъ надъ донскими и надъ яицкими казаки смотрѣлъ того на крѣло, чтобы они зелья и свинцу безъ дѣла не теряли“.

Въ началѣ октября этого же года у казаковъ въ Ливнахъ вышла большая непріятность. По донесенію изъ Ливенъ новаго казачьаго головы Захара Мячинова видно, что 18 октября, когда крымскіе послы возвращались изъ Москвы въ Крымъ и остановились въ Ливнахъ, то Яковъ Дашковъ (ливенскій воевода) велѣлъ крымскихъ пословъ поставить въ слободахъ, гдѣ стояли донскіе и яицкіе казаки „мимо порожихъ слободъ (свободныхъ), а Ямская слобода и Засосенская были порожни, и конскій кормъ донскихъ и яицкихъ казаковъ крымскіе послы потравили и яицкаго казака Тимошку Маркова были и бывъ взяли его къ себѣ и держали у себя связавъ два дни, а съ Ливенъ повели его съ собою... и ныне у казаковъ конскаго корму нѣть, хотѣть бресть разно“²⁾).

Такъ боялись тогда татарь! — Воеводы не смѣли ничего предпринять, чтобы высвободить захваченнаго казака и не позволить братъ сѣна, а лишь только доносить обѣ этомъ царю. На оборотѣ этого донесенія помѣтка: „145 (1636 г.) ноября въ 21 день, отписать къ Якову Дашкову для чего то учинали, что у ратныхъ людей поставилъ татарь“.

Въ слѣдующій 1637 г. тѣ же казаки были посланы отъ тульскаго вое-

¹⁾ Тамъ-же Бѣлгородск. столь, столб. 61 листы 208—309.

²⁾ Бѣлгор. столь, столб. 83 листы 120—121, Челобитія князя Буйносова-Ростовскаго и Ржевскаго на Якова Дашкова.

воды князя Ивана Никитыча Хованского¹⁾) тоже подъ Лисынъ „по кѣстямъ“ на татаръ съ головою Венедиктомъ Сухотинымъ. Придя въ Лисынъ, Сухотинъ потребовалъ отъ ливенскаго воевода Якова Дашкова „вожей“ для дальнѣйшаго похода, но Дашковъ не далъ и въ своей членитной царю письмо: „а у меня холопа твоего государева указу вѣть, чтобы имъ давать вожей, а въ донскихъ казакахъ ливенцевъ и ельчанъ много, которые были на Дону, а пришли съ Дону на твою государеву службу подъ Смоленскъ, а иные многіе писались въ донскіе казаки какъ пошли на твою государеву службу подъ Смоленскъ: два атамана Ларя Оникимовъ да Ларя Кудринъ; есауль Афонъ Ивановъ ельчане, есауль Кондратій Кузинъ—ливенецъ и рядовыхъ казаковъ ливенцевъ и ельчанъ много и я холопъ твой безъ твоего государева указу вожей давать ему не сиѣю и о томъ государь какъ укажешь“²⁾).

Пока шла переписка въ Москву и обратно, можно ли дать вожей Сухотину, дѣло не ждало и казаки пошли въ поле со своими проводниками. Какъ видно изъ членитныхъ казаковъ, Сухотинъ татаръ отыскалъ и вступилъ съ ними въ бой, многіе казаки были ранены и были взяты въ плѣнъ татары. Осенью часть этихъ казаковъ—атамановъ два и рядовыхъ 23 человѣка были отпущенны изъ Тулы въ Москву, куда они „съ языки съ татарами“, а также и раненые казаки прибыли 11 августа.

Здѣсь казаки, будучи у государя у руки, „били государю челомъ—подавали членитныя, чтобы государь ихъ за прежнюю смоленскую службу, и за раны, и за отходъ, и за ливенскія службы 1636—37 годовъ и за язычные приводы пожаловалъ, а кто и о чемъ бѣть членомъ, было записано на перечень“.

Атаманъ 1 чел. бѣть членомъ въ задворные конюхіи и о нѣмецкой пистоли, что у него отбили татарова.

Атаманъ же 1 чел. да 2 чел. казаковъ—атаманъ женился на вдовѣ изъ Воронежѣ на тягломъ дворѣ, а казаки купили на Тулѣ дворъ, въ тѣхъ иныхъ дворы обѣлить³⁾.

Казаковъ 4 чел. бѣть членомъ о верстакъ⁴⁾). Членитная же всѣхъ доскихъ и ѿцкихъ казаковъ за службы о годовомъ жалованье. Казаковъ 5 чел.—въ побитыхъ и во взятыхъ лошадей—о лошадахъ.

Казакъ 1 чел. взять быль въ полонъ—бѣть членомъ о лошади-жѣ.

Казакъ 1 чел.—отбито у него пистоль да сабля. Казакъ 1 чел. бѣть членомъ въ Астрахань въ толмачи—а прежнаго толмача не стаzo⁵⁾.

Что было сдѣлано по этиимъ членитямъ—изъ дѣла не видно.

¹⁾ Этотъ воевода былъ временно, далѣе видно, что въ Тулѣ оставались старые воеводы Буйносовъ Ростовской и Гжавской.

²⁾ Тамъ-же Бѣлгородъ, столь, столб. 83, листы 719—721; писанье отвѣтъ изъ Москвы 1637 г. июля 17. На оборотѣ этой членитной помѣтка: „отписать: для вожества давать человѣка по 2 по 3“.

³⁾ Т. е. записать за нихъ не плати пошлины.

⁴⁾ Зачислять изъ службу, на жалованье (видимо новые казаки или дѣти казаковъ).

⁵⁾ Бѣлгородск. ст. столб. 83, листъ 792—793.

Въ слѣдующіе годы мы видимъ этихъ-же казаковъ, командируемыхъ каждое лѣто изъ Тулы въ Яблоновъ, Веневъ, Ливны и др. пограничные городки. Такъ въ 1638 году они были въ Ливнахъ съ головою Иваномъ Даниловымъ, которому приказано было въ Ливнахъ „свѣстись съ Дмитриемъ Колотоскимъ въ прахъ воинскихъ людей (татаръ) съ ратными людьми промышлять”¹⁾.

Въ этомъ году, какъ видно изъ челобитн. каз. Ратова и помѣтка на этой челобитной, у казаковъ съ татарами былъ бой въ Новосильѣ, куда они вѣроятно ходили изъ Ливенъ: отличившемуся въ этомъ бою казаку Ратову было дано „за убитые мужики (татаръ) въ прибавокъ къ жалованью два рубля”.

Въ 1639 г. казаки были посланы снова на службу въ Ливны, при чёмъ имъ было выдано жалованье впередъ на три мѣсяца—на юнь, юль и августъ прибывшимъ въ Тулу бояриномъ княземъ Дмитриемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ съ товарищи, который передъ отправлениемъ произвелъ имъ смотръ. Изъ списка, составленного по этому поводу, видно, что всѣхъ лицъ и донскихъ казаковъ состояло 187 чел. и что изъ лицъ казаковъ Абраамъ Ивановъ постригся въ монахи, а „Вторыши Павловъ Тениковецъ умре” и что изъкоторые казаки къ смотру не поспѣли: „живутъ на Ельце” и къ государеву жалованью и къ денежной раздачѣ будуть впередъ²⁾). Казаки были посланы съ головою Афонасиемъ Крюковымъ, который долженъ быть вѣдѣтъ съ ливенскимъ воеводою Дмитриемъ Колотоскимъ въ случаѣ прихода чеческихъ людей чинить надъ ними промыселъ³⁾.

Въ 1640 г. эти-же казаки въ числѣ 176 чел. служать все лѣто съ апрѣля по августъ въ Яблоновъ, куда были отправлены княземъ Алексѣемъ Трубецкимъ съ головою Владимиромъ Власьевымъ въ распоряженіе воеводы князя Василія Львова⁴⁾). При раздачѣ кормовыхъ было дано еще на подъемъ для Яблоновской службы атаману (одному) 7 р., есауламъ 4—по 6 р., рядовымъ 167 чел. по 5 р. и казачьимъ лѣтникамъ 4 чел. по 4 р. Лицкіе казаки были подъ командою того же есаула Григорія Коптѣва, выбыло въ этомъ году у нихъ умершимъ Севостьянъ Терентьевъ и больнымъ въ Курскѣ казачій сынъ Ишафко Волокитинъ⁵⁾.

Въ 1641 году казаки были отправлены на лѣто при стольникѣ и воеводѣ князѣ Яковѣ Черкасскомъ снова въ Яблоново въ распоряженіе яблоновскаго воеводы Бориса Пушкина съ головою Петромъ Вельзимовимъ⁶⁾. Всѣхъ казаковъ было рядовыхъ 165 чел.⁷⁾. Въ 1642 г. казаки все лѣто служить въ Веневъ, куда отправлены изъ Тулы княземъ Алексѣемъ Воротынскимъ съ

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Минист. Юст., Бѣлгородск. столъ, столб. 183, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же—Дѣло Десятн., книга 186, листы 60—69, 75—80, 88—84, 87—91.

³⁾ Тамъ-же, Бѣлгор. ст. столб. 183, листы 14—15.

⁴⁾ Бѣлгор. ст. столб. 183, листъ 14—15.

⁵⁾ Дѣло Десятн., книга 186, листы 94—101.

⁶⁾ Бѣлгор. столъ, ст. 183, листы 14—15.

⁷⁾ Дѣло Десятн., книга 186, листы 102—108, 107—114. Раздаточ. списокъ на жалованье.

бояриномъ княземъ Юріемъ Адреевичемъ Сицкимъ ¹⁾.

Лѣтомъ 1643 года они вновь были въ Веневѣ со стольникомъ и воеводою княземъ Юріемъ Долгоруково, но оттуда по отпискѣ тульскаго воеводы князя Куракина посланы были на Ливны къ воеводѣ Ивану Бутурлину съ головою Василіемъ Трубниковымъ, при чёмъ Бутурлину наказывалось одѣстайлхъ головы и казаковъ писать въ Тулу къ князю Куракину ²⁾.

Въ Ливнахъ Бутурлинъ со всѣмъ своимъ отрядомъ изъ бой съ татарами, о чёмъ онъ, сообщая въ Москву, пишетъ:

„Августа въ 3 день, въ 4-мъ часу дна, прибѣжалъ за Ливны изъ Галицы острожку ливенецъ, синъ боярскій, Сенька Борисовъ, а сказалъ: того же числа и часу пришли татаровъ съ Калміюской сакмою къ рѣкѣ Соснѣ многіе люди и перелѣзли рѣку Сосну въ Рeutовъ бродъ и учали воевать ливенскій уѣздъ Серболовъ станъ; и на тѣхъ татарь посыпалъ головъ, тулянъ, Микулу Вельяминова, Якова Ильяна съ сотами, ротмистровъ Василія Веселовскаго и Андрея Фамендина съ иноземцами, Суагура Бордакова съ ливенскими съ полковыми казаками, и донскихъ и яицкихъ атамановъ и казаковъ и ливенцевъ дѣтей боярскихъ. И того же числа въ 6-мъ часу ночи, головы и служилые люди пришли на Ливны, а сказали: сошлись они съ татарами противъ деревни Грязду, отъ города въ 8 верстахъ, и съ татарами они бились, а было татарь на томъ бою съ 600 человѣкъ, и съ бою татары пошли тою же сакмою къ рѣкѣ Соснѣ въ Рeutовъ бродъ; и они, головы и служилые люди, шли за татарами томъ же сакмою, чтобы татаромъ Ливенскаго уѣзда воевать не давать, и дошли они татарь въ Ливенскомъ уѣздѣ къ рѣкѣ соснѣ на Нетесовскій полѣ, отъ города въ 20 верстахъ, а было татарь по сиѣтѣ тысячѣ 4 и больше; и они съ тѣми татарами бились съ 5-го часу дна до вечера, и татарь многихъ побили и переранили и Ливенскаго уѣзду воевать не дали; а на бою взяли въ языцѣхъ татарь 3 человѣкъ. И татаровъ съ того бою пошли назадъ тою же Калміюской сакмою“ ³⁾.

Но сообщая о своемъ боѣ, воевода Бутурлинъ умолчалъ о своихъ потеряхъ и о томъ, что изъ его отряда татары взади въ пѣнѣ не мало ратниковъ, а также захватили много жителей изъ Ливенскаго уѣзда. Вѣсти объ этомъ дошли въ Москву другими путями и по этому поводу воеводѣ пишутъ ⁴⁾: „А ванъ вѣдомо учинилось, что въ тотъ татарскій пріходъ наши служилые люди побиты и въ полонъ поиманы, а ты пишешь къ намъ только о службѣ своей, а что на томъ бою служилыхъ Тульскаго полку дворянъ и дѣтей боярскихъ, и иноземцевъ, и донскихъ и яицкихъ казаковъ, и ливенцевъ дѣтей бояр-

1) Бѣлгород. стат., ст. 183, листы 14—15.

2) Тамъ-же.

3) Акты Московскаго Государства, т. II № 199 Государева грамота ливенскому воеводѣ Ивану Васильевичу Бутурлину о присыпкѣ списковъ убитыхъ и пленныхъ людей при нашествіи татаръ 1643 г. августа 22.

4) Тамъ-же.

скихъ и казаковъ и стрѣльцовъ, и черкасъ, и что въ уѣздѣ какихъ людей побито и въ полонъ взято, и ты о томъ къ намъ не напишишь. А намъ, великому государю, то надобно вѣдать, какъ которые служилые люди съ басургами за православную крестьянскую иѣру и за наше государство бились, и кровь свою пролили, а иные въ полонъ поиманы, чтобы побитыхъ и полоненыхъ дородство и кровь николи въ забвѣни не было, и за ту ихъ явную службу было бъ почему взыскати нашему государской милостью дѣтей и родицеръ ихъ; а которые въ полону, и тѣхъ бы за ихъ явную службу было почему изъ полона окупить. А по нашему царскому указу служилыхъ людей, которые на татарскомъ бою побиты, и тѣхъ вѣдно писать на Москву въ соборной церкви Пречистой Богородицы, честнаю и славнаю Ея успенія и по монастыремъ въ сѣчные сенаники...

А кто имена въ татарскую войну августа въ З. д. служилые люди побиты и въ полонъ взяты на татарскомъ бою, и кто имена и какие люди въ татарскую войну въ уѣздѣ побиты и въ полонъ поиманы мужскаго и женскаго полу, и ты бъ тому всему прислать къ намъ именную расписъ*.

При переписи Захарова яицкій казакъ Иванъ Емурновъ показалъ: „Дѣдъ мой родиною ногайскихъ татаръ—запоеванъ яицкими казаками въ 151 г. (1643) году“. Не въ числѣ ли изѣнныхъ татаръ, взятыхъ въ этомъ бою, бывъ его дѣдъ?

Въ этомъ-же году у яицкихъ казаковъ въ Туль въ спискахъ произошла вѣкоторая перемѣна. Казакъ Василій Андреевъ просилъ человѣтной отпустить его въ Кизань „Оброкъ свѣтъ и помолиться Пречистой Богородицѣ Казанской и казацкимъ чудотворцамъ Гурю и Варсунифю и съ родицами повидаться и съ родительми проститься“¹⁾. Андреевъ бывъ отпущенъ, а для прохода въ Кизань бывъ ему выдаѣть пропускъ: „Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича... по городамъ воеводамъ наши и приказнымъ людямъ. По нашему указу отпущенъ съ Москвы въ Кизань яицкой казакъ Василька Андреевъ по общанію своему для мольбы. И на которые города яицкій казакъ Василька Андреева въ Кизань подѣть и вы бъ воеводы наши и приказные казака Васильку Андреева пропускали безъ задержанія“²⁾.

Тогда-же зачислили въ списки казаковъ выбѣжавшихъ изъ турецкаго пѣнза Кирилу Ковдратьеву Каторжного и Петра Мирославскаго. Въ своей человѣтной, поданной царю въ 1647 году, Каторжный такъ описываетъ свое пребываніе въ турецкомъ пѣнзе: „Быль я холопъ твой въ полону въ туркахъ на каторгѣ³⁾, животъ свой мучилъ 22 года и всякую полонную вужду терпѣль и въ прошломъ въ 151 (1643) году, Божію милостію и твою государевыми счастіемъ и промысломъ атамана нашего Иава Семенова, украдчи

¹⁾ Бѣлгородскій ст., столб. 188, листъ 28.

²⁾ Тамъ-же, листъ 29.

³⁾ Каторга—большое турецкое судно, где изѣнны работали въ вѣзахъ.

на каторгѣ у турскихъ людей пороху 40 фунтовъ, подложили подъ турскихъ людей, гдѣ они сидѣли въ заднемъ чердакѣ и тотъ порохъ подъ ними взорвался и турскихъ людей разбросало въ море, а иные погорѣли, а достальныхъ турскихъ людей побили на голову, а 40 человѣкъ въ языцахъ въ живыхъ взяли; а невольниковъ насъ на каторгѣ было 280 человѣкъ; а вышли мы, холопы твои, на каторгѣ въ испанской городѣ въ Мисинѣ и испанские державцы на каторгѣ турскихъ людей, которые съ нами бились 40 человѣкъ, взяли и что у насъ было на каторгѣ добра и то у насъ добро все съ каторгой отняли и насъ, холоповъ твоихъ, призывали служить къ своему королю, а давали жалованье большое. И мы, холопы твои, помни православную христіансскую вѣру и наше царское жалованье, не покусились ва ихъ прельщеніе ни на что. И шла мы, холопы твои, на разныя земли чрезъ испанскую землю, да на римскую, да венецианскую да цесарскую, да на швейцарскую, да на литовскую землю и изъ литовской земли вышли на Вязьму на Ваше Государево имя, а изъ Вязьмы прашу къ тебѣ государю къ Москвѣ атаманомъ съ Иваномъ Семеновымъ съ товарищами 20 человѣкъ”¹⁾.

Казакъ Петръ Мирославскій былъ въ пѣнѣ, въ Литвѣ и въ Крыму, и въ туркахъ на каторгѣ “больше 30 лѣтъ, и, согласясь съ невольниками, на пяти каторгахъ „турковъ порубили и всѣхъ побили”, при этомъ потеряли убитыми сами 700 человѣкъ... и послѣ разныхъ приключений пробрались къ Москвѣ²⁾).

Мирославскій былъ причисленъ къ яицкимъ казакамъ.

Собравшись 20 сентября въ сѣбѣзную избу, казаки подали Бутурлину челобитную о томъ, чтобы отпустить челобитчика ихъ донского казака Нестерка Афанасьеву къ Москвѣ бать чадомъ государю о своихъ нуждахъ³⁾). Прябивъ въ Москву, Афанасьевъ съ товарищами подали 18 октября челобитную, въ которой жаловались, что они до сихъ поры служатъ въ Ливнахъ; „и по си мѣста мы не отпущены — испроѣлися... Милосердый государь Царь... пожалуй насть, холопыъ своихъ, вели государь насть съ своей государевой службы отпустить по домишкамъ”⁴⁾.

Одновременно съ этимъ подалъ челобитную верстаний кормовой яицкій казакъ крымскій половецъ Мишка Автоновъ, который говорить, что онъ въ прошломъ (1642) году женился въ Тульѣ на вдовѣ кузнеца Елизара; Клабукова Авдѣть, гдѣ и жилъ въ ея домѣ и дворѣ у Елизара имѣлись еще два брата Калина и Фотѣй. „А какъ Елизаръ живъ былъ и мать ихъ родная (Ульяна) всѣхъ ихъ трехъ братьевъ раздѣлила въ животахъ и дворами порезавъ, и его Елизарья отдѣлила прочь дворомъ и жилье она собою врознѣ отъ меньшихъ своихъ братьевъ, а съ меньшими дѣтьми она Ульяна, съ Калиной да Фотѣемъ осталась жить въ старомъ дворѣ своемъ и раздѣльную запись

¹⁾ Бѣлгородскій ст. столб. 215 листъ 14.

²⁾ Бѣлгородскій ст. столб. 215 листъ 19.

³⁾ Бѣлгородскій ст. столб. 183, листъ 27.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 30.

межъ себя написали¹⁾. Но эту раздѣльную запись Ульянскрыла и задумала со
своими дѣтьми выгнать съ участка свою dochь Авдотью к казаку Антонову.
„Сживаютъ меня вонъ — жалуется Антоновъ — и продаютъ меня напрасно я
бытьчать, хотятъ меня безъ службы доспѣть и съ женишкомъ межъ дворъ (по
дворамъ) пустить и тѣмъ дворомъ завладѣть... вели Государь про тотъ дво-
ришко сыскать новальнымъ обыскомъ Кузнецкою слободою и въ захребетникахъ
всѧкыхъ чинозъ людими и ея Ульяниной отцомъ духовнымъ что Государь
иъ то вѣдомо... и вели Государь допросить посадского человѣка Осипа Сало-
менцева, который у записи раздѣльной сидѣлъ, и о томъ вели мнѣ на Тулу
дать своему государеву сыскную грамоту, чтобы мнѣ холопу твоему отъ нея
Ульяны и отъ ея дѣтей отъ ихъ ложнаго челобитья и отъ вашрасной продажи
въ конецъ не погинуть и твоей царской службѣ не отбыть”²⁾.

Отправляясь обратно въ Ливны, казаки повезли съ собою два указа — одинъ
въ Тулу воеводѣ Дорофею Остафьеву, другой въ Ливны боярину Бутурлину.

Въ первомъ приказывалось Остафьеву дѣло по жалобѣ казака Антонова
разобрать и дать ему съ Ульяниной и ея дѣтьми очную ставку и разспросять
ихъ, а послѣ очной ставки „сыскать на Туль всѧкими людими накрѣпко
и будеть въ сыску дѣловомъ скажутъ. что Елизарко Клобуковъ съ матерью
свою и съ его Елизарковыми братями жилъ въ раздѣльѣ себѣ дворомъ и за-
нимъ дѣловымъ межъ ими были, и ты-бъ тѣмъ дворомъ по сыску велѣть вла-
дѣть лицкому казаку Митѣ Антонову по прежнему”³⁾.

Въ указѣ Бутурлину приказано было отпустить казаковъ съ Ливн въ
Тулу по домамъ съ 1 ноября⁴⁾. Послѣ смотра они были отпущены 3 ноября,
о чёмъ и донесъ Бутурлинъ въ Москву съ язакинъ казакомъ Нестеромъ
Максимовыми⁴⁾.

Что послѣдовало по челобитью казака Антонова, получиль ли онъ во вла-
дѣніе свой дворъ, въ дѣлахъ указаний не избѣется.

21 мая 1644 года казаки были высланы изъ Тулы тульскими осадными
воеводами Дорофеемъ Остафьевымъ согласно царской грамотѣ въ г. Осколь,
куда пошло всего 127 чел. Остальные казаки, въ количествѣ 38 человѣкъ,
остались по разнымъ причинамъ въ Туле. Въ маѣ и маѣцѣ въ Тулу прибыли:
бояринъ и воевода Иванъ Васильевичъ Морозовъ, князь Григорій Петровичъ
Барятинскій да дьякъ Семенъ Сафоновъ, которымъ было поручено коман-
дованіе московскими ратными людьми въ Туле. Имѣя царскій указъ о высылкѣ
казаковъ съ Тулы на Осколь, Морозовъ отоспалъ туда 22 мая голову Филиппа
Петровича Хощинская со оставшимися 38 язаками и донскими казаками,
гдѣ, по прибытии, онъ долженъ былъ взять казаковъ первой высылки, находя-

1) Вѣл. стол., листъ 33.

2) Вѣл.ст. столб. 183, листъ 34. Указъ писанъ 1644 г. октябр. 22.

3) Вѣл.ст. столб. 183 листъ 31. Указъ писанъ 1644 г. октябр. 20.

4) Тамъ-же листы 1, 2, 5—9. Челобитная 1644 г. ноября 8.

щихся у оскольского воеводы Дмитрия Плещеева, и со всѣми донскими и азовскими казаками быть на государевой службѣ на Осколѣ съ воеводой Плещеевымъ. Для слѣдованія въ Осколь Морозовъ согласно царскаго наказа даетъ Хвощинскому подробную инструкцію, гдѣ ему вѣнается въ обязанности: „идучи дорогою до Оскола на станѣхъ ставиться въ крѣпкихъ изѣстахъ и бераженіе держать великое, чтобы на дорогѣ почнѣши временемъ татаровы на станѣхъ не побали и какого дурина надъ казаками не училъ“. По прибытии въ Тулу приказано всѣхъ казаковъ пересмотрѣть и написать списокъ „и есть и вѣты прислать“, т. е. показать всѣхъ, кто есть на лицо (есть) кого нѣтъ (вѣты), и если Дмитрий Плещеевъ пошлетъ его вѣсты съ оскольскими служилыми людьми за татаръ, то ему „изъ татаръ промышлять“ и обо всѣхъ своихъ дѣлахъ писать въ Тулу боярину Морозову съ товарищи, т. к. азовские и донские казаки „Тульскаго полку“; будучи же на Осколѣ оскольскимъ служилымъ, посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ торговымъ людямъ бою и грабежу не дѣлать и „зерни и бл—ни и табаку не держать и иного никакого дурина не чинить и по дорогамъ для грабежу неѣздить“.... Въ случаѣ же непослушанія велѣво Хвощинскому про то ссыкывать и отъ воровства казаковъ узнавать и наказанье чинять, смотря по винѣ:—бить батогами нещадно и сажати въ тюрму; и чтобы по дворамъ въ Осколѣ стояли смироно, посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей, у кого будутъ поставлены, жень ихъ и дѣтей не били и не грабили и сильно ни что ни у кого не имали.... ¹⁾)

Посылая Хвощинскаго за Осколь, Морозовъ одновременно пишетъ Плещееву ²⁾ о томъ, чтобы онъ отдалъ подъ команду Хвощинскаго посланныхъ разѣ въ Осколь 127 ³⁾) казаковъ и посыпалъ ихъ противъ татаръ вѣсты съ оскольскими служилыми людьми.

Хвошинскій съ казаками прибыль въ Осколь 1 июня⁴⁾ и былъ въ іюнь-же посланъ Плещеевымъ въ походъ на татаръ.

Но прежде чѣмъ отправиться въ походъ, казаки, собравшись къ Плещееву, потребовали отъ него выдачи обычно положеннаго имъ пороху и свинца; Плещеевъ имъ отказалъ, ссыпалъ на то, что они должны были получать его изъ Тулы. Не получая ни тутъ, ни въ Туле слѣдующий вимъ порохъ, казаки, Сила Семеновъ съ товарищи, подали челобитную царю: „пожалуй насть холоповъ своихъ—пишутъ они—вѣли намъ свое государево жалованье, порохъ и свинецъ выдать, чтобы намъ, будучи на твоей государевой службѣ на Осколѣ, было съ чѣмъ противъ твоихъ государевыхъ недруговъ вѣхать и твоей бы царской службѣ впередъ не отбыть“ ⁵⁾.

¹⁾ Бѣлгород. столъ, столб. 172, листы 11—20.

²⁾ Тамъ-же, листы 20—22.

³⁾ Въ доказаніяхъ царю съ посланныхъ казаковъ на Осколѣ Морозовъ говоритъ, что было послано разѣ не 127, а 180 чал. (Тамъ-же, листы 23—25).

⁴⁾ Бѣлгород. столъ, столб. 172, листъ 106, отъ Плещеева Морозову.

⁵⁾ Бѣлгород. столъ, столб. 188, листъ 39.

По этой члобитной Плещееву приказано было выдать казакамъ по 1 фунту пороху и свинца.

Кромѣ того всѣ прибывшиѣ казаки изъ Тулы на Осколь получили сверхъ коровьыхъ по 1 рублю жалованья ввидѣ награды за службу ¹⁾.

Не понравился сразу казачій голова Плещееву или Хвошинскій дѣйствительно былъ пьяница, какъ утверждалъ воевода, но съ перваго же дна прибытія Хвошинскаго между ними начинается рядъ недоразумѣній, которые оканчиваются якою скорою и доносами другъ на друга. Эти доносы даютъ яркую характеристику отношеній между начальствующими лицами того времени.

Прежде всего Плещеевъ не сразу отдалъ казаковъ въ распоряженіе Хвошинскаго, а передалъ ихъ только 7 июня, но судь и расправу надъ ними оставилъ за собою, отбравъ для этого у Хвошинскаго и тѣхъ 38 казаковъ, которыхъ онъ привелъ съ собою. Въ своей довеселіи Морозову Хвошинскій писалъ, что Плещеевъ сталъ распускать казаковъ по городамъ и что на лицо казаковъ „объянилось 156 человѣкъ, а иѣтчиковъ 13 человѣкъ“, излагая Морозову въ своей жалобѣ, что Плещеевъ не отдаетъ ему казаковъ, не даетъ имъ зелья и свинца, и не велитъ ему иметь расправу надъ казаками, Хвошинскій проситъ Морозова заступиться за него и послалъ съ своимъ члобитѣмъ 20 июня лицкаго казака Кунцана Родионова ²⁾.

Получивъ эту жалобу, Морозовъ 30 июня послалъ съ тѣмъ же казакомъ Родионовымъ къ Плещееву отписку, чтобы онъ отдалъ, какъ велѣно въ государевомъ указѣ, яицкихъ и донскихъ казаковъ въ полное распоряженіе Хвошинскаго и не отпускаль-бы для торговли по городамъ, а за татарами послалъ бы выѣстѣ съ оскольскими служилыми людьми. А зелье и свинецъ чтобы онъ выдалъ казакамъ по государеву указу „какъ у тебя въ государевѣ ваказъ ваписачо“, а если у казаковъ съ татарами бои не будетъ, „то зелье и свинецъ велѣть имать назадъ въ государеву казну сполна противъ дачь“ ³⁾.

Но не успѣла дойти эта отписка въ Осколь, какъ Хвошинскій 9 июля снова написалъ Морозову члобитье, где жаловался, что Плещеевъ отпустилъ казаковъ съ государевой службы по разнымъ городамъ одиннадцать человѣкъ и многихъ другихъ казаковъ „невѣдомо для чего“ и въ случаѣ прихода татаръ ему не съѣѣть будетъ идти въ походъ, „да онъ-же Дмитрій (Плещеевъ), пишетъ Хвошинскій, казакамъ меня слушать не велѣль ни въ чёмъ, и многие казаки на кабакѣ проились и зернью проигрались, а онъ Дмитрій мнѣ не въ чёмъ воля надъ мною не даетъ“. Умилостивясь государь бояринъ Иванъ Васильевичъ, избави меня отъ такого гоненія, чтобы государь указалъ мнѣ

¹⁾ Тамъ-же, листы 41—53, члобитная Плещеева къ Царю.

²⁾ Тамъ-же, листы 98—106.

³⁾ Вѣзгор. ст. столбецъ 172, листы 100 и 102.

быть на своей государевой службѣ за иной городѣ, а Дмитрій Плещеевъ меза безпрестанно лаетъ матерни¹⁾... ¹⁾ Морозовъ донесъ объ этомъ царю и послалъ свое чадобитье въ Москву 18 июля съ донскими казаками Нестеромъ Афанасьевымъ ²⁾.

Въ то же время, когда Родионовъ пріѣхалъ съ отпискою отъ Морозова за Осколь, Хвоцкій опять послалъ чадобитье на Плещеева ³⁾. „Приславъ отъ тебя боярина за Осколъ съ отпискою къ воеводѣ къ Дмитрію Плещееву лицкой казаку Кипреяно Родионову и тотъ Дмитрій въ съѣзжей изъ того казака учалъ бранить матери и сажаль его въ тюрьму и на олосѣ твоей боарской отписки, онъ-же Дмитрій, отпущалъ съ государевой службы донскихъ казаковъ есаула Кондратыя Козмина съ товарищи и многихъ донскихъ и яицкихъ казаковъ отпускаетъ по разнымъ городамъ а меня имъ слушать ни въ чёмъ не велитъ; да онъ-же Дмитрій писалъ на меня, что я въ соборной церкви на государевъ ангель у молебна не былъ, а я былъ на государевъ ангель въ церкви у Пресвятаго Богородицы честного и славнаго Ея Покрова, а у тое церкви дѣячка пѣту и я въ той церкви у вечерни стихеры и канонъ говорильт и псалмы, а на заутреня въ на молебенѣ псалмы и каноны аздвику а же говорильт и у обѣдна я иного грѣшнаго у той же церкви былъ и на клиросѣ пѣль, а въ соборѣ не былъ потому, что грѣхомъ своимъ замѣмогъ; да онъ-же Дмитрій посыпалъ меня въ походъ одного съ казаки, а въ твоей боарской наказной памати написало у меня, что вѣдно ему меня посыпать вѣхъ съ служивыми съ оскольскими людьми, а оскольскихъ людей посыпалъ вѣхъ съ головою Севостыпомъ Протасовымъ въ иное мѣсто, где чаяли татарамъ приходу, а меня посыпалъ въ такое мѣсто, где приходовъ не бываетъ и впередъ хотеть посыпать такъ-же, а конихъ казаковъ я посыпалъ къ тебѣ, боярину, съ отпискою, и онъ Дмитрій на тѣхъ казаковъ писалъ къ Москвѣ, что будто они съ государевы служби сѣжали, а какъ ни пріѣду въ съѣзжую избу и онъ меня бранить матерни. Умилостивись государь бояринъ Иванъ Васильевичъ и князь Григорій Петровичъ, заступите меня, а житие мое отъ Дмитрія стало коротко, и тебѣ государь великому боярину обышнаа будеть отъ Бога мѣда, что я отъ него безпрестанно плачу; а у прежнихъ головъ писывали казаки отписки, а ко мнѣ никто не идетъ писать, боясь Дмитрія, и я маракую свою рукою отписке”.

Въ слѣдующей своей чадобитвой къ Морозову Хвоцкій, вадимо доведенный Плещеевымъ до бѣлага калечія, писалъ Морозову: „Изгоняючи меза воевода Дмитрій Плещеевъ вѣдѣлъ меня поклонять яицкому казаку Авдюшѣ Петрову будто предо мною у нихъ судъ былъ, а у меня никакого суда не бывало; да какимъ, государь судамъ быть—казаки ко мнѣ никто не ходить. И тотъ Дмитрій Плещеевъ прислалъ ко мнѣ память съ оскольскими казаками

¹⁾ Тамъ-же, листъ 103; тутъ-же списки отпущеніи казаковъ.

²⁾ Бѣлг. ст. столб. 172, листъ 104.

³⁾ Бѣлг. ст. столб. 172, листъ 174.

съ Иванкой Альфавонинъ на дворъ и тое память велѣль мнѣ бросить въ глаза и казаку Андрюшкѣ Петрову велѣль меня звать матери и всякою неподобною ласю... и тое, государь, Дмитріеву память послать я къ тебѣ боярину подклес подъ сею отпискою.... а только не будетъ ко мнѣ твоего боярскаго призрѣнія только пойдти въ монастырь отъ такого позора и гоненья¹⁾.

Должно быть, донъ-же Плещеевъ Хвощинскаго!

Но послушаемъ, что пишетъ Плещеевъ въ ответъ на отписки Морозову, и что говорить онъ ему въ свое оправданіе.

„Государя, цара (титулъ) боярину Ивану Васильевичу—пишеть онь Морозову²⁾—Дмитрій Плещеевъ чаломъ беть. Въ вышнемъ, господине, въ 152 году (1644 г.) іюля съ 1 числа била чаломъ государю царю... Михаилу Федоровичу... и ко мнѣ, господине, въ съѣзжую избу приходили многожды съ великою докукою донскіе и яицкіе есаулы и казачы дѣти что де ихъ голова Филиппъ Хвошинскій пишеть въ пѣти (въ отлучкахъ) для своей корысти и тѣ де пѣти (т. е. слѣдуемое за время отлучки жалованье) посылаеть на Тулу къ тебѣ боярину Исаю Васильевичу³⁾.

Далѣе онъ пишеть, что по этой жалобѣ онъ 5 іюля провѣрилъ казаковъ и нашелъ ихъ всѣхъ на лицо.

Въ другой своей отпискѣ Плещеевъ говорить, что онъ согласно государеву указу и отпискѣ къ нему Морозова отъ 30 іюня всѣхъ казаковъ передаль въ команду и расправу Хвошинскому³⁾. „Да а-же тому головѣ Филиппу— пишеть далѣе Плещеевъ—приказалъ, чтобы онъ, будучи на государевой службѣ на Осколѣ по вѣстямъ, въ сполошное (въ тревожное) время былъ опасенъ и донскихъ бы и яицкихъ казаковъ отъ всякого дурна унималъ и расправу меъ имъ чинилъ; и тотъ Филиппъ Хвошинскій по вѣстямъ въ сполошное время живеть неопасно, въ городѣ и въ съѣзжую избу ко мнѣ неѣздить, бражничаетъ, пьеть безъ престави. И донскіе, господине, и яицкіе казаки будучи на Осколѣ многіе за кабакѣхъ испропались и зернью проигралась, волочатся наги, лошади и оружье и платье иззаложили, и лошади, господи, у нихъ ходятъ зорзии отъ города въ дальнихъ мѣстахъ въ степи къ татарской сакиѣ верстахъ въ 15-ти и въ 20-ти и больше и станы подѣланы у тѣхъ доцехахъ и яицкихъ казаковъ въ степи же, а не у крѣпостей, а въ тѣхъ станахъ тѣхъ донскихъ и яицкихъ казаковъ перемѣняющи живуть у конскихъ стадъ человѣкъ по 20 и по 30 и въ приходѣ воинскихъ людей, тѣмъ людемъ уберечися и ковскихъ стадъ уберечь никакими манерами нельзя; а голова Филиппъ Хвошинскій тѣхъ донскихъ и яицкихъ казаковъ не унимаетъ и наказанья имъ никакого не чинить и меня слушать имъ ни въ чёмъ не велать⁴⁾.

Результатомъ всѣхъ этихъ дрязгъ былъ указъ 21 іюля отъ царя боярину

¹⁾ Бѣлогорд. столь, столб. 172, листъ 175.

²⁾ Бѣлагор. столь, столб. 172, листъ 168 и Бѣлг. ст. столб. 183 листъ 60.

³⁾ Бѣлагор. ст. столб. 172, листъ 169.

и воеводамъ Морозову съ теварищи, въ которомъ приказано во всемъ вѣдѣть
надъ казаками головъ Хвоощанскому, а Плещееву не вмѣшиватьсь въ его дѣла¹⁾.

Получивъ 3 августа этотъ указъ, Морозовъ послалъ память (наставленіе,
инструкцію) Хвоощанскому²⁾, въ которой излагаетъ полностыѣ указъ изъ
Москвы и въ тоже время пишетъ объ этомъ и Плещееву и обѣ бумаги отоспалъ
8 августа въ Осколь съ донскимъ казакомъ съ Нестеркомъ Афанасьевимъ
сыномъ Комаревымъ³⁾.

Примирілась ли Хвоощанская и Плещеева или ихъ развели, изъ дѣла не
видно; но послѣ укзаза жалобъ другъ на друга уже не было.

По примѣру воеводъ казаки, будучи въ Осколѣ, тоже занимались забѣдами.
Взятые въ пленъ и крестившіеся татары „новокрещены”, записанные въ
лицкіе казаки „Ивашко, да Васко, да Каилко, да Селька Айтемировы”,
извѣшившись къ Плещееву, заявали, что лицкій казакъ, тоже новокрещенъ, Федыкъ
Яиковъ хочетъ извѣстить и отъѣхать въ Крымъ⁴⁾. Плещеевъ немедленно взялъ
Яикова подъ караулъ и донесъ въ Москву⁴⁾.

Дѣло было въ октябрѣ, пришелъ декабрь, а отвѣта все не было. Истом-
ленный садѣвавшій подъ карауломъ, Яиковъ измолялся Плещееву, чтобы толь-
ко отправилъ его въ Москву, и подалъ челобитную. Плещеевъ написалъ объ
этомъ царю, гдѣ между прочимъ говорилъ: „а онъ Яиковъ ко мнѣ въ сѣѧжную
избу присыластъ многія челобитныя съ великою докукою, чтобъ ты государь
пожаловалъ, велѣль его съ Оскола послати съ приставомъ къ тебѣ государю
къ Москву, а я холопъ твой того татарина Федыки къ тебѣ послати безъ
твоего государева указу не смѣю и отомъ, государь, татаринъ Федыки мнѣ велѣ
свой государевъ указъ учинить, а челобитную, государь, его послать я холопъ
твой къ тебѣ государю царю подъ сено отпискою”.

Интересна также и челобитная Яикова, изъ которой видно, что все дѣло
не стоило, какъ говорится, выѣденнаго яйца.

„Въ прошломъ, государь,— пишетъ Яиковъ—въ 152 (1644) году по тво-
ему государеву указу былъ я х. т.⁵⁾ на твоей государевѣ службѣ на Осколѣ
присланъ съ кормовыми донскими и лицкими казаками на твою государеву
службу за воинскими людьми, и съ донскими и съ лицкими казаками въ не-
ходы ходилъ; а былъ я х. т. въ походѣ сверхъ (въ верху) Убли рѣки, да
былъ я х. т. на рѣкѣ на Камѣ да былъ я х. т. на казачьемъ перевозѣ,
да ходилъ я х. т. съ оскольскими казачинъ головою Савостьяномъ Прота-

1) Бѣлгород. ст., столб. 183, листъ 17.

2) Бѣлгород, ст., столб. 172, листъ 181.

3) Бѣлг. ст., столб. 172, листы 179 и 180.

4) Москв. Арх. Мин. Юстиція, Бѣлг. ст., столб. 174, листы 391—393 и 395. Грамота цара Мал-
Федора изъ Оскола воеводѣ Дм. Ив. Плещееву о провѣркѣ показаній казаковъ новокрещеныхъ изъ
татаръ Айтемировыхъ о томъ, что лицк. казакъ новокрещенъ Фед. Яиковъ хочетъ отѣхать въ Крымъ;
такъ-же и челобитная Яикова.

5) Х. т. значить холопъ твой.

сосьмъ и съ оскольскими служевыми людьми въ походъ за татары подъ Валуйку да ходицъ я х. т. въ походъ съ оскольскими служевыми людьми и съ донскими и яицкими казаками за большими за воинскими людьми за татары кои воевали твою государеву Съверскія мѣста и Комарицкія волости за Бѣлгородъ и въ тѣхъ государь походѣхъ я х. т. тебѣ государю служицъ и въ подъѣздахъ во многа мѣста подъ воинскихъ людей подъ татаръ ѿздѣлъ и дурна никакого въ тѣхъ походѣхъ я х. т. въ той твоей гос. службѣ не учившъ и про ту государь мою службашко вѣдомо твоимъ гос. головамъ и ратнымъ людямъ кои на твоей гос. службѣ въ походѣхъ были... И о празднике съ Покровъ Пресвятая Богородица на 3 день былъ у праздника товарищъ мой Иванъ Михайловъ сынъ Татаринъ новокрещенъ у станичнаго ъзданка у Прокофья Солана, и тотъ государь товарищъ мой Иванъ написавъ пынъ пришедъ на подворье, гдѣ мы съ нимъ стоимъ у полкового казака у Ивана Лепехова, учаль меня х. т. тотъ товарищъ мой Иванъ быть и увѣчить за напрасно и моя х. т. изувѣчилъ, а вѣдомо государь про тотъ мой бой у кого мы стояли—Иванъ Лепеховъ и его жена и дѣти; и послѣ того было учаль я х. т. тому своему товаришу Ивану говорить что въ своемъ увѣчии быть членомъ за Москву; и тотъ Иванъ Татаринъ рѣясь про то чтобы я х. т. на него не былъ членомъ тебѣ государю, умысли надо мною х. т. пришедъ на Осколь въ сѣзжую избу передъ воеводу передъ Дмитрія Ивановича Плещеева, взвель на меня х. т. неповинно твоое государево дѣло, будто я х. т. хочу бѣжать и я х. т. никакого побѣгу на себя не вѣдаю и то государь вѣдаетъ дворникъ нашъ Иванъ Лепеховъ, у кого мы стояли, что тотъ товарищъ мой Иванъ поклепалъ меня х. т. занапрасно. И пынъ государь я по его Иванову ложному извѣту на Осколѣ съ тѣхъ мѣсть (съ того времени) сижу за приставы животъ свой мучу и помпраю голодною смертью за напрасно, а извѣстить тебѣ государю обо мнѣ холопѣ твоемъ бѣдномъ некому, поимѣнца никакого нѣть, а онъ товарищъ мой Иванъ поклепавъ меня хол. т. съ твоей государевы службы съ Оскола сѣжалъ безъ твоего государева указу. Милосердный государь царь... пожалуй меня х. т. вели меня взять къ Москву поставить съ очи съ тѣмъ товарищемъ моимъ Иваномъ, въ томъ его последнемъ дѣлѣ свой царьской указъ учинить, чтобы мнѣ х. т. отъ того Ивана занапрасно не погибнуть, и твоей царской службы виредъ не отбыть. Царь государь смилился пожалудъ”¹⁾.

Казалось бы, все это дѣло можно было разобрать на мѣстѣ въ Осколѣ и разобрать очень быстро, но не такъ просто рѣшились въ то время эти дѣла. Плещеевъ получилъ приказъ отъ 16 января немедленно прислать казака Янкова въ Москву съ приставомъ или съ кѣмъ прагоже и дорогою везти приставу вести его съ большими береженьемъ, чтобы Ѣедъка Янковъ съ дороги и на стадѣхъ не ушелъ и дурна какого вадъ собою не учинилъ, а на Москву

¹⁾ Москов. отд. Арх. Мин. Юст. Вѣлагор. столъ, столб. 174, листъ 395.

валъти приставу съ Федькою Яковымъ явиться въ разрядъ думскимъ дьякамъ Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку нашему Григорию Нарюзову¹...

Что сталося съ Яковымъ—изъ дѣла не видно, но изъ его члобитной видно, что казаки въ Осколѣ не сидѣли праздно и были все лѣто въ походахъ.

Въ этомъ году въ составѣ яицкихъ казаковъ произошли, какъ и въ прошломъ году, нѣкоторыя перемѣны: два яицкихъ верстовыхъ кормовыхъ казака Иваша Михайловъ сынъ Татаринъ и Лучка Фофоновъ сынъ Стародубецъ были отпущены для моленія въ Соловецкій монастырь.

Въ своей члобитной по этому поводу они писали ¹⁾: „Были мы ходцы твои на твоей государевой службѣ подъ Смоленской и какъ на насъ изъ боя звали литовскіе люди въ полонъ и будучи въ полону два года обѣщались по своему обѣщанію помолиться Соловецкимъ чудотворцамъ.. Вели государь вѣсъ отпустить... и дать намъ свою государеву грамоту”.

По этой члобитной они оба были отпущены, на что имъ была дана вѣстъ съ двумя донскими казаками общая проходная:

„Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всеза Руссія по городамъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ. По нашему указу отпущенъ въ Соловецкій монастырь для мольбы казаки Лучка Григорьевъ, Абрамко Клементьевъ, Ивашка Михайловъ Татаринъ, Лучка Фофоновъ Стародубецъ и изъ которыхъ города казаки Лучка Григорьевъ съ товарищи поѣдутъ и выбѣгъ воеводы наши и приказные люди, казаковъ Лучку Григорьеву съ товарища 4 человѣка въ Соловецкій монастырь и назадъ къ Москвѣ пропускали безъ пеши и безъ задержанія. Писавъ на Москву лѣта 7152 (1644), марта въ 18 день” ²⁾.

Тогда же отпросился явцій казакъ Ивашка Каторжный повидаться „съ родичами” въ Нижегородскій уѣздъ въ Павловъ, куда и дана была ему проходная грамота, гдѣ, какъ и въ предыдущей, приказывалось пропускать его безъ задержанія и безпенно ³⁾.

Въ слѣдующемъ 1645 году былъ полученъ приказъ о высылкѣ казаковъ изъ Тулы во вновь построенный на польской границѣ городъ Усмань.

Приказъ объ этомъ написанъ такъ: ⁴⁾

„Лѣта 7153-го мая въ 8 день. По государеву... указу и по приказу стольника и воеводы князя Якова Кудепетовича Черкасского съ товарищи, память головъ Атамыку Никитичу Писареву. Бхати ему въ новый въ польскій городъ за Усмань, для того: въ нынѣшнемъ во 153-мъ году указалъ государь... донскихъ и яицкихъ есауловъ и казаковъ отпустить съ Тулы для службы

¹⁾ Вѣлкор. ст. столб. 183, листъ 23, члобитная 1644 г. марта 18.

²⁾ Тамъ-же, листъ 22, члобитная обѣ отпускѣ на Соловки донск. каз. Григорьева и Клементьевы-тамъ-же, листъ 24.

³⁾ Тамъ-же, листъ 26.

⁴⁾ Акты Моск. Госуд. томъ II—№ 237-я. Наказная память головъ Атамыку Писареву отъ тульскаго воеводы Я. К. Черкасского съ товарищами обѣ отводѣ изъ Тулы донскихъ и яицкихъ казаковъ на службу въ г. Усмань. (Разрядн. приказъ, Моск. ст. столб. № 200, листы 54—55).

въ новый польскій городъ на Усмані, велѣно ить быть на государевѣ службѣ съ воеводою, съ Степаномъ Вельяминовыемъ, а для той же службы дано ить государева жалованье кормовыхъ денегъ на 4 мѣсяца: на май, на юнь, на юль, на августъ пынѣшаго 153-го года; а кто именемъ донескіе и яицкіе есаулы и казаки въ новый польскій городъ на Усмань посланы, и сокоскъ имень ить подъ сею памятью. И Атамыку Писареву съ донескими и яицкими казаками въ новый городъ на Усмань идти не иѣшкай ни часу, чтобы ему съ донескими и съ яицкими козаки прийти на Усмань въ скорѣ; и того надѣ козаки смотрѣть въ беречи накрѣпко, чтобы въ дорогѣ и на станѣхъ отъ казаковъ нигдѣ воровства никакого не было; и идти съ козаки за Усмань съ великимъ береженемъ неоплощво, и про татарскій приходъ провѣливать всякими обычаями, и на станѣхъ ставиться въ крѣпкихъ мѣстахъ обозомъ, и оберегаться того накрѣпко, чтобы на нихъ въ дорогѣ и за станѣхъ татаровъ не пришли и дурна какого надѣ нима не учанила. И быть Атамыку съ донескими и съ яицкими козаки въ новомъ городѣ за Усмань съ воеводою, съ Степаномъ Вельяминовыемъ, до государева указу. А въ дорогу донескимъ и яицкимъ козакамъ дано на Тулѣ по фунту зелья да по фунту свинцу человѣку; юловъ Атамыку Писареву дано знамя чернѣчатое тафтаное, изъ немъ знака тафты бѣлой, опущено тафтою желтою¹.

Въ этой службѣ на Усмані казаки ходили въ походы на татаръ, и у нихъ съ ними были бои. Казакъ Крилъ Каторжный говорить въ своей челобитной объ этой службѣ такъ: „и вышедши изъ полону быль я на службѣ въ украинскихъ городахъ на Осколѣ и на новомъ городѣ Усмані, въ походѣ за татары ходили и за татарскихъ боихъ быль, съ татары бился ве щадя головы своей, и службишка наша тебѣ государю писана въ послужныхъ спискахъ...¹).

Казаки изъ Усмані были отпущены по домамъ 1-го декабря этого-же года²).

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст. Благор. столъ, столб. 25, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же, листъ 35. Челобитная яицк. каз. Олешики Донескова.

ГЛАВА XII.

Вступленіе на царство царя Алексѣя Михайловича. Намѣренія калмыкъ итти на русскіе города. Продолженіе службы яицкихъ казаковъ въ Усмани, Бѣлгородѣ, Ливнахъ и другихъ украинныхъ городахъ. Приготовленія къ польской войнѣ (1645—1653).

Въ 1645 году 12 июля послѣ тяжкой болѣзни умеръ царь Михаилъ Федоровичъ. На царство вступилъ шестнадцатилѣтій сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Передъ смертью царь, иrostившись съ женой, благословилъ сына на царство и сказалъ дядкѣ его Борису Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великими весельемъ и радостью, оставя ломъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровыи и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жаль и нашемъ домъ безотступно въ терпѣніи и беззокойствѣ тринацать лѣтъ и соблюль его, какъ зеницу ока, такъ и теперь слухи“. Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ исповѣдался, пропоцілся св. Татьяне, послѣ чего въ началѣ третьаго часа ночи скончался¹⁾.

При бѣгломъ взглядѣ на время царствованія царя Михаила Федоровича мы видимъ, что ему пришлось выполнить даѣ главныхъ въ тяжелыхъ задачахъ: освободить русскую землю отъ враговъ внутреннихъ и внешнихъ и завѣтныя ея внутреннія устройствомъ. Враги заѣшіе были изгнаны; попытка вернуть обратно взятый въ смутное времена полякамъ Смоленскъ окончилась неудачей. Въ областяхъ хотя и наступило полное успокоеніе, но подъ этимъ видимымъ спокойствіемъ тлѣлись искры неудовольствія.

Проводомъ къ этому служило крѣпостное право, известное при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ подъ названіемъ кабалы и окончательно вошедшее въ жизнь; недовольны были также и города, привыкшіе къ самоуправлению. Управляемые воеводами они волновались; иногда эти волненія принимали форму бунта.

Ввиду несправедливыхъ поборовъ назначенныхъ по городамъ воеводъ, вѣликоустюга и взяточничества, земскіе люди неоднократно били царя и просили о дозволеніи рѣшать воеводамъ земскія и судебныя дѣла по городамъ вѣстѣ съ выборными отъ земства лучшими людьми. Но ихъ члены оставались неудовлетворенными, — виновныхъ воеводъ смигнали и назначали другихъ и управление областями снова возлагалось на воеводъ.

Въ отношенія къ яицкимъ казакамъ царствованіе Михаила Федоровича внес

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 351—352.

зо въ сколько существенныхъ измѣненій. До сихъ поръ совершенно независимые яицкіе казаки въ царствование Михаила Федоровича привыкли поддатство и получили владѣнію на Яикъ. Теперь они уже не могли отказываться отъ службы,—вѣрить или не вѣрить грамотамъ, не могли хотѣть или не хотѣть идти на службу, они стали получать жалованье и сбизаны были выставлять станицы по первому требованію правительства. Какое это было жалованье, въ чёмъ оно заключалось—свѣдѣній не имѣется. Но какъ видно изъ вѣкоторыхъ данныхъ, жалованье это не представляло опредѣленного и разъ никогда установленного оклада, оно извѣялось смотря по заслугамъ или вовсе не давалось, если казаки были въ чёмъ либо виноваты.

Въ то время, когда во всей остальной Руси города, какъ то: Новгородъ, Псковъ, Тверь и другіе совершили утрату свое самоуправлѣніе (вѣчѣ) и когда всѣдѣніе централизаціи государства они стали управляться назначенными отъ правительства воеводами, одни только казачьи общины, въ томъ числѣ и яицкіе казаки, какъ и раньше, въ своемъ внутреннемъ управлѣніи были совершенно независимы отъ Москвы. Свое подданство царю казаки выражали лишь въ посылѣ станицъ на вѣшнія службы. Но, какъ видно изъ очерка, свѣдѣнія о этихъ службахъ весьма скучны. Такія же скучны свѣдѣнія и о службѣ яицкихъ казаковъ при новомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Одно изъ первыхъ распоряженій новаго царя, въ сколько касающееся Яицкаго войска, была окружная царская грамота въ Чердынь о новой пошлине на ввозимую соль.

„Въ вышашемъ 7154 (1646) году, февраля въ 7 день—говорится въ грамотѣ—указали мы Великій Государь и бояре приговорили, для пополненія нашей государскіе казны и служильныхъ людемъ на жалованье положити на соль новую пошлину, за все старыя пошлины и за проѣзжіе мыты, предъ прежними съ прибавкою за всякий пудъ по двѣ гривны, опричь Астраханской и Яицкой соли, которою солью солить на учугахъ рыбу и нашу икру; а за ту соль указали ссыпя положить нашу пошлину вполы, на всякий пудъ по гривнѣ, потому что съ учуговъ откуны и сборы неиздѣльные, а соль на учугахъ расходится многая. А сбрати та солана пошлина на тѣхъ мѣстахъ, где та соль родится; а тархазомъ впередъ въ соляной продажѣ вигдѣ никому не быть, чтобы въ томъ дѣлѣ ви отъ кого никакой зорухи не было; а прежняя соляная всякая пошлины и проѣзжіе мыты везде отставить“¹⁾...“

Эта грамота относится главнымъ образомъ къ соли, которая употреблялась въ астраханскихъ и гурьевскихъ учугахъ.

Но сдавали она давала право яицкимъ казакамъ привозить рыбу и продавать ее въ Самарѣ и Сызрани безъ платежа двойныхъ пошлин (вполны). Изъ ходатайства архимандрита Савинского Сторожевскаго монастыря Селивостра

¹⁾ Акты, собранные въ библиотекахъ и архивахъ Рос. Имп. Археографическ. экспед. Ими. Акад. наукъ 1836 г. т. IV, № 5 1646 г. февр. 28 (ст. 5).

въ 1679 г. о невизаніи пошлины съ водяныхъ и сухопутныхъ транспортахъ запасами и казною, принадлежащихъ тому монастырю и присовинѣ къ нему монастырямъ, видно, что между прочими присовинами для надобностей монастыря были освобождены отъ платежа пошлины рыба и икра, которую монастырь покупалъ на Яикѣ; до этого-же монастырь платилъ пошлину въ Самарѣ и въ Самарскомъ уѣздѣ въ размѣрѣ десятой рыбы и икры натурою¹⁾). Надо полагать, что эту-же пошлину платили и казаки.

Въ первое время царствованія царя Алексея Михайловича ничто не нарушило обычной жизни яицкаго городка вилотъ до 1655 года. Тамъ было все по старому. Тѣ же рыбаки ловили, тѣ же промыслы на Волгѣ и на морѣ.

Только два случая нѣсколько нарушили эту обычную жизнь.

Весною 1646 г. казаки были смущены появлениемъ въ городкѣ стрѣльцкаго сотника Кевернева съ конвоемъ изъ стрѣльцовъ. Такіе гости въ Яицкомъ городкѣ были рѣдки и по обыкновенію не предвѣщали ничего хорошаго. Московскія власти появлялись на Яицѣ въ большинствѣ случаевъ съ дѣланіемъ пріятельскими войску—обычно съ требованіями прекратить промыслы на морѣ. На этотъ разъ смущеніе казаковъ было недолгое. Они узнали, что стрѣльцкий сотникъ провожалъ хивинскаго посланника Эмиль-Батыра, который изъ Яицкаго городка долженъ былъ следовать далѣе въ Хиву въ Ургенчъ, а сотникъ Кеверневъ вскорѣ выѣхалъ обратно²⁾.

Другой случай, всколыхнувшій нѣсколько казачью общину, былъ въ 1653 г. Въ этомъ году 29 сентября прибылъ въ городокъ толмачъ Василій Ивановъ Лобоша, который былъ посланъ изъ Уфы къ калмыкамъ вмѣстѣ съ посломъ Евдокимомъ Лопатинимъ. Привезъ Лобошъ недобрья вѣсти: „собираются калмыцкіе тайши (зназы) Лаузавъ и Муничакъ съ воинскими людьми и хотятъ идти подъ государевы городы подъ Уфу и въ казанскій уѣздъ и подъ Царскій; а иные калмыки отъ государевыхъ городовъ пришли въ улусы и съ собою привели ваятыхъ русскихъ людей много. И тотъ Муничакъ съ улусами кочуетъ по Яику рѣкѣ около ихъ казачья городка въ полднище (на югѣ). А Лаузавъ тайша пошелъ съ улусами изъ за Яица къ Волгѣ и хочетъ едти за Волгу подъ астраханскіе улусы на татарь для воровства. А зимою хотятъ они же собрався итти виѣстѣ войною подъ Самару и въ самарскій уѣздъ“³⁾). Получивъ эти вѣсти и обсудивъ ихъ въ кругу, казаки снарядили станицу и послали ее съ казакомъ Романомъ Федоровымъ съ товарищи семь человекъ въ Самару къ воеводѣ Ивану Бутурлину „съ вѣстовою отпискою“, где изложили все, что слышали о замѣрзіяхъ калмыковъ. Казаки прибыли въ Самару 13 октября.

¹⁾ Тамъ-же, томъ IV, № 235. (1679 г. июля 18).

²⁾ Акты истор. т. IV, № 15.

³⁾ Акты Историч. т. IV, стр. 195, № 72, 1653 г. октября 13, отписка самарского воеводы Ива на Бутурлина въ Астрахань о замѣрзіяхъ калмыковъ итти войною подъ Уфу, Самару и др. русскіе города.

Подобная сообщенія сажарскому воеводѣ казаки дѣлали каждый разъ, когда имъ было что либо извѣстство о гостяхъ казацкихъ и ногайцахъ. Все, что было у нихъ ново, все, что они замышляли, если эти новости и замыслы были важны для московского государства, казаки считали долгомъ сообщать въ Самару. Эти сообщенія назывались *вѣстовыми отписками*, т. е. такими отписками, въ которыхъ сообщались вѣсти о врагатахъ.

О службѣ лицакихъ казаковъ и о жизни ихъ на Яикѣ въ первые годы царствованія новаго царя не имѣется никакихъ указаний вплоть до 1654 года, когда, согласно преданию, казаки были посланы въ Польшу и подъ Ригу заслуживать свою визу.

Только служба въ украинскихъ городахъ поселенныхъ въ Туль и Москвѣ казаковъ продолжалась все время безъ перерыва и казаки каждое лѣто отправлялись въ пограничные городки „на Украину“ для сторожевой службы, для наблюденія за татарами и для отраженія ихъ набѣговъ.

Но объ этой службѣ, какъ уже было сказано ранѣе, имѣются весьма скучныя сведѣнія, да и тѣ или слишкомъ сжаты и не даютъ опредѣленного представленія о ходѣ этой службы, или же настолько отрывочны, что является совершенно неизвѣстнымъ ни мѣсто, ни характеръ этой службы въ течениія несколькихъ лѣтъ. Изъ нынѣщихъ данныхъ всеже представляется возможнымъ хотя въ краткихъ чертахъ восстановить эту, бывшую до сихъ поръ неизвѣстную, службу лицакихъ казаковъ.

Всѣ эти данныя излагаются мною въ послѣдовательномъ порядке, какъ материала для исторіи войска.

Послѣ службѣ въ Усманіи казаки раннею весною 1646 г. были посланы въ Ливны.

Въ концѣ мая ливенскій воевода князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищи получилъ царскую грамоту¹⁾ со списками казаковъ, въ которой было приказано выдать казакамъ въ Ливнахъ жалованье на четыре мѣсяца: за май — августъ. Въ спискахъ было указано, кому уже выдано жалованье въ Москвѣ (жившимъ въ Москвѣ) и тѣмъ, кому слѣдовало выдать.

Передъ раздачей наказывалось пересмотрѣть всѣхъ казаковъ „на лицо и которые донскіе и азскіе казаки по смотру сами добры и лошади у нихъ добры-жъ и карабины и пищали и саадаки и всякое ружье у нихъ добро-жъ“, тѣмъ казакамъ жалованье выдать, а тѣмъ, у которыхъ „лошади худы и у которыхъ ружье худо или у которыхъ ружья нетъ“, тѣмъ жалованье выдать съ порукою, что они для службы будутъ „лошади и люди держать доброе“; казакамъ, которые не явились къ смотру „и которые испомощены (т. е. исключены со службы) или померли и сбѣжали и въ воровствѣ²⁾ сидѣть въ тюрьмѣ и за приставы — нашего жалованья давать не вѣли“...

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст. Бѣлгород. столъ, листъ 204, листы 218—220. Грамота царя Алексея Михайловича, князь Никитѣ Одоевскому о выдаче жалованья лицакамъ къ за службу въ Ливны въ май — августъ 1646 г. Писана 1646 г. мая 13.

²⁾ Въ воровствѣ, т. е. вообще за преступленія.

Въ головы казакамъ приказано было назначить „изъ тулянъ или изъ кама-
ранъ смея боярскова доброва, которому служба за обычай“.

Тѣхъ казаковъ, которые сбѣжали или испомѣщены или умерли и послѣ ко-
торыхъ остались жены и дѣти, приказано перенесать поименно и указать,
сколькихъ лѣтъ „тѣ ихъ дѣти“, вѣроятно, имѣя ввиду зачислить взрослаихъ
сыновей на службу въ казаки.

О службѣ казаковъ въ этомъ году имѣются весьма скучные свѣдѣнія.
Видно только, что они съ Одоевскимъ ходили подъ Бѣлгородъ, где были въ
походахъ за татарами и дѣлали валъ „ровъ коали и валъ валили“ ¹⁾.

Казаки пробыли на службѣ до поздней осени. Въ октябрѣ они находи-
лись въ Бѣлѣ и Осколѣ.

Для раздачи всѣмъ служилымъ людямъ въ Одоевскому въ г. Бѣлгородѣ
были отправлены изъ Москвы 19 октября Петръ Михайловъ Беклемишевъ съ
подьячими Юріемъ Блудовымъ, которые повезли съ собою „государской казны
16000 рублейъ на корь иноzemцамъ полякамъ и литвамъ и черкасомъ и гре-
чанамъ и вѣнцамъ и донскимъ и лицкимъ казакамъ и драгунамъ, которые
нынѣ на государевой службѣ въ Бѣлѣ и на Осколѣ“.

Для охраны казны съ ними были отправлены изъ Москвы до Тулы въ
проводжатые десять московскихъ стрѣльцовъ, „а отъ Тулы до Бѣлагорода для
береженія государевы денежныя казны имати имъ провожатыхъ въ горо-
дѣхъ у воеводъ по сколько человѣкъ пригоже“ ...

Какъ велась въ тѣ времена казна, видно изъ наказа, даннаго Беклемишеву;
имъ приказывалось „ѣхать въ Бѣлгородъ съ государевою девеженою казною и
мѣшкай, съ большими береженіемъ, и быти Петру и подьячему Юрью съ
проводжаты у государевы у девежныхъ казнѣ въ день и въ ночь безъ отступно,
и беречь тово на крѣпко, чтобы государевы казны въ дорогѣ и на станахъ въ
на рѣкахъ и на перевозѣхъ порухи никакія ни отъ кого не учинилось, а
ставится имъ съ государевою девеженою казною въ жилыхъ мѣстахъ, а въ
степныхъ мѣстахъ ставитца имъ въ крѣпкихъ мѣстахъ обозомъ обернувшись и
беречись накрѣпко, чтобы на нихъ воинскѣе люди пори черкасы не пришли
и украдомъ и обманомъ и ночными временемъ надъ государевою казною казова
дурна не учинили“ ²⁾). Пріѣхавъ въ Бѣлгородъ, Беклемишевъ долженъ быть
явиться къ Одоевскому и расходовать казну только по приказу Одоевскаго
и все расходы „въ которомъ иѣсацъ и числѣ и на какіе расходы, имъ то
все записать въ книгу подланно по статьямъ и держать имъ сюю книгу за
своей рукой“ ...

Такимъ образомъ пріѣхавши Беклемишевъ и Блудовъ являлись при расходѣ
казны казначеемъ у Одоевскаго.

¹⁾ Челобитная казака Кирила Каторжного. Москв. Гла. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. столб. 215,
листъ 14.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Исп. Двора и Оруж. палаты. Опись 26, дѣло № 17 (155 годъ), листы 1—4.

Какъ видно изъ челобитной Одоевскаго¹⁾, жалованье было выдано гдѣ 1 сентября, т. е. по тогдашнему времени съ нового года на одинъ мѣсяцъ; видно также, что въ отрядѣ у Одоевскаго было три полка драгунъ, командовали которыми вѣнцы: Краффертъ, Гаментонъ и Рыжской. Всѣхъ драгунъ было 2950 чл. Въ расходныхъ статтяхъ показано 1770 руб., израсходованныхъ на покупку шубъ драгунамъ „по 20 алтынъ человѣку на шубу“. Въ этихъ же статтяхъ значатся уплаченными московскими стрѣльцами „за дѣло отъ башень, что они дѣлали башни въ Новомъ городѣ на Болховомъ“ 619 р. 30 алтынъ и 2 деньги.

Казаки донескіе и яицкіе и плавежцы получали деньги не за мѣсяцъ, а на два мѣсяца за сентябрь и октябрь. Какъ видно вообще изъ раздаточныхъ списковъ, казаки всегда получали жалованье впередъ сразу на 4 мѣсяца; по тутъ виду недостачи денегъ они получили только за 2 мѣсяца.

Въ 1647 году всѣхъ, бывшихъ по списку къ этому году 177 человѣкъ, казаковъ тульскій воевода Василій Вахроѣвичъ Мясновъ выслалъ на службу на Калмиюскую сакму въ клязю Василью Льзову. Жалованье по обыкновенію они получали на четыре мѣсяца впередъ: май—августъ, „а всего на 123 дни 1080 руб.“ Тѣмъ же казакамъ, которые жили въ Москвѣ, приказано было „деньги дать на Москвѣ и выслать на службу тотчасъ“ Передъ раздачей этихъ денегъ былъ запрошено ливенскій, оскольскій и валуйскій кабацкій откупщикъ о томъ, есть-ли у него на Осколѣ деньги и если есть, то выдать изъ этихъ депетъ²⁾). Но, видимо, свѣдѣнія отъ откупщика получились неудовлетворительны и поэтому 11 мая эти деньги были отправлены изъ Москвы съ подъачимъ Яковомъ Курлаковымъ, который и повезъ ихъ съ прохождениемъ московскими стрѣльцами, съ десятникомъ Осанопомъ Константиновымъ, съ товарищи 5 человѣка³⁾). Курлакову приказывалось между прочимъ по прѣздѣ на мѣсто денежную казну „устроить гдѣ пригоже“, чтобы, какая поруха ее учинилась⁴⁾). Жалованье было раздано послѣ осмотра казаковъ и составленія списковъ, а оставшися отъ раздачи 24 рубля и 20 алтынъ были посыпаны обратно въ Москву съ тѣмъ-же Курлаковымъ. Въ челобитной о раздачѣ жалованья Мясново говорить, что деньги разданы только добрымъ казакамъ и тѣ, которые на лицо, „а которые казаки померли и которые въ горовствѣ сидятъ въ тюрьмѣ и за приставы и которые казаки выбыли и на тѣхъ казаковъ твоего жалованья, кормовыхъ денегъ не дали“⁵⁾). Получивъ жалованье, казаки двинулись къ Калмиюской сакмѣ, гдѣ были поставлены во второй построенному городѣ Царево-Алексѣевскъ. Здѣсь у казаковъ происходили неоднократные бои съ татарами, о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Моск. Арх. Минист. Импер. Двора и оруж. нал. Опись 26, Дѣло № 13 (155 г.) листы 1—3.

²⁾ Моск. Глаз. Арх. Мин. Юст. Вѣлг. ст. ст. 215, листъ 10.

³⁾ Тамъ-же, листъ 30.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 26.

⁵⁾ Тамъ же, листъ 48.

челобитныхъ. 11 юля на посланную станцу для развѣдокъ „на Калмыкской саки, между Сосенскими плотами, подъ Хылевымъ лѣскомъ“ начали татары и трехъ казаковъ яицкаго Дементія Сафонова и донскихъ Кузьму и Василія Микитиныхъ ранить, при чёмъ у Сафонова оказалось семь ранъ.

Отправленные въ Москву, они подали царю челобитную. „Приволоклись мы изъ Москви, — пишутъ они, — людишки бѣдные, отъ твоихъ государевыхъ ото многихъ безпрестанныхъ службъ обѣдали и одолжали великии долги, будучи же твоей государевой службѣ испрѣлися, а которые наши братья, донские и яицкие казаки прославны были съ Царева-Алексѣева города къ тебѣ къ государю къ Москви съ языками по твоему указу... дано имъ жалованье, поданный король впередъ на четыре мѣсяца“... просятъ и ихъ пожаловать: дать и имъ впередъ жалованье на 4 мѣсяца, чтобы винъ съ женишками и съ дѣтишками голодною смертью не помереть“¹⁾). По этому челобитью 12 августа „придано имъ государева жалованья за ихъ службу, за татарскій бой и за разы къ старымъ вѣкъ овладать помѣстия придачи по 50 чета²⁾), денегъ Дементію 4 р., Кузьмѣ да Василію по 3 р. человѣку“³⁾.

Когда казаки были отпущены съ Царево-Алексѣевска по ломамъ — неизвѣстно. Изъ наказа, даннаго князю Львову, видно, что казаки позднею осенью же еще находились у него въ командѣ и имъ въ августѣ было вновь роздано Львовиѣ жалованья за 4 мѣсяца впередъ; выдавалось жалованье казакамъ только „лучшимъ людамъ“, а неисправными за порукою. Предъ этимъ Львовъ, вероятно, жаловался, что казаки весною прибыли за службу неаккуратно и многие опоздали и потому въ наказѣ говорилось: „а которые донскіе и яицкіе взяли на нашу службу въ новый Царевъ-Алексѣевъ городъ пріѣхали поздно, и тибѣ тѣль казакамъ за ихъ воровство и за ослушанье учизилъ наказывай: — велѣль ихъ бити батоги нещадно при многихъ людѣхъ, чтобы за то смотрѣ никому не повадно было такъ воровать и кормовыя деньги велѣль имъ дать съ порукою“⁴⁾). Во время смотра при выдачѣ жалованья находился драхманъ старикъ яицкій казакъ Еремей Федоровъ. Воевода Львовъ денегъ ему не выдалъ и въ раздаточной книжѣ помѣтилъ: „у смотру атаманъ и есауль и казаки сказали, что тотъ Еремка Федоровъ драхманъ и болѣнь гораздо, службы у него лошади и ружья никакого вѣтъ и впередъ въ службу его не будетъ, государево жалованье кормовыя деньги вынѣ дать ему не довелось“⁵⁾. Въ этомъ году къ донскимъ и яицкимъ казакамъ быль причисленъ новокрещенъ татаринъ Василій Илламетевъ. Въ томъ, что Илламетевъ не сбѣжать со службы и не измѣнить, поручились новокрещеные же другіе татары, изъ нихъ три кназа. Это оригинальное поручительство гласить слѣдующее:

¹⁾ Тамъ-же, листы 64 и 65.

²⁾ Т. е. дано въ надѣль земли въ прибавокъ къ старой 50 чета.

³⁾ Тамъ-же, листы 64 и 66.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 50 и 53.

⁵⁾ Моск. Гла. Арх. Мин. Юсф. Бѣлгор. ст. столб. 215, листъ 98.

Се язъ князъ Яковъ Келмамбекъ Мурзинъ сынъ Урманетевъ, да язъ князъ Федоръ Евдакъ Мурзинъ сынъ Шейдаковъ, да язъ князъ Петръ Урусь Мурзинъ сынъ Кукунатовъ, да язъ Прокофій Урахъ Мурзинъ сынъ Талмакетевъ, да язъ Иванъ Байлановъ сынъ Аргуковъ, да язъ Василій Шемятаевъ сынъ Есановъ, да язъ Малаеф Тулубеевъ сынъ, да язъ Деметей Юнаш Мурзинъ сынъ Исуповъ поручались есми разрядному сыну боярскому Ивану Ильину по воложению новокрещенъ по Василью Иллюметеву въ томъ, что служить ему за нашю порукою службу государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всѧ Руси съ донскими и съ яицкими казаками вѣтѣ и взявъ государево жалованье съ государевы службы не сбѣжать, и государева жалованья, и ружья не спастъ, и государю не измѣнять, въ Крымъ и въ Литву и въ Нагаи и въ Нѣца и въ иные и въ которыя государства не отъѣзжать; а будеть озвъ Василія не учнетъ за нашю порукою государю служить или съ государевы службы сбѣжить и государево жалованье и ружье спасетъ или государю измѣнить въ Крымъ и въ Литву и въ Нагаи и въ Нѣца и въ иные въ которыя государства отъѣдетъ, и на вѣсъ на поручакахъ пена государя царя... а ценою что государь укажеть, а кой настъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ государева пея и порука о наши поручиковы головы въ его голову мѣсто. А на то послуси Надѣя Ивановъ а засись писаль Ивановскія площади подъзачїй Ивашка Денисовъ. Лѣта 7155 (1647), мая въ 16 день¹. На оборотѣ листа поданыи татаръ²).

Въ февралѣ мѣсяца 1648 года прибыли изъ Тулы въ Москву 33 человѣка казаковъ по своимъ дѣламъ, въ числѣ ихъ былъ истарикъ Еремѣй Федоровъ. Пріѣхалъ онъ просить невыданнаго ему жалованья. Пришелъ старый лыцарь въ приказъ и подалъ царю челобитную²):

Царю Государю (титулъ)... верстаний яицкой казачишко Еремка Федоровъ ченою беть. Служилъ я х. т. блаженнейшой памяти отцу твоему государю... Михаилу Федоровичу въ тебѣ подъ Смоленскомъ съ приходу и до отходу и въ осадѣ сидѣль и всякую осадную нужду и бѣдность терпѣль, а послѣ смоленскія службы служилъ я х. т. въ разныхъ украинныхъ городахъ и былъ на твоей государевой службѣ въ Бѣлѣгородѣ съ бояриномъ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарища валъ валъ и ровъ копалъ. И въ прошломъ во 155 (1644) году былъ я х. т. на твоей государевой службѣ въ новомъ Царевѣ-Алексѣевѣ городѣ съ окольничимъ со княземъ Васильемъ Петровичемъ Льзовимъ и вслкую твою службу служилъ и въ походы ходилъ и въ сопнахъ съ своею братью стоялъ. И будучи я х. т. на твоей службѣ въ новомъ Царевѣ-Алексѣевѣ городѣ по грѣхамъ своимъ заболѣлъ и лежалъ при смерти многое время. Да у меня же х. т. въ тѣ поры пала лошадь, и какъ я х. т. взбрель и закабля головы свою и жены своей и дворецко

¹ Моск. Гла. Арх. Мин. Юст. Бѣлгород. ст., столб. 215, листъ 98.

² Моск. Гла. Арх. Мин. Юст. Бѣлгород. ст., столб. 215, листъ 97.

и на тѣ деньги купилъ лошадь и служилъ твою государеву службу до отпуска; а моей государь братъ твое государево жалованье мѣсячной кормы на 4 мѣсяца дано, а иже х. т. корму на тѣ мѣсяцы не дано и во сѧ иѣстъ; и я х. т. съ женщиною и съ дѣтишками считаюся между дворомъ помираю голодною смертью. Милосердный государь... пожалуй меня х. т. за мои ипогія службашки, вели иже служить твою государеву службу по прежнему съ моимъ братію врадъ и видать свое государево жалованье кормъ противъ моей братіи, чтобы иже съ женщиною и съ дѣтишками въ конецъ не погинуть а тасеи царской службы не отбыть. Царь государь смируйся".

По этой членитой приказано было дать справку „за что ему не даво". Справку дали, что не выдали ему кормовыхъ за дѣхлостью.

Но государь казака Федороза пожаловалъ: „велѣть дать своего государева жалованья два рубли для его бѣдности и для его прежней службы: а впередъ ему въ службѣ не быть и кормовыхъ денегъ ему не давать"¹⁾.

Прибывши иѣстъ съ Федорозомъ 33 человѣка казаковъ „для своей нужди и для оружейной покупки" подали тоже членитую, прося о выдачѣ жалованья впередъ за 4 мѣсяца. Жалованье было выдано находящимся въ Москвѣ всѣмъ донскимъ и лицкимъ казакамъ всего 107 человѣкамъ²⁾. Изъ этого видно, что въ Москвѣ жило приблизительно около 70 человѣковъ донскихъ и лицкихъ казаковъ, служившихъ въ „Тульскомъ полку".

Въ 1648 году казаки пошли на службу въ Яблоново. Всѣхъ казаковъ было 180 человѣкъ³⁾.

Отправляясь въ походъ, казаки подали въ Москвѣ членитую:

„Царю Государю..., бывть членомъ х. т. донскіе и лицкіе верстанные казаки. По твоему великого государя указу велѣно намъ х. т. бывть на твоей государевой службѣ на Яблоновомъ, а знаменище у насъ х. т. свой есть, а для твоей государевой службы знамени у насъ х. т. нѣтъ... вели намъ дать възъ своей государевой казны знамя съ ченъ ванъ твою государеву службу служить"⁴⁾...

По этой членитой „Государь пожаловалъ, велѣзъ дать знамя тафляное" и 12 мая приказано было „по государеву указу... казначею Богдану Мизачу Дубровскому, да дѣланъ Григорію Панкратьеву да Захару Овопріеву прислать въ разрядъ знамя тафляное сотенное и дати то знамя донскимъ и лицкимъ казакамъ для государевой службы"⁵⁾.

Съ этого года на службу въ украинныхъ городахъ правительство вачиваетъ обращать особенное вниманіе и усиливаетъ гарнизоны городковъ стрѣльцами, драгунами, солдатами и вспомними иноземными полками. Поводомъ для

¹⁾ Тамъ-же, листъ 96.

²⁾ Тамъ-же, листы 82, 83—96.

³⁾ Моск. Гла. Арх. Мин. Ист. Благ. ст., столб. 215, листы 118—119.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 426—427.

⁵⁾ Тамъ-же.

этого послужило начавшееся восстание малороссийских казаков подъ начальством гетмана Богдана Хмельницкаго. Сосединившись съ крымским ханомъ, Хмельницкій съ запорожцами и малороссийскими казаками двинулся въ Польшу. Московское правительство должно было согласно заключенному еще ранее договору помочь полякамъ и действительно двинуло къ южнымъ границамъ до 40 тысячъ войска. Но прежде чѣмъ эти войска пришли къ Путивлю, Хмельницкій при желтыхъ водахъ разбилъ на голову польскія войска и гетманъ Потоцкій былъ взятъ въ пленъ. При дальнѣйшихъ успѣхахъ Хмельницкаго русскія войска оказались лишь зрителями происходившихъ событий. Все внимание русского правительства было обращено тогда на то, чтобы союзники Хмельницкаго крымские татары не напали на южно-русскія области. Поэтому въ наказѣ, данномъ стольнику князю Алексѣю Буйносову-Ростовскому и Степану Вильгельмову, назначеннымъ въ этомъ году воеводами въ Яблоновъ, даются подробныя указания о томъ, что вимъ дѣлать, какъ охранять границу и производить поиски за татарами¹⁾. Этотъ наказъ даетъ полное понятіе о характерѣ пограничной службы того времени въ нашихъ южно-русскихъ предѣлахъ.

По прибытіи въ Яблоново имъ приказано было прежде всего, „взвѣ съ собою Федора Леонтьева и служилыхъ лучшыхъ людей, сколько человѣкъ приложе“, осмотрѣть городъ Яблоновъ и остроги и яблоновскій и короченскій земляной валъ и городки, построенные по валу — и крѣпости, которые „для береженія, отъ приходу воинскихъ людей сдѣланы въ городѣ и по валу; и въ которыхъ мѣстѣхъ въ городѣ и по валу какія крѣпости надобно подѣлать, и ему тѣ всѣ крѣпости велѣть подѣлать яблоновскими и короченскими всакими служилыми и жилецкими людьми. А который земляной валъ отъ Яблонова къ Корочѣ вѣдѣно нынѣшияго лѣта дѣлать Федору Леонтьеву, да Никитѣ Доможирову яблоновскими и короченскими жилицкими людьми, и ему тотъ валъ велѣти Федору и Никитѣ дѣлать по прежнему государеву указу съ болѣшимъ поспѣшеньемъ, чтобы тотъ земляной валъ и всякия крѣпости сдѣлать вскорѣ“...

По прибытіи же въ Яблоново вѣдѣно было Ростовскому галисать „къ товарищамъ своимъ сходныхъ воеводамъ“²⁾ Тимофею Бутурлину въ Бѣлогородъ и Никитѣ Лобанову, что ему „по государеву указу вѣдѣно быть за государевѣ службѣ въ Яблоновѣ, а съ ними для береженія отъ приходу воинскихъ людей вѣдѣно быти дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ украинскимъ и замосковныхъ городовъ, и иноземцамъ, и новокрещенамъ, и князьямъ, и мурзамъ, и татарамъ... и изъ городовъ стрѣльцамъ, и казакамъ, коннымъ и пѣшими, съ ногнезными боемъ, съ пушками и полковниками съ драгузы и съ солдаты, коннымъ и пѣшими, и донскимъ и яицкимъ казакамъ и всякимъ служилымъ людемъ“.

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 331.

²⁾ Воеводамъ, рати которыхъ назначены для поиска и походовъ за татарами — полевые, походные воеводамъ.

Если же крымскій царь и царевичъ съ большими силами придетъ на государеву Украину, то Ростовскій долженъ было приказано немедленно „со всими украинскими воеводы идти противъ крымскаго царя и царевича и большахъ вонскхъ людяхъ встрѣчу на прямой бой, а имъ, воеводамъ, Тимофею Бутурлину и князю Никитѣ Лобанову, по государеву указу, велѣно быть къ сходѣ съ ними, съ княземъ Алексѣемъ... и которымъ воеводамъ велѣно быть съ ними, съ княземъ Алексѣемъ, и тѣ бѣ шли къ нему во сходѣ; а которымъ велѣно быть съ Тимофеемъ и съ княземъ Никитою, и тѣ бѣ воеводы шли къ нимъ въ сходѣ. А нынѣ ови бѣ, воеводы, со всими служилыми людьми къ походу были готовы со всякомъ полковнико строенъ, и ожидали отъ него, князя Алексѣя, прасылки; а какъ онъ къ нимъ про приходъ крымскаго царя и воинскихъ людей отпишетъ, и ови бѣ Тимофею и князь Никита, и съ товарища своими, со всими людьми, устроясь обозомъ, и взявъ съ собою полковой нарядъ, шли къ нему въ походъ тотчасъ“.

Для разг҃бки о татарахъ и для охраны („береженья“) городовъ наказывалось держать „сторожи близкіе и дальние; и на вѣсти (для сбора сѣдѣтвій, вѣстей о татарахъ) по городамъ и въ станы (разг҃бзы) къ уроочищамъ, и по вѣстемъ въ подг҃бзы по дорогамъ посыпать по часту, и вѣстей о воинскихъ людей провѣдывать всякими обычая неоплошно, чтобы татаровы къ городамъ и въ уѣзы безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городами не учинили, и уѣздовъ не посеяли, и православныхъ крестьянъ не побили, и въ полонъ не поинали“... Наказывалось также отписать въ Бѣлгородъ къ воеводѣ, къ Тимофею Бутурлину: велѣть ему въ Валкахъ и за Чугуевъ держать станичниковъ, велѣть съ валокъ беречь Муравскія сакмы, а съ Чугуева беречь Изюмскія сакмы, „чтобы тѣми сакмами воинские люди безвѣстно на Украину не пришли и не воевали и людей не побили, и въ полонъ не поинали; а какія вѣсти про приходъ воинскихъ людей въ Валкахъ и за Чугуевъ объявятся, и съ тѣми вѣстями велѣть станичникамъ бѣжать къ нему, князю Алексѣю, и въ Бѣлгородѣ роздѣлясь, чтобы ему, князю Алексѣю, а въ Бѣлгородѣ и во всѣхъ украиныхъ городахъ про приходъ крымскаго царя и воинскихъ людей безвѣстными не быть... а которые бѣлогородскіе станичники бѣжать въ изъ по Дому къ Сокольмъ горамъ, и будеть тѣ станичники перегнуты татарскія сакмы и перелазы черезъ Донецъ, или на Изюмской и на Калміуской сакмѣ увидять татаръ, и тѣ бѣ станичники съ тѣми вѣстями бѣжали прямо въ Яблоново, и въ Царевъ Алексѣевъ городъ и въ Бѣлгородъ, роздѣлялись наспѣхъ, чтобы имъ прибѣжать запередъ приходу воинскихъ людей“...

Въ случаѣ же полученія „подавленыхъ“ вѣстей про набѣгъ крымскаго царя или вообще татаръ на украины князь Буйносовъ-Ростовскій долженъ былъ велѣть Яблоновскому осадному¹⁾ воеводѣ „изъ Яблоновскаго уѣзда боярскихъ людей и пашенскихъ крестьянъ собрать въ Яблоново съ женами и съ дѣтьми

¹⁾ Осадный воевода — воевода, начальствующій надъ городомъ, паче вродѣ нынѣшнаго коменданта крѣпости.

и со всѣми животы до приходу воинскихъ людей заранѣе, и хлѣбъ уѣздныиъ людемъ велѣть ссыпать по ямамъ, а у животини велѣть оставляти людей немногихъ; и велѣть остальцоиъ (оставшимся въ уѣздахъ) приказатъ, чтобы они съ животиной для береженія отъ татаръ были въ лѣсахъ и во всякихъ крѣпкихъ изѣстѣхъ, чтобы ихъ, остальцоиъ, воинскіе люди не побили и въ полонъ не поймали, и животные не погибли-жь. А которые служилыне люди, и пашенные крестьяне, и вдовы, и недоросли въ Яблоново въ осаду не прѣѣдуть, а взымутъ кого татары, и тѣмъ людемъ то чоловѣкое терпѣніе будеть отъ себя, и изъ полову государь окунать ихъ и на обмыкну имать не велитъ; то всѣмъ людемъ велѣть сказать не въ одно время, и бирючень¹⁾ въ торговыи дни велѣть прокликатъ не по одиць день, чтобы то всѣмъ людемъ было вѣдомо, чтобы служилыне люди всѣ женъ своихъ и дѣтей по вѣstemъ везли въ Яблоново въ осаду тогчась, а вдовы бы и недоросли, и всакие неслужилыне люди сами вѣхали въ Яблоново въ осаду. А которые служилыне люди вѣнчнутъ послушаться, женъ своихъ, и дѣтей, и людей, и крестьянъ по вѣstemъ въ Яблоново въ осаду не привезутъ, или которые вдовы и недоросли въ осаду по вѣstemъ не прїѣдуть или которые уѣздныи люди для осадного времени въ городъ запасовъ не привезутъ, и стольнику и воеводѣ, казю Алексю Буйносову, тѣмъ послушникомъ чинить ваказавъ смотря по винѣ²⁾...

Промышлять князю Буйносову съ товарища вадъ крымскими воинскими людми приказаю было „съ большими радѣніемъ... чтобы надъ воинскими людми поискъ учинить, а себя и людей уберечь... А будеть крымскій царь или царевичи и воинскіе люди большою мочью черезъ крѣпости, или Бокаевыи шлахомъ ихъ, воеводѣ, обойдутъ, и пройдутъ къ Курску, и къ Рыльску, и къ Кормарницкой волости, или пойдутъ къ Ливоніи, и къ Новоселью, и къ Тулѣ, и къ засѣкамъ, казю Алексю Буйносову со всѣми своими товарищи, устроясь обозомъ и съ нарядомъ, идти за крымскимъ царемъ и за воинскими людми, приходить въ днѣ и ночныхъ временемъ, и надъ царемъ и надъ татары съ Божіей помощью промышлять, смотря по тамошнему дѣлу, сколько милосердный Богъ помоши подастъ, чтобы крымскому царю помѣшка учинить и къ засѣкамъ не допустить. А въ города: на Тулу, на Крапиву, на Веневъ, въ Одоевъ, на Рязань и въ иные города, въ которыхъ городѣхъ засѣки, писать къ воеводамъ, а велѣть засѣки крѣпить и подымовныхъ людей собрать, и велѣть быть на засѣкахъ засѣчными головами съ подымовыми и со всякими людми которыми съ вими на засѣкахъ, у надолобъ стоять бережно и усторожливо совсѣмъ на готовѣ, чтобы воинскыхъ людей черезъ засѣки не пропустить; а они бѣ, воеводы, со всѣми людми укрѣпи въ городахъ осаду, были у засѣкъ, и надъ крымскими царемъ и надъ воинскими людми промышляли. А какъ онъ, князь Алексѣй съ товарища, будуть въ походѣ, и имъ съ собою имать въ походѣ парядъ полковой²⁾ и къ наряду пушкарей, и зелье и свинецъ и

¹⁾ Бирючи—особые чиновники, которые объявляли народу указы.

²⁾ Пушка.

всакіе пушечные запасы въ Яблоновѣ, и въ Бѣлгородѣ и въ Царевѣ-Алексѣвѣ городѣ, и на Ливнахъ и въ иныхъ городѣхъ".

Были-ли бояи у казаковъ съ татарами въ этомъ году — неизвѣстно.

Перенѣхъ по спискамъ того времени у казаковъ никакихъ не было. Лишь только четыре человѣка — кицкій есаулъ Григорій Федоровъ Контеевъ, Василий Сидоровъ, Нестерко Максимовъ и Куземка Макитинъ были отпущенны на изгнанье въ Соловки. Въ своей членобитной они пишутъ: ¹⁾... „Мы х. т. Василь да Нестерка были взяты въ половъ въ Литву на твоей государевої службѣ подъ Смоленскомъ, и быы въ полону обѣщались къ Соловецкимъ чудотворцамъ помолиться и съ тѣхъ мѣстъ 15 лѣтъ молиться не ходили,—занимали насъ твои государевы частныѣ службы да я жъ х. т. Василь былъ на твоей государевѣ службѣ на Усманѣ, и на той твоей службѣ ранили меня кримскіе люди изъ лука и всеѣ мы х. т. на твоихъ государевыхъ службахъ ранены многажды и помолиться въ Соловецкимъ чудотворцамъ обѣщалась. Милосердный государь пожалуй насъ х. т. за наши службашка и за раны и за полонское терпѣніе, вели государь насъ по обѣщанью отпустить къ Соловецкимъ чудотворцамъ помолиться. Царь государь смируйся пожалуй".

На оборотѣ этой членобитной помѣтка: „156 (1648) г. мая 6 дни государь пожаловалъ, велѣть отпустить, а корму дать на одинъ на мой мѣсяцъ и о томъ дать вѣдомость подьячemu у кого казаки вѣдомы".

Какъ служили казаки въ 1649 году — неизвѣстно. Видно только, что въ этомъ году по членобитной казаковъ приказано было 28 апрѣля въ г. Лиски выдать имъ по 1 фунту пороху и свинцу, о ченъ и была послана грамота, въ которой между прочимъ говорилось: „давать воеводѣ порохъ при себѣ и свинецъ, и ходить въ погребъ съ великими береженьемъ" ... ²⁾)

Въ грамотѣ обѣ этомъ ливенскому воеводѣ Якову Петровичу Колоцилоу указано, что донскій и лицеевъ казакамъ велѣно быть на службѣ въ этомъ году въ Новомъ Царевѣ-Алексѣвѣ городѣ и за Балуйкъ и что выдаю пороха и свинца на 190 человѣкъ ³⁾).

Казаки должны были прибыть въ Царевѣ-Алексѣвѣскъ къ 8 мая, но такъ какъ многие изъ нихъ „живутъ въ украинныхъ городѣхъ и къ жалованью прѣѣхали изъ украинныхъ городовъ мая въ 10 день", то эти „достальныѣ" были высланы въ Царевѣ-Алексѣвѣскъ 12 мая ⁴⁾.

Но не всѣ казаки поѣхали на службу. Одинъ изъ нихъ лицей казакъ, бывшій еще подъ Смоленскомъ, старикъ Гурко Петровъ сынъ Миннамъ отправился въ Москву, где подалъ членобитную царю. „Быль я холоцъ твой,— писалъ онъ въ членобитной ⁵⁾), — въ твоей государевої службѣ въ Новомъ Ца-

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст. Бѣлгород. стол., столб. 215, листъ 425.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Минист. Юст. Бѣл. ст., столб. 215, листъ 266.

³⁾ Тамъ-же, листъ 267. Грамота отъ 11 мая, 1648 г.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 268.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юстиц. Бѣлгород. столъ, столб. 288, листъ 34.

речь Алексеевъ городъ (въ 1647 г.) и какъ крымскіе и ногайскіе люди приходили подъ новый Царевъ-Алексеевъ городъ и съ ними бывало не пада головы своей и въ походахъ за татарами ходилъ и въ проѣзжія станицы ѿздили и какъ пошли; съ твоей государевої службы съ Царева и меня бѣдааго мои братя покинули больного на Осколѣ, и я лежалъ 1½ года и въ немочи за грѣхъ свой обвишаль; и я х. т. обѣщалъ постричься въ монастырь къ Николѣ Чудотворцу въ Холковъ монастырь"... Въ концѣ членобитной Мингаль просилъ постричь его „безвкладно и за тебя Государя Бога молить”.

По этой членобитной была послана 30 апрѣля оскольскому воеводѣ Федору Ловчикову грамота, где говорилось, что яицкому казаку Мингалу „за его службы и для его старости и нищеты” велико быть въ Осколѣ въ Холковъ монастырѣ безъ вкладу и въ томъ монастырѣ его постричь¹⁾.

Но Мингалъ подалъ снова членобитную²⁾. „Пожаловать ты государь меня х. т.—писать онъ—за многія мои службушки и за половинное терпѣніе и за мою нищету, за старость, и за увѣчья по моему обѣщавшю велѣнье безвкладно постричь въ Никольскій Холковъ монастырь; а я х. т. человѣкъ ницкій и увѣчный, а путь дальний—брестъ не могу, а подводы нанять нечѣмъ, взять негдѣ, человѣкъ бѣдный”... Проситъ Мингалъ, чтобы за многія его службушки и за половинное терпѣніе, за его старость и увѣчья да же ему подорожную „чтобъ до Никольскаго монастыря Холкова, мыту и перевозу и по городамъ гошащи не имали... вели Государь для моей нищеты дати подводу съ проводникомъ”...

По надписи на оборотѣ этой членобитной видно, что ему велико было „дать подводу съ телѣгой и съ проводникомъ, и мыту и мостовщикамъ и перевозу не имать”...

Видѣть съ Мингаломъ не пошелъ на службу яицкій казакъ Иванъ Семеновъ, бывшій подъ Смоленскомъ попавшій тамъ въ плѣнъ; онъ былъ отпущенъ въ Соловки на моленье³⁾.

Что дѣлали казаки въ Царевѣ-Алексеевскѣ и на Валуйкѣ въ этомъ году, были ли въ походахъ и въ бояхъ—неизвѣстно; видно только, что въ наказѣ воеводѣ города Царева-Алексеевска Афанасію Семеновичу Отлееву приказано было отпустить казаковъ 30 августа въ Ливны, а ливенскому воеводѣ Коло-зимою выдать имъ жалованье на сентябрь—декабрь⁴⁾.

Точно также положительно ничего неизвѣстно о службѣ этихъ казаковъ за слѣдующіе три года вплоть до 1653 года. Въ эти годы (1651—52) крымскіе татары, измѣнившіе Хильницацкому во время его третьей войны съ поляками, съ позволеніемъ польского короля сильно опустошили южно-русскіе предѣлы. Весьма вѣроятно, что яицкіе и донскіе казаки изъ Тулы были отправлены въ

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юстиц. Вѣлтер. столъ, столб. 288, листъ 35.

²⁾ Тамъ-же листъ 141.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юстиц. Вѣл. стол., столб. 215, листы 428 и 429.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 274—278.

какой либо отрядъ, действовавшій противъ татаръ и потому свѣдѣнія объ вѣтѣ службѣ не пошли въ донесенія тульскихъ воеводъ.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ русскому государству въ 1653 году явилась необходимость вести войну съ Польшею. Войска стала приготавляться къ походу, правительство заготовляло воинские припасы. На украинныхъ городахъ воеводамъ приказывалось сдѣлать хлѣбные запасы. Въ Голландіи и Швеціи было куплено до 40 тысячъ мушкетовъ и до 30 тысячъ пудовъ пороха и свинца, вербовались иностранцы за русскую службу. Описаніе смотра называвшихся въ Голландіи офицеровъ и солдатъ въ высшей степени любопытно. Иностранцы приходили на посольский дворъ каждый со своимъ оружіемъ и должны были показывать свое искусство въ воинскомъ дѣлѣ, такъ „Філіппъ-Альбертъ фонъ-Буковинъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанской и солдатской, стрѣлялъ изъ мушкета и штурмовалъ пикою и саблею различна штуки и по досмостру *добра добре...* Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, штурмовалъ и стрѣлялъ и застрѣлилъ трехъ человѣкъ: толиача Нечая Драгина да двухъ солдатъ нѣмцевъ, у Нечая да у нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прошегъ платье, за пизу солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худа добре*"¹⁾.

Въ это лѣто казаки находились въ Яблоновѣ. Объ нихъ упоминается въ отпискѣ яблоновскихъ воеводъ Василия Борисовича Шереметева съ товарищи обѣ отказѣ уѣзжаныхъ людей разныхъ украинскихъ городовъ привозить въ города хлѣбные запасы и „коенсіе кормы“ для продажи служильымъ людямъ и солдатамъ²⁾.

Въ отпискѣ воеводѣ, между прочими, пишутъ, что войскамъ приказано быть на государевой службѣ въ Яблоновѣ, Бѣлгородѣ, Карповѣ и Усердѣ, где они должны покупать для себя „запасовъ и харчей и лошадамъ конскаго корму“. Но жители этихъ городовъ продавать хлѣбъ войскамъ не пожелали.

„И мы—пишутъ воеводы—въ Яблоновѣ велѣли-жъ бирючимъ кликатъ не по одинъ день, и въ города къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ писали многажды, чтобы въ Яблоновѣ и въ городѣхъ всякихъ чиновъ служильые и жилецкіе люди всякие запасы и конскіе кормы везли на торгъ ратнымъ людемъ на продажу, а продавали бѣ противъ твоего государева указу и Соборного Уложения, чтобы ратные люди на твою государеву службу были запасны. И въ Яблоновѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Карповѣ, и на Усердѣ всякихъ чиновъ люди запасовъ и конскихъ кормовъ на продажу ратнымъ людемъ не повезли, настъ въ городѣхъ воеводы не послушали. И мы велѣли въ Яблоновѣ и на Корочѣ съ дѣтей боярскихъ, и съ казаковъ и со всякихъ жилецкихъ людей, у которыхъ наши есть, собрать съ двора по чети сухарей, да по четверику крупу, и велѣли имъ тѣ сухари, крусы везть на торгъ и продавать ратнымъ людемъ противъ твоей государевой указной цѣны... и въ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 307—308.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 546.

Яблоновъ и съ Корочи вскихъ чиновъ служалые и жилецкие люди сухари и крупы на торгъ привозили, и ратные люди у нихъ покупали, и къ твоей государеной службѣ запасы пополнились".

Казаки служили въ Яблоновѣ до зимы. Лишь только въ ноябрѣ была получена воеводою Шереметевымъ грамота, гдѣ „донскихъ и лицкихъ атамановъ и казаковъ и новокрещеновъ и татаръ велѣно отпустить по домамъ для того, что они были на службѣ въ Яблоновѣ во все лѣто и въ осень", казакамъ велѣно было сказать, чтобы они были въ своихъ домахъ, лопадей корили и изъ домовъ своихъ накула не разѣгжались, и чтобы сопѣстствѣ были готовы на службу. Кормовыя деньги съ января мѣсяца должны были они получить въ Линнахъ. Отпущеніи были казаки по домамъ 28 ноября¹⁾.

Съ самаго начала 1654 года уже вачалось движеніе войскъ въ Польшу. 27 февраля отпущеніе былъ варядъ (пушти) съ болгариномъ Далматовимъ-Карповимъ, 17 марта былъ объявленъ походъ въ Брянскъ князю Алексию Никитичу Трубецкому съ товарищи, который былъ назначеынъ главнымъ начальникомъ южныхъ войскъ. Трубецкому изъ Брянска велѣно было идти въ Малороссію и, соединившись тамъ съ Хмѣльницкимъ, ударить на вольскія области. Съ своей стороны Хмѣльницкій отрадилъ изъ Бѣлоруссіи 20 тысячъ казаковъ подъ начальствомъ наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренко. 15 мая отпущеніа была въ Вязьму Иверская икона Богородицы и въ тотъ-же день отправились туда воеводы передового и ертаульного (сторожевого) полка. 18 мая выступилъ самъ царь съ главными войсками, отправлявшимися на западъ по смоленской дорогѣ. Въ воротахъ, черезъ которые шелъ государь, по обѣ стороны были сдѣланы рундуки большиe, ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и кроило государя и ратныхъ людей святою водою²⁾.

Начальникомъ южныхъ пограничныхъ (украинскихъ) городовъ былъ въ это время тотъ-же воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ съ товарищемъ окольничимъ Федоромъ Васильевичемъ Бутурлинымъ. Еще 9 февраля Шереметевъ доносилъ изъ Яблонова, что прыскіе татары соединились съ поляками и что если ему велѣть идти на службу, то у него въ Яблоновѣ „ратныхъ конныхъ людей нѣть, одни пѣшие люди, московскіе стрѣльцы да солдаты; а дворянне московскіе, и жильцы, и донскіе, и лицкіе, и днѣпровскіе казаки и тульскіе драгуны со службы вѣс распущены по указамъ и по грамотамъ"³⁾. Но уже весною въ его распоряженіе были посланы войска и по приказу изъ Москвы тульскій воевода Василій Вахрамѣвичъ Мясново экстренно выслать донскихъ и лицкихъ казаковъ въ Ливны, гдѣ они должны были, получивъ кормовыя деньги по 4 руб., немедленно сѣдовывать въ Рыльскъ

¹⁾ Акты Москов. Госуд. т. II № 565. Отписка съ Яблонова воеводы В. Б. Шереметева о распустѣть по домамъ иноземцевъ, донскихъ и лицкихъ казаковъ, мурзъ и татаръ.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 312, 317 и 318.

³⁾ Акты Москов. Госуд. т. II, № 578.

„со всему службою и съ запасы“, куда одновременно должен был выступить мэр Яблонова и воевода Василий Шереметьевъ „со всѣми служилыми людьми съ конными и съ пѣшиими“¹⁾.

Присланною царскою грамотою на Шереметьева была возложена задача главнымъ образомъ оберегать южные границы отъ крымскаго хана въ ногайскихъ людей.

Война началась. Войска выступили въ походъ. Посмотримъ же, что дѣлалось у казаковъ на Яикѣ.

¹⁾ Акты Москов. Госуд. т. II 1654 г. № 581. Память тульскому воеводѣ В. Мясникову о посыпѣ изъ Тузы за Лизинъ донскіи и яицкіи казаковъ, и новокрещеновъ для получения кормовыхъ даний.

ГЛАВА XIII.

Грабежи казаковъ на морѣ. Погадка атамана Бѣлоусова съ казаками въ Москву съ повинною. Служба казаковъ въ Польшѣ и подъ Ригой. Первая свѣдѣнія о высылкѣ жалованья Яицкому войску. Разгромъ казаками Янкъ—Гурьева городка и его учуговъ. 1654—1666 г.

Погадите, ребятушки, къ царю съ повинною,
Повеземъ съ собой, братцы, говору съ пакомъ,
Повеземте, братцы, царю дары драгоцѣнныя,
Серебро, золото, пакены самоквѣтные...
Тутъ настъ ставеть царь благодарить—жаловать,
И станетъ настъ царь крѣпко саранивать...
Мы скажемъ царю вси правду истину!..

(Изъ письма Урал. каз.¹).

Жизни казаковъ на Янкѣ въ это время не имѣется никакихъ свѣдѣній. Исторія не сохранила намъ ничего объ этомъ. А жизнь тамъ шла боевая, шумная, тревожная. Вѣчныя стычки съ ногайцами и калмыками, вѣчное опасеніе за завтрашній день, вѣчная готовность отразить врага, набѣги, схватки, разгулье по синему норю Хвалыскому—такова была жизнь приватныхъ орловъ того времени.

Но ни преданія, ни исторія не оставила намъ ни одного слова объ этихъ дѣлахъ, ни объ этой жизни, полной неожиданностей, ни о герояхъ этой жизни, безстрашныхъ и отважныхъ казакахъ-лыцахъ. Кто знаетъ, сколько осталось незвѣстными для потомства примиѳръ доблести, мужества, геройскихъ подвиговъ? Въ сумеркахъ далекаго прошлаго чуть видны мощныя фигуры этихъ безвѣстныхъ героевъ, этихъ безстрашныхъ вольныхъ лыцарей-богатырей. Вотъ несутся они по степи... блестать казацкія копья, свищутъ калмыцкія стрѣлы, разносится браневые клики, стучать кистени, звенѣть сабли,—кинуть въ степи неизѣдомый бой!.. Но летить время, летить—и все хоронить собой, ни слѣда, ни звука не оставляетъ оно о прошломъ. Темною пеленою забвенья закрыло времена эти кровавыя схватки.

Тихо плещется славное море Хвалынское. Тихо на немъ. Вотъ несутся за быстрыхъ ладьяхъ по его зеркальной глади суровые казаки. Шире дорогу! это летать приваткіе орлы! Ни что имъ не страшно: жизнь ихъ—копѣйка! Берегись, персикане, туркменцы, армия! Остры казацкія сабли; какъ птицы, несутся надъ моремъ въ легкія лодки; орлаки, налетаютъ они изъ добычи... Напрасна

¹) Макушинъ „Сборн. пѣс. Урал. каз.“ стр. 39.

чтобы скрыться въ туманной, невѣдомой дали. Скроются орлы — и снова тихо надъ моремъ. Блестить оно зеркально гладью или вздымаетъ бѣлые гребни и не видно за чьими на паруса, ни далекихъ береговъ. И кто были эти орлы, какъ звали ихъ — не скажеть синее море. Вѣчно плещется оно своими волнами съ вѣтвистыми и дикими берега и никому не выдастъ своихъ тайнъ. Тихо, тихо надъ имъ. Лишь изрѣдка, пролетая надъ темной змѣйю, закричать скривившая чайка, раздается, разнесется ея жалобный крикъ по синему морю и замреть далеко-далеко за волнами и снова все тихо.

Насталь 1654 годъ. Зазеленѣла, украсилась душевными цветами вольная степь; заблестѣли, завскрились подъ жгучими лучами яркаго солнышка быстрая воды Яика. Лодка за лодкой, парусъ за парусомъ песятся по его тихой глади, сидѣть въ лодкахъ удальцы охотнички, плывутъ они въ Хвалынское море на промыселъ. Вотъ и устье Яика. Перегорожены его воды учужной забойкой, за толстыми стѣнами каменнаго городка видны стрѣлецкія шапки, блестѣть острый копъя, сверкаютъ бердыши.

Шире дорогу! То плывутъ приянцкіе орлы! Разломанъ, изрубленъ венавистный учугъ; плывутъ удальцы мимо стѣнъ городка, стоять, не шелохнутся стрѣльцы за стѣнами. Крикнули блѣчь удальцы учужныхъ рабочихъ и всему кабальному темному люду. Толпами выбѣгаютъ они изъ городка, пристаютъ къ казакамъ и вѣдуть съ ними на синее море, за вольную волю, на широкій просторъ¹⁾...

Шумно за морѣ Хвалынскомъ. Гуллють по его синимъ волнамъ приянцкіе орлы, разбивають они персидскіе корабли, грабятъ персидскіе берега. Гуллють вѣтѣстъ съ ними четыреста казаковъ — охотничковъ съ Тихаго Дона. Пирють удальцы. Робкими испуганными толпами бѣгутъ жители прибрежныхъ персидскихъ городовъ и сель въ ближайшія горы и лѣса. Шлеять персидскій шагъ къ русскому царю одну жалобу за другою.

Распрогнѣвался тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ! И, какъ говорить казачье преданіе, послалъ овъ на Яикъ и на Донъ грамоты съ нарочными уговаривать казаковъ бросить свое воровство. Приказано было явиться къ Москвитинскому атаману Ивану Бѣлоусову и донскому Фролу Минаеву.

Явились удальцы предъ царскія очи и приказалъ тишайшій царь вѣдѣть вѣнь обонимъ на море, „дабы тѣхъ разбойниковъ уговаривать“.

И уговарили молодцы атаманы удальцовъ казаковъ. Натянули казаки паруса и понеслись легкія лодки съ Каспійскаго моря прямо въ матушку Волгу. Пріѣхали срлы на своихъ боевыхъ судахъ къ Нижнему Новгороду. И приказалъ царь везти ихъ дальше въ Москву „за ямскіи подводахъ“.

Раннее утро. Рѣзко вырисовываются на свѣтломъ голубомъ небѣ темные зубцы стѣнъ московскаго кремля. Встала толпою на площади прибывшия казаки. Вышелъ тишайшій царь. Видѣть — стоять на колѣньяхъ рядами передъ

¹⁾ О разгромѣ гурьевскихъ учуговъ въ 1654 г. см. Костомарова, „Вунть Стеньки Развиза“, стр. 11.

лишь бородатые загорелые казаки, блестать ихъ цветные кафтаны, раздувасть легкій вѣтерокъ непокрытыхъ русыхъ волосы. Паче казаки лицъ предъ царемъ. Видны только смуглый загорелый шен, плахи подъ головами, да топоры въ рукахъ....

Смотреть тишиайший царь на покорныхъ головы. Покорныхъ головы мечъ не сбьетъ.

И простилъ царь казаковъ. Приказалъ они идти имъ въ Польшу за служить винамъ.

Встали ободренные казаки, взглянули на ясныя царскія очи и поплыли изъ Москвы бить царскихъ враговъ, бить враговъ земли русской.

Такъ говоритьъ преданіе. Но историческихъ актовъ, до сихъ поръ не найдено. Объ этой службѣ упоминается, какъ о первой службѣ яицкихъ казаковъ, Рычковъ, и въ инструкціи, данной Яицкимъ войскомъ депутатамъ, отправленными въ Петербургъ,—Тамбовцеву, Акутигу и другимъ въ іюлѣ 1767 г.¹⁾ Когда прибыли казаки въ Москву, а потомъ въ армію, данныхъ не имѣется. Извѣстно только, что въ этомъ же году съ Яицка въ іюньѣ и въ сентябрѣ прибыла въ Москву легкая станица съ атаманомъ Тимофеемъ Исаковымъ и осауломъ Федоромъ Призловымъ съ товарищи—всего 30 человѣкъ яицкихъ казаковъ. Это первыя свѣдѣнія о прибытіи станицы съ Яицка. Съ какими вѣстями и за какими дѣломъ прѣѣхала станица—неизѣстно. Но, видимо, вѣсти были хорошия и, за службы въ за прїѣздъ съ Яицка къ государю къ Москвѣ... велико атаману, и осаулу, и казакамъ дать по сукну, по аглинскому, человѣку²⁾. Въ раздаточномъ спискѣ этой первой упоминаемой историческими актами яицкой станицы, по безграмотству всѣхъ станичниковъ, „въ ихъ мѣста царицынскій сынъ боярской Герасимъ Быковъ по ихъ веленію руку приложилъ“²⁾.

Преданіе говоритьъ, что казаки были въ Польшѣ подъ начальствомъ князя Хованского, но сколько было казаковъ, кто былъ у нихъ походнымъ атаманомъ—неизѣстно.

Гдѣ, при взятіи какихъ городовъ принимали участіе яицкие казаки въ отрядѣ Хованского—свѣдѣній тоже нетъ.

Отрядъ Хованского дѣйствовалъ въ Вѣлоруссіи; тамъ въ первую польскую войну съ 1654 по 1656 годъ русскія войска брали одинъ городъ за другій; были взяты большие города—Вильно, Ковно, Гродно. Яицкие казаки могли быть при взятіи многихъ изъ этихъ городовъ, и также могли быть и свидѣтелями того, какъ 23 сентября 1654 года сдался Смоленскъ. Въ этотъ день подъ стѣнами Смоленска происходило обратное явленіе тому, какое они могли видѣть тутъ въ 1634 году. На этотъ разъ литовскіе воеводы, выходя

¹⁾ Левшинъ „Ист. и стат. опис. Урал. каз.“, Пушкинъ „Истор. Пугач. бунта“ и Рабинчикъ „Мат. для геогр. и стат. Рос. Урал. войско“, стр. 21.

²⁾ Москов. Арх. Министер. Импер. Двора и Оруж. палаты, дѣло № 234.

изъ Смоленска, били челомъ и клали знамена предъ государемъ московскимъ. Въ 1654 г. вся Бѣлоруссія была завоевана.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о службѣ яицкихъ казаковъ въ Бѣлоруссіи, но за то до насъ дошли акты о дѣйствіяхъ въ этой войнѣ другихъ яицкихъ казаковъ, посѣденныхъ въ Тулѣ и Москвѣ и служившихъ на украинскихъ городахъ.

Стоявшій въ этихъ городахъ отрядъ боярина Василія Борисовича Шереметева въ январѣ 1655 года, соединившись вмѣстѣ съ войсками малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго¹⁾, двинулся на Бѣлгородъ и далѣе на Дражинъ. Казаки, отправляясь въ походъ, имѣли атаманами Нефеда Медведева, Томилу Корякина и Ивана Каторжного. Есауломъ у яицкихъ казаковъ былъ попрежнему Григорій Коноплевъ. Изъ человѣческихъ яицкихъ казаковъ видно, что яицкіе и донскіе казаки „Тульского полку“ вошли въ составъ отряда Шереметева, гдѣ въ участвовали во всѣхъ бояхъ вмѣстѣ съ его отрядомъ. Казаки были въ первомъ бою подъ Дражиномъ, а потомъ участвовали при штурмѣ Гусатина. При этомъ штурмѣ обваружилось двое душше и первѣтельство Хмельницкаго: „Когда боярскаго полка люди начали къ нему приступать и на городъ взошли“, то Хмельницкій, вѣль вихъ отъ города отбивая и на томъ отбояѣ многихъ людей посыпалъ, а по тѣмъ людямъ, которые взошли было на городъ, изъ пушекъ стрѣлялъ“²⁾.

Оправдываясь въ этомъ поступкѣ, Хмельницкій объяснялъ его русскому воеводѣ тѣмъ, что гусатинцы прислали къ нему быть членомъ, что сдаются. Въ послѣдствіи въ своихъ отвѣтахъ боярину Василію Бутурлину гетманъ говорилъ: „подъ Гусатионъ города добывать мы не давали не потому, что заховъ берегли, а потому, что въ тѣхъ городахъ много православныхъ христіанъ“³⁾.

Штурмъ быль отбитъ⁴⁾.

Въ этомъ-же мѣсяцѣ Шереметевъ и Хмельницкій встрѣтились съпольскими и татарскими войсками подъ Ахматовымъ.

Туть русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ врага и отступили къ Бѣлой Церкви, гдѣ находилось другое московское войско подъ начальствомъ окольничаго Федора Васильевича Бутурлина⁵⁾. Украина была страшно опустошена татарами и поляками.

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 335.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 388.

³⁾ Тамъ-же, стр. 339.

⁴⁾ Въ этомъ дѣлѣ было убито три яицкихъ казака: атаманъ Иванъ Каторжный и рядовые Иванъ Пряблый и Иванъ Кадонецъ (см. прил. X).

⁵⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. X, стр. 335.

11 марта государь выехал изъ Бѣлой Церкви Федора Бутурлина и Шерemetева, а на ихъ мѣсто отправилъ туда боярина Василия Васильевича Бутурлина въ стольника князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, подъ начальствомъ которыхъ до конца войны и находились донские и яицкие казаки.

Въ іюнѣ отряды Василия Бутурлина и Хмѣльницкаго снова выступили въ походъ и безорештственно вошли въ Волынь, Подолію и Галицию, где были взяты одинъ за другимъ многие города; подав г. Гродно русскихъ встрѣтѣлъ коронный гетманъ Потоцкій, но былъ разбитъ и русскіе двинулись ко Львову; городъ не былъ взятъ лишь благодаря не желанію Хмѣльницкаго действовать решительно. Ось взялись осажденныхъ 60 тысячъ златыхъ и удалился отъ города¹⁾.

Въ то же время часть соединенного московскаго и малороссійскаго войска подъ начальствомъ Петра Потемкина взяла г. Люблинъ.

Къ концу 1655 года отрядомъ Бутурлина и Хмѣльницкаго были завоеваны всѣ Волынь, Подолія и часть Галиціи. Послѣ двухлѣтней кровопролитной войны въ 1656 г. было заключено перемирие. За Москвою были оставлены Мазац и Бѣлаз Россія. Въ Валуйкахъ при разбивѣ пленныхъ находились яицкие и донские казаки изъ отряда князя Григорія Ромодановскаго²⁾, которые послѣ разбивки встали вмѣстѣ съ отрядомъ въ Бѣлогородѣ.

Въ томъ-же году съ весны началась война со шведами. Въ этой войнѣ, подъ Раго³⁾, по преданию, участвовали прибывшіе съ повинной въ Москву яицкие казаки; но объ участіи ихъ въ шведской, какъ и въ польской войнѣ документовъ не разыскано. Войско было подъ командою Петра Потемкина. 25 мая патріархъ Никонъ писалъ государю, бывшему тогда вмѣстѣ съ войсками, что къ Потемкину отправлены донские казаки, которыхъ онъ, патріархъ, благословилъ идти въ Стокгольмъ и въ другія мѣста моремъ. „Заменитъ громателей береговъ Чернаго моря хотѣли употребить для той же цѣли на Балтійскомъ морѣ!“ — замѣчаетъ Соловьевъ⁴⁾.

Такъ какъ почти во всѣхъ войнахъ яицкие казаки были вмѣстѣ съ донцами, то надо предполагать, что и въ давнѣмъ слушать яицкие казаки были въ рядахъ.

Войска быстро заняли города Каневъ, Полоцкъ и двинулись въ Ливонію, где былъ взятъ г. Давабургъ. Послѣ этого былъ взятъ Коненгаузенъ. Объ немъ царь писалъ сестрамъ: „Крѣпокъ безизѣрно, ровъ глубокій, менѣйшой братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостію смыть Смоленску граду; ей чрезъ иѣру крѣпокъ; а побито нашихъ 67, да ранено 430“⁴⁾.

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. I, стр. 34.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст. Бѣлогор. столъ, столб. 408, листы 135—137. Списокъ донскихъ яицкихъ каз., вышедшихъ съ Ромодановскими при посольскомъ размѣщении въ Валуйкахъ.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. т. 10, стр. 358.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 359.

Осада Риги, начавшаяся 23 августа въ присутствіи царя, окончилась неудачно. Съ 1 сентября съ шести русскихъ батарей велась безперерывная сильная бомбардировка города и днемъ и ночью целый месяцъ, пока 2 октября отажденіе не ударили на русскихъ и не нанесли имъ тяжелаго пораженія. Эта неудача, осеннеѣ время и восстание крестьянъ окрестныхъ сель — все это заставило царя снять осаду Риги и отступить въ Полоцкъ¹⁾.

На этомъ и окончились всѣ пріобрѣтенія въ Швеціи; военныѣ дѣйствія были пріостановлены и начались переговоры о мірѣ, который и былъ заключенъ въ 1661 году.

Во времѧ шведской войны донскіе и лицкіе казаки отряда кназа Ромодановскаго стояли все времѧ въ Бѣлгородѣ. По прибытии съ польской войны въ 1656 г. имъ было выдано жалованье сразу за полгода впередъ съ марта по сентябрь. Но его имъ хватило не надолго. Казакамъ нужно было содержать семьи, оставленныя въ Туле, поправить и пополнить свое снаряженіе, и потому они въ августѣ водили челобитную о выдачѣ имъ снова жалованья за полгода впередъ. „Мы х. т. тѣль твоимъ жалованьемъ — пишутъ они — на Бѣлгородѣ вони покупали и ружье починили, а нынечка мы на твоей государевой службѣ въ Бѣлгородѣ помираемъ голодною смертью, прокормиться нечай, а въ домишкахъ нашихъ жалапка и дѣтишка наша волочатся между дворъ, помираютъ голодною смертью“²⁾.

По этому челобитью всѣхъ казакамъ „съ татарами и новокрещены“, всего 232, было приказано снова выдать въ сентябрѣ жалованье на шесть мѣсяцевъ впередъ³⁾.

Жалованье это было выслано изъ Москвы съ подьячими Зенбулатовыми, но не прішло въ Бѣлгородъ къ Ромодановскому, а въ Тулу къ воеводѣ Ивану Иоашкину, который уже отъ себя долженъ былъ раздать эти деньги, предварительно пересмотрѣвъ казаковъ. Характеристикой того времени служить между прочимъ отношеніе къ прибывающимъ въ Москву лѣтъ сколькимъ донскимъ и лицкимъ казакамъ полка Ромодановскаго съ челобитьемъ о выдачѣ имъ жалованья. Казаковъ въ Москвѣ никто не зналъ. Челобитную привали, а объ казакахъ завели справку у Ромодановскаго. „Донскіе и лицкіе казаки и новокрещены многіе нынѣ за Москвѣ и быть чадомъ намъ о вашемъ жалованьи, о кормовыхъ деньгахъ, а на нашей службѣ въ Бѣлгородѣ и на посольскомъ размѣѣ (въ Валуйкахъ) они съ тобой были ли или пѣтъ? я выѣзъ на Москвѣ по отпуску-ль, или съ нашей службы сбѣжали“⁴⁾.

Лѣтомъ у казаковъ отряда Ромодановскаго происходили какіе то боя съ

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 10, стр. 359.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ист. Бѣлгор. столъ, столб. 293, листъ 139.

³⁾ Тамъ-же, листы 140, 142.—145.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Бѣлгор. ст., листы 162—165.

татарами и по раздаточному списку на жалование 22 июня имются пометки: „взять въ полонъ“; такихъ оказалось лицъ казаковъ четыре человека.

Заключенное съ поляками перемиріе оказалось непрочнымъ. Въ Малороссіи начались смуты. Часть казаковъ послѣ смерти Хмельницкаго выбрала гетманомъ Выговскаго, другая часть — сына Хмельницкаго Юрия. Выговскій присягнуль Польшѣ, Юрий присягнуль московскому царю.

Осеню 1658 года открылась снова война съ поляками. Ромодановскій со своимъ отрядомъ двинулъ въ Малороссію. Донскіе въ лицѣ казаки, входившие въ его отрядъ, были подъ начальствомъ страшнаго Григорія Ивановича Косагова, подъ командой которого находились орѣшковские, яицкіе и донскіе казаки, составлявшіе особый полкъ¹⁾.

Первый бой, гдѣ участвовали казаки, былъ 20 декабря этого года. Татары и Выговскій съ казачьими полками начали на князя Ромодановскаго блезь Лохвицы, но были отбиты и отступили.

Въ февраль 1659 года къ Лохвицѣ подошли Скоробогатенко (казацкий гетманъ Выговскаго), поляки и татары, всего 30 тысячъ. Три раза штурмовали они городъ, где заперлись войска князя Ромодановскаго и Куракина, и были отбиты.

Между тѣмъ изъ Москвы 15 января выступилъ въ Малороссію князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой и съ нимъ до 150 тысячъ войска. 26 марта эта армія была въ Путевѣ, въ ея составѣ пошаль со своимъ отрядомъ въ князь Ромодановскій. 19 апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотопу и безуспешно осаждалъ этотъ городъ до конца июня. Посылаемыми отъ него отрядами были взяты и разорены города Нѣжинъ и Борза, при взятіи которыхъ участвовали лицѣ казаки вмѣстѣ съ полкомъ Косагова. 27 июня къ Конотопу прибылъ Выговскій съ татарами и завязалъ бой. О бой подъ Конотопомъ Соловьевъ говорить такъ: ²⁾ „Оставивши всѣхъ татаръ и половину своихъ казаковъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиной казаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, ударили на разсвѣтѣ на осаждавшихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельского войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князей Пожарскаго и Львова съ конницей. 28 июня Пожарскій нагналъ черкасъ, поразилъ ихъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди маого непріятельского войска и остальная половина казаковъ и цѣлая орда съ ханомъ и калгою; передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. „Давайте мѣхъ ханишку! — кричалъ онъ — давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ такихъ-то и такихъ-то... вырубимъ и выпилъемъ“. Но только что

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. III, стр. 258 № 254.

²⁾ Соловьевъ. Пет. Рос. т. 11, стр. 59.

успѣль овъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныи толпы татаръ и казаковъ въ разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ пленъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ; но Пожарскій былъ одинаковъ на полѣ битвы и въ пленѣ: выбравшись хана по московскому обычью, онъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову. Цѣлью московской конницы, совершившей счастливые походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; пленныхъ досталось побѣдителю тысячъ пять; несчастныхъ вывели на открытое мѣсто и рѣзали, какъ барановъ: такъ уговорились между собою союзники — ханъ крымскій и гетманъ войска запорожскаго!.. Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій двинулись къ Конотопу, чтобы ударить на Трубецкого; но боаринъ уже отступилъ отъ города, и благодаря многочисленной артиллеріи, успѣль безъ большого вреда отъ напирающаго венѣрія перевести свое войско въ Путивль, куда прибылъ 10 июля".

Принимали ли участіе въ кавалерійскомъ бою за р. Сосновкою юнція и донскіе казаки полка Косагова — неизвѣстно. Но что они были въ бою подъ Конотопомъ видно изъ членобитыхъ. Изъ Путивля Косаговъ былъ посланъ казаками подъ г. Коропъ, который былъ взятъ съ бою [13].

Въ августѣ 1660 года мы видимъ отрядъ Ромодановскаго стоящій въ Бѣлгородѣ, гдѣ казакамъ было роздано жалованье на шесть мѣсяцевъ впередъ съ 1 сентября этого года ¹⁾.

Въ декабрѣ Ромодановскій получилъ извѣстіе изъ г. Колontaева отъ Григорія Турбцева, что приходила подъ Колontaевъ полтавскій полковникъ Федоръ Жученко „со многими черкасы и посады около Колontaева многіе обожгли и многихъ людей побили и въ городу приступали жестокими приступы“, а что по съѣѣніямъ Жученко хочетъ идти подъ украинные города „подъ Ахтырку и подъ Колontaевъ-же“ ²⁾.

Ромодановскій, получивъ это донесеніе, послалъ Полтавскому и Миргородскому полковникамъ грамоты, но они грамоты эти цокли, а посланныхъ черкасъ порубили ³⁾.

„И вада многую неправду и злое разореніе твоимъ украиннымъ городамъ и уѣздамъ Полтавскаго и Миргородскаго полку — писалъ Ромодановскій царю — декабря 10 послали мы подъ Гадичъ и подъ иные тѣхъ полковъ города твоихъ ратныхъ людей рейтарскаго строю полковника Федора Воризера съ полкомъ, да стрячаго Григорія Ивановича сына Косагова съ его полкомъ съ донскими, и съ лицкими, и съ орликовскими казаки и съ Харьковскими

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. III, стр. 129. Моск. отд. Арх. Мин. Юст. столб. Моск. стола № 312, столб. 15, листы 27—32.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. III, № 254, стр. 382—385.

³⁾ Тамъ-же.

чержасы, да драгунскаго полковника Леонтия Относова съ драгуны, да черкасскаго острожскаго полковника Ивана Даинковскаго съ его полкомъ и, проса у Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи, велилы имъ Божиинъ и твоинъ цѣлою надъ тѣми полками промышлять¹⁾).

Этотъ отрядъ былъ отправленъ подъ начальствованіемъ стольника и воеводы Петра Скуратова.

Скуратовъ пришелъ подъ Годачъ 15 декабря и здѣсь съ измѣнниками съ полковники черкассы съ Иваномъ Дьяченко, съ Шашкою, и съ Павломъ Никитовскимъ, и съ черкассы былъ бой большой съ полудни до самой ночи, и на томъ бою многихъ черкассы побили, и въ полонъ поймали и рубяли конныхъ въ пѣшихъ до городовыхъ воротъ, а города взять было не можно, потому что въ то время дождь былъ большой съ утра и до вечера, и во всю ночь, и на завтра весь день и у ратныхъ людей ружье все замокло, а гела и деревни около Гадича все выжгли²⁾).

О потеряхъ въ этомъ бою Ромодановскій доносилъ: „а твоихъ ратныхъ людей на бѣю убито: донской казакъ, да два человѣка черкассы, да въ полонъ взято новокрещенъ татаринъ Иванко Андреевъ, да рейтаръ и драгунъ и черкассы ранено 16 человѣкъ“³⁾.

За этотъ бой государь указалъ выдать „которые ранены за тяжелыя раны по 4 р., за среднія по 3 р.“.

Въ 1661 году въ маѣ отрядъ Ромодановскаго находился въ Быковѣ, съ извѣстіемъ отъ Нѣжина, гдѣ была рада (созвѣтъ) малороссійскихъ начальниковъ о выборѣ гетмана, взамѣнъ измѣнившаго Юрія Хмельницкаго. Здѣсь казаки выбрали новымъ гетманомъ Якима Самко. Среди бывшихъ за радѣ полковниковъ не было Жученко, т. к. овѣ „визы свои великому государю не привнес въ сидить въ Полтавѣ“⁴⁾.

Въ слѣдующемъ 1662 году 12 іюня Юрій Хмельницкій съ полками и татарами, всего съ 6 тысячами, напалъ внезапно на Самко, стоявшаго въ Зверстахъ отъ Переяславля, во Самко отбился и отступилъ въ Переяславль. Хмельницкій осадилъ его здѣсь, но 8 июля Самко съ московскими войсками вышелъ на вылазку и разбилъ его. Хмельницкій ушелъ къ Кременчуку. На выручку Кременчуку выступилъ Ромодановскій, который, соединившись въ Переяславль съ Сѣрко, со всѣми своими силами, въ томъ числѣ съ азиатскими казаками, 16 июля напалъ на таборъ Хмельницкаго, которого и разбилъ за голову. Но счастіе скоро перемѣнилось. Хмельницкому съ татарами удалось разбить подъ Бужиномъ московскій отрядъ Прокловскаго, гдѣ погибло до 10 тысячъ русскаго войска, и брошено побѣдителемъ 7 царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. III, листы 367—372.

²⁾ Тамъ-же, № 254, стр. 258.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. II, стр. 119.

Ромодановский тотчас велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магнитъ-Гарей, переправившись со своими татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановский ушелъ въ Дубны¹⁾.

Послѣ этого боя свѣдѣній объ отрядѣ Ромодановскаго не имѣется вплоть до 1663 года, когда весною этого года изъ его отряда былъ посланъ Косаговъ съ 500 человѣками драгунъ, солдатъ, донскихъ и яицкихъ казаковъ на помощь запорожцамъ. Косаговъ съ этимъ маленькимъ отрядомъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоительно до конца войны и дѣлалъ лахіе партизансkie набѣги на крымцевъ и поляковъ.

О дѣйствіяхъ Косагова Соловьевъ говорить²⁾: „Узвавъ, что въ Запорожье пробирается московскій отрядъ, Дорошенко въ юль мѣсяцѣ послалъ провѣдать о немъ двѣстѣ малороссійскихъ казаковъ и сотню татаръ, которые сошлились съ людьми Косагова подъ Кипенкой и были побиты. Косаговъ еще разъ столкнулся съ татарами и снова разбилъ ихъ подъ Кипенкой и, соединившись съ запорожцами и калмыками, отправился въ сентябрѣ за Днѣптръ. Вѣдѣсь выжгли они ханскія села, много въ нихъ побили армянъ и болоховъ и 20 сентября возвратились въ Сѣчь, все въ цѣлости; на другой день явились въ Сѣчь 1200 запорожцевъ, которые ходили на море; пришли они пѣшкомъ и рассказывали кошевому своему Ивану Сѣрку и Косагову, что настигли ихъ на морѣ турецкія суда, бились съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь казаки утекли отъ турокъ къ берегу, изрубали свои суда и полень пустились домой. 2 октября Сѣрко и Косаговъ выступили подъ Переокопъ; 11 числа ночью Сѣрко съ пѣшими черкасами и солдатами вошелъ въ Переокопскій посадъ съ крымской стороны, а Косаговъ съ конными черкасами и русскими людьми пришелъ къ воротамъ Переокопскимъ съ русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго русскіе взять не могли и ушли, зажегши большой. Янычары и татары преслѣдовали ихъ-перстъ съ пятью. 16 сентября Косаговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Косагова было убито только десять человѣкъ; плененныхъ въ Сѣчь не привезли,—порубили, не пощадивъ ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Косаговъ, что въ Крыму и Переокопѣ было повѣтряе. Скоро послѣ этого начали приходить отъ Косагова печальныя вѣсти: онъ писалъ,—начались шатости въ Запорожахъ большія; Сѣрко боится за себя, за московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей; запасы, привезенные Косаговымъ, вышли, а покупать въ Запорожье—осмина муки ржаной стоять пять рублей, а пшеница не добыть ни за какія деньги, отчего многіе ратные люди разбѣжались”....

Но не смотря на это, Сѣрко и Косаговъ не сидѣли праздно въ Сѣчѣ. „6 декабря,—говорить Соловьевъ²⁾,—они вмѣстѣ съ калмыками отправи-

1) Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 131.

2) Тамъ-же, стр. 161.

3) Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 159.

лъся снять подъ Перекопъ, чтобы иѣшьши хару яти на помощь къ королю и
изять языковъ. Они спокойно жгли татарскія села въ кутахъ надъ Червныи
моремъ, отгромили русскаго и черкасскаго полону болыше ста человѣкъ, какъ
11 декабря начали на нихъ татарскія толпы изъ Перекопи; русскіе и казаки
отбиваясь отступали даѣ мили къ рѣкѣ Коловчанку, здѣсь устроили конъ, учѣ-
нили бой, перекопскую орду побили и рубили татаръ до самой Перекопи,
живыхъ братъ въ пленъ казаки не дали, — въ рукахъ кололи. Эти подвиги
совершились съ самыми незначительными силами: съ Сѣркомъ было 90 человѣкъ
черкасъ, съ Косаговыи 30 человѣкъ донскихъ¹⁾ казаковъ да 60 казаковъ,
а татаръ, если вѣрить Косагову, было человѣкъ съ тысячей²⁾.

Въ этомъ бою была только часть отряда Косагова, остальные остались
въ Сѣчи.

Въ январѣ 1664 г. Сѣрко одинъ со своими запорожцами отправился за
Бугъ и за Днѣпъ, гдѣ нападающи на турецкія села и, взявъ богатую добчу,
поехалъ въ Малороссию на западную сторону Днѣпра, гдѣ 4 апрѣля въ Кры-
ловѣ къ нему присоединился и Косаговъ со своимъ маленькимъ отрядомъ и
остальные запорожцы съ ваказными кошевыми *Сацкомъ-Турочомъ*.

7 апрѣля 2000 польской конницы подъ начальствомъ Чарнецкаго напали на
соединенный отрядъ Сѣрко и Косагова подъ Бужиномъ; послѣ жестокаго боя
русскіе пришли къ Бужину въ цѣлости, а поляковъ было побито много. Чар-
нецкій осадилъ ихъ въ Бужинѣ, — пашетъ Соловьевъ³⁾; — они отбивались
отъ него день и ночь съ 7 по 13 апрѣля и отбились. Чарнецкій отступилъ;
Сѣрко и Косаговъ воспользовались этимъ и перешли въ Сѣчью, но тутъ были
снова осаждены Чарнецкій и Тетеревъ и снова отсидѣлись безъ урона для
себя. Освободившись въ другой разъ отъ осады, Сѣрко и Косаговъ отправились
за восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ москов-
скихъ ратныхъ людей и съ казаками⁴⁾.

1 августа мы видимъ взять отрядъ Косагова въ бою съ поляками. Послан-
ный гетманомъ Брюховецкимъ виѣстъ съ вѣсколькими казацкими полковниками
(малороссийскими) учивить промыселъ надъ Корсунемъ, сѣть въ пяти верстахъ отъ
Корсуна встрѣтился съ поляками. Но на этотъ разъ ему не повезло. Онъ
былъ разбитъ. Въ этомъ бою было убито 11 человѣкъ рейтаръ и солдатъ и 30
человѣкъ черкасъ.

Косаговъ жаловался государю⁵⁾: „Иные рейтары, солдаты, донскіе казаки
и черкасы передъ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали
домой; бѣда случилась отъ малолюдства: въ походѣ со мною было рейтаръ
85 человѣкъ, солдатъ 120, казаковъ разныхъ городовъ 470⁶⁾, черкасъ 500

¹⁾ Здѣсь Соловьевъ называетъ этины именемъ донскихъ и лицкыхъ казаковъ полка Косагова.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. томъ 11, стр. 161.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., Т. 11, стр. 162.

⁴⁾ Русскіе казаки полка Косагова: донскіе, лицкіе и орѣхіоскіе.

человѣкъ конныхъ, да 1000 пѣшихъ; но къ этой пѣхотѣ лахи не дали союзомъ соединиться¹⁾.

21 октября Брюховецкій, стоявшій подъ Клевеныемъ, вновь послалъ Косагова съ его незначительнымъ отрядомъ къ Умани, чтобы уберечь ее отъ Чарнецкаго. Но Чарнецкій и Тетеря напали на него въ Мѣдвинѣ и держали въ осадѣ цѣлый мѣсяцъ; бой и приступы были жестокіе; по словамъ Косагова, поляковъ въ ѿмцевъ побитыхъ и живыхъ взято много, а изъ московскихъ людей убить было только одинъ человѣкъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣдвина, Косаговъ отправился назадъ въ Каневъ, но по дорогѣ 12 декабря подъ Стародубъемъ выдержалъ новый бой съ поляками и съ корсунскими черкасами и опять вышелъ побѣдителемъ²⁾.

Въ этомъ году полкъ Косагова, состоявшій, какъ мы знаемъ, изъ лонскихъ, яицкихъ и орѣшковскихъ казаковъ, получилъ за свою лихую службу „значокъ полковое, тафтаное, красное, каймы бѣлны, на немъ начено золотомъ на обѣ лица: на передней каймѣ, къ древку, образъ Всемилостиваго Спаса во облацѣ; передъ нимъ въ моленіи св. благовѣрные князи Борисъ и Глѣбъ, съ мечи обнаженными; по срединѣ знамени образъ Архистратига Божія Михаила въ конѣ, вооруженъ, въ рукахъ: въ правой мечъ, въ лѣвой крестъ Господень, съ копіемъ и съ тросткѣ“³⁾.

Гдѣ былъ Косаговъ въ 1665 году — неизвѣстно. Но надо думать, что онъ не оставался празднымъ, а дѣлалъ свои лихіе набѣги и громилъ лаховъ и татаръ вмѣстѣ съ запорожцами, т. е. новый 1666 годъ его застаетъ въ Сѣчѣ. 3 февраля этого года онъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожье осталось войска только человѣкъ 500 и у тѣхъ нѣтъ запасовъ⁴⁾. „Запорожцы,—писалъ въ это время Косаговъ,—царскихъ ратныхъ людей не любятъ, и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотятъ мириться съ татарами и Дорошенкомъ“⁵⁾. Запорожцы выбрали себѣ новаго кошевого Рога, враждебнаго Москвѣ, послѣ чего Косагову пришлось плохо въ Запорожье: съ ними перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили ходить въ милю. Косаговъ, не предвидя себѣ ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожья. Когда Брюховецкій послалъ спросить Рога, что это значитъ? тотъ отвѣчалъ: „Мы и сами надѣваться не можемъ, заѣмъ овъ ушелъ, мы его не выгнали, не знаемъ, вѣ для того ли пошелъ, что у насъ куколь вочныхъ нѣтъ, съ которыми думаю на Руси ужъ натѣшился; войско запорожское государевыхъ людей колотъ не думало, какъ овъ писалъ; а если когда и случалось, что казакъ напившись промолвилъ что нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ волку: что захочетъ, то и слѣпить“⁶⁾.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 164.

²⁾ Древн. Госуд. знамена, Л. Яковлева, 1865 г., стр. 90, примѣчанія 389 и 390.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. томъ 11, стр. 194.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 194.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 195.

Болѣе сиѣдѣній о дѣйствіи отряда Косагова не имѣется.

Въ 1667 г. въ Андрусовѣ, близъ Смоленска, было заключено перемирие на 13½ лѣтъ, по которому за Москвою остались Смоленскъ, Сѣверская об-
ласть и восточная сторона Малороссіи.

Такъ окончилась опустошительная тринадцатилѣтняя война съ Польшией.

Гдѣ были во время второй войны яицкіе казаки, прибывшіе съ Яикъ съ
войнами, спѣдѣній тоже не имѣется. По преданию они были на войнѣ всего
7 лѣтъ, и если они прибыли въ Москву въ 1655 году, то въ 1662 году
должны были уйти на Яикъ, не дождавшись окончанія войны. Часть ихъ,
какъ говорить преданіе, остались на постоянное жительство въ Великихъ Лукахъ,
гдѣ имѣли даво каждому по крестильнику „для тамошняго ихъ содержанія“.

Можно предположить, что причиной раннаго возвращенія казаковъ на Яикъ
послужилъ начавшійся въ верковыхъ Яика башкирскій бунтъ. Волненія баш-
киръ начались какъ разъ съ 1662 года и продолжались до 1682 года, т. е.
безъ перерыва двадцать лѣтъ. Волненія эти, грозившія краю полныемъ опу-
стощеніемъ, вѣроятно, и были причиной возвращенія казаковъ на Яикъ для
охраны своего городка, т. к. обѣ участіи ихъ въ усмирѣніи башкиръ въ
первые годы бунта никакихъ указаний нѣть.

Въ то время, когда была война въ Польши, яицкіе казаки пріѣзжали въ Мо-
скву два раза: въ 1658 году 26 октября—атаманъ Иванъ Щербакъ и вождь
(проводникъ) Клушка—татаринъ¹⁾; что это за вождь, почему ихъ только при-
было двое и только двоимъ выдано по сунку, остается невыясненнымъ. Въ
1660 г. 28 ноября—прибыла въ Москву тотъ же атаманъ Иванъ Щербакъ,
есауль Герасимъ Бровка и шесть человѣкъ рядовыхъ²⁾.

Изъ дѣла не видно, чтобы эти обѣ станицы пріѣзжали съ Яика; весьма
возможно, что атаманъ Иванъ Щербакъ и есауль Герасимъ Бровка были
походными атаманомъ и есауломъ станицы яицкихъ казаковъ, посланной въ
Польшу и подъ Ригу. Они пріѣзжали въ Москву съ какими либо человѣ-
ческими, а можетъ быть даже съ просьбою о возвращеніи ихъ станицы на Яикъ.
Въ это-же приблизительно время—12 декабря 1660 года имѣется первое
указаніе обѣ отпускѣ жалованья войску на Яикъ на 260 человѣкъ.

Этотъ первый найденный до сихъ поръ царскій указъ о жалованьи каза-
камъ на Яикъ говоритъ слѣдующее:

„Лѣта 7169 г. декабря въ 12 день по Государеву Цареву великаго князя
Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу
память казачью Богдану Миничю Дубровскому да дьякамъ Давиду Шонк-
ратьеву да Ивану Харламову указать великій Государь Царь великій князь
Алексѣй Михайловичъ всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ по-
слати на Яикъ на жалованье яицкимъ атаманомъ и казакомъ дву сотѣ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Инв. Двора и Оруж. палаты, дѣло № 76, 7167 г.

²⁾ Тамъ-же, дѣло № 159, 7169 года.

штидесятъ человѣкомъ суконъ анбурскихъ по четыре аршина человѣку и по Государеву Цареку великого князя Алексѣя Михайловича великия и налья и бѣлна Росіи Самодержца указу казначѣю Богдану Мавричию Дубровскому да дьякомъ Давилу Пократьеву да Ивану Харламову велѣти тѣ анбурскія сукна прислати къ болину ко князю Алексѣю Никитичю Трубецкому да къ дьякомъ къ дунину къ Лариону Лопухину да къ Федору Грибоѣдову да въ Тимоѳѣю Безсонову. Тимоѳѣй Безсоновъ. Даво всѣмъ двѣстѣ шездесѧть человѣкомъ.⁴⁾

На обратнѣ листа: „По сей памяти приказу Казанскаго дворца подьячей Акила Языковъ взялъ въ приказъ Казанскаго дворца двѣстѣ шестьдесятъ суконъ и руку приложилъ“¹⁾).

Сукна эти, какъ видно изъ дальѣйшихъ подобныхъ-же грамотъ, отсылались на Яикъ съ прѣѣзжавшимъ въ Москву зимовыми станицами. Въ данномъ случаѣ не указано, кто былъ въ это время въ Москвѣ изъ яицкихъ казаковъ и кому переданы эти сукна для отвоза на Яикъ.

Въ 1663 году въ раздачу этого жалованья было взято изъ приказа Большой Государевой казны 70 половинокъ суконъ анбурскихъ въ казенныи приказъ „на время, пока будуть въ привозѣ сукна отъ Архангельского города, а какъ тѣ сукна отъ города пришлютъ и изъ казеннаго приказа въ приказъ великаго государя большія казны въ то число анбурскихъ суконъ пришлютъ“²⁾, и приказано было эти сукна дать въ жалованье 300 яицкимъ казакамъ „по имиамъ“, т. е. по списку казаковъ.

Въ 1664 и 65 годахъ это же жалованье выдавалось на 330 человѣкъ, въ первомъ случаѣ сукна были получены „за службы“ и отпущены на Яикъ съ яицкимъ атаманомъ сыномъ Ивановымъ, а во второмъ случаѣ съ казаками „челобитчики съ Левкою Соболевымъ да съ Ваською Касимовымъ“. Оба раза казаки получили эти сукна изъ приказа Казанскаго дворца по разсчету по 4 арш. сукна на человѣка³⁾.

Въ слѣдующихъ годахъ въ 1667 и 68 это жалованье давалось уже на 370 человѣкъ⁴⁾, при чечѣ въ получении суконъ расписывается первый грамотный человѣкъ, прибывшій съ Яика въ Москву, станичный освѣль Никифоръ Евдокимовъ.

Такимъ образомъ видно, что посылка жалованья на Яикъ была не всегда одинакова. Объяснить эту разницу въ количествѣ посланного не представляетъ возможнаго. Извлется вопросъ, почему дается это жалованье только на 300—370 казаковъ, тогда какъ ихъ на Яикѣ было тогда, вѣроятно, не менѣе двухъ тысячъ? Не есть ли эти цифры указатель числа казаковъ, бывшихъ на службѣ въ Польшѣ и подъ Ригою, по количеству которыхъ потомъ и стало отпускаться жалованіе войску?

¹⁾ Моск. Арх. Имп. двор. и Оруж. пал., дѣло № 180, 7169 г., листы 1 и 2.

²⁾ Моск. Арх. Имп. двор. и Оруж. палаты, дѣло № 120.

³⁾ Тамъ-же, дѣло № 264, листы 1—2.

⁴⁾ Тамъ-же, дѣло № 573, листы 1 и 2, и дѣло № 650.

Пока была война съ Польшею, на Яикѣ жить шла своюю обычною чередой, только калмыки, эти воинственные хищники, непривыкавшие начать власти, въ 1660 году наконец пришли подданство Россіи¹⁾). Но долго еще послѣ этого оно было поминально, и калмыки не прерывали связей съ Джунгаріей, откуда приходили къ нимъ и уходили съ Волги въ Джунгарію тысячи кибатокъ. Они такъ-же свободно, какъ и ранѣе, вели сношения съ Китаемъ и Тибетомъ²⁾.

Во внутреннія дѣла калмыковъ правительство не вмѣшивалось; подданство ихъ заключалось лишь въ варадѣ людей на войны, отчего и видѣніе ихъ въ концѣ польской войны въ рядахъ русскихъ войскъ. Отпустивъ въ Москву съ повинными головами, „съ топоромъ и плахой“ своихъ товарищѣй, яицкіе казаки по прежнему не прекращали своихъ промысловъ.

Каждое лѣто отправлялись они на синее море Хвалинское и гуляли по его широкому раздолью. Настанетъ осень, и если опоздаютъ лыцари вернуться на Яикъ—зимовали они на морѣ на излюбленныхъ островахъ Камысаномъ въ Пешкомъ, чтобы съ ранней весною снова расправить паруса и двинуться въ путь-дорогу.

Не пугалъ удальцовъ построенный гостемъ Гурьевымъ Каменныи городокъ. Малочисленная стража его—головальщики—стрѣльцы, были не страшны, ихъ было такъ мало, что оказать какого либо сопротивленія казакамъ они не могли, да и користь стрѣлецкихъ начальниковъ не мало способствовала тому, что казаки совершенно не обращали вниманія на присутствіе стрѣльцовъ и каждый годъ безнаказанно проплывали мимо городка на свои промыслы.

Въ 1660 году въ Гурьевскомъ городкѣ былъ стрѣлецкій голова Іовъ Суровцевъ. Типичный представитель тогдашняго приказнаго строя—взяточникъ и лихоманецъ—Суровцевъ „для своей бездѣльной корысты“ распушталь за взятки всѣхъ бывшихъ у него стрѣльцовъ на заработки въ Астрахань, другихъ же переведенныхъ изъ дальнихъ городовъ „переведенцевъ“ цивиллии и кузьмодѣмьянцевъ, взявшись за нихъ „многій откупъ“, отступились въ Русь; осталось у него отъ пятисотъ стрѣльцовъ всего десять человѣкъ и тѣ все были „ведорости да работные люди“.

Но лишь только настала весна и лишь только Яикъ Горыновичъ разлилъ свои воды, 8 мая ночью на городокъ нагрянули выѣхавши съ Яика яицкіе казаки—атаманъ *Парфенка*, да есаулъ *Тимошка Радиловъ* съ товарищи въ двадцати стругахъ. Разорили они независтный имъ учугъ, напали на нежай станъ и „есѣ амбары и чуланы и избы у нихъ вырубили и исперекололи и что было на томъ стапу и на учугѣ всякихъ учужныхъ заводовъ, и ружья, и зелья, и свинецъ, и хлѣбныхъ всякихъ запасовъ, и товаровъ, и рыбы и все то тѣ воровскіе казаки взяли безъ остатку“.

¹⁾ Цоли. Соб. Зак. Рос. Имп., т. I, № 304.

²⁾ Машеевъ „Истор. обзор. Туркестана“, стр. 30.

Все взяли удальцы: на синем морѣ и зелье и свинецъ и хлѣбные запасы — вѣща безцѣнныя!

Три днѣ нировали казаки на промыслахъ и пытали — жгли огнемъ прикащика Махаила Алаторца. Довѣтывались должно быть орлы орловичи, гдѣ казак спрятана. Пытали казаки прикащика и „впередъ похвалились, что будуть Яикъ-рѣку очищать и учуги вырубать въ стани выжигать!“¹⁾.

Ненавистенъ-же, должно быть, сталъ казакамъ гурьевскій учугъ!

Погуляли удальцы и безнаказанно поѣхали въ море, захвативъ съ собою послѣднихъ десять стрѣльцовъ въ товарищи.

Стрѣлецкій-же голова Суровцевъ, „потакающи тѣмъ ворамъ и наровя имъ“, написалъ воеводамъ въ Астрахань, что казаки „никакого дурва не учинили“. Должно быть цѣло не обошлось безъ взятки. Объ этомъ разгромѣ астраханскіе воеводы узнали лишь черезъ другого прикащика Гурьева — Ивана Бѣлозера.

По приказу царя Суровцева смѣнили и всѣльно было разслѣдовывать дѣло. Но это не улучшило положеніе учуговъ и всей промышленности гости Гурьева. Даѣше мы увидимъ, что гурьевскіе учуги снова разорялись казаками и казаки попрежнему гуляли по синему морю, не обращая никакого вниманія на гурьевскій гарнизонъ.

¹⁾ Доволк. къ Акт. Истор. т. IV, № 86 стр. 225 и 226 Грамота астрал. воеводѣ князю Черкасскому о разор. казаками ниж. лин. учуга.

ГЛАВА XIV.

Атаманъ Разинъ и его набѣгъ на Каспійское побережье. Участіе яицкихъ казаковъ въ этомъ набѣгѣ. (1666—1669 г.г.)¹⁾.

„Ой, вы, той еси, казаки-братьи, добры мохомы! Погулашайте вы, казаченьки, своего атаманушки, Меня, Степанушку, сына Тимофея Разина: Следите ми, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ, Побѣжайте ми, ребятушки, въ сине море, Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики, Татары-е, армянскіе, все басурманскіе, Безъ того только безъ сиза-орла, безъ Государева“.

(Изъ старинной письменности яицк. казаковъ²⁾).

Разиновщина — говорить Н. Н. Фирсовъ — это одно изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ острыхъ проявленій народной оппозиціи тяжестямъ политического режима и соціального быта въ Московскомъ государствѣ³⁾.

И действительно, при бѣгломъ взглядѣ на царствованіе тишийского царя мы видимъ безпрерывную волненія народа — бунтуютъ цѣлые города: Москва, Новгородъ, Псковъ. Бунтуютъ закрѣпощенные крестьяне.

Всѣ документы того времени ясно показываютъ, что народу жилось плохо. Непосильные требованія государства, взяточничество, лихониство начальникъ людей, несправедливость судей, полная рабская подчиненность простого народа и, наконецъ, никоновская церковная реформа, преданіе проклятию тѣхъ, кто крестился двумя перстами, гоненія за старообрядцевъ — все это вмѣстѣ взятое тяжелымъ гнетомъ лежало на простомъ народѣ, гнетомъ за столько сильнымъ, что народъ въ Москвѣ несолько разъ тысячными толпами ходилъ къ царю и просилъ у него защитить, „оборонить“ меньшихъ отъ сильныхъ. Но народнымъ надеждамъ не суждено было свершиться и онъ переходилъ къ явному ненависти. И вотъ царь, послѣ многихъ народныхъ волненій, повелѣлъ „приказаннымъ своимъ людямъ“ оборонять населеніе „отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей“. Эти царскія слова еще болѣе укрѣпили въ народѣ вѣру въ то, что самъ царь бессиленъ обуздать алчность бояръ и болѣе проницательные изъ народной среды стали понимать, что управление государствомъ ведется не столько самимъ царемъ, какъ боярами. И чѣмъ больше терялъ темный народъ, тѣмъ больше накипала у него злоба за бояръ, не слушавшихъ царя, стоявшихъ стѣнкою между ними и царемъ.

¹⁾ Материалы для настоящаго очерка служили главнымъ образомъ изд. А. Попова „Материалы для восполнения Стеньки Рязанія“ 1867 г., Соловьевъ, Ист. Рос. т. 11, Акты Историческихъ т. IV, ст. № 202, дополн. къ Акт. Истор. т. VI ст. № 2 и 12, Костомаровъ „Бунтъ Стеньки Разина“ и другие источники.

²⁾ „Книжинъ „Оборонѣ Уразъ каз.“, стр. 30.

³⁾ Н. Н. Фирсовъ. „Разиновщина какъ социологическое и психологическое явленіе народной жизни“.

Въ 1648 и въ послѣдующіе годы мятежи были вызваны новыми налогами и злоупотреблениемъ сильныхъ людей. Въ 1662 году снова возникла мятежъ, причина тѣ же — новые непосильные налоги, взимаючи пятой деньги съ торговыхъ людей, введеніе вновь отчеканенныхъ мѣдныхъ денегъ съ обязательствомъ принимать ихъ заравнѣ съ серебряными¹⁾, и снова безпрерывное взяточничество и притесненія отъ приказныхъ людей. И въ обоихъ случаяхъ бунтующій народъ ищетъ защиты у царя — идетъ къ нему быть чадомъ на болѣр. Бунтующихъ умиралы, тысячами гибли они отъ стрѣльцовъ и отъ казней. За одну только порчу мѣдныхъ денегъ было переказано больше 7000 человѣкъ да больше 15 тысячъ наказано отсѣченіемъ руки, ногъ, ссылкою и отображеніемъ имѣнія въ казну.

Но недовольство народа нельзя было уничтожить ни казнями, ни вытѣхи, ни тюрьмами. Усмеренный народъ все же оставался недовольнымъ. Не имѣя выхода изъ своего мучительного положенія, онъ бѣжалъ на украину государства — въ далекую степь, въ дикое поле, на Донъ, Никъ и Терекъ, гдѣ зналъ, что его не выдадутъ и гдѣ онъ не встрѣтить ни бояръ, ни приказныхъ людей.

Но это бѣгство народа, кроме налоговъ и приказнобоярской системы управления со всѣми ея отрицательными сторонами — взяточничествомъ, лихомѣствиемъ и несправедливостью судей, было вызвано, и почти главнымъ образомъ, закрытиемъ народа. Съ изданіемъ Соборнаго Уложенія это положеніе народа было узаконено и отчасти даже вырабатывалось на земскомъ соборѣ 1648—49 г.г. Это Соборное Уложение, гдѣ были сведены въ одно цѣлое законы того времени, было созданіемъ правящаго класса, т. к. въ земскомъ соборѣ, гдѣ составлялось это Уложение, не было ни одного крестьяниня, — тамъ были помѣщики, духовенство и купцы. Уложение это, кстати сказать, служившее на Руси какъ судебные законы до конца царствованія Александра I-го²⁾, не признавало ни собственности, ни личности крестьяниня. Съ крестьяниномъ владѣлецъ могъ сдѣлать все, что угодно, ибо по Уложению крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего господина: исключеніе изъ этого общаго закона было установлено только для доноса о государственномъ преступлении; во всемъ-же осталъ, помѣхъ владѣлецу быть неограниченъ предъ закономъ, а крестьянинъ всегда виноватъ, какія бы пасилія ни дѣлалъ надъ нимъ его владѣлецъ. Такимъ образомъ крестьянинъ во время царствованія Алексея Михайловича оказался полнымъ холопомъ или тоже, что рабъ болѣе ранней эпохи. Если-же къ этому добавить, что со временемъ Никона не только старообрядцы, но и инородцы перестали пользоваться вѣротерпимостью, — ихъ стали силой обращать въ христианство, то будетъ ясно, что почва для бунта была на столько подготов-

¹⁾ Нѣчто вродѣ кредитныхъ рублей: — мѣдные деньги чеканились стоянностью на рубль, но превышая размѣръ обычныхъ мѣдныхъ, можетъ.

²⁾ Въ хѣзахъ Войск. Арх. въ опредѣленіяхъ Войск. Канцеляріи за 1800—1810 годы можно видѣть много дѣлъ, рѣшаемыхъ по этому Соборному Уложению, гдѣ фигурируютъ отрѣзанныя уже въ другіхъ подобныхъ наказаніяхъ „татамъ“ и иными преступниками.

лена, что появление Развана и разросшийся бунтъ были лишь слѣдствіемъ того печальнаго положенія, въ которомъ находился закрѣпощенный, обезличенный и обездоленный народъ.

„Среди этой однобразной и бѣдной во всѣхъ отвопевіяхъ жизни — пишетъ Соловьевъ¹⁾) — являлся казакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенить оружиемъ, звенить деньгами, деньги ему напочемъ, онъ гуляетъ, и вся жизнь его представляется какъ непрерывная гульба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которыхъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которыхъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною, тяжелую, нечальную работою. А прелесть добычи, такъ искусственно дѣйствовавшая на человѣка тогдашняго общества! Мы видѣли, что торговыя люди, прѣхавшия на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли виѣстъ съ казаками за запунами. Кромѣ прелести добычи, прелесть подвига, дававшаго выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка”...

И темный забытый народъ видѣлъ этого казака, видѣлъ этого русскаго человѣка, можетъ быть еще не давно бывшаго такимъ-же холопомъ — рабомъ, но теперь не ломавшаго никому своей шапки, богатаго и вольнаго, какъ вѣтеръ, видѣлъ его и бѣжалъ къ нему въ его вольныя степи на широкій просторъ, бѣжалъ и уносилъ съ собою ненависть и злобу къ своему старому отечеству.

„Ужъ мы, братцы, разойдемся-ка.

Разойдемся-ка по дикамъ мѣстамъ...”

говорилъ народъ, и толпами бѣжалъ на Донъ, Терекъ и Яикъ. Въ эти годы, въ 1653 и 63 году Яикъ привалъ въ свою общину въ первомъ случаѣ 122, а во второмъ 331 человѣкъ бѣглецовъ. Число очень значительное, если принять во вниманіе, что обычное количество прибывающихъ на Яикъ бѣглецовъ не превышало въ то время 10 человѣкъ въ годъ.

Ужъ если на далекій и опасный Яикъ бѣжали сотни людей, то сколько же бѣжало ихъ въ то время по широкой и свободной дорогѣ на лежавшей рядомъ съ московской украиной вольный Донъ?! Тысячи недовольныхъ, голодныхъ и озлобленныхъ людей наводнили Донъ. Донъ своего хлѣба не имѣлъ — и тамъ открылся голодъ. „Во многіе донскіе городки — написано въ одной изъ грамотъ царя — пришли съ Украины бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ желами и лѣтыми, и оттого наѣхъ на Дону голодъ большій”²⁾). Царскаго жалованья, посылавшагося на Донъ, конечно, было мало: — „государеваго жалованья въ дуваниѣ досталось по куску на человѣка, а инымъ и двоимъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина человѣку, а яныхъ по аршину”³⁾). При такомъ положеніи дѣла это жалованье не могло устранить голода.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 361.

²⁾ Акты Истор. т. IV, № 202, стр. 374.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 353.

Чтобы выйти изъ безвыходного положенія, нужно было идти за зиунами. Но куда идти? Крымцы загородили дорогу въ море и сами авѣщали казаковъ въ ихъ жилища. Азовское и Черное моря были замерты. Чѣмъ же жить этой вновь прибывшей массѣ голутвенныхъ людей? гдѣ же имъ добыть запасы? А безъ добычи предстоала голодная смерть. Оставался одинъ путь — переброситься на Волгу и сю выплыть въ Каспійское море, погромить тамошніе басурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣлать, путь этотъ былъ въ рукахъ правительства, по дорогѣ туда стояли Царицынъ и Астрахань. Наконецъ при удачѣ какъ возвращаться съ добычей? Правительство подготовить встречу.

И вотъ часть этой враждебно настроенной правительству толпы въ 1666 году подъ начальствомъ атамана Васыки Уса опрокинулась во внутрь государства, въ воронежскую и тульскую губерніи, забунтовала крестьянъ и перебила воевода и помѣщиковъ. Это былъ первый порывъ вольницы, чтобы совершить свою завѣтную мечту — освободить народъ отъ тижести боярской опеки — примѣръ заразительный и опасный для государства. Донской атаманъ на запросъ Москвы отвѣтилъ, что съ виновниками учинена быстрая и строгая расправа. Но между тѣмъ Васыка Усъ, продолжавшій свои похожденія, въ слѣдующій же годъ вскорѣ оказался отодвинутымъ на задний планъ другимъ, болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ вождемъ голытьбы.

Это былъ атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ.

Типичный представитель того суроваго времени, отважный и бесстрашный казакъ, Разинъ былъ олицетвореніемъ грубой силы, жестокости и размашистой удали. Суровый, смѣлый, крѣнко сложенный, съ желѣзною волей онъ давао пользовался извѣстностью среди своихъ товарищъ, такихъ же бесстрашныхъ искателей добычи и подвиговъ.

Принявъ на себя командование голудными выходцами изъ Руси и всѣми голутвенными казаками, онъ раннею весною 1667 года здумалъ пробраться внизъ по Дону въ Азовское море. Но на пути его встрѣтили вѣрные правительству донскіе казаки и загородили путь. Разинъ повернуль назадъ и, поднявшись по Дону до того мѣста, гдѣ его теченіе близко подходитъ къ Волгѣ, засѣлъ между рѣками Иловли и Тишени близъ Панинскаго городка; всталь онъ на высокихъ буграхъ, гдѣ вокругъ него была полая вода, такъ что ни пройдти, ни прѣѣхать къ нему не было никакой возможности. Между тѣмъ, услыхавъ о сборѣ охотниковъ, къ Разину потянулись со всѣхъ донскихъ городковъ жаждавшіе похода „тайнымъ образомъ многіе люди безпрестанно“...

За Разиномъ приказано было слѣдить и для разведки о цѣляхъ и намѣреніяхъ его и его удалой шайки царицынскій военвода Андрей Унковскій послалъ 8 мая проводника Бакулина и съ нимъ пять человѣкъ стрѣльцовъ. На другой-же день разведчики были у Риги, но попасть туда не могли: „стоять казаки на буграхъ — докладывали они военводѣ — а окѣо тѣхъ бугровъ вода большая и про нихъ подлинно прозѣдѣть и смытьть, сколько ихъ человѣкъ и у нихъ струговъ и какие струги, не можно и лыжка у нихъ поймать за

большою водой нельзя". Узнали они только от атамана Павшинского городка, что казаковъ у Разина человѣкъ съ восемьсотъ и что у нихъ имѣется четыре большихъ черноморскихъ струга.

Но не удовольствовался царедынскій воевода этимъ извѣстіемъ и 10 мая спасъ послалъ для разведки о Разинѣ, но на этотъ разъ пона соборной церкви Андрея и старца Александра. Но разведка ихъ кончилась такъ же печально, какъ и первыхъ: они не только ничего не узнали новаго, но даже не могли передать въ Ригу письмо отъ воеводы, — никто не осмѣялся ихъ перевести. На этомъ разведки и кончились.

Засѣвши въ свое мѣсто городкѣ, названномъ Ригою, Разинъ разрабатывалъ плавъ своихъ дѣйствій. Куда идти? казалось, думалъ лихой атаманъ. На Волгу, на Каспийское морѣ? Но для этого нужны силы и силы большія. Не первый разъ гуляли тамъ донцы виѣтъ съ яицкими казаками, но тогда времена были другія. Теперь донцамъ трудно было едти къ яицкимъ казакамъ въ гости. Въ Царицанѣ, въ Астрахани и въ яицкомъ Каменномъ городкѣ стояли большие гарнизоны стрѣльцовъ. Лишь только одни яицкіе казаки имѣли свободный выходъ въ море — ихъ не страшилъ гурьевскій городокъ, они или шла мимо него большими толпами или проплывали по рукавамъ Яика въ сторонѣ отъ городка.

Этому раздумью Разина положенье былъ конецъ полученнымъ имъ письмомъ изъ Яицкаго городка. Писалъ Разину, прежней станицы воровскихъ казаковъ казакъ Федыка Сукинъ, чтобы онъ, Стенька, сбирался воровать большими людьми и, пришедъ къ Яицкому городку (Гурьеву), тотъ городокъ взять и учугъ разорить и людей побить, а самому сѣсть въ томъ городкѣ и, выходя изъ того городка, на морѣ и на Волгѣ воровать; а тогъ де Федыка ныѣ живеть въ томъ Яицкомъ городкѣ" — говорить донесеніе царедынскаго воеводы¹⁾). Яицкіе казаки при той солидарности, какая тогда существовала между казачьими войсками, были хорошо осведомлены о дѣлахъ на Дону и, думая сами погулять по Хвалынскому морю, приглашали къ себѣ лихого атамана. Но въ какомъ яицкомъ городкѣ — верхнемъ ли казачьемъ или нижнемъ Гурьевскомъ — жилъ казакъ Федыка Сукинъ, остается загадкой. Едва ли возможно допустить, чтобы воровской казакъ жилъ въ Гурьевѣ, вѣри же всего это письмо было послано изъ казачьяго городка. По содержанію его видно, что весь интерес пославшихъ его заключался въ разореніи гурьевскаго учиуга въ городка, этого бѣльма, бывшаго на глазахъ Яицкаго войска. Это письмо окончательно утвердило Разина въ рѣшиности двинуться на Волгу и далѣе на море къ Гурьеву.

И вотъ Разинъ узнаетъ, что внизъ по Волгѣ плыветъ караванъ, онъ выходитъ изъ Риги, движется къ Волгѣ и 7 мая налетаетъ на суда у урочища Шашкинъ бугоръ.

¹⁾ Акты Истор., томъ IV, статья № 202.

Въ числѣ судовъ каравана былъ стругъ со ссыльными, Ѳхавшими за жатье въ Астрахань, стругъ богача Василія Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, стругъ патріаршій и иного другихъ струговъ. Суда охраняли стрѣльцы, но они и не подумали о сопротивлѣніи, когда Разинъ со своими молодцами нагрянулъ на караванъ. Судно съ государевымъ хлѣбомъ было изрублено и пошло ко дну, остальныи суда были ограблены, начальныхъ людей рубили, вѣшили и жгли огнемъ, добываясь денегъ. Знамя съ патріаршаго судна Разинъ взялъ себѣ, старцу, бывшему на патріаршемъ судѣ, переломали руки, а его трехъ помощниковъ повѣсили за ноги, другихъ за голову, той-же участія подвергся приказчикъ Шорина. Бывшіе у Шорина 60 человѣкъ и за патріаршемъ судѣ сто человѣкъ ярыжекъ пристали къ казакамъ, присталь также патріаршій сынъ боярскій Лазука Жедовинъ. У стрѣльцовъ были отобраны знамя и барабаны. Ссыльные были раскованы и отпущенны на свободу...

Ограбивъ караванъ, опьяненный усѣхъ Разинъ на вѣсколько времени расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Камышина, на холмахъ, давшіхъ носища его имя.

Отсюда Разинъ далъ знать о себѣ яицкѣ казакамъ. Современные акты говорятъ обѣ этомъ такъ: „и подъѣзжалъ на Саратовъ, взль на луговой сторожъ невѣдомо у какихъ людей четыре лошади и послалъ въ лицѣ городокъ къ казакамъ, чтобы казаки яицкіе шли къ нему на помочь“¹).

Этимъ Разинъ давалъ знать на Яикъ, что онъ уже вышелъ на Волгу. Но едвали яицкіе казаки могли пріѣти къ нему въ это время, вѣрѣ же предположить, что они поджидали его у устья Яика.

Послѣ первого усѣхъ слава обѣ Разина быстро разнеслась по Волгѣ. Бездѣйствіе стрѣльцовъ воспомнило народное воображеніе; въ глазахъ толон онъ сдѣлялся чародѣемъ, колдуномъ, котораго ни пуля не брала, ни сабля. Онъ одинъ грозный окрикомъ приводить въ одѣненіе стрѣльцовъ, что же еще надо? Кого-же съ нимъ бояться? И голытьба повалила къ нему со всѣхъ сторонъ.

Отдохнувъ вблизи Камышина, онъ на 35 стругахъ во главѣ 1500 человѣкъ двинулъ внизъ по Волгѣ и когда плылъ мимо Царицына, то не встрѣтилъ сопротивлѣнія, слава о его чародѣйствѣ тутъ имѣла рѣшающее значеніе. „И какъ они, воры, мимо Царицына Волгою плыли, — писалъ изъ Симбирска князь Дашковъ: — и съ Царицына стрѣляли по нихъ изъ пушки и цушка и одна не выстрѣлила — запаломъ весь порохъ выходилъ“²). Воевода отъ ужаса потерялъ голову и когда Разинъ прислалъ къ нему своего есаула, то онъ безъ сопротивлѣнія отдалъ наковальни и мѣхъ въ кузнецкую снасть, „уболье тѣхъ воровъ, что того атамана и есаула ни пицаль, ни сабли, не что ни возьметъ и все де войско они берегутъ“.

¹) Дополн. къ Акт. Истор. томъ IV, № 2.

²) Тамъ-же.

Напугавъ царининскій гарнизонъ и остановившись ненадолго вблизи города на Саринскомъ островѣ, гдѣ казаки дували добычу, Разинъ двинулся дальше. Караванъ шелъ за нимъ.— «Хатъ впереди себя оуть не давать никому.

Около Чернаго Яра онъ встрѣтилъ плывшаго на суднѣ воеводу Семена Беклемишева; „казаки ограбили его безъ остатку и руку ему, Семену, чеканють порубили и пятачи его били... и вѣшли его на щолту и разграба вѣхали на низъ Волговъ“.

Миновавъ Астрахань, Разинъ двинулся къ устьямъ Яика къ Гурьевскому городку, гдѣ его давно уже поджидали товарищи.

Въ Гурьевѣ въ это время было 500 человѣкъ стрѣльцовъ съ головою Ивановою Яныкомъ. Яццы видѣль, что отсидѣться въ городѣ ему едва ли удастся,—среди стрѣльцовъ было броженіе. И когда подѣхавшій со своею вольницей Разинъ подошелъ къ городскимъ воротамъ съ сорока человѣками своихъ удалцовъ и послалъ къ стрѣлецкому головѣ, чтобы пустилъ ихъ въ церковь помолиться, то Яцынь недолго колебался и впустилъ Разина. Ворота за ними были заперты, но Разинъ уже бытъ хозяиномъ въ Гурьевѣ. Товарищи его отперли ворота и тысячная толпа голытьбы ворвалась въ городъ. Стрѣльцы не сопротивлялись, а и не приставали къ казакамъ. Это разсердило Разина. По его приказу вырыли глубокую яму, у ямы всталъ стрѣлецъ Чиквазъ и сталъ убивать своихъ товарищѣй. Сто сеѧндесять труповъ попадало въ яму. Остальныхъ стрѣльцовъ была дана воля: хотятъ остаются, хотятъ идти въ Астрахань. Нѣкоторые остались, другие же вѣхали въ Астрахань. Но Разинъ не могъ имъ простить этого и погнался за ними, часть ихъ была изрублена, часть перешла къ казакамъ, нѣкоторые же спратались въ камышахъ. Астраханскіе воеводы не досчитались въ числѣ прибывшихъ къ нимъ изъ Гурьева трехсотъ стрѣльцовъ,—всѣ они были убиты или пристали къ казакамъ.

Разинъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ города. Всю осень, не предпринимая далекихъ набѣговъ по морю, онъ громилъ ближайшіе къ Гурьеву берега: татарь у устья Волги и, пограбивъ проходившіе вблизи нихъ торговыхъ суда, остался зимовать въ Гурьевѣ.

Къ этому же времени нужно отнести присоединеніе къ разинской толѣ и яицкихъ казаковъ. Что они принимали участіе въ дѣлахъ Разина, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но много ли ихъ было съ нимъ—остается невыясненнымъ. Одно можно предположить, что количество ихъ едва ли было великое. Яицкие казаки, гуляя по синему морю, дѣлали это, какъ говорится, шито-крыто, тихонько, по домашнему, такъ, чтобы Москва обѣ вѣхъ не знала, безъ шума, безъ грома. На этотъ разъ дѣйствія Разина на Волгѣ—разгромъ патріаршаго судна, убийство стрѣльцовъ въ Гурьевѣ,—все это не входило въ ихъ планы и шло въ разрѣзъ выработанной тактикой яицкихъ казаковъ—дѣлать свои промыслы, не озабочая и не задѣвая Москвы. Изъ историческихъ данныхъ видно, что главная масса яицкаго войска не особенно сочувствовала

затѣмъ Разина. Это обстоятельство особенно рѣзко бросается въ глаза въ предавіи о пребываніи лехого атамана на устьяхъ Яика¹⁾.

Всю зиму садѣль Разинъ въ Гурьевскомъ городкѣ. Вольно жилось тогда казакамъ. Въ сѣстныхъ припасахъ не было недостатка да и рыбы было вволю. Съ соѣдями калмыками они завели дружбу и вели съ ними безпрерывный торгъ. Въ полбрѣ прѣѣхали въ Гурьевъ посланцы съ Дову. Они привезли государеву грамоту и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и вернуться изъ Довы. Но Разинъ, прочитавъ царскую грамоту, заявилъ посланнымъ въ собравшемся кругу: «Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ, то я великому государю визу свою принесу!» — съ этимъ отвѣтомъ и вернулись посланные на Донъ. Московское правительство было ошеломлено подвигами Разина. Оно не допускало мысли, чтобы оно могъ пробраться на Яикъ безъ участія воеводъ. Въ Москвѣ были непонятны чародѣйства атамана: пушки, не стрѣлявшія въ Царицынѣ, проходъ Разина мимо Астрахани безъ инстрѣла, безъ бол; взятие „обмазомъ“ укрѣпленного, съ сравнительно сильнымъ гарнизономъ, яицкаго нижнаго городка — все это заставило Москву заподозрить воеводъ въ изменѣ.

На смѣту князя Хилкова, астраханскаго воеводы, былъ посланъ князь Прозоровскій. Назначая Прозоровскаго на место Хилкова, Москва въ тоже время посыпаетъ отъ себя указъ князю Хилкову послать на Яикъ отрядъ подъ командою Безобразова, чтобы проныслить надъ ворами, но, не довѣряя Хилкову, одновременно посыпаетъ въ Астрахань слѣдить за дѣйствіями воеводы задворнаго конюха Максима Голикова, съ тремя человѣками стадныхъ конюховъ.

Ему виѣялось въ обязанность слѣдующее:

1) „Прѣѣхавъ въ Астрахань, сказаться, что присланъ для пропѣдыванія казылбашскихъ купчакъ и для всякихъ покунокъ и быть въ Астраханіи по камѣть Яковъ Безобразовъ съ ратными людьми на Яикъ пойдеть.

2) А какъ Яковъ Безобразовъ съ ратными людьми на Яикъ пойдеть, и ему быть у него же Якова въ полку и пропѣдать подлинно сколько съ нимъ Яковомъ послано будетъ ратныхъ людей и котораго числа изъ Астраханіи пойдутъ; а пропѣдѣвъ о томъ отписать тотчасъ, а съ отпискою прислать одного конюха на скоро.

3) А какъ учнуть съ казаками сходиться и что у нихъ какого промыслу будетъ о томъ отписать и съ отпискою прислать другого стаднаго конюха.

4) А какъ на веснѣ учнитъ бои и послѣ боевъ что объявится, о томъ отписать и отписки прислать съ третьимъ стаднымъ конюхомъ.

5) А писати-бѣ отписки тайно, чтобы никто не вѣдалъ, а будетъ кто и спросить, и ему сказывать, что пишетъ про казылбашскихъ купчакъ и о покупки товаровъ.

6) А самому ему вѣхать къ Москвѣ съ послѣдними самыми вѣстыми, что

¹⁾ Соч. И. И. Желѣзнова, т. I, „Картини казацкой жизни“, стр. 44 - 50.

учинятся у государевыхъ ратныхъ людей съ воронежскими казаками, а недождався зодлиныхъ послѣдовъ вѣстей, ве Ѣздить”¹).

Воеводѣ же князю Хилкову была написана грамота о томъ, что посланный задворный конюхъ Максимъ Голиковъ и три стадныхъ конюха выѣхали изъ Москвы въ Астрахань „для провѣдыванія казыбашинъ купчихъ и для всякихъ покупокъ”. Хилкову приказывалось „давать имъ кормецъ”, а когда Голиковъ станеть посыпать стадныхъ конюховъ съ отпискою, то давать имъ подводы и провожатыхъ и къ Москву отпускать безъ задержанія. Когда же будеть посланъ Безобразовъ за Якъ, то Голикову велѣть быть въ цолку и дать ему подводы, „а Якову Безобразову приказати тебѣ накрѣпко, чтобы онъ Яковъ и ратные наши люди съ казаками билися всякими вымыслы съ великимъ разсмотрѣніемъ и ходили бѣ на нихъ обозы и крѣпостными и пускать гранаты и дѣлали подкопы цогокоря съ полковникомъ Томасомъ Бели, а сму такое дѣло за обычай”²). Но прежде чѣмъ пришло это распоряженіе къ Хилкову, Прозоровскій, остановившись въ Саратовѣ, хотѣлъ уговорить Разина въ кончать дѣло безъ боя. Для этого онъ послалъ къ Разину двухъ посланцевъ, но имъ не такъ посчастливились, какъ донцамъ. Одинъ изъ нихъ пятидесятникъ Мисулинъ отдался благополучно, во другой, стрѣлецкій сотникъ Сивцовъ, былъ убитъ и ночью брошенъ въ воду.

Голикову, вѣриѣ какому нибудь присяжному шпіону, подъ вымышленнымъ именемъ Голикова, участвовать въ походѣ не удалось. Еще за долго до его прїѣза и получевія грамоты Хилковъ 9 февраля отправилъ Безобразова самостоятельно.

Отрядъ его состоялъ изъ 500 солдатъ, 1057 чел. конныхъ и 701 пѣшихъ стрѣльцовъ, ногайскихъ татаръ 400 человѣкъ. Всего же съ начальниками—изъ 2806 чел. при 11-ти пушкахъ и 219 подводъ³).

Много было надеждъ на этотъ отрядъ, но имъ не суждено было сбыться. Прибывъ къ Гурьеву, Безобразовъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣствіямъ, послалъ къ Разину двухъ стрѣлецкихъ головъ для „сговору”, чтобы казаки „великому государю въ видахъ своихъ добили членъ” ишли на Саратовъ къ боярину Прозоровскому. Но посланные головы Яковъ и Нелюбовъ были ловѣшены. Безобразовъ тогда началъ промышлять надъ ворами, но промыселъ вышелъ неудаченъ: болѣе пятидесяти стрѣльцовъ было убито, а пѣкоторые перешли къ казакамъ. Безобразовъ вернулся, не выполнивъ своей задачи.

Ночью 23 марта Разинъ покинулъ Гурьевъ и ушелъ въ море, взявъ съ собою изъ города „струги, и нарядъ, и пушечные зарасы, а большія пуш-

¹) Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣл. столъ. столб. 610, листы 18—19.
Этотъ указъ помѣченъ 17 февраля 1668 г.

²) Моск. Глав. Арх. Минист. Юст. Вѣл. ст., столб. 610, листы 25—29. Помѣчена грамота 1668 г.
февраля безъ числа.

³) Дополн. къ Акту Ист., томъ 7, статья № 48.

ки, которые были въ Яицкомъ городкѣ вывезли и погнали въ воду"...

Въесь обѣ усѣтхахъ Разина быстро разошлась по Дону и къ нему стали прѣбывать другія шайки. Изъ нихъ одна въ 700 человѣкъ подъ начальствомъ Сережки Крикого, разбивъ стрѣльцовъ у Краслаго яра за Волгѣ, проѣхалась на море и пошла востѣль за Разиномъ.

Шумно стало на морѣ Хвалынскому. Давно оно не видѣло на своихъ волнахъ столько безшабашныхъ удальцовъ промышленниковъ. Не правѣтели въ угроюти были тогда берега кавказскаго побережья. Дикие горцы, какъ гищные волки, бородили эти берега въ своихъ лодкахъ на поискахъ за добычей. Горе путнику, попадавшему къ нимъ,—онъ дѣлался вѣчный рабъ. Много томалось въ горахъ русскихъ невольниковъ безъ надежды когда либо вернуться на родину. Торгъ рабами былъ главнымъ промысломъ прибрежныхъ жителей. Здѣсь рабы, христіане, подвергались самыи жестокимъ наказаніямъ. На другомъ, еще болѣе пустынномъ и неизвѣстномъ берегу, кочевали туркмены—степные хищники; они, какъ и горцы, жили добычей, захватывали въ плѣнъ русскихъ и персіянъ, повсюду сносили ихъ лодки; скрываясь въ прибрежныхъ камышахъ, они зорко сторожили добычу и налегали на нее со всѣхъ сторонъ и, какъ кавказскіе горцы, захватывали пугаюю въ неволю и продавали въ Хину. Лихой атаманъ со своей вольницей на стругахъ шли моремъ, з его помощниками атаманы Алешка Протокинъ и Каторжный, вышедши весной съ Дона на помощь Разину, шли въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ сухопутными по берегу моря; съ ними уважался еще запорожскій куреній атаманъ Чубъ съ четырьмя сотнями „братьевъ“¹⁾). Орлы налетѣли прежде всего на побережье Шамхала Тарковскаго — гнѣздо разбоя и рабства, на городъ Тарки. Три дни они грабили городъ, потомъ пошли къ Дербенту. Это былъ одинъ изъ центральныхъ рынковъ торговли рабами. Въ Дербентѣ они возились долго, по крѣпость не взяли, зато разрушили до основанія пѣхой городъ. Запилозо все побережье отъ Дербента до Баку. Испуганные жители бѣжали въ горы въ лѣса; кто не успѣлъ бѣжать, того захватывали въ плѣнъ или убивали. Все добро, что цѣнѣлось, брали въ лодки, оставшее бросали въ огнь. Въ одной только деревнѣ Мордовѣ казаки взяли въ плѣнъ 150 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, да семь тысячъ барановъ и отвезли ихъ на острину, „отъ города Баки въ днице“ Ѣзды. Но не даромъ доставалась казакамъ ихъ добыча: вкладъ изъ городовъ и селъ оставили они своимъ убогимъ товарищамъ, — въ Мордовѣ 10 чл., въ Шевранѣ 13, въ Баку 7 человѣкъ. Много оставили и покинули въ плѣнѣ.

Подошли на коне казаки къ персидскому городу Решту. Здѣсь Разинъ вступилъ въ переговоры съ губернаторомъ города Бударъ-ханомъ. Предлагалъ службу шаху, казаки просили отвести себѣ земли для поселенія на р. Ланкуръ. Губернаторъ до окончанія переговоровъ взялъ у казаковъ трехъ человѣкъ за-

¹⁾ Абаза, Казакъ Аланы, Кубанцы, Терцы, стр. 30.

золжниковъ и въ свою очередь прислалъ казакамъ въ заложники трехъ персовъ и открылъ рейдъ для казачьей флотиліи. Казаки заложники были посланы въ шаху въ Испагань и, пока шли переговоры, губернаторъ давалъ ежедневно на прокормъ казака по 150 рублей. Это былъ откупъ въ приличной формѣ.

Сообщившій за Разиномъ, прорвавшійся въ море съ 600 донцами Сережка Кривой на своемъ пути видѣлъ только пожарища; онъ настигъ Разина въ Рештѣ; тутъ соединились двѣ силы, и Разинъ раздумалъ о подданствѣ шаху. Да и отвѣтъ отъ шаха былъ нерадостный: земли по рѣкѣ Ленкорѣ онъ имѣть не дѣлъ, а вѣльѣ вимѣть бѣхать въ г. Испагань. Разинъ отпустилъ персіянъ заложниковъ и потребовалъ своихъ трехъ казаковъ... и мирному житию былъ вскорѣ положенъ конецъ. Казаки стали держать себя такъ, что озлобили всѣхъ жителей и рештскій губернаторъ, воспользовавшись безпечностью казаковъ, вмезанию началь на нихъ и причинивъ вимѣ значительный уронъ. Казаки отступили, оставивъ 400 человѣкъ убитыхъ.

Озлобленный Разинъ повелъ къ г. Фарабату, тому самому Фарабату, который язїкіе казаки пограбили въ 1636 году.

Пріѣхавъ въ Фарабатъ, Разинъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ немъ для торговли. Жители повергли и торговали съ казаками пять дній. На шестой день въ разгарѣ торговли Разинъ поправилъ шапку на головѣ: это былъ условный знакъ начать бой и казаки бросились на беззащитную добычу и пошли расправа. Казаки жестоко отомстили за Рештъ: —все было изъ изрублено, или взято въ плѣнъ. Городъ былъ сожженъ. Почти никто не спасся, — остались въ живыхъ только христіане, которыхъ среди побоища узнавали по выкрику: „Христосъ! Христосъ!”

Послѣ Фарабата та же участь постигла Астрабатъ.

Послѣ этихъ подвиговъ Разинъ укрѣпился на островѣ „межъ Гильгани и Фаребата“. На этомъ островѣ были шаховы потѣшные дворы и лѣсные заповѣдники. Казаки сдѣлали тамъ деревянный городокъ, обсыпали его землею и вдоль берега сдѣлали земляной валъ.

Здѣсь казаки провели всю зиму и, какъ говорятъ акты, ихъ стало „шестьнадцать и поллюдно — пополнились они людьми изъ казылбашскаго полону“. Они имѣли до 500 штѣпилъ персіянъ, но ихъ не продавали, хотя имъ предлагали за нихъ большія деньги, они вершили святую иѣконную миссію казаковъ-лицарей: —выручали христіанъ полонянниковъ изъ басурманской неволи. Они каждого персіянина жгли на 2, на 3 и на 4 человѣка христіанскихъ неволиниковъ, —точно бы ни были эти неволиники, лишь бы были христіане. По всему кавказскому побережью сотни захваченныхъ дикими горцами русскихъ штѣпилъ, томившихся до сихъ поръ десятками лѣтъ въ цѣпяхъ и въ тяжелой работѣ, были выкуплены персіянами и представали для обитана забитые и униженные предъ своими освободителями — казаками... Всѣ плѣнныя персіянѣ были обмѣнены на русскихъ неволиниковъ. /Шока Разинъ гулялъ по Хвалын-

скому морю, въ это время въ Гурьевъ, по уходѣ Резина, прибылъ со стрѣльцами голова Богданъ Сакмышевъ. Едва онъ успѣлъ осмотрѣться со своими стрѣльцами въ разграбленномъ городкѣ, какъ 1 апрѣля „Яикомъ рѣкою, смерху, изъ верхового Явцкаго городка пришли къ Яндкому каменному городку 13 человѣкъ воровскихъ казаковъ“¹⁾). Это были запоздавшіе яицкіе казаки. Сакмышевъ посадилъ ихъ подъ караулъ и сковалъ въ цѣли. Посланый изъ Астрахани въ іюль на судьбу Сакмышева и его стрѣльцовъ голова Борисъ Волтичъ съ 400 стрѣльцовъ нашелъ въ Гурьевѣ полный разгромъ. За дѣй до его прѣѣзда стрѣльцы возмутились, схватили Сакмышева и „посадили его въ воду“, т. е. попросту утопили, „за воровскихъ казаковъ тринацать человѣкъ, которые почая въ яицкомъ каменномъ городкѣ воровскихъ казаковъ Стеньку Разина съ товарищи, пришли было, изъ колодъ освободили въ однаго изъ нихъ старого воровского казака Гришка Одреева сына Рудакова, который воровалъ на морѣ съ Иванкой Кондыревымъ²⁾), выбрали себѣ атаманомъ и покидали яицкій городокъ, пошли на воровство на морѣ іюля противъ 31 числа въ ночи“³⁾...

Стрѣльцы съ Рудаковымъ, всего около 300 человѣкъ, направились къ Разину. Но по дорогѣ они встрѣтили Ѣхазмаго на судахъ въ Гурьевѣ стрѣлецкаго сотника Данилу Тарлыкова, напали на него, разбили и захватили бывшія при немъ 600 четвертей муки, 15 пудовъ пушечнаго пороха, 10 пудовъ свинцу, одну пушку желѣзную и одну медную и повернули опять къ городку съ цѣлью отбить и другіе паузки (лодки), которые должны были прѣѣхать въ Гурьевъ.

Въ Гурьевѣ сотникъ Тарлыковъ съ 30 стрѣльцами отъ нихъ бѣжалъ въ городокъ, а Рудаковъ направился къ морю ссыживать воровскихъ казаковъ Разина. У бѣглецовъ было всего 9 малыхъ лодокъ и одинъ паузокъ. Не такъ-то легко было отыскывать лихого атамана на небольшихъ лодкахъ. Пуститься въ открытое море бѣглецы не рѣшились и, отойдя отъ Гурьева, расположились на Кулалынскомъ островѣ, откуда и ходили на разведѣки за Разинымъ. Но не долго гуляли на волѣ захотѣвшіе испробовать казацкой жизни стрѣльцы. 15 сентября ихъ закрылъ на островѣ посланный изъ Астрахани князь Семенъ Львовичъ съ астраханскими и московскими стрѣльцами, съ пушками и „гранатами“, только что появившимися въ московскомъ войсکѣ. Бѣглецы были окружены. Они не имѣли возможности уйти съ острова и бѣжать, т. к. изъ лодокъ и паузокъ передъ приходомъ Львова уѣхало 130 человѣкъ къ туркменскимъ берегамъ ссыживать Разина. Стрѣльцы засѣли въ построенному ими городкѣ и оказали отчаянное сопротивленіе. Львовъ взялъ ихъ „за величимъ боемъ“. Самъ онъ былъ раненъ. Оставшіеся въ живыхъ 112 человѣкъ были взяты въ пленъ и отвезены въ Астрахань.

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. VI, статья № 2.

²⁾ Иванко Кондыревъ разгромилъ училище въ Гурьевѣ и материалы для инструкции города въ 1649 г.

³⁾ Дополн. къ Актамъ Истор. т. VI, статья № 2.

Виѣсто вольной казацкой жизни бѣглецовъ ждали въ Астрахани петли; пошадили отъ казни только 54 стрѣльцовъ и взятыхъ иѣскольскихъ человѣкъ со стрѣльцами яїцкихъ казаковъ, бѣжавшихъ съ ними изъ Гурьева. Ихъ посадили въ тюрьму и ждали указа изъ Москвы, что съ ними дѣлать.

Настала весна 1669 года. Разинъ распустилъ паруса и направился къ восточному берегу моря. Тутъ стали знакомиться съ казацкою удалию туркмевы. Все побережье было опустошено; многое погибло въ схваткахъ казаковъ, погибъ съ ними и сподвижникъ Разина Сережка Кривой. Долго гуляли удальца въ начинецъ, нагруженные добычей, ихъ струги повернули „на Гиллянскую сторону на Свій острівъ“, съ которого казаки стали дѣлать набѣги. Десять недѣль пробыли они на островѣ. Тутъ въ іюнѣ иѣсацѣ напали на нихъ посланный персидскимъ шахомъ Мамеды-ханъ. Его флотъ состоялъ изъ 70 боевыхъ судовъ съ 3700 человѣкъ персидскихъ солдатъ и наемныхъ казаковъ и черкесъ.

Но казаки въ отчаянномъ морскомъ бою уличтожили и разбили весь этотъ флотъ. Самъ Мамеды-ханъ едва спасся на трехъ оставшихся судахъ, но сынъ его и дочь попались въ пленъ, — ханъ, собиравшись изъ казаковъ, думалъ, вѣростно, что идти на прогулку.

Побѣдителямъ досталось 33 пушки и богатая добыча. Красавица княжна сдѣлалась любовницей атамана.

Но не даромъ далась и казакамъ эта битва: многое, почти половину, не досчитались они въ своихъ рядахъ удалыхъ головъ.

Послѣ разгрома персидского флота казаки задумались: —гулять по морю стало опасно, виѣсто четырехъ тысячъ могъ прислать вдвое, втрое больше, и казакамъ не сдѣловать. Грабить уже было некого, — всѣ берега знали обѣ удалой шайкѣ Разина и держались на чеку; что можно было разграбить — было раздуванено. Пора было идти по домамъ.

И вотъ Разинъ расправилъ паруса и поплылъ за Волгу. Десять дней плыла казацкая флотилія къ родамъ берегамъ. Пріѣхали казаки на митрополичій учугъ на устьѣ Волги и пограбили его. Захватили по дорогѣ къ Четыремъ Буграмъ два судна персидского купца: одно съ товарами и подарками отъ шаха къ царю, а другое съ шаховыми аргамаками, „которыхъ куничина везъ къ великому государю въ любительскихъ поиникахъ“. На встрѣчу Разину выѣхалъ изъ Астрахани князь Львовъ съ 4000 стрѣльцовъ на 36 стругахъ и засталъ Разина у Четырехъ Бугровъ. Увидавъ отрядъ Львова, казаки „пометавшись въ струги, побѣжали на море въ дальние мѣста“... Двадцать зерстъ гнался за ними Львовъ, но догнать не могъ. Тогда онъ послалъ къ Разину переговорщиковъ и грамоту государя, въ которой казакамъ прощались вины, если они вернутся на Донъ. Разинъ остановился и начались переговоры: ко Львову явились два выборныхъ казака. „Все войско бѣть членъ — говорили они — чтобъ великий государь пожаловалъ, всѣль вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины рады своимъ головами платить, гдѣ великий государь укажетъ, а пушки, которыхъ взяли

ва Волгъ на судахъ и въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдаваяъ, служивыхъ людей Астраханцевъ и иныхъ низовыхъ городовъ, которые взяты въ Яицкомъ городкѣ и на Волгѣ, отпустимъ въ Астрахань, а струги и струговые припасы отладимъ въ Царицынѣ..."

Оба казака были приведены къ присягѣ за все войско, и казачья флотадія, конвоируемая Львовыми, двинулась къ Астрахани.

Невиданное зрѣлище представилось жителямъ: къ ихъ городу подѣжали скакочные герои—самъ батюшка Степанъ Тимофеевичъ Разинъ и его лихіе орлы, на стругахъ блестѣли шелковые паруса, канаты, веревки—все было изъ шелка. А сами удальцы? Они были одѣты въ цѣѣтные бархатные кафтаны, на шапкахъ блестѣлъ жемчугъ, играли дорогие каменны! Такъ пишно и славно когда-то возвращался только князь Олеѣ изъ похода подъ Царьградъ!

Но вотъ брошены якоря. Вышелъ со своего „разснаряженного стружка“ самъ Степанъ Тимофеевичъ въ богатомъ нарядѣ. Лихо заломлена на черныхъ кудряхъ высокая казацкая кунья шапка, блеститъ каменными въ богатой оправѣ кривая турецкая сабля. А вокругъ него идутъ есаулы и старшины—Васыка Усь и другіе. Идутъ они, окруженные очарованіемъ народомъ, къ приказной палатѣ. Сидѣть въ палатѣ всунувшись въ окна, князь Прозоровскій съ товарищи; нахмурены ихъ суровые очи—не ради они нежданнныхъ гостей. Воспили казаки, положили они передъ ими буничку и десять значень, отдали они ханова сына „да съ ними фарабатского сотника да трехъ человѣкъ болонтарей—по русски дѣтей бѣларскихъ“... Сбѣщались отдать и пушки; отдали и служилыхъ людей—стрѣльцовъ, которые пристали къ казакамъ. Приказали бояре зачислить бѣглцовъ снова на службу по старому чину, но за крѣпкими поруками. Разинъ биль человекъ, чтобы государь великъ отпустить ихъ на Довъ и послать шестерыхъ выборныхъ казаковъ—атамана станичного Лазарка Тимофеева съ товарищи въ Москву бить великому государю за вины своими головами.

Уѣхала станица, а Разинъ остался въ городкѣ. Нечего, не больше трети, удальцовъ вернулось съ далекаго похода, остальные сложили тамъ свои головы или остались въ тяжелой неволѣ. Тысяча двѣстѣ орловъ вернулось на родную землю, орловъ, закаленныхъ въ бояхъ, вкусилишихъ сладость воли и будныхъ подвиговъ, людей уже неспособныхъ болѣе ни къ чену. И они загуляли; они стали праздновать поясники по убитымъ—искать минутное забвенье, отдыть за чарою зелено-вины, среди шумящаго разгула. Толпами ходили они по городскимъ улицамъ, вили, гуляли и заводили торговлю съ жителями—отдавали добычу никочемъ: фунтъ шелку отдавали за 18 денегъ, въ кабакахъ платили соризанными съ шапокъ жемчугомъ и каменными! Многіе русские, Арианс и Персians, жившіе въ Астрахани, въ нѣсколько дней составили себѣ состоянія.

Однѣй Голландецъ, бывшій на русской службѣ, купилъ за сорокъ рублей огровую золотую цѣпь, величиною въ сажень.

Гуляли казаки размашисто, широко. Гулаль съ ними и самъ батюшка Степанъ Тимофеевичъ!

„Прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди—известъ объ немъ Соловьевъ¹⁾: со всѣми такой ласковый, а ужъ добрый то какой, кто ни попроси—нѣтъ отказа! Степана Тимофеевича величали, какъ царя: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ничто ве было пощажено, чтобы усилить обаяніе. Но чѣмъ произоходило тогда самое сильное обаяніе? Широкостью размѣровъ во всемъ, чудовищной силой, чудовищной властью; могучее обаяніе производилъ человѣкъ, которому все было вилочено, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязаностями, никакими отвращеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, одѣгненіемъ своего простого человѣка, визагомъ, порабощалъ его. Степанъ Тимофеевичъ какъ нельзя больше приходился по этимъ испытаніямъ, быть какъ нельзѧ больше способенъ обаять толпу своюю силой, своимъ произволомъ,ничѣмъ не сдерживающимъ».

Прибывшій въ это время въ Астрахань на корабль „Орелъ“ голландецъ Струисъ видѣлъ атамана и слѣдующими чертами обрисовалъ его наружность: „Онъ казался высокимъ, держался съ достоинствомъ, имѣлъ видъ гордѣливый, сложеніе онъ былъ стройно, но лицо было нѣсколько испорчено рабицами. Онъ обладалъ даромъ внушать страхъ и любовь... Мы застали его въ шатре съ его наперстникомъ, прозваннымъ Чертогы Усы (туть рѣчь, вѣроятно, идетъ объ Василь Усѣ) и нѣсколькими другими офицерами. Нашъ капитанъ поднесъ ему въ даръ двѣ бутылки водки, которой онъ обрадовался, такъ какъ давно уже не пилъ ее. Онъ сѣдалъ наѣмъ знакъ сѣсть и поднесъ намъ по чаркѣ за свое здоровье, но не говорилъ почти ничего и не проявилъ никакого желанія узнать, для какой именно цѣли мы прибыли въ эту страну. Мы вторично постили его и напили на рѣкѣ, въ раскрашенной и вызолоченной лодкѣ, пьющей и веселящейся съ некоторыми изъ его офицеровъ. Возлѣ него была персидская принцесса²⁾“.

Она была одѣта великолѣбно, въ вышитое золотомъ и серебромъ платье; жемчуги, бриллианты и разные драгоценныя камни придавали блескъ ея и природной сълѣнительной красотѣ.

Красота этой персикской княжны и ея знатью происхожденіе не мало способствовали славѣ Разина. Однажды, катаясь по Волгѣ, пьяный атаманъ, схватилъ каяжу и бросилъ ее въ Волгу. — „Возьми, Волга-матушка! крикнула она, бросая ее: много ты ми дала серебра и золота и всякаго добра,

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, ст. 362.

²⁾ „Бунт Стеньки Разина“, истор. очеркъ К. Валишевскаго. Ижѣвский журналъ „Новое Слово“ 1903 г. № 5.

надѣла честью и славою, а я тебя еще вичѣмъ не поблагодарилъ!“

Такъ лихой атаманъ расплатился съ матушкой Волгой!

Преданіе говоритъ, что князь Прозоровскій, во время одного изъ пребываній у него Разина, замѣтилъ ему, что надѣта на немъ шуба очень цѣнна и что въ пору бы носить ее боярину, а не казаку.

Разинъ вспыхнулъ и отдалъ шубу воеводѣ, но при этомъ замѣтилъ: „Эта шуба не надѣала-бы шума!“

Слова эти оказались пророческими и Прозоровскому пришлось дорого расплатиться за свои слова и за шубу.

Разинъ приложилъ ему это во второй свой прѣездъ въ Астрахань.

Четвертаго сентября Разинъ сталъ собираться въ путь. Но передъ отпускомъ на Донъ воеводы стали приступать къ Разину, чтобы онъ далъ переписать казаковъ, чтобы отдать всѣ пушки, дары, которые везъ купчина отъ шаха государю, а также всѣхъ плѣнныхъ персіанъ.

— „Товары, — отвѣчалъ Разинъ, — которые взяли на взморье съ бусъ, ! насть раздуванены и послѣ дуказу у иныхъ продавы и въ платье передѣланы, отдать имъ нечего и собрать никакъ не можно, за все за то идемъ же къ великому государю и будемъ платить головами сноими; полонъ въ шаховой области взять у насъ за саблею, многія наша братья за тотъ полонъ въ шаховой области на боахъ побиты и въ полонъ поиманы и пытѣ тѣхъ водить въ раздѣлъ: доставалось пяти и десяти, а иныхъ и двадцати человѣкамъ одинъ половянивникъ. А переписки казакамъ на Дону и на Яикѣ по нашимъ казачьимъ правамъ не повелось и въ милостивой государевой грамотѣ о томъ чтобы отдать и пушки и полонъ и рухлядь и казаковъ переписывать не написано!“

Разинъ отдалъ только 21 пушку: пять мѣдныхъ да шестнадцать желѣзныхъ, а „четыре мѣдныхъ пушечки меньшихъ, да шестнадцать желѣзныхъ затягивыхъ“ взялъ съ собою. „Эти пушки, говорилъ онъ, надобны пачь въ степи отъ Царицына до донского Паншана городка для прохода отъ крымскихъ отъ азовскихъ и другихъ воянскихъ людей, а какъ дойдемъ до Паншана, то эти пушечки вышлемъ тотъ часъ!“ Отдали казаки и морскіи суда.

Воеводы не настаивали, — они были безсильны, надѣваться на стрѣльцовъ они не могли.

„Самое сильное обаяніе казацкій духъ, пишетъ Соловьевъ, производилъ за стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ-же словъ общества, какъ и казакъ, отъ человѣка военный, привыкъ владѣть оружиемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встречѣ съ настoisящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности искновѣтъ на себя, т. е. пограбить, добить зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ. А вся сила астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не употребляя крутыхъ мѣръ со Степью,“

желая какъ можно скорѣе выгнать его изъ Довѣ, удалить страшное искушение отъ своихъ подвластныхъ¹⁾.

И воеводы приказали персѣянамъ выкупать своихъ пленныхъ. И выкупили они многій полонъ, писали воеводы въ Москву,—а безъ окону того полону и шаховыхъ даровъ и бунчичевыхъ товаровъ у казаковъ силою имать не смыла, чтобы они вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бѣхъ воровству иные ивогіе люди и оттого межъ людьми кровопролитія не учинилось».

У казаковъ было 95 взѣпныхъ мужчинъ и женщинъ—казылбашей, бухарцевъ и туркменъ. Они отдавали ихъ персѣянамъ за дорогую цѣну: одинъ кувеческій сынъ, персѣянинъ, былъ выкупленъ за пять тысячъ рублей.

Наконецъ 4 сентября казаки двинулись вверхъ по Волгѣ „въ достальнихъ въ ихъ казачьихъ девяти стругахъ“ и въ мелкихъ лодкахъ; проводить ихъ воеводы послали, чтобы они по дорогѣ никакого дурия не учинили, жильца Леонтия Плохова, а отъ Царицына до Дову должна была быть ихъ провожать стрѣлцкій сотникъ съ 50 стрѣльцами.

Разину наказывалось изъ пути никого съ собою на Довѣ не подговаривать, а кто и безъ подговору станетъ приставать, тѣхъ бы не привинили. Къ воеводамъ изъ Чернаго Яра и Царицына было написано, чтобы они казаковъ въ городѣ не пускали, а также чтобы не продавали имъ вина.

По выѣздѣ казаковъ изъ Астраханя воеводы не досчитались 17 человѣкъ стрѣльцовъ, приставшихъ къ казакамъ.

Хорошо было Астраханскому воеводѣ писать ваказы Царицынскому и Черноземскому воеводамъ, но трудно и невозможно было исполнять эти ваказы. Казаки забыли свое обѣщаніе по дорогѣ не дѣлать дурия. Они пограбили кое-кого, брали съ собою желающихъ на Донъ, не выдавали бѣглцовъ. Всѣдѣ за Разинымъ изъ Астрахани были посланы оставшіеся въ казенными 54 человѣка стрѣльцовъ, взятыхъ Львовыми изъ Кулалыскаго острова, среди которыхъ были и лицкіе казаки, взятые съ нихъ на томъ-же островѣ. Ихъ везли въ Москву вмѣстѣ съ другими колодниками „по воровскимъ казачьимъ дѣламъ“ всего 66 человѣкъ, чтобы потомъ отправить на вѣчную ссылку въ Холмогоры. Изъ числа этихъ колодниковъ трое казаковъ по дорогѣ, не доѣхавъ Царицына, уѣхали и присоединились къ Разину. Узнавъ объ этомъ, Разинъ направился къ арестанскому стругу и сталъ требовать всѣхъ казаковъ, которые взяты на Кулалыскомъ островѣ и посланы въ Москву. Но головы ему отказали и стали въ свою очередь требовать уѣхавшихъ отъ нихъ трехъ казаковъ. Атаманъ разсвирѣѣль. „Если вы не отадите мнѣ казаковъ, то я приду на васъ въ лодкахъ и самъ ихъ возьму!“ Исполнилъ ли атаманъ угрозу—изъ актовъ не видно.

Но бѣжавшихъ къ нему стрѣльцовъ въ трехъ лицкіхъ казаковъ (арестан-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. томъ 11, стр. 361.

това), Разинъ не отдалъ. „У казаковъ того не повелось, чтобъ бѣглыхъ людей отдавать!“ отвѣтилъ Разинъ.

Но горшай участъ представилъ Царицынскому воеводѣ Андрею Уколовскому. Исполнить наказа Астраханскаго воеводы князя Прозоровскаго, чтобы не пускать казаковъ въ городъ и не продавать имъ вина, онь конечно не могъ.

Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ, но, чтобы они не пыщствовали, Уколовскій приказалъ братъ съ казаковъ убийную цѣву — жѣра, которая только озлобила казаковъ, но ни на каплю не уменьшила членства. Казаки заволновались. „Воевода этотъ — говорила они — уже давно настъ прѣиспѣла, которые съ Дову прѣѣжаютъ за солью и за покупками, у тѣхъ онъ беретъ съ дуги по алтыну, да у нашихъ-же казаковъ онъ отнаѣлъ у одного двѣ лошади съ сапами и хомутами, у другого шашъ“. И вотъ Разинъ выступилъ со своими молодцами на косвѣдскій дворъ, грозя зарѣзать Уколовскаго; дверь въ приказной избѣ была выбита бревномъ. Испуганный воевода выпрыгнулъ изъ горницы въ окно и вышибъ себѣ ногу, но все же успѣлъ спрятаться. Разинъ искалъ его нездѣ во всѣхъ домахъ, и въ соборной церкви, въ алтарѣ, но не нашелъ; тогда атакантъ приказалъ у тюрьмы сбить замокъ и выпустилъ арестантовъ. Казаки успокоились и разошлись; Уколовскій вышелъ изъ своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ. Но не долго онь наслаждался покояемъ. Къ нему вошелъ казачій старшина „Запорожій черкашенинъ легко пьянъ“ со многими товарищами и стала „бранить всякою вѣдою бранью и за бороду его Андрея дралъ“... Но этиль не кончились митарства воеводы. Узнавъ объ этомъ Разинъ и испѣшилъ разсчитаться. Опять приказная изба наполнилась казаками, которые хотѣли высѣчь воеводу, но и на этотъ разъ воевода успѣлъ спрятаться въ задней приказной избѣ. Уколовскій отъ смерти отѣжался, но все же для успокоенія казаковъ ему пришлось заплатить имъ за лошадей и за шашъ.

Была и другіе случаи всякой казачьей дурости — пограбили казаки стрѣлецкаго сотника,ѣхавшаго изъ Москвы въ Астрахань съ государственными грамотами. Напали они на него ночью, разграбили стругъ, а грамоты погнали въ воду.

Прѣѣхалъ къ Разину отъ Прозоровскаго посланецъ съ требованіемъ видѣть бѣглцовъ и это требованіе приправилъ угрозой. Разинъ испынулъ.

„Какъ ты смѣлъ прѣйтъ ко мнѣ съ такими рѣчами! сизаль они: чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто иовыше его; я увижуся и разсчитаюсь съ воеводою. Оиги, луракъ, трусы! Хочеть обращаться со мною, какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольны казакъ! Я сильнѣе его и расплачуясь съ отими негодиями!“¹⁾.

5 октября вольница оставила городъ. Казаки сдали Плохово „морскій и мельничныхъ и ясаульныхъ десѧть струговъ цѣлыхъ и испорченныхъ изъ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. томъ II, стр. 364.

семь якорей", по шелковых парусовъ не отдали и заправились за Довъ.

Такъ кончилась первая половина разиновскихъ похождений—самая блестящая и самая славная для Разина. Его слава, слава о богатой добычѣ, слава обѣ немъ, какъ обѣ чародѣй, разошлась по всему казачьему миру, разошлась привлекшая струюю молнией. Его походъ сталъ легендарнымъ, сказочнымъ: чѣмъ дальше и опаснее былъ походъ, тѣмъ больше славы; чѣмъ дороже дѣсталась добыча, тѣмъ больше чести казаку. А набѣгъ на басурмана — развѣ это не честь для казака? Они по ихъ понятію не сдѣлали ничего дурнаго: они заплатили басурманамъ за ихъ набѣги и разгромы своимъ набѣгами, за захваченныхъ разбойничими, прибрежными, кавказскими племенами русскихъ людей они отплатили тѣмъ-же: сами взяли сотни плѣнныхъ, но не заковали ихъ въ цѣпи, не мучили ихъ въ тѣжкой неволѣ, не сдѣлали ихъ рабами, какъ это дѣлали кавказскіе дикари, и не продали ихъ за золото — нѣтъ, они, какъ истые казаки — рыцари, борцы за православный народъ — безкорыстно изѣнили ихъ на христіанскихъ невольниковъ — вершили святое казацкое дѣло.

Рассказы о подвигахъ удальцовъ, о богатствахъ, добытыхъ ими за моремъ, вѣжли слухъ, ласкали самыя затаенные, завѣтныя чувства голытыбы, будили скрытый желавіе — быть такъ-же славнымъ и богатымъ, какъ и дѣти батюшки Степана Тимофеевича. Оль, батюшка, онъ, отецъ, одѣзъ бѣдноту, онъ далъ имъ богатства! Вчерашній бѣдникъ, не знаяшій, куда сдѣлить голову, теперь щеголялъ въ пышномъ парадѣ, сорилъ деньгами. Казачьи войска заволновались. Сотни людей стали стекаться подъ знамена Разина съ Запорожья, съ Дона, съ Волги и съ Яика.

На Дону вокругъ Разина собирались тучи. Вотъ-вотъ разразится гроза — и она разразилась въ слѣдующій-же годъ.

Кончился лихой походъ; казаки пошли по домамъ, но большая часть осталась при Разинѣ. Интересно было бы знать, остались ли яицкіе казаки при Разинѣ или ушли на Яикъ изъ Царицына? Свѣдѣній обѣ этомъ въ актахъ не имѣется. Обѣ яицкихъ казакахъ они говорить лишь вскользь, но все же и эти краткія сиѣдѣнія даютъ полное основаніе заключить, что у Разина были яицкіе казаки, въ числѣ хотя, можетъ быть, и небольшомъ, но все же представлявшемъ извѣстную силу. Мы видимъ, что яицкіе казаки залогъ Разина въ Гурьевъ, чтобы оттуда ходить на поровство; Разинъ шлетъ имъ съ Волги пословъ, чтобы они шли къ нему на помощь; видимъ заподдавшихъ съ прибытіемъ къ нему 13 яицкихъ казаковъ, приплывавшихъ изъ Яицкаго казачаго городка въ Гурьевъ и попавшихъ въ лапы къ воеводѣ; видимъ, наконецъ, что Разинъ, че позволяя Прозоровскому переписывать казаковъ, говорить, что на Дону и на Яицкѣ этого не повелось. Если бы съ нимъ не было тогда яицкихъ казаковъ, то зачѣмъ-бы ему говорить, что и на Яицкѣ этого не повелось? — Онь упомянутъ-бы только про одинъ Донъ. Все это вмѣстѣ влѣаетъ полное основаніе предполагать, что безъ яицкихъ казаковъ дѣло не обошлось, хотя бы уже по одному тому, что Каспійское море было такъ сказать

ихъ собственное домашнее море, служившее для ихъ промысловъ; они знали въ немъ всѣ ходы и выходы и быль бы Разинъ, или не быль на земль,— все равно, яицкіе казаки гуляли бы въ эти годы по его волнамъ и разбивали бы бусы такъ-же, какъ они дѣлали это каждый годъ и безъ Разина.

Въ дошедшй до насъ пѣснѣ яицкихъ казаковъ о возвращеніи ихъ съ этого набѣга говорится такъ:

„Потомъ побывали они въ городѣ Гурьевѣ.
Изъ Гурьева пошли они за матушку Волгу-рѣку.
Съ Волги они пошли на Узесь рѣку;
Съ Узея рѣки переправились за Яикъ-рѣку.
Прошли то они, изошли всю орду азиатскую—
Киргасскую, трухменскую, казылбашскую“ ¹⁾).—

Это быль конечно единственный прямой путь отъ Царицына къ Яику, но путь въ то время и малый и опасный. Въ этомъ году у балмыковъ и татаръ была междуусобія, продолжавшіяся весь слѣдующій 1670 годъ. Современныя лѣтоисци говорятъ объ этомъ такъ: „Въ то время (въ 1670 г.) на степи у черныхъ калмыкъ съ волжскими калмыками и у едиссанскими мурзы и у татаръ, у большого и малаго ногаю съ мурзами и съ татарами и у малибашевъ съ евбулаками междуусобіе великое и сѣча была, и стекло никоимъ дѣлѣ проѣхать было въ то время невозможно“ ²⁾), т. ч. Прозоровскій вынуждеанъ быль послать гонца въ Москву черезъ Терекъ, а оттуда на Донъ. Ближайшиe соѣди яицкихъ казаковъ калмыки рѣзались въ всю зиму этого года. „Зимою отъ калмыцкихъ улусовъ утекли едиссанские мурзы— говорятъ лѣтоисци— Сюнчъ-мурза Абдуловъ съ дѣтьми и съ илемзянами и съ улусными своими калмыками, и придоша къ Астрахани кочевать за Царицыну протоку, тысячи съ пятнадцать, и отъ тѣхъ калмыковъ ради того утекли, понеже у нихъ между собою съ черными калмыками междуусобіе учинилось, и устроили около себя земляной валъ ради приходу степныхъ татаръ большого и малаго ногаю, чтобы ихъ не разорили“ ³⁾). Въ такомъ положеніи находилась степь, когда яицкіе казаки должны были идти изъ подъ Царицына на Яикъ, въ когда готовились события, всколыхнувшія всю юго-восточную Русь и занесшіе кровавою волною буйнаго и дикаго интежа.

О пребываніи Разина на устьяхъ Яика сохранилось у казаковъ преданіе, въ которомъ ярко обрисовывается взглядъ казаковъ на характеръ Разина и на его подвиги. Въ немъ есть небольшая историческая неточность, но она нисколько не умаляетъ значенія этого преданія, какъ выражателъ народнаго взгляда на совершающіяся события.

Вотъ что говорить это преданіе: ⁴⁾)

¹⁾ Русск. Вѣст. 1858 г. стр. 573—574, Мякушинъ, Сборн. пѣсень Урах. каз., стр. 40.

²⁾ Поповъ, Матер. къ Ист. воинск. Степаны Разина, стр. 247.

³⁾ Тамъ-же, стр. 256.

⁴⁾ И. И. Жельзинъ. „Уральцы“, т. I. „Картини казацкой жизни“, стр. 44—50.

„Одинъ казачекъ, гулебщикъ (охотникъ), плылъ въ бударкѣ по Баксаю¹⁾, недалеко отъ моря; плылъ овъ это въ увадѣль на берегу, въ камышъ, на небольшой подавль, стоять бѣлый съ красными узорами шатерь, а за шатрѣ какъ жарь горитъ золотая маковица. Увидаль это казачекъ и дивуется. „Что за оказія такая“, думаетъ самъ про себя казачекъ, „ужъ не дьявольское-ли навожденіе, не бѣсь ли морочить?“ Думаетъ казачекъ, а самъ глазъ не сводить съ золотой маковки, да и не знаетъ, что дѣлать: пристать ли къ берегу, гдѣ шатерь то стоитъ, или своротить скорѣе въ какой нибудь ерикъ, да и удрать по добру по здорову? „А что я скажу товарищамъ?“ думаетъ казачекъ, „скажу: шатерь, моль, съ золотой маковкой, видѣлъ; а что за шатерь и кто въ немъ? не знаю, не вѣдаю. Поднимутъ тогда меня на смѣхъ, проходу не дадутъ... Ну, была не была!“ сказалъ самъ себѣ гулебщикъ, взъярь да и присталъ къ берегу.

Вышелъ ова за берегъ и видѣть: около шатра, у дверей, сидѣть пригорюнившійся дѣвица, въ расейскомъ шелковомъ сарафанѣ, да такая раскрасавица, что ви въ сказкѣ сказать, ви первомъ написать: бѣлолица, круглолица, румянецъ во всю щеку, глаза, что твои спѣлые торнавины, а русая коса чуть не до земли: просто лѣвка — кровь съ молокомъ. Спервоначала, какъ увидаль ее казакъ, осталенѣль. Однако ова скоро подошла къ ней, а самъ думаетъ про себя: „Да воскреснетъ Богъ“, думаетъ, „ужъ не шутовка ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христіанскую?“ Подошла къ ней и говорить: „здравствуй, красна дѣвица!“

— Я, говорить она, не дѣвица... Сказала она это, да и заплакала.

— Кто же ты такая? спрашиваетъ казачекъ.

— Стенька Разина полюбовница... Сказала она да пуще прежняго заплакала.

— Ага! подумалъ казачекъ: „видно я попался къ медвѣдю въ берлогу“.

И стала казакъ съ испугомъ озираться кругомъ.

— Ты не бойся, сказала дѣвица. Она, значитъ, замѣтила, что казачекъ-то неиного стружкуль... Не бойся, говорить она, его здѣсь вѣть.

— Гдѣ-жъ они?

— На охоту съ своими ушелъ.

Какъ водится, слово за слово, и разговорились они, казакъ и дѣвица, иже себѣ. Дѣвица пригласила казачка въ шатрѣ и угостила его кизлярской, а ее — сирѣчъ кизлярской водки-то — былъ полный боченокъ, ведра въ три или въ четыре.

Туть дѣвица и рассказала казаку, кто она такова.

— Я, стала говорить она, изъ города Царицына, дочь богатаго купца. Въ прошломъ году Разинъ городъ нашъ разорилъ, отца и мать и всѣхъ родныхъ моихъ побилъ и меня пѣшиль, да и держать при себѣ. Такая участъ моя несчастная... На этомъ иѣстѣ мы живемъ вотъ уже цѣлую пе-

¹⁾ Баксай — рукавъ Урала, отдѣляющійся отъ него верстахъ въ 60—70 отъ моря, съ правой стороны между Сарайчиковской и Яманхалинской станицами.

лью. Здесь при немъ не много его подручниковъ, человѣкъ съ двадцать, не больше, а прочие все разыжжаютъ кто по морю, кто по Волгѣ. Ось скоро ожидаетъ всѣхъ къ себѣ, послалъ уже гонцовъ во все стороны, где только есть его подручники. „Какъ только слетятся орлы мои, говорить онъ, такъ сей же мигъ пойду на каменный городокъ, возьму его, а стрѣльцовъ выгоню, — заслуду, говорить, въ этомъ городкѣ, да и ишлю въ Яндай городокъ, къ земли казакамъ, кличъ кликать: „ко маѣ, охотники! Приманю, говорить, къ себѣ всѣхъ язычихъ казаковъ и ихнихъ атамановъ-молодцовъ. Тогда, говорить, все города по Волгѣ покорю, да и въ Бѣлокаменку махну. Вотъ что онъ, злодѣй, затѣялъ”...

— Ну, ужта-то ёдетъ, когда-то будетъ, — сказалъ гулебщикъ и выпилъ чарку кизлярки. Что онъ тамъ ни толкуй, а мы мекаемъ свое, — яштада съ нимъ мы не замѣрены: противъ присяги и совѣти не пойдемъ, такъ и будетъ! А ты, красавица, — говорить онъ ей, пеиного погодя, — поѣдемъ-что лѣ? спрашивается казачекъ.

Покачала головой дѣвица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала:

— Ныть, молодецъ, не пойду я съ тобою, все едино гибнуть, тамъ ли, тутъ ли; вѣль никоимъ манеромъ не спасешься, не спрячешься отъ него, лиходѣя: па дѣй моря найдеть онъ меня, неточію-что па Искѣ у вѣсъ: жалую онь меня зароетъ изъ земли. Да и тебѣ, лобрый молодецъ, дарочъ это не пройдетъ, а что за охота гибнуть ионарасну изъ-за меня, ледящей женщины, на что я тебѣ гожусь и чего я стою теперъ! разбитаго горніка, думай, никто за меня не дастъ... Да и въ св. писаніи сказано, я слышала отъ матери, что кто бѣжитъ отъ бѣды-наисти, тотъ бѣжитъ отъ царствія небесаго. Пусть будетъ со мной святая воля Господня! стану до конца терпѣть.

Прошло много ли, мало ли времени и говорить дѣвица казаку:

— Поехжай, молодецъ, домой, скоро сѧть будеть.

Нечего дѣлать, простился казачекъ съ дѣвицей, сѣлъ въ бударку да и поѣхалъ во свояси. Только дорогой то и втемашилось казаку блажная мысль, — знамо дѣло, шишига (дьяволъ) соблазнилъ: вѣдь онъ, склонный, не обѣ неѣ будь сказано, горами ворочаетъ. Дай, думаетъ гулебщикъ, ворочусь назадъ: дѣвка то больно хороша... Ну, то ли, се ли, думаютъ казачекъ, ежели не успѣю уговорить, такъ... что тутъ церемониться?... такъ хоня боченокъ съ кизляркой увезу, что она для Стеньки, кизлярка-та, стонть? вѣстимо — не покупная. Да и за дѣвку-то, знамо дѣло, «кладки не давалъ».

Вотъ съ такимъ то, братцы, нехорошими мыслями казачекъ и воротился назадъ; воротился да и попалъ, какъ курь во щи: тѣмъ временемъ и Стенька воротился съ своими молодцами на станъ. Лишь только казачекъ вышелъ изъ бударки, его сцепали два разбойника. Они издали еще его увидали и караулили у берега въ камышѣ. Сцепали доброго молодца, вырвали у него изъ руки винтовку, распетили голубчика, да и ишли къ атаману, къ самому кизлярину, какъ величали разбойники Стеньку. Потолена казачекъ изъ-

рядкахъ выпимши бытъ, а тутъ какъ увидаль вокругъ себя съ десятокъ харъ, одва другой страшне, съ мушкетонами да съ безмѣнными шашками въ рукахъ, такъ куда у голубчика и хмѣль дѣвался, словно и не нюхать горькаго; пропрѣзился, индо въ лихоманку кинуло.

Степенька сидѣлъ на богатѣйшемъ персидскомъ коврѣ около шатра и потягивалъ изъ серебрязаго ковша кизлярку.

— Эта чѣ-ли? — спросилъ онъ тихонъко дѣвицу и указалъ на казака.

Она кинула головой. Значитъ, сей разсказала, что у нея былъ въ гостяхъ лицай казакъ.

— Милости просимъ, — сказалъ Развѣй казаку, — садись — гость будешь. Пустите его, — сказалъ онъ разбойнику.

И освободили разбойники казака. Но казакъ съ уномъ разумомъ не соberется, едва духъ переводить, и слова выполнить не можетъ. Онь ждалъ, вѣть какъ хватить его по головѣ обухомъ, а тутъ слышать ласковыя рѣчи. Казакъ только поклонился.

— Да что ты, вѣ мой, что ли? что ничего не говоришь? — спросилъ Развѣй я самъ захочотадъ. — Аль изыѣкъ у тебя ушелъ въ пятки?

Казачекъ опять поклонился, да ужъ кое-какъ, съ запинкой проговорилъ:

— По имени звать твою милость знаю, а какъ величать тебя, добраго молодца, но батюшкѣ, — хоть зарѣжь, не знаю...

— Вѣть оно какъ! — говорить Степенька, а самъ смѣется: — въ глаза-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именемъ не назовутъ. Такъ ли?

— За другахъ че отвѣтчикъ, — говорить казакъ.

— Ладно, ладно, — говоритъ Развѣй. — А скажи-ка маѣ: зачѣмъ твоя милость сюда пожаловалася? Развѣ не знаешь, что отъ меня дорога одва — къ чертамъ на кулички.

Казачекъ только-было собрался съ духомъ, а тутъ опять перепугался. Однако отудобѣлъ и пустился на хитрости, словно башкарецъ, котораго на кражѣ поймаютъ.

— Былъ я давечка, — говоритъ казакъ, — у твоей милости въ шатре, фѣль хѣбѣ-соль твою, пиль вино твое, а смиго тебѣ не видать, за угощеніе „спасибо“ не сказалъ: такъ сонѣтно стжало, потѣ я и воротился за тѣмъ, чтобы милости твоей честь отдать.

— Ого! — говоритъ Степенька, а самъ, бестія, смѣется. — Да ты, вижу, продувная каналья: складно поешь, только не виносишь, а хитришь хоть куда, вчередь схитришь такъ моему Аккудинкѣ, а онъ, вѣдь, изъ московныхъ приказныхъ. Такъ и быть, велю разстрѣлять тебя, добраго молодца, на славу, изъ десяти или изъ двадцати мушкетонокъ, чтобы на томъ свѣтѣ помнилъ! Доволент-ли? — говоритъ Развѣй, а самъ смотрѣтъ на казака, да и хохотать во все горло.

Казака дрожь пробрала. Онь слышать, какъ позади защелкала кури. Однако видѣть, что Разинъ и говорить и сиѣтся. „Може онъ, потѣхи ради, только страшаетъ“, думаетъ казакъ: „дай“, думаетъ казакъ, „всю правду скажу“.

— Есть когда за правду пошло, такъ слушай, Степанъ, по прозванию Разинъ! — говорить казакъ, а самъ бодрится. — Ты, говорить, казакъ, ты и милуешь; а я скажу тебѣ и правду-истину: по крайности будешь знать, что казакъ не любить вратъ. Воротился я сюда не затѣмъ, чтобы персону твою видѣть — ее хошь бы вѣкъ не видать, — и не затѣмъ, чтобы за хлѣбъ-соль тебя благодарить: хлѣбъ-соль твоя не куплена, не трудами добыта, а затѣмъ, чтобы боченокъ съ кизляркой увезти. Вотъ зачѣмъ я воротился.

— Ну, а насчетъ ее, — сказалъ Разинъ и кивнулъ на девицу, — ну, насчетъ ее то что скажешь? Чай, тоже думалъ поживиться, а? говори, да правду говори! Смотри — баловать не люблю!

— Что таить? сказалъ казакъ, — былъ грабѣль, — лукавый почуталъ и на нее подумалъ. Да вотъ, какъ ядишь, и попался, словно сомъ-блудникъ на самоловикъ. Тешерича я въ твоихъ рукахъ. Хошь — казни, хошь — на волю пусти: твоя власть. Казнимъ — не буду плакать, отпустишь — спасибо скажу.

— Люблю такихъ молодцевъ, что отвѣтъ держать умѣютъ! — сказалъ Разинъ и хлопнувъ казака по плечу. — Тебѣ девачка бы, спирноначала, это сказать, такъ у неѣ и рѣчей бы обѣ этомъ никакихъ не было. Дѣвай-ка выпить.

И вышли они по ковшу — другому кизлярки.

— Ее, сарѣчъ, девицу-то, ее, — говорить Разинъ, — никому ни за какія твари не уступлю! За нее, говоритъ, самого черта въ баравий рогъ согну! А другой кто и не суйся лучше: всякаго иного въ лапшу искрошу, въ музу измелью. Вотъ что! слышь? Ну, насчетъ кизлярки, статия иная: такъ и быть, куда ни шло, уступлю для такого дорогого гостя, какъ ты, полбоченка: ти миѣй понравился. Только тутъ есть небольшая задеба. Девачка одинъ изъ моихъ молодцевъ, вотъ этотъ, хвалился, что въ ста саженихъ попадеть изъ винатовки въ грошъ. За это я обѣщаль на его цай полбоченка подки, однако съ уговоромъ: если не попадеть, какъ слѣдимъ, въ цѣль, то, знатѣсто подки, сто линьковъ горячихъ въ сину, чтобы не хвастался попадрасну. Поспорь съ нимъ, есть когда надѣшишь на свое молодечество, — говорить Степанъ казаку. — Есть когда убѣшь въ цѣль лучшіе его, то кизлярка твоя, а есть когда нѣть — не прогибнайся: сто линьковъ въ сину. Такой обычай: люблю за дѣло только награждать.

Казакъ подумалъ и сказалъ:

— Не берусь, что лучше его убью: кто знаетъ, онъ може важный стрѣлокъ; а берусь, что не хуже его убью.

— Хорошо, согласенъ, — сказалъ Разинъ и волѣль устроить цѣль.

Отибрала двѣстѣ большихъ шаговъ, поставила „нашестіе“¹⁾ и къ ней приѣхали гроши.

Первый выстрѣлилъ разбойникъ и попалъ въ доску, около самаго гроша, но гроша-то не задѣль.

— Гиѣ! не велика важность,— проговорилъ казакъ:— этаѣтъ-то и мы, пожалуй, потрафимъ.

Вотъ послѣ разбойника выстрѣлилъ и казакъ изъ своей вынтовки и попалъ въ саму середку гроша иndo гроши-то врѣзался въ доску.

— Ай-да молодецъ!— сказаль Разинъ.— Ну-ка, еще!

Еще выстрѣлилъ по разу. Разбойникъ со злости трясея и въ доску-то не попалъ, не токно что въ гроши.

— Ну, дружище,— сказаль казакъ разбойнику:— видно у тебя двойная кожа, коли не умѣешь стрѣлять, а идешь на споръ.

Казакъ былъ уже тово... на порядкахъ пьянъ: онъ позабылъ, гдѣ онъ,— думаетъ, что онъ у себя на форпостѣ съ товарищами, поэтому и разговорился.

Выстрѣлилъ и казакъ вдругорядъ и вѣцмъ опять въ гроши, иndo перегнуль его.

— Баста! твоя кизлярка,— сказаль Разинъ казаку. И вѣль въ большого боченка зацѣдить въ другой поменьше.— А тебѣ,— сказаль онъ разбойнику,— на три дня винной порціи нѣть, а за иѣсто того сто линьковъ въ синеву: осрамилъ, говорятъ, ты и себя и насъ.

Опосѧ того Разинъ и казакъ еще выпили малую толику водочки, и казакъ въ добромъ здоровѣ уѣхалъ отъ ласковаго хозяина во-своиис. На прощанье Разинъ и говоритъ казаку, а самъ, бестія, подмигиваетъ и улыбается:

— Може, увидимся когда нибудь: я къ вашимъ хочу толкнуться. Приняте, что-ли?

— Не знаю. Какъ войско захочетъ,— сказаль казакъ и потупился въ землю, а самъ думаетъ про себя:— „Сунься-ка, пріятель, зубъ скусишь!“

¹⁾ Доска въ родѣ яшки, употребляемой въ маленькихъ лодкахъ.

Ирик. Л. И. Жаганова.

XV.

Бунтъ Разина. Взятіе Царицына и Астрахани. Бой подъ Симбирскомъ. Волненіе въ восточной Россіи. Разгромъ Разина подъ Симбирскомъ. Казнь Разина. Дѣла въ Астрахани. Преданіе о Разинѣ на Янѣ. 1670—1671 году.

Ты взойди — взойди, красно солнечко,
Обогрѣй насъ, людей бѣдныхъ,
Добрыхъ молодцовъ, людей бѣглыхъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Исауловы все помощнички.
Мы веселы махнемъ — мы корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ, дѣвицу позьмемъ!

(Старинная болгарская нацнка¹).

Б) круженный славою, увѣровавшій въ свою силу, сдѣлавши между Когальникомъ и Веденниковымъ земляной городокъ, Разинъ готовился къ новымъ подвигамъ. Онъ отпускалъ своихъ казаковъ въ донскіе городки за крестьянами поруками, но главная масса его голытьбы оставалась при немъ, и ежедневно увеличивалась все новыми и новыми искателями подвиговъ и зипуновъ. Разинъ перезвалъ сюда изъ Черкасска свою жену и брата своего Флора и окончательно основался въ городкѣ на всю зиму. Домовитая, болѣе старая и зажиточная часть донского казачества не сочувствовала Разину и во главѣ со своимъ войсковымъ атаманомъ Корнилоемъ Яковлевымъ держалась въ сторонѣ. Донъ рѣко раздѣлился на два лагеря — старую войсковую партію съ атаманомъ Яковлевымъ и голутвенную, самую беспокойную часть населеній, во главѣ съ Разинымъ. Въ войсکѣ стало два атамана; войсковая партія чувствовала свое бес силіе и когда въ Черкасскѣ пріѣхали азовцы, чтобы заключить перемиріе, то казаки имъ отказали, заявивъ причину: „пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами и если онъ мимо насъ сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дурно, то вы намъ, казакамъ, ни въ чёмъ вѣрить не станете”²).

Яковлевъ положительно терялся и не зналъ, что дѣлать — чинить ли надъ Разинымъ промыселъ или принять его въ войско? Рѣшили послать обѣ этомъ съ запросомъ къ царю.

Но Разину надоѣло бездѣйствіе въ своемъ городкѣ. И вотъ раннею весною 1670 года, на другой день послѣ Фомина воскресенія, онъ появился со своей голытьбою въ Черкасскѣ. Въ это время на Дону находился прѣбывшій изъ Москвы жалецъ Герасимъ Евдокимовъ. Онъ привезъ доцца

¹⁾ Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, стр. 316—317.

²⁾ Соколовъ, Истор. Рос., томъ 11, стр. 365.

царское милостивое слово; казаки признали его честно: въ кругу грамоту царскую вычили и на государевой милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобы онъ готовился къ отъезду вмѣстѣ съ казачьей станицею, какъ это дѣжалось всегда.

Но когда во вторникъ Яковлевъ собралъ кругъ для выбора станицы, Разинъ появился въ кругу со своими голутвенными.

— Куда станицу выбираете? спросилъ онъ.

— Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю,—ответилъ ему.

— Позвать Герасима сюда!—закричалъ Разинъ.

Приказъ немедлено былъ исполненъ. Герасимовъ предсталъ предъ грозныя очи Степана Тимофеевича.

— Отъ кого ты пріѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояра? спросилъ его Разинъ.

— Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою, отвѣтилъ Евдокимовъ.

— Врешь! кракнуль голутвенный атаманъ: пріѣхалъ ты не съ грамотою, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ! и выругавъ посланца, сталъ его бить и вѣзѣль бросить въ Донъ.

— Не пригоже ты такъ учинилъ, отозвался было атаманъ Яковлевъ.

— И ты того-же захотѣлъ!—закричалъ на него разсвирѣпѣшій Разинъ: — владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ!¹⁾.

Это былъ вызовъ войсковой партіи. Атаманъ заполчалъ, видя, что не его времена. Побѣда была на сторонѣ Разина. И съ этого дни фактически вся власть перешла къ нему.

Разинъ былъ полныи хозяиномъ Дона, онъ сталъ сбивать съ Дону священниковъ, какъ людей сводившихъ казачество съ государствомъ, и стала вѣчать голытьбу, заставляя ихъ писать вокругъ дерева.

Похозяйничавъ въ Черкасскѣ, атаманъ пріѣхалъ въ свой городокъ. Разъѣзжавшіе по всемъ казачьимъ войскамъ разиновскіе гоцы звали казаковъ въ пропыль и къ лихому атаману сходились охотники со всѣхъ сторонъ. Пришли запорожцы съ полковникомъ Ерикомъ; запорожскіе атаманы — известный намъ Сѣрко и Дорошенко спрашивали у Разина: „въ какомъ урочищѣ сойтесь нѣсть?“²⁾. Прибыли къ атаману и яицкіе казаки, сколько-нѣизвестно, но число ихъ было, нѣроятно, значительное. Пришелъ къ нему и авантюристъ его товарищъ Вѣска Усь со своею голытьбою. Всего набралось тысячъ съ сень самаго беззокойного и безшабашнаго народа, большую часть котораго составляла голытьба, только что вышедшая изъ Руси — элементъ самый недовольный и озлобленный на Москву.

Наконецъ наступила весна, засіло опять весеннее солнце, потянуло дара-

¹⁾ Соловьевъ, томъ 11, стр. 366.

²⁾ Н. И. Фирсовъ, Разиновщина, стр. 21.

ковъ на волю, на широкое раздолье. Давно жданная пора лихого разгула настала... „Чась — да иой!” казалось говорила голытьба и рвалась на подвиги.

Разинъ собралъ кругъ и объявилъ, что идеть судами и ковами подъ Царицынъ. Зашевелились казацкіе таборы, готовясь къ походу. На другой день войско выступило и черезъ два дня, ночью, окружило Царицынъ. Утромъ въ осажденномъ городѣ ударили къ набатъ, стали стрѣлять изъ пушекъ по казакамъ, но защита велась робко и въ этотъ же день къ казакамъ перебѣжало пять человѣкъ царицыщевъ и объявили Разину, какая въ городѣ казна и какие запасы. Не желая сидѣть въ бездѣйствіи, Разинъ рѣшилъ сдѣлать набѣгъ на едесанскихъ татаръ, а осаждать городъ оставилъ товарища Василья Уса. Набѣгъ на татаръ оказался удачнымъ, Разинъ „многіе улусы порубилъ и смотину отогналъ”¹⁾ и вернулся къ Царицыну. Пока Разинъ ходилъ въ набѣгъ на татаръ, 13 апрѣля къ Василью Усу явилось пять человѣкъ царицыщевъ съ просьбою разрѣшить имъ ходить изъ города, братъ для горожанъ воду и выгонять скотъ на пастбище.

— Уговаривайте воеводу, — отвѣчалъ Усъ, — чтобы онъ городъ отверзъ, а если онъ заупрямится, то вы сама отбейте городовой замокъ.

Въ этотъ же день совѣтъ былъ исполненъ, ворота были отперты и казаки ворвались въ городъ. Въ городѣ вошло разлавное море. Казаки загуляли съ герожанами. Начались попойки. Самъ Разинъ, возвратившись съ набѣга, устроился до пьяна, и въ этомъ видѣ повелъ казаковъ на приступъ башни, где засѣлъ воевода Тургеневъ со своимъ племянникомъ, съ прислугою и десаткомъ стрѣльцовъ. Послѣ долгаго боя башня была взята. Тургеневъ достался казакамъ живой и на другой день онъ былъ приведенъ къ Волгѣ, проколотъ копьемъ и утопленъ.

Послѣ этой расправы Разинъ укрѣпилъ Царицынъ и черезъ нѣсколько дней созвалъ кругъ и объявилъ свой планъ.

Онъ сказалъ казакамъ, что идеть вверхъ по Волгѣ подъ государевы го-
роды, выводить изъ нихъ воеводъ, и къ Москвѣ — защищать царя отъ бояръ, вставшихъ стѣною между царемъ и народомъ.

Это былъ вызовъ московской бирократіи, призывъ на бунтъ противъ москов-
скаго пріказчаго и крѣпостного строя. Другого выхода Разину съ его голытьбою не было. Идти на море онъ не могъ — пройти туда было легко, во-
звратиться обратно ему бы не дали. Куда-же идти съ голытьбою?! И вотъ
онъ ведетъ эту голытьбу противъ тѣхъ, кого болѣе всего испытывали отъ го-
лытьбы въ народѣ — противъ уѣснителей народа — бояръ и воеводъ. Онъ при-
зываешь казаковъ идти въ защиту цара!

Казаки, выслушавъ рѣчь атамана, закричали въ отвѣтъ, чтобы онъ нель-
зъ, куда хочеть и что они во всемъ полагаются на слова своего батюшки-
атамана.

1) Материалы для Истор. втом. Стеньки Разина, изд. Новикова, стр. 294.

Такъ начался бунтъ.

Всѣ суда, которые шли Волгою, Разинъ остановилъ; казаки „насады и струги великаго государя и торговыхъ людей грабили и побили изможество служилыхъ и простыхъ людей“. Въ это время пришла къ Разину вѣсть, что астраханскій воевода, князь Прозоровскій, выслалъ стрѣльцовъ къ Черному Яру, и что сверху по Волгѣ идутъ московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Посланые на разведку конные казаки подтвердили эти вѣсти. Разинъ не растерялся и напалъ на московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было тысяча человѣкъ подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли на Денежной островѣ въ семи верстахъ выше Царицына; Разинъ окружилъ ихъ, съ луговой стороны напалъ самъ, а съ загорной конные казаки. Осыпаемые пулами, стрѣльцы стали пробиваться къ Царицыну, предполагая, что тамъ встрѣтить поддержку, но едва они подошли подъ городъ, какъ оттуда ихъ встрѣтили пушечными выстрелами. Болѣе 500 стрѣльцовъ было убито, остальные сдались. Лопатина и другихъ начальникъ людей утопили, остальныхъ стрѣльцовъ Разинъ посадилъ за свои суда въ гребцы.

Здѣсь стрѣльцы первый разъ услышали отъ казаковъ страшные для нихъ слова:

„Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя!“ говорили имъ казаки.

Расправившись съ московскими стрѣльцами, Разинъ двинулъ внизъ по Волгѣ на встрѣчу астраханскимъ стрѣльцамъ. Почва тамъ была уже подготовлена. Разинскіе посланцы тамъ уже работали, да и стрѣльцы, видѣвшіе Разина послѣ набѣга на Персію и обласканіе имъ въ Астрахани, были не особенно склонны идти противъ батюшки Степана Тимофеевича, и едва у Чернаго Яра показалась казачья флотилія, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и стали вазать начальныхъ людей, и при радостныхъ кликахъ, привѣтствуя своего батюшку, своего освободителя, убивали и гоняли ихъ въ Волгѣ. Среди радостныхъ криковъ 2600 сдавшихся стрѣльцовъ и 500 польскихъ людей, бывшихъ со стрѣльцами, Разинъ объявилъ всѣмъ полную волю и обѣщалъ имъ богатую жизнь. Радостные крики не смолкали; начальники были перебиты. Уцѣльѣ только воевода князь Льновъ, котораго почему-то полюбиль Разинъ во время пребыванія его въ Астрахани.

Разинъ узналъ отъ стрѣльцовъ, что въ Астрахани его давно ждуть свои и сдадутъ городъ какъ только покажутся казаки.

До сихъ поръ предполагавшій идти въ верхніе волжскіе города, Разинъ, послѣ получения этого сообщенія, перемѣнилъ намѣреніе и рѣшилъ плыть къ Астрахани.

Это былъ роковой шагъ для Разина: — время, потерянное имъ для занятія Астрахани и возвращенія обратно къ Царицыну, дало возможность московскому правительству стянуть войска къ Волгѣ и пряготовиться къ отпору.

Въ Астрахани послѣ отплытія оттуда 25 мая князь Льновъ между стрѣль-

цами начался ропотъ и непослушавіе воеводѣ князю Прозоровскому. Но вотъ 4-го іюня пріѣхалъ въ Астрахань изъ Нижнаго-Новгорода за легкомъ стрѣлѣ промышленникъ Павелъ Дубенскій и пригезъ первую вѣсть, что взять Царицынъ; восьмого же іюня пріѣхалъ изъ Чернаго Яра астраханскій сотникъ Давидъ Тарлыковъ съ однѣми стрѣльцами и привезъ воеводѣ другую страшную вѣсть обѣ измѣнѣ астраханскихъ стрѣльцовъ у Чернаго Яра.

Казнь Прозоровскій не упалъ духомъ. Вмѣстѣ съ вѣмцемъ Бутлеровъ онъ сталъ хлочать обѣ укрѣпленіи города. Приказано было пересмотрѣть пушки по валамъ и раскатамъ¹⁾, валы и раскаты чинились. 9-го іюня былъ вездѣ разставленъ крѣпакій караулъ, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ нижней башнѣ встали персияне, калмыки и черкасы. Все было приготовлено для встрѣчи Разина.

13-го іюня вочью стоявшіе на караулѣ стрѣльцы были поражены страшнымъ для нихъ явленіемъ. Они увидѣли, какъ надъ всему Астраханью отворилось небо и посыпалась изъ него на городъ точно печные искры. Стрѣльцы побѣдали въ соборѣ и сказали обѣ этомъ митрополиту Госифу. Тотъ заплакалъ и, возвратившись отъ заутреніи въ свою келію, говорилъ: «Изліялся съ небеси фіаль гнѣва Божія!»

Митрополитъ Госифъ звалъ вольнику съ дѣтства. Будучи еще 8 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыми творилъ Заруцкій въ Астрахани, онъ видѣлъ, какъ тогда бѣзчестили архіепископа Феодосія, и самъ послѣ тѣжелаго знака памати обѣ этомъ страшномъ временіи: его голова постоянно тряслась отъ удара, полученнаго имъ тогда отъ казаковъ.

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, тоже заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добра отъ казаковъ, не надѣлся онъ и на астраханцевъ, онъ чувствовалъ начавшуюся смуту и готовился честно исполнить свой долгъ.

Между тѣмъ стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Извившись къ воеводѣ, они потребовали жалованья за прошлый годъ.

— Казны отъ великаго государя изъ Москвы еще не бывало,—отвѣчалъ Прозоровскій—развѣ, что дастъ митрополитъ отъ себя взаймы или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ раздамъ по скольку придется, чтобы начальника и измѣнника Стеньку Разина не слушать, а радѣть великому государю!

Послѣ этого Прозоровскій пошелъ къ митрополиту.

— Какъ быть?—говорить онъ ему:—надо дать, иначе бѣса!

— Надо дать,—отвѣчаетъ митрополитъ: злоба велика, прельстились бѣ боогоступникамъ!

Митрополитъ далъ изъ своихъ денегъ 600 рублей да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять двѣ тысячи.

Деньги раздали. Стрѣльцы успокоились. У нихъ не было повода къ вѣ-

¹⁾ Раскатъ—часть крѣпостной стѣны.

показовеню. Наружно они смирились, поэтапъ съ потерпѣніемъ ждали Степана Тимофеевича.

Въ городѣ было тихо, но это была обманчивая тишина,—всѣ жители, какъ и стрѣльцы, съ нетерпѣніемъ ждали атаки. Между тѣмъ явилось новое знаменіе. Караваль, стоявший у Пречистенскихъ воротъ, увидѣлъ рано утромъ на южной сторонѣ неба три столпа разноцвѣтныхъ, какъ радуга, и поверхъ ихъ три такиѣ же вѣаца. Видѣлъ это и митрополитъ. „Не къ добру все это“,—думалъ онъ. Въ природѣ тоже творилось что-то необычайное: былъ постъ Петра и Павла, но погода стояла небывалая, никто не ходилъ безъ шубы „бѣ бо врема хладъ великъ и дождь съ ледянымъ градомъ частые днѣмъ и нощью“.

Но вотъ 22 июня казаки появились вблизи Астрахани и встали у Жареныхъ Бугровъ. Разинъ послалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами захваченныхъ въ пленъ воззиженского пона Василія Маленькаго и человѣка князя Львова; кромѣ грамотъ на русскомъ языѣ, была послана къ пѣмѣцкимъ ратникамъ людамъ грамота на кыренскомъ языѣ. Степанъ уговаривалъ пѣмѣцъ поберечь свою жизнь и не стоять противъ казаковъ. Посланцевъ схватили и пытали. Человѣку князя Львова Прозоровскій приказалъ у Никольскихъ воротъ за городомъ, „противъ ихъ воровскиихъ струговъ голову отсыщи, а полу Василію вѣлья клять въ ротъ вложить и посадить въ каменную темницу“.

Воеводы готовились къ бою, укрѣпляли стѣны, заваливали ворота кирпичами; митрополитъ со всѣмъ соборомъ и съ иконой Божией Матери обходилъ городскія стѣны и совершалъ на всѣхъ воротахъ молебны. Разинъ-же въ это время готовился къ штурму, дѣлалъ лѣстницы, перешель Бозду рѣку и по протокѣ Черепаха перебѣхалъ къ р. Криушкѣ къ степной сторонѣ сзади Астрахани. Занимала татарская слобода. Ее зажгли астраханцы, чтобы не дать пріютъ разинцамъ. Въ этотъ же день уѣзжали къ казакамъ два нацихъ—Тимошка Безногий съ товарищемъ; ихъ Разинъ уговорилъ, чтобы они во время приступа зажгли Бѣлый городъ; но когда они возвращались съ этимъ порученіемъ обратно, ихъ увидѣли въ полѣ конные казылбashi, догнали и представили воеводѣ. Воевода вѣлья ихъ казнить. Чувствуя назрѣвающую опасность, Прозоровскій и митрополитъ рѣшили подействовать на гарнизонъ другимъ средствомъ. На митрополичій дворъ были созваны всѣ стрѣльцы пятисотиники и лучшіе люди; митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постоять за домъ Пречистыя Богородицы и за великаго государя, послужить вѣрою и правдомъ, биться съ измѣнниками мужественно и обнадеживали ихъ, что ишь за то отъ великаго государя милость будетъ, а убитымъ вѣчное блаженство.

Всѣ уѣзяли, что будуть стоять кубико, но па дѣлѣ не сдержали своего слова.

Вечеромъ астраханскій гарнизонъ всталъ на стѣны, готовясь къ бою. Прозоровскій всталъ у Вознесенскихъ воротъ.

Вся ночь прошла спокойно, лишь въ три часа утра началась тревога—казаки вошли на приступъ. На пушечные выстрѣлы они не обращали вниманія, приставляли лѣстницы къ стѣнамъ, гдѣ принимали ихъ, какъ друзей, астраханскіе стрѣльцы; казаки ворвались въ городъ и первые же астраханцы бросились бить дворянъ, боярскихъ людей и начальниковъ. Князь Прозоровскій былъ тяжело раненъ копьемъ въ животъ, его родной братъ Михаилъ Прозоровскій былъ убитъ. Раненаго воеводу привнесли на коврѣ къ соборной церкви. Туда же спѣшилъ и митрополитъ Іосифъ, вѣнгали лыки, головы стрѣлецкіе, всѣ, кто не ждалъ себѣ пощады отъ стрѣльцовъ и казаковъ. Заперли церковныя двери; для защиты вхѣ съ большими ножами въ руки всталъ пятадесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Фроль Дура, рѣшившій дорого отдать святое мѣсто. Казаки стали ломиться; двери не поддавались; они выстрѣлили изъ пашали, пуля попала въ младенца, бывшаго на рукахъ у матери. Двери подались и Фроль Дура сталъ работать ножомъ, но его схватили, вынесли къ паперти и изрубили саблями. Прозоровскаго и остальныхъ начальниковъ связали и посадили подъ караулъ ждать казачьяго суда. Явился Разинъ и приказалъ сбросить Прозоровскаго съ раската, остальныхъ сѣкаки мечами и бердышами у соборной церкви межъ раскатовъ. Было убито 401 человѣкъ, трупы которыхъ бросались въ общую могилу.

Послѣ убийства воеводы и начальникъ людь Разинъ остался полнымъ хозяиномъ Астрахани. Начался грабежъ. Ограбили приказную палату, гостиные дворы русскій, гиляцкій, индійскій и бухарскій, всѣ товары, которые тамъ были, и добычу снесли въ Янгурчеевъ для дувана. Но пока происходилъ грабежъ, раздались выстрѣлы изъ Пыточной башни. Тамъ засѣли люди князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго, съ пимъ два русскихъ и вѣсколько пушкарей, всего девять человѣкъ. Они рѣшили умереть, а не сдаваться. По башнѣ стали стрѣлять изъ пушекъ. Но засѣвшіе отбивались до полуночи; когда не стало снаряду, они стрѣляли деньгами, когда же не стало пороха, они выбросились изъ башни за стѣну и часть ихъ убились на смерть, другихъ изрубили.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начался разгуль. Разинъ раздѣлилъ жителей города на тысячи, сотни, десятки съ выборными атаманами, есаулами и сотниками и все это новое княжество было приведено къ присягѣ: „за великаго государя стоять, атаману Степану Тимофеевичу и всему войску служить, измѣниковъ бояръ выполнять“...

Послѣ присяги казаки загуляли, Разинъ или разѣхажалъ по городу, изъ былъ пьянь. Въ день именинъ царевича Оедора Алексѣевича митрополитъ приславши къ себѣ на обѣдъ Разина и всѣхъ старшихъ казаковъ. Гостей набралось около ста человѣкъ. У митрополита въ кельяхъ скрывалась жена Прозоровскаго съ двумя сыновьями—одному было 16, а другому 8 лѣтъ. Пьяный Разинъ вспомнилъ о нихъ и приказалъ позвать къ себѣ старшаго.

— Где казна, которую собиралъ твой отецъ въ таможе? спросилъ его Разинъ.

— Таможенныя пошлины на деньги отясли головъ въ приказную палату служильныхъ людемъ за жалованье, — отвѣчалъ книжичъ, — а прививали у нихъ тѣ деньги въ денежномъ столѣ подьячій Алексеевъ съ товарищами.

Послали за подьячими. Онъ подтвердилъ эти слова.

— Гдѣ ваше имущество? спросилъ снова атаманъ у книжича.

— Имущество отца моего было ограблено, отдавалъ его казначей нашъ, а возвѣтъ твой есаулъ Иванко Андреевъ Хохлачъ.

Этотъ смѣлый отвѣтъ не понравился Разину и онъ приказалъ повѣстить несчастнаго за ноги, подьячому же Алексееву велѣть проколоть ребра и тоже повѣстить, захватить крюкомъ за ребро. Послѣ этого взялъ у книжича другого сына, онъ велѣлъ и его повѣстить за ноги рядомъ съ братомъ. Лишь утромъ на другой день былъ отданъ матери и ладшій братъ, старшаго же сбросили съ раската.

Вскорѣ послѣ этихъ убийствъ Разинъ рѣшилъ двинуться вверхъ по Волгѣ. Оставилъ въ Астрахани за атамана Ваську Уса, а есаулами Федыку Шелудака и Ивана Терского, онъ въ концѣ юля на двухъ стахъ стругахъ поплылъ вверхъ по Волгѣ. Съ нимъ было до десяти тысячъ человѣкъ. Берегомъ шло до двухъ тысячъ конныхъ. Въ Астрахани съ Ваською Усомъ осталась половина астраханцевъ, записанныхъ въ казаки, половина московскихъ стрѣльцовъ и по два человѣка изъ каждого десятка донскихъ казаковъ¹⁾. Лицѣе казаки, какъ видно изъ актоў, пошли всѣ съ Разиномъ. По дорогѣ Разинъ взялъ Саратовъ и Самару; убивъ тамъ, по обыкновенію, воеводъ и начальникъ людей и устроивъ жателей по казаччи, двинулся къ Симбирску. Здѣсь сидѣлъ съ войсками и поджидалъ Разина окольничій Иванъ Милославскій, къ которому ко времени прихода Разина успѣлъ подойти 31 августа окольничій князь Юрій Барятинскій. 4-го сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ; онъ ночью обошелъ городъ, остановилъ свои лодки выше города и утромъ пошелъ на приступъ. Барятинскій загородилъ ему дорогу и завязался рукопашный бой, длившійся съ утра до вечера; но ни казаки, ни Барятинскій не получили верха, — враги, утомленные боемъ, разошлись и весь другой день стояли другъ противъ друга, по начинавшей битвы. Разинъ не терялъ времени и пересыпался съ жителями Симбирска и, уѣтрившись, что они будутъ на его сторонѣ, съ наступлениемъ ночи снова началъ за Барятинскаго; завязался жестокій бой и за полчаса до разсвѣта казаки стали лѣзть на стѣны, гдѣ стояли симбирцы, которые, пострѣлявъ для виду пыжама, вогнали казаковъ въ острогъ и выѣхѣть съ ними стали рубить стрѣльцовъ, не бывшихъ въ заговорѣ. Завявиши острогъ, казаки бросились къ городу, во Барятинскій снова загородилъ имъ дорогу; казаки стали стрѣлять въ войско

¹⁾ Собрание Государств. грамотъ и договоровъ, часть 4, стр. 255.

изъ острожныхъ пушекъ и не допустили въ свою очередь и Барятинскаго пробиться въ городъ. Тогда Барятинскій, видя, что ему безъ цѣхоты ничего не сдѣлать, отошелъ къ Тетюшамъ. Въ городѣ (аъ кремль) остался только окольничій Иванъ Малославскій съ отрядомъ стрѣльцовъ, успѣвшихъ застись водою и провизіей. Въ своемъ донесеніи о бояѣ подъ Сибирскомъ Барятинскій говорилъ, что у Разина „не многолюдно, больше шести тысячъ вѣтъ худого и добраго, а винче у него за боахъ и на приступѣ безжалостно побито лучшихъ людей“.

Съ уходомъ Барятинскаго казаки старались овладѣть кремлемъ. Разинъ несолько разъ ходилъ на штурмъ. „Приступы были отъ воровскихъ казаковъ самые жестокіе, и вѣль земляной къ городу приваливали къ самому рву, и изъ за того валу приметы къ городу метали:—большіе дрова съ соломой, и возы съ сѣномъ и съ соломою возили и луками и разожженними ядрами беспрестанно городъ и башни зажигали, и много было, что и по дважды на день приступали“ ¹⁾.

Не взять кремля Разину не удалось. Малославскій отбивалъ все штурмы.

Штурмую кремль, казаки въ тоже время волновали народъ. Посланцы Разина разѣзжали по всѣмъ городамъ съ „прелестными“ письмами. Въ нихъ говорилось, что казаки идутъ за царя Алексѣя Михайловича и за святую Богородицу, но противъ измѣнниковъ бояръ, что съ ними находится Нечай-царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (предъ этимъ умершій) и патріархъ Никонъ, изгнанный болгарами. Силы Разина росли съ каждымъ днемъ приходомъ татаръ, черемисъ, чувашъ, мордвы и русскихъ крестьянъ.

Призываю подъ свои знамена русскій народъ, Разинъ хотѣлъ привлечь за свою сторону и крымскаго хана съ его воинственными ордами, но успѣлъ не имѣть ²⁾). Не повезло ему также съ приглашеніемъ въ союзъ персидскаго шаха. Степанъ послалъ къ шаху послыть; въ письмѣ своемъ онъ подѣливался къ восточнымъ обычаямъ и надавалъ себѣ самому высоконарныхъ титуловъ, тогда какъ въ обращеніяхъ съ казаками оказывалъ презрѣніе къ какому бы то ни было титулу. Разинъ предлагалъ ему союзъ, требовалъ отъ него помоши и въ случаѣ отказа грозилъ, что онѣтъ придется къ нему въ гости, но уже не съ шестью тысячами, а приведеть съ собою двѣстѣ тысячъ войска. Шахъ приказалъ казачьимъ посламъ отрубить головы, а изутрѣности бросить собакамъ. Оставленнаго одного въ живыхъ онъ отправилъ къ Разину со своимъ отвѣтомъ, гдѣ называлъ Степана Тиаффескаго спицей, на которую онъ пошлетъ охотниковъ, чтобы они его живого или мертваго бросили на съѣденіе собакамъ. Разинъ, получивъ этотъ отвѣтъ, пришелъ въ ярость и изрубилъ несчастнаго ни въ чемъ не новиннаго казака и бросилъ его тѣло на съѣденіе воронамъ! ³⁾). А казакъ вѣроятно былъ несказанно рѣзъ,

¹⁾ Материалы къ Ист. Ст. Ряз., стр. 88.

²⁾ Костомаровъ. Бунтъ Степаны Разина, стр. 296.

³⁾ Тамъ же.

что избавился отъ смерти въ Персії.

Главные силы казаковъ направились по двумъ направлениямъ: отъ Сибирска на западъ по вышнимъ губерніямъ Сибирской, Пензенской и Тамбовской и къ сѣверо-западу по Сибирской и Нижегородской. Первая партия, отдѣлившаяся отъ Разина въ первыхъ числахъ сентября, направилась къ Корсуню подъ начальствомъ Мишки Харитонова. Другая часть подъ начальствомъ Максима Осипова — къ Алатырю. Фроль, братъ Разина, двинулся къ Дову и Запорожью поднимать на Москву казаковъ. Эти партии, распространяя прелестная грамоты, объявляли народу, что они идутъ въ русскіе города постыдъ за государя, идуть, чтобы побить бояръ, жечь ихъ и дѣтей и дома разорять. Легко представить, какое впечатлѣніе производили тогда эти рѣчи и письма. Все святое для народа было не тронуто: царь, церковь — были на казачьихъ знаменахъ; казаки, напротивъ, звали народъ заступиться за царя и церковь, защитить ихъ отъ крамольныхъ бояръ — послушниковъ царской воли, обманщиковъ царя и народа! И бунтъ запыталъ по всѣмъ волжскимъ городамъ, по всему району отъ Оки до Волги! Повторилось то, что мы видѣли тутъ во времена самозванцевъ: — крестьяне стали быть помѣщиками и толпами уходить къ казакамъ; заслышавъ ихъ приближеніе, народъ бросался на воеводъ и на приказныхъ людей, спускаль въ города казаковъ, съ радостью принималъ атамана вмѣсто воеводы. Вездѣ въодилось казачье устройство съ выборными атаманами. Воеводы, которые были „облахованы“ міромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, ихъ поднимали на конъя, — смерть, считавшаяся тогда въ высшей степени позорною; одобренныхъ — не трогали. Къ какъ и въ смутное время, поднялись всѣ восточные инородцы — мордва, чуваша, черемисы, татары. Вставали села, города. Вездѣ, гдѣ только показывались казачьи знамена и конскіе хвосты на шестахъ — значки старшинъ и атамановъ, народъ встанивалъ какъ одинъ и шель съ казаками. Всѣ приволжскія губерніи были въ рукахъ казаковъ. Московское правительство, имѣя мало постоянного войска и собирая его изъ ратниковъ — жителей областей, было въ затруднительномъ положеніи.

Ратники людей, которые шли по вызову въ полки, возставшіе крестьяне не пускали или убивали. Цѣлые отряды ратниковъ, уже собранные, не имѣли возможности идти по назначению, такъ какъ „воры дороги всѣ переняли и учивили по дорогамъ крѣпости и засѣки и заставы крѣпкія и многолюдныя, конныхъ и южныхъ людей не пропустятъ, побиваются до смерти.“ Особенно удачны были дѣйствія атамана Осипова: уже къ концу сентября въ его рукахъ находилась вся Сибирская и Нижегородская губерніи; тысячи толпы татаръ, мордвы и чуваша приходили къ нему со всѣхъ сторонъ и увеличивали шайку. Онъ шель уже къ Нижнему-Новгороду, откуда къ нему дважды присыпали посланцевъ и звали къ себѣ. Но въ это время къ нему прискакалъ гонецъ отъ Разина съ приказомъ ити на помощь со всѣми силами, т. к. его, Разина, князь Баратинскій побилъ подъ Сибирекомъ.

Получивъ въ Тетюшахъ полкъпленіе, Барятинскій 1-го октября появил-
ся у рѣки Сылги, въ двухъ верстахъ отъ Симбирска. По дорогѣ онъ че-
тыре раза долженъ былъ схватываться съ толпами возставшихъ внородцевъ
и крестьянъ и каждый разъ, послѣ упорного боя, пробивалъ себѣ дорогу.
Разинъ двинулся къ нему навстрѣчу и сошелся съ нимъ на двадцать сажень.
Произошелъ бой. Разину не повезло. Въ первой схваткѣ его „сорвали и
прогнали“. Разинъ пошелъ во второй разъ „со всѣми силами съ конными и
пѣшими людьми и съ пушками“, имѣя около двадцати тысячъ человѣкъ¹⁾.
Бой былъ жестокій. Бились въ рукопашную. „Люди въ людахъ избѣгали
и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная были въ притихъ²⁾“. Съ
ранняго утра до позднаго вечера длилась эта битва. Но Разину снова не
повезло. Казаки потерпѣли пораженіе. Самъ Степанъ Тимофеевичъ, наход-
ясь все время въ самомъ пылу боя, чуть чуть было не попался въ пленъ;
онъ былъ „рубленъ саблею и застрѣленъ изъ пищали въ ногу и едва ушелъ“.
Алаторецъ Семенъ Сиданъ Степановъ схватился съ Разиномъ въ рукопаш-
ную и повалилъ Разина, но подоспѣвшіе казаки убили богатыря. Къ вечеру,
послѣ жестокой сѣчи казаки были отброшены къ городу. Барятинскому доста-
лось 120 пленныхъ, четырнадцать знаменъ, ливавры и четыре пушки. Ка-
заки залерлись въ острогъ. Плохо чувствовалъ себя въ это время раненый
вороцкой атаманъ. Невеселыя души были у него въ головѣ. Онъ явно ви-
дѣлъ, что ему не разбить царскаго войска. А впереди предстояли еще бит-
вы,—битвы съ другими войсками, которыхъ могли подойти на помощь къ Ба-
ратинскому. Объ этихъ тяжелыхъ минутахъ лихого атамана сохранилась на
Ивѣ старинная казачья пѣсня.

„На стулѣ сидѣть нашъ батюшка вороцкой атаманъ—
Степанушка Тимофеевичъ по прозванию Разинъ синъ,
Передъ нимъ стоять старшой есаулъ.
Атаманъ есаулу сонъ разказываль;
— Что то маѣ, братъ, мало снался
И во снѣ миѣ много видѣлъ:
Сонадала съ меня, съ головы, куныя шапка,
Распоясался у меня золотъ колчанъ,
И разсыпались у меня калены стрѣлы.
— „Сонадала у тебя съ головы куныя шапка—
Это прошадеть твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотъ колчанъ—
То инѣ, есаулу, быть крѣпко рапену,
Разсыпались калены стрѣлы—

¹⁾ Материалы къ Исторіи ворм. Стен. Раз., стр. 63.

²⁾ Тамъ-же.

То казаки ваши, воры, разбойнички,
На побѣгъ пойдутъ!“¹⁾).

Вѣщему сну атамана пришлось сбыться 3 октября, когда Барятинскій сдѣлалъ мости у Свягы, подошелъ къ городу и освободилъ Милославскаго отъ осады. Соединившись вмѣстѣ, они напали на казачьи окопы и обозъ и отбросили казаковъ къ острогу. Ночью рѣшилась участь Разина; чтобы обмануть его, Барятинскій приказалъ полковнику Андрею Чубарову съ его полкомъ зайти за рѣчку Свягу и тамъ дѣлать окопки, какъ будто бы пришло новое войско. Разинъ поддался хитрости и до того растерялся, что рѣшилъ спасаться бѣгствомъ. Собравши приставшихъ къ нему астраханцевъ, царицынцевъ и симбирцевъ, онъ сказалъ имъ, чтобы они стояли у города и что самъ онъ съ казаками пойдетъ на воеводъ; между тѣмъ онъ винился съ казаками на суда и поплылъ внизъ по Волгѣ. Узнавъ о бѣгствѣ Разина, Барятинскій съ конными людьми вышелъ въ поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на обозъ и въ острогъ и разгромилъ оставшіеся безъ предводителя скопища. Больше 500 человѣкъ было взято въ пленъ. Заводчиковъ матежа четвертовали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги.

Потерявъ почти всѣ пушки, порохъ и свинецъ, Разинъ съ остатками своего войска, не болѣе 3 тысячъ казаковъ, спѣшно уходилъ на внизъ. Вѣжали сдѣломъ за нимъ и успѣвшіе вскочить на лодки жители низовыхъ городовъ. Все это, боясь погони, со страхомъ неслось во Волгѣ; жители уходили въ свои города и села. Лишь только у Самары Разинъ успокоился. Тутъ онъ сталъ рассказывать жилецкимъ людямъ, какъ пушки у него перестали стрѣлять и оттого онъ побѣжалъ на внизъ. Этими онъ самъ признался, что его чародѣйственная сила прошла, и самарцы не пустили его въ городъ. Еѣра въ Разинѣ была окончательно потеряна. Оказалось, что его такъ же, какъ и всѣхъ, берутъ и сабля и пиццаль, что и онъ такъ же боится смерти, какъ и простые люди. Обаяніе его стало исчезать. Прѣбывъ къ Самарѣ, часть лицъ казаковъ пошла домой. „Бѣзпѣчныхъ казаковъ пошло на Яикъ человѣкъ съ поэтораста—писалъ симбирскій воевода, а въ остатокъ ихъ на Самарѣ человѣкъ со ста, да и тѣ хотѣли итти на Яикъ-же; да на Самару же пришло съ Ики для проповѣданія вѣстей человѣкъ съ двадцать, а съ тѣмъ, которые пошли на Иикъ, разошлись и они хотѣть итти съ послѣдними людьми“²⁾.

Изъ Самары Разинъ поплылъ въ Саратовъ. Здѣсь его тоже не пустили и онъ вынужденъ былъ сѣсть дальше. И вотъ съ остатками своихъ казаковъ онъ появился на Дону. До сихъ поръ молчавшая партія старшинскихъ казаковъ заговорила. Донъ не поднялся на его защиту. Въ февралѣ 1671 г. онъ подошелъ было со всѣю партіею къ Черкаску, но его не пустили; озлобленный онъ отошелъ къ Кагальницкому городку, гдѣ и засѣлъ, угрожая,

¹⁾ Соч. И. И. Жолдунова, Уральцы, часть 1.

²⁾ Материалы для Истор. возм. Ст. Раз., стр. 206 и 212.

что возвратится и изведетъ всѣхъ.

Разина предали эпифемѣ, во волненіи къ губерніяхъ не затихали. Тамъ образовывались крестьянскія шайки и съ толпами казаковъ вели беспорядочную партизанскую войну съ московскими войсками. На съверѣ усмирять бунтъ князь Юрий Долгорукій, въ Тамбовской губерніи воевода Яковъ Хитрово, а въ новизовскихъ городахъ князь Барятинскій который, просидѣвъ въ Симбирскѣ около мѣсяца, двинулся внизъ по Волгѣ. Разрозненные и лишенные связи крестьянскія толпы были разбиваемы по частямъ. Описывать подробно волненія въ городахъ и иѣ усмирение воеводами въ настоящемъ очеркѣ не представляется возможнымъ, т. к. это составило бы особый большой трудъ, при чёмъ предъ читателемъ прошли бы длинной веревицей картины безпрерывныхъ боевъ, стычекъ, казней пойманныхъ „воровъ“, поля, залитыя кровью избиваемыхъ мятежниковъ, разоренные деревни и цѣлыхъ волости—картины, похожія одна на другую и не отличающіеся другъ отъ друга ничѣмъ. Жертвами казацкой расправы являлись приказные люди и поимѣщики, жертвами же воеводъ были массы темнаго и беззащитнаго люда. Они гибли тысячами. Не было села, не было деревни гдѣ бы не мучились посаженные на колъ жертвы боярской расправы, гдѣ бы не было повѣшанныхъ и четвертованныхъ „воровъ“.

Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ висѣло на висѣлицахъ по пятидесяти и больше человѣкъ; посаженные на колъ „воры“ жили дни по три и говорили... Адѣ быть на тѣхъ мѣстахъ гдѣ проходили отряды войскъ—зарево пожаровъ освѣщало ихъ шествія, трупами возставшихъ были устланы поля. Стонь и вопли осиротѣлыхъ семействъ были спутниками этихъ отрядовъ. Одинъ только князь Долгорукій казнилъ болѣе одиннадцати тысячъ человѣкъ! ¹⁾ Кровавыя расправы Разина блѣдаются предъ этими казнами. Изъ характеристики того времени можно лишь указать на иѣкоторые документы, рисующіе началь взглѣды казаковъ на происходившія события. Эти взглѣды особенно ярко выражаются въ такъ называемыхъ прелестныхъ письмахъ и въ перепискѣ между казаками. При осадѣ Тамбова атаманъ Михаилъ Харитоновъ, привывалъ къ себѣ на помощь казаковъ, бывшихъ у Челнавска пишетъ имъ такой приказъ:

«Великаго войскаго донскаго и яїцкаго, и запорожскаго отъ атамановъ отъ Михаила Харитоновича, да отъ Максима Дмитревича, да отъ Михаила Китаевича, да отъ Генриха Нѣфедьева, да отъ Артемія Чиркова, да отъ Василья Шилова, да отъ Кирилла Лаврестьевы, да отъ Тимофея Трофимовича въ Челнавской атамананѣ молодцовъ и всему великому войску, послали мы къ вань казаковъ Лысогорскихъ Сидора Леденева да Гаврилу Волдирева, для собрания и совѣту великаго войска; а мы нынѣ въ Тамбовѣ ноября въ 9-й день иѣ сконѣ, у насъ войскова силы сорокъ двѣ тысячи, а пушекъ у насъ—двадцать, а зелья у насъ полъ пястаста (450) и больше пуль; и кой часъ

¹⁾ Бровинскій. Истор. Донскаго войска, т. 1, стр. 175.

къ вамъ сія память придетъ и вамъ бы пожаловать атаманы и молодцы,— собрався ъхать къ намъ на помощь съ пушками и съ зельемъ безо всякаго мотчанья днемъ и ночью на спѣхъ, а писаль къ намъ изъ Органасу донской атаманъ, что наши казаки князь Юръя Долгорукова побили со всѣмъ его войскомъ, а у него было пушекъ сто двадцать, а зелья тысячла пятьсотъ, да пожаловать бы вамъ *порадъть за домъ Пресвятая Богородицы и за великаго государя и за батюшку за Степана Тимофеевича и за всю православную христіанскую вѣру*; потомъ вамъ атаманы-молодцы атаманъ Тимофей Трофимовичъ *человѣкъ быть, а буде вы къ намъ не пойдете съ собраниемъ на совѣтъ и вамъ быть отъ великаго войска въ казни въ женамъ вашемъ и дѣтамъ быть порубленымъ и дома ваши будуть разорены и животы ваши остатки взяты будуть на войска*¹⁾".

Въ этомъ посланіи мы видимъ, что казаки идутъ за государя, за церковь и за своего атамана Степана Тимофеевича Разина, видно также, что казаки стараются всѣми силами показать, что у нихъ и войска и пушки и зелья очень много, и даже побѣду надъ княземъ Долгорукимъ, можетъ быть, весьма незначительную, раздули, какъ побѣду рѣшительную,—бой, въ которомъ на сторонѣ ихъ противника было сто двадцать пушекъ—количество невѣроятное для тогдашней полевой и тѣмъ болѣе партизанской войны. Замѣчательно также выраженіе вместо войска—„войскѣю“, „войскова“—съ этимъ словомъ мы встрѣтимся и далѣе. Изъ другихъ подобныхъ документовъ не видно, чтобы такъ называли казаки вообще войско. Это слово всегда употребляется у нихъ лишь при обращеніи къ казачьему войску, но всей массѣ войска.

Не менѣе любопытствъ и другой документъ; но уже тутъ казаки пишутъ не къ своимъ товарищамъ, а къ стрѣлецкому головѣ Якову Дементьевичу, заставшему въ Челнавской острожкѣ и захватившему въ пленъ посланаго съ прелестнымъ письмомъ казака Татаринова.

.Отъ великаго войскаго чеснаго и грознаго донскаго, и яицкаго, и запорожскаго, писали казаки головѣ, отъ атамановъ войсковыхъ отъ Кириллы Лаврентьевича, да отъ Тимофея Трофимовича, да отъ Садора Тимофеевича, да отъ старшины отъ Петра Осиповича, да отъ Корнея Степановича память въ Козловскій уѣздъ въ Челнавской острожкѣ стрѣлецкому головѣ Якову Дементьевичу и стрѣлецкимъ пятидесятникамъ и рядовымъ стрѣльцамъ; какъ къ вамъ сія память придетъ и вамъ бы пожаловать отдать нашего человѣка, котораго вчера ухватили у насъ Сенку Татаринова, а мы было вчера съ вами съѣхались поговорить о добромъ совѣтѣ, а того мы человѣка послали къ вамъ поговорить надѣючись; а буде вы, Яковъ Дементьевичъ, того Сенку Татаринова намъ не отадите и какую надѣнь трату учините и вами-бы на насъ не пенять и ггѣву на насъ не держать,—мы у васъ за одного человѣка показаемъ вашихъ козловцевъ человѣкъ сто и больше, дома ваши все

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст., Московскій столъ, столбецъ № 441, листы 124 и 125.

пожмемъ безъ остатку и жены ваши и дѣти будуть всѣ порублены и тебѣ-бы Яковъ Дементьевичъ пожаловать противъ сей отчины—бъ намъ тоже отвѣтать; потому вами членъ бывъ¹⁾).

Въ этомъ документѣ и тонъ другой. Тутъ войско названо честнымъ и грознымъ. Атамановъ три по числу войскъ,—изъ нихъ Тимофей Трофимовичъ—вѣроятно яцкій атаманъ:—второй по порядку, какъ и яцкое войско.

Усмиря буать, воеводы въ отвѣтъ на воровскія прелестныя письма посыпали въ народъ свои увѣщевательныя грамоты. Всѣ они носятъ одинъ и тотъ же характеръ. Какъ обращаютъ, привожу грамоту одного изъ начальниковъ за-рательного отряда Феофилъ Бобровича.

„Божию Милостію великаго Государа Цари и вел. кн. Алексія Михаиловича (титулъ) и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и южныхъ отчизна, и дѣдича, и наследника, и Государя, и обладателя его Царскаго Пресвѣтлаго Величества воевода Феофилъ Тимофеевичъ Бобровичъ—въ православной христіанской вѣрѣ заслуженнымъ, а именемъ прелестію богоотступника вора Стенки Разана, вскихъ чиновъ прельщеніемъ людемъ русскимъ и чувашамъ и черемисе. Что въ сие шатастеся и по что помышленія входатъ въ сердца ваша—видите милость великаго Государа (титулъ) и не разумѣете? Милосердуетъ вел. Гос. о васъ, яко грѣхъ ради бысть сіе и радуется, также возрадовался Христосъ о единомъ погибшемъ очати, нежели о десети здравыхъ; великая радость и на небеси о единомъ кающемся грѣшице ангеломъ бываетъ. Въ грамотѣ вел. Госуд. Царя (титулъ) написано ко мнѣ:—Воровскихъ людей отъ воровства отводить и всячески имъ наговаривать, чтобы отъ шатости и отъ воровства отстали и служили великому Государю попрежнему, а по милосердному христіанскому, всемилостиваго Государа нашего Царя (титулъ) указу послалъ я къ вамъ во слідѣтельство истиннаго Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества за Царственными красными печатями гра-моты,—дѣды и отцы ваши страдали и смерть не почто виѣшили за дѣлъ Божій и Пресвятаго Богородицы и за великихъ Государей Московскихъ, а вы како не помните, хотя-бы и головы положить намъ за его великаго Государя; милость а не яростъ великаго Государя позиѣщаю намъ, что бѣгаетъ обратится? а Богъ мира будеть съ вами и великаго Государя милость поз-сїаетъ вамъ. Воевода Феофилъ Бобровичъ²⁾.

Среди многихъ предводителей шакѣ особенно выдѣлились свою неуловимостью Тимниковскій поинъ Сава и „воръ-еретикъ-старица“. При распросѣ съ пытки подъ огнемъ она сказала: „Меня зовутъ Алена, родомъ изъ пыѣздной Арзамасской слободы крестьянская дочь, была за мужемъ за крестьяниномъ-же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нынѣшнемъ году пришла я изъ Арза-

¹⁾ Москвск. Главн. Арх. Инн. Юст., Московскій столъ, столбецъ 441, листъ 126.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Инн. Юст., Московскій столъ, столбецъ 441, листъ 350.

маса въ Темниковъ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ пими воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атамакомъ Федькою Садоровымъ и учала его вѣдовству¹⁾). Пона съ товарищами повѣсили, а богатыря вѣдьму сожгли въ струбѣ, какъ еретицу вмѣстѣ съ чародѣйницами бумагами и кореньями.

Пока воеводы усмирили бунтовавшихъ крестьянъ, Разинъ все время сидѣлъ на Дону. Онъ былъ отважнымъ и безшабашнимъ казакомъ, но плохимъ воеводой. Потерявъ половину лѣта въ Астрахани, потомъ застрявшемъ въ Сибирскѣ, онъ не сумѣлъ воспользоваться неподготовленностью Москвы и даль время сосредоточить войска; допустивъ разбить себя подъ Сибирскомъ, онъ сразу упалъ духомъ и послѣ первой неудачи бросился спасаться на Донъ. Между тѣмъ войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ спосился съ Москвою, какъ бы промыслить надъ Стелькою. Въ Москвѣ-же, въ недѣлю православія, Разину прокричали знафѣю и послали старого нашего знакомаго стольника Косагова на Донъ съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгуны. Старшинскіе казаки подступили къ Кагальницкому и 14 апрѣля сожгли его и скватили Разина вмѣстѣ съ его братомъ Фроломъ. Среди имущества Разина были взяты три аргамака и три ковра на золотѣ—это была добыча, доставшаяся ему за дуванъ при взятии на Каспійскомъ морѣ судна персидскаго шаха, на которомъ находились аргамаки, посланные имъ въ подарокъ къ московскому государю. Послѣ взятія Разина на Дону была спаружена станица и войсковой атаманъ Яковлеевъ повезъ Разина и брата его Фрола и отбитыхъ царскихъ аргамаковъ въ Москву. Медленно двигалась станица, только 21 мая она пришла въ Курскъ, откуда съ предачею стрѣльцовъ Яковлевъ побѣжалъ дальше²⁾). Къ Москвѣ онъ привезъ Разина лишь 4 июня.

Услышавъ о прибытии Разина въ Москву, толпы народа вышли за городъ на встречу знаменитаго атамана, вма которого много лѣть не сходило съ устья всего русскаго люда. Не дѣжная до столицы иѣсколько верстъ съ Разина сняли его пышное и богатое казацкое платье и одѣли въ лохмотья. Его посадили въ специальную сдѣланную для него въ Москвѣ большую телѣгу съ висѣлицею и приковали за шею къ перекладинѣ, а руки и ноги прикрепили цѣнными къ телѣгу. Фрола же приковали цѣнью въ той же телѣгу и онъ долженъ былъ бѣжать сзади, какъ собака.

Въ такомъ положеніи пришлось Разину бѣхать среди московскихъ улицъ. Но онъ былъ хладнокровенъ, глаза его были опущены, онъ какъ будто старался, чтобы никто не могъ прочитать того, что у него было на душѣ.

Въ Москвѣ его съ мѣста понесли къ пыткѣ. Но среди страшныхъ муки онъ не издалъ ни одного звука. Лихой атаманъ умѣлъ воровать, умѣлъ и отѣвать держать.

¹⁾ Матер. изъ ист. позм. Ст. Раз., стр. 107—108.

²⁾ Моск. Глазн. Арх. Мин. Истинн., Московск. столъ, столб. 445, столицк. I, листы 8—11.

Первая пытка была кнутъ — говорить Костомаровъ¹⁾ — толстая ременная полоса въ палецъ толщиною и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачъ садился за ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ суставовъ и становились кровень съ головою, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лоджалось, открывались азы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни, и ужъ, конечно, палачъ не оказывалъ состраданія къ такому подсудимому. Но Стенька все испустилъ стона. Всѣ стоявшіе около него дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно и положили на горячіе уголья. Стенька молчалъ.

Ему дали розыскъ. Принялись за Фрола. Болѣе слабый онъ началъ извѣсывать крокки и воини отъ боли.

— Экая ты баба! — сказалъ Стенька. Всемнн наше прежнее житѣе; долго мы прожили со славою; новелѣвали тысячами людей; надобно теперь бодро переносить и несчастье. Что, это, развѣ, больно? Словно баба уколола!

Стеньку припяялись пытать еще одиимъ родомъ мученій. Ему обрили ма-
кушку и оставила виски.

— Вотъ какъ! — сказалъ Стенька брату: — слыхали мы, что въ цепы ученыхъ людей ставить, а мы, братъ, съ тобой простаки, а и вѣсъ постригли!

Ему начали лить на макушку по каплѣ холодной воды. Это было мученіе, противъ котораго никто не могъ устоять: самая твердая натура терзали пра-
сутствіе духа. Стенька вытерпѣлъ и эту муку и не произнесъ ни одного стона.

Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не доминаетъ, начали Стеньку колотить со всего раз-
маха по ногамъ. Степанъ молчалъ.

Богатырская, желѣзная натура лихого атамана не поддавалась ни однѣ
пыткѣ. Два дня изучили братьевъ, но отъ Степана ничего не добились.

На третій день, 6 июня, ихъ повели на казнь. Тысячи народа стеклись
на это зрѣлище. При чтеніи приговора, гдѣ излагались всѣ преступленія Ра-
зина, онъ стоялъ спокойно съ гордымъ видомъ. Но окончаніи чтенія, когда
палачъ взялъ его подъ руки, Разинъ, повернувшись къ церкви Покрова Прे-
святаго Богородицы, перекрестился и, поклонившись на всѣ четыре стороны,
сказалъ народу: „простите!“

Палачъ положилъ его между двухъ досокъ и отрубилъ ему вначалѣ правую
руку по локоть, потомъ лѣвуу ногу по колѣно. Но атаманъ при этихъ страда-
ніяхъ, какъ и при пыткѣ, не издалъ ни одного стона, не показалъ взаза,
что чувствуетъ боль, какъ будто палачъ рубилъ не живого человѣка, не жи-
вое тѣло, а трупъ или дерево.

Глядя на брата, на его ужасную смерть, Фроль не выдержалъ.

¹⁾ Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, стр. 340—341.

— Я знаю слово государево! — закричал онъ.

Разинъ, услышавъ это, разсвирѣбѣлъ.

— Молчи, собака! закричал онъ на Фрола.

То были послѣднія слова жалѣзного человѣка. Налачь отрубилъ ему голову. Его голову и тѣло, разсѣченное на части, воткнули на колья, а внутренности бросили собакамъ на сѣденіе, какъ говорятъ Костомаровъ¹⁾), но по народному преданію, изсѣченное тѣло атамана было сожжено и попель выстрѣленъ изъ пушки.

Фрола сняли съ ашафота и снова повели въ застѣновъ. Когда меня пытали во вскихъ воровствахъ, — говорилъ онъ подъ пыткой, — и въ то время я въ торопахъ и отъ многой лытки въ память не пришелъ, а вныѣ озамѣтовался и скажу про все, что у меня въ памяти есть. Когда братъ Стенька Астрахань взялъ, то взятые съ бухарского двора говяды — шелкъ, сафьянъ и синѣаки отдали изъ сбереженіе астраханскому митрополиту. Всѣ сисьма, какія были у Стеньки, онъ собралъ, поклалъ въ кубинъ въ девежій и засмола закопалъ въ землю на островѣ рѣки Дона, на урочищѣ на Прорвѣ, подъ вербомъ, а та верба кривы по середѣ и около ея густыя вербы. А остальные вещи находятся на храненіи на Царицынѣ у посадскаго человѣка у Дружинки Потапова: — городъ коставой, тотъ городъ сдѣланъ образцомъ какъ Царьгородъ, а взять онъ у князя Семена Львова, у него-же судакъ, а въ немъ дороги и златые сто пять кафтановъ драгильныхъ, три зарбалова, а дороговъ пятьдесятъ²⁾ Новаго Фроль едвали что сказали, во все-же онъ былъ спасенъ отъ казни — его сослали за вѣчное тюремное заключеніе.

Внослѣдствіи, въ сентябрѣ того-же года, казацкій атаманъ съ выборными казакамиѣздили искать этихъ писемъ на островѣ, пробовали землю щупами и ничего не нашли³⁾.

Волновавшіяся губерніи были усмирены. Осталось покончить съ Астраханью, гдѣ бунтъ былъ еще въполномъ разгарѣ. Но въ виду того, что язїціе казаки совершенно не принимали участія въ этихъ событияхъ, описывать ихъ подробно не представляется нужнымъ.

Васъка Усть съ донскими казаками и оказавшимися горожанами и стрѣльцами сидѣлъ въ Астрахани всю зиму и все слѣдующее лѣто.

Больше года неистовствовалъ казакъ въ Астрахани, убили много начальникъ и подозрительныхъ для нихъ людей, жестокія расправы шли перемежаясь краткими отдыхами отъ убийствъ. Не удовольствовавшись избѣженіемъ мірянъ, они убили и митрополита Госифа, — это было одно изъ послѣдніихъ зѣвѣствъ опьянявшихъ отъ крови казачьихъ коноводовъ. Въ немъ они имѣли главнаго противника всѣхъ своихъ дѣлъ и вотъ, собравшись въ кругъ, 11 мая они потребовали его къ себѣ. Митрополитъ былъ за проскомидію въ соборѣ.

¹⁾ Костомаровъ „Бунтъ Стеньки Разина“, стр. 342.

²⁾ Материалы къ Истор. возм. Стень. Раз., стр. 200—201.

³⁾ Костомаровъ „Бунтъ Ст. Раз.“, стр. 363.

— Добро,— отвечалъ митрополит,— вотъ я облачусь во всю святительскую одежду,— и пошелъ въ алтарь облачаться, и келѣль благовѣстять въ колоколь, чтобы собирались священники ити съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ. Войли въ кругъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ сиѣло спросилъ Уса:

— Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?

Усъ обратился къ казаку, который только что прїехалъ отъ Шелудака съ извѣстами на Іосифа.

— Что ты сталъ? выступай! съ чѣмъ прїехалъ отъ войска— говори теперь!

Казакъ вышелъ.

— Приславъ я отъ войска,— говорилъ онъ,— что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и Дономъ и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.

— Я съ ними не переписывался,— отвѣчалъ Іосифъ,— а хотя бы и переписывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвой; я и вамъ говорю, чтобы и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ не понравился голытьѣ.

— Что онъ таитъ свое воровство, что не перенимывается будто!— закричали въ кругу,— какой онъ правый человѣкъ? Что онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ? Мы вѣдь и сами христіане, а онъ будто пришелъ къ изовѣршенымъ!

Болѣе дерзкіе стали выходить изъ круга, чтобы снять облаченіе. Но одни изъ казаковъ Мироно не выдержали и рванулся на защиту митрополита.

— Что вы, братцы, на такой великой санѣ хотите руки поднять? Намъ въ такому великому сану и прикоснуться нельзя!

Но въ-отвѣтъ на это казакъ Грузинкинъ и самые отчаянные воры сквиши Мироно, выволокли изъ круга и изрубили. Мирона убили, по его словамъ произвели страшное дѣйствіе. Казаки оцѣнѣли и не смѣли дотронуться до митрополита. Они стали приступать съ руганью къ священникамъ.

— Снимайте съ митрополита санъ! онъ снималь-же и съ Никона патріарха санъ!— кричали изъ толпы.

Тогда Іосифъ самъ снялъ съ себя языру и, обратившись къ протодіакону, сказалъ:

— Что же ты сталъ, не разоблачаешь? Ужъ пришелъ часъ твой!
Протодіаконъ съ ужасомъ снялъ ехофоръ, снялъ санкюръ.

Тогда казаки выбили духовенство изъ круга, говоря: „Дѣла нѣть!” и повели митрополита въ пороховой дворъ.

Пошло съ нимъ человѣкъ двадцать, самые отчаянные головорѣзы. Съ ними былъ наездъ князя Семена Львова, Ларка, котораго приготовили для казни матежниковъ, но ему пришлось казнить господь. Раздѣль митрополита, Ларка связалъ ему руки и ноги, продѣль между рукъ и ногъ бревно и положилъ на огонь. Бѣглый солдатъ Семенъ Сука наступилъ ему на брюхо ногою и говорилъ:

— Скажи, съ кемъ ты переписывался?

Митрополитъ вмѣсте съѣтъ, лежа на огнѣ, громко читалъ молитвы и проклиналъ палачей.

Его повернули вверхъ спиной. Сука началь мать ему ноги.

— Говори, гдѣ твое имущество?

— У меня есть никакого имущества, — отвѣчалъ старикъ.

— А сколько у тебя казны?

— Всего полтораста рублей.

Обожженного, изувѣченного Иосифа сняли съ огня, надѣли на него раску и повели на казнь. Отъ страшной боли онъ едва могъ двигаться.

— На раскатъ! на раскатъ! кричала толпа. Митрополитъ шелъ mano того места, где лежалъ убитый за него казакъ Миронъ. Иосифъ наклонился къ нему и благословилъ его.

Митрополита взвели на раскатъ, посадили на край и хотѣли сбросить. Но Иосифъ испугался послѣдней минуты и ухватился за стакивавшаго его Алешку Грузинкина и чуть было не увлекъ въ его съ собою. Тогда казаки положили его бокомъ и столкнули. Это были самые отчаянные воры во главѣ съ Грузинкинымъ. Стоявши внизу раската остальные казаки со страхомъ ждали развязки и когда, наконецъ, тѣло Иосифа ударилось о землю, казакъ послышался страшный стукъ, они обомлѣли и минутъ двадцать стояли въ глубокомъ оцепенѣи. Но страсти разошлись; вслѣдъ за Иосифомъ казвили уцѣлѣвшаго князя Семена Львова. Тѣло митрополита было внесено священниками на коврѣ въ соборъ. Его спина и животъ были покрыты черными пятнами и пузьрами отъ огня; борода и волосы опалены; голова разбита. Готовились его хоронить, но въ это время въ церковь вошла толпа казаковъ и закричала.

— Попы, идите въ нашъ кругъ! все идите сейчасъ.

Они поклонились. Въ кругу Васька Усъ приказалъ читать подьячему составленную казаками бумагу.

Мы, атаманы — читалъ подьячій — и все казаки донскіе и астраханскіе и черскіе, и гребенскіе казаки, пушкари, и затинщики, и посадские люди, и съ гостинного двора торговые люди написали между собою письмо, что жить здѣсь въ Астрахани къ любви и совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побывать и стоять другъ за друга единодушно, и ити имъ вверхъ и побивать и выводить измѣянниковъ бояръ¹⁾.

— Привлаждайте руки, попы, и за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей! закричалъ Усъ.

Подъ страхомъ казни священники подписались.

Въ этомъ постановлении объ лицѣхъ казакахъ не говорится ни слова, да и трудно себѣ представить, чтобы лицѣе казаки, цѣлью которыхъ, глав-

¹⁾ Акты Ист., т. IV, стр. 438.

вымъ образомъ, былъ промыселъ — оставались бы все лѣто и всю зиму въ полномъ бездѣйствіи въ Астрахани. Это было бы противно ихъ желаніямъ. Сидѣть они могли и на Яикѣ, тамъ по крайней мѣрѣ они могли заработать на рыбныхъ ловляхъ, наконецъ могли погулять и на синемъ морѣ; въ астраханской сидѣніи ихъ не было ни одного человѣка.

Астраханскій невѣстовства всталъ конецъ съ пребытіемъ къ Астрахани воеводы Иллія Милославскаго, того самаго, который сидѣлъ въ Симбирскѣ въ Кремль.

Подойдя къ Астрахани въ концѣ августа, Милославскій только 27 ноября имѣлъ возможность занять городъ и то лишь благодаря прибывшему къ нему на помощь съ черкесами князю Каспулату Мудаловичу Черкасскому, которому удалось выманить изъ города Шелудака, занимавшаго мѣсто атамана послѣ умершаго отъ „червивой“ болѣзни Уса.

И лишь только лѣтомъ слѣдующаго 1772 г. явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы. Главные заводчики Фелька Шелудакъ, Алешка Грузинкинъ, Феофилка Колокольниковъ, Красулянъ были повѣшены; Корнилко Семеновъ, у которого нашли заговоры, былъ сожженъ, какъ еретикъ, другіе отправлены на службу въ верховые города.

* * *

Бунтъ былъ задавленъ. Были потушены послѣднія искры чутежа, охватившаго всю восточную Русь. Но искры эти незамѣтно тлѣли цѣлые десятки лѣтъ и народное недовольство слова вспыхнуло — снова ожила Разинъ, но уже не на Дону, а на Яикѣ. Подъ именемъ Пугачева, черезъ сто лѣтъ послѣ своей смерти, онъ всколыхнулъ Россію и снова поднялъ обездоленный народъ за бояръ и помѣщиковъ.

Разинъ умеръ, и пепель его развеялся по вѣтру, но въ народныхъ массахъ не умеръ его богатырскій обликъ; батюшка Степанъ Тимофеевичъ все еще живеть въ народѣ. Мрачныя картины казацкихъ авѣрстий забыты народомъ памятью; народъ запомнилъ только слану своего „батюшки“, запомнилъ его удаль и богатство и обѣщаю дать иѣнную волю. Его богатырскій размахъ, не знавшій, казалось, предѣла, его вольнамъ, разудала жизнь — глубоко засѣли въ народной памяти и сказания о его подвигахъ, легенды о его славѣ и иоши переходить изъ уста въ уста отъ одного поколѣнія къ другому. Въ нихъ Разинъ является то безграниціемъ казакомъ богатыремъ, у которого даже самъ Илья Муромецъ оказывается только въ есаулахъ; то прикрашенный народной фантазіей онъ олицетворяетъ собою народнаго борца за волю, для котораго не было преграды ни въ чёмъ. Онъ колдунъ, онъ чародѣй, котораго не беруть ни пушка, ни сабля, не держать ни стѣны, ни цѣпи. Лишь въ сундукахъ, едва уловимыхъ наложахъ о кровавыхъ жергвахъ и неистовствахъ Разина, дошедшихъ до народа, онъ видѣть и не мѣлъ великаго грѣхоплика, котораго ни земля, ни небо не принялъ, который не умеръ, а живетъ гдѣ то далеко за моремъ въ вѣчныхъ нукахъ.

Такими легендами полны приволжской области. Одно изъ преданий, сохранившихся на Иже, говорить о Разинѣ какъ о великому гравилѣ. Это преданіе, записанное И. И. Жельзиновымъ, говорить о встречѣ Разина солдатиками одного изъ „безвестныхъ“ кораблей на необитаемомъ островѣ среди неизвѣстного имъ моря. Изголодавшись солдата вышли на этотъ островъ и надѣждѣ найти пищу.

„Много-ли, мало-ли ходили они по горамъ,—рассказывалъ казакъ—да и ваткаулись въ избушку или землянку—все одно: не то изба, не то нора вырыта въ горѣ, одна дверь да маленькое оконечко съ пузиремъ,—вотъ и все. Всюда они въ избушку и видѣть: въ переднемъ на лавкѣ лежитъ человѣкъ, не молодой да и не старый, а такъ себѣ „сердовицъ“, на немъ красная ликандровская рубаха, козловые сапоги съ кисточкой на голенищахъ,—значить, щеголь какой взбудь. Глаза у этого человѣка закрыты, а самъ онъ такой худой, такой блѣдный, что твой мертвѣцъ. Сначала они подумали, что ось мертвый, а какъ немножко всмотрѣлись, увидали, что спитъ. Не трогая его, солдатики то же секунду бросились къ печкѣ и на шесткѣ въ горшѣ нашли не то кашу, не то кисель, Богъ знаетъ что, не могли разобрать да и никогда было разбирать,—вѣдь голодъ не свой братъ, а у нихъ съ голову кожа трещала,—шутка-ля! три—четыре дня были не ѣши. Покамѣстъ возились они около горшка, ходили-то просвистели, сѣль на лавку, да и говорить имъ тихонько по Россійски: „вы, братцы,мотрите... во много Ѣште этой циши: не хороша она для неправичнаго человѣка“...

Услыхавши Россійскій языкъ, солдатики обрадовались, пуще не звай чего; бросили Ѣду, подбѣжали къ неизвѣстному человѣку, да въ одинъ голосъ и сказали:

— Неужто мы въ Россійской землѣ?

Шокачаль этотъ человѣкъ головой, да и сказалъ:

— Нѣтъ, родимые: эта земля турскаго султана.

— Да ты-то кто?—спросили солдатики.

— Я, говорить онъ, Степанъ Разинъ: слыхали, чай, о богоизбранныхъ дѣлахъ моихъ.

Тѣхъ такъ и опшеломило.

— Вамъ диво это?—говорить онъ.

Тѣ ничего не говорятъ, только блѣдиютъ, да пучать глаза на человѣка, что Разинъ назвался.

— Вы не бойтесь,—говорить онъ.—Хотя я и настоящій Разинъ, но ужъ не тотъ, что въ мое время разбойничалъ на православной Русѣ и творилъ всякое беззаконіе въ угоду врагу рода человѣческаго, сатанѣ треклятому: теперь я совсѣмъ иной человѣкъ. Присадьте-ка и выслушайте меня, родимые, и послѣ

позвольте миру, какъ тяжело и горько скаженному грѣшику отвѣтъ давать за дѣла безбожныя.

И говорить это Разинъ тихо, плавно, смиренно, внятис, словно какой начетникъ по книгѣ иль-бо изъ книги. Солдатики отудобѣли, присѣли за скамеекѣ супротивъ Разина. И онъ сталъ имъ говорить:

— Отъ начала міра и до сегодня не было ни въ человѣкахъ—человѣка, ни въ звѣрахъ—звѣри, ни въ зміахъ—змія, ни въ гадахъ—гада, подобнаго мнѣ, не было ни единой на свѣтѣ твари, коя-бы равнялась со мной по злобѣ и лютости: я всѣхъ превышилъ!... Многое-множество прорили я крови христіанской, многое-множество загубилъ душу не новинныхъ. Мало того: я царю благовѣрному изиѣниль, надъ вѣрой православной надругался, отъ Бога истиннаго отрекся, сатанѣ треклятому предался—вотъ за то мучусь и страдаю теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анафемѣ, и потому, какъ поймали, казнили, тѣло мое на огнѣ сожгли, а прахъ развеяли по вѣтру. Но этимъ дѣло не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, еретика, душу свою и тѣло отдавша сатанѣ, меня ни въ рай не пропустили, ни въ адъ не приняли; отъ меня и земля, и вода, и огонь, и воздухъ съ вѣтрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прахъ мой собрала и оживила, и вотъ въ сіи мѣста уединенные поселила. Здѣсь я буду жить до второго пришествія, до Суда Страшнаго, тогда судьба моя окончательно рѣшится, тогда и музу миѣ положутъ настоящую, по дѣломъ моимъ, какую заслужилъ. Теперь же пока тиранятъ меня два змія ужасные. По Божьему велѣнию въ мѣсяцъ разъ они приползаютъ ко мнѣ и сосутъ кровь изъ меня, почти всю до капли высасываютъ. Однѣ запустить жало подъ мышку, а другой подъ другую, и такимъ образомъ точутъ кровь мою. Третьего дня они у меня были,—вотъ и раны, посмотрите, не зажили еще, а черезъ двадцать сень—восемь день, какъ я поправлюсь, кровью то соберусь, они опять приползутъ. И вотъ такимъ то родомъ мучусь я цѣлыхъ полтораста лѣтъ, не умираю и не умру, до Христова пришествія не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимаетъ... вотъ что! А всего горше для меня бываетъ въ тѣ дни, когда въ церквяхъ анафему мнѣ провозглашаютъ.

— Питаюсь я глиной: есть неподалеку отсюда, въ одной горѣ, такая глина, что похожа на муку, говорить Разинъ, варю ее, эту глину, въ водѣ, и изъ того выходить какой-то кисель, что сейчасъ и выпѣли. Сначала пища эта мнѣ не нравилась, какъ грузило ложилось въ животъ, а потому мало-по-малу стала привыкать къ ней, и вотъ ужъ полтораста лѣтъ витаюсь—и ничего!

— Я выдаю извѣдь, что по близости меня люди ходятъ, но ни меня, ни избушки моей не замѣ чаютъ: невидимая сила, значитъ, закрываетъ. Вотъ въ первые увидали и зашли ко мнѣ: значитъ, невидимая сила надъ вами склонилась, чтобы вы не умерли съ голоду. По утреинамъ и по вечерамъ 20-

рамъ я слышу отсюда на солнечномъ восходѣ колокольный звонъ: значить, тамъ городъ христіанскій или село есть, въ землѣ турскаго султана и христіане живутъ. Отуйте въ ту сторону. И точно, солдатики въ тотъ же день къ вечеру пришли въ селенье, гдѣ жили греки, что турскому султану подвластны; отъ нихъ уже, чрезъ сколько-то времени, и выпили они изъ Русь святую¹⁾.

¹⁾ Соч. И. Н. Жаковъ, „Уральцы“, ч. 1. стр. 58—61.

ГЛАВА XVI.

Продолженіе службы казаковъ въ украинныхъ городахъ. Первый и второй Чигиринскіе походы. Походъ подъ Киевъ. Морской набѣгъ Васьки Касимова. Усмирение башкирскаго бунта. Появленіе киргизъ на Яикѣ. Преданіе о Харько (1666—1682 г.)

Нослѣ польской войны 1653—66 года Малороссія не успокоилась. Тамъ все время продолжались распри между отдельными партіями. Казаки раздѣлились: одни хотѣли быть подъ властью Польши, другіе—Москвы. Борьба между партіями шла безпрерывно.

Все время послѣ войны съ Польшой донскіе и ямщицкие казаки Бѣлгородскаго полка служили въ малороссійскихъ городахъ, то участвуя въ бояхъ съ нежелавшими подчиниться Москвѣ малороссійскими казаками, то въ безпрерывныхъ походахъ. Изъ членовъ казаковъ видно, что они были въ это время въ осадѣ въ Кременчугѣ и отбили приступы Луговскаго гетмана, полковника Богуна; за выручку Кременчуга вышелъ изъ Бѣлгорода Ромодановскій и послѣ дневного боя пробился въ городъ и выручилъ гарнизонъ. Въ это же время съ весны 1669 года малороссійскій гетманъ Брюховецкій открыто всталъ противъ Москвы, и запорожцы, соединившись съ крымскимъ ханомъ Нурадиломъ, пришли подъ Каневъ и стали на Расавѣ. Запорожцевъ было около трехъ, а татаръ сто тысячъ.

Ромодановскому пришлось первому встрѣтиться съ этими противниками: вначалѣ въ 1668 г. только съ гетманомъ Брюховецкимъ, а потомъ, въ слѣдующемъ году, и съ его союзниками крымскими татарами.

О своей службѣ въ малороссіи Ромодановскій писалъ царю: „былъ я на службѣ съ полкомъ въ Бѣлгородѣ и въ походѣ въ черкасскихъ городахъ подъ Котельвой и въ иныхъ мѣстахъ и на бояхъ измѣнниковъ чёркастъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ многихъ побили и въ изыщехъ поймали, а послѣ того я же съ ратными людьми посланъ въ малороссійскіе города: подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ и подъ иные, и въ тѣхъ малороссійскихъ городахъ надъ измѣнника чёркасты промыслы и поискчиши и города Нѣжинъ и Черниговъ очистили и въ нихъ воеводъ и твоихъ вел. гос. ратныхъ людей отъ осады свободили, и запасы всякими ихъ наполнили, и тою службою и промысломъ и радѣніемъ малороссійскихъ сѣверныхъ жвогихъ городовъ жителей подъ твою, вел. госуд. самодержавную, высокую руку въ подданство по прежнему и къ вѣрѣ привезъ; и идучи изъ малороссійскихъ городовъ къ Путятино съ

крымскими царевичи и съ крымскими-же и съ ногайскими татары со ногайцами людьми бились-же жестокими бои и къ Путинлю со всѣми обозы отошли въ цѣлѣ¹⁾.

При отступлении въ Путинль происходили упорные бои. Русские отходили медленно, безпрерывно отражая наступавшихъ татаръ. Шѣшия и конные схватки сминались одна за другой. Московские казаки не разъ рубились съ татарами и черкасами.

„И какъ пошли мы изъ подъ Чернигова—пинуть яицкіе и донскіе казаки въ своей человѣтной—и какъ былъ бой съ татарами и съ калгой Салтаномъ и со многими мурзами и съ измѣнниками воры черкасы и на томъ большомъ бою и на отводѣ взяли у насъ въ полонъ крымскіе люди атамана Андрея Волкова Кутѣвона“²⁾.

При выборѣ нового атамана казаки „есаулушко Кондратій Бѣлой“ съ товарищи хотѣли имѣть атаманомъ Абросима Телешева, а другая партія—Андрея Волкова. На этой почве возникла цѣлая переписка. Утвержденного Ромодановской на должность атамана казака Волкова недовольная партія старалась избыть всевозможными способами и, между прочимъ, во главѣ съ есауломъ Бѣлымъ и знаменщикомъ Чегликонимъ подала челобитную:

„И ось, Андрей, будучи у насъ, пьетъ—писали они—и бражничаетъ и зернью играть и многихъ нашу братію побиваетъ, да ось-же, Андрей, въ Каневѣ за озорничество, и за пьянство, и за зернь, и за ослушанье, что не вошелъ на службу въ Медвиль—бить каутомъ. И мы х. т. всѣмъ полкомъ выбрали межъ себя изъ рядовыхъ въ атаманы Абросима Константинова сына Телешева“³⁾. Въ концѣ человѣтной они просили смигать Волкова и назначить выбранного ими Телешева. По этой человѣтной приказано было быть атаманомъ Телешеву „буде ось ини всѣмъ любъ“, о чёмъ и было сообщено Ромодановской въ Бѣлогородъ. Но узнавъ объ этомъ, атаманъ Волковъ, избранный большинствомъ казаковъ и утвержденный уже въ этой должности, подальше свою очередь человѣтную, гдѣ, говоря о своей службѣ, пашеть „и мени ты государь ножаловать въ атаманы за мон иогія службишкя и за иогія тяжелыя раны и за приводные языки и за кровь. А нынѣ былъ челомъ тебѣ доской казакъ Абросимъ Телешевъ ложно... вели мнѣ быть въ атаманахъ по своему великаго государя прежнему указу“⁴⁾.

Черезъ мѣсяцъ о подачѣ этой человѣтной узналъ Телешевъ и въ свою очередь подалъ человѣтную за Волкова. Изъ Москвы приказали дѣло разобрать. Казаки стояли частію въ Лебединѣ и частію въ Сѣверске. Въ первомъ городѣ опросилъ казаковъ Скуратовъ, а въ Сѣверске Ромодановский.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Московскій столъ, столбецъ 445, столбикъ 3, листъ 124.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Бѣл. столъ, столб. 843, листы 39—42.

³⁾ Такъ-же.

⁴⁾ Такъ-же. Челобитная подача 1609 г. июня 22.

„И яицкіе и донскіе казаки—писалъ Ромодановскій въ Москву—сказа-
ла:—заручной членитной Абросиму Телешеву, чтобы ему быть въ атаманѣхъ,
они не давали, и про службу его и кто обѣ немъ биль членомъ и член-
битную писалъ и руки прикладывали—того не вѣдаютъ. Да января въ 13
день писалъ ко мнѣ товарищъ мой стольникъ и воевода Петръ Скуратовъ—
сказали донскіе казаки 57 человѣкъ:—на Андрея Волкова, чтобы ему у нихъ
въ атаманѣхъ не быть, тебѣ велик. госуд. они не бивали членомъ и къ член-
битной руки не прикладывали и въ свое мѣсто прикладывать руку на кому не
неливали и озорничества за ними никакого не вѣдаютъ”¹⁾. Въ виду этихъ
показаній Ромодановскій велѣлъ быть по прежнему атаманомъ Волкову, Тѣ-
лешеву же отказалъ, потому,—писалъ Ромодановскій,—что онъ мужикъ худой
и на бояхъ противъ непріятелей службою свою никогда не объявился и во
всѣхъ походахъ бываетъ онъ съ товоромъ въ обозѣ для телѣжния почивки;
да и полковникъ рейтарскаго строю Петръ Страцичевскій, которому това-
рищъ мой донскихъ и яицкихъ казаковъ велѣлъ вѣдать, сказывалъ мнѣ въ
Сѣверску:—такъ посыпали изъ Лебедина ратные люди подъ Гадачь и съ ве-
приятельскими людми учинилъ бой и въ то время на бою подъ знаменемъ
его Абросима не было-же, да и прѣдъ сего на бояхъ никогда явно не
бывалъ”....²⁾)

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ атаманомъ у казаковъ остался Волковъ.
Прошло пять лѣтъ послѣ того, какъ было дано казакамъ знамя, но въ
безпрерывныхъ походахъ и бояхъ истрачалось оно и обветшало. Подали каза-
ки вѣстѣ съ атаманомъ Волковымъ членитную, чтобы государь пожаловалъ
ихъ новыи знаменемъ, и въ этомъ-же 1669 году въ сентябрѣ было приказано
Ромодановскому сдѣлать донскимъ и яицкимъ казакамъ знамя „тафтяное,
таково же, каково было у нихъ напредъ сего дано имъ на Москвѣ, а подписать
то знамя въ нашихъ великаго государя украинныхъ городѣхъ гдѣ доведется”³⁾.

Вилотъ до 1671 года казаки находились въ походахъ и бояхъ. Другой годъ
заставляетъ отрядъ Ромодановскаго въ Новомъ Осколѣ. Здѣсь ему приказано
было въ августѣ по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій въ Малороссіи от-
пустить служилыхъ людей по домамъ до вѣстей и до разїѣна, „если-же будутъ
вѣсти о непріятельскихъ воинскихъ людяхъ или будетъ крымская послы-
ская размѣна—бояринъ о приходѣ ихъ въ полкъ чинать учнетъ”⁴⁾. Въ
этотъ году должно было состояться мирное соглашеніе съ Крымомъ и пред-
полагался размѣнъ пленныхъ, взятыхъ еще съ польской войны. Въ Крыму
все еще находилось много русскихъ знатныхъ пленниковъ и среди нихъ бо-
яринъ Василий Борисовичъ Шереметьевъ. Но размѣнъ пленныхъ не состоялось

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Вѣлаг. ст., столб. 843, листы 39—42.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Вѣлагор. ст., столб. 705, листы 65—66, Членитная донскій и
яицкий казаковъ о пожалованіи имъ нового знамени и грамота на изготовленіе его.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Моск. ст., столб. 445, страница 3, листъ 122.

и чило ихъ значительно увеличилось съ начавшейся турецкой войной.

Въ 1672 г. турецкое войско въ числѣ болѣе чть 300 тысячъ перешло Дунай и вошло въ Польшу. Подъ предводительствомъ султана войска осадили Каменецъ и въ августѣ мѣсацѣ городъ сдался. Хотя послѣ этого поляки и заключили миръ съ Турцией, но въ рукахъ турокъ осталась Подолія и Украина. Такимъ образомъ Москва невольно втянулась въ войну съ турками и съ ихъ союзниками татарами.

Уже въ маѣ 1673 года отрядъ Ромодановскаго, соединившись съ войсками гетмана Самойловича за Днѣпра у Лебединыхъ озеръ, 1 июня выступилъ въ походъ; но узнавъ, что посланный отъ нихъ харьковскій полковникъ былъ окружены татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ, Ромодановскій отступилъ назадъ къ Бѣлогороду. Лишь только въ 1674 году Москва привела рѣшительныя дѣйствія противъ турокъ и передавшагося имъ гетмана западной части Малороссіи Дорошенко. На этотъ разъ Самойловичъ и Ромодановскій сошлись въ Гадачѣ 12 января и выступили къ Даѣпру, имѣя до 80 тысячъ войска. Въ этомъ отрядѣ были, какъ и разѣ, донскіе и яицкіе казаки „Бѣлогорскаго полка“ князя Ромодановскаго. 27 января войскамъ сдался Крыловъ, 31 января товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ съ русскими и малороссійскими казаками подошелъ подъ Чигириять, выжегъ все посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и пресѣдоваль ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичъ заняли Черкасы, послѣ этого ввиду вспущенной распутицы войска перешла обратно на лѣвый берегъ Даѣпра и встала у Переяславля, гдѣ простояла почти всю весну. Только въ юлѣ Ромодановскій слова перешель Даѣпру и осадилъ Чигириять. Сдѣлавъ окружъ города шанцы, русскіе открыли безпрерывную бушевашую пальбу. Много домовъ было разрушено, много казаковъ въ горожанъ убито и переранено. Въ это время пришла вѣсть, что крымскій ханъ переиравился черезъ Даѣстръ и построилъ мостъ для прохода турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ самого султана и что турки двинутся къ Узаки, а оттуда прямо къ Киеву. 6 августа передовой турецкій отрядъ появился подъ Ладыжиномъ. Отбивши пять приступовъ, задыхенцы сдались и были всѣ взяты въ плѣнъ. Для развѣдки оѣлахъ въ Ладыжиномъ изъ отряда Ромодановскаго были посланы часть донскихъ, яицкихъ и орѣшниковскихъ казаковъ; казаки издали наблюдали за дѣйствіями турокъ, вели разѣзы и стояли на заставѣ. Но казакамъ не повезло: —турки начали на нихъ и всѣхъ взяли въ плѣнъ. Въ числѣ другихъ заснулъ въ плѣна яицкій казакъ Иванъ Шевляковъ, который вслѣдствіи въ 1684 году ушелъ изъ плѣна и былъ снова зачисленъ въ полкъ. Защищаясь отъ турокъ, онъ былъ раненъ „по лѣвой ногѣ въ лодыжку, да по берцу, да выше колѣна на лука стрѣланъ, да подѣлѣ луны проволотъ кошьемъ“, и въ такомъ видѣ отвезенъ въ Турцию. „Въ полону животъ свой мучилъ одиннадцать лѣтъ, —писалъ онъ по выходѣ изъ плѣна въ своей чедобитной, — и въ пожарное время изъ Шарьграда ушелъ собою, ишелъ до Мытишской земли почми девять недѣль,

а Мытъялскою и Волоскою и Ладскою землями шель цѣлую заму¹⁾ 1).

Взять Лодыжинъ, турки двинулись на Умань. Умань сдалась. Съ другой стороны татары и ханъ или освобождать Чигиринъ и 9 августа поиздисъ подъ городомъ. Ромодановскій отступилъ къ Черкасамъ, куда прибылъ 12 августа. Но татары и Дорошенко шли слѣдомъ и на другой день завязался бой. По донесеніямъ воеводы государевы люди многихъ татаръ и казаковъ побили и пришли въ обозъ въ цѣлости, но отъ пленныхъ узнали, что ханъ и Дорошенко направляются на восточную сторону Даѣпра, а турецкія войска отъ Лодыжина идутъ къ Черкасамъ. Тогда Ромодановскій и Самойловичъ сожгли Черкасы и переоправились на лѣвый берегъ Даѣпра и встали противъ Канева. Но движение турокъ остановилось; къ осени они ушли назадъ, съ вами ушли и татары. На этомъ окончились походы въ Малороссіи. Хотя отрядъ Ромодановскаго и ходилъ въ слѣдующемъ году въ походъ, но боевъ не было и дѣла въ Малороссіи принали благопріятный для Москвы оборотъ и военныхъ дѣйствія прекратились.

Вступившему за престолъ въ январѣ 1676 года, послѣ смерти царя Алексея Михайловича, малолѣтнему царю Феодору Алексѣевичу, пришлось имѣть дѣло съ турками въ первый-же годъ своего царствованія.

Съ ранней весны 1676 года и все лѣто ходили слухи, что турецкій султанъ собирается подъ Киевъ. Отрядъ Ромодановскаго, гдѣ были донские и яицкіе казаки Бѣлгородскаго полка, въ это время стоялъ въ Путівль. Страшнѣйшей всѣй Европѣ въ тогда непобѣдимыхъ турокъ Москва готовилась встрѣтить все лѣто. Къ Ромодановскому въ подкрѣплѣніе былъ посланъ съ отрядомъ князь Василій Голицынъ и Ромодановскому съ Самойловичемъ назначалось давать отпоръ непріятелю, а если-же турки и татары подъ Киевъ и на восточную сторону Даѣпра не придутъ, то сажимъ идти къ Чигирину и за Даѣпра и прокищать надъ Чигириномъ и надъ гетманомъ Дорошенкомъ. О туркахъ не было слуху и войска двинулись къ Даѣпру. Не доходя ста verstъ до рѣки, Ромодановскій отправилъ впередъ столичника Григорія Косагова съ 15 тысячами московскаго войска и съ четырьмя полками малороссийскихъ казаковъ. Увидѣвъ царское войско, всѣ мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, столицы западной Малороссіи, бывшей подъ начальствомъ Дорошенко и подъ покровительствомъ султана, стали передаваться Косагону; тогда Косагонъ пошелъ къ Чигирину, гдѣ Дорошенко тоже отложился отъ турокъ и перешелъ на сторону царя. Этимъ походъ и кончился.

Узнавъ о томъ, что Дорошенко перешелъ на сторону Москвы, султанъ изъ его мѣсто провозгласилъ гетманомъ и княземъ Малороссіи своего пленника Юрия Хмельницкаго, и съ весны 1677 г. двинулъ войска къ Чигирину.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Еѣлг. столь, столб. 1490, листы 14—16.

Турокъ было до 80 тысячъ и малороссійскихъ казаковъ до 4 тысячъ. Москвa приготовилась встрѣтить врага достойнымъ образомъ. Были собраны почти всѣ имѣвшіяся войска, призваны подъ знамена донцы, терцы, гребенцы¹⁾ и яицкіе казаки. Яицкіе казаки выступили съ Яика всего въ числѣ ста человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Прокофіемъ Семеновымъ²⁾.

Всѣ собранные войска были взвѣрены кназю Ромодановскому; 10 августа, соединившись съ гетманомъ Самойловичемъ, у котораго было двадцать тысячъ малороссійскихъ казаковъ, онъ пошелъ 17 августа за Днѣпъръ. Впереди себя онъ послалъ на выручку Чигирину, осажденнаго турками, полкъ пѣхоты и 1000 человѣкъ драгуанъ съ приказомъ сбѣшть днень и ночь. Посланніе удалось незамѣтно подойти къ Чигирину и ночью прокрасться черезъ непріятельскіе полки и явиться въ Чигиринъ во время и выручить осажденныхъ, которые уже настолько были утомлены, что упали духомъ, тѣмъ болѣе, что къ Чигирину пришелъ на соединеніе съ турками крымскій ханъ съ 30 тысячами татаръ. 25 августа къ Чигирину подошли и всѣ бывшіе у Ромодановскаго русскіе войска. Занятый турками островъ по срединѣ Днѣпра русскіе взяли и переправились къ городу. 28 августа завязался бой; русскіе разбили турокъ и хана и гнали ихъ пять верстъ. Турки на другой же день свали осаду Чигирину и ушли, оставивъ всѣ запасы, пушки и четыре тысячи труповъ янычаръ. Простоявъ до 9 сентября подъ городомъ и узнавъ, что турки отступаютъ къ своей границѣ, Ромодановскій отправился назадъ за Днѣпъръ, тѣмъ болѣе, что ни конскихъ корюковъ, ни запаса на зиму для войска заготовлено не было. Подробностей о службѣ яицкіхъ казаковъ въ этомъ походѣ не сохранилось. Въ своей челобитной она говорить только, что въ обоихъ походахъ подъ Чигиринъ они были въ отрядѣ князя Булата Муциловича Черкасскаго подъ командой полковника Кузьмы Козлова³⁾.

Но война этимъ не кончилась. Съ разной весны 1678 года опять стали доходить слухи, что турки собираютъ огромныя силы, чтобы во чтобы то ни стало взять Чигиринъ.

Съ весны стали готовиться для встрѣчи турокъ, укрѣпили Чигиринъ, и со средоточили войска къ Днѣпру. 9 июля, подъ Чигириномъ появился передовой отрядъ турокъ съ визиремъ Мустафою, который въ осадилъ городъ. По прибытіи Мустафы отрядъ Ромодановскаго и Самойловича началъ переправляться черезъ Днѣпъ. Соловьевъ говоритъ, что „десятаго юля, когда большая

1) Ригельманъ, стр. 78.

2) Челобитная яицкіхъ казаковъ атамана Ивана Иванова и 2600 рядовыхъ 1720 г. 12 октября. Въ этой челобитной казаки перепутали время похода и оба похода подъ Чигиринъ (1677 и 1678 г.) показали въ 1682 году, тогда какъ въ это время воюя съ Турцией не было. (См. прилож. XIII). О Чигиринскихъ походахъ упоминается также въ грамотѣ войску 1721 г. 28 августа и въ дѣлѣ Урал. Вѣстк. Арикова III раз., № 467, листъ 52.

При нарядѣ на эту службу атаманъ получалъ подлоги (шакенку) 30 р., дни есаула по 25 руб. каждый, два знаменщика по 23 р. и рядовые казаки по 20 рублей.

3) Челобитная яицкіхъ казаковъ 1720 г. 12 октября (См. прилож. XIII); извѣски исправильные называли Черкасскаго Булатомъ, его настоящимъ именемъ Каси у ять.

часть войска находилась на лѣвомъ берегу, татары незамѣтно переправились за русскій берегъ, подкрались и ударили на русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Такая-же неудача постигла татаръ при нападеніи ихъ 11 числа за русскій передовой отрядъ, уже преравившійся за рѣку. 12 юла вѣрь русскіе войска уже были на той сторонѣ и на другой день выдержали кровопролитный бой — на нихъ насыли пять турецкихъ пашей и крымскій ханъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Съ этого дня битвы не прекращались. 29 юла къ русскимъ на помощь пришелъ князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій съ казаками и татарами съ Волги¹⁾.

Съ Черкасскимъ пришли съ Яика и яицкіе казаки въ числѣ двухсотъ человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Бѣлоусовымъ²⁾.

Во все времена кровопролитныхъ боевъ 3 и 4 августа, когда русскіе овладѣли Стрѣльниковою горою, отрядъ Черкасскаго и яицкіе казаки со своимъ атаманомъ Бѣлоусовымъ принимали самое дѣятельное участіе и не мало способствовали общему сравнительно успешному ходу дѣлъ подъ Чигириномъ. „Со взятиемъ Стрѣльниковой горы, пишетъ далѣе Соловьевъ, русскіе приблизились къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сношеніе. Между тѣмъ турки подвели три подкова подъ нижній большой городъ и 11 августа были взорваны, загорѣлись находившіеся вблизи нихъ дома; осажденные, видя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ русскимъ черезъ московскій мостъ, но турки зажгли мостъ, онъ обрушился и много русскихъ погибло. Одновременно съ нижнимъ городомъ турки успѣли зажечь новый верхній; тогда осажденные засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ и бились съ нападавшими до самаго вечера, два раза выбивая турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что и было исполнено; а на разсвѣтѣ поднялись и Ромодановскій съ гетманомъ къ Даїшу, покинувъ навсегда курящіе развалины несчастной столицы Хильницкаго. Непріятель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха и 20 числа подъ Чигириномъ не было и турокъ“³⁾.

Такъ окончился второй походъ подъ Чигиринъ. Хотя турки и потеряли изъ ста тысячъ войска болѣе трети, но все же взять Чигиринъ не дали и русскіе отступили. Ромодановскій былъ отозванъ въ Москву и съ турками начались мирные переговоры.

Но пока шли переговоры о мире, крымскіе татары продолжали дѣлать забѣги и разорять русскія украины; не надѣясь на благополучный исходъ переговоровъ, московское правительство стягивало войска къ Киеву. Въ числѣ этихъ войскъ въ 1679 году были и яицкіе казаки сто человѣкъ съ поход-

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 13, стр. 258—255.

²⁾ Челобит. каз. 1720 г. 12 окт. (прил. XIII). Въ этотъ походъ казаки получили племену-атаканъ 25 р., два есаула по 22 р., да знаменщика по 21 р. и рядовыхъ по 18 рублей.

³⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 18, стр. 253—255.

иша атакають Прокофіемъ Семеновимъ¹⁾.

Начальство надъ войсками, наряженными изъ низовыхъ городовъ по рѣкѣ Волгѣ, въ томъ числѣ и надъ лицами казаками, было вручено князю Касиулату Мудаловачу Черкасскому (въ вѣдѣніи которого находились калмыки и казаки:—довецкіе, яицкіе и гребенскіе) и стольнику Кузьмѣ Петровичу Козлову, начальствовавшему надъ московскими ратными людьми. Отградъ этотъ долженъ былъ выйтіи изъ Царицына „за Валуйки, къ Чугуеву, къ Кіеву и въ иные украинные города для отиращенія турецкихъ синъ отъ тамошніхъ мѣстъ, для промыслу противу крымскихъ татаръ и для удержанія Кіева въ россійской сторонѣ"²⁾.

Всего было собрано въ Царицынѣ ратныхъ людей виѣстѣ съ калмыками 3767 человѣкъ, исключая казаковъ, и 5 іюля этого отрадъ направился къ Валуйкамъ, куда прибылъ 24 іюля.

Въ Валуйкахъ военводы получили распоряженіе идти со всѣми ратными людьми и съ калмыками „не зайти (въ заходѣ) великаго государя городовъ и ссылаться низового войска запорожскаго съ кошевыми атакають съ Иваномъ Сиркомъ и съ черкасами надъ турскими и крымскими людьми у запорогъ промыслъ и поискъ чинить... и чтобы турскими и крымскими людьми никакихъ крѣпостей у запорогъ дѣлать не дать"³⁾.

Въ тоже время, 25 іюля, Черкасскій получилъ изъ Царево-Борисова отъ воеводы Аврама Кожухова, что шайка татаръ перешла черезъ р. Донецъ со многими людьми и знаменами и пошли въ Русь между городовъ: Изюма и Савинскаго; въ послѣднемъ городѣ они взяли 4 человѣка въ пленъ и направились къ Чугуеву и къ Печентѣгамъ. 27 іюля Черкасскій получилъ уже отъ чугуевскаго воеводы Ивана Арнаутова, что татары 24 іюля пришли подъ Чугуевъ и разорили уѣздъ и взяли много людей и лошадей; чугуевскіе ратные люди имѣли съ ними бой и захватили одного татарина въ пленъ, который заявилъ, что ихъ всего десять тысячъ и 30 мураў. Половина татаръ, отдѣлившись, пошла подъ Печентѣгу и Карадаѣль⁴⁾.

Между тѣмъ яицкіе казаки выйдя съ Яика не застали отрада въ Царицынѣ и пошли прямо на Донъ и тамъ, соединившись съ шестью стами донцами, подъ командой донскаго воинскаго атакана Корнила Яковлева выступили 20 іюля на украинные города и пришли къ Царево-Борисову 28 іюля⁵⁾.

По дорогѣ донецкіе и яицкіе казаки развѣдали, что „многіе воинскіе люди съ ногайцами были ударомъ подъ государевы города, перешедъ Донецъ, подъ Харьковъ, подъ Чугуевъ и подъ Печеаѣги"⁶⁾. Казаки немедленно дали знать

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Дѣла казацкія, картонъ № 17, грамота Яицк. войску 1680 г. Въ этомъ дѣлѣ страницы не нумерованы.

²⁾ Тамъ-же. Сношеніе Россіи съ калмыками, картонъ № 17, 1679 г.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Сношеніе Россіи съ калмыками, 1679 г., картонъ № 17.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Донскій дѣлъ, картонъ 37, свѣдка № 18, лист. 1—6.

⁶⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Донскій дѣлъ, картонъ 37, свѣдка № 18, листы 7—6.

объ этомъ въ Валуйки къ Черкасскому и Козлову, а сами пошли подъ Чугуевъ „безъ всякаго иѣшканья“, что-бы успѣть захватить грабившихъ села татарь; по дорогѣ къ нимъ присоединился 1 августа князь Черкасскій и воевода Козловъ, всего-же собралось до трехъ тысячъ человѣкъ, но отрядъ этотъ татарь не засталъ: они ушли до прибытія войскъ и скрылись изъ подъ Чугуева.

Эти татары, въ числѣ около четырехъ тысячъ человѣкъ, еще раннею весною собрались къ Азову, гдѣ, дождавшись времени, когда началось жатво, подъ предводительствомъ азовскихъ Губекъ Аши, Дадыкъ-Ага и ногайскаго мурада Уруса, двинулись на руссію україны, подошли подъ Чугуевъ и, ограбивши вѣсколько деревень, взяли въ плѣнъ болѣе ста человѣкъ мужчинъ и женщинъ и много скота. Узнавъ отъ плѣнныхъ русскихъ, что на нихъ посланы князь Черкасскій съ калинками и казаками, татары поспѣшили уйти, что имъ и удалось. Но такъ какъ калинки и казаки заняли всю ту дорогу въ села, по которымъ пришли татары въ передній путь, то имъ пришлось вдѣтъ обратно къ Азову направляясь черезъ лѣсъ.

Повели ихъ вожи, взятые въ плѣнъ крестьяне, и сказали татарамъ, что выведутъ ихъ на ту дорогу, по которой они пришли на русскую україну, изъ подъ Чугуева. Но когда татары пришли въ лѣсъ, то тачъ заблудились и дороги, куда выйти, хотѣ-бы назадъ, не токмо что на ту дорогу, куда шли подъ Чугуевъ, не смыкали и вошли въ такія топи и болота, что невозможно было не только съ лошадью, но и пѣшему человѣку выйти¹⁾). Цѣлый день блуждали татары въ лѣсу, не имѣя возможности выбраться изъ него куда бы то ни было. Жители степей и простора, суетѣрные и неопытные въ лѣсу, они оробѣли и на нихъ напаль такій страхъ, что они побросали весь русскій полонъ и всю добычу, и около двухъ тысячъ своихъ лошадей, кроме захваченныхъ въ набѣгѣ, двѣ тысячи котловъ — цѣльное имущество для кочевниковъ — и весь кошъ и побѣжали изъ лѣса куда глаза глядѣть и только къ позднему вечеру вышли на степь. Всю ночь татары стояли у лѣса, ссыпая товарищѣй, которые затерялись въ лѣсу. На утро не досчитались они болѣе ста человѣкъ. Два даиостояли они у лѣса, надѣясь, что затерявшиеся товарищи выйдутъ къ нимъ, но ихъ не дождались — не вышелъ ни одињъ. На третій день, не дождавшись никого, они быстро пошли въ степь къ Азову. На восьмой день пріѣхали они къ рѣчкѣ Верекѣ. Лошади отъ быстрой ходы у нихъ устали, вѣхать далѣе почти не представлялось возможнымъ. Рѣшили стать на отдыхъ. Азовскій Губекъ-Ага съ 97 человѣкками татаръ всталъ на этой сторонѣ рѣчки, а Дадыкъ-Ага съ тысячью татаръ перешелъ рѣку и всталъ копнемъ верстахъ въ двухъ отъ Губекъ-Аги; Урусь же мириа съ остальными не останавливалась пошелъ направляясь къ Азову²⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Донскія дѣла, картонъ № 37, съзка № 13, листы 12 и 13. Показаніе плѣнного татарина Тайманистеева.

²⁾ Тамъ-же, листы 12 и 13.

Но съдомъ за татарами лѣтѣли казаки и калмыки Черкасскаго; они пили на сѣѣхъ день и ночь о-дву-конь и 6 августа настигли татаръ, бывшихъ съ Дадыкъ-Агою и мирно отдыхавшихъ на рѣчкѣ Берекѣ. Былъ вечеръ, когда казаки и калмыки, подойдя незамѣтно къ татарскому кошу, разомъ бросились на татаръ; татары почти не сопротивлялись и были всѣ перебиты—человѣкъ пятьдесятъ было взято въ пленъ. Наступившая ночь прекратила побоище. Казаки вернулись на кошъ, плѣнныхъ развели по разнымъ таборамъ и куренямъ и остались ночевать, т. к. преслѣдовать ушедшаго Дадыкъ-Агу они не имѣли возможности за полною присталостью лошадей, бывшихъ въ работѣ шесть дней и ночей почти безъ отдыха. Въ своемъ донесеніи донцы говорятъ, что въ этомъ боѣ они „живѣемъ взяли въ языкахъ атамана и казаки съ яицкими казаки 9 человѣкъ и трехъ человѣкъ отдали войскому яицкимъ казакамъ для того, что они были въ томъ промыслѣ за одно и въ войсѣ были членомъ, чтобы имъ было съ чѣмъ прѣѣхать къ великому государю къ Москвѣ, а иныхъ многихъ языковъ порубили, также многие и сами померкли для того, что ранены тяжелыми раны и вести было ихъ съ того погрому до стану невозможно; а у князя Каспулата Музаловача языковъ взято человѣкъ сорокъ, а сколько подавно, того не вѣдаемъ“¹⁾.

На утро отрядъ пошелъ обратно къ Чугуеву, откуда донцы отправили ставцу въ Москву съ шестью изѣнными татарами. Позвали ли яицкіе казаки своихъ трехъ плѣнныхъ татаръ въ Москву—изъ имеющихся документовъ не видно.

Въ Чугуевѣ князь Черкасскій сказалъ войсковому атаману Яковлеву, чтобы онъ соединился съ нимъ и шелъ на Валуйку, где велико казакамъ быть въ его полку. Яковлевъ ждалъ въ это время отъ Харьковскаго полковника запасовъ, по полученіи которыхъ и общашъ прійти съ казаками къ князю въ Валуйки. Изъ дальнишахъ автоворѣ видно, что донцы и яицкіе казаки стояли подъ Чугуевомъ вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Черкасскимъ и воеводою Козловымъ, т. к. въ государевой грамотѣ идти имъ къ Киеву не указано, „потому что турецкому султану и крымскому хану подъ Киевъ приходу не будетъ“²⁾). По возвращенію съ набѣга Черкасскій съ отрядомъ долженъ былъ едти, какъ ему приказывалось въ ваказѣ, къ Запорожье и соединившись тамъ съ атаманомъ Сѣрко промышлять надъ крымцами. Но Черкасскій, за малолюдствомъ отряда, едти туда не рѣшился.

„А къ Запорожамъ, государь,— писалъ Черкасскій царю:— съ твоими государевыми ратными людми за малолюдствомъ идти никакими мѣрами не можно потому, что многие твои великаго государя ратные люди и калмыки изучи отъ Царицына къ Валуйкамъ обезкочили и многие лошади стали и отъ жаровъ пересадились и лѣды обеззапасили, а на Валуйкахъ запасы саны

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ил. Дѣлъ. Донскій дѣлъ, картовъ № 87, санка № 18, листъ 9.

²⁾ Тамъ-же, листы 4 и 5.

малые, не теско ратнымъ людямъ въ дорогу запасать покупать и подъ Волынскими будучи прокормитъся было нечѣмъ; а калмыцкіе ратные люди сказали намъ, что они къ запорогамъ за безконствомъ своимъ и безъ запасовъ итти степью не хотять для того, что де имъ калмыкамъ сказано на твою великаго государя службу подъ Киевъ, а не къ Запорогамъ для де того они и запасовъ себѣ не имали, что было итти имъ подъ Киевъ жилыми мѣстами, а не степью, а въ степи де имъ запасовъ купить будетъ негдѣ; а калмыцкой же Батырь—Тайша, да Семенъ-Сереневъ сынъ Муракате-Миръ, да Данжинъ—Тайша своровали:— на твою великаго государя службу съ вами поѣстѣть подъ Чугуевъ и подъ иные города не пошли и съ Валуекъ со всѣми своими улусными людьми побѣжали назадъ въ улусы свои”¹⁾.

Если бы вѣроно было идти сразу изъ Царицына на Крымъ, говорить дальше въ своей челобитной Черкасскій, то калмыки бы пошли. Всего-же въ отрядѣ Черкасскаго оставалось калмыкъ тысяча человѣкъ съ тайшами Баляронъ, Семенъ-Сереновъ и Мерчесовъ, которые заявили, что идти подъ Крымъ поздно и если они пойдутъ въ этотъ дальний походъ, то имъ нѣдѣля будетъ въ этомъ году вернуться въ свою улусы. Поэтому Черкасскій и Козловъ идти на Крымъ не рѣшились и ушли изъ Чугуева на Валуйки, куда пришли 12 августа и встали съ отрядомъ къ стени между Осколомъ и Валуекъ, ожидая призыва изъ Москвы.

Отвѣтъ былъ полученъ 1-го сентября. Черкасскому приказывалось отпустить воеводу Козлову, лѣвака Покрышкина, жильцовъ и подъячихъ въ Москву, самому-же съ калмыками идти на Терекъ, а ратныхъ людей визовыхъ городовъ и лицевыхъ казаковъ „распустить по домамъ, кого куда пристойно и кому откуда ближе и податанѣе”²⁾.

Отрядъ былъ распущенъ „съ рыбнаго сентября въ 6 день”. Уфимцы, самаряне, саратовцы и лицевые казаки пошли „по чертѣ”, т. е. по южной границѣ къ Симбирску; астраханцы-же, терчаны, гребенскихъ казаковъ, красноярцевъ и калмыкъ Черкасскій повезъ съ собою прямѣю стѣю къ Царицыну³⁾.

Но съ первыхъ-же чиселъ января слѣдующаго 1680 го да снона было приказано воеводѣ Кузьмѣ Козлову собрать ратныхъ людей визовыхъ городовъ.

Указъ объ этомъ былъ данъ 25 января. Въ этомъ указѣ говорилось, что ему быть на государевой службѣ „съ ратными людьми Нижніхъ городовъ въ съ лицами и гребенскими атаманами и казаки и съ калмыцкими ратными людьми и собраться съ тѣми ратными людьми и калмыками итти ему Кузьмѣ на веснѣ въ малороссійскіе города къ Киеву, а прійтти къ Киеву іюна въ 29 число”⁴⁾. Кромѣ этого Козлову наказывалось взять съ собою и донскихъ казаковъ, а сколькими человѣками бытъ и о томъ Вел. Государь свой Государевъ указъ учаний”.

Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣль. Калмыцкія дѣла, 1679 г., картонъ № 17
Тамъ-же.

Тамъ-же.

Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣль. Донскія дѣла, съянка 12, № 1

Одновременно съ этимъ были посланы грамоты на Янкъ, Донъ и Терекъ къ гребенскимъ казакамъ.

Грамота къ Янцкому войску была слѣдующаго содержанія¹⁾:

„Отъ цара и великаго князя Феодора Алексѣевича всеса великія и малыя въѣзда росіи самодержца на Янкъ яицкихъ казакамъ атаману Григорію Федорову съ товарищи; въ прошломъ, во 187-мъ (1679) году по нашему великаго государя указу посыпали вы наше въѣзду великаго государя службу въ полкъ къ князю Каспулату Черкасскому съ товарищи свою братью казаковъ атамана Прокофія Семенова съ товарищи сто человѣкъ и тѣ казаки были изъ вашей, великаго государя, службы и вами, великому государю, служили въ томъ полку до отпуску и мы, великій государь, вѣсль атамановъ и казаковъ за тое вашу службу жалуемъ, милостию похвалимъ, и пынѣ указали мы, великій государь, быте на вашей, великаго государя, службѣ въ малороссийскихъ городѣвъ стольнику нашему и воеводѣ Кузьмѣ Петрову сыну Козлову, а тѣ пынѣ вашимъ, великаго государя, ратнымъ коннымъ людемъ яицкихъ городовъ и въ томъ числѣ вами, яицкимъ казакамъ, пятыи стама человѣкъ добрыми и оружейными, лучшими людемъ, а для тое службы вами, великаго государя, жалованье прислано будетъ къ вамъ на Янкъ съ Москвы вскорѣ, а итта вами на вашу, великаго государя, службу противъ прошлаго 187-го (1679) году тѣми-жъ мѣстѣ; и какъ къ вами езда ваша, великаго государя, грамота придетъ и вы-ѣзъ атаманы и казаки, служа намъ, великому государю, нашему царскому величеству, на вашу великаго государя службу казаковъ выбрали по сему нашему великаго государя, указу добрыхъ и конныхъ, и оружейныхъ, а наше, великаго государя, жалованье къ вами прислано будетъ вскорѣ, и вами бы одноковечно о томъ учинить по сему пашену, великаго государя, указу да о томъ къ намъ, великому государю, писати вскорѣ, а отписку велѣти подать въ приказъ Казанскаго Дворца боярина замѣму князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову”.

Вслѣдъ за грамотою 26 января изъ Москвы были посланы за Самару и на Янкъ иноземецъ Михаилъ Давидовичъ Вапинскій въ подьячій Игнатій Лукинъ, для раздачи жалованья сапаранамъ:—стрѣльцамъ и дѣтамъ боярскимъ и на Янкъ казакамъ, наряженными въ походъ. Посланые вели съ собою 4193 р., въ томъ числѣ самарскихъ дѣтамъ боярскимъ 40 р., иноземцамъ 50, коннымъ стрѣльцамъ 603 и яицкимъ казакамъ 3500 р.²⁾. Пріѣхавъ въ Самару, Вапинскій и Лукинъ раздали жалованье ратнымъ людямъ и наказали имъ, чтобы они были готовы къ походу и кормили лошадей, а когда прибудутъ казаки съ Янка, то-бы шли съ ними на службу.

¹⁾ Тамъ-же, Калмыцкія дѣла, 1679 г., картоткѣ № 17; это первая найденная грамота къ Янцкому войску о нарядѣ казаковъ на службу; грамота безъ числа и мѣсяца.

²⁾ Приказывалось выдать въ Самарѣ полугодовые оклады:—дѣтамъ боярскимъ по 4 руб., иноземцамъ по 2 руб., коннымъ стрѣльцамъ по 6 руб., а другую половину оклада можно было выдать изъ самарскихъ величинъ доходовъ. (Моск. Гл. Арх. Инстр. Дѣлъ, Калмыцкія дѣла, картоткѣ № 17).

О томъ, что дѣлать на Яикъ у казаковъ посланнымъ была дана особая память.

И раздавъ государево жалованье на Самарѣ, говорилось въ памяти: — юхать съ самары на Яикъ, взявъ съ собою провожатыхъ безо всякаго мотчанія, а прѣхавъ на Яикъ къ атаманамъ и къ казакамъ подать великаго государя грамоту и взять у атамановъ казаковъ, которыхъ они выберутъ на службу великаго государя, именной списокъ за рукою (за подписью атамана) и по списку тѣхъ яицкихъ казаковъ пересмотрѣть, а пересмотря, великаго государя, жалованье дать по указу по семи рублевъ человѣчу съ росписью всѣмъ на лицо и самарскимъ стрѣльцамъ и Яицкимъ казакамъ сказать, что имъ та вынѣшняя дача для службы самарскимъ стрѣльцамъ, а яицкимъ казакамъ по семи рублевъ не въ окладъ и не въ образецъ и говорить ему Михаилу (Васинскому) и подьячему лицкимъ атаманомъ и казакомъ съ великомъ радѣваниемъ чтобы они атаманы и казаки на службу великаго государя съ стольникомъ и воеводою съ Кузьмою Козловымъ казаковъ выбравъ указанное число послали сполна, а буде за какими мѣрами лицкіе атаманы и казаки на службу яицкихъ казаковъ указанного числа сполна не пошлиютъ и Михаилу Васинскому и подьячему денежнаго жалованья на Яикъ дать по указанной статьѣ тѣмъ, которыхъ нарядить и на службу съ Яика въ полкъ къ Кузьми Козлову пойдуть, а которые на службу не пойдутъ и тѣмъ денежнаго жалованья за Яикъ никому не давать; и о томъ радѣть чтобы яицкихъ атамановъ и казаковъ наговаривать и на то иль привезти, чтобы они атаманы на службу яицкихъ казаковъ указанное число въ полкъ къ Кузьми Козлову послали сполна¹⁾).

Но, видимо, посланные очень плохо уговаривали казаконъ, такъ какъ въ собранномъ кругу войсковой атаманъ Григорій Федоровъ и все войско пять сотъ человѣкъ не дали; охотниковъ идти на службу съ разрѣшенія войска нашлось только десяти человѣкъ, которые и пришли вмѣстѣ съ Васинскимъ въ Самару 2 мая, откуда самарскій воевода Иванъ Нормандій отправилъ ихъ 15 мая въ Царицынъ въ полкъ къ воеводѣ Козлову²); кто былъ походнымъ атаманомъ въ этой станицѣ язъ дѣла не видно.

Не любила Москва суетиться, да къ тому же московскіе посводы были народъ степенный, дѣлали все тихонько съ оставокой и съ роздыхомъ, Кузьма Козловъ уѣхалъ еще зимою въ Астрахань собирать рать на Терекъ и въ Астрахань. Посланный имъ еще зимою на Терекъ къ гребенскимъ казакамъ Иванъ Козловъ да Михаилъ Олферовъ, только къ 5 мая привели съ собой въ Астрахань 200 терскихъ стрѣльцовъ и 100 гребенскихъ казаковъ (вмѣсто 200 требуемыхъ отъ нихъ). Съ этой ратью, взявъ съ собою еще 500 астраханскихъ стрѣльцовъ, Кузьма Козловъ предполагалъ двинуться 9 мая къ Царицыну, но походный атаманъ гребенскихъ казаковъ Гаврила Леон-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ип. Дѣлъ, Калмыція дѣла, 1679 г., картонъ 17.

²⁾ Такъ-же.

тъсъ заявилъ воеводѣ, что они въ походѣ идти не могутъ, т. к. у многихъ казаковъ было по одной лошади, а за Терекъ по другой лошади купить было негдѣ и чтобы изъ дали время купить лошадей въ Астрахани. Отрядъ сталъ дожидаться, когда гребенцы купать лошадей и лишь только 14 мая выступилъ въ Царицынъ, куда пришелъ 21 мая.

Здѣсь отрядъ остановился и сталъ дожидаться самарянъ, саратовцевъ и лицъ казаковъ, которыхъ еще не прибыли.

Донеся о прибытіи въ Царицынъ, воевода Козловъ 28 мая между прочими писалъ: „въ мѣшкота, государь, твоей службѣ чинится за невысылкою Самарскихъ и Саратовскихъ ратныхъ людей и Яицкихъ казаковъ и чтобы изъ мѣшкото отъ тебя, великаго государя, матъ, холопу твоему, въ онѣ не быть, а какъ самарскія и саратовскія ратныя люди и Яицкіе казаки ко мнѣ придуть и я за твою службу съ Царицына пойду тотъ часъ¹⁾“.

Между тѣмъ воевода получиль изъ Москвы приказъ поспѣшить выступлѣніемъ изъ Царицына. Ему наказывалось идти уже ве въ Киевъ, а въ малороссійскіе города къ Киеву, „че мѣшкай ни гдѣ, а князя Каспулата Муцаловица Черкасскаго не дожидать... и быть на службѣ въ украинномъ разрадѣ въ полку боярина и воеводы Петра меньшого Васильевича Шереметева въ товарищахъ сходными воеводою и стоять съ ратными людьми для береженія украинныхъ городовъ отъ приходу воинскихъ людей на Валуйкѣ или въ Чугуевѣ, где пристойно по разсмотрѣнію боярина Шереметева, и идти въ тѣ мѣста не хода къ Киеву“²⁾.

По дорогѣ онъ долженъ былъ пропѣдывать про воинскихъ людей и по прїѣздѣ въ Валуйку донести Шереметеву.

Получивъ эту грамоту, Козловъ, не дождавшись саратовцевъ, самарцевъ и лицъ казаковъ, выступилъ изъ Царицына въ Усердъ, куда прибыль 8 июня и вошелъ въ составъ отряда Шереметевана, стоявшаго тамъ-же.

Когда подошли яицкіе казаки и ратныя люди изъ Самары и Саратова въ Усердъ — не видно, но, донося о своемъ прибытіи воевода писалъ, что 19 июня еще ихъ ве было.

О службѣ отряда Козлова въ Усердѣ почти ничего неизвѣстно; въ дѣлѣ упоминается только объ одномъ походѣ изъ подъ Чернового городка къ Усману за вепріательскими воинскими людьми 15 августа, но этотъ походъ былъ неудаченъ: вепріательские люди „до его приходу пошли за утекъ черезъ рѣку Битюкъ къ Хонру“ и отрядъ вернулся 20 августа обратно къ Черновому городку и къ Лисамъ горамъ „по прежнему“. 26 августа была получена Козловымъ грамота о распускѣ его отряда по домамъ, причемъ называлось ратными людьми идти до Царицына и до Саратова выѣсти „для опасенія, и будеть гдѣ воинскихъ людей сойдутъ и вѣдь виши проиысель чинить въ которыхъ мѣстахъ пристойно я смотря по такомпнскому дѣ-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

лу и по людамъ". Отрядъ былъ разбитъ на двѣ части: самарине, саратовцы и яицкіе казаки пошли на Саратовъ, а царицынцы, астраханцы, терчазе и гребенскіе казаки — на Царицынъ¹⁾.

Въ то время, когда въ Малороссіи происходили волненія и война съ Турцией, на Яикѣ шла жизнь обычной чередой — тѣ же походы на промыселъ въ Каспийское море, тѣ же безпрерывныя схватки съ калмыками; они то дружатъ съ ними, дѣлая „замиреніе”, то ведутъ взаимные набѣги. Еще въ 1661 году калмыцкіе-тайши жаловались русскому послу дьяку Горохову, что яицкіе казаки и русскіе люди съ Волги и башкиры имъ дѣлаютъ ежегодно много зла²⁾.

Изъ переписи Захарова видно, что вѣкоторые казачи были изъ завоеванныхъ башкиръ, которые по казачьему обычая, какъ завоеванные, принадлежали православію. „Дѣдъ и отецъ мой,— говорилъ Захарову одинъ изъ нихъ казакъ Михаилъ Григорьевъ,— калмыцкой породы, завоеваны яицкими казаками въ 1673 году”. Калмыцкій ханъ Аюка въ 1678 году въ лаварѣ иѣсаѣтъ жаловался посланному къ нему князю Касимулату Мудаловичу Черкасскому, что онъ не пойдетъ на службу для промысла надъ крымскимъ ханомъ по тому, что „донскіе и яицкіе казаки имъ многое разореніе починили и людей побили и калмыцкій ясырь (плѣвавыхъ) женъ ихъ и дѣтей поимали”³⁾. Но объ этихъ безпрерывныхъ стычкахъ казаковъ съ калмыками у насъ не осталось никакихъ документовъ и самое воспоминаніе о нихъ совершившо изгладилось изъ народной памяти, не дошло даже изъ одного преданія.

Но зато до насъ дошли другіе документы, ярко рисующіе память картины воровской жизни прияцкихъ орловъ — ихъ набѣги на персидскіе берега. Каждый годъ послѣ Разина они вились изъ Яика на синее море, гуляли по его раздолью и по прогоревшей дорожкѣ громили прибрежные села и города. Объ одномъ изъ такихъ, но въ высшей степени неудачномъ походѣ, подъ предводительствомъ атамана Васыки Касимова дошедшему до насъ акты говорятъ нѣсколько подробнѣ.

Ранвею весною 1677 г. около трехсотъ яицкихъ казаковъ спустились изъ Яицкаго городка внизъ по Яику, напали на Гурьевскій городокъ, взяли его, переломали въ изрубили учугъ, и „великаго государя казну нарядъ, и порохъ и свинецъ поимали”⁴⁾ и двинулись съ нагруженіемъ добычей на свой любимый и ближайшій къ устью Яика островъ Камыанинъ. Изъ разграбленнаго городка, чтобы дать вѣсть о случившемся, „прибѣжали въ лодкѣ человѣкъ съ шесть угодиевъ” и заявили объ этомъ астраханскому воеводѣ князю Щербатову. Воевода не рѣшился предпринять что либо, у него было въ распоряженіи такъ мало стрѣльцовъ, что о посыпкѣ ихъ за промысломъ надъ ка-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ил. Дѣлъ. Калмыцкій дѣлъ, 1679 г., картотъ № 17.

²⁾ Соловьевъ, томъ 12, глава 5.

³⁾ Дополненіе къ Акт. Истор. томъ 7 № 47, стр. 248.

⁴⁾ Дополненіе къ Актамъ Историч. томъ 7, стр. 249—258, 268. Все относящееся къ набѣгу Касимова взято мною изъ этихъ актовъ.

заками нечего было и думать. По его донесению былъ высланъ изъ Москвы съ приказомъ стрѣльцовъ стольникъ и полковникъ Богданъ Пыжовъ, въ нѣ Казани голова казанскихъ стрѣльцовъ Иванъ Кроткой со своимъ приказомъ. Видѣть съ посыпкою войскъ, правительство, боясь новой разиновщины, называло Щербатову велѣть провѣдывать подлинно, въ какихъ мѣстахъ воровскіе казаки, сколько ихъ человѣкъ, какіе у нихъ замыслы, и можно ли надѣять ими какой поискъ и промыселъ учинить и, провѣдавъ обѣ этомъ, послать на нихъ ратныхъ людей сколько пригоже, въ которые мѣста пристойно „и надѣть тѣмъ ворамъ велѣво промыселъ и поискъ чинить, чтобы тѣхъ воровскіхъ казаковъ воровство искоренить и множиться имъ не дать; а тѣ посылки посыпать людемъ, чтобы надѣть ворамъ промыселъ учинить и людей уберечь“. Персидскому же шаху Щербатовъ долженъ былъ сообщить, что казаки пошли съ Яику для воровства самовольствомъ и на Яикѣ городокъ (Гурьевъ) государя людемъ многій грабежъ учинили и что за нихъ посланы государевы ратные люди.

Но вотъ войска прибыли въ Щербатовъ сварадиѣ экспедицію. Во главѣ ея былъ назначенъ голова казанскихъ стрѣльцовъ Некита Мамонинъ. Флотилія его состояла изъ пятнадцати струговъ при 610 стрѣльцахъ съ двумя мѣдными и 8 чугунными пушками, къ которымъ было дано по 40 ядеръ и сто гранатъ, и „дроби желѣзной“ (картечи) пять пудовъ.

Мамонину была дана память: велѣво было провѣдывать всакими мѣрами накрѣпко, въ которыхъ мѣстахъ находятся воровскіе людѣи казаки, какие у нихъ замыслы, были-ли они въ шаховой области и если были, то подъ какими городами или свободадами и что учинили, сдѣлали-ли надѣть ими поискъ шаховы люди, или же казаки, учинив себѣ добычу, отошли въ юлости и куда съ моря ушли:—въ яицкое ли устье или думаютъ засиживать на морѣ на островахъ?

Этотъ отрядъ вышелъ изъ Астрахани 1 июня и поплылъ вдоль побережья къ Гурьеву.

Иска снаряжалась рать, казаки, расположившись на Камынивомъ островѣ, не торопились. Они дѣлали себѣ морскіе струги и готовились къ дальнему путешествію. Они прекрасно знали, что ни изъ Астраханы и ни изъ Гурьева никто ихъ не побезноконить. Простоявъ почту съ мѣсяцемъ и сдѣлавъ себѣ шесть морскихъ струговъ, они наконецъ распарили паруса и позетѣли за промыселъ.

Но едва они вышли въ море, и не успѣль еще островъ Камынивъ скрыться за морскою гладью, какъ предъ глазами показалось пятнадцать струговъ со стрѣльцами Мамонина и загородили имъ путь. Силы были неравны, но Васька Касимовъ сталъ пробиваться къ морю. Стрѣльцы открыли огонь изъ пушекъ, казаки отвѣчали тѣмъ-же—палили изъ пушекъ, захваченныхъ въ Гурьевѣ. Завязался неравный бой. Но прияцкіе орлы въ руки не дались—долго они бились и, пробившись въ открытое море, скрылись изъ глазъ. Мамонинъ не догналъ ихъ и не добылъ ни одного азыка. Казаки хотя и спасли за этотъ

разъ своих животы, но не даремъ далась имъ свобода: — много было убитыхъ, болѣе сорока раненыхъ и всѣ суда были пробиты пушечными ядрами: — ѿѣть въ такомъ видѣ въ открытое море не представлялось возможнымъ и они остановились на Песчаномъ островѣ. Здѣсь вскорѣ починивъ струги, они быстро унеслись къ туркменскому берегамъ. Но и тутъ казакамъ не повезло. Остановившись у Карагавской пристани, они назывались купцами и предложили туркменцамъ заявить съ ними торговлю. Наученные горькими ошибками туркмезы не повѣрили. — А кто съ вами посланъ изъ дѣтей боярскихъ? — спросили они казаковъ: — кто у васъ корища? Кто есть среди васъ изъ старыхъ торговыхъ людей, которые раньше у васъ бывали?

Казаки, не ожидавшіе подобнаго додроса, замялись и отвѣчали на удалую, но туркменцы изъ неудачныхъ отвѣтовъ сразу сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Они позвали казаковъ на берегъ, предлагая торговлю, приготовившись между тѣмъ захватить казаковъ въ расцѣлъ.

Казаки были за шести стругахъ, въ двухъ изъ нихъ помѣщалась вся раненые, болѣе сорока человѣкъ, въ часть здоровыхъ, а въ четырехъ стругахъ находилось около двухсотъ остальныхъ казаковъ. Оставивъ два струга съ ранеными товарищами въ морѣ, на якорахъ, они подошли ближе и вышли на берегъ въ числѣ около ста пятидесяти человѣкъ; начался торгъ. Но въ разгарь торга туркмени бросились за казаковъ и заявилась свалка. Какъ-то неожиданно было сдѣлано нападеніе, но казаки не растерялись — они отбились, пометались въ струги и быстро отошли въ море, потерявъ убитыми десять человѣкъ въ двухъ взятыхъ въ пленъ. Послѣ этой неудачи казаки поплыли въ Кулалинскій островъ. Положеніе ихъ было печальное, хлѣбныхъ запасовъ у нихъ было мало: по одному мѣшку въ стругу, а прѣсной воды совсѣмъ не было; струги худы, всѣ пробиты изъ пушекъ, они едва едва держались на водѣ. Оставалось одно: или вернуться на Ішкъ, или ѿѣть въ море и снова попытать счастья. Но какъ вернуться? Тамъ ждали ихъ стрѣльцы, да и возвращаться казаку безъ добычи стыдно, — прошай тогда казакамъ слава! Какъ какъ снова починивъ струги, казаки рѣшили искать счастья въ морѣ, а безъ добычи не возвращаться. Васька Касимовъ предложилъ ѿѣти къ италійской области. Кулалинскій островъ опустѣлъ, — казаки скрылись за морокомъ просторѣ, направивъ паруса къ персидскимъ берегамъ. Въ пяти verstахъ отъ города Казлагачи они остановились на знакомомъ имъ островѣ Сары, на которомъ раньше стоялъ Развязъ. Этотъ островъ они сдѣлали временной стоянкой, откуда и стали ходить на промыселъ. Жители Казлагачи тотчасъ же узнали о прибытии незваныхъ гостей и немедленно же оповѣстили Шемаху и другіе города побережья, для защиты которыхъ шахъ послалъ войска. Первый-же набѣгъ, который сдѣлали казаки на побережье, было нападеніе на городокъ Казлагачи. Но и тутъ имъ не повезло. Казаковъ „пощипали и прогнали“. Продѣзала они къ нему на пять стругахъ, но ихъ встрѣтили войска и заявилась скватка; казаки бросились въ струги и ушли на островъ,

оставивъ трехъ человѣкъ убитыхъ и одного раневаго товарища.

Между тѣмъ съѣдѣя о казачьихъ подвигахъ стали доходить въ Астрахань, гдѣ въ это время былъ уже другой воевода Петръ Михайловичъ Балтыковъ съ товарищи: двумя своими сыновьями Федоромъ и Алексѣемъ.

Восьмого сентября прибылъ въ Астрахань боярскій сынъ Григорій Траповскій, возвратившійся съ торговыми людьми изъ Караганской пристани, и рассказалъ воеводѣ слышанное имъ отъ туркменъ о неудачной высадкѣ казаковъ у этого городка.

Воевода немедленно же снарядилъ въ поиски за казаками четыреста стрѣльцовъ, подъ командой стрѣлецкаго головы Ивана Кроткаго. Но московскіе сборы не отличались быстротою: пока снаряжали струги, пока дѣлали запасы, прошло двѣ недѣли и лишь только 25 сентября отрядъ вышелъ изъ Астрахани. Кроткову было вѣдено въ обязанность непремѣнно бѣхать въ яицкій городокъ (Гурьевъ) и спросить тамъ у стрѣлецкаго головы Андрея Зюзина, вѣдь ли какихъ либо сѣѣдѣній объ яицкихъ казакахъ, не знаютъ-ли, гдѣ они стоятъ, за какихъ островахъ, „и не прошли-ли вверхъ Иакомъ рѣкою и запольными рѣками въ прежде свои казачьи городки?“¹⁾). Если не будетъ получено точныхъ вѣстей, то Кроткой должна была бѣхать въ море и искать казаковъ „по причинамъ мѣстамъ и по островамъ, гдѣ у нихъ орежь сего пристави бывала“.

Кроткой прибылъ въ Гурьевъ 1 октября, но про воровскихъ казаковъ у Зюзина и у жителей анчего не узнавъ. Въ Гурьевѣ было известно только одно, что казаки назадъ на Иакъ не возвращались. Тогда, простоявъ два дня въ Гурьевѣ, Кроткой поѣхалъ въ море. Но такъ какъ Зюзинъ далъ ему совѣтъ быть осторожнѣй, то Кроткой передъ собою „въ ертаулѣ залѣзъ бѣхать сотнику московскихъ стрѣльцовъ Лушандиау съ стрѣльцами, чтобы занеѣстными дѣломъ тѣ воронскіе казаки на морѣ на ратныхъ людей не напали и ратныхъ людемъ какіе поруки не учвили“. Первый островъ, куда направился Кроткой, былъ островъ Камынинъ. Тутъ онъ увидѣлъ только остатки казачьяго коша и мѣсто, гдѣ они дѣлали струги; оттуда отрядъ направился къ Песчанымъ островамъ, гдѣ нашелъ „памятную рукладь послѣ тѣхъ-же воровскихъ казаковъ“; отсюда Кроткой поплылъ къ Каменевому острову, но и тутъ казаковъ не нашелъ. Имы порученіе въ случаѣ неотложнаго вспоминанія казаковъ остановиться гдѣнибудь въ морѣ, на островѣ, съ котораго можно было бы видѣть яицкое и волжское устье, Кроткой сдѣлалъ этотъ островъ времененою стоянкою и послалъ въ Астрахань челобитья для указанія о дальнишахъ дѣйствіяхъ.

„А буде ихъ воровскихъ казаковъ нѣгдѣ не сойду — писалъ онъ въ челобитѣ — и наѣ волно стоять съ людьми на острову, гдѣ пристойно, чтобы ихъ воровскихъ казаковъ не пропустить въ волжское и яицкое устье... а можъ

1) Въ Яицкій городокъ и въ Кирсановскую станицу.

лицкаго и волжскаго устья кроме казачьяго прорану встать негдѣ, для того что и у прежнихъ воровскихъ казаковъ въ томъ мѣстѣ пристань была... а туть Каменныи островъ подлѣ яицкаго устья, а отъ волжскаго устья и отъ притоковъ волжскихъ удалевъ". Даље онъ пишетъ, что пойдеть на казачий проранъ и просить прислатъ указанную память, что ему дѣлать.

На это изъ Астрахани написали, чтобы онъ вѣсти иѣрархи искать „воровскихъ яицкихъ казаковъ" и быть въ морѣ до первого ноября.

Кроткой опять поѣхалъ на розыски. Быть овѣ и въ казачьемъ проранѣ, быть и на морѣ „по притчайнымъ мѣстамъ, по косамъ и по островамъ и по морскимъ лопатинамъ, гдѣ прежде сего у воровскихъ казаковъ пристань бывала и зиживали", но казаковъ не нашелъ и „съ мора повернуться ходиль на Синее мордо и по волжскимъ косамъ и по лопатинамъ до Четырехъ бугровъ и до Ярковъ", но и тамъ никого не встрѣтилъ. Въ концѣ сентября, изѣдивъ все сѣверное побережье, Кроткой повернулся къ Астрахани. Здѣсь у устья онъ встрѣтился съ кумычаниномъ, членомъ Шевкала Тарковскаго, непековыимъ, который сказалъ ему, что казаки гуляютъ по персидскимъ берегамъ „за моремъ на сторонѣ шахова величества". Привезенный Кротковымъ второго ноября въ Астрахань онъ первый рассказалъ военодамъ о бѣзъ казаковъ у городка Казлагачи и о томъ, что казаки живутъ на островѣ Сары.

Наступала уже зима. Поиски за казаками были оставлены до весны.

„И по тѣмъ, государь, вѣстямъ—писалъ Салтыковъ—вѣли мы холопи твои дѣлать двадцать струговъ на морской ходѣ, а какъ на веснѣ ледь вскроется, я холопъ твой, Петрушка, за тѣмъ воровскими казаками на морѣ твоихъ ратныхъ людей пошли и велю надъ ними чинить промыселъ".

Между тѣмъ казаки разѣзжали по морю и грабили попадавшія имъ суда, постоянно перемѣня мѣсто стоянки. Удачны-ли были эти промыслы, неизвѣстно, но уже по одному тому, что о существованіи казаковъ знали всѣ прибрежные жители, можно предположить, что промыслы были не изъ удачныхъ. Видимо, казакамъ „фортуна отказалась служить" и ихъ прослѣдовало одно злоключеніе за другимъ. Въ ноябрѣ вздумали они вблизи Баку достать пресной воды, послали за нею съ Жилого острова на двухъ стругахъ тридцать человѣкъ, пристали они къ берегу, „и на морѣ учинилась волна и струги разбило", и выметались казаки на берегъ, „а ружье и зелье у нихъ потонуло". Оружили вольныхъ прочышленниковъ персикне и взяли въ пленъ; „а они убоились смерти обасурились", приняли магометанство и стали жить въ Баку, а остальные казаки остались на Жиломъ островѣ. Оѣль это въ злонамѣнномъ похождевіи казаковъ въ Астрахани узнали отъ персидскаго кунца; въ тоже время въ Астрахани было получено извѣстіе о казакахъ отъ Григорія Траковскаго, который былъ посланъ съ грамотою къ персидскому шаху. О подвигахъ казаковъ онъ узналъ въ Шемахѣ 1 ноября. „Прѣижали казаки подъ Баку—писать онъ—въ четырехъ стругахъ и били боемъ на деревню, и тѣхъ воровъ выкинуло подъ Бакю 29 человѣкъ и приведено къ шемахинскому хану

и хазъ даёт имъ поденаго корыту по 10 денегъ, и днемъ ходать они за-
дрости а къ ночи ихъ запираютъ, а которые ушли отъ Баки въ море, стоять
за Салтромъ острову и сдѣлали городокъ, и у воровъ три пушки".

Новое-ли это похождение казаковъ или повторение первого? Разавца во
второмъ сообщеніи въ количествѣ струговъ и обстоятельствахъ дѣла, во суть
также—выброшены на берегъ 29—30 человѣкъ, которые обасурманились, и
иахъ, не довѣрия имъ, держать ихъ ночью подъ замкомъ. Название острововъ
тоже различное: въ одномъ случаѣ Жалой, а въ другомъ Святой островъ.

Вѣроатно, орды орловичи пошли въ другую бѣду и потеряли еще 29 че-
ловѣкъ, которые тоже обасурманились, какъ и первые ихъ товарищи.

Не везло казакамъ все зѣто. Попадались имъ только загѣвавшися суда—
ограбили они бусу, шедшую изъ Астрахань съ маревою (краскою), но „корысть“
къ ней была небольшая.

А тутъ наступила зима. Выбрали себѣ казаки вблизи Баку островъ Чирей,
построили избы, „а въ избахъ лѣсь бусной, которую бусу они разбили съ
мареною“, сдѣлали валь, окончали рвомъ и стали зимовать.

Не веселыя думы были у Васьки Касимова съ товарищами. Почти полу-
вина молодцовъ или убиты или въ плену, добычи нѣть, и уйти съ моря
некуда, вездѣ сторожать стрѣльцы.

Вернуться на Яикъ было немыслимо. Они хорошо знали, что ихъ не
пропустятъ и поймаютъ.

И вотъ загрустили казаки. Рѣшили они съ раннею весною, какъ прой-
деть ледъ, пробраться за Тerekъ, потомъ на р. Куму, а оттуда скрыться
изъ Довъ. Съ Дона-же всегда была свободная дорога на Яикъ.

Но наступила весна и на казаковъ надвинулась новая бѣда. Только лишь
прошелъ ледъ на Волгѣ и очистилось устье, изъ Астраханіи 31 марта высту-
пилъ для промысла надъ казакамъ письменный голова Иваній Сумароковъ.
Его отрядъ состоялъ изъ 21 струга пра 21 пушкѣ въ 900 человѣкъ стрѣль-
цовъ. Онь долженъ былъ обойдти весь острова: Синий, Дрисловъ, Каменный
и въ островъ, „что противъ Курнѣ гдѣ бывала прежде сего воронского ка-
зака Степанка Разина поклажа“ и по островамъ, которые противъ города Баки.
Для осторожности Сумарокову назначалось идти, какъ и Кроткону, впереди
отряда ертаульный стругъ и промышлять надъ ворами всѣми способами.

Изъ актovъ видно, что 24 июля за сборомъ вѣстей обѣ отряды Сумарокова
были посланы сотникъ Иванъ Кроткой, которому назначалось спуститься
Волгою до взморья до Четырехъ бугровъ и проеѣздѣть „по государевыхъ
ратахъ людей про Сумарокова и всѣ ль они съ моря къ Четыремъ буграмъ
пришли и проѣздали тѣхъ за спѣхъ къ столнику Салтыкову“.

Но на этой посылкѣ обрываются всѣ саѣдѣнія о дѣйствіяхъ Васьки Касимова
и его товарищѣй. Чѣмъ окончили они свое странствованіе—ускользнули ли

отъ стрѣлцовъ и ушли на Терекъ и Довъ, или были разбиты посланными отца, домъ и кончили свою жизнь среди пытъ и казней — остается невыясненнымъ.

Послѣ этого неудачнаго набѣга яицкій казакамъ не повезло на морскіе промыслы — всюду они терпѣли неудачу; вездѣ они попадали, говоря словами казака Афанасія Барсукова¹⁾, „словно курь во щи“, теряли своихъ товарищъ, а добычи получали „брюсь съ оселкомъ... Словомъ куда только казаки ви пойдутъ, вездѣ уронъ понесутъ, фортуна отказалась служить. Покинутъ она казаковъ на вѣки вѣчны!“ — Еще двадцать лѣтъ продолжались налеты приицкихъ орловъ на море и все съ такимъ же результатомъ и въ 1698 году они прекратились совсѣмъ.

На морскіе грабежи правительство, наученное горькимъ опытомъ, стало обращать самое серьезное вниманіе и для удобства управления и наблюденія за краемъ въ 1680 году яицкіе казаки были подчинены непосредственно вѣдѣнию Казанскаго приказа, въ городѣ Казани²⁾, откуда они черезъ воеводъ и стали получать грамоты и распоряженія; во внутреннія дѣла войска Казань не вмѣшивалась. Въ тоже время главный надзоръ за войсками понизовыхъ приолжскихъ городовъ, отъ Самары до Терка, и за уфимскими городами былъ вѣрено приказу Казанскаго дворца съ тѣмъ, чтобы списки служилыхъ людей были сообщаемы въ Разрядъ, составлявшій тогда высшую инстанцію по управлению городами.

Съ этого-же года все вниманіе казаковъ было обращено на своихъ соѣдѣніи башкиръ, безирервныя восстания которыхъ и грабежи, производимые ими въ русскихъ предѣлахъ, заставили казаковъ быть на стражѣ, а также и принять участіе въ подавленіи восстаний. Въ то же время на границѣ казачьей земли появился другой врагъ, врагъ дикий, воинственный и неутомимый, съ которыемъ казакамъ пришлось вести безирервную и беспощадную войну почти полтораста лѣтъ. Этотъ врагъ были киргизы-кайсаки.

Тогда около Яицкаго казачьяго городка шмырли по всѣмъ направлениямъ, искавшіе добычи, шайки калмыкъ, башкиръ и киргизъ. Иль за каждого куста грозилъ врагъ, ждала смерть. И не до промысловъ было казакамъ. Промыслы изъ Каспийскаго моря обратились въ другую сторону — на борьбу со стѣнами хищниками.

Старые сосѣди казаковъ — башкиры, до сихъ поръ мирные и покорные, запущенные, заволновалось и перешли въ открытый бунтъ. Башкирия, занимавшая тогда обширный край въ верхояньяхъ Илы, земли нынѣшихъ Оренбургской, Уфимской и часть Самарской губерній, вошла въ составъ русского государства въ 1558 году, по покореніи Казанскаго царства. Въ первые годы подданства Россіи башкиры были народомъ самыи смиренныи, покорныи и безпрекословно исполнявшими всѣ требования правительства. Для болѣе удобнаго

¹⁾ Соч. И. И. Жебцова „Уральцы“ т. 3, стр. 62—66, Кн. Терская.

²⁾ Полное собраніе законовъ, томъ II, № 844.

управлениі башкирами и собирали съ нихъ податей въ 1574 году былъ основанъ въ центрѣ ихъ края городъ Уфа и учреждены гарнизонъ. Башкиры противъ этого не протестовали, но когда воевода Иванъ Ногай сталъ раздавать русскимъ поселенцамъ земли въ окрестностяхъ Уфы, башкиры зароптали, видя въ этомъ посягательство на ихъ собственность. Но правительство не обращало на это вниманія и раздача земель не только не прекратилась, но появившимся въ Башкирии поселенцамъ, татарамъ, мещеракамъ и черемисамъ снова были разданы большія площиади земли. Туда же бѣжали старообрядцы, крестьяне и прочіе недовольные существовавшимъ тогда порядкомъ русскаго людіи. Всѣ эти пришельцы селились, гдѣ хотѣли, но преимущественно занимали земли по тогдашней сибирской дорогѣ отъ города Уфы до Челябинска, особенно около посѣдняго. Въ тоже время инородцы вообще и особенно башкиры и татары уже перестали пользоваться свободою вѣроисповѣдаваія, какъ было до реформъ Никона; многихъ изъ нихъ, особенно татаръ, стали силомъ приводить въ православіе.

Этотъ захватъ земли, стѣснившиі кочевой образъ жизни башкиръ, стѣсненіе свободнаго вѣроисповѣданія вѣры, невозможные, тягостные и подчасъ унизительные поборы и лахомство русскихъ чиновниковъ, заставило башкиръ взяться за оружіе. Съ весны 1662 года первые восстали жившіе по р. Исети башкиры, черкисы, татары и верхотурскіе ногулачи. Къ нимъ пристала часть калмыковъ и ногайцевъ. Богуличи кричали: „Подвался на Русь нашъ царь!“ Возставшие стали грабить русскія села и выжгли Кунгуръ.

Этотъ бунтъ былъ скоро усмиренъ и въ концѣ 1663 года башкиры Ногайской и Казанской дорогъ¹⁾ и волостей по р. Ику просили сказать уфимскому воеводѣ князю Волконскому, что они хотятъ быть по прежнему подъ рукой великаго государя въ вѣчномъ ходоствѣ, но просили, чтобы ихъ аманатовъ, взятыхъ передъ бунтомъ, перевели изъ Казани въ Уфу. Обнадеженные Волконскимъ, башкиры прислали въ Москву выборныхъ, которые въ приказъ Казавскаго дворца, передъ бояриномъ княземъ Юриемъ Долгорукимъ дали шертъ на коравѣ. Послѣ шерти они явились царю и получили жалованную грамоту за свои земли въ двухъ языкахъ²⁾.

Но уже черезъ годъ башкиры Сибирской дороги явилась подъ Невьянскими острогами въ сожгли монастырь, и затихнувшій было бунтъ всыпнуль во всій силѣ и этому волненію не предвидѣлось конца. Война съ Турцией не могла не отразиться на башкирахъ. Уже въ началѣ 1679 года среди нихъ было сильное броженіе. Они говорили: „Чагариа крымцы и турки взали и госу-

¹⁾ Ногайская дорога шла отъ Уфы на югъ къ Лину, къ ногайамъ, а Казанская отъ Уфы на Казань.

²⁾ После сѣдѣствія, между потері башкирами этой грамоты, имъ была выдана копія ея изъ казанскаго изѣстническаго архива. Въ своей чалобитной по этому поводу башкиры, говорятъ, что первая грамота имъ была дана царемъ Иваномъ Грознымъ. (Москов. Главн. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Казанскаго Губер. Правл. Словеснаго суда, дѣло № 8, листъ 36).

даревыхъ людей побили и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна душа". Прекашникъ Араповъ, бывшій въ одной изъ татарскихъ деревень съ торгомъ, извѣщалъ, что всѣ татары и башкиры готовятся воевать Кунгуръ и всѣ сибирскія слободы, что они кормятъ лошадей, дѣлаютъ луки и стрѣлы и что ружья у нихъ много: у всякаго человѣка по двѣ и по три пищали винтовки. Замѣчалось броженіе и у калмыцкаго хала Аюки; дошли слѣдоватія, что онъ хочетъ помираться съ уфимскими башкирами, чтобы вмѣстѣ съ ними ходить войною подъ казачьи городки, подъ Самару и другие украинные города¹⁾). Въ юлѣ бунтъ вспыхнулъ по всей Башкирии. Душою возстанія былъ старшина Сеитъ, по имени которого и былъ названъ этотъ бунтъ Сеитовскимъ. Сеитъ разъѣзжалъ по Башкирии, говорилъ народу о его вольномъ прошломъ, о его былой независимости и о счастливомъ времени, когда башкиры не звали русскихъ воеводъ и были богаты и вольны. На его призывъ откликнулась вся Башкирия,—башкиры поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и двинулись на русскія гравицы. Сеитъ привозилъ на помощь только что появившихся у Итика киргизь-казаковъ и съ главными силами обрушился на казанскій уѣздъ, и захватилъ русскія села. Въ юлѣ часть башкиръ, соединившись съ татарами, явилась въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ подъ Пензой. Они сожгли посадъ, разорили деревни и ушли въ степь. Три года продолжался бунтъ; всѣ закамскіе деревни и пригорода, почти весь казанскій уѣздъ были разорены и сожжены. Русскихъ было убито и взято въ пленъ несолько тысячъ. Подавить восстание казанскій воевода не могъ за неимѣніемъ какихъ либо внушительныхъ ратныхъ силъ. Эти силы были присланы лишь въ веснѣ 1680 года изъ Москвы съ полковымъ воеводомъ Федоромъ Васильевымъ Зеленинымъ. Онъ привезъ съ собою несолько стрѣлецкихъ полковъ, донскихъ и малороссійскихъ казаковъ²⁾). Въ этотъ отрядъ вошли и 500 яицкихъ казаковъ. Бунтъ былъ задавленъ. Сотни казненныхъ башкиръ, тысячи сосланныхъ во внутреннія губернія во власть русской помѣщикамъ завершили усмирение.

Въ какихъ бояхъ, схваткахъ и гдѣ участвовали въ этомъ походѣ яицкіе казаки—свѣдѣній не найдено и найти не представляется возможнымъ, т. к. единственныя источники по этому поводу—башкирскія дѣла Московского архива иностранныхъ дѣлъ начинаются съ 1683 года, почему и у Соловьевъ въ его исторіи Россіи о бояхъ башкиръ болѣе раннаго времени почти ничего не говорится. Въ своихъ отвѣтахъ на вопросы пушкинскіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1720 году³⁾) [смотр. прил. XI] обѣ этомъ походѣ они говорятъ такъ: „а когда башкирцы бунтовали и отлагались изъ подъ рузы царскаго величества, чьему уже минуло лѣтъ съ сорокъ (слѣдовательно въ 1680 году) и въ то время посланы для унатія ихъ они яицкіе казаки 500 человѣкъ и въ башкировъ они побили и за то ихъ службу учинено имъ его

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 13, стр. 279.

²⁾ Ричковъ. Тол.ogr. Оренб. Губ., стр. 62, и Витебскій „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 181.

³⁾ Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга № 80, листы 21—25.

великаго государя жалованіе повсѧюдо изъ того-же приказу (Казанскаго дворца) на шестисотное число, а именно: денеи по 953 рубля, скоину и пороху на каждого казака по фунту. А присылавшы отъ нихъ въ Москву о жалованыи и членовитчикахъ 14 человѣкамъ жалованыи на прїездъ атаману по 7 рублей да по сукну, ясаулу по 6 рублей да по сукну, рядовыи по 4 рубля да по сукну, да кормовыхъ: атаману по 2 алтына, ясаулу по 10 денегъ, рядовыи по 8 денегъ человѣку на день; на отпускъ (т. е. на обратный путь) противъ прїезжаго: атаману по 7 рублей да по сукну, ясаулу по 6 рублей да по сукну, рядовыи по 4 рубля да по сукну; и въ дорогѣ кормъ противъ московской дачи, а на сколько времени того не упомянуть. Ихъ-же даваны подводы: атаману и ясаулу по 2, рядовыи по одной и на нихъ прогоны".

Запрошеный по этому поводу коллегіей иностранныхъ дѣлъ казанскай губернаторъ подтвердилъ этоѣ отвѣтъ и сообщать, что съ образованіемъ казанской губерніи [смотр. прилож. XI] казаки стали получать это жалованье изъ Казани, а именно: „окладного 600 человѣкамъ денегъ 200 рублей, да за сукна за 600 портищъ по 753 рубля 8 алтынь и 2 деньги итого по 953 рубля 8 алтынь 2 деньги на годъ да за прїездъ для членовитчика о жалованыи станичному атаману ясаулу и рядовыи казакамъ 12 человѣкамъ кормовыхъ и за сукна дававо по 103 рубля по 3 алтына по 1 деньгѣ, осего по 1057 рублей по 12 алтынъ по 3 деньгамъ на осъха".

За это-же время видно, что у казаковъ были пушки: тяжелыи, которые стояли по городскому валу, и легкія „полковныи“ „для вылазокъ противъ непріятельскихъ людей пѣхотою и конницею“. Пушки эти, какъ пишутъ казаки въ своей членовитной¹⁾, давы войску „въ прошлыхъ годахъ, а въ которыхъ именно сказать не упомянуть по посланнымъ его великаго государя грамотамъ изъ приказу Казанскаго дворца, для обороны отъ приходу непріятельскаго, изъ низовыхъ городовъ: изъ Симбирска три пушки, изъ Казани пять пушекъ большихъ чугунныхъ, а иныхъ пушки изъ которыхъ городовъ въ нихъ отпущены, того они сказать подлинно не упомянуть. Такожъ и войсковые клейноты въ изъ приказу Казанскаго дворца и въ Казани по указамъ даваны“. Въ другой членовитной отъ 12 мая 1721 года²⁾ казаки говорить, что въ прошлыхъ годахъ были „даваны“ иль изъ Москвы изъ приказа Казанскаго дворца знамена. Но установить точно, когда были даваемы эти знамена и пушки, не представляется возможнымъ. Всего-же войску съ 1680 года стало выдавать пороху ручного 12 пудовъ, пушечнаго 14 и свинцу 12 пудовъ и сто пушечныхъ ядеръ на годъ³⁾.

Изъ этихъ данныхъ видно, что яицкимъ казакамъ съ 1680 года за ихъ службу въ Башкиріи сталъ выдаваться разъ изъ всегда определеный окладъ жалованья, но не на все войско, а только на 600 человѣкъ. Это жалованье

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Шт. опись 107, лѣво № 80, членовит. каз. 1720 г. июль.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, лѣво № 80, листы 76, 77 и 78.

раздѣлялось на денежное, на покупку суконъ для платы, и ружейные и артиллерийские припасы натураю. Размѣръ этого оклада сохраняется до конца царствованія Петра Перваго.

Съ возстановлениемъ башкаръ, съ появленіемъ киргизъ жизни лицъ казаковъ становится тяжелой, одинъ за другимъ слѣдуютъ посылки изъ войска станицъ на вѣтшую службу, походы на киргизъ, безпрерывныя стычки съ кочевниками — борьба безщадная, безпрерывная и жестокая. За набѣгъ киргизъ — казаки платили набѣгомъ, за отгонъ скота — отгономъ, за смерть — смертью. Но изъ союза казаковъ — киргизы были враги неустомимые, дерзкіе, — враги воинственные и сильные своимъ числомъ. До прихода къ предѣламъ Янка, они кочевали далеко въ Азіи отъ несковъ Каракума по рѣкѣ Сары-су и далѣе на западъ къ Туркестану¹⁾. Тамъ все время они вели жизнь кочевую — военный промыселъ было ихъ главное занятіе; еще въ 1536 году они громили Туркестанъ, брали Ташкентъ, и вели безпрерывныя войны съ змагорами, которыхъ не разъ разбивали и грабили²⁾. Постепенно двигаясь за западъ, они стали приближаться къ Янку и встрѣтить на пути калмыковъ и ногайцевъ, разбили ихъ и потеснили за Янкъ и въ началѣ 1700-хъ годовъ окончательно заняли всѣ степи на постокъ отъ Янка.

Путешественникъ Цалласъ, бывшій на Янкѣ въ 1769 г., характеризуетъ бытъ и нравы киргизовъ такимъ образомъ³⁾:

„Многочисленный киргизскій народъ живетъ въ неограниченной вольности въ сравненіи калмыковъ, которые такъ много малыхъ властителей надъ собою имѣютъ. Каждый киргизецъ живетъ такъ, какъ вольный господинъ, и потому киргизы не такъ страшны, какъ другіе центральщи. Однако каждое поколѣніе или аймацъ имѣть надъ собою главнаго, которому всѣ промышдіе отъ одного колѣна оказываютъ добровольное послушаніе. Имѣющіе у себя въ вѣдомствѣ большее число подчиненныхъ называются ханами и султавами. Такоже есть еще и другие чины оныхъ подсудимые, а именно: дворянъ, бо именуемые: почетные люди стариннаго поколѣнія ходжа и еще другіе мураны называемые. Отъ Россійской Имперіи опредѣленный и жалованье получающей ханъ пограничной малой киргизской орды не великую имѣть власть надъ своими вольными людьми, и столько ему поимѣются, сколько онъ можетъ пріобрѣсть себѣ подчиненныхъ своимъ богатствомъ и подарками. Овъ также не имѣть права ихъ судить: но по всякой годъ бываетъ три собранія старшинъ и главныхъ изъ каждой фамиліи или поколѣнія, которые тогда решать случающіяся ссоры. Есть-ли они хотѣть куда идти сильными партиями, или дѣйствительно настоитъ война, то бываютъ у нихъ большихъ собраній для совѣта, и выбираютъ одного изъ старшинъ или начальниковъ себѣ предво-

¹⁾ Книга Большой Чертежъ, стр. 73.

²⁾ Пиродол. Древ. Русск. Вифліот., кн. VII, стр. 276.

³⁾ Цалласъ. Пут. по разн. пр. Рус., изд. 1809 г., стр. 577—581.

дителемъ. Малые грабежи чинятъ они малыми партиями, не требуя совѣта отъ всеобщаго собранія, а если они съ Россійской границы отгоняютъ табуны лошадей или хватаютъ людей, то дѣлаютъ виноваче въ то время, когда они со своими стадами удалялись изъ оной страны. Ибо пока они кочуютъ въ близости, то сами наблюдаютъ, чтобы никакой наглости учинено не было для того, дабы въ противномъ тому случаѣ невинные и неимѣющіе времени такъ скоро удаляться со своимъ скотомъ, не могли пострадать за виноватыхъ. Вообще избираютъ они такое время для чиненія набѣговъ, когда грабителей поймать не можно. Примѣчено, что сія сбѣды опасны, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, где на Россійской сторонѣ ровная голая степь, а за киргизской горы, въ коихъ они укрываются и удобнаго случая ожидать могутъ. Азіатскіе караваны въ Россійскіе торговые города приходящіе по опасной, киргизами обитаемой, степи, полагаются за защищеніе начальниковъ тѣхъ аймаковъ, чрезъ почеванье коихъ лежить дорога. Караваны называютъ ихъ караванъ-нашами, и за надежное прикрываніе или провожаніе платить имъ по договору товарами, такъ что, по объявлению бухарцевъ, у коихъ я спрашивала, даютъ по 10 и по 12 рублей съ каждого навьюченного товарами верблюда.

Въ прочемъ киргизы люди боязливые, и толь мало склонны въ кровопролитію, что лучше стараются взять когонибудь въ пленъ, нежели лишить жизни. Съ нѣмънниками поступаютъ милостиво, если они служить имъ вѣрно. Съ чужестранными обходятся ласково; однако всегда употребляютъ хитрость и наблюдаютъ свою корысть, ибо когда они прѣѣжаютъ въ Россійскія жилища, то хозяевамъ дарять неважныя вещи въ томъ наимѣреніи, чтобы послѣ выманить себѣ подарокъ поважнѣе. Они поздравляютъ по татарскому обыкновенію и правую руку другого жиутъ обѣими руками; но старыхъ звакомыхъ обыкновенно обнимаютъ на крестъ. Языкъ ихъ мало развится отъ татарскаго; однако имѣютъ высокое произношеніе, и обыкновенно употребляютъ замысловатыя рѣчи.

Богатство киргизовъ собственно состоитъ въ скотоводствѣ, а виноваче много у нихъ лошадей и овецъ. Верблюдовъ имѣютъ они гораздо меньше, а коровъ и того еще меньше, по той причинѣ, что ихъ зимою безъ обычновеннаго корма не можно хорошо содержать въ степи. Во времена перѣѣзда съ одного мѣста на другое возятъ они свои вещи на быкахъ и верблюдахъ. Я не видалъ у нихъ никакихъ другихъ верблюдовъ, кроме двухгорныхъ.

Набѣги на русскіе предѣлы киргизы дѣлали исключительно ради пленныхъ, которыхъ они продавали въ Хиву и Бухару за дорогую цѣну. Тамъ всегда находилось русскихъ пленныхъ несолько тысячъ. Ужасную участь имѣли эти пленники. Они исполняли самые тяжелыя и непосильныя работы; обращеніе съ ними было самое жестокое. Выйтіи оттуда почти не представлялось возможнымъ. Такихъ счастливцевъ было очень мало.

Пленный у киргизъ жилось несолько лучше. Киргизы старались ихъ

заворожать: „Есть еще колдуны — пишетъ Палласъ, — въ большей части колдуны, Джадугаръ называемыя, которыя склоняютъ невольниковъ и другихъ пленниковъ такъ что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются, и опять попадаются въ руки своему господину, или хотя они и уйдутъ, однако опять скоро попадутъ киргизамъ въ неволю. На такой ковеъ вырываются они у пленника волосъ изъ головы, спрашиваютъ его имя, и ставить посреди кибитки на расчищенный и солью посыпанный мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь. Потомъ колдунья чинить заговоры, и въ то время приказываетъ пленнику трижды отступать назадъ на свои ступени плевать, и каждый разъ высакивать изъ кибитки. Напослѣдокъ сиплетъ пленнику на языкъ вѣсколько золы за которой онъ стоитъ, и тѣмъ колдовство кончается. Яицкіе казаки вѣрятъ, что если пленникъ объявить настоящее свое имя, то сие колдовство бываетъ действительно“.

О первыхъ схваткахъ казаковъ съ киргизами и о казацкомъ герое Харько, богатырѣ того времени, сохранилось за Яикъ преданіе, записанное И. И. Желѣзовымъ.

„Харко, сударь мой, былъ сподручникъ Разина, рассказывалъ Желѣзову казакъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ¹⁾, первый, можно сказать, герой по немъ. Послѣ того, какъ Разина совсѣмъ порѣшили, Харко съ двѣнадцатью человѣками, съ своими, значитъ, прислужниками, и удалился съ Волги на Яикъ.

Въ тѣ поры наши казаки, извѣстно тебѣ, жили за Кошъ-Яикъ, альбо за Кирсановомъ яру; засечь далеко отъ моря, верстъ безъ малаго семьсотъ будетъ. Хоча казаки наши изъ предковъ всѣмъ владали Яикомъ, однако далеко на визъ рѣдко спускались по той самой причинѣ, что красной рыбы было не въ проборѣ и около города. Ну, и выходить, что по теперешней нашей извозовой линіи была пустыня. А гдѣ пустыня, тамъ, извѣстно дѣло, въ орда: безъ этого быть нельзя. Говорится: безъ дурака городъ не стоитъ. На подобіе сему, можно сказать: безъ орды пустыня не бываетъ. Пустыня значитъ пустое мѣсто, а орда, знамо дѣло, пустой человѣкъ, никакого толка вѣтъ. Ну, одно къ другому и идетъ. Казаки наши хоча не въ частынъ бывавіе хаживали въ походы супротивъ басурмановъ, гонали басурмановъ отъ Яика, однако вѣтъ-вѣтъ да и прикачуешь казак-лабо орда къ Яику; знаешь, чтобы лугами казачими поживиться. Такъ было въ ту пору прикачевала къ Яику и сѣла около Маринкина города одна орда, а казаки наши и вѣ чуютъ. Этю ордой повелѣвала дѣвка, воинъ-дѣвка. У этой дѣвки и гвардія была изъ дѣвокъ. Въ старину такихъ оказій были не въ диковину.

Харко съ своими прислужниками пробирались къ намъ, казакамъ, за Кошъ-Яикъ; но дѣвка-воинъ преградила ему дорогу. Хоча воинъ-дѣвка была и дѣвка, по просту баба, однако дѣло свое знала не хуже мужчины. Созвала

¹⁾ И. И. Желѣзовъ, „Уральцы“, т. 3, стр. 35—47.

она совѣтъ и говорить своимъ гвардейкамъ и всей супцей ордѣ:

„Намъ и безъ того отъ нихъ (то-ись отъ казаковъ нашихъ) житъ нѣть, а какъ еще этотъ дьяволъ (сарѣчъ Харко) съ своими причетниками соединяется съ ними, тогда совсѣмъ пронадемъ; тогда, говорить, не пожиравшися отъ нихъ клочкомъ травы иль беремъ дровъ, тогда, говорить, не даутъ они намъ и воды пазитъся изъ своего заповѣданнаго Яика. Надо, говорить, во что бы то ни стало, ведопускать до нихъ Харку.“

Сказала это и стала свое дѣло дѣлать.

Тѣмъ временемъ я Харко держитъ совѣтъ съ своими; говорить къ немъ таковую рѣчъ:

— Погуляли мы съ батюшкой нашимъ, Степаномъ Тимофеевичемъ, по святой Руси и по всему вольному свѣту довольно-таки. Много погубили мы всякаго народа, и крещенаго, и не крещенаго, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу. Знамо, некрещенныи тула и дорога, а за крещеныхъ доведется когда-нибудь отвѣтъ отдать за судъ страшномъ. Теперь братцы, настало время удобное, можно загладить, сколько ии-на-есть, грѣхи наши тяжкіе, говорить, очищать расейскія границы отъ орды поганой. Давайте, братцы, доказаемъ эту орду, чтобы она и воздухомъ здѣшнимъ не дышала! Этимъ самимъ дѣломъ, говорить, мы сдѣлаемъ три хорошихъ дѣла: первое дѣло — отпущеніе грѣхамъ получимъ, второе дѣло — расейскія границы отъ орды очистимъ, третье дѣло — яицкихъ казаковъ хлопотъ избавимъ.

Сказаль это и стала свое дѣло дѣлать.

Вонъ-дѣвка кибитки свои и весь скабръ отправила отъ Яика въ степь, къ Кара-Кулю, въ безопасное мѣсто, а сама съ гвардейками вышла супротивъ Харко. Гвардѣекъ у нея было ста два человѣкъ, а у Харко, и съ его буйною головой, всего на все, тринадцать человѣкъ. Но Харко былъ травленный волкъ: онъ не пошелъ на нее открытымъ боемъ, а пустился на хатости.

Дѣвка съ гвардейками наступала на Харко, а Харко отступалъ. Такимъ мазеромъ хоронодились они нѣсколько дней. Напослѣдовъ Харко улучилъ темную ночь; обрадилъ двоихъ иль троихъ своихъ согласничковъ въ бирючи (волчьи) шкуры и велѣлъ имъ подкрасться къ конскому табуну гвардѣекъ и броситься въ него. Ображенные въ бирючи шкуры подползли на четверенкахъ къ табуну да и завыли, словно брюки, — на все были дотошники, — а потомъ и бросились въ самую середку табуна. Лошади шарахнулись и какъ былъ табунъ, такъ весь и понесся въ степь, въ разныя стороны. Лошадантъ, знамо дѣло, лиха бѣда только чего испугаться, а тамъ ихъ самъ чортъ не удержитъ.

Въ загарѣ гвардѣекъ сдѣлалась суматаха страшная, а Харко того только и ждалъ. Не медля ни секунды, онъ съ остальными своими молодцами и нагрянулъ на гвардѣекъ, да и пошелъ ихъ душить. Къ угру онъ всѣхъ

ихъ пошабашиль. Не отверглась и предводительша: ее убилъ своей рукою Харко.

Покончши дѣло съ гвардейками и ихъ предводительницей, Харко пошелъ за Яикъ искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Тамъ, сударь мой, много было золотой казны и цвѣтнаго платя всякаго. Все это добро Харко забралъ и раздувались по своимъ согласничкамъ. Тамъ-же, въ кочевкѣ-то, застали они сколько то дѣвокъ,—дѣвки были все молоденькия,—внѣхъ побили, а иныхъ, что были покрасивѣе, взяли по себѣ.

Пожили они тутъ сколько-то времени, отдохнули, и стали собираться въ путь-дорогу. Харко свою дѣвку бросилъ, живую пустилъ на всѣ четыре стороны; порѣшить ее совсѣмъ жалко стало: вѣдь такъ ли, сакъ ли, а все таки она жила у него замѣсть жены. Совѣтывалъ тоже сѣдѣвать и своимъ причетникамъ, чтобы и они дѣвокъ своихъ бросили, а тѣ не послушались: жалко было разставаться съ дѣвками; больно ужъ по сердцу пришлось. Тогда Харко говорить своимъ согласничкамъ:

— Всѣ мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вамъ не смѣю, а совѣта моего не слушаетесь. Ваше дѣло, воли съ васъ не ссыаю. Ступайте, куда хотите, а я вамъ послѣ этого не товарищъ!

Согласнички говорятъ:

— Теперь дѣвки вамъ не помѣя, а когда будетъ нужно—бросаемъ.

Харко говорить:

— Когда будетъ нужно, тогда будетъ поздно.

Согласнички спрашиваются:

— Какъ такъ?

Харко говорить:

— Эти дѣвки не семьянны: онѣ, думаю, на свое мѣсто вѣку и сами не мало понюхали человѣччьей крови. Мы же гаѣзло ихнее разорили: не забудутъ онѣ этого и рано ли, поздно ли порѣшать, доказываютъ васъ,—не мытьемъ, такъ катаньемъ, проклятыя, доймутъ. Эй! послушайте жена: бросьте!

Сподручники смигаются и говорятъ:

— Доселева, Харкупка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видимъ, ты трусу празднуетъ. Вспомни, давно ли мы двѣнадцать человѣкъ, побили дѣвокъ болѣе двухъ сотъ. Ну статочное ли дѣло, чтобы двѣнадцать дѣвокъ осмѣялись супротивничать намъ, такимъ молодцамъ?

Харко говорить:

— Открытое поле особъ статья, постель особъ статья. Слыкали, чай, скаже библійское про Олоферна, а если не слыхали, такъ я скажу. Олофернь былъ не вами чeta, однако отмахнула же ему голову жена слабая.

Подручники Харко только засмѣялись, да промежъ себя говорятъ:—
«трусу празднуетъ! трусу празднуетъ!»

Харко осердился и поѣхалъ прочь.

Согласнички его поѣхали сами по себѣ. Выбрали они себѣ мѣстечко на Красноярь, гдѣ теперь Красноярскій фортъ, и тутъ устроили станъ.

Харко одинъ остановился ниже этого мѣста, верстахъ въ пятьдесятъ, и тоже устроилъ себѣ станъ, но не на землѣ, а на деревѣ. Тамъ онъ самъ себѣ гнѣзда, словно соловей-разбойникъ, и зажилъ въ имлу душу. Идти въ ванинъ казакамъ на Кошъ-Яикъ пораздумалъ; ждалъ, что будетъ отъ его согласничковъ, думалъ ве образумятся ли, ве разведутся ли съ дѣвками-то.

Пожали они на новыхъ мѣстахъ сколько-то времени, самую малость однако: Харко самъ по себѣ, а согласнички его сами по себѣ. Вотъ, сударь мой, въ одну ночь, на самой на зарѣ, притащился къ Харкѣ съ Красаго Яра одинъ изъ его согласничковъ, весь, бѣдняжка, израненъ, еле-еле дышать, да тухо, жалобно, чуть слышно и говоритъ:

— Сбылись слова твои, атаманушка: стубили насть змѣи скоропія.

Сказаль это, да тутъ же и духъ свой испустилъ.

Харко тое-жъ секунду спрыгнуль съ гнѣзда своего, вскочиль на буряго коня, что у дерева привязанъ былъ, и помчался къ Красному Яру. На восходѣ солнышка онъ былъ уже тамъ и засталъ дѣвокъ: тѣ, бестіи, дуванъ дуванатъ, значить, дѣлять по себѣ добро убитыхъ молодцовъ. Лишь толь узрѣли они его, да такъ и одурѣли на мѣстѣ. Какъ тигра, съ пѣвой у рта, Харко бросился на дѣвокъ съ саблей въ рукѣ; да вдругъ остановился. „Этого для васъ мало, бестіи!“ — сказалъ Харко, да и давай живьемъ вѣзать дѣвокъ; всѣхъ перевязалъ, да и положиль словно осетровъ на багрены, въ рядъ, одну подлѣ другой. Славно! Осмотрѣль и согласничковъ своихъ; а тѣ, бѣдняжки, всѣ измисличены до нельзя, узнать даже не можно, кто Каръ, кто Иванъ; такъ бестіи, посгарались. Сѣѣзжилъ и за тѣмъ, что у его дерева умеръ. Потомъ вырыль дѣвнадцать могиль, положиль въ нихъ убитыхъ согласничковъ, а подлѣ каждого изъ нихъ положиль по дѣвкѣ-душегубкѣ: этѣ, бестіи, были живыя, кричали, визжали, просили Харку, чтобы онъ добилъ ихъ; да не на того напали. „Что горюетесь? успѣете еще сколѣть“, говорилъ Харко, и дѣло свое дѣлаеть. Потомъ, сударь мой, опустилъ въ могилу къ каждому согласничку по ношѣ серебра, по ношѣ золота, по саблѣ, по ружью, по копью, по шарѣ пистолей, и все это, не торопясь, чинъ чиномъ зарыль. Напослѣдъ всего на могилѣ каждого согласничка посадиль по лѣсной яблонѣ. Покончивши это дѣло, Харко сказалъ:

— Не пропадай эта казна даромъ: дайся эта казна тому, кто на своемъ вѣку убьетъ дѣвнадцать дюжинъ басурмановъ иль-бо басурманокъ!

Сказаль это, да и удалился въ свое теплое гнѣздышко.

По предавламъ, сохранившимся въ устахъ народа въ разныхъ мѣстахъ Уральского войска, пишеть Желѣзновъ¹⁾, жизнь и подвиги удальца Харко, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ слѣдующей картины:

¹⁾ И. И. Желѣзновъ, „Уральцы“, т. 3, стр. 40—47.

Устроилъ Харко себѣ гнѣздышко на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Янка, и съ гнѣзда своего наблюдалъ за ордыцами.

Замѣтивъ киргизовъ, подѣхавшихъ къ Янку и остановившихся на ноцѣ, смѣльчакъ Харко неряпливаетъ рѣку Янкъ и подползаетъ къ киргизскому ставу. Покуда киргизы сидятъ около огней, покуда бесѣдуютъ, уживаются, Харко начинаетъ считать ихъ по головамъ. Пересчиталь. Всѣхъ киргизовъ оказывается, напримѣръ, тридцать человѣкъ. Харко такъ-же тихо, какъ проползъ, отползаетъ прочь отъ киргизского лагеря, прачется подальше въ кусты и ждетъ, когда киргизы улягутся, уснутъ. Обезпеченные пустынностью и необитаемостью береговъ Янка, киргизы не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности, а это Харкѣ и за руку: меньше, слѣдовательно, ему хлопотъ. Полночь. Киргизы уснули. Харко выходитъ изъ засады и отправляется... къ киргизамъ въ лагерь думаетъ? Нѣть! Харко остороженъ и терпѣливъ. Нападать одному, притомъ пѣшиму, да вѣдомовѣ еще ночью, на огромную толпу — и безразсудно, и опасно. Харко не тревожить сонъ киргизовъ. Онь идетъ въ луга, ловить киргизскихъ лошадей всѣхъ до одной, плавить ихъ за самарскую сторону и загонять въ густой лѣсъ, далеко отъ Янка. Потомъ отправляется къ себѣ въ тепло гнѣзда и преспокойно ложится спать. „Угро вечера мудреи“, говорить Харко и засыпаетъ.

По утру киргизы встаютъ и поражаются страхомъ: лошадей вѣтъ! вѣдаются въ луга и видятъ: слѣдъ пошелъ на самарскую сторону. Киргизы по себѣ знаютъ, что въ пѣшии состоялъ арестѣдоватъ вора, угнавшаго лошадей, безполезно. Съ проклатиѣмъ и бравю киргизы покидаютъ негостепріимный берегъ Янка, забираютъ съ собой кой-какія вещи получше, поцѣнѣнїе, напримѣръ: сѣдла, оправленные въ серебро и камни, персидскіе когры въ т. п., остальное все или предаютъ огню, или бросаютъ въ воду и вѣшившій боемъ отправляются туда, откуда такъ недавно пріѣхали веселые, довольные, на рѣзыныхъ и статыхъ аргамакахъ. Обремененные ношами, киргизы шагъ за шагомъ, длинною вереницею, тянутся къ Кара-Кулю и не чують, что позади ихъ собирается гроза. Харко жадно смотрѣтъ съ гнѣзда своего на это печальное шествіе, яловито улыбается и пересчитываетъ киргизовъ: разъ, два... девять... двадцать... тридцать.

— Всѣ, — говоритъ Харко. — Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесятъ верстъ, не скоро доберетесь, успѣю еще догнать, вотъ только позавтракаю, да сядемъ запасусь.

Съ этими словами онъ спускается съ дерева, закидываетъ въ Янкъ плавную сѣть, черезъ миауту вытаскиваетъ на берегъ или тупоносаго осетра, или остроносую саррюгу, разводить огонь, наводить котель, варить щербу (уху) и, когда щерба поспѣетъ, кушаетъ, не торопясь, съ пшеничными сухариками.

Харко покушалъ, съ часть времени повалился на травкѣ, поспѣшился, покукалъ табачку и потомъ уже пускается за Янкъ. Конь у Харко смыши-

девинъ, пріученый, словно хорошая подружайная собака. Харко подводить ковы къ берегу, говорить ему: айда! причемъ ударяетъ его слегка по сонамъ задовью, и ковы смѣло идетъ въ воду и плыветь на ту сторону. Харко одной рукой ухватился за хвостъ коня, а другою держать надъ головой свою, чтобы не обмочить, пищаль и рогъ съ порохомъ. Черезъ минуту Харко на бухарской сторонѣ; салится на коня и скакать по слѣдамъ киргизовъ. На полпути къ Кара-Кулю, среди открытой степи, гдѣ нѣть ни одного кустика, ни однаго овражка, Харко является передъ киргизами. Утомленные долгою ходьбою и озадаченные нечаяннымъ похищениемъ храбраго, нѣсколькъ звѣрообразнаго врага (фазіономія у Харко была не изъ сладевъкихъ), киргизы только взинзенутъ и одурѣютъ на мѣстѣ. Не давая киргизамъ ни на игаовеніе оправиться, Харко съ ужаснымъ крикомъ бросается на нихъ и начанетъ ихъ или колоть пикой, или стрѣлять изъ пищали, какъ вадумается, или какъ укажетъ случай и положеніе врага. Всѣхъ передушатъ, заберетъ цѣнныя имъ вещи и возвращается въ свое тепло-гнѣздышко.

Случается подобная исторія не разъ не два. Киргизы около тѣхъ мѣсть, гдѣ свито у Харки гнѣздо, не показываются. Харкѣ скучно безъ занятія. Онь отправляется или вверхъ, или внизъ по Яку и устраиваетъ себѣ временно жилище, во непремѣнно на деревѣ. Гдѣ нѣть высокихъ деревьевъ, онъ „нацаливаетъ“ (наставляетъ) дерево и вьеть на немъ гнѣздо. И вездѣ, гдѣ только появляются киргизы, Харко пущить съ ними шуточки не малевъкія.

Случалось, что Харко одного изъ киргизовъ оставить въ живыхъ, чтобы тотъ шелъ въ орду и повѣстить, что—де къ Яку ходить не приказано.

Надоѣль Харко киргизамъ. Тѣ не разъ пытались захватить какънибудь его красило въ гнѣздѣ, но никогда имъ это не удавалось. Харко въ высшей степени былъ остороженъ; а когда слаъ, то чуткій и ученої ковы его всегда при приближеніи киргизовъ за нѣсколько верстъ подавалъ хозяину знакъ—и фырканье, и ржанье. И Харко заблаговременно снаходя съ тепла гнѣзда и удалялся въ глухія мѣста.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобы овладѣть особой Харко или убить его; но Харко всегда, бывало, перехитритъ киргизовъ.

Разъ киргизы, пустивъ лошадей на паству, одну изъ нихъ, самую рѣзую, сивую, заковали въ жељзы, чтобы Харко не могъ угнать ее въ числѣ другихъ, а ключъ отъ замка завернули въ гриву коня, съ тою цѣллю, чтобы толькъ изъ киргизовъ, кто во время тревоги первый поймаетъ этого коаза, имѣлъ ключъ подъ рукой. Но Харко, лежа въ травѣ близъ киргизского лагеря, слышать вхъ рѣчи и уговоры и симѣется. Когда киргизы уснули, первый дѣломъ Харко было завладѣть сивою лошадью: поймать ее лебедушку, достать изъ гривы ключъ, отожмуя жељзы, и дѣло пошло, какъ по маслу. Утромъ киргизы увидѣли себя въ дуракахъ и, какъ тараканы изъ вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой рузумѣется, „уко-кошилъ“ ихъ всѣхъ, не оставилъ и на племя.

Въ другой разъ, оставшись по милости Харко безъ лошадей и отойдя за вѣкоторое разстояніе отъ Яика, киргизы посыпали съ себя дорогие шелковые халаты и навалили изъ нихъ цѣлую груду. Одавъ изъ киргизовъ, что ни самый и сильный, смѣлый батырь, запрягался въ кучу халатовъ съ предательскимъ намѣреніемъ—схватить Харко врасплохъ, когда тотъ слѣзть съ коня и станеть братъ халаты. Но Харко, выѣхавъ въ степь для разсчета съ киргизами, первымъ долгомъ пересчиталъ киргизовъ, разбрѣвшихся по сторонамъ, и тотчасъ скекнуль, что одного врага противу прежняго числа неѣть. „А хатрите, бестія!“—сказалъ Харко. Съ этими словами овъ осторожно подѣхалъ къ кучѣ халатовъ, приложился по ней изъ пищали и выстрѣлилъ: халаты запылали, а батырь, смертельно пораженный жеребьевъ и мъ¹), взвизгнулъ и духъ испустилъ. Затѣмъ вачалась расправа и съ другими: ни одинъ не узрѣлъ своего аула.

Конечно не всегда и не всѣ киргизы, завида Харко, предавались отчаюю и страху. Случалось, что храбрые изъ пахъ дѣлали Харкѣ отпоръ; но что могли пѣши, не защищенные никакими мѣстными преградами и не имѣющіе ружей съ европейскими замками, что могли сдѣлать такие люди Харкѣ, гарцовавшему передъ ними на отлачномъ скакуѣ и притомъ вооруженному исправною пищалью? Само собой, храбрые батыри, такъ же точно, какъ и не храбрые, одинъ за другимъ валились и падали отъ руки Харко.

Такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ теперешней нашей извѣзной линіи Харко искоренялъ, донималъ киргизовъ и наконецъ совсѣмъ доволъ. Шайтазъ (дьяволъ)!—сказали киргизы про Харко, и не смѣли уже показываться близъ Яика.

Харкѣ, говорить преданіе, сдѣлалось скучно жить безъ дѣла, и овъ удалился. Что съ нимъ подѣялось—преданіе молчить. Но то урочище, где у него было свито на осокорѣ теплое гаѣздо, прозвалось въ народѣ Харкинимы.

Впослѣдствіи, когда яїцкіе казаки заселили извозья Яика, а это было въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и, между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпостъ, форпостъ этотъ назыменованъ и доидѣсь именуется „Харкинымы“.

Таково, дошедшее до насть, преданіе о казакѣ рыцарѣ Харько, ярко рисующее намъ взглядъ казаковъ на борьбу ихъ съ кочевниками, какъ на дѣло священное и славное! Это была борьба безпощадная, ожесточенная—борьба на смерть. Казаки звали, что ихъ борьба съ хищниками была борьба всего русскаго народа, борьба священная—многовѣковый споръ:—быть или не быть! Истребляя басурманъ—они спасали русскій народъ отъ истребленія, отъ захвата его дакими варварами, спасали—отъ тяжкой неволи и незамѣтно въ то же время существенно вѣкамъ готовили торжество Руси и ея самостоятельное политическое существованіе. Борьба была жестокая. Но таковы

¹) Продолжаватый кусокъ свинца, занѣняющій пулю. Замѣч. И. И. Жельбеновыши.

были нравы этой эпохи и не слѣдуетъ удивляться той жестокости, какую враги проявляли другъ къ другу. Эта жестокость, эта злоба создавалась сотнями дѣлъ рабства и униженія русского народа, тяжелымъ, невыносимымъ татарскими игомъ, лежавшимъ вѣками на его плечахъ, слѣды котораго, ввидѣ беззречныхъ набѣговъ, еще сохранились въ эпоху богатыря Харько. Истреблять басурманина— такова была масса казака того времени, масса, освященная церковью.

ГЛАВА XVII.

Переселение Кирсановской станицы въ Яицкій городокъ. Башкирскій бунтъ. Сыскъ бѣглыхъ стрѣльцовъ Тиги и Гоги. Отмѣна десятины съ рыбы. Пожаръ городка. Крымскій походъ. Первое преслѣдованіе старообрядцевъ на Яикѣ. Второй походъ въ Крымъ. Бой съ самарянами. (1682—1690 г.г.).

Въ 1682 году слабый и болѣзнейшій царь Федоръ Алексѣевичъ умеръ. Вместо него были провозглашены царями два оставшіеся брата — Иоаннъ и Петръ Алексѣевича. Но вследу ихъ малолѣтства правительницей государства явилась старшая сестра ихъ Софія. Въ первый-же годъ ея правленія башкиры снова заволновались. Еще въ 1681 году восились слухи, что башкиры выѣхали вѣ изъ улусовъ, вооруженные луками и кинжалами, остались только тѣ, которые сидѣть на конахъ не могли. Въ слѣдующемъ году бунтъ вспыхнулъ во всей силѣ. Башкиры, какъ и раньше, хлынули на русскія села и стали избивать жителей. Въ тоже время до сорока тысячъ калмыковъ и ногайцевъ подъ предводительствомъ Люка Тайши вторглись въ Уфимскій уѣздъ и закамскіе города и вмѣстѣ съ башкирами произвѣли полное опустошеніе края. Царскія войска, бывшія въ уфимскихъ предѣлахъ, отъ скучности и не получая жалованья, разбрѣжались¹⁾). Не довольствуясь грабежомъ уфимскихъ городовъ, часть башкиръ пошла внизъ по Яику и запала на Кирсановскій казачій городокъ. Городка имъ взять не удалось, яицкіе казаки отбились, но по своему малолѣтству они потерпѣли большой уронъ. При переписи Захарова въ 1723 году казакъ Матвѣй Томачковъ говорилъ: „отъроду маѣ 43 года, дѣдъ мой и отецъ родиною были города Кирсановскаго, что былъ тотъ городъ вверхъ по Яику, казаки-же иные и дѣдъ мой и отецъ въ томъ городкѣ убиты отъ башкириевъ, а я изъ этого городка привезенъ въ малыхъ лѣтахъ въ прошлое 1682 году“²⁾. Изъ отписки-же войска митрополиту казанскому Адріану въ 1688 году видно, что къ этому времени Кирсановская станица была уже въ Яицкомъ городкѣ и поселилась „подлѣ казачьихъ куреней особенно въ одвомъ иѣстѣ“²⁾, т. е. приблизительно съвераѣе вышеизлагаго Михаило-Архангельскаго собора. Вмѣстѣ съ Кирсановскою станицей прибылъ въ Яицкій городокъ и бывшій въ станицѣ священникъ Петръ.

Можетъ быть съ Кирсановскою станицею была привезена вмѣстѣ съ половы

¹⁾ Допол. къ Акт. Истор. т. X, № 71 (Шокровский, Русскія энзарх., стр. 189).

²⁾ Допол. къ Актамъ Истор. т. XII, стр. 122, 215-218 и 269.

Петровъ и церковь, т. к. церковь во имя Алексія митрополита, находившаяся впослѣдствіи въ Яицкомъ городкѣ, среди Кирсановской станицы, называлась Кирсановскою церковью.

Это переселеніе Кирсановской станицы было необходимо не только ввиду опасности отъ бунтовавшихъ башкиръ, но и отъ безпрерывно повторявшихся набѣговъ киргизъ и калмыкъ. Малая горсть кирсановскихъ казаковъ не могла давать серьезнаго отпора этимъ хищникамъ и вынуждена была соединиться съ войскомъ. Между тѣмъ бунтъ башкиръ разгорался все болѣе и болѣе. Наконецъ въ 1683 году онъ достигъ высшей точки своего напряженія и для его усмирѣнія были высланы войска. Въ числѣ ихъ были комплектованы съ Яика 500 казаковъ. Объ этой службѣ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, кроме указа казаковъ въ своей челобитной 1720 года 12 октября [См. прил. XII].

„А въ 191 г. (1683) юля въ 8 день,—писали казаки въ челобитной,—по вашему же царскому величества указу, ходили мы раби твои въ Уфимскіе уѣзды на измѣнниковъ воровъ башкирцевъ съ атаманомъ 500 чел., хотя вами великихъ государемъ свою вѣраю службу объявить и поющію Божію и защемъ государевы счастіемъ вышенисаныхъ воровъ башкирцевъ побили многое число и пришедши подъ Мезелинскъ городъ и объявили свою службу и въ Казань боярину и воеводѣ Петру меньшему Васильевичу Шереметьеву и отъ нашей службѣ писаль къ вашему царскому величеству онъ бояринъ Пётръ Васильевичъ Шереметьевъ“.

Вотъ единственный документъ, который говорить намъ о службѣ яицкихъ казаковъ въ 1683 году. Кто былъ походнымъ атаманомъ и когда вернулись казаки на Яикъ—неизѣстно.

Избрание правительницей царевны Софіи вызвало рядъ придворныхъ интригъ, завершившихся стрѣлецкими бунтами въ Москвѣ. Бунты были подавлены—и это тяжелое время стрѣлецкихъ бунтовъ отразилось на Яикѣ небывалымъ притокомъ бѣглцовъ изъ Руси. Этому также не мало способствовали и начавшіяся вслѣдъ за этимъ преслѣдованія старообрядцевъ. За одинъ только 1683 годъ на Яикѣ бѣжало 320 человѣкъ, преимущественно стрѣльцовъ [Смот. прилож. IV]. Въ числѣ бѣжавшихъ два московскихъ стрѣльца Тига и Гога вызвали цѣлую переписку и ссыпь на Яикѣ, ярко характеризующіе золотые времена казачества того времени и отношение къ нему правительства.

27 января 1683 года предъ самарскимъ воеводой Караломъ Пущиномъ звился приѣхавший изъ Яицкаго городка самарскій житель Василій Бакшевъ¹⁾ и въ числѣ новостей съ Яика заявлялъ ему въ объ этажахъ стрѣльцахъ. „Когда я бѣзъ на Яикѣ,—говорилъ онъ въ приказной избѣ воеводѣ,—приѣхали къ яицкимъ казакамъ два человѣка и сказывались казакамъ въ кругу, что

¹⁾ Все относящееся къ дѣлу о побѣгѣ москов. стрѣльцовъ Тиги и Гоги взято изъ Дополненій къ Акт. Ист., томъ XI, статья № 47, ст. 186-189.

оны бѣглые люди, московскіе стрѣльцы и просили, чтобы ихъ признали въ казаки. Называютъ тѣхъ стрѣльцовъ Ивашкамъ, ростомъ оба высоки, волосы черны, бороды бриты, однѣ кривы аравымъ глазомъ; да ихъ-же Ивашекъ называютъ казаки Тига да Гога".

Воевода немедленно доехъ въ Москву, откуда получила грамоту послать на Яикъ „кого приложе и къ яицамъ казакамъ писать и словесно велѣть говорить, чтобы они бѣглыхъ стрѣльцовъ прислали въ Самару". Воевода написалъ грамоту атаману и казакамъ 1 июня и отправилъ ее на Яикъ съ пятью конными стрѣльцами: Петрушкой Прохановскимъ съ товарищи. Стрѣльцамъ назначалось, чтобы они, казаки, тѣхъ московскіхъ стрѣльцовъ, которыхъ они называютъ Тигомъ и Гогомъ, прислали изъ Самары съ ними стрѣльцами и съ провожатыми Яицкими казаками".

Явились посланные обратно въ Самару 11 июня, но бѣглцовъ не привели, а воеводѣ заявили:

„Прибыть на Яикъ мы войскому атаману Прокофію Семенову при всемъ войскѣ въ кругу говорили, чтобы они тѣхъ бѣглыхъ стрѣльцовъ Тигу и Гогу прислали съ нами изъ Самары. Казаки-же прочитавъ отписку сказали, что у нихъ на Яикѣ такихъ стрѣльцовъ нетъ и не бывало; и стрѣльцовъ не дало. А начь послѣ того казаки сами тѣхъ стрѣльцовъ указывали въ говорили что Тига въ рядовыхъ казакахъ, а Гога въ пушкарахъ. Тогда мы снова стали просить казаковъ, чтобы они намъ отдали бѣглыхъ стрѣльцовъ, но казаки настъ стали за это бить и лошадей отнимали и хотѣли посадить въ воду".

Воевода не успокоился и снова послать о случившемся въ Москву. На этотъ разъ изъ Москвы была послана царская грамота на имя атамана и всего войска съ приказомъ отдать бѣжавшихъ стрѣльцовъ; а тѣхъ казаковъ, которые были стрѣльцовъ, велико было войску разыскать и учинить имъ наказаніе по ихъ войсковымъ правамъ.

Грамоту воевода отправилъ 30 августа, но казаки стрѣльцовъ не выдали и ничего не отвѣчали.

Въ это-же время осенью 1683 года на Яикѣ случилось обстоятельство, которое сильно взволновало самарского воеводу и вмѣстѣ съ дѣломъ о выдачѣ Тиги и Гоги доставило яицкимъ казакамъ не мало хлопотъ.

Переполохъ произвели донскіе казаки, которые въ этомъ году въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Максимомъ Скалоузубомъ перешли съ Дону на Волгу и двинулись внизъ по Волгѣ за Каспійское море. Что они тамъ дѣлали—добывали ли зикуны, или ходили въ походъ по паряду—остается невыясненнымъ. Въ своей членобитной объ этомъ походѣ они говорятъ, что „будучи на службѣ подъ Царацыномъ, и подъ Астраханью и по морю и въ Гурьевъ городѣ промышленниковъ и торговыхъ людей на Волгѣ, насадовъ, и струговъ, и по морю паусковъ и въ городѣ Гурьевѣ рыбного промыслу не

грабили и задору никакого не учинили”¹⁾). После этого похода 2000 человекъ донцовъ вернулись обратно на Донъ, а тысяча съ походнымъ атаманомъ Скалозубомъ пошла вверхъ по Яику къ Яицкому казачьему городку „и какъ шли вверхъ по Яику рѣкѣ—пашутъ донцы къ той-же человѣтвой—бились мы воинами съ калмыцкими людьми съ Аюкаемъ Тайшею и съ измѣнниками башкирами и милостю Божию побили мы походнымъ войскомъ на тѣхъ бояхъ калмыковъ и измѣнниковъ башкиръ 2030 человѣкъ”. Эти бои происходили у нихъ вблизи Индерскихъ горъ. Казаки потеряли убитыми 110 человѣкъ, убили у нихъ и походного атамана Максима Скалозуба. Выбѣсто него они выбрали Ивана Романова и не смотря на позднюю осень, обремененные ранеными товарищами, двинулись къ Яицкому городку, но вблизи Мергеневы Яры²⁾ встрѣтили ледъ и здѣсь все струги замерзли. Шесть дней шли донцы послѣ этого вѣши, пока пришли къ Яицкому городку, гдѣ и остались зимовать.

Прибытие около тысячи донцовъ въ гости къ яицкимъ казакамъ, считавшимъ тогда въ своихъ рядахъ не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, конечно, не могло не отразиться на жизни Яицкаго городка. Среди донскихъ казаковъ начались „шатости“. Часть прибывающихъ съ Романовымъ донцовъ, вкусившихъ сзадость подвиговъ и опасковъ за добычей, стали подговаривать казаковъ идти для воровства на Волгу. Но большинство донцовъ, не избывшихъ еще первой бѣды и пославшихъ въ Москву станицу со своими винами и съ побѣзанными языками бить за вины своимъ головами, были не особенно склонны къ новымъ подвигамъ. Походный атаманъ Романовъ велѣлъ схватить зачищиковъ свое沃尔ы и шатости и четырехъ изъ нихъ „казнилъ всѣхъ смертю при всемъ войсѣ и при яицкихъ казакахъ“³⁾.

Этотъ фактъ еще разъ подтверждаетъ, что походный атаманъ въ своей власти былъ неограниченъ и имѣлъ право казнить всякаго казака, бывшаго у него подъ командой.

Въ это время изъ Москвы была прислана на Яикъ другая царская грамота обѣ отдаче бѣглыхъ стрѣльцовъ. Эту грамоту повезъ на Яикъ изъ Москвы подьячій Казанскаго дворца Трофимъ Стодоринъ. Пріѣхалъ онъ въ казачій городокъ въ началѣ февраля. Старого войскового атамана Прокофія Семенова не было, выбѣсто него былъ уже другой атаманъ Яковъ Васильевъ. Собралъ онъ кругъ. Вошелъ въ кругъ подьячій Стодоринъ и сталъ просить выдать Тигу и Гогу и подаль велікіхъ государей грамоту. Казаки грамоту выслушали.

„Тига и Гога—сказали казаки:—великимъ государямъ вѣрные слуги, а въ грамотѣ написаны ворами, а у насъ такихъ нѣтъ!“.

Когда же подьячій стала настаивать о выдачѣ стрѣльцовъ, то въ кругу начался шумъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Июст. Дѣль, Донская дѣла, картонъ № 47, дѣло № 24, листы 1—8.

²⁾ Самельевъ. Историческ. описание земли войска донского.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Июстр. Дѣль, Донскія дѣла, картонъ № 47, дѣло № 24, листъ 71.

— У насъ рѣка *поторожная*¹⁾ и мы людей у себя въ войсکѣ многихъ не знаемъ, люди у насъ не письменные!²⁾ шумѣли казаки.

— Отвѣсть его къ войсковую избу! закричали въ кругу: — Посадить его на цѣль, пока не пріѣдетъ изъ Москвы станичный атаманъ *Федоръ Семенниковъ*!

Стодорина вывели изъ круга и посадили въ войсковую избу, но цѣней не надѣли. Продержали съ полтора часа и снова вывели въ кругъ, гдѣ стали его обыскивать.

— Нѣть ли у тебя другихъ какихъ писемъ? — спрашивали казаки.

У Стодорина были еще двѣ грамоты въ Яицкое войско, въ которыхъ говорилось, чтобы яицкие казаки не пускали къ себѣ въ городъ воровскихъ донскихъ казаковъ съ атаманомъ Максимомъ Скалозубомъ. Но, пріѣхавъ въ Яицкий городокъ, подъячій узналъ, что донцы гостятъ въ городкѣ и потому рѣшилъ за лучшее совсѣмъ не показывать эти грамоты.

Не найдя ничего у Стодорина, войско послало есаула *Петра Касимова* съ казаками въ „стоялый дворъ“, гдѣ остановился подъячій, которые привезли оттуда все его имущество, а также и ящикъ съ бумагами.

Ящикъ былъ вскрытъ, грамоты найдены и прочитаны въ кругу.

— Донское войско походное, — сказали казаки подъячому, — пришло къ намъ на Яикъ въ казачій городокъ до грамотъ великихъ государей, а если бы эти грамоты раньше къ намъ присланы были и мы бы ихъ къ себѣ въ городокъ не пустили. А атаманъ Максимъ Скалозубъ, котораго сыскиваютъ, отъ казакицкаго воинскихъ людей убить до смерти, и донскихъ походныхъ войскомъ выбрали другого атамана и отпустили съ нимъ въ станицѣ 33 человѣка со своею службою и со взятыми лзыами и съ винами своими къ великимъ государямъ къ Москвѣ!

На этотъ разъ подъячаго отпустили на стоялый дворъ безъ угрозъ.

19 февраля его снова потребовали въ кругъ. Здѣсь войсковой атаманъ Яковъ Васильевъ окончательно заявилъ ему отвѣтъ войска на полученные грамоты:

— Мы на Яикѣ бѣгахъ московскихъ стрѣльцовъ Тиги и Гоги не знаемъ и прежде сего вамъ присланы были великихъ государей грамоты на Яикъ о всякихъ бѣгахъ людяхъ, но мы тѣхъ бѣгахъ людей не отдавывали!

Съ этимъ отвѣтомъ и уѣхалъ Стодоринъ въ Москву.

Донцы, прозвивавъ въ Яицкомъ городкѣ и получивъ грамоту о возвращеніи за Донъ, въ ковѣ апрѣля двинулись черезъ степь на Самару. Съ ними пошелъ и одинъ изъ бѣглцовъ Гога. Вѣстѣ съ донцами пошла на Донъ за вѣстами и станица яицкихъ казаковъ со станичнымъ атаманомъ *Иваномъ Менишиковымъ*.³⁾ Прѣбывъ къ Самарѣ, казаки остановились кошемъ за рѣ-

¹⁾ Поторожная въ смыслѣ проходная, проѣзжая, гдѣ бываетъ много великихъ людей.

²⁾ Т. е. не переписанные.

³⁾ Въ другихъ актахъ этотъ атаманъ иногда называется Иванъ Менинкъ.

кою Самарою „на Городковъ гравѣ”, готовясь въ дальнѣйшій путь по Волгѣ до Царицынскай переволоки.

Въ это время къ самарскому воеводѣ стольнику Микитѣ Борисову явился 12 мая яицкій казакъ Михаилъ Горишковъ и сказалъ ему, что бѣглый стрѣлецъ Гога скрывається у донцовъ и они хотятъ его увести съ собою.

Взять силою Гогу у казаковъ воевода не смѣлъ да казаки ему его и не дали бы — этого не повелось изстари. Одинъ былъ способъ вернуть бѣглца, — это усочѣтить атамана и попросить его отдать стрѣльца честью.

Воевода рѣшилъ послать къ донцамъ самарскаго стрѣльца Петрушку Прохонова, который зналъ къ яицо Гогу.

Но когда Прохоновъ явился къ донскому походному атаману Ивану Беркулату и къ Ивану Меншикову, то ни атаманы, ни казаки не согласились выдать бѣглца и говорили, что у нихъ Гоги вѣтъ, хотя Прохоновъ видѣлъ среди нихъ виновника всей этой волокиты. Когда же посланный просилъ у казаковъ разрѣшить сдѣлать обискъ, то они „на обискъ не дались“.

На помощь воеводѣ явился донской походный есаулъ Саломонко Соболевъ. За тридцать рублей онъ согласился выдать воеводѣ Гогу „тайныи обычаеи“, такъ какъ Гога долженъ быть пытъ съ винъ на одномъ стругѣ. Получивъ отъ воеводы два струга, казаки наконецъ покинула Самару и поплыли внизъ по Волгѣ. Вмѣстѣ съ ними „въ провожатыхъ“ побѣхали посланные отъ воеводы Микафоръ Перфильевъ съ ратными людьми, ири чёмъ у Перфильева находилась 30 рублей собственныхъ денегъ воеводы для уплаты Соболеву, если онъ выдастъ бѣглца.

По пріѣзду на переволоку къ Царицыну Перфильевъ послалъ впередъ себя для пронѣдаванія есаула. Но Соболеву не повезло. „Донскіе казаки уѣздали про то, что онь Самсонко того вора хрѣть отдать тайныи обычаеи Перфильеву, взяли его въ кругъ, и въ кругу били и приговорили дать его на поруки до войска донскаго“. Что съ нимъ сдѣлали доады дальше, изъ актоу не видно, не видно также и того, искала ли Москва Гогу и на Дону или поискъ бѣглцовъ на этомъ и кончились.

По крайней мѣрѣ самарскій воевода за оставшимся на Яицѣ Тагою уже больше не посыпалъ.

Самара въ то время и послѣдующее вплоть до царствованія Екатерины II играла для Яицкаго войска весьма важную роль. Здѣсь, какъ уже было сказано раньше, казаки, прибывая съ Яика, закупали хлѣбъ, продавали рыбу и имѣли продолжительныхъ остановки, выѣзжая съ кусомъ и легкими станциами въ Москву. Сюда шла единственная дорога съ Яика. Здѣсь были учреждены таможенные заставы, гдѣ съ пріѣзжавшихъ съ Яика казаковъ и куодовъ съ рыбой брали пошлину, десятую долю натурою („десатину“), а также „подушный“ сборъ, т. е. сборъ съ дуги, съ упражки, и „головщину“ — сборъ съ головы.

Таможенные сборы казна обычно отдавала на откупъ откупщикамъ. Какую массу рыбы вывозили въ то время съ Яика, видно изъ той цифры рыбъ, какая поступала въ самарскую таможню при сборѣ десятой рыбы натурою. Въ 1679 году, отдавая откупъ „гостю“ Володимиру Воронину, ему назначалось сбирать въ Самарѣ „зушную во всемъ противъ прежняго, какъ сбирали прежде откупщики, яицкую десятую рыбу, и икру, и вазигу, и клей, пропавъ старого большого окладу по 486 бѣлугъ, по 4299 осетровъ и чадышевъ, по 600 стерлядей, по 566 пудъ по 30 гризенокъ¹⁾ икры, по 2000 пучковъ вазиги, по 3 пуда клеш, да сверхъ того новыя наддачи: по 60 бѣлугъ, по 240 осетровъ, по 108 пудъ по 29 гризенокъ икры“²⁾.

Здѣсь указано количество рыбы, о которой чиновники официально доносили, но если сюда прибавить еще и то, что оставалось въ ихъ цѣлкахъ рукахъ и у казаковъ на Яикѣ, и увеличить въ десятеро, то мы будемъ иметь приблизительное понятіе о количествѣ ежегодно ловившейся въ Яикѣ рыбы.

Всѣ собранная въ таможнѣ рыба вывозилась подрядчиками на наемныхъ подводахъ въ Москву въ приказъ Казанскаго дворца.

Кромѣ купцовъ покупали рыбу на Яикѣ и монастыри. Однимъ изъ такихъ крупныхъ покупателей былъ въ то время Саввы Сторожевскій монастырь, находившійся въ Казанскомъ уѣздѣ въ Усольѣ. Онь ежегодно покупалъ за Яикѣ до 500 бѣлугъ, 1000 осетровъ и 300 пудовъ икры³⁾. Но съ монастырей, какъ и съ мѣраи, въ Самарѣ также брали десятину и остальные сборы. Монастырь былъ этимъ недоволенъ и архимандритъ монастыря Сильверстъ подалъ царю челобитную, проса о безпошлиномъ провозѣ яицкой рыбы „для того, что они тое рыбу и икру покупаютъ въ монастырь и про братскій обиходъ“. Челобитная была уважена и изъ Москвы самарскому воеводѣ былъ отданъ приказъ о невзыманіи пошлины, и при этомъ разрѣщалось еще сверхъ просимаго монастыремъ количества рыбъ провозить безпошлино еще по 1000 бѣлугъ, 1000 осетровъ, по 1500 стерлядей и 2000 пучковъ вазиги⁴⁾.

Но кромѣ монастыря жившіе въ его окрестностяхъ крестьяне также пріѣзжали въ Самару „для своего яицкаго промыслу въ зимнюю и лѣтнюю пору, многое число по пяти и по шести сотѣ подводъ и больше“⁵⁾ и привозили съ собою хлѣбные запасы и вино, которые и продавали яицкимъ казакамъ, стараясь не платить пошлины, называя себя крестьянами монастыря. Возвращаясь съ Яика, они вывозили оттуда рыбу и икру и опять таки старались не платить пошлины, говоря, что они „Савинскаго монастыря Надѣянскаго Усолья промышленники, что та рыба и икра на монастырской обиходѣ“.

Ввиду этого въ 1688 году воеводѣ былъ отданъ приказъ, чтобы не брали десятину только съ тѣхъ подводъ, у которыхъ будетъ „проезжая запись“ отъ

¹⁾ Гризенка—единица вѣса, равная приблизительно наиѣнѣшнему фунту.

²⁾ Акты Историческіе, томъ V, страницы 91—98, статья № 62.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Акты Истор. томъ V, страницы 170—172, статья № 107.

⁵⁾ Тамъ-же.

монастыря за подписью и печатью архимандрита.

Но эта льгота была въ роятво не одному монастырю, — надо предполагать, что ее пользовались все монастыри. Въ то время монастыри и церкви находились подъ особымъ покровительствомъ правительства, они имѣли свою землю, свои крестьянъ и пользовались наравнѣ со служилыми сословіемъ — дворянами и стрѣльцами многими льготами.

Къ числу служилаго сословія того времени принадлежали и казаки; вида льготы, которая были даны монастырямъ, яицкіе казаки возбудили ходатайство объ отиѣнѣ этого сбора и со своей рыбы, привозимой ими для продажи въ Самару. Войсковой атаманъ Яковъ Васильевъ и все войско Яицкое въ 1684 году подала объ этомъ челобитье и указомъ, даннымъ 25 мая того-же года царями Петромъ и Иоанномъ, этотъ сборъ съ яицкихъ казаковъ былъ отиѣнъ: „пожаловали ихъ (казаковъ): десятой рыбы, которую привезутъ они въ Самару и матъ не вѣлья” — говорится въ указѣ¹⁾. Но, несмотря на этотъ указъ, впослѣдствіи, при Петрѣ I, казаки должны были снова просить объ отиѣнѣ десятой рыбы, т. к. съ нихъ опять стали взыскивать эту пошлину и въ Самарѣ, и въ Сызрани, и въ Алексѣевскомъ.

Но виѣстъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ войско постигло, приблизительно въ этихъ же годахъ, большое несчастіе. Въ городкѣ случился пожаръ, выгорѣть весь городъ и сгорѣла жалованная царемъ Михаиломъ Федоровичемъ „владѣніа” грамота на Яицкъ. Въ своей челобитной съ просьбою о выдать другой грамоты казаки въ 1720 году 12 октября говорятъ, что этотъ пожаръ случился у нихъ „тому будетъ лѣтъ тридцать и болѣе (приблизительно въ 1685 г.) и волею Божией церковь соборная, — говорятъ они дальше въ своей челобитной, — также и войсковая наша изба сгорѣла, и въ то пожарное время въ поманутой избѣ грамоты о владѣніи нашей рѣки Яику и о другихъ нашихъ дѣлахъ погорѣла”²⁾.

Изъ этого видно, что у казаковъ въ городкѣ была соборная церковь, — значитъ была и другая, но какъ они назывались и сколько ихъ было, свѣдѣній не найдено.

Въ этотъ же 1685 годъ на Яицкъ случилось какое-то событие, вызвавшее собою арестованіе двухъ яицкихъ казаковъ — Осица Васильева и Степана Филимонова. Въ чёмъ заключалась ихъ вина, изъ актовъ не видно. Въ нихъ говорится лишь о предполагавшейся ссылкѣ этихъ казаковъ въ городъ Полатовъ. „Въ нынѣшнемъ въ 193 году (1685 г.) іюня въ 15 день, — говорится въ указѣ думному дьяку Василию Семенову, — по указу великихъ государей посланы изъ приказу Казанскаго дворца въ разрядъ яицкіе казаки Оська Васильевъ да Сенька Филимоновъ для ссылки за ихъ вину въ новопостроеній городъ Полатонъ. А іюня въ 19 день государи пожаловали тѣхъ яиц-

¹⁾ Полное Собрание Законовъ 1676—1688 г.г. № 1077.

²⁾ Челобитная войска 1720 г. 12 октября Моск. Отд. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 30.

кихъ казаковъ:— не велѣли имъ въ ссылку посыпать а указали имъ съ Москви отпустить попрежнему на Яикъ¹⁾.

Въ то время, когда казаки были въ походѣ въ Башкортіи, въ Малороссіи с равнительство наступило затишье. Съ турками былъ заключенъ миръ. Яцкіе, донскіе и орѣшковскіе казаки бѣлгородскаго полка стояли въ Новомъ Осколѣ. Въ 1680 году они подали челобитную, чтобы имъ дали взамѣнъ старого яковъ знамя.

„Въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ шестипадцать,— писали въ челобитной атаманъ Волковъ и всѣ казаки:— дано намъ полковое знамя, а знамя въ Оружейномъ приказѣ, и пынѣ обетчало и служить съ нимъ стало не можно”.

По этой челобитной указомъ 27 апрѣля того же года, даннныи князю Петру Ивановичу Хованскому, приказано было: „донскимъ и яцкимъ и орѣшковскимъ атаманамъ и казакамъ вмѣсто полкового прежнаго знамени, сдѣлать новое знамя, образцемъ противъ прежнаго и отдать имъ донскимъ казакамъ, а прежнее прислать въ разрядъ”²⁾. Въ слѣдующемъ-же году атаману Волкову было пожаловано „сукно доброе”, высланное изъ Москвы „къ полку князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго”³⁾. Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій служба казаковъ въ украинскихъ городахъ ограничивалась, какъ и раньше, посылкою проѣзжихъ станецъ для сбора вѣстей о татарахъ, которые пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на русскія укропы и захватить въ пленъ и мириныхъ поселеній. Но несмотря на безпрерывные набѣги татаръ и на беспокойное житѣ на южныхъ русскихъ границахъ, эти украинцы стали постепенно заселяться выходцами изъ внутреннихъ губерній и старая южная линія („черты”) валовъ, засѣкъ и городковъ оказалась отодвинутую вглубь Руси и явилась необходимость возвести новую оборонительную линію на новыхъ болѣе южныхъ мѣстахъ.

Для построенія этой линіи („черты”) былъ раннею весною 1682 г. назначенъ закономъ намѣ воевода Григорій Косаговъ, теперь уже генералъ. Назначенный сходными товарищемъ къ князю Петру Ивановичу Хованскому, жившему въ Курскѣ, Косаговъ долженъ былъ на новопостроеній оборонительной чerte въ Царевѣ-Борисовѣ „для обереженія тамошнихъ мѣстъ отъ приходу воинскихъ людей, строить крѣпости гдѣ какія пригодатся”⁴⁾.

Для береженія-же отъ прихода воинскихъ людей производимыхъ постройекъ и „валового дѣла”, т. е. рѣты рвовъ и валовъ, было назначено на все лѣто съ 1 мая по 1 октября изъ Ново-Оскольскихъ полковой службы солдатъ по сто человѣкъ съ перемѣжкою черезъ каждые два мѣсяца и всѣ донскіе, яцкіе и орѣшковскіе казаки, которые должны были пребыть къ 1 мая.

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст., Бѣл. столъ, столб. 1195, листы 341—344.

²⁾ Арх. Моск. Оруж. Палаты, столбецъ 7188 годъ іюня 22 № 121 (Древнія Рос. Госуд. знамена Л. Яковлева; 1865 года, страницы 90 и приложніе 389 и 390).

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Моск. столъ, столб. 445, столбикъ 8, листы 2—4.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Бѣл. столъ, столб. 1009, листъ 142.

Къ этому времени казаки за пятьдесят лѣтъ своей службы послѣ Смоленска уѣхали изъ Тулы разселяться по всѣмъ украиннымъ городамъ, въ ѿкоторыхъ-же городахъ они жили по одному, по два человѣка; болѣе крупныя поселенія казаковъ были въ Ливнахъ, Дѣдиловѣ, Тулѣ, Ельцѣ, Донковѣ, Лебедянѣ, Старомъ Осколѣ, Воронежѣ, Козловѣ, Новомъ Осколѣ, Курскѣ, Бѣлгородѣ Болховѣ и Карпопѣ. Для сбора ихъ за службу приходилось изъ Москвы писать отдельно каждому воеводѣ, чтобы онъ выдалъ живущихъ у него казаковъ въ полкъ. При сїшномъ сборѣ это представляло страшное неудобство и по-мѣху. Поэтому, чтобы собрать казаковъ въ Царево-Борисовъ въ первому маѣ, въ Москвѣ должна были написать грамоты воеводамъ первого марта, и лишь только при этихъ условіяхъ казаки собирались къ сроку. Назначенный начальникомъ оборонительной линіи новыхъ крѣпостей, Косаговъ обратилъ внимание на это неудобство и въ своемъ донесеніи по этому поводу говорилъ, что „донскими, яицкими и орѣшковскими атаманами и казаками всѣми изъ выше-назначеныхъ городовъ пристойно быть за вѣчное жить въ Царевѣ-Борисовѣ съ женами и съ дѣтьми съ того же годоваго, съ деревнаго и съ хлѣбнаго жалованья, они люди къ службѣ за обычные“¹⁾). И когда казаки въ маѣ иѣсацѣ явились къ Косагову въ Царевѣ-Борисовѣ, онъ объявилъ имъ приказъ изъ Москвы предложить имъ переселиться на вѣчное житье въ этотъ городъ. Въ указѣ говорилось, чтобы по сѣѣзду казаковъ въ Царево-Борисовѣ „всѣмъ имъ говорить всячески и приводить, чтобы они перешли жить въ Царево-Борисовѣ съ женами и дѣтьми на вѣчное житье, а для той пересылки великого государя годовое жалованье денежное и хлѣбное и въ Царево-Борисовѣ будетъ имѣть подржаниемъ ихъ окладамъ, а пашене земли и всякихъ угодей въ томъ городѣ дадутъ имъ передъ тамошними людьми въ лишеніе, да и то вмъ сказать буде они въ Царево-Борисовѣ за вѣчное житьѣ быть не похотятъ и имъ впрель годового жалованья денежнаго и хлѣбнаго не будетъ, а служить имъ съ прежнихъ своихъ земель и угодей и кто гдѣ живутъ безъ жалованья“²⁾.

Казаки во главѣ съ своимъ военнымъ атаманомъ Андреемъ Васильевымъ Кутеповымъ, съ есауломъ Степаномъ Мантуровымъ и со старымъ яицкимъ есауломъ Василіемъ Коптѣвымъ согласились на переселеніе. Но начавшаяся волненія въ Малороссіи помѣшили этому. Полкъ былъ двинутъ въ Малороссію. Въ 1656 году, уже съ новымъ атаманомъ, съ бывшимъ старымъ яицкимъ есауломъ, Василіемъ Григорьевымъ Коптѣвымъ со старымъ служакою со Смоленской осады, казаки служили въ Запорожї, подъ начальствомъ воеводы Григорія Косагова, гдѣ и были до похода въ Кримъ, когда они вошли въ составъ дѣйствующей арміи.

Уже давно московское правительство тяготалось той данью, которую оно вынуживало крымскому хану въ видѣ подарковъ и ленегъ, называемыхъ „по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Бѣлг. столъ, стогб. 1009, листъ 142.

²⁾ Тамъ-же, листъ 144.

мизания". Вечные набеги татаръ, ихъ въроломство, необходимость держать исключительно ради нихъ въ украинныхъ городахъ всегда наготовѣ сильную рать,— все это вмѣстѣ взятое заставило Москву разъ навсегда покончить съ ханческимъ союзомъ. Россія уже выросла, окрѣпла и наступала пора уничтожить послѣдніе слѣды татарскаго ига.

Съ 1684 года въ Москвѣ стали готовиться къ походу въ Крымъ. Осенью 1686 года ратныи людииъ быль объявленъ походъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія; ни откуда татары не вывозятъ столько пленныхъ, какъ изъ нея, продаютъ христіанъ, какъ скотъ, ругаются надъ вѣрою православной. Русское царство платить басурманамъ ежегодную дань, за что терпить стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а гравицъ своихъ этой данью все-же не охраняетъ: ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцевъ, разоряетъ русскіе города ¹⁾.

Весною 1687 года войско было окончательно подготовлено и выступило въ походъ подъ командою князя Василия Васильевича Голицына. Всей рати было сто тысячъ. Въ числѣ этого войска находились прибываши съ Яика 150 человѣкъ яицкыхъ казаковъ съ походными атаманомъ Перфиліемъ Тагаевскимъ ²⁾. Въ своей члобитной казаки говорять, что они были въ крымскомъ походѣ въ 1684 году; вѣроятно въ этомъ году они были вызваны съ Яика для предполагавшагося еще тогда похода въ Крымъ и находились въ арміи до 1687 года.

Войско пошло къ Конскимъ водамъ; по дорогѣ въ степи у рѣчки Самары къ нему присоединился гетманъ Самойловичъ съ 50 тысячами казаковъ. Въ составъ войска вошла также часть рата, стоявшая въ украинныхъ городахъ, съ которой вошли и казаки Бѣлогорского полка: донскіе, яицкіе и орѣшковскіе въ числѣ 256 человѣкъ и причисленные къ нимъ, поселенные въ Курскѣ, 51 человѣкъ крещеныхъ салымковъ со своимъ мурзою. Этотъ полкъ находился въ походѣ въ отрядѣ окольничаго Леонтия Неплюева съ товарища ³⁾ [14]. Походъ быль утомительный; наступающіе жары изнурали войска. 13 июля Голицынъ достигъ уроцища Большой Лугъ. Кругомъ была безлюдная степь—войска прошли еще впередъ и встрѣтили зажженную степь. Голицынъ рѣшилъ идти дальше, но по знайной и сожженной степи войска въ два дня прошли только 12 верстъ. „Лошади не двигались,—пишетъ Соловьевъ,—нигдѣ не было ни травы, ни воды, люди ослабѣли отъ зноя и страшной копоти, которая

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 14, стр. 37—38.

²⁾ Члобитная яицкая казаковъ 1720 г. 12 октября. Въ этотъ походъ дано подмоги атаману 26 р., двумъ есауламъ по 28 р., заменившимъ двумъ по 22 р., рядовымъ по 18 р., при этомъ общая сумма подмоги показана въ 3016 р., что не складится съ указанными числами казаковъ; тутъ ошибки или въ числѣ казаковъ, выраженныхъ въ походѣ, или въ общей суммѣ выданной изыемки. (См. прил. XII).

³⁾ Моск. Гла. Арх. Мин. Юстиціи, Бѣлагор. столъ, столб. 1490, листъ 12 въ тамъ-же столбецѣ 1674, листы 363—365.

мѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣчки, но травы не было¹⁾).

Продолжать походъ оказалось невозможнымъ и Голицынъ рѣшилъ вернуться обратно. Часть войскъ въ количествѣ около 30 тысячъ, состоящая на половину изъ московскихъ, наполовину изъ малороссийскихъ полковъ, была отправлена къ визовьямъ Дибира, гдѣ московские полки были подъ начальствомъ окольничаго Неплюева. У него-же въ отрядѣ находились и казаки Бѣлгородскаго полка яицкіе, донскіе и орѣшковскіе съ атаманомъ Василиемъ Контьевымъ. Они стояли у рѣчки Самары, гдѣ полкъ окружилъ постройку новаго города Ново-Богородицкаго. Полкъ простоялъ тамъ 1687 и 1688 года вилотъ до 1689 года; когда весь отрядъ Неплюева вошелъ въ составъ арміи, движущейся въ Крымъ во второй разъ²⁾.

Были ли отпущены яицкіе казаки съ атаманомъ Тагаевскимъ обратно на Яикъ тотчасъ послѣ похода или были потомъ въ отрядѣ Неплюева — никакихъ указаний не имѣется.

Въ этомъ году прибывшей съ Яика въ Москву „съ бусомъ“ зимовой станицѣ со станичнымъ атаманомъ Андреемъ Головачемъ было поручено передать грамоту къ калмыцкому хану Аюкою-Тайшѣ, кочевавшему тогда между Волгой и Яикомъ. Возвратившись въ войско въ апрѣль мѣсяцѣ, они передали грамоту войсковому атаману Якою Васильеву. Собравшись въ кругъ, войско для отвѣза грамоты послало 15 апрѣля къ Аюкою-Тайшѣ легкую станцу — Григорія Жегулу съ двумя казаками и толмачемъ. Вернулась станица въ войско 8 мая и въ собранномъ кругу объявила недоброе вѣсти. Узнали они, что крымскій ханъ подговариваетъ калмыцкаго и хаванскихъ хановъ, каракалпаковъ и киргизъ идти войною за русскіе города. Войско немедленно снарядило станицу и послало съ нею челобитье въ Москву, донося о полученныхъ вѣстяхъ:

„Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Ioанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великимъ государынямъ благовѣтрной царевнѣ и великимъ княжатъ Софія Алексѣевна всеза Великія и малыя въ бѣлыхъ Россіи самодержцы, — писало войско въ этой, пока единственной найденой до сихъ поръ, человѣтвой семнадцатаго вѣка: — холопи ваши, заполные рѣки Яику яицкіе атаманы — казаки: атаманъ Якушко Васильевъ и все Яицкое войско челомъ бьють. Въ вынѣшнемъ государи въ 195 г. (1687 г.) апрѣля въ 15 день по нашему великимъ государей указу посыпали мы холопи ваши яицкіе войскомъ своихъ яицкихъ казаковъ Григорія Жегулу съ толмачемъ двухъ человѣкъ въ орду къ Аюкою-Тайшѣ съ вашими великими государей листомъ, который вашъ великихъ государей листъ присланъ быль съ вашими яицкими казаками съ станичнымъ атаманомъ съ Андреемъ Головачемъ съ товарищи. И мая въ 8 день отъ него Аюка-Тайше тѣ наши яицкіе казаки Григорій Жегулъ съ толмачемъ прѣѣхали, а прѣѣхавъ къ намъ холопи ваши, они намъ, яицкому войску, въ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 14, страница 40.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Бѣлгор. столъ, столб. 1490, листъ 88.

кругу сказали: что-де къ нему Аюкаю-Тайше пріѣхали послы крымскіе, а говорить-де тѣ крымскіе послы что идутъ-де они въ Хиву и въ Каракалпаки и въ Бухары и въ иные земли отъ крымскаго хана съ письмами тѣ земли подымать на ваши государскіе города; гдѣ-де кому споручны которые ваши государскіе города, тѣ бы земли на тѣ ваши великихъ государей города и шла войной, а онъ-де Аюкай Тайша за вашу великихъ государей службу хотѣть послать своихъ калмыкъ 1000, а поплѣтъ ли или вѣтъ того подлинно не вѣдомо; да онъ же Аюкай въ Крымъ послалъ на помочь калмыкъ своихъ 3000 чел. да ковскаго табуу 20 тысячъ лошадей. И мы холоди ваши яицкимъ войскамъ слыша такіе вѣсти живемъ съ великою опаскою и переговоры о томъ межъ себя въ кругу и съ тѣми вѣстями мы яицкимъ войскамъ послали съ Лизу къ вашъ великихъ государемъ къ Москвѣ съ отпискою яицкимъ своихъ казаковъ ставичнаго атамана Ивана Хлынова, ясаула Карпа Тимофѣева да рядовыхъ 2 чел. Афанасья Соловьева да Ивашуку Кузнеченка, а велѣли имъ явиться и отовсю подать въ приказъ Казавскаго дворца нашему великихъ государей кравчemu кназю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищи¹⁾.

Полученна въ Москвѣ 4 іюня эта чедобитная произвела въ приказѣ Казавскаго дворца большое безнокойство. Опасаясь набѣга крымцевъ, изъ Москвы разослали копіи съ казачьей чедобитвой во всѣ украинные города: въ Бѣлгородъ, Орель, Воронежъ и въ Черкасскіи полковникамъ Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому; воеводамъ наказывалось беречь города отъ прихода воинскихъ людей, чтобы они „безвѣство не пришла и градскимъ и уѣзднымъ жителямъ на поляхъ и на всякихъ издѣльяхъ какого дурия не учинила“...

Послѣ пожарного разоренія казаки, къ этому году уже успѣли обстроить свой городъ и построить церкви; какая была эта церковь — мы не знаемъ. Видно только, что вѣдь за зожаромъ казаки строить въ разные годы церкви: соборную, во имя Михаила Архангела, и еще двѣ церкви во имя Алексія митрополита московскаго и во имя Петра и Павла, которыхъ и существуютъ въ Яицкомъ городѣ въ 1719 году, во время пріѣзда на розыскъ поручика Кроткова²⁾. Всѣ эти церкви построены „послѣ пожарного разоренія“ 1685 г.³⁾. Но когда и при какихъ обстоятельствахъ онѣ были построены, были-ли эти церкви возведены вѣтто таки-же сгорѣвшихъ церквей въ 1685 году или сгорѣвшая соборная и другія церкви были другого наименованія — свѣдѣній не имѣется. Но больше вѣроятія предположить, что казаки построили новые церкви во имя тѣхъ-же святыхъ, имя которыхъ восили и сгорѣвшія церкви. По крайней мѣрѣ судя по дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ о церквяхъ, казаки каждый разъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц., Бѣлгор. столъ, столб. 1087, листы 15—81.

²⁾ Отд. Моск. Арх. Глаа. Штаба, опись 107, сапка 28. Слѣдственное дѣло поручика Кроткова 1719 г. Оглавленіе дѣла въ слѣдствіи: — Перечень церквей и священнослужителей.

³⁾ Дѣло Войскового Архива III раз. 2 граж. опись 1736—1800 года № 78, листъ 2. Благословенная грамота епископа казанскаго Гавриила.

носять бывшихъ пожаровъ возобновляютъ свои церкви подъ тѣмы же именами святыхъ, во имя которыхъ они существовали до пожара. Надо думать, что и въ данномъ случаѣ исключенія не было, и что сгорѣвшія церкви въ 1685 г. носили наименованіе тѣхъ же святыхъ, какія мы видимъ у церквей 1719 года, построенныхъ послѣ этого пожара.

Но такъ какъ соборной церковью въ Яицкомъ городкѣ могла быть только церковь самая первая въ войскѣ, старая, и потому главенствующая, то отсюда можно заключить одно, что первая церковь на Яицѣ могла быть построена въ Яицкомъ городкѣ только во имя Михаила Архангела, что весьма вѣроятно, т. к. она была построена при царствованіи Михаила Феодоровича, почему и могла быть названа въ честь его имени. Слѣдующую по постройкѣ церковь нужно считать церковь во имя Алексія митрополита московскаго, построенную въ Кирсановской станицѣ оставшимися тамъ казаками послѣ переселенія всего войска въ 1620 году изъ Кирсановской станицы на устье рѣки Чагана. Эта церковь вѣроятно была построена во время царствованія царя Алексія Михайловича въ честь святого, имя котораго вносилъ царь, а также въ память видѣнія святителя Алексія на Каспійскомъ морѣ передъ переселеніемъ войска къ устью Чагана; потому при окончателѣномъ переселеніи Кирсановской станицы въ 1682 г. она была перевезена казаками въ Яицкій городокъ, гдѣ была уже своя старая церковь во имя Михаила Архангела, которая и стала называться соборной, а церковь во имя Алексія митрополита, какъ видно изъ дальнѣйшихъ историческихъ актовъ, стала называться Кирсановской церковью. Построеніе же церкви Петра и Павла надо отнести ко времени царствованія Петра Великаго, т. е. не ранѣе 1696 года. Т. к. надо думать, что и эта церковь была построена, какъ и предыдущія, во имя святого, имя котораго вносилъ царь — въ честь царя. Эти предположенія болѣе чѣмъ вѣроятны, но все же остаются только предположеніями, т. к. историческихъ документовъ, подтверждающихъ это, мы не имѣемъ и, пока, не будемъ знать, какія церкви были въ войскѣ до пожара въ 1685 г., утверждать это мы не имѣемъ основанія [15].

Вновь построенная въ 1688 г. войскомъ послѣ пожара церковь была безъ сомнѣнія соборная, т. е. во имя Михаила Архангела; церковь эта къ 1688 году была еще не освящена. Въ войскѣ было всего два священника, вѣроятно, по числу бывшихъ въ войскѣ церквей до пожара 1685 года¹⁾). Во вновь построенной соборной церкви былъ священникъ Андріанъ, а въ Кирсановской станицѣ священникъ Петръ. Оба эти священники, какъ велось во всей древней Руси, были приглашены самими войсками (прахожанами Яицкаго городка) для совершенія требъ: Андріанъ изъ Казани, старообрядецъ, а Петръ изъ Помехонья, тоже старообрядецъ. Въ то время, когда на Руси шло гоненіе

¹⁾ Михаила Архангела (?) и Алексія Митрополита (?)

на приверженцевъ старой вѣры, яицкіе казаки, принеся съ собою древнее русское пѣче къ русскимъ обычаямъ, принесли на Яикъ и русскую старую вѣру съ двуперстнымъ крестосложеніемъ и со старыми богослужебными книгами. Построенные церкви у яицкихъ казаковъ, какъ и въ древней Руси, были собственностью прихожанъ, собственностью войска; священники приглашались, какъ гости, по выбору прихожанъ въправа надъ церковью и надъ церковными доходами не имѣла никакого. Во всякое время прихожане на Яикъ, какъ и въ древней Руси, могли неоправившемуся иль сиященному сказать: „ты намъ не любъ! ступай съ миромъ, мы пригласимъ къ себѣ другого!“

Приглашая къ себѣ сиященниковъ, прихожане заключали съ ними „запись“ о взаимныхъ отношеніяхъ.

Эти записи обычно писались такъ:

„Призвалъ они меня попа (такого-то) полюбовно и честолюбиво за рукою (архиерею) о мнѣ подали и мнѣ пошу служить изъ церковнаго дохода мѣрскаго подавлія, да мнѣ попу быть послушнымъ къ болымъ и къ рожанцамъ и ко всякой духовной потребѣ и къ церкви Божій; я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не дадъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служа мнѣ въ той церкви, строенія церковного и всякой утвари своимъ не называть и до церковныхъ селъ и до отарковъ и до денежнаго церковного сбору дѣла нѣть и того церковнаго мѣста мнѣ попу не продать и не заложить и на свое имя не спровести и ви въ какія крѣпости не укрѣпить и по умертвіи моемъ женѣ моей въ дѣтяхъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣть, а церконониковъ мнѣ безъ мѣрскою вѣдома одному не принимать и не отказывасть; а буде я противъ еї записи въ чёмъ либо не устою и имѣ, приходяще, съ докладу (архиерею) мнѣ отъ церкви и отъ церковнаго мѣста отказать“¹⁾). Какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ того времени, казаки своихъ сиященниковъ или получали непосредственно отъ казанскаго архиерея или посыпали къ нему избранныхъ для этого яицѣ, которыхъ онъ и рукополагалъ во сиящество. Такимъ образомъ у яицкихъ казаковъ, молившихся двуперстнымъ крестомъ и служившихъ службы по старопечатнымъ книгамъ, уже въ эти времена отношение къ православной церковной іерархіи было то, которое только виосаѣтствіи, слусти почти полтораста лѣтъ, правительство додумалось ввести въ жизнь подъ названіемъ „единовѣрія“. Казаки прознавали православное сиящество—но продолжали быть ревнителями старой вѣры и молились по старопечатнымъ книгамъ.

Въ такомъ положеніи находились церковные дѣла въ Яицкомъ войске въ то время, когда въ 1688 году началось одно изъ самыхъ сильныхъ и жестокихъ гоненій на ревнителей „старого благочестія“, называвшихся на официальномъ языке того времени раскольниками.

1) Соловьевъ, Ист. Рос., кн. 18, стр. 98.

Ужасны и жестоки были эти преслѣдованія. Московскій патріархъ Іоакимъ, вычеркнувшій изъ списковъ святыхъ святую Анну Кашинскую за то, что правая рука ея была двуперстно сложена, былъ въ это время одинъ изъ самыхъ ужаснѣйшихъ гонителей старообрядцевъ: костры горѣли, рѣзали языки, рубили головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадахъ, тюремы и монастыри были полны старообрядцевъ. Царевна Софія вѣли, вѣраѣ, въ богоизбѣлъ, святѣйший патріархъ Іоакимъ, въ 1689 году велѣлъ „смотрѣть закрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостахъ не жили, а гдѣ обявится— самихъ ссылать, пристанища ихъ разорять, имущество продавать, а деньги присыпать въ Москву”¹⁾. Немного раньше, именно въ 1685 году, подъ редакціей Іоакима были выработаны и изданы известныя двѣнадцать статей царевны Софіи Алексѣевны. По этимъ статьямъ старообрядцамъ опредѣлялась наказанія: наименѣшее— нещадное битье кнутомъ и ссылка въ дальняя мѣста, а наибольшее: „казнить смертью” и „жечь на срубѣ”²⁾. По одной изъ этихъ статей предавались смертной казни даже изъ старообрядцевъ, которые присоединились въ господствующей церкви, все равно хотя бы это присоединеніе было самыи искреннѣи и чистосердечнѣи. „Прачастить ихъ св. тайнъ и сжечь”,— говоритъ статья кратко и опредѣленно.

Изумительныи по красотѣ и силѣ языкомъ описано время патріарха Іоакима въ „Виноградѣ Россійскомъ”:

„Отъ онаго великаго ивогокровалаго фіала, отъ онаго всепреужаснаго труса, всю Россію престрашно восколебавшаго: который градъ не потрасеся, какъ епархія не вострелета; кое село кровю не поклало, коя весь кровными каплими не обагрился, кое иѣсто струями не потече, неповинныя наполнившися крове, колици (сколько) Божія священницы немилостивыи прелютѣшаго мученія преостарѣшамъ мечемъ саждошася, колици величіи отцы суровой смерти прещадашася, колици предобрія пустынницы все-изостранныи мучительства сердемъ яростнѣи пожата быша. О, колици честная и благородная персоны безчестно и звѣроподобно томительною смертю кончали быша, колици народы безчисленныя преходащи исчитаніе различными образы и виды преужаснаго мученія всепрегорѣй предаща смерти. О, колици ваничиленій показашася, нестерпимыхъ мученій изда; иностраныхъ языческихъ смертей зачашеся, ужасъ трепетныи, колебавіе престрашное, плачъ и рыданіе превеліе не токмо человѣкомъ зрачашъ, но и нечувственный содѣзывающая твари, кто убо таковая видѣй, ве восплачуетъ безъзнено; кая душа не ужасается; кое сердце Боголюбивое не вострапещеть; кое око источниковъ слезъ не источитъ. Толика прекровавыхъ мучительствъ зряній преужасаемо”³⁾.

Эти гоненія не ограничились одвою Русью—преслѣдовать старообрядцевъ стали и на Дону и на Дикѣ—въ вольныхъ краяхъ, гдѣ каждый находилъ

¹⁾ Акты историческіе, томъ V, № 223.

²⁾ Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. т. I, акты археогр. эксп., томъ IV.

³⁾ Старообр. журналъ „Церковь”, 1909 г. апрѣль.

пристанище и могъ свободно исповѣдывать свою вѣру,—злѣсь въ этихъ вольныхъ общинахъ, особенно за Яикъ, въ находили главнымъ образомъ пріютъ гонимые на Руси старообрядцы и исѣ тѣ, кто такъ или иначе былъ недоволенъ порядками, царившими въ Москвѣ. Первыми казачьими жертвами религіознаго преслѣдованія въ 1688 году были старообрядцы на Дону. Послѣ выдачи донскимъ войскомъ Разина и его казаки у донцовъ начинаетъ усиливаться старшинская партія, которая постепенно беретъ верхъ надъ войсковыми дѣлами и стала явно держать руку Москвѣ своего, хотя и воровскаго, но все-же атамана, Разина, было первымъ нарушениемъ казачьяго права не-прикосновенности личности—права не выдавать не только бѣглецовъ, но кого бы то ни было, разъ онъ казакъ или только что пришелъ казаковать. Важнейший судился въ войсکъ своимъ казачьимъ судомъ, но никогда не выдавался Москвѣ.

Запорожцы на требование Москвы выплатить кошевого атамана Сѣрко отвѣчали: „Мы не донцы, которые выдали атамана Разина, мы своего атамана не выдадимъ!“ — и дѣйствительно не выдали.

Когда-же въ 1688 году правительство потребовало отъ Донского войска выдачу бѣглыхъ раскольниковъ, старшинская партія снова взяла верхъ. На Дону началось гоненіе за старообрядцевъ. Тогда часть этихъ казаковъ успѣла бѣжать на Куму, гдѣ потомъ, поселившись за Терекомъ, на р. Астрахань во владѣніи Шевкала Тарковскаго, сдѣлалась грозою кавказскаго побережья. Подъ названіемъ „казаковъ—раскольниковъ“ они много лѣтъ дѣлали беззрѣвное набѣги по Каспійскому морю и совершенно прервали всякое движеніе изъ Волги въ Персию¹⁾.

Другая часть донцовъ старообрядцевъ человѣкъ съ 500, собравшись съ атаманомъ Кузьмою Косымъ, бѣжала къ Козлову, гдѣ и укрѣшилась. Донцы послали промышлать надъ ними атамана Осипа Михайлова съ 1000 казаками; старообрядцы вступили съ ними въ бой. Взять городка Михайлово не могъ и лишь по прибытии московскихъ ратныхъ людей городокъ былъ взятъ и разоренъ. Старообрядческие атаманы были казнены,—посажены въ воду или повѣшены, остальные разослали въ ссылку въ дальние города. Другие старообрядцы, которые были захвачены по казачьимъ городкамъ, были тоже или казнены или жестоко наказаны²⁾. Такъ выводили донцы раскольниковъ на Дону.

Но не такъ обстояло дѣло на Яикѣ, гдѣ всѣ казаки были старообрядцы. Въ томъ-же году Яцкое войско получило отъ казацкаго митрополита Адріана грамоту съ требованіемъ немедленно выдать священниковъ Петра и Адріана иль еще не утвержденныхъ, и выдать всѣхъ раскольниковъ.

Грамоту въ войско правезъ архіерейской синѣтъ болгарскій Иванъ Феоктистовъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Переходскія дѣла, книга 1689—1692 года.

²⁾ Дружининъ „Расказъ на Дону“, стр. 185—213.

Собрался кругъ. Но потомки ушкуйниковъ, выходцы Новгорода, Пскова, Костромы, Ярославля и другихъ съверныхъ русскихъ городовъ, яицкие казаки, эти наследники древне-русскихъ обычаевъ и ревнители старой вѣры, во главѣ со своимъ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ, наотрѣзъ отказались выдать своихъ священниковъ.

„У насъ нѣть раскольщиковъ! говорили они: поповъ мы не дадимъ! На поле мы къ себѣ бѣглыхъ людей не призываемъ и съ поля не ссылаемъ!“ Войсковой дѣвакъ, какъ назывались въ то время войсковые писаря, сталъ писать отписку. Черезъ два дня отвѣтъ былъ готовъ.

„Великому господиzu, преосвященнѣйшему Адріану митрополиту казанскому и свияжскому— писало войско въ отпискѣ— запольная рѣка Яику яицкие атаманы— казаки: атаманъ Якушко Васильевъ и все яицкое войско, твоего архиерейскаго благословенія просимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 196 (1688) году февраля въ 27 день прасланы къ намъ къ Яицкому войску твоя архиерейская грамота, а въ той твоей архиерейской грамотѣ писано тъ намъ къ Яицкому войску, чтобы намъ, яицкимъ войскомъ, кроме рукоположенныхъ отъ вашего архиерейства священниковъ, что вы хиротонисаете и во управление душъ нашихъ посылаете, по прошенію нашему, кроме тѣхъ пришлихъ поповъ, никоими извѣсты не принимать; а буде кто придетъ къ намъ иностранникъ цришлецъ посѣ или черноризецъ, и ему бы безъ вашего архиерейскаго благословенія и грамоты священнодѣйствовать не велѣть и къ себѣ ихъ не пущать, потому что отъ такихъ раскольщиковъ великия бѣды чинатся. Да въ нынѣшнемъ же де во 196 году, по указу великихъ государей (титулъ) и по благословенію великаго господина, святѣйшаго Кирья Ioакима, Московскаго и всѧ Rossii и всѣхъ Съверныхъ странъ патріарха, землю въ твоей архиерейской епархїи сыскать области брата вашего преосвященнѣйшаго Юны митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Пощеконскаго поша Петра; и нынѣ де тебѣ архиерью вѣдомо о немъ учинилось, что де онъ на запольной рѣкѣ Яику у насъ Яицкаго войска пребываетъ въ войску. Да въ той же твоей архиерейской грамотѣ писано къ намъ Яицкому войску, чтобы намъ Яицкому войску указъ великихъ государей и благословеніе великаго господина святѣйшаго патріарха исполнить, такожде и твоего архиепископскаго къ намъ посланія и повелѣнія не преслушать, велѣть бы того поша Петра отдать твоему архиерейскому сыну боярскому Ивану Феоктистову ижно, и проводить его въ Казань въ цѣlosti, и о томъ къ тебѣ великому архиерью писать. И у насъ Яицкую войску, въ Кирсановской станицѣ, отъ нашего Яицкаго городка въ дальнемъ разстояніи, ради нуждъ ихъ, тотъ поша Петръ у нихъ въ станицѣ былъ, и за малодѣствомъ изъ Кирсанова та станица перешли къ намъ къ Яицкому войску и съ нимъ попомъ Петромъ, и поселились подль нашихъ куреней особенно въ одномъ мѣстѣ, и тотъ священникъ Петръ ради всякихъ потребъ и донъмъ живетъ въ той Кирсановской станицѣ, а въ святую Божію соборную и апостольскую церкви

и на благочестившихъ православныхъ царей нашихъ, и на васъ архіереевъ, и на весь мавашескій и священническій чинъ и за всѣхъ во всей вселеніи православныхъ христіанъ отъ него священника Петра якакой хулы и расколу изѣть, а живеть съ смиреніемъ, не цъвастуетъ; и мы Яицкимъ войскомъ, за его смиреніемъ, и держимъ у себя; а иные, государь великий архіерей, держимъ и вужмы ради, что живемъ мы отъ Русскихъ городовъ за такою далнюю степлью, потому что мысъ калмыки и въ миру, а живемъ съ опасностю:—безпрестаннъ оне калмыки и за миромъ ванѣ изогтіа обиды и налоги чаяютъ; а какъ у насъ съ ними Калмыки разніярье¹⁾ будеть, а въ то время грѣхъ ради нашихъ, твоихъ архіерейскихъ рукоположенныхъ священниковъ по какому случаю постижетъ смертный часъ и наше Яицкому войску въ тое пору, какъ съ ними калмыки разніярье бываетъ и поготову чрезъ такую далную степль къ тебѣ великому архіерю вскорѣ за священникомъ послать невозможно; а смертного часу мы опасны, чтобы въ такое нужное время безъ показанія не помереть, потому что и въ прошлыхъ годѣхъ былъ присланъ отъ преосвященнайшаго Лаврентія²⁾, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, къ намъ къ Яицкому войску священникъ Герасимъ Недельевъ одинъ, и тотъ священникъ волею Божію и самъ умре безъ показанія, потому что въ то число священниковъ здѣсь не случилось; и послѣ того умершаго священника наша братія и ногіе безъ показанія, а младенцы не крещеные померли. А послѣ того также присланъ былъ отъ преосвященнайшаго Іоасафа³⁾, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, къ намъ къ Яицкому войску священникъ Иванъ Гурьевъ, и тотъ священникъ таюже безъ показанія умеръ; а послѣ того наша братія и ногіе безъ показанія, а младенцы безъ крещенія померли. И мы Яицкимъ войскомъ того иона Петра у себя въ войску, за его смиреніе, для того нужного времени и держимъ. *А въ прошлыхъ годѣхъ, при прежніихъ великихъ архіерехъ⁴⁾ которые были въ Казани на своихъ архіерейскихъ престолахъ и у насъ Яицкого войска ихъ архіерейскіе рукоположенные соліщеники были, а приильные священники были же; и отъ прежніихъ архіереевъ о тѣхъ приильныхъ священникахъ намъ Яицкому войску запрещенія обѣ нахъ и присылки по нихъ не бывало, потому что въ прошлыхъ годѣхъ отъ насъ Яицкого войска никакимъ быглымъ людемъ отдачи не бывало, на поле къ себѣ близкихъ людей не призываєтъ, а съ поля не ссылаемъ; а кто у насъ объявляется въ какомъ воровствѣ, и тѣмъ ценныхъ людемъ, но ванѣ смотря, по полскому нашему указу, свой указъ бываетъ. А сина боярскаго твоего Ивана Феоктистова мы*

¹⁾ Т. е. война; замѣрье—миръ.

²⁾ Митрополит Лаврентій былъ въ Казани съ 1657 до 1672 года (Павелъ Строевъ „Синекъ іерарховъ и настоят. консист. русскхъ церквей“ страницы 287—290).

³⁾ Митрополит Іоасафъ былъ въ Казани съ 1674 по 1686 г. (тамъ-же).

⁴⁾ Митрополиты до Лаврентія въ Казани были слѣдующіе: Ефремъ—1605—1613; Матфей—1615—1646; Симеонъ 1646—1649; Корнилій 1650—1656; Корнилій 1678—1674. (Павелъ Строевъ „Синекъ іерарховъ и настоят. консист. русск. церквей“, стр. 287—290).

ицкимъ войскомъ къ тебѣ великому архирею съ Яику отпустили въ Казань марта 1 числа¹⁾.

Получивъ эту отписку и не будучи въ силахъ настоить на свое требование, казанскій митрополитъ Адріанъ послалъ на войско челобитье въ Москву къ патріарху Кирѣ-Іоакиму, которому послать и копію съ отписки Яицкаго войска.

Это члобитье было получено въ Москвѣ 15 марта, т. е. черезъ 14 дней послѣ выѣзда Феоктистова съ Яику, что является для того времени весьма скорымъ. Вѣроятно Адріанъ былъ чрезвычайно огорченъ отказомъ войска въ выдать поповъ и свое члобитье патріарху отправилъ съ сеуачемъ—гонцомъ.

„Великому господину и государю,—писалъ Адріанъ къ патріарху,—отцу нашему, всесвятѣшему Кирѣ-Іоакиму, Московскому и всемъ Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, сыну твой и богоомолецъ, Адріанъ, митрополитъ Казанскій, святого твоего отческаго и архипастырскаго благословенія прошу въ святого Бога моля чломъ бью. Въ выѣзде, государь, во 196 году (1688 г.), вѣломо май богоомольцу твоему учинилось, что изъ епархіи брата моего, преосвященнаго Іоны, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Пощеповскаго уѣзда церковной раскольнику пошъ Петръ сбѣжалъ на Яику тому лѣтъ съ 15 и безъ благословенія твоего архипастырскаго и прежде бывшихъ братій моей, архіереевъ Казанскихъ, и на Яику въ неосвященной церкви отпускаетъ утрени и нещерни и часы, и свадьбы вѣнчаетъ по старымъ кницамъ, а новоисправленыхъ кницъ ничего не приемлетъ, и на ектевіяхъ о спасеніи и ноголѣтномъ здравіи и твоего архипастырскаго писавъ, и подъ чьему паствою и духовною властію присутствую, не помянаютъ, и маогіе души самого связанныго того и неразрѣшенного поча Петра отъ церковнаго расколу безъ разсужденія и церкви святой въ испокореніи погибаютъ. И я, богоомолецъ твой, о смыску и о присылкѣ того раскольника поча Петра, задолные рѣки Яику яицкимъ атаманомъ и казакомъ, атаману Якову Васильеву и всему войску изъ Козани писаль и посыпалъ нарѣшного доношного своего сына боярскаго; и они атаманъ Иковъ и все Яицкое войско того поча Петра май богоомольцу твоему не отдали, а въ письмѣ своемъ написали: такой пошъ Петръ въ Кирсановѣ станицы у нихъ есть и донъи живеть у нихъ, и будто они его держать для нужды и воинскаго дѣла и отъ калинъ для опасства, и послать его ко май поча имъ атаманомъ и казакомъ вскорѣ немешко, и по пришлыхъ де поповъ присыпки къ нимъ на Яику въ отдачи изъ войска у нихъ викации бѣглымъ людемъ не бывало, и за поле де они къ себѣ бѣглыхъ людей не призываютъ, а съ поля не ссылаютъ; а кто объявится въ какомъ воровствѣ, и тѣмъ людемъ, по винѣ смотря, по цольскому ихъ суду, свой указъ бываетъ. Да у нихъ же, государь, на Яику объявился изъ Казани воръ и

¹⁾ Дополненіе къ Актахъ Историч., томъ XII, стр. 122, 215—218 и 269. На подлинной отпискѣ кончается: 196, марта во 15 день предъ святѣшнимъ патріархомъ членъ. Вклейка въ столѣ архіреѣской отписки.

раскольнико и тюремной уходецъ попъ Алексій, а нынѣ называетца въ старцахъ Андреанъ, и живеть въ расколѣ, и многихъ душа таковыя алохетрецъ прелѣщаютъ, и отъ свѣта во тьму незѣденіемъ привлачаютъ. Умилостивися, государь, великий господинъ въ отецъ нашъ, всесвятѣйшій Киръ Іоакимъ, Моковскій и всея Россія и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, пожалуй мени богомольца своего, вели о такихъ раскольникахъ своей архиастырской отеческой указъ учинить; и которые станищики изъ войску Яицкаго нынѣ на Москву ясауль съ товарищи есть предъ своимъ архіерейскимъ лицемъ благоволи взыскать, а впредъ поповъ безъ благословенія нашего присматривать имъ и монаховъ бѣглыхъ и въ расколѣ явныхъ воспрети своимъ архиастырскимъ повелѣніемъ и мнѣ богомольцу своему о указѣ своемъ прислати свою архиастырскую и отеческую грамоту вели. А будетъ тебѣ, государь и отцу моему, не трудно, изволъ послушать, какъ они ко мнѣ сипутъ и какую отповѣдь даютъ: посланъ списокъ съ ихъ письма съ сиѣ писаніемъ. И, паки, твоего государева и отца нашего архиастырского и отеческаго благословенія проси и святого Бога моля, членомъ бью¹⁾.

Въ этомъ члобитѣ, говоря о томъ, что казаки при екстеніяхъ не упоминаютъ митрополита, Адріанъ покривилъ душою, т. к. казаки молились не только за патріарха Іоакима, но и за митрополита Казанскаго и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Сказавъ эту не правду, Адріанъ, вѣроатно, имѣлъ виду сильнѣ подѣствовати на Киръ—Іоакима.

Уѣхалъ посолъ отъ казанскаго митрополита и казаки на Яицѣ задумались. До нихъ стали доходить слухи о расправахъ со старообрядцами на Дону и о выдачѣ ихъ донцамъ.

Все лѣто казаки прислушивались къ этимъ новымъ и страшнымъ для нихъ вѣстямъ съ Дона. Отъ казавскаго митрополита не было никакихъ вѣстей все лѣто; между тѣмъ тишина эта была обманчивая. Не вездо казакамъ послѣдовали годы: пожаромъ испепелило весь городокъ, появились киргизы и стали изъ дальнихъ степей дѣлать набѣзы и захватывать въ изѣнь казаковъ и отговарять скотъ, и наконецъ взъ Казани стали виѣшеваться въ вѣхъ церковныхъ дѣла; къ этому присоединилось и недовольство на калмыкъ. Хотя казаки и были съ чимъ въ замирены, но калмыки пользовались всякихъ удобныхъ случаевъ, чтобы отогнать скотъ и особенно цѣнныхъ для казаковъ лошадей. Дерзость ихъ дошла до того, что наступившою зимою большая толпа калмыкъ Аюка-Тайша, прикочевавъ къ Яику, стала ловить рыбу. Казаки возмущились и прогнали незваныхъ гостей, пригрозивъ калмыкамъ размирењемъ, что войско пойдетъ на нихъ разгромомъ. Но это дѣло, какъ общее казачье, рѣшить одво Яицкое войско не могло и послало за совѣтомъ легкую станицу въ Донское войско, къ атаману Форлу Мизаеву. Атаманъ и все Донское войско въ защиту Яицкаго войска послало къ Аюка-Тайшу на-

¹⁾ Добавл. къ Акт. Ист., т. XII, стр. 122, 215—218 и 269.

рочнаго съ тѣмъ, „чтобъ сѧ впередь на Яикъ рыбы ловить не велѣть и буде учнетъ ловить и они станутъ его громить“ ¹⁾).

Аюкай-Тайша позялъ, что шутить съ двумя казачими войсками плохо „и съ того времени онъ, Аюка, улуснымъ своимъ людемъ на Яикъ рыбу ловить заказалъ“ ²⁾.

Пріѣхала казачья станица обратно съ Дона на Яикъ и привнесла съ собою недоброя вѣсти: старообрядцы на Дону искореняются, которые казнены на Дону, а живые въ Москвѣ, остальные разославы по разныи городамъ.

Всѣдѣ за яицкими казаками пріѣхали на Яикъ и донцы, — посланцы отъ Донского войска казаки Фёдор Алексѣевъ и Василій Лаврентьевъ съ грамотами отъ Донского войска и отъ московскаго патріарха.

Патріархъ, получивъ еще въ мартѣ челобитье казанскаго митрополита, видимо, былъ въ первѣшности, какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ. Лишь только осенью, когда прибыла съ Дона легкая станица, патріархъ рѣшилъ съ этимъ обратиться къ Донскому войску, тогда главенствовавшему среди казачества и имѣвшему, какъ мы знаемъ, громадное влияние на дѣла другихъ войскъ.

Донцы же въ это время, „искореняя“ у себя раскольниковъ и собираясь строить послѣ бывшаго у нихъ пожара новую церковь, зѣли къ московскому патріарху много просьбъ. Имъ нужны были колокола, вѣкоторыя церковные книги, а также порохъ, синвецъ и пушки. Отказать патріарху донцы не могли и въ своей отпискѣ къ нему, прося у него колокола и ходатайства предъ царемъ о дачѣ войску жалованья и пушекъ, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Фроловъ Михаиломъ, между прочимъ, писали:

„И мы холопы ваши, по твоему архирейскому благословенію и по грамотѣ, за Яикъ для тѣхъ раскольниковъ поповъ посыльщиковъ своихъ казаковъ послали того-жъ часу и велѣли Яицкому войску тѣхъ посовѣтъ отослать за про-вожатыми въ Казань къ казанскому митрополиту Андреину не мотчавъ; а впереди имъ, войску Яицкому указали мы Казанскаго митрополита Андреяна благословенію быть во всемъ послушаннымъ безо всякаго прекословія“ ³⁾.

Прибывъ за Яикъ зимою, донскіе посланцы объявили грамоты собравшемуся въ кругъ Яицкому войску и войсковому атаману Якову Васильеву.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвели эти грамоты на войско. Отставная свои вольности и права, яицкіе казаки опирались въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на Донское войско и всегда находили въ немъ поддержку и согласовали свои дѣйствія съ донцами. На этотъ разъ нарушать ихъ казачьи права явились не московскіе приказные и воеводы, а свои-же братья казаки — донцы, тѣ самыи донцы, на которыхъ они болѣе всего надѣялись, что ихъ не выдаутъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла 1689 г. № 21, картонъ 57, листъ 66.—Открытъ донскаго атамана Минагена въ государственномъ посольскомъ приказѣ.

²⁾ Тамъ-же, листъ 67.

³⁾ Дополненіе къ Актамъ Истор., т. XII, стр. 122, 215—218 и 269.

Но доводы требовали выдачи беглыхъ поповъ, требовали отъ всего донского войска выдать и искоренить всѣхъ раскольниковъ.

Яицкое войско недоумѣвало. Казаки не понимали, что отъ нихъ требуютъ? Оям,— Яицкое войско,— а Бога вѣруютъ, въ церковь ходятъ, за царя, за патріарха и за всѣхъ православныхъ христианъ молятся, что же отъ нихъ требуютъ?! И войско съ наивной простотой стало писать патріарху отписку, что у нихъ раскольниковъ вѣтъ, не подозрѣвая того, что они-то, эти вѣрные слуги цара и Россіи, религіозные, какъ древняя Русь, они то и есть тѣ самые плуты и раскольники, которыхъ прокляли на соборѣ и которыхъ такъ усиленно имѣть патріархъ и казавскій митрополитъ и которыхъ такъ безпощадно искореняли на Дону!

„Великому господину святѣшему Карлу Іоакиму, Московскому и всему Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, писали яицкіе казаки въ отписѣ,— холопи великихъ государей запольныхъ рѣки Яику яицкіе атакапы—казаки: атаманъ Якушка Васильевъ и все Яицкое войско благословенія просимъ и челомъ бѣть. Въ нынѣшнѣмъ во 197 (1689) году, по твоему святѣшаго патріарха грамотѣ, присланы отъ войска Донского къ намъ къ Яицкому войску царочесные посыщики донскіе казаки, Фома Алексѣевъ да Василій Лаврентьевъ, для сїску раскольниковъ. И у насъ въ Яицкомъ войсѣ нынѣ раскольниковъ не объявилось; а по указу великихъ государей и по твоему святѣшаго патріарха благословенію и по присылѣ отъ Донского войска мы Яицкимъ войскимъ у себя въ яицкомъ городкѣ про раскольниковъ разыскиваемъ и буде по разыску объявятся у насъ какіе раскоznщики и мы укрывать ихъ не станемъ, по воинскому своему суду такимъ наказаніемъ за расколъ станемъ смертную казнь чинить, или чего дожедется. А сверхъ того также между собою утвердились въ крестъ Господень и святое евангеліе въ церкви Божій вѣтъ войскомъ цѣловали въ томъ, что великихъ государемъ служить вѣрою и правдой, и къ церкви Божій приходить, а про великихъ государей и про твоё святѣшаго патріарха благословеніе и про весь священный соборъ никакихъ неистовыхъ словъ не говорить, и начинъ не порочить; а послѣ крестваго цѣлованія мы Яицкимъ войскимъ, переговоря о томъ можъ себѣ въ кругу, и съ отписками къ великихъ государемъ и къ тебѣ святѣшему патріарху о сей дѣлѣ послали къ Москвѣ, выбравъ яицкихъ своихъ казаковъ: сташишаго атамана Осипа Васильева да ясаула Вихромъ Сергиева съ товарищи, четырехъ человѣкъ, а вѣлья имъ явитца и сю отписку подать въ твоемъ патріаршѣ разрядѣ“¹⁾.

Пославъ челобитную, войско долго не рѣшалось предпринять что либо опредѣленное. Какъ быть?!—Отказать въ выдачѣ поповъ опасно—войско пажило бы себѣ враговъ—всюду и въ Москвѣ, и въ Казани, и на Дону.

¹⁾ Тамъ-же, а также Моск. Ар. Мин. Юст., Донскій дѣлъ 1689 г. № 7. На подлинной отписѣ помѣтка: „Чтено. Записанъ въ книгу волть къ отписку“. Числа и кѣсцы на челобитной не имѣются.

Выдать же было нельзя: по ихъ казачьему вольному обычью до сихъ поръ никто изъ бѣглцовъ не выдавался: если выдать поповъ, то завтра же потребуютъ выдать и другихъ бѣглыхъ, а они, войско Яицкое, почти все бѣглые!

Долго находились казаки въ недоумѣніи; смѣнился старый войсковой атаманъ Яковъ Васильевъ, вместо него выбрали другого атамана Прокофія Семенова. Наступалъ мартъ — время отправки станицы въ Самару за хлѣбомъ, а войско все еще не решалось, какъ поступить, что сдѣлать съ требованіями патріарха и донцовъ?

Наконецъ 3 марта въ послѣднемъ шумномъ кругу войско рѣшило выдать ощальныхъ поповъ, но успѣли схватить только священника Андріава, постъ же Петръ съ Яика обѣжалъ, а можетъ быть и сами казаки скрыли его гдѣнибудь отъ донцовъ, но только при отсыльѣ въ Казань священника Андріава постъ Петръ числился бѣглымъ. Андріанъ же самъ отдѣлся въ руки; когда еще, по прѣѣздѣ донцовъ, Яицкое войско ходило въ церковь и цѣловало крестъ, чтобы имъ никакого раскола между собою не имѣть, постъ Андріанъ, въ церковь не пошелъ и креста Господня и святаго евангелія не цѣловалъ, а говорилъ, что онъ подъ запрещеніемъ у отца своего духовнаго¹⁾.

Схвативъ Андріана, казаки отправили его вмѣстѣ съ двумя донцами въ Казань въ митрополичій дворъ, нрадавъ къ донцамъ двухъ яицкихъ казаковъ Ивана Исаева и Тимофея Коежевникова. Станица съ Андріаномъ прибыла въ Казань 17 марта, гдѣ казаки, сдавши поиз митрополиту и получивъ отъ воеводы князя Барятинского государево жалованье, уѣхали — донцы на Донъ, а яицкие казаки на Яикъ.

Когда въ Москвѣ получали объ этомъ сведѣніе, то приказали выслать Андріава въ Москву въ Казанскій приказъ „сковаса и съ провожатыми“²⁾.

Чтосталось съ попомъ Андріаномъ, прослѣдовали ли дальше въ этомъ году старообрядцевъ въ Яицкомъ войскѣ — изъ актовъ не видно.

Это гоненіе на старообрядцевъ за Яикъ было первое, и, къ несчастью, не послѣднее. Въ слѣдующіе же періоды исторіи Яицкаго войска гоненія на старообрядцевъ въ войскѣ съ каждымъ годомъ были все сильнѣе и сильнѣе въ Яицкое войско, состоявшее, какъ мы видимъ, сплошь изъ старообрядцевъ, становится одною изъ главныхъ жертвъ административнаго и церковнаго гоненія за свои религіозныя убѣжденія.

Трудно и невозможно объяснить ни здравымъ смысломъ, ни исторической необходимости этого жестокаго преглѣданія, которому подвергались старообрядцы.

Исторически и логически прослѣдованіе старообрядчества, государственное и церковное, представляется до того странную вещь, до того несбыточное

¹⁾ Тамъ-же. Отпись въ приказъ Казанск. дворца казанскаго воеводы князя Данилы Барятинскаго, о присыльѣ въ Казань атаманомъ яицкихъ казакъ Прокофія Семеновыма отлученнаго попа Андріана 1689 г. марта 17.

²⁾ Тамъ-же.

явленіе, что будущіе историки, рассказывая эту исторію, станутъ отказывать-
ся отыскать въ ней какой-нибудь смыслъ.

Позднѣйшія историческія изслѣдованія намъ говорятъ, что исправленіе
Никономъ духовныхъ книгъ и крестного сложенія были въ дѣйствительности
не исправленіе, а порча ихъ и, зная это, становится еще болыше за ту массу
невинныхъ жертвъ, мучениковъ за вѣру, такъ беззлакно и безвинно погиб-
шихъ!

„Древніе наши церковные чины и обряды никогда никакъ у насъ не
искажались и не портились,— пишетъ знатокъ русского старообрядчества про-
фессоръ Н. Ф. Каптеревъ¹⁾,— а существовали въ томъ самомъ видѣ, какъ
мы видѣтъ съ христианствомъ пришли ихъ отъ грековъ, только у грековъ
нѣкоторые изъ нихъ позднѣе измѣнились, а мы остались при старыхъ, не
измѣненныхъ, почему впослѣдствіи и явилась разнъя между московскими цер-
ковными чинами и обрядами и позднѣйшими греческими. Это свое общее по-
ложение я иллюстрировалъ на формѣ перстосложенія для крестного знаменія,
при чемъ выяснилъ, что въ христианской церкви древнѣйшей формой персто-
сложенія было единоперстіе, а потомъ единоперстіе у православныхъ грековъ
замѣнено было двоеперстіемъ, которое мы отъ нихъ и заимствовали при сво-
емъ обращеніи въ христианство. И въ то время какъ греки не остановились
и на двоеперстіи, а позднѣе замѣнили его у себя троеперстіемъ, русскіе
остались при прежнемъ, воспринятомъ ими отъ грековъ, двоеперстіи, кото-
рое и было у насъ до Никона господствующимъ обычаемъ. Извѣстный
историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій въ 1892 г. издалъ особое
изслѣдованіе подъ заглавиемъ: „Къ вашей полемикѣ со старообрядцами”, въ
которой новыми данными, относящимися къ вопросу о перстосложеніи и дру-
гими спорными образовыми вопросами, вполнѣ подтвердила научную вѣрность
моихъ взглядовъ на старый обрядъ. Теперь они приняты всѣми въ наукѣ
и уже не возбуждаютъ никакихъ споровъ среди самихъ полемистовъ съ старо-
обрядцами и ни кто въ нихъ ничего вреднаго для церкви не находить“.

Такъ говорятъ Каптеревъ. Но тогда, когда въ слѣдомъ фазатизмѣ по-
слѣдователи новоштвія не знали ни гравицї, ни предѣла своей нетерпимости,
тогда этого не знали.

При взглядѣ на историческое прошлое мы видимъ, что въ 1489 году, когда
царя Евгена сѣялъ попытку собрать 8-й вселенскій соборъ во Флоренціи,
за этотъ соборъ изъ Россіи поѣхалъ митрополитъ Исидоръ съ епископомъ
Абраміемъ суздальскимъ и нѣкоторыми другими лицами; въ томъ часѣ бывъ
ионокъ-іерей Симеонъ Суздалецъ, который и описалъ это путешествіе. Но на этомъ
соборѣ выяснилась вся та разнъя, которая постепенно проявлялась между вос-

¹⁾ Профессоръ Н. Ф. Каптеревъ „Царіарь Никонъ и царь Алексій Михайловичъ“, томъ I въ 1909 г., стр. II и III. Въ этой интересной книжѣ доказывается историческими документами вся неправиль-
ность и неосновательность никоновскихъ реформъ.

точной и западной церковью. Симеонъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Италии вмѣстѣ съ русскимъ посломъ Фомою. Послѣ этого собора русская церковь перестала зависѣть отъ константинопольского патріарха, такъ какъ на этомъ соборѣ греки вмѣстѣ съ латинянами были признаны измѣнившими православію. Митрополитъ Исидоръ по возвращеніи его въ Москву былъ осуждены за приверженность къ грекамъ и папѣ и вынужденъ былъ бѣжать въ Римъ, гдѣ былъ сдѣланъ кардиналомъ.

Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ этого, во времена Иоанна IV въ 1551 году, для упорядоченія церковнаго устройства и народныхъ нравовъ и обычаевъ, былъ созданъ многолюдный церковный соборъ, на которомъ кромѣ духовенства засѣдали „скази, и бояре, и воини“. Постановленія этого собора подъ именемъ *Стоглава*, по числу заключающихся въ немъ ста главъ, привѣнялись по управлению церковью вплоть до 1667 года. Въ Стоглавѣ было подтверждено дноеперстіе, сугубая аллилуїя, поклоненіе старымъ иконамъ, запрещеніе брить усы и бороду и ношеніе чѣмѣцкаго платья и маого другихъ постановленій, ставшихъ обязательными для каждого православнаго христіанина. [16].

Подъ дѣйствіемъ сколастической литературы, орошишій Москву изъ Кіеава, Никона для исправленія книгъ пригласилъ кіевскихъ ученыхъ; за образцами книгъ послали къ грекамъ, въ тѣхъ самыи грекамъ, которые на соборѣ 1439 года были призваны вмѣнившими православію! Въ созданномъ въ Москвѣ по настоянію Никона соборѣ въ 1667 году, гдѣ между прочими участвовало три патріарха восточной православной церкви (греки), почти всѣ постановленія стоглаваго собора были отмѣнены и соборъ прѣзвалъ, что „той соборъ (стоглавый) не въ соборѣ и вѣтва не въ вѣтви“.

Кому же вѣрить? Куда же идти? Образовался расколъ. Ревнители старого благочестія не хотѣли привносить новшество, не согласныхъ съ ихъ древне-русскими обычаями и обрядами, и стали звать приверженцевъ Никона никонізацией. Вставшіе же на сторону Никона стали звать своихъ противниковъ раскольниками.

Казалось, что на этомъ и надо было успокояться, предоставивъ каждому молиться и креститься по своему убѣжденію. Но въ сколастическихъ и жалкихъ бредняхъ было забыто, что на великий свѣтъ святаго Всемогущаго Творца вселенной не упадетъ тѣни отъ того, что двумя или тремя перстами будетъ его славить человѣкъ на землѣ!

И мы видимъ, что при Никонѣ, при исправленіи богослужебныхъ книгъ, а въ особенности въ пору церковныхъ преобразованій Петра Великаго и Феофана Шрокоповича, русское правительство, свѣтское и духовное, быстро и не очень осмотрительно приняло сторону перенѣхъ и передѣлокъ, внесенныхъ при Никонѣ археологическо-византійскій характеръ, а при Петре и Феофанѣ лютеранскій уклонъ: и не привавшіе этихъ передѣлокъ люди остались церковниками по типу, духу и букѣ, во всемъ славящимися съ вели-

кими святителями земли русской, преподобнымъ Сергиемъ Радонежскимъ, митрополитомъ Петромъ, Ионою и Филиппонъ, съ царями, какъ Грозный и Михаилъ Феодоровичъ. Всѣ они—эти святители и цари—всѣ они были ревнители старого благочестія, всѣ были люди старой русской православной вѣры.

Святая княгиня Анна Кашинская, открытие мощей которой такъ недавно праздновалось русской церковью, была тоже старообрядка—молилась по старымъ русскимъ обрядаамъ. Ея мощи еще 12 июня 1650 г. были торжественно перенесены въ новый соборъ, при чёмъ на торжество присутствовала вся царская семья.

„Вскорѣ, когда началась Никонова реформа и движение раскола, было обращено внимание, что исклыцы правой руки ея сложены въ боуперстное крестное знаменіе. Та обрядность и мелочность, на почву которой съ самого же начала стала расколь, раздѣлялась съ неменьшимъ фанатизмомъ въ приверженцахъ Никона. Видѣто того, чтобы въ сложеніи пальцевъ почившей триста лѣтъ назадъ св. княгини увидѣть ясное доказательство равночестности и разволнистности обоихъ пересложеній и устранить вовсе этотъ вопросъ, какъ мотивъ церковной распри, патріархъ Григорій созвалъ наизъ соборъ исключительно изъ іерарховъ церкви, который, упервшись въ троеперстіе и嘗аясь дать раскольникамъ опору въ ихъ борбѣ, пріостановилъ вовсе празднованіе св. Агнѣ, а вѣрюющимъ православными, которые имѣли ея иконы, уже къ тому времени очень распространившися, пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви и наказаніемъ. Такъ святого человѣка, явившаго себя и въ жизни и въ мицахъ, какъ бы погребли вторично изъ-за однихъ пальцевъ его, частицы тѣла, а не души, изъ-за обряда и формы!“¹⁾

Гнали обрядъ, гнали форму, ае спрашивалась съ душою и съ идеаламиго нациаго народа. Между тѣмъ эти старообрядцы, эти столбовые русскіе люди волновались исключительно отдѣльными распоряженіями правительственной власти, направленными противъ нихъ; во никогда рѣшительно они не возставали противъ существа государственной власти, никогда не отрицали и не оскорбляли лица государства и государственности. Въ этомъ огромное въ преимущество сравнительно съ западно-европейскимъ сектантствомъ, огромное и само по себѣ, и по отношенію къ государственной безопасности. Можно сказать, государство старалось создать наиболѣе удобыя условія существованія для этихъ церковныхъ „раскольниковъ“, суть которыхъ заключалась въ неринатіи никакихъ „новшествъ“ церковныхъ, въ отстаниваніи духа и буквы старой вѣры, откуда произошло и самое имя „старовѣрія“, въ нежеланіи сколько-нибудь отщепиться, сколько-нибудь отколотися отъ великихъ прототиповъ древней русской вѣры, отъ Сергія Радонежского до московскихъ святителей; въ нежеланіи новаго, доходившемъ до суеты, до мелочности, до „іости“.

Лучшій знатокъ судебъ раскола, Н. П. Гиларовъ-Платоновъ, разъяснилъ источники этого „правительственнаго“ умонаструпленія. Какъ известно, расколъ

¹⁾ Новое Время 1909 г., № 11911.

гвалса особенно жестоко въ классическую эпоху нашего правительства блеска, въ пору Николая I и митрополита Филарета. Гиляровъ-Платоновъ указалъ, что расколъ самымъ бытіемъ своимъ, самымъ своеобразіемъ своимъ, свою волю, своимъ неуступчивымъ „я“ ставилъ препятствіе для побѣдаго шествія „фронтовыхъ идеаловъ“, т. е. идеаловъ военного фронта на смотрѣ, принципъ коего разливался на всю гражданственную, на всю культурную и законецъ на всю религиозную жизнь. Съ старообрядчествомъ не вступали въ превіа по существу, старообрядчество не критиковали по существу, старообрядчествомъ не интересовались по существу, его не любили, гвали и наконецъ „убирали съ глазъ долой“, какъ пуговицу, невѣро прашатую къ борту мундира у солдата на смотрѣ. Вотъ и все. Вотъ и весь источникъ горенія. Отсюда знаменитый и странный для уха, непонятный для религиозной совѣсти терминъ „неоказательства“, введенный по отношению къ расколу въ законы: старообрядчество могло быть, но оно не должно было „оказываться“, являть себя, показываться на глаза кому-нибудь, — именно какъ пуговица, не такъ пришвата, на мундирѣ, какъ неправильность формы, какъ отступление отъ абсолютного, слитнаго единобразія¹⁾. „Отступленій не допускается“. Этотъ девизъ фронта, лексикъ формальныхъ бюрократическихъ отношеній, девизъ „исходящихъ“ и „входящихъ“ бумагъ, этотъ мучительный кошиаръ преслѣдованія совѣсти и всего лучшаго человѣческой души дежалъ тяжелымъ ярмомъ почти два столѣтія на цѣлой области, на цѣломъ войскѣ самыхъ преданныхъ и самыхъ религиозныхъ гражданъ земли русской!

Красною нитью во всей истории Яицкаго войска проходитъ эта борьба духовной и свѣтской власти съ религиозными убѣжденіями казаковъ, борьба упорная и подчасъ жестока, борьба, которая вѣстѣ съ несправедливостью и лихонимствомъ старшинъ и атамановъ доводитъ войско до вооруженнаго бунта, когда яицкіе казаки, эти вѣраѣшіе изъ вѣраѣшіихъ слугъ Царя и Россіи, поднимаютъ знамя восстанія подъ предводительствомъ Пучагева и идутъ на смерть „за бороду и крестъ“!

Въ тотъ-же 1688 годъ, когда старообрядцы горѣли въ срубахъ и въ пылу фанатизма сжигали самыя себѣ, въ сентябрѣ былъ объявленъ второй походъ на Крымъ. Въ этомъ походѣ участвовали дозскіе, яицкіе и орѣшковскіе казаки Бѣлгородскаго полка, а также и яицкіе казаки двѣсти человѣкъ, привыкшіе въ армію съ Янка съ походнымъ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ²⁾.

Наученный опытомъ, Голицынъ на этотъ разъ хотѣлъ предпринять походъ раннею весною, чтобы не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Ратныхъ людемъ вѣлько было собраться не позже фев-

¹⁾ „Новое Время“ 1909 г. № 11911.

²⁾ Смотр. прил. Ж. II. Часыка даза—атаману 28 руб., есауламъ двенадцать по 25 р., заменициамъ двенадцать по 28 р., рядовымъ по 19 р.

рала 1689 года. Наступилъ февраль и 112 тысячъ войска двинулись въ степь.

О подробностяхъ этого похода Устраловъ говорить такъ¹⁾:

„Голицынъ оставилъ безъ вниманія большую часть предположеній Гордона, и спѣшалъ выступить въ походъ ранѣе обыкновеннаго, чтобы избѣжать степныхъ пожаровъ, но изъ одной бѣды попалъ въ другую: сначала была жестокая стужа, потомъ вдругъ наступила оттепель, степная рѣка разлилась на обширныя пространства, и войска съ неимовѣрнымъ трудомъ переправились черезъ Ворсклу, Мерло и въ особенности черезъ Врель: здѣсь надобно было построить мости и гати версты на двѣ и болѣе. На Врели присоединились къ Голицыну сходные товарищи его со своими разрядами: прежде вѣхъ Шереметьевъ съ Казанскимъ, потомъ Шеинъ съ Новогородскимъ, на-конецъ князь Долгорукій съ Рязанскимъ и Дмитриенъ-Мамоновъ съ Низовыми полкомъ²⁾, а за Самарѣ гетманъ Мазепа съ своимъ регаментомъ. Сосредоточенный такимъ образомъ войска запасались провиантомъ въ городѣ Новобогородскомъ на два мѣсяца; отсюда они потянулись лѣвымъ берегомъ Днѣпра черезъ Конскія Воды, Ячакракъ, Карабокракъ, Московку и Бѣлозерку къ Коиркѣ; для охраненія же Украины отъ неизвестного прихода врагъ-татаръ людей велико стать около Самарскихъ вершина боярину Ивану Феодоровичу Замянскому съ новогородцами, псковичами и вѣтчиками, не явившимися въ срокъ на сборные пункты. Отъ Самары воеводы шли съ большой осторожностью, высыпая конные отряды впередъ для разведыванія, вѣть ли въ степи татары или слѣда врагъ-татарского; до Бѣлозерки не встрѣтили ни одного татарина; здѣсь же разъезды наши схватили трехъ крымцевъ, отъ которыхъ, ворочемъ, кажется, ничего не узнали. Съ Бѣлозерки Голицынъ писалъ въ Москву, что по совѣщанію съ своими товарищами и съ гетманомъ отрядилъ онъ боярина и воеводу Нецлюева съ думнымъ дворяниномъ Косоговымъ къ рѣкѣ Молочной и къ Тоцкамъ водить, для пронысла подъ Керчью и Чугаромъ³⁾; но Нецлюевъ, какъ видно изъ собственнаго донесенія его, отъ главной арміи не отдѣлялся, да и пройти къ Керчи иначе не могъ, какъ черезъ Крымъ. Достигнувъ рѣчки Коирки, Голицынъ послалъ до 2.000 человѣкъ къ Асланъ-Кирмену, а самъ со всемъ арміею двинулся по направлению къ Переяславу.

На другой день разнесся слухъ, что татары близко; все войско пришло въ смятеніе; тревога однако-же была напрасна,— черезъ вѣсмъ-ко часовыхъ армія вступила на зеленую долину, обшираюше поле, покрытое верстъ за десять роскошной травою, съ обильнымъ количествомъ воды, и остановилась здѣсь лагеремъ. Отрядъ, посланный къ Асланъ-Кирмену, возвратился, ничего не сѣлавъ, даже не дошедшіи до крѣпости версты за полторы. Піавший татаринъ объявилъ, что за день передъ тѣмъ крымскій ханъ пришелъ изъ за Днѣпра съ 4000 бы-

¹⁾ Устраловъ, „Истор. царств. Петра Великаго“, т. I, стр. 220—221.

²⁾ Тутъ были и яицкіе казаки.

³⁾ Тутъ находились донскіе, яицкіе и орѣшковские казаки Бѣлогородского полка. А въ т.

городскихъ татаръ и стоять на Колончакѣ, а главныя его силы находятся въ Черной Долинѣ верстахъ въ 20 отъ Зеленої. Слѣдующій день, во время перехода русской арміи изъ Зеленої Долины въ Черную, отъ Даѣпра, по Казакирменской дорогѣ показались татары, впервые въ значительномъ числѣ, не болѣе, впрочемъ, 10.000 человѣкъ, передъ полками боярина Шеина. Завязалась перестрѣлка, которая продолжалась часа 3 или 4 и кончилась неизначительнымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ того татары удалились. Слѣдуя за ними по Казакирменской дорогѣ, войска наши вступили въ Черную Долину, и нашли бы тамъ довольно хорошей травы и воды, если бы у нихъ было больше порядка и повиновенія. Здѣсь встрѣтились мы, наконецъ, съ самимъ ханомъ, со всѣми силами своихъ онъ появился на правомъ флангѣ нашихъ войскъ и около полутора, въ проливной дождѣ, съ изумительной быстротой и храбростью ударилъ въ тылъ нашей арміи. Задеяя полки занялась, конные и пѣши бросились въ вагенбургъ, но пушечные выстрелы остановили непріятеля. Потерпѣвъ здѣсь значительный уронъ, ханъ склонился на лѣвый флангъ и занесъ значительное пораженіе двумъ полкамъ украинскихъ казаковъ Сумскому и Ахтырскому. Артиллерія снова отразила его. Послѣ того татары не возобновляли нападенія и только издали занялись впереди и сзали нашахъ войскъ. При наступлении ночи они скрылись изъ вида. Воеводы, убѣдившись, что конница не въ силахъ выдерживать стремительнаго наступства степныхъ набѣдниковъ, поѣхали ее за пѣхотой въ вагенбургъ. Когда поднялись мы изъ Черной Долины утромъ, татары показались снова со всѣхъ сторонъ, но, вида вездѣ пѣхотные полки, не рѣшились напасть на нихъ и скрылись изъ вида. Русская армія безъ всякаго препятствія добралась до рѣчки Колончака и раскинула лагерь на зеленыхъ берегахъ ея. Воды и травы было вдоволь, только лѣса не доставало. Такъ повѣствуетъ беспристрастный свидѣтель и участникъ похода генераль Гордонъ о первомъ столкновеніи съ татарами между Зеленої и Черной Долинами, о битвѣ съ самимъ ханомъ въ семь послѣдніхъ уроцищъ и о прѣбытіи арміи на берега Колончака.

Очевидно татары не могли устоять противъ русской пѣхоты, тѣль болѣе противъ артиллеріи. Перестрѣливались издали и успѣли только воспользоваться оплошностью воеводъ при нападеніи на украинскихъ казаковъ. Вообще же дѣло въ Черной Долинѣ было незначительно и Коловчакомъ овладѣли безъ боя.

Всегда правдивый и точный разсказъ Гордона въ настоящемъ случаѣ подтверждается офиціальными донесеніемъ о числѣ убитыхъ, раненыхъ, пленныхъ, вообще выбывшихъ изъ строя русской арміи въ продолженіи трехдневнаго, безпрерывнаго, по словамъ Голицына, боя, отъ Зеленої Долины до Колончака: убито и отъ ранъ померло 61 человѣкъ, въ пленъ взято 29 человѣкъ, безъ вѣсти прошло 28 челов., ранено 441 чел., за исключеніемъ Сумскаго и Ахтырскаго полковъ, потерявшихъ убитыми 142, пленными 12 и ранеными 563 чел.**

, 20 мая войска подошли къ знаменитой Перекопи, — и нешь другой историкъ Соловьевъ¹⁾,— къ укрепленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывалъ перешеекъ; за Перекопью завѣтный Крымъ, — цѣль похода. Но что такое Крыжъ? Люди лучшіе, опытнѣйшіе, какъ напримѣръ Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что занеовать Крымъ легко, только степная дорога къ нему трудновата. Думали, что только стоять вторгнутыся въ Крымъ съ большими войсками, татары испугаются и отладутся на волю побѣдителей; не подумали объ одномъ, что за Перекопью также безводная степь, какъ и во дорогѣ къ полуострову; что татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и жаждою. Голицынъ стоялъ у Перекопи; надобно было брать крѣпость, а войско уже двое сутокъ было безъ воды; спѣшили къ Перекопи, думая, что тутъ-то будетъ конецъ лишений и что же увидѣли? — съ одной стороны Черное море, съ другой Гавлосе, вездѣ вода соленая, колодцевъ нѣть, лошади падаютъ; еще нѣсколько дней — и какъ будуть отступать, на чёмъ везти нарядъ? Чтобы возвратиться съ чѣмъ выбудь назадъ, Голицынъ заселъ мирные переговоры съ ханомъ иъ надеждѣ, что тотъ, испугавшись нашествія, согласится на выгодныя для Россіи условія; но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя и онъ повернулся назадъ безъ мира; ради были одному, что въ степи, въ страшный зной при мучительномъ томлѣніи жажды, татары преслѣдовали легко, не всѣми своими силами. Спустя два года послѣ похода вышелъ изъ татарского плѣна смоленскій шляхтичъ Поплонскій и рассказалъ: „Когда государевы ратные люди пришли къ Перекопи, Нурадинъ салтанъ говорилъ отцу своему хану: для чего онъ противъ тѣхъ разныхъ людей изъ Перекопи вѣдеть, а если онъ, ханъ, идти не захочетъ, то оять бы велѣлъ ему, Нурадину, выйтіи; и ханъ сказалъ: присыпалъ къ нему князь Василій Голицынъ для переговору о мирѣ и онъ для того противъ тѣхъ ратныхъ людей вѣдеть, а если это ихъ желаніе не исполнится, то они, татары, егъ князя Василія и со всѣми войскомъ, если станеть приступать, въ Перекопъ вступать и безъ боя всѣхъ переберутъ по рукамъ, а иные и сами отъ нужды перемрутъ, потому что въ Перекопи только три колодца воды прѣсной*.

Такъ плачевно окончился и второй крымской походъ.

Во время этого похода на Якѣ случилось обстоятельство, изволновавшее все Яндское войско гораздо болѣе, чѣмъ нашествіе киргизъ или казаки. Эти хищники, дѣлая набѣгъ, захватывали у казаковъ скотъ и лошадей, изрѣзка брали въ плѣнъ казаковъ и иногда цѣльше, а иногда бѣтие казакамъ, гнали обратно въ свои степи и обычно надолго скрывались тамъ вдали отъ мстительного казачьяго коня; но они никогда не посагали за земельныхъ права казаковъ. На этотъ разъ на берегахъ Якы появился другой врагъ, болѣе опасный — этотъ врагъ отнималъ у казаковъ не лошадей, не скотъ, а

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Россіи, томъ 14, глава 1.

старался захватить у нихъ самое дорогое, чему идти — хотѣлъ захватить часть права владѣнія Яикомъ.

Въ ноябрѣ 1689 года самарскій воевода *Владимир Полуоктровъ* отлучилъ съ Самары самарскихъ жителей и стрѣльцовъ: *Никитора Перфильева* съ товарищами, всего сорокъ девять человѣкъ, на рѣку Яикъ для рыбаго промысла выше казачьяго городка¹⁾.

Правили самаряне на Яикъ, разбили ятвь, которыхъ по то время, виду обилия рыбы, было много и выше учуга, и стали ловить казачью рыбку, кѣль у себя дома.

Узнали объ этомъ въ казачьемъ городкѣ; поднялся шумъ, забили въ насть, и казаки высыпали изъ своихъ куреней. Это было 30 ноября — былъ ли день праздничный или какое либо иное веселье въ войскахъ, но казаки явились въ кругъ въ большей части своей на-веселѣ — „пьяные“, какъ писалъ объ этомъ самарскій воевода. Вошелъ въ кругъ и войсковой атаманъ *Данило Денисовъ*, тоже не съ трезвою головою.

Едва казаки услыхали отъ войскового дьяка, что приѣхали на Яикъ самаряне и разбили ятвь выше городка — кругъ заволновался.

Что угодно войско могло простить, но этого простить не могло.

Самаряне ловить рыбу въ Яикѣ! Какъ искра въ порохъ упали эти слова среди казачьяго круга.

— Бить ихъ! чтобы впереди не повадко было! — закричали въ кругу.

— На коней! кричали другіе. И не прошло и часу, какъ все наличное войско Яикское, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ *Данилой Денисовымъ* тысяча триста пятьдесятъ человѣкъ поспѣхались вверхъ по Яику ловить воровъ. А чтобы было не такъ холодно и было чѣмъ обогрѣться, „вина съ ними, съ казаками, было многое число“.

Въ третью часу дня казаки награнули на самаринъ, не чуявшихъ грозы и спокойно ловившихъ въ ятви рыбу.

Но какъ ни былъ хиѣленъ атаманъ, все же оно войско остановилъ вдали и послалъ къ самарянамъ казака *Филата Прорана*, чтобы они, самареки жители, съ рѣки Яику сѣѣхали и рыбы не ловили».

Почувствовавъ грозу, *Никиторъ Перфильевъ* съ товарищами отвѣтили посланному, что они рыбу ловить не самовольствомъ, а по приказу великаго государя, по распоряженію самарскаго воеводы.

„А если казаки указу великихъ государей учиваются не послушаны, то они самаряне съ Яику рѣки сѣѣдутъ, а дрѣться съ казаками не ставутъ!“ — закончилъ свой отвѣтъ *Перфильевъ*.

Трудно сказать, что произошло въ войскахъ, когда оно узнало этотъ отвѣтъ. Что самаряне ловили рыбу по указу государя, казаки конечно не по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла 1689 г., картонъ 57, дѣло № 21, листы 62—67. Далѣе все относящееся къ бою казаковъ съ самарянами взято мною изъ этого дѣла.

иѣрили, да этого и быть не могло, но ихъ вводило въ смущеніе, что сама-
рскій послалъ самарскій воевода! Волненіе охватило войско.

Какъ смыть къ наизъ посыпать ловить рыбу? казалось, думали казаки, —
Никъ искони нашъ; за него и грамота владѣнная дава... Мы покажемъ, кто
здесь хозяева,—впередъ воевода не будеть посыпать за казачьей рыбой!

Нагруженные сметрами возы еще болѣе разохгли страсти и казаки рванулись
за воровъ.

Произошло побоище. Прибѣжавшій погонѣ въ Самару стрѣлецъ Васъка
Репьевъ съ товарищи—всего четыре человѣкъ такъ рассказывали воеводѣ
объ этомъ побоищѣ:

„И послѣ того отвѣта они, яицкіе казаки, самаревина Михаила Пер-
фильева¹⁾ съ товарищи шестнадцать человѣкъ побили до смерти, а девять
человѣкъ ранили, а достальнихъ били пищальными столами мало не до смерти,
и взяли ихъ битыхъ и раненыхъ ови, казаки, привезли къ себѣ въ казачій
городокъ. А ихъ, Васъку съ товарищи ранили и рубили. И они Васъка съ
товарищи изъ ихъ казачьяго городка ушли за Самару”.

Послѣ побоища казаки, возвратившись въ городокъ, собрали кругъ и вы-
брали для посыпки въ Москву съ челобитъемъ о случившемся легкую станцу
Федора Семенникова съ товарищи пять человѣкъ.

Но за другой день въ новомъ кругу атаманъ Даисило Денисьевъ заявилъ
войску, что казаковъ въ Москву посыпать не для чего. Очевидно, войско ре-
шило, что они у себя сами хозяева и расправились съ ворами по своимъ пра-
вамъ „по своему польскому суду” и что ни Москвѣ, ни кому другому до этого
неѣтъ никакого дѣла. Станцу отвѣтили и на этомъ успокоились.

Но не такъ взглянуль на это самарскій воевода Полуектовъ. Стрѣлецъ
Репьевъ между прочимъ сообщилъ ему, что онъ слышалъ въ городкѣ, что
яицкіе казаки несвою собираются идти на море для воровства, и воевода написалъ
въ Москву подробнѣшую челобитную о всемъ случившемся, изъ которой
и заимствованы настоящія свѣдѣнія; послалъ онъ также и донесеніе о замѣре-
ніи казаковъ идти на море на воровство.

Эта челобитная была получена въ Москвѣ 25 декабря. Не смотря на празд-
никъ въ этотъ же день была написана грамота къ Яицкому войску, въ которой,
между прочимъ, говорилось, чтобы казаки „отъ всякого воровства и отъ ша-
тости отстали и впередъ никакого воровства не чинили²⁾, а были-бы по преж-
нему великими Государамъ во всемъ послушны. А которые въ выѣзжаніи въ
198 (1689) году ноябрь въ 30 день на рыбномъ промыслу за рѣкѣ Яикѣ
побили самарянъ Михаила Перфильева съ товарище шестнадцать человѣкъ
въ которыхъ ранили и взяли къ себѣ въ казачій городокъ и изъ тѣхъ яицкіхъ

¹⁾ Это, вѣроятно, былъ тотъ самыи стрѣлецъ Михаилъ Перфильевъ, который провождалъ въ 1684 г. донцовъ до Царицына и хотѣлъ захватить бѣлаго стрѣльца Гогу.

²⁾ Тутъ говорится о предполагаемомъ воровствѣ на морѣ.

казаковъ пущихъ заводчиковъ шесть человѣкъ прислали бѣ великии го-
сударемъ къ Москвѣ въ приказъ Казанскаго дворца*...

Въ этотъ же день думному дьяку Емельяну Инатьевичу Украинцеву при-
казано было послать изъ посольского приказа грамоту на Довъ къ атаману
Фролу Минаеву, „чтобы они послали еть себя съ Дона на Яикъ къ яиц-
камъ казакамъ и атаману Данилу Денисьеву” о томъ, чтобы казаки не шли
воровать и выдали шесть человѣкъ пущихъ заводчиковъ побоища.

Но дьякъ Украинецъ усомнился во власти донского атамана вліять на дѣла
Яицкаго войска и потому приказалъ обѣ этомъ спросить бывшаго тогда въ Москвѣ
со ставицею войскового атамана Фрола Минаева: „Имеютъ ли они на Дону вой-
скомъ донскимъ надъ яицкими казаками какое право и въ чёмъ имъ послушны-ли?”

Призванный въ посольский приказъ Минаевъ „былъ допрашиванъ” и въ
допросѣ сказалъ:

— „Яицкие казаки издавна Донскому войску въ послушаніи и обо всиѣхъ
дѣлахъ межъ себя пересылау пишутъ, и большихъ дѣлъ безъ войска донскаго
у себя не вѣршатъ, а присылаютъ къ намъ на Донъ; а пишутъ какъ они учи-
вали и самаренна Микифора Перфильева съ товарищи на рыбной ловлѣ по-
били того я не вѣдаю, а знатно, что межъ ими учинилось то убийство за
упрямство, что самарцы учали ловить рыбу сильно а они имъ давать не стали
и за то ссорятся; а у нихъ яицкихъ казаковъ на рекѣ Яикѣ то и промыселъ,
что ловить рыбу и тѣмъ кормятся. Да и въ прошломъ 197 (1688) году пріѣхавъ
къ нимъ почали ловить Аюкаева улуса калмыки и они присылали къ
намъ на Донъ на него Аюкая съ жалобой и съ Дону изъ войска посылали къ
нему Аюкѣ нарочно, чтобы онъ впередъ на Яикѣ рыбы ловить не вѣрѣть, а
буде учнетъ ловить и они стануть его грохнуть, и съ того времени онъ Аюка
улусный своимъ людемъ на Яикѣ рыбу ловить заказалъ и нынѣ не ловить”.

Это показаніе донского атамана оказалось рѣшающимъ. 10-го января по-
слѣдоваль указъ: въ войско Яицкое и Донское грамоту не посыпать.

На этомъ дѣло въ кончилось.

Много лѣтъ спустя послѣ этого Яицкое войско въ одной изъ своихъ член-
бѣнъ императорцѣ Августѣ Иоанновнѣ о выдачѣ имъ вѣсто сгорѣвшей „владѣн-
ной” другой грамоты на Яикѣ, между прочимъ говорило, что, узнавъ о пожарѣ
въ войсѣ и о томъ, что у вихъ сгорѣла грамота, „въ прошедшыхъ годѣхъ
при Его Императорскомъ Величествѣ Петре Первомъ¹⁾ пріѣзжали самарскіе
жители на яицкія воды и на Яикѣ для рыбныхъ ловлій, но токмо у насъ съ
озыми самаринами состоялось побоище и смертное убийство и блаженныя и
вѣчно достойныя памяти Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ всемило-
стивѣйший намъ то въ вину не поставилъ”²⁾.

Прошло послѣ этого события болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ и многое за-

¹⁾ Побоище было въ 1689 г., а Петръ вступилъ фактически въ управление царствомъ съ 1690 г.,
хотя въ грамотахъ упоминаются оба брата до 1696 года.

²⁾ Соч. І. И. Жельскова, „Уральцы”, томъ 2, стр. 350—351.

были привыкшие орлы: забыли они все свои первые походы, забыли большой смоленской походъ, забыли многое другое, но въ народной памяти были живы воспоминанія объ этомъ побоищѣ; рассказы о немъ, какъ священный документъ, подтверждавшій права казаковъ на родной Яикъ, переходили изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому, хранились, какъ нечто дорогое, забыть и потерять которое было бы преступленіемъ передъ внуками.

Во времена И. И. Желѣзнова, въ 1850-хъ годахъ, это предавіе было еще живо. Оно рисуетъ побоище несолько въ иконѣ видѣ, чѣмъ самарскій воевода въ своемъ донесеніи. И. И. Желѣзновъ говорить о немъ такъ:

„По словамъ старожиловъ, которые въ молодости своей, разумѣется, слышали также отъ старожиловъ, происшествіе это случилось такимъ образомъ: самарскіе казаки, подговренные чувашами или чувашами, подговренными самарскими казаками — все равно, зреявшись богатствомъ Яика, забрались однажды за эту реку выше Уральска въ нѣсколькоихъ верстахъ и разгромили „ятovy“, вѣроатно, близъ выѣзда Гнадовского или Рубежнаго форпостовъ. Въ старину, надо замѣтить, красной рыбы много находило во время весеннаго водоразлата въ выше „учуга“. Разбагрили незваные гости, говорю, одну ятovy, нагрузили рыбой воза и отправили въ Самару. Съ обозомъ побѣзди чуваши, а самаряне, какъ люди похрабрѣ, остались на Яикѣ долавливать. Яицкіе казаки какъ то узнали о томъ, отремблѣли бросились на ятovy и застали воришекъ врасплохъ. Тотчасъ пошли въ дѣло пушни: другого оружія не уѣхъ, ни у другихъ не было; перекололи или, нравильнѣе, перепороли яицкіе ватаги самарскихъ, потому пустились по слѣдамъ обоза и нагнали чувашъ на рекѣ Чаганѣ. Тутъ повторилось то же, что было и на Яикѣ: яицкіе казаки взяли верхъ и почти вѣхъ чувашъ, а ихъ было очень много, положили на мѣстѣ. Овдовѣвшія самаряники и чувашенки, — сказываютъ казаки, — сложили во то пѣсню, не то причитанье, а что-то въ родѣ этого; а можетъ быть яицкіе молодцы, въ наимѣшую надѣль жалкими „баграчами“, и сани сочленили эту шутку. Вотъ она:

„Яицкіе казаки, буерачные стрижи,
Побили, поклевали нашихъ ясыыхъ соколовъ“.

Какъ бы то ни было, но происшествіе это глубоко сохранилось въ памяти уральцевъ. На томъ самомъ мѣстѣ, где было побоище у казаковъ съ чувашами, уральцы вскорѣ послѣ того построили „уметь“ въ видѣ сторожевого пункта отъ будущихъ покушений чужаковъ людей на ихъ собственность и назвали его, въ память победы, Чувашскимъ¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Ря. Штиба, опись 107, кн. 8, листъ 129, — членовѣти. Яицк. войска 1732 г. остат. 9. Объ этомъ же упоминается въ заявленіи войск. атамана Маркульева въ Военной Коллегіи въ 1734 г. въ январѣ (тамъ-же листъ 143).

ГЛАВА XVIII.

Таможенные сборы въ Гурьевѣ. Служба яицкихъ казаковъ Бѣлгородского полка въ украинныхъ городахъ. Первый и второй походы подъ Азовъ. Перепись на Янкѣ въ 1695 г. Разгромъ башкирцевъ въ казачьемъ городкѣ. Смуты въ войскахъ. Разгромъ Гурьева городка атаманомъ Шаменкомъ. Убийство войскового атамана Ивана Бѣлоусова (1690—1699 г.).

Въ 1690 году послѣ стрѣлецкихъ волнений въ Москвѣ власть по управлению царствомъ фактически перешла въ руки царевича Петра Алексѣевича, хотя въ грамотахъ вплоть до 1695 года упоминаются оба брата.

Въ первые годы царствования царя Петра на Янкѣ не произошло никакихъ событий или, вѣраѣ, до настѣ не дошло объ этомъ времени никакихъ сѣдѣній. Только лишь въ 1691 году въ первый разъ упоминается въ актахъ о таможѣ въ г. Гурьевѣ.

Изъ данной въ этомъ году памяти вновь назначенному туда таможенному цѣловальнику выборному астраханскому посадскому человѣку Гаранкѣ Михайловору Келейникову видно, что таможня эта существовала до его назначенія. Въ этой памяти опредѣлена и обязанность цѣловальника.

„Прѣхавъ, привѣтъ ему,—написано въ памяти,—въ Яицкомъ городкѣ таможенную печать съ россискою и сборныя деньги, которые прежній цѣловальникъ сбереть впередъ 200 (1692) году генваря съ 1 числа, по прѣѣздѣ его Гаранкѣ, потомъ же привѣтъ съ россискою; а привѣтъ все, сбирать ему таможенные пошлины съ всичихъ и не съ вѣсчахъ товаровъ, и съ лисицѣ, и съ кунеца, и съ корсаковъ и со вскихъ товаровъ, съ рубля по 10 денегъ и перекусную пошлину имать по прежнему; а которые люди учнутъ явить деньги и на тѣ деньги покупать товары и съ тѣхъ людей имать съ денегъ пошлины съ рубли по пяти денегъ, а которые люди товары свои за деньги продадутъ, и пошлины съ той своей продажи заплатить, и на тѣ деньги куплять иные товары, и съ тѣхъ денегъ пошлины не имать, и сверхъ продажи ляшные деньги на товары не накладывать; какъ калмыки и татарова учнутъ првогонять на продажу, или для иѣзмъ лошади и коровы и бараны, и иные всякие товары првогонять, и съ тѣхъ проданныхъ и иѣзовыхъ товаровъ пошлины имать съ русскихъ людей и съ татаръ съ рубля по десяти же денегъ, а съ лошадей и съ коровъ по гривѣ, а съ ясыреи пошлины съ покупавшими цѣны съ рубля по десяти денегъ, да головщины по четыре алтына по двѣ деньги съ человека..

съ купцовъ съ рускихъ людей, а съ казныкъ и татаръ пошлать не имать; и тѣ таможенные пошлины заисывать у себя въ книги, аменюжъ, порознь, что въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и съ кого аменемъ со вскихъ товаровъ пошлины взято будетъ; и того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобы торговые всякихъ чиновъ люди безошибочно не торговали, и будучи ему въ таможнѣ у таможенного сбору радѣть и прибыли искать, какъ бы великихъ государей казну собрать передъ прошлымъ годомъ больши. А буде овъ Гаранка, будучи въ таможнѣ у сбору великихъ государей денежные казны, радѣть и промышлать не учнетъ и передъ прошлымъ годомъ съ прѣбавкою не сбереть или его нерадѣніемъ и оплошкою учинится великихъ государей казнѣ какой недоборъ, и зато ему отъ великихъ государей царей и великихъ князей, Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлны Россіи самодержцехъ, быть въ ссалѣ и въ жестокомъ наказанье безо всякихъ пощады, и тѣ недоборные денги дозравлены будутъ на немъ Гаранкѣ и на выборныхъ людехъ⁽¹⁾).

Изъ этого документа видно, что въ Гурьевѣ городкѣ существовала кромѣ учуга еще и таможня, приносившіе доходъ московскому правительству. Учуги въ Гурьевѣ, поставленные въ два ряда (верхній и нижній учуг), конечно, были большемъ зломъ для Янцкаго войска. Всѧ рыба доставалась гурьевскимъ ловцамъ и только незначительная часть ея весною; или какъ называли казаки „отъ бывшаго времѣя“, проходила впередъ по Янку. Казаки, конечно, не могли быть довольны этимъ — ихъ главный промыселъ было рыболовство, отъ которого, какъ писали они въ своихъ членитныхъ, они „имѣютъ себѣ пропитаніе и службу его императорскаго величества справлять на своемъ коштѣ“. Сѣять хлѣбъ казаки конечно тогда не могли: — дикія орды салимыкъ, башкаръ и каргезъ не давали казакамъ не только заниматься хлѣбопашѣствомъ, но и рибу ловить они должны были „многолюдствомъ“, собираясь для этого всѣмъ войскомъ, окруженные цѣльми рядами отъѣзжихъ карауловъ.

О пропускѣ рыбы въ Яикъ войско видимо хлопотало давно и только въ 1696 году приказано было отворить гурьевскіе утуги на 12 сажень по обѣ стороны отъ береговъ. Въ своей челобитной въ 1746 году 14 марта ²⁾) войско говоритъ, что имъ обѣ этомъ въ 1696 году была дана грамота, но найти ее не удалось, т. к. по всей вѣроятности ее выдали изъ приказа Казанскаго дворца, дѣла котораго, какъ извѣстно, всѣ сгорѣли.

Вотъ единственные документы, которые говорятъ намъ о Янкѣ въ первые годы царствованія Петра.

Только о боевой жизни яицких казаков "Бѣлгородскаго полка" за это время историческіе документы говорятъ вамъ вѣроятно подробнѣ.

¹⁾ Акты Исторические, томъ 5, статья 210, стр. 361—362. Память Гаранян о таможенныхъ сборахъ изъ Гурьевъ 1691 г. августа 20. Черновой отпускъ, писанъ столбцомъ на двухъ листахъ. Изъ Ариака Астраханскаго губернскаго правленія.

²⁾ Грамота № 2727, Войсковой Архив, дела III разр. 2 гражд. опись, дело № 74, лист 59 на обороте.

1690 годъ застает яицкихъ, донскихъ и орѣшковскихъ казаковъ въ малороссійскихъ городахъ на службѣ при гетманѣ Иванѣ Степановичѣ *Мазепѣ*, а въ 1691 году за Путинлемъ въ Тернахъ въ полку окольничаго и воеводы князя Федора Юрьевича *Барятинскаго*¹⁾; въ томъ-же году казаки служить у *Маяцкаго* и у *Соляного*, и у иныхъ таврошнихъ есть, откуда бываетъ приходъ непріятельскихъ воинскихъ людей, для береженья"²⁾). Но отправляя казаковъ изъ Бѣлгорода на эту службу, бѣлгородскій воевода Борисъ Петровичъ *Шереметевъ* сдѣлалъ полку смотрь; „а по осмотру его боярина и воеводы атаманъ Василій Коштевъ старъ и боленъ и за старостю и за болѣзнь ему Василію полковой службѣ служить не можно, и для того отпущены онъ на Дніпро, а имѣсто его Василія зелѣво быть до указу великихъ государей въ атаманехъ ясаулу Степану Митурову"³⁾). Но не долго былъ на покой старый служака, вѣрой и правдой прослужившій въ безпрерывныхъ походахъ послѣ Смоленскаго сидѣнья еще 57 лѣтъ! Старый пріянцкій орелъ въ томъ-же году умеръ. Со смертью атамана Коштева, вѣроятно одного изъ послѣднихъ старыхъ яицкихъ казаковъ, вышедшихъ изъ подъ Смоленска и остававшихся до сихъ поръ въ живыхъ, я кончу очеркъ службы этого полка. Съ годами вазуки донскихъ и яицкихъ казаковъ нестепенно теряютъ свои названія яицкихъ и донскихъ и называютъ себя казаками тѣхъ городовъ, где они жили. Въ 1698 году переселеные изъ украинныхъ городовъ въ Чугуевъ, они вмѣстѣ съ переселенными изъ Курска калмыками впослѣдствіи составляютъ особый „Чугуевскій казачий комнѣй полкъ“, имѣющій у себя начальниками полковника, ротмистровъ и хорунжакъ. Въ 1736 году, въ своей членобитной о прибывающихъ имъ жалованъ они говорятъ, что дѣды ихъ въ прежнихъ годахъ были яицкие и донские казаки, но когда стали служить въ полку—не знаютъ [17].

Они участвуютъ во всѣхъ войнахъ и походахъ, бывшихъ въ Россіи, и въ первые-же годы царствованія Петра Великаго принимаютъ дѣятельное участіе въ обоихъ походахъ подъ Азовъ.

Два неудачныхъ крымскихъ похода окончательно убѣдили Москву, что покончить съ дикими ханщиками она не въ силахъ. Прозорливымъ окомъ великій Петръ видѣлъ, что расправиться съ Крымомъ можно только имѣя выходъ въ Черное море и, тамъ, имѣя флотъ, грозить самому сердцу Крима — его побережью, где главнымъ образомъ сосредоточивались селенія татаръ.

Расчитаться съ Крымомъ было необходимо. Но для этого нужно было взять Азовъ — ключъ къ Черному морю.

„Южный край нашъ, пашетъ Устряловъ, прымкая къ степямъ враждебныхъ ордъ, облагавшихъ южный берегъ Чернаго моря, не имѣлъ покоя ни зимой, ни лѣтомъ отъ губительныхъ набѣговъ татаръ крымскихъ, кубанскихъ и ногайскихъ. Украинные города наши Бѣлгородъ, Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ,

¹⁾ Моск. Ар. Мин. Юст., Бѣлгородскій столъ, столбецъ 1490, листъ 284.

²⁾ Тамъ-же, листъ 45.

³⁾ Тамъ-же, листъ 46.

Харьковъ, Валуйки, были чисто иное, какъ воинские станы, обнесенные рвомъ и валомъ, заселенные одними стрѣльцами и казаками. Сторожевые станицы безпрестанно выходили изъ нихъ въ степи наблюдать за хищными врагами изъ опасенія неизвестного набѣга. Устья главныхъ рѣкъ нашехъ—Днѣпра и Дона находились въ рукахъ непріязненныхъ; Черное море было намъ недоступно. При такомъ положеніи дѣлъ, въ полуденномъ краю запемъ не могла развиться ни одна отрасль промышленности или трудолюбія; благословленный природой онъ представлялъ печальную степь, гдѣ видѣлись только засѣки, остроги и сторожевые станицы.

Желая по возможности облегчить покореніе столъ важнаго пункта, Петръ старался отвлечь вниманіе непріятеля въ другую сторону и награузть на Азовъ византии лучшими войсками своими. Для этой цѣлы въ началѣ 1695 года сказали походъ на Крымъ и ни слова не упомянуто объ Азовѣ. По старому обычью, съ постельного крыльца объявлено стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, городовымъ жильцамъ, чтобы они со своими воинскими дружинами собирались въ Бѣлогородѣ и Сѣверѣ къ боярину Борису Петровичу Шереметьеву для промысла здѣсь крымскій ханомъ. По первому подножному корпу бѣлогородская армія, огромная масса ратныхъ людей, наиболѣе конныхъ, старшаго московскаго устройства позла, въ числѣ 120,000 человѣкъ, поднялась со сборныхъ мѣстъ своихъ и, соединившись съ малороссийскими казаками, направилась въ путь къ названнымъ днѣпровскимъ¹⁾.

Другое войско, подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Автомона Головина, Лефорта и Гордова двинулось подъ Азовъ. Въ составъ этого войска вошли полки нового строя: Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ виѣтъ съ московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами—всего 31 тысяча. Войско Гордова, собравшись въ Тамбовѣ, пошло къ Азову сухимъ путемъ черезъ Черкасскъ; войска же Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и пошли Москвою, Окою и Волгою до Царицына.

Здѣсь-же въ Царицынѣ дожидались пребытія войскъ собравшихся тутъ терскіе, гребенскіе, астраханскіе и яицкіе казаки. Тутъ-же была въ часть привезшихъ новизнаву „казаковъ—раскольниковъ“, жившихъ у Шевкала Тарновскаго; они пришли къ терцамъ въ имѣствъ съ тими прибыли въ Царицынъ для азовскаго похода²⁾.

Яицкіе казаки пришли со своимъ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ въ числѣ трехсотъ человѣкъ. Какъ видно изъ ихъ члобитной [Смотр. прилож. XII], они вошли въ составъ полка князя Бориса Алексеевича Головина. Въ числѣ этихъ трехсотъ человѣкъ было 4 есаула, 4 знаменщика и 291 рядовыхъ³⁾.

¹⁾ Устрядовъ. „Исторія царства Петра Великаго“, томъ II, стр. 220 и 223.

²⁾ Попко. Терскіе казаки, стр. 327, примѣч. № 91.

³⁾ Именки даны: атаману 27 р., есаулу 24 р., знаменщику 22 р. и рядовыми по 15 рублей.

Здесь соединившись съ царскими войсками, казаки пошли сухимъ путемъ въ Дону къ казачьему городку Паншаву, откуда войска поплыли Дономъ и 29 июня приблизились къ Азову, гдѣ уже стоялъ Гордонъ. Общее начальство надъ войсками принялъ самъ царь Петръ.

Восьмого июля раздались первые выстрелы съ русскихъ батарей. На одной изъ батарей молодой царь „бомбардиръ Петръ Алексеевичъ“ самъ начинялъ гранаты въ бомбы и самъ стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль и потою записалъ о своей службѣ: „Зачаль служить съ первого Азовскаго похода бомбардиромъ“¹⁾.

Но осада Азова была неусыпна. Турки еще 6 июля успѣли получить подкрепленіе. Подвозить же сѣстные пропасы водою въ русской станѣ было нельзѧ: — по обѣимъ сторонамъ Дона выше Азова были устроены двѣ каланчи, между каланчами были протянуты цѣпи и вбиты сваи. Крыши сдѣлали это, чтобы нешатъ донцамъ дѣлать набѣга по Черному морю. Кликнула кличъ къ охотникамъ изъ донскихъ казаковъ: кто пойдетъ на каланчи, тому будетъ даво 10 руб. награды. 14 июля казаки взяли одну каланчу.

Но турки отомстили, сдѣлавши вылазку. Узнавши отъ перебѣжчика голландского матроса Якова Янсена, что русскіе въ полдень во время сильного зноя спать, турки вышли изъ Азова и стремительно ворвались въ лагерь, побили сонныхъ и хотя были выгнаны съ большинствомъ урономъ, однако успѣли увести 9 полевыхъ орудій и перепортать всѣ осадныя. За то ночью турки, сидѣвшіе въ другой каланчѣ, ушли изъ нея и на утро казаки заняли ее безъ боя, что произвело радость въ русскомъ войскѣ.

5 августа сдѣланъ былъ къ Азову приступъ, но онъ былъ отбитъ. 2 сентября Гордонъ заложилъ ложементъ и сталъ устраивать мину подъ крѣпостную валомъ; взрывъ мины былъ неудаченъ и болѣе повредилъ своимъ, чѣмъ непріятелю. Турки съ своей стороны тоже подвергли мину и 15 сентября взорвали ее, подорвали валъ, выведенный Гордономъ передъ крѣпостью и засыпали всѣ произведенныя работы.

Неуспѣхъ осады, а главное обнаружившіе недостатокъ въ продовольствіяхъ приближающаяся осень заставили русскихъ еще разъ пробовать счастья и 25 сентября былъ сдѣланъ новый приступъ, но и онъ оказался неудачнымъ.

„Въ тотъ же день, послѣ продолжительного совѣщенія, рѣшено отъ Азова отступить и возвратиться въ отечество; каланчи же, достаточно укрѣпленныя и названныя Ново-Сергѣевскими городомъ, занять трехъ-тысячными отрядомъ, по 1000 человѣкъ отъ каждой дивизіи, подъ начальствомъ воевода изъ стольниковъ. Въ сдѣдующіе три дня снимали орудія съ батарей и отправляли ихъ съ обозами къ Черкассы, большую частью ночью, чтобы до времени скрыть отступленіе отъ непріятеля; онъ скоро однакожъ узналъ о томъ чрезъ пленныхъ и татарская конница неутомимо нападала на лагеря и транспорты“²⁾.

¹⁾ Соловьевъ „Истор. Россіи“, томъ 14, глава 3.

²⁾ Устряловъ „Царствование Петра Великаго“, томъ II, стр. 254.

Съ нѣсколько лѣтнимъ успѣхомъ дѣйствовало войско, посланное на маленькие турецкіе городки въ низовьяхъ Днѣпра: Шереметьевъ и Мазепа взяли приступомъ два изъ нихъ: Кази-Керменъ и Таганъ.

Войска отступили къ Черкаску, гдѣ, простоявъ съ недѣлю, пошли черезъ Сѣверный Донецъ и Айдаръ на Валуйку. Страшную картину представила отступающая армія.

„Войска шли безплодною и обгорѣлою степью,—пишетъ Устряловъ,—при самомъ выступлении изъ Черкаска начались морозы; вслѣдъ за тѣмъ выпалъ снѣгъ; вскорѣ поднялась жестокая и продолжительная вынога; люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Очевидецъ Плещерь, задержанный около мѣсяца въ Черкаскѣ болѣзнию, разсказываетъ, что, отиравившись по слѣдамъ отступавшей арміи, безъ слезъ и содроганія не могъ видѣть множества труповъ, разбросанныхъ на пространствѣ 800 верстъ и пожиранныхъ волками“¹⁾).

Гдѣ участвовали яицкіе казаки съ атаманомъ Семенниковымъ въ дѣлахъ подъ Азовомъ, сѣѧтній не найдено, но весьма вероятно, что, какъ и всегда, по пришибу прошлыхъ лѣтъ, яицкіе казаки, благодаря своей малочисленности, вошли въ составъ дозоровъ, съ которыми и ограничили участіе въ ихъ дѣлахъ. Но эта станица на Икѣ въ этотъ годъ не вернулась—она осталась въ Руси до слѣдующаго года, до новаго похода въ Азовъ.

Сдѣлавъ первый походъ въ Азовъ, Петръ ясно увидѣлъ причины неудачъ и рѣшилъ продолжать начатое дѣло съ большими искусствомъ и обдуманностью. Были сдѣланы распоряженія о постройкѣ флота въ г. Воронежѣ, а также было послано въ Австрію, Пруссію и Голландію за искусствами инженерами.

Флотъ былъ построенъ. И ранней весной 1696 г. съ первыхъ чиселъ апрѣля спустили на воду 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Къ этому же времени подошли въ Воронежъ и войска, назначенные къ походу подъ Азовъ. 23 апрѣля суда съ войсками двинулись. 3 мая поплыли и „морской караванъ“, какъ называли тогда флотъ; впереди, начальствуя двумя галерами, плылъ капитанъ Петръ Алексѣевичъ на галерѣ, которую онъ самъ строилъ.

Къ югу войска, въ числѣ 54 тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, прѣбыли къ Азову. Въ число этихъ войскъ вошли снова бывшіе въ первомъ походѣ трехста яицкіхъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ.

12 мая дозорскіе казаки истребили приблизившійся къ Азову турецкій флотъ, а 16 мая началась осада Азова.

Осаждавшая армія встала опять на своихъ старыхъ мѣстахъ. Бояринъ и воевода Шеинъ стояли въ серединѣ, при немъ было до 15 тысячъ пѣхоты и до 10 тысячъ конницы, въ томъ числѣ и яицкіе казаки съ атаманомъ Семенниковымъ. По правую сторону его всталъ генералъ Гордовъ съ 14 тысячами

¹⁾ Тамъ-же, страница 255.

уходы. По серединѣ между этими лагерами встала артиллерія — бомбардиры и гранадиры. Лѣвѣ Шеина всталъ генералъ Рихманъ съ 10 тысячами сѣхотовъ и съ 6 тысячами конницы, а подлѣ него по лѣвой сторонѣ 4 тысячи пѣшихъ донскихъ казаковъ¹⁾.

Канонада по Азову открылась 16 июня вечеромъ, въ присутствіи цара, нарочно пріѣхавшаго въ лагерь, чтобы бросить первыя бомбы; выстрѣлы, произвели страшное опустошеніе въ городѣ; не было ни одного дома, не позрежденаго — разбитаго или разстрѣлянаго. Турки, какъ и ранѣе, укрывались въ землянкахъ и дѣлали частныя вылазки, врывались въ траншеи и не хотѣли слышать о сдачѣ.

Проливные дожди и частныя заводевія мѣшиали правильной осадѣ, къ тому же крымскіе татары, выступившіе изъ Крыма въ числѣ 60 тысячъ подъ начальствомъ султана Нурадина, не давали арииѣ покоя, нападая изъ степи. Не проходило дня, когда бы Нурадинъ не являлся подъ русскимъ станомъ и не дѣлалъ тревоги.

Татары сдѣлали станъ около турецкаго городка Кагальника, вблизи Азова. Ввиду этого вся русская конница была поставлена на лѣвомъ флангѣ, въ полѣ за валомъ, чтобы не пропускать татаръ изъ за Кагальника и въ случаѣ нападенія ихъ на русскій лагерь броситься имъ въ тылъ, тутъ-же встали и лицкіе казаки.

Съ утра 10 июня Нурадинъ съ ногайскими и крымскими татарами возобновилъ свои нападенія. На этотъ разъ съ смиѣть былъ кафимскій Муртаза-паша и со всѣми силами обрушился на русскій станъ; его наѣздники ворвались до самыkh рогатокъ, окружавшихъ лагерь, но русская конница храбро бросилась на болѣе сильнѣшаго врага, сбила его и погнала передъ собою; десять верстъ волоть до Кагальника гнала русская конница татаръ. Самъ Нурадинъ-султанъ и Муртаза-паша едва ушли отъ казаковъ. Нурадинъ спасся отъ плѣна только темъ, что его прикрылъ собою одинъ нурза, который и попался въ плѣнъ. Съ русской стороны въ этомъ бою убитыхъ не было.

Черезъ недѣлю послѣ этой кавалерійской схватки прибыли къ Азову шесть полковъ малороссийскихъ казаковъ въ числѣ 15 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ гетмана Якова Лизогуба и встали вмѣстѣ съ остальной конницей.

Вокругъ Азова стали валить земляной валъ и вели безпрерывную пальбу изъ тяжелыхъ пушекъ.

Крымскіе татары, временами присмирѣвшіе и не показывавшіе изъ Кагальника, собирались громаднымъ скопищемъ, неожиданно за разсвѣтъ 24 июня снова ударали на русскихъ.

Но отчаянный нападкъ татарскихъ полчищъ былъ отбитъ, — русская конница опрокинула ихъ и прогнала.

Черезъ три часа Нурадинъ снова бросился въ атаку и снова завязалася

¹⁾ Краткое описание всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова. С.-Петерб. 1768 года, страница 199.

кровопролитный кавалерийский бой. Русские снова смили татаръ и погнали ихъ передъ собою. Татары въ смущеніи побѣжали прямо въ Крымъ.

Преслѣдуя татаръ, русская конница увлеклась и гналась за непріятелемъ по працедѣвскому обычаю безъ порядка, тощами и въ разсыпанную, потому и потеряла очень много убитыхъ и плененныхъ. Потери татары были также велики: — „ахъ уроzu усмотрѣть было не можно — пишетъ современникъ — для того, что они большую часть побитыхъ съ собою въ Крыму увезли, а прибывъ туда и не опасаясь уже тамъ никакой погони, подняли такой вояль, что цѣлнаго стада лошадей, испугавшись отъ того, разбрѣжались”¹⁾). Преслѣдуя, русские захватили у нихъ много плененныхъ, въ томъ числѣ четырехъ знатныхъ мурзъ и другихъ знатныхъ татаръ.

Въ этомъ большомъ кавалерийскомъ бою особенно отличились яицкіе казаки. Изъ іррегулярнаго войска — пишетъ тотъ же современникъ — получили Яицкіе казаки, какъ при семъ сраженіи, такъ и въ другихъ случаяхъ не малую похвалу и кроме ихъ не надѣялся никто отъ непріятеля взять языковъ²⁾.

Началась осадная работы. На предложеніе сдаться турки отвѣтили отказомъ. Царь Петръ всюду самъ лично руководилъ работами. На увѣщаніе своей сестры Наталии, чтобы она была осторожна, Петръ отвѣчалъ: „По письму твоему я къ ядрямъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили; однако, хотя и ходятъ, только по си моры вѣжлаво. Турки на помощь пришли да къ вамъ нѣдѣльть и чаю, что жаждутъ насъ къ себѣ”³⁾.

30 июня прибыли къ Азову саратовцы 300 человѣкъ и новая станица яицкіхъ казаковъ въ числѣ 200 человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Андреемъ Афанасьевымъ⁴⁾. Современники ихъ прибытие отмечаютъ такъ: „30 июня прибыло на помощь яицкимъ казаковъ и саратовцевъ 500 человѣкъ изрядно вооруженныхъ и конныхъ людей, чего ради въ оба слѣдующіе дни учения были надъ татарами вездѣ поиски”⁵⁾.

Во время этихъ поисковъ татары вновь ринулись на русскій станъ, но снова были отбиты и прогнаны русской конницей. Въ этомъ бою яицкіе казаки снова отличились. „Междуд прочимъ убилъ Яицкій казакъ изъ пищали знаменитѣшую и лучшую изъ мурзъ въ самую голову и снявъ съ него изряд-

¹⁾ Краткое описание всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, СПБ. 1768 г. стр. 103. Описание составлено по тѣмъ вѣдомостямъ, которыми послыались изъ Азова къ патріарху (стр. 196).

²⁾ Тамъ-же, стр. 104.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 14, глава 3.

⁴⁾ См. приложн. XII. Войско въ членитной относить этотъ походъ въ 1697 г., что, вѣроятно, произошло по ошибкѣ писца или память измѣнила казаковъ. Въ этомъ нарядѣ дано пажки: атаману 29 р., двумъ есауламъ по 25 р., двумъ знаменищникамъ по 23 р. и 195 рядовымъ по 17 р.

⁵⁾ Краткое описание есть въ сбщч., кас. до Азова, стр. 105. Въ сказании же о взятии Азова въ Древней Российской Виофилотекѣ, томъ 16, о прибытии яицкихъ казаковъ говорится: „казаки Инцкіе и Саратовцы пришли изъ въ 30 днѣвъ, люди весьма добрые и конные; много нашмы ратныхъ людемъ поютъ подазы” (стр. 269).

дной панцирь, оправной сайдакъ и саблю принесъ вмѣсть съ головою изъ лагеря¹⁾). Убитый наездникъ носилъ имя Дулакъ-мурзы.

Описывая эти бои, другой современникъ говорить: „июня 1 и во 2 день были бои съ тѣми-же татары, премножество изъ злодѣевъ побили и лучшаю мурзу убили, у котораго Василий Воейковъ²⁾ сидитъ и голоеу съ злодѣйскую въ обозѣ приезди, панцирь прузорочной съ нею взяли, и сайдакъ оправной и саблю; великой наездникъ былъ, а убилъ его мазанъ Яницкой изъ пищали въ самую голову“.³⁾.

Татары старались выкупить эту голову, но тщетно.

Осада Азова продолжалась съ большими успѣхами; рѣшительный ударъ туркамъ нанесли малороссійскіе и донскіе казаки. Наскучивши сидѣть въ бездѣйствіи и еще болѣе тажкать трудомъ по возведенію нагыни, зачорожцы условились съ донцами, 17 июля въ числѣ 2000 человѣкъ самовольно ударили на Азовъ, въ надеждѣ увлечь своимъ примѣромъ и прочія войска.

„Доблестные вожди ихъ—пишетъ Устраловъ—наказный гетманъ Лизотубъ, мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ искусный и войсковой атаманъ Флоръ Минлеевъ сами повели до 2.000 удальцевъ на штурмъ. Быстро взобрались казаки на земляной валъ, сбили стоявшихъ тамъ турокъ, спустились внутрь крѣпости и живо преслѣдуя изумленнаго врага, едва не ворвались за винъ въ каменный замокъ. Турки отбили ихъ жестокими ружейнымъ огнемъ, стрѣляя за недостаткомъ свинца разрубленными ефимами. Если бы въ эту минуту двинулись прочія войска, Азовъ бы былъ бы нашъ. Но солдаты и стрѣльцы не трогались изъ лагеря и казаки, не видя возможности удержаться въ крѣпости, возвратились на валъ, гдѣ утвердились въ угловомъ бастионѣ.

Турки вскорѣ опомнились отъ ужаса, сосредоточили свои силы и съ та-кимъ ожесточеніемъ напали на отважныхъ удальцовъ, заставшихъ на валу, что главнокомандующій вывелъ все свое войско, какъ бы на штурмъ, а генераль Головинъ прибѣжалъ со своими гренадерами на помощь храбрымъ ватагамъ. Подкрѣпленные пѣхотою, казаки послѣ шестичасового боя отбили турокъ снова, прогнали ихъ до каменнаго замка, остались на валу, вывезли изъ бастиона четыре пушки и отправили „къ многочестившему командиру есаула съ известіемъ, что они взяли Азовскую валовую стѣну. Государь похвалилъ ихъ за храбрость и велѣлъ готовиться къ штурму“.⁴⁾.

На другой день татарская конница еще разъ сдѣлала попытку сбить русской лагерь, а главное пробиться къ Азову и ввести туда двѣ тысячи веномо-гательного войска. Ударъ ихъ былъ настолько стремителенъ, что и многие асадники проскачивали до рогатокъ, но встрѣченіе пушечной и ружейной

¹⁾ Тамъ-же, стр. 105.

²⁾ Воейковъ былъ вѣзъ въ пѣхѣ въ казалерійскомъ бою 24 июня.

³⁾ Древняя Рос. Библіотека, т. 16, Сказаніе о взятіи Азова, стр. 270.

⁴⁾ Устраловъ, „Истор. царств. Петра Великаго“, часть 2, стр. 288.

вальбои были отбиты и прогнаны. Бой длился съ утра до полудня. Особенно насѣдали татары на запорожцевъ. Но въ концѣ концовъ татары были повсюду отбиты и скрылись въ степь, преслѣдуемые русскою конницей. Ихъ удалось только убить 20 человѣкъ запорожцевъ, которые преждевременно бросились снимать доспехи съ убитыхъ татаръ¹⁾.

Войска готовились къ штурму. Но турки не стали дожидаться приступа и 18 июля объявили готовность сдаться, выговоривъ себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи съ женами, детьми и пожитками. Условіе было принято. И Азовъ, этотъ ключъ къ Черному морю, оказался въ русскихъ рукахъ. Мечты Петра исполнились—онъ могъ грозить Турции и Крыму съ моря своимъ новымъ флотомъ.

Взятие Азова было въ то время выдающимся событиемъ. Непобѣдимые турки, гроза Европы, такъ недавно еще разорившіе Чагиринъ на глазахъ всего русского войска, были побѣждены. Русь не только не испугалась ихъ, а сама первая бросила имъ вызовъ и взяла считавшуюся тогда недоступной твердыню—ключъ къ Черному морю. Эта побѣда сильно поразила народное воображеніе и взятие Азова надолго сохранилось въ памяти русского народа.

Но къ сожалѣнію подробностей объ участіи яицкихъ казаковъ въ этой осадѣ до此刻 не дошло. Въ историческихъ актахъ того времени удалось найти только два незначительныхъ документа, упоминающихъ яицкихъ казаковъ.

Въ одномъ изъ нихъ говорится о пріѣздѣ съ Яика яицкихъ казаковъ—станичного атамана *Федора Арапова* съ товарищи сеѧть человѣкъ съ вѣстовыми отписками къ государю. Съ казаками пріѣхали и два калмыка отъ Аюка-Тайши. 13 мая 1696 года они явились въ Воронежъ въ приказную избу къ стольнику *Еремью Назарьевичу Хрущову* и предъявили подорожную изъ Симбирска за приписью дьяка *Михаила Шапкина*. Казаки съ калмыками были немедленно отправлены въ г. Коротоякъ (pobliжѣ Дона) на 13 подводахъ и оттуда для отправки въ Азовъ Арапову съ товарищи и калмыкамъ дали „лодку пространную, да корицкакъ и гребцовъ, да провожатыхъ станичниковъ изъ разныхъ чиновъ предъ воронежскими провожатыми съ прибакою“. Воеводѣ на Коротоякѣ между прочимъ наказывалось: „з буде у него воеводы лодокъ добрихъ вѣть, и ему воеводѣ приказавъ впередъ кому прагоже и взять съ собою многихъ людей ёхать тотъ часъ на рѣку Донъ и на рѣку-жъ Сосну и въ Острогожскъ и гдѣ больше лодки обыщеть, и ему тѣ всѣ лодки, также и струга и чердачные и палубные и некрытые отписать на великаго государя у торговыхъ русскихъ людей и у черкасъ и у всякихъ чиновъ людей и согнать ихъ подъ Коротоякъ тотчасъ безовсѧкого мотчавія... и дать изъ тѣхъ отписаныхъ лодокъ выписаннымъ людямъ (Арапову съ товарищи) какъ ихъ отпустить почво“²⁾.

Какія были эти вѣстовыя отписки, о чёмъ писали казаки съ Яика—не-

¹⁾ Кратк. опис. слух., кас. до Азова, стр. 108.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Вѣлгор. столъ, столбецъ 1734, листъ 373.

известно. Но что яицкие казаки въ этомъ году имѣли какія-то дѣловыя сношения съ Аюкаемъ-Тайшею, видно изъ показания сибирскаго казака Федора Скибина. Скабинъ съ другимъ сибирскимъ казакомъ былъ посланъ изъ Тобольска въ киргизскую орду къ Текки-хазу, побывалъ въ Туркестанѣ, Бухарѣ и Хивѣ, а оттуда пошелъ „на Яицей перевозъ на урочище Сарайчикъ“, а потомъ попалъ къ Аюкаю-Тайшѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ яицкаго казака Матюшу Рекунова, который пріѣзжалъ къ Аюке „для своихъ войсковыхъ дѣлъ“. Получивъ подводы и провожатыхъ отъ Аюки, Скибинъ вмѣстѣ съ Рекуновымъ выѣхалъ „за Яикъ за запольную рѣку“¹⁾.

Вѣроятно войско имѣло какоенибудь порученіе отъ Петра къ калмыкамъ или дѣлало развѣдку, о которыхъ и сообщало съ Араповыми въ Азовъ.

Въ другомъ докumentѣ упоминается о прибытии 19 июля 1696 г. яицкихъ казаковъ Естратія Сысоева съ товарищи пять человѣкъ изъ донского города Маныча въ Азовъ. Сысоевъ прибылъ изъ табуна, который находился (отъ всей арміи, осаждавшей Азовъ) за Дону. Табунъ этотъ состоялъ изъ рогатаго скота и лошадей. Пріѣхали Сысоевъ съ товарища, какъ они пишутъ въ своей челобитной, „къ своимъ яицкимъ казакамъ для вѣдомости“. 23 июля они уже отправились обратно и въ была дава проѣзжая память изъ большого полку воеводы Алексея Семеновича Шенна, въ которой говорилось о свободномъ пропускѣ Сысоева въ табунъ въ Манычи: „и въ Черкасскомъ войска донского наказному атаману Илью Зернищикову и всему войску донскому тѣхъ казаковъ Естратка Сысоева съ товарищи пропустить въ Манычи безъ задержанія“²⁾.

Это единственные документы, упоминающие объ яицкихъ казакахъ, которые удалось найти въ архивахъ³⁾.

Но кромѣ этихъ памятниковъ въ войскахъ сохранилось десять совершенно одинаковыхъ ветхихъ знаменъ, участниковъ похода яицкихъ казаковъ подъ Азовъ. Знамена эти хранились при Войсковомъ хозяйственномъ правленіи и представляли изъ себя едва уцѣльвшіе клочки полуистѣвшій шелковой матеріи или же только одни каемки отъ полотнищъ знаменъ. По счастливой случайности одно изъ нихъ сохранилось лучше всѣхъ и только по нему удалось восстановить время этихъ знаменъ. По нижней кромкѣ этого знамени сохранилась надпись: „лѣта 7202 (1694) марта въ 1 день построень сей прaporъ при бытности стольника и полковника Бориса Мироновича Бутурлина“. Эти знамена, вѣроятно, были даны яицкимъ казакамъ передъ походомъ въ Азовъ или во время самой осады по числу пяти сотень (по два на сотню). Знамена сдѣланы изъ зеленої замятной матеріи съ изображеніемъ

¹⁾ Дополненіе къ Акт. Истор., томъ 10, № 80, стр. 885.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиція, Вѣм. столъ, столб. 1460, листъ 151—152.

³⁾ Дополненіе къ этому служатъ различныхъ чалобитныхъ казаковъ изъ послѣдующіе годы. Такъ впослѣдствіи войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ изъ своей чалобитной, поданной имъ въ ноябрь 1791 г. о своей службѣ подъ Азовомъ, говоритъ: «а потому во время Азовской службы, тѣснѣлько брали языковъ, которые объявлены были Всемилостивѣшему государю императору Петру Первому» (Московскій отдѣлъ Арх. Главн. Штаба, еписъ 107, славки № 8, листы 486—488).

самого великомуученика Георгия, надъ которымъ видна благословляющая изъ облака рука и надпись: „свят. мученикъ Георгий”; на концахъ знамени изображены солнце, луна и звѣзды. Обѣ стороны знамени оловянны.

Удѣльное знамя въ настоящее время, послѣ почти двухсотлѣтнаго пребыванія въ ящикахъ среди обрывковъ всевозможныхъ старыхъ знаменъ, наконецъ, благодаря распоряженію полковника Вас. Царн. Мартынова, наклеено на картонъ и сдано на храненіе въ войсковой музей; снимокъ съ него приводится въ настоящему очерку.

Другимъ памятникомъ объ осадѣ Азова является синодикъ Михаило-Архангельского собора въ г. Уральскѣ, въ которомъ есть запись поминаньяъ объ убитыхъ при осадѣ Азова яицкихъ казаковъ¹⁾.

Кромѣ этихъ памятниковъ объ участіи яицкихъ казаковъ при осадѣ Азова, въ войскѣ имѣется еще одинъ памятникъ, — это старинная пѣсня, которая и до сихъ поръ поется среди казаковъ:

„Ужъ какъ шли прошли казаченьки съ моря Чернаго,
Съ того-ли Черва мора со турецкаго.
Шли лугами, болотами, шли тополини,
Къ Азову ко городу торопились;
Не дешедши до Азова, становились.
Занимали поле подъ лагерь на двѣнадцать верстъ,
А подъ шанцы съ батарею на пятнадцать верстъ.
Становились они, братцы, коней разѣдывали,
На разсѣвѣ караулы коней кавули;
Пустили коней въ поле, сами спать легли.
А одинъ лишь казакъ старый былъ догадливый:
Не пустилъ онъ добра коня въ поле чистое,
Не покинулъ казакъ старый, на арканѣ сажалъ,
А и самъ не спѣлъ старикъ нашъ, больше такъ лежитъ.
Вдругъ несчастье наль казаками случилось:
Небѣжали непріятели, турки храбрые,
Отесали у казаковъ добрыхъ коней лѣтѣ.
На ту пору казакъ старый пробуждается,
Пробудившись, казакъ старый сталъ коня сѣдлать,
А между тѣмъ въ городъ Азовъ шлетъ посыльщикъ.
Ужъ какъ ждетъ-ли казакъ старый посла скораго,
Не дождавшись казакъ старый самъ въ Азовъ скакать.
А до тѣхъ поръ городокъ Азовъ намъ растворить быль.
А жерерь городъ Азовъ крѣпко заперть намъ.
Какъ сдался казакъ старый изъ добра коня,
Догонялъ онъ басурманна турка храбраго,
Одинъ отбилъ казакъ старый всѣхъ коней назадъ“.

Въ пѣсѣ этой воспѣвается одинъ изъ многихъ случаевъ нападенія татаар-

¹⁾ Въ синодикѣ записано такъ: „Поль Альбонъ убитыи: Алексій, Леоній, Іоаннъ и Калмыкъ“. Было же то же о лояльѣ въ Азовѣ упомянуто старшинами при производствѣ съѣзда въ 1739 году подъ предсѣдательствомъ Протопопова; перечисляя свои службы одинъ изъ нихъ семидесятишестилѣтній старшина Лазарь Константина говорить о службѣ, бывшей за пять лѣтъ до осады Азова. (М. Арх. Гл. Шт., опись 47, дѣло 2/6, листы 1—168).

сокъ казаковъ на русскій станъ, когда татарамъ удалось напасть врасплохъ и захватить часть казачьихъ лошадей. Подъ старымъ казакомъ надо помнить кого либо изъ казачьихъ старшинъ, въ большинствѣ случаевъ изъ-за-бранихъ казаковъ изъ людей пожилыхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, который во время общаго переполоха не растерялся и со своею сотней или станицею успѣхъ отбить захваченныхъ лошадей.

Изъ этой пѣсни видно также, что служба казаковъ подъ Азовомъ была тревожная и не легкая, память о которой въ этой пѣснѣ должна даже и до нашихъ дней.

Съ воцареніемъ Петра Великаго для Яицкаго войска настаетъ несчастье та же-лое время. Властьная рука Петра наложила свою печать и на далекую за-польскую рѣку пріянцкаго орловъ. Во все время царствованія великаго пре-образователя въ Яицкомъ войскѣ слѣдуетъ рядъ волнений; однажды суроый разныкъ смѣнается другимъ, еще болѣе таогстнымъ и суровымъ. Еще задолго до Бузавискаго бунта на Дону въ Яицкомъ войскѣ начнется рядъ волнений, кончившихся посыпкою войскъ на Яикъ и казнями виновныхъ казаковъ. Но волненія эти не затихаютъ и вызываютъ правительство на рядъ новыхъ суровыхъ мѣръ до новой присылки войскъ включительно.

Уже въ 1695 году правительство обратило свое вниманіе на наплыны бѣглыхъ въ казачий войска, и этотъ годъ ознаменовался на Яицѣ событиемъ, имѣвшимъ для всего войска огромные послѣдствія.

По примеру Донского войска въ Яицкомъ войскѣ была произведена перепись. О томъ, что послужило поводомъ для нея и кто прѣбывалъ на Яицѣ для этого дѣла, къ сожалѣнію, документовъ до насъ не дошло. Но надо пред-полагать, что эта перепись была вызвана желаніемъ московскаго правительства прекратить наплыны въ казачество бѣглцовъ изъ Руси и окончательно пресечь это явленіе. По переписи оказалось въ Яицкомъ войскѣ всего 2600 человѣкъ служащихъ казаковъ¹⁾. Съ этого-же года послѣдовалъ указъ Петра не привозить бѣглыхъ на Яицѣ и высылать ихъ обратно за мѣста своихъ жительствъ.

Но какъ легко было отдавать приказы, на столько-же трудно было ихъ вы-полнять. Бѣглцы шли сотнями! Войско не въ силахъ было не только ихъ разсыпать по мѣстамъ, но даже и противодѣйствовать ихъ приходу на Яицѣ. Если-бы войско вѣдумало точно исполнить указъ, оно цѣлкомъ бы-бы занято исключительно только тѣмъ, что развозило-бы бѣглцовъ по русскимъ городамъ. Спустя 22 года послѣ этого приказа, ко времени похода въ Хиву въ 1717 году, на Яицѣ уже насчитывалось около 5 тысячъ человѣкъ — ровно вдвое больше послѣ этой переписи. За эти двадцать лѣтъ царствованія Петра, несмотря на строжайшіе указы о высылкѣ бѣглыхъ, въ войско прибыло болѣе двухъ тысячъ человѣкъ новыхъ бѣглцовъ, прогнать которыхъ войско не имѣло ни силы и ни желанія, а напротивъ, нуждалось въ нихъ для службы по без-

¹⁾ Смотри приложение XI.

прерывными нарядами, сюда зачисляло въ казаки. Уже въ 1696 году за Яикъ, какъ и за Дауэ во время Разина, войско рѣзко раздѣлилось на двѣ части— одна изъ нихъ старинные казаки „домоитые“, какъ называются ихъ документы того времени, представляли изъ себя болѣе серьезную и болѣе замѣтную часть населенія Индкаго городка, во главѣ которыхъ стояли известные тогда въ войскѣ фамилии Бѣлоусовыхъ, Семениковыхъ, Семеновыхъ, Мироновыхъ, Щербаковыхъ, Онильмоновыхъ и другихъ старинныхъ казаковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были или войсковыми атаманами или старшинами и имѣли громадное влияніе на войско; другую часть составляла постола прибывавшая на Яикъ голитьба изъ Руси, такъ называемые въ то время „бездомоитые“ казаки. Эти толпы людей, искашившихъ только промысла, конечно неизвѣс-¹тие всего были склонны къ осѣдлой и мирной жизни, они желали походовъ и набѣговъ за добычей. Между этими двумя партиями шла глухая и скрытая борьба. Голутвенные хотѣли свое волья, не спрятавшись съ желаниями войска, тогда какъ старинные казаки старались, не выпуская власти изъ своихъ рукъ, дѣлать все лишь съ общаго согласія, не нарушая обычной жизни казачьей общины, дорожа не только своими вольными правами и обычаями, но и интересами всего войска.

Между тѣмъ толпы прибывавшихъ бѣглецовъ искали выхода своимъ силамъ. Ихъ, голутвенныхъ людемъ, не имѣвшихъ за душою ничего, нужна была добча. Но где ее взять? Морскіе промыслы стали опасны, воровскихъ казаковъ вездѣ сторожили стрѣльцы, да и времена наступали другія. Россія окрѣпла и за каждый разгромъ персидскихъ береговъ Москва платила крупные расправы. Промышлять надъ казахами и башкирами! Но они за набѣгъ платили сами набѣгами и отгоняли отъ казачьяго городка табуны лошадей, а иногда захватывали и самихъ казаковъ въ плѣнъ, и это не входило въ интересы старыхъ лицъ казаковъ, успѣвшихъ уже завести прочную осѣдлость и болѣе или неизвѣс-²тие ставшихъ зажиточными. Правда, при случай, и они не прочь были идти за добычей, когда къ тому представлялся удобный случай: набѣгъ орды или захватъ или казачьяго имущества, тогда въ они выѣзжали изъ городка и знакомили орду съ казачьимъ копьемъ.

Но подвиговъ не предстояло, а голитьба косилась. Ей нуженъ былъ выхѣдъ. И вотъ въ 1696 году при выборѣ нового атамана пришлицамъ повезло:—войсковыми атаманомъ былъ выбранъ отчаянный „промышленникъ“ Иванъ Менинковъ¹). Надо было случиться такъ, что въ этомъ году зимою приключились къ казачьему городку двѣsti сеѧй башкиръ, жившихъ среди каракалпаковъ; ихъ было всего „200 человѣкъ боевого люду, и всѣхъ по головамъ 1000 человѣкъ“²). Эти башкиры во время бунта въ 1683 году, боясь казаковъ, бѣжали къ киргизамъ, гдѣ и жили все время. Прикочевавъ къ казачьему городку, башкиры послали отъ себя вѣсколько человѣкъ выборныхъ „лучшихъ лю-

¹) Въ некоторыхъ другихъ актахъ онъ называется Иванъ Менинъ.

²) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Правлѣн. Сената 1738 г. книга 1/12, листы 103—109.

дѣлъ въ Москву быть чадомъ, чтобы государь отдалъ имъ вину и разрешилъ жить по прежнему въ Уфимскомъ уѣздѣ. Башкирамъ дала грамота, въ которой говорилось, что имъ „за то имъ самовольное обращеніе, что они, наизнанку предковъ своихъ изъ измѣны обратились, пожаловали—зелѣнѣ имъ тѣхъ вины отдать и жить по прежнему въ Уфимскихъ мѣстахъ, чтобы на то смотря и достатльные ихъ братья башкирцы изъ измѣны обращались“¹⁾). Яцкому же войско приказано было немедленно отпустить ихъ „всѣхъ до одного человѣка“ въ Уфу съ провожатыми.

Но когда прѣѣхали посланные обратно на Яикъ, то голутвенные казаки заволновались. Они никакъ не могли примириться съ мыслью выпустить столь богатую добычу изъ рукъ.

Казаки составили заговоръ перебить башкиръ, а имущество, женъ и дѣтей раздѣлить. Главными заговорщиками были: войсковой атаманъ Иванъ Мемышкоевъ, войсковой есаулъ Иванъ Вакуръ и казаки Иванъ Ветошной, Иванъ Касимовъ и Демка Латошниковоевъ. Въ то время, судя по вѣкоторымъ дошедшемъ до насъ актамъ, отношенія между башкирами и яицкими казаками были самыя враждебныя. Начиная съ 1663 года, съ первыхъ бунтовъ, башкиры выѣзжали изъ казымъками были грозою войска. Безпрерывные ихъ набѣги на казаковъ и грабежи, разореніе ими Кирсановской станицы, и упорные бои во время усмирѣанія бунта—все это озлобило казаковъ и заставляло смотрѣть на нихъ какъ на главныхъ своихъ враговъ. Сильная своимъ числомъ башкиры не оставляли казаковъ въ покой не только въ ихъ городкахъ, но прѣѣзжали всякое сообщеніе съ Русью, преслѣдуя и нападая на казачьи станицы, выѣзжавшія изъ городка на Самару. Башкарецъ въ глазахъ казака былъ золотой врагъ. И вдругъ эти враги пришли къ нимъ въ городокъ—сами давались имъ въ руки! Неужели ихъ выпустить и увеличить число своихъ враговъ.

„Зачѣмъ ихъ отпускать на Уфу,—говорили атаманъ и казаки въ кругу,—ихъ отпустить, и они будутъ пущіе злодѣи и смыться надъ нами ставить въ выходу казакамъ не будетъ; а когда мы башкирцевъ порубимъ, а женъ ихъ и дѣтей и животы поберемъ, ванъ тогда будетъ добыча“.

Башкиры жили „въ татарской слободѣ“; темною ночью казаки окружали башкирскій кошъ и на „утренней зарѣ“ бросились „многолюдствомъ“ на сонныхъ башкиръ и порубили всѣхъ мужчинъ, „а женъ ихъ и животы побрали въ раздѣлѣніи по себѣ“. Спаслось изъ общаго побоища только 46 человѣкъ, которые явились въ Уфу и рассказали о случившемся.

Въ кругу въ этотъ же день виновные казаки рѣшили, что если будетъ запросъ изъ Москвы, то говорить, что башкиръ побили за ихъ измѣну, за то, что они хотѣли бѣжать обратно къ киргизамъ.

„Если мы скажемъ, что всѣмъ войскомъ ихъ башкирцевъ побили за ихъ

¹⁾ Тамъ-же.

измѣну, — говорили казаки, — то намъ то въ вину не поставить¹!

Догадавшись же о побѣгѣ многихъ башкиръ, казаки рѣшили послать въ Казань легкую станицу съ станичнымъ атаманомъ Иваномъ Микитинымъ съ товарищами; въ отпискѣ, данной имъ, войско писало воеводѣ, что „оны тѣхъ башкирцевъ исрубили за воровство ихъ и за измѣну, — пошли было по прежнему въ каракалпаки“. А о томъ, что животы ихъ, жены и дѣти были раздѣланы — казаки умолчали.

Уфимскій воевода Василій Леонтьевичъ, узнавъ отъ спасшихся башкиръ всѣ подробности о совершившемся событии, донесъ объ этомъ въ Москву, куда и отправилъ нарочного 24 мая, вместе съ отпискою отъ войска.

Въ Москвѣ на это посмотрѣли изаще, чѣмъ казаки, и оттуда послали грамоту на Янкъ съ требованіемъ сообщить подробнѣ о случившемся и написать „подлинно для чего они тѣхъ башкирцевъ порубили и сколько человѣкъ мужеска и женска полу порублено и что у нихъ въ остаткѣ“².

Но войско, получивъ эту грамоту, рѣшило, какъ и въ доброе старое время, отмалчиваться и не отвѣтило вничего. Между тѣмъ башкиры, стараясь выручить отъ казаковъ захваченныхъ ими женъ и дѣтей, подали челобитную царю Петру, проси возврата имущества и женъ, где между прочими говорили, что казаки держать женъ ихъ и дѣтей у себя въ неволѣ, „а которые ихъ братья башкиры остались въ каракалпакахъ и въ иныхъ мѣстахъ, слыша то, что ихъ братья были по государевѣ милости пожалованы и вины ихъ были отданы, а иные они, отъ нихъ, казаковъ, побиты, — впередъ въ Уфимскій уѣздъ нейдутъ“³.

Изъ Москвы вновь послали грамоту на Янкъ, но отвѣта не дождались. Наконецъ послали еще вѣсколько грамотъ, требуя высылки захваченныхъ башкирскихъ женъ и имущества на Сибирь и объяснять, за что убили башкиръ — казаки не отвѣчали. Послѣдовалъ еще указъ о немедленной выдачѣ ясиръ (плѣнныхъ) и объ отпискѣ въ Москву подробностей о всемъ дѣлѣ.

Благоразуміе требовало написать отвѣтъ и, вѣроятно, по настоянию старшинъ казаковъ и старшинъ войска позднею осеню послало законецъ въ Москву станицу.

Въ отпискѣ, какъ и ранѣе къ казанскому воеводѣ, казаки писали въ Москву, что башкиръ убили за измѣну и что „жель ихъ и дѣтей и животовъ“ у нихъ вѣтъ.

Съ отпискою пріѣхалъ станичный атаманъ Андрей Головачъ съ товарищами. Но въ Москвѣ отпискѣ не повѣрили и посланныхъ стали разспрашивать и подъ пытками они познаились во всѣхъ винахъ. „А пуще къ тому заводчики, — добавили казаки, — атаманъ Иванъ Меншиковъ, да ясауль Иванъ Вакуръ“; выдали они и другихъ заводчиковъ.

Тогда изъ Москвы снова были посланы изъ Янкъ одна грамота за другою съ требованіемъ о немедленной высылкѣ плѣнныхъ башкирскихъ женъ и дѣтей за

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

Самару, „а пущихъ заводчиковъ, бывшаго атамана Мешникъ и другихъ, кото-
рие виѣзжали за Яикъ, прислать въ Симбирскъ или въ Москву тогдасъ“.

Но войско, получивъ эти грамоты, по прежнему отмалчивалось и казаки
„по тѣмъ указамъ и грамотамъ тѣхъ побитыхъ башкирскихъ женъ и дѣтей и
животновъ на Самару не выслали и пущихъ заводчиковъ не отдали-жъ“.

Насталъ новый 1697 годъ. Изъ Москвы былъ посланъ на Яикъ парочай подъачай Тимофей Ишковъ. Собранъ былъ кругъ, прочитана грамота о выдачѣ
преступниковъ и башкирскихъ семей, но казаки и на этотъ разъ „великаго
государа указу учвились не послушны“.

Выслушавъ указъ и грамоту, казаки отвѣтили Ишкову пояснимъ отказомъ:

— „Выслать намъ изъ тѣхъ пущихъ заводчиковъ некого для того, что изъ тѣхъ
казаковъ отъ башкирскихъ роцъ (?) трое измѣри, а двое ушли невѣдомо куды
до виѣзжаго великаго государя указа и до грамоты, и до твоего пріѣзда и
пропали безвѣстно; а гдѣ они нынѣ живутъ того мы не вѣдаемъ. А башкирскія
жены и дѣти въ тожъ число на томъ же бою, какъ она, башкирцы, съ наци
бились, побиты“ ¹⁾.

Ишковъ уѣхалъ, не добивши вичего, и остановился въ Камышенѣ на
Волгѣ, дожидалась распоряженія изъ Москвы.

Изъ Москвы было приказано Ишкову снова вѣхать на Яикъ, а самарскому
воеводѣ Ивану Колюбинину приказано было послать вмѣстѣ съ нимъ самарскаго
дворянина Якова Едулина. Съ этими посланными были отправлены войску
указъ и грамота. Въ грамотѣ наказывалось немедленно исполнить приказъ подъ
страхомъ смертной казни и всему войску была объявлена „великаго государя
гнѣвъ и онала“.

Пріѣхали посланные на Яикъ въ сентябрѣ. Снова казаки собрались въ
кругъ и выслушали указъ и грамоту.

Трудно представить себѣ, что дѣлалось въ этомъ кругу. Уступить казаки не
могли. Этого не повелось изстари. У себя въ войсѣ они не знали господина
и весь дѣла рѣшали сами своими вольными голосами. Виновныхъ казнили
по своимъ войсковымъ правамъ. Преступниковъ и бѣглыхъ не выдавали. Не
прошло и десяти лѣтъ, какъ они выдали по настоянію донцовъ двухъ бѣглыхъ
цоцовъ и вотъ съ тѣхъ порь съ каждымъ годомъ Москва предъявляла къ
нимъ одно требование за другимъ:—приказываетъ ее принять бѣглыхъ,
дѣлаетъ перепись и, наконецъ, теперь требуетъ выдачи виновныхъ казаковъ.
Что жъ будетъ дальше? что будетъ съ ихъ вольными правами?

Казаки уперлись—разстаться съ ними они не имѣли ни малѣйшей охоты.
У нихъ была еще надежда отписаться. Но алохо-же они тогда звали царя
Петра. У него слово не расходилось съ дѣломъ. Гневъ и онала и смертная
казнь шли слѣдовъ за словомъ. Но казаки еще разъ сдѣлали попытку от-
стоять свои вольности.

¹⁾ Такъ-же.

— „Учили мы то всѣмъ войскомъ, а не однѣ,— говорили посланными атаманъ¹⁾ и казаки,— и заводчиковъ не выдадимъ, вина въ томъ дѣлъ всего войска, и въ той нашей воленъ великий государь!“

Самаринъ Ваулинъ звалъ многихъ казаковъ въ лицо; докладывая потомъ о своей поѣздкѣ въ казанскомъ приказѣ, овѣ говорилъ: „а воры Ивашко Ветошной, Ивашка Менихикова въ то число были позади ихъ казачья круга всѣ, только одного не было— Ивашка Касимова; а въ кругу тотъ воръ Ивашка Ветошной въ то число кричалъ, что отдавать его для чего дѣлать то онъ не одинъ, учивши де то всѣмъ войскомъ!“

Казаки не выдали заводчиковъ. Но какъ быть съ гибвомъ и силою великаго государя?

Войско съ посланными снарядило станицу. Станичныи атаманомъ былъ назначенъ Никонъ Васильевъ Копейка (овѣ же Копеечка) съ товарищи—всего четыре человѣка; вхъ отправили въ Москву съ челобитьемъ государю. Посланниъ-же Ишкову и Ваулину дали отписку. Въ этой отпискѣ казаки писали, какъ и разѣ: „побили мы, казаки... тѣхъ башкирцевъ за воровство и за измѣзу, что они послѣ призыва измѣнили и пошли было въ каракалпацкую землю, всѣмъ войскомъ а не двое и вѣ трое; а жень ихъ и дѣтей и животовъ у насъ вѣть“. Но о томъ, почему они не отдали воровъ и заводчиковъ, казаки не сказали ни слова. Въ челобитной-же государю, гдѣ войско было членъ за свои вины, войско, повторяя тоже самое о измѣзѣ башкирцевъ, добавляло, что войску „башкирскихъ животовъ, женъ и дѣтей отдать нечего:— побрали они-же башкирцы за окуть, а вихъ въ русскими торговыми людьми пролавала, а иныхъ вихъ башкирскія жены и дѣти на Яикѣ померзли“. Въ этой челобитной они писали, что все сдѣлали всѣмъ войскомъ, но почему не отдали заводчиковъ, никакого объясненія не дали.

Въ Самарѣ станицу сквитили и подъ конвоемъ отправили въ Москву.

Въ приказѣ Казацкаго дворца, выслушавъ посланныхъ и объясненія Ишкова съ Ваулинымъ, рѣшили добиваться правды винами путами. Ставчанъ-ковъ Никона Копейку и товарищѣ поставили на очную ставку съ казаками прежде прибывшей станицы съ Авдреемъ Головачемъ и Абакуомъ Кузнецомъ. Но Копейка съ товарищами уперлись и повторяли слова отписки и челобитья и говорили, что башкирцевъ убили за измѣзу и что ясыра у нихъ вѣть. Тогда ихъ повели въ застѣнокъ „и у пытки на вискѣ въ томъ во всѣмъ казаки винилиса и говорили тѣжъ рѣча что изъ ирежвей присылки казаки съ пыткой“.

Въ Москвѣ наконецъ окончательно узнали настоящую правду, въ войско снова была написана грамота и послана съ двумя лицами казаками первой станицы.

¹⁾ Кто былъ въ то время войск. атаманомъ вмѣсто Менихика—неизвѣстно.

На этот разъ въ грамотѣ говорилось: чтобы они „атаманъ и казаки, по
премиенья нашимъ великаго государя указомъ тѣхъ воровъ, пущахъ завод-
чиковъ и башкирскій ясыръ и животы и записную книгу войсковой избы¹⁾
и подьячего (войскового писаря) Митыку Васильева отдали посланому съ Са-
мары или изъ Симбирска и отвезли за крѣпость карауломъ съ провожатыми,
такъ-же и взятай ясыръ и животы отослали для отдачи за Самару-жъ не-
отложе. А если вы атаманъ и казаки, по сену нашего великаго государя
указу тѣхъ воровъ, пущихъ заводчиковъ не отдадите, башкирскаго ясыра,
ихъ животовъ на Самару и воровъ въ Симбирскъ или къ Москвѣ не приш-
лете, и нашему великаго государя указу учившись непослушаны, и за тѣ ваши
вины нашъ, великаго государя гибель приказали исполнить, противъ нашихъ
великаго государя указовъ, каковы къ вамъ напредъ сего съ Москвы и съ Камы-
шенки посланы. И наши, великаго государя, ратные люди, и калмыки, и баш-
кирцы посланы будуть на васъ неотложно и разореніе вы казаки примете себѣ
всѣ волею своею за воровъ небольшихъ людей, въ которыхъ вы казаки на-
шему великаго государя указу чинились не послушаны и по многимъ посланнѣмъ
грамотамъ тѣхъ воровъ не отдавывали и повелѣнія нашего государскаго не
исполняли, за что вы, казаки, достойны всевѣчнаго разоренія“²⁾.

Эта грамота была послана въ концѣ сентября, а 21 октября были одновре-
менно посланы грамоты уфимскому, самарскому и симбирскому воеводамъ, гдѣ
описывались вины Яикскаго войска и говорилось о томъ, чтобы въ Самарѣ
и Сызранѣ были преготовлены „ва ямахъ“ (на почтовыхъ станціяхъ) ящики,
лошади и подводы для отвоза ясыра въ Уфу, а заловныхъ казаковъ въ Москву.

„А если они, атаманъ и казаки, нашего повелѣнія не исполнятъ—гово-
рилось въ грамотахъ—я тѣхъ воровъ пущахъ заводчиковъ не отдадутъ въ го-
родъ къ Москвѣ и башкирскаго ясырю и животовъ ихъ на Самару не приш-
леть и на нихъ казаковъ, наша великаго государя гибель и опала и разореніе
исполнится и вашимъ ратнымъ людямъ всего казанскаго разряду и калмыкомъ
и башкирцомъ по исполненію нашего гибѣза быть во всякой готовности и о
походѣ ожидать нашего указу вскорѣ. Въ городѣ же гдѣ они казаки явятся
и прїездѣ указали мы, великий государь, ихъ казаковъ имать въ сажать въ
тюрьму, а къ Москвѣ ни на которые города ни для чего ихъ не пропускать,
такъ-же и на Яикъ ни съ какими запасы, и не для чего изъ городовъ никого
не пропускать же, покамѣстъ они вины свои нашъ принесутъ и тѣхъ воровъ
пущахъ заводчиковъ отдадутъ“.

Надъ войскомъ собралась гроза. Башкиры, стрѣльцы и калмыки были го-
товы къ походу за Яикъ и ждали только указа. Въ Самарѣ и Сызранѣ были
учреждены заставы, чтобы „подъ смертной казнью“ никакихъ хлѣбныхъ запа-
совъ на Яикъ не пропускать.

¹⁾ Что это за записная книга—точно неизвѣстно, но по всей вѣроятности такъ называлась книга, въ
которой были списки 2600 казаковъ, числившихся въ войскахъ послѣ переписи 1695 года.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената 1733 г. книга Ж^{1/102}, листы 108—109.

Гроза росла все больше и больше. Надвигались черные тучи. Какъ когда-то въ Великомъ Новгородѣ, теперь въ Яицкомъ войскѣ рѣшился роковой вопросъ: быть или не быть великому войску Яицкому непрежнему вольничу и независимому въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ отъ Москвы или сринуть пора воршать эти дѣла по указкѣ московскаго боярства? Споръ былъ неравный, и не нужно было быть проницательнымъ, чтобы предвидѣть исходъ этого дѣла.

Но какъ рѣшили этотъ споръ на Яицѣ — намъ неизвѣстно. Исторія не сохранила намъ объ этомъ ни одной строчки. Надъ этимъ послѣднимъ актомъ исторической драмы ова спустила свой темный занавѣсъ и навсегда скрыла отъ насъ подробности роковой развязки.

Что дѣлалось въ это время въ войскѣ, что говорилось въ казачьихъ кругахъ, исполнило-ли войско указъ изъ Москвы добровольно или уступило свои вольности послѣ схватки съ московскими войсками — историческіе документы намъ не говорятъ ни слова. Они обрываются на этомъ. Только изъ другихъ, послѣдующихъ документовъ — изъ грамотъ къ башкирцамъ 1698 года, — видно, что ясырь былъ взятъ и что казаки, пущіе на то воровство заводчики многие были взяты на Москву и пытаны и казеены и посланы въ ссылку въ дальние Сибирскіе города, а достальныи казакамъ, по ихъ многому повинному человѣчью, випы отданы¹⁾.

Кто были виновники этого дѣла, много ли ихъ было казнено и разослано въ ссылку — неизвѣстно²⁾.

Извѣстно только, что сосланные были поселены въ Кольскомъ и Пустоозерскомъ острогахъ.

Казаки притихли, такой крутой расправы они не ждали. Но куда же дѣваться голутвеннымъ бездомовымъ казакамъ? Что имъ дѣлать на Яицѣ? Притокъ ихъ на Яицѣ не умѣшается, а ставится все больше и больше; этой буйной силѣ нуженъ выходъ, но куда идти? Оставаться на Яицѣ опасно — бѣглецовъ приказано не принимать. Большине и заповѣдные края — Донъ и Яицѣ перестали быть вольными, въ нихъ стала распоражаться Москва.

Прошла зима; въ войскѣ было тахо. Но едва наступила весна, какъ голитьба снова заволновалась. Во главѣ ея всталъ казакъ Иванъ Иваноевъ Шаминъ (онъ-же Шаменокъ); онъ сталъ звать голитьбу съ собою на Каспійское море.

— Разоримъ Гурьевъ городокъ, говорилъ овъ приставшимъ къ нему бездомовымъ казакамъ, — и уйдемъ всѣ къ Будаю Шевкалу Тарковскому, тамъ живутъ бѣжавшие донцы на Аграханѣ³⁾, овъ бѣглыхъ не выдаютъ, по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Правит. Сената 1793 г., книга № 2/18, листы 87—89. Грамота башкирцамъ Уфимскаго уѣзда Ногайской, Казанской, Османской и Сибирской дороги Ицкіхъ волостей.

²⁾ Много просмотрѣмы вѣтъ описи Тайной Канцелярии и Преображенскаго приказа, где могъ бы быть смыкъ по этому дѣлу, но ничего не найдено. Очевидно смыкъ и вопросы были сделаны въ приказѣ Казанскаго дворца и это дѣло постигла участъ оставшихъ дѣла этого приказа: ово спорѣло.

³⁾ Бѣжавшие съ Дона въ 1688 году старообрядцы донцы поселились во владѣніи Шевкала Тарковскаго по рѣкѣ Аграханѣ и жили, не признавая Москвы, занимаясь грабежами на морѣ (Сборн. Рос. грамотъ и договоровъ, томъ IV, № 192).

стровъ тамъ городъ и будемъ жить и ходить на промыслъ! ¹⁾

На призывъ голутвеннаго атамана откликнулась почти вся голытьба. Шаменовъ и товарищи, уставъ главный замисль, стали проситься у войскового атамана Федора Семенникова идти на море для промысла „подъ туркменскіе караваны“.

Не старинные и благоразумные казаки, только что извѣдавшіе прелести расплаты за убийство башкиръ, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ чаотрѣзъ отказали голытьѣ идти за промысломъ изъ моря.

Голытьба смирилась, но ждала лишь удобнаго случая, чтобы вырваться на волю. Случай скоро представился. Настало времяѣхать станицѣ за хлѣбомъ и за другими нуждами въ Сызрань и Самару. На этотъ разъ станица была большая. Съ увеличенiemъ войска, увеличивалась и потребности войска; къ этому времени казачья станицы, отиравшися въ Самару за хлѣбомъ, представляли изъ себѣ громадный обозъ, доходившій иногда до шести тысячъ подводъ пра ертаулъ въ 600—800 и тысячу человѣкъ казаковъ. И на этотъ разъ поѣхало со станицею иного казаковъ съ большимъ обозомъ и съ ертауломъ. Въ числѣ другихъ поѣхалъ извѣстный уже намъ казакъ Иванъ Бѣлоусовъ (онъ же Бѣлоусъ); еще въ 1654 году, будучи тогда войсковымъ атаманомъ, онъ ѿздѣлъ съ казаками въ Москву заслуживать винъ за морскія проклятия; во второмъ Чигиринскомъ походѣ въ 1678 году онъ участковалъ въ бояхъ походнымъ атаманомъ. На этотъ разъ старый служака былъ выбранъ войскомъ станичнымъ атаманомъ и выѣхалъ со станицею на Довъ къ войску Донскому выяснять самый большой вопросъ, бывшій тогда у казачества: — какъ быть съ бѣглецами изъ Руси? — выдавать ли ихъ Москвѣ или жить по старому ²⁾? Указы были грозные — не выдавать опасно, чоръ быть снова разгромъ, а выдавать невозможно, — бѣглецы идутъ толпами, войско Яицкое малѣ и въ людахъ нуждается, — врагъ повсюду рыщетъ вокругъ городка и не даетъ покоя, да и выслать бѣглецовъ не съ кѣмъ — не хватить и казаковъ для конвоя. А бѣглецы идутъ и идутъ безъ конца. Въ одинъ только 1693 годъ прибѣжало ихъ на Яикъ 206 человѣкъ.

Какъ быть? Что дѣлать? И по совѣту всего войска поѣхалъ Бѣлоусовъ на Довъ за разъясненiemъ.

Выѣхало войско на Самару и Сызрань и въ городѣ стало неспокойно. Покупать хлѣбъ на Волгѣ могли конечно только зажиточные казаки и потому

1) Матеріалами для настоящаго очерка событий на Яикѣ 1698—99 г. послужили дѣла: Моск. Арх. Мин. Юст., Секретн. дѣла Преображенскаго приказа и Тайной Канцелярии, столбецъ № 740, листы 1—12. Дѣло о лицомъ казакѣ Григоріѣ Микифоровѣ Кочерешкинѣ, сказавшемъ за собой государево слово и дѣло, откуда въ замѣткахъ подробности этого дѣла. Дополненіемъ къ нему служитъ грамота къ башкирамъ 1699 г. въ этомъ же архивѣ въ Дѣлахъ Правит. Сената, книга № 1/132, листы 87—89, а также грамоты войску царя Петра за 1699 г., находящіеся въ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга № 54, листы 577—580. Это единственныя до насъ документы о событияхъ въ войскахъ 1698—99 годовъ. Подлинное же слѣдствіе, производившееся въ приказѣ Казанскаго дворца, скроено со всѣми дѣлами этого приказа.

2) Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, кн. 28, листы 1822—1828. Смыкъ Кротковъ, показаніе казака Матѳѣя Миронова.

послѣ отъезда станицы въ войскѣ влиятельныхъ казаковъ стало меньше и сдерживать голытьбу не было силы.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, Иванъ Шаменокъ съ товарищами въ концѣ маѣ захватили на Яикѣ струги и, не слушая атамана Федора Семенникова и старшины, двинулись къ Гурьеву.

Не дождя Гурьева, Шаменокъ съ вольницей встрѣтилъ гурьевскихъ учужныхъ работныхъ людей, Ивана Федорова съ товарищами, которые, нарубавъ на Яикѣ дровъ и лѣса для учуговъ, плыли на плотахъ внизъ по рѣкѣ.

Казаки начали на нихъ, захватили съ собою, но три человѣка съ Федоровымъ успѣли соскочить съ плотовъ и бросились бѣжать въ Яицкій казачій городокъ. Казаки за ними не гнались, а поплыли дальше.

Всего у Шаменка было не болѣе ста пятидесяти голутвенныхъ казаковъ, въ томъ числѣ и рабочихъ—крестьянъ, жившихъ въ войскѣ; атаманомъ „у работныхъ людей“ былъ Михаилъ Фроловъ. Вся эта толпа появилась подъ Гурьевомъ въ ночь на 8 число июня и ринулась на городъ „въ проломный мѣстѣ“; воеводою въ Гурьевѣ былъ Алексѣй Бахтеяровъ, гарнизонъ составляли симбирские и бѣлоярские стрѣльцы—годовальщики. Перевязавъ караульщиковъ, вольница вступила въ бой со стрѣльцами. Бахтеяровъ былъ раненъ, было также ранено много стрѣльцовъ и трое поплатились жизнью. Оставшись безъ воеводы, стрѣльцы сдались. Взяты въ пленъ стрѣлецкаго сотника Гаврилу Ретковскаго, вольница его избила, но стрѣльцовъ не тронула. Начался грабежъ. Ограбивъ что можно, голытьба захватила денежную казну „и зелье, и свинецъ, и фитиль, и ядра, да дѣвъ чушки“; а у воеводы, у сотника и стрѣльцовъ „ружья и боршни, и бердыши, и знамена, и копья, и протазаны, и зачашь и всякую рухладь небрала“. Послѣ погрома казаки раздумали плыть къ измѣченной цѣли на рѣку Аграхань; не знали ли они дороги къ Шевкалу, или не было у нихъ опытныхъ коричихъ, или услыхали, что изъ Астрахани всегда ходить на море стрѣльцы, но только они повернули обратно и поплыли вверхъ по Яику. Къ голытьбѣ пристали 16 человѣкъ стрѣльцовъ зъ также и ногие „гуляющіе и ссылочные люди да татары, которые были нанаты въ работу на учуги“.

Послѣ ухода казаковъ оказалось, что пропало безъ вѣсти, кромѣ бѣжавшихъ къ казакамъ, еще 6 стрѣльцовъ.

Въ тотъ же день Бахтеяровъ донесъ о случившемся въ Астрахань къ воеводѣ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, который, получивъ это донесеніе, 16 июня командировалъ въ Гурьевъ полковника Ивана Мейера съ московскими, астраханскими и красноярскими стрѣльцами—всего 800 человѣкъ. Этотъ отрядъ пошелъ моремъ въ легкихъ стругахъ; берегомъ-же кромѣ этого пошло 200 человѣкъ юртовыхъ татаръ. Между тѣмъ въ Яицкій городокъ приѣхалъ гурьевецъ Иванъ Федоровъ и рассказалъ атаману Семенникову о встрѣчѣ съ воровскими казаками. Немного погодя пришла вѣсть и о разгромѣ Гурь-

ева. Собрался кругъ и партія старыхъ казаковъ снарядила станицу въ Москву съ вѣстовою отпискою о случившемся.

Въ свою очередь, получивъ сѣдѣніе о разгромѣ Гурьева, 16 іюня написалъ обѣ этомъ въ Москву и астраханскій воевода Иезъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣщая, что онъ послалъ на казаковъ Мейера.

Оба извѣстія пришли въ Москву почти одновременно въ концѣ іюня мѣсяца.

Въ Москвѣ забили тревогу. Тамъ уже стали забывать о воровскихъ казакахъ. На Волгѣ и на Каспийскомъ морѣ было тихо и про воровъ давно не было слышно. Только астраханскіе „казаки раскольщики“, оставшіеся жить у Шевкана, одни ходили по Хвалынскому морю и не давали никому спуска. И вдругъ кромѣ нихъ объявились вовсе воровскіе казаки изъ Яикѣ.

Петръ принялъ рѣшительныя мѣры. Въ Уфу, Самару, Казань, Астрахань, Царицынъ—всюду полетѣли его указы о немедленномъ выступлении войскъ на Яикъ.

Въ грамотѣ къ уфимскому воеводѣ Дмитрию Милостивому присказывалось неспѣшно выступить на воровскихъ казаковъ, взявъ съ собою уфимскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 100 чл., конныхъ стрѣльцовъ 100, лѣтчихъ 300, а служилыхъ татаръ и мещеряковъ „всѣхъ что есть“, а также и башкиръ. Была послана грамота и башкирамъ, гдѣ между прочимъ говорилось:

„А въ нынѣшнемъ въ 206 (1698) году вѣдомо намъ великому государю учинилось, что тѣль казаки, которые башкирцами порубили атаманъ Ивашко Шаминъ съ товарищи забыли Бога и нашу вел. государя милость, собравшися съ такими же ворами съ бездомовыми казаки и не послушавъ старыхъ казаковъ войскового атамана Федора Семенникова съ товарищи, пошли на низъ Яикомъ рѣкою. Июля въ 5 день послана наша вел. государя грамота на Уфу къ воеводѣ и особая къ замъ къ уфимскимъ башкирцамъ, чтобы вы башкирцы про то вѣдали и помни къ себѣ нашу вел. государя милость надѣтьми воровскими казаками надъ Ивашко Шаминъ съ товарищи, которые съ Ямку пошли для воровства, промыслъ чинили гдѣ случай позвозвать и чтобъ ихъ воровъ до воровства ни до какого не допустить и гдѣ про нихъ свѣдѣнія на нихъ ходить и надѣть ими, и буде и иные какіе воровскіе люди объявятся по тому же всякій промыслъ чинить и переносить ихъ отдавать въ городъ Уфу воеводѣ; а та ваша вѣрная служба у насъ вел. государя забвена и будетъ. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и выбѣ башкирцы по сему нашему великому государю указу на нашу службу со столичникомъ язвить воеводою съ Дмитріемъ Ивановичемъ Милостивому съ товарища щли не мѣшкавъ ни часу, и въ томъ намъ нашему царскому величеству показать ба вамъ службу свою и раденіе, а та ваша служба у насъ великаго государя забвена не будетъ“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Правит. Сената, книга 1/12, листы 87—89. Грамота изъ башкирской 1698 года.

Одновременно съ этой грамотой приказывалось послать въ Астрахань: изъ Царицына съ Афанасиемъ Курчаниновымъ пѣшихъ стрѣльцовъ 500 человѣкъ, а изъ Саратова 300 человѣкъ „водою въ легкихъ судахъ съ полковыми припасы и запасы“. Изъ Самары-же велико было выслать ковныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ сухими путемъ подъ начальствомъ назначенаго для этого Сызранскаго „дворянинъ доброго“. Ему назначалось итти съ тѣми самарскими людьми наскоро и „свѣстясь съ яицкимъ войсковымъ атаманомъ съ Федоромъ Семенниковымъ съ товарищи, которые къ тому воровству не пристойны, идти на тѣхъ казаковъ гдѣ про нихъ вѣдомость будетъ и тѣхъ воровъ понять и пущихъ заводчиковъ человѣкъ десять прислать къ Москвѣ, а достальныхъ держать за карауломъ до указу, а буде учнутъ противиться и ихъ всѣхъ руть за ихъ воровство и измѣну безъ милости, чтобы ихъ конечно не до какого воровства не допустить и искоренить“¹⁾.

Казанскій воевода долженъ былъ выслать въ Сызрань къ стольнику Степану Собакину стрѣлецій полкъ. Въ Яицкое же войско атаману Фодору Семенникову была послана грамота показать свою службу государю и выступить всѣмъ войскомъ „на сѣхъ“ за воровскими казаками и чинить надъ ними промыселъ.

Однимъ словомъ повторилась история 1696 года, но на этотъ разъ войска не дождались призыва о выступлении, а должны были идти немедленно по получении грамоты.

Но пока шли донесенія въ Москву о случившемся и распоряженія изъ Москвы о выступлении войскъ на Яикъ, полковникъ Мейеръшелъ съдѣмъ за Иваномъ Шаменкомъ. Казаки, разграбивъ Гурьевъ, пошли вверхъ по Яику, ношли медленно, видимо еще не решивъ окончательно, что имъ предпринять и куда итти. Появиться въ Яицкомъ городкѣ было нельзя—они ушли самовольно, воровски, не послушавъ атамана и старшинъ: въ городкѣ ихъ могла ждать казнь и въ лучшемъ случаѣ цѣли и выдача. Москвѣ.

Ихъ нерѣшительности былъ положенъ предѣлъ въ уроцашѣ Клумашномъ ярлы на Яикъ; здѣсь Мейеръ настигъ воровъ; завязался бой, казаки были разбиты, многие взяты въ пленъ и лишь небольшая часть ихъ, выѣхавъ съ атаманомъ Шаменкомъ успѣла бѣжать и скрыться въ стели²⁾.

Между тѣмъ въ Яицкомъ городкѣ готовились роковые события. Въ войско прѣбыль бывшій на Дону станичный атаманъ Иванъ Бѣлоусовъ. Оять привезъ изъ Черкасска отъ Донского войска указъ, чтобы всѣхъ пребывшихъ послѣ переписи 1695 года въ казаки не ставить, а отсылать изъ войска по мѣстамъ жительства. Въ тоже время войско, вѣроятно недовольное слабостю Семенникова, распустившаго голытьбу, выбрало себѣ нового войскового атамана того же Ивана Бѣлоусова.

1) Такъ же.

2) Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ. Числа и мѣсяца этого боя изъ документовъ не видно.

Получивши приказъ о ссыкѣ надъ Шаменкомъ, казаки, выбравъ яходыни атаманомъ Федора Семенникова, двинулись (сколько неизвѣстно) внизъ по Яику, гдѣ настигли Шаменка съ остатками разбитой шайки и послѣ боя захватили ихъ всѣхъ живыми вмѣстѣ съ атаманомъ¹⁾.

По возвращеніи въ городокъ, захваченныхъ казаковъ партіи Шаменка войско вывело въ кругъ въ десять изъ нихъ „самыхъ пущихъ заводчиковъ“ (кого—неизвѣстно) отправили въ Москву вмѣстѣ съ Шаменкомъ, а остальными (сколько и кого—тоже неизвѣстно) всѣми „учинили казнь по своему войскому праву“²⁾.

Между тѣмъ въ отсутствіе Семенникова съ войскомъ въ Яцкомъ городкѣ произошло важное событие. Указъ о выдачѣ бѣглцовъ, подтвержденный Донскими войсками, пришелъ не по душѣ голутвенному люду. Они шумѣли, волновались, но открытою силой дѣйствовать не рѣшались. Ихъ въ казаки не принимали. Ихъ оставалось одно: или идти по слѣдамъ Шаменка, или искать гдѣ либо другія вольнныя земли—новый Донъ въ Яикѣ. Толпа бездомовыхъ только ждала себѣ воожаковъ, чтобы перейти въ открытый бунтъ и рѣшиться на что либо. Надо было такъ случиться, что приблизительно въ тоже время въ войскѣ появились сосланные въ 1696 году за убийство башкиръ и бѣжавшіе изъ ссылки изъ Кольского и Пустоозерскаго остроговъ казаки *Ивашка Голуневъ, Демка Латошниковъ, Ульянка Большая Шамка, Меркушка Соколовъ* и другие. Бѣглцы одни изъ своимъ появленіемъ на Яикѣ уже заставили недовольныхъ вспомнить старину. Испытавши прелести московской расправы, бѣглцы громко заговорили о концѣ казацкой воли, забывая въ своихъ бѣдахъ малодушіе войска, не съумѣвшаго отстоять ихъ, какъ въ добroe старое время. Нужно вернуть старину. Голутвенныe ожали. Вожди нашлись. Скрытое недовольство перестало сдерживаться и когда по возвращеніи Семенникова виновные въ разгромѣ Гурьева были казнены, а Шаменокъ выданъ Москвѣ, страсти разгорѣлись, казаки не могли хладнокровно смотрѣть на нарушение былыхъ вольностей войска. Всего десять лѣтъ тому назадъ они незнали надъ собою начьей власти, кроме своей воли и рѣшавшій войскового круга. Дѣвно ли морские промыслы считались дѣломъ обычнамъ и доблестнѣмъ, а теперь? Теперь само войско, во главѣ со старшинами, ловить удальцовъ въ мало того—казнить въ кругу, по претвору круга, казнить за то, за что ранѣе ниъ воздавало честь! А бѣглцы изъ Руси? Развѣ ихъ выдавали Москвѣ? Войско стѣною, грудью стояло за нихъ и никакія силы не могли заставить казаковъ добровольно подчиниться этому требованію. Теперь же не только стали выдавать бѣглцовъ, но и преступниковъ. Въ десять лѣтъ въ такомъ сильномъ перемѣнѣ! Недовольныхъ было много,—наружао подчиняясь требованіямъ Москвы и старшинъ, казаки въ душѣ затаили злобу. Бѣглцы изъ ссылки

¹⁾ Тамъ-же. Число и мѣсяцъ захвата Шаменка не указанъ.

²⁾ Тамъ-же. Число и мѣсяцъ неизвѣстны, но, судя по прибытию Шаменка въ Москву къ 8 августа, надо полагать, что это событие происходило въ началѣ июля.

вековых были недовольных: въ войскѣ вспыхнулъ явный бунтъ. Казаки стали собираться въ круги и предводительствующие *Иваномъ Голуноымъ, Меркузкой Соколовымъ, Иваномъ Гаореневымъ, Григориемъ Кочерешкинымъ* и другими казаками, събили войскового атамана Ивана Бѣлоусова и вместо него выбрали *Никонку Копъечку*. Но бунтъ этотъ не ограничился. Главари, состоявшие главнымъ образомъ изъ бѣжавшихъ изъ ссылки казаковъ, собравши 18 июля кругъ, „войско возмущали и войскового атамана Ивана Бѣлоусова убили до смерти“¹⁾.

Подробности этого убийства намъ къ сожалѣнію неизвѣстны. Единственны указавшій по этому дѣлу служить показаніе бывшаго впослѣдствіи войскового атаманомъ старшины *Матвѣя Миронова*. Онъ говорить, что убили Ивана Бѣлоусова по привору круга за то, что онъ привезъ приказъ отъ Денскаго войска, чтобы прибывшихъ послѣ 1695 г. въ казаки не зачислять. Смертную казнь по казачьему общачу долженъ былъ совершить одинъ изъ войсковыхъ есауловъ. Эта обязанность казни Ивана Бѣлоусова досталась войсковому есаулу *Григорию Копылову*. Но какъ быть убить Копыловыи Бѣлоусовъ — убить ли изъ ружья, какъ это обычно дѣжалось, или другимъ способомъ — не дѣла не видно [18]. Но одной этой причины для того, чтобы убить войскового атамана, было безъ сомнѣнія недостаточно. Тутъ было еще какое либо другое и болѣе важное обстоятельство, заставившее казаковъ принять столь крутую и еще небывалую на Яикѣ иѣру противъ своего атамана. Можно предположить только одно, что послѣ вышатѣльства Москвы во внутреннюю жизнь казачества въ Яцкомъ войскѣ, доселѣ свободномъ, казаки не могли съ легкимъ сердцемъ примиряться ни съ выдачею виновныхъ казаковъ Москвѣ, ни съ выдачей ей бѣглыхъ изъ Руси, а также и съ произведеніемъ переписью. Выводившими этого вышатѣльства Москвы въ жизнь казачьей общины голтьбы, а можетъ быть, и большая часть старыхъ казаковъ, считала старшинъ, легко склонявшихся къ московскимъ предложениемъ. Недовольство за эти новшества, негодование, накопившееся у казаковъ, не знавшихъ доселе преграды своей свободы, все это вылилось при полученіи приказа съ Дона о непрѣмѣ бѣглыхъ въ формѣ буты; чаша недовольства перешла черезъ край и казаки рѣшили вернуть старшу: они убили войскового атамана, чтобы впередъ другимъ было невозможе держать руку Москвы. Напрасно старшины *Матвѣй Мироновъ, Степанъ Филимоновъ* и другіе отговаривали въ кругу казаковъ отъ убийства Бѣлоусова, — ничто не помогло: казаки даже рѣшили убить старшинъ. Особенно заставлять на этотъ казакъ *Сережка Онохинъ*. Вышѣй въ это время въ городкѣ войсковой подъачи *Василій Бойдановъ* въ тотъ же день, болѣе дальнѣйшахъ убийствъ, изъ городка бѣжалъ; вѣсть съ нимъ бѣжалъ и гурьевецъ *Иванъ Федоровъ*. Оба они явились въ Самару къ воеводѣ *Изайю Колюбакину* и рассказали о случившемся. Выслушавъ ихъ, воевода рѣшилъ за

¹⁾ Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ, а также грамота Петра войску 1699 г.

лучшее ихъ арестовать и, нарядивъ сильный конвой, събираю отправить ихъ въ Москву.

Но старшинская партия и старые домовитые яицкие казаки примириться съ убийствомъ атамана не могли. Въ то время въ войскѣ это была самая сильная и влиятельная партия и играла громадную роль; старшины бывали не разъ выбраны войсковыми и походными атаманами, были зажиточны и въ большинстве случаевъ въ родствѣ или свойствѣ между собою.

Желавшие на дочеряхъ Ивана Бѣлоусова старшины Осипъ Васильевъ Бѣлоусовъ и Григорій Меркульевъ, вставъ во главѣ домовитой партіи, не подчинились требованию бездомовыхъ казаковъ и, выбравъ себѣ войсковыми атаманами снова Федора Семенникова, снарядили станицу въ Москву съ отпиской о случившемся. Станичнымъ атаманомъ поѣхалъ Осипъ Бѣлоусовъ. Смутно было въ это время въ войскѣ. Казаки разбились на партіи. Сводились личные счеты. Вышедій въ это время рядовымъ казакомъ, впослѣдствіе войсковой старшины и главы казачьей партіи Иванъ Логиновъ въ горячемъ спорѣ съ казакомъ Серебряковымъ навесъ послѣднему тажкія побои, отъ которыхъ Серебряковъ умеръ на другой день. Логинова вывели въ кругъ и заковали въ цѣни. Казаки по своему обычью хотѣли его казнить, но Логиновъ упросилъ жену Серебрякова „убитаго мужа на немъ не отыскивать“, за что даль ей 50 рублей и обѣщался „кормить ее съ дѣтьми до смерти“. Тогда по просьбѣ священника и старшинъ войско отмѣнило свой приговоръ и Логиновъ былъ освобожденъ. Но строгое въ своей средѣ къ каждому преступленію, будь то воровство или убийство, казаки стали звать Логинова душегубникомъ, кличка, которая сохранилась за нимъ до прѣѣзда въ войско полковника Захарова. Это обстоятельство впослѣдствіе старшинская партія ставила Логинову каузу одну изъ причинъ его веблагонадежности¹⁾.

Прабывъ въ Москву, Бѣлоусовъ получилъ грамоту къ войску и къ атаману Федору Семенникову о высылкѣ въ Москву всѣхъ виновныхъ въ убийствѣ Ивана Бѣлоусова и выѣхалъ тотчасъ же въ войско²⁾.

Посланые-же изъ войска Иванъ Шаменокъ и товарищи были привезены въ Москву 8 августа, гдѣ въ приказѣ Казанского дворца „были пытаны и въ изнахъ своихъ винились... и августа въ 20 день по указу великаго государя, окъ Ивашка Шаменъ съ товарища на Москву казнены смертью:— четвертованы, а достальные товарищи казнены смертью же“³⁾.

Такъ завершился послѣдній морской промыселъ яицкихъ казаковъ!

Принимали-ли участіе въ поимкѣ Шаменка наряженные башкиры и стрѣльцы изъ Самары и Уфы—изъ актовъ не видно. Но во всякой слуяцѣ если-бы они были въ Яицкомъ городкѣ и были участниками поимки Шаменка, то гдѣ либо

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 31, листъ 756.

²⁾ Этой грамоты въ дѣлахъ не имется.

³⁾ Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ. Здѣсь, вероятно, подъ остальными надо предполагать казаковъ, захваченныхъ полковникомъ Мирономъ, или казненныхъ войскомъ на Яицѣ.

въ азакъ или въ поадаѣшахъ показаіяхъ казаковъ хотя бы того-же Ко-
чераенкина или въ дѣлѣ Кроткова (1719 г.) это непремѣнно бы проскольз-
нуло, но мы этого не видимъ. Вероятно, получивъ приблизительнѣе въ началѣ
июля грамоту о немедленномъ выступлении всѣхъ войскомъ за голытьбою и зная
изъ этой грамоты о посыпкѣ войскъ на Яикъ, атаманъ Бѣлоусовъ и ка-
заки рѣшили не дожидаться башкиръ, а выступить самамъ, пославъ отписку
въ Самару о ненадобности войскъ. Во всякомъ случаѣ о пребываніи стрѣль-
цовъ или башкиръ на Яикѣ не имѣется никакихъ указаний нигдѣ.

Съ этого времени морскіе промыслы яицкихъ казаковъ отходить въ область
предавій, и лишь безпрерывныя схватки съ киргизами, которые со слѣду-
щаго же года тысячными толпами стали подходить къ Яицкому городку, бои и
походы казаковъ за этими хищниками, остаются съ этого времени единственными
военными промыслами привидѣній орловъ.

Когда Осипъ Бѣлоусовъ вернулся на Яикъ, въ городкѣ уже было тако,
страсти утихли, блэроразуміе взяло верхъ и по прочтеніи грамоты казаки, ста-
раясь заслужить свои вини, стали хватать зачинщиковъ матежа, но разыскать
всѣхъ не могли. Большинство изъ нихъ, чуя грозу, съ Ника разбрѣзались.
Успѣли схватить только немногихъ: бывшаго атамана Никона Конѣчку, Ива-
шку Гавренева, Меркулку Соколова, Демку Латошникова, Ивашку Голунова и
Ульянку Большую Шапку, и отправили ихъ въ Москву съ тѣмъ-же Осипомъ
Бѣлоусомъ. Но по дорогѣ послѣдаїе трое сѣкли въ галынницкую орду.

21 ноября со прибытіемъ въ Москву Бѣлоусъ сдалъ ихъ въ приказъ Каза-
нского дворца князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Тамъ уже сидѣли при-
бывшие 22 октября изъ Самары войсковой подъачай Василій Богдановъ и
гурьевецъ Иванъ Федоровъ. Всѣхъ ихъ повели въ застѣнокъ. Послѣ троекрат-
ныхъ пытокъ Никонка Конѣчка и его два товарища въ винахъ призвались
и сказали, что съ ними были „пушіе заводчики Гришка Кочерешкинъ, Сирка
Кузнецъ, Ивашка Погодаевъ и Федька Тюра и другіе казаки—всего 28 че-
ловѣкъ“. Но Никонка Конѣчка, испытавшій пытка еще при убійствѣ башкиръ,
на этотъ разъ ихъ не выдержалъ и умеръ подъ пытками. Соколовъ же и
Гавреневъ казнили. Что же касается войскового подъачаго Богданова и Федо-
рова, то они послѣ пытки „вины за собой не сказали и ни къ какому во-
ровству не приличились“ и по заступничеству Осипа Бѣлоусова были освобожде-
ны, т. к. Бѣлоусовъ сказалъ, что Федоровъ пришелъ къ войску за Яикъ до
доимики воровскихъ казаковъ „и про то ихъ, Ивашкино, воровство на Яикъ
войскому атаману и казакамъ заставѣшь“.

Но войсковой подъачай Богдановъ вернуться назадъ на Яикъ не захотѣлъ.
Ему „по его челобитью велико быть въ подъачихъ-же въ новопостроенномъ
городѣ Петровскомъ“.

Будто-же, должно быть, было тогда на Яикѣ!

27 ноября на Яикъ были посланы пріѣхавшіе съ Бѣлоусовымъ

Вахрамът Сергѣевъ съ товарищи шесть человѣкъ, съ царской грамотою войску о поимкѣ всѣхъ оговоренныхъ Никономъ Копѣчкой съ товарищи участниковъ убийства Бѣлоусова.

„Отъ Великаго Государи Цара и Великаго князя Петра Алексеевича,— говорилось въ грамотѣ,— всея Великія и малыи бѣлыи Россіи самодержца на Иакъ, яицкии казакамъ: войсковому атаману Федору Семенникову съ товарищи. Въ янѣшнемъ 207 (1698) г. по нашему Великаго Государа имавому указу и по грамотѣ, какова къ вамъ послана съ казакамъ съ Анофріемъ Якимовымъ, да съ Петромъ Ивановымъ, вѣльно вамъ атаману и всѣму войску воровскихъ ссыльныхъ казаковъ, которые ушли изъ Пустоозерскаго и Искольскаго остроговъ, перезывавъ прислать къ вамъ Великому Государю въ Москву, и ноября въ 21 числѣ вынѣшнаго 207 (1698) году потому нашему Великаго Государи указу прислали вы къ намъ великому Государю станичнымъ атаманомъ Осипомъ Бѣлоусовымъ съ товарищи тѣхъ воровскихъ казаковъ Ивашку Гавренева, Меркулку Сомойлова ¹⁾ да смирились прислали ладкаго казака Никонку Коппичку, который былъ въ атаманехъ и бывшаго атамана Ивана Бѣлоуса убиль до смерти, а ссыльныхъ утеклецовъ Демку Лотошникова, Ивашку Голунова, Ульянку Большую Шапку упнусть; и за тое вашу вѣрную службу мы великій государь васъ—теба атамана Федора и все войско жалуемъ, премногомилостиво зохвалимъ и ту вашу великаго государя милость вѣльно вамъ сказать и тое вашу вѣрную службу похвалить стольнику нашему Ивану Уварову, который посланъ къ вамъ на прѣжъ сего съ нашимъ великаго государя жалованьемъ, потому къ нему наша великаго государя грамота послана; а по розыску и по ищточнику рѣчанъ, присланыхъ казаковъ Никонка Копѣчка съ товарищи въ пынѣшней шатости были и приговаривали убить бывшаго атамана Ивана Бѣлоуса и старшину хотѣли побить же казаки Сережка Онохинъ съ товарищи; и мы, великій государь, указаль тѣхъ воровъ для розыску взять въ Москву и для того посланы съ Москвы нарочно присланые ваши казаки есауль Вахрамът Сергѣевъ съ товарищи шесть человѣкъ на скоро; а атаманъ Осипъ Бѣлоусовъ съ достальными казаками оставленъ на Москву видѣть наши царскаго величества присѣѧщие очи и быть у руки въ подобное время, и отпущенъ будуть съ Москвы везадержавъ; а за тое ихъ службу нашимъ великаго государя жалованьемъ пожалованы и какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота предѣть и есауль Вахрамът Сергѣевъ съ товарищи къ вамъ на Иакъ пріѣдетъ и вамъ атаманъ и казаки, служа намъ, великому государю, вѣльни тѣхъ оговорныхъ казаковъ Сережку Онохина съ товарищи по расписки казака подъ сею Великаю Государя грамотою списавъ и заковавъ въ кандалы прислали къ намъ великому государю съ тѣмъ же есаудомъ Вахрамът

¹⁾ Въ другой грамотѣ Петра этотъ казакъ названъ Соколовымъ, такъ-же онъ названъ и въ дѣлѣ о казакѣ Кочерешкинѣ. Въ данномъ случаѣ вѣроятно ошибка, произшедшая отъ небрежности писца, склонившаго концѣ писца Казанскаго цворца.

да съ казакомъ Осипомъ Кузминымъ и съ нарочиною станицою на скоро, да о томъ къ намъ великому государю писать и велѣти отписку подать и станичному атаману авитися и тѣхъ воровъ оговорныхъ казаковъ объявить въ приказѣ Казанскаго дворца боярину нашему князю Борису Алексеевичу Голицыну съ товарищи, а одноличною вами учинить по сему нашему великаго государя указу неотложно и тѣхъ вѣхъ воровъ прислать къ намъ великому государю незамотчевъ а служба ваша у васъ великаго государя конечно забвѣна не будетъ писанъ на Москвѣ лѣта 7207 (1698) ноября въ 27 днѣвъ¹⁾.

,Роспись говорныхъ казакамъ:

Серешка Онокавъ, Маркелка Ивановъ, Оска Брезгинъ, Якушка Горшковъ, Васька Сидоровъ, Мишка Жаренаг ретька, Пашка Туровъ, Ивашка изъ Уфынечъ, Далика Ракъ, Мишка Полорать, Авдюшка Насѣдкинъ, Фелька Даши, Любашка Витошной, Першкя портной мастеръ, Овошка Уфынечъ, Ромашка Уфынечъ, Васька Осиновскій, Ивашка Уфынечъ, Федъка Выдра Котельниковъ, Тимошка Старухинъ, Федъка Бахаревъ, Ивашка Бѣлугинъ, Янкико Штыневъ, Ивашко Алимовъ, Федъка Рукавишниковъ, Бѣглецъ Ивашка Голововъ, Ульяка Большая Шапка, Денка Лотошниковъ²⁾.

Получивъ эту грамоту, войско успѣло захватить еще только девять чадъвъкъ — Маркелку Иванову съ товарищи, остальные разбрѣжались. Заковавъ ихъ въ цѣни, войско отправило ихъ въ Москву съ провожатыми, станачными атаманомъ, поѣхалъ Савелій Тамбовецъ (онъ же Тамбовцевъ). Выѣхала станица въ февралѣ 1699 года.

Дошедши до насъ грамота Петра, посланная войску, говорить подробно объ участіи заводчиковъ убийства Бѣлоусова.

Отъ Великаго Государя Цари и Великаго князя Петра Алексѣевича, — писано въ грамотѣ, — «еса великия и малыя и бѣлые Россіи самодержца за Иакъ, яицкимъ казакамъ: войсковому атаману Федору Семеникову съ товарищи, въ наѣвшемся, въ 207 (1698) году, писала ви къ намъ Великому Государю и прислали воровскихъ казаковъ атамана Никонку Коппенку да ссыльныхъ Ивашку Гавренева да Меркулку Соколова а по разспросынъ и пытаныи ихъ рѣчанъ къ убийству бывшаго атамана Иаваза Бѣлоусова къ воровству и къ шатости пущие заводчики казаки: Гришка Кочерешкинъ,

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга № 54, листы 578, 579, 580. Изъ этой грамоты видно, что съ первой грамотой, посланной на Иакъ поѣхали казаки Осипій Якимовъ и Петър Ивановъ; и свидѣтельствуетъ Кротковъ въ 1619 г. Осипъ Бѣлоусовъ говоритьъ: „и онъ Иванъ Бѣлоусовъ былъ изъ теста, а въ которомъ году убить сказать не упомяу, и въ томъ убийствѣ ѿдѣль я, Осипъ, для членътия къ Москвѣ и о смыску ихъ привозъ самъ изъ приказа Казанскаго дворца Великаго Государа грамоту“ (Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 28, листъ 1450). Подтверждение этого находимъ и въ показаніи бывшаго атамана Матвѣя Миронова: „и по убийствѣ оного атамана звать его Осипъ Бѣлоусовъ ѿдѣль для членътия къ Москвѣ и по присыпкѣ изъ приказа Казанскаго дворца товарищи ихъ единоминъзеніемъ звать были къ Москвѣ и казнены“. (Тамъ-же, листъ 1828).

²⁾ Тамъ-же. Опись 107, кн. 54, листы 578, 579, 580. Ниже грамоты и списка казаковъ помѣщена Подлинникъ Великаго Государя грамота за приказъ дьяка Артемія Волжкова, за сиражомъ подличного Тимофея Попова.

Спирка Кузнецъ, Ивашка Погадаевъ, Федыка Тюря съ товарищи всею доадцать пять человѣкъ и въ вынѣшнемъ же 207 (1699) году прислали вы изъ тѣхъ воровскихъ же казаковъ Маркълку Иванова съ товарищи девять человѣкъ, которые бывшаго атамана Ивана Бѣлоусова убить приговаривали и для воровства хотѣли идти на море и подъ наша Великаго Государя города и достальныи воровскіи казаки Оська Брезгинъ, Якушъ Горшокъ, Васька Сидоровъ, Ивашка малой Уфимецъ, Данилка Ракъ, Мишка Половотъ, Андрющка Насѣдкинъ, Любашка Витошкинъ, Першка портной мастеръ, Васька Осиновскій, Иванка Уфимецъ, Фелька Вылра Котельниковъ, Фелька Бахаревъ, Ивашка Бѣлугинъ съ Яикъ разбѣжались, и вышеписаные воровскіи казаки Маркелка Ивановъ съ товарищи девять человѣкъ въ росироѣ всѣщтокъ въ томъ воровствѣ они винились и говорили: пущіе заводчики кѣ убійству Ивана Бѣлоуса Гришка Кочерешкинъ, Спирка Кузнецъ, Ивашка Погадаевъ, Федыка Тюря, въ тѣмъ ворамъ, по нашему Великаго Государя усазу, за вхъ воровство и уинсль учинена смертная казнь: Маркелка Ивановъ четвертованъ, Мишка Жареная ретька, Пашка Турокъ повѣшаны, а достальныи Ивашка Алимовъ съ товарищи шесть человѣкъ посланы на Самару и велѣно имъ учинить смертныи казнь на Самарѣ: Ивашку Алимова четвертовать а достальныи повѣстить и какъ къ ванъ сія наша Великаго Государя грамота придется и вы бы атаманъ и казаки, служа ванъ Великому Государю, достальныи воровскихъ казаковъ пущихъ кѣ тому воровству завотчиковъ Гришку Кочерешкина, Спирку Кузнецова, Ивашку Погадаева, Федыку Тюрю обискавъ погзали на Самару за крѣвомъ карауломъ тогчасъ а за Самарѣ велѣли отдать стольнику нашему и воеводѣ Петру Баскакову, а которые прежніе казаки разбѣжались и ихъ сискивать и какъ сисканъ будеть и ихъ потомуужъ поймавъ прислать на Самару, также и впередъ, буде яватся на Яикъ изъ казаковъ или изъ приналыхъ такіе де воры, и ихъ потому перенимавъ отсыдали на Самару съ отписко а на Яикъ у себя такихъ воровъ не принимали и ведержали а присланые ваши казаки, которые были отъ васъ присланы съ провожатые за воровскими казаки и съ отписко станишные атаманы Осипъ Бѣлоусъ, Савелій Тамбовецъ, Якимъ Ивановъ съ товарищи вашии Великаго Государа пожалованы многими и съ Москвы отпущены къ ванъ на Яикъ по прежнему. Писанъ на Москвѣ лѣта 7207 (1699) апрѣля въ 17 день¹⁾.

Изъ этой грамоты видно, что посланы были Маркелка Ивановъ, Мишка Жареная ретька, Пашка Турокъ, Ивашка Алимовъ и еще пять человѣкъ, фамиліи которыхъ остаются для насъ неизвѣстными, и все они были казнены.

Но эти самые разыски не кончались. Виновныхъ въ войскѣ искали всю зиму. Весною 1699 г. новый войсковой атаманъ Осипъ Бѣлоусовъ послалъ въ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 577 и 578. Въ концѣ грамоты помѣщена: "Подлинная Великаго Государя грамота за приписко дьяка Артемы Волкова, за справою подъячето Тимофеемъ Попова".

Москву Гришку Кочерешкина, а въ отпискѣ войско написало, что Федъка Тюра въ войско явился самъ, но „онъ человѣкъ самый добрый и ни къ какой шатости въ душѣ для воровства на море и на Аграхань къ воровскому казакамъ не приставалъ и худыхъ людей слышили за такое дурно баль и атаману извѣщать. А Ивашку Погодаева и Спирьку Кузнеца иа Яикѣ не снекано для того, что до его великаго государя грамоты уѣхали въ Русь для хѣбнаго запасовъ; а какъ на Яикѣ ляжетъ и ихъ потому же пришлютъ вскоре безовскаго задержанія“¹⁾.

Трудно было отыскать виновныхъ казаковъ. Сбѣжалъ они къ калинцкому хану Аюкѣ, подъ его защиту. Въ сохранившемся клочкѣ бумаги среди калинцевъ дѣль московского архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ имѣется отрывокъ письма хана Аюки въ Москву къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, изъ которого видно, что Иванъ Бѣлоусовъ обвинялъ хана въ томъ, что онъ съ лицемъ казаковъ Иваномъ Пахомовымъ давалъ порохъ и свинецъ воровскимъ казакамъ.

„Въ прошломъ году, писать ханъ къ князю Голицыну, Иванъ Бѣлоусовъ который казнењъ, сказывалъ будто Ивашко Пахомовъ порохъ и свинецъ давалъ воровскимъ казакамъ и будто мы съ нимъ въ одномъ недоброму совѣту сложились. И то все звѣти по всему, что напрасно на насъ затѣялъ, а въ тѣхъ же числѣхъ у меня, въ улусахъ моихъ, во многихъ мѣстахъ близко меня были лицає казаки Федора Семенникова съ братомъ и со многими казаки которые... и тѣ очистилися и отпущены... и въ тѣхъ числѣхъ казаки атаманъ Осипъ Бѣлоусъ да ясауль со многими казаки со многими говорить, что Ивашко Пахомовъ безвиненъ и убоись озъ, Ивашко, въ то число не бѣль челомъ и въ прошломъ году писался къ тебѣ съ посланцомъ своимъ изъ Чечаръ-кашкомъ и просилъ чтобъ... Большую шапку, Демку Лопошникова, Ивашку Голунова и тѣхъ троихъ иѣкоторыми иѣрами освободить невозможно, я не объ нихъ бѣль челомъ братецъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, для моего прошевія Ивашку Пахомова буде возможно пожалуй указъ великаго государя съ моими посланцы пришли и буде пожалуешь по прежнему ли ему жать и служить²⁾.

Въ этомъ же дѣлѣ находится обрывокъ конца письма того же Аюки вѣроятно тоже къ Голицыну:—...Этотъ казакъ не Донской—Яицкой безвинный казакъ Иоанъ Бакури... пожалуй прикажи прислатъ грамоту запечатанную чтобъ ему ити домой, а прасланъ указъ безъ печата и онь домой ити не скинетъ. Я, Аюка руку приложилъ, печать таагуцкая“.

Прѣѣхалъ Кочерешкинъ въ Москву 27 апрѣля и сразу попалъ въ застѣновъ казанскаго приказа, гдѣ былъ разспрашиванъ и въ разспросѣ сказалъ, что онъ араамасскій лицемъ и тому назадъ лѣтъ съ ѿсѧть или больше сошелъ на Яикѣ

¹⁾ Дѣло о замѣкѣ Кочерешкинѣ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Дѣлъ. Калинцевъ дѣлъ 1700 г. № 3.

и жиль на Яикъ въ казакахъ, но атамана Ивана Бѣлоусова убить онъ не приговаривалъ и кто его убилъ и за что, того онъ не вѣдаетъ и что поклонами его не спасно.

Трижды пытали Кочерешкина, но и съ пытокъ онъ не винился. Всѣе трехъ разъ по праніланъ того времени пытать было вельзя. Не сознавшися послѣ трехъ пытокъ считался правиль. Тогда изъ Москвы послали 7 августа грамоту въ войско, въ которой велѣво было войску и атаману: „про него, Гришку, писать подлинно: къ убийству Ивана Бѣлоуса былъ пущей-ли заводчикъ и вѣтъ-ли за винъ иного какого либо воровства?“ Пятого ноября былъ полученъ на это отвѣтъ отъ войскового атамана Осипа Бѣлоуса и всего войска. Но отвѣтъ для Кочерешкина былъ неутѣшительный.

„О Гришкѣ Кочерешкинѣ мы въ кругу говорили—писало войско въ отвѣтѣ—къ воровству и убийству атамана Ивана Бѣлоуса онъ Гришка былъ пущей заводчикъ“¹⁾.

Не довезло Кочерешкину:—въ ноябрѣ въ первыхъ часахъ бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ приговорилъ:—„по разспроснымъ и пыточнымъ рѣчамъ Никонки Конѣчки съ товарищи и по отписѣ съ Яика атамана Осипа Бѣлоуса съ топариши, лицаго казака Гришка Кочерешкина за воровство и за убийство бывшаго атамана Ивана Бѣлоуса, что онъ былъ пущей заводчикъ, казнить смертю—повѣстъ“²⁾.

18 ноября Кочерешкину вручили указъ: „Илицкій казакъ Гришка Кочерешкинъ. Великій государь, царь и великий князь Петръ Алексѣевичъ, всѧ велможе и малые и бѣлые Россіи самодержецъ указалъ теба за воровство и за убийство бывшаго атамана Ивана Бѣлоуса казнить смертю—повѣстъ“³⁾.

Въ этотъ-же день повели его на казнь. Повели его подъячій Казанскаго приказа Иванъ Рыбинскій и два пристава того-же приказа Ильюшка Поланиновъ да Афонька Полозовъ; они должны были вдти на Владимирскую дорогу, где и повѣстить Кочерешкина. Но когда они почти выходили изъ Кремля, то Кочерешкинъ неожиданно для всѣхъ, проходя черезъ Спасскія ворота, закричалъ „караулъ“! и сказалъ за собой государево слово. Услыхавъ этотъ звукъ, бывшіе въ то время на караулѣ въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ солдаты полка генерала Петра Ивановича Гордона сержасть Карпъ Лукьянцовъ и рядовые Якимъ Суворовъ и Василий Рыбалковъ, согласно воинскимъ правиламъ того времени, задержали Кочерешкина и бывшихъ съ нимъ приставовъ и отведи ихъ на Погѣшный дворъ.

Допрошенный здѣсь, Кочерешкинъ рассказалъ все то, что мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, „а слово государево за иной то—говорилъ онъ—когда воръ Ивашка Шаменокъ и коронскіе казаки городокъ Гурьевъ разорили и государеву казну порохъ и свинецъ пограбили то подъ городъ ихъ подво-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

диль подводчикъ того же городка житель Иванъ Федоровъ, и онъ явился на Ольмару и быть пойманъ и присланъ въ приказъ Казанского дворца и быть приговоренъ къ смерти, а смертью онъ не казненъ потому что одобрилъ его легкой станицы Яицкаго войска атаманъ Осипъ Бѣлоусовъ, и изъ того приказа онъ освобожденъ. А атаманъ войсковой Осипъ Бѣлоусовъ писалъ за него будто къ бунту и убийству атамана Ивана Бѣлоуса онъ Гречка былъ пущий завоевчикъ, то за него атаманъ писалъ ложно, отбывая вину своей, что онъ Бѣлоусъ пущаго, вѣдомаго вора Иванашку гурьевца, который подводилъ подъ городъ Гурьевъ воровскихъ казаковъ, въ сказкѣ своей написалъ, что онъ Иванашко человѣкъ добрый и по той его сказкѣ онъ пущей воръ Иванашко отъ смерти освобожденъ*....

Кочерешкинъ во чтобы то ни стало хотѣлъ отыскать часть казни и, взявшись вины на Бѣлоусова и Федорова, предполагалъ затѣять новый сискъ и волокиту и тѣмъ дать себѣ возможность посмотретьъ на Божій снѣгъ хотя еще нѣсколько времени.

Подалъ онъ и членобитную царю. Оправдываясь въ возведенномъ на него преступлени, онъ между прочимъ писалъ: „А я холохъ твой въ томъ дѣлѣ безъ вины стражду и въ тому дѣлу ни чemu не даточаств. А иныхъ я приговоренъ къ смерти безвинно и напрасно. Милосердный великий государь пожалуй меня холоха своего:—не вели государь въ такомъ напрасномъ дѣлѣ мѣхъ холопу своему безвинно и напрасно погибнуть и вели государь то дѣло и войсковую отписку положить на столъ и досмотрѣть о которыхъ людахъ присланъ твой великаго государя указъ а и меня въ оговорѣ Никонки Копееки не явилось. Великий государь смилулся, пожалуй*.

Дѣло было передано вѣстѣ съ Кочерешкинимъ въ Тайную канцелярію, откуда навели справку въ Казанскомъ приказѣ и получили въ ответѣ обстоятельное сообщеніе о дѣлахъ на Иикѣ въ 1698 году и за какую вину приговореѧ Кочерешкинъ къ смерти. Изъ этого сообщенія вѣстѣ съ расспросами Кочерешкина въ Тайной канцеляріи намъ и стали вѣдѣмы эти немногія подробности разгрома Гурьева и убийства Бѣлоусова.

Чѣмъ кончилъ Кочерешкинъ, на дѣла не видно, оно обрывается на сообщеніи изъ Казанского приказа и вѣроатно большая половина его затерялась. Виновныхъ въ убийстве Бѣлоусова разыскивали и въ послѣдующіе годы, но подробности этихъ разысковъ до насъ не дошли. Были-ла пойманы и выданы Москвѣ всѣ виновные казаки или только часть, а остальные успѣли скрыться въ навсегда покинули переставшій быть вольнымъ родной Яикъ—незвѣдѣто. Но въ 1719 году въ войсکѣ остались не захваченные по этому дѣлу только три казака Бахаревъ, Оська Филимоновъ и Васъка Сидоровъ, разыскивавши которыхъ, пробывшій въ то время на Яикѣ поручикъ Кротковъ произвелъ допросъ почти всему войску.

Такъ кончилась въ войсکѣ одна изъ всыпешекъ старицы. Но эта всыпь была не последней. Недовольство казаковъ новыми порядками рѣзко выступаетъ

въ послѣдующіе годы въ одно золотое сминается другимъ. Казаки, несмотря на указы о высылкѣ и спискѣ бѣглыхъ и не зачисленіи ихъ въ казаки, продолжаютъ попрежнему давать пріютъ всѣмъ бѣглецамъ изъ Руси и на требованія Москвы выдать ихъ упорно отписываютъ, что такихъ у нихъ нетъ миллионы сбражали; имѣя же крайнюю нужду въ людяхъ, для безпрерывныхъ нарядовъ на внешнюю службу, послѣдовавшихъ въ первые же годы нового столѣтія,— войско пишетъ въ своихъ отпискахъ, что ихъ стало малолюдно, что Янтарь, вотчина великаго государя, оборонять стало некѣмъ, и свободно зачисляло въ казаки всѣхъ, кто приходилъ къ нему изъ Руси.

Въ такомъ положеніи находилось войско въ началѣ нового столѣтія, когда былъ навсегда рѣшенъ вопросъ о бѣглыхъ и войско, потерявъ нѣкоторыя вольности, окончательно вошло въ составъ русскаго царства, какъ область вполнѣ завасимая отъ Москвы.

ГЛАВА XIX.

Набѣги киргизъ. Волненіе въ Калмыцкой ордѣ и уходъ калмыковъ отъ Аюни-хана. Нарядъ казаковъ въ Шведскую войну, Астраханскій бунтъ и отголосокъ его въ Гурьевѣ. Башкирскій бунтъ. (1700—1708).

Вольно и просторно на широкой степи. Безъ мѣры распахнулась она зеленою гладью далеко на востокъ отъ Хвалынского моря, пестрѣя душистыми цветами, колыхая серебристымъ ковылемъ; и куда ни взглянешь—вѣтъ ей конца, вѣтъ ей краю! и вѣтъ на ней въ бугорка, въ пригорка! Лишь кое гдѣ по ея безконечной равнинѣ, по ея глади длинной цѣпью мелькаютъ курганы да, ослушавшись яз отдыхъ порою, какъ часовые, сидѣть на нихъ степные орлы—беркуты и зоркимъ окомъ сторожатъ добычу. Пустынно на этой степи—вѣтъ на ней ни одного городка, ни одного жилья. Только кочуютъ по ней дикиеnomads, берозда ея зеленый душистый покровъ изъ края въ край; тысячи табуны скота ведутъ они за собою и резь ихъ и людской говоръ да лай псовыхъ одни нарушаютъ вѣковую тишину этого дикаго поля! И лишь только въ одномъ мѣстѣ на Яикѣ едва замѣтною точкой, на всей этой необъятной равнинѣ, окруженный землянымъ валомъ и плетнемъ, гордо стоитъ единственный городокъ—гнѣздо призающихъ орловъ, передовая застава великаго русскаго царства.

И не боится безстрашные орлы ни татарь, ни калмыкъ, ни башкиръ, ни киргизъ. Предоставленные самими себѣ, отброшенные далеко отъ Руси, съ твердымъ духомъ, съ отвагой въ груди встрѣчаютъ они незваныхъ гостей: смертью за смерть, забѣгомъ за набѣгъ платятъ они дикой ордѣ. Мѣткою пулей и „вогненныемъ боемъ“ встрѣчаютъ они врага; безстрашными орлами вылетаютъ они изъ своего гнѣзда въ погоню за хищными ордами и безощадно расореввается тогда съ ними казачье копье. И страшенье врагамъ этотъ городокъ! Тысячныя полчища ихъ не разъ стараются сломить упорство орловъ—заиграсно! Казаки боятся за смерть и не сдаются своего богатырского гнѣзда, каждая пядь котораго, областа братской кровью, имъ дорога въ священна, какъ та свобода, во имя которой они живутъ здѣсь, на этой далекой запольной рѣкѣ, навсегда покинувъ свою избушку—родину Русы! Интѣ же полная опасностей и военныхъ тревогъ, можетъ быть и кратковременная, но вольная какъ вѣтеръ и свободная жизнь орла, чѣмъ тихая и мирная жизнь раба въ покинутой родинѣ.

Но времена летитъ и беззрерывныя схватки съ потомками ногаевъ и съ казаками постепенно теряютъ свой острый характеръ и бывшіе когда-то закля-

тые враги протягивают другъ другу руки и заключаютъ надолго мирный союзъ. Съ 1700 года казаки и калмыки навсегда прекратили враждебнія отношенія. Въ тоже время указомъ Петра за этотъ годъ наказывалось войску Яицкому „войвою на калмыковъ безъ великаго государя узазу и грамоты неходить и задоровъ никакихъ не чинить и о всякомъ ихъ воровствѣ писать къ государю къ Москвѣ“^{1).}

И съ этихъ поръ стихли бравые клаки на калмыцкой степи, мирно зажили два врага. Но не то было съ башкирами и киргизами. Всюду сновали эти враги. Всюду рыскали они по степи, вались вблизи городка, какъ хищная стая голодныхъ волковъ въ поискъ за добычей. Не смущали киргизъ и безордѣльныя степи.

Далеко отъ Яика за устье рѣки Сыръ-Дары при морѣ Аравльскомъ и дальше къ китайской границѣ въ сосѣдствѣ съ черными калмыками „коюною ъздою отъ Яицкаго городка два мѣсяца“ жили каракалпаки. Правиль нимъ Абалаханъ ханъ.

Рядомъ съ ними жила другая орда киргизская съ Турхай ханомъ. Водыю жили эти орды, никому они не платили дани. Занятіе въ было скотоводство и военный промыселъ. Наставть лѣто и киргизы подвигаются на западъ и начинаютъ кочевать вблизи Эйбы. Составляютъ военные отряды и тѣдутъ въ Русь за добычей. Горе попавшемуся имъ въ плѣнь, не выйти ему никогда изъ неволи — вѣчнымъ рабомъ овъ будетъ въ Хивѣ или Бухарѣ, куда отведутъ его киргизы.

И лишь только наступаетъ весна, киргизъ-кайсаки и каракалпаки уже снуютъ у Яицкаго городка, отгоняютъ рогатый скотъ и лошадей, захватываютъ казаковъ въ плѣнь. И съ временемъ богатыря Харько у преаицкихъ орловъ съ киргизами начинается бесконечный беспощадный споръ за право существованія, споръ жестокій, борьба на смерть: кто возьметъ? Цѣлая геройская эпоха! Рядъ кровавыхъ схватокъ, бесчетныхъ боевъ, набѣговъ, — борьба, полна отваги, жестокости и злобы...

Сказаній о первыхъ схваткахъ до насъ не дошло, — свѣдѣнія о нихъ побили вмѣстѣ съ дѣлами Казавскаго приказа. Объ одной изъ такихъ схватокъ упоминается въ послѣдовательній семидесятлѣтній изказній атаманъ Афанасій Даниловъ Копѣтчикинъ^{2).} Перечисляя свои службы, онъ говоритъ, что онъ „въ службѣ при яицкомъ войскѣ за пять лѣтъ до Азовскаго похода“ (т. е. съ 1690 года) и былъ въ походахъ, до Азовскаго похода: „когда казака яицкаго Кочерина киргизъ-кайсаки убили, съ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ“. Это единственный слѣдъ, дошедший до настѣ, говорящій о бояхъ казаковъ съ киргизами въ первые годы ихъ появленія на берегахъ Яика.

¹⁾ Моск. Арх. Инв. № 6. Челобитная войсков. атамана Федора Семенникова и всего войска. Страницы дѣла не нумерованы.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись № 47, дѣло № 105/4, листъ 105. Слѣдств. дѣло объ атаманѣ Притковѣ 1789 года.

Убить ли Кочергина въ бою во время похода съ этакимъ Семенниковымъ или казаки пошли въ походъ, чтобы отомстить за смерть Кочергина, краткая сказка Колбечкина наизъ не говорить. Но эти первыя схватки съ киргизами тогда происходили изрѣдка и лишь позже, когда киргизы подвинулись къ западу отъ Аральского моря и прикочевали ближе къ Янку, эти схватки принимаютъ обычный характеръ и чѣмъ дальше, тѣмъ овѣ становятся жесточеніе въ кровопролитіи и, наконецъ, съ 1701 года начинаютъ вѣдь безпрерывныхъ боевъ, набѣговъ и схватокъ. Уже съ этого года войско не живеть отъ нихъ ни минуты покоя. Киргизы не довольствуются одниши наездами на Янкъ и на Русь, а, собираясь многочисленными толпами, начинаютъ нападать и на самое гнѣздо казаковъ — на ихъ вольный Яңцкій городокъ.

Начавъ съ 1701 года, писали казаки царю Петру, — приходить къ намъ рабамъ твоимъ, подъ нашъ казачій городокъ и когда бываешь для соли и рыбы въ стыни во все годы, и до нынѣ, воинскіе люди каракалпаки и киргизъ-кайсаки большими собраніемъ и отгоняютъ у насъ конскіе и скотскіе табуны и настъ, работъ твоихъ, въ полонъ берутъ и бываютъ на смерть¹⁾.

Страшень и жестокъ былъ этотъ врагъ. Былъ у казаковъ и другой врагъ — налимы, но съ ними лицакіе казаки за семидесятъ лѣтъ соѣдской жизни уже успѣли сжиться и долгая вражда ихъ чередовалась съ миромъ — „разинренье“ сменялось „заниреніемъ“. Не то было съ киргизами. Война безвоздушная началась съ ними съ первого дня, съ первой стычки и танулась безъ одной минуты мира, безъ отдыха, безъ перерыва десятки лѣтъ. Разъ это киргизъ — то врагъ, злой врагъ въ каждую минуту и все, что носило на себѣ киргизскій обликъ, все уничтожалось, билось казаками на смерть, цѣлые аузы, старцы, жены — все истреблялось; убивались дѣти и грудные младенцы, — „вирогнуть — укусить!“ — говорили казаки и поднимали ихъ на конъя. Это была дѣсть за захваченныхъ въ плѣнъ и проданныхъ въ рабство въ Хиву казаковъ, за безвозвратно погибающихъ въ тяжелой зеволѣ, замученныхъ въ непосильныхъ работахъ ихъ братьевъ, отцовъ и сыновей. А гибли они тамъ въ далекой Хивѣ десятками, сотнями.

Тяжелая жизнь настала для Яңцкаго войска, — отовсюду грозили ему враги: киргизы съ востока, съ ювера башкиры; на западѣ боевъ о боевъ жила съ казачами, хотя и бывшая съ войскомъ въ мирѣ, во все-же хищная налимыцкая орда, отдѣлявшая казачій городокъ широкой позосомъ отъ Руси, отъ ближайшаго города Самары. Враги пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы захватить казаковъ върасплохъ и взять ихъ или ихъ имущество въ добчу. Проѣздъ былъ опасенъ. Малочисленное тогда Яңцкое войско, считавшее въ своихъ рядахъ 2600 человѣкъ бойцовъ, съ этого времени вынуждено было, отправляя въ Самару станицу для закупки хлѣба и продажи рыбы, наряжать для охраны ее чуть-ли не третью всего войска. Весеннія станицы, послѣ севрюжной плавки, съ лодками съ севрюгами и осенняя отправлялись въ Самару отъ

1) Смотри приложение XII.

числь около шести тысячъ подводъ подъ охраною тысячи казаковъ, пыхавшихъ съ пушками и всегда готовыхъ къ отраженію врага. Но и этотъ многочисленный конвой не всегда спасалъ станицу отъ разгрома ея киргизами.

Калмыки же хота и не шла открытой войною и не брали уже въ плѣнъ казаковъ, но мелкія шайки ихъ продолжали по прежнему отгонять отъ городка скотъ и ловить рыбу въ Яикѣ.

„И мы всякую отъ калмыкъ тѣсноту и великое разореніе и до нынѣ терпимъ — писали казаки въ 1701 году въ своей членобитной Петру — и рѣкоша они всему завладѣли и рыбу обловили... а мы холопы твои тебѣ, великому государю и грамоты послушаны, ходить за вими не симѣмъ“¹⁾...

Калмыки уже не боялись болѣе казачьяго копья — они были ограждены отъ него царскимъ указомъ — и несдерживаемые вичѣмъ своеизвѣличали и грабили беззаказанно казачье достояніе.

Съ этого-же года начались изъ войска безпрерывные наряды на вѣшнюю службу, ослаблявшіе и безъ того малочисленные его ряды.

Съ начавшейся войной со шведами уже въ томъ-же 1701 году изъ войска выступила въ армию станица съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Сергеевичемъ Витошновымъ въ числѣ 600 человѣкъ²⁾). Давно уже, со смоленской службы, изъ войска не бывало такого большого наряда. Но это было только начало нарядовъ, это была капля предъ тѣмъ, что предстояло войску выставить-ть себя въ слѣдующіе годы.

Въ этомъ-же году въ калмыцкой ордѣ случилось происшествіе, имѣвшее для нея большій послѣдствія.

Калмыками въ это время управлялъ ханъ Аюка, а отдѣльными родами правили три его сына: Чакдоржалъ, Сакжинъ и Гунжель³⁾.

Однажды, въ концѣ августа, во время совѣтской кочевки, старшій сынъ Аюки Чакдоржалъ, зайдя въ свою кибитку, засталъ своего отца со своей женой Тарбаджи. Возмущенный поступкомъ жены, онъ бросился на нее съ ножомъ, но подоспѣвшіе родственники и калмыки не дали совершиться убийству; взбѣшенный Чакдоржалъ, выбѣжалъ въ аулъ, сталь бранить отца и обѣ ѳго постукѣ разсказалъ всему аулу. Вѣсть обѣ этомъ быстро облетѣла всю калмыцкую орду; орда зазвонилась и весь владѣльцы вѣстѣ съ Чакдоржаломъ, а также и его родной братъ Сакжинъ, рожденный съ нимъ отъ одной матери, всѣ со всѣми своими улусами, захвативъ также почти всѣ улусы Аюка,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣль, дѣла калмыцкія 1701 г. № 6. Членобитная войск. атамана Федора Семенникова и всего войска царю Петру.

²⁾ См. прил. III. Наименовано: атаману 31 р., четыремъ осауавымъ по 25 р., 4 азамещ. по 24 р., рядовыми по 19 р. Въ членобитной войско называется погоднаго атамана Витошнова только по имени; въ показавши о своей службѣ пахадный атаманъ Болѣчевъ въ 1789 г. добавляется къ его отчеству „сы атаманомъ Иваномъ Сергеевичемъ сыномъ Витошновымъ“ (Моск. Арх. Гл. Шт., опись № 47 дѣло № 44, листъ 105).

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дѣль, калмыцкія дѣла, 1701 г. дѣло № 4, страницы въ дѣлахъ не пронумерованы. Даѣше все относящееся къ событиямъ въ ордѣ за этотъ годъ нахою имена этихъ дѣлъ.

поднялись съ своихъ кочевьевъ и ушли за р. Яикъ. Здѣсь, на лѣвѣ, недалеко отъ Яицкаго городка, у урочища Карасуны, они сдѣлали ставку и стали вести переговоры съ ханомъ черныхъ калмыкъ (джунгирцевъ), Тайюсю, кочевавшимъ за Аральскимъ моремъ на китайской границѣ.

Третій сынъ Аюки Гунжепъ, рожденный отъ другой жены Аюки, сталъ держать сторожу отца и, желая отомстить Чакдоржапу, подоспалъ къ нему зайсанга Некея, который, подѣхавъ ночью къ кибиткѣ, гдѣ спалъ Чакдоржапъ, выстрѣливъ въ него изъ ружья, зараженного двумя пулями. Обѣ пули, пробивъ кибитку, попали въ Чакдоржапа, во раны не были смертельны. Опасаясь въ свою очередь мести, Гунжепъ со своими улусами въ числѣ двухсотъ кибитокъ перешелъ на нагорную сторону р. Волги и сталъ жить въ Саратовѣ у воевода Никифора Беклемишева.

Третья часть орды подъ начальствомъ Дербетя, не приставшая ни къ той, ни къ другой сторонѣ, ушла къ Дону. Такимъ образомъ Аюка ханъ оказался брошеннымъ всѣми своими сыновьями и всею ордою. Пра немъ осталось всего только около 300 человѣкъ преданныхъ ему людей.

Во время этихъ смутъ были на ставкѣ у Аюки два лицехъ казака Василий Ивановъ и Осанка Шалъевъ; были они тамъ „ради своего нужнаго дѣла“¹⁾.

Находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ войскомъ, Аюка съ этими казаками послалъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману Федору Семенникову своихъ пословъ, которыхъ приказалъ передать войску о всемъ случившемся и просить, „чтобы Яицкое войско его, Аюка-хана, при всякой нуждѣ не покинула, чтобъ ему въ конецъ не разориться и убиту не быть“²⁾.

Казаки и послы прїхала въ казачій городокъ 1 сентября, и пра всемъ войскѣ въ кругу рассказали о случившемся. Войско, жившее послѣднее время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Аюкою, рѣшило ему помочь. Въ куреняхъ засуетились и стали готовиться къ походу и въ тотъ же день „всѣмъ войскомъ Яицкимъ куренкой атаману Федору Семенникову³⁾ со всякимъ оружиемъ и съ пушками ходили и его Аюка хана встрѣтили и привали честно и провожали до городка, чтобъ мужики за него не ударились, и отвели подъ городкомъ иѣсто кочевать вблизости, ради ратныхъ людей“⁴⁾.

Приведя Аюку къ городку и расположивъ его конемъ венчного выше по рѣкѣ, казаки поставили у его кибитки свой караулъ и послали о случившемся челобитную въ Москву. Съ челобитной побѣхалъ станичный атаманъ Вах-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣль, калмыцкій дѣлъ 1701 г. № 6: Въ этомъ дѣлѣ страницы не прошумированы.

²⁾ Такъ-же. Челоб. Яицк. войска царю Петру.

³⁾ Здѣсь въ первый разъ войсковой атаманъ одновременно называется и „куренникъ“.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣль, калмыцкій дѣлъ, 1701 г. № 6. Челобитная войсков. атамана Федора Семенникова и всего Яицк. войска царю Петру.

ромей Сергеевъ и есаулъ Герасимъ Матвеевъ съ товарищи всего шесть че-
вѣкъ. Повѣхъ съ ними посланецъ и отъ Аюка калмыкъ Чанбай.

Въ этой челобитной „запольныхъ рѣки Яику атаману—казаки: атаманъ Федоръ Семенниковъ и все Яицкое войско“ между прочимъ писали, что Аюка ожидаетъ отъ государя милости, а мочи его Аюковы усравиться съ дѣтьми не стало—люди съ пятью малымя да овь же биль челомъ, чтобы послать съ Яику яицкихъ казаковъ къ Москвѣ нарочную станицу извѣстіе тебѣ государю починить¹⁾.

Въ тоже время Аюка послать съ письмомъ калмыка Мошу въ Саратовъ къ воеводѣ Александру Новосильцеву. Извѣщая воеводу обѣ уходѣ отъ него дѣтей, Аюка писалъ, что онъ приковчевалъ къ Ницкому городку и просилъ прислать къ нему на помощь ратныхъ людей, а также и сына его Гусжена. Съ тѣмъ же посланнымъ калмыкомъ Мошой послало и войско къ воеводѣ вѣстовую отписку, гдѣ, донося о событиї, между прочимъ писало, что калмыки Чакдоржана и вси орда „зругомъ казачьяго городка съ великою ратью стойко стоять и на городокъ бить хотять въ табувъ огненъ и они казаки оғъ того опасны и стоять со всѣмъ войскомъ на караулѣ а бить на нихъ безъ государева указа не смѣютъ“¹⁾.

Къ посланной въ Москву станицѣ въ Самарѣ воевода придалъ иноземца Ивана Андреева Невѣжина и отправилъ со своими челобитьемъ²⁾.

Станица пробыла въ Москву въ первыхъ часахъ октября въ 6 числа того-же мѣсяца выѣхала обратно на Яицкъ, куда пробыли 3 ноября и объявляли въ кругу грамоту.

„На Яицкъ войскому атаману Федору Семенникову съ товарища. Вѣдомо вами, великому государю, учинилось чрезъ приславшихъ вашихъ казаковъ, что калмыцкій Аюка-Таѣша къ вамъ подъ яицкіе городка пришелъ и почуетъ въ близости, и мы, великій государь, за тое вашу службу жалуемъ васъ— милостиво похвалимъ, и какъ къ вамъ сія наша, великаго государя, грамота придетъ и выѣхъ отъ дѣтей его и отъ улусныхъ людей доберегали, и буде стапутъ наступать и вамъ бы чинить отпоръ и во всемъ ево Аюку въ улусныхъ людей оберечь, а самимъ бы вамъ безъ нашего, великаго государя, указу на дѣтей его и на улусныхъ людей войною не ходить для того, что по нашему, великаго государя, указу послано къ снажу его Аюкину Чакдоржану отъ боярина нашего князя Бориса Алексѣевича Голицына письмо съ Астраханскимъ Энз-мурзою Тимбаевымъ и велико ему о всемъ о томъ говорить и потому письму какая отновѣдь къ намъ, великому государю, къ Москвѣ будеть о томъ къ вамъ намъ великаго государя указъ присланъ будеть впередь, а какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ и выѣхъ о томъ вѣдали. Писанъ на Москвѣ лѣта 1701 года октября въ 6 днѣвъ“³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1701 года, № 8.

²⁾ Тамъ-же. Дѣлъ 1701 года № 10.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, кал. дѣла 1701 г. № 6.

Въ то время, пока станицаѣздила въ Москву и возвращалась обратно, на помощь къ Аюкѣ 16 сентября пришла — мурза Ганахай „со всѣми дѣтьми и племянниками“ а также и его сынъ Гуженъ „со всѣми своими ратными людьми“, женъ-же и дѣтей съ улусными людьми Гуженъ оставилъ на нагорной сторонѣ Волги у Саратова. Вновь прибывшіе казаки расположились кошемъ рядомъ со ставкою Аюки-хана¹⁾.

16 ноября прѣѣхалъ въ казачій городокъ самарскій воевода Василий Михайлович Беклемишевъ; вѣстъ съ казаками онъ поѣхалъ къ Аюкѣ, желая какъ нибудь примирить его съ сыновьями, но успѣха не имѣлъ.

„Дѣти мои дали мнѣ душу — отвѣчалъ Аюка Беклемишеву — чтобы нанѣжить межъ собою въ любви и быть мнѣ во всемъ послушаннымъ. Нынѣ же дѣти мои великому государю измѣнили во всѣмъ, и подъ его высокую руку идти не хотятъ. Хотать они идти въ Крымъ и на Кубань и послали туда къ Муртазалею пословъ“²⁾.

Аюка просилъ Беклемишева дать низовыхъ ратныхъ людей, чтобы повернуть дѣтей силою отъ Янка, такъ какъ они на призывъ его „безъ бою отвѣдь не пойдутъ“.

Беклемишевъ уѣхалъ въ Самару, а войско послало въ Москву снова станицу съ отпискою. Станичный атаманомъ былъ выбранъ Василий Мордовининъ, съ которымъ побѣхали три казаки отъ Аюки-хана. Тревожная жизнь была тогда у казаковъ.

Въ своей членобитной атаманъ Федоръ Семенниковъ и все войско, донося о результатахъ переговоровъ съ Аюкою, писали, что согласно посланной къ нимъ грамоты они Аюку хана всѣмъ войскомъ оберегаютъ, „а дѣти его Аюкаевы, — писали казаки, — и улусные икѣ люди безпрестанно подъ городкомъ казаковъ колютъ и въ полонъ берутъ и лошадиные и коровы табуны отгоняютъ, также Аюкаевъ улусныхъ людей бьуть и колютъ и въ полонъ берутъ и табуны отгоняютъ а мы безъ вашего государева указу бить на нихъ не смеемъ и живемъ съ велакою опаскою и бережнемъ до твоего великаго государя, указу и великую нужду войску терпимъ“³⁾.

Чтобы покончить съ казаками дѣлами и примирить отца съ сыновьями въ началѣ новаго 1702 года, выѣхалъ на Самару князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, который послалъ къ Чакдоржалу зарочныхъ и письмо съ увѣщеваніемъ примириться съ отцомъ. Одновременно съ этимъ въ февраль Янцкому войску была послана грамота, въ которой заказывалось войсковому атаману Федору Семенникову и всему войску „стеречь накрѣпко, чтобы казынскаго Чакдоржана съ улусными людьми за Янкъ не пропустить въ, буде онъ пойдетъ за Янкъ, и

¹⁾ Моск. Арх. Ин. Дѣлъ, казак. дѣлъ 1701 г. № 8. Отписка саратовскаго воеводы Новосильцева въ Москву о полученной нимъ вѣстовой отъ Янка отъ атамана Федора Семенникова, посланной съ казаками Самарской и Генгузовъ.

²⁾ Тамъ-же, дѣлъ 1701 года № 6. Членобитная Янцкаго войска.

³⁾ Тамъ-же, казынскія дѣлъ 1701 года № 6 и № 14.

вамъ ити на него войною и чинить всякой воинской промыслъ и за Уфу къ стольнику нашему и воеводѣ къ Ефиму Зыбину о томъ писали и буде вы его не пропустите и то вамъ приставо будетъ въ службу а буде онъ кочеватъ будетъ по Волгѣ и на него вамъ отнюдь не ходить и ссоръ и задоровъ не чинить и какъ къ вамъ сія ваша великаго государя грамота придетъ и вы-бъ отомъ учизили по саму нашему великому государю указу а что учнетъ чинится о томъ къ намъ великому государю писать а отписку велѣла подавать въ приказъ Казанскаго дворца боярину нашему кнзю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищи¹⁾). Получивъ эту грамоту и выбравъ походныхъ атамановъ Федора Семеникова, все нальчное Яицкое войско выступило къ ставкѣ Чакдоржана, который кочевалъ въ это время внизъ по Нику у уроцища Буянъ-Тугай. Дѣло обошлось безъ боя — казаки уговорили Чакдоржана, и призвали подъ государеву руку и смирили съ отцомъ своимъ непрежнему²⁾.

Но въ то время, когда войско шло походомъ, другой сынъ Аюки Сакжинъ, бывшій вмѣстѣ съ Чакдоржаномъ, со всѣми своими аулами въ числѣ около 15 тысячъ вибитокъ ушелъ за Нику и направился къ Зенгорскому владѣльцу Тайджѣ-хану, который былъ женатъ на дочери Аюки-хана Саперг-Джанѣ, родной сестрѣ Сакжина. Онъ былъ уже далеко въ степахъ, когда Яицкое войско подошло къ Буянъ-Тугай.

Примирившись съ отцомъ, Чакдоржанъ направился къ Самарѣ. Сакжинъ-же, прибывъ въ Зенгорію, прожилъ тамъ не долго. Тайджи-ханъ всѣхъ прибывшихъ калмыковъ распредѣлилъ по своимъ улусамъ, а Сакжина отправилъ обратно къ Аюкѣ всего съ семью человѣками. На его пропитаніе Аюка далъ двѣсти кабитокъ; но судьба преслѣдовала Сакжина: впослѣдствіи, будучи на Волгѣ, онъ ночью вмѣстѣ съ женой сгорѣлъ отъ взрыва пороха, бывшаго въ его кибатѣ³⁾). Узнавъ отъ войска, что Чакдоржанъ пошелъ съ улусами за Самару, Аюка тоже откочевалъ отъ Яицкаго городка и пошелъ на соединеніе съ сыномъ. Въ Самарѣ ихъ ждали кнзю Голицынъ. Здѣсь состоялось примиреніе при чемъ пять человѣковъ изъ знатныхъ зайсангоевъ, которые уговорили Чакдоржана идти противъ отца, были сосланы въ Астрахань⁴⁾.

Яицкое-же войско по просьбѣ Аюки стало съ этого времени держать при немъ нѣсколько казаковъ „для вѣстей“, чтобы всегда имѣть свѣдѣнія о дѣлахъ въ ордѣ и въ случаѣ нового послушанія цѣтей придти во время на помощь къ Аюкѣ. Съ этого-же времени въ ордѣ начался разладъ — дѣти Аюки

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1702 года № 5. Вилю грамоты помѣта: „Пи-сано на Москву, лѣта 1702 февр. вѣ., ?“ дена.

²⁾ Смотри приложение XII.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Ил. Дѣлъ, калмыцкія дѣла, 1701 г. № 4.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1701 г. № 4.

и другіе сильные владѣльцы перестали безпрекословно подчиняться Аюкѣ и одно непослушаніе слѣдовало за другимъ.

Уже въ слѣдующемъ-же 1703 году 4 марта войсковой атаманъ Осипъ Васильевъ и все Янцкое войско писали въ Сакмару воеводѣ Василию Беклемишеву: „Письмо къ намъ на Янкъ калмыцкій Аюка Тайша съ луговой стороны и прислали своихъ калмыцкихъ посланцевъ чтобы замъ казакамъ жить съ береженiemъ потому что Чемидъ-мурза и сынъ его Аюкинъ Гундѣлекъ вошли за Донъ съ малыми своими людьми да Чеганахаевъ сынъ Араптанъ, откочевавъ отъ Волги, вошелъ за Камышъ-Сакмару; и съ Дону отогнали табузы да писали-жъ къ замъ казакамъ наши казачки вѣстовщики, которые живутъ для вѣдомости у него Аюка, что у нихъ калмыкъ у Аюка съ сыномъ Чандоржапомъ между собою не единомышленное помышленіе и сопствству не быть“ ¹⁾.

Въ Башкирии было тоже неспокойно. Въ томъ-же году въ своемъ письмѣ къ Головину Аюка жалуется на башкиръ, что они разорили шедшихъ съ вѣстами изъ Уфимскаго уѣзда калмыкъ, которые, прибывъ къ нему на ставку, заявили, что „башкирцы четыре тысячи человѣкъ войною поднялись и хотятъ ити на Янкъ на тѣмъ мѣста, здѣ осенюю городъ разорили“ ²⁾.

Какой это городъ, въ письмѣ не указано. Быть-ли это какой либо казачій городокъ въ верховьяхъ Янка или другое русское поселеніе — неизвѣстно; крестьянскихъ русскихъ поселеній въ то время на Янкѣ не могло быть и вѣроѣтѣ всего, что это былъ казачій городокъ при устьѣ р. Сакмары, где жили янцкіе казаки, — городокъ, о которомъ упоминается при переписи Захарова, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Этотъ-же годъ принесъ казакамъ новую печаль: бѣглыхъ снова приказывалось не принимать подъ страхомъ жестокаго наказанія и въ тоже время потребовали въ армію на войну со шведами еще станицу въ 500 человѣкъ. Съ этой станицей отправился походнымъ атаманомъ Дмитрий Мироновъ ³⁾. Цѣлое лѣто эта станица пробыла въ арміи и по обычаю того времени поздней осенью была отпущенна обратно на Янкъ.

Между тѣмъ въ степи было неспокойство. 11 июня 1704 года въ казачій городокъ вернулась изъ калмыцкой орды посланная туда отъ войска „для войсковыхъ нуждъ“ казачья станица; въ войсковомъ кругу предъ войсковымъ атаманомъ Вахромѣемъ Серѣзевымъ прибывшіе казаки объявили, что „слышали они въ ордѣ подленно, что собираются калмыки большими собраніемъ, а ити они хотятъ войною подъ Уфу и подъ Уфимскій уѣздъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Инстр. Дѣлъ, калмыц. дѣлъ 1703 г. апрѣля 9 № 8.

²⁾ Тамъ-же, калмыц. дѣлъ 1703 года, № 2.

³⁾ Смотри приложение XII. Наики дано: атаману 30 р., двумъ есауламъ по 22 р., 4 изменикамъ по 20 р., рядовому по 18 рублей.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, калмыц. дѣлъ 1704 г. августа 9 и 18, № 4.

Войско донесло объ этомъ вѣстовою отпискою Самарскому воеводѣ *Петру Яковлевичу Новосильцеву*.

Но едва уѣхала станица съ отпискою, какъ 17 іюна въ городокъ къ казакамъ „выѣхалъ изъ калмыцкой орды выходецъ“. Снова среди куреней собрались кругъ—казаки стали „по своей казачей обычности того выходца о вышеизсказанныхъ вѣстяхъ спрашивать“ и выходецъ „при всемъ войскѣ Янцкомъ“ скажаль, „что подлинно они калмыки и рѣчами своими похваляются что имъ ятти великии собраниемъ войной подъ государевы города подъ Самару и подъ Уфимскій уѣздъ“ ¹⁾.

Снова снарядили казаки станицу съ вѣстовою отпискою въ Самару. Поѣхалъ съ нею станичный атаманъ *Лукьянъ Васильевъ* съ товарища четыре человѣка. Поѣхала съ ними изъ городка пять человѣкъ калмыкъ, посланные отъ Аюки-хана съ письмомъ къ Самарскому воеводѣ Новосильцеву. Станица прибыла въ Самару 21 іюня. Аюка жаловался на башкиръ. Отъ его сына Санжепа шли къ Аюкѣ двѣсти кибитокъ калмыкъ, по дорогѣ заезжали на нихъ башкиры и половину взяли въ пленъ. Просилъ онъ разобрать это дѣло, а также вернуть отъ башкиръ 300 лошадей и 245 барановъ, которыхъ отогнали у него башкирцы въ 1702 году, когда онъ стоялъ у Янцкаго казачыаго городка.

Самарскій воевода самъ рѣшилъ этого дѣла не мочь и отправилъ казаковъ къ калмыкамъ къ воеводѣ въ Уфу.

Тревожныя вѣсти получились въ Самару и отъ воеводы *Ивана Башмакова* изъ только что построеннаго городка *Дмитровскаго*. Калмыки потравили и потоптали всѣ луга около городка „и дмитровскіе всакихъ чиновъ жители отъ того ихъ калмыцкаго насилиства стали безъ сѣѧ“... Занялись калмыки и грабежомъ. „Да оникъ калмыки чинять бой и драку и обиды многіе— писалъ Башмаковъ въ Самару— многихъ людей грабить и лошадей отгоають а изыхъ стрѣляютъ изъ луковъ и оттого ихъ воровства и озорничества градскимъ жителямъ многимъ чинится разореніе великое“ ²⁾.

Виновниками этого былъ калмыцкій владѣлецъ Чагаинъ-хай и его сынъ *Араптанъ*. Въ сентябрѣ Новосильцевъ получилъ грамоту, въ которой ему приказывалось „за то ихъ воровство ятти на нихъ Чагавахая и Араптава и на улусы ихъ войною, соединясь съ уфимцами и съ башкирцами и съ лицикими казаками большими собравиющими и улусы ихъ искоренить, а буде каѣвъ мочно взять ихъ самихъ Чагавахая и сына его Араптава“ ³⁾). Идти въ походъ воевода должна была быть по получении грамоты и по сборѣ войскъ. На Уфу же къ башкирцамъ и къ Янцкому войску о выступлениіи въ походъ на калмыковъ была послана особыя грамоты ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ик. Дѣль, калмыц. дѣла 1704 г. августа 9 и 18, № 4.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, дѣла калмыцкія 1704 г. № 7.

⁴⁾ Тамъ-же.

Чѣмъ кончился этотъ походъ и долго-ли онъ продолжался, сейдѣйшій въ дѣлахъ нѣтъ.

Въ это же лѣто войско получило слова указъ о высылкѣ въ армию снова 500 человѣка казаковъ! И гѣвова двинулась казачья станица. Повелъ ее походный атаманъ *Матвій Гекуновъ*¹⁾. Пришлихъ нельзя было приверстывать къ казаки. Между тѣмъ за Яикъ бѣжалъ вародъ изъ Руси со всѣмъ концомъ. Рекрутскіе наборы, прослѣдовавшіе всего, что висило на себѣ слѣды старой Руси—городъ, древняго русскаго платья,— всего того, что до сихъ поръ было дорого и свято русскому человѣку и отличало его отъ иноземца въ составляло его неотъемлемое національное наслѣдство— все, что могло говорить ему, что онъ русскій, что онъ сынъ великой Россіи— все это гналось, билось, уничтожалось. То, что когда то было дорого русскимъ царямъ, за что карали они саморѣжестокую казнью, теперь вводилось въ жизнь подъ страхомъ той-же казни и жестокаго наказанія.

Бороды приказано было брить. Между тѣмъ даже знаменитый по своему голенищамъ старообрядецъ патріархъ Киръ-Іоакимъ отлучалъ за брадобрѣтие отъ церкви, отлучасть даже тѣхъ, „которые съ брадобрѣйцами общеніе имѣютъ“. Прееманъ Іоакимъ, Адріанъ издалъ также посланіе противъ брадобрѣтия „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псыамъ“; патріархъ страшаль русскихъ людей вопросомъ: если они обрѣются бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: „съ праведниками-ли, украшенными брадой, или съ братими еретиками?“²⁾). Бороды, къ стыду русскаго народа, брали; указъ за узомъ повелѣвалъ носить нѣмецкое платье всѣмъ чинамъ, кроме духовенства; „носить платье нѣмецкое, верхнее саксонское и французское, а исподнее— камзолы и штаны, и башмаки и шапка нѣмецкія и єздать на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ такъ-же и попаданьи и дѣлконыцѣ въ церковныхъ прачетниковъ и драгунскими и солдатскими и стрѣлецкими жеезаны и дѣтланы ихъ носить платье, и шапки, и кунтуши, а исподнія бастроги, и юлки, и башмаки нѣмецкіе же“³⁾). Все же русское приказано было отнюдь не носить подъ страхомъ жестокаго наказанія. Купцамъ, которые рѣшились бы торговатъ русской одеждой, грозила каторга въ отображеніе имущества на государя. Указы доходили до мелочей: „чтобы съ сего времени,— говорится въ указѣ изъ нихъ,— вперед скобами и гвоздями, чѣмъ сапоги и башмаки пунскіе и женскіе подбивали, никто не торговалъ“. Приказывалось, что бы онъ не быть, никому въ не носить и за то и за другое полагалась каторжная работа⁴⁾. Старообрядцы, не желавши брить бороды, были обложены двойной податью и обязаны были носить особый знакъ, дававшій имъ право ходить съ бередой.

¹⁾ Смотри приложение къ Ж. Наскѣндано: атакану 28 р., есауламъ 4 по 22 р., 4 знаменщикамъ по 18 р., рядовымъ по 15 р. и отъ казны на подъемъ раздано въ Самарѣ по 5 рублей человѣку.

²⁾ Устраловъ, Исторія Петра Великаго, томъ 3, страница 193.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 15, глава 2.

⁴⁾ А. Н. Филипповъ, Русское Право, часть 1, страница 517.

Въ городахъ по улицамъ были повышены чучела — образцы нѣмецкаго платья.

Обезвличенный, потерявшій национальный обликъ народъ заропталъ. Неудовольствія вспыхнули и у стрѣльцовъ и на окраинахъ.

Въ то суровое и далекое время темнота царила кругомъ, охватывала всѣ слои общества съ самаго верха до низа: сверху съ непонятной и винчѣмъ не оправдываемой жестокостью и ненавистью рубили съ плеча все тысячелѣтнее национальное наслѣдіе Руси — обычаи, привычки, вѣшность, одежду, — снизу бурно и не мѣре жестоко протестовали. И народъ бѣжалъ толпами на Яикъ и на Донъ.

Ближайшиe же сосѣди яицкихъ казаковъ астраханцы, доведенные преслѣдованиемъ всего русскаго до крайняго озлобленія, въ 1705 году поднимаютъ звуки возстанія, встаютъ на защиту древнерусскихъ обычаевъ — за бороду и за русское платье.

Этотъ буйство, едавъ всѣ склонившій всѣ казачьи войска, интересенъ тѣмъ, что оно рѣзкими штрихами рисуетъ жизнь казачества и южнаго новолужья того времени, еще не забывшихъ времена Рязана и бывшую вольную жизнь:

Въ это время въ Астрахани былъ воеводою Ржевскій; какъ большинство представителей тогдашнаго бюрократического строя, воевода Ржевскій былъ и взяточникъ и лихоманецъ. Получивъ указъ о брадобритіи и о нѣмецкой одеждѣ, онъ ретко принался за дѣло. Добровольцевъ подчиниться этому указу не находилось. Стали брить силомъ.

Междусобіе училось за брадобритіе и нѣмецкое платье — писали впослѣдствіи астраханцы въ своей повинной, — и отъ многихъ воеводъ Ржевскаго и полковниковъ и начальныхъ людей для взятковъ, налоговъ и обидъ. Воевода не дать срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти посыпалъ по иногдѣ праздники и воскресные дни капитана Глазунова да астраханца Есреннова къ церкви и по большимъ улицамъ и у мужскаго и женскаго полу русское платье обрѣзывали не по подобию и обнажали предъ народомъ, и усы и бороды ругаючи обрѣзывали съ мясомъ... А полковники и начальные люди нѣмцы, ругаючись христіанству, многіе тагости имъ чинили и беззакона били въ службахъ по постыніи днамъ мясо есть заставляли и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили¹⁾.

Народъ волновался. Въ это время явился въ Астрахань изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ.

„Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани народъ смутишь, — говорилъ ему родной его дядя Иванъ Суговай, отправляя его въ Астрахань: — и Донъ и Яикъ потянутся съ вами-же, — кому противъ васъ быть противницъ? Государь бѣется со шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть въ тѣ того же желаютъ и рады вамъ будуть, можно старую вѣру утвердить²⁾.

Съ появлениемъ этого послы дѣла въ Астрахани сразу измѣнились.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рус., т. 15, глава 2.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 15, глава 2.

Стрѣльцы и обыватели стали открыто роптать и когда въ концѣ юля рас-
простралился слухъ, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ и что
дочерей и сестеръ проказано будетъ выдать замужъ за пѣнцевъ, обыватели
пришли въ волненіе и 29 юля было сыграно до ста свадебъ,—спѣшили вы-
дать дѣвицъ до получения указа. Свадьбы же обошлись безъ пара. Во хмѣлѣ
заговорили страсти и неожиданно для всѣхъ вспыхнула бутий. Воину Ржев-
скаго, вѣмѣцкаго полковника Девиня и другихъ убили. Кажды по времена Разина,
астраханцы устроились по-казачьи. Начальные люди были выбраны изъ же-
телей. Атаманомъ назначили Якова Ивановича Носова, придавъ ему есауломъ
и старшинъ. Черный Яръ, Гурьевъ и Красный Яръ объявили себя за Астра-
хань. Всѣдѣ было аведено излюбленное народомъ казацкое самоуправлѣніе съ
выборными начальниками и старшинами. Съ атаманомъ Носовымъ говорили
не иначе какъ спавши шапку. Каждый его приказъ исполнялся безпреко-
свенно.

Жители Астрахани вмѣстѣ со стрѣльцами и казаками основали вольную
общину „Астраханское войско великое“. Тоже сдѣлали города Черный и Крас-
ный Яръ, гдѣ жители вмѣстѣ со стрѣльцами образовали Черноярское и Крас-
ноярское войска. Жители г. Гурьева стали называть себя Яицкое войско.
Такъ была еще живая тогда въ народѣ жажда къ свободѣ; духъ Разина и
казачинъ не умеръ—онъ вспыхнулъ снова и разбуялъ въ народѣ живите
въ чёмъ въ неясныхъ и едва уловимыхъ намекахъ желанія быть вольнымъ и
свободнымъ, воскресилъ въ немъ жажду къ самоуправлѣнію, тѣѧвшую едва
замѣтною вскрою въ тайникахъ его изболѣвшей души. Воля была объявлена;
заповѣдныя мечты народа были проведены въ жизнь. Новые общины,
казачьи республики, заговорили, зашумѣли.

Имъ нужна была поддержка.

Но къ кому-же обратиться имъ за помощью какъ не къ казакамъ? Они
только одни могли понять ихъ, и одни помочь имъ.

Полетѣли грамоты: на Донъ, на Якъ и на Терекъ.

„Атаману войсковому Вахрамью Серпьевичу¹⁾ да Федору Петровичу
и всему вашему Донскому и Яицкому войску²⁾ насало вновь образованшееся
Астраханское великое войско яицкихъ казакамъ:—изъ Астрахани въ разныхъ
разныхъ городовъ: Ярославецъ гостиные сотни 1 статья Яковъ Носовъ, Мог-
сковитинъ Артемий Авицифоровъ, да Сибиревинъ гостиные сотни Осипъ Таер-
дашевъ, да Нижегородцы посадские люди: Борисъ Докукинъ, Петръ Скури-
динъ, Павловцы: Илья да Василий Башловы, да бурнитры дѣлового двора:

¹⁾ Вахрамъ Сѣргьевичъ—атаманъ Яицкаго войска, фамилия его, какъ вообще большинства ат-
амановъ, неизвѣстна, т. к. тогда простой народъ за весьма малымъ исключеніемъ фамилии не имѣлъ.

²⁾ Такъ часто называлось Яицкое войско, это видно изъ списковъ, посланныхъ въ 1718 году изъ
Киева пѣнскимъ казакамъ въ Яицкое войско по адресу: „всему великому Донскому Яицкому войску“,
а также изъ другихъ документовъ.

Углещенинъ Филипъ Калистратовъ, Михайло Назаровъ, Сибиренинъ посадскій
человѣкъ Петръ Духовъ, Нижегородецъ Константинъ Ивановъ, да Асторахан-
скіе жители гостинныя сотни Иванъ Артеньевъ, да земскіе буринстры Атапа
Ермодаевъ, Алексѣй Башниковъ, Василій Яковлевъ, Гаврило Гавчиковъ,
Иванъ Севринъ, да Астораханскаго города ковныхъ полковъ пятидесятники:
Алексѣй Потапьевъ, Марко Петровъ, Прокофей Носовъ, Торопчанинъ Иванъ
Крыловъ, Иванъ Балахна, Салдатскаго полку сержанты: Петръ Крашенинни-
ковъ, Семенъ Исаевъ, Михайло Котовъ, Мѣтвѣй Афанасьевъ, Московскаго
полку пятидесятники: Алексѣй Афанасьевъ, Дмитрій Алексѣевъ, Агѣй Ни-
китинъ; пѣшихъ трехъ полкою: Иванъ Молотокъ, Федоръ Куярлевъ, Иванъ
Било, Артемій Волковъ, Григорій Коцневъ, Родіонъ Грѣковъ, Яхтискаго
полку сержанты: Никита Баскаковъ, Артемій Скорняковъ, и все что въ Асто-
раханіи есть челомъ бьють; вѣдомо мы вамъ чинимъ что у насъ въ Асто-
раханіи учивалось за вѣру христіанскую, за брадобритіе, и за цѣнцкое
платье, и за табакъ, и что къ церкви Божіи наасъ и нашихъ женъ и
дѣтей въ рускомъ старожиль платьѣ не пущала, а которые въ церковь Божію
войдугъ и у тѣхъ у нашего мужскаго и женскаго полу платья обрѣзывали
и отъ церкви Божіихъ отлучали и выбивали вонъ и всякое ругательство
намъ и живамъ нашимъ и дѣтямъ чинили, и болваномъ кумирскими Богомъ
вельми поклонятаися и мы у начальныхъ людей въ домѣхъ вынули кумирскихъ
боговъ; да въ прошломъ 704 году наложила на насъ и имали банныхъ дненгъ
по рублю, да за насъ же вельми иная съ погребовъ со вские сажени по
гриваѣ, да воевода Тимофей Ржевской и начальные люди полковники и го-
ловы хотѣли у насъ все ружье обратъ и побить насъ до смерти, да у насъ
же хлѣбное жалованье безъ указу отними и давать не вѣдѣли, и мы о томъ
многое времѧ терпѣли и посовѣтавъ межъ собою чтоѣъ намъ вѣры христіян-
скіе не отбыть и болваномъ кумирскими Богамъ не поклоняться и напрасно
смертою душою съ женами и съ дѣтьми вѣтко не умереть, и за то что намъ
стала быть тягость великая и мы того не можая терпѣть и вѣры христіян-
скія отбыть противъ ихъ противились и изъ нихъ убили до смерти, а вымытъ
за карауломъ посадила, и вы атаманы — казаки и все войско Донское и
Яицкое пожалуйте посовѣтавъ межъ собою и за вѣру христіанскую съ нами
вмѣстѣ постойте обще и къ намъ въ Асторахань вѣдомость учите, а мы
засъ атамановъ казаковъ ожидаемъ и на васъ надѣемся; да намъ же вѣдомо
чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей что въ Казань
и въ иныхъ городехъ поставлены иѣмцы по два и по три человѣка на дворы
и тамошнимъ жателемъ въ живанъ ихъ и дѣтамъ чинили угѣсненіе и руга-
тельство по вышеписанному какъ и намъ было въ Астораханіи отъ наихъ
тягость и убивство служилымъ людемъ до смерти, да дѣлъ Семенъ Василь-
евъ подалъ въ войско письмо своей руки, а въ немъ написано: учениль д/
Тимофей Ржевской вельми ружья отобрать собою безъ указу великаго го-
сударя и безъ грамоты и товарищу своему Никитѣ Онухтину не сказывали

и всякиа дѣла дѣлали собою безъ товарыша и его де заставливали помѣчать въ неволю и во многія посылки и въ частны работы служилыхъ людей, и за море посыпали, угоождающи торговыхъ людей для своихъ приходовъ и корысти, и мы отъ того розорились, а онъ де дѣялъ и товарищъ Никита Осухтичъ говорили ему и синь де насть ви въ чёмъ не слушали, также и обѣ иныхъ належащихъ вами нуждахъ, которые вы по приказу его дѣлали и труды свои возлагали по его воли напрасно, и искавъ въ приказной палатѣ ради себя и всѣхъ васъ служилыхъ людей и всѣхъ Астораханскихъ жителей кои были вами въ тѣгости и на обличеніе ему; и для того вами атаманы казаки послали мы нарочно изъ Астораханы посыпщиковъ нарочныхъ добрыхъ людей Астораханскихъ жителей розныхъ чиновъ людей, а съ сею отпискою посланными наши къ вамъ въ войско Астораханскіе жители" ¹⁾.

Кто былъ Федоръ Петровичъ—неизвѣстно, вѣроятно, войсковой дѣялъ на Янкѣ. Кумирскими богами въ глазахъ астраханцевъ явились введеніе Петромъ парики, которые обычно вѣлялись на болванки—эти-то болванки съ париками и назывались, доселѣ неиздавшій ничего подобнаго, темный народъ кумирскими богами.

Точная копія съ этой грамоты были посланы на Терекъ къ гребенскимъ казакамъ и на Донъ.

Въ концѣ грамоты къ гребенцамъ астраханцы пишутъ: „а въ томъ вишеши слушать свидѣтеля наимъ Яицкіе казаки: Никита Степановъ, Терентій Лукозиновъ, Антонъ Бабушкинъ, Федоръ Косухинъ, Михайло Степановъ, а съ сею отпискою посланными наши къ вамъ въ войско Астраханскіе жители".

Эти яицкіе казаки находились, вѣроятно, въ Астрахани или по своимъ дѣламъ или выѣхали изъ войска для вѣстей. Астраханцы же упоминаніемъ о свидѣтеляхъ яицкакъ казакахъ желали лишь подчеркнуть терпѣмъ, что Яицкое войско имъ сочувствуетъ. Но сочувствовало-ли Яицкое войско затѣмъ астраханцевъ, отвѣта мы не вѣремъ—обѣ этомъ нигдѣ не говорится въ актахъ. Помочь астраханцамъ яицкіе казаки по своему малолюдству конечно не могли, не до этого имъ было. Ихъ осталось на Янкѣ всего полторы тысячи—они едва-едва могли лашь оборонять свои курени въ оставшіася семи ушедшихъ въ Шведскій походъ казаковъ.

Довѣра на призывъ не откликнулись и схватили астраханскихъ посланцевъ. Тамъ старшинская партія, поддержанная Москвою, была уже на столько сильна, что голитьѣ нечего было и думать о какомъ-либо проявленіи сочувствія къ астраханцамъ.

Откланянулись только терцы; но и они кромѣ сочувствія астраханцамъ предоринать вичего не могли; ихъ было очень мало, какъ и яицкыхъ казаковъ. Любопытна яхъ грамота; интересна она уже потому, что представ-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Секретная дѣла Тайной Канцеляріи, по описи № 288, столбецъ № 1144, листы 264, 265 и такая же грамота къ Гребенскому войску, листы 232—234.

дает одинъ изъ рѣдчайшихъ документовъ, дошедшій до нась, какъ образчикъ перенески между казачьими войсками, любопытна и по духу, заключающемся въ ней рѣзко характеризующему взглядъ терцавъ на совершающееся событие.

„Отъ терскихъ и гребенскихъ атамановъ-казаковъ, — писали съ Терека астраханцы, — войскового атамана Кирила Федорова съ товарищи и отъ всего войска Терского и Гребенского Астраханскому царству войсковому атаману Якову Иванову Носову и всемъ старшинамъ конныхъ полковъ, пятидесятинамъ и десантникамъ и вѣтшамъ и тысячныхъ салдатскихъ и куоцкихъ юдены и всемъ обрѣтающимся въ Астрахани множество лѣть здравствовать и въ вѣрѣ Христовѣ пребывать не отступно; а что писали къ намъ вы, что у васъ стало сметение за вѣру христіанскую и за брадобритіе и за нѣмецкое платье мужское и женское и за табакъ и за отлученіе церкви Божія и мы атаманы-казаки ради за вѣру Христову и за брадобритіе и за табакъ и за нѣмецкое платье мужское и женское и за отлученіе церкви Божія стоять и умирать и вы атаманы-казаки: войсковой атаманъ Яковъ Ивановъ Носовъ и все великое Астраханское войско и все православное христіанство не прощаватесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому, что живымъ Богомъ клянемся, не возможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что нась малое число, а съ ордою со всемъ не въ меру, чтобы насть атаманы и казаки войсковой атаманъ Яковъ Ивановичъ и все великое Астраханское войско по прежнему огъ орды жень и дѣтей не потерять, и выѣд садимъ въ осадѣ, а кто у насъ будетъ охотниками и мы тѣхъ ве держимъ за вѣру Христову стоять и умирать; и нынѣ къ намъ князь Кургока Большой Кобарды и вся орда присылаютъ къ намъ въ грозить и хотить его великаго государя отчини разорить, и нынѣ у насъ подъ городомъ люди градскіе пропадаютъ, и у васъ казачьихъ городкахъ казаки пропадаютъ; и атаманы-казаки войсковой атаманъ Яковъ Ивановичъ и все великое войско Астраханское ради бы мы всею душою и всемъ сердцемъ вкуи съ вами за вѣру христіанскую стоять и умирать потому, что малое нась число; въ ордѣ живемъ и съ тою же въ меру—войзу и уѣснєвіе великое отъ нихъ терпимъ; невозможно намъ вамъ помочь дать за вѣру христіанскую, охотниковъ не держимъ; вѣдаете вы и сами у насъ 50 человѣкъ служить ему великому государю подъ Ригою. За симъ здоравствуйте о Христѣ на вѣси и въ вѣрѣ Христовѣ пребывайте, а сіе письмо писать по ихъ атамановъ казаковъ величью тѣхъ же Терскихъ и Гребенскихъ атамановъ-казаковъ. войсковой подьячей Мартынъ Андреевъ. Къ саму письму печать войсковая (за оборотѣ) къ саму письму вмѣсто войскового атамана Кирила Федорова и ставишихъ атамановъ: Гладкова ставица Бориса Иванова, Шадрины ставица Дмитрія Андреева, Чорленской ставица Афонасія Федорова, ставица Шевельевы Федора Курносса, Аристовы ставица Ивана Арнаутова, Яковлевы ставица Василья Иванова, Нижнева Черленнова Ивана Бобка и всего войска великаго Гребенского по ихъ величию ихъ же казаковъ попъ Ми-

хайла Барновъ въ свое мѣсто руку приложилъ¹⁾.

Охотниковъ, пожелавшихъ идти къ астраханцамъ, терцы не задержали, и въ августѣ двинулась съ Терека станица въ 144 человѣка съ походными атаманомъ Авдреемъ Прокофьевымъ въ числѣ ихъ были: „Московскаго вин-
пissного полку 18 чел., Некрасова (полку) 100 чел., да гребенскихъ каза-
ковъ 26 человѣкъ“²⁾.

Пришли терцы съ этой станицею и своего казака Матвѣя Бурляя, съ
особою грамотою, для сбора денегъ.

„1705 году августа въ 9 день,—гласила грамота,—Терскии и Гребен-
сихъ атамановъ-казаковъ отпущенъ и отъ всего войска Терского и Гребен-
ского войскового атамана Кирила Федорона съ товарыши отошли своего
казака Глатковской станицы Матвѣя Иванова Бурляя ни тата, ни разбой-
ника, ни злыхъ всѣхъ дѣлъ дѣлатела—добраго казака, того ради, что тотъ
казакъ, Матвѣй Ивановъ, сталъ за православныхъ христіянъ и того татары-
на бѣль до смерти, и тотъ татаринъ нача похвалатися, что де въ вѣсъ на-
ревель, иныхъ людей русскихъ многихъ продавалъ и за то, тотъ нашъ ка-
закъ Матвѣй Ивановъ, не теряя его татарина похваленія въѣдая все, что
тотъ тако содѣявалъ и за то его убиль; и мы Терскіе атаманы-казаки,
убоясія всей орды, велили ему платить за кровь 100 рублевъ и нынѣ тотъ
казакъ заложилъ жену и дѣтей своихъ и хощетъ Христовыми именемъ же-
ну и дѣтей своихъ освоболить, и до того нашего казака Матфея Иванова
вѣть изъ какого дѣла, и не держать его ни въ чёмъ; пожалуй государь
Астраханской войсковой атаманъ Яковъ Ивановичъ съ товарыши я все пра-
вославное христіянство велите тому нашему казаку Христовыми именемъ въ
царствующемъ градѣ походить и жену и дѣтей своихъ освободить. Войсковой
атаманъ Кирила Федорова и все войско Астраханскому войсковому Якову
Иванову Носову здравствовать на вѣки. Пожалуйте, будте милостивы до на-
шего казака Матфея Иванова; за симъ здравствуйте о Христѣ вѣкъ“³⁾.

Не менѣе любопытныя свѣдѣнія дошли до вѣсъ о жизни за это время въ
г. Гурьевѣ. Изъ переписки вновь образованаго тамъ „Яицкаго войска“
съ астраханскимъ атаманомъ Носовымъ видна вся жизнь г. Гурьева за это
время. Писемъ этихъ сохранилось вѣсколько, о всемъ, что только происхо-
дило въ Гурьевѣ немедленно же доводилось въ Астрахань. Всѣ грамоты Яиц-
каго войска начинались словами: „Астраханскимъ старшинамъ: Якову Ива-
новичу, Гаврілу Даріонову съ товарыши и всему Астраханскому великому“

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретниа дѣла Тайной Канцелярии 1614—1722 г., опись 288, столбъ 1144, листы 26—27. Изъ листѣ 82 того же дѣла видна вся жизнь г. Гурьева за это
время. Писемъ этихъ сохранилось вѣсколько, о всемъ, что только происхо-
дило въ Гурьевѣ немедленно же доводилось въ Астрахань. Всѣ грамоты Яиц-
каго войска начинались словами: „Астраханскимъ старшинамъ: Якову Ива-
новичу, Гаврілу Даріонову съ товарыши и всему Астраханскому великому“

²⁾ Тамъ-же, листы 199—201.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретниа дѣла Тайной Канцелярии 1614—1722 г., опись 288, столбъ 1144, листъ 52.

войску, Яицкаго Гурьевна городка старшина Максимъ Ивановъ и все Яицкое войско челомъ бывть”

Жизнь въ Гурьевѣ въ это время быда беспокойная. Гарнизонъ городка составляли красноярскіе стрѣльцы—годовальщики съ сотникомъ Степаномъ Котловскимъ и солдаты. Быль августъ иѣсяцъ. Казенный хлѣбъ быль на исходѣ; стрѣльцы начали голодать. Они стали бить членомъ въ Астрахань о перемѣѣ ихъ: „помираютъ съ голоду,—писалъ Котловскій Носову,— хлѣба ничего нѣть, денежнаго и хлѣбнаго жалованья Петровскаго сроку въ нынѣ служильмы людемъ на Яикъ не прислано, наги и босы, а приходить времѧ зимнее”¹⁾.

Въ это времѧ прибылъ изъ Астрахани въ Гурьевъ „морской стружекъ Астраханскаго городового воротника” Афанасій Мещерякъ; привезъ его изъ Астрахани прікащикъ его Афанасій Смирновъ. Стружекъ быль съ хлѣбными запасами, которые Смирновъ долженъ быль сдать гурьевскому жителю переведенцу (переселеному изъ другихъ городовъ) Константину Никитичу, для продажи и для иѣны съ калмыками. Но когда Смирновъ присталъ къ берегу, то Котловскій, виду дошедшихъ въ Гурьевъ слуховъ, что Мещерякъ бѣжалъ, приказалъ грузъ арестовать. „А по счету того запаса явилось 270 мѣховъ муки ржаной Сибирской руки, 50 мѣшечковъ солода ячного не молотаго, 6 пудъ двѣ четверти хмѣлю да въ кадушечкѣ меду пудъ съ пять, шесть мѣшечковъ крупъ овсяныхъ малой руки”. Весь этотъ запасъ быль взятъ и „по счету положень въ государевъ авбаръ за замокъ и за печатями”²⁾, а стружекъ отданъ прікащику нижегородца Крупеникова Матвѣю Воробьеву съ роспискою, что онъ доставить его въ Астрахань и отдать войску.

Къ голодовкамъ присоединились безпрерывныыы стычки съ калмыками. Эти стычки такъ типичны для того времѧ, такъ характерны, что даютъ полную картину того, что значило „размиренье”, какъ дѣйствовали враждебныыы стороны относительно другъ друга, и какъ жилось тогда на Яикѣ вообще.

„Размиренье” съ калмыками у гурьевцевъ началось изъ за того, что Гурьевцы, увидѣвъ вблизи городка на Яикѣ вѣсколько калмыкъ, ловившихъ рыбу, прогнали ихъ и захватили у нихъ неводъ и табакъ.

Съ этого момента калмыки заволновались, мирные отошевія были нарушены—наступило „размиренье”.

Собравшись большою толпою, они 2 сентября рѣшили истать.

Прежде всего они начали на нижай гурьевскій учугъ, разорили его „и вкругу ариянскую до подошвы побрали, 4 закоренка и дорожное строеніе растащили”. Разорили они и „великаго государя яицкаго рыбнаго промыслу ловцовъ Василія Кондрака съ товарища 12 лодокъ” и взяли у нихъ „гра-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 157.

²⁾ Тамъ-же.

беземъ 24 ахана морскихъ, 6 ахановъ плавныхъ и станъ весь пограбилъ, котлы и топоры побрали”¹⁾.

Не ограничившись этимъ, они забрали въ плѣнъ бывшихъ удрою двухъ работниковъ—Сидора Сидорова и Андрея Михайлова. Разоривъ учугъ за глазахъ города, калмыки захватили 72 обывательскихъ коровы въ три лошади, переплавили ихъ за Яикъ и отошли въ степь.

Вечеромъ въ этотъ же день подѣхали къ Гурьеву калмыки Нахой Басунъ и Меньколикъ съ товарищи и стали вести переговоры. На переговоры вышли переведенцы и стрѣльцы всего семь человѣкъ. Переѣхали на лодкѣ на другую сторону Яика, они стали усовѣщевать калмыковъ отдать имъ скотину.

— За что вы отняли у насъ коровы?

— За неводъ и за табакъ, который вы у насъ отобрали, — отвѣчали калмыки.

Тогда гурьевцы вернулись обратно и привезли калмыкамъ и неводъ и табакъ, но калмыки ничего не взяли и, оставивъ себѣ изъ отгнанныхъ 14 коровъ и 3 лошади, остальныхъ 58 коровъ возвратили гурьевцамъ и уѣхали въ степь, захвативъ съ собою въ плѣнъ вышедшаго къ нимъ изъ лодки переведенца Ивана Богаченка²⁾.

Но гурьевцы неожиданно остаться въ долгу предъ калмыками и, собравшись толпой, пошли къ мирно стоявшимъ за берегу рѣки Яика недалеко отъ городка улусамъ калмыковъ Бахбаз и Махай и захватили у нихъ 20 коровъ „для того, чтобы наша скотина не пропала“—писали потомъ они въ Астрахань.

На этомъ дѣло не кончилось. Черезъ вѣсколько дней къ Гурьеву подѣхали опять знакомые имъ калмыки Нахой Басунъ и Меньколикъ съ товарищи и завели вновь переговоры. Калмыки привезли съ собою и взятаго ими въ плѣнъ переведенца Богаченка. Стрѣльцы и переведенцы побѣхали къ немъ за Яикъ, но въ большихъ силахъ, чѣмъ раньше, и вместо переговоровъ вступили съ ними въ драку „и отбили у нихъ того Ивана Богаченка и поймали въ то время двухъ калмыковъ: Нохая Басуна и Меньколика, а съ ними взяли двухъ лошадей съ сѣдлами и съ уздами“³⁾.

Оставшиеся калмыки ускакали въ степь. Прошло еще вѣсколько дней и гурьевцы увидѣли, что противъ города ѻхали три калмыка съ нижнаго учуга. Калмыки ѻзали на верблюдахъ и везли „государеву армянскую иеру, которую на учугахъ пограбили“. Стрѣльцы переѣхали за Яикъ и погнались за ними, но захватить успѣли лишь одного калмыка и трехъ верблюдовъ, которыхъ и привели въ городъ.

Все это случилось, пока въ городкѣ былъ „старшиной“ сотникъ Котловскій, но въ концѣ сентября атаманъ Носовъ приказалъ ему сдѣть городъ вы-

1) Тамъ-же, листъ 172.

2) Тамъ-же, листъ 173.

3) Тамъ-же.

борному старшинѣ Макару Иванову, а самому выѣхать со своими стрѣльцами по домамъ въ Черный Яръ. 20 сентября состоялась сдача города; были сланы: городовые ключи, пушечный снарядъ, зелье, порохъ, свинецъ, фитиль, ядра и дробь; всему этому составлена опись и въ пріемѣ ихъ по безграмотству старшины Иванова расписался церкви Спаса пошь Петъ Накиятъ [19].

Въ этотъ же день „сотникъ Степанъ Котловскій и воевода Федоръ Дмитриевъ съ женой и съ дѣтьми и служилые люди, которые были на Яикѣ, годовальщики, отпущены въ Астрахань“.

По уходѣ Черноярскихъ стрѣльцовъ годовальщиковъ городокъ остался почти безъ защиты; осталось только немногого стрѣльцовъ, переведенцевъ и солдатъ. Калмыкамъ это было на руку.

Черезъ пять дней они явились къ городку въ числѣ шести человѣкъ; предполагая, что это переговорщики, гурьевцы подносили ихъ близко, но калмыки, захвативъ лошадь переведенца Лукьянова, учились обратно въ степь. Всѣдѣ за ними явились къ городку тридцать человѣкъ калмыкъ. Остановившись вдали, они послали къ городу двоихъ человѣкъ для переговоровъ.

— Отдайте намъ нашихъ трехъ калмыкъ! кричали переговорщики, подѣхавъ къ городской стѣнѣ,— а мы отдадимъ вамъ нашихъ двухъ, взятыхъ вами у дровъ!

Гурьевцы отказали, говоря, что безъ приказу изъ Астрахани этого сдѣлать не могутъ.

Калмыки поѣхали обратно и захвативъ по дорогѣ три коровы переведенца Василія Рубца, поѣхала вонъ по Яику. Малочисленный и ѡтшій гарнизонъ Гурьева только беспомощно смотрѣлъ на происходившее, не будучи сълышать предпринять что либо существенное.

На сдѣлующій день 26 сентября калмыки стали дѣйствовать болѣе рѣшительно и собравшись „хвогиъ съ браніемъ“ прѣѣхали на средній учугъ и на томъ учугѣ изъ избы багрили рыбу и тое рыбу побрали¹⁾.

Въ этотъ-же день къ устью Яика подошелъ изъ Астрахани паузокъ про-мышленника Ивана Еланчина „со всякими привасы“. Паузокъ остановился въ морѣ на устьѣ, а „для вѣдомости къ Еланчину, что де прѣѣхали въ добромъ здоровье“ поѣхали на лодкѣ въ Гурьевъ работные люди корицкій Андрей Сусоръ съ товарищи 6 человѣкъ. Прѣѣхавъ къ нижнему учугу, они остановились на заставѣ, но тутъ за нихъ начали калмыки и взяли въ плѣнь.

Съ этой новою добычею калмыки всю толпой поѣхали къ Гурьеву для переговоровъ.

— Отдайте нашихъ трехъ человѣкъ калмыкъ полоненниковъ и скотину, — говорили они,— а мы нашихъ полоненниковъ русскихъ людей и скотину от-

¹⁾ Такъ-же, листы 180—182.

дадашь. А что мы калмыки на учугѣ въ зибараахъ икру побрали и учуга разорили и въ той нашей винѣ воленъ великий государь¹⁾).

Но гурьевцы безъ указа изъ Астрахани дѣйствовать не рѣшились, да къ тому-же они не довѣрили калмыкамъ, т. к. самихъ владѣльцевъ Бавбая и Даржи съ ними не было.

Не добавившись разнѣе калмыки стали угрожать.

— Если вы съ насъ на днѣхъ не размѣянетесь, то мы прѣдемъ въ ванъ со всѣми улусами и мурзами многимъ собраніемъ и садемъ у учуговъ по обѣ стороны Яика рѣки и никого съ моря на Яикъ ни съ Яика въ море не пропустимъ!

Плохо приходилось „великому войску Яицкому“ „А нась въ городѣ малолюдно, — писали они въ Астрахань, — въ осадное время города управлять не кѣмъ; пушечного пороха и свинца въ казенѣ малое число, да подъ пушки на ставки надобно колесъ и осей, и къ городовыми воротамъ и къ калиткамъ и пороховой казни замковъ вѣтъ, а которые замки, и есть и тѣ худы“.

Наступила ночь. У колодзака калмыка, котораго поймали съ верблюдами и съ государевої архангельской икрой, стоялъ на часахъ пѣтой стрѣльецъ Корейтова приказа Андрей Колосовъ. Когда въ три часа ночи стала его сѣять „его-же братъ стрѣльцы“, калмыкъ не оказалось. Калмыкъ ухитился уѣти изъ подъ караула и „черезъ городовую стѣну по столбу спустился“; стрѣльцы всполошились и побѣжали за городъ „съ ружьемъ для обыску“, искали его вездѣ и по стени и кругомъ города, но не нашли; нашли только колодку у Спасскихъ воротъ, и та колодка въ цѣлости и ви чѣмъ не разломана, а тотъ калмыкъ въ той колодкѣ сидѣть бось“. На другой дѣнь собрался кругъ „войска Яицкаго“; ввачалъ хотѣли было стрѣльца Козосова послать въ Астрахань „ко всему великому войску“, но „стрѣльцы и солдаты и все войско сказали, что стрѣльца послать не для чего“.

„Мы дадимъ по немъ поручное письмо и какъ его въ Астраханѣ старшины и все войско спросить и мы его поставимъ въ Астраханѣ въ кругу“.

Десять человѣкъ разныхъ приказовъ стрѣльцы и солдаты дали за него „поручное письмо“ и Колосовъ остался въ Гурьевѣ, но о случившемся была послана отписка того же 27 сентября, съ которой отправилась въ Астрахань четыре человѣка стрѣльцовъ²⁾.

Седьмого октября въ Гурьевъ наконецъ прибыли давно жданные „государевы хлѣбные запасы“, пробыли они изъ Астрахани въ трехъ чаузахъ и остановились въ морѣ у устья Яика. Для обереженія ихъ отъ калмыкъ изъ городка были посланы пятнадцать человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ съ работными людьми. Посланы они были „на перепаукъ съ двумя иѣздами пушками и съ ружьемъ“. Но „великому Яицкому войску“ не везло.

¹⁾ Такъ-же.

²⁾ Такъ-же.

Остановились они на берегу на устьѣ Яика. Въ это время одинъ изъ солдатъ, Федотъ Трунишъ, „стоя на караулѣ“, сталъ чистить ружье; разобрать ружье онъ разобралъ, но, когда вычистилъ, собрать его не сумѣлъ.

Помочь собрать ружье пришелъ стрѣльецъ Дубининъ, который, собравъ его и ружейный замокъ, вложилъ въ курокъ кремень и передалъ Трунишу. Трунишъ попросилъ взвести курокъ и, убѣдившись, что замокъ собранъ правильно, озунтилъ его, „и изъ того замка даль огню“. Искра упала за бочевокъ, гдѣ лежало около ползуда пушечного пороха. „И тотъ порохъ отъ той искры взорвало и ихъ стрѣльцовъ и солдатъ опалило“; пострадало восемь человѣкъ, отдѣлавшись ожогами лица и рука¹⁾.

Девятаго октября прѣѣхали снова къ Гурьеву калмыки и привезли съ собою захваченного има въ плѣнъ корицника Андрея Сусора.

„Возьмите нашего человѣка,— говорили калмыки гурьевцамъ, отдавая Сусора,— мы и остальныхъ 7 человѣкъ русскихъ изъ плѣна отдадимъ, только отдайте нашихъ калмыкъ, и мы будемъ съ вами жить въ мирѣ нынѣже.“

Но гурьевцы опять отказали, прося дать сразу недѣлю, т. к. безъ указа отъ Астрахани не вѣняться плѣнными не рѣшились.

Но калмыкамъ надобѣло ждать вѣстей изъ Астрахани. Черезъ вѣселько двѣи они снова сносились вблизи городка и отогнали большое стадо коровъ и ушли въ свои аулы. Въ погоню за ними бросились стрѣльцы и солдаты, но табуна не отбили, „потому что ихъ калмыкъ многолюдство было“.

Воровали калмыки въ лѣсъ съ учуговъ—гурьевцы ничего сдѣлать не могли, — не хватало людей для карауловъ въ городкѣ, а объ оборонѣ и окраинѣ учуговъ и думать было нечего.

Изъ Астрахани рѣшили послать въ подкрепленіе. Эта прибазка къ гарнизону состояла изъ ста человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ. Начальникомъ у нихъ былъ выбранный има „походный атаманъ“ Федоръ Болдыревъ. Выѣхали они изъ Астрахани въ десяти лодкахъ. Два дня шли парусомъ, а на третій день „Божію волю ночью всѣ тѣ лодки разметало врозь и прибило къ берегу въ Ракушкахъ“; двѣ лодки, шедшія впереди, благополучно прибыли въ Гурьевъ, семь лодокъ остались у Ракушекъ, а десятая лодка, „которая бѣжала позади нихъ всѣхъ“ съ десятью солдатами и съ мѣдною полковою пушкою потерялась. Оставшіеся въ семи лодкахъ рѣшили дожидаться прибытія потерянной. Просидѣли цѣлый день и всю слѣдующую ночь, но лодки не было. Ночью сдѣлался морозъ „и они въ томъ мѣстѣ обмерзли“. Море не утихало, о берегѣ были льдины и одною изъ льдинъ сломало лодку. Наступило утро, замерзшіе стрѣльцы рѣшили ѣхать и, распустивъ паруса, направились на оставшихся шести лодкахъ къ устью Яика, куда и прибыли благополучно. Для розыска лодки гурьевцы вѣселько разъ посыпали на море,

¹⁾ Тамъ-же, листъ 1.

но безъ успѣха—лодки не нашли¹⁾.

Между тѣмъ отставшая лодка съ десятю солдатами замерзла на „Василь“ (Баксай²⁾), солдаты вышли изъ лодки и хотѣли идти къ Гурьеву степью, но по дорогѣ напали на нихъ калмыки, завязался бой, одинъ изъ солдатъ былъ убитъ, а остальные были взяты въ пленъ³⁾.

Походный атаманъ Болдыревъ привезъ въ „великому войску Яицкому“ царскую грамоту (какую неизвестно), и все войско, собравшись въ Церковь, „о здравіи великаго государя цара и великаго кнзца Петра Алексеевича всел великии и малыи и бѣлыи Россіи самодержавца здравствовали и молебствовали“⁴⁾.

Такъ бунтовалъ русскій народъ.

Приказывали между прочимъ астраханцы гурьевцамъ и обиѣвать пленныхъ калмыкъ на русскихъ, но калмыки послѣ послѣднаго посѣщенія больше не показывались. Пришло только 2 калмыка 3 ноября, но они ничего общаго съ гурьевцами не имѣли. Кочевали эти калмыки около р. Энбы съ улусами мурзы Мургаша, но на нихъ напали каракалпаки, разбили ихъ, взяли въ пленъ всѣ ихъ улусы, а прѣбывшіе калмыки бѣжали и пришли къ городу „для того, что укрыться стало негдѣ, прилучилась зимняя пора и морозы“. Гурьевцы взяли ихъ подъ караулъ.

Въ Гурьевѣ временно наступило затишье—о калмыкахъ не было слуху; но вотъ 12 ноября стоявшіе на городской стѣнѣ стрѣльцы увидѣли прибывающихъ въ городу 5 человѣкъ всадниковъ; стрѣльцы выссыпали изъ города и схватили путниковъ. Но это оказались не калмыки, а хивинцы „переводчики“ хивинского каравана, который шелъ къ Астрахани и долженъ былъ прѣбывать черезъ нѣсколько дней въ Гурьеву. Разрѣшивъ имъ переночевать, гурьевцы утромъ отпустили ихъ въ Астрахань. Въ этотъ же день появились наконецъ давно ожидаемые калмыки, но пришли они не съ „замиренiem“, а остановились у „Подстепенной“, на мосту, который построенъ между учугами⁵⁾, начали ломать этотъ мостъ и брать заготовленный лѣсъ. У учуговъ былъ карауль изъ 20 стрѣльцовъ и солдатъ, карауль сталъ стрѣлять, на помощь прибѣжалъ стрѣльцы изъ города и общими силами калмыкъ прогнали. Возврашаясь назадъ, стрѣльцы увидѣли за берегу Яика близъ города „стадо животное коровъ и баранъ и козловъ, по счету 10 коровъ, въ томъ числѣ и быки, и телята, и тѣхъ барановъ и козловъ по счету 137“. Стрѣльцы занесли весь этотъ скотъ въ городъ и раздѣлили между собою и сѣми, такъ какъ та скотина „съ голоду мерла“⁶⁾.

Калмыки и не думали просить табузы обратно. Они продолжали вести войну. 17 ноября прѣѣхали къ Гурьеву 10 человѣкъ туркменцевъ—ѣхали они къ Аюкѣ, а оттуда хотѣлиѣхать въ Астрахань, а потомъ въ Москву,

¹⁾ Тамъ-же, листы 85—105.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

но гурьевцы ихъ посадили подъ караулъ „для того чтобы отдалъ калмыки русскихъ работныхъ людей“. Разспрошенные о вѣстахъ въ степи туркменцы сказали, что калмыки близко нигдѣ вѣтъ, между тѣмъ посланные за другой день на учугъ 17 человѣкъ рабочихъ рыбнаго промысловника Бормотова были окружены калмыками и захвачены въ плѣнъ, въ томъ числѣ попалъ стрѣлецъ Сотниковъ. Бывшій на учугѣ караулъ съ полковою пушкою всего двадцать человѣкъ бросился выручать рабочихъ и вступилъ съ калмыками въ бой, во отбить всѣхъ былъ не въ силахъ, отняли только 6 человѣкъ да седьмого раненаго и двѣ калмыцкія лошади, на которыхъ посланы вѣсть въ городъ. Изъ города вышли на помощь болѣе ста человѣкъ стрѣльцовъ, солдатъ и переведенцевъ, но рабочихъ отбить не могли, „потому что въ то время былъ поутру великий туманъ и въ даль за нами гнаться было невозможно“. Стоявшіе на карауле у учуга 20 человѣкъ солдатъ съ пушкою учуги бросали и ушли въ городъ, убоясь ихъ калмыкъ, что ихъ калмыкъ въ то время было многолюдство и дратиться съ вами было вѣль мочь“.

На другой день, 19 ноября, калмыки опять не оставили гурьевцевъ въ покой. Толпою человѣкъ двѣсти или триста они подошли къ нижнему учугу, тамъ ночевали и на утро „то учужное строеніе сожгли все безъ остатку и съ вышками“.

На утро изъ городка для ловли рыбы съ неводами выѣхали на Яикъ „за Раковую косу“ промышленникъ Бормотовъ съ пятидесятью человѣкъ рабочихъ, солдатъ и стрѣльцовъ. Но едва они остановились на косѣ, какъ неожиданно на нихъ налетѣли изъ степи около трехсотъ калмыкъ; калмыки были на кояхъ и верблюдахъ съ двумя бѣлыми знаменами. Рыболовы сѣли въ осаду и завязали перестрѣлку. Часовые въ городкѣ, бывшіе „на вышкѣ“, услыша стрѣльбу и видя калмыкъ, забили „въ положъ“ и человѣкъ съ полтораста стрѣльцовъ и солдатъ и переведенцевъ „съ пушки и съ ружьемъ“ пошли на выручку осажденнымъ. Завязался бой, длившійся до вечера. Изъ крѣпости помогали: „съ башни у Дебки изъ пушки по нихъ калмыкъ въ толпу билъ“. Калмыки разбрѣжались и побѣхали внизъ по Яику къ нижнему учугу, гдѣ расположившись кошемъ, стали баграть рыбу. Наступила ночь. Сто шесть человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ вышли изъ городка и стали тихо наступать на калмыцкій станъ, надѣясь захватить ихъ върасположъ. Но, не доходя до учуговъ, они саткнулись на калмыцкій „отводный караулъ“, въ которомъ было четыре человѣкъ съ тремя верблюдами. Отрядъ ихъ захватилъ, но „которые калмыки на кону были, послыша ихъ стрѣльцовъ, разбрѣжались вѣль вроѣ“.

Изъ разспросовъ плѣнныхъ выяснилось, что калмыки были мурзы Шахандай „Аюкина сына Чандаржапова владѣнія“ и пѣкоторыхъ мурзъ Назарова владѣнія и что плѣнные гурьевцы находятся у владѣльцевъ на Баскай (Бак-сай?) рѣкѣ.

Через день выбыжалъ отъ калмыкъ въ городокъ однѣ изъ десяти вездыхъ на учугѣ работниковъ Андрей Шаткой; въ кругу „при всемъ войсѣ Яицкомъ“ онъ сообщилъ о плененныхъ, что вмѣстѣ съ ними находились и остальные девять рабочихъ, а также 9 человѣкъ солдатъ, Ѳавшиахъ изъ Астраханіи съ командой и замершихъ съ лодкою на Васкаѣ. Были еще у калмыкъ десять человѣкъ астраханцевъ тюленщиковъ, захваченныхъ ими на морѣ.

27 ноября калмыки прїѣхали къ Гурьеву, но уже не для боя, а для переговоровъ. Просили они у гурьевцевъ взятыхъ ими 4 калмыкъ и верблюдовъ, взамѣнъ которыхъ обѣщались отдать взятыхъ рабочихъ, но когда горожане на это согласились, калмыки раздумали и ушли въ степь.

На этомъ свѣдѣнія объ жизни въ г. Гурьевѣ за времена астраханскаго бунта обрываются. Больше не сохранилось никакихъ документовъ.

Но и изъ этого небольшого перечня событий, бывшихъ въ Гурьевѣ, ясно отражается жизнь того времени на Яикѣ, жизнь беспокойная, съ тревогото за завтрашний день. Если мы переаесемъ эти картины изъ Гурьева въ Яицкій казачій городокъ, то намъ будеть ясна та беспокойная жизнь, которую вели въ тѣ времена приянцкіе орлы около своего гнѣзда, будуть понятны тѣ „налоги великие“ и „беспокойство многое“, которое чинили казаки шайки калмыкъ. Дошла до насъ и любопытная грамота, посланная Аюкою Астраханскому войску съ вопросомъ, хотятъ ли астраханцы мира или войны?

„Въ Астрахань старшинамъ Якову Иванову и всему войску, Аюка-хану поздравляю. Слышно мое починелось что у вашихъ подъ Царицывомъ былъ бой съ Чеметемъ и Каптимиромъ и вы и сами знаете что они о себѣ взадъльцы, и вы мнѣ отвѣщайте: хотите ли со мною быть въ миру? буде хотите быть въ миру въ пришлите ко мнѣ своихъ посыльщиковъ для договору, а буде не хотите быть въ миру въ зъ тѣхъ владѣльцахъ соединясь и о томъ мнѣ давайте отъ себя отповѣдь. По приказу Аюка-хана писаль Яицкой казакъ Яковъ Федоровъ“¹⁾.

Такія же точно грамоты получали отъ калмыкъ надо полагать и яицкіе казаки, когда заступало у нихъ „замиреніе“ или „размиреніе“ съ калмыками.

Астраханскій буйтъ, не поддержаный казаками, былъ быстро подавленъ и вновь образовавшіяся казачьи общины прекратили свое существование.

Реформы-же вводились въ жизнь по прежнему и недовольный народъ также опрежающу бѣжалъ въ казачество на Донъ и Яикъ, гдѣ ихъ, несмотря на указы, охотно принимали и зачисляли въ казаки.

Въ 1707 году изъ Яицкаго войска снова потребовали золкъ въ армию. Снова выступили казаки на войну со шведами. Вышло пятьсотъ человекъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретныя дѣла Тайной Канцелярии 1614—1722 г., опись 288, стоб. № 1144, листъ 171. Яковъ Федоровъ былъ изъ числа тѣхъ яицкихъ казаковъ, которые находились у Аюки для изѣдомости.

съ походнымъ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ Алешинымъ¹⁾.

Уѣхала станица и казаковъ въ городокъ стало еще меньше—осталось въ всего на Яикѣ годныхъ къ службѣ 1600 человѣкъ! Какъ жеѣздить въ Самару за хлѣбомъ, какъ защищать городокъ? Пришлихъ людей много, но зачислить въ казаки иѣ не приказано! Государство, страшно нуждавшееся въ войскахъ для борьбы съ сильнымъ и непобѣдимымъ тогда противникомъ шведомъ, не хотѣло и слышать о томъ, чтобы войско увеличивалось, чтобы въ рядахъ арміи было больше добровольныхъ хорошо вооруженныхъ и отважныхъ всадниковъ. Сотваки бѣжали эти люди на Яикъ и на Донъ, сами просились, молили—запишите насъ въ казаки и мы пойдемъ „коны людны и оружны“ на царскую службу! И вѣсто того, чтобы пользоваться этимъ, Москва подъ жестокою казнью запрещаетъ формироваться этиль вольными и даровыми для себя дружинамъ.

Войску разрѣшалось записывать въ казаки только тѣхъ, „кто скажется вольной и о томъ человѣкѣ не будетъ спору и чelobity до шести зѣть“, а остальныхъ же приказывалось отсылать въ РѹсЬ и неприверстывать въ казаки подъ страхомъ жестокаго наказанія²⁾.

Между тѣмъ, въ наступившемъ 1708 году изъ войска потребовали снова 1225 человѣкъ на усмиренія башкирскаго бунта!

На Яикѣ осталось всего 400 человѣкъ.

Москва не разсуждала, ей не было никакого дѣла до далекаго Яика, чѣмъ жили тамъ, чѣмъ волновались, ей нужны были войска и она требовала станцы. Дѣла хоть изъ глини казаковъ, а полка давай, но зачислить въ казаки бѣглцовъ не сиѣй,—помѣщики жалуются.

Но казакамъ стали непосильны наряды. И вотъ они отправляютъ одну станицу за другою въ Москву, прося объ отѣѣти приказовъ, запрещающихъ приверстывать бѣглыхъ въ казаки. Одна изъ такихъ станицъ со станочнымъ атаманомъ Федотомъ Донсковымъ, всего четыре человѣка, усиленно и долго хлопотала объ этомъ, но ничего не добилась. Москва по прежнему требовала высылки бѣглыхъ и не желала знать ни о томъ, какъ жилось казакамъ на Яикѣ, ни о ихъ малодѣлствѣ и о тяжести непосильныхъ нарядовъ на вѣшнюю службу. Ова приказывала только набираться вольными людьми. Но гдѣ же было взять казакамъ вольныхъ людей?! Отъ воли къ волѣ не бѣ-

¹⁾ Смотри приложение XII, тамъ онъ называетъ только по имени и отчеству, въ показаніи же старшинъ при слѣдствіи надъ атаманомъ Прѣтковымъ добавляется и его фамилія: „съ походнымъ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ сыномъ Алешинымъ противъ шиѣского генерала Левенгаупта подъ Лѣсманъ и въ Полтавской батареї“— показаніе старшины Кузнецова и другихъ. Моск. Арх. Грав. Штаба, опись 47, листы 25—159. На подъемѣ этой станицы было дано: „паркаго жалованья“ по 10 р. человѣку, и наемку отъ войска: атаману 20 р., четырѣръесауламъ по 12 р., четырѣмъ зна-менщикамъ по 10 р. и рядовыми казаками по 8 рублей человѣку.

²⁾ Ни грамоты Петра, ни другихъ документовъ объ этомъ отыскать не удалось. Объ этомъ упоминается въ синѣй Кроткова въ 1716 году и въ чelobitnoj войске 1721 г. (Моск. Арх. Грав. Штаба, опись 107, книга № 80, листъ 259).

гаютъ. На Яикъ бѣгли и бѣгли безъ ковца, но только крестьяне и стрѣльцы — рабы и служилые люди.

Какъ быть? Не приверстывать бѣглцовъ нельзя — если же преверстывать за Яикъ скоро не останется ни одного казака, приверстывать — опасно.

Но нарядъ въ Башкирію заставилъ казаковъ еще разъ нарушить указъ — и войско стало принимать всѣхъ кто заявятъ что онъ „вольный“, вѣсправляясь о его прошломъ. Разъ пропелецъ называлъ себя „вольнымъ“, войско не обращало вниманіе на указы и пополняло свои ряды. Да этого выхода и быть не могло, иначе въ войскѣ оставалось бы такъ мало казаковъ, что въ защищать городка было бы некому.

Въ это время въ Башкиріи было неспокойно. Вольные до сихъ поръ и не звавшіе у себя русской расправы, судившіеся и управляемые своими выборными старшинами „лучшими людьми“, послѣ усмиренія послѣднаго восстанія, башкиры почувствовали всю власть тогдашнихъ московскихъ чиновниковъ. Корыстные, властолюбивые — они не стѣснились въ средствахъ для наживы. Уже и въ недостаточенъ собираемый издревле башкиръ ясакъ натурую: „днѣжанъ, медвѣдь и кунѣй и лѣсій“, вимъ нужно было больше — нужно было быстро нажиться за счетъ только что усмиренного и запуганного народа.

Посланные въ 1704 году сборщики ясака Андрей Жихаревъ и Михаилъ Доходъ стали беззастѣнично грабить народъ; они обложили его неслыханными и небывалыми еще у башкиръ податями. Брали со свадьбы по три рубля; каждый башкирецъ долженъ былъ уплатить по рублю; обложены были ульи, бани, рыбныхъ озера; отрадамъ, которые сопровождали сборщикою, приказано было тоже платить: „переписчикамъ кормовыхъ денегъ по двѣ гривны съ человѣка, да подъячимъ двумъ по три алтына, да солдатамъ по алтыну человѣку на день“¹⁾). Но и этого сборщикамъ показалось мало. Приказали огородить мечети, „чего напредъ сего не бывало“, и хоронить мертвыхъ не въ полѣ, какъ было до этого, а въ оградѣ у мечети. Обложили муллъ и мечети по пять рублей, а съ прохожанъ, кто будетъ въ мечети молиться“, по алтыну. По алтыну же обложили дуги и хомуты и всѣхъ, кто пріѣзжаетъ на базарь въ городъ. Хотѣли даже брать ясакъ съ каждого окна, съ дверей, съ печей, погребовъ и воротъ. Ухватились заложить избу не только съ каждой живой юшади, но даже съ павшей скотиной „за шкуру“ по десять денегъ, а если не объявлять о павшей скотинѣ, то дань требовалась двойная. Башкиры терпѣливо спускали. Страсти у сборщикоў разгорѣлись: не довольствались этимъ, они въ 1705 г. стали требовать по четверти муки съ каждого человѣка и съ имущества десятую долю: „и сколько у кого есть какихъ пожитковъ и съ тѣхъ пожитковъ со ста рублей десять рублей, съ десяти рублей — рубль, а съ скота всяко — десятую скотину“²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, башкир. дѣлъ 1706 г. № 2, листъ 2.

²⁾ Тамъ-же, листъ 4.

Башкарамъ стало не въ моготу. Они написали жалобу въ Москву. Для разбора прислали князя Дмитрия Юракова. Собрались въ Уфу выборныхъ башкиръ, они объяснили имъ, что Жихаревъ и Доковъ тѣ сборы „затѣяли сами собою, а не по государеву указу“ и приказали платить ясакъ по старому. Сборщики были удалены.

Но башкирамъ не повезло. Едва уѣхалъ князь Юраковъ, какъ пріѣхалъ въ Уфу вновь назначенный воевода известный лихомицъ и взяточникъ Александра Сергеева. Первымъ распоряженіемъ его былъ указъ о немедленной высылкѣ въ Уфу аманатовъ „лучшихъ людей“. Для своего путешествія въ Мезелинскъ онъ приказалъ сдѣлать ямы (почтовыя ямскія станціи), где башкиры должны были держать „до тысячи и болѣе подводъ“. При проѣздѣ съ гналь вещадно лошадей — большая половина которыхъ пала; ямщики — башкиры озабочались: „и извѣгие люди озабли, руки и ноги поизвобили и руки и ноги у подводчиковъ кой съ ихъ савей человѣкъ упадеть — перелочали въ конъяи перетоптали“¹⁾. Пріѣхавшихъ къ нему въ Мезелинскъ выборныхъ башкиръ онъ арестовалъ и посадилъ въ тюрьму. Пригрозивъ имъ за непослушаніе присыпкою войскъ, грозный губернаторъ захватилъ ихъ всѣхъ съ собою и поимпался такими же образомъ обратно. Въ Уфу прѣбыло къ его пріѣзду еще нѣсколько выборныхъ старшинъ. Участь ихъ была однажды. Они попали въ тюрьму вмѣстѣ съ мезелинскими старшиами. Имъ приказали приложить свои руки и тамги къ написанной заранѣе бумагѣ, где говорилось, что башкиры обязаны дать губернатору для войскъ по пятитысячъ лошадей съ каждой дороги — всего двадцать тысячъ. Когда послѣ подписанія перевели вту бумагу, башкиры возмущились и сказали „что столько лошадей дать моchi не будеть“.

Старшинъ заперли „въ приказъ, а иныхъ въ тюрьму, а иныхъ въ студеные избы“. Стали пугать ихъ тѣмъ, что ихъ всѣхъ перевѣшаютъ. Сергеевъ заявилъ, что если они не дадутъ лошадей, то онъ пошлетъ полки и велитъ вырубить всѣхъ башкиръ и женъ и дѣтей; надъ каждымъ старшиномъ стоялъ драгунъ съ обнаженою саблею. Старшинъ, боясь угрозъ, послали каждый на свою дорогу „сказки“ о дацѣ лошадей и о сборѣ съ каждого башкирца по три рубля. Даже служилые мещераики обязаны были заплатить губернатору по рублю съ человѣка.

Но злоключенія со старшинами не кончились. Ихъ собрали „за стоялый дворъ“ и привели „къ коразу“, потомъ посадили всѣхъ на огородѣ, поставили кругомъ караулъ „съ бердышами и съ ружьемъ“ и по приказу Сергеева привезли нѣсколько пушекъ и стали стрѣлять изъ нихъ надъ головами оторопѣвшихъ старшинъ. Губернатору показалось и этого мало. Принесена была водка и подъ страхомъ смерти приказано было пить до изнеможенія. Старшинъ напоили до полусмерти. Не знаяшись до сихъ порь вина старшинамъ водка оказалась ядомъ — девять человѣкъ изъ нихъ умерло. На валявшихся

¹⁾ Тамъ же, листъ 6.

же безъ чувства влали „шутки“ (фейерверки) и поджигали...

Ради корысти не было ничего пощажено.

Въ такомъ же духѣ дѣйствовали въ Башкирии и соратники губернатора. Оставленный съ войсками въ Мезелинскѣ Сидоръ Аристовъ послалъ для сбора этихъ лошадей Григорія Пальчикова. Прѣѣхавъ съ отрядомъ въ Былярскую волость, Пальчиковъ по пришибу своего начальника, собравъ старшинъ, посадилъ ихъ за карауломъ въ „студенныя клѣти“ и потребовалъ лошадей, которыхъ обѣщали дать въ Уфѣ губернатору. Старшины отказались. Стали вѣтъ бить батожемъ. Другихъ били „на правежъ“. Въ ходѣ пущила въ угрозу—взрубить всѣхъ башкиръ и скечь ихъ всѣ деревни. Выручая своихъ старшинъ, боярцы дали Пальчикову 125 лошадей, искуная этихъ лошадей во десати и по пятнадцати рублей „и такихъ дорогихъ лошадей покупая многіе дѣти своихъ поклади въ заклады“¹⁾.

Взялъ Пальчиковъ и силой до тридцати самыхъ лучшихъ лошадей, между которыми были двѣ лошади, купленныя по тридцать рублей—цѣнѣ очень высокой по тому времени, т. к. обычная стоимость лошади тогда не превышала трехъ—пяти рублей.

Прѣѣхавшій тогда въ Мезелинскѣ губернаторъ Сергѣевъ приказалъ привести къ себѣ былярскихъ старшинъ и всѣхъ ихъ одиннадцать человекъ посадилъ въ тюрьму, гдѣ и держаль четыре мѣсяца.

Все сдѣлалъ губернаторъ для того, чтобы вызвать бунтъ. Но башкиры еще не бунтовали. Для того, чтобы они не могли покаловатьсь въ Москву, по всѣмъ дорогамъ были поставлены заставы и караулы съ приказомъ не пропускать никого изъ нихъ изъ Уфимскаго уѣзда.

Башкиры не бунтовали. Сергѣеву же хотѣлось буата. Когда же и пограбить башкиръ какъ не во время буата? Послали сына Пальчикова въ Былярскую волость, на этотъ разъ уже прямо за вызовъ. Прѣѣхалъ овъ въ деревню Ахметеву на р. Мензелѣ, гдѣ было двадцать два двора. Солдаты стали грабить—убили трехъ башкиръ и семерыхъ раненіе. У женщинъ срывали украшения, состоявшіе изъ монетъ, среди которыхъ были и пятирублевыя монеты²⁾. Двухъ женщинъ Пальчиковъ приказалъ взять въ плѣнъ, деревню разорили и весь скотъ „четыреста двадцать лошадей отогнали и всякий коровій и овечій скотъ и съ пожитками домовыми“ взяли³⁾.

Но башкиры все еще не бунтовали—они подѣхали съ жалобами въ Москву. Возврашаясь обратно изъ Москвы черезъ Казань, башкирскіе посланцы Каиды и Узей съ товарищи попались бывшему въ это время въ Казани Сергѣеву. Сергѣевъ разсвирѣпѣлъ—оба башкирца были имъ повѣшены, а товарища биты кнутомъ.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 7.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, башкир. дѣла 1786 г. № 2, листъ 18.

³⁾ Тамъ-же, башкирскіе дѣла 1706 года № 2, листъ 8.

Послѣ Пальчикова стала дѣлать вѣбѣги и Аристовъ: „деревни многіе раз-
воевалъ,—писали въ своей челобитной башкиры царю Петру,—жень и дѣгей
въ половъ ноймалъ и оттого неотступнаго гоненія и разоренія, погибли старшины
свои юрты, бѣгна отъ многихъ заводныхъ ратныхъ людей зимнимъ временемъ и
въ лютые морозы, женишки наши и дѣтишки отъ морозовъ многіе померли и
отъ безкорыщи по степямъ скотина круная и мелкая померла многаз... а
прадѣды, государь, наши и дѣды на предъ сего прадѣду твоему государеву не
сильно, а своей колею охотою не изъ за сабли и не изъ за войны со вѣнами
своими угоды и вотчинами наложили на себя ясакъ охотою”¹⁾). Но не дож-
дались башкиры лучшей доли. Пока шла бумажная волокита, народное недо-
вольство уже переполнило чашу терпѣнія.

Народу не хватало только вождей. Вожди эти нашлись. Во главѣ недоволь-
ныхъ стала извѣстный вліятельный въ Башкирии башкирецъ Алдаръ со сво-
имъ товарищемъ Кусомомъ. Къ осени 1707 г. уже появились первые пре-
занчи возстанія. Башкиры стали грабить русскія деревни. Въ декабрѣ бути
уже былъ въ полномъ разгарѣ. Съ башкирами восстали татары, мещериши и
пр. инородцы—магометане. Въ ноябрѣ на усмирение башкиръ былъ посланъ
отрядъ въ 900 человѣкъ подъ командою Петра Хохлова, съ нимъ от-
правилась въ вѣраны правительству башкиры. Въ то же время за помощь къ Уфѣ
пошелъ съ 770 человѣкъ конницы извѣстный уже ванъ Сидоръ Аристовъ и
полковникъ Иванъ Рыдоръ съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ
башкирами въ уроцишѣ Юракъ-Тау въ 90 верстахъ отъ Уфы Башкирецъ,
бывшіе съ вами, измѣнили и съ восставшими окружили отрядъ со всѣхъ сто-
рои. На голой стени, не вида прикрытия, отрядъ, огородаю себѣ обозомъ,
отбивалъ весь приступы; но башкиры не давали ему ни минуты покоя—без-
воконили днемъ и ночью. Десять дней сидѣлъ въ осадѣ отрядъ, не имѣя воз-
можности ни есть, ни спать, ни пить. И когда русскіе окончательно утомились
отъ голода и безсознія, башкиры ворвались въ обозъ, и были и взяли въ пленъ
около 400 человѣкъ; съ остальными же 500 человѣкъ Хохловъ пробился и
ушелъ въ Соливареный городокъ, гдѣ его выручала Аристовъ и Рыдоръ²⁾.

Послѣ первой удачи башкирцы стали дѣлать рѣшительно. Уже въ
январѣ 1708 года они опустошили все водости Уфы, Бирска и Мезенска, не
дошли до Казани только тридцать verstъ. Особенно сильно ищеніе башкиръ
выразилось на имѣніяхъ братьевъ Аристовыхъ—Льва и Сидора,—официа-
лно тла все ихъ села и деревни, побили людей, церкви и дома пожгли, „гробъ
отца ихъ изъ земли выгребли и надъ мертвымъ тѣломъ ругались”³⁾). Да
и въ усмирепіи въ февралѣ былъ посланъ бояринъ Петръ Ивановичъ Хованскій,
съ нимъ было 3 регулярныхъ полковъ и казаки⁴⁾). Калмыціе Аюка хват-

¹⁾ Тамъ-же, листы 1—10. Челобитная башкиръ 1706 года.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 15, глава 3.

³⁾ Моск. Арх. Инстр. Дѣль башкир. дѣла, 1720—1722 г.

⁴⁾ Рычковъ. Оренб. Топогр., стр. 62—63.

даль съ своей стороны 10 тысячъ казакъ, которые выступили подъ начальствомъ Бахметеева къ р. Ику, где произвела страшнѣйшее опустошеніе среди башкирскихъ волостей.

Въ членъ войскъ Хованского вошли посланные съ Яика 1225 человѣкъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ¹⁾.

Посланые предъ этимъ изъ станицы въ Шведскую войну тогда еще не возвратились.

Такимъ образомъ, если бы казаки исполнили приказы изъ Москвы отвѣтственно бѣглыхъ, то въ войскахъ осталась бы самая ничтожная горсть казаковъ около 400 человѣкъ. Эта горсть конечно не могла бы даже и защищать городка, но войско уже давно махнуло рукою на приказы о непринятіи бѣглцовъ и по прежнему приверстывало въ казаки всѣхъ выходцевъ изъ Руси, и лишь только при такихъ условіяхъ могло выполнять всѣ требованія Москвы о нарядѣ казаковъ на вѣщаю службу.

Подробностей объ участіи въ этомъ походѣ яицкихъ казаковъ, кѣ сожалѣнію, не сохранилось. Буать былъ подавленъ. Башкиры поплатились жестоко; но жестоко пострадали и русскіе: въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ сожжено и разорено было сель и деревень 303, людей погибло и отведенено въ плѣнъ 12705 человѣкъ²⁾). Визовавъ всѣхъ этихъ бѣдъ губернаторъ Сергѣевъ по распоряженію Петра былъ повѣщенъ въ Казани.

Но едва окончился башкирскій бунтъ, какъ воспыхнулъ въ томъ-же году другой бунтъ на Добу Булгакинскій. Поводомъ для него послужили тѣ-же причины, что и на Яикѣ въ 1698 г.—приказъ не принимать въ казаки всѣхъ пребывавшихъ послѣ 1695 г. и выдавать виновныхъ Москве. Во главѣ бунта всталъ атаманъ Булгакинъ. Донцы звали съ собою въ союзъ татаръ, терскихъ и яицкихъ казаковъ³⁾). Но объ участіи этихъ послѣднихъ свѣдѣній не имѣется. Буать этотъ, какъ и на Яикѣ въ 1696 году, былъ задавленъ, часть недовольныхъ казаковъ во главѣ съ Некрасовымъ ушли на Кубаевъ, въ область турецкаго султана. Этотъ разгромъ возставшихъ донцовъ имѣлъ рѣшающее значеніе на все казачество вообще. Онь показалъ, что Москва болѣе не будетъ шутить; въ казачьихъ общинахъ стала укрѣпляться мысль, что она составляютъ одно нераздѣльно цѣлое Москвы и что каждый указъ оттуда для нихъ такъ-же обязательенъ, какъ и для остального населенія Руси. Всѣдѣ за этимъ, послѣдовавшимъ въ томъ-же году указомъ Петра о раздѣленіи Россіи на 8 губерній, казачьи общины были причислены также къ этимъ губерніямъ. Яицкое и Терское войска вошли въ составъ Казанской губерніи⁴⁾, при ченъ Яицкій казачий городокъ въ Гурьевъ подчинялся непосредственно Астрахани.

¹⁾ Смѣтр. прил. ЖІ. Наемки даны: атаману 20 руб., есауламъ десяти человѣкамъ по 10 руб., взиженщикамъ 10 человѣкъ, по 8 руб., рядовымъ по 3 руб.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 15, глава 3.

³⁾ Вл. Броменскій. Исторія Донского войска, книга 1, страница 261.

⁴⁾ Полное Собрание законовъ Рос. Имп., томъ 4, страница 2218.

ГЛАВА XX.

Шведская война и участіе въ ней яицкихъ казаковъ. Преданія объ атаманѣ Прохорѣ Дурмановѣ и о Рыжечкѣ (1701—1709 г.).

„Мы дрались тогда со шведами
Подъ знаменами Петра“.
Военная письма.

Съ началомъ Шведской войны, какъ видно изъ предыдущаго очерка, изъ Яицкаго войска выходятъ въ походъ одна станица за другою. Но о дѣйствіяхъ этихъ станицъ намъ мало известно. Дѣла о Сѣверной войнѣ до сихъ поръ мало разработаны и ждутъ еще своихъ исследователей. И поэтому единственными указателями о службѣ яицкихъ казаковъ въ этой войнѣ являются члобитныя самихъ казаковъ, сказки казаковъ о своей службѣ и вѣкороня указавія Устрилова, на основавіи которыхъ и представляется возможность восстановить хотя въ краткихъ чертахъ эту службу. Къ сожалѣнію, Устриловъ при упоминаніи объ яицкихъ казакахъ не даетъ ссылокъ, откуда взяты имъ эти свѣдѣнія.

Первая станица, выступившая изъ войска въ 1701 г., была подъ командою походного атамана *Ивана Сергеева Витошнова* и состояла изъ одного атамана, 4 есауловъ, 4 землемѣщиковъ и 591 рядовыхъ казаковъ. Надо полагать, что по обычаямъ того времени, казаки выступали въ походъ весною. Такимъ образомъ эта станица, вопреки установленвшемуся убѣжденію вѣкороня писавшихъ о службахъ Яицкаго войска, быть въ бою подъ Нарвою въ ноябрѣ 1700 года не могла. Говоря о своей службѣ съ этой станицею, впослѣдствіи наказный (временный) атаманъ Коцѣчкінъ говорить о ней такъ: съ атаманомъ Иваномъ Сергеевымъ Котошновымъ въ первомъ Руделевскомъ походѣ*, ни слова не упоминая о Нарвѣ. Между тѣмъ если бы эта станица участвовала подъ Нарвой, то Коцѣчкінъ непремѣнно назвалъ бы свою службу „первымъ Нарвскимъ походомъ“, а не Руделевскимъ.

Витошновъ со станицею, какъ и вся русская конница, находился въ отрядѣ Шереметьева, главною ставкою которого былъ городъ Псковъ. Отсюда Шереметьевъ дѣлалъ развѣдки о шведахъ и забѣга вглубь шведскихъ земель, особенно въ Лифляндію.

Прибывъ, вѣроятно, въ концѣ мая къ отряду Шереметьева, яицкие казаки могли принять участіе въ рядѣ развѣдокъ и мелкихъ стычекъ со шведами въ окрестностяхъ Пскова и въ Ливоніи. Однимъ изъ крупныхъ боевъ, гдѣ они безусловно принимали участіе, былъ бой при мызѣ Эрестфельдъ въ декабрѣ 1701 года, положившій начало успѣхамъ русского оружія противъ шведовъ.

„Узнавъ отъ схваченного партию Афанасія Остаф'єва языка, что генералъ Шлиппенбахъ стоять съ войскомъ въ окрестностяхъ Эрестфера, верстахъ въ 40 отъ Дерата, Шереметьевъ двинулъся противъ него изъ Пскова въ глубокую зиму въ концѣ декабря съ 8,000 пѣхоты и драгуанъ, съ казаками, калмыками и татарами при 15 полевыхъ пушкахъ. Шель оставилъ Лифляндской страной осторожно трое сутокъ, пославъ впередъ сильный отрядъ, чтобы разведать непріятеля. Шлиппенбахъ съ 7,000 стоялъ близъ избы Эрестферской, расположивъ войско по деревнямъ на землі квартиры”¹⁾.

На зарѣ 29 декабря русскій авангардъ началъ на передовой отрядъ генерала Ливена и разбилъ его. Шведы отступили. Черезъ два часа появилась вся русская армія. Бой снова возобновился и длился весь день до позднаго вечера; непобѣдимые шведы за этотъ разъ были разбиты и побѣжали. Казаки и драгуаны преслѣдовали ихъ тридцать верстъ.

Шведы потеряли болѣе трехъ тысячъ убитыми и 350 пленныхъ, 6 пушекъ и 8 знаменъ. Потеря русскихъ простиралась до тысячи человѣкъ²⁾.

Послѣ этой побѣды Шереметьевъ 2 января 1702 г. двинулъ со всемъ конницей въ глубь шведской земли. „Ходилъ я, доносилъ Шереметьевъ Петру, для разоренія въ шведскую землю, въ мѣстечко Азе и другія: все разорено, весь Юрьевскій уѣздъ. Взятый язнаѣ сказалъ, что Шлиппенбахъ прибѣжалъ въ Юрьевъ (Дерптъ) самъ четверть. По разореніи Юрьевскаго уѣзда, даѣтъ итти не могли за усталостью лошадей и глубокими сѣвѣгами, въ которыхъ оставилъ товутъ. Бѣда, если бы напали на насъ изъ лѣсовъ лѣжниши. Взято 140 пленныхъ, а сколько чухни, вельзъ опредѣлить, потому что Черкассы (казаки) по себѣ ее разобрали: я отвѣтъ не вѣрѣть, чтобы охочѣе была”.

Междуди тѣмъ посланный Шереметьевымъ наказный гетманъ Данило Апостоловъ въ другую сторону, въ Маріенбургу, производилъ опустошеніе Лиѳландиніи: половица болѣе 2.000 человѣкъ и скота пригналъ множество; до Маріенбурга не доходилъ за великии сѣвѣгомъ; тамъ былъ другой отрядъ съ Лубенскими полковниками и все въ окрестности разорялъ³⁾.

Съ юла 1702 года вплоть до поздней осени языки снова могли привозить участіе въ набѣгахъ на шведскую землю имѣть съ отрядомъ Шереметьева. Въ юль Шлиппенбахъ съ 8 тысячами коннага и пѣхоты остановилъ въ избѣ Саничи. Узнавъ объ этомъ, Шереметьевъ двинулъ на него изъ Пскова со всѣми своимъ отрядомъ тысячъ въ 30 съ всѣми полками пѣхоты, съ девятью полками драгуанъ, съ тремя рейтары, гусаръ и подейщиковъ, въ отрядъ вошли и всѣ бывшіе у него казаки, татары и калмыки.

„15 юла, — пашетъ Устрядловъ, — Шереметьевъ пришелъ въ Эрестферъ, откуда устроился къ Саничи. Русскій авангардъ, встрѣтившись близъ деревни

1) Устрядловъ, Ист. Царя Петра Великаго, томъ 4, книга I, страница 113.

2) Тамъ-же, страница 114.

3) Тамъ-же, страница 114.

Виселборена Унгерштедберга съ 300 конницы, посланного Шлиппенбахомъ для разведыванія, безъ труда прогналъ его. Армія между тѣмъ потянулась лѣвымъ флагомъ чрезъ болота Тагульскія, угрожая сообщеніемъ Шлиппенбаха: овъ поспѣшилъ отступить къ Фельксу, потому за рѣчку Эмбахъ при Тензинѣ къ Гуммельсюбу, разрушивъ мости. Три русскіе драгунскіе полка, подъ начальствомъ Кропотова, съ казаками, татарами и калмыками слѣдовали за Шлиппенбахомъ по латахъ и, устроивъ на Эмбахѣ переправу, 18 июля начали его при Гуммельсюбу, въ 15 верстахъ отъ рѣки. Шведы встрѣтили русскій авангардъ жестокій боемъ и обратили въ бѣгство къ главной арміи. Шереметьевъ поспѣшилъ послать помощь Кропотову полковникамъ Бауера и фонъ-Вердена съ Преображенскимъ и драгунскими полками; они сражались мужественно, но также принуждены были отступить, потерявъ двѣ пушки и три гаубицы изъдя съ обозомъ и запасами. Шведы быстро преслѣдовали русскую конницу и дѣло казалось проиграннымъ.

Шереметьевъ, совершивъ переправу чрезъ Эмбахъ съ инженеріей, послалъ на помощь конницѣ пѣхотные полки Юрья Лимма, Саввы Айустова и фонъ-Швейдина: они остановили напріятеля. Вскорѣ всступила въ дѣло вся русская армія, атаковала шведовъ съ фронта и флаговъ и поразила на голову. Непріятельская конница, такъ же точно, какъ и при Эрестфѣрѣ, опрокинулась на пѣхоту и разстроила ее. Въ 10 часовъ вечера кончилось сраженіе; Шлиппенбахъ бѣжалъ съ конницей въ Пернау: вся пѣхота его легла на мѣстѣ.

Потера шведовъ была огромная: до 5,500 труповъ найдено на поляхъ, около мызы; до 300 человѣкъ взято въ пленъ, между ними полковникъ Брандель и подполковникъ Глазенапъ; вся шведская артиллерія 15 пушекъ (кромѣ своихъ, потерянныхъ авангардомъ), 16 знаменъ, 25 барабановъ, все осталось въ рукахъ побѣдителей. Русскій уронъ простирался до 400 убитыхъ, вѣсколько сотъ ранено, между ними С. И. Кропотовъ, С. И. Айустовъ, И. В. фонъ-Верденъ. По уничтоженію войска Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ Лифляндія осталась безъ защиты: только въ главныхъ городахъ, Ригѣ, Перу, Пернау и Дерпти были гарнизоны значительные, не смысливши однакожь выходить за ворота крѣпости. Въ Ведени, Волмѣрѣ, Валкѣ, Маріенбургѣ осталось по вѣскольку сотъ человѣкъ и Шереметьевъ съ многочисленными войсками, съ казаками, татарами, калмыками, съ цѣлою арміею, при сильной артиллериі около двухъ мѣсяцевъ ходилъ по Лифляндіи, все разорялъ, предавая огню, разрушая и опустошая. Лифляндцы, чухны, затыши погибали въ развалинахъ городовъ, еще болѣе были отводимы въ неволю съ женами и дѣтьми въ Москву, въ Азовъ, въ Малороссію. Дѣло было страшное. Лифляндія долго не могла оправиться и черезъ вѣсколько лѣтъ открылся въ ней мортъ. Многіе замки, крѣпкіе и богатые, построенные рыцарями ливонскими, со временемъ погибали Шереметьева до сихъ поръ лежать въ развалинахъ.

У Гуммельсгофа стоялъ Шереметьевъ трое сутокъ, пославъ ратниковъ конницу

людей во все стороны жечь мызы и деревни: они разорили въ конецъ Гешимстъ, Киркусъ, Ранденъ; на четвертый день русская армія переправилась обратно черезъ Энбахъ и двинулась къ Юрьеву Ливонскому или Дерпту, все опустошена путь; въ 7 верстахъ отъ Дерпта фельдмаршаль остановился на рѣчѣ Ревель, повелѣлъ коннымъ полкамъ разорить съверную Лифляндію съ одной стороны до Ланса и Везенберга, съ другой до Каммби и Оденсе. Шесть полковъ драгунскихъ, доаскіе казаки, калмыки, саратовцы, царцыцы и три роты новгородского разряда, подъ начальствомъ полковника Игнатьева, ходили къ Лансу и за Лансы, оттуда къ Везенбергу и Ревелю, и черезъ пять сутокъ возвратились къ Дерпту, за пути по обѣ стороны дороги и вѣвъ мызы и деревни пожгли, разорили безъ остатку, въ пять захватили нѣсколько тысячъ лифляндцевъ, эстляндцевъ, чухнъ, латышей съ женами и дѣтьми и пригнали болѣе 20,000 головъ скота; а чего не могли поднять — покололи и порубили. Такое же опустошение произвели на югъ отъ Дерпта ертаульный воевода Назимовъ и казацкій полковникъ Мурзенко: они доходили до той дорога, где Шереметьевъ шелъ на Шиаплеахъ, всѣ мызы и жилища на пута выжгли, людей, лошадей и скотъ побрали. Дождавшись возвращенія полковъ, ходившихъ на съверъ и югъ отъ Дерпта, Шереметьевъ въ началѣ августа пошелъ съ береговъ Ревеля, все опустошая направо и налево, къ Казарницкой мызы. Отсюда всѣхъ разездныхъ и пѣшихъ и добычу отправилъ во Псковъ; самъ же съ войскомъ двинулся къ Мензѣ (нынѣ Меничинъ), мызѣ богатой, иного людной и хорошо укрѣпленной; по слухамъ, въ ней было неврѣятелей до 1000 человѣкъ съ пушками. Полковникъ Бауэръ, начальникъ авангарда, подступилъ къ Мензѣ 7 августа и дважды требовалъ сдачи. Шведъ отказалъ съ безчестiemъ; надобно было употребить всѣ силы: армія подошла, окружила мызу со всѣхъ сторонъ, палила изъ пушекъ и гаубицъ. Подполковникъ Искуль наконецъ сдался; съ нимъ взято 2 капитана, 2 поручика, 3 прaporщика, 136 драгузъ и солдатъ, 154 мызниковъ, кроме женского пола и чухнъ, и 4 пушки. Подполковникъ — доносъ Шереметьевъ — зѣло особистъ и уменъ гораздо и высокой фамиліи говорить, что за размѣру его дадутъ кого угодно. Животинъ и чухнъ взято многое иночество, покуpали коровъ по 3 алтына, овецъ по двѣ деньги, робать по одной деньгѣ, а большихъ по гривѣ и алтына по четыре.

Разорявъ Мензу съ ее окрестностями, Шереметьевъ послалъ драгузы, казаковъ и калмыковъ разными дорогами для опустошения южной Лифляндіи. Генералъ-адъютантъ Дмитриевъ-Мамоновъ ходилъ за городъ Адзель; полковникъ драгунскаго строю фонъ-Берденъ къ Столтену и Роненбергу и тотъ и другой все въ конецъ опустошили, людей же порубили. По Рижской дорогѣ опустошены города съ усадьбами Трикатель и Сербина драгузы же Полусктоза полку и калмыки были отъ Риги всего въ 5 миляхъ. Рижскій генералъ-губернаторъ Фредрихъ выслалъ противъ нихъ лучшихъ конныхъ людей 50 человѣкъ съ сыномъ своимъ капитаномъ Карломъ Фредрихомъ; съ ними былъ бой, съ нимъ ге-

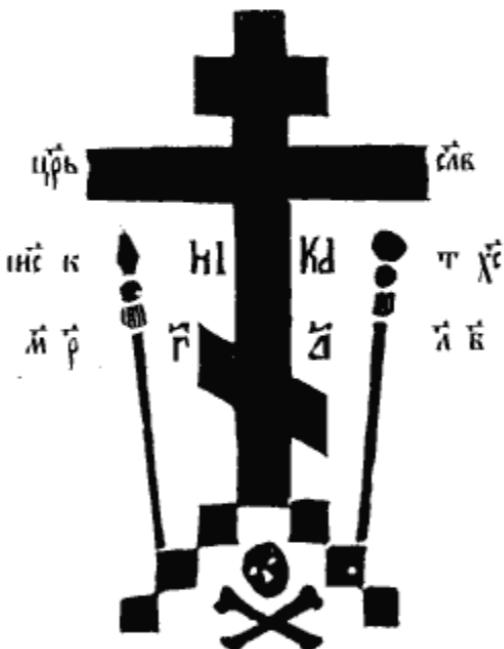
неральскій убить, а драгузы и калмыки возвратились безъ урона”^{1).}

Этотъ набѣгъ продолжался до конца августа; 25 бывъ взять Маріенбургъ, а 31 августа Шереметьевъ двинулся обратно къ Пскову, т. е. „обезхлѣбеля, обезшадели и отаготились ясыремъ и скотомъ”...

Въ 1703 году, опять таки вѣроятно раннею весною, выступила съ Яика на театръ войны другая станица съ воходнымъ атаманомъ Дмитриемъ Мироновымъ. Станица состояла изъ одного атамана, двухъ есауловъ, четырехъ знаменщиковъ и 493 рядовыхъ казаковъ. Къ этому времени, надо предполагать, что станица Витошкова была отпущена на Яикъ, во привелъ ее обратно уже не Витошновъ, а другой атаманъ.

Иванъ Сергеевичъ Витошновъ умеръ во Псковѣ, гдѣ и бывъ похороненъ. Умеръ ли онъ отъ разы или отъ болѣзни—неизвѣстно. Любителемъ русской древности врачомъ И. М. Захаровымъ была найдена въ 1904 году во Псковѣ и надгробная плита этого атамана^{2).}

На плите имѣется восьмиконечный старообрядческій крестъ^{3).}

Буквы эти к. м. Захаровъ объясняетъ такъ:

„ЦРЬ—Царь. СЛВ—Славы. ИС—Иисусъ ХС—Христость. НИКА—Ника

¹⁾ Устряловъ. Ист. Цар. Петра Вел., т. 4, кн. 1, стр. 117—120, 122.

²⁾ „Урал. Вѣд.“ 1909 г. № 18. „Казачья могила во Псковѣ“.

³⁾ Тамъ же.

(победилъ). К—Киша. Т—Трость. М—Мѣсто. Р—Рай. ¹⁾ Л—Лобное. Б—бить. Г—Глава. А—Адамова.—Буквы Р и Л ошибочно поставлены одна вместо другой; должно быть МЛ—РБ, т. е. "мѣсто лобное" "рай бить".

Надпись на памятнике: лѣта ѿ ржѣвѣ хѣба аѳа го мѣца въ
 преставися на слѹжбѣ великаго г҃оры
рѣкѣ бжїи иодинихъ ієгнєевъ сїхъ атаманъ іаніюнъ
казаковъ

То есть: Лѣта отъ Рождества Христова 1701-го году мѣсяца въ день преставися на службѣ великаго государя рабъ божій Иоаннъ Сергиевъ сынъ атаманъ язакихъ казаковъ.

Эта надгробная доска пишетъ Захаровъ ²⁾ подната была П. А. Адамовичемъ (мѣстн. обывателемъ) у разрушившейся ограды церкви села Компо, въ 5 верст. отъ Пскова. Село расположено на лѣвомъ заливоно берегу р. Великой въ ровной луговой мѣстности, удобной для стоянки и дѣйствий кавалеріи.

Доска была вѣвлана во внутренней сторовѣ разсыпавшейся ограды церкви и принадлежала одному изъ оставшихся могильныхъ холмиковъ, не имѣющихъ никакихъ оцозловательныхъ отѣтствъ. Доска была привнесена г. Адамовичемъ въ даръ Псковскому Археологич. Обществу въ концѣ 90-хъ годовъ, чѣмъ была спасена отъ совершенного уничтоженія и забыянія въ выѣхъ хранится въ музѣй общества, въ палатахъ Паганкіза въ Псковѣ.

Надпись на доскѣ, изъ мѣстной плиты (известника; вышина менѣ $\frac{3}{4}$ арш., ширин. около $\frac{1}{2}$ арш. и толщиной около 2 верш.), сдѣлана вазью, весьма схожей съ надписями на другихъ замогильныхъ доскахъ, въ большомъ количествѣ встрѣчающихся при церквяхъ въ г. Псковѣ и его близкихъ монастыряхъ, въпр. въ Псково-Печерскомъ.

Два слова для указания времени „лѣта“ и „году“ весьма обыкновенны для этого рода надписей, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ (см. Первоклассный Псково-Печерскій монастырь, изд. монастыря 1893 г. Островъ):

„Лѣта 1657 году марта въ 17 день убиенъ бысть на государевої службѣ за блю за государя цара рабъ божій ермолай степановичъ сынъ афросимовъ пусторожевецъ подъ Печерскимъ монастыремъ отъ свѣскихъ (шведскихъ) итиицъ“.

мѣцъ въ (день, т. е. отсутствіе указания мѣсяца и его дня кончина И. Сергиева (Ивана Сергиевича) означаетъ, что мастеру рѣзчику не дали эта свѣтлія за неимѣніемъ въ или же площадки умышленно имъ оставлены съ вѣдою блазихъ, заказавшихъ доску до времени полученія точныхъ данныхъ).

¹⁾ По объясненію казаковъ старообрядцевъ эта буква означаетъ не „рай“, а „расплату“. Иѣть ошибки въ размѣщеніи буквъ Р и Л, которые читаютъ такъ: М—Л, Р—Б. Записки Ред. „Ур. В. В.“.

²⁾ „Урал. Вѣд.“ 1909 г., № 18, „Казачья могила въ Псковѣ“.

Задѣска доски въ стѣну ограды церкви къ связи съ вышеуказаннымъ обстоятельствомъ и отсутствіе устройства настоящаго надмогильного памятника позволяютъ съ вѣроятностью предполагать, что доска вѣдьмана была въ стѣну болѣе или менѣе долгое время спустя смерти покойнаго при чёмъ близкіе (можетъ быть родственники) получили только общія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія его внутріи ограды на той или другой сторонѣ, въ томъ или др. мѣстѣ и въ такомъ то году и такъ же, какъ и теперь, не находили могилы, точно принадлежавшей покойному.

Вѣроятность этого предположенія поддерживается множествомъ подобныхъ примеровъ употребленія досокъ въ стѣнахъ церквей или оградъ безъ сѣдовъ могиль усопшихъ.

Погребенный „атаманъ“ И. Сергиевъ, вѣроятно, скончался или отъ болѣзни или послѣ тяжелой раны при ея продолжительности течеії, что видно изъ слова „Престависи“, т. е. для убитыхъ въ надписяхъ отчетливо употреблялось „убіенъ бысть“ или „убить“, иногда съ прѣбавкой „на бою“ или „во время Псковское смутное“, нерѣдко съ указаниемъ мѣста, напр., „подъ Новыми Городками“ (Нейхаузенъ, близъ Изборска по Псково-Рижскому), „за Свѣтскимъ (Шведскимъ) рубежемъ“ (въ Лифляндіи), „убить отъ нѣмцевъ людей подъ Аксломъ“ (Анцель близъ Изборска) и т. п.

„ИОАННИ СЕРГІЕВИХ СЫНЪ“ — соответствуетъ современному, Иванъ Сергиевичъ, но ее фамилія Сергиевъ, т. е. въ этомъ случаѣ не было бы слова „СЫНЪ“ (сынъ). Отсутствіе фамиліи можетъ быть объяснено различно; прежде всего для нея, видно, не хватаетъ мѣста на доскѣ и мастеръ поэтому не вырѣзаль ее. Недостатокъ мѣста на доскѣ замѣчается далѣе по сокращенію словъ „АТАМАНЪ“ при чёмъ И подписано наверхъ и „ИМЦКИЙ“, гдѣ И тоже перенесено наверхъ, въ обоихъ случаяхъ безъ И. Оба эти пріена своеобразны и не свойственны правиламъ сокращеній славянского языка.

Крестъ, надъ надписью, съ принадлежностями и буквами представляетъ образчики древнерусского изображенія этого рода и встрѣчается обыкновенно въ древнерусскихъ церковныхъ предметахъ, блюдахъ, чашахъ, крестахъ и проч. Въ старообрядчествѣ же это изображеніе представляется излюбленнымъ и до настоящаго времени и встрѣчается на старообрядческихъ крестахъ, иконахъ и памятныхъ крестахъ на могилахъ на кладбищахъ, какихъ много на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ Россіи, гдѣ старообрядчество („древнее благочестіе“) имѣло надежный пріютъ во времена преслѣдованій.

Съ религіозной точки зренія послѣ смерти, предъ будущимъ Судомъ, едѣ всѣ равны, всѣ „рабы божіи“, гдѣ не будетъ ошибокъ, для предстоящихъ душъ усопшихъ, достаточны личныя имена и для отличія одинаковыхъ — съ прѣбавкой указанія происхожденія, т. е. имена отца. Фамиліи же, какъ принадлежность земной жизни, какъ невужденія прозвища, не имѣютъ мѣста

и потому въ нашемъ случаѣ фамилія была не вырѣзана. Такое объясненіе позволяетъ составить изображеніе вышеописанного креста и слова „**РБЖ КОЖИ**“, которыми увѣчожается свѣтскій, житейскій характеръ надписи и предается религіозный смыслъ. Церковь, поминая усопшаго, называетъ только одно имя, привѣблія „раба Твоего“ или рѣже (уступая культурѣ) „боярина“ или „князя“.

Съ другой стороны фамилія у покойнаго могло вовсе не быть и какъ бы взамѣнъ ея вырѣзано пояснительное „**АТАМАНЪ ИАНЦКІЙ КАЗАКОВЪ**“. Извѣстно, что фамилія развились при развитіи гражданственности и что иѣхъ въ древней Руси не было¹⁾.

О службѣ станицы Миронова извѣстно такъ-же мало, какъ и о службѣ станицы Витошнова. Объ ее дѣлахъ не упоминается ни въ одной казачьей чалобитной, не упоминаютъ обѣ вѣи и ни въ одной сказкѣ о своей службѣ старшины въ 1739 году при слѣдствіи обѣ атаманѣ Прѣтковѣ.

Но изъ нѣкоторыхъ данныхъ видно, что она была въ томъ-же отрядѣ Шереметьева, въ которомъ была и станица Витошнова. Здѣсь яицкіе казаки участвовали во многихъ бояхъ и походахъ противъ шведовъ и при взятіи городковъ Ямы и Копорья.

„При самомъ основаніи Петербурга—пишетъ Устраловъ—въ маѣ 1703 г., фельдмаршаль Шереметьевъ двинулся съ войскомъ къ Копорію, а генераль-маіоръ фанъ-Вердеъ къ Ямамъ, чтобы довершить завоеваніе всей Ингрии оба города были незначительны. Когда подступили Шереметьевъ къ Копорію и послалъ обычное требование сдачи, комендантъ съ грубостью отвѣчалъ: „сами уѣдете!“. Брать городъ штурмомъказалось невозможно; онъ былъ окруженнъ рвомъ и стоялъ на горѣ; при томъ же русское войско имѣло не болѣе пяти пушекъ. Шереметьевъ дождался привоза мортаръ и 26 маѣ за-чалъ бросать трехъ-пудовые бомбы.

„Если отъ бомбъ не сдадутся писать овъ государю—приступать ни кому мѣрами нельзя, кругомъ ровъ самородный и плита. Не таковъ какъ про него сказывали. Комендантъ на другой день ударилъ сдачу „слава Богу—писать Шереметьевъ—и музыка твоя, Государь, мортары, бомбами хорошо играеть, шведы горазды тащевать и фартели отдавать, а если бы не бомбы Богъ знаетъ, чтобы дѣлать“. Маіоръ Опанель отвѣщевъ съ гарнизономъ безъ знамени и безъ пушекъ въ Нарву.

При Ямакъ, осажденныхъ фонъ-Верденомъ, хлопотъ было болѣе; все камень и плита и работа шла медленно. Недѣли черезъ двѣ городъ однакожъ

¹⁾ Въ спискахъ яицкихъ казаковъ того времени, найденныхъ въ Московскихъ архивахъ (до 1723 г.) и болѣе раннихъ (1600-гг. годовъ), ясно видно, что фамилій у казаковъ не было. Они называли себя по имени и отчеству, хотя большинство атамановъ и старшинъ Яицкаго войска и имѣли фамиліи, какъ въ данномъ случаѣ Витошновъ; но не только въ обычной жизни, но даже и въ официальной перепискѣ и въ чалобитныхъ царю они въ большинствѣ случаевъ называли себя только по имени и отчеству и лишь изрѣдка по фамиліи.

покорился. По царскому повелѣнію, фельдмаршалъ въ 2 мѣсяца укрѣпилъ его, вооружилъ 52 пушками и назвалъ Ямбургомъ.

Надъ укрѣпленіемъ Ямбурга трудилась цѣлая армія, до 22 тысячъ че-ловѣкъ, 11 полковъ драгунскихъ, 12 солдатскихъ, царицынскіе и саратов-скіе стрѣльцы, донскіе и яицкіе казаки, уфиццы, башкиры и астраханскіе куры и татары.

Въ концѣ августа Шереметьевъ съ 9 полками драгунскими, съ однѣми пѣхотными на подводахъ, съ татарами, казаками, калмыками, башкирами, при 24 орудіяхъ, перешелъ черезъ Нарву близъ Сыренца и быстро двинул-ся къ Везенбергу. Оть шель какъ въ 1702 году, неумолимымъ разруши-телемъ: все на пути, направо и налево опустошалъ, разорялъ, истреблялъ, жегъ и рубилъ.

Недалеко отъ Везенберга при Зоммергутенъ, стоялъ съ малочисленнымъ войскомъ Шлиппенбахъ: узнавъ о приближеніи русскихъ, онъ послалъ под-полковника Фрейтага для разведыванія. Шереметьевъ ломился неукротимо, разбивалъ подъѣзды и караулы и уже приближался къ Зоммергутену когда Шлиппенбахъ, покинувъ свой таборъ побѣжалъ къ Ревелю, разметывая за собой мосты. Наступившая ночь остановила преслѣдованіе. Съ разсвѣтомъ кинулись за винъ татары и калмыки на лучшихъ лошадахъ; въ слѣдъ ска-кали драгуны: гнали бѣгущихъ шведовъ до Лаксы, но не могли догнать. По слухамъ Шлиппенбахъ ушелъ въ Ревель.

Четыре дни и ночи русскіе разрушали Везенбергъ и обратили его въ пе-щель. „Какъ богачъ былъ Ракобороръ жилье! — писалъ Шереметьевъ и при-ласки и какія мѣста, изволишь увѣдомиться отъ посланаго именемъ; а всего, Государь истинно ве уписать“. Окрестности до самого моря, также по дорогѣ къ Нарвѣ и къ Ревелю, были разорены и пожжены. Отсюда онъ пошелъ къ Пайде или Вейсенштейну, на пути было много каменныхъ домовъ, какихъ Шереметьевъ, по словамъ его, не наблюдалъ, всѣ они съ городомъ и сло-бадами разрушены. Оть Вейсенштейна русскіе двинулись къ Вильянни городу крѣпкому, каменному съ посадами обширнѣе Везенбергскихъ; въ немъ стоя-ли шведы, въ числѣ 4 ротъ пѣхотныхъ и 3 конныхъ; узнавъ о приближе-ніи русскихъ они обратились въ бѣгство, Шереметьевъ отрядилъ за ними въ голову татаръ, калмыковъ, казаковъ; городъ же съ посадами сжегъ и разорилъ.

Къ сѣверу и югу, на Обернеменъ и Руни, послалъ по три полка дра-гунъ; оба города съ окрестностями въ 30 верстъ были разорены. Изъ Кар-куса, до которого въ минувшемъ году доходили русскіе, фельдмаршаль раз-дѣлилъ свое войско на четыре части и довершилъ опустошеніе Дафляндіи: остались нетронутыми, кроме Нарвы и Дериты, только Ревель, Перноу и Рига, да мѣстечко за болотами Лемсанъ.

Въ концѣ сентября Шереметьевъ возвратился въ Печерскій монастырь съ пѣховыми и добычей. „Офицерамъ и солдатамъ посыпало роспись“ доносилъ

онъ царю, а че взято чухни и жанскаго поса, того за ивожествою и искать не велъль, ратные люди по себѣ ихъ разобрали, скота и лошадей, чай, вдвое предъ прошлымъ годомъ взято и въ твою государь сторону выгнато; а чухонъ мужскаго полу взято меньше прошлого года для того, что вести было трудно: развѣ всякому человѣку по чухѣй — и ивогихъ отпустили, а не рубили, если не противились¹⁾.

Была-ли отпущена осенью 1703 года станица Миронова на Яикъ — неизвестно, но ввиду того, что яицкіе казаки съ ранней весной 1704 г. опять привлекаютъ участіе въ походахъ Шереметьевъ, надо предполагать, что станица оставалась до весны 1704 г., когда приблизительно въ маѣ ее смѣнила вновь прибывшая съ Яика станица походнаго атамана *Матея Рекунова*, въ составѣ которой вошли одинъ атаманъ, четыре есаула, столькъс-же знаменщиковъ и 491 рядовыхъ казаковъ. Эта станица, которой суждено было пробить въ арміи беспрѣменно семнадцать лѣтъ, вошла въ составъ гарнизона, годъ тому назадъ построеннаго Петромъ на устьѣ р. Невы, *Петербурга*.

Въ маѣ 1704 г. главныи силы русскихъ войскъ вмѣстѣ съ Петромъ двинулись для осады *Нарвы*. Защищать-же Петербургъ былъ оставленъ комендантъ Петропавловской крѣпости полковникъ *Романъ Брюсъ* съ шестью пѣхотными полками съ запорожскими, яицкими и визовыми казаками и татарами²⁾. У бронеплота-же на Невѣ стоялъ флотъ — семь 24 пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ въ прошломъ году на Свири, и нѣсколько галеръ.

О дѣйствіяхъ этого отряда Устралозъ пишетъ слѣдующее:

„Брюсъ въ концѣ іюна послалъ по Выборгской дорогѣ, для разведыванія подѣльзть изъ 2.000 легкой кавалеріи: астраханцевъ, татаръ и запорожцевъ въ яицкихъ казаковъ; на Черной рѣчкѣ они напали на шведскій отрядъ, разбили его, взяли 12 офицеровъ съ вѣсколькими рядовыми и, живо преслѣдуя бѣгущихъ, перебрались за Черную; здѣсь при *Валкисари* (Бѣлоостровъ) наткнулись на 8 тысячъ шведовъ, подъ начальствомъ генераль-поручика *Майдель*. Татары и казаки бросились назадъ, перекололи плѣнныхъ офицеровъ и рядовыхъ, отбились отъ врага и прискакали къ Петербургу съ извѣстіемъ, что всѣдѣ за ними идутъ шведы. Полковникъ Романъ Брюсъ приготовился къ отпору; ночью на Петербургскому острову приготовилъ баттареи, а на Невѣ поставилъ фрегатъ. 12 іюня Майдель пришелъ на Выборгскую сторону и черезъ рѣку открылъ пальбу. Русскіе отвѣчали живо съ баттарей и фрегата. Майдель отступилъ, на берегахъ Охты думалъ взять полуразрушенная кавказъ, но, не имѣя судовъ, не могъ переправиться черезъ Охту и простоялъ въ лѣсу за версту отъ Брюса съ мѣсяцъ. Столъ же неудачно было нападеніе шведскаго флота на Кровшлотъ. Вице-адмираль *de Пру* съ однѣмъ линейнымъ во-

¹⁾ Устралозъ, Ист. пар. Петра Вел., томъ 4, кн. 1, стр. 276, 277, 279—287.

²⁾ Тамъ-же, томъ 4, часть 1, страница 266.

раблемъ, пятью фрегатами, пятью бригантинами и одинъ брандеромъ, еще на началѣ іюня появился подъ Кронштадтомъ; но былъ отбитъ жестокими сражениями съ русскихъ баттарей. Де Пру подкрѣпилъ свои силы и во время, когда Майдеъ подступалъ къ Петербургу, напалъ на Котлинъ. По словамъ Адлерфельда, при высадкѣ шведовъ, съ подполковникомъ Дозе и Можоромъ Леономъ, русскіе обратились въ бѣгство, и непріятель овладѣлъ ими орудіями. Иначе и вѣроятнѣе разсказано дѣло въ журнальѣ Петра: когда шведы, приставъ къ мели, начали изъ судовъ выходить на Котлинъ, русскіе ударили въ нихъ изъ мелкаго оружія замкомъ и многихъ убили. Шведы кивулись назадъ и отдалили къ флоту. Послѣ того де-Пру бросаль въ Кронштадтъ боемъ двое судовъ; во ни одна изъ нихъ не пошла потому, что крѣпость была малая, а шведскія бомбардирныя судна были на далекомъ разстояніи".

1705 годъ застаетъ яицкихъ казаковъ въ Курляндіи подъ начальствомъ того же Шереметьева. Шведскія войска, бывшия тамъ, находились подъ командою Левенгаупта. 15 іюля конніца Шереметьева при Мурѣ-мызѣ (или Генгауртгофѣ), встрѣтивъ главныя силы Левенгаупта, „старымъ обычаемъ безстройно"бросилась на шведскую кавалерію, смяла ее и разбила. Тогда Левенгауптъ отступилъ съ пѣхотою въ лѣсъ, русская же кавалерія стала грабить шведскій обозъ. Въ это время подошла русская пѣхота, во потерпѣла пораженіе отъ шведской пѣхоты и отступила; смотря на нее, отступила и конніца. Отрядъ потерялъ нѣсколько пушекъ.

Послѣ этого отряда Шереметьева былъ отправленъ къ Ригѣ, где долженъ былъ на лѣвомъ берегу р. Даины сторожить шведовъ и не дать возможности соединиться имъ съ главными силами Карла. Осеню этого года Шереметьевъ былъ отправленъ на усмиреніе Астраханскаго бунта и начальство надъ войскомъ привалъ Меншиковъ.

Между тѣмъ въ наступившемъ 1706 году 13 января Карлъ со всѣми силами прашелъ къ Нѣману и на другой день, переиравившись черезъ рѣку, подступилъ къ Гродно.

Но не рѣшившись идти дальше къ Россіи, онъ лѣтомъ этого года двинулъся въ Саксонію. Этимъ воспользовался Меншиковъ и повелъ все войско въ Польшу противъ оставленнаго тамъ Карломъ генерала Мардефельда. Въ Люблинѣ соединился съ польскимъ королемъ Августомъ и 18 октября выѣхѣлъ съ венѣ встрѣтить шведовъ у Калиша; отрядъ Мардефельда состоялъ изъ 8 тысячъ шведовъ и 20 тысячъ поляковъ. Бой длился три часа. Шведы были разбиты: легко на мѣстѣ около пяти тысячъ шведовъ и тысяча поляковъ.

Послѣ этой победы войска встали въ Польшѣ на зимнія квартиры, при чёмъ штабъ арміи и главныя силы были расположены въ мѣстечкѣ Желкви¹⁾.

Пробл҃днательно въ маѣ слѣдующаго 1707 года въ составъ отряда Меншикова въ Желкви прибыла еще станца яицкихъ казаковъ съ походными

¹⁾ Въ 25 верстахъ сѣвернѣе г. Львова.

атаманомъ Митрофаномъ Пимоновичемъ Алеминымъ. Въ составъ станицы вошли: одинъ походный атаманъ, четыре есаула, четыре заменища и 491 рядовыхъ казаковъ. Эта станица пробыла въ арміи безсільно девять лѣтъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ этой станицею, въ составѣ кавалеріи Меншикова находилось тысяча яицкихъ казаковъ. Все лѣто русскія войска стояли въ Польшѣ; только въ августѣ, когда Карлъ, имѣя 24.500 человѣкъ коннаго и 20 тысячъ пѣхоты, двинулся въ Россію, Меншиковъ выступилъ изъ Польши и Литву и расположился съ кавалерією въ Дзенцолахъ¹⁾, Шереметьевъ же съ пѣхотою стала въ Минскѣ.

На сѣверѣ противъ русской арміи въ это время находились два шведскихъ генерала: Левенгауптъ съ 16 тысячами въ Либландіи и Любекеръ съ 14 тысячами въ Финляндіи.

Въ концѣ іюня 1708 года Карлъ прибылъ въ Борисову для переправы черезъ Березину. Мѣсто для этого онъ выбралъ мѣстечко Сапожинская Березина въ пяти верахъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметьевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля при переправѣ черезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибічъ.

3-го іюля произошла битва при Головчинѣ. Бой былъ упорный, не желая вступать съ Карломъ въ решительную битву, Меншиковъ отступилъ къ Днѣпру. Въ этомъ бою русская коннага имѣла пятичасовой безпрерывный бой со шведскою коннаго, а въ наступлении на генерала Рейнвіна перешедъ непріятельская коннага пошла за кавалерію нашу подъ командою Гольца, съ которымъ у непріятеля былъ великий бой пять часовъ на обѣ стороны съ уровнемъ, и оной по жестокому отпору непріятелю, какъ и мы, не хотѣ съ непріятелемъ въ главную баталію вступать и не имѣя въ тому удобнаго мѣста, отступили къ Даѣверу²⁾—донаосилъ Меншиковъ царю²⁾.

Послѣ боя Карлъ двинулся къ Могилеву, гдѣ стала дожидаться прихода Левенгаупта изъ Либландіи съ 16000 войска, артиллеріею и провіантомъ. Но, не дождавшись его, онъ въ началѣ августа выступилъ изъ Могилева и направилъ путь къ юго-востоку, къ Чирикову, на рѣку Сожъ. Русскія войска пошли сѣдомъ за нимъ. Въ концѣ іюля въ августѣ онъ снова повернулся къ Даѣверу, гдѣ, воспользовавшись олошнностью праваго крыла его арміи, Петръ у мѣстечка Добраго двинулъ на него часть своихъ войскъ, которая послѣ двухчасового боя разбила шведскій отрядъ, положивъ на мѣсто около 3000 труповъ и отступила лишь тогда, когда Карлъ подошелъ на помощь со всѣми своими силами. Послѣ этого боя русскіе стали отступать къ сѣверу. Карлъ шелъ за ними нѣсколько времени и опять остановился, поджидая Левенгаупта, но Левенгауптъ не приходилъ. Тогда Карлъ повернулся на югъ и пошелъ на Украину, въ надеждѣ найдти тамъ провіантъ и фуражъ для лошадей.

¹⁾ Въ 15—20 верстахъ южнѣе нынѣшняго Новогрудка, Минск. губ.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 15, глава 4.

Левенгаупту онъ послалъ приказаніе немедленно идти къ Стародубу. Но приказаніе было трудно выполнимо: двѣ рѣки — Дѣбръ и Сожъ отдѣлали его отъ шведской арміи и между ними стоялъ царь съ русскою арміею. 21 и 22 сентября Левенгауптъ перешелъ Дѣбръ у Шклова и началъ пробираться на югъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ пошелъ за нимъ и 27 сентября настигъ шведовъ у Пропонска при деревнѣ Лысной. 28 сентября разгорѣлся жестокій бой, продолжавшійся съ часа пополудни до позднаго вечера. Непріятель былъ разбитъ. На мѣстѣ боя онъ оставилъ 8000 труповъ (кромѣ тѣхъ, которые умерли во лѣсамъ и которыхъ побили тамъ калмыки); побѣдителемъ достался весь обозъ съ 3000 телѣгъ, 16 пушекъ, 42 знамени. За бѣжавшими шведами былъ посланъ генералъ Флюкъ съ конницей, который настигъ ихъ у Пропонска, разбилъ ихъ, положилъ на мѣстѣ до 500 человѣкъ и взялъ въ пленъ 45 офицеровъ и 700 рядовыхъ. Другихъ, бѣжавшихъ внизъ по р. Сожѣ, преслѣдовала калмыки и почти всѣхъ перебили. Часть драгунскихъ полковъ, бывшихъ за р. Сожѣ, также преслѣдовали успѣвшихъ перенравиться черезъ рѣку шведовъ. Самъ Левенгауптъ съ небольшою частью успѣлъ уйти.

Потери русскихъ были 1111 убитыхъ и 2856 раненыхъ.

Въ этомъ кровопролитномъ бою принимали участіе всѣ бывшіе въ русской кавалеріи яицкіе казаки¹⁾, но въ какомъ изъ кавалерійскихъ отрядовъ они были — неизвѣстно.

Междѣ тѣмъ Карлъ двигался въ Малороссію и весною 1709 года былъ у Полтавы. Всѣдѣ за нимъ и восточнѣе его двигались русскія войска и встали недалеко отъ Полтавы. Здѣсь къ Карлу присоединился съ частью запорожцемъ измѣнившій царю малороссійскій гетманъ Мазепа. Полтава была осаждена. Сношеніе горожанъ съ русской арміей производилось посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма черезъ непріятельскую линію. 16-го іюня осажденные дали знать, что у нихъ почта вѣтъ пороху и что держаться дальше они не въ силахъ. Нужно было дѣйствовать решительно и пока шведы безуспешно штурмовали Полтаву, Петръ 20-го іюня перевѣль всѣ свои войска на правый берегъ Ворсклы у села Петровки. Крестьянинъ этого села, по имени Желѣзняка, указалъ Петру бродъ, по которому и перешли войска. Послѣ побѣды Петръ не забылъ Желѣзняка, подарилъ ему шпагу, щедро наградилъ деньгами и освободилъ отъ всѣхъ податей. Переоправившись на правый берегъ, Петръ немедленно окопался, устроивъ укрѣпленный лагерь у дер. Семеновки, другой — южнѣе въ 3-хъ верстахъ и построилъ свачала 6 редутовъ вдоль фронта позиціи и еще 4 редута въ перпендикуляръ направлений на пути вступленія противника; послѣдае, однако, ко дню боя не было окончены. Помимо материальной стороны дѣла не менѣе вниманія Петра было направлено и на подъемъ нравственныхъ силъ своей арміи. Обѣажая войска, онъ

¹⁾ Показанія старшинъ о своей службѣ. Слѣдственное дѣло объ атакахъ Притковъ. Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 47, дѣло 51/54.

бесѣдоватъ съ офицерами, говорилъ о важномъ зваченіи предстоящаго боя и, въ конецъ, вадалъ свой азаментный бессмертный приказъ, который былъ прочитанъ войскамъ ваканупъ, 26-го іюля.

„Войны... се пришель часъ, который долженъ рѣшать судьбу отечества. Вы ведолжны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученню, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава врага, яко непобѣдимаго, которую лежитъ быти вы сами побѣдами своихъ наѣдъ винъ неоднократно доказали. Ийдите въ сраженіе передъ очами вѣшими правду и Бога, поборавшаго же васъ; на Того Единаго, яко всесильного въ бранѣхъ уповайтѣ; а о Петре вѣдайте, что ему живыи не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

26 числа войска были разставлены для боя. Въ центрѣ находился фельдмаршалъ *Шереметевъ*; правымъ крыломъ командовалъ генераль-лейтенантъ *Ренне*, лѣвымъ *Мениковъ*, артиллерию *Брюсъ*. На правомъ-же крылѣ была поставлена вся конница среди лѣса. Въ числѣ этой кавалеріи въ битвѣ подъ Полтавою находились обѣ станицы яицца казаковъ¹⁾.

Въ этотъ же день узнали, что Карлъ раненъ. Ночью подѣхъль онъ осмотрѣть русскій лагерь и заткнулся на казацкую партію, которая стояла неосторожно; вѣсколько казаковъ, ничего не подозрѣвая спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздался выстрѣль — одинъ казакъ упалъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ коня и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, где стоялъ король и Карлъ получилъ рану въ ногу²⁾.

У шведовъ, ввиду полученной королемъ раны, главное начальство надъ войсками принялъ фельдмаршалъ *Реншельдъ*; вся пѣхота находилась подъ командой *Левенгаупта*, кавалерія — *Крейца*. Артиллерию у шведовъ была самая величительная и почти не имѣла снарядовъ.

Петръ предполагалъ дать сраженіе 29-го, въ день своихъ винницъ, но Карлъ предупредилъ его и перешелъ въ наступленіе 27-го іюля.

Передъ разсвѣтомъ шведы бросились на русскую конницу и овладѣли двумя редутами, которые еще не были отданы. Генералъ *Ренне* былъ раненъ и сдалъ начальство *Боурю*. Шведы были отбиты въ шесть батальоновъ шведской пѣхоты и пѣсколько-десяткахъ эскадроновъ кавалеріи были отброшены отъ главной шведской арміи и прогнаны въ лѣсъ. *Боур*, ушедшему съ конницей впередъ, приказали было вернуться и отойти вправо отъ ретраншамента *Боуръ* сталъ ожидать; шведы, предѣдѣдя его, представили свой флагъ ретраншаменту и когда *Левенгауптъ* съ пѣхотою приблизился къ нему на разстояніе 30 сажень, то встрѣченъ былъ такимъ убѣственнымъ огнемъ во флагъ, что вынужденъ

¹⁾ Покладаріо старшина о службѣ (Моск. Арх. Главнаго Штаба, отдѣлъ 47, дѣло 31/4).

²⁾ Соловьевъ. Исторія Росс., томъ 15, глава 4.

быть прекратить преслѣдованіе русской конницы и встать къ лѣсу въ выструйзовъ. Въ тоже время Меншиковъ и генералъ Ренцель съ пятью полками коннicy и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ стояли отброшенные коннцей въ началѣ дѣла шведы. Тутъ шведы были разбиты на голову: генералъ Шлинденбахъ былъ взятъ въ плѣнъ, за нимъ сдался и генералъ Розенъ. Въ тоже самое время пѣхота была выведена изъ ретраншаментовъ и шесть полковъ кавалеріи были взяты съ праваго крыла, обведены позади пѣхоты и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Рѣшено было атаковать непріятеля. Но шведы опять предупредили и двинулись на встрѣчу къ русскимъ и въ 9 часовъ утра началась „генеральная баталия“.

„И грязнѣлъ бой, Полтавскій бой“!

Два часа кипѣлъ этотъ отчаянныи и кровопролитныи бой. Самъ Петръ распоряжался въ огнѣ: шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карза же съ болѣвою ногой возили въ коляскѣ между солдатскими рядами; но русское здро ударило въ коляску и король очутился на землѣ. Шведы, находившіеся вблизи, подумали, что Карлъ убитъ, и шведскими полками овладѣль ужасъ; и безъ того колебавшіеся они пришли въ смутеніе. Карлъ приказалъ поднять себя и подсдѣть на перекрещенные пики, но шведы уже дрогнули; король увидѣль всеобщее замѣшательство и въ отчаяніи закричалъ: „Шведы! шведы“!! Но шведы бѣжали и не слышала призыва своего короля.

Прискакавшій къ нему Реншельдъ лишь успѣль сказать: „Ваше величество, наша пѣхота потерпана! Товарищи, спасайте короля!“ и съ этими словами онъ ринулся въ разстроенные ряды своего войска и былъ взятъ въ плѣнъ.

Шведы потеряли всакій порядокъ:— все побѣжало! Полтавская баталия была выиграна.

„Усталые, волнуемые неизпытанными никогда ощущеніями,—пишетъ Соловьевъ,—царь, генералы и офицеры послѣ молебна сѣли въ палаткахъ обѣдать. Свѣтлое чувство неизмѣримой радости не допускало никакихъ тѣнныхъ чувствъ: всѣхъ сюда! и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ усадили тутъ-же за столъ; Петръ ласкалъ фельдмаршала Реншельда, хвалилъ его храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда привели Пипера, который, вѣда страшное пораженіе, потерпавъ изъ виду короля, не зналъ куда бѣжать, самъ прѣѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя секретарями королевскими. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремѣли пушки; царь провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?“ спросилъ Реншельдъ.— „Вы, господа шведы“,— отвѣчалъ царь. „Хорошо-же ученики отблагодарили своихъ учителей!“— замѣтилъ фельдмаршаль“¹⁾.

Между тѣмъ остатки шведовъ бѣжали, не преслѣдуемые русскими. Неожидан-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 15, глава 4.

ное счастье такъ поразило, что забыли о преслѣдованіи. Только уже вечеромъ послали въ логонъ князя Голицына съ гвардіею и генерала Воура съ драгуанами.

Утромъ на 28 число въ логонъ за шведами отправился и Меншиковъ съ девятью тысячами кавнинцы.

„Остатки шведской арміи, бѣжавшіе 27 числа изъ подъ Полтавы, находились въ совершенномъ разстройствѣ, и великимъ счастіемъ для нихъ было то, что русскіе оставали ихъ безъ преслѣдованія. Шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Даѣпру. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня достаили они Невосенжарова; истомленнаго Карла ввесли въ домъ, перевязали ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Но когда совершенно разсвѣло, его разбудили: „русскіе приближаются; если ваше величество изволите приказать, мы пойдемъ дальше“.— „Да, да, дѣлайте что хотите!“— отвѣчалъ Карлъ. Запылали повозки, лошадей изъ подъ нихъ роздали пѣхотинцамъ и шведы побѣжали дальше къ Даѣпру. 30 іюня, посль полудня, увидѣли они наконецъ Даѣпру у маленькаго городка Пере-волочинъ, гдѣ впадаетъ Ворскла; но вмѣсто городка увидѣли одну кучу развалинъ и ни одной лодки на рѣкѣ, ни одного человѣка въ опустѣлыхъ окрестностяхъ. Какъ-же переправиться за Даѣпру? А русскіе близко: какъ отъ нихъ оборовиться?— Нѣтъ ни артиллериі, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духомъ. Генералы уговаривали Карла покинуть армію и переправиться за Даѣпру. Отыскали двѣ лодки, связали вмѣстѣ и поставила на нихъ повозку короля, такъ что заднія колеса были въ одной лодкѣ, переднія въ другой; и такимъ образомъ поздно ночью переправили на другой берегъ. Карлъ взялъ съ собой серебряный столовый сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи. Нашлась лодка и для Мазепы, который успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми. Другіе назначенные сопровождать короля переправились кто какъ могъ: запорожцы много помогли своимъ искусствомъ въ переправахъ, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но никто не думалъ повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, какъ бы переправиться за Даѣпру всѣдѣ за королемъ, другіе истомленные лежали въ глубокомъ снѣ. На разсвѣтѣ другого дня Левенгауптъ и Крейдѣ начали хлопотать, какъ бы привести въ устройство арміи; но едва половина солдатъ собралась подъ знамена, многие остались на берегу, другіе стояли неподвижно въ отдаленіи, на призываѣ генерала не отвѣчали ни слова, смотрѣли безъмысленно, да и на лицахъ тѣхъ, которые собирались подъ знамена, выражалось отчаяніе. Когда совсѣмъ разсвѣло, Крейдѣ подѣхалъ къ Левенгаупту и сказалъ: „Генераль, уже поздно! Русскіе стоять за возышеностями и прислали къ намъ съ требованіемъ сдачи“. То былъ Меншиковъ съ 9,000 кавнинцы. На всѣхъ возышеностяхъ раздавались звуки трубъ и барабановъ, какъ будто цѣлая русская армія была тутъ и между шведами сейчасъ-же распространился слухъ, что 30,000 русскихъ готовы къ нападенію. Левенгауптъ, видя состояніе своего войска, не имѣлъ никакой

надежды на успехъ сопротивленія послалъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ имъ: сдаться военаоплѣнными съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платы и частнаго имущества; запорожцы и бунтовщики исключаются изъ этого условія. Предложеніе было принято¹⁾.

Вмѣстѣ со сдавшимися Меншикову всего послѣ боя въ рукахъ русскихъ оказалось пленныхъ шведовъ: штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1102, унтеръ-офицеровъ, радовыхъ, артиллерійскихъ служителей 16947. Русскихъ же при полтавской баталіи убито 1345 и ранено 3290 человѣкъ. Шведовъ похоронено болѣе 13 тысячъ.

Такъ кончилась славная и знаменитая Полтавская баталія.

На другой день послѣ Полтавской баталіи въ присутствіи Петра Великаго сложены были тѣла убитыхъ въ надѣй общей братской могилою самъ царь водрузилъ деревянный крестъ. Около ста лѣтъ могила эта оставалась безъ вниманія и только въ 1856 году возлѣ могилы былъ построенъ храмъ во имя Сампсонія Страннопріимца (день празднованія Полтавской битвы); на самой же могилѣ только въ 1895 году былъ окончательно устроенъ памятникъ и освященъ.

Подробностей объ участіи лицъ казаковъ въ Полтавскомъ бою, въ сожалѣнію, не сохранилось или, вѣрѣ, они еще не найдены и не извлечены изъ свѣтъ Божій изъ архивной пыли. Но объ станции становъ Рекунова и Алетана признаны самое дѣятельное участіе въ этомъ бою, что видно изъ многихъ дошедшихъ до насъ человѣтныхъ казаковъ и также изъ сказокъ старшаго о своей службѣ. [Смотри приложение XIII].

Полтавская баталія произвела на народъ громадное впечатлѣніе.

Пришедшіе на Якъ послѣ многолѣтніхъ походовъ азиатскіе казаки объ этой битвѣ написали даже отдельную книжку „Книжка о Полтавской баталії“ и положили ее на храненіе въ церковь.

Впослѣдствіи эта книжка хранилась въ Казанской церкви. Во время пожара въ 1751 г. эта церковь сгорѣла. Довсія объ этомъ въ военную коллегію въ октябрѣ 15 дня 1751 г., казаки, перечисляя погибшее имущество сгорѣвшихъ церкней, упоминаются въ числѣ имущества, сгорѣвшаго въ Казанской церкви, и эту книжку: „Книжка о Полтавской баталії одна“²⁾, т. е. полтавской баталіи, т. к. казаки до сихъ поръ называютъ Полтаву — Платавой.

Что эта „книжка“ была книжкою не офиціальной, а всего вѣроятнѣе — была написана самими казаками съ описаніемъ боя я, вѣроятно, съ именами и фамиліями участвовавшихъ и убитыхъ въ Полтавскомъ бою казаковъ, служить тотъ фактъ, что она хранилась не въ войсковой избѣ (канцеляріи), а

1) Соловьевъ. Ист. Росс., томъ 15, глава 4.

2) Войсковой архивъ, дѣло III разр., № 89, листъ 105.

въ церкви:— въ самомъ безопаснѣи по тому времени и сватомъ иѣсть, какъ памятникъ и поминанникъ.

Если же принять во вниманіе то, что даже въ настоащее время многіе казаки старообрядцы считаютъ за грѣхъ читать и имѣть книги гражданска (т. е. не церковныя), то будетъ понятно, что во времена 1700-хъ г.г., когда всѣ юнцкіе казаки были сплошь старообрядцы и церкви были старообрядческія, не могла храниться въ церкви книга официальная-гражданская, ибо это шло бы въ разрѣзъ религіозныхъ убѣжденій массы казаковъ. Поэтому официальной книги не было бы иѣста въ церкви, она была бы въ войсковой избѣ. Храниться въ церкви могла только „книжница“, записанная самими казаками.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, писанныхъ документовъ объ участії юнцкіхъ казаковъ въ Сѣверной войнѣ и въ Полтавской бatalіи сохранились на Янкѣ предавія, записанныя И. И. Желѣзновымъ со словъ казака Ивана Никитича Чакрыгина. Одео изъ нихъ касается атамана Прохора Дмитриевича Дурманова, другое говорить о герое полтавской битвы о казакѣ Рыжечке¹⁾.

Вотъ что пишеть обѣ этомъ И. И. Желѣзновъ:

— „Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ и слушать любо,—сказалъ я, когда старикъ копачъ предавіе о трехъ Иванахъ.—Экой ты, экой ты какой!— говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгай, и на лицѣ его сіяло неподдельное чувство самодовольства.—Но ты назвалъ Ивана Пыжала, Ивана Шаталу, Ивана Клада, еще Ивана Бирючихъ-Лапъ. А гдѣ-же Рыжечка?—спросилъ я.—Экой ты, экой ты какой! сказалъ Иванъ Никитичъ.—Тѣ жиле прежде Рыжечки, тѣ жели, може статься, Богъ знаетъ когда (старикъ нахувулъ рукою), а Рыжечка, почитай, что на памяти нашихъ отцовъ, Рыжечка, сударь мой, былъ въ полку у Прохора Матрича.—Кто такой Прохоръ Дмитричъ?— Ну и славно! сказалъ съ удивленіемъ старикъ. Ты и Прохора Матрича не знаешь. Хорошъ же гусь!.. А Прохора Матрича Дурманова все наше войско знало. Съ нимъ царь Петръ Первый компанію водилъ.—Будто?—Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Такъ и быть, разскажу тебѣ съ ковца. Слушай, ваше благородіе. Я ради былъ слушать хотя на словѣ „ваше благородіе“ старикъ и сдѣлалъ удареніе, ясно говорившее: „хоча вы и чиновники, но ни черта не знаете на счетъ житья-бытия казацкаго“. Старикъ началъ:

„Петръ Первый, нѣсколько лѣтъ сраду, нель бравъ-войну со Шведомъ. Этому, вишь, за досаду въ великую грубу стало, когда Петръ Первый задумалъ отнять у него нѣсколько губерній чуховскихъ. Вотъ изъ-за этого-то самого дѣла они и дразнись нѣсколько лѣтъ сраду не на жизнь, а на смерть. Испоконъ вѣка ни одна война не проходила въ теперича вѣро-

¹⁾ Соч. И. И. Желѣзнова „Уральцы“ т. 3, стр. 6—32.

ходить безъ того, чтобы нашихъ казаковъ не требовали въ арміи: безъ казаковъ, словно безъ соли, нельзя обойтись. Такъ было изъ ту пору. Много нашихъ полковъ перебывало въ расейской арміи: и пятыстенные и семи-сотенные, и тысячные, всѣмъ было иѣсто и дѣло. Нигдѣ никогда отъ нашихъ казаковъ прослуги не было, окромя лишь отлки. Присажутъ ли, бывало, имъ непріателя скрѣсть — какъ съ полки слушнуть; пошлютъ ли, бывало, соколиковъ куда, хоша бы и за море, примѣрно, языка добыть — языка добудутъ. Такие ужъ были ловчаги, что днемъ съ огнемъ поискать, и то вредъ ли найдешь. А все Богъ имъ помогалъ за ихъ простоту. Вѣдаль о томъ и самъ царь. Разъ зимнею порой шведскій городъ Караптина брали. Вотъ тутъ-то наши казаки оченno себя показали. Въ однихъ легонькихъ, сударь мой, лѣтнихъ кафтанчикахъ да куртакахъ, безъ шапокъ, съ открытыми, иль-бо съ перевязанными платкомъ головами, они, аки львы могучіе, аки звѣри дубравные, рискали впереди арміи и душили шведовъ, словно мухъ, а работали, зашибть, касатикъ, одними только пиками, точь-въ точь какъ въ ста-ринныхъ пѣсняхъ поется, примѣрно о Ермакѣ Тимофеевичѣ, что говорилъ царю Ивану Васильевичу Грозному: „Возьмемъ-де тебѣ Сибирь-городъ безъ свинца, безъ пороха. Возьмемъ-де блѣдой грудью, съ замчатной съ одной пletочкой...“ Вишь, какіе были ярои, ста-ринные казаки-лицары, ее вы-мѣшаныи чета, ученыи, что павахи умѣютъ съ полу подымать, а отъ киргизскаго коня, къ примѣру сказать, „мамынька!“ кричать... Въ тотъ день морозъ былъ лютый, бороды у нашихъ казаковъ завидѣвали, а отъ самахъ отъ нихъ царь валомъ вазиль, словно съ каменки, а на пикахъ у вихъ намерали длинныи-предлинныи кровавыи сосульки: много болено, вишь, шведовъ-то покололи. Да, истинно такъ было. Петръ Первый стоитъ на горѣ и смотрѣть на нихъ въ ползорную трубу.—Какіе это казаки! спрашиваетъ царь своихъ приближенныхъ.—Яацкіе! говорить ему графъ Шереметьевъ. Я такъ и думалъ,—говорить царь.—Позвать, говорить, ко мнѣ вхіяго по-ходнаго атамана, когда кончается дѣло. Ладно. Караптина взяли; шведовъ — которыхъ побили, которыхъ въ полонъ позабрали, а король ихъ бѣжалъ за море во своими. Такъ, значитъ, и быть должно. Собирались у цара послѣ баталии всѣ генералы и сенаторы. Пришелъ и Прохоръ Митрачъ нашъ. Царь спрашиваетъ его:—Какъ тебѣ, казацкій атаманушка, зовутъ по имени и величаются по отечеству?

— Вотъ такъ-то, говорить Прохоръ Митрачъ.

— Спасибо, Прохоръ Митрачъ, за вашу службу: я ее не забуду,—говорить Петръ Первый.

— Возьми, говорить, на первый случай, по золотой на казака: это, говорить, отъ меня имъ на водку, а себѣ, на память, вотъ эту вещицу. Тутъ царь изъ собственныхъ своихъ ручекъ подалъ Прохору Митрачу ля-ту золотую чару съ царскими ѿрбечкомъ и ямечкомъ.—Больше этого,—

говорить Петър Первый,—теперича дать не могу; не безсудьте: казза, вѣшь, на исходѣ. А вотъ, какъ пошабашу совсѣмъ шведа, возьму съ него контрабанду, принужу его платить миѣ дань во вѣки вѣчные: тогда, говорятъ, расплачусь съ вами, никого не забуду.—Много довольны твою малостю, вадежа—царь,—отвѣчаетъ Прохоръ Митричъ:—мы не изъ интереса служимъ, ии какъ есть рабы твои вѣрные, готовы за тебя кровь проливать до послѣдней капельки...—Ладно, ладно!—говорить царь: послѣ сочтемся, а теперича, Прохоръ Митричъ, отрапезуй-ка съ нами чѣмъ Богъ послалъ. Ладно. Сѣли, какъ въ сказкахъ говорится, за столы дубовые и скатерти бранни, за явства сахарная и питья медвяная; стали пить, есть и прохлаждаться и рѣчами хорошиими, разумными забавляться. Подъ ковеcъ честнаго столованья Петър Первый и говорить Прохору Митричу:—Шведа хоша ии и не совсѣмъ добили, одвако вредъ ли онъ, послѣ вынѣшней бани, скоро оправится. Можно, значить, и намъ отдохнуть немногого. Ступай, Прохоръ Митричъ, поведай своимъ-то молодцовъ на Яикъ,—пускай отдохнутъ за родвой сторонкѣ, поживутъ въ донахъ, въ семействѣ, поисправить свое хозяйство и все такое; чай съ войной то и они, бѣднажи, поиздергались, поизстрадались, а я, говорить, не хочу, чтобы казаки мои голодали и безъ нужды вужду терпѣли... Вотъ какой онъ былъ, Петъръ-то Первый!—прибавилъ старикъ.

— Все зналъ, до всего самъ доходилъ, обо всемъ самъ заботился, не гуашалъ допускать до своихъ пресвѣтыхъ очей...—Знаю, знаю прерваль я.—Но гдѣ Рыжечка?—Рыжечка? Ужъ ты, этакое дѣло, не соскучился ли слушать? сказалъ старикъ.—Я тебѣ, вѣдь, давя сказалъ, что начну съ конца, ву и дожидайся. Объ Рыжечкѣ рѣчь впереди, Слушай, касатикъ. Шведъ пріутахъ, войска разсѣйскія разошлись по своимъ фатерамъ, а Прохоръ Митричъ вернулся съ казаками на Яикъ. Годъ спустя Прохоръ Митричъ пріѣхалъ въ Царѣвъ въ зимовой станицѣ съ кусомъ и явился къ царю. Само собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повелъ его изъ парадныхъ покоеvъ въ другіе. Посадилъ его тамъ за столъ, стала разспрашивать: что и какъ на Яикѣ, здорова ли казаки молодцы, есть ли у нихъ хѣбъ, одежа, гораздо-ли рыба ловится и все этакое. Потомъ стала угощать, налила большую чару зелена вина и поднесъ Прохору Митричу. А Прохоръ Митричъ не признается чары, говоритъ:—Не подобаетъ миѣ, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты. Ладно. Царь самъ напередъ выпилъ. Налилъ другую чару и поднесъ Прохору Митричу. Прохоръ Митричъ выпилъ, но не всю: за донышкѣ немногого осталось. Царь спрашивается: что-же не всю? Прохоръ Митричъ отвѣчаетъ:—Не осилилъ. Царь говоритъ: Да какъ-же я то осилилъ? Прохоръ Митричъ говоритъ:—Да вѣдь ты, надежа-царь, сливешь у насъ за богатыра, а я только за полбогатыра.—Ой лай! говорить царь.

— Истинно такъ! говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Хорошо, — говорить царь, — пойдемъ тевтерича прогуляемъ; узнаемъ, кто изъ насъ богатырь, и кто полбогатырь. Пошли они съ задваго крыльца на Неву-ркку. Подошли къ лѣстницѣ: надо спускаться внизъ. Царь сѣзъ ручкой звакъ, чтобы Прохоръ Митричъ шелъ впередъ, и Прохоръ Митричъ заобенялся, сталь по край лѣстницы да говорить: — Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чуствуя, кто я, и кто ты. Царь улыбается и говоритъ: — Не подобало тебѣ, Прохоръ Митричъ, прежде меня пить чару зелена вина, — это такъ, а идти впереди меня подобаетъ, даже артикуль военный повелѣваетъ: ты долженъ очищать дорогу, не прятался ли гдѣ ворогъ какой. Прохоръ Митричъ сталъ первый спускаться по лѣстницѣ, а Петръ Первый пошелъ за нимъ, да каждый разъ — ей-ей! какой вѣдь и царь-то былъ разумникъ, забавникъ, — каженній разъ, какъ спустить пожку-то со ступеньки, ручкой-то, шутки ради извѣстно, ручкой-то и упратся въ плечо Прохору Митричу и таснетъ, да такъ таснетъ, что у Прохора Митрича косточки захрустять. Покуда они сошли на низъ, у Прохора Митрича вѣчо-то отжалось, на-ка-те! а самого-то его на бокъ перекосило, на-ка-те! Думали, что Прохоръ Митричъ послѣ того не окалывается, слажеть и совсѣмъ изведется. А въ итѣ, не тутъ-то было. На другой день онъ всталъ здоровонекъ, только немнго на бокъ перегибался; ву, да это виномъ. Старцы сказывали, что Прохоръ Митричъ на всю жизнь остался вѣсколько на одинъ бокъ кривъ. Однако былъ здоровъ. Когда поутру на другой день онъ пришелъ къ царю, тотъ идво удивилъсѧ. — Ай-ай, молодецъ же ты, Прохоръ Митричъ! — говорить царь. — Я думалъ, ты слажешь и не встанешь, а ты молодецъ-молодцомъ. Вчера ты объявилъ себя полбогатыремъ, а ты, вижу, познай богатырь. Однако, шутки въ сторону, — говорить Петръ Первый. Вчера, какъ мы съ тобой разстались, вчера, слышши, прибѣжалъ ко мнѣ кульерь изъ иной земли, привезъ нерадостную вѣсть: Шведъ опять на меня поднимается. Идетъ онъ, слышу, не правою дорогой, не со своей границы, а пробирается, шельмецъ, обаполомъ, къ польской границѣ; думаетъ отвести у меня глаза, въ расплохъ застать. Дудки! ве на того нападѣ, не нападетъ. Я пойду на перѣмы ему, я гдѣ устигу, тутъ и пошибашу! Нечего, говорить, съ нимъ деремоваться, много давалъ ему поблажки, — не чувствуетъ шельмецъ. Поязжай, Прохоръ Митричъ на Яикъ, — говорить Петръ Первый. — Снаради полькъ вѣль-бо два яицыхъ казакоевъ и какъ можно скопрѣ, авлайся съ ними ко мнѣ подъ городъ Платаву (Полтава — зачить) — знаю, Шведъ до Платавы грабится. Вогъ онъ какой былъ, Петръ-то Первый! прибавилъ старикъ. Все зналъ, все вѣдалъ, со всѣми бывъ.

Лишь только Прохоръ Митричъ прїѣхалъ за Яикъ и объявилъ царское повелѣніе, какъ въ одну недѣлю снарадили два пятисотенныхъ полка и отправили подъ городъ Платаву. Походничь атакають, знамо дѣло, пошелъ Прохоръ Митричъ. За башней на лугу служила колебень. Прохоръ Мит-

ричъ самъ держалъ войсковую хорунку (знамя). На дворѣ было тихо-претихо, но когда заѣли: на супротиване даруй! въ тотъ мигъ вдругъ повѣялъ съ западной стороны, сирѣчь, оттуда, гдѣ городъ Платава, повѣяль, говорю, легонкій вѣтерокъ, зашевелилъ хорунку, поднялъ-поднялъ на воздухъ, всеполоснулъ раза два, да и обвилъ ее вокругъ Прохора Митрича, да и затихъ. Прохоръ Митричъ и сталъ словно спасеній. Въ то же время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича,—а лошадь Прохора Митрича держалъ Рыжечка, овъ былъ на ту пору вѣстовыи у него,—и лошадь, сударь мой, заржалася... и подала хороший знакъ. Тутъ все войско возрадовалось и заговорило: „Къ добру! къ добру!”

„Полки тронулись и пошли. Прохоръ Митричъ остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: взвѣстно, вышивку на прощанье сочинить. Когда Прохоръ Митричъ простился со всѣмъ въ сѣль на коня, старшины и все общество говорятъ ему:

— Есть когда Господь Богъ поможетъ тамъ сдѣлать какую ни-на-есть отличку, то, говорятъ, главаго-то, Прохоръ Митричъ, не забудь,—напоминай, говорятъ, батюшкѣ нашему, Петру Алексѣевичу, чтобы не нудилъ насъ на счетъ креста и бороды.

— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у меня въ самаго изъ головы не выходитъ,—сказалъ Прохоръ Митричъ, и побѣжалъ къ полкамъ.

Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня изъ головы не выходитъ,—сказалъ тоненький голосомъ Рыжечка, сѣль на лошадь, заломилъ на ухо шапку, да и поскакалъ за Прохоромъ Митричемъ.

„Тутъ всѣ индо засмыались.

— Куда тебѣ! пузырь! —кричатъ взадъ Рыжечка. Но Рыжечка извѣль рукою и удраль.

Рыжечка былъ маленький человѣкъ, точь-вѣ-точъ самъ съ ноготокъ, въ борода съ локотокъ. Оттого и прозвали его въ шугку Рыжечкой, сирѣчь, грибокъ рижикъ. Это имя такъ и осталось за нимъ на всю жизнь. А настоящее его прозваніе было Замареновъ Егоръ Максимовичъ.

„Идуть полки наши къ городу Платавѣ, идуть лугами, болотами идуть они, тошатся, къ городу Платавѣ торопятся, точь и въ точь какъ въ пѣснѣ поется про походъ къ городу Авову. Да, вдуть полки наши къ Платавѣ, з подъ Платавой, сударь мой, чудеса творять. Шведъ успѣлъ упредить Петра Перваго и заставилъ что на лушпія жѣста шанцами да бугарезиями, по-ди ты tolkui что хочешь, а Шведъ успѣлъ упредить, даромъ что левѣрный. Еще, сударь мой, такъ, должно быть, тому ужъ быть, — еще, сударь мой, случилась тутъ казусная оказія: царю нашему сдѣлалъ измѣну холлацкій атаманъ, Мазепа, и предался съ своими полками Шведу. Огъ этого сана-го рата Шведской прибыло, а рата расейской убыло. Что тутъ станемъ

дѣлать! Какъ ни шатай, какъ ни вазай, а приходится сказать: плохо. Петръ Первый было и такъ, и сакъ, а дѣло все-таки выходить плохое. Какъ ви кинь, все выходить клинъ. Петръ Первый собралъ было евералушковъ и всѣхъ думчихъ своихъ сенаторушковъ, чтобы собча придумать что ни-на-есть къ лучшему, чтобы какъ ни-на-есть не потерять свою ариюшку и не дать Шведу надъ собою возыситься, а тутъ, сударь мой, какъ разъ, такъ должно быть тому ужъ быть, — тутъ какъ разъ праѣгаетъ отъ Шведа переговорщикъ; не угодно ли, лескать, кончить споръ поединщиками? Давай Богъ! это вамъ на руку. Петръ Первый радъ былъ этому, по той самой прачинѣ, что ему жаль было губить по напрасу армію. А Шведъ дѣлалъ это по неволѣ.

— Какъ такъ? перервалъ я: — ты же сказалъ, что рати Шведской праѣло.

— Оно такъ-то такъ, да тутъ была одна законырка, что нашему брату и разобрать мудрено, — сказалъ старикъ. Король Шведскій, изволишь ли знать, извѣрился у своихъ енераловъ и думчихъ сенаторовъ. Когда онъ собирался подъ Платаву, они не хотѣли давать ему ни арміи, ни пушекъ, ни казны. Такой, вишь, обычай въ извѣреныхъ земляхъ: тамъ, говорять, цари-то служить заурядъ, словно офицеры въ башкирскомъ войску. Пода да и пойми ихъ тамъ: народъ дакій, несуразный. „Ты, говорить шведскіе енаралы своему королю, ты и такъ много погубилъ арміи, много казни поистратилъ, а все ионаизрасни. Гдѣ тебѣ, говорить, тягаться съ Расей: вѣдь она вѣсть осударствамъ голова. Остаять, говорить, лучше и не затѣтай больше коло-вратностей: нашему царству и безъ того жутко“. Но король шведскій былъ лукавъ: прикинулся мелкимъ бѣсомъ, успѣль уговорить, умаслилъ своихъ думчихъ сенаторовъ; тѣ сжалѣлись надъ нимъ и дали ему армію, пушекъ и все прочее; однако взяли отъ него, по ихнему закону, запись, чтобы онъ, ни подъ какимъ видомъ, не смѣть вступать съ Петромъ Первымъ въ бата-лю, а рѣшилъ бы споръ поединщиками: а есть когда осиѣйтися преступить эту заповѣдь, то не прогаївайся, — съ царства долой. „Лучше-де, говорить, двѣ-три головы потерять, чѣмъ всю армію погубить“. Хоща и зевѣрные они, эти шведскіе енералы и сенаторы, а разсудили — грѣхъ напрасно сказать; разсудили дѣльно, — добавилъ старикъ.

Стали готовиться къ поединку. Шведъ зналъ, что безъ поединщика ему не обойтись, поэтому самому загода еще приготовить какого-то силача, съ собою, вишь, изъ-за жоры вывезъ: ростомъ, сударь мой, чуть-чуть не съ коло-золью, а въ плечахъ коса сажень. Пояль-кормаль его до отвала, нарочно, словно на убий, что на лучшими явствами въ пятьяма; а обрядилъ его, собаку, въ кальчугу да въ латы, такъ что и самъ чертъ не добрался бы до его кожи. И конь подъ нимъ былъ не конь, а сущій словъ, да въ тотъ покрыть панцирною попонкой. Просто, сударь мой, на оказію! Какъ по-явился этотъ уродина передъ нашимъ арміей, такъ вѣсъ съ диву удали. Ду-нали, что это какая-нибудь башня на колесахъ, а не человѣкъ. Такой былъ

этот поедающий престрашающій, преогромнеющій, что и сказать нельзя. На что ужъ агаранскіе поедающіе, которыхъ наши Иваны укокошили на Куликовскомъ полѣ, на что ужъ говорю агаранскіе поедающіе находили на издрика-звѣря, но и тѣ, сударь мой, въ подметки этому не годились. Право слово.

„Петръ Первый видѣть, что вся армюшка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако все-таки велѣлъ кличъ бликать: „нѣть ли де охотника?“ Какъ же—сейчасъ и звялись. Разославъ царь во арміи всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ генералушковъ и всѣхъ думчінъ сенаторушковъ; и всѣ воротились ни съ чѣмъ: нѣть охотниковъ, да и ва поди! Петръ Первый обратился къ своей свитѣ и спросилъ: „Изъ васъ, господа, нѣть ли кого?“ Ни гугу! всѣ молчать, да старшій за младшаго хронатся.

„Петръ Первый не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ своимъ и сталъ вызывать охотника, а охотника нѣть да нѣть. Въ это самое время,—такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть,—въ это самое время подошелъ Прохоръ Митричъ съ нашими казаками и сталъ подѣлѣ крайнаго армейскаго полка. Царь лишь только узрѣлъ нашихъ, тое же секунду поскакалъ къ нимъ, рассказалъ, въ чемъ дѣло, и кликнулъ:

— Нѣть-ли охотника?

— Я охотникъ!—вскричалъ тоненькинъ голосомъ Рыжечка, и выскакалъ изъ фрунта.

Царь взглянулъ на него, покачалъ головой, да и сказалъ:

— Малъ!

„Петръ Первый вдругородѣ ѳдетъ по полкамъ, вдругородѣ кличетъ охотника, а охотника все-таки нѣть. Сверстался съ нашими полками и кличетъ:

— Кто охотникъ?

— Я! кричать Рыжечка, и выскакиваетъ изъ фрунта.

Царь опять посмотрѣлъ на него, опять головой покачаль, опять сказалъ:

— Малъ!

Въ третій разъ царь обѣхалъ свою армюшку, въ разъ царь остановился предъ нашими полками, въ третій разъ кликнулъ:

— Кто охотникъ?

— Я!—вскричалъ Рыжечка и вылетѣлъ изъ фрунта.

Царь прозадумался, посмотрѣлъ за Рыжечку, посмотрѣлъ и на шведскаго поедающіка, покачалъ головой, всплеснула ручками, да и говорить своимъ приближеннымъ, чуть-чуть не со слезами:

— Что буду дѣлать? отказаться отъ поединка, вся Европія станетъ смеяться; пустить этого мальши (царь показалъ на Рыжечку), пустить этого—заранѣе пиши прозадо!

Рыжечка тутъ стоитъ, слышать царскія рѣчи, да вдругъ и говорить.

— А Всѣгда-то что? При помощи Божіей Давидъ побѣдалъ же Голифа.

Говорить такъ-то Рыжечка, а самъ надо дрожитъ: яркое сердце, звачить, въ немъ закипѣло.

Царь пристально посмотрѣлъ на Рыжечку да и говорить:

— Крабости-то въ тебѣ, молодецъ, вижу, много. да силы-то, може, мало: вотъ въ чёмъ бѣда! Ты загляни хорошенъко, супротивъ кого хочешь идти, — вонъ онъ разтѣжаетъ, а потомъ уже и скажи, надѣшился ли побѣдить.

А Рыжечка толкуетъ себѣ одно: Давидъ, дескать, побѣдилъ же Галифа. Такъ отъ чего бы и ему, за молитвы святыхъ отецъ, не побѣдить этого супостата, — надѣюсь, дескать, ваше царское величество. Только — де, говорить, позовъ мнѣ коня другого выбрать изо всѣхъ полковъ.

Нечего было дѣлать, другого охотника нѣть; царь согласился и за Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины рѣчи насчетъ Давида и Галифа; а насчетъ коня царь сказалъ, что дозволяетъ ему выбрать какого угодно, хоща бы и съ царской конюшни. Но Рыжечка отказался отъ царского коня и сказалъ:

— Твой лошади, надежа-царь, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла, не прогибайся за слово, некуда не годятся.

То-ежъ секунду Рыжечка бросился къ казачьему фруту и выбралъ лошадь у Калмычина. Стали пересѣдливать. Въ это время Рыжечка усѣвъ перешепнувшись съ Калмычининомъ, о чёмъ было нужно.

— Какой обычай у твоей лошади? спросилъ Рыжечка Калмычина.

— Знай сиди! говорить Калмычининъ. Воданъ идетъ, огњанъ идетъ.

— Еще?

— Валка даетъ. Бѣешь правынъ нога — лѣва идетъ, бѣешь лѣвымъ нога — правынъ идетъ. Догадался?

Рыжечка только кивнулъ головой, вскочилъ на калмыцкую лошадь и выѣхалъ въ поле.

Тутъ, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обѣ армиишки, и рапсанская и шведская. Распустили всѣ свои знамечки. Запиграли на трубахъ, лютаврахъ и на разныхъ мусикѣскихъ органахъ. Потомъ все затихло: звачить, бой скоро будетъ.

Рыжечка воткнулъ на шику шапку, замахалъ надъ головой и подѣхалъ къ шведскому поединщику. Спрашивается его: на чёмъ имъ биться, на копейцахъ ли на булатныхъ, иль на сабельцахъ вострихъ.

Шведъ замычалъ что-то на своемъ телячьемъ языке и махнулъ рукой своимъ: вишь, онъ не помнитъ Рыжечку. И Рыжечка махнулъ рукой своимъ. То-ежъ секунду праскакали къ нимъ два енерала: одинъ съ нашей стороны, а другой съ шведской. Потребовали толмача. Толмачъ выслушалъ Рыжечку и пересказалъ шведскому поединщику. А тотъ, уродина, оперся на коня, оскалилъ зубы-то, да и говорить:

— По мнѣ на чёмъ хочешь! Хощь на кулакахъ, я на все согласенъ.

„Толкачъ пересказалъ Рыжечкѣ. Тотъ обидѣлся и говорить.

— Коля живъ будешьъ, прѣѣзжай къ намъ въ Яикъ. Такъ, говорить, на кулачномъ бою можешьъ пробовать своими только боками наша кузаи; а здѣсь, говорить, не угодно-ли помѣриться вотъ этими?

„Тутъ Рыжечка потрясъ своимъ копейцемъ.

„Рыжечка опять вернулся къ казачьему фронту и перемѣнился съ однѣмъ казакомъ пиками. Рыжечку соросили енералы, зачѣмъ перемѣнилъ копье, а Рыжечка сказалъ:

— Такъ надо!

„Рыжечка и на переговоры-то къ шведуѣ здѣлъ съ подвохомъ, не спроста. Сказано, Шведъ былъ весь въ желѣзѣ, и рожа-то у бестіи заѣщена была желѣзной рѣшеткой. Однако и Рыжечка былъ ве промахъ. Покуда переговаривались, онъ успѣлъ осмотрѣть супротивника своего со всѣхъ сторонъ. На башкѣ у Шведа была стальвая шлычка, а по щекамъ и по затылку спускались желѣзныя дощечки; задняя-то дощечка немножко оттарычилась, а это Рыжечкѣ и на руку. Онъ тотчасъ смѣкнулъ, что тутъ, не говоря худого слова, можно запустить паку. А какъ у Рыжечки пика была толстовата, дуристовата, то онъ и отдалъ ее казасу, а у него взялъ его, потовьше. Знать, Рыжечка былъ себѣ на умѣ. Ладно.

„Передъ началомъ боя Рыжечка, какъ подобаетъ христіанину и воину, слѣзъ съ коня, встѣвулъ въ землю паку, повѣслилъ на нее образъ Михаила Святителя, положилъ семь земныхъ поклоновъ и раскланялся на всѣ четыре стороны. Потомъ, сударь мой, оборотился лицомъ къ востоку, сирѣчь въ ту сторону, где нашъ родной Яикушка, оборотился лицомъ къ востоку, да и говорить:

— И вы, братцы-товарищи, старики наши старожилы, и все общество наше почтевное! помолитесь, чтобы Господь Богъ соблаговолилъ!

„Это ужъ онъ говорилъ заочно къ тѣмъ, что на Яикѣ остались.

„Вишь, — присовокупилъ старикъ, — вѣть, какъ старые казаки жили другъ съ другомъ: вигдѣ другъ друга не забывали. Поэтому ямъ во всемъ Господь Богъ помогалъ.

„Затѣмъ Рыжечка посыпалъ съ себя всю одежду, остался только въ однѣхъ шароварахъ да въ кармазинной безрукавной фуфаечкѣ. Шапка, за что ужъ шапка, онъ и ту бросилъ, и перевязалъ голову барсовымъ платкомъ. Рукава у рубахи засучилъ по-локти. Перетянулся шелковымъ поясомъ, за поясъ заткнулъ длинный хивинскій ножъ, а въ руки взялъ конейцо. Вспрыгнулъ на лошадь, оправился на сѣдельцѣ; напослѣдокъ перекрестился и крикнулъ: „Дерзайте, юдіе: яко съ вами Богъ!“ да и полетѣлъ на супротивника, точь-вѣ-точъ какъ малеський ястребокъ на орла заморскаго, точь-вѣ-точъ какъ въ ветко-завѣтное время Давидъ на Галифа, сирѣчь на Галѣбъ, Татарина, — все едино.

„И Галифъ помчался за Рыжечку, уставилъ противъ него копытце съ доброй жердью.

„Рыжечка лишь только подскочилъ къ Галифу, сей же мигъ далъ вилка въ право: Галифъ, словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо.

„Рыжечка обернулся, да какъ даздыкнетъ его конейцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка-то отъ шлычки оттарличилась: Галифъ и покатился съ лошади кубаремъ.

„Рыжечка въ единъ мигъ спрыгнулъ съ своего кова, какъ клещъ, наскѣль на плеча Галифа и оттащилъ ему ножемъ голову. Звай нашихъ! Впередъ дуракамъ наука: не хвались, идучи за бой, хвались — идучи съ боя.

„Тутъ армія наша возрадовалась, замуръла, словно волна морская заходила и „ура!“ закричала. А шведская армія, знамо дѣло, пріуныла, захихикала, харукки свои къ землю поклонила, словно голубушка, несолено хлеббаза. Только одинъ король шведскій заклянчель, сударь мой; такой безпокойникъ былъ. Не хочетъ кричать, кричать:

— Подвохъ! подвохъ! Русакъ съ-да ударилъ нашего! Подвохъ!...

„А генералы и сенаторы его и говорять ему:

— Что, что сзади? У нашего и сзади былъ павцырь. Нечего на зеркало певать, коли рожа коса. Не кланчай, король. Эй, лучше будетъ, покорись.

„А король и слышать не хочетъ, реветь въ высточный голосъ, словно кто съ него шкуру деретъ, рветъ на себѣ волосы, словно сумасшедший, мечется во всѣ стороны, словно угорѣлый, кривить: „нали!“ а его никто не слушаетъ. Самъ побѣжалъ за главную свою бутарею, вырвалъ у кононера футиль, приставиль къ пушкѣ и открылъ по нашей арміи огонь.

„Тутъ ужъ и нашего царя взяло за ретиное. Подаль онъ своимъ генералушкамъ знакъ къ бою, да и скомандировалъ:

— Катай! Безъ бардона катай! На зачинающаго Богъ.

„Вотъ тутъ-то, сударь мой, ваша арміеюшка и пошла чесать шведскую, — и пошла, въ пошла чесать! Дамъ коромысломъ сталь! Всю, сударь мой, лоскнуть положила!

„Хочь одевъ ли на одного, стѣна ли за стѣну идеть — все разно, лаха бѣда толь одному кому или одной какой сторонѣ струсить; а такъ сиѣло говоря: пропалъ. Такъ было и со шведской арміею. Сперва она очевидно храбрилась, голову очепно высоко подняла, а какъ ярой царь Егоръ Максимычъ Замарековъ, сирѣчъ Рыжечка, сверзилъ ихваго великану и отшибъ ему голову, такъ что толкнуть, у шведской арміи душа ушла въ пятки. Ну, зашей-то армія его и на руку. Пошабашнила она арміеюшку короля шведского, словно пить дала. А король шведскій, самъ-другъ съ измѣникомъ Мазепою, еле-еле удрали въ Турскую землю. Тамъ, говорять, оба они съ Мазепою, въ кабалу пошли къ Турку; тамъ, говорять, и пропали. Туда, значитъ, дорога...

„А главная статья въ этомъ дѣлѣ, что тамъ ви толкуй, все-таки ярой нашъ Рыжечка: онъ, значитъ, сдѣлазъ первый начинъ; отъ него, значитъ, молодецкой руки палъ Галифъ, отъ его значитъ, лыдарекаго поденга въ страхъ-ужасъ пришла шведская армія.

Лишь только немного поуспокоилось, Рыжечка и явился къ Петру Первому съ головой Галифа на копъе. Царь во слезахъ-то съ радости, значитъ,—царь во слезахъ-то не видеть его и спрашиваетъ приближенныхъ:

— А гдѣ нашъ малышъ? Гдѣ безцѣнныи Рыжечка?

— Здѣсь! пищить Рыжечка.

— А, голубчикъ мой! сокровище мое! — говоритъ царь и цѣлуетъ Рыжечку въ голову.

„Рыжечка поцѣловалъ ручку у цара.

Когда совѣтъ поуспокоилось, царь позвалъ Рыжечку въ свою палатку и при всѣхъ енарахъ и сенаторахъ, при всѣхъ иныхъ земель посланникахъ, спрашиваетъ его:

— Чѣмъ тебя, друже мой, дарить жаловать? Говори! Ничего не пожалѣю.

„Рыжечка поклонился царю и говоритъ:

— Мать, надежа-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше общество.

„Царь спрашиваетъ:

— Чѣмъ? говори.

„Рыжечка говоритъ:

— Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкою Яикомъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами; а земли у насъ на то пропала. Пожалуй намъ, надежа-царь, за свою высокой рукой другую „владѣву“ на Яикъ, рѣку.

— Съ великою радостью! — говоритъ царь. — Секретарь, бери перо, бумагу и вали отъ меня Яцкимъ казакамъ „владѣву“ на Яикъ рѣку; со всѣми сущими при ней рѣчками и проточками, со всѣми угодьями, на вѣки вѣчные!

„Секретарь написалъ.

„Царь говоритъ Рыжечкѣ:

— Этого мало. Еще что? Проси!

„Рыжечка говоритъ:

— Еще, надежа царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй нась „край-стонъ да бородою“.

„Царь говоритъ:

— Для кого вѣть, а для Яцкихъ казаковъ есть! Секретарь, пши во владѣнной, что я жалую Яцкихъ казаковъ крестомъ и бородою на вѣки вѣчные, чтобы имъ насчетъ креста и бороды быть невредимыи.

„Секретарь написалъ.

— Будто! — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ было такъ,—сказалъ старикъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ сомнѣній.— Есть когда-бъ мы не были жалованы крестомъ и бородою, то даваю бы начальство, съ позволенія сказать, нашъ братъ, скосило намъ бороды; а мы, видишь, по милости Божией да царской, не лишены еще „отечества“. Посмотри на иныхъ прочихъ казаковъ, примѣрно на донскихъ, оренбургскихъ, всѣмъ имъ оскоили рѣла-то, а наши еще цѣлы. Значить, правда, что говорю“.

ГЛАВА XXI.

Продолжение Съверной войны. Кубанский походъ. Турецкая война. Харьковский походъ. Набѣги киргизъ. Походы съ княземъ Черкасскимъ въ 1714, 1715 г.г. и въ Хиву въ 1717 г. (1710—1717).

Нолтавский боемъ войны со шведами непосредственно въ Россіи окончилась. Карлъ бѣжалъ въ Турцію. Петръ спѣшилъ воспользоваться побѣдой, чтобы покончить дѣла въ Польшѣ и утвердиться въ Ливоніи и Эстоніи. 13 июня армія двинулась изъ подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться по причинѣ сырости отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременного стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Остановились въ Гольштиноокъ, гдѣ было положено, что фельдмаршалъ Шереметьевъ со всемъ пѣхотою и частью козацкаго погдѣтъ осаждать Ригу, князь Меншиковъ съ большей частью кавалеріи — въ Польшу, гдѣ по съединеніи съ генераломъ Гольцемъ долженъ былъ дѣйствовать противъ польского короля Лещинскаго и шведскаго генерала Крассона. 15 июня войска выступили каждое въ свой путь.

Съ которыми изъ отрядовъ пошли яицкіе казаки, неизвѣстно; лишь изъ показавшія старшины Андрея Кузнецова въ 1739 году видно, что станица Алетина была разбита на части и одна изъ нихъ въ составѣ ста человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Климентомъ Кузминымъ Портновымъ вошла въ Польшу, знаменщикомъ въ этой станицѣ былъ Андрей Кузнецовъ¹). Слѣдовательно эта станица вошла въ составъ отряда Меншикова, станица же Рекунова (и вѣроятно и остальная часть станицы Алетина) вошла въ составъ отряда Шереметьева и выступила въ походъ къ Ригѣ, гдѣ находилась подъ командою полковника Дмитрия Бахметева. Шереметьевъ осадилъ Ригу, часть же войска подъ командою адмирала Апраксина, всего 18 тысячъ, въ половинѣ февраля 1710 года выступила въ Финляндію и осадила Выборгъ; въ числѣ этихъ войскъ находились искь яицкіе казаки станицы Рекунова, подъ начальствомъ того же полковника Бахметева. После осады Выборга въ іюнѣ сдался; въ одновѣдь изъ боевъ, предшествовавшихъ осадѣ, былъ убитъ походный атаманъ Рекуновъ²). Гдѣ были въ это время яицкіе казаки станицы Алетина (остальные 400 человѣкъ) — неизвѣстно: были ли они съ Шереметьевымъ при осадѣ Риги или участвовали при осадѣ Выборга вмѣстѣ со станицею Рекунова — свѣдѣній не имѣется.

О службѣ казаковъ подъ Выборгомъ дошло до насъ только незначительное

¹⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга 11/64, листъ 89.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 20—28. Челобитн. яицк. каз.

свѣдѣю изъ членовитной яицкаго казака Григорія Субботина. Послѣ взятія Выборга онъ былъ посланъ съ уфимскими казаками Морышемъ изъ Выборга въ Петербургъ къ коменданту новой столицы къ генерал-лейтенанту Брюсу отъ бригадира Григорія Петровича Чернышева съ письмами. На дорогѣ отъ Выборга въ тридцати верстахъ напали на нихъ „кивики“, и взяли ихъ обоихъ въ плѣнъ, откуда отвели „въ Абовъ“ а потомъ отправили въ Стокгольмъ¹⁾, гдѣ онъ и былъ въ плѣнѣ до 1720 года.

Всѣдѣ за Выборгомъ въ юль того-же года сдалась и Рига. Гдѣ была осталыя часть станицы Алетина (400 человѣкъ): при осадѣ-ли Риги или при осадѣ Выборга вмѣстѣ съ яицкими казаками стан. Рекурова—неизвѣстно.

Въ августѣ того-же года русскимъ сдались города *Пернау*, *Аренсбургъ* (главный городъ острова Эзеля) и въ сентябрѣ *Ревель*. Такимъ образомъ вся Лифляндія и Эстландія были завоеваны.

Въ началѣ наступившаго 1711 года началась война съ Турцией. Поэтому большая часть арміи изъ только что завоеванныхъ имѣть двинулась на югъ къ границамъ Турціи подъ командою Шереметьева. Въ составѣ этой арміи вошли и яицкіе казаки, но обѣ-ли станицы или только часть казаковъ—неизвѣстно. Въ показаніи своей службы въ 1739 г. наказный (временный) атаманъ Прытковъ говоритъ, что онъ былъ послѣ Полтавской баталіи „въ турецкой акціи“²⁾, т. е. въ походѣ съ Петромъ въ Турцію. Прытковъ находился въ станицѣ Алетина. Въ концѣ мая Шереметьевъ перешелъ р. Днѣстру и двинулся въ глубь Молдавіи и Валахіи. Походъ былъ труденъ. Проявляла и фуражка было мало. Путь лежалъ отъ Днѣстра до Яссъ по безплодной и безводной степи. Въ тоже время турки успѣли предупредить русскихъ и перешли Дунай. Въ концѣ юна къ войску присоединился съ дополнительными силами царь Петръ. На другой день послѣ празднованія полтавской победы выстрѣли изъ 60 пушекъ Петръ приказалъ генералу *Ренне* и бригадиру *Чирикову* съ конницей итти въ Валахію для захвата сѣщеній припасовъ. Они должны были итти къ Браилову и, овладѣвши запасами, возвратиться къ Галацу, гдѣ назначено было соединеніе ихъ съ главною арміею. Конница отправилась 30 юна, а главная армія перешла р. Прутъ и шла по намѣченному пути до 7 юля. Въ 6 часовъ по полудни генералъ Янусъ, шедшій впереди, далъ знать, что турецкія войска съ великимъ визаремъ уже у Прута и что яицары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ приказалъ Янусу отступить къ главнымъ силамъ и послалъ приказаніе Ренне, чтобы онъ немедленно шелъ назадъ, захвативъ съ собою провіанта, сколько могъ собрать.

„Янусъ, получивъ указъ,— пишетъ Соловьевъ,— началъ двигаться назадъ и, несмотря на вступление турокъ, успѣль привести свой отрядъ безъ уро-

¹⁾ (Смотрите приложение XIII).

²⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга 51/54, листъ 1. Это единственное указаніе о участіи яицкихъ казаковъ въ Прутской походѣ.

ва. За ними по следам явился враг и несмотря на то, что был встречен сильным огнем, до самого вечера не преставал нападать на русских, а ночью стал по горе. У русских в эту ночь был генеральный совещание: разсуждали, что в прошлый и конских кормаках сильный недостаток, конница ушла с генералом Рене, враг въ превосходномъ числѣ: всего турецкаго войска было 119,665, да татаръ 70.000, а у русскихъ только 38,246 человѣкъ. Положено было — отступать, и рано утромъ двинулись назадъ вверхъ по Проту; врагъ конница преслѣдовала отступавшихъ, но безъ пользы для себя. 9 июля войско достигло места, носившаго название *Новое Станелище*; здесь расположили обозъ къ рѣкѣ, а войско встало около него линію; къ вечеру явилась врагъ конница пѣхота и артиллерія и стали къ горе, отъ русской линіи съ версту; врагъ занялъ также и другой берегъ рѣки. Турецкая пѣхота и конница наступала премѣстоко, бой продолжался до ночи, но врагъ никогда не могъ повредить русской линіи. Наконецъ врагъ конница отступила, а пѣхота всю ночь стрѣляла изъ пушекъ и подъ этой стрѣльбой турки сѣвали кругомъ своего лагеря ретраншементъ и выставили 300 пушекъ.

Положеніе русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвой и зноемъ, сѣстрыхъ припасовъ оставалось очень немного, помочь ни откуда. Но и визирь находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испугавшие отчаяніемъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши семь тысячъ человѣкъ, рѣшительно отказались возобновить нападеніе 10 числа и кричали, чтобы визирь исполнилъ приказаніе султана — поскорѣе заключить миръ: кроме того получено было известіе, что генералъ Рене занялъ Бранловъ. 10 июля заключенные имъ въ пять турки объявили, что визирь желаетъ вступить въ мирные переговоры. Это объявление подало русскимъ слабую надежду выйти изъ своего ужаснаго положенія¹⁾.

На другой день было описано къ переговорамъ, и 12 числа былъ заключенъ миръ. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ пунктовъ договора при заключеніи мира было обязательство русскихъ отдать туркамъ обратно Азовъ.

Радость русскихъ, бывшихъ въ самыи безвыходномъ положеніи, при заключеніи мира не знала границы. Всѣ готовились къ смерти — и вдругъ миръ!

Черезъ день русское войско выступило изъ несчастнаго прутскаго лагеря и послѣдно направилось къ русскимъ границамъ. Подробностей о службѣ античныхъ казаковъ въ этомъ походѣ къ сожалѣнію не имѣется никакихъ.

Въ то время, когда русскія войска были выѣхать съ царемъ Петромъ въ Турцию, казанскій и астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ войсками, собранными по вызову городамъ, находился въ походѣ на реку Кубань. Цѣль этого похода было желаніе цара Петра сдержать кубанскихъ татаръ отъ помощи султану и предупредить ихъ набѣгъ на русскую землю. Поводомъ къ этому походу послужило также и неоднократное стремление кал-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, томъ 16, глава 2.

иколь уйдти изъ подъ власти русскихъ. Калмыцкіе владѣльцы стремились или къ своимъ, жившимъ на востокѣ и независимымъ отъ Россіи калмыкамъ или на западъ, къ Крыму. Важное значеніе для нихъ въ этомъ отношеніи имѣла Кубанская орда, находившаяся подъ властью турецкаго султана, и русское правительство зорко следило за всѣмъ, что происходило на Кубани. Оттуда ждали помощи недовоинственные калмыки, туда же бѣжались Дону казаки съ атаманомъ Некрасовымъ, когда имъ не удалось отстоять свою волю отъ Москвы.

Въ составъ войскъ Апраксина вошли и яицкіе казаки въ числѣ тысячи человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Конономъ Никитевичемъ Услениловымъ¹⁾.

Походъ этотъ увѣличился полнѣмъ усилѣемъ — Апраксинъ опустошилъ всю страну и разбилъ татаръ, возвращавшихся съ большимъ полономъ изъ Саратовскаго и Пензенскаго уѣздовъ; двѣ тысячи русскихъ пленныхъ были отбиты и получили свободу²⁾.

Къ осени яицкіе казаки вернулись обратно, но пока они были въ походѣ, за Яикъ оставалось казаковъ самое незначительное число — шестьсотъ человѣкъ! Что могли сдѣлать эти люди за Яикъ? Эта горсть не могла не только бѣдствовать за хлѣбомъ въ Самару, но и обрѣнать своего городка. Но мы уже знаемъ, что войско вопреки указамъ зачисляло всѣхъ бѣглыхъ изъ Руси. Но и пришлыхъ не хватало для обороны станицъ,ѣхавшихъ за хлѣбомъ. Киргизы великолѣни звали о всѣхъ перенѣвахъ въ городкѣ и, пользуясь малочисленностью казаковъ, наѣздали на нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Еще въ 1709 году, когда казаки могли снарядить съ обозомъ, отправленнымъ въ Самару, станицу болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ, киргизы начали за нихъ въ пути и запаздала бой; станичными атаманами были Федоръ Петровичъ Семенниковъ. Громадный казачій обозъ, обычно состоявшій приблизительно изъ шести тысячъ телѣгъ, былъ растянутъ за большомъ протяженіемъ. Ертаулъ, охранявший его въ числѣ 300—400 человѣкъ, конечно, не могъ отражать киргизъ по всей линіи обоза, разбросанные же за большомъ разстояніемъ отдѣльные казаки тоже не въ силахъ были отбить полчища киргизъ. Станица была разбита въ много казаковъ захвачено въ пленъ³⁾.

Въ 1711 году, когда главная масса войска (2000 чел.) была въ походахъ, отправленная съ Яика станица съ обозомъ была сравнительно незначительна; киргизы снова воспользовались случаемъ и въ числѣ шести тысячъ человѣкъ наѣздили на нее въ открытой степи, когда казаки возвращались обратно съ хлѣбомъ. Разбросанные по дѣрогѣ среди растянувшагося обоза казаки не могли дать дружного отпора и потерпѣли полное пораженіе. Станица опять была раз-

¹⁾ Смотри приложение XIII и XIV; наемки отъ войска даны: атаману 35 р., есауламъ 6 часовъ по 25 р., изнаменщикамъ 6 часовъ по 20 р., рядовыми по 14 рублей.

²⁾ Матеріалы для Кубанского похода можетъ служить: „Послужной списокъ въ Кубанскомъ походу“ — рукопись Император. пуб. библіот.; изданіе напечатано въ Волг. Сборн. за мартъ 1867 года.

³⁾ Поклонніе о своей службѣ въ 1739 г. старшему Андрею Веродину (будущаго войскового атамана). Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, лѣто № 51/64, листъ 80.

биты. Триста казаковъ было взято въ пленъ и захвачено около 1000 лошадей! ¹⁾

Киргизантъ повезло, удача ихъ ободрила: не беззащитныхъ крестьянъ, не мирныхъ поселенъ поколи джигиты и батыры въ степь для продажи въ Хазу, а триста человѣкъ грозныхъ и сильныхъ для нихъ джанды-урусовъ ²⁾. Было чѣмъ похвастать въ ордѣ! Будь хотя половина войска въ сборѣ, киргизы не отѣлались бы дѣшево — возможно было бы послать за ними въ погоню! Но кого могли послать казаки въ то время? Въ городкѣ ихъ оставалось, вѣроятно, еще мѣсяцъ, чѣмъ въ разбитой станицѣ, — бросить городка нельзя: тамъ въ куреняхъ было даѣтъ тысячи осиротѣлыхъ семей ушедшіхъ за службу казаковъ, и лишь только третья часть казаковъ была дома.

Прошелъ годъ, и снова ранею весною 1713 года было приказано наразить въ походъ 1500 казаковъ! На этотъ разъ ихъ потребовали къ Харькову. Станицу снарядили, но на Яикъ изъ списочного числа осталось всего сто человѣкъ и не будь бѣглцовъ изъ Руси, войско оказалось бы въ безвыходномъ положеніи. Повелъ станицу походный атаманъ Матвѣй Ивановичъ Прикащиковъ ³⁾. Для подъема было прислано на Яикъ царское жалованіе по 5 р. за человѣка, отъ войска же дали по 15 руб. человѣку. Станица направилаца къ Изюму, въ армію фельдмаршала Шереметьева, стоявшую въ Малороссіи въ квартирахъ для наблюденія за заднѣпровской Малороссіею, бывшую прежде подъ покровительствомъ Турціи, а по договору, послѣ Прутскаго похода, уступленную Польшѣ.

По прибытіи въ Изюмъ казаки вошли въ составъ отряда ближняго боярина Петра Матвеевича Апраксина и въновь снова давы были отъ казаковъ подъемныя деньги: „по пяти рублей на человѣка, а станичнымъ довольное излишество: — атаману 40 р., есауламъ по 25 р. восьми человѣкамъ, да знаменщикамъ восьми человѣкамъ по 20 р.” ⁴⁾.

Подробностей объ этой службѣ не сохранилось; впослѣдствіи въ своей челобитной въ 1720 году ⁵⁾ войско пишетъ, что за эту службу они были „известивы словомъ награждены и похвалены”.

Эта станица пробыла въ арміи болѣе года и лишь въ концѣ юла 1714 г. была отпущена обратно за Яикъ.

Но передъ отправленіемъ на родину въ станицѣ случилось одно неизвѣстительное происшествіе, имѣвшее въ будущемъ для всего Яикскаго войска громадные послѣдствія.

1) Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 482; Челобитная Яикск. войска царю Петру 1721 г. измл. (?).

2) Киргизское название уральск. языка — первонач. русскій съ Яика, иначе русскій.

3) Смотри приложение XII; здѣсь атаманъ называлъ Матвѣй Ивановичъ, въ дѣлѣ же по донесу Карташова изъ показанія казака Леонтия Афинагасова добавлено и фамилія атамана: „при атаманѣ Матвѣй Прикащиковъ”. (Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 231—236).

4) Смотри приложение XII.

5) Тамъ-же.

Однач изъ знаменщиковъ *Иванъ Карташевъ* вмѣстѣ съ казакомъ Федоромъ Старченко¹⁾, будучи въ Харьковѣ, „покрали Харьковскаго жителя“, по жалобѣ котораго графъ Аракчеевъ приказалъ схватить обоихъ виновныхъ казаковъ и произвести розыскъ. Старченко схватили, а Карташевъ, „измѣнъ царскому величеству, и покиня землю свою“, со службы бѣжалъ. Спрощенный подъ пыткою Старченко въ винѣ повинился и сказалъ, что краденые пожитки увезъ Карташевъ.

15 іюля изъ походной канцеляріи Аракчеева дали знать обѣ этомъ походному атаману Прикащикову и приказали: „осмотрѣть и описать у знаменщика Ивана Карташева, который изъ войска бѣжалъ, а приличился къ розыску, да у казака Федора Старченко колическо чибо у нихъ рухлади есть, да тое вѣдомостъ за рукою подать въ походной канцеляріи немедленно“²⁾.

Рукладь была описана и походный атаманъ лошадь и имущество Карташева взялъ къ себѣ на храненіе. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ станица выступила за Яикъ, грѣ поспѣхъ прѣбытія походного войска явился и Карташевъ. Ему схватили. *Войсковой атаманъ Матвей Мироновъ* собралъ войсковой кругъ, куда вывели Карташева и стали судить „за побѣгъ со службы“. Карташевъ оправдывался, говоря, что онъ не бѣжалъ, а что побѣжалъ на Донъ въ Черкасскій городокъ для своихъ нуждъ за долговыми долгами и съ вѣдома походнаго атамана; когда же въ Черкасскѣ прѣбѣжалъ яицкій казакъ Герасимъ Погодинъ и сказалъ ему, „что изъ подъ Иаюхи яицкіе казаки отищены и пошли въ домы“, то онъ иѣтъ съ Погодинымъ выросили у донскаго войскового атамана *Петра Емельянова*, проѣзжее письмо о пропускѣ ихъ въ путь и съ этими письмами оба явились въ войско³⁾.

Но походный атаманъ Прикащиковъ заявилъ въ кругу, что Карташевъ ушелъ изъ полка самоновльно.

Войско приговорило его къ смертной казни. Но по просьбѣ войскового атамана Миронова, который Карташеву былъ крестнымъ отцомъ⁴⁾ и по ходатайству „лучшихъ людей“ и старшинъ „казнить его отдумали, за тѣмъ что онъ человѣкъ молодой и можетъ вину свою государю заслужить“. Карташевъ въ свою очередь просилъ у войска прощенія; „и по войсковому суду предложили ему ту свою вину заслужить и жать ему на Яикѣ во всякомъ смиреніи и ни противъ кого, яицкаго казака, претительныхъ словъ не говорить“⁵⁾.

Но илохъ-же, какъ увидимъ дальше, отблагодарилъ Карташевъ своихъ земляковъ. Впослѣдствіи войску не разъ пришлось раскликаться въ свою пользу. Уже черезъ три года Карташевъ сдѣлалъ на войско и старшинъ земской доносъ, результатомъ которого явились беззрѣзные розыски на

¹⁾ Въ другихъ документахъ онъ-же иногда называется Старцевъ.

²⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листъ 181.

³⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 172—175.

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, самка 80, листы 15, 16 и 17.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 812, 817 и 156—161.

Якъ, окончившіе сицомъ Захарова и ссылками и казнями изогнанъ казаковъ, о чёмъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ.

Плохія времена наступали для пріяницъ орловъ. По своему малолюдству они едва могли отправлять варды за вѣшнюю службу. Въ опустѣвшій городкѣ послѣ ухода 1500 казаковъ въ Харьковскій походъ оставалась почти только одна семья казаковъ, старики и малолѣтки. Между тѣмъ кормилось войско только рыбой. Кто же могъ кормить 2500 оставленныхъ семей, кто могъ побѣхать за хлѣбомъ въ Сызрань и Самару? Оставшаяся гореть выѣѣть съ бѣглецами изъ Руси конечно не въ силахъ была выполнить полноту всѣхъ службы по войску:—охранять городокъ, ловить рыбу и фазитъ въ Русь за хлѣбомъ. Но отѣзгъ въ 1713 году станицы въ Українскій походъ войско могло отправить въ Самару съ пойманными севрюгами самое незначительное количество телъгъ, при ничтожномъ ертаулѣ. И вотъ, когда станица возвращалась обратно, не доѣждана Яку, при уроцищѣ Головой рѣчкѣ¹⁾, на нее налетѣло восемьсотъ киргизъ. Станица была настолько мала, что даже такой незначительный противникъ станицу разбилъ; киргизы „многихъ побили до смерти, а другихъ взяли въ полонъ“¹⁾.

Въ числѣ взятыхъ въ пленъ казакъ Федоръ Марковъ пробывъ въ плену почти 15 лѣтъ и лишь въ 1727 году благополучно бѣжалъ на Яку.

Помочь станицѣ было некому,—киргизскіе джигиты безнаказанно рыскали въ это лѣто все время около городка. Казаки спасались за городскими воротами, но трудно было спасти конские и скотовые табузы, хотя у казаковъ и былъ сдѣланъ для этого въ верстѣ отъ городка другой путь отъ Чагана до Яку, но на этотъ разъ и онъ не спасъ казачьихъ табуновъ.

Киргизы ворвались за ворота и на глазахъ у всѣхъ „побили и въ полонъ взяли двадцать человѣкъ да четыре тысячи лошадей отогнали“²⁾.

Войско разорялось. Но это все еще были одни цвѣтки предъ тѣмъ, что предстояло ему вынести впереди.

Взоры Великаго Преобразователя уже давно были обращены на востокъ, на среднюю Азію. Завязать торговыя сношенія, узнать, что это за страны, было однинъ изъ желаній Петра. И вотъ въ 1714 году Петръ дѣлаетъ первую попытку завести сношеніе съ Хивою. Князь Александра Бековича Черкасскій получалъ приказаниѣ взять въ Астрахани тысячу цолторы войскъ и отправляться по Каспійскому морю къ Хивѣ съ поздравленіемъ на хастство и въ Бухару, спросивъ какое либо дѣло торговое, а дѣло настоящее, чтобы пройдатъ про городъ Иркенъ (Иркенъ), сколь далеко онъ отъ Каспійскаго моря въѣхъ-ли казакъ рѣкъ оттолъ, или хотя не отъ самого того мѣста, однакоже поблизости въ Каспійское море³⁾.

¹⁾ „Ур. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 80. „Матеріалы для ист. войска, никогда не запечатанные“. Челобитная казака Федора Маркова.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 482. Челобитная войска царю Петру 1721 года.

³⁾ А. И. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана, страница 68.

Князь Черкасский, прибыв въ Астрахань, собралъ коло 1900 человѣкъ войска и, размѣстившись въ 30 судахъ, вышелъ въ море по направлению къ Гурьеву городку. Въ этомъ походѣ участвовало сто человѣкъ яицкихъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ¹⁾. Яицкихъ казаковъ приказано было нарядить по возможности „изъ бывшихъ въ Хивѣ²⁾“.

Но экспедиція была неудачна; вслѣдствіе незднаго осенняго времени Черкасскій едва доехалъ до Гурьева и съ большими потерями вынужденъ былъ возвратиться обратно.

Но пока станица Котельникова стравствовала по Каспійскому морю, на Яицѣ шла беззокойная и тревожная жизнь. Киргизы, обидренные успѣхами, окончательно обнагѣли. За каждый кустомъ, въ каждой рѣтвиѣ таялись эти враги, поджидая дѣбачу. Горе было застававшему казаку — его ждалъ падѣнье и вечное рабство въ Хивѣ.

Движущаяся весною въ степь за солью большая станица яицкихъ казаковъ была окружена шестью тысячами киргизъ и каракалпаковъ, бѣхавшихъ въ наѣгъ въ Русь изъ приволжскія села. Казаки по обычью свернули обозъ въ кругъ и сѣли „въ осаду“. Пять сутокъ отбивались оры отъ киргизскихъ наѣздаиковъ и на шестой день отбились, потерявъ двадцать человѣкъ убитыми и взятыми въ пленъ. Киргизамъ удалось отогнать у казаковъ только триста лошадей и то, вѣроатно, въ первый моментъ нападенія³⁾.

Ранею весною слѣдующаго 1715 года снова изъ Яицкаго городка выступила станица для экспедиція Черкасскаго въ Каспійское море. Станица состояла изъ одного походнаго атамана Зиновія Михайлова, четырехъ есауловъ, стольки же знаменщиковъ и 491 человѣкъ рядовыхъ казаковъ⁴⁾.

Отрядъ Черкасскаго выступилъ опять изъ Астрахани по направлению къ Гурьеву, гдѣ его дожидалось яицкіе казаки, но, прибывъ въ Гурьевъ, Черкасскій яицкихъ казаковъ отпустилъ по домамъ⁵⁾, т. к. онъ рѣшился ограничиться въ этомъ году однѣми развѣдками. Высадившись потомъ у Тюль-Караганскаго мыса, отъ которого издавна шелъ торговый путь въ Хиву, Черкасскій отправилъ проводника Ходжса Небеса съ дноранами Федоровымъ и Зюнгскимъ разыѣдать о плотинѣ на Аму Дарѣ. Они шли до уроцища Карагачъ въ версты за двѣ не дѣжая до Дарьи видѣли земляной валъ (плотину), затѣмъ, пройдя степью верстъ два-цѣть, дошли до долу (старое русло рѣки), которыи сѣдовали два три до уроцища Ата-Ибрагимъ и видѣли по обѣ стороны этого дола старинныя жилища и казалы. Тутъ посланные узнали со словъ туркменъ, что если перекопать земляной валъ и степь до долу, то

¹⁾ Смотри приложение XII.

²⁾ М. Н. Галкінъ. Этнограф. и истор. материалы по Средн. Азії и Оренб. град.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 482. Челобитная Яицк. войска царю Петру 1721 года.

⁴⁾ Смотри приложение XII. Наемки отъ войска было дано: атаману 45 р., есаулу 30 р., знаменщику 25 р. и рядовому по 15 рублей.

⁵⁾ А. И. Макшеевъ. Истор. обзоръ Туркестана, страницы 66—67.

вода Дарьи войдетъ въ Каспійское море; но Ходжа-Нефесь изъ боязни хана-цеза не посыпалъ своихъ спутниковъ далѣе до долу и они отирались прямо безводною степью къ Красному водамъ, гдѣ и авились къ прибывшему сюда отряду Бековича¹⁾.

Черкасскій, убѣдившись, что дѣйствительно имѣется старое русло Аму-Дарьи, донесъ государю объ усѣихъ своихъ разысканій.

Эти свѣдѣнія еще болѣе укрѣшили у Петра мысль во чтобы то ни стало залѣсти сошленія съ Хизою, къ чему и стала онь готовиться со слѣдующаго года, когда Черкасскимъ снова формируется отрядъ, но уже не для разведки, а для похода въ Хизу степью.

Междудѣмъ въ Яїцкій городокъ стекались бѣглецы со всѣхъ сторонъ. Особенное шло сюда жители приволжскихъ городовъ, изъ Самарской, Казанской и Нижегородской губерній. Не смотря на посланные указы и на преслѣдку къ казакамъ отъ помѣщиковъ прикащиковыхъ, войско попрежнему не выдавало никого, отписываясь по старинѣ, что такихъ бѣглецовъ они не знаютъ. Въ 1715 году прислали между прочимъ за своими крестьянами въ казачій городокъ и помѣщикъ Симбирского уѣзда Кротковъ; взять крестьянъ было посланъ Малышевъ, во „казаки по многимъ величаго государя посланнымъ указомъ чинились противъ... и я рабъ твой—писалъ Кротковъ въ челобитной—и крестьяне мои влатять всякия подате съ пуста со многихъ дворовъ съ 1710 году и оттого платежу крестьяне мои разорились безъ остатку, а достальныи мужчины, видя ихъ казаковъ противность, твоимъ великаго государя указомъ въ отдачу нашихъ крестьянъ, бѣгутъ всѣ къ нимъ-же казакамъ“...²⁾).

Трудно было казакамъ выдавать бѣглецовъ—безпрерывные и непосильные наряды на вѣнчшую службу страшно уменьшали и бѣзъ того малочисленные ряды ихъ и если Москва забывала ихъ счетъ, то за то войско считывало каждого казака.

Въ этомъ же году киргизы опять начали на станицу, щахвшую съ хлѣбомъ изъ Сызрани. Вмѣстѣ со станицю щахали „съ разныхъ государевыхъ городовъ“ купцы за покупкою на Яикѣ рыбы и другихъ товаровъ и много другихъ людей изъ Руси за своиа нуждами. Не дѣйсвдая до городка за сто верстъ, на станицу напало скопище каракалпаковъ и завязался бой. Казаки отбивались, но отбиться въ цѣлости не могли; потерявъ двадцать человѣкъ убитыми и до ста попавшими въ плѣнъ, казаки „сѣя въ осаду“ и послали гонцовъ въ яїцкій городъ за помощью.

Войсковой атаманъ Федоръ Семенниковъ, по приговору круга, посланъ на выручку осажденнымъ тысячу казаковъ съ походными атаманомъ Григориемъ Меркульевымъ. Но казаки за послѣднее время таинъ много потеряли

¹⁾ Тамъ-же, страница 67.

²⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листъ 74.

лошадей отъ захвата ихъ киргизами, что многіе выступивши съ Меркульевыми были пѣши и тѣхали на телѣгахъ по два — по три человѣка на телѣгѣ; взятые со станицей пушки везлись тоже на телѣгахъ.

Едва показалась пыль по дорогѣ со стороны Ивка, какъ каракалпаки „поднялись отъ осадныхъ казаковъ“ и „побѣжали въ степь“. Команда Меркульева бросилась за ними, но сдѣлавшиѣ большой переходъ казачьи ковы не могли догнать хищниковъ; первыми стали отставать лошади, бывшия въ телѣгахъ и съ пушками; и казаки „съ сонѣту всего войска возвратились, чтобы не потерять напрасно войска въ государевы казны“¹⁾.

То, что въ данномъ случаѣ Меркульевъ не преслѣдовалъ каракалпаковъ и не могъ выручить взятыхъ въ пленъ казаковъ, впослѣдствіи послужило для Карашева поводомъ обвинить Меркульева въ измѣѣ.

Между тѣмъ Петръ взыналъ Черкасскаго къ себѣ и 14 февраля 1716 г. въ Лебавѣ даль ему для дальнѣйшихъ дѣйствій слѣдующіе пункты:

1) Надлежитъ вадъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинскій.

2) Ехать къ хану хивинскому посломъ, а путь имѣть ведѣтъ той рѣки, въ осмотрѣ прилежащо теченіе оной рѣки, также и плотовы; ежели возможно оную воду паки обратить въ старой токѣ, къ тому же протчія устья запереть, которая вдуть въ Оральское море, и сколько къ той работе потребно людей.

3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотовы или гдѣ удобно на настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ для строенія же крѣпости тайнымъ образомъ, а буде возможно будетъ, то и другой городъ сдѣлать.

4) Хана хивинскаго склонять къ вѣрности и подданству, обѣщаи наследственное владѣніе оному, для чего представлять ему гвардію къ его службѣ и чтобы онъ за то радѣль въ нашихъ интересахъ.

5) Буде онъ то охотно принять и станетъ желать той гвардіи и безъ нее ничего не станетъ дѣлать, опасаясь своихъ людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтобы были икъ его платѣ; а буде станетъ говорить, что перво нечѣмъ держать, то на годъ въ на свое мѣсто жалованіе оставать, а впередъ чтобъ онъ платилъ.

6) Ежели симъ или инымъ образомъ склонится хивинскій хазъ, то просятъ его, дабы послалъ своихъ людей (при которыхъ и явившихъ два бы человѣка было) водою по Сырь-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ, до Иркети-городка для осмотрѣнія золота.

7) Такоже просить у него судовъ въ нихъ отпустить купчиху по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Издію, наказавъ, чтобы изѣхалъ ее, пока суды могутъ ядти, и оттолѣ бы изѣхалъ въ Издію, прямѣчая рѣки и озера, а описывая водяной и сухой путь, а особенно водяной къ Издію тою или другими рѣками, и воз-

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 20—38. Донесъ Карашевъ, и таинъ же отдать войскового атамана Григорія Меркульева и другихъ казаковъ.

вратиться изъ Индіи таимъ же путемъ, или, ежели услышать въ Индіи еще лучшій путь въ Каспійскому морю, то онамъ возвратиться и спасать.

8) Будучи у хивинскаго хана, провѣдать и о бухарскомъ: не можно ли его, хотя не въ подданство (ежели того нельзя сдѣлать), то въ дружбу привести также же манироиъ, ибо и такъ же ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

9) Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ 4000 человѣкъ, судовъ сколько потребно, грамоты къ обозъ ханамъ, также куачинъ къ ханамъ же и къ Моголу.

10) Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ 5 или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: первая подъ образомъ купчизы, другая къ Искети.

11) Инженеровъ изъ учениковъ Куломовыхъ дать двухъ человѣкъ.

12) Нарадить казаковъ Яицкихъ полторы тысячи, Гребенскихъ 500, да 100 человѣкъ драгунъ и добраго командира, которымъ идти подъ образомъ провожанія каравана изъ Астрахани и для строенія города, и когда оные придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣть имъ стать, и по той рекѣ, где плотина, прислать къ морю для провожанія его сколько человѣкъ пристойно: вышеписанному командару накрѣпко смотрѣть, чтобы съ обывателями земли ласково и безъ тягостно обходились, и для дѣланія тамъ города отпустить съ помянутыми конными вѣсколько лопатокъ и кирокъ.

13) Поручику Кожину приказать, чтобы онъ тамъ развѣдалъ о сраныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ, и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуску товаровъ, призвать ему Кожину двухъ человѣкъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобы оные были не стары.

По симъ пунктаамъ Господамъ Сенату съ лучшую ревностію сіе дѣло какъ наискорая отправить, понеже зло нужно¹⁾.

Уже въ серединѣ лѣта 1716 г. войско получило приказъ о немедленномъ нарядѣ въ Астрахань къ князю Черкасскому 1500 казаковъ. Дѣлъ посыдали станицы, отправленыя въ шведскій походъ, еще не вернулись. Въ собравшемся войсковыми атаманомъ Григориемъ Меркульевымъ кругу войско рѣшило отправить только часть казаковъ, въ остальныхъ позже. Но вернулась ли въ этому времени станица, бывшая въ Сызранѣ за хлѣбомъ, или по другимъ причинамъ, во войско снарядило вмѣсто полутора тысячъ только 1002 человѣка съ союзнымъ атаманомъ Никитою Трифоновичемъ Бородинымъ²⁾, которые пришли въ Астрахань въ августѣ мѣсяца³⁾.

Изъ этого наряда между прочими видно, что станица была раздѣлена на

¹⁾ Полное Собрание Законовъ, томъ V, страница 2993. Указъ капитану гардіи князю Черкасскому отъ 14 февраля 1716 года.

²⁾ Смотри приложение ЖІ. Наики дѣло отъ войска: атаману 42 р., одному полковнику 35 р., четыремъ есауламъ по 32 р., шести знаменщикамъ по 25 р., походному инсарю 20 р., разводымъ по 14 р.

³⁾ Министер. Воен.-учен. Арх. Главн. Штаба, изд. 1871 г., т. 1, подъ редакц. А. Ф. Бичкова, стр. 446.

два полка, причемъ одинъ полкъ командуется непосредственно походнымъ атамаю, другой — полковникъ, подчиненный атамаю, тутъ таъже упоминается первый разъ походный писарь. Въослѣдствіи этаъ же организація походнаго войска премъняется исходу, гдѣ ставцы выступаютъ въ количествѣ большемъ, чмъ 500—600 человѣкъ. Въ каждомъ полку выбирается въ помощь къ командибу полка два есаула и полкъ, видимо дѣлится на три части, ибо имѣеть по три знаменщика.

Приходило лѣто къ козцу, наступилъ октябрь, надо было нарядить дополнительную станицу. Къ этому времени прибыла изъ арміи пробывшая тамъ девять лѣть безъ смысла, станица походнаго атамана Алешина. Много измѣнилось въ это время въ казачьемъ городкѣ: выросло цѣлое поколѣніе, дѣти не узывали своихъ бывшихъ въ долгой отлучкѣ отъ вѣтъ, отцы — дѣтей. Юноши вернулись взрослыми людьми, пожилые стариками. О службѣ этой станицы послѣ Полтавскаго боя почти ничего неизвѣстно. „А по полтавской баталии пошли въ Польшу — говорить старика Кузнецова въ своей сказкѣ на слѣдствіи обѣ атаманѣ Притковъ въ 1739 г., — а изъ Польши въ Померанію и далѣе гдѣ бывѣ въ Помераніи и въ другихъ государствахъ всего девять лѣть“. Это едваизвѣстное что извѣстно о дальнѣйшей службѣ станицы Алешина. Вернулся со станицѣ и герой Рыжечка. Шла наемка въ дополнительную станицу къ Черкасскому 398 человѣкъ. А чтобы „не было какихъ избыльщевъ въ казакахъ и службы бѣ величаго государя оныхъ послушникамъ и войсковихъ дачъ не отбывала-бъ... и на службу къ князю Черкасскому отправить и на Якѣ чмъ-бы можно оставшими внезапный непріятельскій приходъ отпоръ учинить понеже у казаковъ жишаща украинные, всегда бывающіе набѣги непреставаше“, то по совѣту всего войска войсковой атаманъ Меркульевъ переписалъ всѣхъ бывшихъ на лицо казаковъ и казачьихъ дѣтей; перенасъ велась подворно, казакамъ были составлены списки въ вѣсколькихъ книгахъ¹⁾.

Навидя на службу и Рыжечка. Станица выступила съ походными атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ²⁾ и прибыла въ Астрахань въ ноябрѣ³⁾.

Но едва ушли казаки къ князю Черкасскому, какъ киргизы снова почуяли добычу. „А въ томъ-же 1716 году, — писали казаки въ своеї чедобитной, — проходили воинскіе люди каракалпаки болѣшимъ собравшемъ подъ начь казачій городокъ и побили Алексѣевскаго солдатъ, которые проходили къ намъ съ хлѣбнымъ запасомъ; да тѣхъ воинскіе люди были на калмыцкую орду, на Доржсу-мурзу, а мы рабы твои въ домашкахъ своихъ отъ проходу тѣхъ воинскіхъ людей въ великомъ обереженьи, дабы вашего великаго государя вотчины какъ и прежде была не разорена“⁴⁾.

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 71, 141—147, 156—161. Эти книги до сихъ не дошли.

²⁾ Смотри приложение XII. Наемки даю: атаману 40 р., 2 есауламъ по 80 р., знаменщикамъ даунъ по 25 р., рядовымъ по 22 р.

³⁾ Истор. Воен.-учен. Арх. Га. Штабъ, изд. 1871 г., т. I, подъ редакціей А. Ф. Бычкова, стр. 446.

⁴⁾ Смотри приложение XII.

Какой хлебъ привозили алексеевские солдаты (солдаты изъ города Алексеевска) на Яикъ—неизвестно. Было ли это хлебное жалованье войску или казна, ввиду невозможности самому войску по его малолюдству привозить въ то время хлебъ изъ Сызраня, послано семьямъ казаковъ казенный хлебъ—остается невыясненнымъ.

Въ этомъ-же году послѣ отсылки въ Астрахань къ Бековичу тысячи казаковъ стали проситься у войска ѿхать въ Хиву и Бухару казаки татары. Въ кругу они „были члены” отпустить ихъ туда „для торговыхъ въ промысловъ”. Войско, „какъ и на предъ сезо съ Яикъ русскіе и извѣтны казаки въ Бухары и въ Хиву отпускались”, ѿхать имъ разрѣшало. Снарядился обычный караванъ, съ которымъ поехали „юрточные казаки новокрещены: Иванъ Сидоровъ, Осипъ Никитинъ, да татары Лозекъ Кичкинцевъ, Узбекъ Тюленбетевъ, Катыбай, Сюлемейкинъ братъ, Кудберда и Оонаугулъ, Ишикѣтевъ зять,—всего семь человѣкъ¹⁾“. Караванъ выступилъ въ серединѣ лѣта и благополучно прибылъ въ Бухару, гдѣ и остался зимовать.

Междѣ тѣмъ отрядъ Бековича до осени простоялъ въ Астрахани, гдѣ по ручакъ Кожевъ изготавливъ суда для перевозки войскъ на восточный берегъ Каспийского моря. Къ этому же времени собрались и полки, вошедшие въ хининской отрядъ Бековича²⁾.

Осенью Бековичъ, оставивъ казаковъ и драгунъ въ Астрахани, отправился съ пѣхотою на судахъ къ восточному берегу Каспийского моря и заложилъ тамъ укрѣпленія на Тюкъ Караганѣ—Снат. Штра, на заливѣ, названномъ иль по своему имени Александръ-Біенъ—Александровское и у Красныхъ волъ при входѣ въ Балханскій заливъ основалъ главную крѣпость. Расположивъ тамъ почти всю имѣвшуюся у него пѣхоту, онъ вернулся на верблюдахъ вокругъ Каспійскаго моря черезъ Гурьевъ въ Астрахань.

Всю зиму отрядъ приготовлялся къ походу, заготовлялись провиантъ и верблюды. Казакамъ было раздано царское жалованье: атаманамъ по 40 р., полковникамъ по 25 р., есауламъ, заменищикамъ и войсковому писарю по 15 р. и рядовымъ по 10 р. человѣку³⁾.

Наконецъ весною 1717 г. этотъ отрядъ выступилъ къ Гурьеву. Черкасскій со сѣмьюнѣмъ драгунами и съ оставшимися пѣхотою поѣхалъ моремъ на судахъ, а казаки съ обозомъ и лошадьми сѣмьнѣмъ драгунъ и солдатъ от-

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 176, 230.

²⁾ Въ составъ отряда вошли: три пѣхотныхъ полка: Казанскій подполк. Хрущевъ 1254 чел., Астраханскій подполк. Кумниковъ 1878 чел., Азовскій подполк. фонъ-деръ Видевъ 1100 чел. Всего пѣхоты 3727 чел. Полки драгунъ (5 эскадръ: испанскихъ, 1 астраханск.) и полк. фонъ-Франценберга 617 чел.; казаковъ: линейныхъ атамана Вородина 1500 и гребенскихъ атамана Василевича 500, всего 2000 чел., артиллеристовъ 26, инженеровъ 31, морской команды 232, джакарей, чиновниковъ и зворянъ 50. Всего въ отрядѣ было 6655 чел. Флотилия отряда состояла изъ 135 различныхъ судовъ. (А. И. Машевъ, История обзоръ Туркестана, страница 69).

³⁾ Матеріалы Воен.-учен. Арх. Главн. Штаба, изд. 1871 г., томъ 1, подъ редакц. А. О. Быковъ, страница 446.

правились сухими путемъ и дошли до Гурьева въ 12 дней, Бековичъ же прибылъ туда вѣдьлею позже.

Здѣсь отрядъ расположился лагеремъ и простоялъ около мѣсяца. Но казаки и киргизы, воспользовавшись безпечностью пастуховъ, напали на казачьи табуны, захватили въ пленъ 60 человѣкъ казаковъ, бывшихъ при лошадяхъ, и угнали большую часть табуна. Черкасскій немедленно погнался слѣдомъ за виновнаго, настигъ ихъ, отбилъ табунъ и казаковъ и самъ захватилъ вѣсмько человѣкъ въ пленъ.

11 июня¹⁾ отрядъ выступилъ въ Хиву. Въ составъ его вошли почти исключительно одни казаки (янцехъ 1500, гребенскихъ 500), драгуанъ 600 и погаженныхъ на лошадей 300 человѣкъ пѣхотинцевъ. При отрядѣ было 7 артиллерийскихъ пушекъ и морскіе чины, всего 100 человѣкъ въ разныхъ личинахъ купцовъ и людей при обозѣ 200 чел. Всего русскихъ въ отрядѣ вмѣстѣ съ купцами и праслугою было 3200 человѣкъ. Кроинъ этихъ силъ съ отрядомъ пошли 500 чел. ногайскихъ татаръ, калмыковъ Аюка-хана 32 чел. и черкесскихъ узденей съ братьями Бековича 22 чел. Всего же отрядъ состоялъ изъ 3750 ч.²⁾. Объ этомъ весьма печальному по своему послѣдствію походѣ до насъ дошло весьма мало подробнѣстей; источники, по которымъ возможно возстановить картизу этого похода, являются главнымъ образомъ показаніемъ бѣжавшихъ послѣдствія изъ пленя: проводника отряда туркменца *Хаджи Небеса*, а также янцехъ и гребенскихъ казаковъ.

До Хивы нужно было пройти около тысячи верстъ голодной пустынной степью черезъ Усть-Ургъ. Въ Первый день пути почевали близъ рѣки Акъ-Мурзы, потому въ седьмь дней достигли Эмбы, где отрядъ остановился на два дня для отдыха и устройства плотовъ для переиѣзда. Черезъ два дня пуши отъ Эмбы отрядъ пришелъ къ урочищу Богочату, где вышелъ за большую Хивинскую дорогу и по ней на пятый день достаѣтъ до Иркетскихъ горъ. Подъ этимъ названіемъ въ сказкѣ татарина Ахметъева разумѣется берегъ Усть-Урта (Чанкъ), который, прохода утесистыми скалами по всему западному берегу Аральского мора, простирается за западъ до береговъ Каспийскаго мора, составляя границы плоской возвышенности, раздѣляющей оба мора. Далѣе дорога идетъ близъ берега Аральскаго мора. На половинѣ пути у колодца Чилдашъ туркменецъ *Кашка*, бывшій одинъ изъ проводниковъ отряда, вмѣстѣ со всѣми другими бѣжалъ изъ лагеря. Часть изъ нихъ возвратилась въ свою улусъ, а часть обошли лагерь и напередъ отправились въ

¹⁾ По показанію янцехаго казака Урагмета Ахметъева; по его словамъ отрядъ выступалъ „послѣ святыхъ недѣлъ спустя, на седьмой недѣлѣ“, а т. е. Пасха въ томъ году была 21 апрѣля, то походъ начался послѣ Троицы, которая проходила 8 июня. (А. И. Макшеевъ. Истор. обзоръ Туркестана, страница 71).

²⁾ А. И. Макшеевъ говоритъ, что янцехъ казаковъ пошло въ Хиву всего 1400 человѣкъ, т. е. предъ отправлениемъ въ походъ Бековичъ 100 человѣкъ янцехъ казаковъ отправилъ изъ Гурьева къ краю Св. Петра. Материала, на къ торые въ данномъ случаѣ ссылается Макшеевъ, предоставить не представлялось возможнымъ. (А. И. Макшеевъ. Истор. обзоръ Туркестана, страница 70 и 79, примѣчаніе 7).

Хиву, где рассказали хазу о томъ, что Бекович идеть не одинъ, а съ войскомъ. Хаджа Н-фесъ сдѣлался проводникомъ отряда, и повелъ его черезъ колодцы: Санъ, Косшагозе, Бѣлавли, Дурали до колодца Ялгуды, где кавзъ отдаѣтиль сто яицкихъ казаковъ¹⁾ и оторвили ихъ впередъ съ Карайтова. Онъ долженъ былъ отвеста письмо къ хазу съ увѣреніемъ въ мирной цѣли посланства. При каждомъ колодцѣ отрядъ дѣлалъ привалы, отрывали новые колодцы, чтобы добыть лучшей воды. Оставилъ 1000 казаковъ для поправленія устальныхъ лошадей, при послѣднемъ колодцѣ, отрядъ двинулся черезъ колодецъ Шиммиль-дунъ, рѣку Каракумметъ въ рѣвѣ Аккуль²⁾, по показанію Хаджа Нифеса, вытекающей изъ Аму-Дарьи. Между тѣмъ, отрядъ Карайтова благополучно прибылъ въ Хиву, но зная отъ бѣжавшихъ туркменъ и калмыкъ Аюка-Хаза, о движеніи виѣстѣ съ посломъ русскаго отряда, ханъ послалъ къ Бековичу двухъ узденевъ и одного казака изъ сотни Карайтова съ дарами Бековичу какъ послу, а главное юбѣдиться въ правильности давесеній туркменъ. Узбеки прибыли къ Черкасскому у рѣчки Аккуль. Иль обѣявши, что послъ князь Черкасскій находится газдѣ, а это только передовой отрядъ. Только по прибытіи отставшахъ 1000 человѣкъ казаковъ, Бековичъ принялъ пославцевъ привезшихъ ему дары отъ хана: коня, кафтанъ и овощи и уѣривъ ихъ, что ёдетъ мирный послъ, о цѣла-же послыть объявить самому хазу. Князь показалъ узденевъ весь русскій отрядъ. Возвращившись въ Хиву они рассказали хазу, что послъ идеть не одинъ, а съ вимъ цѣлое войско.

Отрядъ продолжалъ ести дальше и къ 15 августа прибылъ наконецъ къ уроцищу Карагамъ (рѣканъ Аму-Дарья) находясь пути болѣе чѣмъ два мѣсяца. Походъ былъ труденъ. Выѣждавшій виослѣдствіи изъ плѣна яицкихъ казакъ Федоръ Емельяновъ показалъ: „а идучи изъ Гурьевъ яицкаго города до Энбы рѣки и отъ Энбы до хивинской земли въ до рѣки Карагата проѣзду побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинуто многое число, потому что вимъ дано было привезти въ Гурьевъ яицкомъ на полгода, и за дальность и за неудобствомъ кормить лошади многія пристали“.

Такъ же менѣе походъ былъ доведенъ до конца. Оставалось только пройти еще 150 верстъ, чтобы достигнуть Хивы. Но тутъ лѣта привали совершенно другой оборотъ. Какой-то тяжелый рокъ все время висѣлъ надъ отрядомъ. Бековичъ, отправляясь въ Хазу, былъ разстроенъ своимъ семейнымъ горемъ. Въ самый день его отплытия къ Гурьеву изъ Астрахани онъ потерялъ любимую имъ жену и двухъ лѣтей. Возвращаясь послѣ его пропадовъ въ зодѣ домой, она была опрокинута забѣжавшимъ вахремъ и потонула въ Волгѣ. Печаль, охватившая послѣ этого Бековича, не покидала его во все время похода и имѣла огромное вліяніе на его исходъ.

¹⁾ Показаніе казака Азизреда Вородина (виослѣдствіе Войскового атамана). Моск. Арх. Гл. Штаба, свидѣцъ 107, чи. 80, листы 379—880.

²⁾ Показаніе татарина Ахметова.

Еще до выступлений въ походъ Бековичъ отправилъ въ Хиву пословъ съ узбекомъ о своемъ мирномъ посольствѣ, но ихъ тамъ задержали и не пустили обратно. Пославныхъ съ Карийскимъ сотни яицкихъ казаковъ ждала горькая участія. По прибытии отъ Черкасского, пославшихъ для проверки численности отряда Бековича, двухъ узденей ханъ приказалъ заковать казаковъ въ цепи и посадить „въ крѣпкое мѣсто“. Напрасно они старались дать знать Бековичу о своей участіи. Многіе изъ нихъ бѣжали, — но была вся переловлена и жестоко наказана: — ихъ сажали на колы, рѣзали губы и носы. Въ живыхъ осталось всего 50 человѣкъ, которыхъ хивинцы старались перевести въ иагометанство, но безплодно¹⁾. Послѣ ареста посла, ханъ собралъ 24 тысячи войска и выступилъ противъ русскихъ. Первыми жертвами хивинцевъ были 60 человѣкъ яицкихъ и гребенскихъ казаковъ, отошедшихъ Черкасскимъ за день до прибытия къ Карагачу для рыбной ловли. Они были захвачены въ пленъ. Одному изъ нихъ удалось бѣжать и дать знать Бековичу о прибытии хивинского войска. Не успѣвъ отрядъ Бековича еще дойти до Карагача, какъ вблизи него въ полутора verstахъ появилось все хивинское войско и напало на отрядъ, и почтли вѣздомъ стрѣлять изъ бащацей и изъ луковъ". Но Бековичъ успѣлъ продвинуться впередъ и встать у рѣчки Карагачъ, окружилъ себя съ трехъ сторонъ телѣгами и арбами, съ четвертой же стороны была вода. Всю ночь шла работа — успѣли къ утру сдѣлать земляной валъ и поставить бывшія въ отрядѣ семь пушекъ въ окопы. Съ утра хивинцы своихъ возобновили нападеніе, но были отбиты. Три дня наступали хивинцы на русскихъ, но каждый разъ отступали съ урономъ и на четвертый день завели переговоры. За это время у казаковъ выбыло изъ строя 10 человѣкъ, между тѣмъ хивинцы потеряли болѣе тысячи убитыхъ²⁾.

Хивинцы отступили и встали въ двухъ verstахъ отъ русского лагеря. Ханъ отступиль. Разбитый онъ былъ въ недоумѣніи какъ действовать дальше. Въ это время къ нему явился казначей бухарецъ Досимъ-бей.

— „Нельзя надѣяться на побѣду надъ русскими — говорилъ онъ — ихъ все почтятъ непобѣдимыми; надо воли съ ними въ переговоры, заманить къ себѣ предводителя. Если онъ будетъ въ нашихъ рукахъ, тогда и все войско его будетъ наше“³⁾. Ширъ-Гная принялъ совѣтъ и съ согласія своихъ узбековъ вошелъ въ переговоры. Пославный въ русскій станъ Ишимъ-Хаджса объяснялъ ханю Черкасскому — отъ лица хана, что нападеніе хивинцевъ на русскій отрядъ произошло безъ его воли, до прибытия его къ войску и что если князь Черкасский идетъ къ нему мирнымъ посломъ, то ханъ готовъ вступить съ нимъ въ переговоры.

¹⁾ Показаніе яицкаго казака Жалѣрова (см. прил. XIII).

²⁾ Кослѣдовствій, при взятіи Хивы въ 1873 г., хивинцы показывали на р. Порсу близъ города Іок-майдан, где былъ этотъ бой Бековича съ ихъ предками.

³⁾ Показаніе Соймонова и Текелеса. Еженедельные сочиненія 1763 года, кн. 1, стр. 27. (Смотрѣ также А. Попова — сношеніе Россіи съ Хивою и Бухарою при Петре Великомъ).

Князь Черкасский не хотелъ вступать въ переговоры; другіе офицеры раздѣляли его мысль; но совѣтъ князя Заманова одержалъ верхъ¹⁾. Къ хану былъ отправленъ татаринъ Алтынъ Угебиновъ, который возвратился съ Ишими-Хаджемъ. Послѣдній заявилъ, что ханъ назначилъ совѣтъ съ своими приближенными, а потому дастъ отвѣтъ.

Между тѣмъ хивинцы снова напали на русскій станъ. Ихъ отбили. Черкасский послалъ того-же татарина снова къ хану, требовать объясненія. Ханъ приказалъ войску стоять и объяснилъ, что туркменцы и аральцы сдѣлали это нападеніе безъ его позволенія въ что виновные будутъ наказаны. Послѣ этого Бековичъ снова послалъ къ хану двухъ татаръ: Смайла-мурузу и Кудаузу съ требованіемъ, чтобы ханъ приспалъ въ русскій станъ своихъ ближнихъ людей Колумбая и Назора — хаджу для окончательныхъ переговоровъ. Въ хивинскомъ станѣ, на виду у посланныхъ водили двухъ хивинцевъ, у которыхъ: у одного тонкая веревка была продѣта черезъ ноздрю, а другого черезъ ухо, и утверждало что это наказываются виновники нападенія на русскіхъ.

Колумбай и Назаръ-хаджа прибыли въ русскій станъ, составили мирный договоръ и клялись на коронѣ въ исполненіи этого договора. Черкасский въ свою очередь цѣловалъ крестъ. На другой день послѣ обѣда поѣхали для переговоровъ, къ ставкѣ хана, уже самъ Бековичъ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ 150 драгунъ, ста яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Никитою Бородинымъ и гребенскими — триста человѣкъ, „выбравъ лучшихъ людей въ мудирѣ"²⁾. Въ свите Черкасского поѣхали князь Замановъ, бригадиръ Волковъ и два брата Бековича при семи денщикахъ. При приближеніи князя къ ставкѣ хана, хивинцы, бывшіе всѣ на лошадяхъ, разстутились вдвое, сдѣлавъ проходъ для Черкасского съ отрядомъ. Не доѣзжая полуварсты до ханскої палаты, была поставлена палатка для Бековача, гдѣ онъ и всталъ, отправивъ отъ себя къ хану пословъ, которые и заключила миръ съ клятвою съ обѣихъ сторонъ. Что то тяжелое предѣйщало этотъ роковой день. Когда ханъ клялся на коронѣ не нарушать мира, яркое полуденное солнце на синѣломъ голубомъ небѣ вдругъ померкло, затмилось и отъ его диска остался недавнымъ лишь небольшой край, похожій на только что народившійся мѣсяцъ. Это солнечное затменіе въ такомъ звенообразномъ видѣ было истолковано хивинцами въ свою пользу, а на русское войско навело уныніе, которое не могло не вліянія на дальнѣйшую участь отряда³⁾. Все шло противъ русскихъ. Самъ начальникъ отряда уже находился почти въ полной власти вѣроломнаго врага. Въ этотъ же день двинулъся къ Ханѣ, выѣхѣвъ съ вимъ поѣхать въ Черкасскій, отданъ приказаниѳ майору фонъ-Франкенбергу, остановившемуся начальникомъ въ лагерѣ, слѣдовать завѣтъ со всѣмъ остальнымъ отрядомъ. Черкасский со своимъ небольшимъ конвоемъ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Показанія Янц. кнз. Федора Евельяннова, по показанію-же Собинова и Тевкелеева яицкихъ казаковъ было при кнзѣ 500 члв. (Ежемѣсячн. соч. 1763 г., кн. 1, стр. 80).

³⁾ Понко. Терсіе казаки, страница 100.

ѣхалъ все время по серединѣ хивинскаго войска, какъ бы подъ арестомъ. Къ вечеру остановились ночевать близъ озера. На другой день Черкасскій съ каземѣтъ Замановыми поѣхали къ хану съ подарками, которые несли сто чѣловѣкъ казаковъ. Черкасскій и Замановъ были приняты ханомъ въ палатѣ, подарки же, не доходя до ханскої палатки, саженъ за десять, привезли приближенныи хана и сложили ихъ въ одвѣ мѣсто вблизи ставки. Разговоры продолжались не болѣе часа и Черкасскій вернулся къ себѣ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ подарки были привезены обратно и отданы Черкасскому. Посланые отъ хана заявили, что они не соответствуютъ обозначеннымъ въ царской грамотѣ. Черкасскій велѣлъ отвѣтить, что это подарки лично отъ него, а царскіе онъ вручить потому. На другой день ханъ и Черкасскій прибыли къ старой Хивѣ (на Ургемчу), въ которомъ когда то побостили лицъ казаки съ Нечаевъ, и еще черезъ два дня къ Арадльскимъ пашнямъ¹ и расположились лагеремъ у р. Порсунтула. Отсюда Бековичъ послалъ дворянова Званскаго съ пятидесятью драгуанами къ маюру фонъ-Франкенбергу съ приказомъ подойти ближе со своимъ отрядомъ. Отрядъ всталъ въ двухъ верстахъ отъ хивинцевъ. Здѣсь ханъ выѣхалъ новое свиданіе съ Бековичемъ и предложилъ ему по невозможности разѣйтись и продовольствовать весь русскій отрядъ въ одвѣмъ городѣ Хивѣ, раздѣлить его на вѣсколько частей для разыщешія въ ближайшихъ къ столицѣ городахъ. Бековичъ согласился и приказалъ Франкенбергу раздѣлить отрядъ на пять частей и отправить ихъ съ хивинцами на квартиры. Оставшись при себѣ только гребенскихъ казаковъ, онъ остальнымъ, бывшимъ при немъ, приказалъ следовать за хивинцами.

Франкенбергъ былъ пораженъ проказаниемъ Бековича и, думая, что оно вынуждено у него угрозою, рѣшилъ послушаться. Франкенбергъ и Пальчиковъ, старшіе въ отрядѣ, отѣтили хивинцамъ, привезшимъ приказаніе Бековича, что у нихъ начальникъ не хивинскій ханъ, а князь Бековичъ-Черкасскій. Не повѣрили они и дворянину Званскому, когда онъ пріѣхалъ къ ihnenъ съ конвоемъ изъ сорока человѣкъ узбековъ, съ тѣмъ же приказаниемъ отъ кназя. Проказаніе было исполнено только тогда, когда Франкенбергъ отправился къ самому кназю и лично получиль отъ него подтвержденіе. Дышь только послѣ этого произошла кровавая развязка.

Раздѣлившись на части по 400 и 600 человѣкъ въ каждой, русскіе были приваты узбеками, которые повели ихъ разными дорогами въ Хиву. Къѣль только отдѣлилась части одна отъ другой, хивинцы бросились вязать ихъ, отняли оружіе, обобрали весь скарбъ, какой былъ при нихъ, и раздѣлили пленныхъ по руачь. Разобравши служивыхъ людей, хивинцы привинились за убѣйства передъ шатромъ хана. Перваго казнили кназя Заманова, за nimъ дворянина Економова, а потомъ узбеки вывели и самого кназя Черкасскаго, сняли съ него все платье, оставили въ одвѣ рубашкѣ, стоячаго рубили его саблею и отсѣкли голову. Все это видѣлъ проводникъ отряда туркменецъ Хаджа-Нефесъ

изъ цалатки своего временного обладателя туркменца Ага-Намета. Шаргъ-Гази торжествовалъ. Если не удалось сломить врага въ открытомъ честномъ бою, то онъ осидилъ его хитростью и вѣроломствомъ. Гордый одержавший и такъ легко вупленной побѣдой онъ послалъ голову Бековича къ Бухарскому хану. Но тотъ не принялъ пословъ вѣлья ихъ встрѣтить на дорогѣ и сказать: „Если ихъ ханъ людоѣдъ, то пусть обратятъ отнесутъ ему голову; а я не принимаю участія въ его поступкахъ”¹). Дѣвъ другій голова была выставлена на висилецѣ у Адорскихъ воротъ въ Хивѣ. По возвращенію въ Хиву ханъ собралъ всѣхъ бывшихъ у Бековича магометанъ-татаръ, черкасъ, да двухъ человѣкъ русскихъ гребенскихъ казаковъ всего 39 человѣкъ и хотѣлъ казнить. Но хивинскій Айхунъ, высшее духовное лицо, выпросилъ имъ помилованіе и свободу, открыто порицая поступокъ хана въ нарушеніи клятвы²).

Подробностей объ этой развязкѣ сохранилось весьма мало. Яицкій казакъ Федоръ Емельянновъ, бывшій въ конвоѣ у князя, въ своемъ показаніи военной коллегіи говорить, что послѣ приказа Черкасскаго отправиться яицкимъ казакамъ съ хивинцами на квартиры „атаманъ Никита Бородинъ, взялъ ихъ, яицкихъ казаковъ, сто человѣкъ съ хивинскимъ мурзомъ, какъ зовутъ — не знаетъ, поѣхали изъ войска ихъ хивинскаго на квартиры, куда они, хивинцы, поведутъ въ отѣхали версты съ дѣвъ. И тотъ ихъ атаманъ послалъ въ настоящій обозъ, комъ шли позади, и прїѣхало къ нимъ яицкіхъ же ихъ казаковъ сто-жъ человѣкъ. И собравшись того днѣ отѣхали версты съ десять... и нотевали у озера. И по утру вставъ рано, какъ они стали сѣдлать лошадей, а хивинцы, сѣвшіе на лошадяхъ, подѣхали къ нимъ ближе; одни, соскоча съ лошадей, другіе, сидя на лошадяхъ, учали ихъ разбирать по рукамъ трое одного и разобрали всѣхъ, ружье и одежду и лошадей и что при нихъ было, все обрали и развели врозь“³)...

Но еще горшія участь досталась гребенскимъ казакамъ, оставшимся въ конвоѣ у князя.

„До Аму-Дарьи хивинцы дѣлали на дно большихъ нападенія, да изъ нихъ оба раза, какъ макину, по степи разѣвали, — рассказывалъ въослѣдствіи вышедшій изъ плѣна гребенской казакъ Демушканъ, — за одинъ переходъ отъ Хивы ханъ наконецъ замирился и просилъ оставить войска, а самого князя звать въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшисьѣхать къ хану, Бековичъ взялъ съ собою 300 гребенскихъ казаковъ. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ каланчами, да только улицы въ немъ очень узки тѣсны. У воротъ въсѣ встрѣтила заатаѣшіе хивинские вельможи. Справивши почетную встрѣчу, повели ози ясль въ городъ; а тамъ у нихъ были положены дѣвъ засады за высокими глазьевыми заборами. Улица, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, какъ эйза, такъ

¹) А. Половъ. Сношеніе Россіи съ Хивою и Бухарою при Петре Великомъ, стр. 81.

²) Чоказаніе татарина Алтына (тамъ-же, стр. 97).

³) Смотр. приложение XIV.

что мы проезжали по два да по три коня, а заднимъ совсѣмъ не было видно передникъ людей за этими кривулинами. Какъ только меновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу переднимъ, и начала палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ — впередъ ли, назадъ-ли действовать, а въ это время показалась новая орды съ боковъ и давай въ насть жарить съ заборовъ, съ крыши, съ деревьевъ и изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую засаду мы втюрились. И не приведи, Господи, какое тамъ началось побоище!.. Пуля в камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехсаженными донимали насъ, — вотъ, какъ рыбу, что баграть зимой на Яикѣ. Старшими и пятидесятнаги съ самаго начала крикнули: «съ коней долой, ружья въ руки!.. А потомъ всѣ подаютъ уже голосъ: „въ кучу, молодцы, въ кучу!“.. А куда ужъ тамъ въ кучу, коли двумъ тремъ человѣкамъ съ лошадины и обернуться негдѣ! Бились въ растяжку, да и бились-же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ! Раненые и тѣ отбивались лежаще, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ тогда изъ проклатой трущобы, — всѣ тамъ полегли! А изверги издѣвались даже надъ казацкими тѣлами: отрывали головы и, вздѣвши ихъ на длинныя пинки, носили по базарамъ. Самого Бековича схватили разенаго, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобы расходился маьмина частями по разнымъ бишлакамъ. А когда войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то въ тѣ нормы хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыры. Съ самого Бековича, послѣ лютыхъ изувечий, съ живого содрали кожу, приговаривалъ: — Не хода, Девльть¹⁾, въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарью, не ищи золотыхъ песковъ²⁾...»

Всеорѣ по истребленію отряда вернулись осенью въ войско бѣжавшіе изъ пѣна яицкіе казаки: Федоръ Емельяновъ и Михаилъ Бѣлотѣлкинъ, астраханскій юртовый татаринъ Уразметъ Ахметеевъ проводникъ туркменъ Ходжса Несфесъ; представленные въ военную коллегію они первые рассказали сенату при царѣ Петре объ несчастной участіи отряда³⁾. Послѣ того, въ разные годы, возвращалось изъ пѣна около 50 казаковъ. Всѣмъ имъ давалось изъ статѣ-конторы, за полонное терпѣніе, по 10 руб. каждому.

Такъ печально окончался несчастный хивинскій походъ въ 1717 году [20].

Гарнизоны крѣпостей, основанныхъ Бековичемъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, находились также въ весьма печальномъ положеніи. Къ лѣту 1717 года въ Тюкѣ-Караганѣ умерло болѣе 500 человѣкъ, а въ Красноводскѣ смертность была еще значительнѣе; здѣсь здоровыя оставалось всего 200, а больныхъ 700 человѣкъ, остальные умерли. Коменданты крѣпостей,

¹⁾ Князь Бековичъ-Черкасскій былъ родомъ изъ кабардинскихъ князей и до св. крещенія именемъ Давидъ-Гиресъ.

²⁾ „Казачій Сборникъ“, 1867 г., выпускъ 1, страницы 65—70.

³⁾ Смот. приложение XIV.

андя гибель гарнизоновъ и не имѣа никакого приказанія послѣ гибели Бековича рѣшилъ возвратиться въ Астрахань и тѣмъ спасти отъ гибели остатки своихъ отрядовъ. 3-го октября полковникъ фонъ-Дерь-Виденъ, оставивъ Красноводское укрѣпленіе, отплылъ на бывшихъ у него 13 судахъ; но буря разнесла и потопила большую ихъ часть, при чёмъ погибло до 400 человѣкъ, а остальные занесены были въ разныя мѣста, гдѣ и зимою, имѣа страшную нужду въ припасахъ и только весною 1718 года пребыли въ Астрахань¹⁾.

Прошло болѣе полутораста лѣтъ со времени похода Бековича въ Хиву, а среди казаковъ на Уралѣ во времена И. И. Желѣзова еще бывшія хива вспоминали объ этомъ несчастномъ и роковомъ для войска событиї.

Сохранилась и пѣсня обѣ этомъ походѣ:

„Какъ на устьѣ-то было, братцы, Ялкушки,
На краю моря было Каспійскаго,
Что во славномъ горицѣ было во Гурьевѣ
Собирались тутъ войска царскія,
Войска царскія, все изъ-за моря:
А съ войсками, братцы, казаки были:
Гребенскіе, братцы, и привилѣй-старожилы.
Какъ посланникомъ Цара былъ казакъ Бековочъ,
И сказалъ всѣмъ настъ онъ словечушко:
— „Вотъ вашъ батюшка, Православный Царь,
Посыпаетъ настъ на Аму-рѣку,
На Аму-рѣку, на Ургачъ-городъ.
Завоюемъ мы ханство Хивинское,
Покоримъ его, братцы, Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, ребята, Петру Первому.
А хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
Самого хана мы въ полонъ возьмемъ.
И за то, за все наградить онъ настъ,
Наградить онъ настъ всѣхъ по царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки, братцы,
Что походъ будетъ настъ труднѣонекъ:
На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ,
Одна гола степь, безъ дороженекъ...
Ой, вы, братцы мои, вы казаченьки,
Привилѣй-старожилы, пострайтесь.
Сослужите службу вѣбывалую,
Помогите вы Царю-Батюшкѣ.
А возьмемъ Хиву, погостимъ мы тамъ
И къ холодной замѣ мы домой прорѣмъ“²⁾...

1) А. И. Макшеевъ, Истор. обзоръ Туркест., стр. 75.

2) Казачій Сборникъ 1887 г., выпускъ I, стр. 55—70. Пѣсня эта, вѣроятно, была сложена изъ казаковъ во время формирования отряда въ Гурьевѣ.

Сохранилось въ войскѣ и преданія объ этомъ походѣ. Іос. Игн. Желѣз-
нову удалось записать одно изъ нихъ со словъ казака *Афанасія Дмит-
ревича Барсукова*.

Воть что пишетъ объ этомъ І. И. Желѣзновъ¹⁾:

— Хива — страна заклятая; до поры, до времени покорить ее никаки-
ми силами нельзя,— началъ свой разсказъ мой собесѣдникъ, Аф. Д. Барсу-
ковъ, когда я попросилъ его разсказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя
Бековича-Черкасского.— Еще донрѣ Бековича,— продолжалъ старикъ,— не
разъ наши праотцы, то-ись казаки Яцкіе, дѣлали попытки— хаживали въ
Хиву, сами собой, безъ указу, значитъ, царскаго; щипать щипали ее, было
дѣло; во совѣтъ покорить не могли, подвести ее подъ державу Бѣлаго
цара подобно тому, какъ Ермакъ Тимофеевичъ подвелъ Сибирь. Нѣть, жи-
вучи, проклята! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насладу
оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяча нашихъ молодцовъ сложили
свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ
этомъ, однако „шила въ нѣшѣ не утешь“ — что правда, то правда! На
нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хину не покорили,— наша что?
наша — народъ вольный, беззаботный, отчету ваши никому не давали, а вотъ
когда о Бековичѣ вспомнишь — какъ онъ-то голубчикъ, не покорилъ Хиву,
такъ поневолѣ призадумашся; не вѣрилъ бы, да повѣришь, что въ Хиву
заклатіе положено. Вѣдь князь Бековичъ пошелъ на Хину не самъ собой,
а по указу цара Петра Перваго, а Петръ Первый шутить не любилъ: чуть
не такъ — за ушко да на солнышко. Предъ Петромъ Первымъ не тоюю своихъ,
а и чужестранные енералы дрожали, какъ листъ передъ травой. Что енералы?
— цара-то всѣ, короли то всѣ невѣрные ему дань платили; одва только Хива
въ усь не дула — вотъ ты и подумай! Бековичъ пошелъ въ Хиву не съ горсточкой,
какъ къ пристру наши праотцы донрѣ него ходили: Бековичъ пошелъ,
батенька, съ цѣлой арміей. Опричъ нашихъ казаковъ, у Бековича были и
донскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуаны; у Бековича кан-
тарелія и всякаго пушечнаго снаряда была бездна; при Бековичѣ было изо-
го и другихъ енераловъ, полковниковъ и всякихъ воевальныхъ чиновниковъ: одно
слово, Бековичъ пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обра-
тился ко мнѣ старикъ): какъ же Бековичъ не взялъ Хину? А вѣдь до
Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?

— Какъ, въ сачомъ дѣлѣ, Бековичъ не взялъ Хивы? — пересирошъ я
въ свою очередь рассказчика.

— Взять то овъ ее взялъ, да не удержанъ; вотъ въ ченъ и сила-то. Бек-
овичъ благополучно дошелъ до Хивы. Безъ бою, безъ драки хивинцы по-
корились ему. Хивинскій хазъ и всѣ его мурзы-лазыры вышли за ворота,
взяли предъ Бековичемъ на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова, „Уральцы“, т. 3, стр. 72—78.

объ земли три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города—значить, покорились.—По нашимъ книгамъ, говорать хивинцы,—ни довѣрно хорошо известно, что рано ли, поздно ли, намъ не миновать рука Бѣлаго Цара, подобно тому, какъ не миновали Казань и Астрахань. Вадваде, говорать, пришло то время: покоряемся. Шестнадцати, говорать хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тя; бери съ насъ дань, какъ указы Цара Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатить, супротивничать не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимы объяснить вашему княжескому степенству,—говорить злые и хитрые хивинцы: Хева городъ не очено большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какого утѣшненія не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и васчетъ продовольствія. По этимъ резонансамъ (говорить хивинцы Бековичу), не угодно ли будетъ вашей княжеской милости, сдѣлать такъ: разставить свою арміюшку не въ одной Хевѣ, а въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самы что ни лучшія мѣста отведенія, гдѣ и людемъ будетъ привольно, и конямъ вѣтъ коримо; одно слово,—говорить хивинцы Бековичу,—потщимся представить вашему княжескому степенству и всему воинству рассейскому всякое уловѣльство; такъ ублаготворимъ, что на всю жизнь довольны останетесь. Выслушавши такую лѣстную рѣчъ злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилился и тотъ же часъ, вѣовори худого слова, отдалъ подначальныи евераламъ и чиаванакамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый евераль, каждый чиавоникъ съ своимъ отрядомъ разошлись изъ фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы указуютъ; а самъ со сватой и съ небольшамъ конвоемъ вступилъ въ городъ Хеву, вступилъ—и больше уже не выѣжалъ, больше ужъ въ на сѣть то Божіе не глядѣль. Такимъ манеромъ,—продолжалъ старикъ,—заманили хитрые хивинцы Бековича съ арміею словно въ западню; заманили и въ одну ночь задали карачунъ всѣмъ русскимъ, то ясъ иныхъ голубчиковъ перерѣзали, какъ баражовъ, иныхъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни предали: съ живого, говорить, съ него кожу содрали, разбестій! Вотъ тебѣ и покорились! Вотъ тебѣ и ублаготворилъ! Вотъ тебѣ и дань заплатила! Если и въ такъ будуть поступать, добравшися! Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немногого, овъ проговорилъ:

„Не бѣлый-то лебедь, лебедячкъ восклинуль,—
Добрый молодецъ, князь Бековичъ, слезно воспѣвали...“

Вотъ этими словами (продолжалъ рассказчикъ) зачиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хона и пѣвалъ, то за другими, теперь же—говорить-ли?—совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не взыщи ужъ. Иомчу (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывая! Да и какъ не быть ей жалостливой; шутка-ли?—съ живого кожу снять!!!—Старикъ

сдѣлать кислую грамасу и отчаянно потрясь головой. Потомъ продолжалъ:— А сколько нашихъ-то казаковъ погибло—языкъ не выговорить! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи, пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, какихъ-нибудь два—три десятка, не больше; всѣхъ хивинцы—изверги порѣшили: которыхъ, значитъ, перерѣзали, которыхъ въ плѣнъ забрали, и тѣ тамъ дни свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой красавцу, въ тотъ разъ поставили: не выдалъ онъ, этотъ казачекъ, ни рѣзы, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, выдалъ онъ то, отъ чего сердце голубится. Слушай, какая ливія вышла. На фатерѣ, гдѣ казачекъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская, — не умѣю сказать хорошенько, да вѣдь не въ тоѣ силе! — Вотъ ова-то, эта молодая хивиночка, и защитила казачка. Въ ту ночь, въ которую хивинцы уговарились задать Бековичу и всѣмъ нашимъ караачуа, хивиночка увела казачка изъ дома въ садъ, въ самый глухой и удаленный уголъ и сиратала; одно слово, припрятала молодца въ какомъ-то потайномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранился сколько-то времени; тамъ, значитъ, и любовью они пробавлялись, то-ись, казачекъ и хивиночка. Сортъ! — замѣтилъ старикъ съѣхкотораго рода самодовольствиемъ.

— Напослѣдокъ послѣ рѣзы (продолжалъ старикъ), послѣ всей аварохи, когда со всѣхъ мѣсть хивинцы сѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по своей поганой вѣрѣ, богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ хивинскую одежду, дала ему провизіи и сколько-то серебряныхъ и золотыхъ денегъ, — въ Хивѣ бумажекъ вѣтъ, — потомъ вывела изъ лобаза самую что ни есть рѣзую лошадь, трехъеаскаго аргамака, отдала ее казачку и на ней велѣла вѣтать въ путь-дорогу, то-ись, на родину сторону. Больше, значитъ, не можно было хивинкѣ сохранить казачка (пояснилъ рассказчикъ), а выдать его хивинцамъ на смерть, либо на неволю злую—жалѣла: любила, значитъ. Басуринки—басуризки, а за нихъ этаѣ художества податся! Хорошо. Хивинка совсѣмъилась съ какой-то старухой, пособницей своего дѣда, и, по ея совѣту, научила казака, какъ проѣхать ей черезъ хивинскую землю, чтобы не попасть хивинцамъ въ руки. Казакъ простился съ хивинкой, побѣхалъ и, за родительской молитви, выѣхалъ на Яикъ здравъ и невредимъ. Въ дорогѣ казакъ не одинъ разъ встрѣчался съ разными хивинцами и удачно отѣлывался отъ нихъ. А какъ отѣлывался? Смысла сказать! Къ примеру: встрѣчутся съ какимъ хивинцемъ, спросить, кто онъ, кудаѣдетъ и зачѣмъ. А онъ притворится пѣнинъ, не говорить, а только вѣчить; потомъ санимѣтъ съ сѣдельной луки зачастную уду, покажетъ хивинцамъ, ткнѣтъ пальцемъ въ гриву лошадь и сѣѣаетъ руками заѣзж: лошадь-де пропащую разыскиваю. Этого мало: сирѣгаетъ съ лошади и проведеть ладонью по лбу лошади, даетъ знакъ: лошадь-де лысал; потомъ нагнется и обведенѣ рукою около колѣнъ лошади — даетъ

закъ: лошадь-де бѣловога. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила замѣтать старикъ съ самодовольствомъ: „такъ давай Богъ нашему брату!... Хивинцы поглядатъ-поглядатъ на пѣмого, ушибутся и покачаютъ головой: не видали-де; и поѣдуть, оболтусы, своей дорогой, а казачекъ и радъ; дальшеѣдеть. Тамъ маверомъ и проѣхалъ онъ сквозь хивинскія жилья и выѣхалъ въ степь. Въ стенахъ случалось ему сталкиваться кой съ какимъ людомъ, приѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо вускался вскачать и ускакиватъ: лошадь была ужъ очень рѣзкая.

„А другой казакъ, по имени Тр. М-чъ Новасаой, янычъ манеромъ спасся и вышелъ изъ Хивы,—продолжалъ рассказчикъ.—Этотъ былъ мужчина по-жилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую, чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Ось что сдѣлалъ? Обрадился, сударь мой, татарскими муллой, то-ись навертѣлъ на шапку куска два бязы, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать. Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

„Старый казакъ догадливъ быль”...

„И что же?—продолжалъ рассказчикъ,—куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоить, накормить и на дорогу провожа-дасть. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ его: кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобы не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчальникомъ, опустить глаза въ землю, вздыхаетъ, и глаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя, однако, такъ, чтобы ордѣ было слышно, шепчетъ: „Алла! Алла! басмилла!” Орда раздвигаетъ рѣсть, ливается, принимаетъ Тр. М. за странника, за богоольца, за молчальника, пуще прежнаго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошадь подъ него извѣли, провожатыхъ съ виномъ посыпали; одно слово, встрѣчали и провожали Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ маверомъ онъ всю орду про-шель, проѣхалъ беззрентѣтственно. По выходѣ изъ орды въ Ресей, Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ Царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань, царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ повытомъ онъ однажды-одинехонекъ прошелъ черезъ орду басурманскую?

— Бородушка помогла!—отвѣтилъ Тр. М-чъ.

— Какъ такъ!—спрашиваетъ царь въ пуще прежнаго дивуется.

— Такъ и такъ!—говорить Тр. М-чъ:—по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали.

— Иссолатъ же тебѣ, старушка!—сказалъ Петръ Первый и ласково по-глядѣлъ Тр. М-ча по сѣдой его бородушкѣ.—Значить не всеу и пожало-вали вашу братью, авѣцкѣхъ казаковъ, бородой: умѣете пользоваться єю; что хорошо, то хорошо!—сказалъ царь.—А какъ твое имя, отечество и про-звище?—спросилъ Петръ Первый:—скажи-ка въ другой разъ, я забылъ.—

Тр. М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ:— Такъ какъ провела тебя чрезъ орду басурманскую твоя почетная борода, то будь же ты, Тр. М-чъ, отынѣ до вѣка не Новинскій, а *Бородинъ!*

— Царское слово свято!—сказалъ рассказчикъ:— и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородинъ. Однѣ изъ теперешніхъ чиновниковъ Бородиныхъ,—прибавилъ старикъ,—къ примѣру почетный П. М., храбрый К. Ф. и другіе изъ родни, идуть отъ короля Тр. М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Тр. М-чъ задулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ».

ГЛАВА XXII.

Доносъ казана Чулехтина. Волненія въ войскѣ и приговоръ о выгнаныхъ въ Русь казакахъ. Розыскъ бѣглыхъ крестьянъ князя Меншикова. Возвращеніе казачьяго каравана изъ Хивы. Изгнаніе Карташева въ Русь, его доносъ и сыскъ по доносу. Набѣги киргизъ (1717—1718).

Т

ако было въ Яицкомъ городкѣ послѣ ухода Черкасскаго въ Хиву. Правда, въ городкѣ не было малолюдно — съ 1695 года до похода въ Хиву казаки приверстали въ свои ряды болѣе двухъ съ половиною тысячи выходцевъ изъ Руси. Они считали въ своихъ рдахъ уже пять тысячъ казаковъ. Но изъ нихъ 1500 ушло въ Хиву, а 500 человѣкъ, выступившихъ тринацать лѣтъ тому назадъ въ Шведскую войну съ походнымъ атаманомъ Рекуновскимъ, до сихъ поръ еще не возвращались. Но все же въ войскѣ оставалось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, было кѣмъ обороняться отъ киргизъ, стъ кѣмъѣздить за хлѣбомъ въ Русь. А киргизы не зѣвали — они рискали по степи и захватывали казаковъ врасплохъ: — побили и захватили они въ пѣхѣ вблизи городка бывшихъ въ лѣсу на работѣ 54 человѣка казаковъ и отогнали сто лошадей¹⁾. Киргизы были уже далеко, когда въ городкѣ узнали объ этомъ и пустились въ погоню. Киргизы ушли безнаказанно.

Тяжелы времена наступали для Яицкаго войска. Безпрерывные непосильные наряды перемежались съ набѣгами киргизъ, не дававшихъ казакамъ покоя; къ этому присоединялись еще и внутреннія неурядицы. Крѣвкіе и основично устоя общины вмѣшательствомъ Москвы во внутреннія дѣла войска были нарушены. Казачья приговоры, освященные годами, стали терять свою силу — они встрѣтѣли неподѣлимого и грознаго врага въ лицѣ московскихъ воеводъ, которые не считались съ ними и своимъ личнымъ приказомъ, своимъ судомъ рѣшали казачьи дѣла, не спрашиваясь съ желаніемъ круга. Москва стала сильна въ войскѣ; въ ней стала за Яикъ преслушиваться. Старинные казаки, особенно старшаки, ставшіе уже зажиточными, стали венчально ткнуть руку Москви, стоявшей за порадокъ, хотя и чуждый казачеству, но дававшей ей право направлять жизнь на Яикъ въ своихъ интересахъ и хотя слегка сдерживать вольные порывы казачества, которые уже иногда не вѣли мѣста въ госу-

¹⁾ Чалобитная яицкаго войска царю Петру 1791 г. 28 июля. М. А. Гл. Штаба, опись 107, листъ 30, листъ 482.

дарствъ и шли въ разрѣзъ съ установившимися взглядами правища го класса Москвы.

Въ войскѣ въ это время образовалось двѣ незначительныхъ старшинскихъ партіи: одна изъ нихъ во главѣ съ бывшимъ атаманомъ Мирономъ-ымъ, состоявшая изъ старшнхъ природныхъ лицъ казаковъ, велила глухую борьбу възь за власть съ другою партіею, во главѣ которой стоялъ войсково-вой атаманъ Григорій Меркульевъ. Заступившись за бѣжавшаго со службы Ивана Карташева, Марковъ въ лицѣ азовской партіи нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ. Были, вѣроатно, и другія причины, которые заставили эти двѣ партіи уже не тайно, а открыто враждовать между собою.

Лицкій казакъ Сабронъ Чулехтингъ, привадлежавшій къ партіи Меркульева, еще въ ковѣцъ 1716 года подалъ доносъ въ Казань о томъ, что Мироновъ скрылъ у себя и не казнилъ Карташева. Чулехтингъ оговорялъ по этому дѣлу и еще пять человѣкъ казаковъ¹⁾.

По указу изъ Казани Карташевъ былъ схваченъ и закованъ въ цѣпі; съ визъ вмѣстѣ схватили и оговоренныхъ пять другихъ казаковъ.

Всѣхъ ихъ подъ карауломъ отправили въ Казань. Станичнымъ атаманомъ при карауле поѣхалъ Герасимъ Васильевъ Погодаевъ, есауломъ Иванъ Логиновъ. Путь на Казань въ то время шелъ черезъ Самару. По дорогѣ на Самару при уроціщѣ Красномъ Колке, по заявленію извозчиковъ, которые везли арестантовъ, Погодаевъ приказалъ обыскать Карташева и его товарищѣ, но ни топоровъ, ни ножей, какъ залнила возчики, у нихъ не нашли. Въ другой разъ обыскъ произвелъ въ Самарѣ. Тутъ у товарища Карташева у казака Дмитрия Чебака, сидѣвшаго въ однихъ съ ними санахъ, нашли ножъ, спрятанный въ шапкѣ за тулейю. Этотъ ножъ оказался выкраденнымъ Чебакомъ у есаула Ивана Логинова. Арестованныхъ доставили въ Казань благополучно и представили вице-губернатору Никитѣ Альбероничу Кудрявцеву. Между тѣмъ доносъ Чулехтинга вызвалъ на Янкѣ цѣлую бурю. Какъ? — войско осудило Карташева по своимъ войсковымъ правамъ за побѣгъ со службы въ смерть, по своей волѣ оно его и простило! Какъ же смыть вишневаться въ ихъ внутреннія дѣла, судить слова уже осужденаго всѣмъ войскомъ казака?! Губернаторъ не признаетъ войскового права судить казаковъ!!

Вѣдь этакъ всѣ виновные предъ войскомъ будуть уходить въ Казань и жаловаться губернатору?! Надо это пресечь. Никто равнѣе не смѣлъ воззвыть голоса противъ прауговора войска, идти противъ него. А теперь? Теперь вспоминать говорить, что есть и на войско управа. Они стыдились уходить съ Янка изъ Казань и возводить на войско всевозможныя преступлія.

Зашевелились даже поимы. Въ январѣ мѣсяцѣ, собравшись въ гости въ домъ казака Федора Березина, священники церкви Алексія Митрополита: — Иосиф Клементьевъ и Никита Ивановъ поспорили „о духовныхъ дѣлахъ“. Споръ

¹⁾ Фамиліи ихъ неизвестны, за исключеніемъ одного: Дмитрия Чебака.

вышел горячий. Разсердившийся священникъ Иевъ пригрозилъ Никитѣ, что онъ будетъ жаловаться на него въ Казань. Тогда священникъ Никита въ собравшемся кругу „былъ членъ въ тѣхъ словахъ на оного попа Иева“. Атаманъ Меркульевъ позвалъ Иева въ кругъ и въ кругу войско приговорило „его Иева за такія слова бить въ рычажья“ ¹⁾.

Но за попа заступились старинные казаки и войско приговоръ отмѣнило, приказать попу въ слѣдующій разъ держать языкъ за зубами.

Войско было раздражено. Его стали пугать Казанью. Преступники и виновные теперь перестали бояться казачьаго суда—они нашли себѣ заступника у московскихъ воеводъ.

Въ кругу было шумно. Казаки кричали, что надо бить рычажемъ всѣхъ, кто будетъ дососить—„хвалиться Казанью“...

Послѣ долгаго крика и шума войско наковезъ во главѣ съ атаманомъ Григоріемъ Меркульевымъ рѣшило: „буде кто похвалится Казанью и такахъ пати или шести человѣкамъ одвага бить рычажемъ“ ²⁾.

— „Мы найдемъ и другую воду!“ — кричалъ разгорячившись казакъ Федотъ Донской. Тяжелы казакамъ были доносы—вольной жизни ихъ приходилось конецъ... Горячіе головы готовы были уже искать и „другую воду“—другую какую лабо вольную рѣку, лишь бы избавиться отъ московской опеки.

Сдѣлавъ выговоръ священнику, войско составило приговоръ: „отправить къ Казанскому губернатору челобитье о томъ, чтобы „тѣмъ лицемъ казакамъ, которые живутъ на Яикѣ одолжаютъ и явятся въ другихъ синахъ и вадзѣвать по войсковому суду наказаниемъ и оттого уходить съ Яику и доносить въ Казань на войско въ неправыхъ дѣлахъ, чтобы такимъ не вѣрить“ ³⁾). Написали Казанскому губернатору отписку. „Которые у васъ на Яику при войску казаки одолжаютъ великими долгами,—писали казаки въ отписѣ,—и бѣгаютъ на государевы города и которые у васъ въ войску заворуются и за то воровство по нашему войсковому суду должно казнить смертю и вмѣсто смерти тѣхъ виноватыхъ казаковъ ссылать въ Русь и оные заворовавши приносить доношеніе на васъ войско должно и обносить великими неправдами хотять видѣть государеву вѣтчину въ разореніи... великий государь показуй наше казаковъ вели казакамъ, которые заворовавши бѣгаютъ въ войску за воровство ихъ ссылаютъ вмѣсто смерти въ Русь, не вѣрить“ ⁴⁾...

Написали казаки челобитье къ казанскому митрополиту Тихону, прося заступиться за войско и попросить объ войсковомъ челобитьѣ губернатора Волинского и въ Петербургѣ „высокомочныхъ людей“.

1) Моск. Ар. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 408—413; показаніе Карташева на допросѣ.

2) Моск. Арх. Гл. Шт., листы 141—147. Розыскъ по доносу Карташева. Тоже подтверждается изъ родимскѣй Заларова.

3) Моск. Ар. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 156—161. Показаніе атамана Григорія Меркульева.

4) Тамъ же, листы 192—195. Справка изъ Казанской губернскай канцеляріи на допросѣ по доносамъ Карташева.

Съ этими отписками поехали въ Казань станичный атаманъ *Матвей Ивановъ*, при немъ станичный есаулъ *Захарій Яковлевъ*. Прибыла станичники въ Казань въ концѣ февраля, гдѣ и подали свои отписки. Въ то же время находившійся въ Казани *Карташевъ* не бѣль признавъ виновнымъ, въ чёмъ ему и былъ данъ въ канцелярии указъ за подписью *Кудравцева*. *Карташевъ* отправился обратно. Въ указѣ, посланномъ на имя войскового атамана, говорилось, чтобы *Карташеву* „никакихъ обидъ и налоговъ не чинили, а какое до него дѣло будетъ о томъ писать въ Казаѣ“. Вернулся *Карташевъ* на Яикъ въ великій посты и подалъ въ кругу дачный ему указъ.

Войско оставило его жить на Яикѣ по старому, но подозрѣвая *Карташева* въ замѣнѣ и въ тайныхъ доносахъ, казаки послали отписку къ Казанскому губернатору *Петру Самойловичу Салтыкову*, чтобы такими казаками Чулхтины и *Карташевъ* ему, губернатору, „по войсковому обыкновенію ни въ чёмъ не вѣрять“¹⁾.

Вскорѣ вслѣдъ за *Карташевымъ* вернулась на Яикъ и станаца *Матвѣя Иванова* и вручеза получеченную въ Казани отъ митрополита Тихона грамоту. Митрополитъ просилъ выслать въ Казань поча *Дениса Осипова*.

Грамота была прочитана.

„Отъ Великаго Государа преосвященнѣйшаго Тихона митрополита Казанскаго и Свіаждскаго, — читаль войсковой писарь собравшемуся кругу, — въ допросѣ съ тѣмъ паству нашимъ чадамъ запольные рѣка Яку и яицкимъ атаманомъ — казакамъ: войсковому атаману Григорию Меркульеву и всему Яицкому войску.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и прічастіе Святаго Духа буди вами чадамъ нашимъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу и въ прращеніе всаческихъ благъ.

Сего настоящаго по Христовѣ рождеству 1717 году февраля иѣсаца въ 22 день писали вы къ намъ архипастырю своему яицкимъ войсковому просительно, дабы намъ посланными отъ васъ ставшему атаману Матвѣю Иванову да есаулу Захарію Яковлеву съ товарищи въ прошении вашемъ до высокихъ персонъ подать руку помоща къ ии о милостию въ вами склоненіи и нуждѣ вашихъ о исправленіи къ пользѣ вамъ въ Казани самолично ближняго боярина и губернатора Петра Самойловича Салтыкова съ товарищи просили, а въ Светлопетербургѣ къ высокомочному Сенатору къ ближнему боярину къ графу Петру Матвѣевичу Аракину писали да и воредь мы въ чёмъ возможно блудетельствовать вамъ неотрицаемся.

Во овомъ же писаніи объявляете намъ, яко за презорственное жательство высланные отъ васъ люди являются вами и обносить васъ неправо будто бы ии туте расколъ и въ церкви Божіи находите и такихъ людей не единъ вами незливался и того ии въ васъ быти ненадѣнія точю сіе въ васъ содѣяша недобре прежней вашъ войсковой атаманъ *Федоръ Петровъ сынъ*.

¹⁾ Такъ-же, листы 161—163, 165, 166, 172—175.

Семенниковъ въ старости своей постригая и посхишился въ мирскомъ домѣ, а постригалъ его и схимиа пріѣхавшій съ Керженца нетокмо запрещенный чарнецъ, во и раскольникъ презеленный, которой прежде въ бѣльцахъ жилъ между вами православными христіаны яко волкъ въ овечь коже подлогомъ, звали его Дионисіемъ, который въ пась оболгавъ своимъ покояніемъ постригся въ Успенскомъ Зилантовъ монастырѣ и подговоря дѣвку бѣжалъ за Керженецъ, тамо перестригая и назывався Досифѣемъ въ онаго Семенникова погребъ у васъ онъ же неточію въ монастырѣ, но и у церкви въ Шацкой лукѣ на полѣ.

И сіе убо весьма церкви святой восточно-православной противно и нашей мѣрности презерно, понеже азъ есмъ вамъ архипастырь и о вашемъ сватевіи шекуся и всякое усердное тщашіе къ пользѣ вашей имѣю и чего вы у меня нивостребоваете, аще что церкви святой восточно-православной и святыхъ правилъ не противно, вся вами исполняясь и начъ еще востребуете и имате просите у насъ мы васъ благословимъ у которой церкви восходящему возградить монастырь и посвятимъ къ вамъ игумена или отпустимъ строителя и тамо хотящіе отъ васъ и престарѣлые, нащаго ради своего душевнаго спасенія, постригаются въ монашество благословенно, а отъ такихъ противникахъ и раскольникахъ и хотя и не отъ раскольниковъ, но отъ запрещенныхъ поповоѣ бѣглецовъ, какое благословеніе, но блѣтва— понеже самъ подъ клятвою, скрѣть подъ отлученіемъ, и никакое таинство не въ тайне, но въ грѣхъ непрощенный вѣняется и отъ такихъ злодѣйственниковъ трехлатыхъ враговъ велико душъ христіанскихъ погибша и погибаютъ; воистину горе, горе таковыхъ прелестникамъ и прельстившимъ отъ нихъ, егда убо могутъ сами весьма слѣпіи суще слѣпихъ водитеѣ къ симъ же аще восходящему нащаго ради церкви святой православной утвержденію и предъломъ вашимъ въ веліе прославленіе посвятимъ къ вамъ и протопопа и сего ради завѣщаю вамъ паства наша чадамъ и моля васъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа предлагаю гласъ мой пасторскій непріобщайтесь такимъ врагомъ Вожівъ и да неблажѣйтесь милостивыми глаголы поистинѣ, убо сіи безумные человѣцы по своимъ похотахъ ходать, отдѣляюще себя отъ единоты вѣры отрѣщеніемъ діакозомъ иже святей церкви восточной православной и наикъ архипастырамъ и всаму освященному собору непокоряющеся и упоромъ вѣчно побѣгаютъ, противющеся святей восточной церкви, отъ иней же во едину Бога намъ вѣра и все писаніе изъ древле, и такихъ прелестниковъ всакъ побѣгаєтъ, по учительству святаго апостола Павла, еретика-человѣка по первомъ и второмъ наказанія отвращаїтъ вѣдъ яко развратися таковой въ согрѣшасть и есть симо осужденъ и таи аще ли кто внако учить и неприступаетъ къ здравыи словесемъ Господа Іисуса Христа и учевио еже по маловѣрію разгордѣася начоже вѣды, но недугуетъ остававшихъ въ словозпрѣніяхъ отъ нихъ же бываетъ зависть, ревніе, хулы, нетщеваніе лукавы, бѣсѣди, злы разставленныхъ человѣковъ уномъ и лишенныхъ истины непощущущихъ и коє дѣ-

стони милости такие зліи человѣцы иже по-дворахъ и по пустыняхъ истин-
віа сущи волки тайно ходаше учать невеждей испроствыхъ людей своей
погибели и возмущають и во святей церкви раздоръ творять, а по святому
Іоанну Златоусту яично же тако раздражаютъ Бога яко же церкви раздѣ-
ляются аще и безчисленна будеть содѣлавше благая о иже тѣло его при-
сѣающіхъ немицкую пріимъ казнь пресъцающе исполненіе Царское, за
сіе вини такие раскольники соборныхъ церкви и досадатели безъ всяаго из-
лосердія по правиламъ извергаются отъ церкви и проклятию подлежать, по
градскимъ же законамъ суровыми муками казняться; поистинѣ достойно,
неточю въ домы такихъ церковныхъ матежниковъ и раскольниковъ пущти,
во и малаго куса хлѣба въ снедь ини подати, паки молю васъ православ-
ныхъ христіанъ не пріобщайтесь такимъ врагомъ Божіемъ и не прельщай-
тесь ихъ бѣвѣдою, пребудете же между собою въ любви и хранитесь вся-
каго зла и чего себѣ не хощеть кто да не токмо содѣляетъ кому то, но да
и похожеть и Господь Богъ да и будеть миръ и милость за неизрѣчен-
ную свою благость и за представительство Пресвятаго Владычесы наша Бого-
родицы и всѣхъ святыхъ я же во святыхъ отецъ нашихъ и великихъ
іерарховъ Гурія и Варсонофія и Германа Казанскихъ чудотворцевъ его же
ради нашей мѣрности благословеніе архиерейское вами всвѣти во благѣ подаю,
а прочесть сю вашу преосвященнѣшаго митрополита грамоту всенародно от-
дать въ соборную церковь. Писанъ въ Царственномъ и богоспасаемомъ
градѣ Казацѣ, въ нашемъ митрополіи, лѣта господня 1717 марта въ 10
день¹⁾.

Разыскиваемый священникъ Денисъ Осиповъ былъ старинный азіцкій ка-
закъ и служаль въ церкви Алексія Митрополита; но лѣть пятнадцать тому
назадъ онъ овдовѣлъ и уѣхалъ въ Казацѣ, гдѣ по архиерейскому указу былъ
постриженъ въ монахи, и за пять лѣть до присыпки этой грамоты послалъ-
ся въ Шатикою лукѣ²⁾ въ отдельной кельѣ, которую построилъ ему бывшій
атаманъ Федоръ Петровичъ Семенниковъ. Но въ этой кельѣ Денисъ Осиповъ
прожилъ всего только годъ и исчезъ съ Яика—куда неизвестно³⁾.

Между тѣмъ заступничество Казанского губернатора за Карташева вызвало
въ войскѣ недоумѣніе. Карташевъ виноватъ въ побѣгѣ. Войско признало его
виновнымъ и приговорило за это къ казни, а губернаторъ его оправдывается.
Тутъ что то не такъ! Очевидно, Карташевъ измѣнникъ—онъ въ дружбѣ съ
Казанью въ довозить изъ войскъ!—рѣшаютъ казаки.

Но Карташевъ не унимался. Въ серединѣ лѣта онъ, „будучи въ кабакѣ
сталъ азіцкихъ казаковъ повоинъ и всячески бранить“. Этую брань услышали

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штабъ, опись 107, кн. 54, листы 334 и 335.

²⁾ Иль показавши по разыску Кроткова видно, что эта лука находилась въ полуверстѣ отъ городка, который въ то время простирался лишь до того мѣста, гдѣ теперь находится церковь Петра и Павла, и гдѣ проходилъ городской путь отъ Яика (нынѣ старина) до Чагана.

³⁾ Моск. Арх. Га. Штабъ, опись 107, книга 28. Ровесъ Кроткова, отѣты священника Иллама Иванова, Петра Андреева и другаго, и такъ-же, книга 54, листъ 441, доказеніе Кроткова.

войсковой атаманъ Меркульевъ. Онъ ударилъ Карташева войсковою наскокомъ и отоспалъ подъ караулъ съ войсковыми есаулами Федоромъ Матвеевичемъ Силининимъ и Михаиломъ Горшковымъ. Три дни просидѣлъ Карташевъ въ войсковой избѣ скованный въ цѣви, и былъ отпущенъ лишь съ условіемъ вести себя смироно. Но безпокойная натура Карташева не выдержала, — черезъ нѣсколько времени онъ выругалъ при войсѣ казака Никиту Зѣвакина измѣникомъ. На этотъ разъ Карташева вывели въ кругъ, и атаманъ, разобравъ дѣло и не найдя Зѣвакина виновнымъ въ измѣнѣ, снова избилъ Карташева наскокомъ¹⁾.

Послѣ этого Карташевъ, какъ онъ потомъ говорилъ на слѣдствіѣ, по совету бывшаго атамана Матвѣя Миронова, ушелъ въ Казань, не спросивши войска и атамана, что равнялось побѣгу изъ войска.

Карташевъ бѣжалъ. Но послѣ этого случая войско стало относиться въ высшей степени подозрительно къ бывшему атаману Матвѣю Миронову, какъ къ крестному отцу Карташева. Стало говорить, что онъ пишетъ письма въ губернатору Салтыкову, что онъ учитъ Карташева писать доносы.

Въ одногоди изъ собравшихся круговъ казакъ Герасимъ Погодаевъ сталъ громко кричать, что Матвѣя Миронова надо посадить въ воду. „Онъ Матвѣй пишетъ тайно въ Казань къ губернатору Салтыкову и къ другимъ, — говорилъ Погодаевъ въ кругу, — и научаетъ Карташева всякому злу на язакахъ казаковъ доносить!“²⁾

Другой казакъ Герасимъ Логиновъ крикнулъ войску:

„Надо его убить рыгагомъ!“ и по адресу Матвѣя Миронова послалъ рядъ ругательствъ. Ругали не только Логиновъ, но и другіе казаки; въ кругу раздались крики, что надо всѣхъ, кто стоитъ за Москву особенно Матвѣя Миронова и Митрофана Пимонова³⁾, убить или въ воду посадить „такъ-же какъ атаманъ Булавинъ атамановъ и старыхъ казаковъ побили!“⁴⁾

Болѣе всѣхъ кричали обѣ этомъ Абрамъ Пустоселовъ и Герасимъ Погодаевъ.

Кругъ разошелся; Миронову „никакого истязанія кроме словъ не било“. Но, собравшись у кабака, Федотъ Донской въ пьяномъ видѣ, увидѣвъ Миронова, сталъ его „образить всачески“.

— „Тебя надо убить и жротъ твой побратъ!“ говорилъ онъ Миронову.

Вышли тутъ же казакъ Абрамъ Пустоселовъ также нападъ на Миронова.

— „Я самъ тебя чекушей прибью, и юдянь не дамъ бить!“⁵⁾ — говорилъ онъ ему въ азартѣ.

Но угрозы оставались однии угрозами.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 177—178.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штабъ, опись 107, книга 54, листы 141—147. Показаніе Матвѣя Миронова.

³⁾ Иль человѣкъ Рукавишниковъ видѣо, что это былъ, бывшій походный атаманъ Митрофанъ Пимоновичъ Алестровъ. (Моск. Арх. Гл. Штабъ, опись 107, кн. 30, листы 15 и 17).

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 64, листы 408—413. Показаніе казака Василія Мордовцева.

⁵⁾ Тамъ-же.

Войско было настроено тревожно. Въ эту тревожную жизнь внесло еще большее беспокойство небывалое въ войскѣ явление — въ городкѣ стали появляться казаки, бѣжавшіе изъ отряда Бековича. Одинъ за другимъ выбѣгали они изъ стели „покиняя знамя свое“ и скрывались у родственниковъ. Но войско разыскивало ихъ и съ безпощадной суворостью первыхъ же пойманныхъ четырехъ человѣкъ казнило смертью „за побѣгъ со службы“... Но бѣглецы прибывали одинъ за другимъ. Казнить всѣхъ у войска не хватило духа. Стали бить ихъ безпощадно ричажьемъ. Вплоть до осени выбѣгали бѣглецы, — всего бѣжало 83 человѣка.

Въ войскѣ было неспокойно, неспокойно было и въ степи. Киргизы малой орды стали отходить на западъ и стали тѣснить тѣхъ калмыковъ, которые кочевали на лѣвомъ берегу Яика. Въ степи происходили схватки — калмыки не уступали даромъ мѣсть, занятыи ихъ кочевками, но тѣснение все болѣе и болѣе они стали отступать предъ сильнымъ противникомъ и вынуждены были постепенно уѣхти за Яикъ, оставивъ свои старыя мѣста въ пользованіе киргизъ¹⁾.

Непримиримые враги казаковъ подошли къ нихъ еще ближе.

Неспокойно было и на сѣверѣ отъ Яика. Башкиры снова заволновались. Причины были тѣ же, что въ равнѣ. Всѣ селенія по р.р. Камѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены и сожжены. Крестьянъ убивали или увозили въ плѣнъ вѣтѣ съ женами и дѣтьми въ Хиву и Бухару или Крымъ. Стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей сажали на колы, а иныхъ давили въ заборахъ: „разберутъ заѣно забора, остава одно или два бревна исподнія, и покладутъ тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ-же заборомъ сверху ихъ заберутъ и такъ всѣхъ подавать“²⁾. Бунтъ разгорался все болѣе, къ башкирамъ пристали киргизы, татары и чуваши. Селенія русскихъ между Камой и Волгой были все разорены, люди побиты или пленены. Усмирять ихъ казацъ Петръ Ио. Хованскій. Зачинщики были пойманы и казнены³⁾.

Въ тоже время крымскіе и кубанскіе татары сдѣлали набѣгъ на южно-русскія окраины. Полчища ихъ ринулись на Волгу; они разорили: Царицынъ, Пензу, Самарскъ, Иванзаръ, Петровскъ и Ломовъ. Пострадалъ и Саратовъ⁴⁾.

Кругомъ въ сторожѣ отъ Яика лилась кровь. Назадали-ли враги въ это время на казачій городокъ — неизвѣстно, — не сохранилось никакихъ документовъ.

Въ это тревожное время осенью, 23 октября, въ казачій городокъ прїѣхалъ на Яикъ самарскій дворянинъ Тихонъ Волковъ. Прїѣхалъ онъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Давидовича Меншикова за бѣжавшимъ отъ князя на Яикъ крестьянами. Бѣжали они отъ него изъ Алаторского уѣзда изъ села

¹⁾ А. И. Макшеевъ. Истор. обз. Туркест., стр. 29.

²⁾ Н. Попова. Татищевъ и его время, стр. 167.

³⁾ Битчевскій. Непокорность и Оренбургъ, стр. 122.

⁴⁾ Голиковъ. Дѣяния Петра Великаго, томъ VI, стр. 656 и 657, а также А. Леонтьевъ — Истор. очеркъ Саратова и Пугачевщины, стр. 5.

Нароинно Городище. Одинъ изъ утѣшителей, Меншиковъ, былъ грозою для своихъ крѣпостныхъ и они бѣжали отъ него толпами, особенно изъ инѣзіа, находящагося въ Алаторскомъ уѣздѣ. Съ Волковымъ прѣѣхалъ: „драгунъ его сѣѧтости” Семенъ Хозяиновъ и 12 человѣкъ Алексѣевскихъ солдатъ и крестьяне Меншикова „укачики, тѣль бѣглыхъ крестилья родственника”. Привезли они съ собою указъ отъ Меншикова о выдачѣ бѣжавшихъ; при указѣ былъ приложенъ и списокъ бѣжавшихъ.

Казаки по обычаю удерлись и во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Григоріемъ Меркульевымъ отдававъ бѣглцовъ не захотѣли. Особенно настаивалъ на этомъ войсковой есаулъ Федоръ Силишинъ. Но тогда старшина Матвѣй Мироновъ съ другими старшинами и казаками стали говорить въ кругу, что князь Меншикову нельзя не отдать, но нужно дать только тѣхъ, которые пришли недавно, старыхъ-же служащихъ и приверстанныхъ не отдавать. Но войско стояло на своемъ и согласилось выдать лишь только что бѣжавшихъ на Яикъ двухъ человѣкъ. Остальныхъ не выдали, т. к. „иные, говорило войско, зашли на Яикъ и служить великому государю лѣтъ по семидесяти, въ по шестидесяти, и по сороку, и по тридцати, и по двадцати, и по десяти, а иные службы ему великому государю многіе побиты, а иные померли и послѣ вѣ остались дѣти и внуки и тѣ также служить ему, великому государю, лѣтъ по сороку, и по тридцати, и по двадцати, и по десяти, и объ отдачѣ оныхъ крестьянъ, которые зажили лѣты многіе велико быть на отвѣтствованіи перво-стаетинымъ людамъ (въ войску)“¹⁾). Дворянинъ Волкова отпустили обратно „честно“, давъ ему ковной изъ казаковъ „для охраненія въ степи отъ внезап-ныхъ татарскихъ набѣговъ“.

Войско снарядило станицу со ставичевымъ атаманомъ Федотомъ Савельи-чевымъ Донскимъ, есауломъ Степаномъ Дементьевичемъ Дурнинцовымъ и двумя родовыми казаками Андреемъ Яковлевымъ Карповымъ и Федоромъ Астафьевымъ Малышемъ и отправилъ ее въ Казань къ губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ отпискою и съ просьбою не отдавать бѣглыхъ крестилья. На дорогу станицѣ, на пакъ подводѣ „по совѣту всего войска“ выдало было сто пятьдесят рублей „изъ войсковой избы изъ цражанъ на-личныхъ денегъ“. Станица эта изъ Казани должна была ѿхать въ Москву съ особою членобитной въ военную коллегію. Въ своей членобитной въ воен-ную коллегію казаки, излагая указъ князя Меншикова, и говоря, что они часть крестьянъ, „которые явились у царя въ недавнихъ годахъ отдали“, — пишутъ между прочимъ, что остальные, „которые зашли на Яикъ въ дав-нихъ годахъ и тѣ казаки, служа на его великаго государя, службъ изоге побиты, а иные и въ полонъ взяты и волю Божію померли, а имено: Иванъ Витошкинъ, который къ намъ пришелъ и женился на нашей прародной

¹⁾ Членобитная Лиццаго войска Казанскому губерн. Салтыкову 1718 г. мая 20. Моск. Арх. Грав. Штаба, списъ 107, книга 54, листы 69—71, а также допросъ атамана Григорія Меркульева, та же листы 156—161.

дев'ять и потому лѣтъ съ семьдесятъ и болѣе въ первомъ Ругодевскомъ походѣ атаманомъ — унре, Матвей Рекуновъ былъ атаманомъ — подъ Выборгомъ убить, и дѣти у нихъ и внучата написаны въ доносительной росписи явились въ живыхъ и тѣ служить ему, великому государю, лѣтъ по сороку, и по тридцати и по двадцати, и по десяти; да въ прошломъ 716 году по его царскаго величества указу посланы отъ чистъ съ Яикъ въ службу съ лейбъ-гвардіи капитаномъ княземъ Черкасскимъ 1500 человѣкъ, и въ томъ числѣ, которые есть, написаны въ ихъ крестьянской доносительной росписи, также съ вышеписаннымъ княземъ Черкасскимъ служить выѣхъ, живы ли или вѣтъ о томъ неизвѣдно; а какъ та вышеозначенная его государева вотчина зачалась быть за Яикъ и набралась всякими вольными людьми и служить ему великому государю вѣрно во многихъ службахъ по указать и по наряду по полторы тысячи и по тысячи и по пять сотъ человѣкъ неотговариваясь начѣмъ и чтобы великий государь пожаловалъ вѣльзъ противъ членобития нашего указъ учизить: — съ которого году неотдавать”¹⁾.

Между тѣмъ въ степи, по направлению отъ Хивы, медленно двигался караванъ аицкихъ казаковъ новокрещеновъ и татаръ, уѣхавшихъ „въ Бухары и Хиву” еще лѣтомъ прошлаго года. Прозимовавъ въ Хивѣ, они весною двинулись обратно къ Яикъ. Но хивинцы, узнавъ о походѣ Бековича, зослали за ними въ погоню, погнали ихъ и вернули обратно. Здѣсь, отобранъ у нихъ всѣ товары, ихъ посадили въ тюрьму. Шесть мѣсяцевъ просидѣли казаки въ тюрьмѣ и лишь только тогда, когда „вадъ княземъ Черкасскимъ и надъ войсками его учинилась гибель” и когда хивинскій ханъ возвратился въ Хиву, всѣхъ ихъ „торговыхъ людей” освободили и отпустили изъ Хивы, вернувшись имъ товаровъ „малое число, а другіе всѣ удержали у себя”. По дорогѣ пристали къ каравану двое аицкихъ казаковъ юртовыхъ татаръ, которые были въ походѣ съ Черкасскимъ, но, какъ магометане, были отпущены на волю. Наступилъ конецъ октября и караванъ появился среди узкокъ и извилистыхъ улицъ Яицкаго городка²⁾.

Въ куреняхъ зашевелились.

— Прибылъ караванъ изъ Хивы! переходило изъ усть въ усть.

Собрался кругъ, и передъ войскомъ у войсковой избы предъ смущенными казаками представили первые вѣстники изъ далекой и „закладой” Хивы.

При всемъ войскѣ вернувшіеся рассказали печальную вѣсть о гибели отряда Бековича³⁾. Слухъ взконецъ подтверждался. То, чему такъ не хотѣлось вѣрить, оказалось горькою дѣйствительностью. Горе было велико —

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 20—38. Показаніе атамана Григорія Моркульева (коихъ съ членобитіемъ и указа Петра).

²⁾ Московскій Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 230—236. Показаніе аицкихъ казаковъ, бывшихъ въ Яикѣ съ торговымъ.

³⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 192—205. Показаніе войск. атамана Моркульева: „и по прибытии сюда (татарь — казаковъ изъ Хивы) о погибели господина князя Черкасского стали быть они (войско) свѣдомы”.

болѣе тысячи осиротѣлыхъ семей оплакивали гибель своихъ мужей и братьевъ...
Третья часть куреней была въ глубокой печали.

Одного изъ татаръ, бывшихъ въ походѣ съ Черкасскимъ, войско отправило въ Казань.

Наступила поздняя осень. Въ войскѣ появился законецъ ушедшій самовольно Карташевъ. Казаки заволновались. Собрался кругъ. Карташевъ заявилъ, что былъ въ Казани.

Войску надоѣла Казань. Казаки запустили въ кругу за самовольный уходъ изъ войска беззадно его избили. Казаки заподозрили его въ доносѣ на войско.

Озлобленію не было границъ. Безнокойный, неуживчивый Карташевъ вадѣлъ казакамъ; прощеный много разъ, онъ своими выходками вызвалъ ихъ изъ терпѣнія и казаки рѣшили оправдать къ нему послѣднюю кару: — изгнаніе съ Яика въ Русь.

Карташевъ былъ изгнанъ. Но войско еще съ пинъ не простилось.

23 ноября того-же года овъ появился въ городѣ Симбирскѣ. Здѣсь, прида въ канцелярію, овъ представль предъ комендантомъ генераль-адъютантомъ Иваномъ Полинскимъ и заявилъ ему, что „языкій атаманъ Григорій Меркульевъ съ другими казаками унышенно о бѣглыхъ его свѣтлости князя Меншикова крестьянахъ преслушаніемъ своимъ, указу его царскаго величества учинались противъ: — по требованію его свѣтлости, господъ губернаторовъ казанской губерніи, отправленному отъ нихъ дворянину Волкову для забрани съ Яику помянутыхъ его свѣтлости крестьянъ, овой атаманъ Меркульевъ и казаки не отдали, не учина о томъ совѣту съ старинными языческими казаками, которые прежде сего были атаманами и заслуженными людьми, а послали, онъ атаманъ съ товарищею своимъ, въ Санктпетербургъ съ Яику четырехъ человѣкъ казаковъ чрезъ Казань въ члобитчики съ такимъ прошеіемъ о тѣхъ его свѣтлости крестьянахъ, чтобы не отдаватъ“ ¹⁾.

Доность бытъ сдѣланъ. Коменданту потребовалъ, чтобы Карташевъ донесъ изложилъ письмено и, сказъ конію съ доноса, послалъ ее при письмѣ въ кнѧзю Меншикову, гдѣ между прочимъ въ концѣ письма писать „а если тотъ изнѣтчикъ (Карташевъ) при казанскихъ розыскахъ удержанъ будеть (а не посланъ въ Петербургъ), то оттого можетъ вашей свѣтлости вотчизанъ быть великое разореніе и прочие на то смотря побѣгутъ не только у подлаге плакетства, но и отъ высокихъ господъ крестьяне всѣ пожелаютъ воли; того ради всепокорно, государь, доношу, ежели тѣ казаки члобитчики о крестьянахъ вашей свѣтлости въ Санктпетербургъ прибудуть и стануть бить членъ въ правительствующемъ сенатѣ или самого Его царскаго величества, соблаговоли, государь, до прибытия ихъ доложить его царскому величеству, по пражденной присеіи копіи съ поданнаго мнѣ отъ онаго изнѣтчика, чтобы тѣмъ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 64, листы 50 - 55. Донесеніе кнѧзю Меншикову Симбир. коменду Полинскаго.

человитицамъ тотъ извѣтчиkъ указомъ царскаго величества, взять быль изъ Казани на обличевie имъ въ Саңкти-петербургъ.

Вашей Высоконияжской свѣтлости премилостиваго государя всепокорѣйшій рабъ Иванъ Полянскай¹⁾.

Такимъ образомъ за войско, чтобы не отдавать бѣглыхъ, хлопотала станица съ Федотомъ Донскимъ, противъ же желавія войска встали симбирскій кондикантъ генералъ Полянскій и самъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ.

Полянскій арестовалъ Карташева, и по просьбѣ арестованного отправилъ его въ Петербургъ, для чего, предавъ къ нему въ конвой капрала Платцева и драгуна Артамона Хозяинова, направилъ его 29 ноября при письмѣ къ казанскому губернатору Салтыкову въ Казань. Въ письмѣ Полянскій просилъ, чтобы губернаторъ не задерживая отправилъ Карташева съ тѣми-же драгунами въ Петербургъ²⁾.

По прибытии Карташева въ Казань, 13 декабря, Салтыковъ приказалъ отправить его по назначению. Но какъ всегда при каждомъ губернаторѣ, такъ и при Салтыковѣ находился вице-губернаторъ. Онъ быль, какъ и вѣвъ то темное время, ярый взяточникъ и лихоманъ, и никакъ не могъ допустить мысли, чтобы столь большое лѣло, какъ доносы Карташева, сулившій въ будущемъ богатую добычу, могъ быть выпущенъ изъ рука и переданъ петербургскимъ чиновникамъ. Вице-губернаторъ Куляевъ уговорилъ Салтыкова оставить Карташева въ Казани. Карташевъ быль посаженъ подъ крѣпкій караулъ, а конвой отправленъ обратно въ Симбирскъ съ распискою въ приемѣ арестанта. Въ это-же время въ Казани находилась станица Федота Донского и съ разрѣшенія губернатора вскорѣ по прибытіи Карташева выѣхала въ Петербургъ.

3 декабря Карташева привели въ губернскую канцелярію и „предъ ближнимъ бояриномъ и казанскимъ губернаторомъ Петромъ Самойловичемъ Салтыковымъ“. Яицкой казакъ Иванъ Яиимовъ сынъ Карташевъ въ допросѣ сказалъ:

„Въ нынѣшнемъ 1717 году ноября въ первыхъ числахъ, противъ человѣтия свѣтлѣйшаго князя Александра Давиловича Меншикова, съ самарскимъ дворяниномъ Тихономъ Волковымъ, да съ драгуномъ его свѣтлости Артамономъ Григорьевымъ сыномъ Хозяиновымъ и съ Алексѣевскими солдаты съ цвѣндицатью человѣками присланъ быль за Яику въ войскому атаману Григорию Меркульеву и ко всѣмъ казакамъ изъ Казань великаго государя указъ:— вѣльно по тому указу имъ, казакамъ, съ Яику выдать его свѣтлости бѣглыхъ крестьянъ, которыми присланы подъ тѣмъ указомъ иманная распись, и съ ними Волковымъ и Хозяиновымъ присланы были укащики его свѣтлости крестьянинъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянамъ родственники, и по тому великаго государя указу тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ оной атаманъ Меркульевъ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, листъ 40. Письмо Полянского къ губернатору Салтыкову.

и казаки съ Яику не отдали и учинили они то безъ совѣту старинныхъ лицъ казаковъ, которые прежде сего бывали атаманами, а нынѣ они на Яику знатны люди и вѣрны великому государю слуги, а именно: *Матвій Мироновъ, Петъръ Аедъевъ, Митрофанъ Пиміновъ, Остафій Трофимовъ, Никифоръ Кочеровъ, Матвій Прикащиковъ, Антонъ Харитоновъ, Григорій Кармановъ*, и оного дворянина Возкова съ драгуномъ *Хозиновнымъ* и съ вышеписанными служилыми людьми и съ укащиками съ атаманъ *Григорій Меркульевъ* съ совѣтиими своими съ станишными атаманомъ *Федотомъ Донскимъ*, съ есауломъ *Іваномъ Вавиловымъ*, съ казаками: *Никитою Зевакинымъ, Гарасимомъ Паладаевымъ, Гарасимомъ Лотиновымъ, Степаномъ Дементьевымъ, съ Андреемъ Яковлевымъ, Никифоромъ Бородинымъ, Василемъ Буданомъ, Меркульемъ Зароскимъ, Васильемъ Азовскимъ, Семеномъ Пудовкинымъ, Дмитриемъ Витошевымъ, Михайломъ Горшковымъ*, съ Яику отпустили и сказали имъ на словахъ, что де тѣхъ крестьянъ съ Яику не дадимъ, а будемъ о томъ бать чоловъ самому великому Государю, чтобы пришлыхъ людей и крестьянъ чыхъ не будь ни кому съ Яику не отдавать и для де того пошли въ Сенатъ-Петербургъ гарочно казаковъ; въ томъ, что онъ атаманъ Григорій Меркульевъ и вышеозначенные казаки его свѣтлости бѣглыхъ крестьянъ съ Яику не отдали, вышеозначенные старинные бывшія атаманы *Матвій Мироновъ* съ товарищи съ казаками опасны великаго государя гїза, о чёмъ они ему Меркульеву и казакамъ,—для чего они тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ не отдали, разговаривали; и онъ, атаманъ Меркульевъ, съ вышеозначенными совѣтниками своими, вышеозначенныхъ старинныхъ казаковъ хотѣли за тѣ слова побить до смерти, а и нынѣ грозятся; и собралъ онъ атамана Меркульева съ казаками съ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ денегъ четыреста рублей въ выбрали четырехъ чловѣкъ казаковъ для посыпки въ Петербургъ и чловѣчаки изъ вышеозначенныхъ его Меркульева совѣтниковъ, а именно, который самъ изъ то самовольно позвалъ станишнаго атамана Федота Донскова¹⁾, рядового Андрея Яковлева²⁾ четвертого пришлого по прозвищу Малыша, а какъ зовутъ неизвѣстъ, которой неприродной лицкой казакъ, пришлой, а сколь давно на Яику живетъ того онъ Иванъ неизвѣстъ, который поѣхали въ Петербургъ за тѣхъ крестьянъ отвѣтствовать, а за ту поѣзду дали имъ чловѣчакомъ вышеизданные деньги четыреста рублей; да онъ же атаманъ Меркульевъ въ измѣнило осень послалъ четырехъ же чловѣкъ юртовыхъ татаръ въ Хазу, а для чего послалъ и какъ тѣхъ татаръ зовутъ про то старинные казаки въ онъ Иванъ и ни кто неизвѣстъ, только вѣдаютъ про то—онъ Меркульевъ, да Михаила Зевакина и отъ него атамана Меркульева и отъ Михаила Зевакина вышеозначенные яѣрные государевы слуги старинны бывшія атаманы и казаки опасаютца великия бѣды и измѣнъ, такъ что вышеозна-

¹⁾ Дуринцевъ.

²⁾ Карповъ, примѣч. Авт.

ченному великаго государя указу учинились они противъ, и оныхъ татаръ послали въ Хиву неизѣдомо для чего безъ совѣту вышеозначенныхъ старинныхъ казаковъ и нѣтъ ли у нихъ какого злаго де помыслу и согласія съ хивицами, понеже овъ, атаманъ Меркульевъ, прошедшю осенью переписывалъ съ вышеозначенными совѣтниками своими на Яикѣ вѣтъ казачьи юрты и казаковъ въ казачьихъ дѣтей и прашлахъ для исчислениа войска, а въ Казань о томъ неписалъ; и вышеозначенные его Меркульева совѣтники похвалилица нанѣ во все войско: мы де найдемъ и другую воду, и такія ихъ похвальные слова слышали вышеозначенные старинные казаки бывшего атамана Матвѣя Миронова съ товарищи; и для того тѣ старинные казаки послали его Карташова о томъ донести великому государю въ Спбѣ-Питербурхѣ, а ци-семь съ ними неписали, для того, что они Меркульевъ съ совѣтниками своими письма обыскивали, а велѣли довести за словахъ и какъ овъ Иванъ съ Яикѣ поѣхалъ и онъ, атаманъ Меркульевъ съ вышеозначенными совѣтниками своими высыпалъ за ними Иваномъ на дорогу въ погонъ вышеозначенаго казака Гарасима Пагадаева, и онъ, Гарасимъ, обыскивалъ у него, Ивана, писемъ и говорилъ ему Ивану при казакахъ же Василью Кожевникову да Иваѣ Догинову непереписывающа-ль старинный казаки бывшего атамана Матвѣя Миронова съ товарищи съ бояры и овъ де имъ сказалъ, что де вѣдать овъ за своямъ дѣломъ, а не отъ старинныхъ казаковъ; а отправили де его Ивана о семъ великому государю донести вышеозначенные вѣранье великому государю старинные казаки бывшія атаманы: Матвѣй Мироновъ съ товарищи; а въ бытность въ Казани ближайго боярина и прежде бывшаго губернатора сенатора графа Петра Матвѣевича Апраксина присланъ былъ на Яикѣ къ вышеозначеному атаману Матвѣю Миронову и ко всему Яицкому войску указъ по которому прашлахъ не нанихъ людей на Яикѣ принимать и въ казаки верстать вѣвѣлено, а онъ, атаманъ Меркульевъ, вышеозначеному указу чинитца послушенъ и всакихъ прашлахъ людей на Яикѣ принимаетъ и въ казаки верстаетъ и по нынѣ, и безъ совѣту вышеозначеныхъ старинныхъ казаковъ¹).

По безграмотству Карташева къ допросу подавался села Коракузина та-моженой подьячей Августиной Дубровской.

О доносе Карташева дали знать изъ Казани въ военную коллегию, проса розыскъ произнести въ Казани.

Въ то же время Меншиковъ получивъ письмо Шодянского, доложилъ объ немъ 8 января 1718 г. въ сенатъ. 8 февраля состоялся докладъ царю и Петръ приказалъ „о всемъ разыскывать въ Казанской губерніи губернатору съ товарищи, а что по розыску явится о томъ вѣдѣніе при доношениѣ прислатъ въ канцелярию сената“²).

¹) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 64, листы 44—46.

²) Тамъ-же, листъ 48.

Въ это-же время въ Петербургѣ находилась станица Федота Донского, хлопотавшаго отъ войска о неотдачѣ крестьянъ князю Меншикову и другимъ помѣщикамъ. Хлопоты казаковъ были безуспешны. Февраля 13 состоялся царскій указъ, по которому приказывалось „съ Яикъ пришлихъ помѣщиковъхъ людей и крестьянъ отдавать по прежнему помѣщикамъ съ того года, какъ таковыхъ отдавать велѣно съ Дону и о томъ въ Казанскую губернію послать указъ... и на Яикъ къ атаману и къ старшинѣ о вышелесаннои послать указъ“¹⁾.

По соравѣ-же въ канцеляріи сената выяснилось, что въ 1705 году 14 мая въ грамотахъ на Донъ было написано: „Указъ великихъ государь по имманому своему великаго государя указу городки, которые поселены не по указу и не на „шляхахъ“ свестъ и жателей изъ тѣхъ городковъ перевестъ и населить за Севѣрскимъ Донцомъ по шляху, гдѣ въ пристойныхъ мѣстахъ и въ тѣ и иные городки бѣглецовъ и никавихъ пришлихъ и работныхъ людей ни отъ куда отвѣдь не признать и о томъ учинить во всѣхъ городкахъ атаманомъ и казакомъ заказъ накрѣпко съ такимъ подтверждениемъ что они за укрывательство такихъ бѣглецовъ казнены будуть смертью, а иные сославы будуть вѣчно на каторги, а къ тому „ушіе“ завотчики, которые укрывать будуть безъ милости казнены будуть, а пришлихъ людей изъ тѣхъ изынныхъ городковъ послѣ 203 (1695 г.) году естли привимы, всѣхъ послать въ рускіе города просроша ихъ подлинно откуда кто пришелъ для того что работные люди у его великаго государя дѣль будучи забравъ взяты работы своей многіе денги и нехотя того заработать бѣгали въ тѣ города“²⁾.

Такимъ образомъ станица Довскова поѣхала обратно не добившись своей цѣли и везя малоутѣшительный для войска указъ о выдачѣ всѣхъ бѣгавшихъ на Яикъ съ 1695 года.

Получавъ приказъ, Салтыковъ приказалъ взять въ Казань по извѣту Карташева всѣхъ оговоренныхъ ить казаковъ и еще разъ разспросить Карташева подробно.

15 марта Карташева привели въ канцелярію и „въ пополнокъ“ допрашивали о свидѣтеляхъ, которые могутъ подтвердить его довѣрь. Карташевъ не скучился. Главнымъ свидѣтелемъ онъ показалъ бывшаго атамана Матвѣя Миронова и оговорилъ вѣдѣть со свидѣтелями тридцать семь человѣкъ.

Въ это-же время прибыла въ Казань съ Яика станица казаковъ по какому дѣлу — неизвѣстно. Въ числѣ прибывшихъ былъ въ войсковой есаулъ Федоръ Матвѣевичъ Силишевъ. 20 марта его арестовали и привели въ канцелярію для допроса. Силишевъ рассказалъ, что крестьянъ Меншикову войско отдало, и что онъ, будучи есауломъ, самъ ходилъ вмѣстѣ съ Волковымъ по дворамъ, разыскивая крестьянъ, указывая свидѣтелямъ Волкова и

¹⁾ Тамъ-же, листы 22—28. Полученъ указъ въ Казани 28 февраля.

²⁾ Тамъ-же.

на всѣхъ присланныхъ отъ князя. Относительно пріема прішлихъ въ казаки онъ ничего не слыхалъ и ничего не знаетъ. „По нашему обыкновенію,— говорилъ Силишанинъ,— ставятся въ казаки при собраніи въ кругъ всѣхъ язычникъ казаковъ съ совѣту, изъ кого повѣтать изъ казацкихъ дѣтей, а не изъ прішлихъ“.

Свидѣтелами онъ назвалъ бывшаго атамана Матвѣя Меронова. Говорить о томъ, что былъ приговоръ „побивать до смерти“ тѣхъ, кто похвалился Казанью, Силишанинъ отказался, отговариваясь незнаніемъ.

Праведеваній на очную ставку Карташевъ сталь его уличать, что онъ, Силишанинъ, первый кричалъ, чтобы не отдавать крестильщи казаку Мещникову.

— „Въ бытность его есауломъ,— говорилъ Карташевъ въ улику— прішлихъ они за Яикъ принесли трехъ человѣкъ, какъ ихъ по имени зовутъ не помню, и поверстали въ казаки, и они все ремесленные люди: одинъ масникъ, другой прапишиликъ, третій шашошинъ. А чтобы ихъ въ казаки не ставили, и не по одно время старанные казаки Матвѣй Мероновъ съ товарищи атаману Григорию Меркульеву и ему Федору говорили и они тѣхъ казаковъ не послужили“.

По другимъ вопросамъ Карташевъ стоялъ на старомъ своемъ показаніи. Сорошеній-же вновь Силишанинъ отговаривался по прежнему полнымъ незнаніемъ, говоря, что онъ ничего подобнаго, обѣ чѣмъ говорить Карташевъ, не знаетъ.

— „Кого приверстыаютъ въ казаки о томъ выѣются на Яикъ въ войсковой избѣ записные книжки“,— отговаривался Силишанинъ¹⁾.

На этомъ дозорѣ былъ окончанъ. Но случайно заѣхавшему въ Казань войсковому есаулу не суждено было вернуться на Яикъ. Его хотѣли посадить подъ караулъ, но онъ нашелъ за себя поручителей („поручиковъ“) и его отпустили на волю, обязавъ подпискою явиться ежедневно въ губернскую канцелярію и не выѣжжать никакъ изъ Казани.

Интересна и сама подпись, какъ образчикъ служебныхъ документовъ того времени.

„Лѣта тысяча семьсотъ осьмого за десать году марта въ двадцать первый день,— говорилось въ подписаніѣ,— лицо казакъ Федоръ Матвѣевъ сынъ Силишанинъ далъ сю запись за нижеподписаніемъ поручики въ Казани губернской канцеляріи, въ помытье подъѣзда Федора Алексѣева сына Сухарева въ томъ, что маѣ Федору противъ изнѣту язычного казака Ивана Карташева въ пріемѣ на Яикъ прішлихъ и въ прозвѣсткѣ въ казаки, по дѣлу изъ Казаніи безъ указу не сѣѣхать и ставится въ губернскую канцелярію по вся дни, а буде я, Федоръ, изъ Казаніи безъ указу сѣѣду и на поручикахъ моихъ за сѣѣздъ и по дѣлу чего я надлежаль что великий государь укажетъ, а поручики по маѣ ниже подписаніемъ: къ сей запискѣ

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, оскъ 107, кн. 54, листы 50—55.

зицкой казакъ Осинъ Мартыновъ вмѣсто Федора Матвѣева, сына Салышнина, по его велѣнію руку приложилъ; къ сей записи Новопречистенскіе слободы подъячей Иванъ Драницынъ, вмѣсто поручика Ульяна Григорьевъ сына Крущкова по его велѣнію руку приложилъ, а овь Ульяна Сибирскаго уѣзду, вотчини свѣтлѣшаго князя Александра Давидовича Мешникова, Надинскаго уголья, села Пересолока крестьянинъ; къ сей записи канцелярской подъячей Афанасій Безкупаловъ вмѣсто поручиковъ яицкихъ казаковъ Василья Иванова сына Мордвинова, Петра Алексѣева сына Мотусгина по ихъ велѣнію руку приложилъ; къ сей записи поручикъ Мартинъ Ивановъ сынъ Кореланиновъ руку приложилъ; къ сей записи вмѣсто поручика Сызранскаго чомѣщачьяго человѣка Петра Захарова сына Новикова по его велѣнію подъячій Спаридонъ Ивдотеевъ руку приложилъ. Запись писаль въ Казани крѣпостныхъ дѣлъ подъячій Никита Лалетинъ. 1718 году марта въ 20 день по указу великаго государя за письмо и отъ записки шесть алтыкъ 4 девяги взято и въ книгу записано подпись Казанскихъ крѣпостныхъ дѣлъ подъячій Макарь Давыдовъ¹⁾.

Дѣло осложнилось. Губернаторъ распорядился взять на Яикъ вѣхъ оговоренныхъ Карташевымъ и всѣхъ свидѣтелей, а также и казаковъ, бывшихъ атамановъ: Матвѣя Миронова, Митрофана Паменова, Остафья Трифонова и Петра Фадѣева. Всѣхъ ихъ приказано было взять въ Казань и разспрашивать и давать очные ставки и для того послать по нихъ на Яикъ офицера добраго съ солдаты²⁾.

„Офицера добраго“ выбрали поручика „Казанскаго солдатскаго ригимента“ Ивана Наумова и при немъ рядовыхъ солдат шесть человѣкъ³⁾, который и выѣхалъ на Яикъ съ указомъ отъ губернатора о высылкѣ оговоренныхъ казаковъ въ Казань; приказѣ ваходила и „роспись“ казаковъ; приказано было также взять переписныхъ книжъ 1717 году, кого въ 1717 году изъ казаки верстали⁴⁾.

По дорогѣ къ Наумову изъ Самары присоединился уже известный намъ самарскій дворянинъ Тихонъ Волковъ, онъ повезъ на Яикъ указъ о томъ, чтобы привести Яицкое войско къ присягѣ наслѣднику цесаревичу Петру Петровичу. Хотя приказъ сената обѣ этомъ былъ еще въ 1715 г., но на Яикъ онъ, видимо, своевременно не попалъ⁵⁾, и только теперь рѣшили отправить его въ войско.

13 апрѣля въ Яицкомъ городѣ было большое оживленіе. Прибылъ туда первый разъ за все существованіе городка офицеръ нового „солдатскаго строя“. Это былъ поручикъ Наумовъ. Остановился онъ съ Волковымъ на „съѣзженіе“

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 56.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 54, листы 60—66. Принять Салтыкова 9 марта 1718 года.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 66—67.

⁵⁾ Именной указъ, объявленный изъ сената въ 1715 г. 31 октября, о рождении государя цесаревича и великаго князя Петра Петровича въ Нови. Собр. Закон. № 2947.

дворъ. Вокругъ двора стояли толпиться казаки, но больше всего казачки, еще никогда не видавшія „солдатскаго“ офицера. Зазвонилъ въ церкви Михаила Архангела набатный колоколъ, стало войско собираться въ кругъ къ войсковой избѣ. Среди казаковъ проносились еще неясные и неопредѣленные слухи о доносѣ, о розысکѣ.

Но вотъ кругъ собрался. Вышелъ на руадукъ¹⁾ войсковой есаулъ, снялъ шапку, поклонился на всѣ стороны собравшемуся войску, сказалъ, что будуть читать указъ изъ Казани. Вышелъ войсковой дьякъ (писарь) и сталъ читать этотъ указъ.

Въ указѣ говорилось о доносѣ Карташева, о приказѣ изъ сената разобрать это дѣло въ Казани. „По указу великаго государя,—читаль войсковой дьякъ,—выслать вами войску Иницкому въ Казань войскового атамана Григорія Меркульева и другихъ старшинъ въ казаковъ, а кого именно и тому писана подъ симъ именемъ роспись“...

Читаетъ дьякъ въ роспись. Кого тутъ только нѣть?! — И войсковой атаманъ, и заслуженные старшины, и юртовые татары, которые ъездили въ Хиву и казаки безъ имечъ и фамилій: мясникъ, пранищикъ и шапочникъ,—всего 37 ч.

И это все приказано было сдѣлать по донесу одного человѣка, человѣка, которому уже давно слѣдовало бы вѣстъ въ небѣ, но оставшемуся жить только благодаря великодушію войска, того самого войска, на которое онъ теперь, вѣдьто благодарности, наслалъ страшную бѣду, послѣдствія которой тогда едва ли предвидѣлъ и самъ Карташевъ.

Трудно сказать, что происходило тогда въ войсковомъ кругу. Неожидавшіе ничего подобнаго казаки, вѣроятно, были страшно поражены разразившейся надъ ними грозой.

Губернаторъ ничего не признаетъ. Онь знать не хочетъ ни постановленій казачьихъ круговъ, ни войсковыхъ просбъ, чтобы не вѣрять изгнаннымъ въ Русь казакамъ.

Но надо покориться. Надо указъ исполнить... Что сдѣлаетъ одинъ Карташевъ противъ цѣлаго войска! Пусть ѿдетъ атаманъ и старшины и обличать Карташева. Кому же больше вѣры: всему-ли войску или одному Карташеву?

Войско собираетъ всѣхъ, кто значился въ росписи, и леитъ имъ ёхать въ Казань. Кругъ разошелся.

Розыскъ! страшное слово! Казаки знали его по рассказамъ стариковъ, бывшихъ участниками разгрома башкирцевъ въ 1696 году, знали они его и послѣ казни атамана Ивана Вѣллусова, знали его казаки и по дѣланью въ Руси—какъ расправились съ народомъ самарскій и другіе воеводы.

Надо смягчить властей. По совѣту старшинъ казаки стали собирать деньги „въ почесть“ для поручика Наумова. Десятки ходили по войску и собирали деньги, передавая ихъ войсковому атаману. Собрали пятьдесятъ рублей.

¹⁾ Руадукъ—высокий помостъ у крыльца войсковой избы, откуда атаманы и есаулы говорили съ войскомъ.

Меркульевъ отнесъ ихъ Наумову. Должно быть, показалось этого мало—собрали еще пятьдесят рублей и еще разъ Меркульевъ пошелъ къ Наумову и отдалъ ему и эти деньги¹⁾.

Поручикъ Наумовъ удовольствовался ста рублями, но дворянинъ Волковъ хотелъ получить больше.

Онъ сталъ собирать казаковъ для присяги, но, видимо, казаки собирались ее дружбою, приходили не все. Волковъ отмѣнилъ время приватія присяги, приказывая собраться всемъ. Проходилъ день за день, но подъ различными предлогами Волковъ къ присягѣ не приводилъ; у казаковъ были домашнія работы, овъ запретилъ имъ уѣзжать изъ городка, пока не примутъ присягу. Войско догадалось, въ чёмъ дѣло, и снова десятники по совѣту старшинъ стали собирать деньги. Даши Волкову двѣсти рублей и приводѣ къ присягѣ былъ совершенъ. „И овъ, Волковъ, держалъ нась и на работу не пускалъ, для бездѣльной своей корысти, и за то взялъ съ насъ двѣсти рублей“,—писалъ виослѣдствіе отъ лица всего войска въ своей членобитной станичной атаманъ Рукавишниковъ²⁾.

Прошли дни; оговоренные казаки снарядились въ путь. Виѣсто уѣзжавшаго войскового атамана войско выбрало атаманомъ Степана Ивановича Филимонова (такъ же Ушаковъ³⁾). Оправивъ уѣзжавшихъ, новый атаманъ и все войско написали Салтыкову членобитную и отправили ее съ арестоваными въ Казань.

„Велѣнія государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всемъ великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца ближнему боярина и губернатору казанскому Петру Самойловичу съ товарищи запольские рвы Яику, яицкіе атаманы-казаки: атаманъ Степанъ Ивановъ и все Яицкое войско членомъ бѣть“, писали казаки въ членобитной, и излагая далѣе пріѣздъ Наумова и о розыскѣ казаковъ по присланной росписи въ концѣ членобитной написали: ..., и мы Яицкимъ войскомъ, какъ къ намъ за Яику господина порутчика Наумова прибылъ и указъ великаго государя подалъ, и мы, по тому великаго государя указу, и по данной росписи, атамана Григорья Меркульева и другихъ старшинъ съ нами, которыхъ повелѣно, выслали, а кто именно и то писано подъ сего отпискою именемъ роспись; да во оной же росписи у господина порутчика написано: велѣно взять юртовыхъ татаръ четырехъ человѣкъ, которыхъ будто атаманъ Григорій Меркульевъ въ 717 г. послалъ въ Хиву, а кто именно и то именемъ написано; и овъ Григорій Меркульевъ отъ себя въ 717 году никакихъ четырехъ человѣкъ татаръ въ Хиву не посыпалъ; да по оной же росписи велѣно отъ насъ съ Яику выслать трехъ человѣкъ, которые поставлены въ казаки въ 717 году, въ именами ихъ вѣ-

¹⁾ Розыскъ полковника Захирона въ іюнѣ 1724 г. Показаніе атамана Григорія Меркульева (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 121, часть 2, санка № 28, лѣво № 27, листъ 4.—Экстрактъ о поручикѣ Иванѣ Наумовѣ о взяткахъ съ яицкихъ казаковъ). Въ членобитной станичной атаманѣ Федора Игнатьевича Рукавишникова 1719 г. говорится, что Наумовъ вѣдь не сто, а двѣсти рублей. (Такъ же, опись 107, санка 30, листы 15—17).

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 172—175. Показаніе Карташева 5 іюня 1718 года.

написано, только написано: одинъ ясникъ, а другой пранишникъ, третій
шашошникъ и изъ оныхъ сысканы Тимофей Григорьевъ сынъ ясникъ, а
Иванъ Анареевъ сынъ пранишникъ до сего присланаго указу отлучился, а
шашошникъ у насть такой въ 717 году неприверстанъ, токмо въ 717 году
поставленъ „вакансій“ (?) Иванъ Матвеевъ сынъ саложникъ и его послали
при оныхъ же посланныхъ; и жили у насть оные при войску и проишли
съ вами всякие наши казачья промыслы, а службу государеву не служили и
податей съ намъ казачьихъ не давали, и мы нуъ за то въ ка-
заки поверстали, и нынѣ оныхъ, по присланному великаго государя указу,
каковъ къ намъ присланъ о вышеозначевыхъ казакахъ; отдалъ да во ономъ
же указѣ повелѣно отъ насть взять переписныя книги 717 году и кою за
717 г. казаки берстали и мы ихъ выслали, и оному атаману Григорию Мер-
кульеву и всѣмъ старшинамъ велѣли явиться и отписку подать въ Казани въ
губернскій канцеляріи близкнему боярину и губернатору казацкому Петру
Самойловичу Салтыкову съ товарищи ¹⁾.

Роспись именамъ которыхъ по указу выслали въ Казань и то писано ниже сего:

Атаманъ

Григорій Меркульевъ.

Ставшій атаманъ Федотъ Довской.

ESSAYS:

Иванъ Вавиловъ, Степанъ Дементьевъ^{2).}

Казаки:

Никита Зевакинъ,
Герасимъ Погодинъ,
Андрей Яковлевъ,³⁾
Василий Будановъ,
Василий Азовской,
Дмитрий Витошиновъ.
Абраамъ Пустоселовъ,
Герасимъ Могиновъ,
Никифоръ Бородинъ,
Меркулъ Заровской,
Семенъ Подокинъ,
Михаилъ Горшковъ.

Да прозвищемъ мальша какъ зовутъ не написано.

Прежній атаманъ

Матвій Мироновъ.

Karako:

Петръ Фаддеевъ	Астафей Муромцевъ
Митрофанъ Пименовъ	Никифоръ Кузуровъ
Матфей Прикащиковъ,	Антонъ Харитоновъ,
Григорій Кариановъ,	Василій Кожевниковъ,
Іванъ Логиновъ,	Симеонъ Лукьянновъ,
Гаврила Степановъ,	Семеонъ Васильевъ.

Да новопоставленные въ казаки:

Тимофеи Масниковъ, Иванъ Матвіевъ ^{4).}

¹⁾ Моск. Арх. Гз. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 65 - 67.

²⁾ Дурнишевъ. ³⁾ Карповъ. ⁴⁾ Чеботарь.

Узнавъ въ тоже время отъ Наумова суть доноса Карташева, войско въ тотъ же день написало Салтыкову другую челобитную. Въ этой челобитной все войско оправдываетъ старшинъ и себя въ возводимыхъ на него Карташевынъ ванахъ, уличая послѣднаго во лжи.

„И съ Яику идти,—писали они между прочими въ отпискѣ,—на извѣ рѣку соѣту никакого не бывало и вотчиину его великаго государя покинуть не хочеть и обѣщаемся и клянемся христіанскою совѣстю и въ домѣ Богомъ предъ святымъ евангеліемъ и цѣловали святой крестъ и подписались собственоручно, что ему царскому величеству служить готовы вѣрно и съ положенiemъ жалуга своего“. Въ концѣ челобитной подпись: „и въ томъ войсковой атаманъ вмѣсто всего Яицкаго войска подъ сею отпискою руку приложилъ... Кт сей отписки вмѣсто войскового атамана Стефана Иванова и всего Яицкаго войска въ томъ что писано въ нашей отпискѣ по его велѣнию священникъ Тимофѣй Михайловъ руку приложилъ“¹⁾.

Уѣхали послы изъ Казани и войско вздохнуло свободно. Оно не знало, какъ отѣбѣться отъ алчныхъ представителей московского строя. Невольные внутренніе враги скрылись, но взамѣнъ ихъ изъ степи появились подъ ба-зачымъ городкомъ враги вѣнѣшніе: киргизы и каракалпаки. Налетѣли они, какъ и всегда, внезапно, захватили пасшійся вблизи городка конскій табунъ—триста лошадей, взяли находившихся при немъ семь человѣкъ казаковъ въ плѣнъ и быстро удалились. Киргизъ было всего шестьсотъ человѣкъ, но пока войско узнало о случившемся, пока свардили станицу въ ноговѣ, отъ киргизъ и слѣдъ простиль,—они уѣхали безнаказанно въ свои степи²⁾.

Но это были только передовыне. Не успѣли казаки, какъ говорится, и оглянуться, какъ на бухарской и самарской сторонахъ по Яику подвалили тучи пыли. Къ Яицкому городку наклинула почти вся орда. Двадцать пять тысячъ киргизъ и каракалпаковъ окружили со всѣхъ сторонъ орлиное гнѣздо. Войско сѣло въ осаду. Напрасно храбрѣйшіе джигиты и батыры старались ворваться въ городокъ—всюду встрѣчали ихъ пули и чугунная „дробь“ изъ казачьихъ душекъ. Прошелъ день, два, три, прошла недѣля, но киргизы упорно стояли у городка, стараясь захватить его врасплохъ, держать войско въ осадѣ. Нельзя было проѣхать изъ городка визуда, нельзя было даже дать вѣсть въ Самару о случившемся. Проходила еще недѣля—киргизы не отходили. Не умѣя взять казаковъ силой, они обложили городокъ плотиной кольцомъ и пре-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 64—71. Издѣлъ интересно то, что беглый атаманъ къ челобитью прикладываетъ (кладетъ) руку, что разносидимо подписанъ, подпись же дѣлаетъ священникъ. Даѣтъ же дѣлъ видно, что подписьывающій челобитью беретъ въѣдѣтельности руки у тѣхъ, за кого онъ подписывается: десятники брали у казаковъ, сотники у десантниковъ и потомъ уже сотники свою руку и за остальныхъ давали атаману и атаману уже „беретъ“ руку къ челобитью, подписывающійся прикладываетъ руки или у сотниковъ или у атамана. При другихъ постпозиціяхъ, где были нужны подпись, предполагалось тоже самое, и посѣдѣдѣй, давшій руки у всѣхъ, подписывался за тѣхъ, у кого „бралъ“ руки. Это старинный обычай можно иногда видѣть и теперь (гдѣ либо у нотаріуса и друг.), гдѣ подписьывающій „беретъ руки“ у тѣхъ, за кого подписывается.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 50, листъ 482. Челобитная войска царю Петру въ 1721 г.

братили всякое сообщение съ остальными міромъ. День и ночь шли мелкія схватки,—раздавались ружейные выстрѣлы, иногда съ казачьего вала падала вушка и сюда наступало затишье. Прошла вторая, третья недѣля—киргизы не отходили. Они, видимо, рѣшили выморить казаковъ голодомъ и привудить ихъ къ сдачѣ. Прошло больше мѣсяца. Праявціе орлы отбили всѣ нападенія киргизъ. Наконецъ киргизамъ, не привыкшимъ къ осадѣ, а склоннымъ болѣе къ легкимъ налетамъ и къ легкой добычѣ, вскочило безилодное сидѣніе у неприступного городка—они поднялись и ушли въ степь¹⁾.

Въ это время въ Казани производился разыскъ прибывшій туда къ концу мая взятныи Науковыи на Яикѣ казакамъ. Первый допросъ былъ произведенъ 27 мая, въ присутствіи губернатора Салтыкова, въ губернской канцеляріи. Казаковъ стали допрашивать „пороанъ“. Первымъ допрошеніемъ былъ старый войсковой атаманъ *Матвей Мироновъ*. Онъ не подтвердилъ ни одного показанія своего крестнаго сына:

„Крестьянъ князю Мешникову не отдали потому, что всѣ яицкіе казаки и ясъ атаманомъ Меркульевыи предложили, чтобы тѣхъ крестьянъ до указу удержать на Яикѣ, а о томъ, кого изъ нихъ съ Яику и съ которого года въ отдачу отдавать, послали бить челомъ къ царскому величеству, для чего и послали съ состава всего Яндкаго войска яицкихъ казаковъ станичнаго атамана Федота Донского съ товарищи. О томъ, чтобы крестьянъ не отдавать и чтобы старшинъ казаковъ побить до смерти, ни отъ кого я не слыхалъ и кто о томъ грозилъ—не вѣдаю. Собиралъ-ли атаманъ Меркульевъ съ крестьянъ князя Мешникова четыреста рублей, чтобы ихъ ве отдавать, и отдали-ли тѣ деньги станичному атаману на расходъ—не знаю. Посыпалъ-ли атаманъ Меркульевъ въ Хиву юртозныхъ татаръ—не вѣдаю и въ войсковой избѣ приговора о томъ ве было въ ни отъ кого ве слыхалъ. Измѣни за атаманомъ Меркульевыи и я, вистаршины ве зналъ и не слыхалъ. Переезжъ казакамъ атаманъ Меркульевъ дѣжалъ съ согласія всего войска для посылки достальныхъ казаковъ въ князю Черкасскому. Такихъ словъ отъ станичнаго атамана Федота Донского съ товарищи, которые написаны въ донросѣ Карташева, что будто похвалились они во все войско: найдемъ де мы и другую воду—ни отъ кого не слыхалъ. Доносить Карташева и я, и Петръ Матвієнъ и о чёмъ царскому величеству не посыпали и письменнаго никакого вѣдѣнія не давали“²⁾...

Страхъ предъ смѣшкомъ сказали у всѣхъ языки. Мироновъ отговаривался во всемъ неизѣбѣнѣстъ. Сказать онъ только о томъ, какъ бралили его и грозились побить казаки Шогодасевъ, Логиновъ, Донской и Пустоселовъ, сказать онъ и о томъ, что слышалъ онь отъ казака Семена Васильева Муромцева, что атаманъ Григорій Меркульевъ съ другими казаками „пустили“ приговоръ и былъ „голость за Яикѣ во все войско“, что кто похвалится Казанью, то тѣхъ быть ричажьемъ, но самъ онъ этого не слыхалъ.

¹⁾ Тамъ же

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 141—147.

Послѣ Миронова стали допрашивать казака Петра Фадѣева. Но драхмый и болѣзнейший Фадѣевъ отговорился полечь везаваіемъ. „Ничего я не вѣдаю — говорилъ онъ — потому что за старостію своею въ кругу совсѣмъ не бываю. А про то что написалъ доноситель Карташевъ, что будто бы бывшій атаманъ Матвѣй Мироновъ и съ товарищи и другіе старинные бывшіе атаманы и казаки опасаются отъ Меркулѣва и отъ Никиты Зѣвакина великие бѣды из-за такой, что у него есть согласіе съ хивинцами, такихъ словъ я ни съ Карташевымъ ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ“¹⁾.

Стали допрашивать атамана Григорія Меркульева, онъ говорилъ тоже, что и Мироновъ.

„Въ Хиву въ осень 1717 года я и Никита Зѣвакинъ четырехъ казаковъ юртовыхъ татаръ и ни кого въ Хиву ни для чего не посыпалъ, а которые юрточные татары поимяно Яманасарь да Естимаръ просили въ войскѣ въ кругу, чтобы ихъ отпустить для торговъ въ Хиву и какъ наимѣнилась вѣдомость о погибелѣ господина князя Черкасскаго въ войсковомъ кругу, со всего Янѣцкаго войска совѣту, положенья праговоръ что въ Хиву ни для чего, никого не отпускать; и съ того времени никого и неотпускали и злаго согласія и измѣны и помыслу никакого съ хивинцы у меня вѣть и за другими ни заѣхъ языческими казаками не вѣдаю. Въ бытность свою на Янѣкѣ въ атаманахъ прошлыхъ людей никого жить на Янѣкѣ я не признавалъ и въ казаки безъ сѣѧти не приверстывалъ, а кто въ 717 году въ казаки приверстали о томъ явствуютъ привезенные въ Казань книги, а что онъ Карташевъ въ доисрѣ своемъ написалъ что будто я въ бытность свою принялъ на Янѣкѣ прошлыхъ трехъ человѣкъ и поверсталъ въ казаки и сные ремесленные: одинъ мясникъ, другой правишиакъ, третій шапошникъ, и въ бытность свою въ атаманехъ я изъ рукоремесленныхъ людей, съ совѣту въ кругу всѣхъ языческихъ казаковъ, трехъ человѣкъ въ казаки приверстали для того, что въ кругу всѣ языческие казаки стали говорить, что сные ремесленные живутъ у нихъ безъ службы и сронышаютъ и богатятся а ныне де за посылками въ службу людей у нихъ малолюдство; и изъ сныхъ привезены въ Казань два человѣка а какъ зовутъ того сказать не упомню, а третій, Правишиковъ, до приѣзу на Янѣкѣ поручика Наумова отлучился съ Янѣку, а куда я где нынѣ и какъ зовутъ не вѣдаю, а Шапошниковъ у меня въ приверсткѣ въ казаки небывало, а бывъ такой ремесленной на время, и побывъ, съ Янѣку ушелъ, а куда и какъ зовутъ не вѣдаю и отъ бывшаго атамана Миронова такихъ словъ, чтобъ вѣхъ въ казаки неставить я никогда не слыхалъ, а при приверсткѣ ихъ въ казаки въ войсковомъ сходѣ въ тѣ времена бывшой атаманъ Мироновъ съ товарищи былъ ли того я сказать неупомню; а они на Янѣкѣ жить пришли въ бытность ли мои атаманомъ или прежде того я неизѣю потому, что у насъ та-ко-ва обыкновенія, чтобъ кто на Янѣкѣ для какого дѣла приходитъ, а явиться

¹⁾ Тамъ-же

ему въ войсковой избѣ—нѣть”¹⁾. Какъ видимъ, нового Меркульевъ почти ничего не добавилъ. Отъ приговора же нехвалиться Казанью и о „другой избѣ“ овь отговорился полныемъ незнаніемъ, но за то подробно рассказалъ о побѣгѣ Карташева изъ полка, о томъ, какъ его осудили въ войскѣ къ смерти въ простили и какъ наконецъ выгнали въ Русь. Представилъ Меркульевъ и указъ отъ 1714 года отъ воеводы Апраксина разыскать бѣжавшаго знаменщика Карташева и ораговоръ войска, чтобы не вѣрить тѣмъ, кого войско выгоняеть въ Русь.

Всѣдѣ за Меркульевымъ стали допрашивать остальныхъ казаковъ, но ихъ показанія были такія-же, какъ Миронова и Меркульева; все они обвиняли Карташева въ ложномъ доносѣ и старались всѣми иѣрами оправдаться въ возводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

Станичный атаманъ Федотъ Домской сказалъ, что онъ никакихъ четырехсотъ рублей съ крестьянъ князя Меншикова не бралъ:

„Дано мнѣ изъ войсковой казны на всяkie нужные расходы сто пятьдесятъ рублей, изъ которыхъ за расходомъ остаточныи двѣадцать рублей отдалъ по прежнему въ войскѣ атаману Меркульеву; а такихъ словъ, при собраніи лицъ казаковъ въ кругу, и въ демѣхъ, и на кружесочномъ дворѣ и нигдѣ, чтобы бывшаго атамана Матвѣя Миронова да Матрофана Пименова побить до смерти и животы ихъ пограбить я неговаривъ чѣмъ имена Карташевъ и Матвѣй Мироновъ въ допросахъ своихъ клеплать напрасно“²⁾). Отказался отъ своихъ угрозъ Миронову и казакъ Герасимъ Погодaeвъ говоря, что Карташевъ и Мироновъ клеплать на него напрасно. Отказался отъ этого и Герасимъ Логиновъ.

Изъ другихъ свидѣтелей казакъ Федоръ Астафьевъ Малышъ сказалъ, что онъ не бѣглый крестьянинъ, какъ обвинялъ его Карташевъ; и что отецъ его былъ житель Алаторского уѣзда села Четвертного и въ давныхъ годахъ соплемъ на Яикъ, а онъ, Малышъ, былъ тогда въ малыхъ лѣтахъ и взросъ на Яикъ и тому назадъ тридцать лѣтъ во второй крымскій походъ при бывшемъ на Яикѣ войсковымъ атаманомъ Якою Васильевичемъ приверстать въ казака. А по наряду съ Яикомъ служилъ онъ „въ нынѣшнюю Свѣйскую службу въ армїи съ прочими казаками четырнадцать годовъ безъ съѣздовъ и тому нынѣ другой годъ за старостію отпущенъ на Яикъ по прежнему“. Въ оставшемся овь подтвердили показанія Меркульева и Довскаго.

Приславанные-же въ числѣ другихъ казаки Тимофей Григорьевъ Мясниковъ и Исаакъ Матвеевъ Чеботарь, сознались, что они бѣглые крестьяне и оба бѣжали недавно. Мясниковъ бѣжалъ на Яикъ со своею женой три года тому назадъ и поселился на Яикѣ у казачьей вдовы Мары по прозванію Пушкина и коринился въ сопѣствѣ „насвимъ промысломъ“. Въ 1717 году онъ два раза

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., листы 158—161.

²⁾ Тамъ-же.

быть членомъ въ войсковомъ кругу, но войско его въ казаки не приняло. Казаки говорили атаману, что такихъ привыкшихъ принимать нельзя. Тогда Масниковъ сталъ быть членомъ атаману Меркульеву „и атаманъ съ есаулами Федоромъ Силишининымъ и Михаиломъ Горшковымъ и съ другими небольшими людьми его въ казаки приверстали и взяли съ него взятковъ денегъ атаманъ три рубля есаулы три рубля ж”.

Но старый атаманъ Матвій Мироновъ и другие казаки, узнавъ объ этомъ, стали говорить Меркульеву, чтобы его не верстать. Но Меркульевъ его всетаки поверсталь.

Указалъ Масниковъ и за другихъ бѣглыхъ крестьянъ, которые живутъ на Яикѣ: „за Яикѣ живутъ помѣщика его бѣглые крестьяне Семенъ Федоровъ Опаленый, Кононъ Архиповъ, Михайло Бѣлой съ женами и дѣтьми”, — Опаленый и Бѣлой живутъ своими дворами, а Архиповъ у Опаленого, но Архиповъ посланъ съ казацемъ Черкасскимъ въ Хиву. Всѣ они поверстали въ казаки атаманомъ Меркульевымъ. Сказалъ Масниковъ и про свою семью: — „жена Авдотья Федоровна да дочь Авдотья полутора года, животовъ три шубы бараньихъ, три сарафана крашеныхъ да рубахъ жестковъ три-жъ”¹⁾.

Чеботарь, какъ и Масниковъ, сказалъ, что войско не хотѣло его принимать, не атаманъ и есаулы поверстали его за взятки — взяли они съ него четырьмя рубля. Живетъ онъ на Яикѣ своимъ дворомъ и кормится сапожнымъ мастерствомъ, имѣть жену, сына и дочь.

Допросы казакамъ продолжались до 5 июня, но винъ, возводимыхъ Карташевымъ на войско, не нашлось — казаки дружно отказывались отъ всего того, что говорилъ на нихъ доносчикъ.

Для улики вызвали Карташева на очную ставку.

Очная ставка состоялась 5-го июня въ присутствіи Салтыкова. Карташевъ повторилъ всѣ свои обвиненія, уличая Миронова въ томъ, что по совѣту его и восьми его товарищей овѣзъ атаманъ въ Казань донести губернатору объ атаманѣ Меркульевѣ, что кроме поѣздки въ Хиву въ 1716 году каравана лицъ казаковъ, Меркульевъ съ казакомъ Никитой Зевакинымъ послѣ гибели отряда Бековича послалъ въ Хиву „такъ всего войска” трехъ человѣкъ юртowychъ татаръ лицъ казаковъ „а именно Абназулъ Ячименъевъ зять да Астраханского юртowego татарина, а какъ ихъ зонуть именъ ихъ сказать не упомнить”. Эти татары прибыли изъ Хивы въ 1718 году въ февраль мѣсяцъ и привезли съ собою выкупленаго ими походнаго атамана Никиту Бородина. Говорилъ Карташевъ также о томъ, что татары эти живутъ въ войсѣ и послѣ прїѣзда Наумова войсковыми атаманомъ Степаномъ Ушаковымъ отданы на поруки. Узнавъ онъ это отъ калпала, который былъ съ Наумовымъ.

Въ свое оправданіе о побѣгѣ со службы Карташевъ говорилъ то-же, что

1) Тамъ-же, листы 169—175.

и въ кругу войску; при этомъ заявилъ, что по возвращеніи изъ Казани послѣ доноса Чулактина атаманъ Меркульевъ приказалъ его сковать.

И былъ а державъ въ войсковой избѣ — говорилъ Карташевъ — сковавъ многое время, и не повѣра тому указу онъ, Меркульевъ, послалъ съ Яику въ Казань о спрѣвѣ того указа и писать въ томъ же 717 году съ станичными атаманомъ Иваномъ Григорьевымъ съ товарищи тремя человѣкъ, и обо мнѣ присланъ былъ къ нему вторично усѣзъ за дѣльцею пріписью таковъ же каковъ и со мною посланъ, и потому указу онъ Меркульевъ меня свободилъ, и по свободѣ, за тѣми праслаными къ немъ указы, рялся на имена за то, они Григорій Меркульевъ и Никита Зевакинъ не поодно время въ кругу и на кабакахъ безвинно меня били и хотѣли казнить смертью; и убогъ онаго отъ нихъ, сказавшись бывшему атаману Матвѣю Миронову, побѣхъ я въ Казань тайно, а не бѣгомъ ушоль; и бывъ въ Казани и на Самарѣ пришелъ было по прежнему на Яикъ, и оной же атаманъ Меркульевъ съ товарищи своими, рялся за оные же привезенные мною указы, били меня и съ Яику сослали и жить мнѣ на Яикѣ невѣльки и опричь сего другого за имена атаманомъ Григорьевъ Меркульевымъ съ товарищи я кромѣ сказанаго отъ меня въ допросахъ ничего не вѣдаю¹⁾). Но бывшій атаманъ Мироновъ и казаки его партіи всего восемь человѣкъ²⁾ снова сказали, что ни чего того что написано въ его довосяхъ и въ допросахъ на Меркульева они не знаютъ. Что Мироновъ Карташева въ Казань не послалъ „и думы у нихъ о томъ между собою не бывало“ и что Карташевъ заходилъ къ Миронову передъ отѣздомъ не за совѣтомъ, а для того чтобы проститься³⁾.

Тоже самое повторили и атаманъ Меркульевъ съ казаками своей партіи всего 16 человѣкъ³⁾). О поѣздкѣ юртовыхъ татаръ въ Хиву, до похода Бековича они рассказали то, что мы уже знаемъ, а въ прошломъ 1717 году за погибелью недѣльняземъ Черкасскимъ, — говорилъ Меркульевъ, — я и Зевакинъ яицкихъ казаковъ Адвагула и съ нимъ двухъ человѣкъ и астраханскаго татарина въ Хиву таись всего войска не посыпывали и Аллагуль въ 717 году никогда въ Хиву не вѣживалъ, а походнаго атамана Вородина привелъ на Яикъ астраханскій юртовый татаринъ Кельдюшъ⁴⁾. О посылкѣ четырехъ человѣкъ въ Хиву послѣ гибели отряда Бековича всѣ казаки сказали, что этого не было. Отвергли она такъ же обвиненіе Карташева на Меркульева въ томъ, что онъ послѣ прївода изъ Казани былъ закованъ въ кавалы и сидѣлъ въ войсковой избѣ долагое время.

О причисленныхъ въ казаки Масника и Чеботаря Меркульевъ заявилъ,

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Пётръ Фадѣевъ Осиповъ, Митрофанъ Пимоновъ Алеитинъ, Остапій Трофимовъ, Никифоръ Буторовъ, Матвѣй Практичковъ, Антонъ Іаритомовъ, Григорій Кармановъ.

³⁾ Федотъ Денисовъ, ослузъ Иванъ Вавиловъ, казаки: Никита Зевакинъ, Герасимъ Погодинъ, Геральдъ Богдановъ, Степанъ Дементьевъ Дурининъ, Андрей Яковлевъ Карповъ, Никифоръ Вородинъ-Баскій Будановъ, Меркурій Заралской, Василій Азовский, Семенъ Пудовкинъ, Дмитрій Витковъ-Миттало Горшковъ, Федоръ Силишинъ. (Тамъ-же, листы 176—178).

ЧТО ОНЪ ЗАЧИСЛЕНЪ ИХЪ ПО ПРИГОВОРУ ВСЕГО ВОЙСКА, И ПОТОМУ, ЧТО ОНИ „СКАЗАЛИСЬ ВОЛЬНЫЕ ГОСУДАРЕВЫ“ КРЕСТЬЯНЕ. ДЕНЕГЪ НА ОНЪ, ВИ ВОЙСКОВЫЕ ЕСАУЛЫ СЪ ИХЪ НЕ БРАЛИ.

На этомъ допросъ окончился. Между тѣмъ явилась необходимость вызвать новыхъ, указанныхъ противными сторонами, свидѣтелей и виновныхъ.

12 июня состоялся указъ Салтыкова „съ товарищи“ послать казанского гарнизона унтеръ-офицера Филипа Черемисина за Яикъ. Прѣхавъ велько было ему взять: „во свидѣтельствѣ по изслѣдованию дѣла яицкихъ казаковъ: атамана Никиту Бородина, есауловъ Алексея Аргамакова, Леонтия Абонасьева, звамеющага Ивана Алексѣева, Федора Старцева, новокрещеновъ Ивана Сидорова, Осипа Никитина, кртовыхъ татаръ: Кезекья Кечкыннеева, Узбека Тюленибетова, да Каслыбая, да Сюлемекина брата, Аднагула Ишмекѣева зата, котораго на Яикѣ спросить кто съ нимъ яицкіе жъ два членъка въ Хиву отъ атамана Меркульева посыпаны въ прошедшую осень, и по сказкѣ его велько взять въ тѣхъ даухъ человѣкъ, да астраханскаго юртоваго татарина Кельдиша да, по допросу крестьянину Кроткову, Тимофею Мусника, которые поверстны въ казаки и живутъ на Яикѣ: Сибирскаго уѣзда села Богородскаго Тюшумъ: Семена Федорова сына Опаленыша да жену Кононова, жёву Архипова, Леонтьеву дочь а какъ зовутъ въ допросѣ неизвестано, тогожъ уѣзу и егожъ Афанасьеву крестьянину Кроткову села Позданасу Михайлу Максимова сына Бѣлова, да пришлаго жъ казака Пряничникова, которой въ казаки приверсташъ въ 717 году, и взять вышеписанныхъ, Ѹхать въ Казань со всакими усмотрительствомъ давно и воинно, и вести ихъ подъ карауломъ и смотрѣть за ними накрѣпко, дабы они неразбрѣжались и для того послать съ ними солдатъ; да съ Самары, по посланному къ коменданту Собакину указу, взять изъ конныхъ солдатъ добрыхъ шесть человѣкъ и подводы по указу и по подорожной, и въ пути какъ съ Самары до Яику, такъ и возвратно, Ѹхать во всякомъ опасеніи дабы незадо не напали какіе непріятельскіе воровскіе люди и неучинили бы какого ала“¹⁾.

Этотъ новый гость появился на Яику 30 июня. Войско снова собралось въ кругъ. Всѣхъ кто оказался на лицо отдали. Аднагула призвали въ кругъ и „при войску въ кругу и при присланномъ съ указомъ унтеръ-офицеромъ—писало войско въ своей члобитной Салтыкову, саршивали—посыпалъ ли его атаманъ Меркульевъ съ двумя казаками въ Хиву или нетъ? И Аднагуль сказалъ, что онъ отъ атамана Меркульева съ двумя казаками въ Хиву не послыванъ и за торгомъ свою волю наѣживалъ, и кого атаманъ Меркульевъ послалъ того неизѣдасть и ни у кого неслыхивалъ, а крестьянъ Кроткова Семена Опаленыша да жену Кононову, жену Архипова Леонтьеву дочь, да Михайлу Максимова сына Бѣлага по прежнему и по саму великаго государя указу съ вышеписаннымъ унтеръ-офицеромъ всѣхъ, которые явились противъ [года],

¹⁾ Тамъ-же.

выслали. Алексей Аргамаковъ, Федоръ Старцевъ у насъ приводесу нача вѣтъ — были съ господиномъ княземъ Чоркасскимъ въ службѣ и до нача въ Хивѣ въ зѣну; а о которомъ Прянишникѣ писано и овь отъ насъ съ Яику бѣжалъ не вѣдомо куда до указу великаго государя, а ехѣлъ у насъ явится на его вышлемъ”¹⁾.

Всѣхъ крестьянъ войско передало присланными отъ помѣщиковъ Егора и Афанасья Кротковыхъ ихъ людемъ Никифору Петрову и Елисѣю Кузмину, которые, боясь „непріятельскихъ воинскихъ людей”, остались на Яику до посылки станции въ Русь за хлѣбомъ. Но пока Черемисиновъ былъ на Яику, казаки, оставшіеся въ Казани, стали тайно сноситься съ Карташевыми. Они посыпали къ нему „стороннихъ людей” уговаривать его отказаться отъ своего доноса. Однѣ за другимъ приходили къ Карташеву въ тюрьму послы: сергіевскій солдатъ Тихонъ Турыгинъ, алексѣевскій солдатъ Леонтий и цавильскій подъячій Федоръ Алексѣевъ. Всѣ они приходили нѣсколько разъ и одинъ на одинъ съ Карташевыми говорили ему, что если онъ не откажется отъ своей чelобитной, то войско будетъ его пытать „разными пытками”, а если откажется, то „учинить ему свободу”. Подъячій Алексѣевъ обѣщалъ отъ казаковъ кромѣ того дать ему за это двадцать рублей.

Совѣтно-ли стало Карташеву или онъ испугался пытокъ, которыми ему грозили казаки, но онъ написалъ черновую чelобитную, въ которой отказывался отъ своего доноса и послалъ ее къ Меркульеву для просмотра съ солдатомъ Турыгинымъ. Казаки чelобитную одобрили и Турыгинъ пранѣе ее обратно и привезъ съ собою „ручника” Андрея Попова; переписавъ чelобитную, Карташевъ попросилъ подписать ее Попову²⁾.

28-го іюня чelобитная была подана.

„Державнѣйший царь государь милостивѣйши!

Въ прошломъ 717 году, подаль я доношеніе въ Сибирску генералу адъютанту господину Поланскому по досадѣ на яицкѣхъ казаковъ на войскового атамана на Григория Меркульева съ товарищи пьянствомъ своимъ, а генераль-адъютантъ господинъ Поланская писалъ и прислахъ меня въ Казань въ губерскую кавалерію и противъ того письма я въ Казани допрашиванъ, а что въ допросѣ скажать о томъ о всемъ явствуетъ въ дѣлѣ, и такое доношеніе подаль я въ Сибирску пьянствомъ своимъ тѣмъ всѣмъ его Григория съ товарищи поклонялъ безъ винно.

Всемилостивѣйший государь прошу вашего величества вели государь сіе мое прошеніе принять къ дѣлу а въ видѣ моей волеи ты государь.

Вашего величества низайший рабъ яицкой казакъ Иванъ Карташевъ іюна въ 28 день 1718 году прошеніе писалъ полку государеву полковнику Кувшинову писарь Степанъ Любовцовъ; вместо чelобитчика Ивана Карташева по

¹⁾ Тамъ-же, листы 213—215. Челобитная Яицкаго войска 1718 года 80 іюня губер. Салтыкову, въ листы 216—217 доносеніе Черемисинова.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 251—254.

его велѣвію подъячій Адрей Поповъ руку приложилъ¹⁾.

Узнавъ о подачѣ членовитой, находившіеся въ Казани казаки заволновались и стали просить дою на Янъ; но губернская канцелярія 16 июля рѣшила „до изслѣдованія и до пріѣзду атамана Никиты Вородиза“ казаковъ: Матвѣя Миронова, Григорія Меркульева, Никиту Злакина, Семена Мансуровцева, Петра Осипова, Никифора Кочурова, Федота Донского, Герасима Погодаева и Герасима Логинова задержать въ Казани, взявъ съ нихъ подписки о невыѣздѣ; другихъ же казаковъ — „отпустить изъ Казани на Янъ съ запискою и съ приложеніемъ руки ихъ, что ихъ какъ по сему дѣлу впередъ куда указомъ спросать, велѣть имъ явиться безъ всякихъ отговорокъ“²⁾). Крестьянъ же Масника и Чеботара отослали „попрежнему въ тагло; а жень ихъ и дѣтей съ пожиткы велѣть съ Иаку атамазу къ отдачу поставить въ Казань“.

Такимъ образомъ въ Казани осталось только девять человѣкъ, но уже къ концу июня туда прибыли казаки, приведенные Черемисиновыми и 29 июня предстали предъ губернаторомъ и въ губернской канцеляріи начался снова допросъ. Разспрашивали опять таки „по розы“.

Первыми за допросъ пошли новокрещеные — татары и юртовые татары: Иванъ Сидоровъ, Осипъ Накатинъ, Кезекей Кечкинцевъ, Узбекъ Телембетевъ, Катлыбай и Нудай Юнусовъ — татары, которые были въ Хивѣ въ 1716 году. Они рассказали то, что мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, и заявили, что задали съ согласіемъ всего войска, какъ это и раньше бывало.

Татаринъ Адвагулъ Апаковъ, изъ котораго говорилъ Карташевъ, что онъѣздили въ Хиву послѣ гибели отряда Бековича по тайнымъ дѣламъ Меркульева, наотрѣзъ отказался отъ возводимаго на него обвиненія и заявилъ, что онъ въ Хивѣ никогда не бывалъ.

Приведенный въ канцелярію астраханскій татаринъ Кельдюшъ Ислемесовъ сказалъ, что онъ съ разрѣшеніемъ астраханскаго коменданта Чиримова весною 1717 года поѣхалъ для торговли въ калмыцкіе улусы, откуда недѣли черезъ три пріѣхалъ съ двумя калмыками въ Янъ, где заболѣлъ и лежалъ у татарской мечети около четырехъ ивсаццевъ; выздоровѣвъ, онъ съ тѣми же калмыками вернулся опять въ калмыцкую орду. Когда наступила первый зимний путь, ханъ Аюка, его сынъ Чакдоржанъ въ владѣлѣ Дарзса послалъ въ Хиву „пославцевъ“ четыреста человѣкъ калмыкъ, для чего не знаю, — говорилъ Кельдюшъ на допросѣ: — съ тѣми же посланцами поѣхалъ и я въ Хиву для торгового своего промыслу, да и въ же астраханскихъ юртовыхъ татар было съ нами десять человѣкъ, а какъ зовутъ не знаю, и прибылъ въ Хиву занесъ ми таможенному державцу, которому городъ приказанъ, Кулумбеку и сказали ему, что мы пріѣхали для торгового промыслу; и въ ту бытность въ Хивѣ на торгу китайцы вывели для продажи и выкупу русскихъ людей пять человѣкъ.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 189.

²⁾ Тамъ-же, листы 206—208.

въкъ, которые были съ господиномъ княземъ Черкасскимъ, а именно: полковника Дромантасія (?) астраханского посацкаго человѣка Ивана Кисельникова да господина князя Черкасскаго казначея, да армянина Абрама да зицкаго походнаго атамана Никиту Бородина; и я атамана Бородина, договорясь съ хивицомъ, у которого онъ Бородинъ былъ о цѣнѣ, выкупилъ и далъ за него на сто семьдесят рублей таваромъ а остальныхъ четырехъ человѣкъ выкупилъ астраханской юртовой татаринъ Кутмазъдеажъ, а за какіе деньги того не знаю; и хансіе калмыки уѣхали на-предъ насъ изъ Хивы, а осталось съ нами для торгу калмыкъ человѣкъ съ двадцать и, собравши съ тѣми калмыки и съ астраханскими юртовыми татарами всего человѣкъ съ пятьдесятъ, изъ Хивы поѣхали возвратно и выкупленныхъ полоненниковъ повезли съ собою; и какъ прибыли за рѣку Эмбу и отъ того мѣста калмыки, которые были съ нами, съ юртовыми астраханскими татарами поѣхали въ калмыцкую орду къ хазу, а я съ калмыками десять человѣкъ и съ атаманомъ черезъ степь къ Янку; да съ нами же изъ Хивы въ томъ же караванѣ по отоуску выѣхали зицкіе казаки, которые были съ господиномъ княземъ Черкасскимъ четыре человѣка, а именно: новокрещенъ по русски имя сказать не знаю, а по татарски Куслейка, да татара Ильмерза а другихъ какъ зовутъ не вѣдаю и не доѣзжая до Янку дни за четыре тѣ калмыки поѣхали ко владѣльцу своему Доржѣ, а я съ атаманомъ и казаками да съ нами же астраханской юртовой татаринъ Хожсанкулка, который съ намиѣхалъ изъ Хивы, прїѣхали на Янкъ около сырной недѣли и звились за Янкѣ въ войсковомъ кругу атаману Григорию Меркульеву и походнаго атамана Бородина объявили, а новокрещенъ и татары звились сами; и съ него Некиты тѣхъ выкупленыхъ денегъ я небирывалъ, для которыхъ и понадѣжъ жиль за Янкѣ у Бородина; а кроме вышеписанныхъ другихъ зицкихъ казаковъ русскихъ и татаръ въ отѣздѣ съ Янку въ Хазу и въ прѣѣздѣ за Янкѣ со мною небыло; и атаманъ Меркульевъ и казакъ Некита Зѣвакинъ въ Хиву меня и со мною татарина Аднагула и другихъ ни для чего не посыпали¹⁾). Спросили и остальныхъ казаковъ, но и ихъ показания были не въ пользу Карташева — всѣ уличали его во лжи.

5 августа былъ спрошено походный атаманъ Бородинъ Ось подтвердить показаніе Кельдиша и разсказать о своихъ странствованіяхъ:

„Когда пришли мы въ хивинскую землю, — говорилъ онъ, — я какъ надѣниъ господиномъ княземъ Черкасскимъ учился гибель, въсѣ казаковъ разобрали по рукамъ и разнесли въ разныя мѣста и меня взять къ себѣ Узбекъ и продалъ тоожъ хивинскіе земли въ городъ Азарисъ иулай Абазу, взяли за меня десять рублей; и въ томъ городѣ Азарисѣ у иулы выкупилъ по прошенію моему астраханской юртовой татаринъ Кельдишъ, который прибылъ,

¹⁾ Тамъ-же, листы 280—286.

послѣ нашего разбору, съ калмыками; даль за меня сто сеидесать рублей и, выкупъ, изъ Хивы въ караванѣ, въ которомъ были калмыки и астраханскіе юртовые татара, привезъ на Яикъ прошедшою зимою на сырной недѣли; а пріѣхалъ Кельдюшъ для торгового своего промыслу и по побѣзѣ оттуда оставилъ тамъ жену свою, и по прибытии на Яикъ Кельдюшъ жилъ у меня для того, что ему я и по выѣздѣ тѣми деньгами долженъ и на чѣто не уплатить, да съ панижъ изъ Хивы хивинской ханѣ отпустилъ безъ выкупу нашихъ же языческихъ казаковъ, которые были съ нами въ походѣ: одного человѣка новокрещено прозвище *Руселя* да татарь *Ильмурзу* всего пять человѣкъ, а достальныи имѣть сказать неупомяну, а потомуль прибывъ на Яикъ какъ я такъ и оные казаки явились въ войсѣ войсковому атакану Григорию Меркульеву¹⁾.

Казакъ Михаилъ Бѣлый признался, что онъ бѣглый крестьянинъ и бѣжалъ 8 лѣтъ тому назадъ отъ помѣщика Афанасія Кроткова; приверсталь его въ казаки атаманъ Федоръ Семенниковъ, женился онъ на дочери казака Петра Фильева. Стало разспрашивать его о его животахъ.

Животовъ у меня лошадь, корова да теленокъ,—говорить онъ,—да денегъ пятнадцать рублей; а скарбу десять крестовъ, цѣпочка, двои серги серебряные, двѣ сороки: одна шита золотомъ, четыре сарафана: въ томъ числѣ одна камчатная, одинъ китайчатой, два крашеныхъ, шубка кумашная на мерлушечномъ иѣху, фата, да двѣ ширинки полковые, кафтанъ зеленой, да шапки красные, кушакъ верблюжей, да рубахъ мужскихъ: двѣ пестрыя съ штанинами, одна парчевая съ штанами жъ, да штаны жъ суконные серые; перина съ зеленымъ, поясъ шелковой, двѣ скатерти бранныхъ, два полога подотвѣтанныхъ, три тулуна калмыцкихъ овчинныхъ, шуба русская овчиная, три пешни да десять багровъ желѣзны, да посуды кайдека (1) да мѣденикъ, да котлы мѣдны, три стакана оловянныхъ. А на Яикѣ живутъ еще помѣщиковъ нашихъ кромѣ крестьянинна Опаленыша, бѣглаз дворовая жена Акулина Дмитриева дочь съ дѣтьми: съ Иваномъ да съ дочерью Анаю живеть у казака Петра Набатова. А по нараду я служилъ съ авѣками казаками въ Кубанскомъ походѣ²⁾.

Сознался и Опаленышъ, что онъ бѣжалъ отъ помѣщика Егора Кроткова.

Но пока шло слѣдствіе, Карташевъ въ началѣ августа опять подалъ челобитную. На этотъ разъ она снова обвиняла Меркульева.—Онъ подробно рассказалъ, какъ посыпали его уговоривать казаки, чтобы онъ отказался отъ своего доноса, указалъ, кто ходилъ къ нему для переговоровъ; въ томъ, что ему подъячій Алексеевъ предлагалъ за это 20 рублей, онъ сослался на свидѣтелей: на караульного офицера прaporщика *Ильмурзу*, барабашкака *Никиту*, рздового *Барламова* и отставного саратовскаго солдата *Грачева*. И ту челобитную подалъ я,—говорить на допросѣ Карташевъ,—опасаясь отъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., листы 280—236.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 280—285.

въхъ устрастки пытковъ, понеже прихода ко мнѣ Грачевъ говорилъ: „ежели тѣа становуть противъ члобитной допрашивать и ты тоже скажи, что въ члобитной написано, а буде такъ сказывать не становишь то при разныхъ словахъ (при противорѣчіяхъ со словами члобитной) становуть пытать“¹⁾... Подаль онь въ другую члобитную, въ которой перечислилъ много бѣглыхъ драгунъ, недавно приверстанныхъ въ казаки, а также и не приверстанныхъ и живущихъ на Яикѣ.

Мало этого,—онъ сталъ обвинять атамана Григорія Меркульева въ измѣнѣ, что будто бы Меркульевъ со своими союзниками бывшаго атамана Матвея Миронова съ атаманства „ссадилъ силою“ и у его двора „хотѣль поставить караулъ и убить его до смерти и убивши хотѣль она бѣжалъ на Индѣ-рѣку со всѣмъ войскомъ“. И что будто бы „она же, Григорій, отушила въ Хиву и въ Бухары съ торгомъ и при томъ торгу отпускала заповѣдный государевъ порохъ и синецъ и олово“²⁾.

Дѣло опять осложнилось. Стало снова спрашивать Матвѣя Миронова. На этотъ разъ Мироновъ постарался выгородить своего крестнаго сына и сказалъ, что дѣйствительно Меркульевъ съ товарищами „ссадилъ“ его съ атаманства и у его двора поставили караулъ и хотѣли его убить до смерти; про то-же, что войско хотѣло бѣжать на Индѣ-рѣку и о продажѣ пороха въ Хиву, отговарился незнаніемъ. Въ этомъ онъ сослался на свидѣтелей: Астафія Муромцева, Митрофана Алеѣчина, Петра Фадѣева Осипова, и на Василія Кожевникова. Но указанные имъ свидѣтели не подтвердили его показанія, а сказали, что вичего этого не было, и что Меркульевъ былъ выбранъ всѣмъ войскомъ. Но Карташевъ не унимался и въ свидѣтели поставилъ „все войско отъ мала до велика“³⁾.

Допросы были кончены. 19 августа послѣдовалъ указъ Салтыкова:

„По указу великаго государя по сему дѣлу взятыхъ съ Яику яицкихъ казаковъ: походнаго атамана Никиту Бородина, Леонтия Афанасьеву, Ивана Алексѣева, новокрещену Ивана Сидорова, татаръ: Кузека Кичкиньсса, Узбика Тюленетова, Катлыбая Кудаберду Юнусова, которые взяты были конследованію сего дѣла въ свидѣтельствѣ и по допросамъ объ нихъ отъ доносителя Карташева никакого другого дѣла необъявлено—отпустить по прежнему въ Яику до указу за запискою и съ приложеніемъ руки ихъ: иль быть указу съ Яику никакда неотлучаться и о томъ послать за Яику къ воинскому атаману великаго государя указъ; а казакамъ же прежнии: Матвѣю Миронову съ товарищи и выѣзжихъ приславшихъ новокрещену Осипу Никитину, Аднарулу Апакою, астраханскому татарину Кельдишу Ислемесову, до указу и до изслѣдованія сего дѣла волѣть быть въ Казани за запискою и съ при-

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штабъ, опись 107, книга 54, листы 251—254.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штабъ, опись 107, книга 30, листы 15—17. Члобитныи Федора Рукавишникова отъ лица этого воинска.

³⁾ Тамъ-же.

ложениемъ руки ихъ, а оного Кельюша дать на поруки, а буде поруки не будетъ держать въ губернскій канцелярія. А присланыхъ же съ Яику Семена Овалениша, Михаилу Бѣлаго, которые въ распросахъ сказались бѣргае крестьяна Афанасья да Егора Кротковыхъ и пришли жить на Яику послѣ указаннаго 203 (1695 г.) году какъ именныи царскаго величества указомъ повелѣло съ Яику отдавать по тѣмъ распросамъ ихъ рѣчамъ до указу отдать имъ Кротковымъ съ роспискою, а почему тѣ ихъ крестьяне имъ крѣпки вѣль положить крѣпости, да къ оберъ коменданту астраханскому въ указѣ написать какъ оные юртовые татара явились и онъ ихъ спрашивалъ ли и что они сказали и вѣдавъ онъ оберъ коменданту что они были въ Хивѣ и для чего по прибытии ихъ въ Казань неисъль¹⁾.

Оставшіеся въ Казани казаки дали записки, что они изъ Казани нынѣ не сѣдуть подъ страхомъ „жестокаго истезавія”; Кельюша взяли на поруки Никита Бородинъ, Меркульевъ и Зѣвакинъ; остальные казаки уѣздили на Яику. Оваленышу же и Бѣлому пришлось навсегда разстаться съ казацкой жизнью: — ихъ на другой день отдали помѣщику Афанасию Кроткову подъ росписку.

Ввиду же новаго доноса Карташева и обвиненія имъ всего войска въ изменѣ и желаніи уйти на „Индъ-рѣку” и для сыска бѣгавшихъ драгунъ и солдатъ Салтыковъ 20 августа приказалъ отправить на Яику „для розыска и взятия лицъ казаковъ въ Казань” капитана казанскаго гарнизона Кемецкаго.

Ему дали особый указъ²⁾, по которому онъ долженъ былъ: „по тремъ пунктамъ войскового атамана Степана Иванова (Филимонова) и есауловъ въ сасѣль яицкихъ казаковъ допросить: въ прошломъ 1717 году въ осень бывшей атаманъ Григорій Меркульевъ и казакъ Зѣвакинъ яицкаго казака татарина Адвагула Апакова въ Хиву тамъ всего Яицкаго войска посыдали и для какаго согласія, и напредъ онъ Адвагулъ въ Хизуѣ вѣживалъ-ли”?³⁾.

По прибытии на Яику Кемецкій остановился обычно, какъ и всѣ пріѣзжавши въ казачій городокъ, на „сѣдженіи дворѣ”. Вручивъ атаману указъ, онъ потребовалъ собрать къ себѣ всѣхъ казаковъ „отъ мала до велика”.

И того числа пора была работная: писали въ послѣдствіи казаки въ своей членобитной, всѣ были за сѣнныхъ покосахъ, и атаманъ всѣхъ казаковъ собралъ въ Яику городокъ, и въ городокъ онъ, Кемецкій держаль нась иного числа и за сѣнныи покосы, изъ бездѣльной своей корысти, не пускалъ; и мнѣ хотѣ розоратся и покоснаго времени пропустить дали ему отъ того задержавши двѣстѣ рублей и онъ ипсъ за тѣми ваятками на покосъ отпустилъ⁴⁾.

Корыстный, безъ какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ, Кемецкій,

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 241—242.

²⁾ Наказъ этотъ никогда не пайденъ.

³⁾ Моск. Арх. Гла. Штабъ, опись 107, книга 54, листъ 248. Оправка ипъ Казан. губерн. канц. създѣстъ по дѣлу Карташева.

⁴⁾ Членобитная Рукавишниковъ 1719 г. декабря 11, поданная въ сенатъ отъ лица вс资料 войска. Моск. Арх. Гла. Шт., опись 107, кн. 80, листы 15—17.

какъ истинный сынъ и типичный представитель рабовладельческой и бирюзогородской Руси того времени, былъ не томинъ и изобрѣтатель въ вымоганіи и взяткахъ.

17 сентября онъ послалъ приказъ войсковому атаману, чтобы прислали къ нему на съѣзжій дворъ для письма самыхъ добрыхъ писцовъ 20 человѣкъ, свѣчъ, бумаги, чернилъ „на всякой день что понадобится пока розыскъ будетъ“¹⁾.

Гдѣ было казакамъ взять столько писцовъ, свѣчъ, бумаги?

Надо было откупаться.

Приказалъ онъ также прислать къ себѣ казаковъ въ сторожа и для осенекъ. „И бралъ онъ себѣ въ сторожи старшихъ людей,— писалъ Рукавишниковъ въ той же челобитной,— которые на ногахъ ходить не могутъ, ради бездѣльныхъ своихъ взятковъ, и заставляя ихъ у себя избы топить и воду вносить и во всякія посылки ходить и предъ собою стоять и всачески ругаться... и бралъ-же съ нихъ взятки великия“²⁾...

Розыскъ щель безостановочно. Кемецкому нужно было опросить все войско.

„И онъ насть противъ доношенія допрашивалъ,— говорится въ той-же челобитной,— и держаль насть за допросами многія-жъ числа, и прошло то время, что стали проситься на озера по соль за степь, и онъ насть не пущаль-же и взялъ съ насть за то, чтобы отпустить по соль, двѣсти-же рублей, и какъ взялъ въ то время насть отпустить. Да онъ-же Кемецкій, какъ просились мы на рыбную ловлю и въ Русь по хлѣбъ и овъ насть непускалъ и взялъ съ насть за то двѣсти рублей взятку и на рыбную ловлю и въ Русь за хлѣбомъ пустилъ“³⁾. Розыскъ щель своимъ чередомъ. Разспрошены были всѣ казаки. Дѣло было по обычью того времени переплетено въ особую книгу въ Кемецкій въ началѣ октября собрался въ обратный путь. Розыскъ его до насть къ сожалѣнію не дошелъ,—нигдѣ въ архивахъ онъ не найденъ, обѣ немъ упоминается лишь въ справкѣ по дѣлу Карташева въ 1721 г.⁴⁾.

Въ этой справкѣ говорится:

„А въ розыску оного посланного на Яикъ капитана Кемецкаго, поданномъ въ губернской казначеярии сего 718 году октября 27 дн., и проплетень въ особномъ дѣлѣ, по егожъ Карташеву доношенію, что онъ доносилъ на иныхъ же казаковъ въ побѣгъ съ службы изъ драгунъ, записано:

Войсковой атаманъ Степанъ Ивановъ⁵⁾, сотниковъ 22, есауловъ 9, десантниковъ 219, рядовыхъ казаковъ 2126, татаръ сотникъ 1, десантниковъ и рядовыхъ 80, чи тою 2456 человѣкъ⁶⁾; въ допросахъ порознь сказали: въ прошломъ дѣ 717 году въ осень атаманъ Григорій Меркульевъ и казакъ Зѣва-

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 248—251.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 15—17.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 248.

⁵⁾ Филипповъ (онъ-же Ушаковъ).

⁶⁾ Въ это число вошли казаки станции Матай Рекурова, находящіяся въ землѣ Обдорѣ и сходится: должно быть 2458 каз., а не 2456 человѣкъ.

кинь яицкаго казака татарина Адвагула Апакова въ Хиву таясь всего войска посылали ли того они не знают и на премъ де сего окой татаринъ Апаковъ въ Хиву не ъздилъ.

Яицкихъ же казаковъ 12 человѣкъ сказали въ прошломъ де 1717 году въ осень атаманъ Меркульевъ и казакъ Зѣвакинъ яицкаго казака татарина Адвагула Апакова въ Хиву таясь всего войска посылали ли и онъ Адвагулъ въ Хиву ъздили ли того они не знаютъ¹⁾.

Кончай розыскъ 28 сентября, Кемецкій приказалъ войску нарядить себѣ конвой двѣстя казаковъ и кромѣ того составилъ списокъ тридцати самыхъ драхмыхъ казаковъ съ прѣказомъ нарядить ихъ въ этотъ конвой.

Второго октября онъ добавилъ въ списокъ еще 8 человѣкъ стариковъ.

Но хамство московскаго представителя правосудія возмутило казаковъ, привыкшихъ уважать и стариковъ, и чужое право, и свою общину. Они не нарядили ему ни однаго человѣка.

Третьяго октября онъ снова написалъ войску „ордеръ“, чтобы нарядили конвой и прислали его къ нему 5 октября „и если въ присылѣ не будетъ,— говорилось въ ордерѣ,— о томъ буду писать въ Казань къ боярину и губернатору съ товарищи что вы ослушны“²⁾.

Войску пришлось капитану Кемецкому дать еще взятку.

„Да его-же Кемецкаго велено вами проводить до Самары,—говорится въ членобитной войска въ сенатъ,— и онъ нападками своими, ради взятковъ-же, бралъ съ собою у насъ старшихъ людей, кто не можетъ на коня сѣсть, и отъ тѣхъ старшихъ людей взялъ онъ сто рублей, и ихъ отпустилъ, а взялъ съ собою молодыхъ ребятъ“³⁾.

Пробылъ Кемецкій на Яикѣ болѣе мѣсяца и за это время успѣлъ взять съ казаковъ не мало: „деньгами и подарками ему передавано и харчевь перенесено съ полторы тысячи рублей и оттого мы въ конецъ разорились!— писало войско жалобу въ сенатъ⁴⁾.

Полторы тысячи рублей по тому времени, когда лошадь стоила не болѣе трехъ рублей, десатокъ осетровъ не болѣе 25—30 рублей и пудъ икры, самой лучшей, два рубля⁵⁾—въ то время эти деньги являлись громадною суммой—тысячу 50—60 по нашему счету!!

Любой киргизскій набѣгъ на Яицкій городокъ, пожалуй, не принесъ бы войску столько убытка, сколько пріѣздъ только одного этого представителя московскаго строя.

Привезъ ли Кемецкій съ собою кого либо изъ яицкихъ казаковъ, а также и бѣжавшихъ солдатъ въ Казань—невѣдѣтио.

Между тѣмъ Карташеву надоѣло сидѣть въ тюрьмѣ. Онъ видѣлъ, что тѣ,

1) Тамъ-же, справка дала Федоромъ Сухаревымъ.

2) Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 248—251.

3) Тамъ-же, листы 15—17. Членобития Рукавишникова.

4) Тамъ-же.

5) Смотри 157 страницу настоящаго очерка.

кого онъ обвинялъ въ измѣнѣ — Меркульевъ, Зѣвакинъ, Донской и другіе, ходить на свободѣ. „А онъ, доноситель, въ Казани сидѣть оковать за крѣпкииъ карабузыи многіе иѣсаны и помираеть голодною смертию“¹⁾). Подальше онъ че-
лобитную отпустить его изъ подъ караула на поруки „чтобъ съ такимиъ госуда-
ревиа вскихъ дѣлахъ и другимъ доносить было не опасно“²⁾).

Но Карташева на волю не выпускали. Скучно было Карташеву — безъ дѣла
онъ сидѣть не могъ. Онъ снова написалъ доносъ, на этотъ разъ войско онъ
оставилъ въ покое, а выдалъ бѣглыхъ солдатъ, которые „бѣжалы на Яикъ
отъ разборовъ солдатскихъ, изъ солдатскихъ свободы солдатскіе дѣла въ
зедавшихъ лѣтехъ, лѣть около десяти и съ ними-же кое отъ рекрутныхъ на-
боровъ бѣжалы и живутъ на Яикѣ посадскіе люди покинувъ государева тягла“³⁾...
Карташевъ перечислилъ около 18 человѣкъ по фамилиямъ и сказалъ дома, гдѣ
они живутъ, въ концѣ же че-лобитной приводилъ, что всѣхъ бѣжавшихъ разно-
членцевъ будетъ на Яикѣ человѣкъ съ пятьсотъ. Для указыванія-же этихъ
бѣглыхъ Карташевъ просилъ „съ пославшими офицеромъ или дворяниномъ
меня, доносителя, послать, потому что я нынѣ имѣть ихъ не упомню, оди-
коожъ я буду познавать ихъ въ лицо“⁴⁾.

Карташева на розыскъ не послали, но 6 ноября всѣхъ яицкихъ казаковъ,
бывшихъ въ Казани, позвали снова за допросъ.

Первымъ отвѣчалъ *Матюхъ Мироновъ*.

„Торшиловъ съ сыномъ, про которого говорить доноситель, на Яикѣ былъ
и жили лѣть съ тридцать, — говорилъ Мироновъ, — и въ прошлыхъ годѣхъ тому
лѣть съ лесять Торшиловъ убить, а сына его взять непріятельскими людьми
въ полонъ“⁵⁾...

Шеребиная по фамилиямъ остальныхъ бѣглцовъ, онъ говорилъ, что они все
бѣжали въ давнихъ годахъ и служатъ государю по много лѣтъ.

„А есть-ли на Яикѣ другихъ такихъ-же разво-чищевъ человѣкъ съ пять-
сотъ, которые будто отбываются государевыя службы и податей, того я не
знаю, я въ бытность мою въ атаманахъ кого въ казаки верстали того за
старостю свою и за бешамятствомъ сказать неупомяю; а пришлихъ въ быт-
ность мою въ атаманахъ я на Яикѣ жить принималъ съ приговору всего
Лицкаго вѣска, а не одицъ собою; а кого именно сказать неупомяю, понеже
я есть яицкие жители — казаки на Яикѣ руку пришлые, о чёмъ состоялъ, по
челобитью ихъ, съ котораго году кому въ отдачу съ Яику отдавать, великаго
государа указъ и присланъ въ Казань“⁶⁾). Тоже самое показалъ Меркульевъ
и Никита Зѣвакинъ. Показанія остальныхъ казаковъ были такія-же.

Сидя въ тюрьмѣ, неугомонный Карташевъ, видимо, сталъ познавать всю муд-

¹⁾ Челобитная Карташева 21 октября 1718 г. Моск. Арх. Глаз. Шт., опись 107, кн. 54, листъ 247.

²⁾ Такъ-же.

³⁾ Доносъ Карташева 6 ноября 1718 г. Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 258—261.

⁴⁾ Такъ-же.

⁵⁾ Такъ-же.

⁶⁾ Такъ-же.

рость сутажничества и доносовъ. 25 ноября онъ снова подалъ челобитную и потребовалъ, чтобы его, Карташева, атамана Меркульева и Зѣвакина съ товарищами и все дѣло послали въ Петербургъ „попенеже я вѣдаю за нихъ Меркульевыи и за всѣми сотниками, опричъ поданныхъ на нихъ доношевій, другія дѣла, а именно злое умысленіе о начинаніи бунта о ченѣ буду доносить и уличать ихъ въ Санктпетербургѣ господину Кошелеку“ ¹⁾.

26 ноября уже состоялось постановленіе взять дѣло къ колодниковъ и отослать ихъ въ Петербургъ. 29 ноября приказано было взять Карташева, и казаковъ: атамана Меркульева, Зѣвакина, Донскова, Погодиева и Лоинова, всего пять человѣкъ, и дозвѣль къ имъ въ конвой однаго унтеръ-офицера и пять рядовыхъ солдатъ, отправить ихъ въ Петербургъ на подводахъ черезъ г. Володимиръ. Подводъ нарядить: унтеръ-офицеру — одну, солдата и Карташеву — три и казакамъ пяти человѣкамъ — пять, — всего девять подводъ ²⁾.

Меркульевъ съ товарищами дали запись, что они по дорогѣ нигдѣ не сбѣгутъ; „поручиками“ за нихъ подписались десять человѣкъ казаковъ, бывшихъ съ ами въ Казани ³⁾. Остальные казаки, бывшіе въ Казани, были 3 декабря отпущены обратно на Яикъ со взятіемъ точно такой же записи, какъ и съ Меркульевымъ съ товарищами, въ томъ, что они безъ указу съ Яика нигдѣ не отлучаются и будуть въ своихъ домахъ ⁴⁾. 8 декабря выѣхали въ Казань и Меркульевъ съ товарищами.

Восемь мѣсяцевъ длилась эта волокита. По „извѣстку“ одного человѣка болѣе сорока человѣкъ томилось въ Казани многие мѣсяцы, и за Яикъ было прощено все войско, но дѣлу и волокитѣ не предвидѣлось и козы.

Какъ увидимъ далѣе, волокита только что начиналась.

Допросы въ Казани были окончены.

Но дорого же обошлись казакамъ эти допросы. Находясь со своими дѣломъ въ повѣтѣ ⁵⁾ цѣдѣячаго Федора Сухарева, они должны были платить ему чѣмъ только могли, брать онъ все —ничѣмъ не стѣснялся; взять онъ въ разное время съ нихъ „насыдкою“ 200 рублей, харченъ и одеждой дали казаки ему за 100 рублей; казакъ Порфилій Никифоровъ далъ ему 20 руб. Когда же Федоръ Сухаревъ былъ сѣвеенъ и на его мѣсто былъ назначенъ его братъ Алексѣй Сухаревъ, то давать ему уже было нечего, — все отдали казаки, что у нихъ было. Дали ему послѣдовѣ 10 рублей.

И такъ, атаманъ Меркульевъ и старанные казаки, даже Матвѣй Мароновъ, крестный отецъ Карташева, были отправлены, какъ простые колодники, въ Петербургъ.

1) Тамъ-же, листъ 282.

2) Тамъ-же, листъ 264.

3) Тамъ-же, листъ 268.

4) Тамъ-же, листъ 267.

5) Особое отдѣленіе изъ казаковъ, то что имъ называется „столъ“.

ГЛАВА XXIII.

Продолжение розыска по доносу Карташева. Допросы казаковъ въ Москвѣ въ Преображенскомъ приказѣ. Посылка на Яикъ Кроткова и его розыскъ. (1719 г.)

И

Сюда шли разспросы казаковъ въ Казани, киргизы, окончивъ осаду Яицкаго городка, выѣхѣть съ каракалпаками всею свою массою обрушились на приволжскія села и городки. Захвативъ громадный полонъ, они направились обратно и, переправившись черезъ Яикъ недалеко отъ казацкаго городка, ушли въ степь¹⁾). Войско знало о переправѣ киргизъ и въ собравшемся по этому случаю кругу казаки рѣшили, что ити на нихъ нельзя, т. к. киргизъ очень много, а казаковъ мало людно. Черезъ вѣтъ сколько дней послѣ этого выѣхали въ городокъ отъ киргизъ Алексеевскій конный солдатъ и рассказалъ войску, что киргизы захватили полона очень много и что когда они прошли въ свои улусы, то къ нимъ прѣѣхалъ яицкій казакъ юртовый татаринъ Аскапарко Ишкуватовъ и покупалъ пленниковъ для продажи въ другое края. Но этого сообщенія войско прозрѣть не могло, т. к. казака Ишкуватова въ городкѣ не было²⁾). Эти два незначительныхъ события послужили по-водить Карташеву възять полать доносъ,— обвинять атамана Филимонова и все войско въ измѣѣ.

Подавать доносы понравилюсь. Кроме Карташева осенью этого же года яицкій казакъ Василій Мордвинкинъ, видимо изъ партіи Миренова, чтобы насолить атаману Филимонову, подалъ доносъ въ Казань о томъ, что бывшіе участники убийства атамана Ивана Бѣлоусова казаки: Осипъ Филимоновъ, родной братъ атамана, и Василій Сидоровъ живутъ за Яикъ подъ покровительствомъ атамана Филимонова. Губернаторъ послалъ указъ схватить ихъ и отослать въ Казань. Но когда получился указъ, то обонѣнъ виновныхъ на Яикѣ не нашлось,—атаманъ имѣть возможность бѣжать³⁾). Это обстоятельство также послужило извозомъ для Карташева обвинять Филимонова въ измѣѣ.

Наступилъ новый 1719 г. Ничего хорошаго они казакамъ не сузилъ. Дѣло по доносу Карташева не кончилось, а принимало все болѣе и болѣе нещѣтанный для войска оборотъ— сюску не предвидѣлось ковца.

Прибывшіе въ Москву къ январю 1719 г. Карташевъ и другіе казаки были сданы въ тайную канцелярію при Преображенскомъ приказѣ. 4 января

¹⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, кн. 54, листы 20—33. Доносъ Карташева.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, листы 811—817. Показ. нач. янв. преображенск. приказа 1719 года.

Карташевъ въ присутствіи князя Ивана Федоровича Ромодановскаго подалъ въ канцелярію завѣдующему приказомъ полковнику Кошелеву челобитную:

„Царскаго пресвѣтлаго величества высокопочтенному господину, господину полковнику и отъ лейбъ-гвардіи капитану Гарасиму Ивановичу Кошелеву.

Доношеніе.

На вогонѣ твоемъ, великаго государя, чинится великое возмущеніе, какъ на Дону была Кузинашна: а нынѣ и на Якѣ томъ чинится, и отстаютъ отъ вѣры христіанской также и церкви Божіи, и не имѣютъ себѣ священниковъ и отцовъ духовныхъ, а ходать за исповѣдь къ миранамъ, а именно: Никита Зевакинъ, Григорій Меркульевъ, Гарасимъ Погодаевъ, Исаакъ Витошевъ, Степанъ Дементьевъ, Гаврило Старченокъ, Никифоръ Бородинъ, Андрей Яковлевъ, братъ его Иванъ Яковлевъ, Василій Будантъ, Дмитрій Витошевъ, Алексій Казачекъ, Борисъ Дьячекъ съ товарищи и сущестуетъ ихъ, такихъ отступниковъ церкви Божиихъ, немалое число; а именно: якоже атаманъ Григорій Меркульевъ какъ онъ чинилъ съ тѣми своими, вышеизложимъ совѣтники о возмущеніи бунту и пустыль такой приговоръ, что Казаню нехвалиться въ про Казань недозволить, а кто про Казань помянетъ, или кто похвалится Казанью, и тѣхъ людей бить въ ряжъ катеринъ и шестаринъ человѣкамъ до смерти; да его же Меркульева совѣтники приговорили и совѣтывали не по одицъ кругъ, что бъ его бывшаго атамана Матвія Миронова убить до смерти или въ воду посадить за то, что онъ Мироновъ писалъ тайны письма къ губернатору о зломъ ихъ вине; также учинаетъ онъ Меркульевъ, какъ и прежде сего бунтовалъ на Дону Булавинъ и онъ былъ стариковъ въ Черкасской атамана Лукьянна Савинова (?) и другихъ стариковъ; да онъ же Меркульевъ, забылъ страхъ Божій, преступилъ крестное цѣлованіе и укрываетъ онъ, Меркульевъ, и держитъ на Якѣ бунтовщиковъ Осипа Филимонова да Василья Сидорова въ дабы отъ такихъ нечестоянниковъ неразорилася твоя вотчина, великаго государя; а я за тебя государя о правдѣ хрестъ цѣловадъ, что къ такимъ икъ злымъ совѣтникамъ неприставать и тебѣ великому государю на такихъ злыхъ совѣтниковъ и отступниковъ церкви Божиихъ извѣстіе чинить, а именно: комъ бѣжалъ за уезжанными годами, отбывалъ твое великаго государя службы, немалое число солдатскихъ дѣтей также и ясашниковъ, которые отбываются твоихъ государевыхъ податей, а отъ тѣхъ вышеизложимъ приходилось на Якѣ чинится великое несовѣтіе также, что и на Дону, а именно: по моему довоенню сущестуетъ съ пятьсотъ человѣкъ и дабы разыскано было указомъ твоимъ великаго государя во всѣхъ ихъ земляхъ какъ присыланъ быть въ Нижнемъ съ разыскомъ господинъ Ржевской чтобы и на вотчинѣ твоей великаго государя тоже бы разыскать также то свидѣтельствовать тутопними священниками, и дабы я посланъ быть къ разыску ради тѣхъ возмутителей для обличенія злыхъ ихъ дѣлъ, комъ явствуютъ въ семъ моемъ доношеніи.

И о томъ царскаго пресвѣтлаго величества высокопочтенѣйшии господинъ полковникъ и отъ лейб-гвардіи капитанъ Гарасимъ Ивановичъ Коншелевъ что повелить. Къ сену доношенію гостицкой сотни Трофимъ Курдюмовъ вѣсто Ивана Езимова сына Карташева яицкаго казака по его вѣданію руку приложель¹⁾.

Того-же числа Карташевъ былъ допрошены въ присутствіи Ромодановскаго. Повторивъ все то, что онъ написалъ въ челобитной, Карташевъ отвѣчалъ:

.Родина ная на Яикѣ, а отецъ мой служилъ на Яикѣ казачью службу.

Атаманъ Меркульевъ съ помянутыми казаками и съ звени единомышленниками, о которыхъ написано въ доношеніи моемъ, отстали отъ вѣры христіанской и отцовъ духовныхъ не имѣютъ, а исповѣдываются у мирскихъ людей, у своей братіи отступниковъ, и у церквей не погребаются, а погребаются на пустыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ керженцы, и о томъ отъ казацкаго архіерея Тихона присланъ былъ на Яикѣ къ Меркульеву и ко всѣмъ казакамъ указъ, чтобы они расколу не держались и пока, который былъ учитель того расколу и бывалъ въ попечѣ въ ихъ яицкихъ мѣстахъ, Дениса Осипова, который отъ нихъ отходилъ и прешелъ къ звѣмъ въ черцахъ, предать проклятию, и чтобы его не держать, а прислать къ нему архіерею; и написано про него, что онъ отъ него архіерея ушелъ; и того старца и до нынѣ держать у себя на Яикѣ.

Они же, Меркульевъ съ товарищи, держать и до нынѣ бунтовщиковъ Оску Филимонова, да Ваську Сидорова, которые прежде Вулахана бунта убили до смерти атамана Ивана Бѣлоусова и за то изъ приказу Казанскаго дворца казаено товарищевъ ить въ Москвѣ, и на Яикѣ и на Самарѣ человѣкъ съ тридцать, а они Филимоновъ въ Сидоровъ не казнены потому, что были въ бѣгахъ; и нынѣ братъ родной того Оску Филимонова, Степанъ Филимоновъ на Яикѣ атаманъ, и по доношенію что ихъ Филимонова и Сидорова атаманъ Меркульевъ сказалъ, что такие казаки Филимоновъ и Сидоровъ на Яикѣ есть и о присыпки ихъ Филимонова и Сидорова посланъ быть изъ Казани къ атаману Степану Филимонову указъ, и овъ атаманъ учривши того брата своего и того Сидорова отписалъ, что они на Яикѣ живы, а нынѣ бѣжали; они же, атаманъ Меркульевъ, съ единомышленниками своимъ присыпали за указомъ прешлыхъ людей крающашихся отъ службы и отъ податей, многое число солдатскихъ ѣздѣй и ясачниковъ изозвѣстковъ и отъ такихъ прешлыхъ людей опасно бунта въ всѣкаго воровства.

И если повелѣно будетъ послать для розыску о помянутыхъ преступникахъ и про то про все по розыску будетъ явно и сущестуетъ прешлыхъ людей человѣкъ съ пятьсотъ, а въ томъ во всемъ я плююсь на половъ, и на церковныхъ служителей, и на всѣхъ яицкихъ жителей кроме его Меркульева единомышленниковъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 300—301.

А что въ Казани подана къ извѣту моя челобитная что я на иахъ Меркульева съ товарищи въ извѣтѣ своемъ написалъ будто съ пынства, а та-
кову челобитную написалъ я за устрасіемъ ихъ, что они уграживали мнѣ
пытками и подсыпали ко мнѣ сулить денегъ двадцать рублей и о той вѣдь
подсыпки и о угрозныхъ словахъ сказано у меня въ Казани и будетъ по-
ровыску явно; а въ Казани свидѣтели про которыхъ я сказалъ, для чего
нерозыскано неизвестно; а выѣхъ изъ тѣхъ свидѣтелей въ Москву драгунъ
Григорій Анненковъ, который былъ въ недоросляхъ и высланъ въ военную
кавицеларію, а тотъ Григорій свидѣтель:— какъ приходилъ ко мнѣ цивильной
подъачей Федоръ Алексѣевичъ и говорилъ при немъ Григорьевъ, что прислали
его Григорьевъ атаманъ Меркульевъ съ товарищи, чтобы я принесъ новаваую
челобитную, а за то дадутъ они мнѣ двадцать рублей денегъ и буду въ
свободовъ, а если не принесу, буду распытаю розно; и я убоясь того слова,
тому подъачему о приносѣ челобитной даль, и они Меркульевъ съ товарища
прислали ко мнѣ ручника плошадного подъачаго Андрея Попова, и того
ручника, Анненковъ видѣль, что онъ пришелъ не по моему призыву и ту
челобитную держаль я у себя съ извѣсъ и больше, и атаманъ Меркульевъ
съ товарищи прислали ко мнѣ Сергіевского города солдата Тихона Шурыгина,
чтобы ту челобитную онъ подалъ, и тотъ Анненковъ тотъ его Шурыгина
праводѣй вѣдѣль и слова слышалъ и въ томъ во всемъ на него Анненкова
мылись.

А больше того, что сказалъ я выше, за тѣмъ Меркульевъ съ товари-
щи злаго умысли къ буству я не залю¹⁾.

Стали разспрашивать *Меркульева*. Но Меркульевъ повторялъ свои преж-
ниа показанія; въ возводимыхъ на него Карташевъ новыхъ винахъ онъ
оправдывался, говоря:

„Отъ христіанской вѣры я не отставалъ и отцовъ духовныхъ всегда имѣль,
и мнѣ у меня отецъ духовной попъ Никита Ивановъ, которой служить въ
язицомъ городкѣ Яикѣ у церкви Алексѣя Метрополита, и на исповѣди я
былъ у него въ прошлый великий постъ и святыхъ таинъ прачащеть, а
у ижскихъ людей я не исповѣдывался и мертвыхъ тѣла на пустыхъ кѣстахъ
у насы ва Яикѣ ни кто не погребаютъ, а погребаютъ у церквей Божиихъ.

Объ расколѣ, чтобы наизъ попа Дениса Осипова у себя не держать отъ
казанскаго архіерея Тихона указа ко мнѣ и къ казакамъ никакого непри-
сылывано, а тотъ попъ Денисъ былъ у насы на Яикѣ и служить у церкви
Алексѣя Метрополита и тому лѣтомъ съ двадцати какъ онъ Денисъ одо-
бреялъ и отъ насы съ Яику сошелъ изъ Казань²⁾ и оттого архіерей Тихонъ,
по желанію его Денисову, постриженъ въ Зилантовскій монастырь и по по-
стриженіи его я его, Дениса, никогда за Яикѣ не видѣалъ, и на Яикѣ мнѣ
кто его Дениса въ монахахъ прежъ сего задержали и мнѣ его за Яикѣ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 302—310.

²⁾ Т. е. приблизительно въ 1699 году.

вѣтъ; а въ томъ ли монастырѣ иныѣ онъ живетъ или гдѣ въ другомъ иѣстѣ, и расколь овъ имѣть-ли и не знаю и на Яикѣ раскольщиками никого не знаю-же. Татаряна Кельдишку на Хиву я непосыпалъ, и тотъ Кельдишку въ Казани на меза про отпускъ его съ Яика въ Хиву въ роспросъ не говорилъ, о чемъ явстаетъ въ дѣлѣ, и тамъ онъ, Карташевъ, поклялся меня вѣрасно.

Старого атамана Матвѣя Миронова я и мои братія изъ атамановъ не отставливали и убить, или въ воду посадить, неприговаривали, а отсталъ онъ Матвѣй отъ атаманства волюю своею.

Тайные какіе письма къ губернатору тотъ Мироновъ отъ себя посыпалъ ли и о чемъ про то я не знаю.

Оська Филимоновъ да Васька Сидоровъ на Яикѣ у васъ были, и въ прошлыхъ годехъ тому лѣтъ съ двадцать, когда по приговору яицкихъ казаковъ, атаманъ Иванъ Бѣлоусовъ убитъ, и тѣ Оська и Васька въ то время въ кругу у приговору были, и какъ, по присылки изъ Москвы, изъ приказу Казанского дворца, велико тѣхъ убійцъ, ссыпавъ, праслатъ съ Яику къ розыску, въ томъ числѣ и тѣхъ Оську и Ваську по той присылки и многихъ убійцъ ссыпавъ, въ Москву послала, а тѣ Оська и Васька услыша, что ихъ ищутъ съ Яику въ то время бѣжали, и въ бѣгахъ были лѣтъ съ десять, а гдѣ не знаю и по розыску тѣ убійцы въ Москвѣ, и на Яикѣ, и на Саинарѣ казавши, а тѣхъ Оськи и Васьки въ то время было несказанно; а какъ тотъ розыскъ минулъ и тѣ Оська и Васька пришли къ намъ на Яикѣ при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ и жили на Яикѣ утайкою до прошлаго 718 году; а какъ въ прошломъ 718 году изъ Казани на Яикѣ о снеку и о присылки ихъ къ вынѣшнему атаману Степану Филимонову, который тому Оськѣ братъ родной, присланъ государевъ указъ и они Оська и Васька, посыпша про тотъ указъ, съ Яику бѣжали, а послѣ первого побѣгу, какъ они на Яикѣ жили о томъ свѣдомы вицкіе жители всѣ, а не поймали ихъ для того, что къ нимъ указу о томъ начислено; а атаманъ Степанъ Филимоновъ того брата своего Оську и Ваську Сидорова на Яикѣ укрывали, а вынѣ они Оська и Васька гдѣ того я не знаю.

И въ вышеписанномъ по всемъ я шелъ на поповъ, и на церковныхъ служителей, и на всѣхъ яицкихъ зытелей, а по первому его Карташева доношенію посыпалъ изъ Казани о приемѣ солдатъ и ясачниковъ розыскивано, и потому розыску моей вины неявилось и о семъ о томъ значить въ дѣлѣ приславшомъ изъ Казани.

Челобитную повинную тотъ Карташевъ въ Казани подалъ изъ воли своей, а я и товарищи мои ему цытками неуграживали и ни кого отъ себя судить дозвѣдь двадцати рублей, и ручника—площадного подъячаго Андрея Попова, да Сергиевскаго города солдата Тихона Шурыгина, къ нему визначенъ не посыпалъ, и тѣхъ, Попова и Шурыгина, я и не знаю.

А что онь Карташевъ въ распросѣ своемъ объявилъ свидѣтеля Григорья Аяненкова, и на того свидѣтеля ему слаться невозможно, потому, что тотъ Аяненковъ, въ бытности нашей въ Казани, садѣль за карауломъ съ нимъ Карташевымъ имѣстѣ въ воровскомъ дѣлѣ, а въ какомъ того не знаю, и въ свидѣтельство онъ, его Аяненкова, объявляетъ знатно съ нимъ по согласию¹⁾.

Стало спрашивать Никиту Зевакина. Онь во всемъ подтверждалъ показаніе Меркульева. О себѣ сказалъ, что онь родивою города Чомова изъ пригорода Наравчата, отецъ его служилъ тамъ въ конныхъ казакахъ и тамъ умеръ, а онь послѣ его смерти ушелъ на Яикъ и служить въ казакахъ до сихъ воръ. На исповѣдь онъ, какъ и всѣ казаки, бываетъ.

И нынѣ я былъ на исповѣди у попа Никиты Иванова,—говорилъ онь въ показаніи,— который служить у церкви Алексія Митрополита въ прошедшій великий постъ, а святыхъ тайнъ за исправленіе (?) неисподобленъ; у мирскихъ мы не исповѣдываемся и мертвыхъ тѣла на пустыхъ мѣстахъ у насъ на Яикѣ ни кто не погребаетъ, а погребаютъ у церквей Божихъ, только разъ когда случится вужда, весной и осенью отъ уничоженія грави и за уѣсніемъ мѣста на кладбищѣ, погребаютъ въ особомъ мѣстѣ въ Шацкой луки, и то отъ церкви не въ дальности, со отпѣваніемъ церковными со священниками, а не просто.

Объ расколѣ, чтобы намъ попа Дениса Осинова у себя задержать, отъ казанского архієрея Тихова указъ къ намъ за Яикъ былъ ли присланъ о томъ я не свѣдомъ, а тотъ попъ Денисъ на Яикѣ у насъ былъ, а у которой церкви служилъ того за старостію сказать неупомяну и тому лѣть съ двадцать какъ онь попъ одовель, отъ нихъ съ Яику сопшель въ Казань.

Пришлихъ людей: солдатскихъ лѣтей и ясашихъ атаманъ Меркульевъ за Яикъ за государевымъ указомъ принималъ ли и взятки какіе съ тѣхъ пришлихъ людей бралъ ли того я не знаю и втоже такихъ орашихъ за Яикъ непринималъ²⁾, а на Яикѣ у насъ пришлихъ люди есть; а по человѣтью своему, съ совѣту атаманскаго я всего войска, въ кругу принимаются за Яикъ къ намъ такие люди, которые передовсѣмъ войскомъ объявляются, что они свободные, а не изъ службы и не съ ясакомъ; а про которыхъ пришлихъ людей въ войсکѣ уведомите, что они бѣглые отъ службы и отъ податей и такихъ къ намъ на Яикъ никогда непринимали; и нынѣ за Яикѣ пришлихъ, чтобы отъ службы или отъ податей есть ли о томъ не сказать невозможно, потому, что изъ тѣхъ пришлихъ о себѣ, что онь не свободной, никому въ кто не сказываютъ; а буде о комъ кто свѣдѣаетъ, что онь бѣглой, чай крестьянинъ или съ ясакомъ, и такихъ по указу государеву прежде сего отъ нихъ съ Яику отдачу чинили, а нынѣ государевымъ указомъ пришлихъ людей никакихъ на Яикъ принимать заповѣдано и потому

1) Тамъ-же.

2) Изъ этого показанія видно, что Никита Зевакинъ когда-то былъ воинскимъ атаманомъ.

его государеву указу никого вновь именъ на Яикъ и не признаютъ.

И во всемъ противъ доношения того Карташева я на посовѣтъ, и на церковныхъ служителей, и за все Яицкое войско плюскъ¹⁾.

Слѣдующимъ отвѣчалъ Федотъ Донской. Онъ повторялъ то же самое, что и предыдущіе. О себѣ сказалъ, что родился на Дону въ г. Черкасскомъ, отецъ его донской казакъ и тому назадъ тридцать пять лѣтъ отецъ его и овь съ Дона ушли и служили на Яикѣ въ казакахъ-же.

Относительно попа Дениса Довской говорилъ: „когда я былъ въ 1718 г. въ Казани, то ходилъ къ архієрею Тихону для благословенія и въ то время архієрей меня про того попа спрашивалъ; вѣтили его у насъ на Яикѣ и я ему донесъ, что его за Яикѣ нѣть и ни гдѣ не видалъ и онъ, архієрей, говорилъ мнѣ, чтобы мы его Дениса ни въ чемъ не слушали и къ себѣ не принимали, что де онъ худой человѣкъ и изъ монастыря бѣжалъ; и я ему довѣсь, что намъ его слушать не для чего; при тѣхъ же словахъ онъ архієрей говорилъ я де пришло къ вамъ объ чёмъ указъ и по тѣмъ его архієрейскими словами указъ отъ него архієрея посланъ ли о томъ я не вѣдаю.“

Оська Филимоновъ и Васька Сидоровъ у насъ на Яикѣ были въ послѣдній убийства атамана Бѣлоусова съ Яику бѣжали и въ бѣгахъ были лѣтъ съ десять, а гдѣ не зная. А какъ по наряду выслано съ Яику въ первый Нарескай походъ на службу шестъсота человѣкъ казаковъ въ томъ числѣ я былъ есауломъ и какъ прибыли мы изъ Москву и тогдѣ Оська Филимоновъ присталъ было къ намъ въ станицу, и пришелъ къ начальнику квартиру въ Суздальскую слободу и я спросилъ его Оську гдѣ онъ былъ, и онъ сказалъ, что былъ онъ у боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына и онъ, бояринъ, въ винѣ его Оську простили и прощали онъ меня чтобы его принесли къ себѣ въ станицу и я, непозѣра ему, повелъ его Оську къ боярину князю Борису Алексѣевичу и объяснилъ, и бояринъ приказалъ его отвести въ приказъ Казанского дворца и отдать за караулъ; и я съ казаками его въ тогдѣ приказъ отвели и отдали дѣланъ, а послѣ того пошланъ изъ Москвы на службу въ Нарескай походъ; а какъ съ службы на Яикѣ мы пришли слышали я ото многихъ, а отъ кого именно неупомяну, что она Оська и Васька явятся у насъ на Яикѣ; потомъ однѣ разъ тогдѣ Оську я видѣлъ; а казакъ слѣдящий овь изъ казанскаго приказу свободился или бѣжалъ не знаю; и въ прошломъ 718 году въ осень, какъ мы были въ Казани, по доношенію яицкаго казака Василья Мордвинкина, посланъ изъ Казани за Яикѣ къ атаману Степану Филимонову, которой ему Оську братъ родной, о списку и о присыпкѣ тѣхъ Оськи и Васьки указъ и тогдѣ атаманъ потому указу написалъ въ отпискѣ своей въ Кизань, что она Оська и Васька съ Яику бѣжали и въ садомъ о томъ послѣ прасыпки той отписки²⁾.

Всѣдѣ за Донскимъ отвѣчали Герасимъ Погодинъ и Герасимъ Логинъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 311—312.

²⁾ Тамъ-же, листы 312—317.

новъ. Они оба подтвердили показанія предъидущихъ казаковъ; Погодаевъ добавилъ только, что онъ не исповѣдался въ прошломъ году потому, что во время великаго постаѣздилъ въ калмыцкіе юрты для торговаго промыслу; попа Дениса Осипова онъ зналъ, Денисъ служилъ въ церкви Алексія Митрополита, а потомъ перешелъ служить въ соборной церкви Архангела Михаила и ушелъ изъ Лицкаго городка тому назадъ лѣтъ двадцать.

Сыскъ кончился ве въ пользу Карташева. Никакой измѣнъ въ Москвѣ не нашли и 21 января состоялся указъ Ромодановскаго съ товарищи: „дѣло и казаковъ отослать въ Казанскую губернію по прежнему и по тому дѣлу и по иныищему того Карташева и казачинъ разспросамъ указъ учинить въ Казанской губерніи, для того, что по вышеупомянутому того Карташева доношенію и по распроснѣнію его Карташева и Меркульева съ товарищи рѣчамъ его, Государева дѣла о начинаніи бунта, сверхъ объявленного въ этомъ присланномъ дѣлѣ въ Преображенскомъ приказѣ, не явилось“¹⁾.

Всѣхъ колодниковъ вмѣстѣ съ лѣтомъ и распроснными рѣчами, заковавъ Карташева въ каадзы, отправили въ Казань. Салтыкову приказывалось самому разслѣдовать это дѣло и опросить всѣхъ, на кого показалъ Карташевъ²⁾.

Прѣбыли арестованые въ Казань 17 февраля; черезъ три дня состоялся приказъ Салтыкова о посыпкѣ на Яикъ для разбора дѣла слова „офицера доброго“.

Въ Казани хорошо уже знали Яикъ. Наумовъ, Волковъ и Кемецкій, испытавши всю прелестъ своихъ побѣзокъ, вѣроятно, не разъ среди своихъ друзей рассказывали втихомолку о своихъ подвигахъ на Яикѣ и какъ они зловѣ ухитрались набизать себѣ карманы. Желающихъѣхать на Яикъ среди алчнаго и развращеннаго ло мозга костей чиновничества было не мало. Вѣроато, не одному поручику снились тогда казачьи рубли. Но какъ попасть на обѣзованный Яикъ? Надо задарить вице-губернатора, дать ему хорошую взятку, надо задарить и еще кое-кого. И только самый пронырливый, самый ловкий пройдоха могъ провести это дѣло и получить командировку. Такихъ пройдохъ оказался поручикъ Илья Кротковъ. Этотъ „офицеръ добрый“ превзошелъ по своей беззастрѣчной алчности, корыстолюбію и вымогательству, какъ увидимъ далѣе, всѣхъ своихъ товарищъ, побывавшихъ на Яикѣ. Кротковъ былъ казанскій и симбирскій помѣщикъ, у которогого наиболѣе всего бѣгали кресты на Яикѣ, изъ которыхъ, какъ мы уже знаемъ, трехъ ему выдали обратно.

Кроткову дали кошю съ чадобитной Карташева и инструкцію, въ которой ему заказывалось опросить всѣхъ указанныхъ Карташевынъ казаковъ, какъ-то: Ивана и Дмитрія Витошовыхъ, Степана Дементьевна, Гаврила Старцева, Никифора Бородина, Андрея и Ивана Йковлевыхъ, Василия Будана, Алексія Казачка, Бориса Дьячка съ товарищи въ томъ, „что они отъ христіанскіе вѣры

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 322—324.

²⁾ Тамъ-же, листъ 296.

отставала или вѣтъ и отцовъ духовныхъ всегда имѣли ли и иная есть ли, и ежегодно-ли исповѣдываются и святыхъ тайнъ по достоинству причащаются¹⁾; допросить всѣхъ казаковъ порознь, а потомъ „розыскать попами и церковными служителями и яцкими же жители, кромеъ тѣхъ, которые агаману Меркульеву единомышленники, на которыхъ Карташевъ неслался, а сказалъ что они явны по доношениямъ его, и чтобы попы и другие церковные служители были посланному изъ губерской казначеярии въ допросахъ послушаны“.

При допросахъ онъ долженъ былъ спросить у каждого казака: кто онъ, изъ какого чина (сословія) и какъ давно и откуда пришелъ за Яикъ и какимъ атаманомъ приверстать въ казаки. Всѣхъ виновныхъ, которые явятся въ земѣ, предстavать въ Казань, а также попа Діонисія, Осипа Филимонова и Василия Сидорова²⁾.

Для допроса священниковъ о расказѣ и для привода ихъ и казаковъ въ присягу во время слѣдствія вмѣстѣ съ Кротковымъ былъ назначенъ на Яикъ по распоряженію казанского епископа Тихона игуменъ Успенского болгарского монастыря Діонисій и Симбирскаго уѣзда священникъ Семенъ Федоровъ. Отъ архіерея имъ вмѣнялось по прибытии на Яикъ „лицахъ поповъ и другихъ церковныхъ служителей до кого прилучается дѣло посланному офицеру отдавать и допрашивать обще съ игуменомъ, да иль-же велико церковнаго всякаго благочинія и книги осмотрѣть“³⁾.

Но кромѣ священника съ Кротковымъ нарядили на Яикъ цѣлый штатъ чиновниковъ. Многимъ въ Казани хотѣлось покориться у казаковъ. Назначили къ нему фискала Михаила Путинова, двухъ подъячихъ Мансурова и Овчинникова, фискального дѣльца Соболева и самарскаго дворянина Григорія Евдокимова Племянникова. Съ ними же поѣхалъ за розыскомъ бѣжавшихъ крестьянъ приказчикъ отъ поѣзда *Маркова*.

Передъ отѣзdomъ Кроткова Меркульевъ подалъ черезъ губернатора челобитную Царю. Излагая интэрства казаковъ: по сыскамъ изъ за доноса однаго только проворовавшагося казака, показанія котораго никакъ не подтверждалась, Меркульевъ просилъ:

„Не вели государь его Карташева свойственникъ и другъ его соизѣмъ въ розыску вѣрить, а именно: отцу его посаженному *Матюю Миронову* съ дѣлами, для того, что онъ его Карташева и послалъ за него доносить, Петру Фаддееву (Осипову), Федору Реброву, Алексѣю Шапошникову, Ивану Шапошникову, Тимофею Мансуровичу, а вели государь въ розыску вѣрить винчай священниковъ и всѣмъ яцкому войску всѣми людьми безъ отводно, и о томъ и о всемъ нашемъ прошеніи послать указъ и учизить посланному изъ Казаніи о розыску того всего дѣла по винному великаго государя указу“³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 29, листы 1—5.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 832—838.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 826.

Въ концѣ февраля Кротковъ со своими товарищами выѣхалъ за Яикъ, а присланые изъ Москвы—Карташевъ, Меркульевъ и другие казаки были оставлены въ Казани, впредь до окончавшагося дѣла.

Между тѣмъ Карташевъ 13 марта снова заявилъ въ губернской канцелярии, что есть за нимъ государево слово о измѣнѣ яицкихъ казаковъ: „а въ какой измѣнѣ и на кого именно о томъ онъ объявить самому царскому величеству или въ правительствующемъ сенатѣ“. Для этого онъ просилъ послать его въ Петербургъ. Не заявлялъ-же онъ раньше потому, что узналъ объ этомъ послѣ того какъ былъ присланъ изъ Москвы въ Казань¹⁾. Губернатора Салтыкова въ это время въ Казани не было и потому, пославъ ему объ этомъ донесеніе, вице-губернаторъ Кудрявцевъ распорядился посадить Карташева снова подъ караулъ.

Больше года томился Карташевъ въ тюрьмѣ, но казза не отпускала на него ни одной копѣйки. Онъ долженъ былъ самъ довольствовать себя и пищей и одеждой. Наконецъ, окончательно обездевевши и наголодавши, онъ сталъ хлопотать о дачѣ ему кормовыхъ и съ 1 марта 1719 г. по его членобитью приказано было выдавать ему по четыре деньги на день²⁾.

Довосить покорвалось. Кроме Карташева явился еще новый доносчикъ. 21 марта въ Казани въ губернской канцелярии было получено донесеніе изъ Самары отъ коменданта Григорія Собакина, что къ нему явился яицкий казакъ Афанасій Ивановъ Назаровъ и подалъ на яицкое войско доносъ.

Выѣстъ съ доносеніемъ въ губернскую канцелярию былъ представленъ за крѣпкими карауломъ и самъ доноситель.

Приложена была въ его членобитии Собакину, въ которой новый доноситель заявлялъ, что въ то время, когда прѣѣжалъ за Яикъ поручикъ Наумовъ, „ взять съ Яику атамана Григорія Меркульева и старыхъ людей“, и когда указъ прочли въ кругу, то разыскиваемый казакъ Исаач Прянишикъ, услыхавъ свою фамилію, бѣжалъ. Въ прѣѣздѣ же капитана Кемецкаго скрылись бывшіе на Яику въ бѣгахъ два солдата: одинъ подорапорщикъ Василий Константиновъ, а другой Михаилъ Мелентьевъ. Атаманъ Степанъ Филимоновъ и старшины („старые люди“) за бѣжавшихъ дали сказку, что если они явятся на Яикъ, то ихъ немедленно представить въ Казань. По отѣзгу Кемецкаго бѣглецы явились и „старые люди“ сказали атаману Филимонову, чтобы ихъ выслать въ Казань, для того что мы сказку за рукуки дали въ что бы не принять государева гѣза и въ ковецъ бы наимъ не ровориться“, но атаманъ ихъ не слушаетъ и держитъ у себя. Да на Яику-же живутъ бѣглецы солдаты Михаило Чумаковъ да Савелья Демитрева пасынокъ, а какъ зовутъ не упомяну“, окончилъ свое членобитье Назаровъ³⁾.

Въ тотъ-же день доноситель выѣстъ съ его извѣстіемъ былъ посланъ къ

¹⁾ Моск. Арх. Главаго Штаба, опись 107, кн. 54, листы 341 и 425.

²⁾ Тамъ-же, листъ 889.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 888, 889 и 891.

Кроткову на Яикъ съ приказаниемъ изслѣдовать это дѣло, и если окажутся
зановине, то послать ихъ въ Казань.

Но далеко до пребытія Кроткова на Яикъ войсковой атаманъ Филимоновъ, —
узнавъ о побѣгѣ казака Афанасія Назарова и чуя недобroe, приказалъ немедлен-
но собрать всѣхъ авившихся въ войско разыскиваемыхъ бѣглцовъ: Пряниш-
никова, Петра Слынова и Василия Константинова и снарядилъ ихъ въ Ка-
зань. Особенно настаивали на этомъ старшины Митрофанъ Пимоновъ Алеминъ,
Федоръ Донской, Дмитрий Чувашевъ, Сидоръ Дурилковъ и Михаилъ Куприя-
новъ съ товарищами. Снарядили ставицу: атаманомъ — Матвѣя Прикащикова съ
товарищи четыре человѣка и съѣхали отправили арестованныхъ въ Казань.

Въ первыхъ числахъ апрѣля они уже были въ Казани и представили на до-
просъ въ губернскѣй канцеляріи.

Ставицкынъ казаковъ не оставили въ покое — ихъ допросили первыми. 6-го
апрѣля они представили предъ очами вице-губернатора Кудрявцева и начался
допросъ. Ихъ допрашивали о томъ-же, о чёмъ допрашивали казаковъ въ Пре-
ображенскомъ приказѣ. Были опрошены по очереди Никифоръ Степановъ Уфи-
мецъ, Василий Ивановъ Мордвинцевъ, Матвѣй Прикащиковъ и Иванъ
Тимофеевъ. Эти показанія нового ничего не дали, — всѣ казаки не поддер-
жали ни едаго обвиненія Карташева. Казакъ же Мордвинцевъ заявилъ, что
на исповѣди не бывалъ, „а потому не бывало, что отецъ духовный у меня былъ
Иванъ Елистратьевъ, который служилъ у церкви Михаила Архангела въ
прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ съ пятьадцать, оной пошъ умеръ и, кромѣ его,
отца духовнаго у меня нѣть, а на Яикѣ я исповѣдался для того, что
въ тѣ годы на Яикѣ не былъ, а былъ по присланному указу изъ приказу
Казанскаго дворца у калмыцкаго хана Аюки для всякихъ послылокъ и
охраненія кояда онъ Аюка былъ отъ дѣтей своихъ вызонъ и жаль я у
него Аюки-хаза безотлучно лѣтъ съ шесть, да въ Москвѣ у боярина князя
Бориса Алексѣевича Голицына съ годъ, и за другихъ войсковыхъ дѣлами
и за своихъ нуждами въ отлучкѣ, а какъ былъ я въ Москвѣ и въ то число
въ великий постъ я исповѣдался въ церкви Петра и Павла у священника,
а какъ его зовутъ и чей того не упомню. Мертвымъ тѣла погребаю у церкви
Михаила Архангела, а за пустыхъ мѣстахъ, а именно въ Шацкой лукѣ,
которая отъ церкви разстояніемъ и отъ жилья съ полверсты, лицкіе жители
кладутся, а именно положены атаманъ Федоръ Семенниковъ и Ульянъ про-
ваніемъ Большія Шапка, а другихъ имена сказать не упомню. Попа Дениса
Осповъ на Яикѣ зналъ, и служилъ онъ въ бѣльцахъ у церкви Алексѣя
Метрополита и когда онъ одновѣдь то сошелъ съ Яика неизѣдомо куда, а въ
прошломъ 718 году когдаѣхалъ я съ Яикѣ на Самару и на дорогѣ у уро-
чища Общую Сирту видѣлъ я того попа въ монахахъ и сказалъ онъ
мнѣ что єдетъ на Яикѣ, а гдѣ онъ нынѣ на Яикѣ или нѣть въ расколѣ мнѣ
ли того не знаю”¹⁾). Это единственное показаніе, которое хотя слегка отли-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 407—418.

чается отъ показаний другихъ казаковъ.

Вызванный для улики Карташевъ повторялъ всѣ свои обвиненія. Проказниковъ же съ товарищами говорили, что онъ клеветать на нихъ со злобы. Но Карташевъ не унимался. Оять разсказали на допросѣ уже известную намъ исторію о ссорѣ священниковъ Иева Клементьевъ и Никиты, и о жалобѣ послѣднаго на Иева атаману и войску, и о приговорѣ не хвалиться Казанью.

Проказниковъ и всѣ станичники отговарились незнаніемъ этого, что они ничего подобного не слышали. Черезъ недѣлю казаковъ отпустили на Якъ, а съ отвѣтствіемъ ихъ послали къ Кроткову для допроса указанныхъ Карташевынъ свидѣтелей. Черезъ день послѣ ихъ отѣзда допросили казака Иоана Прянишникова. Въ допросѣ онъ сказалъ, что онъ Симбирскаго уѣзда посадскій человѣкъ, гдѣ „корнился правицнинъ ремесломъ“, а въ 1717 году ушелъ на Якъ и атаманомъ Меркульевымъ и всѣмъ войскомъ приверстать въ казаки. Взатокъ съ него атаманъ виновныхъ не бралъ. Во время пребыванія на Якѣ поручика Наумова и капитана Кемецкаго онъ былъ въ отлучкѣ на рѣкѣ Сакмарѣ „для рубки хорошиаго лѣса“, и вернулся на Якѣ черезъ дѣвъ недѣли послѣ отѣзда Кемецкаго; узявъ, что его искали, онъ явился къ атаману, который держалъ его въ войсковой избѣ на цѣлае трое сутокъ, но по совѣту виновныхъ казаковъ отдалъ его до присылки указа изъ Казани на поруки, за что взялъ взятку два рубля. Въ великій-же постъ въ томъ же году, на страстной недѣльѣ, атаманъ Филимоновъ привезъ его и еще двухъ присланыхъ съ нимъ казаковъ и послалъ ихъ въ Казань.

Взятку-же два рубля взяли съ него есаулъ Григорій Зубаревъ и казакъ Иоанъ Елисъевъ, который и отвѣтъ ихъ въ домъ войскому атаману Филимонову¹⁾.

Въ этотъ же день послѣдовала и резолюція относительно Прянишникова: „За онай его побѣгъ и чтобы другимъ впередъ бѣгать было неповадно, учинить ему жестокое наказаніе: бить кнутомъ и отослать въ Симбирскъ къ земскому бурнистрану съ указомъ по прежнему въ тягло; велѣть на земь въ посадскій окладъ, что съ него надлежало за поминутные прошедшіе годы, всакие подати имъ бурнистрану доправать и впередъ по расположению своему ивать съ него и въ томъ, что ему Прянишникову быть съ винами посаженіемъ въ тягль и не сбѣжать, собратъ имъ, бурнистромъ, поручачью занять“²⁾.

Относительно того, какъ поступить съ атаманомъ Меркульевымъ за пріемъ въ казаки Прянишникова, Кудрявцевъ написалъ къ Салтыкову, уѣхавшему въ это время въ Москву.

Къ Кроткову-же былъ посланъ указъ „допросить атамана Степана Ивановича“ о томъ, почему онъ взялъ Прянишникова до отсылки въ Казань въ войсковую избу, а послѣ, взявъ взятку, освободилъ его изъ подъ караула на

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 416—418. Показаніе Прянишникова.

²⁾ Тамъ-же. Указъ Вице-губ. Кудрявцева отъ 16 марта 1719 г.

поруки, „и по учиненіи указа привести его въ Казань, а на его мѣсто яицкаго казакамъ въ войсковые атаманы выбрать другого изъ тамошнихъ старинныхъ казаковъ достойнаго и доброго человѣка, который бы могъ у нихъ управлять безъ всякого подозрѣнія“ ¹⁾.

Кудрявцевъ не смущался. Пользуясь отсутствиемъ губернатора, онъ, по указу однаго только Принишикова, не провѣривъ этого показанія, уже запугивалъ Меркульева будущую карю, и въ тоже время велъ охоту за другого зажеточнаго казака — войскового атамана Филимонова, приказывая его схватить свою властью.

Этого еще не бывало на Яикѣ.

Но пока шли розыски въ Казани, въ это время въ войскахъ случилось опять несчастіе. Во время недѣли Святой Пасхи подъ казачий городокъ опять нападнули киргизы. Какъ и всегда появились они внезапно, награнули ночью, захватили конскій табунъ въ дѣлѣ тысячи лошадей и скрылись ²⁾). Отбить табуна казакамъ не удалось. Киргизы унеслись въ степь безнаказанно. Да и догонять ихъ казакамъ, можетъ быть, было не на чёмъ.

Въ это-же время къ 6 апрѣля Кротковъ и его сподвижники прибыли за Яикъ.

Можемъ себѣ представить растерянность казаковъ при прибытіи этихъ незавидныхъ гостей! До сихъ поръ они хорошо познакомились только съ тремя представителями московского правнаго строя — Наумовимъ, Волковымъ и Кеменинымъ — знакомство съ ними имъ обошлось дорого.

Во что-же обойдутся эти гости? — вѣроятно, думали казаки.

Но гости расположились по квартирамъ и начался розыскъ. Результатами этого розыска явилось два громадныхъ тома въ общей сложности 3096 листовъ бумаги ³⁾). Опрошены были всѣ казаки по списку, какой подалъ войсковой атаманъ Филимоновъ, где было написано всего 2600 служащихъ казаковъ ⁴⁾; допрошены были и всѣ священники и церковно-служители, и всѣ живущие въ яицкомъ городкѣ многородѣи и иновѣрцы — казаки (татары).

Первымъ допрошеніемъ былъ казакъ Иванъ Ивановъ Витошновъ, сынъ подханаго атамана Ивана Сергеевича Витошнова, умершаго во Псковѣ. Всѣ показанія ничѣмъ не отличались другъ отъ друга, всѣ казаки показывали одно и тоже.

Какъ образецъ того, обѣ чѣмъ спрашивали казаковъ и какъ они отвѣчали можетъ служить допросъ казака Федора Арапова:

Федоръ Игнатьевъ сынъ Араповъ въ допросѣ сказалъ: „Родина моя городъ Самара, былъ пѣшай стрѣлецъ и бѣжалъ я на Яикъ, и стала въ казаки

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Показ. кн. въ Колл. Им. Дѣлъ, 1720 г., лек. 6.

³⁾ Моск. Арх. Гаврил. Штаба, опись 107, кн. № 28 въ 1880 листовъ и книга № 29 въ 1266 листовъ, а также частью книга № 54, где находятся доказанія Кроткова въ Казань и дѣло по доносу Барташева въ Казань и Москву.

⁴⁾ Тамъ-же, книга 28, листы 1755—1820.

при атаманѣ *Василье Быкъ* тому нынѣ пятьдесятъ лѣтъ; отъ христіанской вѣры а не отставалъ и въ церковь Божію хожу, и былъ на исповѣди церкви *Алексия Митрополита* у попа *Лева Клементьевса* тому два года, и святыхъ таинъ арицащался, а послѣ того на исповѣди не былъ для того, что за всегда бываю въ скорбѣ (болезнѣ), а у мирскихъ людей не исповѣдывался, и за своею братью, кто у мирскихъ людей исповѣдывается ли,—не знаю; и мертвыхъ тѣла погребаю у церкви Божіей, а на пустыхъ мѣстахъ не погребаю, а кто на пустыхъ мѣстахъ погребается ли вѣдаю; обѣ расколѣ такожъ и чтобы попа *Дениса* у себя не держать отъ казанскаго архіерея *Тихона* указъ къ атаману *Меркульеву* и къ казакамъ присланъ ли про то неизвѣдо; и ни отъ кого не слыхаль, а того попа *Дениса* зналъ и служилъ овъ, *Ленисъ*, на *Никѣ* бѣльцомъ попомъ у церкви *Алексія Митрополита*, и съ *Никѣ* стѣхъ неизвѣдомо куды, а сколько тому лѣтъ сказать не упомню, и нынѣ гдѣ живеть—не вѣдаю; и расколѣ тотъ попъ имѣлъ ли, того не знаю; такожъ и другихъ раскольщиково и керженцовъ ни кого не вѣдаю и сажь не раскольничаю; и булату ни какого умышленія не имѣю, и за своею братью такого воровства ни за кѣмъ не знаю; и о булатѣ не отъ кого не слыхаль; служу царскому величеству вѣрно; въ кругахъ казаковъ побиватъ до смерти такожъ и чтобы Казанью не хвалится ни кому, а сто похвалится—тѣхъ побивать же, атаманъ *Меркульевъ* и не кто не приговаривали и ни гдѣ такого приговору не слыхаль; въ Хиву четырехъ человѣкъ татаръ, послѣ убийства князя *Черкасскаго*, помянутой *Меркульевъ* и ни кто не посыпалъ и съ хиванцы не какого сообщенія и не имѣю изъ своею братью и ни за кѣмъ кто сообщеніе имѣть ли не знаю; татарина *Кельдюшку* въ Хиву атаманъ *Меркульевъ* и ни кто не посыпалъ и ни отъ кого о томъ не слыхаль; старого атамана *Матвея Миронова* оной *Меркульевъ* и ни кто изъ атаманства не отставливали и убить или въ воду посадить не приговаривали, а отсталъ онъ, *Матвей*, отъ атаманства волею своею; тайные кѣкіе цырма къ губернатору тотъ *Мироновъ* отъ себя посыпалъ ли и о чёмъ про то я не вѣдаю; Оська *Федоровъ* и *Василька Сидоровъ* на *Никѣ* были и ходили иконо, а видѣлъ я ихъ въ бытность атамана *Федора Семёновика* тому нынѣ десѧть лѣтъ, а жили они на *Никѣ* своими дворами, а почему приему они жили того не вѣдаю; жены ихъ и дѣти нынѣ на *Никѣ* лѣ, про то не знаю, а у приговору о убийствѣ атамана *Балуосова* были ли и его оны ли убили и по приказу изъ приказу Казацкаго дворца ихъ сыскивали ли и сыскавать ихъ повелѣно ли и съ *Никѣ* оны бѣгали ли, про то я не вѣдаю, и ни отъ кого не слыхаль; а какъ присланъ былъ указъ изъ Казани о сыску ихъ *Оска* и *Василька* въ 1718 году къ атаману *Степану Олимпіонову* и потому де указу ихъ оной *Олимпіоновъ* съ войскомъ искали и не нашли, а до того ли они указу бѣжали, или послѣ того, не вѣдаю; и атаманъ *Степанъ Олимпіоновъ* и *Григорій Меркульевъ* и другіе кто ихъ *Оска* и *Васильку* на *Никѣ* укрываютъ

да и винъ они гдѣ — того не знаю, и самъ ихъ не укрызю; пришлихъ людей, за указомъ государевымъ, солдатъ и ихъ дѣтей и ясашниковъ я не привозилъ и другіе кто принимаютъ ли не знаю, и такихъ бѣглцовъ не вѣдаю; и въ вышеписанномъ во всемъ я на поповъ и на церковныхъ служителей и на всѣхъ яицкихъ жителей шлюсь, а буде въ семъ допросѣ сказать что ложе и за лживость указать бы великий государь казнить меня смертью. Виѣсто Федора Иванова по его велѣнїю Ивааъ Поповъ руку приложилъ¹⁾.

Въ такомъ же духѣ, отговариваясь полѣтѣшиемъ незнаніемъ, отвѣчали всѣ казаки. Спросивши по этому дѣлу казаки татары отвѣчали то же самое, что и русскіе.

Но пока шли эти бесконечные допросы, черезъ нѣсколько дней послѣ пребыванія Кроткова войсковой атаманъ Степанъ Филимоновъ, войдя въ собравшійся кругъ, положилъ свой „атаманскій посохъ“ на рундукъ и отказался отъ атаманства. Виѣсто него былъ избранъ бывшій походный атаманъ Никита Трифоновичъ Бородинъ. Спустя еще нѣсколько дней пришелъ указъ изъ Казани о допросѣ атамана Филимонова по извѣти Правишикова и о смѣнѣ его съ атаманства. Но, какъ видимъ, поглѣднее было уже сдѣлано помимо воли Кудравцева — атаманъ ушелъ съ атаманства „свою волею“²⁾.

6 апрѣля Кротковъ сталъ его донаращивать. Филимоновъ отвѣчалъ, что всѣхъ, кого разыскивали Наумовъ и Кеменскій, во не нашли, онъ разыскивалъ, и послѣ отѣзда Кеменскаго Ивааъ Правишикова явился къ нему самъ. Явились также разыскиваемые Петръ Слѣпновъ, Василій Константиновъ и Михаилъ Мелентьевъ. Первый явился Правишиковъ, и велѣлъ я его Иваа, говорилъ Филимоновъ, есаулу Григорію Зубареву посадить въ войсковую избу за цѣпь; а сколько дней на цѣпи его держаль неупомаю, а по приговору войска отдалъ его я на поруки, что бы ему везбѣжать; такожъ и появутыи: —Петръ Слѣпновъ, Василій Константиновъ и Михаилъ Мелентьевъ явились же вскорѣ и ихъ отдалъ я, съ нѣдома войска, до указу на поруки же. А взятоокъ я съ нихъ никакихъ не взыгалъ; а въ Казань Правишикова въ скорѣ пеношаалъ для того, что другіе, которыхъ повелѣно прислать въ Казань, были несысканы и явились они въ разныхъ числахъ; а какъ съ Яку поноситель Афанасій Иваноаъ уѣхалъ, и я послѣ его послалъ въ Казань трехъ человѣкъ Правишикова, Петра Слѣпнова и Василья Константинова, а Михаилу Мелентьеву я не обыскаль забвениемъ своимъ, потому что съ указомъ простотою своею справиться забылъ; а что объ нихъ оной поноситель пѣхъ долноситъ въ Казань про то я нееѣдалъ; а яицкіе казаки Митрофанъ Пименовъ, Федоръ Донской, Дмитрій Чувашевъ, Сидоръ Дурилковъ, Михаилъ Куприяновъ съ товарище, чтобы ихъ немедленно послать я не принялъ бы отъ царскаго величества истязанія, мѣй говорили, и послѣ тѣхъ словъ ихъ въ Казань и отправилъ; а укрывательства у мѣя къ нимъ не было, а Михаилъ

¹⁾ Моск. Арх. Га. Штаба, описъ 107, кн. № 28, листы 181—182.

²⁾ Тамъ-же, описъ 107, кн. 54, листы 454—455.

Чумаковъ и сватъ Дехтеревъ бѣглыне-ль изъ полковъ солдаты того я не знаю, а живутъ они и понынѣ на Яикѣ въ казакахъ. А съ Ивана Правишикова есаулъ Григорій Зубаревъ денегъ два рубли на жена взялъ я того я не вѣдаю, а ко мнѣ овъ Зубаревъ и Иванъ Елисѣевъ денегъ ничего не принашивали и отдать имъ я не приказывалъ и жить Правишиникову до указу не веливалъ и ко мнѣ Иванъ Елисѣевъ заприкашивалъ и поманутого числа денегъ за Правишинкова отъ свода и ви отчего не ссылавъ я на томъ шлюсь я на есаула Зубарева и Елисѣева, что я оныхъ денегъ съ него Правишинкова отъ свободы и ни отъ чего не бирывалъ”¹⁾.

Ничего противъ Федоримонова не показали и остальные свидѣтели—довоѣ Афанасія Назарова и показанія Правишинкова не подтвердились.

Наступила весна; было время щѣхать войску на весеннюю (севрюжью) плавни. Но Кротковъ и Путяловъ умышленно не отпускали казаковъ изъ городка; подъ предлогомъ допросовъ и розыска они собирали ихъ къ сѣзжему двору. Напрасно просили его атаманъ Бородинъ и старшины обѣ отпустить казаковъ—Кротковъ знать вничего не хотѣлъ.

Тогда по совѣту всего войска атаманъ рѣшилъ откупаться. Стало собирать деньги—двѣсти рублей. Положивъ ихъ въ два мѣшка и запечатавъ каждый „войсковою печатью“, Бородинъ выѣхѣ со старшинами Иваномъ Щербаковымъ, Митрофаномъ Алеминомъ, Константиномъ Желѣзнымъ, Остафьевомъ Муромцевымъ и съ Аврамомъ Пустоселовымъ отправился на квартиру къ Кроткову.

Подойдя къ квартирѣ, Бородинъ и Щербаковъ вошли „въ избу“, а остальные остановились на дворѣ. Кротковъ сидѣлъ за лавкѣ, когда Бородинъ вынулъ изъ за пазухи два мѣшка съ деньгами и попросилъ его принять эти деньги отъ войска. Кротковъ не отказывался. Деньги были положены рядомъ съ Кротковымъ на лавкѣ и Бородинъ съ Щербаковымъ вышли на дворь, где вѣдь поджидали остальные депутаты отъ войска. Черезъ день было дано столько-же и фискалу Путялову²⁾.

Послѣ этого необходимости держать все войско „отъ мала до велика“ у сѣзжаго двора не стало—войско было отпущенено на плавни.

4-го мая Кротковъ сталъ допрашивать по извѣту Карташева всѣхъ священнослужителей о ссорѣ между священниками Георгиемъ и Никитой.

Первымъ за допросъ явился священникъ церкви Алексія Митрополита Тимофей Михайлова; у него прежде всего спрошано, исповѣдывались ли и причащались казаки, посланные въ станы съ Правишинковыми,—Мататій Прякашниковъ съ товарищи. И священникъ Михайлова „по священству“ сказалъ: „Индій казакъ Иванъ Тамофеевъ въ прошломъ 718 году, а въ которомъ

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 487.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись № 1, часть 5, книга 196, дѣло 734, листы 434—410: Экстрактъ о сѣдѣствіи надъ поручикомъ Кротковымъ и тамъ-же, листы 411—420: Экстрактъ о взятыхъ фискала Путялова. Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 15—17: Челобитная войскѣ къ Самарѣ о винкахъ Кроткова и другихъ.

иѣсацъ и числѣ сказать не упомнию, лежалъ боленъ и въ той болѣзни я его исповѣдывалъ и святыхъ таинъ онъ причащенъ, а на предѣ того и послѣ онъ у меня за исповѣди небывалъ; а яко казаки Матвѣй Прикащикоў и Никифоръ Уфимецъ у пепа *Никиты Иванова*, а Василій Мордвинцовъ у попа *Ивана Елистратова* на исповѣди бывали про то я вѣвѣдаю, а тѣ попы: Иваан Елистратовъ умре въ прошлыхъ годѣхъ, а сколько тому лѣтъ неупомнию, а Никита Ивановъ, овдовѣвъ, съ Якумъ сѣхъхъ не вѣдома куда въ 718 году, и вынѣ онъ гдѣ того я не знаю, и за казаками Иваномъ Тамофѣевымъ, Матвѣемъ Прикащикоўмъ, Никифоромъ Уфаизоўмъ, Васильемъ Мордвиновымъ расказу христіа́нскіе «ѣры» я неизнаю а буде я въ семъ добротѣ сказать что должно и за лживость указалъ бы великий государь указъ мнѣ учить, что за лживые сказки чинить повелѣно¹⁾). Переспросивъ еще разъ Прикащико́ва и его товарищъ, Кротковъ сталъ доопрашивать остальныхъ причастныхъ къ этому дѣлу.

Первымъ былъ спрошенъ священникъ *Левъ Клементьевъ*. Онъ отказался отъ всего, что донесъ Карташевъ о его ссорѣ со священникомъ Никито.

Бывшій пономарь *Иванъ Матвеевъ*, тоже, отказывался отъ всего, въ чёмъ обвинялъ Карташевъ священниковъ Лева и Никиту, говорилъ, что онъ слыша́лъ какъ то во время атаманства Меркульева, что за попа Никиту бывшій членъ въ кругу пономаря церкви Алексія Метрополита *Семена Мансурова*, но по закону дѣлу — не знаетъ. Спрошенный же, бывшій пономарь, Семенъ Мансуровъ на показаніе пономаря Матвеева сказалъ, что въ прошломъ 1718 году, а въ которомъ иѣсацъ и числѣ — не помнить, у него была съ попомъ Никитою ссора изъ за церковныхъ доходовъ, почему овъ стала быть членъ въ кругу атамана и войску и на кругу съ Никитою помирился.

Стали спрашивать узначеныхъ Карташевымъ свидѣтелей казаковъ: бывшаго дьякона *Федора Федорова Ревкова* и *Ивана Елистратова*, но оба они отговаривались полнымъ незнаніемъ.

Спросили всѣхъ воинскихъ старшинъ: Осипа *Бельусова*, Федора *Арапова*, Ивана *Шербакова*, Семена *Донского*, Монсея *Семеникова*, Захара *Никитина*, Петра *Фадѣева Осипова*, Астафія *Муромцева*, Абраама *Пустоселова*, Степана *Сумкина*, Иваана *Мухина*, Иваана *Федорова* и Иваана *Васильева* — все они сказали, что попъ Никита никогда за попа Лева не бывалъ членъ и такого приговору чтобъ Казанью не хвалиться, а кто похваляться побиватъ — не было²⁾. За безграмотныхъ старшинъ расписался казакъ *Григорій Везнико́въ*³⁾.

Такъ говорили старшины, подъ страхомъ смертной казни, выгораживая войско отъ надвигавшейся грозы. Тѣже старшины чотомъ, черезъ четыре года, при розыскѣ Захарова, подъ пытками заплечного мастера, повинились во

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 473.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 478—476.

всемъ:— и въ приговорѣ нежалиться Казанью, и въ ссорѣ Іева и Никиты, и въ нѣкоторыхъ другихъ винахъ, возводимыхъ въ нихъ Карташевымъ.

Между тѣмъ опросы всего войска шли своимъ чередомъ. Толпами подходили казаки къ съѣзжему двору и стояли тамъ съ утра до вечера, дожидаясь очереди быть спрошеными. Но при разспросѣ ихъ оказалось, что очень многие пришли за Янкъ позже 1695 года, и какъ не имѣвшіе права быть приверстанными въ казаки, должны были быть возвращены къ своимъ помѣщикамъ или отданы бургомистрамъ, если они были посадскіе люди. Такихъ оказалось 440 человѣкъ.

Не зная, что дѣлать съ ними, Кротковъ запросилъ объ этомъ губернатора Салтыкова. „И казаки въ допросахъ своихъ, писалъ Кротковъ, многіе объявляютъ, что они сходцы и бѣглецы изъ разныхъ городовъ и пригородовъ и уѣздовъ, пушкарскіе, и солдатскіе, и казачьи дѣти, и ясашные и дворцовые крестьяне, и записные кузнецы, и ихъ дѣти и посадскіе; а срѣмые за Янкъ и живутъ дѣтъ по сорокъ, и по тридцати, и по двадцати и меньше, и въ казаки приверстали разными атаманами, а другіе объявляютъ, что и сородились за Янкѣ, а отца ихъ были сходцы-же разныхъ чиновъ; люди многіе отъ рожденія своего отцовъ луховиныхъ у себя не имѣютъ; и, по окончавшіи розыскъ, всѣхъ ли таковыхъ ко учлененію указа въ Казань имѣть и въ содержаніе ихъ подъ карауломъ вѣдь имѣть? понеже солдатъ при насъ малое число: казанскаго четырѣ, самарскаго и алексѣевскаго двѣнадцать человѣкъ и о поманутои близкій бояринъ и губернаторъ Казанскій Петръ Самойловичъ съ товарищи что повелѣши¹⁾“¹⁾.

Слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Бумаги исписали массу— надо было опросить около трехъ тысячъ человѣкъ. Потребовалась личніе писцы. Кротковъ не церемонился. Ось приказалъ посадить за переписку всѣхъ, кто только могъ хорошо писать: и казаковъ, и прѣѣхавшихъ съ торгою на Янкъ купцовъ, всего сорокъ человѣкъ, но такъ какъ у войска всякая служба должна била оплачиваться (наемка), то казаки должны были этимъ писцамъ платить „по багренью и по два, а багренье пролается у насть по четыре рубля“, писало впослѣдствіи войско въ своей челобитной. Чтобы освободиться отъ писарской обязанности, надо было Кроткову платить. Захваченный такимъ образомъ въ писцы казакъ Исаакъ Семеновъ, работалъ весь день, на ночь содержался подъ карауломъ. Чтобы освободиться отъ ареста, Семеновъ вынужденъ былъ тоже дать взятку: онъ заплатилъ Кроткову десять лисъихъ шкуръ и черезъ казака Федора Силищникова передалъ „иѣхъ лисій запчтый“, а „по цѣнѣ всего 16 рублей“²⁾.

Но пока происходили розыски за Янкѣ, Карташевъ не занимался. 4-го июня онъ явился въ губернскую канцелярію и заявилъ, что 13 марта онъ подалъ изъ цеховъ казаковъ государево слово о пахъ измѣнѣй, о чёмъ хотѣть объявить

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 488—489.

²⁾ Тамъ-же, опись № 1, часть 5, книга 196, листъ 734, листъ 443

самому государю въ Петербургъ, но теперь онъ рѣшилъ объявить все это губернатору.

Измѣнился великому государю, говорилъ Карташевъ, яицкіе казаки: бывшій войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ, казаки Некита Зевакинъ, Гарасимъ Погадаевъ, которые выѣхали въ Казань; да къ нимъ же прѣѣхалъ выѣхѣ съ Якумъ тайно, ради злаго ихъ союзу, въ Казань яицкой казакъ Семенъ Алексѣевъ, (Черновъ) который Зевакину зать, и былъ у нихъ, отпустили они изъ Казани на Якъ того Семена тайно; да выѣхѣ на Якъ къ ихъ Григорьевой съ товарищи измѣнѣвъ соѣтники казаки: по немъ, Григорье, бывшій войсковой атаманъ Степанъ Филимоновъ, Денисъ Матвеевъ сынъ Воронинъ, да татаринъ Аксакарко Ишкуватовъ Иманаринъ братъ, да хивинской татаринъ Шра Шенбетка, который на Якѣ въ таѣ держаєть отъ него Меркульева съ соѣтники его; и выѣхѣ овъ хивинецъ на Якѣ жъ у татарина Кизикѣа Кичкинъева, и про того хивинца право вѣдаютъ егожъ Меркульева соѣтники казаки: Иванъ Гавриловъ сынъ Щелкинъ, Василій Юдинъ сынъ Буданчиковъ, Дмитрій Витошиновъ; а про имена ихъ я прежде необъясняла потому, что чаялся что я посланъ буду въ Санктпетербургъ, и хотѣль объявить тамъ о измѣнѣ ихъ казацкой, ежели указомъ царского величества повелѣно будетъ взять моя въ Санктпетербургъ, или о томъ по указу же царского величества изъ Санктпетербурга повелѣно будетъ разыскать господамъ губернаторамъ, то я по тому указу объявлю въ, и чтобы великий государь указаль, которые есть въ Казани вышесказанные три человѣка, держать ихъ въ Казани за брѣжнико карауломъ по рознь до указу, а для помянутаго Семена, чтобъ его застать на Самарѣ, также и на Якѣ для забравія остальныхъ послать нарочныхъ вскоро¹⁾. Конвою и прибывающему изъ тюрмы съ Карташевымъ подъячему Суроццеву было приказано идти на квартиру, где жила Меркульевъ и другіе казаки, жившіе въ Казани, и привести въ казцеларію Меркульева, Зевакина и Погадаева. Подъячій и „служильные люди“ повели съ собою и Карташева, но едва они вошли въ квартиру казаковъ, какъ Карташевъ, встрѣтивъ тамъ Погадаева, набросился на него и сталъ бить его по щекамъ. Произошла суматоха. Подъячemu Суроццеву и конвою едва удалось вырвать Погадаева изъ рукъ разъзварившаго Карташева²⁾). Требуемые казаки были взяты и приведены въ казцеларію.

При разспросѣ ихъ „по рознь“ выяснилось, что казакъ Семенъ Алексѣевъ Черновъ въ этомъ году послѣ Крещенія уѣхалъ въ Москву съ рыбой для торговли, и продавъ тамъ рыбу, возвращался изъ Москвы на стругѣ съ торговыми людьми Волгою. 2 іюна онъ прїѣхалъ въ Казань и явился въ таможню „для записки выписей“. Будучи на площади, онъ встрѣтился своего тестя Зевакина, где съ нимъ поговоривъ часа съ два, уѣхалъ дальше „въ домъ свой на Якѣ“. На квартиру, где стояли казаки, онъ не заходилъ³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 560—561.

²⁾ Тамъ-же, листъ 456. Челобитная Меркульева съ товарищи казанско му губернатору.

³⁾ Тамъ-же, листы 560—561.

Какими судьбами узналъ объ этомъ Карташевъ — неизвѣстно, но ему было достаточно узнать хотя эту, ничего не имѣющую съ общимъ дѣломъ, встречу Зевакина со своимъ затѣмъ, чтобы немедленно сдѣлать новый доносъ и оклеветать венавистныхъ для него людей въ чемъ бы то ни было, лишь бы призвать иль какую либо непріятность.

Результатомъ этого нового доноса 6 июня явилось распоряженіе Казанскаго губернатора изслѣдоватъ на Яикѣ Егору Кроткову все, что написалъ вновь Карташевъ въ своемъ доносѣ. А для розыска уѣхавшаго на Яикъ казака Чернова была послана бумага въ г. Самару къ коменданту Григорію Собакину. Но Чернова бумага въ Самарѣ не застала. Собакинъ много разъ посыпалъ для его розыска солдатъ, но его не нашли. Нашли его брата, служившаго въ Самарѣ подъзачинъ Григорія Чернова, который заявилъ, что Семенъ прожилъ у него одинъ день и покѣхъ въ Саранскъ „для отысканія долговъ своихъ“. Собакинъ, увѣдомленъ объ этомъ губернатора, написалъ, что какъ только явится Черновъ въ Самару, то онъ тотчасъ же вышлетъ его въ Казань¹).

Пока происходили эти события, въ это время на Яикѣ партия казаковъ съ разрѣшеніемъ войска выѣхала въ калмыцкую орду въ улусы Даржапана, для иѣнѣвой торговли лошадьми. Но когда они отѣхали отъ городка и удалились въ степь, бывшій при фискалѣ Путяловѣ уже извѣстный намъ автцій казакъ Афанасій Назаровъ, „который одолжалъ великии долгами войску и живъ въ прикрытии у фискала“, сдѣлалъ снова доносъ. Въ своемъ донесеніи Путялову онъ обвинилъ станицу въ томъ, что будто бы они повезли въ орду заповѣдный порохъ и свинецъ². Преступленіе по тому времени громадное, т. к. ви пороха, ви свинца продавать въ орду не разрѣшалось и продажа ихъ равнялась винѣвѣ.

Путялову представлялась добыча. Онъ снарядилъ команду и покѣхъ за казаками въ погоню. Настигъ онъ ихъ въ степи, произвелъ обыскъ, но запрещеннаго товара не нашелъ. Поставивъ кругомъ ихъ караулъ, онъ ихъ держалъ подъ арестомъ даѣ недѣли, и не пустилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока казакъ Андрей Карповъ, бывшій со станицею, не далъ ему 10 рублей и остальное казаки девяносто рублей³). Казаки рады были отѣхлаться этими деньгами, т. к. каждый день рисковали попасть въ рука киргизъ или каракалпаковъ, шнырвашкъ тогда въ степи по всѣмъ направлѣніямъ.

Отпущеные изъ когтей Путялова казаки поѣхали дальше и въ началѣ маѣ прѣбыли на ставку Даржапана, гдѣ и торговали до начала июня.

Во время иѣнѣи своихъ товаровъ они встрѣтились тамъ съ астраханскими юртовыми татарами Шершельбы, который передалъ казаку Степану Сумкину

¹) Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листъ 563. Донесеніе Собакина.

²) Тамъ-же, опись 1, часть 5, книга 196, дѣло 734, листы 411—420. Экстрактъ о миткахъ фискала Путялова, и тамъ-же, опись 107, кн. 80, листы 218—220. Челобитныхъ войска 1720 г. изъ кетѣбрѣ.

вать писемъ, привезенныхъ имъ изъ Хивы отъ плѣнныхъ яицкакъ казаковъ.

Вернувшись въ войско, Сумкинъ не объявилъ эти письма въ кругу, боясь огласки и сноска Кроткова. Ихъ читали тайно.

Интересны эти письма изъ Хивы:

„Отдать сіе письмо на Явеѣ въ казачьемъ городкѣ въ станочной избѣ“, — говорилось въ первомъ письмѣ.

„Войсковому атаману Григорию Меркульевичу и всему великому войску Довскому и Яицкому здравствуйте на мвожество лѣтъ, а про насъ повелите вѣдать: и насть въ Хавѣ у хана на дворѣ 50 человѣкъ, а именно: Григорій Ивановъ сынъ Усьевъ, Василій Сумкинъ, орапорщикъ Андрей Вородинъ¹⁾, Иванъ Архиповъ, Федоръ Старченковъ, Лукьянъ Кононовъ, Степанъ Кулаковъ, Семенъ Телко, Василій Василіевъ Велакановъ, Василій Цыгановъ, Иваанъ Гутаревъ, Василій Роскащиковъ, Петръ Дупухинъ зять, Иванъ Усеновъ, Иванъ Мещераковъ, Иванъ Роскащиковъ, Емельянъ Бабушкинъ, Анисимъ — живетъ у Будариной часовни, Степанъ Кривозубушкинъ, Яковъ Бѣлихинъ, Абросимъ Сщелкинъ шуришъ, Борисъ Каллезиковъ, Грагорій Половинъ, Федоръ Юрхата, Осипъ Емельяновъ, Андрей — у Кандратъ Великанова жиль въ Плетеневки, Илья жиль же у Василья Подгоряго, Назара Емуранеекова Кошкинъ, Круглой, Андрей, Семенъ Красенниковъ, Иванъ Круновъ племянникъ, Гаврила Мордокинъ, Михаила Сосковъ, Андрей Карповъ, Яковъ Кельбахинъ, Егоръ Малангинъ зять, Екимъ Козырь, Григорій Прокофьевъ, Василій Нагибинъ, Гарасимъ съ братомъ Саповъ, Понкратъ Екимовъ, Павелъ Бурхинъ, Маллей Мусашевъ, Семенъ Мордвининъ, Михаила Воханинъ, Романъ Кузнецовъ племянникъ, Яковъ Зеленцовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Полковникъ, Осипъ Ахлестинъ, Алексѣй Гордѣевъ, Гарасимъ Поторочинъ, Михаила Воротилинъ, Семенъ Гуресецъ, Филипъ Ивановъ, Алексѣй Погребешинъ, Василій Цехановъ зять, Местрюкъ Иванъ, Яковъ Ушаковъ, Сергѣй Раздрогинъ, Алексѣй Савагашинъ, Барила Тума, Василій Аганъ, Маша Подгоркой, Кузьма Екимовъ, Вороненокъ Иванъ Будыла, Павелъ Калесникъ, Илья Кислаковъ, Алексѣя Степенного братья оба живы, Иванъ Довской, Петръ Шадрухинъ, Иванъ Костякъ, Матвей Мещераковъ, Филипъ Мелехинъ, Иванъ Ведениковъ, Кондратій Шурханская, Денисъ Пермаковъ, Василій Шумилинъ, Кондратій Зевакинъ, Василій Окосырь, Иванъ Владыевъ, „полу“⁽²⁾ Никита есауль въ каракалпакахъ, Алексѣй Аргамаковъ въ каракалпакахъ, Иванъ Баранъ въ каракалпакахъ, Василій Вабловъ въ каракалпакахъ, Чѣнбровскии Харитонъ въ каракалпакахъ, съ нимъ жиль у Зевакина въ каракалпакахъ, Семенъ Чеботарь въ каракалпакахъ, Яковъ Шучьи-иера, Афанасій Кастичъ, а всѣхъ насть будетъ по разнымъ городамъ сотъ восемь, апричъ что у хана на дворѣ въ Хивѣ по талыкамъ и „уанковъ“⁽³⁾ въ Бухарахъ, въ Болху и въ извѣтъ-разныхъ ордахъ сотъ восемь и больше.

¹⁾ Андрей Вородинъ, сынъ Никиты Вородина, вслѣдствіемъ вышелъ изъ пѣши и былъ войсковыми атаманомъ.

Милости у васъ просинъ атаманы-молодцы ии бѣдные, пожалуйте атаманы-молодцы испоконите нашихъ сиротъ женъ и дѣтей о семь писавъ клавишии ии бѣдныи вашей милости.

Гаврила Горбуновъ въ каракалпахахъ

Григорій Лукъяновъ въ каракалпахахъ¹⁾.

„Отдать сіе письмо за Якѣй въ казачьемъ городкѣ Павлу Устинову сыну Дулухину на Поганомъ озеръ подъ горою,” — говорилось въ другомъ письмѣ.

„Тестю моему Павлу Устиновичу и теще моей Варварѣ Данильевнѣ по великому чelобитью.

Батюшкѣ моему Никитѣ Сергеевичу, матушкѣ Агафье Игнатьевнѣ по великому чelобитью.

Шуришу моему Алексѣю Павловичу, Семену Павловичу, своимъ моему Кавдратью Селиверстовичу и Алексѣю Ивановичу и своимъ моньи Варварѣ и Феклѣ Павловнѣ и всѣмъ замъ по великому чelобитью.

Анисье Павловнѣ, Арье Павловнѣ по великому чelобитью; шуришу моему Никитѣ Павловичу съ его сожительницею великое чelобитье; пленивши моему Федоту Михайловичу и съ сожительницею по великому чelобитью, Василию Тимофѣевичу, Федору Тимофѣевичу по великому чelобитью и всѣмъ моимъ родственникамъ по великому чelобитью.

Пожалуйте государя монъ неоставте жены моей въ нуждахъ также и дѣвочки.

Женѣ моей Марфѣ Павловнѣ съ любовью поклонъ и сздравствуй другъ мой на вѣки.

Дочери моей Марфѣ благословеніе.

Дада мой Андрей Данильевичъ умре на Верблое воскресенье въ заутрени; дада Тахонъ Данильевичъ слухъ есть, что онъ въ добромъ здоровье въburghахъ; про Ивана Никитича Неплюева сына вѣдомости замъ прямой нѣть живъ или нѣть; Фома Ивановъ Одиссумъ сказываютъ живъ; Андрей Тимофеевъ Емуровъ живъ, Кузьма Акиновъ живъ, Федоту Емурову пленивши про своимъ Федота Романова ии слуху нѣть, живъ ли или нѣть, не вѣдаемъ; а я въ Хинѣ даль Богъ живъ хота и въ великой бѣдности и тяжкой работѣ, однако золя Божья да будетъ. При семъ поздравляю васъ Петра Федоровъ сына Горшковъ.

Отъ Хины декабря въ 6 день 718 года²⁾.

„Отдать сіе письмо на Якиѣ въ казачьемъ городку Максимию Матвеевичу Мещерякову,” — говорилось въ третьемъ письмѣ.

„Государыня моя матушка Аграфена Максимовна съвѣтъ твой Иванъ благословенія прошу и челомъ бью, государю моему дядюшкѣ Федору Ивановичу великое чelобитье и низкій поклонъ; пожалуй государь мой дядюшка неостави въ нуждахъ всякихъ матушку мою ежли Богъ потерпитъ окозиству

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 51, листы 462—503.

²⁾ Тамъ-же, листъ 484.

моему и выкупать меня изъ неволи то будемъ вѣчно плательщика милости вашей.

Государю моему брату Василю Ермольевичу и Петру Ермольевичу великия поклоны; пожалуйте государи мои братцы непокинте въ нуждахъ матушку мою и коли Богъ меня къ вамъ вынесеть то буду плательщикъ милости вашей; государю моему зятю моему, Ивану Авраамьевичу великій поклонъ; сестрицѣ моей Марфѣ Ериолаевной великій поклонъ; пожалуй государь мой зятушка непокине матушку мою при бѣдности за что милости вашей Богъ заплатить.

Пожалуй государыня моя матушка неоставь въ бѣдности жену мою за что вѣсль самъ Богъ неоставить, а буде она становеть тебѣ чѣмъ противиться или неслушать и ты съ нею какъ изволишъ, хоть съ двора извѣстъ, збить, во всемъ полагаюсь на милость твою; пожалуйте государи мои извольте къ намъ писать о своемъ здоровье, такожде и обо всѣхъ слухахъ, а о себѣ вами доношу при помощи Божьей въ Хивѣ въ ханскомъ дворѣ обретаюсь; при семъ всѣмъ моимъ сродникамъ и благодѣтелямъ поклонъ мой чрезъ сіе посылаю. Доношу вамъ братъ мой крестовой Федоръ Петровъ въ Хивѣ, а про дядю Ивана Ефремовича и про брата Ивана Ермоловича слуху миѣ нѣть живы лѣ или нѣть то Богъ вѣсть. О семъ писать сина твой Иванъ Данильевъ, благословенныи твоего орону и членомъ бью.

Изъ Хивы декабря 6 дня 1718 года¹⁾.

Слѣдующія письма были короче. Полонянинъ казакъ Мещеряковъ писалъ своимъ роднымъ:

„Прежилосердному моему дѣдушику Максиму Матвеевичу великое члобастье; государынѣ моей Царьѣ Сергѣвиѣ сыну твою Ивану благословенія твоего прошу и членомъ бью; женѣ моей Ульянѣ Михайловной съ любовью поклонъ; дочери моей Анати миръ и благословеніе; сыну моему Михаилу благословеніе; дядюшкѣ моему Михаилу Сергѣевичу великое члобастье; дядюшки моему Матвею Сергѣевичу великое члобастье; Макару Сергѣевичу великое члобастье; дядюшки моему Осипу Максимовичу великое члобастье; дядюшки Василю Акиновичу великое члобастье; тещѣ моей Устины Акиновѣ великое члобастье; шуреву моему Данилу Михайловичу великое члобастье; Ивану Максимовичу великое члобастье. Иванъ Раскащиковъ живъ и всѣмъ моимъ сродникамъ членомъ быть, я живу въ Хивѣ у хана на дворѣ. Нашъ десѧтокъ весь въ добромъ здравіи за синъ писать Иванъ Мещеряковъ кланяется²⁾.

Послѣднее письмо было отъ казака Зеленцова.

„Отдать сіе письмо на Яикѣ въ казачьемъ городкѣ Петру Зеленцову.

Тещѣ моей Фединѣ Кузминишѣ великое члобастье; женѣ моей Анати Ильиничѣ съ любовию поклонъ, сдрастствуй другъ мой съ дѣтками во множествѣ лѣть, а о миѣ похожешъ другъ мой вѣдать и я въ Хивѣ на ханскомъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 466—467.

²⁾ Тамъ-же.

дворѣ даль Богъ живъ, хотя въ великой бѣлости, адвакожъ воля Господня да будетъ токмо молите Богу, который силенъ лади насть съ вами соединять.

Дѣтины мои къ Петру, Макифору, Праскове, Дмитрію, Катеринушкѣ миръ и благословеніе; поклонитесь шурьямъ моимъ и всѣмъ моимъ родственникамъ, пожалуйте не покиavте меня старова въ бѣдаости.

Иного до васъ мои други писать не имѣю, токмо васъ поздравляю Яковъ Афанасьевъ сына Зеленцовъ.

Отъ Хиавы декабря въ 10 день 718 года¹⁾.

Но едва ли эти письма дошли по своему назначению. На Яикѣ былъ съскѣтъ. Кротковъ и фискалы строго допрашивали казаковъ о сношенияхъ съ Хивой. А что эти сношения были, видно уже изъ этихъ писемъ, что войско имѣло переписку съ половзинниками-казаками — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но какъ говорить объ этомъ?! Закутать въ цѣни, обвинять въ измѣнѣ и чего доброго еще и казнить. Сункинъ не рѣшился объявить письма въ кругу. Это составило секретъ только немногихъ лицъ, и знали объ этомъ, вѣроато, только товарищи Сункина, бывшіе съ нимъ въ калмыцкой ордѣ, да заинтересованные письмами родственники и знакомые казаковъ, писавшихъ письма. Всѣ эти письма были написаны на маленькихъ лоскуткахъ бумаги и свернуты вчетверо, причемъ на одной изъ обратныхъ сторонъ было написано адресъ.

Но какъ ни скрывалъ Сункинъ эти письма, Кротковъ объ нихъ узналъ. Предатель опять вшелся.

14 июня за съѣзжемъ дворѣ передъ Кротковымъ предсталъ извѣстный наимъ казакъ Афанасій Назаровъ и подалъ ему доносшеніе, въ которомъ разсказалъ о получѣ Сункинъ „пяти хивинскихъ грамотокъ“. Сункинъ былъ разысканъ. При допросѣ онъ показалъ имѣвшіяся при немъ письма, въ которыхъ при уликѣ Назаровъ узналъ тѣ самы письма, о которыхъ онъ доносилъ. Письма были отобраны и приложены къ дѣлу и лишь только благодаря этому сохранились и дошли до насъ.

Сункинъ же „впередъ до указу“ былъ отданъ на поруки казакамъ: Матвѣю Пракашкову, Ивану Витошкову и Григорію Вязниковцеву. Грамотыне Пракашковъ и Вязниковцевъ подписались подъ роспискою о поручительствѣ²⁾.

19 июня Кротковымъ былъ полученъ указъ о разслѣдованія дѣла по по-слѣднему доносу Карташева: — о тайномъ пріѣздѣ въ Казань казака Семена Чернова и о измѣнѣ атамана Филимонова и казаковъ-татаръ. Кротковъ получилъ приказаніе арестовать всѣхъ указанныхъ Карташевымъ казаковъ, обвиняемыхъ имъ въ измѣнѣ, и привести ихъ съ собою въ Казань.

И снова въ этотъ-же день бывшій атаманъ Филимоновъ предсталъ предъ очами Кроткова и фискала Путилова. Выѣстѣ съ ними были приведены казаки: Денисъ Воронежецъ, Василій Буданчиковъ, Дмитрій Витошковъ и татаринъ Кичкильевъ и посажены подъ караулъ.

1) Тамъ-же, листъ 468.

2) Тамъ-же, листы 460—461.

Остальныхъ, указанныхъ Карташевыми, казаковъ не нашли. Посланный Кротковымъ для этого капралъ Соколовъ, выѣхавъ съ войсковыми есаулами Иваномъ Мухинымъ обошли весь городокъ, но ни Семена Алексеева Чернова, ни Ивана Щелкина, татарина Аскапара Ишкуватова и хивинского татарина Шершебека — не отыскали. Выѣсто нихъ привели по приказу Кроткова сына Ивана Щелкина Андрея, жену Семена Алексеева — Арину и мачеху Ишкуватова татарку Абику Конакъ, которые и объявили Кроткову, что Щелкинъ и Аскапаръ Ишкуватомъ со своимъ братомъ Ямасаромъ находятся въ калмыцкой ордѣ для торгу, казакъ Семенъ Алексеевъ Черновъ уѣхалъ съ торгою же въ Москву, хивинца же татарина Шершебека на Яикъ вѣтъ и гдѣ овъ — неизвѣстно. Жена Чернова между прочимъ сказала, что мужа ее вадѣль въ Москву казакъ Иванъ Лопиновъ, который выѣхть съ нимъ былъ тамъ для продажи рыбы.

Позвали Логинова. „Въ нынѣшнемъ году въ великий постъ, на страстной недѣльѣ,— показалъ онъ,— былъ я на Москву для продажи рыбы, гдѣ былъ и Черновъ, и я въ ту же недѣлю выѣхалъ на Яикъ, а Семенъ остался на Москву, а гдѣ онъ виѣхъ — не знаю, а на Яикъ его вѣтъ“¹⁾.

Согласно указа взъ Казани Кротковъ сдалъ Андрея Щелкина, Абику Конакъ и жену Чернова Арину подъ росписку атаману Бородину и приказалъ иѣхъ всѣхъ „содержать подъ карауломъ, покамѣстъ оные (разыскиваемые казаки) явятся и какъ явятся и ихъ прислать въ Казань немедленно“. По безграмотству войскового атамана въ принятіи арестованыхъ расписался казакъ Иванъ Тоскутьевъ (?).

Для скорѣйшаго же разыска неотысканныхъ казаковъ Бородинъ послалъ нарочныхъ въ Калмыцкую орду и на Сызрань.

Въ тотъ же день Кротковымъ было получено разъясненіе губернатора о пришлыхъ на Яикъ казакахъ послѣ переписи 1695 года.

Въ указѣ говорилось, что слѣдуетъ приказать: переписать тѣхъ казаковъ, которые явятся на Яикъ послѣ 703 года, „такъ какъ на Яикѣ къ атаману указъ съ того года посланъ: пришлыхъ никого принимать въ велико“²⁾, и переписать такихъ пришлыхъ, которые „явятся въ расколахъ“ и переписавъ отдать ихъ по списку (росписи) атаману и есауламъ до указу, привозить же съ собою въ Казань велико было только тѣхъ, которыхъ ему точно указали ранее въ указахъ.

Получивъ это приказаніе, Кротковъ написалъ иихъ въ отдельный списокъ:

„Роспись лицъ казаковъ, которые по допросу заявились, что они пришли изъ другихъ городовъ и изъ уѣздовъ и приверстали въ казаки послѣ 703 году“. Ниже перечислены казаки по фамилиямъ, откуда и когда прибыли. Подъ спискомъ помѣта: „По сей росписи вышеисказанные лица казаки, ко-

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, листъ 54, листы 571—572.

²⁾ Тамъ-же, листы 488—489. Указа или грамоты войску объ этомъ найдта не удалось.

торные по допросамъ своимъ явились, что они пришли и прашли на Янтарь послѣ 703 года отданы подъ росписку до указу войсковому атаману Никитѣ Бородину да есауламъ Ивану Мухину да Ивану Астраханкину. По сей росписи атаманъ Никита Трифоновъ сынъ Бородинъ да есаулы Иванъ Мухинъ, да Иванъ Федоровъ сынъ Астраханкинъ вышеписанныхъ лицъ казаковъ, которые пришли въ приверстя послѣ семи сотъ третьего года на росписку взяли юни 20 дня 1719 года, а по ихъ велѣнию войсковой подъачей (писарь) Осипъ Мартыновъ руку приложилъ¹⁾.

Священнослужители были опрошены всѣ отъ священниковъ до пономарей во всѣхъ трехъ церквяхъ, бывшихъ тогда въ Янцкомъ городкѣ: „Въ соборной церкви Михаила Архангела: попъ Петръ Авдееевъ, попъ Иванъ Ивановъ, дьяконъ Федоръ Михайловъ, попъ Иаковъ Артемьевъ, въ церкви Алексія Митрополита: попъ Илья Клементьевъ, попъ Тимофей Михайловъ, пономарь Максимъ Павловъ, дьяконъ Иванъ Никитинъ, церкви Петра и Павла: попъ Василій Семеновъ, дьяконъ Данила Леонтьевъ, пономарь Савва Пукъяновъ²⁾). Показанія не отличались одинъ отъ другого ни чѣмъ. Образчикомъ этихъ показаній можетъ служить отвѣтъ священника соборной церкви Михаила Архангела Якова Артемьева.

„Христіанскіе вѣры русскіе зицкіе казаки отставали лѣтъ того я не знаю, а въ церковь Божію ходать и святымъ образомъ покланяются, въ которыя зицкіе казаки объявили въ допросахъ своихъ, что у меня были на исповѣдѣ тѣмъ казакамъ я отецъ духовной и подостопнѣству святыхъ таинъ причащалъ; а кто имѣлъ и въ которыемъ году кто на исповѣди у меня былъ, столь объявлено при сей сказкѣ въ росписи³⁾, а мирскихъ людей кто исповѣдывается лѣтъ не знаю, и мертвыхъ тѣла я погребаю у оной церкви, а въ осень и весною, за грязью и за утѣсненіемъ у церкви на кладбищѣ мѣста, погребаю умершихъ тѣла въ Шацкой Луки съ отѣканіемъ церковныхъ, а вѣ просто безъ повеленія архіерейскаго говою, а кто имѣлъ погребены сказать не упомню, а кроме той Шацкой Луки на другихъ пустыхъ мѣстахъ не погребаю, а кто погребаетъ ли не вѣдаю; обѣ расколъ и чтобы попа Дениса Осипова на Иаковъ не держать отъ преосвященнѣшаго Михаила⁴⁾ Митрополита казанскаго и сінійского указъ на Иаковъ присланъ, а въ которомъ году и при котромъ атаманѣ того я не вѣдаю, тотъ указъ и по нынѣ лежитъ въ соборной церкви, у которой я служу, а въ кругу тотъ указъ казакамъ прочитанъ ли того я не знаю; а оной попъ Денисъ служилъ у церкви Алексія Митрополита и въ прошлыхъ годахъ онъ попъ овдовѣлъ и по указу архіерейскому взять въ Казань и постражданъ былъ въ Зилантовѣ монастыре, и послѣ того, по воли его архіерейской, отиущенъ онъ быть по преж-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 493—526.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 28, оглавленію книги.

³⁾ Къ показанію приложенъ списокъ (росписи) вѣдъ казакахъ, которые исповѣдывались у Клементьевы.

⁴⁾ Такого митрополита въ спискахъ архієпископовъ и митрополитовъ казанскихъ въ книгѣ Назара Строгоза: „Списокъ ієзарховъ и настоятелей монастырей русск. церкви” не значится (стр. 287—290).

нему на Якѣ къ дѣтамъ своимъ и въ монахахъ его звали Дорофеемъ и тому
пятнадцать лѣть съ Янку побѣхалъ онъ попрежнему въ Казань, а сколько
лѣть на Якѣ жилъ того не знаю потому, что я посвященъ былъ въ ново-
построенномъ городкѣ Сакмарѣ и какъ тотъ городокъ разорили башкиры
я пріѣхалъ по прежнему на Якѣ и служу и литургію въ появившой
церкви безъ благословенія архіерейскаго: а послѣ того вышеозначенаго попа
Дениса какъ онъ въ Казань побѣхалъ я не видаль, а въ прошлыхъ годехъ,
сколько тому лѣть сказать не упомню, а слышалъ я что атамана Федора
Семенникова постригалъ и посхишилъ въ Шацкой Лузѣ оной попъ Dennis
въ кельѣ, и по смерти его погребалъ въ той же Шацкой Лузѣ, а самъ я
про то подлинно не вѣдаю и отъ кого слышалъ сказать не упомню, и въ
лицо того отъ кого я слышалъ не знаю и нынѣ онъ гдѣ и кто его у себя
держить ли не вѣдаю а расколь зъ онъ, попъ, имѣлъ ли и раскољниковъ и
корженевовъ я не знаю; къ бунту умнішленія и Лицкай казаки и другіе кто
имѣютъ ли вѣ вѣдаю и о бунтѣ ни отъ кого не слыхалъ; въ кругахъ казаковъ
шобизвать до смерти и чтобы Казавшъ лежалится ни кому, а кто похваляется
тѣхъ побиватъ же атаманъ Меркульевъ и другіе кто приговаривали лѣ не
вѣдаю и нагдѣ того приговору не слыхалъ; въ Хиву четырехъ человѣкъ
татарь послѣ убивства кнзая Александра Черкасскаго Меркульевъ и другіе
кто посыпали лѣ и съ Хавинцы сообщенія кто имѣютъ ли, и татарина Кель-
дашку атаманъ Меркульевъ въ Хиву посыпалъ лиproto я ни прочто не
вѣдаю и ни отъ кого proto не слыхалъ; старого атамана Матвѣя Миронова
изъ атамановъ кто отставливали лѣ, убить его или въ воду посадить при-
говаривали лѣ не вѣдаю, и какъ онъ отъ атаманства отсталъ не знаю;
Оска Филимоновъ и Васка Сидоровъ въ прошлыхъ годехъ убить атамана
Ивана Бѣлоусова приговаривали лѣ и его они лѣ убили и по присылкѣ изъ
приказу Казанскаго дворца ссыпывать ихъ повелѣніемъ, proto я не вѣдаю и
отъ другихъ не слыхалъ, а видѣлъ я Оску и Васку въ бытность атамана
Степана Филимонова; и жили они своимъ дворами явно въ казакахъ, а по
приказанію изъ Казани указу на Якѣ ссыпывали всѣмъ войскомъ и ни
гдѣ не нашли и куды они бѣжали и нынѣ они гдѣ, того я не вѣдаю;
и послѣ того ихъ не видаль и атаманъ Грагорій Меркульевъ и Степанъ
Филимоновъ и другіе кто ихъ укрываютъ ли того не знаю; и прошлыхъ де-
людей за указомъ государевымъ, крывающихъ отъ службы солдатъ и ихъ
дѣтей и ясашнаковъ, атаманъ Грагорій Меркульевъ въ другіе кто ограни-
чиваютъ ли не вѣдаю и такихъ прошлыхъ не знаю, а буде въ сей сказкѣ я
сказалъ, что можно и замѣжность указать бы великий государь указъ мнѣ
учинить, что за ложные сказки чинить довелѣнно. Къ сemu допросу попъ
Яковъ Артемьевъ руку приложилъ¹⁾.

Въ такомъ-же духѣ, почти неотличаясь ничѣмъ, были показанія и осталь-

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 28, листы 1845—1846.

ныхъ священниковъ и дьяконовъ и пономаря. Каждый священникъ при своей скважинѣ прилагалъ роспись (списокъ) всѣхъ прещащавшихся у него. По этимъ длиннымъ спискамъ, находящимся въ дѣлѣ, видно, что всѣ казаки бывали на исповѣди и причастії; раскольниковъ или, какъ называли казаки, раскольщиковъ въ войскѣ ни казаки, ни священники не видѣли и не знаютъ. Удивительно, что, будучи по понятіямъ іерарховъ православной церкви, раскольниками, казаки никакъ не могли понять, что этимъ страшнымъ именемъ называются ихъ, преданныхъ слугъ царя и вѣры православной!— они въ Бога вѣрюютъ, въ церковь ходятъ, иконы чтутъ, царю служить вѣрно—какие же они раскольщики!—Они не раскольники!! „У насъ нѣть раскольщиковъ, а если гдѣ обявляется, то такимъ плутанъ будемъ смертную казнь чинить!“— говорили они и раньше митрополиту Карлу Іакаму¹⁾. „У васъ нѣть раскольщиковъ!“ повторяли они и Кроткову, продолжая по прежнему креститься двуперстнымъ сложеніемъ и имѣя иконы древаго письма и старопечатныя богослужебныя книги, „жалованыя црежденими государями“, какъ они говорили впослѣдствіи казанскому епископу Гаврилу²⁾)

Своимъ здоровымъ умомъ, не затмненнымъ сколастическими мудрствованиями, яицкіе казаки никакъ не могли соединить въ одно цѣлое—вѣрного слугу царя и родины, вѣрующаго въ Христа, исповѣдывающагося и молаща-госа въ храмахъ, съ злодѣемъ, котораго прокляла въ церкви! Эти два человѣка у нихъ никакъ не могли совмѣститься въ одномъ яицѣ.

„Мы не раскольщики! У насъ нѣть раскольщиковъ!!“— повторяли они съ наивной простотой и въ слѣдующіе годы.

20 іюня, по окончаніи разспросовъ, всѣ священнослужители были собраны на съѣзжемъ дворѣ и подъ присягою показали, что всѣ тѣ, кого они написали въ своихъ спискахъ, действительно были у исповѣди и причастії, что они расколоу ни за кѣмъ не знаютъ, а списки-же казаковъ, прещащавшихся у поповъ, бывшихъ раньше на Иакѣ, поданы ими по старымъ спискамъ, а тѣхъ поповъ вынѣ изъкоторыхъ нѣть, а нѣкоторые живутъ на Иакѣ, но не служать. „Посль Никита въ прошломъ 718 году въ юнѣ иѣздѣ, въ которомъ часѣ сказать не упомянуть, поѣхалъ съ Яку въ Москву по обѣщанію молиться, и послѣ того въ доинъ свой не бывалъ и вынѣ гдѣ не знаютъ, а вышеозначенные де попы Сима Рамановъ, Анофрей Иоановъ, Иоанъ Евстратовъ, Пётръ Антинаевъ въ прошлыхъ годахъ померли, а попъ Василий Даниловъ весьма вынѣ бряхъ и безуменъ, а попъ Аввакум Сидоровъ уиѣръ, тому шестой годъ; а буде въ сей скважинѣ сказала, что можно въ заѣживость указалъ бы великий государь казнить смертью“³⁾). Подъ скважиной подписались всѣ священники и дьяконы каждый за себя (всѣ грамотны).

¹⁾ См. страницу 356 настоящаго отчєра.

²⁾ Урал. Волск. Арх., III р., по хромол. указ. 1786—1800 г., № 12, листы 83—84.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штабъ, опись 107, кн. 28, листъ 1861.

Въ то же время разыскивая попа Дениса Осипова, Кротковъ разыросяль всѣхъ священниковъ, но кромѣ уже известныхъ ванъ обѣ немъ данныхъ ничего не узналъ. Стали разспрашивать сына попа Петра Денисова. Тотъ тоже ничего нового не сообщилъ. Тогда для осмотра кельи Кротковъ послалъ вмѣстѣ съ Петромъ дворяниномъ Племяниковомъ; при осмотрѣ кельи оказалось: „хлѣбъ, пшеничная и оржавая мука и другие харчевые припасы, а того попа въ той кельи не явилось, и та келья была за замкомъ”¹⁾. Кротковъ послалъ о результатахъ разыска попа донесеніе казанскому губернатору: „А буде вышеозначенного попа на Яикѣ не явиться, оваго его сына Петра Попова въ Казань ишать-ль?” — спрашивалъ овъ губернатора въ концѣ своего донесенія²⁾.

Петра заковали въ цѣпи и посадили подъ караулъ. Долго томился Петръ Поповъ подъ арестомъ, пока не догадался дать Кроткову 10 рублей, послѣ чего „его изъ желѣза овъ, Кроткой, вѣльъ освободить”³⁾.

Почти цѣлое лѣто продолжалось слѣдствіе. Доспрашивали женъ бѣжавшихъ казаковъ Осина Филимонова и Василія Сидорова. Жена Филимонова Алена Дмитріева въ допросѣ сказала:

„Мужъ мой Оска Филимоновъ былъ на Яикѣ въ казакахъ и въ прошлыхъ годѣхъ къ убивству атамана Ивана Бѣлоусова у приговору былъ, также и другіе яицкіе казаки убить его праговоривали, и убить онъ по ихъ приговору, а кто его убѣль и за что, того я не вѣдаю и единомышленники мужа моего казнены, а мужа, по присылѣ изъ приказу Казанского дворца, ссыкивали, и въ то число съ Яикѣ онъ бѣжалъ и пришелъ изъ бѣговъ въ бытность атамана Федора Семенникова, тому семнадцать лѣтъ, и повелѣнію его жиль овъ по прежнему въ казакахъ явно, своимъ дворомъ, особо отъ брата своего атамана Степана Филимонова; въ бытность ового Семенникова и другихъ атамановъ Григорія Меркульева, Матвѣя Миронова и Степана Филимонова по 1718 году, а какъ въ томъ году былъ присланъ изъ Казани указъ къ Степану Филимонову о ссыку мужа и того для обѣ изъ дому своего пошелъ не вѣдомо куда, и послѣ его, какъ онъ изъ дома пошелъ, того же часа прашли съ обыскомъ оной атаманъ деверь мой Степанъ Филимоновъ съ есаулами и старшинами и въ домѣ обыскивали и его не нашли въ послѣ же того въ домѣ свой мужъ мой не бывалъ и нынѣ онъ гдѣ того я не знаю; а въ нынѣшнемъ 1718 году по просьбѣ моей мой деверь Степанъ Филимоновъ сыну моему Федору далъ свое одно бағренье, которые имъ атаманомъ дается изъ войска, и то бағренье отдала я бағрить исполу пріѣзжему работному казаку Чувашину, какъ его зовутъ, и откуды, и выѣхъ онъ гдѣ того я не вѣдаю, а сынъ мой въ малыхъ лѣткахъ: отъ рода ему

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 440—441. Донесеніе Кроткова казанскому губернатору.

²⁾ Тамъ-же,

³⁾ Тамъ-же, опись I, часть 5, кн. 196, лѣво 734, листъ 441.

девять лѣтъ; и деверь мой Степанъ Филимоновъ мужа не укрываетъ и другіе
кто укрываютъ ли и гдѣ овъ живетъ не вѣдаетъ. Къ сему допросу выѣсто Алевы
Дмитревой по ея величю яицкой казакъ Василій Дмитріевъ руку приложиль¹⁾.

Опросили жену Сидорова Феклу Якимову — тѣ же рѣчи что и у жены
Филимонова.

Женокъ отдали подъ караулъ атаману Никитѣ Бородину и войсковыми
есаулами Ивану Мухину и Ивану Астраханскому „и повелѣно имъ держать
ихъ цокаместь мужья ихъ явятся и поймавъ ихъ безъ всякаго укрыватель-
ства и фальши прислать въ Казань немедленно, а какъ онихъ женокъ
впередъ спросить и имъ: атаману и есауламъ ихъ поставить гдѣ повелѣно
будеть, а буде не поставать на нихъ будеть „пезя великаго государя“. Атаманъ и есаулы дали подоянку, по безграмотству ихъ всѣхъ расписался
язцкій казакъ Василій Проказниковъ²⁾.

Но не такъ посчастливилось Федору Бахарю, замѣщанный въ дѣло убий-
ства атамана Ивана Бѣлоусова и оправданный войскомъ онъ мирно жаль за
Янкѣ не опасалась ничего. Но Кротковъ узналъ обѣ этомъ и арестовать его
и въ часѣ другихъ арестованныхъ воторомъ увезъ въ Казань.

Послѣ допроса войска Кротковъ сталъ допрашивать „язцовыхъ жителей,
торговыхъ людей, отставныхъ казаковъ и работныхъ людей“. Списокъ всѣхъ
этимъ людемъ подалъ атаманъ Бородинъ; въ концѣ отписки, при которой
былъ приложенъ списокъ, войско написало: „Велено вамъ написать списки
всѣхъ яицкихъ жителей русскихъ и инозѣрцомъ, что на Янкѣ есть у насъ,
учини въизнанную вѣдомость за своию руками, на сѣбѣ же дворъ тебѣ,
господину поручику, немедленно, чтобы за оными розыскомъ остановки не было;
а у насъ за Янкѣ всякихъ пріѣзжихъ людемъ, которые на время пріѣзжаютъ
къ намъ на Янкѣ ради торгу, и которые живутъ своимъ дворами, или ко-
торые пріѣзжаютъ бурлаки всѣхъ городовъ, ради работы своей, и тѣ же
люди изъ записки кто у кого живетъ не бываєтъ; и мы, яицкимъ войскомъ,
промежъ себя въ кругу пустыни приговоръ подъ смертною казнью, что сот-
никовъ и десятникомъ, кто у кого живеть, и кто именемъ и своимъ дворомъ,
и тѣмъ сотниковъ въ десятниковъ приносить вѣдѣніе изъ станицы избу
изъянане расписи безъ утайки, и какъ приносили вѣдѣніе имена такимъ выше-
упомянутымъ людемъ, и мы войскими послали изъянной списокъ на сѣбѣ же
дворъ къ тебѣ господину поручику Егору Ивановичу Кроткову, а кто имена
торговые люди для торгу и отставныхъ казакомъ, а бурлаки русские, которые
пришли на време работать, и инозѣрцамъ имена ихъ писаны ниже сего“³⁾.

Въ этомъ спискѣ числилось „торговыхъ людей и лавошныхъ сидѣльцовъ“
21 человѣкъ; изъ допросовъ, кто изъ нихъ постоянно жиль на Янкѣ (иначѣ
лавку) и кто только временно пріѣхавши, — не видно. Среди нихъ числится

¹⁾ Тамъ-же, № 28, листъ 1322.

²⁾ Тамъ-же, листъ 1328.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 28, листъ 1821.

шесъко чловѣкъ мастеровыхъ: „чеботарь”, „портной”, „серебрякъ”. Работныхъ людей „бурлаковъ” въ городкѣ находилось 174 чловѣка; отставныхъ казаковъ 53 чловѣка—большинство глубокіе старшии или уѣбчные въ неизѣчимо болынне.

Къ дѣлу эти пришли люди отставные казаки тоже въ чего новаго не добавили.

Три мѣсяца пробыл Кротковъ на Яикѣ, пока переспросилъ всѣхъ казаковъ. Расправился Кротковъ на Яикѣ, какъ хищный воинъ въ завоеванной странѣ. Ничто иначе не щадилось, ничто ему не было свато. Казалось, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ зла, тѣмъ больше будетъ ему чести. Три мѣсяца пребыванія Кроткова на Яикѣ былъ сплошной грабежъ, самое беззастѣничное лихоніство и взяточничество. Татарское иго было ничто въ сравненіи съ трехмѣсячнымъ набѣгомъ на Яикъ московскихъ приказныхъ. Слава же, подавшіе во власть татаръ, платили же нынѣ давні, чтобы утолить ихъ алчность, чѣмъ пришлось заплатить казакамъ при нашествіи московскихъ чиновниковъ и дворянъ. Они были хуже татаръ. Тѣ грабили и оставляли часть добра для будущаго грабежа, грабили по нормѣ: брали десятую долю живого и мертваго. Но Кротковъ съ своею кликой не знали нормы—они брали сколько могли и что могли: людей, скотину, имущество, деньги. Уже только что пріѣхавъ на Яикѣ, Кротковъ потребовалъ себѣ и солдатамъ харчъ, освѣщеніе и фуражъ лошадамъ. Большинство казачьихъ женъ, мужья которыхъ находились въ плену въ Хивѣ, они взяли себѣ „не обѣти на нихъ крѣпостей”; взяли они всѣхъ 29 казаковъ, бѣжавшихъ изъ отряда Бековича и „отзовъ ихъ и матерей и женъ и дѣтей забралъ къ себѣ въ крестьянство и дома ихъ продавалъ и пожатки къ себѣ забралъ”. Всѣхъ забранныхъ они называли своими крестьянами. Кто же осмѣшивался ему гонорать, что они природные казаки, а не бѣглые его крестьяне, онъ тѣхъ приказывалъ быть „смертыми боемъ”. Но не одинъ Кротковъ неистовствовалъ въ Яикѣ. „Такожъ смотря на его Кроткова наглое къ себѣ взять,—писало войско въ сенатъ,—приходили многіе его знакомцы и другіе дворяне и къ себѣ казачьихъ женъ и дѣтей брали же, и въ томъ у насть на Яикѣ чинилося великое разореніе и отъ того многіе дома заустѣли... Да овъ-же Кротковъ съ фаскаломъ всему войску взятковъ въ харчѣ учнили тысячу рублей и оттого мы разорились;—а твоего государя жалованья дается намъ на служилаго казака на годъ по осьми алтынъ со двѣ деньги”¹⁾...

Брали Кротковъ все что можно; у захваченныхъ силою „въ крестьянство” осиротѣлыхъ казачьихъ семей онъ продавалъ дворы и имущество и деньги брали себѣ.

Не стыдился Кротковъ даже самыхъ мелкихъ взятокъ.

Взялъ съ казака Дмитрия Макарова „абзуку скорописную, писаную золотомъ въ рубль”, съ казака Евдокима Даурентьевса 16 алтынъ 4 деньги; съ казачьей жены Анны Филипповой пять рублей; съ казака Михаила Боко-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 15—17.

уродивою 7 рублей и всякой мелочи на 2 рубля, 16 алтынъ, 4 деньги; у татарина Салмина отобрали ишака (осла) цѣною въ шесть рублей; у другого казака татарина Чагура отобрали лошадь кобылу двухъ лѣтъ цѣною три рубля; съ татарина же Ямансара взяли армакъ въ 4 рубля ¹⁾... Не отставали отъ своего сотоварища и Путиловъ; онъ бралъ тоже что только можно: взялъ овъ со Степана Филимонова „овчину астраханскую цѣною въ рубль 16 алтынъ и 4 деньги да спинку бѣлужью въ полтину“, со вдовы Варвары Семеновой 23 алтына 2 деньги; со вдовы Елены Черновой два рубля; съ казака Никиты Шапошникова четырехъ ласицъ въ два рубля съ полтиной; съ казака Евдокима Лаврентьева 16 алтынъ, 4 деньги.

Брали такъ-же не стѣсняясь мелочами и „дворянинъ Григорій Евдокимовъ синъ Племянниковъ“. Не отставали отъ нихъ и фискальские подьячіе Иванъ Овчинниковъ и Яковъ Соболевъ—брали и они все что только можно ²⁾. Всѣмъ платили казаки, но изъ дѣла не видѣо, какою цѣною откупились они отъ попа. Въ членобитной войска Царю-Петру въ 1720 г. въ октябрѣ казаки говорили, что они дали ему пятьдесятъ рублей за то, что овъ „стали непорядочно чинить и къ духовномъ дѣлѣ нападать напрасно“. Но едва ли тутъ дѣло обошлось этой сравнительно незначительной взяткой.

Казаки были всѣ старообрядцы и молились по старопечатнымъ книгамъ, имѣли образа старого письма. Какъ-же могъ не увидѣть этого присланніи специально для этого священникъ? Очевидно, онъ этого не видѣлъ только потому, что получилъ хорошую долю, внача отъ него былъ бы доносъ. Внося въ войску праходилось не разъ откупаться отъ посыпаемыхъ къ немъ поповъ. Въ данномъ случаѣ видѣть исключенія тоже не было ³⁾.

Все что могли отдать казаки ненасытныи гостямъ. „И противъ ихъ налоговыхъ началь рабамъ твоимъ давать стала печень,—писало войско въ членобитной,—и мы для ихъ издѣвательства некогда багрили въ рѣкѣ яловыми вѣста и оттого мы, рабы твои, вскоронечно разорились, жень своихъ и дѣтей закладывали“ ⁴⁾.

Нагруженные добычей, какъ поспѣлъ удачного набѣга на непріятельскій край захвативъ въ неволю казаковъ, ихъ женъ и семейства, а также и имущество, Кротковъ и компания отправились въ концѣ юля въ Казань.

Здѣсь часть добычи была раздана власть ищущемъ и вуженымъ людемъ „во крестьянство“, часть-же въ солдаты.

Такъ печально кончился для казаковъ съскъ Кроткова на Янѣ.

1) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись I, часть 5, книга 106, лѣто 784, листы 498—491. Экстрактъ о слѣдствіи во главѣ съ лицемъ казаковъ Европы Кроткова.

2) Тамъ-же, листы 411—420. Экстрактъ о слѣдствіи фискала Путилова, дворянина Племянникова и подьячихъ. Такой-же экстрактъ находится въ дѣлѣ того-же архива по описи 121, смыка 28, дѣло № 27.

3) О выступлѣи Кроткова, Путилова и другихъ подробнѣ изложено въ членобитной войска Царю Петру 1720 г. въ октябрѣ. (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 218—220).

4) Тамъ-же.

ГЛАВА XXIV.

Набѣги киргизъ. Новыя допросы въ Пребраженскомъ приказѣ. Хлопоты въ Петербургѣ станичнаго атамана Федора Рукавишникова. Назначеніе для розыска на Янкъ маюра Воейкова и поручика Кустова. Скоры казаковъ съ Воейковымъ. Станица Астраханкина. Бой съ киргизами. (1719—1720 г.г.).

Не весело было въ казачьемъ городкѣ послѣ отѣзда Кроткова. Многихъ не досчитались въ своихъ рядахъ казаки,—они были уведены Кротковыми съ собою изъ вольной казацкой жизни въ неволю: въ рабство помѣщиковъ или въ солдатчину. Много пустыхъ, заколоченныхъ домовъ стояло въ городкѣ,—хозяева ихъ были захвачены тѣмъ же Кротковымъ. Какъ послѣ нашествія непріятеля, стояла опустошеннюю русская далекая Украина послѣ отѣзда Кроткова.

Уныніе охватило войско. Отчаяніе было на лицахъ казаковъ. Кто знаетъ—что будетъ впереди? Москва ихъ узнала. Сыску не предвидѣлось конца. Можетъ быть, завтра же прибудутъ за Янкъ новые фискалы и новые Кротковы и въ коведь разорять Янцкое войско. Предателии, доводители сулились жестокія муки и казни. Войско искало только случая, чтобы расправиться съ ними. Оно ничего не ожидало добра отъ сыска, отъ казанскихъ чиновниковъ, обиравшихъ ихъ до послѣд资料го рубля. Войско отлично знало, что пріѣздъ Кроткова еще не былъ ковчомъ болокиты, что впереди предстояло еще не мало хлопотъ. Но какъ быть съ дѣломъ? Казань разорить войско окончательно. Нужно отдалиться отъ Казани. Но какъ отдалиться? Какъ ускользнуть отъ дѣлакъ лапъ казанскихъ присказныхъ и подъячихъ?

Войско возгоралось; въ шумныхъ кругахъ казаки искали выхода изъ тѣгостнаго положенія. И вотъ во главѣ войска встаетъ энергичный, умный и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и любовью, бѣжавшій года четыре тому назадъ изъ каторги, казакъ Федоръ Михайловичъ Рукавишниковъ¹⁾. Это былъ типичнѣйший представитель зороднаго воїда, борца за интересы своей общины. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ населенія. Къ каждому его слову прислушивались, каждый его советъ былъ закономъ для войска. Взглядъ его за войско было громадно. Съ его фамиліей мы встрѣчались въ снегѣ по поводу казни войскового атамана Ивана Бѣлоусова. Среди виновныхъ въ его убий-

¹⁾ Онъ же Краменинниковъ.

стать казаковъ числился и Федоръ Рукавишниковъ¹⁾. Изъ дѣла о убийствѣ Балуосова не видно, какая участь постигла тогда Рукавишникова, но то, что онъ появился теперь въ войску, бѣжавши изъ каторги, видно, что ему удалось тогда избѣгнуть казни.

Рукавишниковъ убѣдилъ войско, что можно отдохнуть отъ Казани, написавши жалобу въ Сенатъ о взяткахъ извѣжавшихъ на Якъ сыщиконъ, и просить дѣлать дальнѣйшій розыскъ въ Петербургѣ, а не въ Казани.

Но пока казаки раздумывали и приготовлялись послать станицу во главѣ съ Рукавишниковымъ, въ степи за Якомъ въ началѣ юла, спустя двѣ недѣли послѣ отѣзда Кроткова, появились киргизы. Въ числѣ пятидесяти человѣкъ они налетѣли на бывшихъ въ лугахъ пять человѣкъ казаковъ и захватили ихъ въ пленъ вмѣстѣ съ ихъ семью лошадями и быстро унеслись въ степь²⁾. Но это было только передовые. Прошло нѣсколько дней и 10 юла подъ орлинымъ гаѣдомъ появилась почти вся орда. Двадцать тысячъ киргизъ-казаковъ осадили городокъ со всѣхъ сторонъ, въ ожиданіи добычи присоединились къ киргизамъ и каракалпаки въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Самъ Абалхайръ-ханъ предводительствовалъ ордою. Весь юль держали киргизы казаковъ въ осадѣ³⁾. Больше мѣсяца шли безпрерывныя мелкія стычки, шла тревожная боевая жизнь, неутѣшность въ завтрашніемъ дѣй. Отрѣзанные отовсюду отъ ближайшаго города Самары, казаки мужественно выдерживали осаду, не имѣя возможности даже дать знать о случившемся въ Русь. Стычки происходили чуть не каждый день. Въ одной изъ стычекъ казакамъ не повезло, киргизы взяли верхъ и захватили нѣсколько казаковъ въ пленъ; казаки бросились выручать товарищѣ; произошла новая схватка. Внослидствіемъ въ своей членобитной татаринъ казакъ Иштысаевъ, говоря о этомъ бѣ, писалъ: „и азъ я и нижайшій на батальи четырехъ человѣкъ изъ полову японскихъ казаковъ у каракалпаковъ”⁴⁾. Боязь чередовалась за боемъ, схватки за схваткою. Зорко слѣдили враги другъ за другомъ. У казаковъ всюду стояли „тайные караулы“ и слѣдили за врагомъ. Посыпалась казаки и на развѣдку. На одну изъ такихъ развѣдокъ войско послало „казаковъ—камышниковъ, которые изъ стени стрѣляютъ залѣй“. Посланные донесли, что къ городку приближаются „на подъѣздѣ“ (для развѣдки) киргизы съ Балыръ-Батыремъ. И по той вѣдомости войско поставило по его дорогѣ тайные караулы и когда Балыръ-Батыръ съ товарищами поравнялся съ однѣми изъ карауловъ, казаки выскочили изъ засады и захватили въ пленъ къ Балыръ-Батыра и еще трехъ человѣкъ бывшихъ съ нимъ киргизъ⁵⁾. Пленныхъ стали разспрашивать.

1) Смогр. станицу 898 настоящаго очерка.

2) Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, лѣн. 80, листъ 482. Членобития войска ордо Царю въ іюлѣ 1721.

3) Тамъ-же, листъ 906, членобития войска 1720 г. 4 марта.

4) Тамъ-же, листы 166—174, членобития казака Иштысаева, 1721 г. 9 января.

5) Тамъ-же, показанія каз. изъ Кол. Иност. дѣла 1720 г. декабря 6.

— Нашъ ханъ,—говорилъ Базър-батыръ казакъ,—если не возьметъ ва-
шего городка теперь, то придетъ весною, возьметъ его и разорить!

Киргизы грозились уничтожить независимую для нихъ передовую заставу русского царства. Въ концѣ юла Абалгаиръ-ханъ, „видя ихъ, казаковъ, въ осторожности отступающимъ подъ калмыцкіе улусы“¹⁾). Киргизы ушли, но войску ови „причинили великое разорение“. Многихъ товарищъ недосягались казаки,—одни были убиты въ схваткахъ, другие взяты въ пленъ. Отступивъ отъ городка, часть орды въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, во главѣ съ Абалгаиръ-ханомъ, двинулась на калмыцкаго владѣльца Даржсу. Улусъ его былъ захваченъ, но Абалгаиръ-ханъ покинулъ съ Даржемъ и возвратилъ ему обратно весь ясырь. Возвращаясь обратно, ханъ пошелъ мимо Яңцаго городка, гдѣ, захвативъ казачьи конские табуны и 4 казаковъ въ пленъ, ушелъ въ степь²⁾). Орда ушла, но отдельные шайки киргизъ держали казаковъ въ тревогѣ вплоть до осени. Какъ мы видимъ, набѣги киргизъ становятся уже обычнымъ явленіемъ. Борьба съ ними ведется безпрерывно.

Но дѣло не ограничивалось только однимъ набѣгомъ киргизъ,—казаки за забѣги платили и сами набѣгами. Къ сожалѣнію, обѣ этихъ набѣгахъ до насъ дошли самыя отрывочные свѣдѣнія. Подробностей не сохранилось никакихъ. Лишь только въ одной членобитной казака-татарина Имътаева говорится обѣ этихъ набѣгахъ казаковъ. „И я нижайший, писалъ онъ въ своей членобитной, служу тебѣ великому государю и съ дѣтьми своими съ 1681 года и по нынѣшніе 1721 годъ во всякий походъ, куда повелѣво было намъ, Яңцому войску, по твоимъ указамъ на твои государевы службы, и въ до-
 машнѣе походы у насъ на Яңкъ за непріятели твоими киргизъ-казаки и каракалпаки, будучи изъ ихъ жилищахъ и улусахъ и многихъ побили и разорили и въ полонъ брали со своею братией зипчими казаками“³⁾). По уходѣ киргизъ казаки стали спаражать станицу въ Петербургъ. Рукавишникову была дана полная свобода дѣйствія. Но когда онъ съ товарищами („членобитчиками“), прида въ войсковую избу, стали у атамана Бородина и у „старыхъ людей“ просить „отписки и подорожное письмо“, съ чѣмъ быѣхать въ путь то атаманъ и старшины подорожной не дали.

Вышайшій въ это время въ избѣ Матвѣй Мироновъ сталъ дѣлать членобитческій выговоръ. Ось, какъ и многіе старшины, боялся раздражать Москву.

— Куда вы хотитеѣхать и кому быть членомъ? Что у васъ за вужда? Къ черту что-ли пойдете?⁴⁾.

Но войско не хотѣло слушать старшинъ. Станицу снарядили и она была отправлена 2 августа; вмѣстѣ съ Рукавишниковымъ поѣхали еще два на-

¹⁾ Танъ-же.

²⁾ Поплаваніе пленныхъ киргизъ въ 1720 г. 6 декабря въ Колхетія Иностран. Дѣлъ. (Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, кн. 30).

³⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 166–174.

⁴⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 218–230. Членобитная войска царю Петру 1720 г. октября 12-го.

зака: Трифонъ Филиппевъ Новинской и Макаръ Андреевъ Коломертинцевъ. Одновременно съ ними была отправлена другая станица въ Казань съ пятью киргизами.

Между тѣмъ въ то время, когда Яндкій городокъ былъ окружевъ ордомъ, въ Казани продолжался по прежнему розыскъ.

Карташеву не сидѣлось спирно. Узнавъ, что черезъ Казань проѣхала два казака—Кузьма Селиверстовъ Филимоновъ и Иванъ Спиридоновъ, изъ которыхъ первый былъ двоюродный братъ Осипу Филимонову, привинавшему участіе въ казне бывшаго атамана Ивана Бѣлоусова, Карташевъ подалъ довоє, что они оба укрываются на Яикѣ Осипа Филимонова.

Посланые для розыска этихъ казаковъ солдаты въ Казани ихъ не нашли,— они уѣхали внизъ по Волгѣ „въ свои domы“.

Въ погоню за ними послали канцелярскаго служителя Алексея Простомина, который и догналъ ихъ въ Сибирскѣ. Казаковъ арестовали и подъ крѣпкимъ карауломъ доставили въ Казань. 18-го юля они предстали въ губернской канцеляріи для допросовъ.

Опрошенный первымъ Спиридоновъ сказалъ, что Осипа Филимонова онъ зналъ, но года два тому назадъ они съ Яикѣ сѣхали, но куда—незнавѣство. Въ родствѣ онъ съ нимъ не состоять, что братъ родной Осипа, бывшій атаманъ Степанъ Филимоновъ, арестованъ и его уже везутъ въ Казань поручикъ Кротковъ; на пропитаніе Осипа Филимонова давалъ ли атаманъ ба-гренѣ—не знаетъ, но бывшему атаману Степану Филимонову „противъ такихъ-же бывшихъ атамановъ дано было въ (для) ба-гренѣ рыбы съ верши-ковъ (сверхъ положенного каждому казаку) одно или два ба-гренѧ“, но сколь-ко именно—не упоминаетъ; не помнить онъ также и того, самъ-ли атаманъ Филимоновъ ту рыбу ба-грилъ или отдавалъ кому либо другому. На бѣглыхъ же въ ба-гренѣ рыбы не дается никому, „а ежели кто умретъ предъ ба-гренѣмъ той рыбы, и послѣ такихъ умершихъ въ этомъ году женамъ ихъ и детямъ ба-гренѣ рыбы на пропитаніе дается“ ¹⁾.

Допрошенный Кузьма Филимоновъ подтвердилъ показанія Ивана Спиридонова. О даѣ ба-гренѧ Осипу Филимонову онъ вичего не сказалъ, отговариваясь незнаніемъ, о томъ—даѣтся ли ба-гренѣ на бѣглыхъ и умершихъ, онъ тоже вичего не отвѣтѣлъ, говоря, что „вѣднъ про то старые казаки, которые были въ атаманехъ“ ²⁾.

Что сталось съ этими казаками,— отпущены-ли были они изъ Яикѣ обратно или были задержаны въ Казани—изъ дѣла не видно.

Въ концѣ юля прибылъ въ Казань Кротковъ, а 81 юля былъ полученъ въ Казань приказъ въ Сената слова высказать Карташева и оговоренныхъ имъ казаковъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. И слова Карташевъ и его

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 567 и 568.

²⁾ Тамъ-же.

получные казаки поехали въ Москву. 31 июля ихъ вмѣстѣ съ дѣломъ и ро-
зыскомъ Кроткова, переплетеннымъ въ двухъ томахъ и уложеннымъ въ короб-
ку, сдали уряднику казацкаго гарнизона „Хрущова полку“ Емельяну Носову.
На этотъ разъ отправили казаковъ: Карташева, бывшаго войскового атамана
Филимонова, Федора Бахаря, Григорія Меркульева, Герасима Пощадеева и
Никиту Злыакина, всего шесть человѣкъ, при чемъ первыхъ трехъ заковы-
ля въ цѣпи. Въ кованой было назначено восемь человѣкъ солдатъ. Остальные
казаки, всего 10 человѣкъ, бывши въ Казани, въ томъ числѣ Федоръ Донской и
другіе, остались по прежнему въ Казани. Прибыли арестанты въ Москву
28 августа ¹⁾.

Здѣсь въ тотъ-же день Карташевъ подалъ доносъ.

Въ этомъ новомъ доносе онъ излагалъ извѣстныя уже намъ событія на
Янѣ: о провозѣ русскаго полона въ 1718 году недалеко отъ Янѣкаго го-
родка киргизами, когда казаки вмѣстѣ съ атаманомъ Филимоновымъ ввиду
многочисленности киргизъ итти за ними въ погоню не рѣшились. Упоминал
объ этомъ, Карташевъ добавилъ: „а какъ казаки царскому величеству вѣрно
служать многие говорили атаману Филимонову, что итти въ походъ за кара-
калацкими ради возвращенія христіанскихъ душъ, которыхъ брали изъ вот-
чины свѣтѣйшаго князя и онаго атамана Филимонова, явное нерадѣніе, что
въ походъ за ними не пошелъ и бою съ ними не учился“. Доносъ онъ и
объ выходѣ изъ плѣна алексѣевскаго солдата и о томъ, что солдатъ заставилъ
въ кругу о продажѣ яицкимъ казакомъ татариномъ Аксапаромъ Ишкувато-
вымъ русскаго полону въ разныхъ басурманскія земли. „А оной атаканъ Фи-
лимоновъ, супротивъ алексѣевскаго солдата скажи, въ Казань отписанъ не
писаль объ всемъ Аксапаркѣ, значитъ, что по его атамана согласію оный
Аксапарко въ ихъ каракалпакскихъ улусахъ былъ“, добавилъ Карташевъ въ
доносѣ.

Доносъ онъ и о разбатіи киргизами казачьей станицы въ 1715 году ²⁾),
когда посланный на выручку осажденныхъ казаковъ походный атаманъ Григорій
Меркульевъ за усталостію лошадей въ погоню за киргизами итти не могъ.
„И оный Меркульевъ, — писалъ Карташевъ въ доносѣ, — съ ними, каракал-
паками, бою никакого не учился и христіанскихъ душъ не выручилъ, а
которые съ ними были походомъ казаки тысяча человѣкъ и тѣ всѣ слезно
плакали и говорили ему Меркульеву, что мы умремъ за волю государеву и
выручимъ христіанъ изъ басурманскихъ рукъ; стало быть явное его Меркуль-
ева, воровство и нерадѣніе и измѣна что онъ съ ними каракалпаками бою
неучился“. Писалъ онъ въ свою доносѣ и о причинѣ, почему „вотчины ве-
ликаго государя разорятся отъ набѣговъ воровскихъ каракалпакскихъ татаръ“.
Причину этого онъ видѣлъ въ томъ, что киргизы перезавязь рѣку Янѣ для
походовъ въ Русь „за урошище у Илецкіе соли ідти напредъ сего былъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 20—38.

²⁾ Смотр. 472—473 страницы настоящаго очерка.

городок Янгихъ казаковъ". Здѣсь Карташевъ говорить безусловно о бывшемъ при устьѣ Илека первомъ казачьемъ городѣ Голубомъ Городищѣ.

Далѣе, начальствъ объ полонянникахъ и о государевой вотчинѣ, Карташевъ писалъ: „И новели государь указомъ на томъ мѣстѣ быть строжмству и городку, то именно не будетъ разораться вотчина великаго государя, а отъ боли Илетскіе не малый интересъ царскому величеству будетъ забираться. А авѣ-кіе казаки отъ несогѣтія своего, — оканчивалъ свой доносъ Карташевъ, — на всякий годъ атамановъ выбираютъ и дабы созелѣно было указомъ царскаго величества атаманомъ быть, что и на Дону”¹⁾.

Позаботился Карташевъ, какъ видимъ, даже и о порадкахъ на Яикѣ. Дѣло въ томъ, что у донцовъ, послѣ усмирѣнія Булавинскаго бунта (1708 г.) были уничтожены войсковые круги, послѣ чего войсковые атаманы стали выбираться старшиной такъ называемымъ „Правленіемъ старшинъ” поизменно, а не на одинъ годъ, какъ это было у нихъ ранѣе. Въ тоже время у нихъ ввели службу по очереди²⁾.

Гладя на донцовъ, Карташевъ просилъ ввести тоже самое и въ Янцкомъ войскѣ. Въпослѣдствіи это указаніе на донцовъ дѣжалось не разъ, когда нужно было по образцу донцовъ ввести иѣкоторыя реформы въ Янцкомъ, а потомъ и въ Уральскомъ войскѣ. Но по пословицѣ, „что для русскаго здраво, то для нѣмца ядъ”, —то, что легко прививалось къ донцамъ и можетъ быть ими было использовано съ выгодами для себя, то, какъ увидимъ далѣе, для лицкихъ казаковъ оказывалось ядомъ, отъ приватія котораго Янцкое войско отбивалось всѣми иѣрами; почему иѣкоторыя изъ своихъ старыхъ обычаевъ и правъ, вопреки указанію на донцовъ, войско сохранило и до настоящихъ дней, какъ-то: наемку на службу, общованное пользованіе всѣми войсковыми угодьями и прочее.

Дорого въпослѣдствіи обошлось янцкимъ казакамъ это отставаніе своихъ обычаевъ, не сходныхъ съ донскими; большою цѣною были куплены они казачьей общиной.

Въ тотъ-же день, послѣ подачи Карташевынъ доноса, снова въ преступствіи казза Рамдановскаго стали допрашивать Меркульева и другихъ казаковъ „по рознь”.

Вначалѣ стали разспрашивать Карташева. Онъ вновь повторилъ свой доносъ и кромѣ того прививалъ къ этому и свои старые извѣсты, которые говорилъ въ Казани. Говорилъ онъ о татаринѣ Шершенбеткѣ, что будто бы казаки Меркульевъ, Зевакинъ, Денисъ Воронежецъ и Семенъ Черный съ новокрещеномъ Сидоровымъ и многие другие послѣ гибели отряда Черкасскаго держали у себя тайно хивинскаго татарина Шершенбетку, который при-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 28—33. Доносъ Карташева и розыскъ по доносу въ Преображенскомъ приказѣ.

²⁾ Бровинский. Исторія Донскаго войска, изд. 1834 г., часть 1, стр. 283—284.

весь письмо изъ Хивы и который былъ у нихъ шпиона, чтобы узнавать, что дѣлается въ Казани и въ другихъ назовныхъ городахъ и что посылали они его съ новокрещенными Сидоровымъ да съ казаками Ямансаромъ, Аксанаромъ, не одинъ разъ, въ Хиву и съ ними же посылали въ хивинцамъ „заповѣданую подъ смертною казнью сталь и жгло ружья“.

„Да яицкой казакъ Василій Мордвинцевъ, — говорилъ Карташевъ, — поималъ на Яикѣ татарь-чеченцевъ двухъ человѣкъ, которые съ кубанцы приходили въ Русь для разоренія и вывели ихъ въ крусь, и войскомъ прислали ихъ татарь, въ Казань съ ними Мордвинцовыми; а въ отпискѣ обѣихъ написали, что они такихъ татаръ войскомъ не принимали, а кто ихъ принесъ прото они сами скажутъ; въ тѣхъ татарахъ въ распросѣ въ Казани сказали, что пришли они на Яикъ въ 1717 году изъ калмыцкой орды для своихъ вуждѣй, а принесъ ихъ вышеннанной атаманъ Меркульевъ да Никита Зевакинъ да тозначъ Киликей Ашикънесеевъ¹⁾ и взялъ онъ Меркульевъ съ нихъ три коня; а они, татары, знатно жили для таковожъ шпионства потому, что они державы были въ тайи отъ войска; а знаѣтъ гдѣ тѣ татары въ Казани или отпущены того я не знаю.“

А въ бытность свою въ Казани я о тѣхъ казакахъ о Денисѣ Воронежецѣ съ товарищи сказаъ, что знаю за ними измѣну, а какую измѣну, того не объявилъ“¹⁾.

Въ концѣ-же своего допроса Карташевъ заявлялъ, чтобы великий государь указалъ для разыску послать за Яикъ изъ Преображенского приказу сыщика; а для обличенія и уликъ, — говорилъ онъ, — и неправаго казанского разыску для изслѣдовавія послать съ тѣми сыщикомъ мене, а я о тѣхъ ихъ воровствахъ буду изобличать подлинно; а вынѣ о тѣхъ людехъ, которыхъ то ихъ воровство сыщется объявить мя не можено, потому, чтобы надѣть тѣми людьми не училось отъ нихъ воровъ какого похощенія и дабы то ихъ воровство нескрыто было“.

Перечислилъ Карташевъ по фамиліямъ и всѣхъ виновныхъ казаковъ, списокъ которыхъ былъ приложенъ и къ дѣлу:

Иванъ Вавиловъ, Степанъ Дементьевъ Дуравцевъ, Федоръ Силишинъ, Абраамъ Пустосаловъ, Андрей Яковлевъ Карповъ, Никефоръ Погодинъ, Василій Будановъ, Меркулѣй Заровской, Василій Азовской, Семенъ Пудовкинъ, Дмитрій Ватошинъ, Михаилъ Іоришковъ, Федоръ Малышъ, Тимофей Масинъ, Иванъ Матвеевъ Чеботарь, Василій Кожевниковъ, Иванъ Логиновъ, Степанъ Лукъяновъ Оункинъ, Гаврила Степановъ, Семенъ Васильевъ Муромцевъ, Иванъ Прянишниковъ, Никита Вородинъ, Алексѣй Аргамаковъ, Левонтий Афанасьевъ, Иванъ Алексѣевъ, Федоръ Смирцовъ, Семенъ Опалевынъ, Тимофей Сѣдовъ, Михаилъ Бѣлой, Алексѣй Таршеловъ, прозвищемъ Чука-

¹⁾ Моск. Арх. Ген. Штаба, опись 107, книга 54, листы 20—33.

ковъ, серебракъ Юрьевъ — Зотовъ, два брата Головановыхъ, Григорій Сысковъ, Семенъ Алексеевъ, Трифонъ Филипповъ у него 4 сына, Петръ Яковлевъ, три брата Соловьевы, Иванъ Сингліевъ, Федоръ Бахаръ, Леонтий Маркинъ, Сидоръ Филипповъ, Василій Торковичъ, Андрей Стуревъ, Петръ Шернаковский, Григорій Харитоновъ, Федоръ Петровъ Евтахинъ, Парфенъ Никифоровъ, Агей Дыреевъ, Емельянъ Сокинъ, Тимофей Григорьевъ Падашевъ, Борисъ Черновъ, Матвій Гулебинъ, Тимофей Карповъ, Константинъ Ивановъ синъ Васильевъ.

Новокрещены:

Иванъ Сидоровъ, Осинъ Никитинъ.

Татара:

Казику Еичиневъ, Узбекъ Тюленбетевъ, Кутлыбай, Аднасулъ Ишикъевъ Алигееевъ онъ же¹⁾.

Перечисливъ всѣхъ этихъ виновныхъ казаковъ, большинство которыхъ уже побывало въ Казани на розыскѣ, Карташевъ заявилъ, что сверхъ этихъ казаковъ и тѣхъ, которые теперь въ Москвѣ, на Яикѣ есть еще съ тысячью человѣкъ единомышленниковъ Меркульева.

Разспрошенный всѣдѣ за Карташевымъ Григорій Меркульевъ вновь отказался отъ посылки въ Хасу татаръ, а про чеченцевъ заявилъ, что действительно Мордвинцевъ поймалъ двухъ человѣкъ татаръ, но они были не чеченцы, а съ Терека „государевы люди“ и что ихъ обоихъ Мордвинцевъ взялъ въ Казань, одинъ изъ нихъ умеръ, а другого отпустили обратно за Терекъ. Относительно похода съ войскомъ на выручку осажденной станицѣ онъ рассказалъ то, что мы уже знаемъ изъ предыдущаго очерка. Объ укрывательствѣ Федора Бахара отговорился полнымъ незнаніемъ: „Послѣ убийства атамана Ивана Вѣлоусова я Бахара не видѣлъ многіе годы, — говорилъ Меркульевъ, — а сколь давно онъ, Бахаръ, на Яикѣ пришелъ и при которомъ атаманѣ не знаю и его я не укрывалъ, а кто укрывалъ не знаю и укрывать мнѣ его не для чего, потому что убитой атаманъ Вѣлоусовъ жалъ тесть“.

Въ томъ-же духѣ были ответы и остальныхъ казаковъ; Федоръ-жe Бахаръ при допросѣ сказалъ: — „Родина моя въ Аргамаскомъ уѣздѣ: жаль я съ отцомъ своимъ въ крестьянахъ Никольского монастыря, что въ Аргамасѣ, въ селѣ Ичаловѣ и отецъ мой умеръ, а въ тому лѣтѣ съ сорокъ, изъ того села сошедъ, пришелъ на Яикѣ въ малыхъ лѣтахъ и поживъ записался въ Яицкіе казаки при бывшемъ атаманѣ Прокофій Семеноғ; и въ прошлыхъ годахъ, тому лѣтѣ съ двадцать и больше, а подиенно въ которомъ году не помню. Яицкаго атамана Ивана Вѣлоусова на Яикѣ убили яицкіе казаки, а за что и кто на томъ убийствѣ

¹⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 54, листы 631—632.

были пущие заводчики не знаю, а я на томъ убийства не былъ; только послѣ того убийства присланы съ Москвы государева грамота велико по оговору воровъ въ томъ убийствѣ прислать къ Москвѣ язычихъ казаковъ, въ томъ числѣ и меня, но я боясь, чтобы мнѣ запрасно не погибнуть въ томъ убийствѣ, съ Янкѣ успѣхъ и работаль наизмѣясь на стругахъ и въ Астраханѣ въ работникахъ года съ два, а послѣ того, пришель на Янкѣ въ свое мѣсто дворѣ и жилъ не тайно; и атаманъ Семениковъ и всѣ язычие казаки, вида мое смиреніе и что меня воръ Конѣчка на Москвѣ беззинно отговаривъ, велики миѣ жить на Янкѣ, и никуды меѧ не послала¹⁾).

Казаки не сознались ни въ одной винѣ, возводимой на нихъ Карташевыми. Для уликъ вызвали Карташева на очную ставку, но казаки подтверждали свои прежнія показанія и отвергали доносъ Карташева.

Но пока шли эти разспросы, тѣмъ временемъ прибыла въ Петербургъ станница Федора Рукавишникова.

Много было дѣла Рукавишникову. Надо было подать жалобу въ Сенатъ на злочестіе и взяточничество бывшихъ за Янкѣ офицеровъ и фискаловъ; нужно было хлопотать о прибавкѣ жалованья войску, получавшему его до сихъ поръ всего на 600 человѣкъ, хлопотать объ отменѣ налога съ соли. Много было разныхъ другихъ нуждъ, рѣшать которыхъ могли только въ Москвѣ.

Рукавишниковъ, пронирзанный и ловкій, съ первого же шага своего въ Сенатъ сталъ хлопотать о защите войска отъ непасытной алчности казанскихъ сыщицковъ. Дѣло, конечно, не обошлось безъ подарковъ и посуловъ. Рукавишниковъ умѣлъ кого нужно задобрить и задарить. И вотъ 28 ноября состоялся указъ переслать Карташева и всѣхъ казаковъ въ Астрахань къ губернатору Артемию Петровичу Волынскому, которому было велико „о всемъ изслѣдоватъ указъ учинить и что изслѣдовано и учинаено будетъ о томъ въ Преображенской приказъ къ ближнему стольнику ко князю Ивану Федоровичу Раподановскому съ товарищи для вѣдома писать“²⁾.

Астраханскій губернаторъ былъ въ это время въ Москвѣ, куда въ его походную казначейство и отправили арестантовъ. Между тѣмъ Рукавишниковъ энергично продолжалъ свое дѣло. Онъ неутомимо ходилъ отъ одного нужнаго лица къ другому, наводилъ справки, бралъ советы. 11 декабря наконецъ онь подалъ въ Сенатъ отъ лица всего войска челобитную съ жалобой на взятки казанскихъ сыщицковъ.

„Благородныи и превосходительнейшии господамъ Правительствующаго Сената“ — такъ начиналась челобитная Рукавишникова. Далѣе въ челобитной слѣдуетъ подробное изложеніе извѣта на войско, волоката по этому дѣлу, побѣзка за Янкѣ Волкова, Кеменского, Кроткова и другихъ, иихъ взятки съ

¹⁾ Там-же, листы 35—38.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба. симъ 107, кн. 54, листы 583—584.

казаковъ и о захватѣ Кротковыхъ изъ Хивы и другихъ казаковъ и ихъ семействъ. Въ концѣ своей челобитной Рукавишниковъ говорилъ: „И иныи просятъ вашего благородія: да повелите намъ, противъ сего вышенненанного нашего доношенія, послать къ намъ на Яицъ изъ Санктъ-Петербургра изъ праводушныхъ и честныхъ государевыхъ рабовъ, кою царское величество повелитъ съ указомъ: а про все разыскать, а по разыску указъ учинить, чтобы наимъ отъ такихъ западокъ, и ложныхъ доносителей и съ ними совѣтникою, а отъ посланныхъ офицеровъ и дворянъ во взяткахъ, въ конецъ не раззоряться и службы великаго государя не отбыть. А служилыхъ казаковъ, которыхъ Егоръ Кротковъ записалъ въ солдаты, семьсотъ человѣкъ отпустить по прежнему въ казаки, чтобы Яицкому городку не запустѣть и наимъ бы не разгораться до конца, и государевы вотчины не потерять.

О семъ донесимъ Яицкіе служилые казаки: Федоръ Михайловъ, Трифонъ Филиппьевъ, Макарь Коловертинцовъ и ото всего Яицкаго войска. Но въ день 1719 года. Къ сеху доношенію Архангелогородской таможни подъачіи Михаило Некорошевъ, вместо яицкихъ служилыхъ казаковъ Федора Михайлова, Трифона Филиппева, Макара Коловертинцева, по ихъ велѣнію, руку приложилъ”¹⁾.

Рукавишниковъ подальше списокъ (роспись) всѣмъ взяткамъ, какія были даны казакамъ. Самого списка, къ сожалѣнію, достать не удалось. Объ немъ говорится только въ донесеніи Салтыкова, гдѣ сумма всѣхъ этихъ взятокъ опредѣляется въ три тысячи триста рублей²⁾.

Одновременно съ этой челобитной Рукавишниковъ подалъ за нихъ цара другую челобитную, жалуясь на пошлину, которую брали въ Самарѣ и Сызранѣ съ соли, привозимой съ Яику казаками. Чтобы отмѣнила эту пошлину, войско хлопотало много разъ, но безрезультатно. Еще во время Прутскаго похода за этиль дѣломъ въ правительствующей сенатъ прѣжжала съ Яику станица атаманъ Кончынъ, но ему въ сенатѣ сказали, что безъ доклада царю они „указать учинить не смѣютъ”. Послѣ этого войско подало челобитную казанскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину, но и онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу казаковъ. Подлинная газадолго предъ этимъ челобитная казанскому губернатору Салтыкову тоже не имѣла никакого дѣйствія. Салтыковъ сказывалъ посланнымъ къ нему казакамъ, чтобы они просили объ этомъ Сенатъ. Казаки снарядили туда станицу со станичными атаманами Матвеемъ Ивановымъ Ермоловымъ, но, вернувшись назадъ, они сказывали войску, что царь былъ въ это время въ походѣ и что въ Сенатѣ имъ сказали, что безъ доклада государю они ничего сдѣлать не могутъ.

На этотъ разъ войско поручило хлопотать объ этомъ Рукавишникову.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 15—17. Упоминаю о 7000 чл., какъ, хотѣли Кротковъ якобы записать въ солдаты, Рукавишниковъ имѣлъ изъ виду 140 чл., которые сдали были Кротковыми атаману Никитѣ Бородину на поруки, какъ прибывшіе послѣ 1708 года.

²⁾ Тамъ-же, листы 207—208. Донесеніе Салтыкова въ Коллегію Иностр. Дѣлъ 1720 г. августа 28.

„Живемъ мы, ниженименованные, на запольной рѣкѣ, въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ,— писалъ Рукавишниковъ въ челобитной,— и пожалованы мы отъ твоего царскаго величества тою запольною рѣкою для пропитанія своею рыбнью ловлею; да къ тому же пожалованы мы соляными озерами, ко-торые отъ казачьаго городка въ дальнемъ разстояніи—въ стени, съ ко-торыхъ озеръ, щада, мы беремъ, про свой обиходъ, соль на пропитаніе. И когдасъ Руси къ намъ въ казачий городокъ пріѣзжаютъ съ хлѣбомъ, и мы ту соль вѣняли на хлѣбъ, а извѣю продавали на деньги для хлѣбной же покупки. И выѣзжали мы и сами въ Русь за хлѣбомъ за Сызрань и на Самару и въ Алексѣевское и по знакомству въ уѣздѣ; и для той хлѣбной покупки вывозили съ собою, для мѣзы хлѣбной, соль, потому что у насъ другихъ промысловъ нѣть, а съ той соли платили мы твою великаго государя пошлину. А выѣзѣ ту соль берутъ у насъ на городахъ соляные бурмистры на тебя великаго государя бездоказочно, а когда даютъ намъ они бурмистры за ту соль и деньги, и то цѣну малую—за пудъ по два гроша и по два алтына, а намъ по той цѣнѣ отдавать невозможно, для того, что за дальнимъ разстояніемъ и за кудымъ провозомъ отъ непріятельскихъ людей, потому что тѣ озера отъ яицкаго казачьаго городка въ дальнемъ разстояніи; и ходимъ мы по ту соль по мѣсаду и больше, а въ Русь выходамъ въ тринадцать дней и больше, а на Самару въ осмой день и въ девятый; и та соль, всякий пудъ, намъ ставится самимъ по четыре алтына и больше. А отъ непріятельскихъ лѣдей путемъ чинится всегдашняя шкода и смертное убывство. А выѣзѣ той соли въ городахъ соляные бурмистры возить не велатъ, и намъ казакамъ користаться стало нечѣмъ; а жалованья твоего великаго государя на казака только по осмымъ алтынъ по двѣ деньги въ годъ; и отъ того казаки оскудѣли и многие отъ скучности разбрелися”.

Перечисляя далѣе въ своей челобитной всѣ клоноты войска по этому дѣлу, Рукавишниковъ закончилъ свою челобитную просьбою не брать пошлины съ привозимой казаками солью.

„Всемилостивѣйшій государь,— говорилось въ челобитной,— просимъ вашего величества, повела государь въ прибанку тому жалованью намъ тою солью користиться по прежнему, и ту соль чтобы невозбранно было намъ продавать на городахъ и въ уѣздахъ безопаснно, чтобы намъ оттого безъ промыслу гладомъ не померти¹⁾). При яичномъ же разсирѣѣ посланыя заявили, что соль они вывозять въ низовые города: Самару, Сызрань и въ Алексѣевское по ты-случу пудовъ ежегодно, и разѣ брала съ нихъ пошлину десятый пудъ²⁾).

Изъ этой челобитной, между прочими, видно, что Петромъ Великимъ дѣй-ствительно было дано войску право владѣть всѣми Яицкими, т. е. имъ были под-тверждены права казаковъ на Яицкъ, а можетъ быть была дана и грамота „владѣнія” взамѣнъ сторгѣвшей, выданной царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

¹⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 80, листъ 18.

²⁾ Тамъ-же, листы 54—56.

Какъ могъ-бы Рукавишниковъ писать царю Петру члобитъе, въ которомъ говорить ложь о манимъ пожалованіи имъ войску рѣки Янка? Такъ мож. во было писать, только имъ данныя на это: — или грамоту или царское слово.

Внослѣдствіа въ своихъ члобитныхъ войску, доказывая свои права на землю и на р. Янкъ, всегда говорять, что пожаловалъ ихъ рѣкою Янкомъ царь Петръ.

Объ этомъ же говорится и въ преданіи о Рыжечкѣ.

Къ сожалѣнію, ни грамоты, ни какого либо другого указа по этому въ архивахъ пока не найдено.

Рукавишниковъ не удовольствовался только одними этими просьбами. Онъ отлично видѣлъ, что войску отъ Казани и въ будущемъ ждать было нечего. Тамъ все было продлено и куплено, было все злочно и развращено. Войско утомилось платить взятки, было истощено безконечными наездами ссыпчиковъ, — Казань стала тяготить войску. Рукавишниковъ въ Сенатѣ заявилъ отъ лица всего войска желаніе быть управляемыми такъ-же, какъ и другіе казаки. „А донскіе и гребенскіе казаки, — говорилъ онъ, — и калмыки и прочіе иностраннѣи земель люди судомъ и расправою вѣдоны въ Коллегії Иностранныхъ дѣлъ и чтобы и насть судомъ и расправою и всіями государственными дѣлами вѣдать противъ другихъ въ Коллегії Иностранныхъ дѣлъ. И о всемъ противъ поданнаго нашего въ Сенатѣ договореніи въ обѣ обидахъ и о взяткахъ указъ учinitъ въ той коллегії“¹⁾.

Результатомъ этого ходатайства явился 21 декабря указъ Сената: вѣдать засѣкѣ казаковъ службою и нарядомъ и во всіихъ дѣлахъ въ Иностранный Коллегії²⁾.

Указъ этотъ былъ написанъ „государственному канцлеру кавалеру и президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ графу Гаврилу Ивановичу Головину да государственному подканцлеру тайному советнику барону Петру Павловичу Шафирову“³⁾.

Ввиду этого всѣ члобитныи войска поступили въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда былъ посланъ указъ въ Казань немедленно разобрать дѣло о взяткахъ съ казаковъ и допросить всѣхъ офицеровъ, дворянъ, фискаловъ и другихъ, бывшихъ на Янкѣ у смѣсныхъ дѣлъ, и жалобы войска удовлетворить⁴⁾.

Въ слѣдующемъ-же 1720 году 17 марта изъ той же коллегіи обѣ члобитыхъ Янцкаго войска о соли запросили камерь-коллегію, откуда 27 ма того-же года былъ посланъ указъ къ астраханскому губернатору⁵⁾, сара-

¹⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же, въ полное собрание Закон. Рос. Ипп., томъ V, № 8472.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 80, листъ 213. Члобитная войска 1720 г. 6 октября.

⁵⁾ Астраханская губернія была выдѣлана изъ Казанской губерніи въ 1717 г. 24 ноября. Въ нее вошелъ и городокъ Гурьевъ, Янцкій-же городокъ остался въ вѣдѣніи Казанской губерніи. (Полное собрание Закон. Рос. Ипп., №№ 3119 и 3874).

товскому коменданту, надзирателямъ и бурмистрамъ, чтобы „смотрѣть имъ на-
крыпко, дабы въ города и волости и села никакой соли тайно никто не выво-
зялъ и мимо казны не продавалъ и ни на какія товары не мѣнялъ, а выво-
зимую изъ казаками соль привинять въ казну на вѣсъ, съ уплатою за
оную по 2 алтына по 4 деньги за пудъ и съ объявленіемъ казакамъ, что-
бы они ни подъ какимъ видомъ той соли не продавали и не извѣли помимо
казны, не взирая на то, что оная ихъ привозная соль противъ астраханского
бузуза цѣнно будетъ со излишествомъ, для того, чтобы они, казаки, той соли
тайно никуда не возили подъ страхомъ смертнаго наказанія и выставить о
томъ листы, чтобы никто неизѣдѣваемъ не отговаривался“ ¹⁾.

Какъ видимъ, этотъ указъ совершиенно не удовлетворилъ войско,—казакамъ запрещалось продавать и мѣнять эту соль на товары, они могли только сдавать ее въ казну по цѣнѣ вдвое меньшей, чѣмъ она стоила имъ самимъ.

Шока Рукавишниковъ хлопоталъ о нуждахъ войска, колодники продолжали сдавть подъ карауломъ въ Москву въ распоряженіи походной канцелярии астраханского губернатора. Лишь по выясненіи всего дѣла, послѣ всѣхъ че-
лобитныхъ Рукавишникова, Волынскій отдалъ 20 декабря приказъ отправ-
ить Карташева и другихъ казаковъ въ Астрахань съ поручикомъ Еса-
ховымъ. Съ нимъ былъ посланъ отъ Волынского указъ на имя астраханского генераль-аудитора и воеводы Ивана Васильевича Кикина съ товарищи, чтобы по этому дѣлу „для изслѣдованія изъ Астрахани въ казачій Яицкой городокъ послать доброго изъ офицеровъ, придавъ ему подъзачаго и одного унтеръ-офицера и нѣсколько солдатъ, и дать ему о розыску инструкцію, и при немъ того доносителя и Федора Бахаря послать, и велѣть тому послан-
ному, по тому дѣлу, противъ данной ему инструкціи изслѣдовывать самоу-
щую правдою какъ о томъ его царскаго величества указы повелѣваютъ; та-
кожъ и освидѣтельствовать первыя сиски и что доноситель показалъ на оной ставкѣ, что будто вѣдаютъ про то извѣстіе люди о чёмъ въ его извѣстѣ по-
казано; того ради о именахъ и отечествахъ и о прозвищахъ тѣхъ людей взвѣ-
сть у него извѣстчика вѣденіе за рукою, въ кого оной доноситель о томъ во-
сандѣтельствѣ объявлять и тѣхъ людей допросить самоу сущую правдею; а что
потому дѣлу и по инструкціи по изслѣдованію явится о томъ въ Астрахань въ губернскую канцелярию для ученія указа пасать; а присланыхъ изъ Преображенского приказа казаковъ: Григорія Меркульева, Никиту Зеза-
кина, Степана Филимонова, Герасима Погодина, отпустить въ казачій Яицкой городокъ въ дому ихъ, и взять у нихъ сиски подъ смертной казнью, что явится имъ къ тому розыску какъ посланной прибудетъ въ тотъ ихъ городокъ для розыску“ ²⁾.

¹⁾ Это постановление Камер-Коллегіи, Коллегію иностранныхъ дѣлъ сообщено было на Яицкъ въ особой грамотѣ въ августѣ 1720 г.; черновая грамота, пераизбранная и безъ обозначеній числа, хранится въ дѣлѣ, присланномъ въ Военную коллегію изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ при указѣ отъ 81 марта 1721 г. (Моск. Арх. Га. Штаба, опись 107, дѣло № 30, листы 18 и 54—56).

²⁾ Моск. Арх. Га. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 588—584.

Съ Моркульева, Зевакина, Филимонова и Погодаева была взята подпись въ томъ, что когда по ихъ дѣлу будетъ присланъ на Яикъ кто либо, то ишь явиться немедленно и до приѣзда „розыщика“ никаку изъ Яицкаго го-родка не выѣзжать. Если-же она ему не явится, то будетъ имъ „учинена смертная казнь и движимое и недвижимое имѣніе будетъ взято на вели-каго государя безвозвратно“ ¹⁾.

Подъ подписью расписался за всѣхъ старикъ Никита Зевакинъ.

Шорчаку Елахову дали инструкцію, состоящую изъ трехъ пунктовъ:

,Инструкція поручику господину Елахову.

I.

Бхать ему въ Астрахань съ колодниками и съ розыскнымъ дѣломъ того ради принять ему оныхъ колодниковъ отъ комиссара Елагина, а именно яицкихъ казаковъ доносителя Ивана Карташева, Федора Бахаря такъ же и все подлинное дѣло и списки съ распискою.

II.

Щучи ему господину Елахову въ пути отъ Москвы до Астрахани надъ колодниками закрѣпко смотрѣть чтобъ не упустить или надъ собою чего сами неучинили того ради какъ дорогой такъ и за квартерахъ имѣть ему непреставной карауль для котораго взять ему отъ казанскаго камисарства шесть человѣкъ солдатъ.

III.

Когда онъ, господинъ Елаховъ, прибудетъ въ Астрахань явиться ему тамо генералу-аудитору и воеводѣ Ивану Васильевичу Красину съ товарищи и оныхъ колодниковъ, такъ же посланное дѣло, отъ солдатъ съ распискою кому отъ него принять приказано будетъ. Дана въ Москвѣ декабря 20 днъ 1719 года²⁾.

Елахову, кромѣ того, было дано письмо казанскому губернатору, чтобы онъ отдалъ ему находящихся въ Казани по этому дѣлу десять человѣкъ казаковъ—Федота Донскова и другихъ, при чемъ въ Астрахань отправлять только самыхъ нужныхъ, а остальныхъ отпустить „въ domы на Яикъ, съѣхъ у нихъ подкреплениемъ скажи, что имъ къ тому розыску танъ явиться“ ³⁾.

Елаховъ выѣхалъ изъ Казани въ концѣ декабря, вези съ собою казаковъ, при чемъ Карташевъ и Бахарь были закованы „въ кандалы“. Прибывъ въ Казань, онъ, согласно инструкціи, взялъ всѣхъ десять человѣкъ казаковъ, которые все время находились тамъ на порукахъ, и двинулся дальше въ Астрахань. Въ Самарѣ Елаховъ отпустилъ на Яикъ Моркульева и быв-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 685.

²⁾ Тамъ-же, листы 589—591.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 590—591. Письмо Волмыскаго къ Салтыкову.

иныхъ съ ними его товарищѣ трехъ человѣкъ и изъ числа взятыхъ иныхъ въ Казани пять человѣкъ казаковъ, остальныхъ же, взятыхъ въ Казани: Федота Донскова, Ивана Смирнова Былотыкина, Дмитрия Витошева (онъ же Витошиновъ), Кузьму Селиверстова и Семена Васильева Муромцева взялъ съ собою, обѣ ченъ настоѧщъ Карташевъ, подавъ Евлахову доношеніе¹⁾, по-вѣзъ ихъ далѣ въ Астрахань, куда и явился 11 февраля, пробывъ въ дорогѣ почти полтора мѣсяца.

Арестованые уѣхали, но Карташевъ остался въ Москве и продолжалъ свое дѣло.

10-го января наступившаго новаго 1720 года его и товарищѣ его Трофима Новицкаго и Макара Коловертинцева потребовали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Тамъ не знали сущіе пустяки: гдѣ живутъ яицкіе казаки, сколько ихъ числомъ, кто у нихъ начальники: атаманы или иные какіе чины и какъ тѣ чины производить? Гдѣ напредъ сего они были вѣдомы и получали-ли себѣ великаго государя жалованье и откуда и поскольку чего и въ какое время? Гдѣ были въ походахъ? Какія службы отправляютъ теперь? и проч.

На всѣ эти вопросы Рукавишниковъ съ товарищами дали обстоятельное отвѣты, которые приложены къ настоящему очерку [смотри приложение XI].

Но на первый же вопросъ Рукавишникову пришлось объяснить, кто они яицкіе казаки, откуда пришли, кто были ихъ дѣды? Но какъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Сказать, что онъ, Рукавишниковъ, и его товарищи и все войско Яицкое—бѣглые крестьяне тѣхъ князей и бояръ, которые засѣдали въ Сенатѣ и въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ—было немыслимо. Надо было найти другой выходъ. Тогда еще были живы въ войскахъ преданія и разсказы старыхъ людей о томъ, что вначалѣ на Яицѣ было всего 40 человѣкъ казаковъ, а потомъ 600. Слышали они отъ старыхъ людей, что это были люди вольные, были казаки. Но какіе же это были казаки? Ну, конечно, донскіе,—рѣшаютъ Рукавишниковъ съ товарищами,—какіе-же иные могутъ быть эти первые пришельцы на Яицѣ? Только и есть одно большое войско—Донское, оно главенствуетъ надъ другими, оттуда идетъ и главная управа въ важныхъ дѣлахъ для остальныхъ войскъ Яицкаго и Терскаго. „Вчло насъ только 600 человѣкъ,—отвѣчалъ Рукавишниковъ,—а предки наши казаки перешли изъ донскихъ казачьихъ разныхъ городковъ”...

Забыли пріацкіе орлы о колыбели казачества—Волгѣ, забыли они о славномъ Волжскомъ великомъ войсکѣ. Почти сто лѣть прошло съ тѣхъ поръ, какъ исчезло изъ исторіи это войско и память о немъ забылась старицами.

Съ 1630 года уже не стало слышно объ Волжскомъ войсکѣ, когда-то многочисленномъ и сильномъ, войсکѣ, дававшемъ неиз不可缺少ный источникъ Донскому, Яицкому и Терскому войскамъ для пополненія своихъ, всегда рѣдкими.

¹⁾ Тамъ-же, есть 600. Здесь указанъ не чистъ находившихъ въ Казани и отпущеныхъ Евлаховымъ на Яицѣ бывшій атаманъ Мататій Мироновъ, но это безусловно ошибка, такъ какъ Мироновъ находился все это время въ войсکѣ.

щихъ отъ частыхъ схватокъ и набѣговъ, рядовъ. Улетучилось изъ казачьей памяти даже самое название волжскихъ казаковъ. Только имя одного волжского атамана Ермака Тимофеевича еще не сходило съ казачьихъ усть. Но кто онъ былъ, какой казакъ — никто уже не помнилъ, его отважныхъ соратниковъ волжскихъ казаковъ казачество забыло. Оно называло ихъ прямо казаками.

Но въ то время, когда по широкому раздолью матушки Волги гуляли на своихъ легкихъ лодочкахъ удалые молодцы охотничий и разбивали буны корабли, въ то время Москва великолѣпно умѣла отличать этихъ молодцовъ, гулявшихъ на Волгѣ. Въ своихъ грамотахъ Москва того времени ихъ рѣзко раздѣляла, то называя ихъ донскими, когда они были съ Дона, то волжскими, когда это были волжские казаки, то яицкими, когда они были яицкіе, и черкасами, когда они были малороссійскіе¹⁾). Хорошо умѣла отличать ихъ Москва и за службѣ правительству. Въ походѣ подъ Крымъ (1586 г.) были волжские и яицкіе, въ походѣ подъ Шемкала (1591 г.) волжские и яицкіе; въ осадѣ Орѣшка (1690 г.) донскіе, волжские и яицкіе, наконецъ въ смутное время на Руси донскіе, волжские, яицкіе, терскіе и черкасы. Вездѣ Москва отдѣляетъ ихъ одно отъ другого и при раздачѣ жалованья списки именъ дѣлаетъ отдельные. Но съ 1630 годовъ имя волжскихъ казаковъ постепенно утрачивается и они, много разъ разбитые на Волгѣ царскими войсками, какъ мальчики отъ щуки, разсыпаются въ разныя стороны: — на Донъ, Яикъ и Тerekъ и навсегда сходить со страницъ исторіи.

Какъ-же было помнить черезъ сто лѣтъ Рукавишникову съ товарищами о своихъ предѣдахъ волжскихъ казакахъ, пришедшихъ на Яикъ съ атаманомъ Гуней, а потомъ съ Матюшой Мещерякомъ? Они объ нихъ не помнили или помнили только одно, что это были люди вольные, были казаки. Но кто же они, какие казаки? — конечно, донцы! другихъ они не знали.

Рукавишниковъ съ такимъ же основаниемъ и вѣрою говорилъ эту невинную неправду, съ какимъ виселѣстіемъ донцы, забывъ о существованіи колибели казачества — Волгѣ, о новгородскихъ ушкуйникахъ и волжскихъ казакахъ, называли волжского атамана Ермака Тимофеевича донцомъ, а его товарищей волжскихъ казаковъ — донскими казаками и даже поставили ему памятникъ въ г. Новочеркассѣ, какъ конскому казаку! Донцы тогда не могли себѣ представить, что были когда либо иные казаки, кроме донскихъ. Они тогда думали, что все казаки яицкіе, терскіе и другіе — это есть иначе иное, казъ тѣ же донцы, переселившіеся на другія рѣки. Они представить себѣ не могли, какъ это могло быть, чтобы какойнибудь костромичъ, звенигородецъ, тверецъ, ярославецъ, архангелогородецъ и другой сѣверянинъ могъ быть казакомъ помимо Дона! По ихъ понятиямъ того времени для того, чтобы быть казакомъ, всѣмъ этимъ сѣверянамъ необходимо было первоначально по-

¹⁾ Это особенно ярко видно въ переносахъ московскихъ царей съ ногами (Моск. Арх. Инист. Иностр. Дѣлъ, дѣлъ ногайскій, №№ 5—13).

бывать на Дону, тамъ получить казачье крещеніе, а потомъ уже выйти на матушку Волгу и называться волжскимъ, яицкимъ или терскимъ казакомъ.

По этому разсужденію выходило такъ, что какъ будто бы вся прежняя Русь, находившаяся въ верховьяхъ Волги и ея притокахъ, вся эта Русь, за исключениемъ самой незначительной своей части — Рязанского княжества, могла всѣхъ своихъ недовольныхъ сыновъ отпустить казаковать только на единственную реку Донъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это происходило какъ разъ наоборотъ. Всѣ недовольные въ Руси могли уходить оттуда только по одному пути — по Волгѣ и ея притокамъ, другого выхода не было. Всѧ эта вольница, за исключениемъ Рязанского княжества, скапливалась за Волгѣ, уходила по ней внизъ и здѣсь казаковала, основывая свои вольничія общины. Впослѣдствіи, когда Москва стала сильнѣ, волжскіе казаки, разсыпавшись въ разныя стороны отъ преслѣдованія московской рати, дали начало и яицкимъ и терскимъ казакамъ и поподняли толпы донцовъ, имѣвшихъ въ своихъ рдахъ выходцевъ главнымъ образомъ южной Руси.

Допросы казаковъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ навела сиротки обѣ Яицкой войскѣ и у казанского губернатора Салтыкова. Отдать его, послѣдовавшій въ декабрѣ того же года, приложенъ къ настоящему очерку. [Прилож. XI].

Еще почти три мѣсяца пробылъ Рукавишниковъ въ Петербургѣ, устраивая дѣла войска. Наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ онъ подалъ челобитье обѣ отпускѣ его на Яикъ и дачѣ ему и его двумъ товарищамъ жалованья.

Державайшій царь государь милостивый!

Въ прошломъ 1719 г. августа со 2 числа посланы мы нижайше съ Яику отъ казаковъ въ Санктъ-Петербургъ бить челомъ вашему царскому величеству о нуждахъ своихъ, а окое наше челобитье било въ Правительствующемъ Севастѣ, а изъ Сената отослано въ канцелярию иностранныхъ дѣлъ и живеши за челобитьемъ своимъ въ Санктъ-Петербургѣ безъ малѣ шесть мѣсяціевъ и быть пить стало нечего, и постолаго за квартиру заплатить нечѣмъ, а звать не у кого; и ѿдучи до Яицка, дороговою прокоринуться и подводѣ нанять нечѣмъ.

Всемилостивайшій государь, просимъ вашего величества вѣра государь заплатить за квартиру и за прокормленіе дать намъ свое великое государя жалованье, почему ваше царское величество повелиши, и дать намъ отъ Санктъ-Петербурга до Яицкаго казачьаго городка по яицкой подводѣ и прогонѣ; а впередъ твое великаго государя жалованье на все Яицкое войско давать отъ коль ваше царское величество повелить потому дать намъ его царскаго величества указъ.

Вашего царскаго величества нижайше рабы яицкіе казаки выборные члобитчики: Федоръ Михайловъ, Трефовъ Филиппъ, Макаръ Андреевъ, а сіе прошеніе къ подаванію надлежетъ въ канцелярию иностранныхъ дѣлъ, а пі-

саль Новгородскій казакъ Яковъ Церковниковъ марта въ д. 1720 году¹⁾).

Эта члобитна о дачѣ жалованья и подводѣ на проѣздъ станичникамъ первыи, которую удалось найти въ архивахъ. Внослѣдствія для выѣзда изъ Петербурга или Москвы казаки писали точно така-же члобитны, ничѣмъ не отличающіяся отъ этой.

Для того, чтобы удовлетворить Рукавишникова, въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ была заведена справка объ томъ, сколько давалось изъ коллегіи прїѣжавшимъ туда донцамъ съ отписками и съ колодниками. По этой справкѣ выяснялось, что донскимъ казакамъ легкой станицы давалось на день: „атаману, ясаулу и радовыми:

Атаману по 2 алтына по 2 дес., пятья: по 4 чарки вина, по 2 крушки меду и 2 крушки пива.

Есауламъ по 2 алтына, пятья: по 3 чарки вина, по крушкѣ меду, по 2 крушки пива.

Радовыми по 10 денегъ, пятья: по 2 чарки вина, по крушкѣ меду, по 2 крушки пива человѣку на день.

Да за проѣздъ и на отпускъ деньги: за сукна и тафты и за соболи и за пашали деньги:

Атаману по 43 руб.

Есауламъ по 32 руб.

Радовыми по 22 руб. человѣку.

Да въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца противъ Московской дачи, кроик пятья.

За порохъ же и свинецъ по 5 алтынъ, 3 деньги человѣку.

Да имъ же даныно отъ Москвы, чрезъ Балуйку и Воронежъ, до Черкаскаго ямскаго подводѣ: атаманамъ по 2 и по 3, ясауламъ по 2 и по подводѣ, радовыми по подводѣ человѣку, и на оные и за платежъ, поверстные деньги по указу²⁾.

На основаніи этой справки Рукавишникову и его товарищамъ, какъ и донцамъ, были выданы по подсчету слѣдующими имъ деньги, и 24 марта они выѣхали въ Казань, получить проѣзжее письмо, въ которомъ приказывалось имъ выдавать до Казани: „по подводѣ ямской человѣку”, на что были даны прѣговоры деньги по тремъ рубля по сми алтынъ на лошадь.

Въ такомъ-же духѣ и по тому-же разчету были отпускаемы деньги и подводы прїѣжавшимъ и послѣ Рукавишникова слѣдующимъ станицамъ съ Яика.

Между тѣмъ на Яикѣ въ это время событийшли свомъ чередомъ. Казаки волнновались. Безконечные розыски имъ надоели. Наступившій новый 1720

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, сн. 80, листы 46—48.

²⁾ Тамъ-же.

годъ имъ не сулилъ вичего хорошаго. Всѣ вадежды, всѣ помыслы войска были сосредоточены на одномъ человѣкѣ, которому оно слѣпо вѣрило. Удастся ли Рукавишникову сдѣлать общее дѣло? думало войско. Удастся ли избѣгнуть Казани и новыхъ розньковъ? Думы были тяжелыя. Между тѣмъ доносчики не переводились. *Иванъ Елисѣевъ*, уже известный по первому доносу, задумалъ новый доносъ. На этотъ разъ онъ явился въ началѣ января въ войсковую избу и заявилъ войсковому атаману, что знаетъ государево слово о изѣтьѣ яицкихъ казаковъ. Бородинъ, заковавъ его въ кандалы, отправилъ въ Казань съ базаками, со ставичнымъ атаманомъ *Инатьемъ Мусатовымъ* и есауломъ *Гавриломъ Старченкомъ* (онъ же Старцевъ).

Въ Казани Елисѣева опросили и допросъ вмѣстѣ съ Елисѣевымъ и казаками отправили въ Астрахань.

Но когда казаки прибыли въ Самару, то послали отъ себя письмо къ атаману Бородину, прося прислать имъ харчъ и денегъ на проѣздъ до Астрахани. Въ ответѣ на свое письмо они получили приказаніе отъ войска бѣхать вмѣстѣ съ Елисѣевымъ на Яикъ, что и было исполнено.

Въ войскѣ Елисѣева сковали цѣпью и посадили подъ карауль, а бумаги, бывшія при Елисѣевѣ, атаманъ взялъ въ войсковую избу¹⁾.

Войско волновалось. Страсти разгорались. Доносчики избили и хотѣли убить, но старшины успокоили войско. Елисѣева оставили на Яикѣ до приѣзда Рукавишникова.

Открылся и другой доноситель. Это былъ уже известный намъ *Афанасій Назаровъ*. Зорко слѣдишіе за нимъ по отѣзду Кроткова казаки замѣтили, что онъ что то пишетъ. Пришли съ обыскомъ и нашли у него въ домѣ доношеніе „на нихъ за яицкихъ казаковъ во многихъ царственныхъ губахъ, въ изѣнкахъ и въ другихъ ихъ во многихъ противностяхъ“²⁾.

Назарова схватили и стала бить. Его вывели въ кругъ. Донось былъ прочитанъ.

Можемъ себѣ представить, сколько вспыхнуло тогда у казаковъ злобы и ненависти на виновниковъ своихъ бѣдствій — на доносителей на войско, особенно у только что вернувшихся изъ Казани послѣ многолѣтней волокиты!

Вывели въ кругъ и Елисѣева. „Казнить ихъ смертью!“ — крачали въ кругу. Виновниковъ были. Побои не прекращались. Но атаманъ и старшины казнить отсокѣтовали. Доносчиковъ отвели въ войсковую избу и поставили карауль.

На этотъ разъ доносчики спаслись отъ казни. Но она ждала ихъ каждую минуту. Виновниковъ войсковыхъ бѣдъ потому еще не разъ выводили въ кругъ, гдѣ безщадно била и каждый разъ приговаривали къ смерти³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 758—761, въ таѣже, опись 89, лѣто 1732 г. октября № 68, листъ 1.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 758—761. Донось Картамова въ 1721 г.

³⁾ Таѣже, листы 728—7.9. Челобитная Назарова и Елисѣева 1720 г.

Много заботъ и хлопотъ было у войска и безъ судебнаго волокиты и безъ разысковъ.

Записанные Кротковымъ въ особый списокъ 440 казаковъ, пришедшихъ послѣ 1695 года въ сданыхъ на порука атаману Вородину и войсковымъ есауламъ тяготились своею долею и безъ конца ждали разрешенія своей участіи. Нужно было хлопотать о зачисленіи ихъ въ казаки. 4 марта войско написало члены бывшаго имъ царя и послало его въ Петербургъ съ легкую станицею. Говоря о томъ, что имъ велико отдавать всѣхъ привлеченыхъ на Яикъ съ 1695 года, „противъ донского прамѣру“ и отсылать на прежнія мѣста жительства, войско жаловалось, что поимѣщи стали братъ съ Яика казаковъ, которые пришли лѣтъ десять и больше тому назадъ. И если приказано будетъ отдать въ тѣхъ, которыхъ Кротковъ записалъ въ особый списокъ, то въ войску будетъ совсѣмъ малолюдно, т. к. погибло въ Хивѣ 1500 чел. и останется на яго всего 1600 человѣкъ. „А нынѣ намъ рабамъ твоимъ, — писало войско, — отъ находить непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизовъ великая нужда и изненательства — потому, что оные, вышепомянутые, каракалпаки и киргизы соединяются двумя ордами вмѣстѣ за одно и приходить подъ нашъ казачій городокъ большими собраниемъ тысячъ посольи и по десяти въ намъ рабамъ твоимъ изъ домовъ для нуждъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ и выѣзду вѣтъ; конскія и скотинная табуны безъ пристави отгоязываютъ, и насыть рабовъ твоихъ на степи иное число въ полонъ берутъ и бьютъ на смерть и въ прошломъ 719 году юля въ 10 день всѣмъ войскомъ сидѣли въ усадѣ отъ тѣхъ вышепомянутыхъ непріятельскихъ людей до самыя до осени“¹⁾.

О результатахъ поѣздки этой станицы ничего неизвѣстно. Разрѣшено было зачислить просимыхъ казаковъ или нѣтъ — документовъ въ дѣлахъ не имѣется.

22 марта войску была доставлена грамота отъ 23 января о томъ, что бы казаки были готовы къ походу противъ шведовъ и ихъ союзниковъ²⁾.

Въ тоже время они узнали отъ посланныхъ въ Казань за жалованьемъ войску за 1719 годъ, что казанскій губернаторъ „о дачѣ денежнаго жалованья и за сукна, и пороха, и синицу, и ядеръ отказалъ“, объяснивъ посланныхъ, что Яицкое войско теперь въ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а не у него³⁾.

Войску нужны были и знамена, такъ какъ ихъ оставалось незначительное число, большая же часть погибла съ отрядомъ Бековича въ Хивѣ.

Явилось и другое дѣло. Едва наступила весна и когда киргизы продвинулись ближе къ казачьимъ предѣламъ, въ войску было получено письмо отъ каракалпаковъ:

„Отдайте намъ взятаго вами въ Царь-Калъ въ прошломъ году осенью нашего каракалпака Базръ-батыра, а мы взамѣнъ его отыщемъ взятыхъ вами осенью

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листъ 206.

²⁾ Тамъ-же, листъ 44 и Моск. Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ, реестръ донскихъ дѣлъ, сълѣд. 26, 1718 г. № 3.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листъ 35.

1718 года вашихъ троихъ казаковъ и отдалишь намъ на размѣръ¹⁾.

Нужно было хлопотать и объ этомъ. Сила веший заставила войско опять послать ставицу въ Петербургъ. Ставицу снарядили съ атаманомъ Иваномъ Федоровымъ Астраханскими, съ есауломъ Василемъ Ивановымъ Мордвинскими и казакомъ Василемъ Примковымъ и отправили въ 29 марта въ Коллегию Иностранныхъ дѣлъ, давъ имъ и отоскну въ томъ, что войско получило грамоту о готовности къ походу. Въ Петербургъ ставищники прибыли только къ 15 мая²⁾.

Но вотъ въ началѣ мая на Янкѣ появился давно жданный войскомъ Федоръ Рукавишниковъ. Войско ожило. Взоры всѣхъ обратились къ нему за разясненiemъ наиболѣвшихъ вопросовъ—какъ быть войску? Что ему дѣлать съ доносителями и розысками? Онъ подтвердилъ имъ свѣдѣніе, что войско вышло изъ подъ упраздненія Казаини и будетъ отныне непосредственно подчиняться Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

— Ничего не бойтесь! говорилъ Рукавишниковъ въ кругу: государь царь изъ своихъ есть приказаль опять приводить людей вскихъ чиновъ, какой бы откуда ни сказался! Въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Гаврилъ Ивановичъ Головинъ намъ сказацъ, что всѣхъ казаковъ, которые будутъ говорить за собою царево слово или дѣло, чтобы мы ихъ царю не объявляли, а казнили саки своимъ судомъ!³⁾

Въ подтвержденіе своихъ словъ Рукавишниковъ тогдѣ же приказалъ приверствать въ казаки, уже известныхъ намъ подпрапорщика Василия Константинова и рядового Михаила Мелентьева. Испытавшіе свободную жизнь они не могли примириться съ суровой солдатской службой и снова бѣжали на Янкѣ въ казачество.

Игаль-ли Рукавишниковъ умыщенno, или онъ дѣйствительно слышалъ въ Петербургѣ подобный советъ войску отъ кого либо изъ высокопоставленныхъ лицъ, но сказанныя имъ слова произвели свое дѣйствие.

Казаки вздохнули свободно. Теперь не будуть ихъ нунчить болокитомъ и ссыпомъ казанскіе офицеры въ фискалы. Казаки нашли и на нихъ ураву—коллегія приказала казанскому губернатору разобрать дѣло о взяткахъ Кроткова и другихъ смыщиковъ. Теперь войско никого не боялось,—оно знало только одну коллегію, зналъ Петербургъ. Войскового атамана Никиту Верондина, державшаго руку партіи Матвѣя Миронова, смѣшили. На его мѣсто былъ выбранъ старшина Федоръ Ивановичъ Араповъ.

Доносчиковъ Назарова и Езесѣева снова вывели въ кругъ и снова безвѣщадно избили и приговорили къ смерти. Но и на этотъ разъ судьба имъ еще разъ улыбнулась—ихъ не казнили. Войско еще боялось дѣйствовать рѣшительно,—оно ждало результатовъ члобоятныхъ Рукавишникова: чѣмъ-то

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиція. Дѣла правит. сената по Военной Коллегіи № 7/20, листъ 15.

²⁾ Моск. Арх. Глаз. Штабъ, опись 107, книга 80, листы 32—33.

³⁾ Моск. Арх. Глаз. Штабъ, опись 107, книга 80. Члобоятъ Назарова и Езесѣева.

кончается списъ по доносу Карташева?

Изъ Казани же между тѣмъ прашли утѣшительныя вѣсти. Салтыковъ сообщасть войску, что онъ послалъ за всеми офицерами и подьячими, за которыхъ жаловалось войско, и велѣлъ казакамъ прислатъ съ своей стороны въ Казань—свидѣтелей для улики същиковъ во взяткахъ.

Войско спардило станцу, и въ дополненіе къ поданному Рукавишниковыи въ Сенатъ списку взятокъ, данныхъ войскомъ разнымъ лицамъ, составило еще дополнительный списокъ переданныхъ казаками денегъ и вещей всего на сумму 1051 рубль тридцать три алтына, не вошедшихъ въ списки, поданные сенату.

Деньги эти войско дало разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ подьячимъ: Федору Сухареву шестьсотъ тридцать одинъ рубль пять алтынъ четыре деньги; Алексию Сухареву двѣста сеильдесять шесть рублей четыре алтына авѣ деньги; самарянину дворянину Григорию Федотову шесть рублей, подьячему Ивану Оечинникову двадцать два рубля шестнадцать алтынъ двѣ деньги; фискальскихъ дѣль подьячему Якову Соболеву пятнадцать рублей, сибирскому подьячему Ивану Муромцеву сто одинъ рубль шесть алтынъ чѣтыре деньги¹⁾.

Не дешево стоили казакамъ розыски. Вмѣстѣ съ подавными разбѣгѣніями это составило по тому времени громадный капиталъ отъ 4350 рублей!! Болѣе ста тысяч по нашему времени.

Станица уѣхала, а войско стало съ нетерпѣніемъ ожидать результата розысковъ въ Казани.

Войско волновалось. А главный виновникъ всего этого „воръ и измѣнникъ“, какъ называло войско Карташева въ своихъ чезобитныхъ, виновникъ всѣхъ якъ бѣдъ и волокиты, находился въ это время на пути въ Яицкій городокъ и строилъ новые козни и готовилъ новые бѣды на головы своихъ земляковъ.

На другой-же день по прибытии колодниковъ въ Астрахань состоялся указъ Кикана, чтобы для разбора всѣхъ казачьихъ жалобъ отправили въ Яицкъ сызранского коменданта маюра Георгия Михайловича Воскѣкова, въ которому 11 февраля и былъ посланъ указъ съ инструкціей: Воѣксову наказывалосьѣхать въ Яицкій городокъ немедленно „въ самыхъ скорыхъ числѣахъ не мѣшкая ни за чечь“. О днѣ выѣзда онъ долженъ былъ донести въ Астрахань губернатору. „А городъ (Сызрань) до возврата своего,—писано въ указѣ,—Воѣксову приказать кому анатномъ изъ туточныхъ, кому бѣ можно было вѣрить и когобъ на такое дѣло стало. А прїѣхавъ на Яицкъ, подводы и провожатыхъ отпустить назадъ“²⁾.

Въ тотъ-же день всѣхъ колодниковъ—казаковъ, бывшихъ въ Астраханѣ,

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 207—208. Доносение Салтыкова изъ базарію Иностранныхъ дѣлъ 1720 г. 22 августа.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 106—107.

передала поручику „Селиванова полку“ Кустову, который съ командою въ 50 человѣкъ солдатъ и двадцать человѣкъ конныхъ татаръ долженъ быль двинуться съ арестантами въ Сызрань къ Воейкову. Кустову приказывалось быть въполномъ подчиненіи у Воейкова и вмѣстѣ съ нимъ Ѳхать для розыска черезъ Самару на Иакъ.

Для привода казаковъ во время розыска къ присягѣ остававшейся за губернатора Кикинъ просилъ казанского митрополита Тихона назначить для этого дѣла священника: „Надлежитъ чтобы отъ Вашего архиерейскаго пастырства посланъ быль кто въ духовныхъ персонъ знатный и умный для бытія при томъ дѣлѣ и о увѣщаніи священниковъ и прочихъ простаковъ къ показанію правды безъ всякого подлогу и притворства“ ¹⁾, писалъ Кикинъ митрополиту Тихону.

Написана была бумага и „земскихъ дѣлъ судъ“ Артемию Самсонову въ Симбирскъ о назначеніи къ Воейкову уже бывшаго за Иакъ съ Кротковымъ подьячаго Ивана Муромцева. Воейкову же въ свою очередь разрѣшено было взять „для письма“ одного изъ подьячихъ въ Самарѣ. Вмѣстѣ съ Воейковымъ должны были Ѳхать еще два фискала и одинъ дворянинъ.

Не не любили торопиться въ добре старое время. Москва все дѣлала тихо, медленно, съ разставкою. Проходили дни послѣ отдачи этихъ приказовъ, а за настоящее дѣло — къ отсылкѣ поручика Кустова въ Сызрань еще не принимались. Казаки истомились сидѣть подъ карауломъ; 20 марта они нашли себѣ поручителей и были освобождены, за исключениемъ Карташева и Бахаря. Поручики должны были подписатьсь подъ роспиской въ томъ, что „имъ, казакамъ, за ихъ поруками по розыскному дѣлу, противъ доношенія доносителя Иава Карташева, изъ Астрахани безъ указу великаго государя никакуда не Ѳхать и изъ нихъ, казаковъ, быть въ канцелярия днемъ и ночевать съ перенѣгою по одному человѣку; а буде кто изъ нихъ казаковъ безъ указу великаго государя изъ Астрахани куда съѣдетъ и въ канцелярия явиться не будуть и ови, поруччики, повинны будутъ тому, что будетъ до нихъ, казаковъ, касаться по розыску, а имъ казакамъ учнена будетъ смертнаа казнь“ ²⁾.

Не долго гуляли они на волѣ. 14 апрѣля ихъ наконецъ сдали поручику Кустову. Для конвоирования колодачковъ и для привода по степи къ Яидкому городку Кустову дали конвой изъ сержанта и пятидесяти человѣкъ солдатъ, одного барабанщика, двадцать верховыхъ татаръ, двухъ калмыкъ проводниковъ и одного писара. Солдатамъ было выдано „пороху по сорока патроновъ на человѣка, пушей по тому-же“. Всѧ эта команда двинулась изъ Астрахани на пятидесяти подводахъ ³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 605. Письмо подписано: „Вашего архиепископскаго благословенія и милости съ поклоненіемъ до земли просящаго Иакъ Кикинъ“.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 595.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 603—604, и тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 104—106, а также инструкція Кустову, тамъ-же, книга 54, листы 611—612.

Въ инструкції, данной Кустову, между прочимъ говорилось:

„Бдучи ему, господину порутчику Кустову, въ пути отъ Астрахани до Янкъ съ осторожностью и содергать данную ему команду въ зуты какъ надлежить добромъ офицеру по военному артикулу, и надъ колодниками на-крайко смотрѣть, чтобы неотпустить или надъ собою чего сами неучинили; того ради дорогомъ имѣть ему непрестанно карауль, а паче всего хранить во опасенія довосителя Карташева чтобы надъ нимъ не учинено было отъ кого какого ухищренія или бѣ самъ надъ собою чего неучинилъ.

Когда онъ, господинъ порутчикъ Кустовъ, прибудетъ въ Яицкой каза-чій городокъ, быть ему послушавъ маюру и господину Воейкову во всемъ, которому для того сыску съ Сызрану Ѹхать повелѣно на Янкъ; а какъ онъ, маюръ, на Янкъ въ казацій городокъ прибудетъ, и ему порутчику и по-сланные съ нимъ дѣла всѣ и колодниковъ объявить ему маюру, и по от-воду атамана и всего Яицкаго войска стать на квартирахъ, о чемъ на Янкъ къ атаману указъ посланъ; и будучи на тѣхъ квартирахъ ему порутчику Кустову и командѣ его унтеръ-офицерамъ и солдатамъ яицкимъ обывателей утесненіе и обидъ и налогъ ни кто бѣ дерзать не чинилъ, но стояли бы такъ, чтобы хозяева въ своихъ домахъ могли и при нихъ всякое свое дѣло продолжать; а ежели учинится кому отъ кого какая обида и будетъ чело-бѣть, о томъ сыскывать и чинить по артикулу чего доведется; а ежели что будетъ превѣно или неисправно и то взыщется на немъ Кустовомъ; а за прочія учинившія обиды представлезны будуть подъ военной судь”¹⁾.

Видѣть съ Кустовыми Кикинъ послалъ письмо къ Воейкову, гдѣ, сооб-щалъ ему о назначеніи его за Янкъ для розыска, между прочимъ говорилъ, что Карташевъ посылается на Янкъ потому, что онъ самъ просился быть при розысѣ и уличать самону, такъ какъ про многихъ казаковъ „ему и сказать нельзя прежде времени, чтобы ихъ неухоронили и въ томъ доносъ его и вся сила, что онъ нынѣ покажетъ”²⁾.

Въ тоже время съ Кустовыми былъ посланъ указъ и на Янкъ и къ ата-ману Бородину и всему войску. Въ немъ говорилось о посыпкѣ Воейкова и Кустова на Янкъ для розыска по казацьмъ жалобамъ и по доносу Карташева.

А что ему маюру и васъ на Янкѣ чинить, говорилось въ указѣ, данъ ему инструкції, и какъ маюръ Воейковъ съ Сызрану, и порутчикъ Кустовъ изъ Астрахани съ вышеписанными людьми къ вамъ пріѣдутъ, и вамъ бы ему маюру и порутчику и прочимъ отвести квартиры, и быть ему маюру во всемъ послушаннымъ; и если по доносителевъмъ уликамъ и по сыску дойдетъ до кого дѣло въ ванъ бы, царскаго величества вѣрнымъ, оныхъ отдать ему маюру безъ всякой противности; и на оной розыскѣ бумаги и черниль и свѣчъ по

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 611—612.

²⁾ Моск. Арх. Глазн. Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 621.

требованію его изъ войсковой избы отправлять вами безъ замедленія; а какъ, по окончаніи того розыску, оной мають господинъ Воейковъ будеть отправляться въ Астрахань, дать ему маюру и при немъ будущемъ порутчику, дворянину и подьячему и фискаламъ и солдатамъ подводы, на чеи можно имъ подняться, и для проводательства и сохраненія въ пути до Астрахани конвой, чтобы проѣхать было степью безопасно¹⁾).

Кустовъ выѣхалъ. Но медленно двигалась его команда. Только 3 мая онъ прѣѣхалъ къ Черному Яру. Здѣсь онъ выпужденъ былъ отпустить 8 человѣкъ татаръ подводчиковъ въ Астрахань „для того, что имъ изъ Астрахани ни подноги, ни хлѣба не дано, а користаться имъ стало нечѣмъ“. По дорогѣ сбѣжалъ одинъ проводникъ калинъ, но вместо него сынъ Аюка Чандоржанъ далъ ему другого²⁾.

Медленно подвигался Кустовъ къ Яицкому городку. Но и Воейковъ не спѣшилъ.

Онъ написалъ отписку самарскому „командиру“ маюру Тихону Волкову о томъ, чтобы тотъ приготовилъ ему конвой, подьячаго и дворянина, а самъ сталъ дожидаться отѣста.

Одновременно съ полученіемъ этой бумаги къ Волкову явился бывшій на Яикѣ по дѣламъ татарскій толмачъ Романъ Лопатинъ и заявилъ ему оѣстѧть съ Яикомъ.

— „Войсковой атаманъ съ товарищи наказывали мнѣ перѣдать въ Самару тебѣ и на Сызрань Воейкову: слышно имъ казакамъ училось, что повелѣно Воейкову бѣхать на Яикъ для розыску, но что бы онъ безъ указу изъ Иностранной коллегіи для розыску къ яимъ неѣздить, повеже по именному царскаго величества указу ихъ, яицкихъ казаковъ повелѣно вѣдать въ Иностранной коллегіи, а въ Астраханской и Казанской губерніяхъ вѣдать не вѣлько!“³⁾.

Пришло войско съ Лопатинымъ и копію съ указа о подчиненіи Иностранной коллегіи.

Получились въ Самарѣ и другія вѣсти. Въ степяхъ къ Яику по тракту появилось „многолюдство военныхъ людей каракалпаковъ“; изъ города Алексѣевска командиръ Колышевъ донесъ къ Самару, что каизави появилась на перекатахъ и побили алексѣевскихъ и самарскихъ жителей шесть человѣкъ до смерти и лошадей многахъ угнали и что „проехать нынѣ за Яикъ не брѣзъ труда“⁴⁾.

Обо всекъ этомъ Воейковъ сообщалъ Воейкову, которому ирепроводилъ и копію съ грамоты, что войско подчинено Иностранной коллегіи. Воейковъ въ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 107—109. Указъ Ницкому войску изъ Астрахани 1720 г. 14 апрѣля.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 677. Донесеніе Кустова изъ Астрахани отъ 3 мая 1720 г.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 108—109. Донесеніе Воейкова изъ Астрахани 18 мая 1720 г.

⁴⁾ Тамъ-же и отписка Воейкова изъ Астрахани (Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 678).

свою очередь донесъ объ этомъ въ Астрахань. Въ это время Кустовъ прибылъ къ Самарѣ, но Воейковъ еще и не думалъѣхать на Яикъ. Кустову пришлосьѣхать туда одному, куда онъ и прибылъ 17 мая.

Здѣсь его уже ждали. Но ждали не съ трепетомъ, не съ почетомъ. Хмуро и сурово встрѣтили атаманъ и старшины незванаго гостя. Не для того хлопотать Рукавишниковъ за войско, чтобы снова кормить ненасытныхъ сыщиковъ! Уже довольно кормили они казанскихъ гостей, теперь того-же хотятъ астраханцы!

Кустовъ передалъ атаману указъ изъ Астрахани о послушаніи войску посланнымъ офицерамъ. Но указъ не произвелъ никакого впечатлѣнія.

— Ни къ тебѣ, ни къ господину маюру Воейкову мы съ розыскомъ не пойдемъ,—зашили Кустову подъ вліяніемъ Рукавишникова атаманъ Араповъ и старшины. Ни Казави, ни Астрахань мы не подсудимы. Службою и зарадомъ и во всякихъ дѣлахъ велико намъ быть въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и подъ розыскъ мы къ тебѣ не пойдемъ! ¹⁾

Гостю отвели 10 квартиръ, но ни свѣчъ, ни бумаги, ни чернилъ не дали.

— Хочешь—здѣсь живи, а не хочешь—погоджай куда знаешь,—говорило ему собравшееся войско,—а подводъ тебѣ отъ войска не будетъ! ²⁾.

Колодниковъ, кроме Карташева и Бахаря, атаманъ съ войскомъ отъ Кустова отобрали, сказавъ, что они за нихъ ручаются.

Кустову, неожидавшему ничего подобнаго, пришлось смириться. Отпустить обратно подводчиковъ татаръ онъ не рѣшился и оставилъ ихъ при себѣ, пославъ о случившемся донесеніе Кекину. „А помянутыми татарами кормиться не чеъ и оные татара хотять и продавать лошадей за пропитаніе... и караульные солдаты стоять у колодниковъ безъ свѣчъ“—писалъ Кустовъ. Донесъ онъ объ этомъ и Воейкову, прося дальнѣйшихъ указаний.

Войско отказалось Кустову во всемъ. Онь, можетъ быть, и рѣшился быѣхать обратно, но въ его присутствіи прибыль въ городокъ отъ Аюки-хана „посоль“ и заявилъ войску, чтобы казаки были въ великомъ опасеніи, т. к. изъ стени вышли на Яикъ и идутъ въ Русь двадцать тысячъ каракалпаковъ. Кустовъ донесъ и объ этомъ въ Астрахань и Воейкову на Самару.

Между тѣмъ Воейковъ въ концѣ наѣзда собрался такжеѣхать на Яикъ, но сдавъ онъ выѣхаль, какъ недавно отъ Самары встрѣтилъ посланного отъ Кустова съ извѣщеніемъ о случившемся и о появленіи въ стени киргизъ и рѣшилъ за лучшее вернуться обратно тѣмъ болѣе, что конвой при немъ было столько-же, сколько было прежде и у Кроткова—исего двѣнадцать солдатъ ³⁾.

Боясь выѣхать со своимъ малочисленнымъ конвоя на Яикъ, Воейковъ послалъ войскому атаману указъ выслать ему конвой отъ войска, самъ же одновременно сообщить въ Астрахань, что намѣренъ выѣхать на Яикъ 29 мая ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 698—694. Донесеніе Кустова отъ 18 мая.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 678.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 687, 690 и 691.

Прошла недѣлья и изъ Самары для Воейкова снова было получено неутѣшительное извѣстіе. Киргизы и каракалпаки уже большинъ собралисъ появившись вблизи Алексѣевска и Самары „и на степи являются многоюздуствомъ“. Сообщилъ ему Волковъ и обѣ томъ, что по челобитью казаковъ всѣхъ, кто былъ на Яикѣ для розыска, приказано выслать въ Казань, для чего присланы изъ Казани нарочные.

Бхать Воейкова окончательно раздумалъ. Онъ послалъ донесеніе въ Астрахань, гдѣ, сообщая полученные имъ сѣдѣнія, говорилъ: „Бхать на Яикѣ съ малюдствомъ опасно; а яцкая станица отправляется съ Яику къ Самарѣ и Сызрани сего-жъ іюна 9 дня и свидѣтельствовать (вести сѣдѣніе) будетъ безъ онихъ казаковъ неѣмъ; такъ-же ко мнѣ казаки проказывали, что они Астрахань неподсудны и мнѣ у нихъ для розыска не бѣть“¹⁾.

Въ концѣ донесенія онъ просилъ указа, какъ ему поступить.

Въ Астрахань, получивъ всю эту переписку, 15 іюня приказали Воейкову бхать немедленно на Яикѣ, не отговариваясь вичѣмъ, и сдѣлали выговоръ за то, что онъ слушаетъ „казачи письменны отговорки“, тогда какъ ему надлежитъ слушать указовъ, отчего происходит „упущенное время“²⁾.

Кустовъ-же получилъ приказъ дожидаться на Икаѣ прѣѣзда Воейкова, а татаръ подводчиковъ съ подводами отправить обратно въ Астрахань³⁾.

Написанъ бытъ отъ Волынского указъ и въ войско о послушавіи. „По-неже,— говорилось въ немъ,— чтобы маюра неносить, и по посланному дѣлу нерозыскивать, указу не прислано и маюру Воейкову велѣно бхать по прежнему указу на Яикѣ; а ежели будутъ убазы присланы изъ кавцеларія Правительствующаго сената, и изъ Камерь, или Ивостранныхъ дѣлъ коллегіи— тогда по нихъ такъ и чинять; а что вы предлагаете словами, до присланныхъ подланыхъ указовъ, тому вѣрять не надлежитъ.

И дабы вы по получевія сего его великаго государя указучили по прежде посланнымъ указамъ, съ которыми посланъ поручикъ Кустовъ и маюръ Воейковъ“⁴⁾.

Войску въ случаѣ ослушавія грозилось „штрафомъ“. Но подъ словомъ штрафъ въ то время понимались всѣ наказанія до ссылки въ каторгу включительно.

Переписка шла, дѣло-же не подвигалось ни на шагъ. Назначеные казанскими митрополитомъ Тихономъ для розыска: „бышій въ Федоровскомъ монастырѣ игуменъ Госифъ, да града Симбирска Троицкой церкви попъ Алексѣй Феофилактовъ“⁵⁾ давно уже прибыли въ Сызрань въ распоряженіе Воейкова и лишь ждали дни, когда можно будетъ выѣхать за Яикѣ.

Между тѣмъ, пока происходила эта бумажная болоката, на Яикѣ шла

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 110—122.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 679.

³⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 30, листы 110—122.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 682, письмо митрополита Тихона Волынскому.

глухая борьба партий. Войско было возбуждено и злобно настроено и противъ сыщиковъ и доносителей въ противъ бывшаго атамана Матвѣя Миронова. Въ тоже время новый гость не сдѣлъ смерко. Онъ не хотѣлъ признавать казачихъ постановлений, не удовольствовавшись отведенными ему квартирами, сталъ брать квартиры „самовольствомъ своимъ лучшіа“ и сталъ войско „изневаживать“.

Но не однъ онъ сталъ „изневаживать“ войско, занялся этимъ и Воейковъ. 9 июня изъ Лещаго городка выступила въ Сызрань въ Самару обычная весенняя станица съ рыбой и варю. Но пріездъ въ Русь часть станицы осталась въ Самарѣ, а другая половина пошла къ Сызрави. Когда она прибыла на Батрацкую пристань, Воейковъ „срачнѣль той станицѣ изневѣтство великое“. Онъ сталъ сводить свои личные счеты.— „Вы не хотите итти ко мнѣ за розыскъ такъ я вамъ покажу!“ — казалось, думалъ Воейковъ и съ первой же минуты прибытия казачьей станицы сталъ, какъ только могъ, вредить казакамъ и давать имъ накости и придирики.

Станица подѣхала къ перевозу на Волгу.

— Не давать имъ перевоза! — приказываетъ Воейковъ.

И тысячи подводъ и сотни казаковъ безиспользованія остаются на пустынномъ степномъ берегу Волги въ ожиданіи, когда господину сызранскому коменданту угодно будетъ смилостивиться и разрѣшить перевозку.

Три дня стояла станица у перевоза, пока Воейковъ разрѣшилъ дать казакамъ паромы.

Но и тутъ не обошлось безъ „изневѣтства“ — съ казаковъ взяли за перевозъ плату вдвое больше, чѣмъ полагалось по указу¹⁾.

Многимъ казакамъ нужно было побѣхать въ сосѣднія уѣзды по селанью къ своимъ знакомымъ, гдѣ они имѣли постоянныя дѣла, чтобы отдать часть товара, получить долги и сдѣлать другія дѣла. Узнавъ объ этомъ, Воейковъ „говорилъ неоднократно и писалъ дважды“ станичному атаману Степану Лукьянющичу Сумкиму, чтобы онъ тѣхъ казаковъ, которые такъ или иначе причастны къ розыску, никуда „въ дальние города“ не отпускаль, чтобы „за отбытиемъ тѣхъ казаковъ въ розыскномъ дѣлѣ остановки не учинилось“. Но это былъ только предлогъ, чтобы сдѣлать непріятность казакамъ, т. к. станица возвращалась въ войско только тогда, когда всѣ разѣхавшіеся собирались въ Сызрань. Да и отпугнувшись они на время, — не возвратившись казакъ рисковалъ не застать станицу и остаться въ Сызраніи до осени, пока не прибудетъ слѣдующая станица. Тѣхъ одному на Микъ, по стени, гдѣ безпрерывно шаряли киргизы, было немыслимо.

Сумкинъ на его письма не отвѣтилъ ничего и лишь словесно передалъ, что они ему недоступны, а вѣдомы въ Иностранный Коллегій и его указовъ слушать не будуть²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 213 -220. Чадебитыкъ войска 1720 г. въ октябрѣ.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 54, листы 700 -710.

Въ тоже время сизранскій комиссаръ *Василій Ивановъ*, увидѣвъ, что нѣкоторые казаки вопреки указа продавали соль, приказалъ арестовать виновныхъ въ этомъ казаковъ: есаула *Никиту Юрьева*, Григорія *Плунова*, Афанасія *Шабрина*, Ивана *Слабого* и еще трехъ казаковъ.

Сумкинъ послалъ хлопотать за нихъ есаула Ивана Василова. Василову удалось взять ихъ изъ поруки, но за это пришлось заплатить по полуполтинѣ за каждого человѣка. Деньги были отданы сызранскому подьячему Григорию Осипову.

Но Вавилова Воейковъ обратно не отпустилъ. Ось его арестовалъ. Предлогомъ для этого послужило то, что въ это время къ Воейкову явился бывшій за Янкѣ въ бѣгахъ солдатъ Петра Клементьевъ и подалъ на Вавилова извѣстъ. Извѣстъ этотъ заключался въ томъ, что будто-бы Вавиловъ, въ присутствіи двухъ солдатъ, уговоривъ Клементьевъ возвратиться снова на Янкѣ, обѣщая ему положеніе „лучше лучшаго маюра“. „Кто къ намъ на Янкѣ заѣхжть, будто-бы говорилъ Вавиловъ, тому будетъ лучше маюра и выдачи никогда не будетъ“.

Прошелъ весь юнь. Казаки скоро собирались выѣзжать обратно на Яикъ. Воейковъ получалъ строжайшее предписание вѣхать туда-же, не отговариваясь вѣчѣмъ. Но блудливъ, какъ кошка, и трусливый, какъ заапъ, онъ боялся вѣхать со станциею. Ему, видимо, вообще не хотѣлось вѣхать за Яикъ. Всюду видѣлъ онъ отъ казаковъ полную непріязни къ себѣ. Слышалъ, что вездѣ въ степи снуютъ каракалпаки. Эти свѣдѣнія подтвердили и станичинки, рассказывая ему, что на своемъ пути въ Сызрань они, пробуждая калмыцкіе улусы *Доржи* и *Лекбя*, видѣли тамъ человѣкъ съ пятьсотъ каракалпаковъ, что каракалпаковъ и киргизъ въ степи много. Пріѣхавшій изъ Яицкаго городка отъ Кустова солдатъ *Сорвачевъ*, явившись къ Воейкову, подтвердилъ сообщеніе казаковъ.

— „Вдичь съ Яку съ подводчикомъ съ татарами Юмахомъ, — говорилъ Строгачевъ, — видѣли мы въ Лекбѣевъ улусъ многихъ непріятельскихъ людей каркаланаковъ. И въ этомъ улусѣ они дѣлаютъ съ калинками порохъ и новые ружья. А какое у нихъ замѣрзіе — не знаю”¹⁾.

Но какъ-же быть этому? Донести по начальству? Воейковъ задумалъ просить у станичныхъ казаковъ оставить ему конвой, зналъ впрѣдь, что конвой ему не дадутъ, но за то у него будетъ поводъ донести начальству, что онъ не могъ выѣхать потому, что ему не даютъ конвой.

Для этой цѣли сь послать въ ставичному атакану подъячаго Кандалаева съ письмомъ, прося оставить конвой сто человѣкъ.

¹⁾ Моск. Арх. Г'лав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 700—701. Донесение Всевлова Кникну.

Казаки собрались въ кругъ, выслушали письмо и заявили посланному:

— „Насъ въ губерніяхъ вѣдать не вѣно, а вѣно вѣдать въ Коллегії Иностранныхъ дѣлъ. Астраханскаго указа вы слушать не будетъ, и въ про-
вожанье до Якуту казаковъ не дадимъ!“¹⁾)

Тогда просить конвой пріѣхалъ къ казакамъ самъ Воейковъ.

Казаки снова собрались въ кругъ. Станичный атаманъ Сумкенъ въ отвѣтъ на его требование дать конвой подальше ему полученное имъ письмо съ Якута „отъ куреного атамана съ товарищи“, въ которомъ говорилось, чтобы Воейкову ни подъ какимъ видомъ не давать проводниковъ (конвой) потому, что войско Астрахани не подсудно и астраханскихъ указовъ слушать не будетъ, и къ розыску не пойдетъ. Когда-же Воейковъ сталъ вести себя угрожающе и сталъ казаковъ ругать, казаки зашумѣли. Всѣхъ больше вззволновались атаманъ, есаулы и другіе начальники.

Воейкову, привыкшему до сихъ поръ имѣть дѣло съ покорностю и раболѣп-
ствомъ униженіемъ крѣпостныхъ работъ и не имѣвшему понятія о томъ, что
значить разсужденіе, рѣчи свободныхъ людей не понравицца.

„Они смѣютъ неслушаться, они смѣютъ разсуждать!“ — думалъ онъ.

— Взять этого! — крикаль онъ своимъ конвойнымъ, показывая на станич-
ного есаула Ивана Лукьянова, шутившаго больше всѣхъ.

Лукьянова скватили. Но тутъ случилось то, чего Воейковъ менѣе всего
ожидалъ. Онъ забылъ, что предъ нимъ была не толпа безгласныхъ и уни-
женныхъ работъ — крестьянъ, а свободные люди, не призываавшіе никакого
деспотизма, привыкшіе уважать и личность и слова другого.

Казаки вскинулися. Они бросились отнимать своего есаула. По адресу Воей-
кова посыпалась ругань.

— Берись за ружья, атаманы-молодцы! — раздались крики. — Бей его!²⁾)
Казаки взялись за оружіе; болѣе двухсотъ озлобленныхъ людей готовы были
рануться на выручку товарища. Еще одинъ моментъ и неминѣтельно, чѣмъ-бы
кончилась эта выходка Воейкова, но въ этотъ мигъ онъ успѣлъ вспрѣгнуть
на лодку и выѣхать съ захваченнымъ есауломъ быстро уѣхалъ съ Батрацкой
пристаніи въ городъ.

Схватенный есауль былъ немедленно отправленъ Воейковымъ, какъ бунтов-
щикъ, съ двумя солдатами, съ „писточкою“ (пистолемъ) Соловьевчиковымъ и съ при-
бывшимъ отъ Кустова татариномъ въ Астрахань къ оберъ-аудитору Кинкву³⁾.

Въ своемъ донесеніи Воейковъ, описывая происшествіе, говорилъ: „съ озва-
ченной станицею на Якутъ яѣхать не смѣю, а безъ казаковъ черезъ степь
ѣхать опасно“. Онъ просилъ снова дать указація, какъ ему поступить въ дан-
номъ случаѣ.⁴⁾)

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Арх. Глаз. Штабъ, опись 107, книга 54, листы 700—701.

Между тѣмъ на югъ у казаковъ было шумно. Наступилъ юль. Имъ пора было ужеѣхать на Яикъ; всѣ отпущенны въ юздѣ вернулись. Всѣ были въ сборѣ. Не хватало только двухъ человѣкъ, захваченныхъ Воейковымъ. Казаки нѣсколько разъ посыпали къ нему, чтобы онъ отдалъ ихъ обратно. Но Воейковъ сривалъ съ войска свою злобу и казаковъ не отпускалъ.

Казаки написали ему письмо:

„Пречесному и превысокородному господину маюру и коменданту Гаврилу Михайловичу, станичной атаману Степану Лукьянову и совсѣмъ войскомъ привого кланяюсь: пожалуй высокородной мои господинъ Гаврила Михайловичъ не держи нашихъ казаковъ; мы за собою всѣмъ войскомъ никакія винъ и измѣни не знаемъ, и ты насть держишь напрасно; а мы безъ этихъ двухъ казаковъѣхать небудемъ потому, что ты держишь безъ винно; а у насть слышно въ войскѣ отъ Куренского обѣскового (войска) и отъ казаковъ, что де было непрѣятельскихъ людей заражалъ казаковъ и киргизъ казаковъ большими собраніемъ десать тысячъ человѣкъ; а иные казаки сказываютъ, что де и больше; и ты пожалуй пречесной господинъ Гаврило Михайловичъ насть не держи въ нашихъ казаковъ отпустай кои есть у тебя вкрайни, чтобы наимъ за наимъ не жить и государеву вотчину не разорить; а буде ты господинъ Гаврило Михайловичъ нашихъ казаковъ будешь держать и наимъ остановку учиваши и государеву вотчину въ раззореніе отдашь непрѣятельскимъ людямъ, и въ этомъ будеть истецъ великий государь и мы будемъ также плакаться ему, великому государю, всеконечно; а буде мы казаки въ чёмъ наша вина великому государю и, милость ваша, ищите судомъ и расправою гдѣ мы при судии въ Каморѣ Коллегіи Иностранныхъ лѣть; а въ иныхъ числахъ пожалуй недержи и государеву вотчину въ раззореніе непрѣятельскимъ людямъ не отдай и, что бъ наимъ, казакамъ, государевой службы не отбыть; а ты, господинъ Гаврило Михайловичъ, пожалуста недержи а про то дѣло и градскіе люди знать, и купецкіе люди вѣдаютъ, всякихъ чиновъ, что ты нашихъ казаковъ держишь у себя напрасно, и наимъ остановку чинишъ, не вѣдаемъ по неже за что, за собою не знаемъ, безъ вины, и государеву вотчину въ раззореніе отдаешь непрѣятельскимъ людямъ; и мы ей всеконечно будемъ бить челомъ ему великому государю и наимъ мы выбрали станцу въ великому государю челобитчиковъ о своихъ нуждахъ и о налогахъ всякихъ чиновъ людей отъ кого есть наимъ изненага и войскому убытки и протори чинятся; и тебѣ бѣло извѣстно господинъ маюръ и коменданту Гаврила Михайловичъ о семъ; атаманъ Степанъ Лукьяновъ и совсѣмъ войскомъ кланяются.

Великому господину маюру и коменданту Гаврилу Михайловичу его пречестности Воейкову. 1720 года юля 9 дня¹⁾.

Письмо послали съ казакомъ Иваномъ Матренинымъ.

Но и письмо не подействовало. Воейковъ казаковъ не отдалъ.

¹⁾ Моск. Арх. Глаz. Штаб., синъ 107, книга 54, листъ 704.

Станица выѣхала, оставивъ ихъ на произволъ Сызранскаго коменданта.

Между тѣмъ Иванъ Лукьянъ по дорогѣ уговорилъ конвойныхъ солдатъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ на Яикъ и явился въ казачій городокъ.

Возвращаясь, станица должна была ѿхать черезъ городъ Самару, гдѣ находилась большая часть всей станицы, выѣхавшей съ Яика.

Здѣсь Сумкинъ и товарищи узнали о „изненательствахъ“ надъ казаками далеко болѣешихъ, чѣмъ тѣ, которые творилъ надъ ними Воейковъ въ Сызрани.

Тутъ командиромъ былъ уже извѣстный по своимъ поѣздкамъ на Яикъ „дворянинъ Тихонъ Волжовъ“, онъ-же и маюры извѣстнаго гарнизона.

По жалобамъ войска о его взяткахъ онъ былъ уже не разъ вызываемъ въ Казань, но не ѿхалъ туда, отговариваясь своею невиновностью Казани.

Онъ былъ болѣе озлобленъ на казаковъ, чѣмъ маюры Воейковъ. По приѣздѣ станицы ему представился случай отомстить казакамъ за подланную ими на него жалобу. И счеты начались съ первого-же дня прибытия станицы въ Самару.

Не успѣли станичники я оглашаться, какъ среди нихъ появился Волковъ и сталъ за нихъ кричать и ругать войско.

— Вы бунтовщики и измѣники! — кричалъ онъ казакамъ ¹⁾.

Загрублому крестьянину и рабочему каждыи человѣкъ, имѣвшій чувство собственнаго достоинства, стремившійся къ свободѣ, и дорожившій свободою, казался бунтовщикомъ и измѣникомъ.

Пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ „дворянинъ Тихонъ Молчановъ“ не отставалъ отъ своего начальства.

— Вы всѣ и все ваше Куренское войско бунтовщики и измѣники! вторилъ онъ Волкову ²⁾.

Боясь новой жалобы со стороны казаковъ, Волковъ не сталъ открыто дѣствовать противъ нихъ, а направилъ на нихъ своихъ подчиненныхъ.

Приправившись по какому-то мелочному дѣлу, подпоручикъ Порецкий привезъ арестовать шесть человѣкъ казаковъ и посадилъ ихъ подъ караулъ.

Не зная за ними вины, станичный атаманъ Иванъ Тимофеевъ для выручки ихъ пошелъ вмѣстѣ со своими станичными есаулами на квартиру бывшему подпоручику и сталъ просить отпустить арестованныхъ.

— За что ты ихъ держишь за карауломъ? — говорилъ ему атаманъ.

Подпоручику показался этотъ вопросъ драконъ. Какъ сидѣть у него саргивать отчета въ его дѣятніяхъ и кто же простые казаки! Какая дарости!

— Взять ихъ подъ караулъ! — крикнулъ онъ солдатамъ.

Посадили и ихъ въ тюрьму. Но за грубости надѣли на нихъ колодки. Сутки просидѣвъ атаманъ и есаулы подъ карауломъ и лишь только благодаря покрову

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, епісъ 107, книга 30, листы 213—220. Челобитнѣи войска 1720 г. въ сентябрѣ.

²⁾ Тамъ-же.

всей станицы Шорецкой выпустить ихъ на другой день на свободу¹⁾.

Немного слусть тотъ же Шорецкий вельзъ схватить еще четырехъ казаковъ, „которые служили въ казакахъ лѣть по 13 и по 14“, и безъ всякаго повода и указа свыше „поворстать ихъ въ солдаты“²⁾.

Самарскій фискалъ³⁾ тоже не отставалъ отъ своихъ товарищъ. Онъ поймалъ казака Ивана Михайлова и назвалъ его своимъ бѣглымъ крестьяниномъ, несмотря на то, что казакъ этотъ былъ на службѣ двадцать лѣть. Не предъявивъ положенныхъ для этого документовъ (крѣпостей) онъ отоспалъ его въ свою вотчину.

Надъ казаками издѣвались и глумились. Но они терпѣливо спосили сыпавшіяся на нихъ бѣды, вѣра въ правду у высшаго начальства, и потерявъ многихъ своихъ товарищъ, уѣхали на Яикъ. Вмѣстѣ съ ними Воейковъ отправилъ прибывшаго отъ Кустова солдата Сорвачеева и сызранскаго солдата Варакина, для отзоя на Яикъ „послушной грамоты“, посланной изъ Астрахани 15 июня черезъ Воейкова, и письмо съ требованіемъ выдачи бѣжавшаго есаула Ивана Лукьянова и ковбойныхъ солдатъ.

25 июня станичники благополучно вернулись за Яикъ и рассказали войску обо всемъ случившемся съ ними въ Сызранѣ и Самарѣ.

Можемъ себѣ представить озлобленіе войска, не находившаго себѣ выхода отъ бѣды и неимѣвшаго возможности найти даже защиты отъ насилія ближайшихъ властей, и, мало того, отданнаго снова въ полный произволъ тѣхъ-же властей, которыя творили все, что только имъ хотѣлось, и произволу которыхъ, казалось, не было конца.

Собрали кругъ и войсковой атаманъ Арасовъ вельзъ прочитать всему войску поданный ему Варакинныи указъ изъ Астрахани.

Указъ казаки выслушали; въ кругу поспѣль ропотъ недовольства.

Бывшій атаманъ Григорій Меркульевъ и все войско вмѣстѣ съ нимъ „единогласно“ заявили посланнику:

— Великаго государя указами, посланными изъ Астрахани, мы не послушны, поваже мы Астраханіи не подсудны. А ежели господинъ Воейковъ къ намъ для розыска на Яикъ и будетъ, то мы его въ городокъ не пустимъ, и квартиру не дадимъ, и подъ судъ не пойдемъ!⁴⁾

Войско уже впередъ, по однинъ разъясняясь станичникамъ, ненавидѣло Воейкова.

Казаки разгорячились.

Выступилъ впередъ Федоръ Рукавишниковъ. Онъ выпалъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ вышло двадцать человѣкъ вооруженныхъ казаковъ, составлявшихъ его конвой и всегда находившихся безотлучно при немъ. Почему онъ всегда хо-

1) Такъ-же.

2) Такъ-же.

3) Фамилія его въ человѣтной не упомянута.

4) Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 51, листы 700—710. Донесеніе: Воейкова Каннику 1720 г. въ августѣ.

дѣль съ конвоемъ — остается загадкой.

— Долго-ли розыщикамъ въ нашъ казачій городокъ Ѵздить и въсъ разо-
рать! — крикнулъ онъ въ кругу, — я самъ поѣду къ царскому величеству и буду
битъ челомъ, чтобы тому розыску не быть, понеже царь вѣдаетъ меня по имену
и не промѣняетъ на лучшаго генерала! ¹⁾).

Послѣ этого Рукавишниковъ сталъ ходить по кругу и что то шептать
казакамъ на ухо.

Было ли это обадриваніе казаковъ въ рѣшимости не пускать Воейкова въ
городокъ или-же какое либо иное предупрежденіе объ исполненіи условленнаго
ними разѣ — невѣдѣстно. Бывшіе свидѣтели всего этого, посланцы Воейковыи
солдаты, объ этомъ не узнали.

Войску не вѣзло въ поискахъ за иправдою. Незадолго передъ прѣѣздомъ си-
ранской станціи за Яикъ прѣѣхала станица казаковъ, бывшихъ въ Казани,
свидѣтелями по дѣлу Кроткова и др. Они привезли отъ казанскаго губер-
натора увѣдомленіе, что согласно указа изъ Иностранной коллегіи о розысѣ надъ
Кротковымъ, Путяловымъ и другими бывшими за Яикъ, онъ посыпалъ изъ
Казани указы о высылкѣ этихъ офицеровъ и подъячихъ въ Казань, но они
всѣ „оказались присланному великаго государя указу не послушны и за судъ
не бывали“. Обвиняемые написали письма казанскому губернатору, что они Ка-
занской губерніи не подсудны, а подсудны Астраханской.

Губернаторъ писалъ войску, что всѣ они „въ Казань подау посыпкамъ
непотъхами и учинались ослушны; а именно: житель города Сибирска по-
рутчикъ Егоръ Кротковъ, подъячай Иванъ Ивановъ Муромцовъ; города Самары: дворянинъ Тихонъ Волковъ, Федоръ Федотьевъ, фискалъ Ми-
хайла Путяловъ, подъячіи: Иванъ Оечинниковъ, Яковъ Соболевъ; а порут-
чикъ Наумовъ, по опредѣленію въ военной коллегіи, съ генеральнаго смотру
отосланъ въ армейскіе полки въ Фаланской корпусъ; а казанскіе подъячіе
Федоръ Сухаревъ выѣхъ у дѣлъ карабельныхъ лѣсовъ у вице-губернатора
господина Кудрявцева, и о присылкѣ онаго къ допросу къ нему мы писали
на что онъ, вице-губернаторъ, къ намъ письменно отвѣтствовалъ, что команди
его служителей по именному его царскаго величества указу во всомъ вѣдѣ
вѣдать ему, а объ другихъ никому ни въ чёмъ ихъ вѣдать не вѣдѣно; а
онъ, Сухаревъ, у него комисаромъ, а чтобы ему отсыпать къ кому под-
командныхъ своихъ о томъ онъ еще такого великаго государя указу не имѣть
и его не отдавать; а Алексѣй Сухаревъ, по присланному великаго государя
указу изъ Каморъ-Коллегіи, изъ Казани изять къ дѣламъ во оную канделярію
и выѣхъ тамъ; и по присланной съ Йику отъ васъ отпискѣ изъ вышеслан-
ныхъ людей въ губернскую казначеярію съскать одинъ, который въ командѣ
губернской, Дмитрій Кемешкой и допрашиванъ и съ тѣхъ взятковъ запи-
рался, въ чёмъ отъ присланыхъ отъ васъ, казаковъ, по уликамъ учинали

¹⁾ Тамъ-же, показаніе солдатъ Варакина и Сорачева.

иже имъ общалъ ссылка на москвичъ, посацкихъ людей, которые для торговъ бывають у васъ за Яикъ, на четырехъ человѣкъ; и по посылкѣ изъ Казани по вихъ на Яикъ для взятъ въ Казань къ дозорамъ вы пи-
сали, что тѣхъ людей москвачъ нынѣ за Яикъ вѣтъ — отъѣздали въ дома своя ¹⁾.

Какъ видимъ, изъ всѣхъ обвиняемыхъ губернаторъ имѣлъ возможность допросить только двухъ бывшахъ у него непосредственно въ подчиненіи.

Увѣдомленія объ этомъ войско, Салтыковъ говорилъ, что онъ донесъ объ этомъ въ Иностранный Коллегію и всѣмъ войску снова быть членомъ въ Петербургъ ²⁾.

Четыре дня были посланные на Яикъ. Три дня подрядъ въ присутствіи ихъ собирался войсковой кругъ — и каждый разъ войско говорило имъ, что они Воейкова къ себѣ не пустятъ. Другого рѣшенія они не слышали. Они видѣли только возбужденія лаца казаковъ, видѣли только, что войско сна-
ражало станицу для членобитья въ Петербургъ объ отмѣтѣ посылки Воейкова и объ изъятіи войска изъ управы Астраханской губерніи. Войску надоѣло пла-
тить губернскимъ сыщикамъ, — въ ихъ правду они не вѣрили. У нихъ осталась вѣра въ правду высшаго начальства, которое однѣ могло, по ихъ понятіямъ, безъ взятокъ, безъ пословъ, честно рѣшать казачье дѣло и избавить войску отъ извѣстовъ Карташева. Только отъ него казаки ждали своего торжества надъ зломъ: — ведь „измѣнникъ и воромъ Карташевны“ и надъ „бездѣль-
ной корыстью“ наѣзжавшими къ нимъ сыщикамъ. Взоры войска обратились къ Москвѣ.

Среди круга каждый день появлялся Рукавишниковъ и выбиралъ для от-
правляемой ставицы „членобитчиковъ“, кого хотѣлъ. Войско слушало каждое
его слово.

Относившіеся до сихъ поръ безразлично къ присутствію въ городкѣ поручика Кустова, теперь казаки стали на него смотрѣть косо. Онъ напоминалъ имъ о могущемъ быть новомъ мучительномъ розысѣ, напоминалъ о ненавистномъ имъ Воейковѣ.

Казаки стали выживать его изъ городка. Въ присутствіи посланныхъ они постановили въ кругу: — солдатамъ Кустова хлѣба болѣе не продавать ³⁾.

— Дайте мнѣ жѣлѣза — я закую и поручика и его солдатъ! — кричалъ Рукавишниковъ въ кругу: соручикъ чергъ и мошенникъ!

И по адресу Кустова раздалась ругань изъ всего круга ⁴⁾.

Посланые увидѣли среди казаковъ арестованнаго Воейковымъ въ Сызранѣ стацічнаго есаула Ивана Лукъянова и двухъ солдатъ, посланныхъ съ нимъ въ качествѣ конвойныхъ въ Астрахань.

На требование Варакина отдать есаула и бѣглыхъ солдатъ войско отказалось.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 207—208.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листы 213—220. Членобитие войска 1720 г. октября 12.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 709—710. Донесеніе Воейкова Князю 1720 г. въ августѣ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 720 и 727. Донесеніе Воейкова 1720 г. 18 ноября.

Посланнымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только уѣхать обратно въ Сырань. Войско написало отписку и послало виѣстъ съ ними къ Воейкову. Въ отпискѣ, сообщающей о получении войскомъ 25 июля указа изъ Астрахани, чтобы казакамъ быть послушными Воейкову, казаки заявляли: „И мы Ипецкихъ войскомъ къ тебѣ подъ розыскъ не пойдемъ потому, что мы къ Астраханской губерніи не подсудимы, а подсудимы мы по указу царскаго величества въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ государственному канцлеру и кавалеру и президенту тифлу Гавриилу Ивановичу Головкину съ товарищи... и изъ той Коллегіи прислава грамота въ Казань къ ближнему боярину и губернатору казанскому Александру Петровичу Салтыкову съ товарищи, чтобы ему насть, Ипецкихъ казаковъ, разыскивать во всѣхъ дѣлахъ, и по розыску указъ учинить и свой губернаторъ казанской ни какого рѣшения не починять и еще вторично велѣть бить челомъ въ Санктъ-Петербургъ царскому величеству; и мы войско выбрали своихъ яицкихъ казаковъ и послали въ Санктпетербургъ бить челомъ царскому величеству, чтобы приказалъ царское величество насть разыскать въ Санктпетербургѣ съ измѣнникомъ Иваномъ Карташевымъ и съ другими офицерами, которые съ насть яицкихъ казаковъ великія взятки брали; да прислалъ твое благородіе, господинъ маіоръ и комендантъ, великаго государя указъ за рукою вашего благородія, а въ указѣ великаго государя писано, чтобы насть яицкихъ казакамъ въ отъѣзде никуда не разѣзжаться и выслать бы насть къ тебѣ своихъ яицкихъ казаковъ для проводительства и охраненія конвоя сто человѣкъ; и отъ насть яицкихъ казаковъ къ твоему благородію для продовольства и охраненія конвоя не будетъ, и буда твое благородіе изволиши щѣхать къ насть на Яикъ въ казачій городокъ для розыска и мы яицкихъ войскомъ въ розыскъ къ твоему благородію несѫдѣмъ по указу царскаго величества, что будеть изъ Санктпетербурга, а о томъ розыску царское величество кому опредѣлить разыскать; а квартиръ твоему благодородію ничего отъ насть, яицкихъ казаковъ, не будетъ. Да въ томъ же великаго государя указѣ писано отъ вашего благородія обѣ нашемъ казакѣ Иванѣ Лукьянновѣ, что котораго казака поймалъ на Батрацкой пристави, и будто онъ бѣжалъ съ дороги и подгоноря двухъ человѣкъ солдатъ, а у насть такти солдатъ не явилось, а оного казака Ивана Лукьяннова къ насть въ городокъ привезли калмыки; и твое благородіе писаль къ насть на Яикъ чтобы того казака выслать съ присланніемъ солдатомъ и мы яицкихъ войскомъ того, вышепомянутаго казака, твоему благодородію не отдадимъ потому, что у насть писано обо всемъ въ Санктпетербургѣ и о томъ, что царское величество опредѣлить и послали отписку и велѣли подать въ Сыранскую канцелярію господину маіору и коменданту Гавриилу Михайловичу Воейкову.

„Отъ Яику 29 июля сего настоящаго 720 году“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., папка 107, кв. 84, листы 711 - 712. Войско хотѣ и написало Воейкову посыпкѣ станицы въ Петербургъ, но въ действительности не еще не послало. Рукавининъ ссыпалъ далее позже.

Посланные уехали въ Сызрань.

Дѣла-же въ войскѣ не предвещали ничего хорошаго. Войско явно раздѣялось на дѣвь враждебныхъ партій. Одна малочисленная, состоявшая главнымъ образомъ изъ заслуженныхъ старшинъ, тянувшихъ руку Москвы, во главѣ съ Матвѣемъ Мироновымъ и другая, составлявшая всю остальную массу войска, во главѣ съ Рукавишниковымъ. Старая старшинская партія смотрѣла на Донъ. Уничтоженные тамъ, послѣ Булавинскаго буата, круги, лашеніе казаковъ права руководить дѣлами войска, управление войскатолько одни старшины, давшими тамъ началомъ привеллигированному классу и, наконецъ, назначеніе войскового атамана правительствою и пожизненно, безъ смѣи его войскомъ—все это затуманило головы старшинамъ и на Яикѣ. Не даромъ Карташевъ просилъ въ своей челобитной о назначеніи на Яикѣ атамана такъ-же какъ и на Дозу. Честолюбіе или иные побужденія волновали старшинъ, но они встали противъ всей массы войска начальникъ скрыто подъ флагомъ Карташева, но когда карты ихъ стали открыты они явно выступили на борьбу съ Рукавишниковымъ и его партію съ главной массою казаковъ державшихся за старину, и отстававшихъ своимъ казачьимъ правамъ.

По приѣздѣ Рукавишникова борьба вступила въ послѣдній періодъ.

Онъ громко поридалъ старшинъ, называя ихъ измѣнниками войска. Первый поплатился крестный отецъ Карташева Матвѣй Мироновъ. Онъ окончательно попалъ въ опалу. Онъ выносилъ на своихъ плечахъ всю ненависть, которую питало войско къ Карташеву. Казаки никакъ не могли понять, какимъ образомъ Карташевъ могъ узнавать все, что творится на Яикѣ? Кто могъ ему сообщать объ этомъ? Конечно Мироновъ, больше не кому!—рѣшаетъ войско и заподозривъ его окончательно въ измѣнѣ казаки въ три часа ночи врываются къ нему въ домъ, хватаютъ его и куютъ въ цѣни.

Напрасно на другой день въ кругу онъ оправдывается полнымъ невѣдѣніемъ, войско не слушаетъ. Въ кругу раздается брань, по адресу бывшаго атамана сыплются проклятия и угрозы казаю. Его бить, и отводить подъ караулъ. Выводятъ Елисѣева и Назарова ихъ тоже бить и отводить снова подъ караулъ¹⁾.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Войско возбуждено. Оно ищетъ виновниковъ своихъ бѣдъ, оно видѣть ихъ въ другихъ старшахъ въ атаманѣ Федорѣ Араповѣ, старающихся сдерживать казаковъ отъ горячности и отъ рѣшительныхъ мѣръ.

Казаки стали зорко следить за ними, особенно Рукавишниковъ со своими друзьями. Въ войскѣ незамѣтно назрѣвали тѣ события, разразиться которыми суждено было не въ далекомъ будущемъ.

Но пока происходила эти события, легкая станица Астраханки, выѣхавшая съ Яика въ мартѣ мѣсяцѣ, лишь только въ концѣ апрѣля прибыла въ

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Доказывая Всѣхъ 18 ноября 1720 г. и доказывая Карташева 1722 г. „Урал. Вѣк.“ 1869 г. № 45.

Москву. Здѣсь, изъ Посольского приказа дали имъ подорожную до Петербурга на три подводы съ платою по алтыну за десять верстъ съ подводы, но девять не дали. Казаки поѣхали дальше, платя свои. „А какъ прибыли Волжковомъ до Сосенки амщики, за неимѣніемъ у себя, подводъ не дали“. Астраханцы съ товарищами остановились. Пришлось нанять лодку за полтора рубля и ихъ довезли до Старой Ладоги. Изъ Старой Ладоги наняли до Шлюссельбурга три лошади по одному рублю съ гривною за лошадь. Отсюда они опять поѣхали водью въ наемной лодкѣ, заплативъ за это двадцать алтынъ. Сколько стоила имъ дорога до Москвы — неизвѣстно, но отъ Москвы до Сосенки (617 верстъ) и отсюда до Петербурга они израсходовали 10 рублей, 13 алтынъ, 4 деньги ¹⁾.

Въ началѣ маѣ они наконецъ прїѣхали въ Петербургъ.

Здѣсь 18 маѣ они подали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ свою челобитную о дачѣ имъ жалованья, пороху и ядеръ.

Излагая въ своей челобитной, что въ давнихъ гоцахъ казаковъ за Яекъ было всего 600 человѣкъ и что они получали на это число жалованье и за сукна по 953 руб. 8 алтынъ и двѣ деньги въ годъ и пороху ручного 12 пудовъ, пушечнаго 14 пуд., свинцу — 12 пудовъ и по 100 ядеръ въ годъ, они говорятъ, что съ 1696 года казаковъ за Яекъ стало 2600 человѣкъ, между тѣмъ жалованье идетъ до настоящаго времени по старому окладу и что съ 1719 г. казаки не могутъ получить даже и этого жалованья по окладу, т. к. башкирскій губернаторъ отказалъ въ выдачѣ, зваду перехода войска въ вѣдѣніе Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

„И снаго пороху, и свинцу, и ядеръ, пропавъ старого окладу, на двѣ тысячи шестьсотъ человѣкъ намъ въ годъ нестаетъ,—писали казаки въ челобитной,—для того что непріятельские люди — каракалпаки и киргизы-казаки приходить къ намъ двумя ордами, большими собраниемъ, многолюдствомъ, тысячу по десяти и по пятнадцати, и чинятся съ ними бои многіе; и живѣтъ отъ нихъ во всякъ опасеніи, иначе мы Ѵздѣмъ для охраненія и для покуки хлѣба на Сырань и на Самару многолюдствомъ со всѣми боемъ и съ пушками.

Всемилостивѣйшій государь просимъ вашего величества велии государь: сверхъ старого окладу — шестисотъ человѣкъ, на прибыльне на двѣ тысячи человѣкъ, свое великаго государя денежное жалованье, также и за сукна деньги, и о дачѣ пороху, свинцу и ядеръ, вновь оклады учредить. И на прошлый 719 годъ и на нынѣшній 720 годъ, на двѣ тысячи на шестьсотъ человѣкъ намъ нижайшимъ свое великаго государя денежное жалованье и за сукна деньги, и порохъ, и свинецъ въ ядра выдать и впредь давать по своему государеву указу, и о томъ свой великаго государя указъ учини“ ²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 80, листы 89—93. Челобитная Астраханцевъ о выдачѣ израсходованныхъ прогодъ.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 80, листы 85—86.

Но вскоре добились ставчанки следуемаго имъ жалованья. Изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ посыпали конісъ казачьей члобитной въ Штатсконторъ коллегію для дачи жалованья и въ Военную коллегію о дачѣ пороха и свинца. Но изъ Военной коллегіи отвѣтъ пришелъ только къ 9 июля; въ немъ говорилось, что таиъ никогда лицкіе казаки не числились и для того, чтобы вить выдавать порохъ и свинецъ, нуженъ указъ Сената¹). Въ томъ же духѣ отвѣтила и Штатсконтора. Но вслѣдъ за этимъ 29 июля Штатсконтора сообщила, что жалованье войску, впередъ до рѣшенія вопроса о дачѣ прибывочного жалованья, отпущено войску изъ штатсконторы изъ доходовъ Казанской губерніи всего на 600 чл. по 953 рубля въ годъ за оба просимыхъ войскомъ года — за 1719 и 1720 г. всего 1906 руб.

Относительно же выдачи пороха и свинца состоялся указъ изъ Сената лишь 8 октября 1720 года, чтобы Яицкое войско получало это жалованье по прежнему изъ артиллерійскихъ припасовъ изъ Казани.

Пока шла эта переписка, Астраханкинъ съ товарищами находились въ Петербургѣ. Въ іюнѣ они съсева подали члобитную въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, на этотъ разъ прося пушекъ и знамень.

Члобитная была на имя царя.

„Въ прошлыхъ годѣахъ дана намъ нижайшимъ рабамъ твоимъ члобитнаго государя, милость, — писали члобитчики, — знамена и пушки отъ находу непріятельскихъ людей, понеже приходить къ намъ каракалпаки и киргизцы двумя ордами тысячъ по десяти и по пятнадцати и больше; и тѣ данные пушки стоять по городу; а для вылазокъ противъ тѣхъ непріятельскихъ людей пѣхотою и конницею походныхъ пушекъ у насъ работъ твоихъ нѣть, а данные твои государевы знамена, когда были мы въ походѣ съ княземъ Александромъ Бековичемъ Черкасскимъ, непріятельские люди взяли у насъ съ людьми въ полонъ“²).

Въ ковцѣ члобитной казаки просили о выдачѣ знаменъ и легкихъ пушекъ. По безграмотству ставчанковъ расписался „донской казачій писарь Федоръ Капустинъ“.

При словесномъ же разспросѣ въ той же коллегіи ставчанки дали подробное объясненіе о полученіи въ прежнее время и знаменъ и пушекъ.

„Въ прошлыхъ годахъ, — говорили они, — въ которыхъ именно сказать не упомнимъ, когда мы, лицкіе казаки, вѣдомы были въ приказѣ Казанскаго дворца, тогда, по прошепю войсковому, чрезъ присланыхъ отъ настъ члобитчиковъ, по посланнымъ его великаго государя грамотамъ, изъ приказу Казанскаго дворца дано намъ для обороны отъ прихода непріятельскаго, изъ визовыхъ городовъ: изъ Сибирска три пушки, изъ Казани пять пушекъ боль-

¹⁾ Тамъ-же, листы 70—71 и 76—78.

²⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листъ 815.

шныхъ чугунныхъ; а изъ пушекъ изъ которыхъ городовъ къ намъ отпусканы того мы сказать подлинно неупомнимъ; только наше у насъ въ Яицкомъ го-родѣ всѣхъ по городу поставлено пятнадцать пушекъ. Такожь и воинскіе клей-коты памъ изъ приказу Казаевскаго дворца и изъ Казави, по указаніи, да-ваніи; и оныхъ пушекъ, за таѣстію, для обороны отъ приходовъ непріятель-скихъ изъ города вывозить невозможно; а полковыхъ небольшихъ пушекъ, ко-торые могли бы мы въ приходъ непріятельской вывозить въ выходъ на вылазки, мы у себя ни единой не имѣмъ. И милости у великаго государя мы, яицкіе казаки, просимъ, дабы его царское величество, презирая наше, милостиво пове-льть къ намъ въ войско пожаловать вѣсколько полковыхъ мелкихъ пушекъ, съ которымибы мы во время, и едва не повсегоднее отъ непріятелей къ город-ку ихъ нашествія, могли на вылазкахъ обороныться, такожь и клейкоты вой-сковия памъ дать”¹⁾.

Но по этой членобитной перечиска о дачѣ войску знаменъ и пушекъ затяну-лась еще далѣе. Результатата ставичаикамъ не удалось дождаться. Въ юни-же 2 числа Астраханскій подаль членобитную о прибавкѣ платы за соль, привозимую казаками въ Самару, Сызрань и Алексѣевское. Плата, которую назначиль сенатъ ранѣе по 2 алтына и 4 денги за пудъ, была слишкомъ мала, т. к. соль съ доставкою въ Гусь санинъ казакамъ обходилась болѣе 4 ал-тынъ. По этой членобитной состоялся указъ только 30 октября, по которому приказано было выдавать войску за пудъ соли по три алтына, обѣчъ войсковому атаману и войску была послана грамота въ тоиъ же году 6 декабря²⁾.

Въ тоже время казаки Мордвиновъ и Прѣтковъ подали членобитную въ Сенатъ съ отдачѣ имъ Баляръ-Батыра.

„Въ прошломъ 1718 году, — писали между прочимъ казаки въ членобитной, — въ августѣ итѣсѣ дадю нашего родного Ларіона Петрова сына Латошиника съ сыномъ его, а съ нашимъ братомъ Исаюмъ, да со шукомъ его, а съ нашимъ племянникомъ Петромъ Еюровымъ сыномъ каракалпаки на сѣнокосѣ взяли въ половъ и по наше у нихъ въ половину”. Дальнѣ, говори о захватѣ ими въ прошломъ году въ августѣ Баляръ-Батыра и ѿѣ трехъ киргизъ и о письмѣ, полученномъ отъ каракалпаковъ, они просили, чтобы было приказано отдать Баляръ-Батыра на размѣръ ихъ родственниковъ; „и буде онъ, Баляръ-Батыръ, умеръ, — писали они дальше, — вели государь отдать товарища его, кого мы указемъ и о томъ дать намъ изъ Сената въ Казань къ губернатору свой госу-даревъ указъ”³⁾.

По этой членобитной казаки рѣшеніе получили скоро, — 29 юни уже состоя-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 318.

²⁾ Моск. Архивъ Головаго Штаба, опись 107, книга 30, листы 129—132.

³⁾ Моск. Арх. Инн. Юстиціи, дѣло Правит. сената по Нои. Кол. № 4/24, листъ 15. Подписаніе Мордвиновъ и Прѣтковъ, а по наѣ безграмматству руку приложилъ петр. житель Никитинъ.

ся указъ сената казанскому губернатору выдать казакамъ или Бааръ-Батыра или другого киргиза ¹⁾.

Удалось ли казакамъ обмѣняться пленными — изъ дѣла не видно.

Прошелъ августъ, прошелъ и сентябрь, а рѣшено по дѣлу пожалованія заменъ и пушекъ все еще не было.

Наступилъ октябрь, ставичники собралисьѣхать домой. Имъ выдали затраченныиа имъ деньги за проѣздъ въ передай путь и, получивъ „для Сантъ-Петербургскаго житъя на корыть по десати рублевъ человѣку“ и прогони до Москвы всего 13 руб. 13 алтынъ и 4 деньги, выѣхали 18 октября на Яикъ ²⁾.

Въ указѣ, данномъ Посольскому приказу, о выдаче ставичникамъ подорожной говорилось, что слѣдуетъ выдать казакамъ пограничныхъ денегъ „отъ Москвы и до котрого мѣста и сколько надлежить противъ дачь казацкихъ посланцевъ“ ³⁾.

Астраханкинъ повезъ съ собою и грамоту войску. Эта грамота войску, какъ всѣ вообще грамоты войску того времени, начиналась обычнымъ обращеніемъ къ войску:

„Отъ Великаго Государа, Цара и великаго князя Петра Алексѣевича, всел великия, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, на Яикъ атаману Никитѣ Трифонову и казакамъ“.

Въ грамотѣ въ началѣ послѣдовательно излагались всѣ просьбы войска и присланного станичнаго атамана Астраханкина, въ концѣ же грамоты заключался отвѣтъ царя на просьбы.

„И въ Штатѣ-квторѣ коллегіи рѣшено: вамъ Яицкимъ казакамъ Наше Великаго Государа денежнное жалованье, до подзинаго опредѣлѣнія, на прошлый 1719 г., такожъ и на нынѣшній 1720 г., выдать противъ прежнихъ дачь, на 600 чел., по девятисотъ по пятидесяти по три рубли на годъ, всего 1906 рублевъ изъ доходовъ Казанской губерніи.

Такожъ, по приговору Правительствующаго Сената, вельямо: порохъ, и свинецъ и здра, буде прежде сего дававо, и винѣ дать и воредь давать изъ Казани же.

И о томъ Нашъ Великаго Государа указы въ Казань посланы, и съ тѣми указами присланы отъ васъ членобитчики: станичный атаманъ Иванъ Астраханкинъ, съ товарищи, три человѣка изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ отпущены. Писанъ въ Сантъ-Петербургѣ, лѣта 1720 г. октября въ 17 день“ ⁴⁾.

Повезли съ собою ставичниковъ и другую грамоту. Эта грамота была въ Казань къ губернатору боярину Алексѣю Петровичу Салтыкову.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 16. Указъ помѣченъ 29 июня, членобитнай-же казаковъ 17 августа того же 1720 г. Въ данномъ случаѣ произошло тѣ то ошибки писца и, вѣроятнѣе, въ членобитной казаковъ, т. к. сдавали бы они отложили подачу столъ важной для нихъ просьбы на цѣлыхъ три мѣсяца послѣ своего приезда въ Петербурга.

²⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 80, листы 89—93 и 102.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, книга 80, листы 101 и 103.

⁴⁾ Тамъ-же.

Въ ней подтверждалось разобрать и исследовать всѣ жалобы войска на офицеровъ и дворянъ, пріѣзжавшихъ на Яикъ для розысковъ, и также прислатъ возможно скорѣе свѣдѣнія о состояніи Яицкаго войска, которые требовались еще въ пріѣздѣ Рукавишникова въ январѣ этого-же года, но до сихъ поръ не были получены.

Эти свѣдѣнія требовалось написать подробно для проверки свѣдѣній, данныхъ о томъ-же Рукавишниковымъ.

Разсмотрѣть такъ ли они о томъ здѣсь доказали, говорилось въ грамотѣ, и буде что не такъ, или еще къ тому надлежитъ дополнить, о томъ о всемъ въ Казанской канцеляріи подлинно выправясь и выписавъ, прислатъ обстоятельное извѣстіе за вашею губернаторскою рукою въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, что бѣ во оной Коллегіи о томъ о всемъ подлинно было вѣдомо и потому бѣ впередь возможно надлежащіе указы посыпать и на прошевія ихъ рѣшенія чинить.

...Такова наша Великаго Государа грамота въ Казань послана марта въ 17 число сего 1720 года съ яицкими казаками съ Федоромъ Михаиловымъ съ товарищи; а сіа грамота въ сочиненіемъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ о состояніи тѣхъ яицкыхъ казаковъ вопросовъ и отъ приславшихъ отъ нихъ человѣтчиковъ объявленіи, посыпаются въ другой рядъ для того, что по первой грамотѣ о томъ по сіе число отвѣту не учинено¹⁾.

Станачанка же побѣхали изъ Москвы на Яикъ, какъ и большинство зѣтніхъ станицъ водою — по Окѣ и Волгѣ до Самары. Въ Казани они передали грамоту губернатору.

На Яикѣ-же въ это время по всѣмъ направлѣніямъ по степи рыскали толки киргизъ и каракалпаковъ. Почти вся орда захлопнула на русскую восточную Украину для грабежа и добчи. Уже 7 августа появились передовыя ихъ партии вблизи Яицкаго городка и, по обычая, застѣтѣвъ внезапно, захватили бывшихъ вблизи городка семь человѣкъ казаковъ въ пленъ. Войско немедленно послало обѣ эти въ Самару Тихону Волкову вѣстовую отписку, а само черезъ нѣсколько дней было вынуждено гѣсть въ осаду. Киргизы на этотъ разъ не обложили городка со всѣхъ сторонъ, а, перейдя главными силами рѣку Яикъ выше городка, устроились на Русь, оставивъ мелкія шайки тревожить казаковъ.

Одна изъ шайкъ въ пятьсотъ человѣкъ киргизъ подъ начальствомъ двухъ батырей Уруу бая-батыря и Тары-Берди-батыря цинулась къ Волгѣ, къ рѣчкѣ Черемшѣ, которая въ то время составляла границу Уфимской провинціи; на Черемшѣ стояли вдоль всей границы заставы и киргузы изъ драгузъ и донскихъ казаковъ. Надѣтѣвъ на одну изъ заставъ, киргизы завязали бой и, разбивъ заставу, всей толпой двинулись въ ближайшія села, где захватили скотъ и взяли въ пленъ около шестидесяти человѣкъ крестьянъ,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., синъ 107, кн. 80, листы 94—95. Грамота 1720 г. 17 октября.

мужчинъ и женщинъ, двинулись обратно. По своему обыкновенію вести пленныхъ они назначали особую партию, которую и усадили впередъ, а сами остались еще на некоторое время въ предѣлахъ рѣки Черемши¹⁾.

Въ Яңақай городокъ даль знать объ этомъ вернувшейся изъ Уфы казакъ-татарая Котлубай. Онъ, возвращаясь къ Яңақай городку выѣхѣлъ съ тремя башкирцами, тѣхъшихъ на Яикъ для торга, наѣхалъ по дорогѣ на киргизѣ шляхи; шляхи вели къ пограничному посту на рѣку Черемшу²⁾. По шляхамъ башкирцы въ Котлубай опредѣлили, что киргизъ было не болѣе пяти-семь человѣкъ.

Узнавъ объ этой шайбѣ, войско рѣшило испытать счастье — ити за ними въ походъ. Оно зарядило девятьсотъ человѣкъ казаковъ и съ походными атаками Никитою Трифоновымъ Бородичнымъ отправило ихъ въ погоню за хищниками.

Походное войско очень скоро наѣхало за шляхъ (слѣды) киргизовъ и шло по нему пять дней. Наконецъ на шестой день на разсвѣтѣ 7 сентября они настигли ихъ „въ урочищѣ между рѣки Самары и Малаго Кинельчика“³⁾.

Первыми, встрѣтившимися казакамъ, были четыре киргиза, бывшіе далеко въ сторонѣ отъ общей шайки. Ихъ взяли въ пленъ и узнали отъ нихъ о мѣстѣ нахожденія остальныхъ киргизъ и о ихъ числѣ.

Немного погода они увидали и остальныхъ киргизъ. Наконецъ казаки добрались до своихъ заклятыхъ враговъ. Они горѣли жаждою мести. Безъ шума, тихо, пользуясь утренними сумерками, походное войско незамѣтно подошло къ киргизскому коню и окружило разбойниковъ со всѣхъ сторонъ. Но киргизы замѣтили ихъ, сѣли въ осаду и открыли пальбу. Нетерпѣльные казаки, поддерживая частью сѣвшимися казаковъ перестрѣлку, старались взять ихъ открытою силой и несколько разъ ходили „конькомъ боевъ“ за сломъ, но схватить засѣвшихъ въ осаду киргизъ не могли. Тучи стрѣлъ и пули встрѣчали удальцовъ каждый разъ, когда они доскачивали до киргизского коня. Насталъ полдень, но киргизы еще не были сбиты. Бой былъ жаркий. У казаковъ была уже значительная убыль: — 95 лошадей было убито и много раненыхъ. Много было раненыхъ и казаковъ. Войско рѣшило действовать иначе. Казаки сѣшились и пошли на сломъ „пѣхотою“. Войско силою киргизскую осаду, ворвалось въ ряды и закипѣлъ рукопашный бой. Не много киргизъ успѣло спастись отъ казаковъ почти все они легли на мѣстѣ. Захватили казаки пятьдесятъ человѣкъ въ пленъ. Но озлобленные казаки не звали пощады. Предъими стояли въ непримимые враги. Счеты были старые. Не у одного казака, стоявшаго предъими,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30. Показаніе пленныхъ киргизъ и показаніе Рукавишникова.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, показаніе Рукавишникова.

³⁾ По донесенію прaporщика Позднякова изъ пригорода Сергиевска, казаки настигли киргизъ „блзъ рѣки Току“. Моск. Архивъ Глаз. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 188.

пронеслись въ воспоминаніяхъ близкіе и дорогіе сердцу люди, захваченные киргизами въ путь. Всѣ пятьдесят пѣнныхъ киргизъ тутъ-же изъ полѣ были переколоты копьями. Киргизы въ страхѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, но казаки вскочали на лошадей и гнались за ними до поздняго вечера. Не много джигитовъ и батырей спаслось отъ истительзаго казачьяго коня. И въ погонѣ ихъ было побито не малое число,—говорилъ впослѣдствіи Рукавишниковъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ,—а сколько о томъ подлинно сказать не можно, того ради что побиты они въ разныхъ мѣстахъ. И живыхъ отъ насъ казаковъ ихъ киргизовъ ушло малое число, за которыми гнать ночную порою не могли". Всѣхъ достававшихся въ руки казаки перебили. Въ живыхъ остались только четыре человѣка, которые были пойманы ранѣе и которые во время боя находились въ казачьемъ конѣ.

Казакамъ досталась немалая добыча, и взяли ружья, язычарокъ, сабли, сайдаковъ и коні, кроваваго платья и всякаго бугору до 40 телъ¹⁾; захватили они до 500 киргизскихъ лошадей¹⁾. Но не дешево досталась казакамъ эта добыча:—три казака было убито, и тридцать человѣкъ ранено.

Долго казаки ловили киргизскихъ лошадей, собирали оружіе, снимали платье...

Прида на конѣ, они показали пѣнникамъ оружіе и доспѣхи убитыхъ. Киргизы среди добычи узнали одежду, ружье, саблю и коня ихъ начальника, сына Урлубая-батыра, Доксумбая и другого начальника Тары-Берды-батыра²⁾.

О подробностяхъ этого боя до сихъ, кроме войсковой человѣтной и показаній Рукавишникова, не дошло никакихъ свѣдѣній. Впослѣдствіи татаринъ-казакъ Итытаевъ въ своей человѣтной царю обѣ участій въ этомъ боѣ говоритъ: „Да въ нынѣшнемъ 1720 году сентябрь въ 3 день былъ у насъ съ нами каракалпаками бой и я вижайшій со своею братіею казаками на томъ боѣ свою старостію поступать противъ твоихъ непріятелей совсѣмъ усердіемъ и какая моя была поступка, про то знать, которые были въ томъ походѣ походные наши Янціе казаки"³⁾.

Объ этомъ-же боѣ въ 1782 году старшина Андрей Пономаревъ, перечисляя свои службы, говоритъ такъ:

„Когда непріятельские люди каракалпаки и киргизъ-каїсаки въ немаломъ собраниѣ подходили подъ Черемшанскіе форпости, за которыми посыпало войскомъ янціи атаманомъ Никиту Бородина, и въ тотъ походъ выбралъ быть въ отъ войска есауломъ, и тѣхъ непріятелей многихъ побили и вполовь побрали, а именно убить я трехъ человѣкъ непріятелей"⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штабо, опись 107, книга 30, листы 151—156. Человѣтная войска 1720 г. 12 октября, а также показаніе Рукавишникова въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ 6 ноября 1720 г. (Тамъ-же).

²⁾ Тамъ-же. Показаніе пѣнныхъ киргизовъ.

³⁾ Тамъ же, опись 107, книга 30, листы 168—174. По показанію Рукавишникова бой былъ 7 сентября и казаковъ въ погонѣ было только 700 человѣкъ.

⁴⁾ Урад. Войск. Арх., 2 гражд. опись, № 76, листъ 78, пунктъ 5.

Походное войско вернулось въ городокъ. Тутъ участники похода раздѣвались оружіе и лошадей.

Узнавъ объ этомъ бой, казанскаго пригорода Сергиева прапорщикъ *Иванъ Поединцевъ* послалъ къ войсковому атаману „нарочнаго унтеръ-офицера, чтобы они защищали казаки тѣхъ взятыхъ каракалпаковъ къ розыску (допросу) и лошадей прислали въ Казань“¹⁾.

Прапорщикъ дѣйствовалъ по пословицѣ: „печь быть часъ нѣть, а щи хлебать мы тутъ!“ Выѣти изъ боя съ киргизами ему, вѣроатно, было ведомо, но а на счетъ получки добычи и лошадей онъ первый охотникъ.

Отвѣтъ прапорщикъ получилъ 9 октября. Атаманъ Федоръ Араповъ и войско вѣдѣли, что илѣнныхъ четырехъ человѣкъ они сами пошлютъ въ Петербургъ въ Иностраний Коллегію, „а лошадей раздали тѣмъ казакамъ кои за ними каракалпаками шли“²⁾.

Пришли казаки изъ похода, стали обсуждать войсковыя дѣла.

Дѣло было много. Надо было снаряжать станицу Рукавишникова.

Но собираясьѣхъ въ Петербургъ Рукавишниковъ требуетъ дать ему заручную — общую отъ войска довѣренность за подписаніе казаковъ для ходатайства по дѣламъ войска. Онъ просить въ кругу дать подпись не пускать Войскова въ городокъ пока онъ не сѣѣздить въ Петербургъ и не добьется отмѣны. Но не всѣ согласны дать подобную подпись — особенно старшини.

Но вѣдь кто не ласть подпиши — тотъ явится врагомъ войска, врагомъ Рукавишникова и согласныхъ съ нимъ казаковъ, — а съ нимъ все войско!

Не желающихъ подписываться казаки считаютъ измѣнниками. Страсть разгорѣлась. Войсковой атаманъ Федоръ Араповъ не совѣтуетъ давать подобной подписки. Его не слушаютъ — раздаются крики, что онъ не любъ. По войсковому обычая онъ кладетъ „атаманскій посохъ“ на руку и уходитъ изъ круга. Вместо него выбираютъ войсковыя атаманомъ старшину *Ивана Ивановича Щербакова* (онъ же Щербакъ).

Не желающихъ дать подпись старшинъ и казаковъ хватаютъ и куютъ. Схватили старшинъ: *Ивана Федорова, Василія Иванова Мардинкина, войскового писаря Осипа Мартынова, Матвея Ермолова и Митрофана Нименова Алемина*. Но немного погодя ихъ выпускаютъ на волю „въ крѣпкія руки“ съ приказомъ больше не появляться въ кругу³⁾.

Войско во главѣ съ Рукавишниковымъ отставало старшуи — свое право судить всѣхъ у себя, въ кругу — казнить и миловать войскомъ — какъ въ старое время. Всѣмъ кто не желаетъ повиноваться рѣшеніямъ круговъ войско

¹⁾ Моск. Арх. Глаz. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 188.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Донесъ Карташева и отвѣтъ его въ преображенскомъ приказѣ въ 1722 г. „Урад. Войсков. Вѣд.“ 1869 г. № 45.

стало грозить смертью. Всѣхъ кто не желалъ давать подиши казаки обѣщали посадить въ воду.

Замѣтивъ, что священникъ церкви Петра и Павла *Василий Семенов* изъ-
житъ по новопечатанымъ книгамъ, Рукавишниковъ сталъ говорить на нихъ
„хулу и возмущеніе“. Священникъ Семеновъ заявилъ объ этомъ въ кругу ата-
ману Щербакову, но „того поца атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками
приговорили посадить въ воду“¹⁾.

Всѣ эти шумные круги происходили на площади у войсковой избы, воз-
лѣ которой находился бывшій арестный домъ, въ которомъ помѣщал-
ся Кустовъ со своими солдатами, гдѣ былъ съ ними и Кустовъ. Онь слы-
шалъ всѣ постановленія, шумъ и крики въ кругахъ и потому донесъ Воейкову.

Присутствіе въ городкѣ Кустова, невольного свидѣтеля всѣхъ дѣлъ, казаковъ
раздражало. Они съ нелавистью смотрѣли на солдатъ, бравили ихъ при каж-
дой встречѣ. „Поносили на словахъ“ и самого Кустова, когда онь рѣсался
появляться на улицахъ городка. Въ ихъ глазахъ онь былъ тотъ-же Кротковъ,
тотъ-же Кемедкій—былъ такой-же, какъ въ всѣхъ офицеры и дворяне, съ кото-
рыми приходилось имъ сталкиваться въ послѣднее время—былъ вымогатель и
утѣснитель.

Казаки выгнали солдатъ и поручика изъ занимаемыхъ ими квартиръ и поставили
ихъ въ пустую и холодную избу, въ которой до этого сидѣла у нихъ колодники²⁾.

Въ Войскѣ между тѣмъ изрѣвало одно дѣло за другимъ. Дѣло было
много. Надо было хлопотать о жалованье войску за полное число
казаковъ—на 2600 человѣкъ; объ отмѣнѣ запрещенія торговать солью, о
назначеніи слѣдователя по дѣлу Карташева изъ Петербурга. Выгоднѣе было
платить въ одно мѣсто, чѣмъ въ всѣхъ крѣпостяхъ—въ Казани, Астраханѣ и Петер-
бургѣ,—надѣваться на правду губернскихъ чиновниковъ казаки конечно не
могли. Нужны были пушки, знамена... Кстати наступило время отправлять
станицу съ Царскимъ кусомъ³⁾, съ построенною про обиходъ ко двору
верю и рабою“, какъ говорили казаки про этотъ царскій кусъ въ своихъ
челобитныхъ. Стало снаряжать станицу и приготовлять для дороги царскій
кусъ. Но сколько и что отправили казаки—незавѣтно. Это первыми свѣдѣніями
былъ отправлѣнъ царскаго куса, найденный въ архивахъ⁴⁾.

Но кромѣ этихъ дѣлъ и наболѣвшаго вопроса объ отмѣнѣ посыпки Воей-
кова на Яикъ, въ войскѣ имѣлись и другие неотложныя дѣла. Уже съ давнихъ
поръ калмыки, не слушая указовъ Москвы, производили хищническій ловъ рыбъ
въ Яикѣ. Жалобы на нихъ отъ войска и отъ управляющаго Гурьевскими

1) Тамъ же.

2) Московский Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 709—710 и 720—727. Де-
весію Воейкова Киккуу.

3) Въ настоящее время царскій кусъ называется французскимъ словомъ прензентъ, что значитъ
подарокъ.

4) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 187 и другіе, относящіеся къ поѣздкѣ станицы
Рукавишникова.

государевыми учугами нестрять дѣла того времења. Еще въ 1715 году ко-
мандантъ г. Гурьевъ доносилъ въ Астраханскую рыбную контору, что въ сен-
тябрѣ въ этомъ году прикочевали къ гурьевскимъ учугамъ калмыцкіе владѣльцы
Бонбаръ-Куй и Дандукъ и „ла Янкъ рыбу ловить, и въ учугахъ и въ
учужныхъ избахъ багрять многолюдствомъ бѣлуги, и осетры, и шевриги, а инде
ловцамъ ловить и багрить рыбы не даютъ и ихъ и работныхъ людей грабить”¹⁾.

Отъ ежегодного прихода этихъ незванныхъ гостей страдали не одни только
гурьевские учуги, страдала ловля и Яицкихъ казаковъ, т. к. калмыки не
довольствовались только ловлею сѣтьми, но дѣлали по Яику учуги и непрону-
скали рыбу вверхъ къ казачьему городку.

Въ то время, когда въ казачьемъ городкѣ происходила описанная событий
къ Яику прикочевала калмыцкая орда владѣльца Даржис (брата Аюки-хана)
и его дѣтей Лобжи и Бая и стала безцеремонно хозяйствничать на Яику:—ловить
рыбу и дѣлать учуги²⁾. Въ тоже время другая часть калмыкъ владѣльцевъ
Чечучена и Серена, 7 сентября прикочевали къ Гурьевскому городку. „И
посыли улусы ихъ по обѣ стороны Яику, писалъ въ своей отпискѣ гурьевской
цѣловальнице³⁾ Иванъ Фарафонтьевъ въ Астраханскую рыбную контору,—подъ
Степной, и Стрѣлецкой, и Бухарки рѣкъ до Морского устья, и на морскихъ
горловинахъ тѣхъ рѣкъ, и въ тѣхъ вышеписанныхъ рѣкахъ, и на горловинахъ
оканами, и сѣтьми, и неводами и переметы рыбу ловить, и по ночамъ въ
учугахъ багрять, и за важнецъ учугѣ учужную плетку выломали; а кара-
ульныхъ работныхъ людей, которыхъ опредѣлены для караула, въ ночное время
на учужныхъ забойкахъ перебили палками смертными боемъ; и оттакого ихъ
разоровія чинится Великаго Государа рыбному промыслу рѣбъ годъ въ учуги
великое помѣшательство и недоловъ; и о ссылкѣ съ помазутныхъ рѣкъ и съ
морскихъ горловинъ оныхъ владѣльцевъ съ улусы и съ калмыки подаль я
въ Яицкомъ Гурьевъ городкѣ поручаку коменданту Ивану Епанчину до-
ношевіе, чтобы онъ послалъ солдатъ калмыкъ согнать и воровъ ловившихъ
рыбу въ учугѣ, переложить. Комендантъ посыпалъ помногія числа сотника
Семена Котловскаго съ солдаты, но калмыки не ушли въ виновниковъ не
выделъ, а солдатъ были палкны”⁴⁾...

Ужъ если калмыки во церемонились съ государственными учугами, для охраны
которыхъ находились солдаты, то что-же они дѣлали на пустынныхъ берегахъ
р. Яику между Яицкими казачьими городкомъ и гурьевскими? Снаряжая Рука-
вениковъ въ Петербургъ войско ишѣло въ воду и это обстоятельство. Оно хотѣло
законоѣздъ добиться того, чтобы хозяевами Яику были только одни казаки,
какъ то было всегда, согласно данной имъ грамоты отъ царя Михаила Федо-
ровича. Но грамота сгорѣла. Войско рѣшило бить чаломъ царю о дачѣ новой грамоты.

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Калмыцкія дѣла, картонъ № 87, сказка 1721 года № 6.

²⁾ Смотри приложение XVII.

³⁾ Цѣловальниками въ старину назывались люди цѣловавшіе крестъ и давшіе присягу государю
для службы у денежныхъ дѣлъ (по сбору денегъ и проч.).

⁴⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Калмыцкія дѣла, картонъ № 87, сказка 1721 года № 6.

Много было нуждъ. Въ войсковой избѣ закипѣла работа. Тамъ цѣлыми днами сидѣли старшаны („старые люди“) и вмѣстѣ съ войсками дѣлали *Мартыновыма сочинили челобитныя.*

Въ длинной членобитной на ѿѣсколькихъ листахъ на имя цара войско ци-сало о всѣхъ своихъ службахъ царю Петру, за время его царствованія, о всѣхъ своихъ заслугахъ, о тѣхъ деньгахъ, что стоили вмѣсть командировкіи. Былъ въ войсѣ грамоты— (по съдѣствію Кроткова въ показаніяхъ казаковъ под-писаналось болѣе сорока грамотныхъ казаковъ), но для большей крѣпости своей членобитной войско попросило расписаться священники Михаиле-Архангельской церкви Якова Артемьева¹⁾.

Другая членобитная, еще больше и длиннѣе, была съ объясненіемъ хода дѣла „вора и измѣника Карташева“. Тутъ войско жаловалось на волокиту, на наглость губернского начальства, говорило о всѣхъ поборахъ и взяткахъ по-сылаемыхъ къ нимъ сыщикамъ. Подъ этой членобитной за все войско подпи-салась „Алексѣевской церкви священникъ Евѳимъ Клементьевъ“^{2).}

Это были главные членобитныя. Кроме нихъ войско написало еще ѿѣсколько членобитныхъ, въ томъ числѣ и членобитную о бояхъ съ киргизами, и о пред-ставлениіи въ Петербургъ пленныхъ каракалпаковъ. Написана была и подо-рожная (протѣжная грамота) отъезжающей станцѣ.

Въ этой цока первой найденной въ архивахъ подорожной отъ войска было написано:

„1720 году, октября въ 12 день, послали мы ящики войскомъ своимъ запасныхъ казаковъ станичнаго атамана Федора Михайлова да есаула Алексѣя Абакумова съ товарищи пятьдесятъ три человѣка въ Санктпетербургъ по-сторон про обходъ его дому Царскаго Пресвѣтлаго Величества великое число и со взятими азыки киргизъ-казаками и о всякихъ нашихъ войсковыхъ нуж-дахъ бити членомъ великому Государю и въ разстояніи того пути по губер-ніямъ господамъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ и по провинціямъ и ластратамъ и по городамъ и оберъ-комендантамъ и комендантамъ, по стан-ціямъ и по поселкамъ и по деревнямъ всакимъ начальствующимъ людемъ кому гдѣ по указу великаго Государя повелѣно вѣдать по сей подорожной вышеписаннымъ казакамъ станичному атаману Федору Михайлова съ товарище давать свободной пропускъ безъ задержанія того ради во увѣреніе у сей по-дорожной Яицкаго войска войсковая печать приложена“^{3).}

Печать, приложенная къ подорожной, сдѣлана изъ воска, овальной формы, по длиной сторонѣ размѣромъ $\frac{1}{4}$ вершка. Посрединѣ печати, виду вет-хости ея, сдава видно изображеніе человѣка во весь ростъ, который въ правой руцѣ держать ружье, а лѣвой уперся въ бедро; по верхней окруж-ности печати, видимо, была надпись „печать Яицкаго войска“, по возможно разо-

¹⁾ Смот. приложение XII.

²⁾ Смот. приложение XV.

³⁾ Моск. Арх. Ги. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 137.

брать только слово „печать яи“. Въ настоящее время такая же точно печать находится въ Уральскѣ въ Войсковомъ музѣ; на другой подорожной, выданной войскомъ въ слѣдующемъ году.

При подорожной на особомъ листѣ находится въ списокѣ посылаемыхъ казакамъ:

„Роспись станицы яицкихъ казаковъ, которые посланы съ Яику отъ атамана Ивана Щербакова и отъ всего войска Яицкаго:

Станичной атаманъ Федоръ Михайловъ¹⁾.

Есаулъ Алексѣй Абакумовъ.

Писарь Алексѣй Никитинъ.

Рядовыe:

Якимъ Ивановъ, Михаилъ Купріяновъ, Андрей Никитинъ²⁾, Иванъ Яковлевъ³⁾, Савелій Васильевъ Бизановъ, Пётръ Кожевниковъ, Семенъ Герасимовъ, Иванъ Михайловъ, Никифоръ Ивановъ, Афанасій Федоровъ, Семенъ Лукъяновъ, татаринъ Килинбетъ, Никита Юрьевъ, Андрей Мухинъ, Максимъ Павловъ, Михаїло Поликарповъ, Пётръ Анофріевъ, Иванъ Литунъ, Василій Леонтьевъ, Пётръ Лоскутовъ, Авдѣй Васильевъ, Никифоръ Желѣзновъ, Баринъ Арефьевъ, Никита Козынинъ, Григорій Шуновъ, Иванъ Тимофеевъ, Сидоръ Фофановъ, Федоръ Димитровъ, Василій Луковъ, Савелій Ларіобовъ, Михаїла Астраханкинъ, Федоръ Ерофьевъ, Сидоръ Дурмановъ, Василій Гавриловъ, Нефедъ Федоровъ, Артемій Федоровъ, Афанасій Анисимовъ, Никифоръ Портновъ, Дементій Костатізовъ, Семенъ Истоминъ, Пётръ Ильинъ, Никифоръ Пустоваевъ, Федоръ Енельяновъ, Никита Кувшинниковъ, Чаріонъ Игнатьевъ, Иванъ Марковъ, Трофимъ олотовникъ, Куюлунбетъ татаринъ, Балъта татаринъ⁴⁾.

Наконецъ 12 октября целобитныe были написаны; Рукавишниковъ и станичники, въ числѣ 53 человѣкъ, сопутствующие самимъ лучшимъ пожеланіямъ войска, уѣхали съ царскими кусомъ въ Петербургъ; уѣхали съ ними въ два плѣнныхъ каргиза; остальные два были ранены и остались въ городкѣ.

Войско утихло. Оно жило пока только ожиданіемъ результатовъ своихъ целобитныхъ.

¹⁾ Рукавишниковъ.

²⁾ Бородинъ.

³⁾ Мисниковъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, лн. 30, листъ 140. Въ этомъ спискѣ очень многіе казаки названы только по именамъ и отчествамъ, фамилій-же у большинства не показано. Въ числѣ этихъ казаковъ былъ находившійся въ плену въ Ханѣ, бывшій въ походѣ 1717 г. съ Бековскимъ казакомъ, въ послѣдствіи войсковой атаманъ, Андрей Никитинъ Бородинъ (смъ бывш. войск. атамана Никиты Бородина).

ГЛАВА XXV.

Вторичная поездка Рукавишникова въ Петербургъ. Челобитные войска. Смуты въ Яицкомъ городкѣ. Новые ссоры казаковъ съ Воейковымъ и его поездка на Яинъ. (1720 г.).

Доѣхавъ до Самары, Рукавишниковъ и его товарищи отправили своимъ лошадей обратно на Яистъ, а сами навели пятьдесят пять подводъ, по военнымъ рублей по 21 алтыну и по двѣ деньги за каждую подводу вилотъ до Москвы. Здѣсь же Рукавишниковъ узналъ, что Воейковъ собираетсяѣхать въ Яицкій городокъ и имѣть для этого комааду солдатъ въ триста человѣкъ. Онь сообщиль объ этомъ въ войско съ провожавшими ихъ казаками и просилъ войско ни подъ какимъ ведомъ не пускать Воейкова въ городокъ, пока онъ не добѣется въ Петербургъ отмѣны этой посылки.

Прибыли ставичники въ Москву почти черезъ мѣсяцъ—19 ноября. Казаки хотѣлиѣхать далѣе въ Петербургъ, но когда Рукавишниковъ явился съ ними въ посольской приказъ, то ассессоръ Михаилъ Ларіоновъ встѣль въ тупикъ. Станица прїѣхала слушкомъ большая. Онь не звалъ какъ поступать: „И подводъ толикаго многочного дать я не посмѣль“,—доносилъ онь потомъ въ Петербургъ¹⁾). Онь далъ по требованію казаковъ только „прѣзжай указъ“ на пятнадцать человѣкъ и то для проѣзда на наемныхъ подводахъ. Такимъ образомъ въ Петербургъ поѣхало только пятнадцать казаковъ, остальные 38 человѣкъ остались въ Москве²⁾). Изъ Москвы ставичники выѣхали 24 ноября. Въ подорожной, выданной имъ, говорилось:

„По указу величайшаго Государа Цара и Великаго князя Петра Алексеевича всѧ величія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца отъ Москвою по городамъ до Климу, до Твери, до Торжку, до Вышино болочку, до Великаго новаго города и до Санктпетербурга губернаторамъ, вице-губернаторамъ, обер-камендантомъ и воеводамъ и всикии графскими управлятелями по Его Величайшаго Государи указу отправлены изъ Москвы изъ Посольского приказу въ Санктпетербургъ про обиходъ Его Царскаго Величества съ рыбью и съ икрою и съ ясырьми двумя человѣкѣ лицаки казаки атаманъ Федоръ Михайлова съ товарищи пятнадцать человѣкъ, и какъ они въ который городъ прїѣдутъ и вышеопомянутыи начальствующии велѣть ихъ до Санктпетербурга про-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 134.

²⁾ Въ Петербургъ поѣхали: Рукавишниковъ, старши: Алексѣй Абакумовъ, инсаръ Алексѣй Платовъ, рядовые: Янкинъ Ивановъ, Андрей Пынтичъ Бородинъ, Савелій Васильевъ Базановъ, Семенъ Герасимовъ, Никфоръ Никоновъ, Семенъ Лукьяновъ, Михаилъ Курілановъ, Иванъ Ильиновъ, Петръ Коменинковъ, Иванъ Михайлова Масниковъ, Афанасій Федоровъ и татаринъ Кименбеть (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 140).

пускаль безъ задержанія и остановки; а какъ они пріѣдуть въ Санктпетербургъ и иль явиться въ канцеляріи полицмейстерскихъ дѣлъ.

Писанъ въ Москвѣ лѣта 1720 ноября въ 23 день.

У сей проѣзжей Великаго Государа Печать*¹).

По этому же образцу писались подорожныя всегда, когда казаки выѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ и обратно на Яикъ.

Прибыли Рукавишниковъ съ товарищами въ Петербургъ первого декабря²), гдѣ явились къ государственному канцлеру графу Головкину.

Къ нему отъ Яицкаго войска была послана съ Рукавишниковымъ особая челобитная:

„Великаго Государя Цара и Великаго князя Петра Алексѣевича всия великия и малыя и бѣлныя Россіи Самодержца Государственному канцлеру кавалеру и президенту графу Гаврилѣ Ивановичу Головину съ товарищи запольныя рѣки Яику явившіе атаманы-казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и все яицкое войско челомъ бѣть.

Въ выѣшнемъ 720 году октября въ 12 день послали мы войскомъ своихъ яицкихъ казаковъ въ Санктпетербургъ битя челомъ Царскому Величеству и Вашему Сіестельству въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ станичнаго атамана Федора Михайлова да есаула Алексѣя Абакумова съ товарищи пятьдесятъ три человѣка о прежде поданномъ нашемъ прошении и о выѣшнемъ, о чемъ явствуетъ въ заручной нашей войсковой челобитной, и помянутымъ казакамъ атаману съ товарищи пятьдесятъ тримъ человѣкамъ велѣли явиться и отписку водить въ Санктпетербургъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ Государственному канцлеру кавалеру и президенту графу Гаврилѣ Ивановичу Головину съ товарищи.

Октября въ 12 день настоащаго 720 году³).

Конечно, явившись къ государственному канцлеру, яицкіе казаки преподнесли ему и часть привезеной съ Яику икры и рыбы, какъ-то водилось чистары, т. к. войско посыпало всегда виѣсты, непосредственно съ Царскими кусомъ, часть подарковъ и высшимъ сановникамъ страны и всѣмъ, кто такъ или иначе имѣлъ вліяніе на дѣла войска.

Представили станичника ему и двухъ плѣнныхъ киргизъ виѣстѣсь отпискою отъ войска на имя Головкина о бояхъ, произшедшемъ у казаковъ съ киргизами⁴).

Явившись къ Головкину, Рукавишниковъ, конечно, не упустилъ случая разсказать ему о просьбахъ войска и о челобитныхъ, которыхъ онъ везъ съ Яика. А челобитныхъ, какъ мы знаемъ, было не мало.

Головкинъ направилъ ихъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, куда они явились 5 декабря.

Здѣсь казаки передали плѣнныхъ киргизъ и подали всѣ свои челобитныя.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, ил. 80, листъ 188.

²⁾ Тамъ-же, листы 151—156.

³⁾ Тамъ-же, листъ 186.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 186. Челобитная войска Головкину отъ 12 октября 1720 г.

Не мало хлопотъ предстояло Рукавишникову. Онъ привезъ съ собою много членовъчныхъ. Всѣ онъ были важны, всѣ онъ были нужны и по каждой членовъчной приходилось давать разъясненія.

Въ одной самой обширной своей членовъчной [см. прилож. XII], описывая всѣ свои службы при царѣ Петре и перечисляя расходы, которые казаки произвели на наемъ станицъ при выдачѣ подъемныхъ денегъ (подмоги), войско просить о дачѣ жалованья не на шестьсотъ человѣкъ, какъ получали они до сего времени, а на полное число казаковъ на 2600 человѣкъ. Объ этомъ уже хлопоталъ лѣтомъ станичный атаманъ Астраханкинъ, но безуспешно. Согласно съ этой членовъчной, всѣ наряды, начиная съ Чигиринского похода до послѣднѣхъ нарядовъ въ Шведскую войну, обошлись войску 119728 р., сумма по тому времени колоссальная. Въ переводѣ на наше время, если подсчитать каждый старый рубль въ 20 выѣзжихъ рублей (что для Яицкаго войска является малымъ, т. к. стоимость продуктовъ на Яицѣ возросла противъ того времени въ 30—40 разъ)¹⁾, получится сумма, равная болѣе чѣмъ двумъ миллионаамъ рублей.

По этой членовъчной рѣшенія дождалось войско не скоро. Согласившись въ началѣ съ казаками о выдачѣ имъ жалованья на 2600 чел. Коллегія Иностранныхъ дѣлъ, ввиду поступившаго вскорѣ указа о вѣдѣніи вицквъ казаковъ въ Военной Коллегіи, передала это дѣло со всѣми дѣлами въ эту послѣднюю, гдѣ оно и застяжало до конца переписи полковника Захарова.

Другая и болѣе длинная членовъчная, подавшая Рукавишниковымъ, была членовъчна съ жалобами на розыщиковъ, о Карташевѣ и дѣлахъ въ войску [см. прилож. XV].

Въ дополненіе къ этой членовъчной Рукавишниковъ подалъ „дonoшenіе“ лично отъ себя о томъ, что виновные во взяткахъ съ казаковъ Кротковъ, Путиловъ, Волковъ и другіе розыщики въ Казань къ губернатору на слѣдствіе не поѣхали:

„Въ грамотѣ Великаго Государа, писалъ Рукавишниковъ, написано, чтобы ему боярину и губернатору Алексѣю Петровичу съ товарищи наше дѣло съ Карташевымъ и со отцомъ его Матѳеемъ Мировозыемъ съ товарищи, и со офицеры, и поручики, все наше дѣло изслѣдоватъ и разыскать и по разыску указъ учинить; и наимъ войскому боярину и губернатору Алексѣю Петровичу съ ними Карташевымъ, и съ отцомъ его Мировозыемъ, и со офицеры, и поручики никакого разыску и рѣшенія о нашемъ дѣлѣ не учинитъ, и велѣль наимъ онъ, бояринъ и губернаторъ Алексѣй Петровичъ, бати чоломъ Царскому Величеству вторично; и меня важайшаго съ товарищи послали въ выѣзжаемъ 720 году октября въ 12 день всѣмъ Яицкимъ войскомъ бити чоломъ ванъ Царскому Величеству о прежнемъ дополненіи и о выѣзжаемъ, что явствуетъ“

¹⁾ Пудъ икры на Яицѣ при Надасѣ въ 1769 г. стоилъ—лучшая икра 2 р., десертъ осетровъ 30 р., китѣ же пудъ икры стоилъ 180 р., пудъ осетрины 8 р.

въ доношениі нашемъ и въ члобитныхъ нашихъ войсковыхъ¹⁾),

Далѣе въ своей члобитной, говоря о прїездѣ на Яикъ поручика Кустова и о томъ, что Воейкову порученъ розыскъ на Яикъ, Рукавишниковъ между прочими писалъ:

„И нашему Яицкому войску оной Воейковъ съ Сызранн писалъ къ намъ на Яикъ много послушныхъ указовъ за свою рукою; а въ указахъ писано, чтобы войскомъ выслали по него Воейкова на Самару встрѣтить многомѣдствомъ, и мы къ нему Воейкову такожъ противъ тѣхъ указовъ, писали къ нему Воейкову въ своихъ войсковыхъ отпискахъ, что мы встрѣчи тебѣ на Самару не вышлемъ, и квартирь тебѣ господину Воейкову у насъ на Яикъ не будеть, и подъ розыскъ къ вамъ не пойдемъ безъ Царскаго Величества именного указу по тому, что мы нынѣ не присудны къ Астраханской губерніи, но присудны по указу Царскаго Величества въ Санктпетербургѣ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ посольскомъ приказѣ; а поручикъ Кустовъ и съ довосителемъ Карташевымъ чинять у насъ нынѣ за Яикъ великое изневательство и обиду всему нашему Яицкому войску.

А въ вышнемъ же 720 г. октября 12 дня побѣхъ я нижайшій съ нижашею станицею съ Яику въ Санктпетербургъ и послѣ отъѣзду нашего оной Воейкова побѣхъ къ намъ на Яикъ для розыску ли или иного котораго ради дѣла, а съ нимъ побѣхало солдатъ триста человѣкъ, и что у насъ нынѣ на Яикѣ поманутой Воейковъ какое дѣло чинить или изневательство про то мы раби твои не знаемъ²⁾).

Далѣе Рукавишниковъ отъ лица войска проситъ Коллегію дать „Его царскаго величества именной указъ“, чтобы Воейкову и Кустову „никакой обиды и изневательства и розыску на Яикѣ до царскаго величества именного указу не чинить“. За неграмотнаго Рукавишникова росписался казакъ Пётр Кожевниковъ.

Въ другой члобитной войско жаловалось царю на то, что съ нихъ не смотря на указы царя берутъ въ Самарѣ въ Сызранн пошлину съ рыбы, а также и другіе сборы.

Эти сборы были царскимъ указомъ отмѣнены еще въ 1684 году³⁾. Съ казаковъ брали съ привезенной рыбы и икры десятое число. Пошлина эта находилась тогда въ рукахъ откупщика купца („гостя“) Владимира Воронина, который и собираль эту „десятину“ со всѣхъ прѣважавшихъ съ Яика въ Самару купцовъ, крестьянъ и казаковъ.

Но кроме этой пошлины съ казаковъ брали тогда и пошлину съ покупаемаго ими хлѣба и съ воловъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кв. 80, листы 228—224. Доношение помѣчено 7 декабря 1720 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Смотр. стр. 840—341 настоящ. очерка.

Тогда-же посланными указами откупщику Воронину и къ самарскому воеводѣ стольнику Никитѣ Харитоновичу Борисову, а также къ Яицкому войску приказывалось этого сбора съ казаковъ не брать, а „таможенныи вѣрныи голозамъ и цѣловальникамъ съ продажной цѣнѣ на Самарѣ съ денегъ и отвозныхъ пошлии имать не вѣдно“.

Но съ течеиемъ времени этотъ указъ постепенно воевода и откупщики забыли или, вѣрия, сдѣлали видъ, что забыли, и стали съ 1706 года снова брать десятину съ рыбы и другія пошлины, которыя, конечно, попадали цѣликомъ въ ихъ широкіе карманы. Поводомъ для этого послужилъ указъ Петра 1705 г., по которому до сихъ порь вольная продажа соли отмѣнялась; солью могла торговаться только казна. Придравшись къ тому, что рыба съ Яика привозилась иногда солена и что въ иерѣ находилась соль,—самарскіе и сизранскіе откупщики съ 1706 г. и стали брать вѣдьтое денегъ десятую рыбу.

Пошлины эти въ 1720 году составляли уже не малую статью дохода и воеводѣ въ откупщику. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Рукавишниковымъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ казаковъ брали въ Самарѣ и Сызранѣ съ каждого отѣжащающаго воза съ хлѣбомъ по 4 и по 3 алтына, брали съ дуги (подушкы) и съ верховой лошади по 5 и по 6 алтынъ 4 деньги. Съ рыбѣ же и икры брали пошлину „съ большой и малой и средней по разбору десятую рыбу“. До отмѣнѣ этой пошлины въ 1685 г. съ казаковъ не брали пошлины только съ той рыбы, которая служила для нихъ пищей („харчъ“), на что было положено для каждого казака: двѣ бѣлуги и пять осетровъ; по съ 1706 г. стали брать пошлину и за эту рыбу, не вычитая ее изъ общаго числа. Наложили пошлину и за прѣвѣдъ съ рыбой съ каждого воза по 4 деньги¹⁾.

— Такожъ когда мы про государевъ обиходъ (съ царскими кусомъ) ъздимъ съ рыбой и съ икрою и съ прочими припасами,—говорилъ Рукавишниковъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ,— и съ тѣмъ нась безпошлинико не пропускаютъ. Да въ городѣхъ, когда мы покупаемъ про свои нужды порохъ, и свинецъ, и смолу, и желѣзо и сталь для дѣланія лодокъ къ рыбной ловлѣ и нась съ тѣмъ на заставахъ не пропускаютъ и осматриваютъ отымаютъ²⁾.

Воѣско-же изъ своей членобитной между прочими говорило:

„А наивѣ наимъ, рабамъ твоимъ, въ Самарѣ и въ Сызранѣ надзоратели въ бурнистры и цѣловальники съ которыми, мы нижеменованные, съ рыбой и съ икрой для хлѣбныхъ покупокъ лѣтнимъ и осеннимъ и зимнимъ путемъ вѣзжающи въ помянутые города, берутъ съ насъ работъ твоихъ десятое число съ большии и съ малыи и средніи со излишествомъ лучшую, чрезъ (противъ) вашихъ Великаго Государи грамоты, такожъ и съ покупки хлѣбныхъ запасовъ и съ цѣнами отвозные деньги, а именно съ воза по четыре и по пять

¹⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, кн. 77, листы 140—141. Указъ Царя Петра о наваживкѣ съ ленк. каз. десятини и другихъ налоговои. 1721 г. б іюня.

²⁾ Тамъ-же.

алтынъ съ 706 г. и до нынѣшняго 720 г.; и въ томъ намъ рабамъ твоимъ чинять разореніе немалое; такожъ еще съ насъ, работъ твоихъ, въ Самарѣ и въ Сызранѣ берутъ „подужине“ деньги не противъ твоего Царскаго Величества указу; съ верховыхъ простыхъ съ лошадей по пяти и по шести алтынъ по четыре деньги и въ томъ намъ такожъ рабамъ твоимъ чинять изъвѣсительство немалое для оия своихъ бездѣльныхъ корыстей”¹).

Далѣе войско просило отъ этихъ пошлины „свободу учинить, чтобы намъ рабамъ твоимъ отъ такихъ обидъ въ конецъ не разораться и твоей царскаго величества службы не отбыть“. Подъ членобитной подписался Алексѣевской церкви священникъ *Леонъ Алексѣевъ*.

Войско по этому членобитью было удовлетворено и указъ состоялся въ слѣдующемъ 1721 г. 5 июня. Въ указѣ пошлина не отмѣналась, но приказывалось брать ее по закону. Въ этомъ-же указѣ подробно излагалось какъ и сколько брать съ привозимой казаками рыбы: „Съ казаковъ и ихъ работниковъ и съ проѣзжихъ людей, которые выходить будутъ съ рыбой въ Самару и на Сызрань брать со оной рыбы десатую долю: съ большой — большую, съ средней — среднюю, съ меньшей — меньшую и пошлину имать по указамъ; а ежели у кого будетъ меныше десати осетровъ и съ тѣхъ винуть деньги — десатую часть, почему та рыба продаваться будетъ, да сверхъ того Яицкаго войска казакамъ и ихъ работникамъ про свои обиходы отпускающа (отдаватъ безпошлино на харчъ) съ десятаго по три осетра да по бѣлугѣ, а ежели въ вывозѣ бѣлугѣ не будетъ тѣмъ спущать по пяти осетровъ, а ежели у кого въ вывозѣ осетровъ не будетъ, а будуть одни бѣлуги и тѣмъ пропускать вѣсто осетровъ по двѣ бѣлуги, а съ прочихъ привосовъ пошлину брать по указамъ безъ излишества, а лишнаго отнюдь не имать и тѣмъ обидъ и налогъ не чинить. А ежели кто возьметъ съ нихъ что излишнее, — говорилось въ указѣ, — и на тѣхъ людяхъ, по розыску, все ихъ убытки доправлены будутъ со штрафомъ, и о томъ дать имъ, казакамъ, охранный указъ и генераломъ-губернаторамъ и губернаторамъ, и вице-губернаторамъ, и оберъ-командантамъ, и воеводамъ, и камфирамъ и прочимъ управителемъ, и земскими и таможенными бурмистрамъ и гдѣ кому вѣдать надлежить, чинить о томъ по сену его великаго государя указу, а ежели кто учинитъ противно сего указа и за то на нихъ оными яицкими казаками убытки доправлены будутъ со штрафомъ, а прочие по винамъ будутъ разорены и дабы не вѣдѣніемъ никто не отговаривался, пощеже сверхъ сего въ Казанскую и Астраханскую губерніи изъ Каморъ-коллегіи указы посланы, а сей указъ въ городѣхъ и гдѣ надлежитъ прочитая имать копіи, а подлинной отдавать имъ, казакамъ, съ росписками“²).

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 293—294.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 77, листы 178 и 180—181. Указъ помѣченъ 1721 г. июля 5.

Подъ указомъ подписались: Князь Дмитрій Голицынъ, Аристо фонъ-Зайнъ, крестильнъ Гайдъ, секретарь Филиппъ Ключаревъ, Никита Замошниковъ, справиль Осипъ Федорѣвъ.

Но самое важнее и главное дѣло, возложенное войскомъ на Рукавишникова, было исходатайствование Яицкому войску „владѣнной“ — грамоты на право владѣнія р. Яикомъ. Мысль о потерѣ грамоты не давала покоя казакамъ. Потерявъ эту грамоту, во время пожара, бывшаго на Яикѣ приблизительно въ 1685 г., когда сгорѣлъ почти весь городокъ, сгорѣла соборная церковь, где хранилась грамота („владѣнная“), а также сгорѣла въ войсковой изба со всѣми дѣлами, войско не могло перенести эту тажелую для себя потерю. Окруженное со всѣхъ сторонъ неспокойными и враждебными соѣдами калмыками, башкирами, а также и самаранами, не разъ покушавшимися на казачье достояніе, на ихъ луга и рыбные ловли, — войско наконецъ рѣшило бить царю членъ о дачѣ новой „владѣнной“.

Въ своей челобитной, составленной по этому поводу, войско говорить о тѣхъ угодьяхъ, которые были предоставлены по старой грамотѣ Яицкому войску, и о томъ, какія притѣсненія терпать казаки отъ своихъ соѣдей самаранъ, калмыкъ и башкиръ, узнавшихъ о томъ, что грамота сгорѣла. [См. прилож. XVII].

Подали ставичники челобитную 7 декабря, а 10 ихъ потребовали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ для дачи объясненій.

Спрошеніе по этому дѣлу Рукавишниковъ и есаулъ Абакумовъ „съ товарищи“ сказали:

„Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которыхъ сказать не упомнимъ, благовѣщены памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Алексѣ Михайловичѣ по именному Его Великаго Государи указу дана намъ Его Великаго Государи жалованная грамота, а изъ которой приказу сказать не знаемъ; а вѣтвѣно намъ казакамъ жить на Яикѣ рѣкѣ и рыбныхъ ловляхъ сть вершиннѣй той рѣки и по устье со всѣми рѣками и протоками, которые въ ту рѣку вѣтвуться, такожъ лѣсами, и сѣнными покосы, и зиѣриными гоны, и всакими угодьями владѣть намъ казакамъ вѣчно, а самаранамъ и сибирцамъ въ той рѣкѣ Яику и на въ которыхъ рѣчкахъ, которые въ Яикѣ падутъ и вилюю ловить и звѣрей гонять и лѣсовъ рубить вѣчно; и тѣми угодьями, по той Великаго Государи грамотѣ, владѣли мы многіе годы, а тому лѣтъ съ тридцать, въ пожарное время, какъ нашъ Яицкой городокъ сгорѣлъ, и тогда въ соборной церкви и она же жалованная грамота сгорѣла; и съ прошлаго съ 701 г. и по иныѣ калмыцкіе многіе владѣльцы, и казаки, и башкирцы, такожъ и самаране въ тѣхъ нашихъ жалованыхъ подахъ рыбу ловить и учуги взыскать въ честь намъ чинять великую обиду и разореніе... а у насъ иныхъ промысловъ, кроме рыбной ловли, никакихъ нѣть; а съ того числа и по иныѣ о жалованной грамотѣ мы не бывали членъ за опредѣлевшій губерніей, такожъ и разореніемъ своимъ, и за частими набѣгами каракалпакъ и киргизъ и отъ нихъ за осадою“¹⁾.

Этотъ отвѣтъ Рукавишникова и товарищей былъ записанъ въ форму дѣ-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 305—308.

проса, подъ которымъ по безграмотству станичниковъ расписался бывшій въ станицѣ писаремъ казакъ *Алексѣй Никитинъ (Вороновъ)*.

Коллегія стала наводить справку, во по справкѣ въ приславныхъ изъ Казани отъ губернатора сайдыніяхъ о состояніи Яицкаго войска, Коллегія ничего обѣ этомъ не нашла, въ нихъ ничего не говорилось о дачѣ войску грамоты. Въ приказѣ Казанскаго дворца, гдѣ до сихъ поръ числились яицкіе казаки, Коллегія справокъ не навела. Лишь только въ слѣдующемъ 1721 г. 31 мая, когда Яицкое войско перешло въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, казачья члобитная была направлена въ Правительствующій Сенатъ съ просьбою указать, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Но какая послѣдовала по этому резолюція—изъ дѣлъ не видно¹⁾.

Подавъ войсковыя члобитныя, Рукавишниковъ сталъ хлопотать о своей станицѣ, о дачѣ имъ жалованья, издержанныхъ за проѣздъ прогонъ и кормовыхъ денегъ на житѣе въ Петербургѣ и Москвѣ.

И ѿдучи съ Яика до Санктпетербурга дорогою всѣ испроѣлись,—писалъ, между прочимъ, Рукавишниковъ въ члобитной,—и живучи намъ нижайшимъ пятьдцати человѣкамъ, такожъ и оставшиe въ Москвѣ тридцати осмы человѣкамъ, пытаться нечемъ же; того ради симъ доношеніемъ у Высокославной Государственной Иностраннѣхъ Дѣлъ Коллегія всепокорно просимъ дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно намъ нижайшимъ учинить для здѣшняго житѣя такожъ и оставшихъ въ Москвѣ кормовые деньги, такожъ за вѣрную нашу къ Его Царскому Величеству службу на прїездѣ и на отпускѣ дать великаго Государа жалованье противъ донскихъ казаковъ, понеже мы служимъ казачью службу съ ними вмѣстѣ.

О семъ доносимъ Яицкаго городка присланной Яицкой станичной атаманъ Федоръ Михайлова есаулъ Алексѣй Абакумовъ; писаль Алексѣй Никитинъ всего пятьдесятъ три человѣка декабря 5 днѧ 1720 г. Вѣсто станичнаго атамана Федора Михайлова съ товарищи по ихъ велѣнью Петръ Кожевниковъ руку приложилъ²⁾.

Въ Коллегіи по этой члобитной навели по правиламъ справку—какое жалованье дать прїехавшимъ казакамъ.

По справкѣ выяснилось, что въ допросѣ въ январѣ 1720 г. станичнаго атамана Рукавишникова съ товарищи сказаво, что когда яицкие казаки были вѣдомы въ Казанскомъ приказѣ, то прїезжавшимъ для члобитья 14 человѣкамъ давалось на прїездѣ и отпустѣ: атаману по 14 рублей да по 2 сукна, есаулу по 12 рублей да 2 сукна, рядовыми по 8 рублей да по 2 сукна, кормовыхъ: атаману по 2 алтына, есаулу по 10 денегъ, рядовыми по 8 денегъ человѣку на день и въ дорогу корми противъ московской земли, а на сколько времени неупомянуть, и даваны имъ подводы атаману и есаулу по 2,

¹⁾ Мною просмотрѣны въ Моск. Арх. Мин. Юстиції всѣ дѣла Сената за эти годы, но никакихъ сѣдовъ о получении Сенатомъ этой переписки не найдено.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листы 151—156.

рядовыми по подводѣ и на нихъ прогоны¹⁾).

На посланную же изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ грамоту 17 марта 1720 г. отвѣта изъ Казани о состояніи яицкихъ казаковъ еще не получилось²⁾. Сдѣлали подсчетъ по дачамъ, получавшимся казаками въ Казани.

По этому разсчету имъ надлежало дать:

— Пріѣзжихъ сюда (въ Петербургъ) кормовыхъ: атаману рубль 26 алтынъ 4 деньги, есаулу рубль 15 алтынъ 4 деньги, рядовому 13 человѣкамъ по рублю по 6 алтынъ 4 деньги.

На пріѣздѣ и на отпускѣ:

Атаману 14 рублей, есаулу 12 рублей, рядовому по 8 рублей: итого 130 рублей.

Да въ дорогу на 2 мѣсяца кормовыхъ же 38 рублей 26 алтынъ 4 деньги. Итого 187 рублей 23 алтына 2 деньги.

Да всѣмъ по 2 сука.

Оставшимъ въ Москвѣ 38 человѣкамъ:

Кормовыхъ на мѣсяцъ и въ дорогу на 2 мѣсяца по рублю по 6 алтынъ по 4 деньги человѣку на мѣсяцъ, итого 196 рублей 26 алтынъ 4 деньги.

На пріѣздѣ и на отпускѣ 304 рубли.

Итого 440 рублей 26 алтынъ 4 деньги.

Всего здѣсь и оставшимъ въ Москвѣ 628 рублей 16 алтынъ 2 деньги³⁾.

Но Рукавишниковъ сообразилъ, что если имъ выдадутъ по этому разсчету, то ихъ значительно обсчитаютъ, т. е. донцы за тѣ-же пріѣзды получали далеко болѣе. Да и самъ Рукавишниковъ въ свою первую поѣзdkу получила кормовая и жалованье по донскому окладу⁴⁾.

Казаки стали настаивать выдать имъ жалованье и за пріѣздѣ не по ста-рому казанскому окладу, а по донскому.

Въ Коллегіи сдѣлали разсчетъ:

— А буде противъ донскихъ казаковъ легкихъ станицъ и имъ подлежать кормовыхъ на мѣсяцъ:

Атаману по 2 рубли 9 алтына 2 деньги.

Есаулу рубль 26 алтынъ 4 деньги.

Рядовому по рублю по 16 алтынъ по 4 деньги.

Да за питье: атаману за вино рубль 26 алтынъ 4 деньги, за медъ 2 рубли 15 алтынъ 4 деньги, за пиво рубль 29 алтынъ съ деньгой.

Есаулу за вино рубль 18 алтынъ 4 деньги, за медъ рубль 14 алтынъ 3 деньги, за пиво рубль 29 алтынъ съ деньгой.

Рядовому за вино по 30 алтынъ, за медъ по рублю по 14 алтынъ по

¹⁾ Тамъ-же, листы 151—156. (См. прил. ЖІ) и Моск. Арх. Ини. Иностр. Дѣлъ, реестра III Донск. дѣлъ, синяя 29, 1720 г. № 17.

²⁾ См. прил. ХІ.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 151—156.

⁴⁾ Смотр. страницу 576 настоящаго очерка.

3 деньги, за пиво по 31 алтыну по 2 деньги.

Итого 76 рублей 26 алтынъ.

На пріездѣ и на отпускѣ.

Атаману 43 рубли, есаулу 32 рубли, рядовыми 13 человѣкамъ по 22 рубли человѣку.

Да въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца 42 рубли 20 алтынъ 4 деньги.

За порохъ и свинецъ 2 рубли 15 алтынъ 5 денегъ.

Итого 483 рубли 1 алтынъ 5 денегъ.

Да въ Москвѣ оставшимъ 38 человѣкамъ рядовыхъ кормовыхъ московскаго жатыя на мѣсяцъ, да въ дорогу на 2 мѣсяца кромѣ пять 171 рубль.

На отпускѣ по 22 рубли человѣку.

Итого 836 рублей¹⁾.

Подарки икрою и рыбой сдѣлали свое дѣло и станочники, бывшіе въ Петербургѣ, были расчитаны по донскому положенію, получивъ 483 рубля вместо 187 рублей, слѣдующихъ имъ по старому окладу.

Но не такъ были счастливы оставшиеся въ Москвѣ. Въ Петербургѣ не доумѣвали, къ чему приѣхало со станцией такое большое количество казаковъ. Обычныя станции не превышали 15—20 человѣкъ. Коршить и поить и награждать пятьдесятъ казаковъ въ Коллегии считали совершенно излишнимъ, да и дѣлу они несколько не помогали.

Почему взялъ съ собой Рукавишниковъ таѣзъ иного казаковъ—остается неясеннымъ. Тутъ, надо думать, играла роль Самара, гдѣ былъ Воейковъ. Бѣхать съ малою станциею Рукавишниковъ, вѣроятно, не рѣшился, болѣе со стороны Воейкова какого либо „изнѣвателства“, обыска, ареста или чего другого. Твердо рѣшившись добиться своего, онъ, умышленно, взялъ большую станцию, зная, что съ полусотней казаковъ онъ не дастся Воейкову и Воейковъ не рискнетъ сдѣлать ему что либо.

О дачѣ станочникамъ жалованья противъ донскаго оклада состоялся указъ 21 декабря, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, чтобы оставшихся въ Москвѣ 39 человѣкъ отправить обратно на Якъ и дать имъ за все жалованье, каждому только по 10 рублей, всего-же 380 рублей (вместо подсчитанныхъ 836 рублей) и выдать эти деньги изъ Посольского праказа. И дать имъ, говорилось въ указѣ, по подводѣ человѣку и на нихъ пропози по указу (по закону), о томъ ассессору послать указъ; а въ грамотѣ великаго Государа къ леѣкимъ казакамъ написать, чтобы они впередъ для войсковыхъ дѣлъ присыпали казаковъ отъ зимовыхъ станицахъ и съ заслугами, какъ я начѣ присланы, отъ пятнадцати до двадцати, а отъ леѣкимъ не большие десяти человѣкъ, которыхъ Его Великаго Государа жалованье будетъ давано, а ежели сверхъ вышеписаннаго числа въ пріездѣ будутъ из-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 151—156, и Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, реестръ III, Донск. дѣла, сказка 29, 1720 г. № 17.

лишне и тѣмъ излишнамъ жалованья давано не будетъ”¹⁾.

Такимъ образомъ этимъ разъ навсегда опредѣлялось количество казаковъ, прѣжающихъ въ станицахъ, и окладъ, который они стала получать за прѣѣздъ въ Москву и Петербургъ.

Рукавишниковъ съ товарищами остановились на квартире у пѣвчаго дѣяча Андрея Нижегородцева. Наняли они у него квартиру по цѣлѣ по три адтына почетыреденъги на день²⁾. Стало просить станичники и за наемъ квартиръ. Выдали по подраженной цѣлѣ.

Стали хлопотать они и обѣ издержанныхъ ими деньгахъ за наемъ подводъ изъ Самары до Петербурга.

„И мы нижайше изъ Москвы такожь пренуждены были начать сенадъцать подводъ, писали станичники въ членобитной, и дали на каждую подводу по три рубля съ полтиной и оттого мы нижайше одолжали великии долгами и отплатить чѣмъ не имѣемъ; того ради у Высокославной Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи всепокорно просимъ дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было намъ нижайшии оные наши истраченные деньги выдать и чтобы намъ было чѣмъ долги свои заплатить. О семъ доносимъ присланніе съ Иаку станишной атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи³⁾.

Деньги эти были возвращены полностью.

Шестого же декабря Рукавишникова разспрашивали подробно о бой казаковъ съ киргизами и вообще о киргизахъ.

„Киргизъ-кайсаки, которыхъ мы нынѣ привезли, говорилъ Рукавишниковъ—владѣнія Абалхайръ-хана; живутъ они между Хавою и Сибирью, и граинчать съ Сырь-Дарьинской степью и съ каракалпаками и съ черными калмыками. Имеютъ надъ собою два хана—Абалхайра да Камбъ-султана. И Камбъ-султанъ живетъ въ городахъ, изъ которыхъ главный называется Корчетанъ; а Абалхайръ-ханъ кочуетъ въ степяхъ. А слышно намъ, что у тѣхъ обоихъ хановъ собирается войска до шестидесяти тысячъ конницы; бой у нихъ огненный:—янычарки и турки съ жаграны (?) боязъ замковъ, и луки, и сабли, и конька. А разстояніемъ живутъ они кайсаки отъ насъ лицъкихъ казаковъ сорокъ дней легкой конной Ѣзы. А отъ Уфы и отъ иныхъ городовъ сколько разстояніемъ того сказать неизвѣстно. Нацрѣдъ сего тѣ киргизы прахаживали подъ нашъ казачій городокъ и иные государевы города многими собраніемъ по тысячѣ, и по двѣ, и по три и болыше, согласясь съ каракалпаки по часту; и сидѣли имъ въ осадѣ и чинили съ ними военный отпоръ. А когда мы Ѣздили въ степь для добычи и на Сызрань, то не престанно они киргизы и каракалпаки на насъ нападаютъ и сидѣть на отъ нихъ въ осадѣ же⁴⁾.

1) Тамъ-же.

2) Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 158.

3) Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 167.

4) Тамъ-же.

Рассказали Рукавишниковъ и о приходѣ Абалханъ-хана въ 1719 году подъ казачій городокъ и объ другихъ набѣгахъ киргизъ.

Въ тотъ-же день были допрошены и киргизы. Рассказали они подробно о своемъ набѣгѣ, о захватѣ пленныхъ и о нападеніи на нихъ лицемъ казаковъ.

Но Иностранную Коллегію больше всего интересовало, гдѣ живутъ киргизы и кто ими править.

Разспрошенный объ этомъ черезъ переводчика Сулеймана Янкѣева киргизъ Акъ-мурза сказалъ:

„Зовутъ же его Акъмурза Хохлубаевъ, сынъ Алчинт, вѣры магометанской, владѣвія Абалханъ-хана каракалпакаго, киргизъ-кайсакъ. Земля де ихъ граничитъ съ Копъ-тайшесю и черными калмыки, такожъ и съ башкирцами. Живутъ въ степахъ кочевье на разныхъ мѣстахъ; въ зиму кочевые ихъ бываетъ отъ Самары конной ѵады два мѣсаца, на устьѣ рѣки Сыръ-Дарьи, при морѣ Аральскомъ; а въ лѣтѣ на рѣкѣ Ембѣ, которой отъ Самары конной ѵады съ мѣсацъ, а отъ Сибири и отъ Астрахани сколько далеко, того онъ не знаетъ, только озвѣ про тѣ города слыхивалъ. Абалханъ-ханъ каракалпакской никому неподсуденъ, и городовъ въ его державѣ никакихъ неѣть, а о великихъ воинскихъ дѣйствіяхъ знаетъ онъ согласіе съ Каинъ-ханомъ, у котораго подсудны киргизы, да съ Турхай-ханомъ, у котораго подсудны кайсаки, и у которыхъ въ державахъ есть многіе города каменные и земляные, а сколько, того онъ сказать не знаетъ и самъ онъ въ тѣхъ городѣхъ не бывалъ. А у Каинъ-хана столпный городъ Теркустанъ, а сколько далеко, того онъ неизѣдаетъ, и въ томъ городѣ есть и пушки. Да съ Солтанъ-Муратъ-ханомъ, у котораго подсудны каракалпаки, и у тѣхъ де у всѣхъ четырехъ хановъ воинскихъ людей будетъ тысячъ по двадцать, а кормятся они скотомъ, который продаютъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ и каракалпакамъ, и покупаютъ тамо хлѣбъ и товары, а у нихъ де въ юртахъ хлѣба никакого неѣть. Напрѣдъ же сего они подъ городы Царскаго Величества, тако же и сюда улусы Люки-хана для разоренія подѣживали на годъ токмо по два и по три (раза) человѣкъ по сту и больше и до тысячи, съ вѣдома своего хана такожъ и начальникъ людей; и разоряли многія села и деревни и подъ городами слободы и брали русскихъ людей въ полонъ и отвозили къ себѣ въ улусы и продаютъ въ Бухарѣ, а иныхъ у себя держать, а пушекъ у нихъ неѣть, а порохъ и свинецъ и фитили дѣлаютъ въ улусахъ и есть пороховые заводы¹⁾.

Другой киргизъ Нөөрөгбай-Тебеевъ повторилъ тоже, что и его товарищъ.

Девятаго декабря ихъ позвали для дополнительного опроса „въ пополненіе о морѣ Аральскомъ и о каракалпакахъ и о прочемъ“.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30. Показаніе пленныхъ киргизъ.

Плѣнники отвѣчали:

„Море Аральское называется Аральскимъ, потому что среди того мора есть островъ Араль. А то море особо отъ Х瓦лынского моря и соединеніе съ Хвалынскимъ моремъ есть протокомъ, и тотъ протокъ сколь и глубокъ ли, того неизвестно, для того что они сами тамъ не бывали, и какъ отъ другихъ слыхали, что между тѣми морями сухинъ берегомъ конной ъезды недѣли съ три. Вода въ томъ морѣ соленая, пить нельзя, а рыба какая есть ли, того неизвестно, потому что они бываютъ при томъ морѣ нечасто. То море и островъ Араль не малые, а сколь великие, сказать подлинно не могутъ. Живутъ на томъ Аральскомъ острову въ лѣсовъ нѣть, только камышъ большой и зимою замерзаетъ, и въ зимнее время на томъ острову каракалпаки живутъ кочевьемъ, а зѣбри какие есть ли, того неизвестно, потому море, судовъ морскихъ нѣть.

Каракалпаки магометанской же вѣры, у нихъ особливый Муратъ-ханъ. Тотъ ханъ ни подъ чьимъ владѣніемъ, кочуютъ они каракалпаки отъ нихъ киргизцевъ зимнимъ путемъ конной ъезды двадцать съ десять, а лѣтомъ къ немъ каракалпакамъ они мало ъездятъ, потому что мѣста несчастны. Сбирается ихъ каракалпаковъ тысячъ по двадцати, въ больше, и живутъ съ племя въ мирѣ, и между собою ссоръ никакихъ не имѣли и не имѣютъ. И напрѣдъ сего они киргизцы съ ними каракалпаки хаживали обще для раззоренія улусовъ Аюка хана калмыцкаго и черныхъ калмыковъ и башкирцевъ¹⁾.

Киргизамъ предстояла тяжелая участъ.

По опредѣленію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, состоявшемуся 24 декабря, обоихъ киргизъ приказано было „послать на каторгу для вѣчной работы“²⁾.

Войску же за его службу была написана похвальная грамота. Въ ней вначалѣ повторились слова казачьей членобитной, присланной съ плѣнными киргизами и съ описаниемъ боевъ, а въ концѣ говорилось:

„И мы Великий Государь за ту вашу службу жалуемъ васъ атамана и казаковъ: — милостиво похвалимъ, и какъ къ вамъ сія наша Великаго Государа грамота предадъ и вы бѣ видѣ къ себѣ сію нашу Великаго Государя милость и впредъ намъ Великому Государю служили, и такихъ киргизъ-казаковъ и нашихъ подобныхъ иныхъ басурманскихъ народовъ для разоренія подъ ваши Великаго Государя города недопускайте, а служба ваша у насъ Великаго Государа у нашего Царскаго Величества забвена не будетъ; и присланые ваши атаманъ и есаулъ съ ставчниками всего 53 нашихъ Царскаго Величества жалованье помжалованы въ отпущены къ вамъ на Никъ, а впредъ присыпать вамъ съ Никъ для войсковыхъ дѣлъ казаковъ въ зимовыхъ станцахъ и съ заслугами какъ и вынѣ присланы отъ пятнадцати до двадцати, а въ легкихъ небольше десяти человѣкъ, которыми наше Великаго Государа жалованье будетъ давано жъ; а ежели сверхъ вышеписанного числа въ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, ин. 30, листъ 148.

приездѣ будуть излишне и тѣмъ излишнѣй жалованье давано не будетъ¹⁾.

Побѣхали съ грамотою на Яикъ не всѣ станичники, а только есаулы Алексѣй Абакумовъ въ радовые Иванъ Яковлевъ Мясниковъ, Якимъ Ивановъ Шербаковъ, Савелій Васильевъ Бизяновъ и Петръ Кожевниковъ, остальные казаки вмѣстѣ съ Рукавишниковымъ остались въ Петербургѣ. Станичники дали подводы — есаулу дѣлъ, а радовымъ по одной и проговорили деньги²⁾.

Вмѣстѣ съ вами Рукавишниковъ послалъ въ войско подробное донесеніе о своихъ дѣлахъ. Какъ видно изъ слѣдствія Захарова, писемъ было нѣсколько. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, къ сожалѣнію до настъ не дошедшихъ, Рукавишниковъ велѣлъ войску немедленно казнить „воровъ и измѣнниковъ“, извѣстныхъ уже вамъ доносчиковъ на войско Елисеева и Назарова, и схватить и посадить подъ караулъ въ цѣпи старшинъ Василія Мордвинкина, Изана Федорова и Василія Приткова. Боялся ли Рукавишниковъ съ ихъ стороны какого либо новаго доноса или же для этого были другія причины, — остается невыясненнымъ. Передъ отѣзломъ посланные кромѣ писемъ получила, вѣроятно, и словесный наказъ отъ Рукавишникова.

Выѣхали они въ первыхъ числахъ января 1721 года.

Въ то время, когда Рукавишниковъ хлопоталъ въ Петербургѣ, въ войскѣ всевозможные прѣкращались. Старая старшинская партія во главѣ съ Мироновымъ уже не имѣла никакого влиянія на войско и отошла на задній планъ. Войско слушалось только одного Рукавишникова и его помощниковъ: Трифона Новинскова, Макара Колохертинцева, Никиту Зевакина и Григорія Меркульева³⁾, которые и были оставлены Рукавишниковымъ въ городкѣ для поддержания своего вліянія.

Войско слышать не могло хладнокровно ни о своихъ измѣнникахъ — казакахъ, ни о смѣѣ на Яикъ Кустовыи и Воейковыи. Оно ждало послѣдствій поїздки Рукавишникова, ждало уже почти цѣлый годъ просимаго ими у царя „праводушнаго и спирнаю государева раба“. Съ нетерпѣніемъ ждало войско этого человѣка; за него одного оно возлагало всѣ свои надежды. Въ немъ одномъ оно видѣло правду.

Но этого человѣка не было. Вместо него въ Яцкѣй городокѣ готовился выѣхать Воейковъ.

На свое донесеніе въ Астрахань обѣ арестѣ Вавилова и обѣ отказѣ ему въ коавотѣ станичными атаманами Сукизинами, Воейковъ получилъ 10 октября выговоръ за медленность и строжайший указъ о скорѣшемъ выѣздѣ на Яикъ. „И противъ того твоего письма, говорилось въ указѣ, посланъ къ тебѣ вто-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, книга 30, листы 149—150. Грамота отъ 5 января 1721 г.

²⁾ Тамъ-же, листъ 166.

³⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Донесеніе Воейкова Кикину 18 ноября 1720 г.

рично великаго государя указъ юля 18 дн., чтобы тебѣ по прежде посланному указу изъ Астрахани для розыску на Яикъ, конечно,ѣхать и разыскивать по данной инструкціи; и по тѣмъ его великаго государя посланнику къ тебѣ указаимъ, для розыску въ Яицкой казачей городокъ и понынѣ еще ты не отправился, а писалъ, что посыпалъ ты за Батрацкую пристань къ яицкимъ казакамъ къ атаману Степану Сумину съ есаулы письма, которые пріѣхали съ торгомъ, и самъ къ нимъѣздилъ, что бъ они, до конихъ въ розыску дѣла касаются, въ дальниe мѣста не отѣважали, въ чёмъ де они тебѣ отказали; и ты де у нихъ взялъ казака, и за то де они кричали и говорили привинайтесь де за ружья; а что къ нимъ, казакамъ, писать отъ себя сверхъ посланнаго къ тебѣ указа собою лишишее, и, на ярмарку къ нимъ вѣжая, ловилъ ихъ—учинилъ имъ самъ на себя лишишее подозрѣніе, и то ты чинилъ напрасно, и дѣлать того тебѣ было не повелѣно и ненадлежало, за что впередь можешь за сіе представленіе быть во отвѣтствіе предъ воеваннымъ судомъ; и за долговременный непрѣвѣдомъ твоимъ на Яикъ посланіе съ порутчикомъ господиномъ Кустовымъ солдаты пребываютъ безъ жалованья, и татары, которые съ ними посланы, пришли въ крайное раззореніе и въ убытоckъ, понеже по отпуску съ Яику отъ порутчика господина Кустова душадей своихъ исородали, и впередь ясаку, положенного на нихъ, платить имъ не чень, и тотъ весь убытокъ впередь взыскиваться будетъ за тебѣ же; также и опредѣленной изъ Казани отъ архарея игуменъ въ медленномъ твоемъ уборствѣ нынѣ при тебѣ будетъ ли того не вѣдомо; въѣсти были о казакалпакахъ временный и можно было въ то время и тебѣѣхать безъ опаски какъ и прочие съ Яику и на Яикъ проѣзжали самыми малыми людьми; а тебѣ повелѣно съ собою взять довольный комплектъ и можно былоѣхать безъ опаски...

И тебѣ, по полученіи сего указа чинить по сему и по прежде посланнику указаимъ и по инструкціи во всемъ неотиѣнно¹⁾.

Вѣстѣ съ этимъ указомъ Воейковъ получилъ указъ атаману и всему Яицкому войску о послушаніи Воейкову.

Получивъ указъ, Воейковъ всетаки не рѣшалсяѣхать на Яикъ. Подъ предлогомъ, чтобы казаки приготовили ему квартиры, а въ дѣйствительности для сбора сїедѣній о настроеніи войска, онъ послалъ въ казачій городокъ подъличаго Попова. Поповъ повезъ и грамоту атаману о послушаніи войска Воейкову.

На Яикѣ между тѣмъ произошли новые бои съ киргизами. Подробности о нихъ не сохранились. Объ нихъ лишь вскользь говорить войску въ своихъ членитникахъ. Перечислены службы старшины Семена Землянушинова: войско говоритъ: „И былъ онъ въ 1720 году при атаманѣ Герасимѣ Деникоѣ за

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 80, листы 110—122. Указъ Киккса Воейкову 1720 г. 17 сентября.

воровскими кайсаками есауломъ, гдѣ знатнаго ихъ киргиза Текея-Батыра съ дѣтьми взяли и отослали оные въ государственную военную коллегию¹⁾). Изъ этого сообщенія видно только, что казаки были далеко отъ Яика, въ улусахъ киргизъ, т. е. они взяли дѣтей. Дѣтьми же войско могло назвать только дѣйствительно дѣтей, а не взрослыхъ людей—тогда бы войско написало сыновей, какъ писало объ этомъ въ предыдущихъ отпискахъ при разбатіи станицы Бородина киргизъ при рѣчкѣ Кинельчики.

Прога стычка съ киргизами произошла при походномъ атаманѣ Иванѣ Щелкинѣ. „Былъ онъ въ 1720 г. (есауль Максимъ Селиверстовъ)—писало войско въ другой членитной—командированъ при атаманѣ Иванѣ Щелкинѣ за воровскими киргизъ-кайсаками гдѣ оныхъ нѣсколько на смерть побито, а прочие въ плѣнъ взяты“²⁾). Что эти стычки происходили послѣ отѣзда Рукавишникова, видно изъ того, что до его отѣзда ни одна известная уже намъ станица (а объ этихъ станицахъ въ 1720 году имѣются очень подробныя архивныя сѣдѣнія) плѣнныхъ киргизъ въ Петербургъ не привозила. Очевидно, они были уже позже отѣзда Рукавишникова, но когда именно,—неизвѣстно.

Въ то время, пока Поповъ вмѣстѣ съ дарами ему для конвоя солдатамъѣхалъ на Яикъ, тамъ одинъ шумный кругъ сѣнялся другимъ. Три раза войско возвращало въ кругъ Елисѣева, Назарова и Миронова. Три раза доносчики слышали грозные крики озлобленныхъ казаковъ, приговаривавшихъ ихъ къ смерти³⁾. Но судьба и на этотъ разъ хранила Назарова и Елисѣева. Казаки не рѣшались еще покончить разъ навсегда съ „измѣнниками“.

Какъ разъ въ разгарѣ этихъ шумныхъ дней появился среди куреней посланный Воейковымъ подъачій Поповъ. Въ шумномъ, возбужденномъ кругу онъ подалъ войскому атаману Ивану Шербакову указъ изъ Астрахани о послушавшемъ войска Воейкову.

Въ Астрахани еще не знали о выборѣ новыхъ атамановъ и указъ былъ написанъ на имя атамана Никиты Бородина.

Перечисляя въ указѣ вины войска, ставшаго послушнымъ приказаниемъ изъ Астрахани, какъ то: о непослушаніи Кустову, о недачѣ ему свѣтъ и бумаги, а также о нежеланіи войска дать конвой Воейкову, Кининъ въ концѣ указа писалъ:

„А сего 1720 году, іюня въ 10 день въ указѣ Великаго Государя изъ Сенатпетербурга изъ канцеляріи Правительствующаго сената за приписаніемъ руки оберъ-секретаря господина Щукина, который полученъ въ Астрахани августа 31 дня, написано велико на Яикѣ по дѣлу розыскывать по посланному указу изъ Преображенского приказу, и каковъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената полученъ указъ и съ того послана къ вами при семъ для лучшаго уѣбренія копія:

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 67, листъ 216.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 95, листы 94—95. Членитная войска 1755 г. февраля 26.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Донесение Воейкова Бинкину 18 ноября 1720 г.

И противъ оного его Великаго Государя указу велико вышесказанному маюру Воейкову по дѣламъ, даннымъ ему для розыску, конечно жать къ вами за Яикъ въ незамедленномъ времена.

И какъ вы сей Великаго Государя указъ получите и оной маюръ Воейковъ къ вами на Яикъ прибудеть и вами бы атаману въ всему яицкому войску вѣрнымъ его Царскаго Величества слугамъ о всемъ чинить и послушаниемъ ему быть по его Великаго Государя указу какъ отомъ писано выше сего¹⁾.

Виѣть съ этимъ Поповъ далъ Щербакову и коню съ указа изъ Преображенскаго проказа, посланнаго астраханскому губернатору Волынскому, въ которомъ говорилось, чтобы розыскъ быть произведенъ въ Астраханской губерніи.

Указы войско выслушало. Но за послѣдовавшимъ вслѣдъ за этимъ шумомъ и криками негодованія Поповъ могъ только убѣдиться въ томъ, что Воейкову въ городѣ не бывать.

Будь это не Воейковъ, а другое лицо, войско можетъ быть-бы, еще и согласилось идти подъ розыскъ, но къ Воейкову оно идти не имѣло мужества.

Оно, не могло простить ему его выходокъ по отношению къ казакамъ.

Въ кругу было шумно.

— Не давать подъячему квартиры! раздались крики.

— Ни тебѣ мы не дадемъ квартиръ, ни Воейкову,— отвѣчало войско Попову. Подъ розыскъ къ маюру мы не пойдемъ! А если онъ будетъ жать къ нашему городку, то мы всѣмъ войскомъ встрѣтимъ его на дорогѣ у Переметного умуту и къ городку не пустимъ!²⁾.

Кругъ разошелся. Попову съ конвойными квартиры не дали. Онъ вынужденъ былъ остановиться у поручика Кустова, сидѣвшаго съ командой въ холодной избѣ, гдѣ ранѣе находились у казаковъ колодники.

Закованы въ цѣли и находившіеся у войска подъ карауломъ казаки Иванъ Елисеевъ и Афанасій Назаровъ какими-то судьбами ухитрились въ это время передать Попову доность на войско, написанный за вѣя Воейкова.

„Царскаго Пресвѣтлаго Величества розыскныхъ дѣлъ господину маюру Гаврилъ Михайловичу Воейкову отъ доносителя взвѣсть, а кто доносители и то писано выше сего“ — такъ начинался доность.

Далѣе доносители излагали всѣ свои бѣды, говорили о томъ, какъ иль не разъ праговоривали къ смерти, какъ Рукавишниковъ зачислилъ всѣхъ бѣжавшихъ въ казаки, въ томъ числѣ подпрапорщика Константинова и о многомъ другомъ, что уже замъ взвѣство.

„И за то мезя что я доносилъ ему Царскому Величеству вѣроно,— писалъ въ концѣ доноса Афанасій Назаровъ, въ что винѣ запечатано лежитъ въ станицѣ

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 110—122. На указѣ помѣта: „Указъ великаго государя указъ посланъ сентября 17 дни 1720 года“.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 34, листы 728—727. Доносение Воейкова Екину отъ 1720 г. 18 ноября.

ной изъявленіе мое въ царевыхъ дѣлахъ, быть и приговариваются казнить и оболгали меня взятками напрасно, чтобъ меня за вышеписанное дѣло погубить; и сижу я съ вышеписаннымъ доносителемъ съ Иваномъ Елисѣевымъ за одинъ карауломъ скованъ и на всякий часъ глядеть смерти; а указы великаго государя, которые приходить отъ Великаго Кесара и губернатора Артемия Петровича обругали”¹⁾.

Изъ этихъ строкъ видно, что войско въ свою очередь старалось очернить своихъ доносчиковъ и ихъ самихъ подвести подъ розыскъ. Въ какихъ взяткахъ обвиняло войско Назарова—неизвѣстно. Въ дѣлахъ не сохранилось объ этомъ никакихъ указаній.

Поповъ уѣхалъ. Но войско не могло оставаться спокойнымъ. Оно со дня на день могло ждать прибытия Воейкова, которому приказывалось немедленноѣхать на Яикъ. Объ этомъ же войско уже знало изъ письма Рукавишникова.

Нужно было добыть вѣсти, что дѣлается въ Самарѣ, поѣдеть ли Воейковъ на Яикъ или нѣтъ? Прошло нѣсколько дней и войско снарадило двухъ казаковъ Никифора Степанова и Семена Петрова, дало имъ подорожную за войсковой печатью, и отправило ихъ на разведку въ Самару. Въ проѣзжемъ письмѣ говорилось, что казаки посланы для розыска бѣжавшихъ изъ Яцкаго городка чувашъ.

По дорогѣ казаки обогнали двухъ солдатъ Андрея Мещерякова и Ивана Тулупова, посланныхъ незадолго предъ этимъ Кустовымъ съ отписками къ Воейкову и благополучно прибывшихъ въ Самару. Остановившись за рѣкою Самарою, они оставили здѣсь на квартире лошадей и дальше пошли въ городъ.

Но не долго продолжалась разведка казаковъ,—она кончилась въ тотъ день, какъ прїѣхали въ Самару солдаты Мещеряковъ и Тулуповъ. Явившись къ Воейкову, они рассказали ему о дѣлахъ на Яикѣ.

„Опознали мы на Яикѣ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ,—говорили между прочимъ Воейкову посланные,—живутъ они въ казакахъ, а именно Астраханскаго гарнизона Смоленскаго полку подпрапорщикъ Михайло Дементьевъ да солдатъ Осипъ, чей сынъ не упомнимъ, который выѣзжалъ называется Никита Ивановъ Крашенинниковъ; да изъ арміи драгунъ Афанасій, чей сынъ и прозваніе запамятали, а живетъ онъ въ домѣ у казака Никиты Зевакина. Да замъже говорялъ доноситель Карташевъ, что онъ вѣдаетъ на Яикѣ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ съ полтораста человѣкъ”²⁾.

Рассказали солдаты и о встрѣчѣ съ ними казаковъ: „Обогнали насъ по дорогѣ два лицемѣрныхъ казака, а сказывали тѣ казаки, будто быдуть они для смыску бѣглыхъ чувашъ, а уѣхали они на Самару впередъ насъ”.

Услыхавъ объ этомъ, Воейковъ приказалъ ихъ разыскать. Казаковъ нашли и представили.

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаб., опись 107, книга 80, листъ 264.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаб., опись 107, книга 54, листы 726—727. Доносение Воейкова Кикину, 18 ноября 1720 года.

Казаки подали Воейкову подорожную, но Воейковъ подорожной не погрѣхъ. Онь стала ихъ разспрашивать съ пристрастиемъ—стала бить ихъ „смертными боемъ“. Развѣдчики повинились.

„Послали насъ съ Яику изъ войска казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ Щербаковъ да сопѣтники Рукавишниковъ Макаръ Коловертищевъ, Трафонъ Новиковъ съ товарищи тайно, для проѣздыванія о поѣздаѣ твоей на Яику въ, оставилъ за рѣкою Самарою лошадей, пришли мы въ городъ Самару пѣши, а подорожная дана намъ отъ атамана съ товарищи; а написано въ той подорожной, будто мы посланы за чувашию для того, чтобы никто насъ въ томъ присмотрѣ не позналъ потому, что Рукавишниковъ, побѣхъ въ Санктпетербургъ, приказывалъ всему войску, дабы тебя для розыску въ городокъ не выпускать и для подтверждительства въ томъ оставилъ за Яику сопѣтниковъ своихъ Новикова и Коловертищева понеже яицкіе казаки Рукавишникова и сопѣтниковъ его во всемъ слушаются и творять по волѣ ихъ; а объявляютъ онъ Рукавишниковъ будто присланъ онъ отъ Царскаго Величества, и потому его словамъ всѣ яицкіе казаки въ кругу предложили приговоръ что тебя въ городокъ къ себѣ непустить; а съ Яику Рукавишниковъ, взявшись изъ войска девятеръ 800 рублей да казаковъ пятьдесятъ человѣкъ, побѣхъ въ Санктпетербургъ, а за чѣмъ незнамъ“¹⁾.

Воейковъ приказалъ посадить ихъ подъ караулъ. Узнавъ онъ, что инициаторы Самары проѣхали казаки съ какими то донесеніями въ Уфу. Онъ послалъ имъ въ погоню. Ему хотѣлось знать, за чѣмъ ониѣ вѣдутъ въ Уфу и вѣтъ ли у нихъ на него жалобъ. Казаковъ сѣмьдесятъ и привели къ Воейкову. Но кроме вѣстовыхъ отписокъ о появленіи киргизъ у нихъ ничего не нашли. Ихъ отпустили.

Получивъ извѣстія отъ подьячаго Попова, а также свѣдѣнія отъ посланныхъ Кустовыми солдатъ и отъ казаковъ развѣдчиковъ, Воейковъ рѣшилъ за лучшее на Яику неѣхать. 18 ноября онъ донесъ обо всемъ слушавшимъ въ Астрахань Кисину и копію въ Правительствующій сенатъ.

Въ этомъ обширномъ донесеніи Воейковъ подробно изложилъ ходъ разыска отъ посланія на Яику поручика Кустова до послѣднихъ дасей. Перечисливъ всѣ „противности“ войска и непослушанія казаковъ указамъ, о посланії въ войско солдатъ Ваникова и подьячаго Попова, о непослушаніи казаковъ въ Самарѣ и другія события, въ концѣ донесенія онъ говорилъ, что на Яику ему для розыскаѣхать невозможно.

„А по вѣдомостямъ (по вѣстямъ, по слухамъ) окой Рукавишниковъ бѣгомъ съ катогами,—писалъ Воейковъ,—и замышеозначенной Яицкіи казаковъ противностію малолюдствомъ пріѣхавъ на Яику и о ономъ розыску изслѣдоватъ въ существо не возможно, понеже по вѣдомостямъ у нихъ въ казакахъ бѣгомъ солдатъ и крестьянъ и цружихъ всякаго чина пріѣхалъ людей унно-

¹⁾ Такъ-же.

жилось и посланныхъ указовъ неслушаютъ; а которые атаманы о противностахъ ихъ имъ претятъ и тѣхъ оные перемѣняютъ и выбираютъ собою такихъ же, какого состоянія и сама; а многие настоящіе старые казаки и въ круга къ нимъ не ходатъ; а дѣйство съ ними пришлецами во всякихъ противностяхъ производить и указовъ слушать не велатъ, вышеозначенной каторжной бѣглѣцъ Рукавишниковъ также и другіе, а именно Трифонъ Новиковъ, Макарь Колвертищевъ, Никита Зевакинъ, Григорій Меркульевъ, на которыхъ и на предъ сего въ пакостахъ показалъ доноситель Карташевъ; и отъ поманутыхъ бѣглцовъ и отъ союзниковъ ихъ опасно дабы какого зла непроизошло. И о вышеписанномъ полковникъ и Астраханской губернаторъ Артемій Петровичъ съ товарищи что повелиши¹⁾).

Пославъ донесенія, Воейковъ по прежнему остался въ Самарѣ и сталъ ждать указаний изъ Астрахани.

Между тѣмъ 28 ноября прибыли въ Яицкій городокъ посланные отъ Воейкова солдаты съ другой кошѣй съ указа изъ сената о послушаніи войска Воейкову. Отъ нихъ казаки узнали о судьбѣ своихъ развѣдчиковъ и заволновались. Самарскій комендантъ стоялъ предъ войскомъ, какъ бѣльмо на глазу, освободиться отъ котораго оно было не въ силахъ. Онъ окончательно отрѣзалъ ихъ отъ Руси и прекратилъ всякое сообщеніе съ Москвою, осматривалъ станичниковъ и отбиралъ у нихъ письма, а иногда и сажалъ подъ караулъ независтныхъ ему казаковъ, посыпаемыхъ отъ войска.

Собрался кругъ. Войско рѣшило усовѣстить Воейкова и написало ему письмо. Письмо это было отправлено съ прибывшими изъ Самары отъ Воейкова солдатами, которымъ войско снова словесно заявило, что Воейкова они въ городъ не пустятъ и слушать указовъ изъ Астрахани не будутъ. Интересно казачье письмо:

„Великаго Государя Цара и Великаго Князя Петра Алексѣевича всемъ великия и малыя и бѣлья Россіи Самодержца господину наюру и коменданту Гаврилѣ Михайловичу Воейкову запольная рѣка Яеку Яицкіе атаманы—казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и все Яицкое войско членъ быть“. Такъ начиналось письмо къ Воейкову. Далѣе, сообщая ему о полученіи войскомъ указовъ изъ Астрахани о послушаніи Воейкову и Кустову и объ отводѣ квартиръ для Воейкова, войско заявило: „И ежели ваше благородіе соблаговолишь по прежнему и по сому Великаго Государа указамъ къ намъ прибыть для розыску и мы подъ розыскъ къ вашему благородію не пойдемъ по тому, что съ твоимъ благородіемъ есть у насъ приказная скора:—послали мы лицемъ войскомъ своихъ членобитчиковъ въ Санктпетербургъ быть членъ Царскому Величеству на ваше благородіе во всякихъ на насъ налоговъ, чего Вашему благородію указомъ Царскаго Величества неповелѣваетъ то Ваше благородіе изволилъ чинить, потому, что нашихъ казаковъ ловишь и сажаешь въ тюрьму, а

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Донесеніе отъ 18 ноября 1720 года.

другихъ поимавъ бѣшь въ батальи и держишъ подъ карауломъ, и которые съ отписками посылаются отъ насть на городъ Уфу къ полковнику и графу Ивану Гавриловичу Головкину и стольнику и воеводѣ Ивану Ефремовичу Бахметьеву и ваше благородіе соблаговолиши за сими посланными казаками въ логово гонять и ихъ ловить а не вѣдомо для какого вымыслу; и сего ноября 23 дня послали мы на Ваше благородіе въ городъ Уфу съ явошными отписками къ полковнику и графу Ивану Гавриловичу Головкину и стольнику и воеводѣ Ивану Ефремовичу Бахметеву потому, что ежели буде какія вѣдомости будуть про непріятельскихъ людей киргизцовъ и каракалпакъ и нацъ въ городъ Самару и въ Алексѣевскъ послыть стало невозможно и въ городъ Уфу къ полковнику и графу Ивану Головкину и стольнику и по его де господину Бахметеву ни съ какими вѣстями, противъ вышеозначеныхъ отъ твоего благородія налоги изнезательства; и послали вторично на ваше благородіе въ Санктпетербургъ быть челомъ Царскому Величеству отъ твоего къ нацъ раззоренія потому, что ежели бы указомъ Царскаго Величества повелено изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ хотя бы о порозныхъ (f) вашему благородію сѣдовать и другихъ бы надъ наими налогъ изнезательство и раззоренія вашему благородію чинить не надлежитъ, а ваша милость позволиши ловить, которые наши казаки выѣхали въ городъ Самару для покупки хлѣбныхъ запасовъ и тѣхъ казаковъ позволиши держать не вѣдома для какого вымыслу; также и буде вашей милости къ замѣ прѣѣхать и мы подъ ровинъ не пойдемъ, и квартеръ отъ насть къ тебѣ господину маюру Войскову не будетъ, и конвой не вышлемъ, и въ городокъ ваше благородіе не пустимъ до указу Царскаго Величества изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ Государственного канцлера и кавалера и президента и графа Гаврилы Ивановича Головкина съ товарищи, а присланныхъ съ указомъ Великаго Государа отъ вашего благородія солдатъ отъ насть съ Яику отправили письмами.

Ноября въ 25 день настоящаго 1720 года¹⁾.

Отправило-ли войско одновременно съ этимъ письмомъ письмо въ Уфу къ графу Головкину—изъ дѣла не видно, но спустя недѣлю войско дѣйствительно снарядило станцу въ Петербургъ къ Рукавишникову съ жалобою на дѣйствія Войскова.

На этотъ разъ вѣстѣ со станцией былъ отправленъ снова царскій кусъ. Дѣжалось-ли въ войскахъ и разѣ такъ, что съ осеннею и зимовою, а можетъ быть и весеннею станциами всегда отправлялся къ царю царскій кусъ, или же на этотъ разъ было сделано исключение, ввиду крупныхъ событій, совершившихся на Яикѣ, неизвѣстно,—объ этомъ никакихъ указаний не извѣстно.

Но войско еще разъ послало царскій кусъ „съ построеною про обходъ ко двору и икрою и рыбью“.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 167, книга 80, листы 277—278.

Царский кусъ на этот разъ состоялъ изъ икры, заключенной въ 67 „пашенцевъ“, изъ 200 осетровъ и 50 бѣлугъ и вязиги, но сколько было послано послѣдней — неизвѣстно¹⁾.

Въ станцу выбрали атаманомъ Ивана Степанова, есауломъ Афанасія Иванова²⁾ и еще двухъ казаковъ Ивана Жельзнова и Ивана Дурнишцева, всего четырехъ человѣкъ.

Вмѣстѣ съ царскимъ кусомъ войско послало со станичниками къ Рукавишникову письма и челобитье царю Петру, а также и копіи съ указовъ, полученныхыхъ отъ Воейкова о послушаніи ему войска.

Интересны письма, посланныя въ Рукавишникову — интересны уже тѣмъ, что въ нихъ всюду видно уваженіе и довѣріе войска къ своему ходатай и сквозить та первобытная простота нравовъ, которая царила въ то время въ войску.

„Отъ Войскового атамана Ивана Иванова и отъ всего Яицкаго войска посланному отъ насъ станичному атаману Федору Михайлову стоварищи челобитье.

Милостю отъ всесвѣтраго и Всемогущаго десница державной Божія на лѣта много со всѣми своимъ молодцами.

О семъ вашей милости извѣствуемъ: послали мы до вашей милости съ посланными своими казаками съ Иваномъ Степановымъ съ товарищи построа икры шестьдесятъ семь пашенцевъ, да осетровъ по счету двѣсти, да бѣлугъ пятьдесятъ, и ваша милость позвольте бить членомъ Царскому Величеству и другимъ господамъ; да отъ поминутыхъ пашевцовъ есть особливые четыре пашевцова, на которыхъ подписано именно: самая бѣлая икра Царскому Величеству — вырѣзано на лукошечкѣ все пословамъ, а другое по сѣре и то писано Царскому Величеству на лукошечкѣ жъ не пословамъ по титломъ, а другое два лукошечка вырѣзано на нихъ графу да Ивау Михайловичу по лукошечку; и ваша милость соблаговоли поминутыми пашевцы бить членомъ особливо, понеже оная икра шебѣла другіе; да съ тою же икрою и рыбью послано коликое число отъ вязиги и ваша милость поминутой гостинецъ соблаговоли принять и роспись положить у себя, повеже вѣли въ цѣлости дойдеть; да извѣствуемъ вашей милости, что хвалится маіоръ Воейковъ, прибылъ въ Самарѣ быть къ вамъ на Яицѣ многолюдствомъ и съ пушками для розыску; и ваша милость, ежели получите отъ Царскаго Велачества въ отъ сіательнѣйшаго графа грамоту Великаго Государа объ нашихъ войсковыхъ нуждахъ, и ваша милость соблаговолите прислатъ въ немедленномъ времени до насъ съ нарочными своимъ; а нашему милосердію санимъ свѣдомъ, что есть у насъ приказная ссора. Да извѣствуемъ вашей милости, что послали мы къ вашей милости заручную, войсковую члебитную, на помянутаго Воейкова, понеже мы Яицкимъ послали своихъ яицкихъ казаковъ для

¹⁾ Это первое свѣдѣніе о количествѣ посланного царскаго куса, найденное въ архивахъ. (Моск. Арх. Г.А. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 282.)

²⁾ Это, вероятно, одни только имена и отчества, а фамилии ихъ не показаны.

проводившаго Воейкова, а что бъ ему было невѣдомо написано письмо было чогоныемъ, и оной Воейковъ взялъ помянутыхъ нашихъ казаковъ распрашивалъ и бывъ одного человѣка въ батожья смертныи боень, и то язвствуетъ въ помянутой нашей челобитной; а мы подъ розыскъ къ нему до указу Царскаго Величества по вашему прошенію нѣдемъ.

При семъ вашей милости Яицкаго войска войсковой атаманъ Иванъ Изаповъ и все Яицкое войско поздравляемъ.

Декабря въ 4 день 1720 году¹⁾.

Другое письмо къ Рукавишникову было написано отъ его друзей Трифона Новинского (онъ-же Новиковъ), Коловертинцева, Зевакина, Меркульева и другихъ казаковъ. Въ этомъ письмѣ они сообщаютъ, что, несмотря на давнюю имъ Рукавишникову „зарушную запись“ о выѣздѣ ихъ по зиннему пути къ нему въ Петербургъ, они этого сдѣлать не могутъ.

„Почтенный и милостивый нашъ господинъ Федоръ Михайловичъ — письмо Новицкій съ товарищами Рукавишникову:

Милостію всепрѣдраго Бога сохранится лесница вседержавная Божія на лѣта многа вкупе пристанище твое съ обрѣтающимися молодцами.

О семъ вашему благородію извѣстствуемъ что въ прошломъ 719 году что посланы мы были отъ всего Яицкаго войска бить челомъ Царскому Величеству обо вскихъ войсковыхъ нуждахъ купно съ вашимъ милосердіемъ и подписались письменно за своиими руками, чтобы намъ быть до вашей милости по нынѣшнемъ пути; и въ нынѣшнемъ 720 г. году что чинится всему войску отъ маюра и Сызранскаго коменданта Гаврилы Михайловича Воейкова именія изнезательства и называется съ розыскомъ и для того вѣсъ войскомъ задержали; а какая отъ него Воейкова къ намъ нужда и о томъ Ваша милость сама свѣдомы. А нынѣ оной же Воейковъ похвалается быть къ намъ великимъ собраниемъ и съ пушками почему и не повелѣво такое самовольство творить безъ указу Великого Государа и ваша милость соблаговолите, зарушную запись вынять, очистить насть, понеже насть стало Ѳхать не возможно, чтобы Его Царскаго Величества вотчина отъ помянутаго Воейкова вѣнцы неразорилася; при семъ твоему благородію покорны, къ служению готовы — Трифонъ Филипповъ уличенно кланимся.

Декабря въ 4 день 1720 г.²⁾.

Въ члобитной царю Петру казаки писали:

„Державаѣшій Царь, Государь Милостивѣшій.

Въ нынѣшнемъ 720 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ маюры и сызранскій коменданть Гаврило Воейковъ чинить намъ именеменованіи иного изнезательство и разореніе на Батрацкой пристани, какъ мы рабы твои пріѣзжаемъ для покупки хлѣбныхъ запасовъ и насть работъ твоихъ оной маюры Воейковъ быть и въ тюрьму сажаетъ, въ которой и до днѣсъ нашъ станчи-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, лл. 80, листъ 282.

²⁾ Тамъ-же, листъ 281.

ной есаулъ у него подъ карауломъ держится; да онъ же маіоръ и коменданть Воейковъ въ бытность свою въ Самарѣ, которые были отъ насть рабовъ твоихъ посланы съ вѣстовыми отписками въ городъ Уфу по письмамъ господина полковника и графа Ивана Гавриловича Головкина, чтобы изслѣдоватъ проходъ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизцовъ, чтобы оттакихъ непріятельскихъ людей Вашей Царскаго Величества вотчинѣ въ конецъ неразориться, и за тѣми вашими посланными гонялъ въ погоню, а для какого вѣнислу того мы раби твои не вѣдаемъ; да онъ же маіоръ Воейковъ въ Самарѣ городѣ поймалъ нашихъ же казаковъ, которые посланы были за бѣглецами съ погоннымъ письмомъ, и тѣхъ казаковъ взялъ оной Воейковъ къ себѣ и билъ ихъ смертнымъ боемъ и держать у себя подъ карауломъ и до днесъ и морить голодную смертю безвинно; такожъ де и иныѣ въ Самарѣ жъ, которые наши казаки прѣжаютъ за хлѣбною покупкою, и онь маіоръ тѣхъ казаковъ изневажить и держать водь карауломъ въ честь наимъ рабамъ твоимъ впередъ съ отписками вѣстовыми, которые посыпаются по вѣдомостямъ про воинскихъ людей и для покупки хлѣбныхъ запасовъ, отъ котораго его къ намъ изневелательства, ъздѣть отнюдь невозможно, понеже оной Воейковъ присыпаетъ къ намъ отъ себя многія указы, чтобы ему быть у насть съ розыскомъ и требуетъ отъ насть къ себѣ конвою, противъ которыхъ мы, ниженименованные, ему маіору Воейкову письменно отвѣтствовали, что мы де къ Астраханской губернїи стала быть неприсудны, понеже мы ниженименованные по именному Царскаго Величества указу свѣдомы службою и зарадомъ и всячими дѣлами судомъ и расправою въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; и мы ниженименованные безприславшаго Великаго Государя указу изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ нему маіору подъ розыску не пойдемъ потому, что у насть рабовъ твоихъ есть съ ними приказная скора; а для подзиннаго розыску послали мы ниженименованные бить членъ въ Санктпетербургъ Царскому Величеству, чтобы насть рабовъ твоихъ по извѣту съ доносителемъ Иваномъ Карташевнимъ съ товарщи розыскать въ Санктпетербургѣ, кромѣ его маіора Воейкова.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелѣть Ваша Царская державства насть ниженименованныхъ отъ такого помянутаго Воейкова къ намъ наимъстства въ наглое его къ намъ раззореніе во всемъ милостивѣйшъ своимъ Государевымъ указомъ охранять и розыскать, кромѣ его маіора Воейкова, по дѣлу доносителеву въ Санктпетербургѣ.

Вашего Величества нижайшиe раби запольныхъ рѣка Яику лицѣ атаманы-казаки: Иванъ Ивановъ и все рядовые казаки 2600 человѣкъ, 1720 году декабря въ 4 день. Къ сей членобитной виѣсто воинскаго атамана Ивана Иванова и, всего Яицкаго войска по вѣдѣнію соборнаго церви попъ Иванъ Ивановъ руку приложилъ¹⁾.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 180.

Станица выѣхала 5 декабря. Обозъ съ царскими кусами и со станичными представлялъ изъ себя 29 подводъ, конвоируемыхъ наряженныхъ отъ войска ертавуомъ до г. Самары. Войско же стало готовиться къ встречѣ Воейкова.

Казаки знали, что не сегодня—завтра онъ долженъ быть въ городкѣ и никуда не разъѣзжалъся. Они твердо рѣшили ни подъ какимъ видомъ не пускать его въ городокъ. Наступило время багрея—одного изъ главныхъ рыболовствъ войска, дававшаго имъ средства къ существованію, но изъ войска не выѣхалъ ни одинъ человѣкъ. Багрея было отброшено въ сторону предъ наѣзгавшейся бѣдой. Воейковъ шелъ къ казакамъ не только какъ розыщикъ, но какъ личный врагъ войска съ затеиною цѣлью отомстить имъ и разорить ихъ насколько возможно. „Все войско ваше разорю!“ —грозилъ онъ казакамъ все время. А разорить войско было легко. Достаточно было захватить и выслать изъ войска всѣхъ прибывшихъ на Яикъ послѣ 1695 г., чтобы отъ Яицкаго войска не осталось бы, по словамъ Рукавишникова, и тысячи человѣкъ. Они почти всѣ бѣглы! Они рѣшили защищать свою свободу всѣми средствами, какія только были въ ихъ рукахъ, до вооруженнаго сопротивленія включительно. Вѣдь Воейковъ обѣщалъ ихъ разорить. Онъ непремѣнно вышлетъ всѣхъ казаковъ, не попавшихъ въ списки въ 1695 г., въ Русь! — думало войско. И приготовилось къ оборонѣ.

Но приблизительно въ тоже время, когда станица выѣхала изъ Яицкаго города, изъ города Самары выѣхала небольшая команда солдатъ, сопровождавшая возы съ хлѣбными запасами для солдатъ поручика Кустова. При обозѣ находился подьячій Исаакъ Акимовъ. Всѣдѣ за этимъ обозомъ черезъ нѣсколько дней выѣхалъ на Яикъ и Воейковъ. Сколько было при немъ конвоя — точно неизѣбѣто, но судя по послѣдующему человѣческому войску Воейковъ имѣлъ при себѣ около трехсотъ человѣкъ солдатъ.

Едва уѣхала станица, какъ вблизи городка появился Акимовъ съ хлѣбными запасами.

Но войску новые гости не сулили ничего хорошаго. Довольно для нихъ было и одного поручика Кустова.

Болѣе двухсотъ казаковъ, вооруженныхъ ружьями и копьями, выѣхали изъ городка и встрѣтили Акимова за валомъ деревянъ въ двухъ отъ городка и загородили дорогу.

— Мы васъ въ городокъ не пустимъ! — заявили они подьячemu и, оставивъ возы и солдатъ въ степи, они захватили съ собою Акимова и увезли его въ городокъ, гдѣ представили собравшемуся войску.

Здѣсь, у станичной избы, войско рѣшительно заявило подьячemu, что они ни солдатъ, ни хлѣбного запаса въ городокъ не пропустятъ.

Акимовъ просилъ дать сѣна лошадямъ.

Войско отказалось ему и въ этомъ и запретило не только продавать сѣно, но и давать его даромъ тѣмъ подводчикамъ, которые были знакомы съ казаками.

Когда-же Акимовъ вздумалъ пройти къ поручику Кустову, чтобы отдать ему письмо — войско этого сдѣлать не позволило. Не допустили казаки въ Акимову и посланыхъ отъ Кустова солдатъ. Они вывели его за городской валъ и приказали ъхать обратно.

Здѣсь у воротъ и по валу казаки поставили караулы „съ ружья и съ конемъ“, чтобы никто изъ обоза не могъ пройти въ городокъ¹⁾.

Акимовъ былъ вынужденъ ъхать обратно.

Между тѣмъ казачья станица, благополучно разѣхавшись со встрѣтившейся въ солдатской командою и обозомъ Акимова, встрѣтилась вскорѣ съ Воейковымъ, слѣдовавшимъ вслѣдъ за Акимовымъ на Яикъ.

Казаковъ остановили. Воейковъ приказалъ ихъ обыскать. Ему нужны были письма и бумаги, которые везли станичники. Не обошлось безъ браны и побоевъ. Казаковъ, какъ они писали потомъ въ своей челобитной, не смотря на морозъ, „разоблачали“, раздѣвали почти до нага, чтобы отыскать эти письма.

Сопротивлявшагося есаула Афанасія Иванова Воейковъ приказалъ раздѣлть до нага и хотѣль бить плетьми.

Письма войска и челобитную Царю Воейковъ нашелъ, сорвалъ печати и прочиталъ.

Не въ его расчетахъ было оставлять челобитную и письма у казаковъ. Онъ взялъ ихъ себѣ, станцу же отпустилъ²⁾.

Арестовать казаковъ, ъхавшихъ съ рыбой и икрою „для Царского обиходу“, овъ не рѣшился.

Станица побѣхала далѣе безъ челобитной и безъ писемъ, везя съ собою только указы. Но этимъ мытарства казаковъ станицы Ивана Степанова не кончились. По приѣздѣ въ Самару они должны были заплатить десятину. На этотъ разъ „самбираинъ“ Алексѣй Ивановъ при сборѣ пошлины взялъ изъ рыбы и икры, назначеннай царю, „самую головную рыбу и икру“, которая была уложена „особливо про обиходъ царского величества“³⁾. Зорѣ очи Иванова, вѣроятно, не проводили пашевцевъ съ бѣлою икрой и лучшахъ осетровъ везенінъ для царя, — надо полагать, что онъ ихъ-то и отобралъ яко-бы въ казну.

Уже изъ этого видно, до какой степени распущенность и алчности доходили въ то время всѣ эти дворяне, офицеры, бургистры и друг., съ которыми приходилось иметь дѣло народу и казакамъ. Ужъ если самъ царь не могъ быть гарантированъ отъ того, что его не обкрадетъ какойнибудь Ивановъ,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 781—782. Донесеніе Воейкова Кизину 1720 года, декабря 28.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 289—292. Челобитная войска царю Петру 1721 г. марта 30, и тамъ-же, опись 89, сакка № 3, хѣло № 81—2755, листы 15—22.—Слѣдствіе и судъ надъ Воейковымъ въ 1725 г.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 284—285. Челобитная Рукавишникова 1721 года въ февралѣ.

то что-же могъ ждать отъ такихъ господъ простой поселенцевъ и казакъ. Ивановъ обобразъ цара, „а бурмистръ съ товарищи съ той-же рыбы и икры написавъ будто ее везутъ на продажу“, взяли еще другую пошлину какъ-будто бы съ купленной въ Самарѣ рыбѣ¹⁾.

Не церемонились приказные въ то время. Брали, драли и хапали где и что можно. Даже имя цара не могло сдержать ихъ алчности. Степановъ донесъ о всемъ войску.

Сорвавъ свою злобу на казакахъ, Воейковъ двинулъся дальше. Но не дѣйшая до городка, онъ встрѣтилъ на пути возвращавшійся обозъ съ провизіей; Акимовъ рассказалъ ему о казачьихъ противностяхъ.

Воейковъ все-же рѣшилъ испытать счастье и двинулъся дальше.

Но плохо онъ зналъ настроение казаковъ. Въ городѣ было шумно. Войско знало, что вслѣдъ за Акимовымъ приближался къ городку ненавистный для нихъ сибирскій комендантъ.

Казаки рѣшили не допускать Воейкова до городка, хотя бы для этого нужно было прыбѣгнуть къ силѣ. Не Воейкова, такого-же лихомица и взаточника, какъ Кротковъ и другие розыщики, ждали къ себѣ казаки для торжества правды. Они ждали „праводушнаго и вѣрнаго государева раба“ и ждали его не изъ Астрахани, не изъ Казани, — тамъ такихъ войско не знало, — а изъ Петербурга отъ самого Царя.

Но вотъ стоявшіе на отъѣзжемъ караулѣ въ стени у послѣднаго вала казаки дали знать войску, что къ городку приближается команда солдатъ.

Воейковъ первымъ не рѣшился ѿхать въ городокъ. Онъ послалъ отъ себя для переговоровъ и съ указами о послушаніи войска двухъ человѣкъ: сибирскаго дворяниня Филиппа Могутова и сибирского канцеляря Ивана Филиппова. Карапульные казаки разрѣшили войдти въ городокъ только Могутову и Филиппову. Среди указовъ посланныхъ подали атакану указъ Воейкова о послушаніи.

Дѣлая выговоръ войску за непропускъ карабинъ запасовъ въ городокъ, Воейковъ между прочимъ писалъ: „Они и понынѣ стоять на стенахъ и покидаютъ отъ стужи“... Воейковъ далѣе говорилъ, что онъ скоро прибудетъ самъ въ войско, такъ какъ находится въ пути близъ уроціща „Красная Котка“ (королевы?), и требовалъ отвести ему и его командѣ квартиры. „А ежели вы получили изъ Правительствующаго Сената или изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ указы, что именъ у того розыску быть не повелѣно и съ тѣхъ указовъ пришлютъ копіи“²⁾.

Но войско, не имѣя никакого прямого указа изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ или грамоты о послушаніи Воейкову, и имѣя лишь объ этомъ указѣ изъ Астрахани, окончательно рѣшило не исполнять ихъ, глубоко убѣждденное, что

¹⁾ Такъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 279—280. Отписка войску Воейкову 1720 года 8 декабря.

нико не можетъ распоряжаться ими, кроме Коллегії Иностранныхъ дѣлъ.

Посланная войску еще 29 ноября изъ Петербурга изъ Коллегії Иностранныхъ дѣлъ грамота о послушаніи войска Воейкову до казаковъ еще не дошла.

Въ этой грамотѣ, посланной на имя атамана Никиты Бородина, между прочимъ, говорилось, что розыскъ былъ порученъ астраханскому губернатору, но что войско подъ розыскъ не пошло, отговариваясь, что оно Астрахани не подсудно, а подсудно Коллегії Иностранныхъ дѣлъ.

И ноября въ 4 день, — говорилось въ концѣ грамоты, — по нашему Великаго Государа указу Коллегії Иностранныхъ дѣлъ приговорила: по розыскному дѣлу извѣтчика Ивана Карташева съ товарищи, посланному къ вамъ изъ Яиць для того розыску маюру Воейкову быть во всмъ замъ послушанны. И какъ къ замъ сіа наша Великаго Государа грамота придется и вы бъ атаманъ и казакъ о томъ чинили по вышеписанному нашему Великаго Государа указу. Писанъ въ Санктпетербургѣ, лѣта 1720 ноября въ 29 день¹⁾.

Но этой грамоты казаки еще на рукахъ не имѣли. Они получили ее далеко позже, когда надобность въ ней уже миновала.

Войско заявило посланнымъ еще разъ, что оно Астрахани не подсудно и слушать астраханскихъ указовъ не будетъ. Въ войсковой избѣ заканѣла работа. Войсковой дѣлѣкъ сталъ писать отписку. Говоря о получении отъ Воейкова указовъ о послушаніи ему войска, казаки написали, что они будутъ слушать только указовъ изъ Иностранный коллегії. „А изъ Санктпетербурга изъ коллегії иностранныхъ дѣлъ, — писало войско, — къ намъ Яицку войску о томъ дѣлѣ Великаго Государа указу и до сего времени не присыпано, и безъ присыпанаго Великаго Государа указу изъ коллегії иностранныхъ дѣлъ, къ нашему благородію подъ розыскъ не пойдемъ потому, что мы съѣдомы службою и нарядомъ, судомъ и всякою расправою именныи царскаго величества указомъ въ той коллегії; а ежели бы хотя изъ иностранныхъ дѣлъ коллегії прислаша Великаго Государа грамота на ваше имя, чтобы нашему благородію насть розыскать, и мы нашему благородію подъ розыскъ не пойдемъ, и въ городокъ не пустимъ, и квартиръ не дадимъ, понеже у настъ съ вашимъ благородіемъ есть приказанная скора; а о вышеписанномъ розыску послали мы быть членъ Царскому Величеству въ Санктпетербургѣ, чтобы настъ розыскать по дѣлу изъ преображенскаго приказу съ доносителемъ Карташевымъ съ товарищи въ Санктпетербургѣ; а что Ваша милость требовала отъ настъ съ грамотъ Великаго Государа колік, то о томъ пражжи до настъ прислатъ для съѣдома нароочнаго списать, кому ваше благородіе соблаговолашъ; и мы Яицкимъ войскомъ по получению Великаго Государа указу до вашего благородія съ приеланными отъ настъ съ самаряниномъ Филиппомъ Могутовимъ да съ сибирскимъ канцеляристомъ отписку послали²⁾.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 279—280.

Едва отписка была отправлена съ посланными, какъ вблизи появился и самъ Воейковъ.

Но въ двухъ верстахъ отъ городка, у послѣднаго вала, около пятисотъ человѣкъ казаковъ, подъ командою сотника Чувашенникова, „вооруженное рукою съ ружы, и съ копы, и съ бунчуками, якобы противъ непріятеля“¹⁾ встали предъ Воейковымъ и загородили ему путь.

Воейковъ остановился и послалъ узнать, что это значитъ.

— Для чего вы такимъ злѣствомъ вышли и насъ въ городокъ непускаете? — спрашивали посланные у сотника Чувашенникова.

Воейковъ просилъ прислать есаула и старшинъ для переговоровъ. Переговорщиковъ направили къ второму городскому (лежавшему въ верстѣ отъ городка) валу; бывшіе тутъ войсковой атаманъ Иванъ Щербаковъ и старшина Никита Зевакинъ, Григорій Моркульевъ и другіе итти изъ переговоровъ отказались. Они отлично знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Для такихъ лицъ, какъ Воейковъ, даже условной чести не существовало: — переговорщиковъ онъ могъ взять подъ караулъ. Итти къ нему никто не пожелалъ.

— Для переговоровъ мы никого не вышлемъ, отвѣчали они посланнымъ, а собрались мы тутъ, чтобы господина маюра Воейкова въ городокъ непустить, и въ городъ ни его не пустимъ и подъ розыскъ къ нему не пойдемъ, иначе о томъ мы ему писали многожды!²⁾.

Карты были открыты. Казаки уже болѣе не стѣснялись. Роковой шагъ былъ сдѣланъ. За сеѧнѣ бѣдъ одинъ отвѣтъ — говорить пословица, и войско приступило къ послѣднему решительному шагу: казаки пошли къ находившемуся въ городкѣ поручику Кустову и выѣхѣ съ командою прогнали его къ Воейкову въ степь. Они убирали съ глазъ долой послѣднее, что напоминало имъ о лихонистѣ и взяточничествѣ московскихъ сыщиковъ, убирали все, что волновало ихъ такъ долго и напоминало о ненавистной и неправой волокитѣ.

Напрасно Кустовъ просилъ атамана и старшинъ дать его пѣшихъ солдатъ подводы до Самары, напрасно писалъ войску объ томъ-же Воейковъ — казаки были не умолмы: они не дали ни одной подводы. Выѣхѣ съ Кустовымъ они отдали Воейкову и колодниковъ — Карташева и Вахара³⁾.

Воейковъ уѣхалъ обратно. Ему ничего не оставалось, какъ только уѣхать и тѣнѣ скрѣе, тѣнѣ лучше, такъ какъ корни для лошадей казаки не дали. Не дали ничего и солдатамъ.

Съ большими лишнѣями возвращался обратно Воейковъ.

„И мы въ подводахъ, а паче въ фуражѣ въ пути возвратно къ Самарѣ иѣли не малую нужду, — писалъ Воейковъ въ свою донесеніе, — икогдѣ ю-

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 781—782. Донесеніе Воейкова Екатеринѣ 23 декабря 1720 года.

²⁾ Такъ-же.

³⁾ Такъ-же.

шади безъ коры пристали, понеже казаки въ бытность нашу у городка фуражъ и ничего продавать не вели и подводчиковъ для покупки фуражъ въ городокъ не пустили — и прибыли къ Самарѣ съ немалою трудностію¹⁾.

Въ одномъ только мѣстѣ удалось Воейкову достать фуражъ. Недалеко отъ Яицкаго городка, близъ Яику въ уроцищѣ порѣкѣ Чагану у Чувашскіе осады и у Краснаго Котка (колка?) заходились немногіе запасы казачьяго сѣна. Здѣсь казаки — охотники зимою занимались („корились“) звѣровою охотой и нивѣ пiletневыя землянки и лошадиные „стойла“ а также и стога съ сѣномъ. Воейковъ „сѣна потравилъ и конскіе стояла разора браль на дрова и жегъ огнемъ невѣдомо для какого уислу“²⁾.

Разоряя казачьи землянки, Воейковъ истинѣ войску за свой неудачный набѣгъ.

28 декабря онъ уже былъ въ Самарѣ, откуда послалъ подробное донесеніе астраханскому губернатору о случившемся. Съ донесеніемъ онъ представилъ и копіи казачьихъ писемъ къ Рукавишникову, и членобитную царю Петру отъ войска, отобранныхъ имъ отъ станчниковъ, бывшихъ съ царскимъ кусомъ. Вмѣстѣ съ этимъ представилъ онъ и общую членобитную доносителей Назарова и Елисѣева.

Войско отбилося отъ ненавистнаго имъ розыщика и стало терпѣливо ждать „праводушнаго и вѣрнаго государеваго раба“. Оно не знало тогда тѣхъ по-слѣдствій, которые повлечетъ за собою это событие. Смѣло, рѣшительство съ непоколебимымъ мужествомъ казаки довели дѣло до конца, съ тѣмъ же характернымъ упрямствомъ и смѣлостью, которые сказали у нихъ и при преслѣдованіи старообрядцевъ на Яицѣ въ 1688 году и при невыдачѣ ими виновниковъ убийства башкаръ въ 1696 году. Выходцы и наслѣдники правовѣ и обычаевъ господина великаго Новгорода, Пскова, Твери и остальныхъ вольныхъ городовъ русскаго сѣвера, они наслѣдовали отъ нихъ и ту супровость и смѣлость и то упрямство, которыми отличались новгородцы и псковитяне во все свое многовѣковое самостоятельное существованіе. И эти удивительная смѣлость, мужество, рѣшительность и твердая настойчивость въ стремлении довести начатое дѣло до конца проходять красной нитью по всей истории Яицкаго, а по-томъ и Уральскаго войска, во всѣхъ столкновеніяхъ съ правительствомъ, когда казакамъ приходилось отстаивать свои права и привилегіи. Эта настойчивость стала историческою. На офиціальномъ языке она называлась особымъ налюбленнымъ словомъ „закоренѣлое упрямство“. Такъ характеризуютъ яицкихъ и уральскихъ казаковъ всѣ высшіе и назшіе начальники въ своихъ офиціальныхъ бумагахъ, начиная съ Неплюева и вплоть до нашихъ дней, вплоть до уходцевъ 1874 года, когда эти „закоренѣлые упрямцы“ отставая свои уображенія шли на смерть, на мученчество „за золотыми вѣнцами“.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 289—292. Членобитная войска царю Петру 1721 года 30 марта.

Увлекшись въ исканіи правды у Москвы, казаки зашли слишкомъ далеко, не вѣда той грозы, которая уже собиралась надъ ними. Эта гроза вскорѣ разразилась новымъ горемъ и еще болѣе тягостнымъ разыскомъ, чѣмъ все предыдущіе взятые виѣстѣ.

ГЛАВА XXVI.

Смуты въ войску. Казнь казаковъ Елисѣева и Назарова. Вѣсти о киргизахъ. Посылка станицы Ивана Мясникова. Хлопоты Рукавишникова въ Петербургѣ. Дача войску знаменъ и пушекъ. Посылка станицы Балмашнова на развѣдку въ киргизскіе аулы. Нарядъ казаковъ на Терекъ. Посылка въ Петербургъ станицы Балмашнова. Возвращеніе Рукавишникова въ войской казнь старшины Василія Мордвинкина. Возвращеніе на Яикъ изъ Шведской войны станицы Рекунова и плѣнныхъ казаковъ изъ Швеціи. (1721 г.).

Воейковъ уѣхалъ. Войско отдалось отъ навязчиваго и незваннаго гостя. Отдалось отъ новыхъ поборовъ и взятокъ и съ твердыни духомъ стало доводить дѣло до конца. Темная и безграмотная масса казаковъ, слѣпо вѣрила въ правоту своего дѣла и въ правду высшаго начальства; съ наивною простотою оно встало грудью противъ всѣхъ тѣхъ, которые, какъ казалось ему, шли въ разрѣзъ этой правды, той правды, какъ ее понималъ свободный народъ. Войско пошло даже противъ представителя самого правительства, ибо видѣло въ немъ высшую несправедливость, противъ которой всегда возставала въ глубинахъ своей души мягкая и чуткая натура славянинъ. Народъ, безотчетный искатель правды, слѣпо вѣрилъ, что иного пути не было. Но расчитавшись съ Воейковымъ, войско еще не кончило счеты со своими „измѣнниками“ и „ворами“. Эти измѣнники — Елисѣевъ и Назаровъ все еще не получили должнаго возмездія.

Но вотъ въ началѣ февраля новаго 1721 года въ узкихъ улицахъ городка появились пріѣхавшіе изъ Петербурга отъ Рукавишникова казаки: — есаулъ Алексій Абакумовъ, Якимъ Щербаковъ, Савелій Бизановъ, Иванъ Мясниковъ и Пётръ Кохеевниковъ.

Достаточно было появиться этимъ посланцамъ, чтобы всколыхнуть всѣ куриени. Посланые привезли съ собою похвальную грамоту за бой съ киргизами и письма отъ Рукавишникова. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного изъ этихъ писемъ¹⁾). Прочитаны въ кругу письма произвели громадное

¹⁾ Въсѣдѣсткіи эти письма были представлены атаманомъ Иваномъ Щербаковымъ полковнику Захарову во время его рояльса на Яикѣ въ 1728 году, во его слѣдственнаго дѣла разыскать не удалось. Найдены только экстракти изъ слѣдствія.

впечатлѣніе. Слѣпо вѣрившіе въ каждое слово своего ходатая казаки завоевались. Старшины Василій Ивановъ Мордвинкинъ, Иванъ Федоровъ и Василій Прѣтковъ¹⁾ были схвачены и закованы въ цѣпи. Вывели въ кругъ и доносчиковъ Елисѣева и Назарова. Ихъ привели за послѣдній судъ оскорбленной ими общины. Судъ былъ неумолимый. Ихъ приговорили къ казни. Какъ мы уже знаемъ обязанность казнить виновныхъ всегда лежала на первыхъ помощникахъ атамана и исполнителей его приказаний на войсковыхъ есаулахъ. На этотъ разъ совершилъ казнь досталось войсковому есаулу Ивану Карпову. Приговоренныхъ вывели изъ круга; Карповъ зарядилъ ружье и передалъ его казаку-татарину, (фамилія его неизѣбѣна), который и совершилъ казнь, застрѣливъ по очереди Елисѣева и Назарова²⁾.

Внослѣдствіи при розыскѣ Захарова атаманъ Щербаковъ говорилъ, что войско казнило Елисѣева за то, что „онъ казака Новинскаго и все войско называлъ измѣнниками“.

Казнь была совершена. Но это была еще не послѣдняя расправа казаковъ со своими измѣнниками. Впереди предстояло свести счеты еще съ однѣми ненавистными для войска человѣкомъ.

Но въ то время, когда происходили казачьи расправы, 8 февраля прѣѣхали въ войску посланцы изъ калмыцкой орды отъ владѣльца Алегбей-мурзы съ письмами.

Въ этомъ письмѣ Алегбей-мурза сообщалъ Янцкому войску, что были его улусные люди „за зѣровою охотою въ дальнемъ разстояніи въ урочищѣ по берегамъ рѣки Илеку и сѣхались они въ этомъ мѣстѣ съ воинскими людьми, по облику съ каракалпаками и киргизы; а по сиѣтѣхъ ихъ воинскихъ людей будетъ немалое число. А говорилъ непріятельские люди, что идемъ-де мы подъ государевы города и подъ Янцкій казачій городокъ а не подъ вѣсъ калмыкъ не може де у насъ съ вами мирной договоръ“³⁾.

Подобныя предупрежденія со стороны калмыкъ о приходѣ киргизъ въ послѣдніе годы являются уже обычнымъ явленіемъ. Киргизы стали общими врагами киргизовъ и калмыковъ и, какъ увидимъ далѣ, казаки въ свою очередь уведомляютъ калмыковъ о приходѣ киргизъ, если эти скѣдѣвія доходить къ нимъ ранѣе.

Для прѣѣзда изъстей о киргизахъ войско рѣшило послать казаковъ, а для вѣдома въ Самару и для отправки по дѣланью въ Петербургъ снарядило станцу съ только что прибывшими казаками: съ Иваномъ Икоалевымъ Масниковымъ, приданъ ему есауломъ Сасеемъ Васильевомъ Бузлановомъ и казака Василия Леонтьева.

¹⁾ Урадъ Вѣн. № 40. Показанія Карташова въ Преображенскомъ приказѣ въ 1722 г.

²⁾ Тамъ-же, а также и показанія атамана Щербакова и старшинъ по делу Захарова. Моск. Арх. Юстиц. Дѣлъ Царск. совета по Вост. Кол., книга № 7, листы 472—516. Экстрактъ Захарова изъ актѣстія по делу Карташова.

³⁾ Московскій Архивъ Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 327.

Эта станица должна была ехать обратно въ Петербургъ съ письмами къ Рукавишникову, чтобы онъ получалъ на войско жалованье, а также порохъ, свинецъ и здра.

Вмѣстѣ со ставичниками, выѣхавшими 24 февраля, войско послало графу Головскому членобиты о полученныхъ ими вѣстахъ о киргизахъ, а также членобитную изъ има цара съ описаниемъ совершившихся въ послѣднее время событий на Яикѣ. Въ этой членобитной заключалась жалоба войска на всѣ дѣйствія Воейкова, до прїѣзда его въ городокъ включительно:

„Да того же прошедшаго 720 году декабря въ день онъ же маюре и коменданты прѣѣзжалъ подъ нашъ Яцкай городокъ великимъ собраниемъ съ солдаты, ве обычай другимъ розыщикомъ, которые по твоему царскаго величества указу къ намъ напредъ сего присланы бывали; и мы, рабы твои, отъ такого многаго съ нимъ собравія были великимъ опасеніемъ, и оттого у насъ, рабовъ твоихъ, на Яикѣ остановились всякия рыбные ловли, отъ чего мы, рабы твои, питаемся во весь годъ; да овъ же маюре и коменданты Воейковъ, какъ флагъ дорогою къ намъ на Яикъ и чинилъ многое изненавистство,—которые посланы отъ насъ станичной атаманъ Иванъ Степановъ да есаулъ Афанасій Ивановъ, всего четыре человѣка, на дорогѣ ихъ раздевались и обыскивались въ стени, недопустя города Самары, и которые съ ними посланы были наши письма о всякихъ нашихъ войсковыхъ нуждахъ за нашу войсковою печатью, и те письма отсыпалъ и печати съ нихъ срывалъ неиздомо для какого своего вымыслу; а помазутые казаки посланы отъ насъ съ построеною про обиходъ ко двору Вашего Царскаго Величества съ икрою и рабою; также и напредъ намъ наземенованыи отъ такого его наглаго изненавистства и разоренія въ Санктпетербургъ съ вѣстовыми отписками о приходѣ воинскихъ людей и за другими своими вуждами стала посыпать невозможно”.

Далѣе, говоря о сожжении Воейковымъ сина и конскихъ стойль у Краснаго Котка и у Чувашского умѣта, войско въ заключеніе написало:

„Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повѣлить Ваша Царская державства насть вижеменованныхъ отъ такого помянутаго маюра и коменданта Воейкова въ намъ насильственного и наглаго его разоренія во всемъ милостиюи своимъ Государевымъ указомъ охранить и разыскать насть рабовъ твоихъ, кроме его Воейкова, въ Санктпетербургѣ кому Царское Величество повѣлишъ”¹⁾.

Внизу членобитной была сдѣлана подпись: „къ сей членобитной вмѣсто войскового атамана Ивана Иванова и всего Яцкаго войска по его вѣльниу священникъ Иванъ Ивановъ руку приложилъ”.

Кромѣ этихъ бумагъ станичники, вѣроятно, взяли и письма къ Рукавишникову частнаго характера, но объ нихъ до насъ не дошло сейдѣній.

¹⁾ У Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 289—292.

Станица Масниковая благополучно прибыла въ Самару, гдѣ казаки начали три подводы до Москвы, заплативъ за нихъ по пяти рублей за каждую.

Въ то время, когда происходили на Яикѣ эти события, Рукавишниковъ энергично велъ свое дѣло — хлопоталъ за интересы войска и отставлялъ ихъ гдѣ возможно.

Въ началѣ января 1721 г. онъ сталъ хлопотать о приверстніи въ казаки всѣхъ пришедшихъ на Яикѣ послѣ переписи 1695 г., т. к. этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не былъ вырѣшенъ; хотя эти казаки и продолжали служить казачью службу, но они каждый часъ могли ждать указа о высылкѣ ихъ въ Русь; кроме того они не смѣяли позвѣтиться нигдѣ въ границѣ войска, т. к. могли встрѣтиться со своими бывшими помѣщиками, которые, какъ мы уже знаемъ, не стѣсняясь захватывала такихъ казаковъ и брали ихъ къ себѣ обратно. Мы уже знаемъ, что одною изъ главныхъ причинъ болезни прѣбода Воейкова была увѣренность казаковъ, что Воейковъ вышлетъ всѣхъ, кто пришелъ на Яикѣ послѣ 1695 г.

Рукавишниковъ подальше отъ своего имени члобитную Петру.

„А въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, — писалъ между прочимъ Рукавишниковъ, — по довошенню вора-ваштника яндакаго казака Ивана Карташева и застачкѣ со отцомъ его Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи быль у насть на Яикѣ изъ Казани съ указомъ для розыску порутчика Егора Кротковъ, и отписывалъ у насть на Яикѣ казаковъ съ двесты третьяго году (1695 г.) въ солдаты и во крестьянство, будто помѣщиковъ, а онна отписаные казаки служили Вамъ Царскому Величеству въ казачьей службѣ лѣть по двадцати и по тридцати и по сороку; и отписанша оной Кротковъ иныхъ казаковъ разобразъ помѣщикамъ во крестьянство. А въ прошломъ Государы 716 году, по твоему Великаго Государя указу въ по наряду изъ Казани, послано было отъ насть съ Яику въ ханскай походъ съ кназъ Александри Вѣкаиченъ Черкасскимъ тысяча пятьсотъ человѣкъ тѣ и до днесъ въ Хинѣ въ полулу; а послѣ того походу осталось насть на рѣкѣ Яикѣ по сонжу дѣй тысячи шесть сотъ человѣкъ и тѣ въ прошлыхъ годѣхъ писаны въ казачью службу природныи жители; а по усмотрѣнію въ прошлыхъ годѣхъ жто отколъ придетъ на Яику и скажется болынай и о такомъ человѣкѣ не будеть спору и члобитъ до шестиго лѣта въ казачью службу неприверстывали; и въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ приходили къ намъ на Яику указы, а въ указахъ писано чтобъ отдать отъ насть съ Яику казаковъ съ двѣсти третьяго года...

Да по твоему Великаго Государя указу велико помѣщиковъ крестьянъ казъ съ Дону такъ и съ Яику отдавать съ двѣсти третьяго года; а на Дону Государь поселено отъ непрѣятельскихъ людей городковъ многое число, а у насть, Государь, на рѣкѣ Яикѣ одинъ городокъ и живемъ отъ непрѣятельскихъ набѣговъ въ великому опасеніи потому, что каракалпаки въ кир-

гизъ-казаки непрестанные набѣги чинягъ, и выходять они, непріатели, подъ твои Государевы города и подъ казачей городокъ многамъ собралиемъ: тысячи по двадцати и больше и отгоняютъ у насъ конскія и коровія табуны и людей въ полонъ берутъ и казаковъ на смерть побивають; да въ прошломъ 720 году маіа въ „день пріѣхалъ къ намъ на Яикъ изъ Астрахани для розыску поручикъ Филимонъ Кустовъ, а съ нимъ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ и чинить вань войску во всемъ обиду; да въ прошломъ же 720 году декабря въ первыхъ числахъ поѣхалъ къ намъ на Яикъ для розыску сызранскій коменданть Гаврило Воейковъ, а съ нимъ триста человѣкъ солдатъ и хотать твою Государеву вотчину и насъ рабовъ твоихъ всеконечно разорить.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества—повели Государь по всемилостивѣйшему своего Царскаго Величества разсмотрѣнію жить намъ за рѣкѣ Яикъ въ казачьемъ службѣ, а въ солдаты бы и во крестьянство отъ насъ съ Яику изъ казаковъ не отдавать потому, что у насъ великия нужды и непрестанные набѣги отъ непріателей бываютъ въ великомъ отъ нихъ каракалпакъ бываємъ во всеконечномъ разореніи.

Такожъ да повелить ваше Царское Величество которыхъ казаки отписаны и разобраны въ солдаты и во крестьянство помѣщикамъ собрать и быть на Яикѣ въ казачьемъ спискѣ по прежнему такожъ бы у насъ на Яикѣ маюру Воейкову и поручику Кустову до Царскаго Величества именного указу розыску не чинять.

Вашего Величества нижайшіе раби запольнина рѣки Яику яицкіе казаки: становищной атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи 1721 г. генваря въ „день“¹⁾.

По безграмотству становищниковъ расписался казакъ Петръ Кожевниковъ.

Подальше Рукавишниковъ и членобитную о возвращеніи ему истраченныхъ на проѣздъ въ Петербургъ прогонъ. Но въ Коллегіи прогоны хотя и вернули обратно, но не полностью, и далеко менѣе дѣйствительно истраченныхъ. Становищниковъ рассчитали по указу 1720 г., где точно устанавливалась плата яицкакъ и были высчитаны разстоянія между городами. Поэтому расчету всѣмъ казакамъ пришлось получить всего 151 р. и 33 алтына²⁾. Они, конечно, не были довольны такимъ расчетомъ и, какъ увидимъ, потому снова подали обѣ этомъ-же членобитную.

Въ томъ же мѣсяцѣ 9 числа подаль членобитную на имя цара казакъ-татаринъ Келымбетъ Итымаевъ, просилъ вознагражденія за его службы и полученные въ боахъ раны.

— „Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ,—писалъ онъ въ членобитной,—служилъ блаженныи памяти Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу дѣдъ мой и отецъ многие годы безпрочно и на тѣхъ прежде бывшихъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кв. 30, листы 259—260.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кв. 30, листъ 170.

службахъ побиты. И я низайшій служу тебѣ великому государю съ дѣтства 1681 г.². Даље Итатаевъ перечисляетъ уже извѣстныя намъ его службы: въ походахъ за киргизами въ ихъ жилищахъ, о бой въ 1719 г., когда онъ взялъ у киргизъ четырехъ человѣкъ и о бой въ 1720 г. при рѣѣ Току съ атаманомъ Никито Бородавымъ... „А зинъ за своею старостю и за великими ранами въ великой скорби пребываю, писать онъ дальше въ своей члобитной,— Всемилостивѣйшій государь прошу Ваше Величество да повелѣ Державство Ваше за многую мою, вѣраю Тебѣ всемилостивѣйшему Государю службу, и за раны, и за старость, пожаловать по Своему, Царскому, иконостасному праэрѣю, за вышеписанныя мои многія службы Своимъ Государемъ жалованье, которымъ могъ бы я между своею братію имѣть почтеніе, — дабы видѣли ону Вашу Царскую милость, и другіе, кто ея вѣда, тѣаіе имѣли.

Вашего Величества низайшій рабъ, Яицкій казакъ-татаринъ Келанбетъ Итатаевъ. 1721 г. Генваря 9 днѧ³ ¹).

Въ это-же время въ Петербургъ прибыла вернувшіяся изъ шведского плѣна 2 яицкихъ казака изъ Стокгольма.

Это были уже извѣстные намъ казаки: *Григорій Субботинъ*⁴) и *Никита Болдыреевъ*⁵), которые и были отправлены на Яикъ.

Находившіяся все это время въ Москвѣ, оставшіяся тамъ казаки ставицъ Рукавишникова послали къ нему казака *Андрея Мухина*. Въ данной имъ подорожной въ указѣ о дачѣ подводъ не было записано, чтобы имъ дали подводъ отъ Самары до Яика. За этимъ разъясненіемъ и отправился Мухинъ къ Рукавишникову.

24 января онъ прѣѣхалъ въ Москву. Здѣсь, уладивъ его дѣло, Рукавишниковъ выклюпоталъ для него подводу и 1 февраля онъ уѣхалъ обратно, увозя съ собою приказъ оставшихся въ Москвѣ казаковъ о немедленномъ выѣздѣ ихъ на Яикъ⁶).

Въ разгаръ хлопотъ Рукавишникова 4 февраля прїѣхала въ Петербургъ посланіе съ Яика въ декабрѣ съ царскимъ кусомъ и съ члобитной на Воейкова казаки станицы *Иваны Степановы*, которые въ толь-же день явились въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и по общачю подали члобитныи о дачѣ имъ изъ проѣзда прогонныхъ, обѣ отводѣ капрієвъ и корковыхъ деньгахъ⁷). Степановы изъ своихъ члобитныхъ называли свою станицу „Лесной“. Это первое название станицы легкое; названа она такъ ввиду ее малочисленности (4 чл.) и согласно указа царя Петра о посылкѣ одной зимовой и

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 166—174. По этой члобитной ему выдали „на вокругу сѣбѣ и на дѣло кафтанъ 10 рублей“.

²⁾ См. прилож. XIII, листъ 69.

³⁾ Тамъ-же, листъ 75.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 159—161.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листъ 176.

двух лешихъ ставицъ въ годъ¹⁾). По челобитью иже 9 марта приказано было выдать „корму съ пріѣзу на три недѣли: атаману по два алтына по 2 деньги, есаулу Афанасию Иванову по два алтына, двумъ человѣкамъ рядовыхъ казакамъ по 10 денегъ на день человѣку, итого 4 рубли двадцать семь алтынъ 4 деньги; иже же дать на отпускъ атаману пятьдесятъ рублей, есаулу двѣнадцать рублей, двумъ человѣкамъ рядовымъ по десяти рублей, итого кормовыхъ и на отпускъ пятьдесятъ одинъ рубль двадцать семь алтынъ четыре деньги отъ расходу Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“²⁾.

Явившись въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, Иванъ Степановъ доложилъ и о бывшемъ съ нимъ слушаѣть съ Воейковымъ и показалъ сорваную съ царской челобитной войсковую печать.

Къ этому же времени, вѣроатно, нужно отнести и представление Рукавишникова съ товарищами царю Петру. Узнавъ отъ прибывшихъ о ходѣ дѣлъ за Яикъ и о поѣздкѣ туда Воейкова, энергичный Рукавишниковъ, вѣроатно, употребилъ всѣ свои силы, чтобы добиться быть представленнымъ государю. Правезенные Степановыми осетры и пошечи съ зерномъ, надо полагать, немало помогли ему въ этомъ дѣлѣ.

Когда именно онъ явился къ Петру—сказать трудно. Въ дѣлахъ обѣ этомъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Объ этомъ лишь говорить Рукавишниковъ въ своемъ показаніи въ Преображенскомъ приказѣ въ 1722 году.

А въ прошломъ 1721 г.—показалъ онъ, —по именному Его Императорскаго Величества указу взяты мы, нижайше, предъ Его Величествомъ и распорашиваемы въ вышеупомянутыхъ въ разоревахъ и обидахъ отъ него вора измѣника Карташева; и мы, нижайше, предъ Его Величествомъ сказали, что разоряется Вашего Императорского Величества вотчина, Яцкое войско, отъ поминутаго вора и измѣника Карташева и отъ казанскихъ офицеровъ, по его Карташеву ложному доносителю изѣту. А что какія его Карташева на насъ, рабовъ твоихъ, ложные доношенія и на присланыхъ офицеровъ и подьячахъ во многахъ съ насъ, рабовъ твоихъ, взяткахъ, и о томъ яствуетъ въ дѣлѣ подавленія наши доношениа и челобитныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; и выслушавъ Императорское Величество отъ насъ, рабовъ своихъ, слезное прошеніе и наградилъ меня нижайшаго именемъ своимъ Императорскаго Величества милостивымъ словомъ: „Спасиба и помозиба“³⁾, что ты, видя вотчину мою, Яцкое войско, ложные доносателя напрасно, и по иже ложному изѣту розыщики не дать ее разорять и вѣдаль (адѣлатъ) напраснаго кровопролитія“. За то меня нижайшаго и при иже бывшихъ казаковъ жаловалъ по своему милостивому именному Императорскаго Величества указу: по сабѣ и повелѣть изъ Государственной военной коллегіи по-

¹⁾ Грамота войску отъ 1721 г. января 5.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листъ 170.

³⁾ Такъ, вѣроатно, въ старину говорилось спасибо (Богъ) и помоги Богъ.

слать изъ правовѣрныхъ рабовъ своихъ въ намъ, нижайшииъ, на Яикъ для подданного розыска розыщика съ помазутникомъ доносителемъ и съ отцемъ его крестнымъ Матвѣемъ Мироновимъ и съ помазутными офицерами во взяткахъ во всѣмъ розыскивать”¹⁾.

Изъ этого показанія видно, что Рукавишниковъ не только былъ награжденъ со своею станицею саблями, но и достичь главной цѣли своей поѣздки—назначенія за Яикъ для розыска офицера изъ Петербурга.

Что Рукавишниковъ съ товарищами явился приблизительно въ это время—даетъ право думать подачная имъ въ первыхъ числахъ февраля челобитная царю, вполнѣ соответствующая по содержанию всему тому, о чёмъ онаъ докладывала лично государю. Это та самая интересная челобитная, въ которой онъ говоритъ о первоначальномъ появлении казаковъ на Яикѣ, кто они были, откуда пришли, о первыхъ бояхъ казаковъ съ татарами, о чёмъ уже говорилось въ началѣ настоящаго очерка, въ главѣ III²⁾.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ о происхожденіи войска Рукавишниковъ научомилъ въ челобитной и о сгорѣвшей владѣнной грамотѣ на Яикѣ.

„И въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время оная грамота у насъ сгорѣла. И избралось было насть на Яикѣ по 1713 г. четыре тысячи сто человѣкъ и бывали на многихъ твоихъ Великаго Государа службахъ въ разныхъ походѣхъ, и служили и по вышѣ Вамъ Великому Государю во вселойѣ вѣрности”.

Далѣе въ своей челобитной онъ описываетъ службу войска въ Харьковскомъ (украинскомъ) походѣ и разсказываетъ подробно о побѣгѣ Карташева со службы, о томъ, что его хотѣли казнить, но Матвѣй Мироновъ заступился. Говоря далѣе о службѣ войска съ Черкасскими въ Хивѣ, онъ говоритъ о гибели отряда и о томъ, что послѣ этого на Яикѣ осталось всего 2600 человѣкъ. Потомъ онъ описываетъ подробно всѣ доносы Карташева, сына Кемецкаго и Кроткова, сыска въ Казавѣ и въ Преображенскомъ ораказѣ, говорить о поборахъ, которые брали сыщики съ войска. Наконецъ, говоря о послышии Воейкова и объ обыскѣ имъ станичнаго атамана Ивана Степанова, онъ говоритъ: „И какъ звали съ Ника къ Тебѣ Великому Государю посланные съ якорю и рыбой и съ отпиской, съ войсковою челобитною, станичный атаманъ Иванъ Степановъ съ станичниками, встрѣтились съ ними, и обобрали у нихъ всякия письма и челобитныя и отписки къ себѣ, изъ которыхъ съ одной отписки, сорванъ войсковую печать, прочель, измѣль, бросили, которую онъ атаманъ поднялъ, привезъ сюда и нынѣ она лежитъ поданіемъ въ Большеги Иностраннаго дѣла, а осаулъ Афanasій Ивановъ, раздѣвалъ и хотѣлъ быть пытаннымъ. А велико насть нижайшихъ ему Воейкову разобрать въ сол-

¹⁾ „Ураз. Вѣдом.” 1869 г. № 45.

²⁾ См. стр. 44 настоящаго очерка.

даты я во крестьянство съ 203 году (1695 г.); а ежели государь съ того года васъ разобрать то не останется на Яикъ въ Вашей Великаго Государа службѣ и тысячи человѣкъ. И грозится онъ Воейковъ все наше войско разорить въ конецъ".

Говоря о томъ, что въ Самарѣ съ везеній къ Царю икры и рыбы взяли у Степанова самую лучшую десятаву, какъ бы съ купленной и превезеній для продажи рыбы—взяли ту икру и рыбу, которая предназначалась къ самому царю, Рукавишниковъ говорить: „а мы нижайшиѣ той икры и рыбы не зушили и везли про обиходъ Вашего Величества, а не за продажу, въ багрили ее саки". Зная о недавно состоявшемся въ сенатѣ указѣ о подчиненіи яицкихъ казаковъ по нарядамъ Астраханской губерніи¹⁾, овъ говоритъ, что обѣ этомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ до сихъ поръ указа не учинено. Но зная отлично, что подчиненіе Яика Астраханской губерніи будетъ тагостно войску, и что могутъ снова командировать Воейкова, овъ пишетъ въ концѣ членобитной:

„Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества: не вели Государь у того розыску ему Воейкову быть, изъ казаковъ съ 203 году разбирать, а вели Государь для того розыску послать отсюда, кого ты Великій Государь укажешь и вышеписаннымъ отписнымъ казакамъ, для нашего малолюдства, жить за Яикъ по прежнему, а про образъ писемъ и въ имавшихъ десятой рыбы и пошлины, его Воейкова, и симбирянина въ буринистра допросить, и о всемъ вели Государь свой милостивый указъ учинить, чтобы твоя Великаго Государа вотчина въ разореніи не была; также повеля Государь наась службою и нарядомъ и во всякихъ дѣлѣхъ вѣдать по прежнему въ государственной Иностранныхъ дѣлъ коллегіи, а въ губерніяхъ и въ которыхъ невели Государь вѣдать, ибо и въ вѣденіи Казанской губерніи чиаено намъ отъ присыпанныхъ офицеровъ и фискаловъ и подьячихъ многое раззореніе и обиды. Вашего Величества нижайшій рабъ, войска Яицкаго присланый членобитчикъ, станичный атаманъ Федоръ Михайлозвъ съ товарищи 1721 года февраля въ день"²⁾). Подъ членобитной подписьлся станичный писарь Алексѣй Никитинъ. Числа не показано.

Послѣ этой членобитной въ Иностранный коллегіи стали уже говорить о посыпкѣ на Яикъ офицера для розыска, но это дѣло по непредвидѣніямъ обстоятельствамъ затянулось еще на многое время.

Всльдѣ за этой членобитной Рукавишниковъ въ февралѣ вновь подаетъ другую членобитную (тоже безъ числа), повторяя свою свою просьбу не подчинять Яицкое войско Астраханской губерніи. Сенатъ, сдѣлавъ подобное распоряженіе,

¹⁾ Указъ о подчиненіи яицкихъ и гребенскихъ казаковъ Астрах. губ. 1721 г. 20 авв. Но Яицкому войску обѣ этомъ сообщено не было.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 107, кн. 30, листы 284—285.

совершенно забылъ тѣ условія, при которыхъ приходилось Яицкому войску вести сношенія съ Астраханью. Астрахань была отдалена отъ Яицкаго города пустынною, и подчасъ безводною, степью, по которой шнырали во всѣмъ направленіемъ шайки киргизъ. Посыпать почти за тысячу верстъ мало-численныя станицы по этой степи не представлялось возможнымъ. Другой путь, лежавшій черезъ Самару, былъ также длиненъ и проложителенъ, хотя не-вѣе опаселъ, чѣмъ первый, но все-же былъ сопряженъ съ громаднымъ неудобствомъ.

На эту несообразность и обращалъ вниманіе Коллегіи Рукавишниковъ.

„А въ вышѣшнемъ 721 г.—писалъ онъ,— по вашему Великаго Государя указу и по приговору Правительствующаго Сената вѣлько вѣсъ подчинить въ Астраханской губерніи Астраханскому губернатору Артемию Петровичу Волинскому въ о всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ и о жалованье окладномъ у него губернатора вѣдомымъ быть, а мы, вижайши, отъ Астрахани отдалѣли конской легкой ъзы въ три недѣли, и ъхать маловѣдствомъ опасно все степью, а по степямъ непріятельскіе люди каракалиаки и киргизъ-казаки всегда набѣга- чинять и нась на смерть бытъ и въ полонъ берутъ и оттого намъ вижай- шимъ бываетъ великая гибель.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелѣть Ваше державство намъ вижайшимъ противъ нашего прежеаго человѣческаго службою и народомъ и вашимъ Государскимъ денежнымъ окладнымъ жалованьемъ и всякими дѣлами вѣдомымъ быть въ Санктпетербургѣ въ Государственной Ино-странныхъ дѣлъ Коллегіи по прежнему съ донскими казаками, а Государево окладное денежное жалованье, саннецъ и ворохъ и прочее давать на Москву, а въ Астрахань неведи Государъ вѣсъ вѣдать поваже отъ насъ Астрахань въ далью разстояніи“¹⁾.

Въ то время, когда Рукавишниковъ подавалъ эти прошениа, въ Петербургъ 21 февраля прибыли изъ калмыцкой орды посланцы отъ Аюки-хана. Престарѣлый 74-лѣтній Аюка, чувствуя приближающуюся смерть, послалъ своимъ пословъ съ письмомъ къ царю Петру разрѣшить ему выѣхать въ Китай для поклоненія Далай-Ламѣ. Чуть туда былъ далекій. Но объясненію прибывшихъ съ письмомъ для этого потребовались-бы, считая дорогу туда и обратно, „дѣла въ восемь“.

Главныи посланецъ отъ Аюки-хана былъ яндкій казакъ-татаринъ Осамо Шалтесевъ, съ которыми прибыло восемь человѣкъ калмыковъ. Явишись къ государю, онъ подалъ письмо отъ Аюки и подарки: царю Петру—„ук- но таугутское“ (калмыцкое), отъ жены Аюки отъ Дармы-били „изарбафъ“, отъ его сына Черенъ-Дондука и отъ жены Черенъ-Дондука Дежемы—„ко- сукун таугутскому, да къ государынѣ царицѣ отъ Дармы-бали изарбафъ“²⁾.

1) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, № 30, листъ 258.

2) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, сказка № 9 1721 г., листъ 84.

Можетъ быть, что подъ изарбафонъ калмыки называли ту восточного происхожденія шелковую матерію, изъ которой яицкія казачки шили свои сарафасы и называли ее „зарбать“¹⁾.

Казакъ Шалѣевъ былъ природный старинный яицкій казакъ. Еще въ 1702 году, во время пребыванія Аюки въ Яицкомъ городкѣ, онъ свою услугливостью въ званіемъ русского языка на столько понравился Аюкѣ, что тотъ просилъ особымъ письмомъ царя Петра о прокомандированіи его разъ навсегда для службы при себѣ, что и было сдѣлано указомъ изъ приказа Казанскаго дворца, послѣ чего Шалѣевъ со своимъ сыномъ Измаиломъ былъ отданъ для службы Аюкѣ, гдѣ и былъ до 1707 г. Но войско на это посмотрѣло нѣсколько иначе и не хотѣло считать его пребываніе при Аюкѣ за действительную службу. Оно требовало по прежнему съ него деньги по раскладкѣ за наемку полковъ и за другіе войсковые расходы. Тогда Шалѣевъ подалъ челобитную царю, результатомъ чего явилась прочтная грамота, данная ему изъ приказа Казанскаго дворца.

Это единственная найденная до сихъ порь въ архивахъ прочтная грамота, написанная на имя войска.

„Отъ Великаго Государа, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всез велікія и малыя и бѣлые россіи самодержца на Яицѣ яицкимъ казакамъ войсковому атаману Федору Семенникову съ товарищи. Быль челомъ намъ Великому Государю яицкій казакъ Осанъ Шалѣевъ: служить дѣ онь Нашъ, Великому Государю, на Яицѣ многіе годы, и въ прошломъ, 702 году, по Нашему Великаго Государа указу и по приказу боярина нашего князя Бориса Алексеевича Голицына, посланъ онь съ Самары съ сыномъ своимъ въ калмыцкіе кула къ Аюкаю-Тайшѣ для обережи его Аюканъ отъ дѣтей его; и былъ онь у его Аюки въ улусахъ по начиншнй 707 годъ; и въ прошломъ 705 году былъ съ его Аюкѣнми калмыками подъ Царидиномъ для вспоможенія царидинскимъ всякихъ чиновъ жителямъ противъ астраханскихъ бунтовщиковъ и тѣхъ бунтовщиковъ отъ Царидина отбили; а въ 706 былъ въ Астрахань къ Аюкамъ-Тайшѣ въ большомъ полку генерала нашего фельмаршалка и военного ковалера малтийскаго свидѣтельствованнаго Бориса Петровича Шерemetева для сокротенія астраханскихъ жителей отъ междуусобія, и намъ Великому Государю пожаловать его за службы его, дать ему къ вами на Яицѣ Нашу Великаго Государа грамоту съ прочтеною, чтобы на него на Яицѣ напрасно никто не нападалъ; и какъ къ вамъ съ наша Великаго Государа грамота придетъ и выѣзъ атаманъ и казаки ему Осану за службы его напрасныхъ обидъ и насаждковъ чинить никому не вѣлья, а прочтеть съ Нашу Великаго Государа грамоту, и сопись съ нее списоکъ, отдали ему Осану впередъ для вѣдома. Писано на

¹⁾ Смот. 145 стр. наст. очерка.

Москвѣ, лѣта 1707 апрѣля въ 30 день¹⁾.

Но такъ какъ въ кругъ обязанностей Шалѣва входило кромѣ прямой службы при Аюкѣ еще и исполненіе различныхъ порученій по городамъ, въ которыхъ бывали калмыки для торговли, а также для разбора ихъ жалобъ и творимыхъ имъ обидъ, то Шалѣву въ 1716 году 30 апрѣля была дана другая прочтная грамота, въ которой объяснялись все его обязанности и приказывалось властамъ оказывать ему содѣйствіе²⁾.

Въ своемъ письмѣ Аюка, прося царя объ разрѣшениѣ ему выѣхать въ Китай, между прочимъ просилъ и о назначеніи ему особаго чиновника, который бы всегда находился при немъ. Назначеніе этихъ чиновниковъ при калмыцкомъ ханѣ началось съ 1715 г. по просьбѣ самого Аюка-хана. Въ этотъ годъ, боясь нападенія на свои улусы башкирцевъ, крымцевъ и кубаевцевъ, онъ просилъ прислать къ себѣ для обереженія войска. Было наряжено всего 600 человѣкъ, изъ которыхъ половина состояла изъ драгуанъ, а другіе 300 человѣкъ изъ казаковъ, жившихъ по приволжскимъ городамъ: саратовскаго, самарскаго и другихъ. Съ ними былъ отправленъ стольникъ Дмитрий Бахметьевъ³⁾. Это былъ первый назначенный къ хану московскій чиновникъ. Впослѣдствіи эти чиновники вплоть до ухода калмыкъ въ Китай безотлучно находились при ханахъ. Они жили обыкновенно въ Саратовѣ и въ обязанность ихъ входило наблюденіе за дѣйствіями хана и калмыкъ, главнымъ образомъ—за спо-сится ли онъ съ крымцами или кубаевцами, и о всемъ замѣченномъ доносить въ Петербургъ; но эти „состоащи при калмыцкомъ ханѣ“ чиновники, какъ и вообще все чиновничество того времени, не отличалось честностью. Почти всѣ они безъ исключенія были лихомица и взаточники, купить которыхъ не стоило большого труда. Получалъ деньги и отъ враговъ и отъ друзей хана и отъ самого хана, они доносали въ Петербургъ или хорошее или дурное, смотря по полученнымъ деньгамъ. Зналъ прекрасно ихъ натуру, Аюка въ третьемъ пункте своего письма о назначеніи этого чиновника просилъ цара Петра такимъ образомъ:

„Еще прошу Васъ Великаго Государи, чтобы благоволили изъ придворныхъ своихъ вѣрныхъ одного человѣка при мнѣ опредѣлить для вскинъ моихъ дѣлъ, чтобы о дѣлахъ и о вѣрностяхъ нашихъ подлинно безъ пох-зябства Вашъ доносилъ, ибо сомневаюсь, что о многихъ дѣлахъ и о вѣро-стахъ и о состояніяхъ Вашъ не доносить соизысканіемъ, который бы былъ немедленецъ“⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Им. Дѣль. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, синяка 1721 г. № 9. Грамота подпи-санна: дѣльникъ Дмитрий Неуздѣнъ, справиль подьячий Тихоѳей Поповъ. Печать черная, восковая. Въ дѣлѣ имеется только копія этой грамоты.

²⁾ Такъ же.

³⁾ Моск. Арх. Им. Им. Дѣль. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, синяка № 7 1721 г.

⁴⁾ Такъ же, синяка № 9, 1721 г.

Послѣ такой просьбы Аюки, явленіе на Яицѣ господъ Кемецкихъ, Кротковыхъ, Волжскихъ и другихъ лихоницевъ будетъ неудивительнымъ. Ужь если для посылки къ калмыцкому хану, къ владѣльцу гроздной калмыцкой орды, у Москвы изъ находилось въ тѣ времена честного и дѣлового человѣка, то что же она могла посыпать въ далекій и малоизвѣстный ей Яицкѣй казачій городокъ?

Въ отвѣтной грамотѣ Аюкѣ совѣтовали за его старость къ Далай-Ламѣ не вѣдѣть, что равнялось приказаю и Аюка остался въ ордѣ. Шадѣевъ же, выхлопотавъ свою изъ Иzmайлова жалованье „въ полы“ противъ своего оклада: 10 рублей въ годъ и хлѣбное жалованье „противъ оклада“, уѣхалъ обратно въ калмыцкую орду.

Въ это время въ сенатѣ рѣшался вопросъ о лучшемъ управлении казачими войсками, послѣдствіемъ чего явился 3 марта указъ цара Петра президенту Военной Коллегіи свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову съ товарищи о томъ, чтобы „Донскимъ и Яицкимъ и Гребенскимъ казакамъ во всѣхъ управлениихъ быть въ отдѣлѣніи Военной Коллегіи“¹⁾.

Благодаря этому указу, всѣ дѣла, о которыхъ хлопоталъ Рукавишниковъ, встали. Коллегія иностранныхъ дѣлъ перестала заниматься казачими дѣлами, отговариваясь, что казаки болѣе не подчинены ей вѣдѣнію, а Военная коллегія отказывала въ просьбахъ, отговариваясь темъ, что дѣла єю еще не прияты изъ Иностранныхъ коллегій.

Такимъ образомъ дѣла остановились. Но Рукавишниковъ въ мартѣ же явился къ князю Меншикову и подалъ ему на его имя „донашеніе“. Жалуясь ему на то, что казачин дѣла въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ „и до нынѣ тамъ лежать“, овъ въ ковѣдѣ члобитной просилъ: „Того ради всено-корно виаѣ просимъ дабы повелѣло указомъ Его Царскаго Величества наши дѣла и члобитъ войсковое взять изъ Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи въ Го-сударственную Военную Коллегію и по указу наши дѣла рѣшить“²⁾.

Въ виду этой члобитной въ Иностранный коллегію 15 марта былъ посланъ изъ Военной коллегіи указъ: „Чтобы по прошенію Яицкаго казачьаго горо-дка станичнаго атамана Федора Михайлова, о всякихъ войсковыхъ дѣлахъ члобитъ и дѣла ихъ, которыя въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ есть, прислатъ въ Военную Коллегію“³⁾.

Въ тоже время Военная коллегія въ своемъ засѣданіи (28 марта) подъ

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаб., опись 107, книга 80, листъ 1.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 4. Такая же члобитная, но на имя государя была подана имъ, но съ такимъ окончаніемъ: „Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелѣти Ваше Державство наши дѣла въ члобитъ войсковое взять изъ Иностранныхъ дѣлъ Кол., въ Госуд. Воен. Кол. и по указу наши дѣла вершитъ“. Тамъ-же, листъ 5. Обѣ члобитныя безъ числа.

³⁾ Моск. Арх. Гла. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 6.

предсъдательствомъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова приговорила:

„О Донскихъ, Яицкихъ и Гребенскихъ казаковъ требовать изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ подлиннаго вѣдомія: въ какомъ порядкѣ оные до сего времени содержались, а особливо какимъ образомъ оные сначала полками, или компаниями, или ротами сочинены, и положень-ли имъ какой комплектъ, и въ какомъ наимѣніи они состоянія, а именно: кто именно у нихъ атаманы и старшины и казаки и прочие, на какомъ содержатся довольствіемъ, и какое имъ бываетъ денежное жалованье и прочее и прочитаніе во время миру и войны; и положено ль давать имъ какая артиллерія и всякая арматура и какая имена. Такожь какія имъ прежде сего даны привилегіи, и о прочемъ что до содержанія ихъ касается. И чтобы то все, такожь и не совершенная дѣла присланы были въ Военную Коллегію съ тѣми канцеляристами, которые у тѣхъ дѣлъ наимѣніе обрѣтаются”¹⁾.

Какъ видимъ изъ этого постановленія Военная коллегія не имѣла ни изѣбѣшаго предстааленія о новыхъ ея подчиненныхъ, руководить которыми и подчасъ вершать ихъ судьбу ей потомъ предстояло около ста лѣтъ.

По этамъ двумъ указамъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 31 марта было рѣшено: дѣла яицкихъ казаковъ, присланыя изъ Сената 1719 г.²⁾ и слѣдующіе въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которые есть, отослать всѣ съ оными въ Военную Коллегію. А которые есть при тѣхъ дѣлахъ по довошениемъ яицкихъ казаковъ о выдачѣ имъ жалованья и прогонныхъ денегъ и съ тѣхъ сообщить копіи за секретарской рукой, а подлинные оставить въ коллегіи впередъ для счету. И по тому Его Великаго Государя указу яицкихъ казаковъ чадобитъ и дѣла посылаются при семъ Его Великаго Государя указѣ. А что какихъ дѣлъ послано тому при семъ прилагается реестръ”³⁾.

Всѣ эти дѣла были посланы въ тотъ же день при подробной описи: „Реестръ дѣламъ Яицкаго повѣты 1719, 1720 и 1721 годовъ вершеннѣй” въ „Яицкаго повѣты не рѣшеннѣй дѣламъ”³⁾.

Такимъ образомъ, благодаря ходатайству и энергіи Рукавишникова, дѣла войска опять вошли въ свою колею.

Междудѣмъ прибывшіе съ царскими кусомъ станичники Ивана Степанова нравно сидѣли въ Петербургѣ и никакъ не могли добиться прогонныхъ денегъ на обратный путь.

Въ мартѣ они подали довошеніе:

„Въ наявѣшшемъ 721 г. присланы мы, лежащіе, отъ всего Яицкаго войска въ Санктпетербургъ съ Цирскимъ кусомъ—мкрою и рыбкою и живецъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 2.

²⁾ Тамъ-же, листы 8—10. Подписаны: канцлеръ графъ Головинъ, вице-канцлеръ баронъ Шифровъ.

³⁾ Всѣ эти дѣла находятся въ настоящее время въ Моск. Арх. Гл. Шт., во опискѣ 107, и включаютъ собою 2 довольно объемистыхъ тома (см.казу № 30 и № 54).

уже здѣсь полтора мѣсяца въ доходѣ, а объ отпускѣ намъ на Яикъ въ домы наши подводы съ прогонами отъ Сактпетербурга до Яику не дано.

Того ради всепокорно просимъ дабы указомъ Его Царскаго Величества повелѣно намъ нажайшему дать отъ Санктпетербурга до Яику свободный пропускъ и подводы съ прогонами и отпустить въ домы на Яикъ¹⁾.

По этой просьбѣ 11 марта приказано было выдать имъ отъ Петербурга до Москвы и Самары двѣ подводы и поверстные деньги по указу.

Станичники, получивъ подорожную и прогони, уѣхали обратно на Яикъ, но казакъ *Иванъ Желѣзновъ* остался въ Петербургѣ, имѣя въ виду хлопотать о назначеніи ему жалованья за половное терпѣніе въ Хивѣ. Объ этомъ-же сталъ хлопотать казакъ *Андрей Никитычъ Бородинъ* (впослѣдствіи войсковой атаманъ). Оба они подали челобитыя въ Военную Коллегію на имя царя.

Въ своей челобитной Бородинъ, говоря о томъ какъ онъ попалъ въ путь въ Хиву вмѣстѣ съ отрядомъ Бековича, между прочими писалъ: — „И въ томъ полону былъ я у нихъ, хивинцевъ, въ Хивѣ года съ тра и больше, и хивинской ханѣ послалъ меня нажайшаго калмыцкому Аюкѣ-хану въ подарки, зъ онъ ханъ отпустилъ меня на Яикъ по прежнему въ войско и далъ маѣ бѣсъ за своею печатью, что жить на Яикѣ въ казачьей службѣ; а будучи я въ томъ полону терпѣль отъ нихъ хивацевъ за твое Великаго Государа визъ великую вужду и голодъ и оттого я нажайшій пришелъ въ великое оскудевіе и служить маѣ казачьи службы стало вечимъ. А какъ наша братья, яицкіе казаки, бывають на нашихъ великаго Государя службахъ орапорщиками и давалась въ Вашего Государева левежнаго жалованья на орапорщика за годъ по пятнадцати рублей, а маѣ нажайшему за тѣ прошедшія три года Вашего Государева жалованья недавано.

Всемилостивѣшій Государь ирошу Вашего Величества да повелитъ Ваше державство за оное половное мое терпѣніе и раззорѣніе мнѣ нажайшему дать Вашего Великаго Государа жалованья, что вамъ Великому Государю обожѣ Господь Богъ по сердцу положить²⁾.

По безграмотству Бородина расписался станичный писарь *Алексѣй Никитинъ*. Челобитная *Желѣзнова* уже намъ извѣстна³⁾.

Но Бородина разспросили въ Военной Коллегіи болѣе подробно, чѣмъ онъ сообщилъ въ своей челобитной⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 184.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листъ 876. Въ этой челобитной, старинномъ русскомъ слово знаменникъ, въ угоду новому чужеземному вѣляю, Бородинъ замѣнилъ вѣмѣнникъ словомъ орапорщикъ, хотя такого звания у иноземныхъ казаковъ въ то время и въ послѣдующія времена никогда не существовало.

³⁾ Смотръ приложение XIV, стр. 79.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 87.

По этимъ членобитнмъ имъ было выдано за полонное терпѣніе по десять рублей и кромѣ того Желѣзнову „изъ муадирныхъ суконъ одно портище, а Бородину, который въ томъ походѣ былъ прaporщикомъ, два портища“¹⁾. Жалованья же за время нахожденія въ плѣну не выдали.

28 марта прибыли въ Петербургъ казаки другой легкой станицы (вѣхавшіе съ Яика 24 февраля) станичнаго атамана Ивана Яковлевича Масниковъ—всего три человѣка. 30 марта они уже явились въ Военную коллегію и подали войсковыя членобитнныя съ жалобой на Воейкова и вѣстовую отписку о появленіи киргизъ.

Въ членобитнхъ, написанныхъ на имя графа Головкина, войско говорило, что хлопотать „о денежномъ годовомъ жалованнѣ, и о пороху, и свинцу, и о ядрахъ“, на 2600 чел. оно послало со станичниками отписки къ станичному атаману Рукавишникову²⁾.

Такимъ образомъ войско уполномочивало Рукавишникова хлопотать не только за свою станицу, но и за вновь прибывшія.

Войско уже два года (1719, 1720) не получало ни денежнаго жалованнѣ и ни пороха, свинца и ядеръ. Между тѣмъ враги становились все настойчивѣе и навязчивѣе—бои съ киргизами не прекращались, а становилась все чаще и озлобленіе. Но бумажная волокита не придавала жизни. Съ переходомъ Яицкаго войска изъ вѣдѣнія Казанской губерніи въ вѣдѣніе Болгаріи иностранныхъ дѣлъ эта выдача изъ Казаны прекратилась и казаки сидѣли безъ пороха, свинца и ядеръ.

Войско все время хлопотало обѣ этомъ, прося выдавать окладъ не на 600 человѣка, а на наличное число казаковъ на 2600 человѣкъ. Получивъ грамоту отъ 1720 г. 23 декабря о получении этого жалованнѧ за 1719 и 1720 годы изъ Казаны, противъ прежнѣхъ дацъ на 600 человѣкъ, войско рѣшило его не принимать, ожидая распоряженія о выдачѣ его на полное число казаковъ³⁾.

Между тѣмъ станичники, обиженные плохими расчетомъ съ именемъ Иностранной коллегіи по возврату затраченныхъ денегъ на наемъ подводъ, въ началѣ апрѣля снова подали членобитнныя о вознагражденіи имъ всѣхъ истраченыхъ денегъ полнотою, а не по повернутому расчету, согласно только что выпущенному первому казенному дорожнику, гдѣ указывались города въ разстояніе между ними и стоимость проѣзда.

„И противъ нашего найму,—писалъ Рукавишниковъ въ членобитной,—оставшись въ Москвѣ недодано на каждую подводу по шести рубльевъ по одному алтыну по двѣ деньги; а наемъ здѣсь недодано на каждую же подводу по ссыпнѣ рублей; и оттого мы вѣжайше одолжали великими долгами, а

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 80, листъ 382.

²⁾ Тамъ-же, листъ 826.

³⁾ Тамъ-же, листъ 808. Членобитная графу Головкину 1721 г. 24 февраля.

платить чёмъ не имѣмъ, да въ вышѣшнемъ 721 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ присланы отъ войска двѣ станицы легкихъ: одна прислана оро обиходъ Царскаго Величества съ рыбой и съ икрою, а съ Самары такожъ до Санктпетербурга привуждены навить подъ ту рыбу и икру двадцать девять подводъ, и дали найму на каждую подводу по десяти рублевъ; а другая станица прислана съ войсковою отпискою о непріятельскихъ людяхъ каракалпакахъ и привуждены такожъ съ Самары до Москвы навить подъ себя три подводы и дали найму на каждую подводу по пяти рублевъ, а съ Москвы до Санктпетербурга даны три подводы безъ проговоровъ.

Того ради у Государственной Военной Коллегіи всепокорно просимъ лабы указомъ Царскаго Велечества повелѣно было намъ вижайшимъ за поминутные пятьдесят пять подводъ наши истраченныя девьги противъ нашего найму додать, а въ легкихъ станицахъ станичникамъ такожъ за поминутные же подводы истраченныя девьги выдать всѣ сполна, понежъ оныхъ станичниковъ въ легкихъ станицахъ здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ прогонныхъ денегъничего недасано”¹).

На эту челобитную и на челобитья о дачѣ жалованья, пороха, ядеръ и свинца и пушекъ, а также на челобитья о Воейковѣ, поданнія Рукавишниковыи и вновь прѣбывшему станицею Масникова въ Военной Коллегіи состоялось постановленіе лишь 19 мая. По этому постановленію рѣшено было послать на Яикъ для разбора всѣхъ жалобъ полковника Ергольского. Въ тотъ же день состоялся указъ: „запечатъ казакамъ для полевыхъ воинскихъ походовъ дать въ Москву изъ тамошней артиллеріи три пушки трехъ фунтовыхъ чугунныхъ съ станками и съ прочами привадлежащими къ нимъ припасы да на каждую пушку по сту по пятидесять ядеръ и изъ нихъ пороху и прочей амуниции по припорции, а для обучения изъ тамошнихъ казаковъ пушкарей отправить съ полковникомъ Ергольскимъ одного кондуктора и пока онъ тамъ будетъ денежное жалованье давать ему по его окладу изъ доходовъ казанской губерніи, а для вышѣшаго его туда отправленія выдать ему то жалованье на половизу иниѣшаго года сполна изъ артиллеріи; и о томъ въ артиллерію такожъ и въ штатъ канторъ-коллѣгію послать Его Великаго Государа указы”²).

Но этичъ указомъ Рукавишниковъ не удовлетворился. Войску нужны были еще и знамена и жалованье на 2600 человѣкъ. Онъ снова подаетъ въ Военную коллегію довошеніе и просить отпустить и жалованье и знамена.

„Въ прошлыхъ годехъ,—писалъ онъ, проси отпуска знаменъ,—даваны были намъ вижайшимъ его Государевы жалованане знамена изъ Москвы изъ Казанскаго приказу когда была въ вѣденіе у князь Бориса Алексѣевича Голицына, а виѣ у насъ тѣ бывши знамена обветшали, да отъ тѣхъ же

¹) Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 394.

²) Тамъ же, листы 320 и 410.

значень посыпано въ походъ съ князь Александромъ Бѣковичемъ Черкасскимъ и тѣ знамена нынѣ въ Хивѣ съ нимъ же княземъ Черкасскимъ пропали.

Того ради у государственной военной коллегіи всепокорно просинъ дабы указомъ царскаго Величества повелѣно было кашъ ныжайшимъ Его Государеви знамена на Москвѣ выдать, ради оскуденыя поманутыхъ знаменъ¹⁾.

Напасаль онъ доношеніе и о выдачѣ жалованья.

Результатомъ всѣхъ его хлопотъ было два послѣдовавшихъ указа Военнѣй Коллегіи:

По указу отъ 26 мая было постановлено: „производить отпускъ жалованья по прежнему на 600 человѣкъ, а что они Яицкіе казаки бывыи человѣкъ чтобы имъ то жалованье выдать на наличное число, и о томъ быть человѣкъ имъ спредъ, а именно: коида отправляемый нынѣ изъ Военной Коллегіи, по ихъ требованію на Яицкъ для розыску и переписи, полковника возвратится и наличный имъ списокъ подастъ. И о томъ въ штатѣ конторъ-коллегіи послать Его Великаго Государа указъ²⁾.

Вторымъ указомъ войску отпускались знамена: — . 1721 году маіа въ 31 день, по указу Великаго Государа Царя и великаго князя Петра Алексеевича всія великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца свѣтѣйшій Римскаго и Россійскаго Государства князь Его Царскаго Величества верховный тайный дѣйствительный советникъ генералъ-фельдмаршаль въ кавалеръ и Государственный военной коллегіи президентъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ съ товарищи слушавъ сіи выписки приговорилъ: яицкимъ казакамъ дать по человѣкѣ икъ за все Яицкое войско три знамя съ Москвѣ изъ обрѣтавшихся тамо прежнихъ стрѣлецкихъ знаменъ „выбравъ конъ боевые и легче, съ роспискою и о томъ къ стольнику Матвѣю Головину послать Его Великаго Государа указъ³⁾.

Этими тремя указами завершились всѣ хлопоты Рукавишникова. Опять дѣйсѧ всего, что хотѣло войско. По его настоянию былъ наконецъ назначенъ офицеръ для разбора всѣхъ воинскихъ дѣлъ, выданы были пушки, знамена, и лишь съ окладомъ жалованья и съ просьбою о приверстваніи въ казаки всѣхъ явившихся въ войско пострѣ 1695 г. дѣло не подвигнулось ни за шагъ. Вызовитъ ли въ этомъ всеначальный и неизготѣй тогда свѣтѣйшій князь Меншиковъ, умышленно на желавшій зачисленія бѣглыхъ изъ Руси въ казаки и дать войску жалованья на 3600 человѣкъ въ надеждѣ вернуть съ Яицкъ бѣжавшихъ отъ него толпамъ его крѣостныхъ, или же Военная Коллегія не вѣрила на слово князану, но только жалованье войску было оставлено по

¹⁾ Тамъ-же, листъ 823.

²⁾ Тамъ-же, листъ 411. Это же повторяется въ указѣ, даннымъ Казанскому губернатору о замѣдлѣ жалованья и снарядовъ отъ іюня 28 дня 1721 г.

³⁾ Моск. Арх. Шт. списъ 107, кн. 30, листъ 824. Подъ указомъ подписались: князь Григорій Юсуповъ, Семенъ Салтыковъ, Иванъ Маноковъ, князь Петъръ Голицынъ, Иванъ Бутуринъ, оберъ-секретарь Алексѣй Волковъ. Вижу похѣть, что указъ объ этомъ выдали Рукавишникову 12 іюня для передачи стольнику Головину въ Москву.

старому окладу, а о зачислении бѣглцовъ въ казаки не было промолвлено ни одного слова.

Дѣлать больше въ Петербургѣ Рукавишникову было нечего.

Казаки стали собираться въ путь и подали челобитье о выдачѣ имъ прогонъ и обѣ отпускъ на Яикъ. Первыми подали это челобитье прибывшіе позже всѣхъ съ вѣстовою отпискою казаки станицы Ивана Масимкоова три человека и оставшійся при нихъ отъ станицы Степанова казакъ Иванъ Желѣзновъ¹⁾.

Четвертаго іюня подаль такую же челобитную и Рукавишниковъ.

Выяснивъ въ челобитной, что казаки, ранѣе пріѣждавшіе въ Казань, всегда за отѣздъ получали прогоны, онъ просилъ Военную Коллегію: „дабы указомъ царскаго Величества повелѣно было начь низайшемъ выдать прогонные деньги на подводы отъ Санктпетербурга до Яику, понеже начь и на предь изъ Иностранный коллегіи такие прогонные деньги и съ подводами даваны, а именно: атаману дать подводы, есаулу тожъ, а рядовымъ по подводѣ, такожъ дать и проѣзжей указъ отъ Санктпетербурга до Яику и отпустить въ дома; а съ Москвы водою дать подъ его государское жалованье и подъ ставичниковъ стругъ до Самары со всемъ струговою срадою“²⁾.

Стругъ Рукавишникову нуженъ былъ для отвоза въ Самару пушекъ изъ Москвы и получаемаго въ Казани денежнаго жалованья, т. к. въ то время деньги давались большою частью мѣдью и, какъ видно изъ послѣдующихъ дѣлъ, войско иногда, когда ему не нужно было мѣдныхъ денегъ, было вынуждено менять ихъ на серебро, уплачивая иногда за разныя порядочную сумму.

Одновременно съ этимъ Рукавишниковъ подалъ и другое челобитье на казака Ивана Желѣзнова. Послѣдній, отставъ отъ своей станицы и подавъ челобитье о жалованье за половное терѣніе, вздумалъ выхлопотать себѣ постоянную поѣзdkу въ Петербургъ. Для этого онъ еще въ концѣ апрѣля тайно отъ Рукавишникова и отъ другихъ казаковъ подалъ за имя цара особую челобитную.

„Съ прошлаго 711 г., — писалъ онъ въ ней, — служиль я низайшій на Вашей Государевой службѣ вѣрно и быль я съ казакемъ Александромъ Бѣковичемъ Черкасскимъ въ хивинскомъ походѣ и быль въ полону четыре года, о чемъ подписано оной моей службѣ значить въ Санктпетербургѣ въ Военную Коллегію.

Всемилостивѣйшій Государь прошу Вашего Величества да повелитъ державство ваше за показаніе мое службы пожаловать меня низайшаго Вашемъ Царскаго Величества указомъ, чтобы иметь пріѣзжать въ Санктпетербургъ по

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, лн. 80, листъ 426; челобитная помѣчена именемъ бѣзъ числа.
²⁾ Тамъ-же, листъ 430. Челобитная помѣчена именемъ бѣзъ числа.

всегодно въ зимовой станицѣ съ яицкими казаками¹⁾.

Чтобы обѣ этомъ членобиты никто не узналъ, оавъ попросилъ написать его арославца Иоана Герасимова, который и расписался за него; между тѣмъ въ станецѣ въ это время былъ хорошо грамотный по тому времени ставчанѣ писарь Алексѣй Иакитинъ Вороновъ.

Но обѣ этомъ членобиты вскорѣ узрѣли Рукавишниковъ, съѣхавшій уже завести себѣ въ Коллегіи хорошее знакомство; онъ немедленно же подалъ въ Коллегію доношеніе. Говоря, что Желѣзновъ давно уже получилъ и жалованье и прогоны для проѣзда въ домъ, и что его товарищи давно уже уѣхали, Рукавишниковъ писалъ:

„И нынѣ, оной Желѣзновъ, бывъ нашего вѣдомства еще подалъ въ Государственную Военную Коллегію доношеніе, а въ доношеніи своемъ написалъ, чтобы ему, Желѣзнову, по всиходы ходить отъ нашего Яицкаго войска въ зимовыхъ станицахъ станичникомъ; а у зась, нижайшихъ, прежде сего такого примѣру небывало, и сии на такое дѣло не назывались, но тѣхъ кто произошелъ во всемъ службою и ему, Государю, заслужилъ во всякой вѣрности и таковыхъ у част войскомъ выбираются выборомъ и воинствуютъ въ зимовыхъ станицахъ за его Государскими денежными окладами жалованьяемъ.

Того ради нынѣ у Государственной Военной Коллегіи всепокорно просимъ, дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было оному помянутому Желѣзновому въ зимовыхъ станицахъ станичникомъ отъ нашего Яицкаго войска безъ нашего вѣдомства выходить, поважъ у зась таковыхъ самозванныхъ въ зимовыхъ станицахъ напредъ войскомъ венчославали²⁾.

Ввиду этого заявленія, 12 июня послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи, въ которомъ Желѣзнову въ просьбѣ отказывалось. „А ходить въ зимовыя станицы вѣтъ яицкимъ казакамъ по прежнему обыкновенію кого они отъ всего своего Яицкаго войска отправлять, въ овому Желѣзнову сказать указъ, чтобы они изъ Санкпетербурга отправили на Яикъ немедленно, и дать ему пашпорть съ протчию такими же яицкими казаками, которые нынѣ при Санкпетербургѣ обрѣтаются³⁾.

Такимъ образомъ желанію Желѣзнова не суждено было сбыться.

Между тѣмъ во время всей этой бумажной волокиты уже послѣ первыхъ же казачьихъ членобитенъ къ Военной Коллегіи быль возбужденъ вопросъ о томъ, должны ли яицкие казаки платить гербовый сборъ при подачѣ членобитенъ или же не должны. До этого такого вопроса еще не было возбуждено ни однимъ учрежденіемъ — по крайней мѣрѣ до насъ не дошло обѣ этомъ никакихъ свѣдѣній.

Дѣло приобрѣло официальный характеръ, 1 июня, когда изъ Военной Кол-

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 384.

²⁾ Тамъ-же, листъ 385.

³⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 389, указъ отъ 12 июня 1791 г.

легій былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ. — „Понеже въ присланніяхъ изъ Иностранныхъ Колледжій дѣлахъ яицкіхъ казаковъ, и ногіе чолобитные и выцкія писаны на простой, а не за гербовой бумагѣ, а по указу Царскаго Величества повелено всякие чолобитчицковы дѣла писать за гербовой бумагѣ; сего-бы ради изъ Колледжій Иностранныхъ дѣль въ Военную Колледжію прислано было извѣстіе: чего ради яицкіхъ казаковъ чолобитные принаманы и выцкія писаны на простой бумагѣ и не имѣтца ль отъ особаго опредѣленія“¹⁾.

Въ Иностранный коллегіи по этому поводу навели справку, по которой выяснилось, что донскіе казаки, „въ прошлыхъ годѣхъ“ всѣ свои чолобитья, которыхъ подавали въ посольскомъ приказѣ, писали на простой бумагѣ, а не на гербовой и въ печатной каапеларіи съ данныхъ имъ о нихъ дѣлахъ грамотъ и указовъ печатныхъ пошлины не имано.

А между тѣмъ по указу Петра и по Соборному уложенію: „Осьмой на десять главы пятьдесятой, да пятьдесят первой и пятьдесят третьей статей, двадцать четвертой главы первой статьи, а о партакулярическихъ дѣлекъ (которыхъ гораздо мало бывало) чолобитные и по нихъ выписки и указы и грамоты писаны на гербовой бумагѣ, а особливаго Его Великаго Государя указу въ Колледжіи Иностранныхъ дѣль, что имъ, атаманамъ и казакамъ, писать на простой бумагѣ, а не на гербовой не имѣтесь; и какъ въ 1719 году по указу Великаго Государя велено въ Государственной Колледжіи Иностранныхъ дѣль вѣдать яицкіхъ казаковъ и къ нимъ такожъ грамоты и указы посланы и выписки дѣлавы и отъ нихъ отписки и чолобитные и доношенія принаманы не на гербовой бумагѣ противъ донскіхъ же казаковъ“²⁾.

Получивъ эти свѣдѣнія Военная Колледжія стала въ свою очередь тоже рѣться въ законахъ и написала въ Соборномъ уложеніи всѣ статьи о пошлинахъ, которыхъ должны платить служилые люди: стрѣльцы, казаки, пушкари и другіе. Но эти статьи, какъ видно по ихъ смыслу, относились только къ московскимъ казакамъ, жившимъ по разнымъ городамъ Руси—бывопахатнымъ, кормовымъ и др. и служившимъ наравнѣ со стрѣльцами и жившимъ въ городахъ жалованія имъ земли, а изогда и крестьянѣ (если они были казаками поимѣстными). Къ казачьимъ же общинамъ: къ яицкимъ, донскимъ и терскимъ казакамъ эти главы Соборнаго уложения не относились, какъ къ людямъ вольнымъ и въ своемъ внутреннемъ управлѣніи не подчинявшимся Москвой.

Дѣло объ этомъ затянулось и лишь черезъ годъ Военная Колледжія, выписавъ изъ уложения всѣ законы, относившіеся къ казакамъ и служилымъ людямъ, 11 апрѣля 1722 года послала ихъ въ Сенатъ, прося разъясненія и указанія по этому поводу. [22].

Въ своемъ же заключеніи Военная Колледжія написала: „А по叫我ю

¹⁾ Тамъ-же, опись 47, кн. 263, лѣто 2, листъ 3.

²⁾ Тамъ-же, листы 3 и 4.

Военной Коллегіи надлежитъ у нихъ членобитные прииматъ и всяkie ихъ, по ихъ членобитью, выписки и указы писать на простой бумагѣ, противъ прежнаго обыкновенія для того, что они служать съ одного денежаго жалованья и когда привозжають отъ нихъ легкіе станицы и за ихъ собственными нуждами и имъ даетца за тотъ ихъ привозъ жалованье и борновые деньги и на подводы прогоны, о чьемъ о всемъ подаютъ они членобитные; и ежели съ такахъ и прочихъ ихъ нуждахъ писать выписки и указы на гербовой бумагѣ, то съ того будутъ требовать съ нихъ печатные пошлины, отъ чего будетъ имъ немалой убыточъ; однакожъ можно и съ того выключить тѣ дѣла, которые бывають по ихъ членобитью во всякихъ ссорахъ на постороннихъ великороссійскихъ городовъ людей, какъ о томъ въ уложеніе въ 18 главѣ въ 51 и въ 53 статьяхъ напечатано, а между тѣмъ пока о томъ и есть Правительствующаго Сената указъ полученъ будетъ, всякие ихъ дѣла и указы и доношения писать и отъ нихъ прииматъ на простой бумагѣ. И Высокоправительствующій Сенатъ о томъ что повелить¹⁾.

Сенатскаго рѣшенія въ дѣлахъ не имѣется. Но судя по тому, что лицѣ казаки и во всѣ послѣдующіе годы продолжаютъ писать свои какъ войсковыя, такъ и личныя членобитныя на простой бумагѣ, не платя гербового сбора, видно, что рѣшеніе Сената по этому дѣлу было въ пользу казаковъ. Будь иначе, это шло бы въ разрѣзъ всѣмъ, г҃вкамъ установленнымъ, обычаямъ страны дѣлать всевозможныя льготы служилому сословію, особенно казакамъ, использующимъ свою службу на своею коштѣ, въ полномъ вооруженіи, снаряженіи и имѣя двухъ лошадей. Мы видимъ, что съ казаковъ всѣхъ трехъ войскъ (Яз.ц., Дон. и Терск.) Москва не только не беретъ никакихъ сборовъ, но даже по выходѣ ихъ на службу даетъ имъ подъемное жалованье отъ 5 до 10 рублей, жалованье довольно крупное, если принять во вниманіе, что въ то время на эти деньги казакъ могъ съѣхать купить и лошадь и снаряженіе, что будетъ равно приблизительно выѣзжимъ 150—200 руб.

Исходя изъ этого, другого рѣшенія отъ Сената не могло быть.

Между тѣмъ 19 июня состоялся указъ Военной Коллегіи о выдачѣ всѣмъ станичникамъ слѣдующихъ имъ денегъ. Въ указѣ подробно перечислено все, что должно быть имъ выдано. [21].

Но Рукавишниковъ не удовольствовался выдѣльными деньгами. Онъ подалъ снова членобитную. Въ ней онъ говорить, что жалованье прислано выдавать войску по старому казанскому окладу, по жалованью, которое полагалось по этому окладу, въ Казани на зимовыя станицы имъ не дали. „А давано намъ было въ Казани на станицу станичникамъ на каждый годъ 103 рубля по 13 алтынъ по 1 деньги, а нынѣ въ Казани отъ ближайшаго боярина и Казанскаго губернатора Алексія Петровича Салтыкова стовариши

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 263, дѣло 2, листъ 9.

о вашемъ Государевомъ денежномъ выходномъ жалованье почему давано было въ Казани на станицы такого извѣстія къ ванъ въ Санктпетербургъ не пришло. [См. прил. XI].

Всемилостивѣйшій Государь, просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваше Державство Вашъ Великаго Государа изъ Государственной Военной коллегіи указъ послать въ Казань къ ближнему боярину и казанскому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову съ товарищи, и чтобы за помазанные годы Ваше Великаго Государа денежное выходное жалованье на станицы станичникамъ, почему давано было въ Казани, и нынѣ противъ той же прежней казанской дачи выдать все сполна¹⁾).

Смѣтливый Рукавишниковъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ того, что полагалось бы войску ввидѣ прогонныхъ за прѣѣздъ, если бы оно получало жалованье въ Казани, такъ какъ ежегодные 103 р. 16 ал. 1 деньги, выдаваемые казакамъ въ Казани за прѣѣздъ туда, все равно они получали бы помимо поѣздки въ Петербургъ, какъ получали тоже самое и раньше, проѣзжа кромѣ Казани и въ Москву.

Передъ выдачею прогонъ въ Военную Коллегію сдѣлали справку о стоянности подводъ отъ Петербурга до Самары по изданному въ 1720 г. первому печатному казенному дорожнику. По справкѣ оказались:

Отъ Санктпетербурга до Новагорода	160
Отъ Новагорода до Москва	557
Отъ Москвы до Самары	1000
Итого	1717 вер.

А на оное поверстное число по состоявшему 720 году Его Царскаго Величества указу и печатному листу платится:

Отъ Санктпетербурга до Новагорода на версту по 1 деньги, отъ Новагорода до Москвы на 10 верстъ по 6 ден., отъ Москвы до Самары на 10 вер. по 4 деньги.

Итого на одну подводу имѣется:

Отъ Санктпетербурга до Новагорода 26 алт. 4 ден.

Отъ Новагорода до Москвы 1 руб. 22 алт. 1 ден.

Отъ Москвы до Самары 2 руб.

Всего 4 руб. 15 алт. 3 ден.

А отъ Самары до Нику колико верстъ обрѣтается и почему поверстныхъ денегъ платится, того въ присланныхъ въ Иностранной коллегіи дѣлахъ не авѣствуєтъ²⁾.

По этому разсчету выдали казакамъ прогонныя деньги:—атаману и есаулу на 2, а рядовымъ казакамъ на одну подводу. Разсчетъ былъ произве-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 452.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 471—474.

день по дорожнику на 1717 верстъ по разсчету 4 руб. 15 алт. З деньги на подводу всего 13 человѣкамъ. (Желѣзновъ получилъ все ранѣе¹⁾). Но указъ о выдачѣ лодки состоялся только 12 июля, спустя почти цѣлый мѣсяцъ.

Яицкамъ казакамъ отъ Москвы до Самары,—говорилось въ указѣ,—подъ пушки и подъ пороховую казну и свинецъ, дать имъ изъ Москвы до Самары судно съ привадлѣжащими къ нему судовыми припасы. А въ Самарѣ то судно совсѣмъ принасы отдать имъ, казакамъ, воеводѣ съ роспискою и о томъ въ Каморъ-коллегію и на Самару къ воеводѣ послать Его Великаго Государя указы; а корицниковъ и гребцовъ на то судно отъ Москвы давать имъ отъ города до города изъ яицкій; а тѣмъ яицкимъ прогонные платить имъ по указу изъ данныхъ имъ на яицкіе подводы прогонныхъ денегъ, по-нѣже поманутые атаманъ и казаки будуть на томъ же судовѣ и о томъ въ яицкой приказѣ послать указъ²⁾.

Все было готово для отѣзда станицы Рукавишникова. 3 июля въ Коллегіи потребовали списки казаковъ, чтобы выдать подорожную.

Въ представленномъ спискѣ казаки въ первый разъ всѣ назвали себя полностью по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ:

Станичный атаманъ Федоръ Михайловъ Рукавишниковъ, асаулъ Михайло Никитинъ сынъ Купрениновъ, подъячей Алексѣй Никитинъ Вороновъ, Афонасій Федоровъ Землянушновъ, Семенъ Лукьянновъ Сумкінъ, Андреѣ Никитинъ Бородинъ, Никифоръ Ивановъ Маркобруновъ, Иванъ Михайловъ, Семенъ Герасимовъ Погодаевъ, татаринъ Килевѣтъ Итаевъ³⁾. Всего десять человѣкъ.

Подорожная была получена въ тотъ-же день. Рукавишникову нужно было быѣхать, но онъ узвалъ, что 25 мая въ Петербургѣ было получено донесеніе отъ Астраханскаго губернатора Волынского о набѣгахъ горцевъ на Тerekъ и что состоялся указъ Коллегіи о нарядѣ яицкихъ казаковъ на защиту терскихъ и гребенскихъ городковъ.

Рукавишниковъ, получивъ эти свѣдѣнія, выѣхать не могъ. Безнокойная и энергичная натура его не могла оставаться безучастью къ этому обстоятельству. Нужно было хлопотать, заступиться за войско, во чтобы то ни стало постараться отѣшнить этотъ далекій и тягостный для войска нарядъ. Онъ остался со своей станицею въ Петербургѣ. На Яицѣ уѣхала только станица Масникова, остальные всѣ остались съ Рукавишниковымъ.

На Яицѣ же въ это время, по отѣзду послѣдней станицы въ Петербургъ, дѣла привыкъ обычный характеръ; страсти улеглись. Всѣ ждали результатовъ хлопотъ Рукавишникова и привыкали за обычныхъ дѣла. Пора было сѣѣвать развѣдку, провѣрить вѣсти, полученные отъ калмыковъ, но пока было зи-

1) Тамъ же.

2) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 475.

3) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 450.

нее время, ъхать далеко въ степь было нельзя. Войско дожидалось весны. И лишь только въ самыхъ первыхъ часахъ аэрѣя, когда въ степи появлялась первая трава, казаки спарядили развѣдчиковъ. Всего было отправлено 10 человекъ со станичными атаманами Иваномъ Даниловымъ Балмашновымъ. Есауломъ былъ выбранъ Петра Иванова Кочуровъ. Проводникомъ въ эту далекую и опасную развѣдку вызвался прикочевавшій недавно спредъ этимъ къ Яцкому городку калмыкъ Даша Булатовъ. Этотъ калмыкъ выѣхалъ въ калмыцкой ордѣ до двухсотъ дворовъ, во желая быть язакинъ казакомъ, бросилъ своихъ подданыхъ „и все свое достояніе“, и ушелъ въ Яцкій городокъ, захвативъ съ собою „только жену и дѣтей и малое число родственниковъ“ ¹⁾).

Желая показать свою ревность и службу войску, онъ самъ вызвался проводить станицу къ киргизскимъ ауламъ.

Казаки побѣхали по направлению къ рѣкѣ Эмбѣ. Этотъ бесстрашный маленький отрядецъ шелъ право въ пасть врага: они могли каждую минуту встрѣтить полчища киргизъ, обычно въ это же время ъхавшихъ въ Русь за добычей. Но пріяніе орлы не только были бесстрашными воинами, но и ловкими развѣдчиками. Провѣдать о непріятелѣ, взять языка — было ихъ дѣло. Этими они прославились во всѣхъ войнахъ, особенно подъ Азовомъ. Но станицѣ не пришлося доѣхать до Эмбы. Казаки благополучно проѣхали всю степь до р. Уила и здѣсь замѣтили киргизские аулы. Жители враговъ были найдены и Балмашнову съ товарищами уже далѣе ничего не стоило достать засы. Казаки поймали одного киргиза и отправились въ обратный путь ²⁾.

По прибытіи ихъ въ городокъ собрался кругъ въ плѣннику „прѣ войскѣ въ кругу“ сказывалъ, что пошли каракалпаки и киргизъ-казаки, соединясь двумя ордами выѣѣть, три тысячи человѣкъ подъ калмыцкіе улусы, подъ государевы города и подъ ихъ казачій городокъ, а большинство собраніемъ пошли вверхъ по Яику рѣкѣ“ ³⁾.

Войско дало знать объ этомъ въ Самару. Но пока ъхали лихіе развѣдчики въ киргизскую степь, 11 аэрѣя возвратилась изъ Яицкъ станица Ивана Степанова съ вѣстями изъ Петербурга. Посланые привезли съ собою грамоту о подчиненіи Яицкаго войска военнай коллегіи и другую грамоту съ приложеніемъ 30 печатныхъ листовъ именного указа Петра отъ 19 февраля 1721 г. о возвращеніи въ прежнія мѣста бѣглыхъ крестьянъ и бобылей ⁴⁾.

Непо душѣ, вѣроятно, пришелся казакамъ этотъ указъ, особенно въ настоящемъ ихъ положеніи, когда они съ особыннымъ интересомъ ждали съ каждымъ часомъ указа какъ разъ обратнаго — о приверстаніи въ казаки всѣхъ этихъ бѣглыхъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись I, сказка 229, стр. 134. Челобитная Булатова и грамота войску отъ 28 июня 1722 г.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, на 30, листы 539—541.

³⁾ Тамъ же. Челобитная войска 1721 г. июня 27.

⁴⁾ Этотъ указъ помѣщенъ въ Полномъ собр. закон. № 8748.

„И какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота и тѣ новосостоительные печатные указы подавы будуть,—говорилось въ концѣ грамоты,—и вы бы атаманъ и казаки о семъ вѣдами, и тѣ новосостоительные печатные указы, для публикованія, разослали во всѣ станицы, да о томъ къ намъ Великому Государю писали“¹⁾.

Изъ этой грамоты видно, что въ Военной Коллегіи, гдѣ составлялся черновикъ грамоты, не имѣли ни малѣйшаго понятія о поселеніяхъ яицкихъ казаковъ. Какъ мы знаемъ, кромѣ Яицкаго города, тогда въ войскѣ не было ни одного другого поселенія—не было ви одной станицы. Грамота писалась по шаблону,—написала донцамъ и при посыпкѣ этой грамоты на Яицкъ перенесли только фамилію атамана и название рѣки—вышла грамота на Яицкъ.

Войско, прочитавъ грамоту, конечно, и не думало высылать своихъ казаковъ, пришедшихъ изъ Руси послѣ 1695 года. Исполненіе этого приказа было бы равносильно полному разгрому войска.

Вскорѣ, въ концѣ мая, имъ пришлось получить другой приказъ въ столь же непріемлемомъ для нихъ духѣ, во только на этотъ разъ ее изъ Петербурга, а изъ Астрахани.

Въ Астраханской губерніи, занимавшей собою районъ всего нижняго по-волжья, внизъ отъ Казани, и сѣверный Кавказъ съ р. Терекомъ, чувствовалась съ давнихъ поръ недостатокъ войска. На югѣ воинственные горскія племена и кубанские татары, а иногда и крымцы заставляли Терекъ и Астрахань быть въ вѣчномъ напряженіи, всегда быть готовыми къ отраженію набѣговъ этихъ незавидныхъ отдыха дикихъ разбойниковъ. Съ востока въ ея предѣлы врывались еще болѣе дикая орды киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, башкиръ, а иногда и шайки казакъ, гроaningихъ все встрѣчавшееся на пути. Эти орды со всѣхъ сторонъ врывались въ астраханскіе предѣлы и захватывали въ пленъ мирныхъ поселеній и рыбныхъ ловцовъ, ихъ имущество и скотъ.

Еще въ 1720 году 21 апрѣля астраханскій губернаторъ Волынский до-весь въ Военную Коллегію о положеніи дѣла въ губерніи. Въ своемъ донесеніи онъ говорилъ, что согласно генеральному расположению войскъ, полученному имъ изъ Военной Коллегіи, въ Астраханской губерніи предполагается имѣть всего пять полковъ, изъ которыхъ 4 пѣхотныхъ и 1 драгунскій. Между тѣмъ за одаомъ только Терекъ необходимо было держать 2 полка пѣхотныхъ и две роты драгунъ, да кромѣ того нужно въ городѣ Гурьевѣ, „что на устья рѣки Яица и гдѣ лучшіе рыбные промыслы“—не менѣе батальона, такъ какъ тамъ каждый годъ нападаютъ киргизы и берутъ на промыслахъ людей, а иногда разоряютъ и самые промыслы, которые ими неоднократно были сож-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 182. Грамота бояз №, 1721 г. 10 марта. Бланкъ на черновикъ отпуска поѣзда: „Такому Великаго Государи грамоту и печатные указы, для отъвозу на Яицкъ станичный атаманъ Иванъ Степановъ со станичниками приказъ, а за него расписался Яицкій писарь Алексѣй Никитинъ“ (Вороновъ).

жены, оборонять же ихъ было невозможно, т. к. туда посыпается только по одной ротѣ изъ Астрахани. Въ Самарѣ, по его мнѣнію, слѣдовало бы держать тоже одинъ батальонъ, такъ какъ каракалпаки, перебравшись черезъ Иакъ между Гурьевомъ, и Яицкимъ казачиномъ городкомъ, дѣлаютъ набѣги и разоряютъ окрестности ежегодно. Въ Черномъ Яру тоже слѣдовало бы быть „по послѣдней мѣрѣ“ батальону, потому, что этотъ городъ между линіей (отъ Царицына къ Дону) и Астраханью только одинъ, и по всей Волгѣ (кромѣ этого городка) отъ Царицына до Астрахани по всему тракту на протяженіи двухсотъ верстъ вѣтъ ни одного поселенія, кроме рыбныхъ промысловъ. Благодаря этому, сюда безпрестанно дѣлаютъ набѣги кубанские татары и берутъ на промыслахъ людей и иногда даже разбиваютъ идущія по Волгѣ суда. Губернаторъ даже боялся за самое существованіе Чернаго Яра, такъ какъ за малоподѣльство его и оборовать невозможно¹⁾.

При такихъ печальныхъ оборонительныхъ средствахъ, конечно, трудно было разсчитывать охранять обширный Астраханскій край отъ набѣговъ кочевниковъ. Между тѣмъ предполагалось устройство линіи укрѣплений отъ Царицына къ Дону, поперекъ той широкой дороги, по которой главнымъ образомъ вторгались въ Русь кубанцы. Гарнизонами этихъ новыхъ укрѣплений должны были служить части, находившіеся въ распоряженіи астраханского губернатора, во разсчету которого туда нужно было поставить не менѣе двухъ пѣхотныхъ полковъ и двухъ ротъ драгунъ. Между тѣмъ, кромѣ обороны городовъ и главнаго города края Астрахани, войска, расположенные въ области, должны были нести еще въ другія самыя разнообразныя службы: ихъ посыпали для охраны Юкихана и въ Красный Яръ, когда въ степяхъ появились каракалпаки и каргизы, а также и къ селитрянымъ заводамъ и къ солянымъ промысламъ за Волгу для охраны ихъ отъ набѣговъ кубанцевъ; кромѣ того дѣлались безпрерывные наряды въ самой Астрахани:— „за шахть-вахты“, за заставы и за суда, которые уходили въ Каспійское море, для конвоя ихъ. Кроме того, войска исполняли всевозможныхъ работы, т. к. рабочихъ въ этихъ, тогда пустынныхъ краяхъ, найти было невозможно. Въ однѣй только Астрахани, по его разсчету, нужно было держать три полка.

Беззагая все это, астраханский губернаторъ Волынский просилъ о прибывкѣ войскъ въ Царицынѣ же и въ прочихъ крѣпостяхъ, которыхъ будуть построены на линіи къ Дону, а также и въ Самарѣ, просилъ посыпать гарнизонныхъ солдатъ безъ жалованья и безъ прозіанта, давъ имъ изъ казны только ружья и амуницію, а вместо жалованья и прозіанта надѣлить ихъ землею, точно такъ-же, какъ это уже сдѣлала въ городахъ Пензѣ и Петровскѣ, или-же перевести пензенскія и петровскія солдатскія слободы на новоустроенную линію²⁾.

Однимъ словомъ Волынский хлопоталъ о заселеніи линіи служилыми людьми,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 153—154.

²⁾ Тамъ-же.

какъ это дѣлала всегда старая Москва, заселяя пустынныя пограничныя мѣста или стрѣльцами или казаками (коровыми и бѣлопахатными). Но все старое московское, старое русское при Петрѣ рубилось съ плеча, гвалось и ушло далеко на задній планъ; жизнь же не измѣнилась и предъявляла свои неумолимыя требованія. Являлась необходимость во что бы то ни стало имѣть на границѣ государства военный народъ, который могъ бы каждую минуту дать отпоръ хищному врагу,—людей, которые въ свою очередь не требовали бы отъ правительства никакой заботы о себѣ, не требовали бы ни оровіанта, ни обмундированія, ни снаряженія. Ставить солдатскіе полки въ этихъ пустынныхъ и глухихъ мѣстахъ правительству было не подъ силу: снаряженіе этихъ полковъ, жалованье имъ, провіантъ и доставка его по назначенію стоили громадныхъ денегъ и ложилась тяжелымъ бременемъ на обремененную непосильными расходами и безъ того весьма тешную казну государства.

Старая Москва уѣла находить выходъ изъ этого положенія. Но теперь времена измѣнились. Казаки и стрѣльцы—войска „старого московского строю“—стала уже съ этихъ поръ называться замысловатымъ и чуждымъ русскому слуху словомъ *меркулярныя*, а войска же „новаго солдатскаго строю“—не имѣте мудреныхъ словомъ—*регулярными*. Въ Петербургѣ же въ это время все стремилось къ регулярщиамъ, къ излюбленнымъ нѣмецкимъ образцамъ и о поселеніи на линіи казаковъ или стрѣльцовъ нечего было и думать. Чисто выбраный и напудренный Петербургъ забылъ тысячелѣтній осыпь древней Руси и върѣти не хотѣлъ его и вспоминать. Все старое было въ загонѣ. Онъ выдумывалъ свое. Онъ сталъ селить на окраинахъ такихъ-же людей, какъ и стрѣльцы, и для той-же цѣли и почти при такихъ-же условіяхъ, но сталъ ихъ называть уже не стрѣльцами и казаками, а слободскими солдатами, получающими жалованье землемъ, но обязанными, за это отбывать службу. Тѣ же московскіе казаки и стрѣльцы во подъ другою классою. На свое дозвесеніе Волынскій получилъ въ томъ-же году изъ Военной Коллегіи указъ отъ 25 октября, что быть ему въ губерніи съ тѣми-же 4 полками пѣхоты и 1 драгунскимъ, и распределить ихъ въ краѣ по своему усмотрѣнію. А для содержанія гарнизоновъ по линіи между Волгой и Дономъ приказано было перевеста солдатскія слободы изъ трехъ городовъ, которые будуть за линіей:—изъ Пензы, изъ Петровска (половину солдатъ) и изъ другихъ городовъ. Изъ этихъ-же пахотныхъ солдатъ приказывалось усилить въ города Царицынъ и Самару.

Этими-же указомъ опредѣлялось быть командѣ Волынскаго яицкимъ, мерскимъ и требянскимъ казакамъ. На обязанности этихъ казаковъ Волынскому предписывалось возложить содержаніе разъездовъ и другія конные службы; для этой-же цѣли разрѣшалось ему назначать и „Астраханской конной службѣ служилыхъ людей“—это были остатки астраханскихъ конныхъ стрѣльцовъ, почти безъ остатка погибшихъ въ шведской войнѣ. Ихъ уже не называли конными стрѣльцами, а служилыми людьми.

Донскому атаману приказывалось посыпать Волынскому для этой службы казаковъ, сколько онъ потребуетъ, не списываясь для этого съ Петербургемъ. Иецкому же войску грамоты объ этомъ распоряженіи почему то не послали.

Все было благополучно до весны 1721 года, и обѣ яицкихъ казакахъ Волынскій за это время не вспомнилъ ни разу.

Но съ наступившей весной крымцы, а особенно горцы стали наѣдать на малозаданые казачьи городки по р. Тереку. Крымцы же пошли войною на калмыковъ. Горское племя кумыки, спустившись съ горъ, въ свою очередь тоже стало дѣлать набѣги на Терекъ. Они напали на главный городокъ гребенскихъ казаковъ и угнали у нихъ весь конскій табунъ и большую часть стада коровъ и овецъ. Гребенцы вступили въ бой, но осилить многочисленнаго врага не могли,—кумыки взяли въ разныхъ мѣстахъ 6 человѣкъ казаковъ въ пленъ и безнаказанно удалились въ горы¹⁾.

Калмыцкій ханъ Аюка, боясь за свой улусъ, вынужденъ былъ послать противъ крымцевъ и кубанцевъ, а также и для защиты гребенскихъ городковъ, своего сына Чакдоржана²⁾.

Войско въ области не хватало. Волынскій послалъ указъ на Донъ и на Яикъ, требуя присылки казаковъ. Его указъ на Яикъ былъ отправленъ 5 мая. Онъ требовалъ немедленной посыпки для защиты терскихъ и гребенскихъ городковъ *девять тысяч яицкихъ казаковъ*.

Одновременно же Волынскій донесъ обо всемъ въ Военную Коллегію, требуя присылки войскъ.

Получивъ указъ Волынского, Яицкое войско наотрѣзъ отказалось послать казаковъ на Терекъ. Имъ было не до того. Они сами едва могли отбиваться отъ наѣдавшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ полчищъ киргизъ и каракалпаковъ. Да и гдѣ имъ было набрать девять тысячи человѣкъ, когда ихъ всего-то за Яикъ было только 2600 человѣкъ, изъ которыхъ по послѣднему объясненію Рукавишникова было болѣе 600 дражальныхъ стариковъ, неспособныхъ ни къ какой службѣ. Высылка Волынскому двухъ тысячъ казаковъ была бы равносильна полному разгрому Яицкаго войска. Казаки отвѣтили, что они указъ изъ Астрахани слушать не будуть, такъ какъ Астрахань не подсудимъ и что изъ Военной Коллегіи объ этомъ указа они не получили, а безъ него ити имъ „невозможно“³⁾.

Волынскій вторично послалъ 26 мая указъ къ войску о немедленной высылкѣ требуемыхъ казаковъ, но войско снова отвѣтило ему полнымъ отказомъ, отговариваясь темъ, что изъ Военной Коллегіи сноу указа объ этомъ не получало и что безъ царскаго указа, приславшаго изъ Военной Коллегіи, казаки „идти въ Астрахань опасны“⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Дѣла калмыцкихъ, картонъ № 87, синька 1721 года № 6.

²⁾ Такъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 481 и такъ-же книга 38, листы 100—108.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 481.

Волынскій довесъ обѣ этомъ въ Военную Коллегію 25 іюня.

Междѣ тѣмъ въ Петербургѣ получилось 25 мая довесеніе Волынскаго о нападеніи кубанцевъ и горцевъ на Терекъ. Всѣдѣствіе этого состоялся въ Военную Коллегію совѣтъ, на которомъ рѣшили: „Понеже по тѣмъ вѣдомостямъ является, что ханъ крымскій на Аюку сильно наступаетъ, и опасно чтобы чего надѣль нами неучинилъ, также и на Терекѣ отъ разныхъ владѣльцевъ сильная чинится нападенія, того ради надлежитъ о томъ указъ послать къ Астраханскому губернатору, чтобы онъ, какъ Аюку хана, такъ и Терекѣ отъ таиновнѣхъ вастунателей по всякой мѣрѣ обороны и противъ непріятелей чинить воинскія дѣйствія, непренебрегая нуждѣйшаго, что до его царскаго величества высокаго интереса и до непріятельского ущерба принадлежитъ. А для помоши отправить къ нему въ комавду отъ генерала-маиора Кропотова 2 полка драгунскихъ, а ежели есть Кропотову нужда въ людяхъ, то по крайней мѣрѣ одинъ полкъ, и отправить, для поспѣшившія, людей водою, а лошадей сухими путемъ. И къ тому же велѣть Довскимъ казакамъ, сколько возможно, собравши къ нему ити, или знатную часть отиравить, по его письмамъ, къ которому имѣту онъ губернаторъ ихъ требовать будетъ. А генералу-маиору Кропотову съ достальными людьми быть при линіи и къ нему достальнѣй Довскии казакамъ ити немедленно и имѣть добрую осторожность, а съ губернаторомъ астраханскіи частую корреспонденцію и буде востребуется нужда, тогда ити и самому къ нему губернатору въ слученіе, и во всемъ поступать съ нимъ общаго совѣта. А для осторожности отъ киргизъ-казаковъ и прочихъ ордъ, въ Казанскомъ уѣздѣ быть генералу-маиору Волконскому съ его полкомъ, и къ нему же въ помошь солдатъ послать изъ Казани, сколько будетъ нужда требовать; такожъ ежели потребны будутъ въ Астрахань въ помошь солдаты, то велѣть ихъ отправить изъ Казани водою до 1000 человѣкъ, такожъ и яицкихъ казаковъ сколько ихъ есть,—половину сечьи итти въ Астрахань же и быть въ комавду Астраханскаго губернатора, а другой половинѣ оставаться на Яикѣ для осторожности”¹⁾.

Это постановленіе Коллегіи было послано въ Сенатъ, оттуда получился ответъ только 16 іюля; отвѣтъ этотъ утверждалъ всѣ постановленія Коллегіи. Поэтому 23 іюня изъ Коллегіи были написаны соотвѣтствующіе указы Волынскому и къ казацкому губернатору, и грамоты за Донъ и Яикъ о нарядѣ казаковъ. Грамоты были посланы 5 и 16 іюля.

Недовольное нарядомъ на службу на Терекъ войско въ концѣ іюня. Казаки сварадили станицу и послали выѣстъ съ нею захваченного станицею Балашинцева члѣннаго киргиза.

Войско болѣе чѣмъ вѣроятно отправило выѣстъ со станицей и письма къ Рукавишникову. Но это можно только предполагать, т. к. прямыхъ указаний на это и самихъ писемъ до насъ не дошло.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 485—489 и 518—514.

Со станицею поехалъ атаманомъ, бывшій на Уилѣ, Иванъ Даниловъ Балашиновъ, есауломъ Сидоръ Фофановъ и рядовыхъ 12 человѣкъ.

Станица выѣхала съ Яику 27 іюля. Въ Самарѣ комендантъ Свѣтѣновъ далъ имъ подорожную на десять подводъ, но прогонъ не даль. Но ввиду того, что на стаціяхъ (амахъ) не всегда было нужное количество подводъ, казаки вынуждены были „за уменьшениемъ подводъ“ нанять пять подводъ вольныхъ по 4 рубля 3 алтына 2 денги за каждую подводу до Москвы. Въ Москвѣ казакамъ не повезло. Имъ долго не давали подводъ и они застряли въ лѣвѣ недѣли ¹⁾). Въ это время вѣроятно они отправили отъ себя кого-либо къ Рукавишникову съ письмомъ отъ войска и дали звать о Астраханскомъ нарядѣ, т. к. Рукавишниковъ, получившій свѣдѣнія въ Военной Коллегіи о нарядѣ войска на Терекъ еще въ іюнѣ, только 28 іюля подальше наконецъ человѣтаю:

„Служимъ мы нынѣшніе тебѣ великому государю за запольной рѣкѣ Яику казачью службу двѣ тысячи шесть сотъ человѣкъ, писалъ Рукавишниковъ, да въ томъ же числѣ старыхъ и изъ службъ малолѣтнихъ сотъ съ шесть человѣкъ и больше будетъ, въ такою древностію и старостію по нашему царскаго величества военному артикулу, нетокмо что въ дальнеѣ ваши государевы службы годны послыаться, но и дома въ казачей службѣ въ ближнихъ походахъ служить не могутъ; а въ выѣзжнемъ государь 721 году по нашему великаго государя указу велико намъ изъ войска отправить по указамъ изъ Астраханіи воискихъ людей колицкое число потребно; а изъ Астраханіи губернаторъ господинъ Волинскій прислалъ Вашъ Царскаго Величества указъ къ намъ за Яику, по которому велико для воспоможенія гребенскимъ казакамъ выслать воискихъ людей казаковъ изъ вышеписанного числа запросомъ двѣ тысячи человѣкъ; а въ прошлыхъ государь годѣхъ по нашему великаго государя указу взято отъ насъ изъ войска яицкаго на Вашу Великаго Государа службу въ Швецкой походѣ пять сотъ человѣкъ и до нынѣ оныя казаки при генералѣ князь Михайль Михайловичъ Голицынѣ служатъ; да въ 716 году по Вашему же Великаго Государа указу и по наряду изъ Казани послано отъ насъ на Вашу Великаго Государа службу съ княземъ Александромъ Бѣковичемъ Черкасскимъ въ Хивинской походѣ тысяча пятьсотъ человѣкъ и оные казаки и до нынѣ всѣ въ Хивѣ въ половѣ разобрали. А служащій государь мы съ Чигиринскаго походу и съ того времени и по нынѣ ни единой Вашей государевой службы не отбывали; а Вашего Государева жалованья денежнаго и походнаго и свинечнаго только намъ присылается на шестьсотое число; а нынѣ насъ государь малолѣтство и толикаго понянутаго числа изъ войска послать невозможно, понеже у насъ подъ нашъ Яицкой городокъ подбѣгаютъ часто каракалпаки и киргизы казаки великомъ собравшемъ: тысячу по десести и подвадцати и больше и отъ тѣхъ ихъ неопрѣдѣльскихъ частыхъ набѣговъ малолѣтствомъ своимъ съ великою

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 539—541.

нуждю управляемся и часто сидимъ въ осадахъ; а для обережи гребенскихъ и терскихъ казаковъ по вашему великаго государя посланному изъ сената указу и по приговору изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ посылаются съ Дону казаки по разсмотрѣнію войскового атамана и по пристойности". Далѣе Рукавишниковъ для большей убѣдительности перечислилъ, начиная съ 1711 года, всѣ набѣги киргизъ, на Яикъ всѣ бои съ ними, всѣ случаи захвата киргизами казаковъ и казачьихъ табуновъ и случаи осады или казачьяго городка, о чёмъ намъ уже известно изъ предыдущаго очерка. Вышелъ длинный и скорбный листъ всѣхъ бѣдъ, которыми причиняли базакамъ ихъ неугомонные и опасные враги.

"Да въ нынѣшнемъ же 1721 году,— продолжалъ Рукавишниковъ въ своей челобитной,— ихъ-же непріятелей каракалпаковъ вышло подъ ваши государевы города и подъ нашъ казачей городокъ а что числомъ сказать незнаемъ. А напредъ государь издава, въ прошедшыхъ годѣхъ, повсегодное отъ нихъ вепріателей каракалпакъ съ киргизы многое раззореніе чинилось намъ и о вышеописанномъ ихъ непріятельскомъ раззореніи по вслѣдствіи въ тѣ времена посыпано было отъ насъ нижайшихъ въ Казанскую губернію о всемъ извѣстie.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества невели Государъ изъ войска яицкаго на оборону гребенскихъ и терскихъ казаковъ такого числа дву тысячъ человѣкъ посылать, понеже наше на Яику малолюдство и отъ приходовъ непріятельскихъ каракалпакъ и киргиз-казаковъ управиться некимъ, понеже на Дону государь отъ Донского войска въ прошедшыхъ годѣхъ и по нынѣ посылаются для обережи ихъ гребенскихъ и терскихъ казаковъ сколько потребно по разсмотрѣнію атаманскому; также повели государь и намъ отъ нашего яицкаго войска послать вместо донскихъ казаковъ ради обережки въ казанской губерніи съ Дромонтовымъ полкомъ на урочище Черемшанъ съ ними вѣстѣ отъ непріятельскихъ набѣговъ стоять сколько потребно будетъ по разсмотрѣнію же атаманскому, понеже наше нижайшии та степь знаемъ и заобычна, и въ которое время оные вепріятели выходить и гдѣ по рѣкамъ перелазы—все намъ знатно а съ ними каракалпаки у насъ на той степи въ тѣхъ мѣстахъ понесгодные чилятся батальи, и чтобы въ тѣхъ мѣстахъ объ ихъ непріятельскихъ приходовъ твоа Великаго Государи вотчива въ раззореніи не была.

Вашего Величества нижайшии раби запольные рѣки Яику казачья городка станичной атаманъ Федоръ Михайловъ, есауль Михайло Купрениновъ съ товарищи 1721 года юля въ десь; Къ сей челобитной вѣсто станичнаго атамана Федора Михайлова, есаула Михаила Купренинова съ товарищи по ахъ волѣнію яицкой станичной подъячіи Алексѣй Никитинъ сына Вороновъ руку приложилъ"¹⁾).

Сиѣтливый Рукавишниковъ, выгораживая войско отъ непосильного наряда въ далекій и чуждый край, услужливо предложивъ нарядъ отъ войска въ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 482—485. На челобитной помѣтѣ „подава 28 юля“. Здѣсь первый разъ станичный писарь подписался своею фамилией; до сихъ поръ онъ подписывался только именемъ и отчествомъ.

болѣе блазнихъ и знакомыхъ казакамъ странахъ, на границу Уфимской губерніи; онъ открылъ глаза Военной Коллегіи на несообразность ея распоряженій, дѣлъ понять, что нужно пользоваться военною силою по ея боевымъ качествамъ, по ея способностямъ примѣваться къ тому или иному противнику, къ тому или иному краю и климату. Что еще могло быть логичнѣе предложенія Рукавишникова? И въ части Военной Коллегіи нужно сказать, что она признала свою ошибку и вполне согласилась съ указаніями войскового ходатая. Подавъ челобитную, Рукавишниковъ спѣшно выѣхалъ за Яикъ. Нужно было во чтобы то ни стало торопитьсяѣхать въ войско, чтобы подготовить казаковъ къ встрѣчѣ назначеннаго за Яикъ полковника, устроить тамъ такъ, чтобы не явилось новыхъ „измѣнниковъ и воровъ“, новыхъ доносителей, которые подвели бы войско на какуюнибудь новую тажкую волокиту или рознь.

Рукавишникову были даны указы казанскому губернатору о выдачѣ войску жалованья, ядеръ, пороху и свинцу изъ Казани. Повезли станичники и грамоты на Яикъ.

Въ одной изъ нихъ говорилось о получении 28 марта отъ войска челобитной отъ 24 февраля со свѣдѣніями о киргизахъ; въ ней указывалось войску быть отъ нихъ „во всякой осторожности, и буде будетъ какое нападеніе и вами поступать по войсковому обыкновенію и чинить воинской промыслъ“. Наказывалось, чтобы войско впередь, получивши вѣсти о киргизахъ, чинило бы въ Петербургъ, въ Казань и Астрахань¹⁾.

Какъ и всѣ зимовыя станцы Яицкаго войска, Рукавишниковъ съ товарищами отправились въ Москву, оттуда, получивъ пушки, побѣхали на стругѣ рѣкою Москвою и далѣе Волгою до Казани и до Самары.

Но, уѣзжая изъ Петербурга, Рукавишниковъ не могъ бросить начатаго дѣла безъ надзора и помощи со стороны войска. Наблюдать за его ходомъ и хлопотать въ коллегіи обѣ отмѣнѣ наряда онъ оставилъ своего помощника есаула Михаила Купренинова и рядового казака Ивана Михайлова, которые и не уѣхали изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока 28 августа не послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи обѣ отмѣнѣ наряда яицкихъ казаковъ на службу на Терекъ.

„Чтобы впередъ Яицкихъ казаковъ, — говорилось въ указѣ, — безъ Его Царскаго Величества именного изъ Правительствующаго Сената и Военной Коллегіи указовъ въ Астрахань на службу не высылать и астраханскому губернатору не отписавшись въ Военную Коллегію ихъ нетребовать а отправлять имъ, яицкимъ казакамъ, свою службу противъ караокалаковъ и киргизъ-казаковъ и прочихъ тамошнихъ непріятелей, отъ которыхъ чинятся незапамятныя нападенія на границы Астраханской и Казанской губерній для того, что ямы тамошнія мѣста и степи и переходы непріятельскіе и времена въ которые они нападенія чинятся, извѣстны“²⁾. Состоился указъ и о томъ, чтобы доздѣвъ тоже безъ указа Сената и Военной Коллегіи на службу не наряжать.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 469.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 498.

28 августа была написана обь томъ-же и грамота на Яикъ.

Войско вмѣсто опалы и гнѣва за ослушаніе астраханскому губернатору по-лучило похвалу.

Грамота эта начиналась нѣсколько иначе, чѣмъ обычныя грамоты на Яикъ:— „Отъ Великаго Государа, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеси великия, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, на Яикъ, войсковому атаману Ивану Щербакову и всему Яицкому войску Наше Царскаго Величества милостивое слово“.

Далѣе говорилось о томъ, что яицкіе казаки, будучи подчинены вѣдѣнію Астраханской губерніи по двумъ указамъ изъ Астрахани, на службу на Терекъ не пошли и указамъ стали ослушны. Далѣе въ грамотѣ была подробно пересказана человѣческая Рукавишникова съ просьбою обь отменѣтъ этого наряда, и о замѣнѣ этой службы службою на Черемшанскихъ постахъ. Въ концѣ же грамоты говорилось:

„И сего августа 23 Мы Великій Государь указали васъ Яицкихъ казаковъ съ сего числа впредь безъ нашего Царскаго Величества именного, и Правительствующаго Сената и Военной Коллегіи указовъ, въ Астрахань на службу не высылать и Астраханскому губернатору не отписавшись въ Военную Коллегію васъ не требовать; а отправлять вамъ яицкимъ казакамъ свою службу противъ каракалпаковъ и киргизъ-казаковъ и прочихъ тамошнихъ鄰邦ъ, отъ которыхъ чинятся незападнія нападенія на границы Астраханской и Казанской губерній, для того что вамъ тамошнія мѣста и степи и переходы вепріательскіе и времена, въ которыхъ они нападенія чинятся извѣстны. Чего ради и вмѣсто донскихъ казаковъ для охраненія Казанской губерніи на Черемшанъ рѣку отправить вамъ отъ себя иныхъ-же такое число казаковъ, какое въ томъ мѣстѣ иныхъ есть, и вѣльно вамъ быть въ командѣ генерала-маиора Болконскаго, которому для осторожности каракалпаковъ и прочихъ ордъ вѣльно быть въ Казанскомъ уѣздѣ по присланному въ Военную Коллегію указу изъ Правительствующаго Сената. Такожъ и впредь къ нему генерал-майору посыпать по такому же числу или колицо востребуется по письмамъ Казанскаго губернатора, однакожъ не болѣе половины, дабы и на Яикъ всегда оставалась большая часть людей, ради охраненія Яика и Астраханской губерніи. А по требованію Астраханского губернатора, вмѣсто васъ Яицкихъ казаковъ, отправить къ нему въ Астрахань или куда онъ востребуетъ, тѣхъ донскихъ казаковъ, которые живутъ на Черемшанѣ рѣкѣ для охраненія Казанской губерніи именно для того, что донскіи казаки такъ способнѣе ходить къ Астрахани, какъ вамъ яицкимъ казакамъ къ Казани, и какъ донскіе болѣе сѣдоми о всѣхъ мѣстахъ, воя по нагорной сторонѣ, такъ вы яицкіе по луговой сторонѣ Волги. Однакожъ вамъ яицкимъ казакамъ обо всѣхъ воинскихъ поведеніяхъ и случаахъ, а паче о незападнѣхъ вепріательскихъ нападеніяхъ и о вѣстахъ, какъ въ Казань, такъ и въ Астрахань пасать, неупуская нималого времени.“

И о томъ послать наши Великаго Государя въ Казань и въ Астрахань указы, а за Донъ и на Яикъ грамоты, въ Правительствующій Сенатъ, для извѣстія, подать доношеніе. И какъ къ вамъ сія наша Великаго Государа грамота подана будетъ, и вашъ бы войсковой атаманъ и все войско Яицкое о томъ вѣдать и чинить по оному нашему Великаго Государа указу. Правительствующему Сенату доношеніе подано, такожъ и въ Казань и въ Астрахань указы, а за Донъ грамота изъ государственной Нашей Военной Коллегіи о вышеписанномъ послана. Писана въ Санктъ-Петербургъ лѣта 1721, августа 28 днѧ¹⁾).

Получивъ эту грамоту для отвоза на Яикъ, Купрениновъ и Михайловъ подали челобитную, прося дать „паспортъ“ на проѣздъ „въ дому“, т. е. ихъ „покиаулъ“ станичный атаманъ Рукавишниковъ противъ присылки доношенія изъ Астраханіи“, и тотъ паспортъ, въ которомъ они были написаны вѣстѣ остальными станичниками, взялъ съ собой²⁾.

Паспортъ былъ выданъ 30 августа и Купрениновъ съ Михайловымъ выѣхали на Яикъ.

Но въ тотъ день, когда есаулъ Купрениновъ получилъ подорожную для отѣзда на Яикъ, въ Петербургъ прибыли станичники Балашнова.

Просидѣвъ двѣ недѣли въ Москвѣ, казаки кое какъ упросили московского вице-губернатора Воейкова дать имъ подорожную до Петербурга. Имъ дали опять всего десять подводъ, но прогонъ не выдали. Снова, ввиду „умаленія подводъ“, казаки вынуждены были нанять пять вольныхъ подводъ по 5 руб. 25 алтынъ за подводу до Петербурга и платить свои деньги и за остальные имѣлые подводы.

Всего было истрачено казаками отъ Самары до Петербурга 95 рублей 15 алтынъ³⁾.

Эта станица пробыла въ Петербургѣ не долго. 19 сентября казаки уже получили слѣдующимъ имъ деньги и выѣхали обратно. Разсчетъ прогонныхъ денегъ имъ былъ сдѣланъ по казенному дорожнику — въ оба конца отъ Яика до Петербурга и обратно они получили всего 125 р. 4 деньги. Лицо же ихъ разсчитали жалованьемъ, какъ и предыдущія станицы: дали каждому коровьихъ за житѣе въ Петербургѣ на одинъ мѣсяцъ по 1 рублю 16 алтынъ 4 деньги, за пятье и за вино по 30 алтынъ, за медъ по рублю 14 алтынъ 3 деньги, за пиво 31 алтынъ двѣ деньги и за прїездъ и отпускъ (отѣзду) жалованья каждому по 22 рубля и, кроме того, кормовыя за дорогу на два мѣсяца по три рубля человѣку, и за порохъ и свинецъ по пяти алтынъ три

1) Подписаны: Михаилъ Матюшкинъ, казакъ Григорій Исуповъ, оберъ-секретарь Алексѣй Валковъ, секретарь Семенъ Поповъ.

Подлинная грамота, запечатанная для отвоза на Яикъ, отдана Яицкому станичному есаулу Михаилу Купренинову и казаку Ивану Михайлову 30 днѧ. Моск. отдѣлъ Архива Гла. Штаба, дѣло № 30, опись 107, листы 99—102.

2) Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 507.

3) Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 107, книга 30, листы 539—541.

деньги. За каждую же подводу отъ Петербурга до Самары выдали по два рубля. Всего же станичники получила 582 р. 4 деньги ¹⁾). Получивъ эти деньги, Балашновъ съ товарищами отправились на Яикъ.

Въ то время, когда Рукавишниковъ хлопоталъ въ Петербургѣ о назначении офицера для розыска, Карташевъ не унимался. Первое время по выѣздѣ съ Яика овъ находился въ Сызрани, гдѣ виѣстѣ съ ами и съ командою, вышедшою изъ Яицкаго городка, находился и поручикъ Кустовъ. Получивъ отъ Воейкова донесеніе о его неудачной попадкѣ на Яикъ, астраханскій губернаторъ Волынский 19 января 1721 года послалъ къ нему указъ, чтобы приведенныхъ съ Яика колодниковъ, Карташева и Бахаря, держать за карауломъ въ Сызрани и для этого изъ команды поручика Кустова оставить четырехъ человѣкъ солдатъ и капрала, а остальную команду съ Кустовымъ и съ астраханскими татарами по первой полой водѣ отправить въ Астрахань на судахъ, „которые съ хлѣбомъ исполнутъ“ изъ Симбирска съ поручикомъ Елаховымъ. Приказано было отпустить „въ дому“ и другихъ прикомандированныхъ къ Воейкову лицъ—фискаловъ, подъзюхъ и священниковъ, которые должны былиѣхать съ ними на Яикъ. Въ то же время Волынский послалъ подробное донесеніе о случившемся въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ Сенатъ и въ Преображенскій приказъ ²⁾).

Но когда наступила весна, то Воейковъ получаетъ дополнительный указъ,—выслать виѣстѣ съ Кустовымъ и колодникомъ и всѣ дѣла въ Астрахань.

Здѣсь 22 мая, находясь подъ карауломъ у Вознесенскихъ воротъ, Карташевъ задумалъ новый доносъ. Подозвавъ къ себѣ бывшаго на карауѣ у воротъ фурьера Максима Мочалина, овъ заявилъ ему, что зваетъ за собой государево слово. Фурерь послалъ дать звать объ этомъ капитану Василию Оланчинину; послѣдній убѣдавшись, что Карташевъ подтверждаетъ о виѣтии государева слова, донесъ объ этомъ генералъ-аудитору Кикину и губернатору Волынскому.

Въ тотъ-же день Карташева привели въ канцелярію Кикина. Здѣсь ему объявили указъ, въ которомъ говорилось о томъ, какому жестокому наказанію подвергается тотъ, кто скажетъ ложное слово или дѣло и въ какихъ дѣлахъ можно было говорить это слово. Карташевъ выслушалъ и заявилъ:

„Я этотъ указъ знаю. А за язаками казаками вѣдаю памѣту и чю сверхъ прежней въ объ этомъ у меня есть доношенія. Возьмите ихъ у меня или запишите, что я буду говорить, и съ прежнимъ моимъ дѣломъ и съ выѣзжавшимъ моимъ извѣтомъ пошлите меня въ Преображенскій приказъ въ рѣшенію“ ³⁾.

Въ канцеляріи взяли отъ него доношенія.

„Въ прошломъ 719 году,—говорилось въ первомъ доносѣ,—поданные мно-

¹⁾ Тамъ-же и опись 1, сълѣка 229, стр. 184.

²⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 728, 729, 742, и 743.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, книга 64, листы 752—758.

донашений объявлены въ Преображенскомъ приказѣ о измѣнѣ и о возмущеніи бунта изъ Яицкихъ казаковъ, и повелѣно Великаго Государа грамотою изъ Преображенского приказу розыскать Его Царскаго Величества генералу-адъютанту полковнику и губернатору Астраханскому Артѣму Петровичу Волинскому; въ посланъ былъ изъ Астрахани для розыска за Яикъ маюра господинъ Воейковъ, и онъ Яицкие казаки, вѣдалъ за собою явное воровство и измѣну, въ розыскъ не пошли, и въ городокъ его, маюра, не пустили: вышли за городокъ въ степь многимъ собраніемъ съ ружьемъ и съ коньми, ако будто противъ непріятеля; а кои Его Царскому Величеству вѣрно служить, а именно: бывшій атаманъ Матвѣй Миронова и другіе, кои подъ страхомъ указу Великаго Государя имъ бунтовщикамъ претили, чтобы противности по указу Великаго Государя не чинить, а въ розыскъ ити, и за то они, воры, бывшаго атамана Матвѣя Миронова оковали и приговорили не иначе кругъ разстрѣлъ; а до оного же бывшаго атамана касаются многія дѣла противъ монхъ подавленыхъ доношеній во свидѣтельствѣ, и дабы оного Миронова указомъ взять съ Яику къ розыску въ Астрахань. А я доноситель, съ 717 году и до сего числа сажу окованъ подъ карауломъ; того ради дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было меня изъ жалѣзъ освободить и быть подъ карауломъ свободно безъ жалѣзъ¹⁾.

Во второмъ доносе, въ которомъ виѣсто Карташева подписался Харланъ Федоровъ, было написано:

Въ прошломъ 720 году въ январѣ мѣсяцѣ изъ Яику въ казачьемъ городкѣ при бытности атамана Никиты Бородина казакъ Иванъ Елисѣевъ сказалъ за собою Государево слово на Яицкихъ казаковъ, а именно о измѣнѣ; и онъ Елисѣевъ посланъ въ Казань въ ближнему боярину и губернатору казанскому Алексѣю Петровичу Салтыкову съ станичными казаками съ Гаврилою Старченкомъ съ Иматаемъ Мусатовымъ; и они казаки его Елисѣева объявили въ Казани губернатору; и на нихъ яицкихъ казаковъ въ измѣнѣ изъ Казани посланъ онъ Елисѣевъ и съ дѣломъ въ Астрахань въ губернскую канцелярію, сооными же присланными казаками Старченкомъ и Мусатовымъ; и онъ казаки его Елисѣева въ Астрахань не привезли, а отвезли его и съ дѣломъ на Яику въ казачій городокъ пра означенномъ же атаманѣ Вородинѣ. И оной Вородинъ принялъ его Елисѣева и съ дѣломъ и держали его окована подъ карауломъ; и въ наꙗвѣніи 721 году въ февралѣ мѣсяцѣ лицой войсковой атаманъ Иванъ Щербаковъ съ своими однomyшленниками, за коими касается измѣна; а именно: Григоріемъ Меркульевымъ, за Никитою Зевакинымъ, за Трифономъ Новинскимъ, за Федоромъ Рукавишниковымъ и другими ихъ единомышленниками, ового доносителя Елисѣева казнили смертью. А дѣла оного доносителя Елисѣева за печатью Царства Казанскаго лежало на Яику въ станичной избѣ и нынѣ куда они, казаки, дѣли про то я не свѣдомъ; да на

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 758—759. Виѣсто Карташева подписано Иванъ Никифоровъ сына Распопова.

вихъ же, яицкихъ казаковъ, написалъ было доношевіе во многихъ Царствен-
ныхъ дѣлахъ въ измѣнахъ и въ другихъ ихъ во многихъ противностахъ яиц-
кой же казакъ Афанасій Назаровъ; и они оного Назарьева доношениемъ въ
домѣ его вынужъ и держали его Назарьева окованъ подъ карауломъ и по-
томъ же и оного казнили смертью; а доношениемъ которымъ оной Назарьевъ на-
писалъ куда оные казаки давали того я неизѣдаю же; да оной же Рукавишниковъ
своими однomyшленниками взяли бывшаго атамана Матвея Миронова въ мочи
изъ дома его и привели въ кругъ и приговорили казнить смертью; и взялъ
онъ Матвѣй сидѣть акованъ; а до него Матвѣя касается дѣло во-
свѣдѣтельствъ въ великихъ Государевыхъ дѣлахъ; да оные же Рукавиш-
никовъ съ атаманомъ Щербаковымъ держать за вѣдомо драгунъ бѣглыхъ и
солдатъ, кои браны по доношевіемъ его въ Казань и сказано было драгунъ
и солдатъ и за тотъ бѣгъ оны наказаны и отданы по прежнему въ службу,
а иные оные живутъ на Яикѣ, а кто иначе то значится въ росписяхъ¹⁾.

Предъявилъ онъ и роспись заиссанная имъ на лоскутахъ бумаги:

„Роспись бѣлыхъ драгунъ и солдатъ:

Макарь Ситкѣевъ, Петръ Сѣповъ, Богайда какъ зовутъ неупомяну, Аким-
фей чей сынъ неупомяну, Откашеварновской, Петръ Черткінъ, Иванъ Коринъ,
Леонатъ Харитоновъ, Андрей Чунаревъ, Филиппъ Часовниковъ, Михаилъ
Чумаковъ, подрапорщикъ Михаила Мелентьевъ, Михаила Дементьевъ, Максимъ
чей сынъ неупомяну, Черткінъ Гавриловъ дѣти 2 брата, Иванъ Заринъ,
Костянтина Казанецъ Юрьевъ, два Афанасія живутъ у Наскиты Зевакина,
Соловьевиковы два брата, Степањъ живеть у Григорья Пермякова, Иванъ
Ивановъ сынъ писарь войсковой, подъячій Алексѣй Азарихівъ зять. Пашевыѣ
два брата, Царицынского полку солдатъ бѣглой, Соловьевиковы два брата²⁾.

„Однomyшленники и союзники Рукавишникова и Зевакина пущіе
возмутители о начинаніи бунта.

Алексѣй Щепетковъ, Гарасинъ Погодаевъ, Петръ Кожевниковъ, Макарь
Коловертинцовъ, Петръ Желѣзовъ, Матрій Чувашевъ, Василій Азовскій,
Абросимъ Жутырь, Гарасинъ Догиновъ, Василій Буданчикъ, есауль Гаврила
Толстянковъ, Семеонъ Ларинъ, Макарь Коловертинцовъ, Попкаровъ, Сте-
панъ Сумкинъ, Федоръ Донской, Семеонъ Черкасовъ, Григорій Плутка, Суга
писарь³⁾, Рукавишниковъ, Дмитрій Витошаниковъ, Алексѣй Рекузовъ, Еланъ
Щербаковъ, Иванъ Серебряковъ, Максимъ Раскащиковъ, племянникъ Дмитрій
Стормоусовъ, Прохоръ Дурмановъ, Иванъ Вѣлотелкинъ⁴⁾.

Что Карташевъ зналъ о доносѣ Елисеева и Назарова, не подлежитъ сомнѣ-
нію, т. к. объ этомъ, вѣроятно, онъ былъ хорошо освѣдомленъ, еще будучи въ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 758—761.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Суетинъ.

⁴⁾ Тамъ-же.

Якъ, по какимъ судьбамъ онъ могъ узнатъ о казни Еластева и Назарова — остается загадкой. Очевидно, старшинская партия въ свою очередь дѣлала все отъ нее возможное, чтобы поддержать Карташева и дать его показаніемъ болѣй вѣсъ и тѣмъ имѣть возможность взять верхъ надъ остальными войсками, надъ партию Рукавишникова съ товарищами.

По этому донесу Волынскій, согласно существовавшему тогда закону, сообщилъ объ немъ въ Преображенскій приказъ. Астраханской губернскій канцеляріи это дѣло, кроме хлопотъ, не давало ничего. Ждановыхъ подачекъ и наживы оно имъ не дало. Губернская администрація была рада, что законецъ можетъ это дѣло сбыть съ рукъ и 21 августа, нарядивъ для конвоя капитана астраханского гарнизона Коробова, отослали Карташева въ Бахары, не дошедшись оттѣха изъ Преображенскаго приказа, въ числѣ многихъ другихъ колодниковъ въ Преображенскій приказъ въ Петербургъ, лишь бы только сбыть съ рукъ и отчетности.

Коробовъ прибылъ въ Москву въ началѣ декабря. Здѣсь онъ со всѣми колодниками и дѣлами обѣ никъ явился въ Преображенскій приказъ. Но Карташеву не повезло. Ни его, ни Бахара въ Преображенскомъ приказѣ не привали и Коробову дали указъ везти ихъ обратно въ Астрахань. Узнавши объ этомъ, Карташевъ сказалъ за собою Государево слово. Коробовъ доехъ обѣ этомъ въ Преображенскій приказъ.

Дашь только послѣ этого въ Преображенскомъ приказѣ привали и Карташева и Бахара.

Карташевъ добился своего. Онъ былъ оставленъ въ Преображенскомъ приказѣ и могъ продолжать свою дѣятельность — безорешивно доносить на войско и ковать ковы на своихъ земляковъ.

Въ приказѣ его допросили. Новаго онъ ничего сказать не могъ и потому сталъ разсказывать все, что только зналъ и что могло хотя немного напоминать подозрѣнія на его враговъ, а его враги было все Яицкое войско.

Приведенный къ допросу, онъ сказалъ, что когда ихъ еще съ атаманомъ Меркульевымъ и прочими изъ этого Чирказа (послѣ розыска Кроткова) вели для розыску на Яикъ, встрѣтился имъ въ Симбирскѣ препровождавшійся въ оковахъ съ Яика въ Казань казакъ Иванъ Елисѣевъ, отъ которого Карташевъ слышалъ, что онъ на Яикѣ сказалъ за собой Его Императорскаго Величества слово, что вѣдется замѣну за лицами казаками, а за кѣмъ именно и не чѣмъ, о томъ объявить казанскому губернатору. Что когда онъ, Карташевъ, привезенъ уже былъ на Яикъ, то въ тоже время привезенъ былъ туда и казакъ Иванъ Елисѣевъ, который сказалъ ему, что онъ посланъ былъ изъ Казани въ Астрахань для розыску по замѣту его, но что посланные для отвѣза его туда яицкие казаки Григоріо Старцевъ и Иннатій Мусатовъ привезли его за Яикъ. — И потомъ того Ивана Еластева, говорилъ Карташевъ, продержавъ цѣлое лѣто, атаманъ Иванъ Щербаковъ велѣлъ разстрѣлить изъ

румы, — и разстрѣлявъ; и неизвѣстно куда дѣвалось посланное въ Астрахань съ Елисѣевымъ дѣло объ немъ, и что въ ту же бытность мою на Яикѣ (въ 1720 г.) атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, до конука касаются прежнія дѣла по извѣту, написали письмо, а какое — не знаю, и къ оному письму казакамъ, не объяви иль о чёмъ то письмо, велѣли прикладывать руки; а кто не приложилъ, тѣхъ приговаривали сажать въ воду; и многие за устрас-тіемъ руки прикладывали, а которые не прикладывали, тѣхъ держали за карауломъ окованныхъ, а именно: бывшаго атамана *Матея Миронова, Ивана Федорова, Василия Иванова*¹⁾, а иныхъ отдали въ кѣвакія руки, именно: войскового писаря *Осипа Мартынова, Матея Ермолова, Митрофана Чименова*, и признаю я о томъ письмѣ, вѣть-ли у нихъ какого злого вымыслу о замѣнѣ, потому что писали не объяви и руки велѣли прикладывать виновому. Пожалутый-же атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, о которыхъ подаль-и роспись на Сазрані маюру Воейкову, посылаютъ въ Хиву казака *Ивана Сидорова*²⁾ за именемъ вопреки Его Императорскаго Величества указомъ, и для торговли-ль, или для шлююства, о томъ подлинно не знаю, а скажетъ о томъ помянутый Сидоровъ. Тогда же, во время бытности моей на Яикѣ, казакъ *Макаръ Коловертиццевъ* казаку *Григорию Меркульеву* (бывшему ата-ману) въ кругу говорилъ при всѣхъ казакахъ, что онъ, Коловертиццевъ, знаетъ за наихъ Меркульевыи замѣну, а какую замѣну, не выговорилъ, и о томъ его въ томъ кругу никто не спрашивалъ; а тѣ его слова я слышалъ самъ, потому-что тотъ кругъ былъ близъ двора моего. И того Коловертиццева и Меркульева атаманъ Щербаковъ съ товарищи никуда не послали и за карауломъ ихъ не держали въ вынѣ оставались на Яикѣ. На Яикѣ же жиѳть, тому де-вять лѣть, въ казачьей службѣ, пришлый человѣкъ *Федоръ Рукавишниковъ*, а откуда онъ пришелъ, о томъ я не знаю, — и тотъ Рукавишниковъ возму-щаетъ народъ, что-бы въ церковь не ходили и книгу вынѣвшихъ не слу-шали, для того-что вынѣшай книги новопечатаны, — и въ томъ похуденіи и возмущеніи на того Рукавишникова попъ церкви *Петра и Павла Василий Семеновъ* приходилъ извѣщать въ кругъ; и того попа атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, о которыхъ въ вышеписанный его, Карташева, поданный маюру Воейкову, росписи написано, приговаривали посадить въ воду. Онъ-же, атаманъ съ товарищи, присланного маюра Воейкова для розыску по извѣту моему въ городъ не пустила и въ томъ учинился Его Императорскаго Вели-чества указъ противъ, по возмущенію помянутаго Рукавишникова. По моему прежнему доношенію бѣглые на Яикѣ солдаты и драгуны взяты въ Казань и опредѣлены въ казацкіе полки въ солдаты, а иные посланы въ Самару; и изъ тѣхъ взятыхъ многие бѣжали и пришли на Яикѣ по прежнему и синѣ живуть на Яикѣ и помянутый Рукавишниковъ возмущаетъ ихъ, чтобы жили безопасно. О томъ-де Его Императорское Величество не знаетъ, а дѣлаютъ все это бояре

¹⁾ Морукиника.

²⁾ Лобина.

собою. А о томъ имъ первостатейные люди, старанные казаки, спорить и по-
мнянныхъ пришлыхъ людей ловить и извѣщать не смыть, боясь отъ атамана
Щербакова смертная казни. Да вышесказанный Рукавишниковъ перемѣняетъ
собою атамановъ, безъ приговора войска и отъ того ихъ своеvolства опасно
всакаго воровства. И кромѣ того Его Императорскаго Величества слова за-
мой вѣтъ и ви за кѣмъ не знаю^{1).} ^{1).}

Послѣ этого допроса, прибавившаго весьма мало къ прежнимъ его доносамъ,
Карташевъ былъ оставленъ въ Преображенскомъ приказѣ, откуда между тѣмъ
послали запросъ, какъ поступить въ дальнѣйшемъ съ доносами и дѣломъ
Карташева.

Но въ то время, когда Карташевъ всѣми способами ковалъ бѣды на головы
своихъ земляковъ, на Яикѣ совершилось новое кровавое событіе.

Тамъ въ серединѣ сентября появился возвратившійся изъ Петербурга Ру-
кавишниковъ. Онъ привезъ съ собою жалованье, порохъ, свинецъ и три жалованыя
пушки и при нихъ ученаго кондуктора для обученія казаковъ стрѣльбы изъ пушекъ.

Съ прїездомъ Рукавишникова въ войскѣ снова заговорили страсти. Нужно
было готовиться къ вріему полковника Ергольского. Нужно было оградить
войско отъ новыхъ довоенчиковъ и отъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Подо-
зрительными же для войска являлись все, кто въ чёмъ-либо не соглашался
съ большинствомъ, кто чѣмъ-либо противился исполненію желаній круга.
Такими лицами могли быть только „старые люди“ — старшины, видѣвшіе и
чувствовавшіе, что въ своихъ дѣлахъ войско зашло далеко, и что рано или
поздно его ждали за это неумолимая московская болокита, судь и жестокая кара.
Одни изъ такихъ казаковъ, болѣе и открытие всѣхъ выражавшіе свое неодо-
бреніе дѣламъ Рукавишникова и его партіи, особенно за казнь Елисѣева и На-
зарова, — уже известный наимъ старшина Матвѣй Мироновъ, а также старшины:
Василій Ивановъ Мордвинкинъ, Иванъ Федоровъ и Василій Прѣтковъ, зако-
ванные въ цѣпи по письму Рукавишникова, до сихъ поръ томились подъ карауломъ.

Въ чёмъ собственно состояла ихъ вина — неизвѣстно. Одно извѣстно, что они
были „подозрительны“ для войска.

Съ прїездомъ Рукавишникова ехъ слова вывели въ кругъ. Состоялась судь.
Подробности его до насъ не дошли. Судъ оправдалъ Федорова и Прѣткова,
но старшину Василія Мордвинкина приговорили къ смертной казни ^{2).} Онъ
былъ застрѣленъ изъ ружья. Вероятно, такъ-же, какъ были застрѣлены Елисѣевъ
и Назаровъ, т. е. черезъ одного изъ войсковыхъ есауловъ, на обязанности
которыхъ лежало заражавшіе ружья, а можетъ быть и самая казнь.

Мордвинкина казнили, а оправданныхъ старшинъ Федорова и Прѣткова изъ
подъ караула освободили, но съ воспрещеніемъ входа въ войсковой кругъ ^{3).}

¹⁾ „Урал. Вѣд.“ 1869 г. № 45. Курникъ: „Материалы для Истор. Уральскаго казачьаго
войска, еще никогда не напечатанные“.

²⁾ „Урал. Вѣдомости“ 1869 года № 49.

³⁾ Тамъ-же.

Старшина же Матвей Мироновъ былъ оставленъ подъ карауломъ до приѣза на Яикъ офицера.

Назначило войско къ ученому кондуктору 10 человѣкъ казаковъ для обученія пушечному дѣлу. Стали пробовать пушки. Но плохъ-ли были кондукторъ или пушки, которые были выданы казакамъ были плохи, но только „на томъ ученье разорвало двѣ пушки — одну чугунную, а другую иѣданую“ ¹⁾.

Наука оказалась плохая. Между тѣмъ въ станицѣ снова появлялись киргизы. Донесенія обѣ вихъ шли со всѣхъ сторонъ и изъ Астрахани, и изъ Черемшанскихъ постовъ. Особенно беспокояли Петербургъ донесенія астраханскаго губернатора. 20 сентября послѣдовалъ указъ выслать изъ Казани въ Астрахань солдатскій полкъ и быть готовымъ, для отраженія набѣговъ киргизъ на русскія села, донески и яицкіи казакамъ ²⁾.

Черезъ иѣсанъ далъ знать о появлѣніи киргизъ ханъ Аюка. Въ письмѣ своемъ въ Астрахань къ генералу Бикину, полученному тамъ 28 октября, Аюка писалъ, что калмыцкій владѣлецъ Назаровъ, сынъ Доржса, прислаѣ къ нему гонца, что каракалпаки, собравшись троимъ станицами, пошли войной на русскихъ людей и на башкирцевъ и на калмыкъ. „А правда ли это или ложь — того не знаю“ ³⁾ — говорилъ Аюба въ концѣ письма.

Написалъ онъ объ этомъ „для вѣдомости“ и въ Казань къ генерал-майору Кропоткоу.

Наступила осень и на Яикѣ наконецъ появился давно жданные и, казалось, совершающіе потерянные войсками казаки станицы *Матвея Рекунова*. Сенадцать лѣтъ тому назадъ они выступили въ Шведский походъ и только теперь послѣ заключенія мира со шведами они вернулись на родной Яикъ. Вернулось ихъ немногого — всего двѣстѣ человѣкъ. Остальные или умерли, или были убиты. Что дѣлала эта станица въ арміи, въ какихъ участковала боѣхъ — матерьяловъ пока не найдено. Только изъ нѣкоторыхъ членобитныхъ видно, что она послѣ Полтавскаго боя была отправлена въ Финляндійский корпусъ, где и находилась вполнѣ до конца войны подъ командою князя *Михаила Михайловича Голицына*. Что послужило къ тому, что эта станица пробила въ арміи безсправно 17 лѣтъ, случай еще небывалый въ Яицкомъ войску и вообще въ казачьихъ войскахъ, — остается загадкой.

Въ эту же осень прибыли на Яикъ освобожденные изъ плѣна изъ г. Або 56 человѣкъ яицкихъ казаковъ. Фамилія ихъ засекрѣтана. Всѣ они благополучно прибыли за Яикъ за исключеніемъ казака *Акунидина Григорьевъ*, который дорогой заболѣлъ и остался въ Самарѣ ⁴⁾.

Съ этихъ поръ войско стало считать въ своихъ рядахъ уже не 2600, а 2850 человѣкъ и, подсказывая членобитныхъ, стало ставить это число казаковъ.

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись № 1, кн. 229, листъ 283. Членобитная Рукавишниковъ въ 1722 г.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сената по Воен. Кол., книга 11/42, листы 294—295.

³⁾ Моск. Арх. Иностр. дѣлъ, калмыцкихъ дѣлъ, картонъ 87, славки 1721 года № 6.

⁴⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 12, листъ 198. Членобитный казакъ Акунидин Григорьевъ 1785 года лизвари 27.

Уже настала глубокая осень. Вернулся на Яикъ Курениновъ съ похвальною грамотою объ отмѣнѣ наряда въ Астрахань, вернулся и Балашиновъ со ставицею, а вѣстей о скоромъ пріѣздѣ на Яикъ для розыска полковника Ергольского не приходило. Войско недоумѣвало, но терпѣливо ждало этого единственнаго выхода изъ той сѣти доносовъ, кляузъ и ссыксовъ, которые плотными кольцами обвились вокругъ войска и не давали ему свободно ни жить, ни работать. Прешла зима; пролетѣлъ еще годъ — четвертый годъ безконечнаго и тягостнаго розыска. Что-то сулить имъ наступающій новый 1722 годъ?

ГЛАВА XXVII.

Нарядъ казаковъ на р. Черемшу. Третья посылка Рукавишникова въ Москву. Доносы Карташева и чelобитная Рукавишникова. Пожаръ въ Яицкомъ городкѣ. Нарядъ казаковъ въ Персидскій походъ. Доносъ казака Ревка. Схватки съ киргизами. Посылка въ Москву станицы Витошнова. Допросъ казаковъ въ Военной коллегії. Назначеніе на Яикъ полковника Захарова и данные ему инструкціи. (1722 годъ).

Н

аконецъ наступилъ и новый годъ. Войско получило грамоту о нарядѣ пятисотъ казаковъ въ Казанскую губернію на р. Черемшу для пограничной службы, на сѣну бывшимъ тамъ дозорамъ. Такой же указъ былъ присланъ на Яикъ и отъ казанского губернатора. Войско, только что вернувшееся съ багренья, приступило къ сбору станицы и взяло казаковъ. Въ концѣ января станица выступила. Походный атаманомъ былъ выбранъ Федотъ Донской¹⁾. Отправивъ походное войско, казаки стали снаряжать другія станицы: въ Самару за хлѣбомъ и въ Петербургъ съ царскимъ кусомъ.

Но кого-же выбрать атаманомъ въ Петербургъ? Конечно, Рукавишникова. Онъ одинъ зналъ тамъ все входы и выходы; за двѣ своихъ поѣздки овь хорошо запустилъ пріемы, благодаря которымъ можно было добиться въ Петербургѣ известныхъ результатовъ, быть знакомъ уже со многими властью имущими и съ визирами служащими въ военной коллегії. И наконецъ, въ дѣйствительности онъ былъ настоящимъ начальникомъ войска — войсковые атаманы, старшины и кругъ были лишь исполнителями его воли.

Войско написало двѣ чelобитныхъ — одну о дачѣ жалованья войску на полное число казаковъ, а другую о приверстваніи въ казаки всѣхъ орабывшихъ послѣ 1695 года, — этотъ до сихъ поръ неразрѣшеннѣй вопросъ не давалъ казакамъ ни минуты покоя.

Когда выѣхалъ Рукавишниковъ — точно неизвѣстно. Но судя по тому, что онъ явился въ Москву 12 фенрала, можно предположить, что выѣхалъ онъ не позже первыхъ чиселъ января. Къ сожалѣнію дѣло, въ которомъ заключалась вся документы по этой послѣдней поѣздкѣ Рукавишникова въ Петербургъ, утрачено. Оно было взято изъ московского архива главного штаба І. И.

¹⁾ Объ этомъ извѣстно всего лишь два указания: 1) отъ казака Иакова Масникова въ 1739 году о своей службѣ: „на Черемшѣ въ 1722 году съ атаманомъ Федотомъ Донскимъ въ пятнадцать человѣкъхъ рядовыхъ“. (Моск. Арх. Гл. Шт., списъ 47, дѣло 51/4, листъ 77) и 2) — показаніи о своей службѣ старшины Филиппа Мусатова въ 1769 г., где онъ говоритъ: „Въ 1722 году измѣнированъ при атаманѣ Федотѣ Донскомъ въ Камскую линію, где находился при князѣ Волоконскомъ три, при генералѣ Чиханѣ два, при генералѣ Шереметьевѣ два, всего восемь лѣтъ въ пятнадцать человѣкъхъ“. (Моск. Арх. Гл. Шт., списъ 107, кн. 129, листы 6—7 и 128. Челобиты войска 1769 г. апрѣль).

Железновымъ во время его пребыванія въ Москвѣ и отвезено въ г. Уральскъ. Въ то добре старое время простота въ архивѣ царя первобытная—дѣла раздавались на руки по квартирамъ и, какъ виднѣй, даже отдавались совсѣмъ. Конечно, Іоасафъ Игнатьевичъ, взавѣ это дѣло, имѣлъ ввиду общую войсковую пользу, думалъ прибавить къ имѣющемуся въ войскѣ архивѣ еще одинъ лишній томъ съ драгоценными документами о прошломъ войска, какъ это и случилось съ остальными дѣлами, взятыми имъ въ томъ-же архивѣ. Но трагическая кончина І. И. Железнова не дала ему выполнить намѣченной имъ цѣли. Книга съ дѣлами о поѣздкѣ Рукавишникова въ 1722 году въ Петербургъ не была имъ сдана своевременно въ архивъ и послѣ его смерти попала въ руки Мер. Бузи. Курилина, который, сдѣлавъ выборки изъ нея и изъ другихъ документовъ, добытыхъ І. И. Железновымъ въ московскихъ архивахъ, напечаталъ ихъ въ Уральскихъ Вѣдомостяхъ¹⁾). Самое-же дѣло осталось на рукахъ у Курилина и послѣ его смерти до сихъ поръ не найдено. Такимъ образомъ для настоящаго очерка является возможность использовать только тѣ немногія выборки изъ него, которыхъ напечатаны Курилинымъ въ „Войсковыхъ Вѣдомостяхъ“.

По этимъ даннымъ въ числѣ станицы Рукавишникова находились: войсковой подъячій Андрей Яковлевъ Чумареевъ, есауль Иванъ Карповъ, заряжавшій ружье для казни Еничева, и рядовые казаки: Алексѣй Котельниковъ, Пётръ Кожевниковъ, бывшій разъѣ съ Рукавишниковымъ въ Петербургъ, Механизъ Поликарповъ, Иванъ Михайловъ, Федоръ Березинъ, Иванъ Васильевъ Бѣлоусовъ, Алексѣй Акимовъ Коноваловъ, Иванъ Афонасьевъ, Алексѣй Тимофеевъ Сапожниковъ, Алексѣй Антипьевъ Азовскій, Пётръ Прокофьевъ Гладовъ, Про-кофій Трифоновъ Новинскій, Василій Осиповъ, Степанъ Сидоровъ, Фроль Коржененокъ, Григорій Рузакъ и Семенъ Коробевъ. Всего двадцать человѣкъ²⁾.

Рукавишниковъ выѣхалъ изъ городка вѣдѣть съ зимовою станицею и изъ Самары благополучно отправился дальше. Въ свою очередь зимовая станица, сдѣлавъ нужна закупки, побѣхала обратно за Яикъ. Со станицею отправился въ находившійся въ Самарѣ, вышедшій изъ шведского пленя, больной казакъ Анкундикъ Григорьевъ. Но станица была не такъ счастлива, какъ въ передней путь. По дорогѣ, „при урочищѣ Чагановой рѣчкѣ“, на нее налетѣли кара-каланаки. Киргизъ было всего триста человѣкъ, но зимнія станицы были незамѣтны:—незначительны уже потому, что для проѣзда громаднаго обычнаго обоза въ пять—шесть тысячъ подвой по дорогѣ не хватило бы сѣна, да и въ Самарѣ пришлось бы страшно дорого платить за фуражъ. Поэтому станицы снаряжались обычно маленькихъ,—ѣхали люди только при крайней необходимости. Но и эта маленькия станицы, не смотря на свое малолюдство, всегда благополучно возвращались домой, т. к. главные враги казаковъ—киргизы въ

¹⁾ „Ур. Вѣд.“ 1869, 1870 и 1871 года, „Материалы къ Исторіи Уральскаго казачьаго войска, еще никогда не напечатанные“.

²⁾ „Ур. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 43⁸. Число станичниковъ видно таѢ же изъ дѣла Моск. Арх. Гимн. Штаба, опись 1, книга № 229, листъ 281.

это время были далеко въ своихъ степяхъ и за зимнимъ холодомъ и безкорыстей были не въ состояніи дѣлать какіе либо забѣги.

Но на этотъ разъ дикие и неутомимые хищники появились за Яикомъ именно тогда, когда ихъ меѧе всего ожидали.

Они валились за станицу внезапно и ее разбили. Больше семидесяти человѣкъ казаковъ попалось въ плѣнъ въ руки хищниковъ. Попалъ въ плѣнъ и незадачливый старый служака Аккуадинъ Григорьевъ. Почти двадцать лѣтъ онъ не видѣлъ Яика, то маршируя съ полкомъ въ Шведской войнѣ, то находясь въ плѣну въ городѣ Або. Прошло послѣ этого рокового для него случалюще двадцать лѣтъ лишь и только въ 1733 году ему удалось вырваться изъ киргизского плѣна и больше чѣмъ透过 sорокъ лѣтъ онъ наконецъ уѣхалъ берега родного Яика ¹⁾.

Немногого возвратилось изъ плѣна этихъ казаковъ; — известны еще только два человѣка: Егоръ Недопекинъ, который пробылъ въ плѣну 11 лѣтъ въ Яикѣ Скачковъ. Послѣднему досталась тяжелая доля. Онъ былъ проданъ въ Хиву, где находился въ неволѣ 25 лѣтъ и лишь въ 1747 году вышелъ на родину ²⁾.

Русавишниковъ-же между тѣмъ благополучно подвигался къ Москвѣ. Но пока онъ ѿхалъ, неугомонный Карташевъ, находясь въ Москвѣ, дѣлалъ все, что только было возможно для того, чтобы снова возобновить розыскъ на Яикѣ въ 11 января 1722 г. Военная Коллегія потребовала его къ себѣ для изслѣдованія по его извѣсту ³⁾.

Представлений туда 24 января, онъ снова заявилъ то, что предъ тѣмъ говорилъ въ Преображенскомъ приказѣ, во, желая въ тоже время подслужиться князю Меншикову и привлечь его симпатію на свою сторону, онъ добавилъ обѣ томъ, что въ мартѣ 1719 г. былъ посланъ изъ Казани на Яикъ для розыска поручикъ Егоръ Кротковъ и что онъ нашелъ тамъ бѣглыхъ солдатъ, рекрутъ, дворовыхъ и помѣщицкихъ крестьянъ съ семьсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ и крестьянъ князя Меншикова, десять семейст�ъ, которыхъ Кротковъ, по оконченію розыска, не взялъ съ собою въ Казань, а даль бывшему тогда атаману Никатѣ Трифонову Бородину вменяю роспись, чтобы держать тѣхъ 700 бѣглыхъ на Яикѣ до укazu, дабы они были въ цѣлости ⁴⁾. Карташевъ, какъ видно, дѣлалъ все возможное, чтобы только не отсыдали его снова въ Астрахань. Ему хотѣлось, чтобы розыскъ производился на Яикѣ и чтобы его послали туда, зная, что дѣло можетъ долго затянутться при поддержкѣ его сторонниковъ „первостатейныхъ, знатныхъ на Яикѣ, казаковъ, которые были прежде атаманами.“

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 12, листъ 198. Челобитник Аккуадинъ Григорьевъ 1755 года 27 января.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 78, листъ 145. Челобитник войска 1748 года декабря 10.

³⁾ „Ураз. Вѣд.“ 1869 г. № 46. Курилникъ „Мат. къ Ист. Ур. войска.“ По объясненію профессора А. Н. Филиппова въ 1722 г. главные члены военной коллегіи находились въ Москвѣ, тѣмъ это время былъ царь Петъръ, а въ Петербургѣ была лишь Контора (канцелярія) воен. коллегіи.

⁴⁾ Тамъ-же.

Карташевъ действительно добился своего: онъ былъ оставленъ въ Москвѣ. Вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что вопроса объ отправлениіи его въ Астрахань уже болѣе не возбуждалось.

Этому помогъ случившійся вскорѣ пріѣздъ въ Москву Рукавишникова. Прибывъ 12 февраля ¹⁾, онъ быстро оглядѣлся и узналъ все, что сдѣладъ безъ него Карташевъ. Цѣлую недѣлю онъ ничего не предпринималъ. Царь и Военная Коллегія были въ Москвѣ и потому надобностиѣ ходить въ Петербургъ ему не предстояло. Карташевъ-же, въ свою очередь узрѣвъ, что пріѣхалъ Рукавишниковъ, немедленно сталъ проситься, чтобы его отвели въ Военную Коллегію. Здѣсь 20 февраля онъ сталъ просить объ арестованіи Рукавишникова съ есауломъ Иваномъ Карповымъ и всѣхъ его станичниковъ и подвергнуть ихъ розыску.

„Рукавишниковъ, говорилъ онъ, еще въ 1719 г., въ бытность свою въ Петербургѣ, подалъ канцлеру графу Головкину доношеніе на казаковъ и бывшихъ войсковыхъ атамановъ Матвѣя Миронова, Никиту Бородина и Ивана Витошнова о замѣнѣ ихъ, а о томъ наслѣдоваво не было, то я прошу Военную Коллегію разыскать о сей измѣнѣ, Рукавишникова же послать къ розыску на Икѣ вмѣстѣ со мною“ ²⁾.

Этотъ извѣстіе Карташева, конечно, стало извѣстіемъ Рукавишникову въ тотъ же день. На другой день онъ явился въ Военную Коллегію и подалъ войсковыи члоботныи.

Въ одной изъ вахтъ войско доносило о нарядѣ 500 казаковъ на Черемшанскаи форпости и просило о дачѣ имъ подъемнаго и за службу ихъ жалованья.

„Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій! — писало войско въ члоботной, въ вынѣшнемъ 722 году, по присланной Великаго Государя изъ Государственной Военной Коллегіи грамотѣ, а въ Казани по указу Великаго Государа, отправила мы виженемованные отъ себя указаное число войска — пятьсотъ человѣкъ для охраненія отъ непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ на казанскую границу за Каму рѣку на Черемшу; а за подъемъ денежнаго твоего Государева жалованья не прислано въ подъемли мы, иаждайши, поклянутыхъ казаковъ указаное число пятьсотъ человѣкъ за великою вуждою собою.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваша державства насть рабовъ твоихъ пожаловать своимъ Великаго Государя денежныи на подъемъ жалованьемъ, противъ прежнихъ дачъ, какъ Ваше Великаго Государа жалованья къ намъ на подъемъ рабамъ твоимъ было прислано, понеже мы, иаждеменованные, бываемъ отъ набѣговъ непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ во всегдашнхъ раззореніяхъ и обидахъ, и чтобы впередъ насть рабамъ твоимъ посыпать на вашу Великаго Государя службу было въ моѣ потому, что мы, иаждайши, отправляемъ отъ себя

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись I, книга 229, листъ 281.

²⁾ „Урал. Вѣдом.“ 1869 г. № 45. Куржинъ. „Мат. изъ Ист. Ур. войска.“

на Вашу Великаго Государа службу и чрезъ степъ на своихъ лошадяхъ и на своемъ коне.

Вашего Величества низайшіе рабы засольные рѣки Яикъ язкіе атаманы—казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и всѣ старшины и рядовые казаки 2850 человѣкъ; 1722 году генваря въ „ “ день ¹⁾.

Въ другой челобитной войско снова просить дать ему окладное жалованье, особенно порохъ и свинецъ на полное число казаковъ, а не за 600 человѣкъ, т. к. отпускаемаго имъ пороха при дѣлѣ достается самое незначительное количество, между тѣмъ казаки бывають всегда въ бою съ киргизскими шайками и должны быть хорошо вооружены, чтобы достойно встрѣтить врага.

Войско, говоря въ этой челобитной, что, начиная съ 1681 года, казаки безпрерывно служатъ во всѣхъ походахъ „ “ и по нынѣ не единой службы не избываютъ вѣ отговариваясь ни чѣмъ”, и что „ “ денежнаго жалованья а также свинца и пороху” дается имъ только на 600 человѣкъ, почему пороху достается имъ „ “ по малому числу” — снова просить коллегию, чтобы его Императорское Величество пожаловалъ ить годовымъ денежнымъ жалованьемъ, также свинцомъ и порохомъ: „ “ войсковому атаману, дву есауломъ, одному подъячему, старшинамъ и рядовымъ казакамъ всего на 2850 человѣкъ противъ дачи донскихъ казаковъ; и которыхъ присылаются зимовыя ставицы о годовомъ жалованье и за прїездъ атаману, и есаулу, и подъячему, и рядовымъ казакамъ на указанное число также противъ дачи Донскихъ казаковъ, за вѣрнныя ваши службы и за ивотія отъ неопрѣтельскихъ людей карабаллакъ и киргизъ-казаковъ наимъ чинимыя велакія раззоренія, пожаловать въ Москву изъ которыхъ будеть доходовъ опредѣлено указомъ” ²⁾.

Въ третьей своей челобитной войско налагало самое завѣтное и затаенное свое желаніе, которое все время до сихъ поръ не давало казакамъ покоя. Они просили скова о приверстяніи въ казаки всѣхъ тѣхъ, кто пришелъ на Яикъ позже рокового 1695 года. Теперь уже войско не стѣсняется; оно не изворачивается, не выдумываетъ, какъ Рукавишниковъ въ первой своей челобитной, что Яицкое войско произошло отъ донцовъ. Тогда еще можно было пускать туманъ въ глаза, но теперь тантъ не имѣло смысла,—не сегодня—завтра прїдетъ на Яикъ полковникъ и узваетъ истину. У нихъ доацевъ было самое незначительное количество—войско стало говорить правду.

„ “ Въ прошлыхъ, давнихъ годѣхъ, писало войско,—зашли предѣды и дѣди наши на запольную рѣку Яикъ малыми людьми, которая Яикъ рѣка была во владѣніи басурманскихъ ордъ, и служа поманутые басурманскіе орды отъ Яикъ рѣки отогнала, и объявили Царскому Величеству блаженныя памяти Царю и Великому князю Александру Михайловичу всеса великия и малыя и

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листъ 548. Подъ челобитной подпись „ “ сей челобитной вместо яицкаго атамана Ивана Иванова и всого войска по ихъ волѣнію Алексіевскіе церкви сиященикъ Царь Клементъ руку приложилъ; за челобит. помѣта: „ “ подана 21 фев.”

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 546.

бѣлая Россія Самодержцу; и по тому ихъ довошено пожалованы они тою вышепомянутую рѣкою Яикъ, чтобы на овую рѣку на житѣе набрались всѣми вольными людьми; и послѣ того числа набралась вотчина изъ великороссійскаго, и изъ малороссійскаго народа, такожъ изъ иноземцевъ изъ разныхъ ордъ по нынѣшней 722 годъ 2850 человѣкъ. И набравшись служими мы съ прошедшаго 1681 году, съ Чигиринскаго походу, по вышашей 722 годъ и отправляемъ по указамъ и по нарядамъ во всяка службы, кромѣ зашихъ казачьихъ обыкновенныхъ походовъ за непріятельскими вовскими людьми каракалпаки и киргизъ-казаки, по 1000 и по 1500 и по 600 и по 500 человѣкъ; и на тѣхъ службахъ многие побиты, а живы померли, и въ полонъ взяты; а послѣ ихъ остались двѣти и вищата ехъ и тѣ такожъ служить во всякахъ службахъ вѣроно. А прошедшаго 721 году присланъ къ намъ на Яикъ Вашего Императорскаго Величества указъ съ станичнымъ атаманомъ Иваномъ Степановимъ съ товарищи, въ которомъ написано: бѣглыхъ крестьянъ, и бобилей, и задворныхъ, и дѣловыхъ людей всякихъ чиновъ людемъ, что у кого вынѣ, чьихъ ни есть, прежнимъ влалѣльцамъ по крѣпостямъ, какъ изъ дворцовыхъ волостей, изъ патріаршихъ, и архиерейскихъ, изъ монастырскихъ и церковныхъ селъ и деревень, изъ великороссійскихъ, малороссійскихъ городовъ, изъ казачьихъ городковъ, и изъ посадовъ, и изъ ямскихъ слободъ, вотчинникамъ отдавать по прежнимъ указамъ, какъ о томъ въ Уложенье 1643 году напечатано. И просамъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насть: изъ помянутаго числа изъ 2850 человѣкъ отъ насть съ Яику не высылать на прежнєе жилища за вѣрные ваши службы и заселевіе на рѣкѣ Яикѣ—вотчинѣ, такожъ и за самое малолюдство потому, что вынѣ изъ вышеозначенаго числа по указу опредѣлено на Казанскую границу за Кану рѣку на Черемшу, для охразевія Украины отъ вабѣговъ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ 500 человѣкъ; а у насть на Яикѣ осталось малое число 2350 человѣкъ, чтобы за малолюдствомъ отъ многаго нападенія непріятельскъ людей каракалпаковъ и киргизъ—казаковъ въ ковецъ не разориться и службы не отбыть”¹⁾.

Самымъ интереснымъ въ этой члобитной является, конечно, полное признаніе войска въ томъ, что они выходцы всевозможнѣ губерній Руси, а не „довцы и другіе вольные люди“, какъ говорилъ Рукавишниковъ въ свой первый приездъ въ Петербургъ. Интересно и заявление о томъ, что войско правило подданство не царю Михаилу Федоровичу, а Алексію Михайловичу. Возстановить точно которое изъ этихъ указаний правильнѣе—является невозможнымъ. Во многихъ члобитныхъ видно только одно, что казаки считаютъ свою службу съ 1681 года. И дѣйствительно, послѣ службы подъ Смоленскомъ въ 1683 году, документовъ, подтверждающихъ какую либо новую службу до службы 1681 года, до сихъ поръ найдта не удалось.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 544—546.

На всѣ эти челобитныя Рукавишниковъ не получалъ определенного отвѣта. О зачислении въ казаки всѣхъ прибывшихъ на Яикъ, послѣ 1695 года отвѣтъ получился тотъ же, что и раньше, т. е. ему было отказано впередь до производства перечисли казакамъ, командируемыхъ на Яикъ полковникомъ. Тоже самое поду-чилось съ просьбою войска обѣ складномъ жалованья: его оставили въ прежнемъ размѣрѣ впередь до перечисли казаковъ.

Но послѣ того, какъ былъ назначенъ на Яикъ въ предыдущемъ году полковникъ Ергольский, дѣла нѣсколько осложнились.

Вскорѣ послѣ назначенія Ергольского, 24 мая 1721 состоялось въ сенатѣ постановленіе, чтобы Ергольскому быть по прежнему въ юстицѣ-коллегіи совѣтникомъ, какъ онъ былъ и ранѣе. Но на это Военная Коллегія 2 июня снова велѣла ему быть для списка на Яикъ, а если выѣсто него вуженъ въ юстицѣ-коллегіи кто другой, то обѣ томъ требовать изъ сената повелительного указа. По указу же сената, послѣдовавшему 15 июня того же года, ему снова велѣло быть у дѣла въ юстицѣ-коллегіи „для того, что опредѣленъ былъ онъ въ дѣлань въ сенатѣ назначимъ Его Императорскаго Величества указомъ 1719 г. апрѣля въ 8 днѣ въ Москву въ надворный судъ, за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственныхъ рукъ.“ А на Яикъ послать кого другого по усмотрѣнію Военной Коллегіи. Коллегія согласно этого указа постановила 17 октября того же 1721 г. послать на Яикъ полковника Болтина¹⁾.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о посыпкѣ за Яикъ штабъ-офицера для розыска, когда прибылъ Рукавишниковъ въ Москву.

Дѣло по донесу Карташева не двигалось съ мѣста. Рукавишниковъ и его товарищи, не смотря на его доносъ, находились на свободѣ. Но въ концѣ февраля дѣло измѣнилось. Партия Матвѣя Миронова и, какъ говорилъ Карташевъ, „старинныхъ казаковъ“ не теряла надежды восстановить свою власть и скрытно боролась съ войскомъ. Выступать явно они не могли. Они дѣлали все, чтобы сообщить Карташеву больше данныхъ для обвиненія въ преступле-ніяхъ лицъ враждебной имъ партии, особенно Рукавишникова. Они тайно съ-радили въ Петербургъ къ Карташеву казака Иоана Никифорова, который въ-прѣѣзжалъ въ Петербургъ въ концѣ февраля.

Никифорову удалось проникнуть къ Карташеву и онъ сообщилъ ему все, что совершилось на Яикѣ послѣ отѣза изъ Яицкаго городка Кустова и Карташева, но самымъ важнымъ его сообщеніемъ было извѣстіе о казаки старши-ни Мордвинкина.

Узнавъ обѣ этомъ, Карташевъ немедленно-же, 20 февраля (а потомъ и 5 марта) подалъ членобитную о взятіи подъ стражу Рукавишникова и его това-рищей и подвергнутъ ихъ розыску. Вызаненій въ Военную Коллегію обѣ перечислили какъ измѣнниковъ человѣкъ съ тридцать казаковъ, въ томъ числѣ атамана Щербакова и Рукавишникова и доказъ, что прѣѣзжалъ къ нему съ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло прав. сената по воен. кол. кн. № 9/20, листъ 474.

Якъ казакъ Никифоровъ и сказывалъ ему: „атаманъ Щербаковъ и ихъ партии казаки, по совѣту своему разстрѣляли до смерти на Якѣ казаковъ Ивана Елашѣва и Афонасія Назарова за то, что они въ вышесказанномъ возмущеніи въ воспрещали, а другіе, которые въ тотъ ихъ злой совѣтѣ не пошли, держатся подъ карауломъ перекованы, а именно: бывшій атаманъ Матвѣй Мироновъ, да казаки Федоръ Пимоновъ (Алентинъ), Матвѣй Ермолаевъ и другіе многие содержались же, а иные на порукахъ; а въ вынѣшнемъ 1722 году, тотъ же атаманъ Щербаковъ съ своими единомышленниками по заговору Рукавишниковъ, казнилъ первостатейного и заслуженного старшину Василія Иванова Мордвинкина беззакно, понеже онъ, Василій, иного имъ, ворамъ, претѣль, — что они казнить беззакно и оковавъ держать старшинъ, конъ имена значатся въ дѣлѣ, а вынѣ (11 мая) Рукавишниковъ въ Москвѣ, да есауль Иванъ Карповъ, кой былъ при бытности атамана Щербакова, заправливаль ружье и отдавалъ татарину разстрѣливать поманутыхъ доносителей, старшину Василія Иванова, — а за винъ, Васильемъ, я никакой войску вины не знаю”.

Когда-же въ Военной Коллегіи спросили Карташева по поводу прихода къ нему въ тюрьму казака Ивана Никифорова, зачѣмъ прѣѣхалъ послѣдній въ Москву и почему Карташевъ не удержалъ его и не объявилъ въ Военной Коллегіи, онь отвѣтилъ, что Иванъ Никифоровъ, какъ сказывалъ ему, прїѣхалъ въ Москву за другими дѣлами, а болѣе для того, чтобы о томъ (о казни на Якѣ казаковъ Назарова и Мордвинкина) гдѣ надлежитъ объявить, а самъ де онъ доносить не смытъ и что онъ хотѣлъ было удержать Никифорова для объявленія въ Военной Коллегіи и сказалъ бывшему тогда караульному сержанту (по имени и какого полку — не знаетъ), чтобы онъ доложить объ Никифоровѣ, но сержантъ отвѣтилъ, что въ Военной Коллегіи никого не было”¹⁾.

Рукавишниковъ, узнавши объ этомъ доносѣ, въ свою очередь подалъ челобитныи на Карташева: одну 23, а другую 26 февраля²⁾.

Первая челобитная неизвѣстна, т. к. Курильныи она не была надпечатана. Вторая же челобитная, какъ болѣе интересная, Курильныи приведена полностю. Это та челобитная, въ которой Рукавишниковъ говорить о представлениіи его къ царю Петру.

„Въ Государственную Военную Коллегію казака Федора Рукавишникова доношае”. — Такъ начиналась эта челобитная.

„Въ прошлыхъ 719 и въ 720 и въ 721 годахъ выбрали мы, нижайше, троє человѣкъ отъ всего Яцкаго войска и дали намъ, рабамъ твоимъ, въ выборъ за своями воинскими руками (заручную), по которой мы, нижайше, въ вышепомянутыхъ годѣхъ бали чоломъ Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургъ и подали доношевіе и челобитную въ Правительствующій Сенатъ”.

¹⁾ „Урал. Войск. Вѣд.” 1869 года № 45. Курильныи Мат. къ Ист. Ур. войска. Курильныи говорить между прочими, что Карташевъ просилъ взять для розыска станичнаго атамана Витошнова и есаула Конурова, но этого не могло быть, т. к. эта станица прибыла въ Петербургъ только въ концѣ мая.

²⁾ Тамъ-же.

на вора и измѣника Яицкаго казака Ивана Карташева и на отца его крестнаго Матвѣя Миронова и за присланныхъ по его, Карташеву, ложному доношению изъ Казани къ намъ, рабамъ твоимъ, на Яикъ съ розыскомъ на офицеровъ во многихъ разореніяхъ и во взяткахъ, чтобы насть, рабовъ твоихъ, съ оными доношениемъ и съ отцемъ его крестнымъ Матвѣемъ Мироновымъ и съ присланными офицерами во взяткахъ повелѣль-бы Императорское Величество послать для подлинного розыска къ намъ, вижайшамъ, на Яикъ отъ своей пресвѣтлныи державы изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ работъ своихъ, кромѣ казанскихъ офицеровъ, розыскать.

А въ прошломъ 721 году по имѣнному Его Императорскаго Величества указу взяты мы, *нижайшиe, предъ Ею Величество и распрашиваемы въ вышепомянутыхъ егъ разореніяхъ и обидахъ*¹⁾.

Далѣе Рукавишниковъ излагаетъ уже извѣстное намъ представление его Царю Петру и его разговоръ съ нимъ и о пожалованіи ему и всей его станицѣ сабель.

И сего 722 г., — говорилось далѣе въ членобитной, — по имѣнному Его Императорскаго Величества указу, а по членобитью настъ, вижайшихъ, въ Государственной Военной Коллегіи, отправленъ къ намъ, вижайшимъ, на Яикъ гонконднъ полковникъ Иванъ Васильевъ сынъ Болтинъ для вышеноизначенаго розыска. А иныи оный воръ измѣникъ, доноситель Карташевъ, умыслия своимъ злымъ вымысломъ, подаль на меня, вижайшаго, и при и мой за всю станицу въ Государственную Военную Коллегію ложное доношение, будто я, рабъ вашъ, возмутитель всего Яицкаго войска и возмущаю ихъ казаковъ будто на злое дѣло и въ томъ онъ, воръ и измѣникъ доноситель Карташевъ, оклеветалъ меня вижайшаго во всемъ напрасно, хотя прежнія свои доношениа прикрыть, позеже онъ, Карташевъ, и въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ по розыскному дѣлу на насть вижайшихъ вины ни какія не сыскалъ.

Того ради у превеликой Государственной Военной Коллегіи всепокорѣйше просимъ, дабы настъ вижайшамъ своимъ милостивымъ Императорскаго Величества указомъ отъ поизнутаго вора и измѣника доносителя Карташева охранять и запредь ложнымъ его доношениемъ до подлиннаго розыску не вѣрить²⁾.

Но Военная Коллегія все еще не рѣшалась предпринять что либо по этимъ доносамъ. Розыска не производилось. Вѣроатно было рѣшено, что этотъ розыскъ произведеть, будучи на Яикѣ, полковникъ Болтинъ.

20 марта состоялся указъ Военной Коллегіи о выдачѣ жалованья войску и денегъ *за выходъ* зимовой станицѣ Рукавишникова:

Атаману Федору Махайлову и казакамъ 20 человѣкамъ, которые прибыли съ Яикъ въ Москву для прошения на всѣ ихъ Яицкое войско окладнаго жалованья и пороху и свинцу оное жалованье на 722 годъ выдать имъ изъ Штатъ-коаторы противъ прежнаго, какъ изъ Казанской губерніи напредъ сего давалось, а именно: 953 рубли 8 алтынъ 2 девяги, да за выходъ овой зимовой

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

ставщицы, противъ оной же прежней казанской дачи, кормовыхъ и за сукна 103 рубля, 3 алтына, 1 деньга; итого 1056 рублей 11 алтынъ 3 деньги и о томъ въ тое Штатсь-контру послать промеморію¹⁾).

Но это жалованье войску не суждено было получить вскорѣ, — оно было получено уже осенью, т. к. дѣла по розыску пришли для ставичниковъ совершенно нежелательный и непріятный для нихъ оборотъ.

Въ то время, когда происходила эта бумажная золотита и когда Рукавишниковъ хлопоталъ по дѣламъ войска, на Линѣ въ февралѣ иѣсацѣ совершились события, подорвавшія въ конецъ благосостояніе войска и имѣвшія для него роковые послѣдствія. Совершенно неожиданно для войска изъ стели налетѣли киргизы и каракалпаки и отогнали почти весь конскій табунъ, безъ остатка²⁾ и угнали въ степь. Казакамъ не на чёмъ даже было ихъ преслѣдовывать, почти все войско осталось пѣше³⁾.

Вскорѣ послѣ этого въ городкѣ случился пожаръ. Мы уже знаемъ, что куреня ютились, прижавшись почти вплотную другъ къ другу, въ сравнительно небольшомъ пространствѣ городка, занимавшаго тогда собою иѣсто нынѣшніхъ Куреней, при чёмъ городской валъ проходилъ тамъ, гдѣ теперь находится Петро-Павловская церковь. Улицы были узки: по самымъ широкамъ изъ нихъ едва могли разѣбѣться двѣ телѣги, а остальная представляла язъ себѣ привычные переулки, шириной не болѣе 3—4 аршинъ. При такомъ расположениіи построекъ всыхнувшій пожаръ сталъ быстро переходить съ одного куреня на другой и въ самое короткое время городокъ представилъ изъ себя одно сплошное море огня.

Отстоять его казаки не могли, — городокъ выгорѣлъ весь, сгорѣли всѣ три церкви и войсковая изба. Остались цѣлыми во всемъ городокъ всего лишь вѣсколько куреней, находившихся позади первоначально загорѣвшагося дома, куда бывшій въ это время сильный вѣтеръ не донесъ ни одной искры⁴⁾.

Казаки вырыли наскоро замѣлки, гдѣ временно и пріютились со своими семьями. Положеніе ихъ было безвыходное, не было даже хлѣба, — весь запасъ его сгорѣлъ. Въ войсѣ открылась „хлѣбная голодовка“, отъ которой съ раннею весною многія казачьи семьи, оставшіяся безъ мужей и отцовъ, ушедшія на службу на Черемшу, а также погибшихъ въ Хевѣ, вынуждены были уѣхать съ Линка на пропитаніе въ Русь⁵⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Штаба, опись I, книга 229, листъ 281.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло правит. сената, по воен. колл. № 24 листы 510—511. Экстрактъ о сѣдѣтѣ Захарова. Показаніе бывшаго атамана Герасима Погодова.

³⁾ Это тѣльский пожаръ 1722 г., обратившій Линскій городокъ на беспѣль, который Линскій и за тѣльский другіе писатели привыкаютъ счищать казаками, съ цѣлымъ уйти за море въ киргизскую степь.

⁴⁾ Объ этомъ часто упоминаются въ дѣлѣ Уральск. Войск. Архива III разр. 1736—1800 годовъ, — такъ напримѣръ, по поводу привиски Самарскими магистратами въ 1750 г. казака Григорія Мусатова съ сыномъ для платежа подушного оклада войско отѣтило, что „Мусатовъ линскій настоѧщій природный казакъ и отецъ его Мусатовъ былъ природный казакъ, у которого и братъ родной нынѣ при войсѣ въ старшинахъ Филиппъ Мусатовъ, и въ прошломъ 1722 г. съ Линка послѣ, пожарного времени, и съ сыномъ ссыпаны отъ хлѣбной голодовки въ городъ Самару“. (Ур. Войск. Арх. дѣло III разр. 1736—1800 г.г. Но тракт. указ. № 11, кн. 3, листъ 351.) Такихъ указаний въ дѣлѣ архива по этой описи очень много.

Тотчасъ-же послѣ пожара въ войско пріѣхалъ изъ Москвы изъ Военной Коллегии прaporщикъ Савостяновъ и привезъ грамоту о нарядѣ тысячи яицкихъ казаковъ въ Астрахань для предполагавшагося тогда похода въ Персію.

Выслушавъ грамоту, казаки заволновались. Войско не было въ состояніи снарадить такое число казаковъ. Оно было разорено, не было провіанта, снаряженія, не было даже пороха и свинца, котораго нынѣ нехватало, т. к. выдавалось только на 600 человѣкъ. Не было знаменъ, т. к. полученныхъ въ прошломъ году три знамени были отданы станицѣ, отправленной за казанскую границу. Казѣ бросить семьи на произволъ судьбы безъ хлѣба, безъ жилищѣ? Нужно было сбстроиться, сдѣлать заасы хлѣба, исправить и завести горѣвшее снаряженіе, оставить хоть что нибудь для пропитанія семей во время похода.

Но Москва не знала. Ей нужно было тысячу казаковъ для предстоящаго похода въ Персію и ей не было никакого дѣла до того, въ состояніи-ли войско дать имъ подъемные на снараженіе и имѣть-ли оно для этого средства.

Послѣ прочтевія грамоты раздались крики:

„Намъ подняться нечѣмъ! — Нилюшадей, ни провіанта нѣтъ!“

„Не можемъ идти въ походъ, пока отъ посланныхъ отъ войска съ челобитъемъ въ Москву отпоеѣдь не будеть“! ¹⁾)

Войско окончательно заявило посланному, что они въ походѣ выступить не могутъ.

Съ отправляющимися обратно прaporщикомъ они послали отъ себя нѣсколько человѣкъ казаковъ съ отпискою, проса отмѣнѣ наряда по случаю „пожарного разоренія“ и о дачѣ свинца, пороха и знаменъ для похода. Кто былъ посланъ съ этой станицею — неизвѣстно ²⁾.

Изъ дешедшихъ до此刻 расходныхъ листковъ денегъ изъ войсковыхъ нуждъ за этотъ годъ видно, что пожаръ этимъ не ограничился и что послѣ первого большого пожара случился второй пожаръ: вѣроятно, горѣла и оставшаяся уцѣлѣвшая часть городка. Дать знать о случившемся былъ отправленъ въ Астрахань казакъ Андрей Жигетинъ ³⁾). Но когда случился этотъ пожаръ — весной вслѣдъ за первымъ или позже — неизвѣстно.

Въ Астрахани, узнавъ о пожарѣ въ обѣ отказѣ войска ввиду „пожарного разоренія“ вдти на службу, послали на Янкъ унтер-офицера гвардіи Степана Китаева, поручивъ ему убѣдиться — дѣйствительно ли городокъ выгорѣлъ и могутъ ли казаки выступить въ походъ ⁴⁾). Что нашелъ Китаевъ, будучи на Янкѣ, неизвѣстно, его донесеніе обѣ этомъ до насъ не дошло.

О бывшемъ пожарѣ прислалъ справиться своихъ пословъ также и Аказ-

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Шт. опись, 47, кн. 129/132, дѣло № 2, листы въ дѣлѣ не нумерованы.

²⁾ Рукавишниковъ получилъ это сообщеніе въ началѣ апрѣля.

³⁾ Моск. Арх. Глаз. Шт., опись 107, листъ 88, листъ 248. Расходный листъ за 1722 г.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. дѣло Сената по воен. колл. № 200 листъ 511. Экстрактъ изъ съдебнаго Запорова. Показ. атамана Погодина.

ханъ. Ихъ по обычаю привали съ честью и дали подарки. На это было истрачено войскомъ 4 рубла—куплены 2 пары сапогъ¹⁾.

Въ довершение всѣхъ бѣдъ киргизы вновь стали дѣлать безпрерывные набѣги то на яицкихъ казаковъ, то на калмыкъ, то на русскія приволжскія села.

Надѣтвѣть опять подъ казачій городокъ, они захватили извѣстаго уже намъ торговаго казака *Ивана Лобика* и стали быстро удаляться въ степь. Войско снарядило станицу съ походными атаманомъ *Иваномъ Щелкинымъ*, который и пошелъ вслѣдъ за ними. О дѣлахъ этой станицы дошло до насъ самое незначительное свѣдѣніе въ войсковой членобитной отъ 1749 г., гдѣ войско, перечисляя службы старшини *Семена Землянушнова*, говорить, что онъ былъ командированъ въ 1722 г. „за кайсаками при атаманѣ Иванѣ Щелкинѣ за увезенныи отъ Яицкаго войска казакомъ Иваномъ Лобиковимъ, коихъ настѣгла при урочищѣ *Илека-рѣки*. Нѣсколько побила, а прочихъ въ пленъ побрали, а показаннаго казака Лобикова чрезъ свои добрые и храбрые поступки изъ того плену свободили и по прежнему обратно возвратили“²⁾.

Объ этомъ же дѣлѣ говорится и въ другой членобитной войска въ 1753 г. о службѣ есаула *Максима Селиверстова*, что онъ былъ въ 1722 г. при томъ же атаманѣ „за воровскими киргизъ-кайсаками гдѣ выехъ вѣсколько на смерть побила а прочие въ пленъ взяты“³⁾.

Это единственная сѣдѣнія, дошедшія до насъ обѣ походѣ Щелкина за киргизами. Сколько было съ ними казаковъ, много ли было взято киргизъ въ пленъ—неизвѣстно.

Но это, вѣроятно, была не единственная стычка съ киргизами; какъ увидимъ далѣе, войско представляетъ плѣнныхъ все лѣто, но сѣдѣній, когда и при какихъ дѣлахъ они были взяты, не видаются. Но, захватывая въ пленъ киргизъ, казаки теряли и своихъ товарищѣй. Одинъ изъ нихъ *Vасилій Ходихинъ* былъ захваченъ недалеко отъ городка на рѣкѣ *Некъ* при рубахъ лѣса. Киргизы продали его въ *Хазу*, гдѣ онъ пробылъ двадцать лѣтъ и прибылъ обратно лишь въ 1742 г.⁴⁾.

Неспокойно было и у калмыкъ. Киргизы дѣлали набѣги и на нихъ.

Калмыки не оставались въ долгу и истекли киргизамъ тѣмъ-же.

Одинъ изъ крупныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ *Доржса Назарова* въ марта мѣсяца напалъ на киргизъ и разбилъ одну изъ ихъ большихъ партій. Поводомъ для этого послужилъ грабежъ киргизами калмыцкаго каравана,ѣхавшаго въ *Хину* еще осенью 1721 года.

Въ это время въ Туркменской ордѣ, кочевавшей у урочища *Каракума*, были смуты. Недовольные своимъ правителемъ *Акымъ-Куземъ* туркменцы взбунтовались,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, съюзка 38, листъ 248.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 67, листы 215—217.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 95, листы 94 и 95.

⁴⁾ Тамъ же, опись 107, кн. 38, листъ 86. Членобит. каз. Ходихина въ 1742 г.

убили его и выбрали себѣ другого хана. Тогда дѣти Акнинъ-Куза съ нѣкоторыми знатными людьми, всего восемь человѣкъ, поѣхали за помощью къ киргизскому владѣльцу Берь-солтману, который рѣшился помочь имъ. Собравъ отрядъ въ 500 человѣкъ, онъ двинулся на туркменъ, но у рѣчки Самма, не доходя до нихъ, встрѣтилъ Ѳхавшахъ въ Хиву съ товарами калмыкъ владѣльца Назарова. Калмыкъ было очень мало, вступать въ бой они не могли, и потому киргизы безъ боя захватили весь торговый караванъ, калмыки же успѣли спастись бѣгствомъ.

Захвативъ караванъ, Берь-солтманъ двинулся дальше, перешелъ рѣчку Самму и на третій день подошелъ къ рѣчкѣ Маначи. Здѣсь киргизамъ встрѣтился другой калмыцкій караванъ съ товарами, но уже Ѳхавшай изъ Хивы. Прі караванѣ было триста человѣкъ калмыковъ.

Киргизы бросились на грабежъ. Несмотря на свое мезьшинство, калмыки вступили въ бой, но, не имѣя возможности отстоять каравана, вынуждены были уступить его киргизамъ, а сами отошли въ степь. Въ стычкѣ былъ убитъ одинъ калмыкъ и два киргиза.

Въ это время разбитые за р. Саммъ первые калмыки успѣли доснакать до улусовъ Доржи Назарова и сообщить ему о случившемся. Назаровъ послалъ за выручку мурузу Добжсу, который со всѣми своими улусными людьми быстро двинулся на киргизъ. Между тѣмъ киргизы, захвативъ послѣдній караванъ, рѣшили возвратиться въ свои улусы и поѣхали обратно за р. Самму, но тутъ ихъ подждалъ Добжка со своими калмыками. Калмыки налетѣли на киргизъ, всего менѣе ожидавшихъ подобного нападенія. Киргизы были разбиты, 150 человѣкъ изъ нихъ было убито и 30 человѣкъ взято въ плѣнъ¹⁾.

Но киргизы не оставили въ покое калмыкъ. Съ раннею весною 1722 года они три раза налетали на калмыцкіе улусы, но каждый разъ были разбиваены и уходили въ степь со страшнымъ урономъ.

Въ это же время выѣхавшая изъ Яицкаго городка въ степь за солью станница была окружена шайкой киргизъ. Казаки сѣли въ осаду. Много дней отбивались казаки отъ враговъ, три дня уже они были безъ воды и плохо бы, вѣроятно, пришлось казакамъ, если бы въ это время не выручили ихъ калмыки владѣльца Доржи Назарова. Они Ѳхазли въ степь за киргизской шайкой и по дорогѣ увидѣли сидѣвшихъ въ осадѣ яицкихъ казаковъ. Калмыки бросились на киргизъ, разбили ихъ и прогнали и такимъ образомъ освободили казаковъ отъ неминуемой бѣды²⁾.

Доржа Назаровъ, въ виду глубокой старости Аюки-хана, считался тогда кандидатомъ на ханскій престолъ и дѣлалъ все, чтобы быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. 9 апрѣля онъ послалъ изъ Саратова

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Калмыцкій дѣлъ, картонъ 89, сказка 1722 г. № 11. Допросная рѣчь плен. кир. 10 мая 1722 г. въ Воен. Кол. и письма Доржи Назарова царю Петру отъ 7 мая 1722 г.

²⁾ Такъ-же.

своихъ посланцевъ съ четырьмя пѣхѣзными киргизами въ Петербургъ съ письмомъ къ царю Петру, которое было доставлено ему 7 мая.

Въ этомъ длинномъ письмѣ овъ, между прочимъ, писалъ:

„А я Доржа здѣсь по милосердію Вашему питаясь Яицкою водою и здравствую со всѣми моими улусниками... Башкирцы, каракалпаки, киргизы, хивинцы отъ меня не въ дальнемъ разстояніи кочуютъ, а я здѣсь при самой границѣ съ улусниками моими кочую и по указу Вашего Величества ъездилъ я на башкирцевъ и разбилъ ихъ, а когда казаки Яицкіе ъздили по соль тогда ихъ осадили каракалпаки, гдѣ они въ осадѣ сидѣли три дни безъ воды, а я въ выручилъ; и служу Вамъ Великому Государю вѣрою.

Ещѣ каракалпаки трижды войною во многочисленномъ войскѣ здѣсь мои улусы пріѣзжали, но по счастію Вашего Величества я ихъ побѣдалъ и многихъ отъ нихъ побѣль, въ чёмъ помогъ мнѣ Богъ, которому Вы и я молюсь и надѣючись за него я здѣсь при границѣ Вашего Величества кочую и разѣзжаю...

На туркменцевъ я войною ъездилъ и побѣдилъ ихъ, да половину изъ тѣхъ туркменскихъ народовъ пригналъ къ себѣ въ улусы и учинилъ ихъ себѣ подданными.

А которые съ княземъ Александромъ Бековичемъ въ Хиву ъздили и тѣхъ выручаю а именно: выручилъ Преображенского полку солдата князь Микиту Яковлевича Вяземскаго и далъ за него 55 рублей, такожъ и у каракалпаковъ и въ другихъ ордахъ, обретающихся вашихъ людей въ полону, я выручу астраханскихъ въ Астрахань яицкихъ на Никъ донскихъ на Донъ отправляю; а иныхъ подводы и провозжатныя и платье имъ даю, ибо они наги выходить и уже 30 человѣкъ выручилъ и отправилъ”¹⁾.

Станица, отправленная съ Ника съ вѣстями о пожарѣ въ городкѣ и съ просьбою дать жалованья, свинецъ и порохъ казакамъ, которые должны быть командированы въ Астрахань, прибыла въ Москву въ срединѣ апрѣля.

Здѣсь Рукавишниковъ, узнавъ о пожарѣ и объ нарядѣ казаковъ на Тerekѣ, посадъ 17 апрѣля челобитную, въ которой, излагая о получении въ прошломъ году войскомъ „для военного промыслу трехъ пушекъ“ и пороха, адеръ и сваца, а также въ трехъ знаменъ, говорить, что дѣй пушки при учевыи разорвало, а знамена отдава въ походъ войску 500 человѣкъ для службы на рѣкѣ Черемшѣ „для обережи тамошней Украины отъ набѣговъ возискіхъ людей каракалпаковъ и киргизъ-кайсановъ“, а потому онъ, Рукавишниковъ, приславъ отъ войска бить человекъ въ Москву обѣ окладномъ жалованья и обѣ пушки и свацъ и порохъ.

„А вынѣ,— писалъ Рукавишниковъ далѣе въ своей челобитной,— состоялся Его Императорскаго Величества виаквой указъ, по которому велико намъ отправить отъ себя въ службу въ Астрахань 1000 человѣкъ и овому походному войску садобзо для военного промыслу въ пути свинецъ и порохъ, а ради походного правленія флагъ большої, бунчука, а на курени для обережи

1) Такъ-же.

воинскихъ людей за наше малолюдство пушки и ядра, свинецъ и порохъ и того ради дабы повелено было выдать для помянутого извозаго походу сверхъ окладной дачи свинцу и пороху флагъ и барабаны на 1000 человѣкъ а за куреви для охраненія воинскихъ людей пушекъ и ядеръ, свинцу и пороху, а подъ жалованье и подъ часъ отъ Москвы до Самары вмѣсто подводъ стругъ со всѣми припасы и проговные деньги противъ прежней дачи...

Ибо нынѣ на Яикѣ пушки и припасовъ и ядеръ, пороху и свинцу имѣютъ малое число и за непостроеніемъ отъ пожара себѣ крѣпости и для того, что Его Императорскаго Величества въ окладное жалованье пушки и припасовъ пороху и свинцу четыре года не получали и имѣютъ въ ономъ крайнемъ скудость о поступкахъ противъ вепріателя¹⁾.

На эту чалобитную послѣдовала резолюція только 17 мая. На поляхъ чалобитной подъ этиль числомъ рукою оберъ-секретаря Военной Коллегіи *Волкова* сдѣлана надпись: „О пушкахъ указъ учиненъ будетъ впредъ а порохъ и свинецъ дается имъ въ вынѣшнемъ походѣ“²⁾.

Такимъ образомъ казаки снова оставались неудовлетворенными, безъ свинца и пороха, между тѣмъ стычки съ каргизами происходили безпрерывно. Не освободили ихъ и отъ тяжелаго наряда ввиду пожара, бывшаго въ городкѣ. Нарадъ тысячи человѣкъ нужно было выполнить.

Между тѣмъ наступалъ конецъ марта, въ поляхъ зазелѣла трава и пора было уже выступить походному войску въ Астрахань. Какъ быть? Не посыпать наряда опасно, посыпать трудно и почти невозможно. Разоренные по-жаромъ казаки не были въ силахъ дать должную вземку выступающимъ на службу.

Къ этому присоединились еще и внутреннія смуты. Партия Миронова дѣ-лала все возможное, чтобы выручить Карташева и очертить Рукавишникова. Самъ Мироновъ до сихъ поръ все еще находился подъ карауломъ и былъ закованъ въ цѣпі.

Въ это время въ казачій городокъ прибылъ казанскаго гарнизона маюра *Дмитрий Пѣтровъ* и Бутырскаго полка сержантъ *Иванъ Калугинъ*. Прибыли они на Яикъ для привода казаковъ къ присягѣ, но по какому случаю была присяга — неизвѣстно.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, партия Миронова стала дѣйствовать сильнѣ. Отъ нихъ лица выступили уже извѣстныи началь казакъ *Федоръ Ревка* (онъ же *Ревкоевъ*). На него еще при розыскѣ Кроткова показывали Карташевъ, какъ на казака вѣрнаго и благовадежнаго.

Ревка въ присутствіе маюра Пѣтрова и сержанта Калугина вошелъ 30 марта въ станичную избу и сказалъ за собою „императорскаго величества слово и дѣло.“

Войсковой атаманъ Щербаковъ вынужденъ былъ взять его подъ караулъ. Унять этого было нельзя, — это видѣли и слышали постороннія войску лица.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись I, книга 229, листы 283—284.

²⁾ Тамъ-же.

Ревку посадили подъ карауль и надѣли цѣпи, но отправить его въ военную коллегію не рѣшились, видимо, не зная, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

Рѣшили послать станицу съ просьбою объ отмѣнѣ наряда въ Астрахань ввиду „пожарного разоренія“.

Для этой цѣли въ первые же дни апрѣля войско снарядило легкую станицу въ числѣ 13 человѣкъ съ атаманомъ Иоганномъ Витошновымъ и есауломъ Петромъ Кочеровскимъ и отправило ихъ въ Москву. Со станицею отправило и пѣнзаго киргиза „владѣнія Давлета, киргизского хана“, Пасема Козюмбетова¹⁾. Станичники прибыли въ Москву въ концѣ апрѣля и 1 мая было приказано имъ выдать за прѣвадъ, за проговы и корицовыхъ 547 р. 1 алт. 5 денегъ, „противъ легкихъ станцъ донскихъ казаковъ“²⁾.

Съ прѣвадомъ станицы Ивана Витошнова борьба между Рукавишниковымъ и Карташевымъ приняла самый непримиримый и озлобленный характеръ. Не имѣя до сихъ поръ успѣха въ своихъ намѣреніяхъ о взятіи подъ карауль Рукавишникова и его товарищей, онъ, какъ только узналъ о прибытіи атамана Витошнова, немедленно-же возобновилъ свои доносы и требования о розыскѣ и взятіи подъ стражу Рукавишникова.

11 мая онъ подалъ челобитную, въ которой представилъ именную роспись всѣмъ казакамъ, какъ станицы Рукавишникова, такъ и станицы Витошнова, которыхъ и просилъ взять подъ карауль и допросить. Въ тоже время онъ обвинилъ Рукавишникова въ казни уже извѣстныхъ наимъ Елисѣева и другихъ казаковъ, виновныхъ въ измѣнахъ войску³⁾. Въ росписи Карташевъ названъ: станичного атамана Федора Рукавишникова, есаула Ивана Карпова, Алексѣя Котельникова, Петра Кожевникова, Михаила Поликарпова, бѣглого драгуна Андрея Чинареза (войсковой подъячій), недоросла солдатскаго сына Михайлова, а какъ зовутъ — Карташевъ не помнить, Федора Березина, Ивана Васильева Бѣлоусова, Алексѣя Коновалова и Ивана Афавасьевъ. При этомъ доносчикъ потребовалъ всѣхъ бывшихъ въ станицѣ съ Рукавишниковымъ къ допросамъ и ко отвѣтствованію. Изъ другой станицы названы были Карташевы: станичный атаманъ Иванъ Витошновъ, есауль Петъръ Кочеровъ, Тимофѣй Лоскутовъ, Григорій Фроловъ, Григорій Горшковъ, Василій Михайлова, татаринъ Тюлюмбетій, Прохоръ Дурмановъ и Силь Цурмановъ. Въ концѣ именной росписи Карташева, передъ подписью за него, какъ неграмотнаго, добавлено, что „оные свидѣтели вѣдаютъ именно какъ оный Рукавишниковъ возмущалъ Щербакова съ товарище казнить доносителей Ива-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Правл. Сената, кн. 57, листы 137—138. Фамиліи оставльныхъ казаковъ: Тимофѣй Лоскутовъ, Григорій Фроловъ, Григорій Яковлевъ Горшковъ, Тюлюмбет Тысейт, Силь Дурмановъ, Прохоръ Дурмановъ, Василій Михайлова, Иванъ Степановъ, Петъръ Вахромеевъ, Михаилъ Железковъ и Никифоръ Железковъ. Эти-же казаки встречаются и у Курилова и въ другихъ документахъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Правл. Сен. кн. 57, листы 137—138.

³⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869 г. № 48, Курилінъ. Мат. къ Ист. войска.

на Елисѣева, Афанасія Назарова и старшину Василія Иванова" (Мордвинкина, иначе Мордвинцева) ⁴⁾).

Рукавишниковъ въ свою очередь, узнавъ о новомъ доносе Карташева, по-далъ тоже челобитную отъ лица всей своей станицы.

Здѣсь, между прочимъ, онъ говорилъ, что „доносчикъ Карташевъ рѣзъ на насъ подаль (11 мая 1722 г.) доношеніе, въ которомъ показалъ, будто-бы мы съ единомышленниками своими побили довосателей, а именно: Ивана Елисѣева, Афонасія Назарова и Василія Мордвинкина, и въ томъ во всемъ поклепалъ ложныи свойи доношениемъ насъ чижайшихъ напрасно, понеже оныхъ казаковъ казнили по своему казачьему суду всѣмъ войскомъ, какъ судъ надлежить, за вины ихъ, а не мы съ единомышленниками своими: какими винами они были достойны, о томъ атаманъ и старшины и все войско покажутъ при розысѣ на Яицѣ.“ Затѣмъ онъ просилъ о томъ-же, о чёмъ в 26 февраля „попече оный доноситель и по первымъ своимъ доношениемъ на насъ, рабовъ твоихъ, подвумъ розыскамъ вины никакія не оправивъ“ ²⁾.

Этимъ челобитнымъ суждено было пролежать безъ всякого движения почти цѣлый иѣсцъ.

Въ это-же приблизительно время почти одновременно съ Витошевымъ прибылъ въ Москву калинъ Даша Булатовъ, тотъ самый, который ъездилъ на Эйбу виѣстъ съ атаманомъ Балмашновымъ. Его привезъ съ собою Тихменевъ „адъютантъ генераль-маиора и лейбъ-гвардія маиора Дмитрева-Мамонова“, который 3 мая подаль въ военную коллегію доношеніе о дачѣ жалованья Булатову за прїездъ въ Москву, какъ яицкому казаку.

Въ свою очередь подаль доношениe объ этомъ и Булатовъ.

Въ иенъ, говоря о томъ, что онъ въ 1720 году виѣстъ съ женою и дѣтьми и съ нѣкоторыми родственниками выѣхалъ на Яицѣ къ Яицкому войску и что въ 1721 г. проводилъ атамана Балмашнова въ каракалпакскую землю, Булатовъ просилъ выдать ему за эту службу жалованье; какое выдали казакамъ станицы Балмашнова, а также „быть-бы подъ охраненiemъ Его Императорскаго Величества.“

Въ коллегіи навели справку, сколько было выдано ставицъ Балмашнова; въ спискѣ казаковъ, которымъ были выданы дѣльги, Даши Булатова не было.

19 іюня состоялся по этой справкѣ указъ коллегіи:

„Выѣзжему казаку Дашу Булатову быть на Яицѣ въ нашу Императорскую Величества державѣ и служить въ мѣстѣ съ Яицкимъ войскомъ и отъ обидъ ею охранять и по обыкновенiu татаринему принять ею и съ ними будущихъ вступа на присягу, и за службу по вышеписанному нашему Императорскаго Величества именему указу выдать денежнаго жалованья противъ дачи легкой станицы атамана Ивана Балмашнова, рядового казака, которые

⁴⁾ „Пр. В. Вѣд.“ 1869 г. № 48, Курянинъ. Мат. къ Ист. войска.

²⁾ Тамъ-же.

была съ послугою въ прошломъ 1721 году, а именно тридцать три рубля 14·тальянъ 4·ре десети изъ штатъ-конторы¹⁾.

Въ концѣ юла объ этомъ указъ коллегіей была послана грамота на Яикъ: „Войсковому атаману Ивану Щербакову и всему войску Яицкому“, гдѣ излагалось все то, о чёмъ просилъ Булатовъ.

Въ концѣ грамоты говорилось: „И какъ сія наша Императорскаго Величества грамота вами получена будетъ и вы-ѣсть войсковой атаманъ и все войско Яицкое вышеписанное учинили по сей, вашей, Императорскаго Величества грамотѣ непремѣнно“²⁾.

Такимъ образомъ въ Яицкомъ войскѣ, до сихъ поръ состоявшемъ только изъ русскихъ и незначительного количества татаръ (стараныхъ жителей Яика), было причислено вѣсколько семей калмыковъ, которые и стали служить съ казаками наравнѣ, пользуясь, какъ и они, всѣми предоставленными войску льготами³⁾.

Между тѣмъ по донесу Карташева и по челобитью Рукавишникова и его товарищей въ іюнь состоялось постановление Военной Коллегіи произвести розыскъ, который и начался въ коллегіи въ первыхъ числахъ іюня. Самаго розыска, къ сожалѣнію, не имѣется. Изъ дѣла-же, бывшаго у Курелева, имъ начечатаны лишь немногіе отвѣты казаковъ.

„Вопросы эти заключались въ слѣдующемъ,—пишетъ Курилинъ—кромѣ вопросовъ, какъ зовутъ, сколько отъ роду єть, гдѣ родился и проч.

- 1) Зваетъ-ли казака Карташева?
- 2) За что приговоренъ былъ Карташевъ къ казни по возвращеніи на Яикъ изъ похода съ графомъ Апраксинымъ?
- 3) Хотѣлъ-ли бывшій атаманъ Григорій Меркульевъ бунтовать, и подсудимый или кто другой былъ-ли съ Меркульевымъ, и когда хотѣли идти за другую воду?
- 4) Называлъ-ли Рукавишниковъ поручека Кроткова чертомъ и мошенникомъ, и требовалъ-ли кандалы сковать съ солдатами?
- 5) Для чего не хотѣли слушать указовъ изъ Астрахани и не пустили маюра Воейкова на Яикъ?
- 6) Говорилъ-ли Рукавишниковъ въ прругу, и для чего, пойдетъ быть членомъ Государю, чтобы розыску не быть и что Государь не промѣняетъ его на лучшаго генерала?
- 7) Выходила-ли казаки на встречу Воейкову съ ружьями, пиками и буничками, какъ противъ вепріятеля, и былъ-ли допрашиваемый въ числѣ ихъ?
- 8) За что казненъ былъ атаманомъ Щербаковымъ безъ указу довоситель

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 1, съз. 229, листъ 134. Грамота къ Яицк. войску отъ 1722 г. имена 28.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ О приворстаніи калмыковъ къ казакамъ имѣются кромѣ того указания въ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 22, листъ 289 въ книжѣ переписи Захарова.

казакъ Иванъ Елисѣевъ, сказавшій за собою слово, и былъ ли допрашиваемыи въ этомъ согласії?

9) Гдѣ находится дѣло по доносу Елисѣева, запечатанное въ Казани въ пакетъ, и для чего не отвезено оно въ Астрахань?

10) Не было ли надъ Рукавишниковымъ розыску, когда и за что онъ былъ сосланъ въ каторгу и по какому указу освобожден? Другіе вопросные пункты, уже памъ известныи, которые были предложены Меркульеву и прочимъ въ Казани еще въ 1718 году, по доносу Карташева на него съ соѣтниками, касались дѣйствій Меркульева.

На вопросъ о мѣстѣ родини, Рукавишниковъ (45 лѣтъ отъ рода) отвѣчалъ, что родился онъ въ Москвѣ, отецъ его былъ конюхомъ въ домѣ патріарха, а онъ остался послѣ отца въ малолѣтствѣ въ пришель на Яикъ назадъ тому 19 лѣтъ; въ казаки приверсталъ назадъ тому 17 лѣтъ; казака Карташева не зналъ потому, что онъ ходилъ по службамъ рядовыми казаками, а слышалъ объ этомъ отъ войска: въ кругу на приговорѣ Карташева къ казни не былъ, а слышалъ объ этомъ отъ казаковъ, такъ какъ о томъ неслася у нихъ молва; противъ Меркульева ничего объ измѣнѣ не знаетъ и искать другой воды умыслу въ войсковомъ кругу не бывало и ни отъ кого ничего не слыхалъ; поручика Кустова чертомъ и мошенникомъ не называлъ, желѣзовъ не прашивалъ и ковать его съ солдатами не веливалъ; во времена пріѣзда маиора Воейкова на Яикъ былъ въ Петербургѣ съ челобитьемъ отъ войска и ничего про то не знаетъ; въ кругу, что подѣлѣть быть человѣкъ въ Государю и что Государь не проѣнаетъ его на лучшаго генерала, не говоривалъ; о казни донощикаЕлисѣева слышалъ только по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга, а за что была казнь—вѣдѣтъ атаманъ Щербаковъ и все войско; гдѣ запечатанное въ Казани дѣло, по доносу Елисѣева и зачѣмъ не отвезено оно въ Астрахань—объ этомъ ничего не знаетъ, потому что былъ въ то время въ Петербургѣ; никакого розыску надъ нимъ не было и въ каторгу ссылена не была, въ чёмъ шлется на все Яицкое войско; что будто царское Величество изъ своихъ устья приказало опять принимать (на Яикѣ) людей всякихъ чиновъ, не говоривалъ; съ Яику уходовъ никакихъ чеобитчиковъ и донощиковъ не знаетъ и возмутительныхъ словъ будто канцлеръ Гаврилъ Ивановичъ Головкинъ приказалъ Яицкому войску не обзываѣтъ, кто скажетъ за собою царево слово или дѣло, а казнить такихъ самихъ, не говоривалъ же и ни отъ кого не слыхалъ. При этомъ Рукавишниковъ просовокупилъ, что двое изъ казаковъ его станицы Михаило Ползкарповъ и Иванъ Афонасьевъ посланы на Яикъ, а ведоросла, солдатскаго сына, съ нимъ не было и онъ такого не знаетъ.

Карташевъ на очной ставкѣ уличалъ Рукавишникова, что въ казакахъ онъ только 9 лѣтъ, а прежде сего былъ посланъ по грамотѣ изъ Казанскаго приказа на переведеніе въ Азовъ, откуда въ томъ же году бѣжалъ на Сызрань,

гдѣ бугомистры и посадскіе люди Федоръ Жеребцовъ, Иванъ Чунинъ и другіе, увидавъ о томъ, поймали его и отослали къ Кучковскому коменданту, который, сковавши его, прислалъ въ Москву въ Казанскій приказъ, а что учинено ему за тогъ побѣгъ, о томъ Карташевъ не знаетъ; что когда приговаривали Карташева въ войсковомъ кругу къ смерти, то Рукавишниковъ тутъ былъ-же: что о вслушаніи указовъ и противодѣйствіи маюру Воейкову онъ, Рукавишниковъ, приказывалъ, въ чёмъ ссылается на бывшаго въ то время войсковымъ атаманомъ Федора Арапова, который такой ихъ совѣтъ не принялъ и былъ за это смигнѣнъ Рукавишниковымъ и единомышленниками, а вместо него выбранъ Иванъ Щербаковъ, который и донынѣ атаманомъ; что старшинамъ, которые служатъ давно и вѣрно на Якѣ Его Императорскому Величеству, въ томъ числѣ и бывшему атаману Матвѣю Миронову, и которые удерживали Рукавишникова, онъ грозилъ смертной казнью и они, убоявшись, прикладывали руки къ порожнему столбцамъ, чтобы маюра Воейкова не пустить въ убать до смерти, а Матвѣй Мироновъ взять съ своего двора въ третью часу ночи по приговору Рукавишникова и скованъ; — что доносились Иванъ Елисѣевъ казненъ именно по напущенію Рукавишникова чрезъ письмо его изъ Петербурга и словесный приказъ атаману Щербакову съ казаками Савельемъ Рекуновыми, Петромъ Кожевниковымъ, Акикомъ Щербаковыми и съ Савельемъ Бизиевыми, такъ-что какъ только эти казаки приѣхали на Якѣ, въ февралѣ 1721 года, то за другой же день и былъ казненъ Елисѣевъ, а той казни претилъ изогады Никита Трифоновъ Бородинъ, чтобы его Елисѣева не казнить, да и тѣ казаки, которые его возили, Мусатовъ и Старченковъ, говорили: ежели его, Елисѣева, казнить, тобъ и вѣрь казнить, поземѣ-де за Елисѣевыми есть государево дѣло; — что таковой же донощикъ, казакъ Афонасій Назаровъ, по его же напущенію казненъ съ Елисѣевыми въ одномъ числѣ за то, что доносилъ о измѣнѣ Рукавишникова съ единомышленниками; что по его же письму изъ Петербурга заковали были старшина Василій Ивановъ Мордвинкинъ, Иванъ Федоровъ и Василій Прятковъ, и какъ только прибылъ Рукавишниковъ изъ Петербурга на Якѣ, то старшину Василія Иванова Мордвинкина и казнили безвинно по его же совѣту, въ чёмъ запрещали старшины Никита Бородинъ съ товарищи, а Иванъ Федоровъ и Василій Прятковъ освобождены съ воспрещеніемъ входа въ войсковой кругъ. Но на всѣ эти улаки Рукавишниковъ остался при себѣ показаніи и прибавилъ только, что поручикъ Кустовъ пріѣзжалъ при немъ на Якѣ и читалъ въ кругу данную ему инструкцію, послѣ чего при Кустовѣ же атаманъ Щербаковъ съ товарищи, по совѣту всего войска, выбрали его, Рукавишникова, и при немъ 50 казаковъ и съ ними каракалпаковъ двухъ человѣкъ изыковъ послали въ Петербургъ, въ Иностранный Коллегію, съ челобитьемъ, чтобы выдала вѣтъ эта коллегія, а вѣ Астрахань и чтобы для разыску быть за Якѣ не маюру Воейкову, а прислать кого изъ Иностранный Коллегіи; — что атаманъ Араповъ смигнѣнъ не имъ, а всѣмъ

войскомъ; что къ рукоприкладству никого не приуждалъ и что Матвѣй Мороновъ былъ взять въ кругъ не ночью, а днемъ, по совѣту атамана Щербакова и всего войска, и сковать его велѣли за непристойныя и непотребныя слова, а за какія—про то себѣомы атаманъ и всѣ войсковые люди;—что во прїездѣ на Яикъ изъ Петербурга онъ засталъ старшину Василія Мордвинкина, Ивана Федорова и Василія Прѣткова скованными по членобитью казака Трофима Филиппова Новинскова, а о ченъ членобитье, то явно на Яикѣ, и по тому лѣту казненъ Мордвинкинъ по совѣту всего Яицкаго войска и атамана Щербакова, а онъ, Рукавишниковъ, самовольно казнить не велівалъ, въ ченъ шлется на всѣхъ старшинъ и казаковъ.

Другими казаками, поименованными въ росписи Карташева, кроме отсутствовавшихъ изъ Москвы, предложены были тѣ же вопросы, что и Рукавишникову.

Есаулъ Иванъ Карповъ, 47 лѣтъ, сказался ролившимся на Яикѣ и приверстать въ казаки въ 1696 году при атаманѣ Прокопѣ Семёновѣ; донощикъ Карташева знаетъ, потому что Карташевъ родился на Яикѣ при немъ; въ приговорѣ къ смертной казни Карташева, за побѣгъ изъ полка и оставление знамени, участвовалъ. Противъ Меркульеваничего не показалъ; противъ Рукавишникова также; о томъ, что казаки не пустили къ себѣ маюра Воейкова, только слышалъ послѣ, а самъ въ томъ не участвовалъ, бывши въ то время въ отлучкѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, которое выше Саратова, для своей нужды. Сказаль-ли донощикъ, Иванъ Елисѣевъ, за собою слово въ измѣнѣ яицкимъ казаковъ, о томъ Карповъ не знаетъ за отлучкою въ калмыцкую орду для торгу, а по возвращеніи оттуда нашелъ Елисѣева подъ карауломъ и атака-лъ Щербаковъ, по совѣту всего войска и по вопросамъ, по своему казацкому обыкновенію собрався въ кругъ, казнили его, разстрѣляли въ лицѣ за то, что онъ, Елисѣевъ, называлъ Григорія Меркульева и все Яицкое войско вешнниками; и про то, по ихъ обыкновенію, о измѣнѣ ссыкано и ничего по правдамъ яицкны никакой не ссыкалось, и о томъ есть въ войсковой-де избѣ записка.

И озъ, Карповъ, тогда былъ есауломъ и по приказу атаманскому и всего войска ружье для разстрѣливанія онаго Елисѣева заражаль и, зарада, отдалъ татарамъ, а какъ того татарина зовутъ, того сказать не упомянуть, а Федора Рукавишникова въ то число не было, а былъ въ Петербургѣ. О дѣлѣ по донесу Елисѣеваничего не знаетъ. Рукавишниковъ ни въ какомъ подозрѣніи, въ розыскѣ и въ каторгу сосланъ не бывалъ.

Казаки: Алексей Котельниковъ (60 лѣтъ, родился на Яикѣ, въ казаки приверстали въ 1682 году при атаманѣ Прокопѣ Семёновѣ, былъ въ полону въ разныхъ ордахъ около тридцати лѣтъ и вышелъ изъ полову въ 1714 году),—Петръ Кожевниковъ (38 лѣтъ, родился въ Галицкомъ юзѣдѣ, въ вотчинѣ князя Федора Алексѣевича Голицына, отецъ былъ въ той вотчинѣ оброчный бобыль; пришелъ на Яикѣ и приверстали въ казаки въ

1703 году атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ), — Федоръ Березина (50 лѣтъ, родился въ башкирахъ отъ природнаго башкира и за-воевавъ яицкими казаками, въ казаки приверстанъ въ 1699 году при атаманѣ Осипѣ Васильевомъ Бѣлоусовѣ) и Андрей Яковлевъ Чинаревъ, (по словамъ Карташева бывшій драгунъ, 27 лѣтъ, родился въ Самарѣ отъ подъячаго, на Яикъ пришелъ въ 1706 году, при атаманѣ Матвѣѣ Мироновѣ); — показали то-же, что и Карповъ, при чёмъ Березинъ сказаъ, что во время пріѣзда Воейкова на Яикъ былъ въ калмыцкой ордѣ, а во время казни Еласьевы — въ Казани и на Уфѣ за торговыи промысломъ; Чинаревъ — что былъ для этого-же съ Карповымъ въ Воскресенскомъ селѣ, а въ казнь Еласьевы — въ калмыцкой ордѣ, и въ драгунахъ никогда не бывалъ. Что Чинаревъ былъ сынъ подъячаго, такъ это видно изъ его письма въ дѣлѣ, вѣсколько разъ встрѣчающагося; такой превосходной для того времени руки не разу не встрѣчается въ подлинныхъ постановленіяхъ, ни въ другихъ бумагахъ, исавшихся въ самой Государственной Военной Коллегіи.

Казакъ Алексѣй Акимовъ Коноваловъ, звавшій Карташева съ дѣтства, сказаъ, что о предложенныхъ ему извѣстияхъ уже вамъ вопросныхъ пунктахъ овъ ничего не знаетъ, потому что былъ въ то время въ свѣтскихъ походахъ съ того года какъ взять Шлюссельбургъ (Шлюссельбургъ взять въ 1702 г.¹⁾). Онъ показаъ себѣ 47 лѣтъ, изъ природныхъ башкиръ и еще въ малолѣтствѣ былъ зановоизанъ казаками, а приверстанъ въ службу при атаманѣ Осипѣ Бѣлоусовѣ.

Станичный атаманъ Иванъ Витошиновъ, 37 лѣтъ, родился на Яикѣ, отецъ изъ пришлыхъ, но откуда — не знаетъ; приверстанъ въ казаки около 1702 г. при атаманѣ Осипѣ Бѣлоусовѣ; сказаъ, что о вышеписаномъ ничего не вѣдѣтъ; а Рукавишниковъ въ подозрѣніи и розыскѣ не бывалъ и въ каторгу не ссылался.

Станичный есаулъ Петръ Кочеровъ, 36 лѣтъ, отецъ пришлый съ Самары дворцоваго села Рождественского, а онъ родился на Яикѣ и приверстанъ въ казачи однаждыдцать лѣтъ, при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ, сказаъ то же слово, что и Витошиновъ.

Казаки: Тимофей Доскутовъ (40 лѣтъ, отецъ прошлый изъ гор. Орла, а какого чину — не знаетъ и выѣхъ отецъ на Яикѣ отъ казачьей службы отставленъ, а онъ приверстанъ въ службу одновременно съ Витошиновымъ — при Бѣлоусовѣ), Григорій Фромовъ (36 лѣтъ, отецъ прошлый съ русскихъ городовъ, а откуда — не знаетъ, ибо остался послѣ отда въ малолѣтствѣ), Григорій Яковлевъ Горшковъ (тѣхъ-же лѣтъ, отецъ изъ пришлыхъ, но откуда — не знаетъ); Василий Михайлова (34 лѣтъ, отецъ пришлый съ г. Самары, а какого чину — не вѣдѣтъ), татарапъ Тюлюмбетей Тасіевъ (сколькихъ лѣтъ — не объясниво, отецъ изъ пришлыхъ съ Крыму, а онъ при-

¹⁾ Отсюда видно, что Коноваловъ былъ безсомнѣнно на службѣ 19 лѣтъ.

верстанъ въ казаки назадъ тому шестъдесѧтъ лѣтъ при атаманѣ Прокопѣ Семеновѣ); Силь Дурмановъ (55 лѣтъ, прашлый Самарскаго уѣзда въ коннастирской вотчины села Архангельскаго, въ казаки приверстанъ тому лѣтъ 40, при томъ же атаманѣ Семеновѣ) и Иванъ Васильевъ Бѣлоусовъ (48 лѣтъ, отецъ Янцкій уроженецъ, а въ казаки приверстанъ 16 лѣтъ отъ ро-ду при томъ-же атаманѣ Семеновѣ):—всѣ отозвались совершенными нѣвѣде-ніемъ по причинѣ отсутствія во время извѣстныхъ происшествій—что по звѣриннымъ промысламъ, кто по торговлѣ. Казакъ изъ татаръ Тюлюбетекъ былъ тогда въ Петербургѣ съ Рукавишниковымъ, а Иванъ Бѣлоусовъ за Сызранѣ и за Самарѣ подъ карауломъ у оваго маюра Воейкова, по дово-шенію солянскаго комисара Василія Изавова въ отвѣтствованіи по соляной продажѣ¹⁾).

Вотъ все, что извѣстно о допросахъ казаковъ въ Военной Коллегії. Но и изъ этихъ немногихъ, взятыхъ Курилинымъ на выборку, показаній видно, что всѣ станичники не выдали Рукавишникова, и что Рукавишниковъ упор-но отрицалъ всѣ возводимыя на него преступленія. Отказался онъ и отъ того, что онъ бѣглый съ каторги, при этомъ какъ мы увидимъ далѣе овь умышленно сочинилъ свою біографію и должно показалъ свое прежнее мѣсто жительства. Отрекся онъ и отъ посылки писемъ на Янкъ и обѣ указанія войску казнить казаковъ Елисѣева, Назарова и Мордасикага. Впослѣдствіе при разыскѣ полковника Захарова въ 1723 г. онъ подъ вытками заплеч-наго мастера повинился во всѣхъ своихъ винахъ, сознался и въ томъ что бѣжалъ изъ каторги. Это ложное показаніе послужило впослѣдствіи для За-харова однинъ лашвицѣ обвинительнымъ пунктомъ для обвиненія Рукавиш-никова въ измѣнѣ и бунтѣ.

Къ этому-же времени пребылъ въ Москву вызванный къ допросу и сиз-раискій коменданта маюръ Воейковъ. Чертаго іюня съ него взяла подавле-ку о невыѣздѣ изъ Москвы.

,1722 года іюня въ 1 день, говорилось въ подпіскѣ, въ Государствен-ной военной коллегії казанскаго гарнизона маюру Гавріилѣ Михайлову сы-ну Воейкову Его Императорскаго Величества указъ въ томъ сказанъ, что ему безъ указу изъ оной Коллегіи никуда съ Москвы не сѣѣтъ и по все-дни во оной Коллегії является; а буде овь безъ указу Военной Коллегіи куда сѣѣть, и за то ему учинить указъ по военному артикулу, чего овь будетъ достоенъ; а стоять овь на своемъ дворѣ подъ Дѣвицѣемъ монасты-ремъ, въ Славинской слободѣ, въ приходѣ церкви Саввы освѧщенаго²⁾.

Лишь только 9 іюня, послѣ того, какъ были допрошены казаки, стали до-прашиватъ въ Коллегіи и Воейкова „онъ, пишеть Курилинъ, и въ чёмъ почти не сознавался противъ челобитныхъ и отвѣчалъ вообще основательно,

¹⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869 г. №№ 48, 49 и 50. Курилинъ. Матер. къ Истор. Урал. войска.

²⁾ Тамъ-же № 50.

по пунктамъ обвиненій, такъ что прицѣпиться къ нему было нельзя. Наконецъ, послѣ допросовъ и передопросовъ, показанія 27 юля были объявлены Рукавишникову и онъ, по выслушавъ всѣхъ пунктовъ, сказалъ, что такъ какъ Воейковъ во всемъ заперся „и нынѣ-де его уличить ему, Рукавишникову, нечѣсть, потому, что онъ въ ту бытность Воейкова въ Сызрани и на Яикѣ находился въ Петербургѣ, а будетъ его, Воейкова, во всякомъ разореніи уличать его бывшій станческій атаманъ Степанъ Сумкинъ съ товарищами, а кто товарища, про то Сумкинъ скажетъ“¹⁾.

Этимъ и окончилось участіе маюра Воейкова въ розыскѣ по доносу казака Карташева. Справедливость требуетъ сказать, что, оказавшись совершенно бесполезнымъ въ дѣлѣ розыска на Яикѣ по слабости и нерѣшительности своего характера и по крайней медленности въ дѣйствіяхъ, Воейковъ безъ сомнѣнія былъ не корыстенъ, ибо, въ противномъ случаѣ, озлобленные казаки никакъ не преминули бы воспользоваться изатерьяломъ для новыхъ обвиненій, между тѣмъ они лично его не обвинили ни въ одной взяткѣ съ него.

Воейкова болѣе не допрашивала. Онь 16 октября былъ отправленъ къ мѣсту службы въ Сызрань „для сыска и искорененія воровъ и разбойниковъ“, т. к. онъ просилъ „дабы по оному лицему дѣлу за его тяжелыми разами и болѣзнями его уволить, понеже си чѣмъ не корыстенъ“.

Между тѣмъ на Яикѣ атаманъ Щербаковъ, продержавъ цѣлый мѣсяцъ подъ карауломъ Федора Ревка, рѣшилъ наконецъ отправить его въ военную коллегію.

Была выбрана станица: атаманомъ Степанъ Васильевъ, есауломъ Матвѣй Гордѣевъ и еще два рядовыхъ, которые вместе съ Ревко выѣхали 7 мая въ Самару, а оттуда на лодкѣ въ Казань.

Вместѣ съ ними войско послало от лица кнзга Меншикова. Въ отпискѣ говорилось: „Всепреѣзвѣтѣшаго державнѣшаго Императора и самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества, Государа всемилостивѣшаго, свѣтынѣшаго Римскаго и Россійскаго государства кнзю, Его Императорскаго Величества верховному въ тайномъ дѣйствительному совѣтнику генерал-фельдмаршалу и кавалеру и государственной военной коллегіи президенту, Александру Даниловичу съ товарищи, заполнныя рѣки Якуя язакіе атаманы-казаки: атаманъ Иванъ Щербаковъ и все Яндское войско членъ бѣсъ. Въ нынѣшнемъ 722 году марта въ 30 день вашъ язакій казакъ Федоръ Федоровъ синъ Ревко пришедъ въ станицную избу сказалъ за собою Императорскаго Величества слово въ дѣло, при бытности казанскаго гарнизона Задарова полку маюръ Дмитрій Ивановъ синъ Пѣццовъ, который приводилъ къ присягѣ, да при солдатѣ бутырскаго полка Иванѣ Калугинѣ, который подалъ Его Императорскаго Величества грамоту посыпанную о присягѣ и ини Яцае казаки слыше отъ онаго казака Федора Ревко Императорскаго Величества

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 48, Кур. Мат. изъ ист. Ур. войскъ, а также дѣло Моск. Арх. Гл. Шт., опись 89, св. 3, дѣло № 1255, листъ 15. Слѣдственное дѣло надъ маюромъ Воейковымъ.

слово и дѣло, взявъ его и посадили на цѣль и держали подъ крѣпкими ка-
рауломъ, и выбравъ своихъ казаковъ станичнаго атамана Степана Васильева,
да есаула Матвѣя Гордѣева, да рядовыхъ двухъ человѣкъ и послали въ Го-
сударственную военную коллегію и велѣли станичному атаману Степану Ва-
сильеву, да есаулу Матвѣю Гордѣеву съ товарищи, всего четыремъ человѣ-
камъ, явится и отыску подать и помянутаго казака Федора Ревкова объ-
явить въ Государственной военной коллегіи съѣтѣйшему Римскаго и Россій-
скаго государства князю, Его Императорскаго Величества верховному и тайному
дѣйствительному совѣтнику, генерал-фельдиаршалу и кавалеру и государствен-
ной военной коллегіи президенту Александру Даниловичу Меншикову, съ
товарищи¹⁾.

Въ концѣ мая станица прибыла въ Казань, гдѣ Ревко былъ задержанъ и 4
июня былъ опрошены. Въ своемъ отвѣтѣ онъ рассказалъ уже известную намъ
исторію доноса казака Ивана Елисѣева обѣ томъ, какъ Елисѣевъ сказалъ за
собою государево слово и былъ отправленъ въ Казань и какъ при отправле-
ніи въ Астрахань его привезли въ Яецкій городокъ въ войсковому атаману.

И тотъ атаманъ Щербаковъ, — говорилъ Ревка, — велѣлъ его, казака Ели-
сѣева, казнить, и по тому его приказу казаки Елисѣева застрѣлили изъ ружья;
да и другого казака-жъ, Афонасія Назарова, который доносилъ на нихъ въ
бѣглыхъ солдатахъ и въ другихъ дѣлахъ, въ тоже время вытащили, и за
тотъ доносъ застрѣлили-жъ и вырыли одну ему зарыли обоникъ. А какое
онъ, Елисѣевъ, слово и дѣло сказалъ о томъ я не вѣдаю: о томъ спро-
сить помянутаго атамана Щербакова и посыльныхъ казаковъ Мусатова и Стар-
цева и другихъ, которые при томъ были; и тѣ отправленныя отъ губернатора
Салтыкова въ Астрахань въ губернатору-жъ письма для подлиннаго свидѣ-
тельства приказать взять къ дѣлу. Такожъ изъ того-жъ ихъ городка пропа-
даютъ мужска и женска полу-люди безвѣстно, а нынѣ вышелъ изъ полону
изъ Хивы казакъ Иванъ Кулагинъ и сказывалъ въ станичной избѣ при войскахъ,
что онъ Кулагинъ видѣлъ въ полону въ Хивѣ того-же городка Янку двухъ
дѣвокъ, а продали ихъ казаки Никита Зѣвакинъ, Федоръ Силышимъ. И по
той его Кулагина сказкѣ онны Зѣвакинъ и Силышимъ держаны были за карау-
ломъ и изъ за караула слобожены безъ указу и безъ наказанія, въ которой про-
дажѣ на помянутаго Силышима бѣть чоловѣкъ мать и братъ родные.
И атаманъ Щербаковъ суда никакого не чинилъ. Тако-жъ стараго атамана
Матвѣя Миронова держитъ онъ Щербаковъ въ тюрьмѣ третій годъ, а за что,
того никто не вѣдаю; и я вида такія напрасныя смертныя убѣйства и дру-
гія вышеисказанныя причины для того и за собою сказалъ слово и дѣло Его
Императорскаго Величества. А больше того измѣни и буству ничего ни за
ѣмъ не вѣдаю²⁾.

¹⁾ Ур. В. В. " 1869 г. № 51, Курдланъ. Мат. къ ист. Ур. войска.

²⁾ Такъ-жъ.

Какъ мы видимъ, новаго въ этомъ доносѣ почти ничего не было, кроме продажи женщина въ Хиву. Но едва ли возможно допустить что либо подобное со стороны казаковъ. Къ сожалѣнію, правильность доноса проверить невозможно, т. к. ни слѣдственного дѣла, ни экстракта изъ него не найдено.

Дѣло по этому доносу, какъ и по всѣмъ остальнымъ доносамъ, вѣроятно, пошло бы своимъ шаблоннымъ путемъ, тихо и не спѣша, и къ дѣлу Карташева привелио-бы лишь только бумажную волокиту и лишняго свидѣтеля, но въ это время въ г. Казань прѣѣхалъ царь Петръ. Оньѣхалъ изъ Москвы съ 15000 войска въ Астрахань для похода въ Персию; войска были размѣщены въ 300 судахъ; самъ царь съ императрицей Екатеринойѣхалъ на великолѣпной 40-весельной галерѣ.

Во время этого пути царь заѣхалъ въ вотчину князя Меншикова въ Новопречистенскую слободу, гдѣ получалъ изъ военной коллегіи донесеніе о томъ, что Яндкое войско оказалось ослышно и тысячи требуемыхъ отъ нихъ казаковъ не дало. Выслушавъ причины отказа, Петръ приказалъ написать въ войско грамоту о высылкѣ всего 700 человѣкъ.

Но, получавъ грамоту, казаки „такого числа въ тотъ походъ не отправились, отговариваясь пожарнымъ разореніемъ“¹⁾.

Въ началѣ июня Петръ былъ въ Казани. Здѣсь ему подали челобитную находившіеся въ тюремѣ иноземцы *Кримполромменъ* съ товарищи, въ которой написали, что они „неправедно, жестоко“ были осуждены и сидѣть подъ арестомъ третій годъ, и чтобы ихъ изъ подъ ареста освободить. Въ тоже время царю былъ „объявленъ язкій казакъ Федоръ Ревка“²⁾. Надо думать, что при этомъ объявленіи Ревка не упустилъ случая представить Петру дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и по возможности очернить Рукавишникова и его товарищѣ. Петръ приказалъ какъ дѣло иноземцевъ, такъ и Ревко немедленно отправить въ военную коллегію, чтобы о иноземцахъ „была учинена скорая резолюція“, а по доносу Ревка „было изслѣдовано и учинено рѣшеніе и что о томъ учинено будетъ о томъ писать впередъ для зѣдома“³⁾.

Послѣ этого Ревка 6 июня вмѣстѣ съ допросными его рѣчами и войсковою отпискою на имя князя Меншикова былъ посланъ въ Москву съ лейбъ-гвардіа Семеновского полка капитаномъ *Абрамомъ Шамординымъ*, которому была дана въ военную коллегію бумага отъ кабинетъ-секретаря Александра Макарова, слѣдовавшаго вмѣстѣ съ Петромъ, о изслѣдованіи этого дѣла.

9 июня Петръ выѣхалъ изъ Казани за Саратовъ. Этотъ путь былъ не лѣгокъ вслѣдствіе многихъ остановокъ отъ южныхъ вѣтровъ и массы комаровъ и потому флотилія пробыла къ Саратову только къ 20 июня.

Въ Саратовѣ, пашетъ А. Матвеевъ въ своей статьѣ „Балынцій ханъ“

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, съязна 120/132, дѣло № 2. Листы въ дѣлѣ не пронумерованы.

²⁾ „Ур. Вѣд.“ 1869 г. № 51. Курзанъ „Мат. къ ист. Ур. войска“.

³⁾ Тамъ-же.

Аюка¹⁾), была назначена остановка всей эскадры для свидания царя Петра съ прибывшимъ въ Саратовъ ханомъ Аюкою, который тогда кочевалъ окрест Саратова на восточномъ берегу Волги. На другой день прибытия царя съ супругою, 21 июня, ханъ былъ приглашены къ обѣду на императорской галерѣ. Она была для этого возможно ближе подведена къ берегу и сѣдалъ сходь съ нею на землю. Ханъ Аюка прибыль сюда верхомъ на лошади, въ сопровождении двухъ сыновей и многихъ офицеровъ и вельможъ своихъ,ѣхавшихъ также верхами на богато украшенныхъ лошадяхъ. Въ 60 футахъ отъ берега ханъ сошелъ съ лошади и встрѣченъ былъ тайнымъ советникомъ и гвардейскимъ офицеромъ. Увида его приближеніе, императоръ сошелъ съ галеры на землю, поздравилъ его съ прибытіемъ, взялъ за руку, повелъ въ галеру и представилъ императрицѣ. Она сидѣла на верхнемъ помостѣ галеры подъ великолѣпными балдахинами. Вскорѣ по прибытии хана прибила на берегъ и ханша въ закрытой коляскѣ, съ своей дочерью и двумя калинцкими госпожами, сопровождали, по выражению Беля, „стасю всадниковъ“. Императоръ тоже встрѣтилъ ее у галеры и представилъ императрицѣ. Хану Аюку было тогда около 80 лѣтъ, но онъ былъ крѣпокъ и веселаго нрава. Онъ отличался смиренностью, благородствомъ, откровенностью и честностью. Его все любили и почитали. Даже самъ боялся ханъ, когда Бель былъ въ Катаѣ, спрашивалъ о немъ и отзывался съ великою похвалою. Ханшѣ было около 50 лѣтъ, видъ она имѣла „благопристойный“ и пріятелѣ. Всѣ прибывши съ нею калинки были молодны. Ханская дочь имѣла цветъ лица очень „изрядный“, а волосы были такъ, какъ агатъ. Они у нея были связаны на гади и лежали по плечамъ. У калинокъ она почиталась красавицей. И мать и дочь были одѣты въ драгія платья изъ дорогой персидской матеріи и въ круглыхъ опущенныхъ соболями шапкахъ. Царь предложилъ Аюку дать 10000 калинокъ, для персидского похода. Аюка отвѣчалъ, что они готовы уже и указъ царя будетъ немедленно исполненъ, но соѣтствовалъ взять для похода (какъ зналъ положеніе дѣлъ) лишь половину этого числа, говоря: для этого похода и половины достаточно будетъ. И онъ тотчасъ же отдалъ приказъ, чтобы 5000 человѣкъ калинокъ присоединились къ падишѣ войскамъ въ Теркахъ. Императоръ и императрица остались очень довольны своимъ гостямъ и, отпуская, уже вечеромъ, щедро одарили ихъ. Ханшѣ императрица пожаловала золотые часы съ ренетиціею, осмыщанные алмазами, и нѣсколько кусковъ парчи и дорогихъ матерій. Прощаясь съ царемъ и царицею, ханъ Аюка обливался радостными слезами: „Теперь, говорилъ онъ, охотно я умру, ибо удостоился у великаго императора столь любезнаго его разговора“.

22 июня флотилия двинулась далѣе и плыла по Волгѣ „благополучный“

¹⁾ Труды Саратовской ученої архивной комиссии, вып. 25, 1900 г. Эта записка взята изъ книги „Возоы путешествія черезъ Россію въ разныя Азіатскія земли“. Пер. Попова, изд. Академіи наукъ. 1776 г. Соб. и изъ другихъ источниковъ.

вѣтромъ", хотя тоже много было беспокоявшихъ, особенно ночами, комаровъ.

23 июня—флотъ прибылъ въ Камышинъ (тогда онъ именовался Камышенкой), гдѣ стоялъ день, 28 числа—въ Царцынъ, а 4 июля прибылъ въ Астрахань, гдѣ въ то время стояли необычайные жары".

Въ то время, когда царь выѣхалъ изъ Москвы, на Яикѣ произошли нѣкоторыя событія. Старый войсковой атаманъ Щербаковъ былъ сиѣнъ и вместо него войско выбрало новаго атамана, принадлежавшаго тоже къ партии Рукавишникова, старшину Герасима Погодаева. Что послужило поводомъ для сиѣни Щербакова, прослужившаго въ своей должности два года—незавѣстно.

Узнавъ о поѣздѣ Петра по Волгѣ, войско выбрало особую депутацію, въ составъ которой вошли: атаманомъ—известный уже наимъ по второй поѣздѣ Рукавишникова въ Петербургъ, казакъ Михаилъ Никитинъ Купренинъ, осауломъ Федоръ Леонтьевъ съ товарищами, всего 15 человѣкъ¹⁾). Тутъ же, вѣроятно, въ числѣ остальныхъ рядовыхъ казаковъ, согласно преданію, находился и, вышедший изъ Хивы и надувшій всю орду, казакъ Тр. М—чз Новинскій, которому Петръ приказалъ называться *Бородинымъ*²⁾.

Для представленія къ Петру казаки выѣхали въ Астрахань, гдѣ и представлялись ему въ числѣ депутатій отъ другихъ народовъ и общинъ.

Здѣсь казаки представили царю привезенныхъ съ собою съ Яика двухъ плѣнныхъ киргизъ. Были ли взяты они Щелкинымъ или въ другой схватѣ—остается невыясненнымъ.

Киргизы были потомъ по приказу состоявшаго при Петрѣ кабинетъ-секретаря Алексея Васильевича Макарова, сданы астраханскому вице-губернатору Кикину³⁾.

Вскорѣ послѣ этого войска вмѣстѣ съ Императоромъ выступили изъ Астрахани въ походъ.

Между тѣмъ, томясь въ бездѣствії въ Москвѣ и не получая для войска окладного жалованья Рукавишниковъ съ товарищами 27 июня подалъ въ Военную Коллегію снова доношеніе, въ которомъ, говоря, что по доносу Карташева ни за земль ни за его товарищами никакихъ винъ не оказалось, просилъ объ отпускѣ въ „въ дому на Яикъ“ и о выдачѣ жалованья. „По такому его Карташева ложному извѣсту, писалъ Рукавишниковъ въ членобитной, держимся мы въ Москвѣ беззинно и, живучи, ломираемъ голодною смертю, а домашки наши на Яикѣ волею Божіею всѣ погорѣли безъ остатку, а жены и дѣти наши безъ настъ помираютъ такожъ голодною смертю, понеже живутъ на пожарищѣ безъ всякаго пріюта и женъ и дѣтей

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листы 76, 80 и 81. Фамилии остальныхъ казаковъ, кроме атамана и осаула, незавѣстны.

²⁾ Ось казакъ Новинскій см. соч. Жеганова, изд. 1910 г. Уральцы, кн. 3, разсказъ „Хива“, стр. 76—82 и стр. 488 настоящаго очерка.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 76. Членобитн. атамана Купренникова 1726 г.

своихъ принуждены высылать для прокормления на принадлежащіе города; а, которое намъ повелѣно окладное жалованье взять изъ казанскихъ доходовъ, и оное жалованье до сего времени не взято, и въ томъ на Яикѣ имѣть велкую нужду" ¹⁾). Казаки далѣе просили повелительного указа, чтобы ихъ, за превеликии разореніемъ, отпустить въ дома до розыску, обзываючи подписаніемъ явиться къ розыску.

Но въ это время дѣло принало вѣскомъ иной оборотъ. Черезъ три дня послѣ подачи этой челобитной, въ Москву прибыль, пробыть въ дорогѣ 54 дня, капитанъ Шамординъ съ казакомъ Ревкою и съ предписаніемъ ехать статсъ-секретаря Макарова о разборѣ дѣла въ Военной Коллегіи.

Ревка привели въ Коллегію, гдѣ онъ показалъ, что онъ въ войскѣ привѣденъ изъ Костромского уѣзда, Большой-Усоли, поповскій сынъ, сошель отъ отца своего тому лѣтъ съ двадцать и ходилъ по монастырямъ для прокормленія по разнымъ мѣстамъ и пришелъ на Самару, гдѣ жилъ три года прі церкви за дѣлъ, а оттуда пришелъ на Яикъ и былъ приписанъ въ казаки при атаманѣ Сѣмениковѣ.

Въ своемъ показаніи онъ повторилъ все то, обѣ чѣмъ уже говорилъ въ Казани, прибавивъ лишь, что „года полтора назадъ Федоръ Рукавишниковъ неоднократно въ кругу, при всемъ войскѣ, называлъ казака Трофова Филиппова Новинскова язмѣнникомъ, браня всѣчески и говорилъ: „И ты Царю измѣнникъ, возьму палку и прибью!“, а какая измѣна, того именно не говорилъ. И оный Новинсковъ покойнаго Ивана Елисѣева въ кругу билъ по юномъ смертными боемъ и голову испроломаль“ и что до сказанія за собою слова и дѣла Ревко намѣренъ былъѣхать въ Москву съ доносомъ, но ему воспрепятствовалъ Новинсковъ ²⁾.

Курилинъ замѣчаетъ, что Ревка грамотный и владѣлъ рукою весьма бѣко для того времена.

Послѣ этого допроса его посадили подъ крѣпкій караулъ при Военной Коллегіи съ приказаниемъ держать съ другими доносчиками, Карташевыми, „порознь и вмѣстѣ не пущать“, и потребованъ былъ къ допросу Рукавишниковъ ³⁾.

Допрошеній по этому извѣстію Рукавишниковъ показалъ, что казака Новинскаго онъ знаетъ, потому что Новинсковъ уже многіе годы живетъ на Яикѣ, а въ 1720-г. былъ съ нимъ въ Петербургѣ въ человѣтичкахъ и въ томъ-же году, по возвращеніи на Яикъ выбранъ былъ отъ всего войска также въ человѣтички въ Казань къ губернатору по розыску дѣла съ доносчикомъ Карташевымъ и бывшимъ атаманомъ Мироновымъ, который говорилъ непристойныи слова,— и дана была отъ войска заручная человѣтина: во Новинсковъ, возвратясь изъ Казани, объявилъ ему, что губернатору человѣтиной

¹⁾ Ур. Вѣд. 1869 г. № 50. Курилинъ. Мат. къ ист. Ур. в. и тамъ-же 1871 г. № 1.

²⁾ Тамъ-же № 51.

³⁾ Ур. Вѣд. 1869 г. № 51. Курилинъ. Мат. къ ист. Ур. войска.

не подалъ. Объ этомъ Рукавишниковъ сказалъ войсковому атаману Федору Арапову. Араповъ велѣлъ позвать Новинскова въ кругъ и спрашивалъ его, почему не подана губернатору челобитная. Новинсковъ же отвѣтилъ, что отослать ее для подачи въ Петербургъ съ казанскимъ солдатомъ и съ кѣмъ именно, не показалъ; и тутъ Рукавишниковъ дѣйствительно говорилъ ему, что этой неподачею челобитной измѣнилъ онъ Его Императорскому Величеству въ всему войску; другой-же измѣны и буату за Новинсковымъ онъ не знаетъ¹⁾.

На этомъ допросы были окончены. Между тѣмъ время шло и обѣ станицы Рукавишникова и Витошнова праздно сидѣли въ Москвѣ, не зная конца волокитѣ и не получая на войско окладного жалованья.

Рукавишниковъ 17 августа рѣшилъ повторить свою просьбу о выдачѣ войску этого жалованья, за которымъ они и прѣѣхали въ зимовой и легкой станицахъ.

Въ челобитной онъ, между прочимъ, просилъ и обѣ отпускѣ ихъ до розыска на Яикъ въ уваженіи того, что въ бывшемъ на Яикѣ страшномъ пожарѣ они всѣго лишились и какъ казаки, такъ и жены съ дѣтьми „свѣтаются на пожарахъ безъ всякаго пріюта и помираютъ голодною смертью”²⁾.

Но эта челобитная не была уважена. Станичники остались сидѣть въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ этого 25 августа состоялось постановленіе Военной Коллегіи: „Поручить разслѣдованіе по доносу Ревка тому штабъ-офицеру, который пошлется на Яикъ для розыска по доносу казака Карташева; казаку Ревку давать кормовыя деньги, по шести денегъ на день съ присылки его въ Военную Коллегію по день отправленія на Яикъ, въ томъ ванманіи, что по сличеніи его доноса съ дѣломъ является правда, и на томъ же основаніи освободить его изъ оковъ на поруки, посылая съ нимъ по два караульныхъ для отысканія въ Москвѣ поручителей”³⁾.

Вскорѣ послѣ этого подалъ и Карташевъ просьбу въ Коллегію обѣ освобожденія его изъ оковъ на поруки съ назначеніемъ къ нему караульного солдата для его охраненія. Всѣдѣ за тѣмъ, онъ подалъ новое доношеніе на Рукавишникова „съ его злоумышленниками” все о томъ же: о противодѣйствіи Воѣнкову, казаки Елисѣева, Назарова и первостатейнаго старшины Мордвинова. При этомъ Карташевъ объяснялъ, что до станичнаго атамана Витошнова и рядовыхъ казаковъ-станичниковъ, находившихся въ Москвѣ, больше дѣла не касается и онъ за нихъ больше ничего не вѣдѣтъ⁴⁾.

Такимъ образомъ проясняется на волю, Карташевъ все-же боялся своихъ земляковъ и просилъ для охраны себя солдата, тогда какъ Ревко обѣ этомъ не хлопоталъ, ибо чувствовалъ себя, видимо, безопаснѣе.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Ур. Вѣд. 1870 г. № 1. Курдильянъ. Матер. къ ист. войска.

³⁾ Тамъ-же. Курдильянъ къ этому замѣчаетъ: „въ хѣдѣ вѣтъ подписаны поручителѣ, скѣдовательно они ихъ не нашагъ, а къ своимъ землякамъ безпомощно было бы къ обращаться”.

⁴⁾ Тамъ-же.

По всемъ этимъ человѣтнмъ и по розыску, произведеному въ Военной Коллегіи, состоялось наконецъ 31 августа окончательное рѣшеніе Коллегіи: „Которые присланы въ зимовой и легкой станицахъ и нынѣ обрѣтаются въ Москвѣ атаканомъ Федору Рукавишникову и Ивану Витошнову съ товарищи, да присланы изъ Преображенского приказу казакамъ Ивану Карташеву и Федору Бахарю, да казаку Федору Ревку, который присланъ изъ Казани, всего тридцать человѣкъ, выдать провіантъ противъ солдатскихъ дачь съ сего числа на мѣсяцъ и впредь по тому же давать, пока они въ Москвѣ будуть“¹⁾.

Относительно же розыска военная коллегія, такъ какъ ею было рѣшено и разѣ, постановила послать на Яикъ особаго штабъ-офицера. О назначеніи этого офицера все время шла переписка между военной коллегіей и сенатомъ. Послѣ того, какъ былъ назначенъ для этого Болтины, военная коллегія 5 іюля снова измѣнила свое рѣшеніе и опять назначила для этого полковника Ергольскаго, такъ какъ къ этому времени онъ отъ своихъ прямыхъ дѣлъ освободился, а подполковнику Болтину сенатъ приказалъ 11 іюна быть въ сенатѣ оберъ-прокуроромъ впредь до указу.

22 іюня это рѣшеніе было снова отмѣнено и сенатъ приказалъ полковнику Ергольскому оставить при юстицѣ-коллегіи совѣтникомъ, где онъ былъ окончательно „опредѣленъ къ сочиненію Уложения.“ Вследствіе этого военная коллегія своимъ постановленіемъ отъ 9 іюля рѣшила послать на Яикъ подполковника Кириллу Сытіна, объ чёмъ и долесла въ сенатъ 13 іюля. Но сенатъ съ этими постановленіемъ коллегіи не согласился, т. к. Сытіну приказомъ сената еще отъ 6 іюля велѣно было быть въ бергъ-коллегіи совѣтникомъ, и Сытана посыпалъ не разрѣшилъ. Тогда военная коллегія, считая Сытіна въ своемъ вѣдѣніе, 26 іюля постановила: „подполковнику Сытіну быть на Яикъ у розыску непрежнему, а въ сенатъ отвѣтствовать доношеніемъ, что оному Сытіну изъ военной коллегіи отставки и въ сенатъ и къ герольдѣ-майстеру отсылки не было и занятъ онъ отъ военной коллегіи не свободенъ, понеже опредѣленъ быть на Яикъ для розыску. А для того розыску наряжены были полковники Ергольскій и Болтины, которые по указамъ изъ сената отъ той посылки отрѣшены, зачѣмъ въ посылѣ къ того розыску учавилась оставовка, и чтобы то медленіе ее прачинилось изъ военной коллегіи. А по мѣрѣ военной коллегіи у того розыску быть надлежать ему Сытіну неотмѣнно, а въ бергъ-коллегію въ совѣтника выбрать изъ оной коллегіи иного“²⁾.

Но сенатъ все таки не согласился съ измѣнѣемъ военной коллегіи и сообщиль ей 7 сентября, что „подполковника Сытана для розыску на Яикъ посыпать

¹⁾ Тамъ-же. Оставшихся тогда въ Москвѣ станичниковъ было на лицо въ зимовой (у Рукавишникова) 16 и въ легкой (у Витошнова) 11 человѣкъ, всего 27 человѣкъ. Изъ станицы Рукавишникова и Витошнова вернулись къ этому времени на Яикъ шесть человѣкъ: Михаилъ Поликарповъ, Иванъ Михайловъ, Иванъ Бѣлоусовъ, Иванъ Афонасьевъ и станицы Витошнова: Симѣон Дурмановъ и Прохоръ Дурмановъ.

²⁾ Моск. Арх. М. Юст. Дѣлъ Прав. сен. по воен. кол., кн. 9/360, листъ 475.

не надлежитъ, понеже синий отъ сената, прежде помянутаго военной коллегией къ тому розыску опредѣлѣнія, опредѣленъ быль въ бергъ-коллегію совѣтникомъ и вышѣ для того слѣдствія и розыску вместо онаго Сытина послать Казанскаго гарнизона полковника и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитана Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ военной коллегіи изъ заполошныхъ¹⁾ маіора Якова Протасова да Астраханскаго гарнизона капитана Никиту Коробова²⁾.

Это тотъ самый капитанъ Коробовъ, который привезъ изъ Астрахани въ Преображенскій приказъ казаковъ Карташева и Бахара и другихъ колодниковъ. На основаніи этого постановленія 24 сентября въ военной коллегіи было окончательно рѣшено отправить Захарова и съ нимъ изъ г. Казани двѣ роты драгунъ. Причиною назначенія такого большого конвоя послужила казачья противности.

„Понеже, — говорилось въ постановленіи коллегіи, — отъ яицкихъ казаковъ явались многія противности, а именно: 1-е когда по указу изъ правительства сената отправленъ быль на Яикъ, для того розыску маіоръ Воейковъ въ пятидесять человѣкахъ, тогда его маіора на Яикъ не пустили, отговарива-ясь тѣмъ, что въ Астраханской губерніи вѣдать не вѣдно и будто съ нимъ маіоромъ есть скора; 2-е по посланнымъ къ нимъ изъ воен. кол. указаній въ наꙗщій низовыій походъ тысячи человѣкъ не отправили, тако-жъ и посланному къ нимъ изъ воен. кол. прапорщику Савостынову о томъ походѣ съ грамотою въ кругу говорили съ шумомъ, что-де имъ поднѣться не чѣмъ и лошадей и провіанта неѣть и, что въ походѣ идти не хотять пока отъ посланныхъ отъ нихъ къ Москвѣ человѣчиковъ отпovѣдь будетъ; 3-е когда его имп. величество во время наꙗщаго низовыіго походу, будучи въ вотчинѣ генерала Фельмаршала его свѣтлости князя Меншикова въ Новопречистенской слободѣ, указалъ противъ ихъ яицкихъ казаковъ человѣтъ отправить имъ въ низовыій походъ семисотъ человѣкъ, и по тому указу такова числа въ тотъ походѣ не отправили-жъ отговариваясь пожарнымъ разореніемъ, и по такимъ противностямъ не-безсумнѣнѣа о тѣмъ, чтобы и оному полковнику Захарову не учинали какой противности и ежели они ему воспротивятся и для розыску на Яикъ его не пустиятъ и тогда что чинить, военная коллегія прилагаетъ свое извѣсіе: ежели они, яицкие казаки, полковника Захарова на Яикъ не пустиятъ, то надлежать ему въ такомъ случаѣ идти въ Казань по прежнему и потомъ дать ему однѣ полкъ драгунской и другой пѣхотной и съ ними идти къ Яику и еже будутъ противиться поступать съ ними какъ съ бунтовщиками³⁾. Отправляемымъ съ Захаровымъ солдатамъ приказано было братъ на Яикъ про-віантъ „у яицкихъ атамановъ и казаковъ съ запискою и съ расписками“.

¹⁾ Сверхъ-штатныхъ, сверхъ-комплектныхъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло правит. сената по воен. кол., кн. 2/320, листы 475—476 и 482.

³⁾ Тамъ-же, листы 479—480 и Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, св. 122/122, дѣло № 2. Подъ этимъ постановленіемъ подписаны: Александръ Меншиковъ, Лифортъ, Иванъ Пихаревъ, Сергій Сенютинъ и Иванъ Каразовъ.

Такимъ образомъ въ военной коллегіи было рѣшено, что лицкіе казаки могутъ ослушаться и что отъ нихъ можно ждать бунта.

Наражая-же для разыска полковника Захарова Военная Коллегія выѣвила ему въ обязанность разобрать всѣ тѣ дѣла, которые накопились въ Коллегіи со дня подачи Карташевыми первого извѣта на войско въ 1716 г.

Ему приказывалось сдѣлать разслѣдованіе и сдѣлать строгій разыскъ во всѣмъ доношеніемъ Карташева и по отпискамъ на лицкихъ казаковъ отъ маюра Воейкова и по всѣмъ челобитьямъ казаковъ на Воейкова и какъ говорилось въ опредѣленіи Коллегіи: „и на прочихъ Казанской и Астраханской губерніи офицеровъ и дворянъ и проказныхъ людей во всякомъ наслѣдіи и непорядкахъ и во взяткахъ, также и по доношенію лицкаго же казака Федора Резка въ убийствѣ казака же Ивана Елисѣева, который сказывалъ за собою Его Императорскаго Величества слово и дѣло, и отъ атакана Щербакова и отъ всего войска казнеѧ, и въ продажѣ въ Хазу отъ казаковъ Никиты Зѣвакана и Федора Салышчина двухъ дѣвокъ и въ прочемъ, что по тѣмъ доношеніямъ касается”.

Для этого Захарову приказывалось взять съ собою на Якъ: „Карташева скованы за карауломъ, и изъ подленныхъ въ доношеній изъ дѣлъ обстоятельную выписку и какимъ образомъ ему полковнику съ оними офицерами во время того разыска поступалъ, учина инструкцію на основаніи прежняго приговора, состоявшаго іюня 30 дня прошлаго 721 года, послать къ полковнику въ Казань съ вышеписанными штабъ и оберъ-офицеры съ указомъ, въ которомъ написать, чтобы онъ, полковникъ Захаровъ, получившие инструкцію тѣмъ на Якъ безъ всякаго мотчанія; а для конвою, караулу и посылокъ дать ему полковнику изъ казанского гарнизона изъ драгунскаго полку по прежнему приговору іюня 12 дня сего 722 году дѣлать роты драгунъ; а ежели такого числа за разсылками драгунъ дать будеть не изъ чего, то дать бы одну роту драгунъ, а вмѣсто другой роты дать изъ пѣхотныхъ полковъ роту же въ полномъ комплектѣ съ надлежащими офицерами, а до кого по тому дѣлу касается какое дѣло, а именно изъ губерніи Казанской — казанского гарнизона поручика Ивааа Иванова сына Наумова, унтеръ-офицера Филипа Черемесинова; капитана Дмитрия Кемецкаго, поручика Егора Ивааова сына Кроткова, фискала Михаила Путимова и оныхъ велѣть выслать къ нему, полковнику, въ Казань или на Якъ безъ всякаго продолженія на указанный срокъ по регламенту и о томъ, куда подлежать послать въ коллегіи промеморіи, а въ губернаторанъ на Якъ послушные указы, а въ правительствующій сенатъ подать доношеніе, черезъ которое требовать, дабы повелѣно было вышеписанному полковнику Захарову для понянутаго разыска дать изъ Казани одного старого и пять человѣкъ молодыхъ подьячихъ и одного заплечного мастера съ двумя подмастерьями, безъ которыхъ ему полковнику того разыска чинить не скѣмъ и не

возможно, ибо въ томъ розыскъ касаются многія важныя дѣла. Тоже казанскому и астраханскому губернаторамъ подтверждено бы было изъ правительствующаго сената указами, дабы вышеписанное царедворцы и приказные люди, которые по тѣмъ яицкимъ дѣламъ являютца во взяткахъ и въ обидахъ, высланы были къ нему полковнику къ отвѣтамъ безо всякаго уменьшения, чтобы за невысылкою оныхъ въ томъ розыскѣ не учвились какой остановки. А что по одному яицкому дѣлу да майора и ссырскаго коменданта Гаврила Войскова касаетца и о томъ выписать особо немедленно... Полковника Захарова привестъ къ присягѣ въ Казани казанскому губернатору, а выше писанными майору Протасову и капитану Коробову присягать въ Военной Коллегіи. А на отправление курьеровъ и на прогоны и на всякие вужные расходы отправить къ нему полковнику Захарову съ вышеписанными офицерами сто рублей денегъ изъ Военной Коллегіи, а для той посылки выдать Его Императорскаго Величества окладное ихъ жалованье на годъ полковнику Захарову въ конвой, и приказными людьми и прочими, которые съ нимъ отправлены будуть въ Казань изъ тамошнихъ доходовъ. Такожь и вышеписанныхъ офицеровъ и съ ними доносителей и прочихъ яицкихъ ставичныхъ атамановъ и казаковъ отправить нынѣ въ Казань безъ всякаго мотчайя, для чего нанять или купить имъ судно изъ Кригсъ-Комиссариата, а до Казани дать имъ въ конвой капральство солдатъ изъ московскаго гарнизона, которыхъ по прибытии въ Казань отдать въ тамошній гарнизонъ въ комплектъ, а на ихъ изѣста въ московскій гарнизонъ дать изъ новыхъ рекрутъ, и для того тѣмъ въ конвой отправленнымъ выдать денежное жалованье на заслуженные изѣсады сполна, да за дорогу денежнаго жалованья и провіанту выдать на два изѣсаца¹⁾.

Такимъ образомъ въ началѣ октября уже окончательно выяснилось назначеніе на Яицъ „вѣрнаго и праволужнаго государева раба“, давно ожидаемаго Яицкимъ войскомъ.

Распоряженія Коллегіи были сдѣланы до мелочей,—не забыты были даже и палачи—заплечный мастеръ съ подмастерьями, необходимыя лица вскальгаго розыска того времени.

Пятаго октября въ Военную Коллегію состоялся приводъ къ присягѣ Протасова и Коробова. Привели къ присягѣ и всѣхъ казаковъ, хотя о приводѣ ихъ въ постановлении Коллегіи не говорилось ни слова.

Клятвенное обѣщаніе привинавшихъ присягу казаковъ очень интересно по своему содержанию:

„Я (имя) обѣщаюсь всемогущемъ Богомъ, предъ святымъ его Евангеліемъ вѣрно, что мнѣ по указу Всепресвѣтѣйшаго и державнаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссійскаго, Государя нашего всемилостивѣй-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Правит. сената по Воен. Кох., кн. № 2/220, листы 476—478.

шаго, по данной изъ Государственной Военной Коллеги полковнику и сен-
ченовскому лейбъ-гвардіи капитану господину Захарову съ товарищи ин-
струкція въ дѣлѣ, по которое они на Якѣ отправлять имѣють, поступать
со всякою вѣрностію и съ добрымъ послушаніемъ, какъ Его Императорска-
го Величества всеподданѣшему и вѣрному рабу надлежить, не чина ни въ
чемъ ни малой противности дѣломъ и словомъ и паже мыслю, и должна
вездѣ и во всякихъ случаяхъ интересъ Е. И. В. и государства и остерега-
ть, охранять и извѣщать, что противное услышу, и все вредно отвращать,
а о злодѣяхъ объявлять и възыскивать, не щадя живота своего и все
прочее, что къ пользѣ Его Величества и его государства, чинить по доброй
христіанской совѣсти безъ обману и лукавства, какъ долженъ отвѣтъ дать
въ день судный, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій. Въ
заключеніе же*.... и т. д. Надобно полагать, что и мулла былъ въ Москвѣ,
потому что, какъ сказано, присягалъ и казакъ-татаринъ Тюлюбеть¹⁾.

Россия, которые были у присягѣ лицкіе казаки, а именно: октября 5
1722 году,—говорить Курлина,—показываетъ, что въ числѣ 27 станични-
ковъ было 5 грамотныхъ казаковъ, которые и расписались за всѣхъ другихъ
своихъ товарищѣй, а въ томъ числѣ и за двухъ атамановъ съ тремя еса-
улами*, они были не грамотны, какъ и большинство казаковъ и даже вой-
сковые атаманы: Герасимъ Погодаевъ, и бывшій прежде атаманъ Иванъ
Шербаковъ.

Въ числѣ присягавшихъ значится и казакъ изъ татаръ Тюлюбеть (за
него приложена нынѣшняя киргизская тамга, или что-то вродѣ тамги, и за-
тыкъ подписано: „къ сей российскѣй вѣсто Тюлюбета, татарина, по его
вѣльмю Федоръ Верезинъ (казакъ-ставичникъ) звания подписалъ“). Аресто-
ваннымъ же казакамъ, двоимъ доносчикамъ въ Бахарю, присяги дано не было²⁾.

Между тѣмъ Рукавишниковъ, узнавъ о посыпкѣ на Якѣ Захарова съ
двумя ротами драгунъ и зная, что они потребуютъ на Якѣ отъ казаковъ
провіанта, того-же 5 октября подалъ вѣсто съ Иваномъ Витопивовымъ и
со всѣми товарищами членобитье, въ которомъ говорилъ, что въ войскѣ про-
віанта не имѣется.

„А у насъ на Якѣ,—говорилось въ членобитной,—приготовленного прові-
анта не бываетъ никакихъ хлѣбовъ не сѣмъ и огородовъ,—живешь въ даль-
немъ разстояніи и за хлѣбными пропасами ходишь мы по жѣланцу и пода-
ешь великихъ трудомъ; а сего-де 722 году волею Божіею жилища наши и
хлѣбные пропасы и всякая рухладь погорѣло все безъ остатку, отчего
нижемъ крайнюю нужду и таинъ гладомъ и чтобы отъ помянутаго провіанта
когда господинъ полковникъ будетъ требовать, для помянутаго нашего ра-
зоренія отъ того провіанта насъ освободить“³⁾.

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 44. Курлина. Мат. къ ист. Ур. войска.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сената по Воен. Кол., дѣло 7/зю, листъ 482.

Ведѣствіе этой члобитной 10 октября было сдѣлано распоряженіе, чтобы этотъ провіантъ дать на всю команду изъ Казани впередъ на 4 мѣсяца, а полъ провіантъ дать отъ Казани до Яика уѣздные подводы, и впередъ, пока Захаровъ будетъ на розыскѣ, посыпать провіантъ этотъ или изъ Самары или изъ Казани „откуда способнѣе по разсмотренію каморъ-коллегіи на уѣздныхъ-же подводахъ, дабы вышеписанные драгуны и солдаты, будучи у того розыску на Яикѣ не претерпѣли нужды; также обрѣтающимся нынѣ въ Москвѣ яицамъ зимовой и лежкой станаціи атаманамъ и казакамъ Федору Михаилову, Ивану Витошнову съ товарищами, которые отправляются за Яикъ, для ихъ пропитанія на дорожный проѣздъ видѣть провіантъ впередъ за два мѣсяца противъ солдатскихъ дачъ изъ Московскаго магазейна“¹⁾.

Девятаго октября полковнику Захарову были написаны всѣ нужныя бумаги о его назначеніи на Яикъ, а также и тайная инструкція маюру Протасову и капитану Коробову:

Инструкція тайная Троицкаго пехотнаго полка маюру Якову Протасову да капитану Никитѣ Коробову.

1722 году, октября въ 9-й день, по указу его императорскаго величества и по приговору государственной военной коллегіи велено вамъ дать сю тайную инструкцію, въ которой написать: *первое*: какъ съ Москвы въ путь на судно совѣтъ уберутца, учредить за судаѣ добромъ караулъ: колодзиковъ посадить въ особливое мѣсто, а особлево доносателя Карташова и не допускать его съ другими ни до какихъ розговоровъ и весьма запретить ему кричать, а буде не станетъ слушатца класть ему въ ротъ кляпъ; такожъ ежели будетъ сказывать за собою слово или дѣло его императорскаго величества и въ томъ ему не вѣрить, понеже онъ не однократно такимъ образомъ затѣвалъ напрасно; *второе*: отправляся изъ Москвы, атаману Рукавишникову и прочимъ всѣмъ казакамъ объявить подъ смертною казнью, чтобы они до прїезду ихъ на Яикъ ни о чёмъ не писали и на словахъ ни чрезъ кого не приказывали, чего редкъ примищать за нихъ на крѣпко, и съ судва кроме крайнихъ нуждъ ить не спущать никуда; а когда приставутъ къ городу и что потребно будетъ купить то вѣльть приносить на судно; *третье*: въ Казань приѣхавъ всѣхъ развести по разнымъ дворамъ, а особо Федора Рукавишникова понеже на него по разнымъ доношеніямъ многое есть подозрѣніе, да казаковъ же, до которыхъ по доношеніемъ Карташова и прочихъ касаетца дѣло, а именно: до есаула Ивана Карпова, рядовыхъ Андрея Чинарева, Алексія Котельникова, Алексія Коновалова²⁾, Федора Березина, Петра Кожевникова, Алексія Тимофѣева Сапожникова, Алексія Антильева (Азовскою), Екима Иванова³⁾, Петра Прокофьевъ (Гладова), Прокофья Трифонова (Нозинского), Ивана Кузмина обобразвъ у нихъ ружье посадить по разнымъ дворамъ и приставить къ нимъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 488.

²⁾ Такого не было, а былъ Алексій Акинѳий Коноваловъ.

³⁾ Такого тоже не было.

крѣпкой караулъ, также и достальныхъ казаковъ, а именно: атамана Ивана Витошнова, есаула Петра Кочурова, рядовыхъ Ивана Михайлова, Ивана Степанова, Петра Бахромтьева, Михаила Жельзнова, Никифора Жельзнова, Григорья Горшкова, Тимофея Доскутова, Василья Осипова, Григорья Фролова, Степана Сидорова, Фрола Корженка, Григорья Рузака, Семена Коробова, татарь Бекеная Тюлембетя имѣть въ Казанѣ за карауломъ же и чинить обѣихъ такъ какъ полковнику Захарову въ тайно же инструкціи написано¹⁾.

Того-же числа была составлена тайная инструкція и полковнику Захарову. Ова еще болѣе любопытна, чѣмъ предыдущая:

„Инструкція тайная казанскаю Гарнизона полковнику и лейб-гвардии Семеновскаго полку капитану Ивану Захарову съ товарищи.

Сего октября 9 дня по его императорскаго величества указу и по приговору государственной военной коллегіи велено къ тебѣ послать сию тайную инструкцію, нальвавъ слѣдующимъ образомъ:

1) Когда Мазоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ съ гвардии казаками въ Казань приѣдутъ, тогда всѣхъ лицъ казаковъ одержать въ Казанѣ, которые скованы, тѣхъ потомужъ скованнѣи же, разсодя по разныи квартиранты; а кои съ Москвы отправлены свободныи тѣхъ подъ особыми карауломъ и приставить къ нимъ офицера и приказать никого до нихъ не допускать, и накрепко стеречь, чтобы они не могли на Яикъ письменно или чрезъ кого словесно дать знать о своемъ состояніи и обѣ отправленіи для розыску, для чего, ежели съ Яикъ какіе есть приѣзжіе, потомужъ всѣхъ задержать въ Казанѣ до своего на Яикъ отѣзду.

2) Когда на Яикъ пойдете, будучи въ пути, имѣть осторожность отъ нападенія караколшаковъ и прочихъ бусурмановъ, также и лицъ казаковъ идти въ крѣпкомъ береженіи, чтобы кто съ дороги на Яикъ не ушелъ.

3) Прешедъ къ Яику, вышеписанныхъ лицъ казаковъ держать въ обозѣ и на Яикъ провезти ихъ тайно, чтобы никто не видаль.

4) Пришедъ на Яикъ, тотъ часъ собравъ атамана и казаковъ отдать имъ грамоту и привести къ присягѣ; про которыхъ по доношенію доносителей касаетца дѣло, побрать за крѣпкой караулъ и сѣдовать по инструкціи немедленно.

5) Ежели по розыску изъ лицъ казаковъ кто приличитца въ измѣнѣ и изъ тѣхъ пущихъ завотчиковъ и возмутителей отправить въ Казань тайнымъ образомъ, замковавъ ее кандалы, за крѣпкимъ карауломъ и чтобы они не кричали сложить имъ каждому въ ротѣ клятвѣ, а на Яикѣ обѣ отправленіи ихъ не объявлять, пока получена будетъ вѣдомость, что уже они въ Казань

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 129/132, лѣво № 2, листы не нумерованы. Инструкцію подпишли: Александръ Меншиковъ, Лефортъ, Сергій Сасютовъ, Василій Хлоновъ, Иванъ Карапузъ, обер-секретарь Волковъ. Помѣщена „октября въ 25 день 1722 года“.

привезены; а по отправлениі изъ протчихъ приличищихся въ изменѣ казнить оспѣхъ на Янке а именно перевѣшать.

6) Будеже приличатца въ той измѣрѣ всѣ казаки, то съ пущими завотчевы учинять такъ какъ въ вышеписанномъ пятомъ пунктѣ написано, а протчихъ казнить тамъ а именно: отъ десяти человѣкъ одною съ жеребья повѣстить, а протчихъ бить кнутъемъ и потомъ правесть ихъ въ вѣрности къ присягѣ, а ружье все у тѣхъ кои въ измѣнѣ и въ протчихъ воровствахъ къ розыску приличатца, до указу, съ начала розыску обобрать.

7) А буде по доношевіемъ измѣнѣ никакой не яватца и Карташевъ будетъ виноватъ, тогда по окончаніи розыска ево, Карташова, и протчахъ, кои въ томъ ево затѣйномъ доношевіи яватца сообщниками, перевѣшать за Янкѣ при собраниіи всѣхъ казаковъ.

8) Въ бытность свою за Янкѣ съ самаго приходу имѣть крѣпкую осторожность чтобы лицкіе казаки незапно не учинили какова зла и для того людей своихъ имѣть възие, учредить добрые караулы, и пакрѣко смотрѣть, чтобы драгуны и солдаты были всегда въ трезвости и во всякой готовности¹⁾.

Вотъ какими суровыми инструкціями были снабжены Захаровъ и Протасовъ! Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ за отсутствіемъ Петра не стѣснялся въ дѣйствіяхъ. Захарову была дана власть казнить по своему усмотрѣнію десятаго казака — и если-бы онъ вздумалъ премѣнить это право полностью, то могъ бы перевѣшать на Янкѣ четыреста человѣкъ!

Но самую главную заботою всемогущаго временщика являлась забота о томъ, чтобы захватить войско врасплохъ, сдѣлать розыскъ Захарова внезапнымъ, не дать возможности узнать войску объ ожидающихъ его суровыхъ казняхъ. Все было для этого предупредительно предусмотрено въ инструкціяхъ.

Казаки ждали праводушнаго и вѣрнаго раба, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ поборовъ и взятокъ пріѣзжавшихъ къ нимъ офицеровъ и розыщаковъ, разсудиль-бы ихъ съ ними и удовлетворилъ бы всѣ ихъ просьбы и жалобъ, ждало — милостиваго суда и заступничества за себя.

Въ отвѣтъ на это казакамъ, вмѣсто жданаго ими праводушнаго раба — защитника, послался карательный отрядъ съ правомъ перевѣшать десятаго человѣка. Вѣдь стояло Захарову всѣ казачьи противности: отказать отъ наряда въ Переяславль, недопускъ къ себѣ маюра Воейкова, — призвать за буты и вмѣсто правосудія сотни безвинныхъ людей сдѣлялись-бы жертвами заплечнаго мастера, пали-бы на уг҃щеніе свѣтлѣйшаго князя.

Но на раду съ этими тайными инструкціями коллегія написала Захарову и звѣнную инструкцію.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 129/130, дѣло № 2, листы не нумерованы. Инструкцію подписаны: Александръ Меншиковъ, Лефортъ, Иванъ Карапуловъ и др. Помѣчено: „1722 году октября 25 днї“.

Эта инструкция была приготовлена еще полковнику Ергольскому, которого назначили для того же розыску по определению Военной коллегии 30 июня 1721 года.

Передъ инструкцией изложенъ ходъ дѣла о назначении штабъ-офицера на Яикъ для розыска и за тѣмъ слѣдуютъ пункты:

„1) Получа сю инструкцию и что по сей инструкции порученныи ему (полковнику Захарову) дѣла отправлять по сущей правдѣ, не тая ни кого, ниже посагая на кого, въ томъ учинить ему присягу, по посланному указу къ казанскому губернатору.

2) Отъ казанского же губернатора, по отправленному къ нему изъ Военной коллегии указу требовать для конвою и караулу и разылокъ даѣ рота драгунъ, а ежели такого числа, за разылоками, драгунъ не будетъ, то одну роту драгунъ, а другую солдатъ съ надлежащими офицерами; да для пятьсоти одного старого и пять человѣкъ молодыхъ подъячакъ.

3) Противъ человѣтъ и жалобъ яицкихъ казаковъ всѣхъ офицеровъ, фискала и дворянъ и проказныхъ людей ссыпавъ въ Казань, немедленно распрашивать и буде они во взяткахъ и прочихъ учеванныхъ имъ яицкамъ казакамъ неправдамъ во всемъ противъ ихъ казакамъ жалобъ повинатъ, то ихъ, за Яикъ не бравъ, вельть держать въ Казани за крѣпкими карауломъ; а дворы и животы ихъ отписать за Его Императорское Величество и о рѣшениѣ ихъ писать въ Военную коллегию и изъ дѣла объ нихъ преслатъ экстрактъ.

4) А кто изъ нихъ будетъ засираться, а будуть ясныя на нихъ въ Казани улики, тѣми розыскивать. А буде кто по тому розыску найденъ до вышки, то и пытать накрѣпко,—а паче всего розыскивать надъ фискаломъ Путоловымъ, за которого они бывать челомъ, что взяль съ нихъ двѣсти рублей. Ежели она въ тѣхъ взяткахъ оправится, также и другихъ, и для чего они такія великия взятки брали, а дѣла не изслѣдовали и не окончили.

5) А которые въ тѣхъ взяткахъ и въ прочемъ будуть засираться въ Казани, объ нихъ изслѣдовать и рѣшить будеть не возможно, и тѣхъ всѣхъ взять съ собою на Яикъ, отписать всѣ ихъ пожитки.

6) Пріѣхавъ на Яикъ, собравъ атамана и всю старшину и казаковъ, объявить имъ посланную къ немъ изъ Военной коллегии грамоту и потому въ томъ, чтобы имъ прислѣдованиемъ того дѣла и розыска и въ прочемъ поступать со всякою вѣрности по сущей и по вицѣй правдѣ, не чаяя никакихъ противностей, всѣхъ привѣсть къ присягѣ, и крестно-цѣлованію по приложенной при сей формѣ.

7) По доношениямъ доносителей, яицкихъ казаковъ Ивана Карташева и Федора Ракка о замѣнѣ, также и о смертномъ убийствѣ казака Ивана Ели-

еёвъ, также и по отпискамъ на нихъ казаковъ маюра Войскова, разныи же образомъ и по жалобамъ яицкихъ атамановъ и казаковъ на маюра Войскова и на прочихъ офицеровъ и дворянъ и приказныхъ людей, и во взяткахъ и въ прочемъ, во всемъ противъ вышеписанного приговору ссыкивать и розыскивать немедленно; а кто дойдетъ до пытки, тѣхъ пытать на крѣпко.

8) Буде, наче всякаго чаянія, изъ яицкихъ атамановъ и казаковъ приличится кто въ какой измѣнѣ и въ прочихъ воровствахъ, тѣхъ держать за крѣпкимъ карауломъ и объ винѣ ихъ писать въ Военную коллегію обстоятельно и прислать изъ дѣла обѣ оныхъ экстракты, чрезъ нарочнаго курьера.

9) Такимъ же образомъ учинить и о тѣхъ, комъ по жалобамъ яицкихъ казаковъ приличится во взяткахъ и въ прочихъ, учиненыхъ имъ противностахъ.

10) Вышеписанныя яицкия дѣла, по которымъ подлежитъ сдѣловать и розыскивать, отправлены изъ Военной коллегіи съ канцеляристомъ Ильемъ Тарабанинымъ, которому быть при васъ до окончанія того розыска и до возвратенія вашего съ Яику, и для того казанскихъ подъяичихъ подчинить ему.

11) Да вами же всѣхъ яицкихъ казаковъ пересмотрѣть на лицо по именно, также и обѣ отлучныхъ справиться и обо всѣхъ казакахъ и о прочихъ всякихъ пришлыхъ людяхъ у атамана и у старшины, взять за нихъ руками подписанную вѣдомость и именные всѣми списки и отъ каждого человѣка сказать: кто отъ куда родомъ, и сколь давно на Яику живутъ они или отцы и дѣди, и взѣ за кого пришли и въ которомъ году именно. А чтобы каждый о томъ сказалъ сущую правду, того ради напредъ публиковать указомъ, ежели кто скажетъ не правду; также и атаманъ и старшина кого утаить и не такъ напишутъ, какъ истина есть, и за то казнены будутъ смертю, а кто въ томъ на нихъ донесеть и ихъ неправду уличать и тѣ взыскавы будуть Его Императорскаго Величества превысокою милостію.

12) По такомъ смотрѣ сдѣлать и изъ именной списоокъ по годамъ и толь списокъ за своею рукою прислать въ Военную коллегію немедленно. А буде яватся бѣглые драгуны, солдаты, пушкари и прочие служилые люди въ тѣмъ чинить указъ по военному артикулу.

13) А чтобы воредь они, казаки, пришлыхъ людей не принимали, о томъ имъ всѣмъ запретить подъ смертною казнью, а ежели это на нихъ въ томъ донесеть, и тѣмъ обѣщать Его Императорскаго Величества милость и награжденіе.

14) Окончивъ розыскъ и учина овой разборъ, обо всѣхъ своихъ дѣлахъ прислать списоокъ съ нарочнымъ курьеромъ, а самому ожидать на Яику изъ Военной коллегіи указу.

15) Между тѣмъ какимъ образомъ и поего числа въ Казани дѣла начнутся и рѣшатся и котораго числа изъ Казани ва Яику поїдете и къ Яику прибудете и что будетъ въ розыскахъ и прочихъ дѣлахъ чиниться, писать въ Военную коллегію чрезъ нарочныхъ курьеровъ.

16) На отправление курьеровъ, на прогоны и прочие нужные расходы отправлено изъ Военной коллегии триста рублей денегъ, которые держать съ запиской и съ росписками иначе, а бумагу и чернила, и свѣчи, и лака брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикъ изъ войсковой избы.

17) Для отправления курьеровъ и прочихъ вуждъ по тракту отъ Казани до Яику подставы (не разобрано) по двѣнадцати лошадей.

18) На Яикъ и для себя и конвоя, и приказанныхъ людей, и для драгунъ квартеры требовать по своему разсмотрѣнію.

19) Которые будутъ изъ Казани отправлены на Яикъ въ конвой драгуны и солдаты и тѣхъ велѣть на Яикъ кормить яицкимъ казакамъ съ запиской съ росписками, для известія имъ имѣть записную тетрадь; а имъ, казакамъ, объявить, во что тогъ коштъ станетъ и то доправлено будетъ на виноватыхъ.

Въ прочемъ во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ Военной Коллегіи праговорахъ и вышепоказанныхъ пунктахъ изъясено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не парова, ниже посягая на кого со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ добрымъ офицеромъ надлежитъ подъ опасеніемъ военнаго суда¹⁾.

Одновременно съ составленіемъ этихъ инструкцій въ Военной Коллегіи была составлена къ Яицкому войску грамота. Къ сожалѣнію подлинной до насъ не дошло. Она погибла вмѣсь съ дѣломъ, бывшимъ у Курянина. Объ этой грамотѣ онъ говорить кратко:

„Объ этомъ назначеніи полковника Захарова съ маюромъ Протасьевымъ и капитаномъ Коробовымъ, равно о давной инструкціи Захарову, посланаѣ былъ изъ Военной Коллегіи на Яикъ войсковому атаману Герасиму Погодину и всему Яицкому войску данный послушный, или повелительный указъ (грамота), отъ 9 октября 1722 года, въ которомъ изложено ходъ дѣла по дово-самъ Карташева, Елисѣева, Назарова и Ревка и о несостоившихъ по немъ назначеніямъ на Яикъ чиновникахъ для производства розыску. Мы же приводимъ здѣсь этого указа по тому, что въ немъ нѣть ничего намъ неизвѣстнаго. Указъ заключается слѣдующими словами: „и какъ ванъ ся наша императорскаго величества грамота предеть, а полковникъ и лейбъ-гвардіи нашего Семеновскаго полку, капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ прїѣдутъ, и ванъ бы, атаману и казакамъ, быть имъ во всемъ послушными безъ всякаго прекословія“²⁾.

Какъ видно изъ инструкцій, данной Захарову, всѣ дѣла, относящіяся къ Яицкому войску и остальные бумаги, а также, вероятно, и грамоту войску,

¹⁾ Ур. В. Вѣх. 1870 г. № 44 Курянина. Мат. къ ист. Ур. войска. Этую инструкцію подписали: Александру Меньшикова, Альфортъ и еще трое. Передана она была маюру Протасову для доставленія Захарову въ Казань, черезъ Касимъ, 23 октября.

²⁾ Ур. В. В. 1870 г. № 44. Курянина. Мат. къ ист. Ур. войска.

позвезъ къ Захарову въ Казань канцеляриѣ *Илья Тарабанинъ*. Откуда она была отправлена съ кѣмъ либо на Янвъ.

Эта инструкція была явная и гласная. Её приказывалось Захарову по прїездѣ на Янвъ объявить казакамъ, чтобы они знали, что онъ прїхалъ исключительно по ихъ челобитнымъ, чтобы разобрать всѣ ихъ жалобы и сдѣлать перепись.

И такъ въ началѣ октября все было готово для того, чтобы отправить казаковъ и Протасова въ Казань и, наконецъ, начать слѣдствіе и розыскъ, о которомъ такъ усиленно просило четыре года Яицкое войско.

Но канцелярская волокита задержала отправку Протасова еще почти на цѣлый мѣсяцъ.

Сенатъ, получивъ все эти постановленія Военной Коллегіи, утвердилъ ихъ только 17 октября.

Задержалось дѣло и изъ-за судна и денегъ.

Кригсъ-Комиссариатъ, пишетъ Курзинъ, получивъ отъ Военной Коллегіи промеморію объ отпускѣ опредѣленныхъ ею маюру Протасову и прочими деньгъ (окладное жалование полковнику Захарову и коавою назначено выдать изъ казанскихъ доходовъ) и имѣя въ основаніи царскій указъ и распоряженіе Пленнаго потенциаль-кригсъ-комиссара князя *Якова Федоровича Долгорукова*, по которому заложеннымъ офицерамъ можно было производить окладное жалованье, и то лишь въ полъ-окладахъ, только тѣмъ, которые помѣстій и вотчинъ не имѣютъ (между тѣмъ у Протасова оказалось 16 крестьянскихъ дворовъ) отозвался Военная Коллегія, еще 20 сентября, что деньги ему выдать слѣдуетъ изъ Штатсъ-конторы „за счетъ той губерніи, при которыхъ полкахъ онъ былъ“ (Протасовъ числился въ Киевскомъ гарнизонѣ), — что струга для отправки казаковъ и прочихъ вѣтъ въ комиссариатъ, а если и есть суда, то они покупаны по указамъ Военной же Коллегіи для перевоза мундира и амуниціи въ Низовой корпусъ, и что ни какую дачу ни Протасову, ни Коробову и на покупку судна денегъ въ комиссариатъ ни откуда не прислано. Получивши этотъ отвѣтъ, Военная Коллегія на другой же день постановила лаковицкій приговоръ, велѣла Комиссариату выдать маюру Протасову означенные 300 р. изъ наличныхъ денегъ, а ихъ пополнить послѣ изъ вычетныхъ за отпуска, когда поступать на проходъ. Тѣмъ не менѣе деньги Протасовъ получалъ лишь 17 октября и то послѣ переписки, послѣдовавшей даже и за лаконическимъ приговоромъ. Интересно, что со всѣми по этому указанию, промеморіями и договореніями прогудивался изъ мѣста въ мѣсто самъ маюръ Протасовъ лично¹⁾.

Лишь только послѣ этого категорического требованія Коллегіи, дѣла пошли нѣсколько скорѣе и Протасову были наряжены и посланы, опредѣленные для сопровожденія казаковъ, караульныхъ 12 драгунъ и столько-же пѣхот-

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 44. Курзинъ. Мат. къ Ист. Ур. войска.

внхъ солдатъ, но получивши ихъ, Протасовъ привесъ жалобу, что караульные „безъ ружья, и безъ мундира, и безъ амуницій“. О снабженіи ихъ всѣхъ этими, также порохомъ и связцомъ, произошла переписка съ московскимъ губернаторомъ и артиллерійскимъ начальникомъ¹⁾.

Но пока шла эта волокита, въ Военной Коллегіи разбирались возникнувшіе тамъ новые вопросы:

1) О разборѣ и о высылкѣ на Яикъ казаковъ прошлыхъ, крестьянъ и другихъ чиновъ, съ котораго году разборъ начинать?

2) Ежели Яицкіе казаки полковника Захарова для розыску на Яикъ не пустить, и съ ними что чинить?

„На сдѣланное по этому докладу представление Военной Коллегіи, — пишетъ Куриловъ, — Правительствующій Сенатъ отъ 30 октября 1722 г. указалъ, что если его, полковника Захарова, на Яикъ для того розыску не пустить, то доносить о томъ немедленно Государю, въ Сенатъ въ Военную Коллегію; если же этого не будетъ, то, произведя излѣдованіе и розыскъ обѣя Яицкаго казакахъ, донести о его окончаніи въ Военную Коллегію, а между тѣмъ, въ ожиданіи указа на это донесеніе сдѣлать перепись всѣхъ мужескаго пола за Яикъ, и хотя у казаковъ какіе бѣглые солдаты и прочихъ чиновъ, и крестьяне чьи явятся, и имъ велѣть у нихъ служить по прежнему до указу въ тѣхъ же мѣстахъ, кто гдѣ живѣтъ“; а 31 октября посланъ обѣя этомъ изъ Военной Коллегіи Захарову указъ и на Яикъ послушная грамота²⁾). Такимъ образомъ этимъ дополнительнымъ постановленіемъ Коллегія рѣшила всѣхъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ оставить въ казакахъ до особаго указа. Чѣмъ руководствовалась Коллегія въ этомъ случаѣ неизвѣстно.

Виѣтъ съ этимъ была составлена на Яикъ и послушная грамота.

„Въ приговорѣ коллегіи по этому случаю, — пишетъ Куриловъ, — велико объяснить въ послушной грамотѣ казакамъ (которую послать съ особыми офицерами изъ московского гарнизона), что перепись назначена для пользы всего Яицкаго войска, такъ какъ жалованье отпускается ему по прежнему только на 600 человѣкъ, за неизвѣстностью подлиннаго числа казаковъ, а послѣ-де перепись жалованье будетъ производиться на наличное число, — что розыскъ велико сдѣлать по человѣчью всего Яицкаго войска, „ионеже Его Императорскому Вѣдомству вѣдомо учинить отъ разныхъ посыпокъ на Яикъ изъ Казавской и Астраханской губерній учиналось яицкому войску многая обида и

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же. „Въ дѣлѣ имѣется указъ Сената (отъ 30 октября) лишь въ коинѣ, а на оборотѣ по-слѣдней страницы въ коинѣ же помѣтка: „и помѣжъ каждымъ образомъ въ исполненіи призывныхъ съ яицкими казаками имѣтъ учинить, того въ семъ укатѣ и написано; того ради требовать итъ Правительствующаго Сената о томъ указѣ доношевѣть съ прежніго о томъ подвижнаго доношеніи-же“. Иль дѣлѣ видно, что когда капитанъ Коробовъ привѣзъ въ Москву колодникомъ, то въ то время были тамъ колодники съ Дону, неизвѣстно по какому дѣлу, но если Военная коллегія дѣлала представленія въ Сенатъ, какъ говорится здѣсь, о переписи пришьть у доклада казаковъ, то надобно полагать, что и на Дону были какіе инбѣды чти-нибудь во родѣ Карташевскаго“. Примѣч. Курикова.

разоревіе, того ради Его Императорское Величество всеподданѣйше милосердью къ всему яицкому войску, указалъ отпрасти на Яикъ вышеупомянутою полковнику Захарова и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, велѣно его на Яикъ казнить смертью, чтобы атаманъ и все яицкое войско, взирая на такое къ немъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыску и переписи показали свою вѣрность, и ежели какихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобы такихъ взять, держали окованы, за крѣпкимъ карауломъ до прїзыва къ немъ полковника Захарова, и о томъ бы къ нему въ Казань писали и на сю грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланаго къ немъ офицера немедленно¹⁾.

И такъ въ проектѣ составленной къ войску грамоты военная коллегія говорить, что назначение полковника Захарова для розыска было сдѣлано приказомъ Его Величества, но мы знаемъ, что въ то время, когда дѣлались эти распоряженія военной коллегіей, Петръ былъ далеко отъ Москвы въ Персидскомъ походѣ и едва-ли зналъ даже о предстоявшемъ розыске, а не только объ посыпѣ Захарова. Все это, начиная съ тайной инструкціи Захарову и кончая грамотой къ войску—все это дѣжалось лишь по единой волѣ всесильного тогда свѣтлѣйшаго князя Меншикова. По его же распоряженію было приказано Захарову произвѣсти и перенести на Яикъ.

Грамота войску была, какъ видимъ, послана съ особымъ офицеромъ, выѣхавшимъ за Яикъ 31 октября. Фамилія его неизвѣстна.

Во времена этой переписки для Протасова и казаковъ отпустили стругъ. Ноѣхать все же было нельзя. Стругъ былъ, но не было кормщика, гребцовъ и денегъ на случай починки судна. Поэтому Протасовъ въ Коробовъ 15 октября вошли съ представлениемъ въ военную коллегію, что стругъ хотя и данъ, а кормщикъ и гребцовъ и денегъ на случай починки судна не дано, и что „вѣрно везти только доносителей скованными, а атамана и казаковъ въ какой силѣ содержать—за карауломъ ли или безъ караула, не объяснено“ (въ инструкціи), безъ караула же содержать ихъ они опасаются, чтобы не ушли, такъ какъ до нихъ касаются важныя дѣла; и если повелѣно будетъ содержать ихъ подъ карауломъ, то такихъ малыхъ конвоемъ, какой на нихъ данъ, сдѣлать это нельзя²⁾. Военная коллегія 25 октября сдѣлала постановленіе, по которому было решено: „Понеже по доношенію яицкаго казака Карташева касается до всѣхъ яицкихъ казаковъ дѣло, того ради, когда маоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ на судно со всѣмъ уберутся, тогда у всѣхъ казаковъ ружье отобрать и посадить за карауломъ: атамана Федора Рукавишникова, есаула Ивана Карпова, Алексея Котельникова, Петра Коженикова, Андрея Чичарева (сталичный дьякъ), Федора Березина, Алексея Тимофеева (Сацожниковъ), Алексея Астапьевъ (Азовскова), Акима Иванова (такого въ числѣ стаицниковъ не было, а былъ Алексѣй Коноваловъ), Петра Прокофьевъ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же № 48.

(Гладовъ), Прокофья Трифонова (Новинсковъ), и Ивана Кузьмина (такого тоже не было) — всего 12 человѣкъ, на которыхъ доноситель имѣни подавалъ подозрѣніе, сковать, пока они въ томъ дѣлѣ очистатся и о томъ имѣиору Якову Протасову и капитану Никету Коробову учинить по вышеписанному Его Императорскаго Величества указу¹⁾).

Относительно же расходовъ на починку судна коллегія разрѣшила произвать расходы изъ 300 рублей, отпущеныхъ Протасову для передачи полковнику Захарову.

Такимъ образомъ къ 25 октября все было готово къ отплытию, но Протасовъ задержался еще на 5 дней, вѣроятно, благодаря послѣдней перепискѣ и лишь 31 октября овъ вѣстѣ съ казаками, теперь уже „колодниками“, выѣхалъ изъ Москвы.

Можемъ себѣ представить удивленіе Рукавишникова и всѣхъ казаковъ въ минуту посадки ихъ на судно, когда у нихъ у всѣхъ не только отобрали оружіе, но Рукавишникова, ихъ главнаго ходатая, вѣстѣ съ другими 11 казаками заковали въ цѣпіи и посадили на ряду съ известными намъ доносителями Карташевымъ и Ревко и участникомъ казни атамана Бѣлоусова казакомъ Бахаремъ!

Что чувствовали въ это время станичники? Думали-ли они такъ печально кончить свои ходатайства о назначеніи розыска на Якѣ?

Не долго ъхали „колодники яицкіе казаки“ на стругѣ. Наступившіе морозы прекратили это путешествіе. Въ Коломнѣ, недалеко отъ Москвы, Протасовъ вынужденъ былъ судно оставить и ъхать далѣе на подводахъ. Колодниковъ повезли черезъ Нижній-Новгородъ въ далѣе въ Казань уже зимнимъ путемъ по Волгѣ. Въ Казань они прибыли въ первыхъ числахъ декабря, пробывъ въ пути болѣе мѣсяца, гдѣ Протасовъ и сдалъ колодниковъ Захарову. Здесь Захаровъ съ ихъ прибытіемъ положилъ начало тому суровому розыску, который уже на слѣдующій годъ сталъ роковымъ для казаковъ на Якѣ.

Но въ то время, когда происходили эти события, въ Яицкомъ войскѣ по неизвѣстной намъ причинѣ былъ смѣнецъ атаманъ Погодинъ и вместо него выбранъ ранѣе бывшій войсковой атаманомъ Григорій Меркульевъ.

Получивъ послушаю грамоту о назначеніи полковника Захарова, войско 17 декабря написало въ коллегію отписку. Подлинная утрачена вѣстѣ съ дѣломъ, находившимся у Курянига. Объ этомъ отвѣтѣ казаковъ онъ говоритъ, что войско, между прочимъ, писало: „во всемъ вѣрное извѣстіе показать желають, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ; а при Яицкихъ войскѣ возвѣтителей и воровъ не явалось; а доноситель Карташевъ на кого и

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, съюзка 147/12, лѣпо № 2. На оборотѣ чирковаго отпуска помѣтѣ: „Таковъ указъ маиоръ Яковъ Протасовъ принялъ 1722 г. октября въ 26 денѣ“. Покинулъ обер-секретарь Алексѣй Нелонъ. Фамилія и замѣчанія въ скобкахъ написаны Курянинымъ въ его Матер. къ Истор. войск. Упр. Вѣк. 1870 г. № 48), гдѣ у него приведены тѣ же узлы.

на сколько человѣкъ показать и какое дѣло, о томъ мы Яицаний войскомъ не извѣстны¹⁾.

Что было въ это время въ войскѣ, какія думы волновали казаковъ — трудно сказать; но уже по тому, что они получили послушный указъ, видно, что о назначеніи Захарова они знали и потому цунуть тайной инструкціи, о появлѣніи Захарова на Яикѣ неожиданно, терялъ свою силу. Казаки знали, что Захаровъ юдетъ и, конечно, дѣлали все возможное для того, чтобы узнать и объ его характерѣ, и объ характерѣ его дѣятельности при розысѣ, въ обѣ дѣятельной цѣли поѣзда.

Въ городкѣ въ это время было невесело. Онъ все еще представлялъ изъ себя пожарище, т. к. въ одно лѣто казаки не могли обстроиться и большинство еще ютилось въ землянкахъ. Изъ дошедшихъ до насъ расходныхъ дѣствовъ войсковыхъ денегъ видно, что казаки вместо сгорѣвшихъ церквей построили временно часовню и стали собирать деньги на постройку церквей. Какая церковь была начата постройкою первою — неизвѣстно.

Вѣсти же изъ Руси доходили неутѣшительныя. Получился приказъ о новой одеждѣ для старообрядцевъ. По всѣмъ городамъ Руси и Поволжья у городскихъ воротъ выставлять былъ этотъ „образцовыи“ нарядъ „бородачъ и раскольщикъ“: „Зипунъ съ стоячимъ клеенымъ козыремъ, ферязъ и однорядка съ лежачими ожерельемъ, а у раскольщиковъ козыри красные“²⁾.

Обложенные двойной податью съ этого времени старообрядцы должны были еще и ходить въ образцовой одеждѣ.

Тяжелый годъ былъ для войска. Пожаръ испепелилъ весь городокъ, хлѣбная голодаовка выгнала многія семьи въ Русь, набѣги киргизъ отогнали почти весь конскій табунъ, и, наконецъ, въ этотъ годъ долженъ былъ прїѣхать на Яикъ новый розыщикъ, должны были начаться новые допросы и судебная волокита.

Что то будетъ, чѣмъ то это все кончится? думали казаки въ ожиданіи Захарова.

¹⁾ Ур. Войск. Вѣдъ. 1870 г., № 48. Курянинъ. Мат. къ Ист. Ур. войска.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената 27/57, листъ 181.

ГЛАВА XXVIII.

Отправление въ Москву станицы Фадѣева. Сыскъ Захарова въ Казани и на Яикѣ. Заговоръ казаковъ и намѣреніе войска бѣжать въ Хиву и за море. Казнь Ружавишиникова и другихъ. Доносъ Яганова и Краснощекова. Перепись Захарова. Набѣги киргизъ. (1723 г.).

— „Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудить,
Баринъ разбереть.“ —
Некрасовъ.

Въ концѣ декабря, посль багренья, казаки послали обычную зимовую станицу съ царскимъ кусомъ съ атаманомъ Петромъ Фадѣевымъ есауломъ Григориемъ Ивановымъ — всего 13 человѣкъ¹⁾.

Кромѣ посылки царского куса войско вѣстѣ со станицею рѣшило просить Коллегію обѣ облегченія участіи казаковъ. Бѣдность въ войсکѣ была полная — у нихъ ничего не было: ни домовъ, ни снаряженія, ни лошадей, ни одежды. Не было хлѣба. Войско написало челобитную съ прошбою обѣ отмѣнѣ накара на р. Черемшу, стало просить возвратить уже наряженыхъ туда казаковъ.

„И мы отъ пожарного разоревія,—писали между прочими казаки въ челобитной,—и отъ набѣговъ непріятельскихъ вынѣ живемъ за непостроеніемъ, врывшись въ землю, многие въ самой крайней скудости, и отъ хлѣба во оскуденіи, и церкви Божіей не построена у насъ ни одной; а крѣпости себѣ, опрічь одного валу, не вмѣемъ, для того, что построица намъ нечемъ; а и колоколовъ и пушекъ после пожару въ остаткахъ малое число, и въ лошадяхъ неисправны, такъ же ружья и седель малое число при себѣ нынѣ вмѣемъ и прашу во всеконечную скудость. И дабы до исправленія часъ въ строеніе и во всякихъ приключившихъ нуждахъ на сколько лѣть отъ Чемышанской службы и отъ другихъ свободныи быть; а прежъ сего, которыя службы были ни отъ которыхъ мы не отговаривались и вездѣ со всѣ-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Прав. Сен. по Воен. Колл. 11/142, л. 19—20. Въ числѣ станицы были казаки Петра Григорьевъ, Бузыка Вещадиакомъ, чрапорщикъ (заманщикъ) Михаилъ Сименовъ. Фамилии остальныхъ казаковъ неизвестны.

кимъ желаніемъ того требовали; а нынѣ у насъ несправная нужда чого мы
казь и Яицкой нашъ городокъ жителемъ зачался того не видали, что нынѣ
къ намъ привлючилось”¹⁾.

Тяжело же, видимо, было казакамъ, если ужъ они, ретивые служаки, стали
просить освободить ихъ на иѣкоторое время отъ нарядовъ на службу.

Станица выѣхала на двадцати подводахъ, обычно сопровождаемая ерта-
уломъ. Въ Самарѣ съ казаковъ взяли пошлину: — „съ возовъ походутнаго
восемь рублей шестнадцать алтынъ” и съ каждой „десятой деньги”, быв-
шихъ у нихъ на рукахъ денегъ, — семь рублей 16 алт. 4 деньги.

Въ Самарѣ своихъ лошадей казаки возвратили обратно, и, нанеся какъ
это дѣлалось обычно, вольные подводы, заплативъ по 5 руб. съ подводы до
Москвы²⁾.

Здѣсь 22 января они сдали царскій кусъ въ дворцовую канцелярію и
подали въ контору военной коллегіи челобитную отъ войска, гдѣ атамана
Петра Фадльева разспросили о положеніи войска. Въ поданной имъ по этому
поворуду 4 февраля челобитной онъ говоритъ: „Нынѣ отъ насъ Яицкаго вой-
ска, за Черемшанскихъ пасахъ употреблено казаковъ триста человѣкъ³⁾ и
вѣдомо было для пожарного разоренія съ Черемшанскихъ пасовъ
всѣхъ отпустить на Яикъ или отпущать бы ихъ въ дома свои къ зимѣ съ
котораго числа повелено будетъ, а весною отъ насъ съ Яика отправлять”⁴⁾.
Говоря о тяжелой жизни за Яикомъ, Фадльевъ говоритъ, что киргизы стали не
только лѣтомъ, но и зимою нападать на Яицкій городокъ. „Зимнимъ вре-
менемъ отъ набѣговъ вепріательскихъ людей подъ нашъ казачей городокъ и
подъ другія мѣста прежъ сего небывало”⁵⁾. Ось просилъ также и о вы-
дачѣ жалованья этимъ казакамъ, т. к. они до сихъ его не получали. Про-
силъ онъ выдать жалованье въ станичникамъ и деньги истраченныя на наемъ
подводъ для привоза царскаго куса.

Контора Военной Коллегіи донесла объ этомъ въ Петербургъ въ Военную
Коллегію.

Въ числѣ станичниковъ были два казака, которые только что вышли изъ
хивинского плѣна: есауль Григорій Ивановъ и заменикъ (прапорщикъ)
Михаилъ Степановъ. Оба они 8 февраля подали челобитныя, прося жалованья
за полонное терпѣніе.

„Въ прошломъ 716 г., — писали они въ челобитной, — по Его Император-
скаго Величества указу, взяты мы были изъ Яицкаго города съ яицкими

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 37.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сен. по Воен. Колл. 11/12, л. 19.

³⁾ Изъ челобитной войска въ 1722 г. видно, что казаковъ было отправлено на Черемшунъ 500 чал.
Вѣроятно 200 изъ нихъ осеню того-же года были отпущеніемъ на Яикъ, но обѣ этомъ сѣдѣній не
известно.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, ч. 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 37.

⁵⁾ Такъ-же.

казаками въ хивинскій походъ съ лейбъ-гвардіі капитаномъ кназемъ Черкасскимъ и въ томъ-же году отъ оныхъ хивинцевъ взяты въ полонъ въ бытъ полону семь лѣтъ и помирали голодною смертю, изъ того полону ушли и явились въ Яецкомъ городкѣ и чтобы за сное наше полонное терпѣніе наградить противъ нашей браты, ушедшихъ изъ онаго-же полону Его Императорскаго Величества жалованьемъ¹⁾.

На эту члобитную резолюцію Коллегія послѣдовала лишь 18 марта; приказано было выдать обоимъ по два портища сукна.

О дачѣ станичникамъ жалованья и денегъ, истраченныхъ на подводы, состоялся указъ лишь 11 іюня, было выдано всего двѣсти рублей²⁾.

Виѣстъ со станицею прибылъ въ Москву башкирецъ *Насай Тулаевъ*. Этотъ башкирецъ въ числѣ многихъ былъ захваченъ калмыками, гдѣ и жилъ все время въ улусѣ Чаванъ Доржы, родомъ тоже башкирца.

Но въ 1722 г. ось съ вѣкоторыми калмыками, по примѣру Даши Булатова, вышелъ изъ Яикъ, чтобы записаться въ войско и служить виѣстѣ съ казаками. Но калмыки, узнавъ объ этомъ, вошли за ними и догнавъ, ихъ на Яикъ, начали за нихъ и разбили, захвативъ въ путь 20 человѣкъ съ пожитками и до 300 лошадей.

Аюка-ханъ просилъ войско выдать спасшихся отъ разгрона башкирцевъ и въ томъ числѣ и Ногая, но войско безъ указа это сдѣлать отказалось.

При отправленіи-же замковой станцы Тулаевъ попросилъ знаменщика Степанова взять его съ собою въ Москву. Здѣсь Тулаевъ 8 февраля подалъ члобитную.

„А прѣжъ сего, которые изъ калмыкъ выходили, — писалъ Тулаевъ, въ казаки въ Москву привозили и за вывозъ имъ казакамъ давано было жалованье, и я желаю служить Его Императорскому Величеству съ яндкими казаками и чтобы за выходъ изъ, таѣ-же и за вывозъ прапорщикомъ Степановимъ наградить жалованьемъ³⁾.

18 марта состоялся указъ Военнѣй Коллегіи: „Выѣжжему Башкиру Ноғаю Тулаеву по прошежию его быть на Яикѣ подъ державою Императорскаго Величества и службу служить виѣсте съ яндкими казаками и по обывновенію ихъ изъ Яикѣ привезть его и съ нимъ будучихъ всехъ къ присяге и о томъ изъ Яикѣ послать грамоту⁴⁾). Относительно же жалованья ему было приказано выдать наравнѣ съ калмыкомъ Даши Булатовимъ⁵⁾.

Станичники остались въ Москвѣ дожидаться результатовъ войскового члобитья обѣ отиѣзда нарада.

¹⁾ Тамъ-же, дѣло 784, листъ 100.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Прав. Сен. по Воен. Колл. 11/ак, листы 21—22.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, лн. 198, дѣло 784, л. 109.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же.

Въ то время, пока станичники были въ Москвѣ, въ Казани производился розыскъ. Съ пріѣздомъ туда Коробова и Протасова, Захаровъ началъ слѣдствіе, тотъ знаменитый сыскъ, который направилъ дальнѣйшую жизнь казачьей общины на новый путь — на путь безпрерывныхъ волненій, смутъ и недовольства, — сыскъ, результатами котораго впослѣдствіи явилась не менѣе знаменитая пугачевщина.

Надо отдать справедливость Захарову, — онъ былъ, кажется, единственнымъ честнымъ человѣкомъ во всей плѣядѣ сысковъ, бывшихъ на Яикѣ, — это былъ дѣйствительно праводушный государевъ рабъ. Не только безкорыстный, но и строгий къ дѣламъ чести — онъ смѣло и энергично взялся за дѣло, точно и добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе и инструкцію. Онь открыто шелъ къ истинѣ, вершилъ московскую правду, какъ она понималась въ то время. Но то, что казалось правдою для Москвы, совершенно не подходило къ понятіямъ о ней среди вольного казачества на Яикѣ.

Первымъ дѣломъ Захарова въ Казани было слѣдствіе надъ всѣми тѣми, на кого жаловалось войско. Но изъ всѣхъ виновниковъ казачьихъ бѣдъ въ Казани находился только одинъ дьякъ Федоръ Сухаревъ. Остальныхъ „казанскихъ офицеровъ дворянъ и фискаловъ“ въ Казани не было. Сухаревъ находился въ это время въ распоряженіи Руманицева, строившаго въ Казани корабли по указу самого царя. Но Захаровъ етакъ не смущился. Еще до прибытия Протасова, получивъ лишь только указъ о производствѣ розыска, Захаровъ взялъ Сухарева подъ арестъ, описалъ и арестовалъ все его имущество и лишь только для самыхъ необходимыхъ занятій по корабельному дѣлу отпускалъ его къ исполненію своей должности, но не иначе, какъ подъ конвоемъ четырехъ солдатъ. Не смотря на самыя усиленныя просьбы какъ Сухарева, такъ и Руманицева, а также и губернатора, Захаровъ не отдалъ его за поруки и требовалъ его съ собою для розыска на Яикѣ.

Тогда казанскій вице-губернаторъ Кудравцевъ, завѣдывающій въ тоже время и корабельной канцелярией, написалъ объ этомъ въ военную коллегію, гдѣ, между прочимъ, просилъ освободить Сухарева изъ подъ караула и ни подъ какимъ видомъ не отправлять его на Яикѣ. „Ибо Сухаревъ, — говорилъ онъ, — какъ въ прежніи дѣламъ корабельныхъ лѣсовъ, такъ и въ нынѣшніи судовыми строеніями за все въ расходъ деньги держалъ, которыхъ чрезъ него не малыя тысячи произошло... и ежели онъ, Сухаревъ, полковникъ Захаровыи взять будетъ на Яикѣ, то тѣ суда и другія дѣла вскорѣ остановятся и интересъ императорской многой пропадетъ“¹⁾.

Кудравцеву во что бы то ни стало нужно было выручать своего помощника, т. к. Сухаревъ, обирая казаковъ въ Казани, дѣлалъ это, конечно, не безъ покровительства вице-губернатора, къ которому перешла, вѣроятно, не малая часть казачьихъ денегъ.

¹⁾ „Ур. Вѣд.“ 1870 г. № 44. Курортъ. Мат. къ Ист. Ур. в.

Извъ коллегіи написали Захарову, чтобы онъ отдалъ Сухарева на поруки „буде важне прежняго дѣла, которое показано отъ него на Ицаихъ казаковъ во взяткахъ до него не касается“.

Въ коллегіи такимъ образомъ взятки Сухарева по просьбѣ Кудрявцева не считали важными дѣломъ, а предоставили Захарову право держать дѣяка подъ арестомъ только въ случаѣ, если онъ найдетъ за нимъ болѣе важныхъ дѣлъ.

Но прямолинейный характеръ Захарова съ этимъ не принялъся. Онъ по прежнему сталъ настаивать на своемъ и требовалъ Сухарева съ собою на Яикъ для очныхъ ставокъ.

Рѣшительность Захарова смущила Кудрявцева. Захаровъ былъ неумолимъ. Онъ все время по прежнему приводилъ къ себѣ для допроса дѣяка чрезъ прaporщика Скрябина и держалъ его подъ арестомъ.

„Наконецъ,—пишетъ Курильевъ,—Сухаревъ подалъ на Высочайшее изъ просьбу, въ которой объявилъ, что онъ былъ уже въ разспроѣ у Захарова и сказалъ, что „такихъ великихъ взятоекъ никогда съ яицкихъ казаковъ не имѣвалъ; только де когда казаки прѣважаютъ въ Казань, въ каждомъ годѣ, и по древнему своему обычая приваживали съ Яику въ Казань въ гостиницы рыбу и прочее харчевое приказаніи людямъ, и къ нему Сухареву, рыбы по малу числу изъ воли своей, а не изъ какой неволи и вѣ по запросу его привносили, противъ покупной цѣны года въ два и больше рублей на десять, за что онъ Сухаревъ казаковъ въ бытность ихъ въ Казани поизъ и корнилъ“. Сухаревъ тутъ между прочимъ говоритъ: „я рабъ вашъ отъ нихъ (Захарова и Протасова) турбунію арестованъ и шага сната съ меня безвинно“. Вице-губернаторъ Кудрявцевъ представилъ эту челобитную Сухарева, 27 февраля въ военную коллегію при новомъ донесеніи, о важности поста, занятаго тогда Сухаревымъ, для интересовъ Его Величества „для того, что безъ него, Сухарева, никто другіе въ томъ отовѣдь дать не могутъ... дабы по незрѣвымъ ихъ полковника (Захарова) и маюра (Протасова) довошевія, чтобы изъ чего напрасно въ вину не причлось“, прибавляя вице-губернаторъ въ заключеніи своего донесенія. На это военная коллегія, 22 марта, снова велѣла написать Захарову: „ежели противъ прежняго важности не покажется, или какъ онъ, Сухаревъ, въ прошениі показалъ, не уличенъ, отдать его по прежнему на роспись; а буде противъ прежняго болѣе важность показана и не такъ какъ онъ въ прошениі написалъ, послать его на Яикъ подъ карауломъ или за поруками, кому можно вѣрить“. Но это подтверждение военной коллегіи ея прежнаго распоряженія не застало уже Захарова въ Казани“¹⁾.

Покончивъ съ розыскомъ въ Казани, Захаровъ 23 февраля выѣхалъ на Яикъ²⁾. Для конвоированія его въ для розыска было назначено въ его ра-

1) „Урал. Вѣд.“ 1870 г. № 44. Курянинъ Мат. изъ ист. Ур. в.

2) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣло Правительствующаго Сената по Военной Коллегіи, книга № 9/360, листъ 604.

спороженіе двѣ роты — одна драгунская, другая пѣхотная¹⁾). Солдатамъ было дано провіанта на 5 мѣсяціевъ впередъ съ марта по юль. Но передъ отъездомъ Захарова на Яикъ вице-губернаторъ Кудравцевъ Сухарева задержалъ въ Казави и, несмотря на всю энергию Захарова, на Яикъ его не пустилъ, объ чёмъ Захаровъ донесъ военной коллегіи въ девять своего отъезда.

Соблюдалъ ли Захаровъ въ точности данную ему тайную инструкцію при приближеніи къ Яикскому городку или жеѣхалъ обычнымъ порядкомъ, не привѣлся къ ней, — невѣдѣмо. Но какъ бы онъ ниѣхалъ къ городку, все равно, отъ зоркихъ глазъ казаковъ не могло укрыться то обстоятельство, что ихъ главный ходатай по дѣламъ, вождь, надежда и опора всего войска — стаціонный атаманъ Федоръ Михайловичъ, закованъ въ цѣпіи и находился вмѣстѣ съ другими ставичниками подъ крѣпкимъ карауломъ.

Можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело въ умахъ казаковъ появленіе ихъ ходатеевъ за улицахъ городка въ такомъ печальному видѣ?

Что могло подумать войско объ этомъ? И съ 17 марта, съ того дня, какъ прибылъ Захаровъ на Яикъ, въ войскахъ началось недовольство и волненія.

Въ грамотѣ къ войску было написано, что Захаровъ отправляется на Яикъ, чтобы произвести разыскъ надъ чиновщиками войску обиды и прятѣнія — надъ всевозможными дворянами, офицерами и другими разыщиками, — єдетъ разобрать всѣ казачьи жалобы и разсудить ихъ съ этими позиточниками и лихомицами, пріѣдетъ, чтобы произвести перепись войску для дачи жалованья девъгамъ, порохомъ и свинцомъ по наличному числу казаковъ.

И что же они увидали?

Они увидали всѣхъ своихъ ходатеевъ по этому дѣлу, всѣхъ своихъ довѣреныхъ и борцовъ за войсковыя дѣла скованными въ посаженными подъ карауль; видѣть полковника Захарова, прибывшаго съ цѣлымъ войскомъ!

Гдѣ же тутъ справедливость?

Тутъ что-то не такъ! — рѣшаеть войско и начинаетъ подозрительно и чутко относиться къ каждому распоряженію полковника.

На другой девъ войско было приведено къ присягѣ — показывать все справедливо и ничего не утаивая.

Послѣ присяги войско ждало допросовъ по дѣламъ о взяткахъ и о лихомицѣ бывшихъ сыщиковъ, но оно жестоко ошиблось.

¹⁾ Тогдашній составъ роты, какъ видно изъ дѣла, былъ слѣдующій: драгунской: — капитанъ, поручикъ, ирапорщикъ, вахмистръ, кантзармистъ, подорапорщикъ, квартермистръ, капраловъ и рядовыхъ 96, неслужившихъ 24 — всего 127; въ пѣхотной — тѣже чины съ прибавленіемъ подпоручика, вместо вахмистра — сержантъ, и рядовыхъ 150, — всего съ 24 неслужившими 182. Сверхъ того, денщиками у полковника Захарова 6, у юнкера Протасова 3, а у ротныхъ офицеровъ денщики изъ комилянъ роты. (Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, связка № 28, листъ 33). Порціонъ состоялъ въ дены: 2 ф. хлѣба, фунтъ мяса, 2 чарки вина, пива 1 гардѣтъ, въ мѣсяцъ 2 ф. соли и 1½ гарница крупы. На этой порціи расчитана и дача девъгъ. Рационъ — на двѣ гарницы овса, 16 ф. сѣна, 2 гарца сѣчкы и 1 снонъ соломы. (Артикулъ воинскій 1716 г. Петра Великаго, стр. 886).

На слѣдующій же день послѣ присяги драгуны повели на допросъ къ Захарову всѣхъ старшинъ войска, всѣхъ „старыхъ людей“, лучшихъ и пользоавшихся уваженiemъ всего войска казаковъ.

Одинъ за другимъ подводили ихъ къ Захарову; шель строгій допросъ. Заплечный мастеръ съ двумя подмастерьями стояли наготовъ.

Первымъ предсталъ къ допросу бывшій атаманъ *Иванъ Ивановичъ Щербаковъ*.

Захаровъ сталъ производить разслѣдованіе о самомъ важномъ по его мнѣнію дѣлѣ—объ казняхъ казаковъ Елисѣева, Назарова и Мордвинкина, а также и о причинахъ недопуска маіора Воейкова въ казачій городокъ. Съ этого началь онь свою дѣятельность за Яикъ.

Щербаковъ сознался во всемъ и заявилъ, что дѣйствительно Воейкова въ городокъ не пустили и выходилъ противъ него сотника Чувашевинова съ тремя стами казаковъ, съ ружьемъ, съ пищаллями, съ копы и съ бацунами¹⁾. Но что все это сдѣлано по письму станичнаго атамана Рукавишникова, при ченъ передадъ Захарову и саное письмо. Письмо было приложено къ дѣлу¹⁾.

Сказали онь слѣдственной комиссіи въ сбъ томъ, что казаковъ Елисѣева, Назарова и старшины Мордвинкина дѣйствительно казнили, что и это все было совершено по письму Рукавишникова, и письмо это находится „въ станичной избѣ“. Письма были доставлены Захарову²⁾.

Стали разсекречивать сотника Чувашевинова. Онъ тоже повинился во всемъ: сказалъ, что выѣзжалъ противъ маіора Воейкова, но не съ тремастами, а съ пятьюстами вооруженныхъ казаковъ и опять таки заявилъ, какъ и Щербаковъ, что все это было сдѣлано по письму Рукавишникова. Всѣдѣль за Щербаковыми предъ очами Захарова предстала одинъ за другимъ 25 человѣкъ самыхъ лучшихъ людей войска, бывшихъ атамановъ, старшинъ и самыхъ влиятельныхъ и уважаемыхъ войскомъ казаковъ. Всѣ они обвинялись Захаровыми въ томъ, что допустили войско до казни Елисѣева и другихъ и не запретили этого казакамъ.

Ни Захарову, ни военной коллегіи не было никакого дѣла до того, что на Яикъ все было не такъ, какъ въ Москвѣ,—все было наоборотъ. Въ Москвѣ начальство назначалось правительствомъ и народъ являлся слѣпымъ исполнителемъ воли начальства. Здѣсь же, на Яикѣ, начальство выбиралось народомъ и было лишь послушнымъ исполнителемъ приказаний народа. Не жалавшій использовать народную волю начальникъ немедленно же смѣнялся и на его мѣсто народъ выбиралъ другого. Старшины и атаманы исполняли лишь возложенные на нихъ порученія.

И вотъ Захаровъ судить ихъ за то, что они должны были сдѣлать, судить за то что они были образцовыми и исполнительными начальниками.

¹⁾ Моск. Арх. Инв. Юст., дѣло Пр. Сената по Воен. Кол., дѣло № 1/300, листъ 504. Экстрактъ о размыкѣ, приславший Захаровыми въ Воен. Кол. и полученный тамъ 11 июня 1728 г. Само слѣдственное дѣло отыскать не удалось къ потому содер. письма остается нами неизвестнымъ.

²⁾ Тамъ-же. Содержаніе и этого письма неизвестно.

Однъ за другимъ приходили эти старшины въ розыскную канцелярию:— Абраамъ Пустоселовъ, Петръ Фадльевъ, Осиповъ, Астафій Муромцевъ, Григорій Зубаревъ, Михаилъ Тяпуха, Ефимъ Газдрогинъ, Алексій Щепетковъ, Федотъ Ржановъ Тимофій Шелудяковъ, Федоръ Птуна, Евсей Камай, Алексій Азовскій Гаврила Старцевъ, Никита Бородинъ и другіе¹⁾.

Показанія ихъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны, — следственное дѣло Захарова не найдено, но, судя по тому, что всѣ они были обвинены, надо думать, что и они подробно рассказали все, что знали о казняхъ казачьихъ измѣнниковъ.

Былъ допрошенъ и бывшій войсковой атаманъ Никита Бородинъ.

Надъ ними тяготѣло двѣ вины: казнь казаковъ Елисѣева и другихъ и невысылка въ Сызрань по донесу казака Бориса Чернаго казаковъ Облинина и Нагибина, обвинявшихся въ покуپкѣ луженыхъ изѣдныхъ денегъ.

Бородинъ также сознался во всемъ. Онъ рассказалъ подробно, какъ былъ посланъ Елисѣевъ съ казаками Мусатовымъ и Старченко, какъ они вернулись обратно на Яикъ по его привезу.

„А о привозѣ Елисѣева на Яикъ письмо писалъ къ Мусатову для того, что ожидали на Яикъ изъ Астрахани поручика Кустова для розыску, говорилъ Бородинъ. И по привозѣ, по совету войска приняли его безъ указу съ простоты, и содержали его, Елисѣева скованы. А казни ему при моемъ атаманствѣ не было, а казненъ онъ при атаманствѣ Ивана Щербакова“²⁾.

Относительно донеса казака Чернаго, Бородинъ заявилъ, что Облинина и Нагибина онъ не выслалъ въ Сызрань по совету всего войска, потому что ожидали поручика Кустова³⁾.

Изъ войсковой избы былъ принесенъ Захарову подлинный донесъ Елисѣева, поданный имъ въ Казань еще въ 1720 году и посланный оттуда вмѣстѣ съ виной въ Астрахань „за печатью царства казанскаго“.

„Царскаго Пресвѣтлаго Величества ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровицу Салтыкову съ товарищи — Яецкой казакъ Иванъ Елисѣевъ объявляется въ словѣ противъ отписѣ войсковой и то писано ниже сего. Будучи на Яикѣ въ кругу при войсکѣ били чоловѣкъ Великому Государю два чоловѣка русскіе кузнецы и подали челобитную и среди кругу стала читать и прочли Царскаго Величества титулъ и выshedъ изъ стѣны Яецкой казакъ Степанъ Лукьяновъ сына Сумкина обругалъ Царское Величество въ титлѣ сквердною бранью неудобсказаемою и то буду объявлять на словахъ Вашему Превосходительству, и послѣ кругу на бесѣдѣ уличалъ его атамана Яецкой казакъ Афанасій Ивановъ сына Назаровъ „хорошо-де у милости вашей въ кругу при войску Царское Велич. ругать“ — при свидѣтеляхъ, при

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 8, связка 56, дѣло № 14, листы 2—7. Фамиліи остальныхъ старшинъ неизвѣстны. Всего было обвинено 25 чоловѣкъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ и старшинъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 89, дѣло 68 (1732 г.) листъ 1.

³⁾ Такъ-же.

Яицдомъ казакъ при Федоръ Силишининъ. Въ вышнемъ 720 году—присланъ Царскаго Величества указъ на Яикъ въ Сызрану отъ каменданта велѣно стъ Яику взвѣтъ по оговору Яицкаго казака Бориса Иванова сына Чернаю въ мелкихъ иѣлкихъ луженыхъ девыгахъ, о покупкѣ тѣхъ денегъ воровскагъ Сенку Облинина сына Чумака, да Григорія Нагибина сына Ивана, и оный атаманъ дружа и гарова къ ствѣту не выслалъ и тѣ люди ходать иши въ Яикъ за яву. Да въ прошломъ 719 году прашедъ къ атаману Яицкой казакъ Михаило Никитинъ сынъ Купрениновъ и говорилъ атаману многое число съ нечестіемъ „посади-де меня на цѣль“, а со мною посади иноземца Ивана Сидорова сына Лба¹⁾ и говорилъ, я-де доведу Хивинское дѣло въ тоистъ и посытайтъ меня въ Казань немедленно, и оный атаманъ Никита Бородинъ велѣлъ посадить его на цѣль, а оный Иванъ Сидоровъ укрылся и на уре появился въ войскомъ ихъ Михаила и Ивана и Андрея приказалъ выслать въ Казань, въ оный атаманъ Никита Бородинъ держалъ гаровъ ихъ невыслать и, какъ я рабъ вашъ сказалъ слово, и они меня держали на цѣли—три недѣли и приговаривали казнить немногіе люди, которые съ иши атаманомъ въ думъ Гарасимъ Логиновъ, который выѣхъ прибыль казака за Казанской судъ, что поопросился въ Казань къ суду. Иванъ Васильевъ, Андрей Громомотинъ, Иоанъ Косогоръ и я, рабъ вашъ вида ихъ думу и сталъ извѣщать страннымъ (постороннимъ) людямъ, чтобы — иши ве погинуть напрасно и просилъ у воинского милости, чтобы на которыхъ я буду указывать и ванъ бы выслать со мною безъ замедлевія и они тѣхъ людей не выслали только при иши дали ихъ на крѣпкія поруки, а они говорили когда-де будетъ Царскаго Величества указъ тогда-де и пойдемъ; а послѣ приговору казни просили у меня письма за свою рукою, что-де ты ничего ни за кѣль не зваешь. А буде я рабъ вашъ въ семъ своемъ доношениі написалъ что ложно, или по семъ моемъ доношениі, что въ иши написано не съскаво будетъ и въ той моей ванѣ воленъ Великій Государь²⁾). Какъ видимъ изъ этого доноса, что тутъ едвали могло быть что либо серьезное.

Въ то время вольное казачество не знало сдержанности и говорило свободно, обѣ ченъ хотѣло, особенно въ кругу. Не даромъ запорожцы говорили, что „быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ воску: что закочеть, то и слѣпнѣть“³⁾. Люди не привыкли стѣсняться въ своихъ выраженіяхъ, а по пьяному дѣлу и тѣмъ болѣе.

Каждому вновь прибывающему на Яикъ эта свобода слова, свобода въ дѣлахъ послѣ приказанной московской очки и барщины, особенно рѣзко бросалась въ глаза. Елисеевъ въ своемъ доносѣ написалъ именно то, что онъ вѣ-

1) Это известный уже царь казакъ Иванъ Сидоровъ Лобинъ (она же Лобъ) иноземецъ съ нарѣвъ потому, что былъ родомъ ногацъ и крещенъ въ майстѣ.

2) Моск. Арх. Инв. Юст. Дѣло Прав. Сем. по Всесн. Кол. ч/зъ, листы 512—518. Этотъ довоинъ не бывалъ своевременно помѣщенъ въ свою же иѣсть (стр. 577 настоящ. очерка) ввиду того, что найденъ уже послѣ напечатанія соответствующей главы.

3) Смотри 246 страницу настоящаго очерка.

привыкъ видѣть и слышать у себя на Руси, но что было обычнымъ заленіемъ на вольномъ Яикѣ. Въ глазахъ казанского губернатора, а теперь и полковника Захарова этотъ доносъ являлся уже крупнымъ дѣломъ—обвиненіемъ въ государственномъ преступлении, въ измѣвѣ, особенно сношения казаковъ съ Хивою. Между тѣмъ и въ послѣднемъ случаѣ польному казачьему праву—въ этомъ не было никакого преступления: казаки вели торговля сношения не только съ Хивою, но вообще со всѣми инородцами края такъ-же, какъ они торговали и съ Москвою и со всѣми остальными городами Руси.

Наконецъ послѣ многочисленныхъ допросовъ очередь дошла до Рукавишникова.

Не свободнымъ и смѣлимъ народнымъ вождемъ, а закованымъ въ кандалы, подъ надзоромъ солдатъ и заплечного мастера появился теперь Рукавишниковъ передъ грозной комиссией и среди опустившихъ головы своихъ земляковъ, готовыхъ когда-то идти по его зову куда и на что угодно. Его земляки уже шли противъ него.

Допросы начались. Побывавъ у заплечного мастера, Рукавишниковъ повинился во всемъ:

„Присланного маюра Воейкова на Яикъ не пуштать въ подъ розыскъ къ нему не идти не вѣль а-же,— говорилъ Рукавишниковъ,— и о томъ при отъѣздѣ своей въ Санктпетербургъ атаману Щербакову приказывалъ и письмо къ нему о томъ съ дороги писать. А когда я быль у присаги спрашиванъ въ военной коллегіи по пунктамъ и то я сказаъ неправду и училъ присягу лживую¹⁾“).

Сознался Рукавишниковъ и въ послѣдѣ писемъ о казни казаковъ Елисѣева и Назарова, а также и въ томъ, что по его приговору былъ разстрѣланъ старшина Мордвинцевъ.

Сознался и въ томъ, что онъ въ кругу заявилъ, что во всемъ этомъ онъ будетъ въ отвѣтѣ одинъ²⁾). Много-ли было допрошено свидѣтелей по этому розыску—невѣдѣно.

Быть сдѣлаъ особенный допросъ и атаману Грагорію Меркульеву. По доносу Карташева онъ обвинялся, какъ известно, въ томъ, что „учинилъ въ кругу приговоръ въ возмущеніи буата, чтобы для челобитья въ Казань никому не вѣдѣть и Казанью не хвалиться, а кто хвалится и тѣхъ быть въ ричажья патерымъ или шестерымъ до смерти“.

Будучи по этому поводу на разспорѣ еще въ Казани, онъ и Никита Зѣзакинъ и другие казаки въ этомъ не сознались. Но подъ пытками заплечного мастера въ розыской канцеляріи Захарова Меркульевъ и остальные казаки покинулисъ³⁾. Надѣй наимъ стало тяготѣть преступление въ дачѣ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената по Военной Коллегіи № 9/20, листы 501—502. Экстракты Захарова.

²⁾ Тамъ-же, листы 504—505.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, с. 8, листъ 557.

„ложной сказки“.

Были-ли посажены подъ арестъ виновные въ этомъ казаки — неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, были-ли Захаровыи взяты подъ караулъ всѣ виновные старшины и казаки. Но по духу того времени едва ли можно допустить, чтобы старшины были оставлены на свободѣ. Ихъ постягла, вѣроятно, участъ Рукавишникова и Ветошнова съ ихъ товарищами.

Прошло всего десѧть дней со дня прибытія Захарова на Яикъ, но уже тамъ дѣла круто измѣнились въ пользу Захарова. Казаки не видѣли той правды, которую они ждали отъ праводушнаго государева раба. Не взаточниковъ, не неправыхъ сыщиковъ судиль овъ и призывалъ къ отѣбѣ, не тѣхъ лихомицевъ, о которыхъ Рукавишниковъ просилъ оборонять войско, хватать овъ подъ караулъ, а судиль, пыталь и ковалъ тѣхъ, кто были выбраны войскомъ, какъ ходатаи за войско, судиль лучшихъ, „старыхъ“, уважаемыхъ всѣми людей и судиль за то, что предъ лицемъ казаковъ явдалось только должностный исполнитель ихъ воли, освященный вѣками обычаемъ, одною изъ казачихъ вольностей полнаго самоуправлія. Недопускъ Воейкова и взять войскомъ взамѣниковъ казаковъ были лишь слабою мѣрою борьбы народа противъ насилия розыщиковъ, единственный способъ защиты войска отъ нашествія грабителей и лихомицевъ. Въ своей наивной простотѣ темная наца казаковъ не понимала, что, не пуская Воейкова въ городъ, они въ глазахъ Москвы совершили государственное преступленіе, бунтъ противъ власти, хотя бы одновременно съ этимъ и просили себѣ праводушнаго и честнаго розыщика, не отказываясь повиноваться ему и высшей власти. Казаки видѣли, что судъ идетъ только надъ ними, а обѣ розыскѣ надъ взяточниками не было и помину.

Люди-же на Яикѣ въ то время были совершенно другого духа, чѣмъ на Руси. Люди вольные, не знаящіе надъ собою ничьей власти, не признававшіе ни малѣйшаго насилия. Вольный духъ царилъ тогда на Яикѣ во всѣй своей силѣ.

При Захаровѣ на Яикѣ была живы еще соратники Развана, свидѣтели вольной казачьей жизни, независимой отъ Москвы, жизни полной опасностей и приключений, морскихъ калютокъ за добычей, жизни подвиговъ, безшабашной указы, замеччивой поэтической жизни, не знаящей ни боарскихъ и ни приказныхъ сковъ, не признававшей ни насилия помѣщиковъ, ни тяжелаго рабства. Здѣсь было много отвѣдцевъ убийства башкиръ въ городѣ, казни войскового атакана Бѣлоусова, людей, привыкшихъ къ полной независимости съ высокоразвитымъ чувствомъ собственного достоинства, привыкшихъ уважать общину въ всѣхъ членовъ этой общины, такихъ-же вольныхъ, какъ и они, казаковъ. Больше половины же ихъ были въ многочисленныхъ и продолжительныхъ походахъ, люди обстрѣленные, не разъ видѣвшіе предъ собою ужас смерти, люди, не умѣвшіе писать, но привыкшіе своими моголистными руками твердо держать грозное копье и не дрогнувъ наносить страшные сабельныи удары.

Это были люди, не боявшиеся ничего, каждую минуту готовые встретить опасность, для которых пытка и смерть были ежеминутными и ежедневными врагами. Закаленные и твёрдом и душою, они безпрерывно глядели в глаза смерти, но не падали духом, а мужественно, решительно, смело глядели в глаза и съ непоколебимым спокойствием и бесстрашием вступали съ веню въ отчаянный и решительный бой и сотни разъ выходили побѣдителями.

Жизнь ихъ была копѣйка! Что же стоило осталное?!—ничего!—Оно не стоило и этой копѣйки!

Одно лишь было для казака завѣтное и дорогое—это его воля. За нее онъ былъ готовъ отдать и самую жизнь и все свое достояніе. Его святое была та свобода, ради которой онъ ушелъ сюда на далекую и невѣдомую занольную рѣку, отъ произвола, царившаго на Руси! Малѣ всего ему была его вольная община, построенная по той Божьей правдѣ, которая диктовалась ему въ глубинахъ его мягкого, отзычиваго и великодушнаго славянскаго сердца. Всѣ равны предъ Богомъ—говорило ему сердце, всѣ должны быть равны и предъ закономъ. И здѣсь, на Никѣ, казакъ устроилъ свою общину такъ, какъ диктовало ему его сердце. Тутъ каждый былъ равенъ во всемъ съ остальными, пользовался полной свободой и зналъ, что въ случаѣ бѣди онъ найдетъ защиту у всѣхъ членовъ этой общины.

Здѣсь не было ни баръ, ни чиновниковъ, ни откупщиковъ, ни помѣщицъ, ни всего того, что давило все живое за Русь тяжелымъ гнетомъ.

Но вотъ прѣхалъ Захаровъ—жданый войскомъ милостивый и справедливый судья, оборона войска отъ насаліа московскихъ лихоницевъ! И что же видѣть казаки? Не волю, не свободу, не ихъ поправные права прѣхалъ защищать этотъ человѣкъ!

Всѣми фибрами своей оскорблennой души они инстинктивно почувствовали, что ихъ волѣ, ихъ правдѣ наступаетъ конецъ.

Захаровъ вуетъ и мучаетъ въ застѣкѣ всѣхъ тѣхъ, кто ратовалъ за казацкую волю, за вѣкамъ освященные права общины. Стены мученикъ заплечами мастеромъ этихъ казаковъ разносился по улочкамъ городка—ихъ слушали толпы казаковъ, тѣхъ казаковъ, которые поддерживали ихъ во всемъ, которые посыпали ихъ съ челобитьями на лихоницевъ, давали слово и клали руку стоять за нихъ стѣвою и грудью.

Они видѣли, что у Москвы правды они не найдутъ, что тамъ все понимали иначе, чѣмъ ихъ не умѣвшее лукавить безхитростное сердце. То, что казалось имъ правдой, Москва считала преступлениемъ, что казалось имъ внешней несправедливостью—лихониство, крѣпостное право, деспотизмъ—все это у Москвы считалось и обязательнымъ и законнымъ, считалось краеугольнымъ камнемъ всего государственного строя. Въ лицѣ Захарова была неумолимая, жестокая, рабская Москва, въ лицѣ казаковъ—окрыленная душою и сердцемъ свободы! Сопльясь два мира, совершенно противоположныхъ, непони-

иавшихъ другъ друга,— міра, между которыми лежала глубокая пропасть, раздѣлявшая ихъ на два непримиримыхъ другъ друга и опасныхъ другъ другу лагера.

Два непримиримыхъ врага готовились къ рѣшительному бою. Одна изъ всеоружій драконовскихъ петровскихъ артиллерию и не менѣе жестокихъ глазъ соборного уложения при помощи двухъ ротъ солдатъ дѣжалъ послѣдній на-таскъ со стороны Москвы, чтобы сломить упорство и свободу врага, выѣз-шаго за собой только свое вѣками освященное обычное право и страшную непреодолимую жажду къ свободѣ и самоуправлению. Казаки стали готовиться къ бою.

Скрыто, тайно собирались они по ночамъ въ составляли противъ Захарова заговоръ.

Съ первого же дня сыска Захарова Рукавишниковъ предвидѣлъ, что войсковое дѣло проиграно, что ни ему, ни его товарищамъ не миновать крутой расправы, что ни ему, ни старшинамъ не сносить своихъ головъ.

Онъ сталъ тайно вести переговоры съ войскомъ. Ему удалось завести спо-шевія со своими товарищами черезъ казака *Михаила Краснощекова*; Рука-вишниковъ предлагалъ войску бѣжать „внизъ на море и искать для жития способное място“. Краснощековъ все слышанное отъ Рукавишникова передавалъ казаку *Якову Яланову* и сотнику *Василию Азовскому*, которые являлись душою совершившагося заговора.

Въ числѣ другихъ главныхъ заговорщиковъ были: уже извѣстный намъ сотникъ *Дмитрій Чувашениновъ*, не пустившій Воейкова въ городокъ, сотникъ *Василий Лубинъ*, казаки *Петръ Курочкинъ*, *Данила Ларіоновъ*, *Василий Чебаковъ* и *Матвій Самаринъ*¹⁾. Все войско вполѣ раздѣляло ихъ думы— они рѣшили бѣжать на море, дальше отъ неправыхъ волокитъ и отъ московского лихоимства. И что они могли бы потерять?!— Сырые зем-лязки, вырытыя на селѣщѣ сгорѣвшаго городка? Да стояло-ли ихъ жалѣть! Не жалѣли-же они раньше свои дома и семьи въ покинутой ими Русѣ? Воля для нихъ была дороже и родныи и семьи.

Терять имъ было нечего!

Не все-ли равно гдѣ на жить, лишь бы было свободно, лишь бы жило хорошо!

„Сколько вамъ ни жить, доброго глядѣть нечего!— говорили заговорщики— вадо идти въ Хиву! Игнашка Некрасовъ ушелъ въ турецкую землю, не хуже и вамъ будеть честь, чѣмъ и ему!“²⁾.

Для совершенія побѣга войско тайно выбрало нового атамана *Василия Яковлевича Уракчинцева*³⁾. 25 марта ночью состоялся послѣдній совѣтъ въ

¹⁾ Московскій Архивъ Минист. Юстиціи, дѣло Правительства Сената, по Воен. Коллегіи № 1/но, листы 500—502. Экстрактъ Захарова.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секретн. дѣло Преобр. приказъ, опись 287, свидка 41, дѣло 36, листы 17 и 18. Челн. кнз. Яланова и Краснощекова.

³⁾ Онь-же Уракчинцевъ.

домъ казака Петра Курочкина. Сюда пришла Ягановъ и Самаринъ. Было окончательно решено выполнить планъ возможно скорѣе, пока войско еще въ сборѣ и не разъѣхалось на рыбную ловлю и за другими дѣлами. Рѣшили планъ выполнить въ ночь съ 26 на 27 марта. Войско должно было напасть врасплохъ на команду Захарова „для отысканія Рукавишникова, съ ружьемъ и отбить; а какъ его отобьютъ и потомъ присланыхъ полковника въ маиора и офицеровъ и конвой побить, для того, что войско разорится, ежели Рукавишникова не выручить“¹⁾, а потомъ бѣжать въ Хиву или на море „искать для житія способное мѣсто“, искать новый, вольный Ликъ.

На другой день, 26 марта, собрался войсковой кругъ. Казаки рѣшили вначалѣ дѣйствовать нѣсколько иначе. Сотникъ Азовскій и казаки Петръ Курочкинъ и Данило Ларіоновъ заявили войсковому атаману Меркульеву, „чтобы о свободѣ атамана Федора Рукавишникова и другихъ казаковъ, которые держатся подъ карауломъ, подать доношеніе“. Войско拟мало сдѣлать свое дѣло безъ кровопролитія—хотѣло выручить своихъ товарищъ мирнымъ путемъ, а уже потомъ уходить въ степь или на море.

Но Меркульевъ не согласился съ рѣшеніемъ круга. Чувствовалъ-ли онъ, что заговоръ можетъ не удастся, жалѣть-ли онъ покинуть насажденное мѣсто на Якѣ вѣ-же въ руки руководили какія-либо другія побужденія, но на этотъ разъ Меркульевъ не пошелъ рука въ руку съ войскомъ, какъ раньше. Онъ не согласился съ мнѣніемъ круга.

— Такого доношенія писать не надо!—говорилъ атаманъ войску: не надлежитъ его писать для того, что разыскивать велико по его императорскаго величества указу изъ сената и изъ государственной военной коллегіи, и казаки, которые держатся подъ карауломъ, держатся по своимъ винамъ!²⁾.

Но кругъ не согласился съ атаманомъ. Войско взволновалось и главные заговорщики Азовскій, Курочкинъ и Ларіоновъ выступили изъ круга и сказали Меркульеву:

— Ежели не хочешь стоять за Рукавишникова и за казаковъ, которыхъ разыскиваютъ, то сдай атаманство!³⁾.

Это было предложеніе, равносильное смѣю Меркульева съ атаманской должности. Онъ не хотѣлъ исполнять воли народа—его уволили.

Послѣ этого заявленія Меркульевъ, „слыша ихъ такихъ словъ, но изъ обычая, поломса настыку, вышелъ изъ круга вонъ“⁴⁾.

Что происходило въ это время въ душѣ у Меркульева—трудно сказать, но еще вчерашній ходатай за войско, сонѣтникъ и союзникъ Рукавишникова, Меркульевъ на этотъ разъ сдѣлался доносчикомъ.

¹⁾ Тамъ-же. Дѣло Сената по Воен. Кол., № 1/20, листы 500—502.

²⁾ Московскій Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣло Правительствующаго Сената по Военной Коллегіи, № 1/20, листъ 500.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

Изъ круга онъ пошелъ къ Захарову. Здѣсь въ разыскной канцеляріи онъ заявлялъ все, что ему было известно о заговорѣ и о томъ, что въ собравшемся кругу „остались многіе люди и опасенъ онъ отъ той ихъ луны всякаго худа и возмутительства къ бунту“ ¹⁾.

Положеніе Захарова было критическое. Его жизнь и жизнь его солдатъ висѣла на волоскѣ. Онъ энергично взялся за дѣло. Немедленно же были схвачены главные заговорщики—сотникъ Азовскій и казаки Курочкинъ и Ларіоновъ.

Начался разыскъ. Подъ вытками заплечного мастера и его подмастерій вожди назрѣвшаго бунта сознались во всемъ. Они выдали и другихъ участниковъ: Яганова, Краснощекова, Матвѣя Самарина, Дмитрія Чувашеннова, Василія Чебакова и Василія Губина.

Всѣ они были схвачены, пытаны и также сознались въ заговорѣ.

— Хотѣли мы бѣжать на низъ, на море,— говорилъ Уракчинцевъ,— и искачъ для житѣя себѣ способнаго изѣста ²⁾.

Были произведены очные ставки. Казаки не запирались.

Стали допрашивать Рукавишникова. Онъ повинился во всемъ.

Онъ сознался, что былъ быть квотомъ и заорлеють въ лобъ въ Преображенскомъ приказѣ и что былъ сосланъ на каторгу, во съ каторга бѣжалъ и пришелъ на Яикъ ³⁾.

— О возмущеніи того бунта, чтобы меня, какъ ви есть, отбить изъ-за караула, казака Михаила Дементьевича сына Краснощекова къ атаману и ко всѣмъ сотникамъ для того послалъ,— говорилъ Рукавишниковъ.

Назрѣвшій заговоръ былъ остановленъ въ самый послѣдній и рѣшительный моментъ. Главари были схвачены и посажены подъ караулъ. Войско осталось безъ руководителей. Всѧ ихъ лучшая часть, вѣдь старшины были тоже подъ карауломъ. Дешавшись вождей, войско затихло.

Въ то же время Захаровъ немедленно приступилъ къ суду надъ виновными заговорщиками.

Судъ былъ скорый. Рукавишниковъ „за лживую присягу“ при допросахъ въ военной коллегіи и за ложное тамъ показаніе, „за убийство казаковъ которые были разстрѣлены по пятьюмъ и по приговору его, Рукавишникова, за неопусканіе на Яикъ маюра Воейкова, и побѣгъ съ каторги и за вымѣшаніе въ начинанію бунта“ былъ приговоренъ къ смертной казни—къ четвертованію. Сотникъ Чувашенновъ и Азовскій—къ пыткеванію ⁴⁾.

Тотчасъ-же по окончаніи суда этотъ приговоръ былъ приведенъ Захаровъ въ исполненіе „дабы единомышленники иль впередъ ее пріобщили себѣ“

¹⁾ Тамъ-же, листъ 500.

²⁾ Тамъ-же, листъ 501.

³⁾ Тамъ-же, листъ 501. Къ сожалѣнію, за великійѣ самаго слѣдственнаго дѣла, является первенствующимъ, когда и за что былъ сосланъ Рукавишниковъ въ каторгу.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 502.

другихъ соглашниковъ для отбитія ихъ и всенароднаго войска страху, чтобы оное злое ихъ умыщленіе весьма скоро пресѣлось”¹⁾), доносилъ Захаровъ въ военную коллегію.

Эта позорная казнь народнаго вожда была, вѣроатно, совершена у войсковой избы, среди собравшихся казаковъ. Здѣсь казаки — и все войско Яицкое, ихъ жены и дѣти могли видѣть въ первый разъ, какъ работали московскіе заплечные мастера, видѣть еще неизданную ими казнь — четвертованіе. Правда, казаки и сами казнили своихъ виновниковъ, но ихъ казнь была рыцарская — военная, они разстрѣливали своихъ преступниковъ или толили ихъ въ воду — разъ преступленіе было низкаго характера — воровство, насилие или что либо въ этомъ родѣ. Они лишали жизни моментально, не издѣвавшись надъ преступникомъ.

Но казни мучительной, казни, уважающей человѣческое достоинство, они еще не знали; они не совмѣщали съ христіанскимъ милосердіемъ и съ чуткостью и мягкостью русской души утонченную жестокость.

Рукавишниковъ былъ казненъ самой мучительной и самой лютой казнью того времени.

Но пока шли судь и расправа, недовольная Захаровымъ и возмущенная доносомъ Меркульева партия казаковъ во главѣ съ атаманомъ Василіемъ Уракчинцевымъ обдумывала новое рѣшеніе — послать довою царю Петру на ненавистнаго теперь для нихъ атамана Меркульева.

Меркульевъ выдать ихъ головами! Онъ называлъ войску. Иль за него казнили Рукавишникова, казнили другихъ казаковъ. Десятки ихъ сидятъ подъ карауломъ. Это ему не должно пройти даромъ! Казаки вспоминали все что только знали за Меркульевымъ, все, что могло бы заставить его побывать въ рукахъ заплечнаго мастера и по возможности привести его на плаху.

Все было вспомнено, перерыта вся пыль и доносъ былъ готовъ.

Для отвоя доноса войско выбрало двухъ повѣренныхъ казаковъ — Михаила Дементьевъ Краснощекова (онъ-же Волкова) и Якова Михайлова Яланова.

Царю была написана челобитная; казакамъ же выдано проѣзжее письмо.

Все это дѣжалось тайно отъ Захарова и отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы ихъ видѣть²⁾.

Посланные выѣхали 2 апрѣля.

Въ войсковомъ музѣ хранится подлинное проѣзжее письмо, данное войску посланнымъ казакамъ. Письмо это, написанное казакомъ Осипомъ Ивановыムъ, даже по тому времени въ высшей степени безграмотно:

„1722 г. иѣсаца апрѣля 2 числа, — говорится въ письмѣ, — отписка отъ всево воскова посланы яицкіе казаки лехокая станца атаманъ Михайла Дементьевъ да есауль Яковъ Михайлозвъ и явицьца онымъ казакамъ въ вое-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., опись 287, свидка 41, дѣло 36, листы 8—22. Секретное дѣло Преображенского приказа.

иоцонъ-риле¹⁾ Олександру Даниловичу Меньшикову нигдѣ бы онъ кам-
ковъ и на городахъ и на заставахъ и господамъ ланѣстратамъ и фиска-
ламъ не держать что-бы пожаловать пропущать въ селехъ и деревняхъ ста-
ростамъ и выборнымъ и приказнымъ лудемъ не держать чтобы пожаловать пропу-
щать и всякою чину лудемъ никакой бы заворухъки онъ козакамъ неучинить.
Къ сей отпискѣ войсковая печать приложена".

Печать, которая приложена къ этому любопытному документу, тоже сама, о которой уже говорилось раньше: изъ воска, овальной формы, на печати изображенъ во весь ростъ человѣкъ, держащій въ правой руцѣ ружье; лѣвая же рука уперта въ бедро. Надъ головою фигуры едва различимы двѣ буквы „пс" видимо остатокъ надписи: „печать". Внизу фигуры слѣды букваря, разобрать которые трудно.

Это единственный памятникъ войсковой печати петровского времени со-
хранившійся до наст. вр.

Безграмотство проѣзжаго письма говорить лишь о томъ, что войско все
это дѣлало въ высшей степени тайно, боясь огласки. Отъ письма былъ устра-
ненъ даже войсковой дѣлъ, который конечно написалъ бы бумагу болѣе
грамотно и по установленному, выработанному образцу для проѣзжихъ грамотъ.

Въ чёмъ состояла члобитна къ царю, объ чёмъ собственно жаловалось
войско—неизвѣстно. Эта члобитна была дана Яганову и дѣлалось все это
вастолько тайно, что его товарищъ Краснощековъ объ ней даже и не зналъ.
Между тѣмъ Захаровъ приступилъ къ розыску всѣхъ виновныхъ къ заго-
вору казаковъ. Стало искать Яганова и Краснощекова, но ихъ не нашли—
они успѣли выѣхать изъ городка.

Выѣхѣть съ этимъ Захаровъ своею властью отрѣшилъ выбранного войскомъ
атамана Уракчицева отъ атаманства и вмѣсто него назначилъ испытанного
уже имъ старого атамана Меркульева.

Съ желаніемъ войска и съ его обычаями Захаровъ считаться не пожелалъ.

Донося обо всемъ произшедшемъ въ военную коллегію и представляя экст-
рактъ о розыскахъ надъ Рукавишниковымъ и другими, онъ между прочими писалъ:

„А оставшіе товарищи ихъ, которые въ томъ умысли (въ заговорѣ) съ ними
были, вынѣ ве караы, пока достальные ихъ товарища и единомышленники
кто въ томъ приличился сысканы будуть имъ на обличенія и очныхъ ста-
вокъ, а того ихъ атамана, которого онъ Азовской съ единомышленниками сво-
ими выбрали самовластно, для всноможенія злого ихъ возмущевія взять подъ
караулъ, по оговорамъ оныхъ-же всмутителей и розыскиваться въ томъ,
о чёмъ и въ экстрактѣ показано; и того ради принуждена публиковать всено-
родно на Лавѣ, чтобы прежнаго атамана Меркульева, который донесь о томъ
возмущеніи, до указу Его Императорскаго Величества, не сѣнѣть и своеобразныхъ

¹⁾ Здесь безграмотный писецъ, нѣролитъ, хотѣлъ написать „военную канцелярію", но только что
изведенное Петромъ иностранное слово канцелярія не далось писцу и онъ его совершенно исказилъ.

круговъ до окончавія розыску, безъ нашего вѣдома не сбирать, а сбирать съ вѣдома нашего, чтобы другіе чрезъ ихъ самовольные круги не пріобщались ко онымъ возмутителямъ и совѣтникамъ ихъ, и иныхъ вышепоказанный атаманъ Меркульевъ на Яикѣ—атаманомъ¹⁾).

Такимъ образомъ Захаровъ своею властію отнялъ вѣковой обычай казаковъ выбирать себѣ атамана по своей волѣ и запретилъ даже собираться безъ его разрѣшения въ круги.

Боясь новаго заговора, и обремененный колодниками, онъ просилъ коллегію прислатъ къ нему еще солдатъ. „Покорнейше просимъ,— писалъ Захаровъ отъ лица всей комиссіи,— о прибавкѣ конвою, иначе отъ учиненного казацкаго злого умыслу имѣть ви малое опасеніе, а конвой извѣять только двѣ роты, которые драгуны и солдаты стоять на караулѣхъ денно и ночно безъ смѣна отчего и больные являются также и колодниковъ содержится по розыскамъ многое число въ тѣмъ конвоемъ малымъ въ бытность нашу того розыску управляться невозможно. Да покорно просимъ для посылокъ чрезъ степь, чтобы повелѣно дать намъ изъ Самарскихъ ковныхъ казаковъ, ибо они изобычны тѣми степями тайно проѣзжать отъ непріятельскихъ людей: каракалпаковъ и киргизовъ и другихъ басурмановъ; еще же покорно просимъ, чтобы повелѣно было указами Его Имп. Вел. по посланнымъ нашимъ за руками подорожными курьерамъ давать подводы безъ задержанія; а въ городехъ безъ повелительного указу командиры тѣмъ нашимъ подорожнымъ курьерамъ подводъ не даютъ, и затѣмъ чинятъ остановка; да еще же покорно просимъ дабы посланному при насть конвою и на денщиковъ нашихъ подтверждено было повелительнымъ указомъ присыпать по требованію нашему провіантъ воредъ изъ Казани по каместъ у того розыску будемъ, а оному ковью выдать только провіантъ изъ Казанской губерніи по августъ мѣсяцу сего года, а ежели въ августу мѣсяцу провіантъ на ковью не пришлется, то тотъ ковью будетъ претерпывать гладь; а за Яикѣ провіантъ покупается по пять рублей четверть и того не можно за Яикѣ сыскать купить двадцати четвертей²⁾).

Выѣхавъ изъ Яецкаго городка, Ягановъ и Краснощековъ, боясь преслѣдовавшія, соѣхали въ сторону отъ большой дороги, шедшей на Самару—они двинулись и право степью верками. На Узеняхъ имъ пришлось переправляться волавъ, но переправа вышла неудачна,—Ягановъ утонулъ съдло и переметные сумы, въ которыхъ была положена человитная къ царю.

Наконецъ, послѣ десятидневнаго путешестія казаки 13 апрѣля прїехали въ приволжскую солдатскую слободу Коромысловку. Здѣсь у Краснощекова ныѣлся знакомый походный солдатъ Перфалій Камской, который часто бывалъ на Яикѣ. Казаки остановились у Камского и сказали ему, чтоѣдутъ по войсковымъ дѣланіямъ въ Москву.

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла Прав. Сената по Военной Коллегіи №/зз, листъ 502.

²⁾ Тамъ-же, листъ 503.

Но надо было случиться такъ, что въ это время въ слободѣ находились солдаты поручика Порѣцкаго, присланные сюда для сыска бѣглыхъ.

Одинъ изъ солдатъ Крыловъ узналъ въ Краснощековѣ бѣглого солдата Михаила Волкова. Было дано знать слободскому сотнику Сухорукову, который, взявъ двухъ отставныхъ солдатъ, направился къ квартирѣ казаковъ.

Но Камской Краснощекова не выдалъ и сказалъ, что онъ его уже давно знаетъ на Яикѣ и давъ подпись, оставилъ его у себя на порукахъ. Сотникъ же Сухоруковъ далъ знать объ этомъ поручику Порѣцкому, жившему въ Симбирскѣ. Представленные по его приказу въ Симбирскъ Ягановъ и Краснощековъ подали ему проѣзжее письмо, выданное атаманомъ Уракчинцевымъ. Но опытный уже въ этихъ дѣлахъ, все время находившійся на Волгѣ исключительно „для сыску бѣглыхъ солдатъ и искорененія воровъ“, Порѣцкій, взглянувъ на подавшую бумагу, сразу сообразилъ по ея безграмотности, что тутъ что то не такъ. Уже одно появление казаковъ вдали отъ тракта давало ему поводъ заподозрить въ нихъ бѣглецовъ. Порѣцкій взялъ ихъ подъ караулъ, вмѣстѣ съ отставнымъ солдатомъ Камскимъ.

Стали производить допросъ.

Краснощековъ съ первыхъ же словъ сознался въ томъ, что онъ бѣглый солдатъ, что зовутъ его Михаиломъ Дементьевымъ Волковымъ, а на Яикѣ дали прозвище Краснощековъ. Родиною овъ „Казанской губерніи, Алаторского уѣзда, вотчины князя Ивана Григорьевыя сына Лыкова села Лавы,— крестьянскій сынъ, отецъ его изъ того села сошелъ въ Симбирскій уѣздъ въ солдатскую слободу Карабаевку, а его свѣтъ въ малыхъ лѣтахъ; и изъ тое слободы по возрастѣ сошелъ овъ въ Симбирской-же уѣздѣ въ солдатскую же слободу Коромысловку, изъ тое слободы взять онъ въ солдаты въ 704 году, по разбору Александра Сергеева и былъ въ Смоленскомъ полку подпрапорщикомъ два года, изъ того полку изъ Астрахана бѣжалъ, а бѣжалъ пришелъ въ поиманную слободу Коромыловку и взять жену свою сошелъ въ казачій Яицкой городокъ и съ того числа жилъ въ томъ городкѣ по пріему атамана Матвея Маронова въ казакахъ, а въ казаки онъ же атаманъ его написалъ“¹⁾.

Отставной солдатъ Камской заявилъ, что онъ не даль Волкова сотнику Сухорукову потому, что былъ пьянъ и не зналъ того, что Краснощековъ былъ бѣглый солдатъ и что его настоящая фамилія Волковъ.

Порѣцкій оставилъ ихъ подъ карауломъ.

Междудѣнь на Яикѣ до Захарова дошли слухи, что не разъясненіе именъ Ягановъ и Краснощековъ и еще одинъ казакъ Иванъ Сидоровъ²⁾ съ Яика

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секретныя дѣла Преобр. приказа, опись № 287, савка 41, лѣто 38, листъ 5.

²⁾ Это, вероятно, былъ извѣстный уже намъ торговый казакъ калмыцкаго происхожденія Иванъ Сидоровъ Лобжикъ (онъ-же Лобъ и Лобжикъ).

бѣжали для подачи жалобы. Энергичный Захаровъ немедленно послалъ за вину въ погоны двухъ казаковъ Василія Прыткова (такъ же Прыткой) и Леонтия Сумкина; 6 апрѣля они выѣхали изъ городка, получивъ письмо отъ Захарова къ сызранскому коменданту о поимкѣ бѣглецовъ.

Посланые, прибыть въ Симбирскъ 19 апрѣля, явились коменданту кайору Дмитріеву, которому и подали письмо отъ Захарова, сами-же поѣхали въ Симбирскій уѣздъ для розыска бѣглецовъ. Въ селѣ Дворянскомъ, остановившись для корма лошадей, они узнали, что розыскиваемые казаки находятся у Порѣцкаго.

Когда же посланне 21 апрѣля явились къ Порѣцкому, то онъ бѣглецовъ не отдалъ, а, взявъ и ихъ подъ караулъ, отправилъ всѣхъ въ Сызрань.

Здѣсь 25 апрѣля колодники были приняты въ канцелярии воеводского правлениія, где съ нихъ, въ присутствіи воеводы симбирской провинціи Федора Федоровича Хрущова съ товарищи, былъ снова сдѣланъ допросъ.

На этотъ разъ Краснощековъ снова повторилъ свое показаніе лишь только добавивъ нѣсколько подробностей о своей службѣ въ солдатахъ. Такъ онъ сказалъ, что былъ въ первомъ Азовскомъ походѣ и что послѣ этого похода жилъ снова въ слободѣ Коромысловѣ, откуда въ 1705 г. былъ въ отрядѣ Шереметева подъ Астраханью; сказалъ, что живеть въ Яицкомъ городкѣ своимъ домомъ, а прозвище перемѣнилъ нарочно, чтобы не узнали.

На вопросъ, за какимъ дѣломъ они выѣхали съ Яика, Краснощековъ рассказалъ бывшія на Яицѣ событія, и заявилъ, что его и Яганова послало все войско и атамана Уракчинцевъ „со словами къ Его Императорскому Величеству“, а писемъ съ вимъ никакихъ отъ войска не дано. А довести приказано „изъ трехъ заповѣданныхъ печатныхъ указомъ, по первому пункту. А при отправлении съ Яика мы къ полковнику Захарову не являемся, говорилъ Краснощековъ, и съ Яицѣ посланы тайно иѣхали черезъ степь на своихъ лошадахъ и черезъ Волгу перѣѣхали въ Симбирскомъ уѣздѣ подъ монастырскіи сезомъ *Лостымчами*“.

Далѣе Краснощековъ рассказалъ, какъ они попали въ слободу Коромыловку и были схвачены солдатами Порѣцкаго и наконецъ отправлены въ Симбирскъ.

Про разыскиваемаго казака Ивана Сидорова Краснощековъ сказалъ, что онъ уѣхалъ съ рыбой для торгового промыслу въ Москву въ этомъ-же году, но въ которомъ иѣсадѣ и числѣ и гдѣ находится въ настоящее время — не знаетъ.

„А вышеозначенный казакъ Иванъ Сидоровъ, говорилъ Краснощековъ, Калмыцкіе природы, и лицомъ казыиковатъ, лицомъ рабъ, волосомъ чернъ, ростомъ средній, борода не великъ, лѣтъ въ тридцать“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секрет. дѣло Преобр. прик., опись 287, св. 41, дѣло 86, листы 10—11. Показанія Краснощекова.

Стали разспрашивать Яганова. Онъ сказаъ, что зовутъ его Яковомъ Михайловымъ Ягановымъ, отецъ его Михайло Ермолаевъ быль яцкій казакъ, а откуда сходецъ — того не знаетъ, а онъ, Ягановъ, родился на Яикѣ.

„А въ вышнѣемъ 723-мъ году, какъ прибыль на Яикъ для розыску полковнику господиину Захарову,— говорилъ Ягановъ — и въ тотъ его пріездъ Яцкой войсковой атаманъ Василій Яковлевъ сынъ Уракчинцовъ выбравъ насть отъ войска дву человѣкъ, меня Якова, да товарища моего Михайлу Краснощекова съ письмомъ, которое было за войсковою печатью до Его Имп. Вел. о нужнейшемъ Его Имп. Вел. дѣлѣ и словѣ; а слово и дѣло съ наимъ отъ войска послано то: изъ трехъ пунктовъ, первой о которыхъ заповѣдано Его Имп. Вел. печатными указы, и оное письмо атаманъ Уракчинцовъ отдалъ изъ Якову одному, а товарищу мой Краснощекову про то письмо не вѣдѣть, и какъ насть съ Яику оный атаманъ съ вышеозначенныемъ словомъ и дѣломъ отправилъ и въ то-де отправлеи помянутому полковнику Захарову насть не объявилъ и тѣхъ посланныхъ съ наимъ словъ не предъявлялъ и отгравлеи я тайно, а которое со мною письмъ до Его Имп. Вел. послано было въ пути за рѣкѣ Иргизѣ, какъ переправлялись черезъ рѣку и въ той переправѣ сѣдо и сумка, а въ тѣхъ сумкахъ означенное посланное письмо въ водѣ потонуло и при томъ потопѣ товарищу своему сказывалъ, что оное письмо потонуло”¹⁾.

Остальное, какъ пріѣхали на Волгу и взяты поручикомъ Порѣцкимъ — онъ показаъ также, какъ и Краснощековъ.

Послѣ допросовъ Яганова и Краснощекова стали допрашивать Василія Пряткова.

Онъ сказаъ, что отецъ его Лукьянъ Григорьевъ быль уроженецъ Сибирского пригорода Корсунъ, казакъ и сошелъ на Яикъ въ давнѣхъ годахъ, а онъ Василій родился на Яикѣ.

„А въ вышнѣемъ 723 голу, говоряи онъ, въ великой посты, въ Вербное воскресенье, яцкой войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ съ товарищи послали меня съ Яику отъ войска для сиску въ поимки яцкаго же казаковъ Михаила Дементьеву Краснощекова да Якова, чей сынъ онъ — ее зилю, которые съ Яику бѣжали и сказали, что есть до нихъ Его Имп. Вел. дѣло; да со мною, Андреемъ, для поимки ихъ посланъ яцкой-же казакъ Леонтий Марковъ Сумкинъ; и для поимки даса наимъ отъ войска подорожная за войсковою печатью; а при отпискѣ насть съ Яику оный атаманъ присланному на Яикъ для розыску полковнику господиину Захарову авель и о той посылкѣ онъ подковашъ сеѣдомъ”²⁾.

При разспроѣ Леонтия Сумкина онъ заявилъ тоже самое, что и Прятковъ, сказавъ только, что отецъ его Маркъ Васильевъ быль яцкій казакъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 11—12.

²⁾ Тамъ-же, листъ 7.

и былъ уроженецъ Казанскаго уѣзда села Кирѣевскаго, архіерейскій крестьянъ и изъ того села бѣжалъ, а онь, Леонтій, родился на Яикѣ.

Ввиду заявленія казаковъ Краснощекова и Яганова о государевомъ словѣ, симбирскій воевода, тотчасъ послѣ опроса, заковалъ ихъ обонихъ въ кандалы и на другой же день отправилъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. Видѣтъ съ ними былъ отправленъ и отставной солдатъ Камской. Сопровождать арестантовъ былъ назначенъ симбирскій каправъ Медведевъ.

Казаки-же Прятковъ и Сумкинъ были отпущены за Яикъ.

Прибыли козодавки въ Москву въ ковцѣ ная. Здѣсь 29 мая передъ ближнимъ стольникомъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ Ртищевскимъ съ товарищи колодавки были допрашиваны: „Отъ войскового яицкаго атамана съ словомъ до Его Императорскаго Величества изъ трехъ пунктовъ посланъ и какое за вами слово изъ трехъ пунктовъ и на кого“?

Первымъ былъ спрошенъ Краснощековъ.

О своемъ происхожденіи, объ арестѣ Порѣцкимъ и о цѣляхъ посыпахъ съ Яика онъ повторилъ тоже самое, что сказывалъ въ Сибирскѣ.

Ягановъ повторилъ тоже, свое показаніе.

Объяснялъ-же лѣло своей посылки съ Яика, они стали обвинять атамана Меркульева въ различныхъ преступленіяхъ — въ посыпѣ каравана въ Хиву съ порохомъ и ружьями, въ освобожданіи казаковъ отъ службы за взятки и въ другихъ преступленіяхъ, подлинность которыхъ за неимѣніемъ слѣдственнаго дѣла проверить невозможно.

„А съ Яику отъ войскового атамана Василья Уракчинцева и всего войска съ словомъ до Его Имп. Вел. посланъ я, говорилъ Краснощековъ, и товарищъ мой Ягановъ тайно для того: Яицкіе казаки, бывшій атаманъ Грагорій Меркульевъ, казаки Мечита Бородина и Федоръ Силинъ, татаринъ Ямансыръ въ прошломъ 722-мъ г҃ду по лѣту, послѣ Ильина дня, а въ которое время не помню измѣнилъ Его Император. Вел., отошли на двѣнадцать верблюдовъ въ Хиву и въ киргисы Хивинскаго жителя татарина Кильдышку, который живъ тайно у Никиты Бородина, а съ нимъ отпустили на тѣхъ верблюдовъ порохъ и свинецъ и столь и стволы пушечные многое число; да тому нынѣ лѣть съ пять, а подлизво въ которомъ году не помню, онъ-же атаманъ Меркульевъ взялъ за Яикъ казенный порохъ для передѣль и тотъ порохъ передѣлавъ отпустилъ въ Хиву съ кубанскими татариномъ Дербишкою, о томъ мнѣ Краснощекову сказывали въ прошломъ 722-мъ году по якѣ передъ Рождествомъ, въ которое время не помню яицкіе-же казаки Дмитрій Чувашиевъ, Василій Азовской на единѣ; да тому нынѣ лѣть съ пять онъ-же Меркульевъ съ товарища взяли хана Калмыцкаго у бѣглыхъ калмыкъ, которые было пришли жить на Яикъ двѣнадцать верблюдовъ, и послѣ того тѣхъ калмыкъ по присыпѣ отъ хана взяли по прежнему въ калмыкую орду, а тѣхъ верблюдовъ тѣмъ калмыкамъ не отдали и тѣ кал-

мнки, злобясь за неотдачу тѣхъ верблюдъ, отгоняютъ у насть, казаковъ, кон-
свіе иконгіе табуны; да въ прошлыхъ же годѣхъ, а въ которомъ году не
помню, какъ ходилъ съ войскомъ бояринъ Петръ Матвеевичъ Опраксинъ
на Кубанскихъ татаръ воиной и въ то время тотъ-же Меркульевъ съ плем-
янникомъ своимъ лицкимъ казакомъ Никитою Петровскимъ утаили лицкихъ
казаковъ сто человѣкъ отъ походу, взявъ съ тѣхъ казаковъ по двѣнадцати
рублевъ съ человѣка денегъ и тѣ деньги съ тѣмъ племянникомъ раздѣлили
между себя. Да въ прошломъ 722-мъ году изъ Казани на Якъ для розы-
ску прислали полковникъ и лейбъ-гвардіи капитанъ Иванъ Захаровъ, кото-
рый слѣдуетъ о взяткахъ по доношению яицкаго казака Федора Рукавишни-
кова и атаманъ Григорій Меркульевъ въ домѣ у казака Федора Силимчина
при маѣ съ казакомъ Никитою Бородинымъ говорили; буде тотъ Захаровъ
стаетъ съ нихъ братъ взятки и ови будуть давать, а буде братъ не ста-
нетъ и у насть иѣсто приготовлено, что уйтить въ Хиву, а Рукавишникова
разорвемъ пополамъ, и сколько-де насть не жить доброго глядѣть нечего,
Игавашка-де Некрасовъ ушелъ въ Турецкую землю, а я-де не хуже его буду,
какъ уйду. Оный же атаманъ Меркульевъ сказалъ разыщеку полковнику За-
харову ложко будто яицкій атаманъ Василій Уракчинцовъ съ казаками вой-
скомъ хотять караульщиковъ его, которые стоять на часахъ, убить и толь
Захаровъ по тому его ложному доношенню о томъ тѣмъ атаманомъ розыска-
валъ, и по розыску такова умысла не явался, и тотъ Захаровъ атаманскій
посохъ отнявъ у того Уракчинцева отдалъ по прежнему тому Меркульеву.
Да по вышеизнай прошедшей зимѣ отъ Юки (Дюка) хана калмыцкаго на
Якъ прїхали было своею волею калмыкъ человѣкъ съ двадцать и больше
съ живами и съ лѣтами и хотѣли воспріять православную христіаскую вѣру
и тѣхъ калмыкъ войскомъ не пріяли; а послѣ того отъ хана калмыцкаго
присланъ былъ посланникъ и просилъ у войска, чтобы тѣхъ калмыкъ отдать
нимъ и атаманъ Меркульевъ тѣхъ калмыкъ не отдалъ, а послѣ того тѣ кал-
мыки пропали безвѣтстро, а тѣхъ калмыкъ двѣнадцать кобыльца да жеребецъ
авиалась у того Меркульева. А окромѣ того наихъ дѣль за вышеписанными
атаманомъ Меркульевымъ и за другими яицкими казаками не знаю и съ
Яку пошли мы въ бѣгомъ для доношения о вышеписанномъ; а что въ Си-
бирску яицкіе казаки Василій Лукьянновъ (Прытковъ) съ товарищи сказали,
будто ови Лукьянновъ съ товарищи посланы для смыку меня, Краснощекова,
съ товарищи и висается до насть Его Ипп. Вел. дѣло въ возмущеніи бута,—
для чего сказали не знаю, и Его Ипп. Вел. дѣла о возмущеніи бута за
иною Краснощековыми нѣть и ни за кѣмъ не знаю, а сказали о томъ ложно,
какъ-бы вѣтъ возвратить, чтобы на нихъ о измѣнѣ не доносить; а что въ
подорожной, которая прислана изъ Омбурска Яицкаго войска за вой-
сковою печатью написаны и Михаила атаманомъ, а товарищъ мой Яковъ
есаулонъ и прозвище нашихъ въ той подорожной не написано не знаю по-
тому, что мы грамотѣ не умѣемъ, а что въ той-же подорожной написано

леются намъ въ Военной Кавцеляріи свѣтлѣйшему кнзю Александру Даниловичу Меньшикову и то написано для того, что мы посланы были, чтобы взять во оной Кавцеляріи довоносить на вышеписанаго-же атамана о измѣнѣ для того, что мы вѣдомы въ военной коллегіи, а Симбирской солдатъ Иванъ Камской, у которого мы стояли съ нами для чего присланъ не знаю-же и дѣла до него Камскаго изъ Краснощекову никакого вѣть”¹⁾.

Разсрошенный вслѣдъ за Краснощековымъ по этому дѣлу Ягановъ почти слово въ слово повторилъ тоже что въ его товарищъ, добавивъ только лишь некоторые подробности.

„Да тому измѣръ года съ три говорилъ Ягановъ, онъ-же атаманъ Меркульевъ согласясь съ яицкимъ казакомъ Никитой Петровскимъ утаили отъ службъ яицкихъ казаковъ Никиту Дурманова да Максима Кочурова сына, а имени его не помнятъ, всего человѣкъ съ пятьдесятъ и брали съ нихъ подложныя всякия деньги и тѣ деньги межъ себя дѣлили; да въ прошломъ 722-мъ году по замѣтѣ, въ которое время не упомню, яицкой атаманъ Григорій Меркульевъ въ домѣ у яицкаго казака Федора Силишинина съ казакомъ-же Никитой Бородинымъ межъ себя говорили при казакахъ-же Васильѣ Азоскому, Дмитрію Чувашеву, ежели-че розыщикъ подполковникъ Иванъ Захаровъ взятыковъ съ нихъ не будетъ братъ то-де они уѣдутъ въ Хазу и соединятся съ каракалпаки не хуже-де намъ будетъ честь, что измѣннику Игнашкѣ Некрасову, а буде будетъ взятки братъ, и они-де довоносителя Рукавишникова, который довоносилъ о взяткахъ розорвать пополамъ”²⁾.

„Да со мною-же отъ атамана Василья Уракчанцева говорилъ даље Ягановъ, послано было письмо, а о чёмъ и что въ немъ писано не знаю и вѣдно подать свѣтлѣйшему кнзю, и то письмо потонуло у меня съ сумкой за Сибирскомъ на рѣвѣ Иргизѣ, о чёмъ я и въ Симбирску о томъ письмѣ въ разсороѣ сказалъ”³⁾.

Вслѣдъ за Ягановымъ былъ допрошенъ отставной солдатъ Камской.

„Въ вышѣшнемъ 723-мъ году, говорилъ онъ, между прочимъ, въ Симбирскъ взять я для того, что у меня въ домѣ взяты присланы со мною яицкіе казаки, которые у меня стояли по знакомству; а при взятии тѣхъ казаковъ симбирскимъ солдатомъ отдать не хотѣлъ, для того, что зналъ, что тѣ солдаты хотятъ ижъ у меня взять безвѣдно и, чтобы ниль грабежу не учинали”⁴⁾.

Всѣ допрашиваемые были безграмотны и по закону, расписываться въ показаніяхъ другиимъ допускалось только въ показаніяхъ свидѣтельскихъ, какъ Камской, но въ показаніяхъ гдѣ говорилось о государевомъ словѣ подпишаться ни кто не допускался и показанія Яганова и Краснощекова такимъ образомъ остались безъ подписи.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секрет. дѣло Преображен. приказа, опись 287, сл. 41, дѣло 86, листы 15—18.

²⁾ Тамъ-же, листы 18—19.

³⁾ Тамъ-же, листъ 19.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 19—20.

Въ концѣ допроса обѣ этомъ были сдѣланы оговорки: „Къ вышеписаннымъ разспросамъ лицъ-рѣ казаковъ Краснощекова и Яганова руки не приложено, для того по сказкѣ вышеписанныхъ колодниковъ Краснощекова и Яганова, что они грамотѣ и писать не умеютъ, а къ такимъ разспросамъ постороннимъ руки прикладывать не вѣрно, понеже такія дѣла отъ постороннихъ хранятся опасно”¹).

Какъ видно изъ этого доноса, недовольная Меркульевымъ партия дѣлала все возможное для нея, лишь бы только очернить Меркульева, подвергнуть его розыску и смыть съ атаманства.

Но суда по тому, что Меркульевъ все-же остался атаманомъ, донесъ Краснощекова и Яганова не имѣть смысла:—быль-ли онъ неоснователь или слуга Меркульева предъ Захаровымъ была на столько серьезна, что она искупила всѣ возводимыя за него вины—занѣ неизвѣстно. Слѣдственное дѣло о этомъ, какъ уже говорилось, до насъ не дошло.

Седьмого июня Ромодановскій съ товарищами постановили все это дѣло вѣстѣ съ казаками и Камскимъ передать въ Военную Коллегію „для того, что оные казаки вѣдомы въ той коллегіи, да и по разспросамъ ихъ, что они посланы съ Яику для извѣсту о измѣнѣ на Яицкихъ-же казаковъ во онудѣ канцелярию и оное дѣло о чемъ они доносать надлежитъ сдѣловать во онай-же коллегіи”²).

Въ томъ-же мѣсяцѣ 18 числа колодники съ дѣломъ обѣихъ, вѣстѣ съ солдатомъ Камскимъ, были уже призваны въ коллегію подъ роспись канцеляріи Дмитрия Иванова³).

Дальѣйшая участъ этихъ лицъ неизвѣстна. Допрошены были они въ коллегіи или нѣтъ, долго ли тамъ были сидѣвши не имѣется.

Только изъ поздѣйшихъ дѣлъ, относящихся къ переписи Захарова, видно, что въ октябрѣ того же 1723 года Ягановъ и Краснощековъ находились въ Яицкомъ городкѣ въ числѣ 20 человѣкъ, бывшихъ подъ арестомъ у полковника Захарова.

Въ то время когда Ягановъ и Краснощековъ выѣхали изъ Яицкаго города и послѣ различныхъ вытарасъ попали въ Преображенский праказъ, розыскъ на Яицѣ былъ въ полномъ разгарѣ.

Веда слѣдствіе о возникшемъ бунтѣ, Захаровъ одновременно производилъ допросъ о посыпѣ казаковъ въ язовыи походъ. По этому дѣлу были разспрошены снова всѣ старшины войска въ бывшій атаманъ Герасимъ Погодинъ. Послѣдній сказалъ что, „въ тотъ язовыи походъ 700 человѣкъ, которые были у насъ въ готовности, не отправили того ради, что у насъ непріятельскіе люди каракалпаки и киргизы отогнали конскіе табуны и послѣ того въ скорыхъ числѣхъ церкви Божиѣ и дворы, и пожатки наши, и хлѣбъ, и ружье

¹⁾ Тамъ-же, листъ 20.

²⁾ Тамъ-же, листъ 20.

³⁾ Тамъ-же, листъ 22.

ищегорѣли безъ остатку, и мы посыпали въ Астрахань бить чаломъ Имп. Вел. дабы намъ за онынъ разореніемъ въ низовомъ походѣ не быть; и присланъ быль досматривать изъ Астрахани на Яикъ отъ гвардіи унтеръ-офицеръ Степанъ Михайловъ сынъ Китаевъ и того разоренія досматриваль и описываль и послѣ того мы, казаки, посыпали въ Астрахань вторично чалобитчиковъ, чтобы намъ въ низовомъ военномъ походѣ, за онынъ разореніемъ не быть и Его Имп. Вел. въ Астрахани не застали, изволилъ идти въ походѣ; а указу о небытности намъ во ономъ низовомъ походѣ мы у себя не вѣремъ, а не пошли за онынъ вышеописаннымъ разореніемъ”¹⁾.

Въ такомъ-же духѣ показали и остальные старшины.

На этомъ допросѣ кончилась первая половина розысковъ полковника Захарова. Это была крутая расправа Москвы съ казаками за ихъ противности.

Самый опасный противникъ Федоръ Михайловичъ Рукавишниковъ, глава и душа войска, быль казненъ лютой казнью. Остальные или повышены или посажены подъ караулъ. Войско поплатилось жестоко.

Но тѣ, кто довелъ войско до этихъ противностей, кто заставилъ казаковъ взяться за оружіе и на лихомиство и произволъ отвѣтчать силою, тѣ гуляли на волѣ.

Лишь послѣ крутой расправы съ казаками Захаровъ, наконецъ, признался за слѣдствіе о взяткахъ Кроткова, Наумова и другихъ лихомицѣвъ.

Первымъ слѣдственнымъ дѣломъ явился розыскъ о взяткахъ казанскаго дѣлка Федора Сухарева. Какъ мы уже знаемъ, Сухаревъ отказался отъ взятокъ и при розысѣ въ Казани заявилъ, что онъ „девять ничего съ казаковъ не бирывалъ” и что приносили къ нему казаки язъ за чести „рыбу, харчу и чаемъ цѣлою рублевъ на десять или меньше”²⁾.

Начался допросъ казаковъ. Атаманъ Григорій Меркульевъ и всѣ старшины показали, что Сухаревъ взялъ съ нихъ „деньги, и харчень, и рыбью да атласъ вишневой, всего на двѣсти рублевъ; да казакъ Перфилій Накафоровъ сказалъ, что съ него взялъ оять двадцать рублевъ, да казаки Григорій Харитоновъ да Пётръ Чертыхинъ, что-де съ нихъ казаковъ съ товарищи одиннадцать человѣкъ взялъ онъ Сухаревъ денегъ триста рублевъ”³⁾.

По слѣдствію о взяткахъ Кроткова розыскъ нѣсколько осложнился. Дѣло въ томъ, что безъ его присутствія слѣдствіе вестя являлось невозможнымъ.

Между тѣмъ Кротковъ всѣми мѣрами старался уклониться отъ розыска. По приказу военной коллегіи съ него была взата подпись, „что явится ему, Кроткову, передъ кому повелено будетъ по тому дѣлу по указу изъ воен. кол. слѣдоватъ и разыскивать на Яикѣ, въ то время какъ посланный прибудетъ на Яикъ не отговариваясь нечѣмъ и ожидать того посланного въ Сим-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Правит. Сената по воен. коллег. №/зю, листъ 511. Экстрактъ Захарова, показаніе Погодцева.

²⁾ Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣло Правит. Сената по воен. коллеги №/зю, листъ 507.

³⁾ Тамъ-же, листъ 508.

бирску... А ежели онъ Кроткой по той сказкѣ тому посланному не звѣтъ и учинится противъ хотя въ наломъ чѣмъ и за то ему указъ учавить военному артикулу, чѣму онъ будеть Кроткой достоинъ, также и тѣ поручики его по тому-же подписанысь”¹⁾.

Кроткову за ослушаніе и неисполненіе этой подписки угрожали не только жестокіе военные артикулы того времени, но и лишеніе всего имущества и имѣй. А имѣй у Кроткова было вѣселько: „Въ Сибирской уѣзда крестьянскихъ тридцать два двора, въ Казанскомъ уѣзде пять дворовъ, въ Курмышскомъ уѣзде тоже пять дворовъ”.

Но Кротковъ не думалъ явиться на Яикъ. Какъ мы знаемъ, онъ не явился Захарову ни въ Казани, и ни въ Сибирскѣ. Еще изъ Казани Захаровъ написалъ къ симбирскому воеводѣ Федору Хруштову два письма, о присылкѣ его и его поручиковъ и чтобы у Кроткова за его укрывательство были отписаны на Его Императорское Величество „деревни его и поимѣнки“. Объ этомъ-же онъ записалъ и казанскому губернатору Салтыкову. Но Кротковъ на Яикъ не явился и отвѣта на свои письма Захаровъ вплоть до 11 апрѣля не получилъ. Между тѣмъ по разыску на Яикѣ по показанію бывшаго атамана Никиты Бородина выяснилось, что Кротковъ взялъ у него двѣстѣ рублей, а также ёзяль не мало девятеръ и у другихъ казаковъ.

Не явились къ слѣдствію обвиненные такимъ-же подписками и капитанъ Кемецкий, поручикъ Иванъ Наумовъ и подьячий Иванъ Муромцевъ. О первыхъ двухъ Захаровъ не имѣлъ никакого извѣстія, о послѣднемъ-же астраханскій губернаторъ Волынский уѣдомилъ Захарова, что „ового подьячаго Муромцева за пріемомъ его денежные казны и во многихъ порученныхъ ему дѣлахъ имѣтъ вскорѣ отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшить и выслать будетъ не возможно, а высланъ будетъ впрѣдъ“²⁾.

Изъ другихъ обвиняемыхъ: унтеръ-офицеръ Филиппъ Черемисиновъ умеръ въ 1719 году, дворянинъ Тихонъ Волжовъ умеръ въ 1721 г. Умеръ также и Алексѣй Сухаревъ.

У Захарова такимъ образомъ не было санныхъ главныхъ виновниковъ. Всѣ энергичнѣйшие оказались самарскій комендантъ Куманиковъ. Онъ, по первому-же требованію Захарова, выслалъ всѣхъ бывшихъ въ Самарѣ обвиненныхъ казаками во взятукахъ. Ихъ были присланы на Яикъ: фискалъ Михаилъ Путимовъ, дворянинъ Григорій Овдокимовъ, подьячей Иванъ Оечинниковъ, фискальской подьячей Яковъ Соболевъ, самарской капитанъ Иванъ Соколовъ и самарской солдатъ Тимофей Трескинъ. Всѣ они находились у За-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 508. Поручителями подъ этой подпиской подписанысь: „отставной подпоручикъ Богданъ Леонтьевъ сынъ Іоанновъ, Ландмилиций полковъ маоръ Егоръ Петровъ сынъ Барановъ, маоръ князъ Михаила Мещерскій, отставной драгунъ Степанъ Осиновъ сынъ Мещериновъ, фискалъ Никита Петровъ сынъ Казанинъ“.

²⁾ Тамъ-же, листъ 509.

зарова подъ арестомъ со дня его прибытия на Яикъ¹⁾.

Донося объ этомъ, Захаровъ 11 апрѣля между прочими писалъ военной коллегіи о томъ, что всѣ требуемыя въ бывшіе разыщики „офицеры, и дворяне, и приказаны люди“ до настоящаго времени на Яикъ не прибыли и что безъ ихъ присутствія „въ томъ слѣдствіи очныхъ ставокъ давать не съ кѣмъ и то слѣдуетъ къ окончанію привести невозможно“²⁾.

Шокъ шелъ на Яикъ усиленный розыскъ, въ это время по дорогѣ къ Яицкому городку подвигался посланный изъ Астрахани для переписи на Яикѣ „мужского полу душъ“ капитанъ Пономаревъ. Послали его астраханскій губернаторъ, согласно распоряженія сената, переписать всѣхъ „мужского полу“ людей въ Астраханской губерніи. Губернаторъ рѣшилъ, что эту перепись слѣдуетъ произвести и за Яикъ. Пономаревъ пріѣхалъ въ городокъ 29 апрѣля, но здѣсь встрѣтилъ полковника Захарова.

Въ этой послыѣ сквозить замѣчательное непониманіе и незнаніе дѣла. Коллегія, посылая Захарова, болѣе освѣдомленная въ дѣлахъ войска, посыпаетъ его, давъ ему громадный конвой, посыпаетъ, предварительно пославши послушающую грамоту войску, астраханскій-же губернаторъ отправляетъ въ тотъ же казачій городокъ только одного капитана, въ наивной простотѣ думая, что этого вполнѣ достаточно, чтобы Яицкое войско безпрекословно выполнило все, что потребуетъ посланный капитанъ.

Прибылъ Пономаревъ въ Яицкій городокъ 29 апрѣля. Но перепись ему произвести не удалось, хотя онъ и подальше атаману Меркульеву данный ему Высочайший „подушной указъ“. Онъ былъ вынужденъ уѣхать обратно.

Въ своемъ донесеніи астраханскому губернатору онъ по этому поводу писалъ: „Отъ переписи оныхъ казаковъ господинъ полковникъ Захаровъ, который отправленъ изъ Государst. Воен. Кол. по указу, отказалъ и атаману къ переписи идти не велѣть, понеже-де оный Яикъ велѣво указомъ Его Имп. Вел. переписывать ему господину полковнику Захарову и выѣхъ оныхъ казаковъ оный полковникъ переписываетъ“³⁾.

Въ дѣйствительности-же Захаровъ еще переписи не дѣлалъ. Онъ только отдалъ приказъ войсковому атаману и старшинамъ представить ему подробный списокъ всѣхъ казаковъ въ войскѣ, ихъ дѣтей, а также и иногороднихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ войскѣ.

Онъ все еще не кончилъ розыска по донесу Карташева о другихъ казачихъ противностяхъ: „О яицкихъ казакахъ Федоре Бахаревъ, Василье Сидоровѣ въ Осинѣ Брезинѣ въ смертномъ убийствѣ атамана Ивана Бѣлоусова“⁴⁾. Но ни этого въ высшей степени интереснаго сѫдѣственнаго дѣла,

¹⁾ Тамъ-же, листы 510—511.

²⁾ Тамъ-же, листъ 508.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Прав. Сената по воен. кол. 7/20, листъ 495.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, чист. 2, свид. 28, дѣло 27, листъ 19. Вѣдомость дѣла, принадлежащая Захарову изъ Военную Коллегію.

ни экстракта изъ него найти не удалось.

Всѣ трое казаковъ были обвинены Захаровымъ и по отмѣткѣ, сдѣланной въ военной коллегіи на польѣ вѣдомости противъ этого дѣла, видно, что всѣ трое были „ожнены смертию—повѣшены“.

Были произведены также слѣдствія и о другихъ дѣлахъ: „Противъ извѣту казака Федора Ревка о продажѣ дѣвки на казака Федора Силишана“ и другое такое же дѣло: „Противъ извѣту ево-жъ Федора Ревка о продажѣ дѣвки на казака Никиту Зѣвакина“. На слѣдственаго дѣла, ни экстракта изъ нихъ найти не удалось; незавѣстъ также и результатъ этихъ дѣлъ. Слѣдующее дѣло тоже весьма интересное: „Противъ челобитья на бывшаго атамана Матвѣя Мирозова“ также не найдено; и съ потерю этихъ дѣлъ мы лишаемся, вѣроятно, самыхъ интереснейшихъ и самыхъ любопытныхъ подробностей стороны быта и жизни яицкихъ казаковъ того времени. Лишаемся, наконецъ, возможности выяснить точно всѣ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ войско раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря, борьба которыхъ довела яицкую общину до рокового прѣѣзда на Яикъ грознаго полковника Захарова и къ лишению Яицкаго казачества одной изъ его существенныхъ и важнейшихъ вольностей—ежегоднаго выбора войскового атамана, какъ увидимъ далѣе, повлекшаго за собою на голову войска одну бѣду за другой.

Но кромѣ прямого своего дѣла—производства розыска по доносамъ Карташева—Захарову пришлось разбирать и другія дѣла, которыхъ разыше рѣшало само войско своимъ „вольнымъ польскимъ“ (полевымъ) судомъ.

Въ началѣ мая казакъ Осипъ Синельниковъ панилъ „гудящаго человѣка“ Еремѣя Исаева для рубки и прогона лѣса вверху по Яику. Видѣвъ съ Исаевымъ Синельниковъ отправилъ казака Дмитрия Григорьевца. Но будучи въ лѣсу, во время рубки, Исаевъ по незавѣстной намъ причинѣ убилъ казака Григорьева—отрубилъ ему голову топоромъ.

Исаева поймали. Не будь Захарова судь-бы былъ произведенъ самимъ войскомъ въ Исаева, вѣроятно, посадили бы въ воду, т. е. по просту, утонули, какъ человѣка, сдѣлавшаго самое позорное дѣло.

На этотъ разъ преступника передали для расправы къ полковнику Захарову.

Въ разспросѣ онъ „былъ пытанъ, а съ трехъ пытокъ винился“, что овъ Саранскаго уѣзду вотчины стольника каязя Ивана Федорова сына Ромодановскаго, села Верзинковъ, крестьянинъ. „Нынѣ тому шесть лѣтъ разбивалъ онъ въ сибирскомъ уѣздѣ Загудаскіе слободы солдата Ивана Коробова. Въ томъ же уѣздѣ въ Полатовѣ слободѣ разбивалъ солдата Трапезна Никитина. Въ Чемженской слободѣ разбивалъ солдата Петра Антонова. Да въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ яицкомъ селѣ Коржавѣ на польѣ отынѣ грабежомъ лошадей. И за оные воровства былъ наказанъ: бить кнутомъ въ

Саранску и вырѣзаны ноздри и сосланъ бытъ въ Гурьевъ городокъ и изъ Гурьева городка бѣжалъ и пришелъ на Яикъ въ нынѣшнемъ 723-мъ году¹).

Судъ, въ которомъ участвовали, кромѣ Захарова, Протасовъ и Коробовъ, вынесъ приговоръ:

„И по указу Его Императорскаго Величества—гласило постановлѣніе суда—за показанные вины: за разбой и смертное убийство и за побѣгъ съ каторги казнить смертю—созвѣстъ, дабы смотря на ево казнь впредь такие же воры на Яикѣ такъ не чинили и ни хъ какому воровству не приставали“²).

Разбирая всѣ эти дѣла, Захаровъ одновременно готовился къ исполненію другого давнаго ему порученія—къ переписи войска.

28 мая войсковой атаманъ подалъ ему списокъ всего войска и всѣхъ пришлыхъ людей, жившихъ въ войску. Списокъ составленъ по сотамъ; противъ фамилии каждого казака написаны его дѣти и рабочіе люди, которыхъ у него живутъ. Списокъ этотъ составляется изъ себя объединистую тетрадь въ 179 листовъ и озаглавлеъ: „1723 года, мая 28, Яцкаго войска списокъ наличный, именной колическо число живѣть на Яикѣ казаковъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей и работниковъ, а которые на Черемшанскихъ пасахъ такъ же и въ дальнѣахъ отлучкахъ для своихъ вуждѣй и обовыихъ означено въ особливомъ списку обстоятельно“³). Всего по этому списку перечислено всѣхъ жившихъ въ Яцкомъ городкѣ 6116 человѣкъ⁴).

Въ этомъ спискѣ казаки раздѣлены на разряды—на дѣйствительно служащихъ, отставныхъ и ихъ дѣтей, т. е. малолѣтнихъ казаковъ. Въ числѣ отставныхъ казаковъ показано 11 человѣкъ, живущихъ въ Шатиской лукѣ, т. е. тамъ, гдѣ казаки во время пребыванія на Яикѣ Кроткова хоронили своихъ покойниковъ,—очевидно эти отставные казаки удалились отъ мирской суеты и, болѣе чѣмъ вѣроятно, они жили въ скиту—были монахи. Что секты при Яцкомъ городкѣ въ это время существовали, уже видно изъ списка казаковъ: „при старцахъ по Яику сверхъ“, гдѣ жило 34 казака.

Любопытно, что казаки въ это время жили въ по р. Сакмарѣ со своими

¹) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, листъ 196, листъ 429.

²) Тамъ-же.

³) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 21, листы 1—179.

⁴) Всего по списку числилось: „Служившихъ казаковъ 2562, ихъ дѣтей 1925, работниковъ 203, братьевъ казачьихъ 49, плакальщиковъ 10, внуковъ казачьихъ 4, шуринъ казачьихъ 5, прѣмышилъ 5, отцовъ казачьихъ 12, хлопцовъ физическихъ и калмыковъ 13, выходцевъ русскаго изъ половы—1, рабочихъ дѣтей 5—итого на яицѣ 6081“. На листѣ 161 отдельный списокъ дѣтей казачьихъ „побитыхъ и умершихъ казаковъ дѣтей (сыротъ) 564 чл., при нихъ работниковъ—8“; на листѣ 162: „наличное число, которые живутъ своимъ домамъ и корячатъ собою пришли здѣ—58, у нихъ дѣтей 16, работниковъ 6, племянниковъ 1, внуковъ 2,—всего 79 человѣкъ. Далѣе идеть списокъ отставныхъ казаковъ—181 чл., ихъ дѣтей 51, рабочихъ 9, братьевъ казачьихъ 1, шуринъ каз. 1; на листѣ 164: „въ дальнѣахъ отлучкахъ для нужды казаки—21, ихъ дѣтей на Яикѣ 21, работниковъ 3, всего 44“. На листѣ 165—178: „На черемшанскихъ пасахъ казаки—292 чл., ихъ дѣтей 47, братьевъ казачьихъ 2, работниковъ 5. Далѣе идуть любопытныи списки: „казаки, которые обрѣзались на Яику сверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ: атаманъ Юрий Тимофеевъ сынъ Сабиринъ, асаулъ Гаврило Лукьяновъ сынъ Шугай“, рядовыхъ 12,—всего 14, у нихъ работниковъ 1 (листъ 178), и другой списокъ: „При старцахъ по Яику сверхъ“—34 человѣка (листъ 179).

атаманомъ и есауломъ. Правда ихъ было немного—всего 14 человѣкъ, но все-же это показываетъ, что рѣку Сакмару они считали своею землею. Какъ видно изъ предыдущихъ очерковъ, на рѣкѣ Сакмарѣ былъ два раза городокъ, но оба раза башкиры его уничтожали. Вѣрѣе всего предположить, что заселяли тогда этотъ городокъ яицкіе казаки, хотя прямыхъ указаний на это не имѣется.

Въ концѣ списка подведемъ итогъ:

„Всего по сему именному списку казаковъ и соотечесвнными 3103, въ дѣтей 2627, казачьихъ отцовъ не въ казакахъ 12, братьевъ казачьихъ 52, своимъ домами не въ казакахъ 57, у всѣхъ чиновъ работниковъ—223, племянниковъ, внуковъ, шурьевъ и пріемышей 28, хлопцовъ финскихъ и казацкихъ 13, выходцевъ изъ полову 1, а всего всѣхъ чиновъ состоять при Яицкомъ городкѣ 6116 человѣкъ“¹⁾.

Съ этого дня началась перепись казаковъ²⁾.

Первыми были спрошены войсковой атаманъ.

„Войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ сынъ Меркульевъ, у него синь Илья девати лѣтъ, по сказкѣ его отъ роду ему Григорію пятьдесятъ семь лѣтъ, дѣдъ его родиной Ставропольского уѣзда дворцовой Камаринской волости крестьянинъ и оной дѣдъ его въ прошлыхъ годахъ былъ переведенъ на Сакмару, а отецъ его родился на Самарѣ и служилъ въ конныхъ стрѣльцахъ, а съ Самары пришелъ на Яицъ во сто сорокъ первомъ году (1663 г.), а отъ Григорія родился на Яицѣ и служить въ казакахъ сорокъ лѣтъ“³⁾.

Войсковому атаману было сдѣлано почему-то исключение:—съ него не взяли платы въ вѣрности его показанія и былъ онъ спрошенъ не подъ страхомъ смертной казни. Всѣ-же остальные казаки были спрошены по приводу въѣхъ въ присадѣ и должны были говорить правду подъ угрозою лишения жизни.

Обращениемъ такого опроса, обычного для всѣхъ казаковъ войска, приводу сказку казака Бородина:

„По указу Его Императорскаго Величества на Яицѣ въ рязанской казачьей предъ господами полковникомъ и лейбъ-гвардія капитаномъ Захаровымъ съ товарищи двадцать первой (21) сотникъ Никифоръ Никитинъ сынъ Бородинъ по Евангельской заповеди Господней въ правду сказали отъ роду иже сорокъ два года, родился я на Яицѣ, а дѣдъ и отецъ моя родились Самарского уѣзда села Ширяева поимѣщика Андреяна Филиппова старинные крестьянинъ, и дѣдъ и отецъ мой изъ того села пришедъ на Яицѣ въ прошломъ во сто шестьдесятъ первомъ году (1653 г.) и вѣль мой на Яицѣ умира, а отецъ мой и иные служить на Яицѣ въ казакахъ, а я въ казачью службу приверстанъ при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ двадцать два года, у

¹⁾ Тамъ-же, листъ 179.

²⁾ Эта перепись казаковъ занимаетъ собою по списку 107, книги 27, 28, 24, 22 и 21.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, списокъ 107, книга 27, листъ передъ первымъ листкомъ, на оборотѣ таг.

мена дѣта Симіонъ сими, Борисъ трехъ лѣтъ, да работникъ Мунжакъ Засицъ сынъ Калмыченинъ; а ежели я Никофоръ сказать не правду, а послѣ обо мнѣ кто донесетъ и за то мнѣ учинить смертную казнь. Къ сей сказкѣ виѣсто казака Никифора Никитина сына Бородина по его велѣнію казакъ Иванъ Поповъ руку приложилъ¹⁾.

Такимъ образомъ было опрошено все войско по данному атаманомъ списку; во виду того, что опросы требовали массу времени, а между тѣмъ одновременно Захаровъ производилъ и слѣдствія, то перепись растянулась на долгое время—она кончилась лишь къ концу слѣдующаго 1724 года.

Получивъ первый списокъ казаковъ, Захаровъ усомнился въ его правильности,—до него, кѣроятво, стали доходить слухи о казакахъ и другихъ лицахъ незаписанныхъ въ списке. Черезъ мѣсяцъ послѣ подачи списка онъ потребовалъ къ себѣ войскового атамана и всѣхъ старшинъ и вельможъ имъ подъ страхомъ казни и лишенія имущества подтвердить правильность списка. Войсковой атаманъ, два войсковыхъ есаула: *Иванъ Степановъ* и *Василий Араповъ*, три человѣка „бывшихъ атамановъ“, 11 „бывшихъ есауловъ“ и четыре человѣка „старыхъ людей“: Митрофанъ *Алентинъ* (онъ-же и Алютичъ, бывшій походный атаманъ въ Шведскую войну), Никита *Злобакинъ*, Автозъ *Бабушкинъ* и Петръ *Жемльзноевъ* дали подавку въ правильности списка; по безграмотству многихъ расписывалась въ некоторыхъ мѣстахъ священникъ и діаконы. Изъ всѣхъ старшинъ войска оказалось только три человѣка грамотныхъ. Войсковой атаманъ былъ безграмотнымъ. [24].

Среди бывшихъ атамановъ былъ и *Матвѣй Мироновъ*,—очевидно, при прѣѣздѣ на Янѣ Захаровъ его освободилъ изъ подъ ареста. Въ числѣ подпісавшихся за неграмотныхъ былъ и *Федоръ Ревка*, уже известный намъ доносчикъ. Очевидно, и онъ находился на свободѣ.

Переопись производилась. Надъ казачьими противностями дѣмался разыскъ. Но главные виновники всей этой волокиты и казачьихъ бѣдъ господа Кротковы, Наумовы и другіе еще не были доорощены. Донесеніе Захарова о казни Рукавашникова, о присылкѣ роты драгуанъ и о высылкѣ всѣхъ взяточныхъ казаковъ было получено въ военной коллегіи въ началѣ июня и лишь только 12 июня по нему состоялось постановленіе коллегіи²⁾.

Коллегія рѣшила послать изъ Казани къ Захарову еще одну роту солдатъ въ полномъ комплектѣ³⁾. Относительно же присылки на Янѣ дѣка Сухарева, астраханского подьячаго Муромцева, каската Кемецкаго и другихъ обвиняемыхъ рѣшено было донести сенату, чтобы онъ приказалъ „въ Казань

¹⁾ Тамъ-же, книга 24, листъ 1; въ некоторыхъ показаніяхъ записано иногда такъ: „по евангелической заповѣди Господней еже сї-ей вправду сказали“... и т. д. (тамъ-же книга 28, листъ 1 и другие).

²⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, с. 31, листъ 864. Моск. Арх. Инз. Юст., дѣло Праз. Сен. по Всемъ Колл. 7/60, листъ 498, где сказано, что постановленіе состоялось 11 июня.

³⁾ Тамъ-же. Изъ дальнѣйшихъ распоряженій видно, что посыпка роты изъ Казани не состоялась, а приказано было выслать драгунскую роту изъ Нижнаго Новгорода. Моск. Арх. Га. Шт., опись 1, часть 6, книга 196, листы 407—410.

и Астрахань, а о Кемецкомъ въ Герольдъ Мейстерскую канцелярию подтвердить указами. А для посыпокъ съ Янкъ черезъ степь изъ самарскаго конныхъ казаковъ командировать на Янкъ двадцать человѣкъ и о томъ на Самару, а въ Астрахань для вѣдома послать указы” ¹⁾.

Виѣтъ съ отправляемой ротой приказано было выслать изъ Казани губ Захарову провинть.

Къ Захарову-же былъ посланъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, подтверждалось, чтобы онъ съ товарищами „чинили о всемъ по давнимъ изъ инструкціямъ и при томъ имѣли надлежащую крѣпкую осторожность и скрутили того накрѣпко, чтобы колодники не умозались, чего ради, которые призначатца по розыску хъ казнѣ, или къ какому наказанію, чинить execуцію не медленно, а которые очистятца тѣхъ, приведчи ко пресагѣ, опредѣлать по прежнему въ службу” ²⁾.

Военная коллегія постановила также и объ оставлениі разъ навсегда Меркульева атаманомъ войска.

„Понеже вышешней атамазъ Григорій Меркульевъ—говорилось въ постановлении,—показалъ Его Императорскому Величеству вѣрность и знатную службу, чрезъ объявленіе лицъ казаковъ умыслу къ возмущенію, того ради послать къ нему и ко всему Янцкому войску которые къ тому возмущенію не пристали и въ своей вѣрности остались Его Императорскаго Величества грамоту съ похвалою и быть ему атамазу Меркульеву за тое ево вѣрную службу и впередъ за Янке атаманомъ по прежнему” ³⁾.

Коллегія, пославъ комію съ этого постановленія въ сенатъ, виѣтъ съ тѣмъ сдѣлала всѣ нужныя распоряженія и послала указы и въ Астрахань, и въ Казань, и на Янкъ.

Такимъ образомъ эти указомъ Захарову предоставлялось право казнить всѣхъ казаковъ, которые будуть найдены имъ виновными въ измѣнѣ или другихъ преступленахъ, достойныхъ по тому времени казни. Но въ то суровое время почти всѣ не только преступлеіа, но и простые проступки, нынѣ наказываемы въ военачальникою властью, всѣ ови, почта безъ исключенія, наказывались лишениемъ жизни или каторгою. Петровскіе артикулы были неумолимы и отличались своею страшною жестокостію. Принимая эти законы, Захаровъ могъ-бы предать казни почти всѣхъ обвиняемыхъ казаковъ. Но Захаровъ оказался по своему развитию выше общества того времени и былъ не только беспребрѣннакомъ, но и гуманнымъ человѣкомъ—качество въ высшей степени рѣдкое въ то дикое и темное время.

¹⁾ Моск. Арх. Инв. Юст., дѣло Сената по воен. код., 2/мю, листъ 498.

²⁾ Тамъ-же, листъ 499 и Моск. Арх. Главн. Шт., опись 107, св. 81, листъ 865. Послѣднее 1741 г.; изъ него въ концѣ его сказано, что соправку о назначении Меркульева нынѣшнимъ атаманомъ „за сорокъ съ дніемъ въ военный конторѣ известій неизѣтъ“.

³⁾ Тамъ-же. Грамоту къ войску отыскать не удалось.

Онъ, получивъ этотъ приказъ, не казнилъ ни одного казака.

Назначеніе военной коллегії атаманомъ Григорія Меркульева, по прімѣру донцовъ, пожизненно — явилось въ войскѣ первымъ и самымъ серьезнымъ нарушеніемъ освященнаго обычая казачьяго права — выбирать атамана ежегодно, виѣть главу войска вполнѣ зависимаго отъ народа, подчиненнаго народу. Этотъ роковой приказъ, какъ увидимъ дальше, привелъ впослѣдствії войско къ тяжелымъ и печальнымъ событиямъ, окончившимъ пугачевщиной. Не стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ волею народа, оставалась пожизненно атаманами, иныхъ за свою спину поддержку въ военной коллегії, они съ этого рокового года явились страшнымъ бичемъ для войска, эксплуатируя и обирая виѣтъ со старшинами казаковъ. Казаки были безсильны бороться съ ихъ произволомъ и въ тоже время не имѣли права сѣѣвать нелюбимаго и недостойнаго атамана.

Получивъ этотъ приказъ 20 августа, Захаровъ вторично написалъ въ коллегію о ходѣ дѣлъ на Яикѣ. Бывшниковъ всѣхъ казачьихъ бѣдъ Броткова, Кемецкаго въ другихъ все еще не было на Яикѣ, а безъ нихъ производить слѣдствія было нельзя. Объ Кемецкомъ Захаровъ получилъ донесеніе отъ воеводы „Симбирской провинції“ Федора Хрущева, что Кемецкій въ маѣ иѣздѣ умеръ. Объ остальныхъ же не было ни слуху, ни духу.

Захаровъ просилъ коллегію снова приказать выслать ихъ на Яикъ, особенно дѣйца Сухарева и астраханскаго подъячаго Муромцева.

Изъ дальнѣйшихъ строкъ его донесенія видно, что къ этому времени про-
силъ имъ рота драгунъ на Яикъ еще не прибыла. Сиутило Захарова и распоряженіе коллегіи братъ подорожный для посылаемыхъ имъ въ Петербургъ съ донесеніемъ явъ отъ казанскаго губернатора Салтыкова.

„А Казань отъ Яика въ осьми стахъ и больши,—писалъ Захаровъ,— и посыпать съ тѣми вужными доношеніями до Казани и тѣмъ посланнымъ курьерамъ откуда ишать подорожнія до Казани того во ономъ указе не написано; а намъ вышеозначенныи указомъ подорожнныи подпишивать запрещено, для того что де по печатному указу повелѣво подорожнныи подпишывать губернаторамъ и воевоцамъ и тѣмъ кому отъ нихъ команда приказана будетъ; а Яикъ вѣдомъ не губернія и не въ воеводствѣ, а помянутая Казань отъ Яика не за прямомъ тракте и въ томъ будетъ прогономъ тракта излашняя что чрезъ Казань посыпать, а прямо трактъ съ Яикомъ на Самару, на Симбирскъ, на Аламыръ, на Арзамасъ, на Муромъ, на Владимиръ и до Москвы и о подписке подорожныхъ просилъ повелительного указу, чтобы по посылкамъ нашимъ въ важныхъ дѣлехъ доношеніемъ не было остановки“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 191, дѣло 784, листы 408—410.

Въ тоже время Захаровъ просилъ выдать его командѣ заслуженное жалованье и о дачѣ фуража лошадямъ.

Этой просьбою кончалось донесение Захарова.

На это донесение резолюція коллегіи послѣдовала только 21 октября. Принято было „о дачѣ заслуженнаго жалованья куда надлежать послать указъ, объ отъѣздѣ съ Янку полковнику Захарову (по окончаніи слѣдствія) жаловать указъ“. Но самимъ интереснымъ постановленіемъ коллегіи по этому поводу является распоряженіе: „послать на Янкъ кондуктора и велѣть осмотрѣть того мѣста и гдѣ надлежитъ быть городку здѣльать съ маштапомъ чертежъ, который праслатъ въ военную коллегію. И какъ оттуда отправитца полковникъ Захаровъ оставить сто человѣкъ солдатъ“¹⁾.

Какими соображеніями было вызвано это распоряженіе, остается невыясненнымъ. Ни въ одномъ дошедшемъ до насъ экстрактѣ Захарова не говорится ничего, что бы могло вызвать подобное распоряженіе. Это, вѣроятно, есть плодъ личнаго мнѣнія свѣтѣйшаго князя Меньшикова, хотѣвшаго, видѣя открывавшагося заговора противъ Захарова, построить въ Яндскомъ городкѣ редутъ или маленький форть для находившейся тамъ команды. А для прѣстенія и на будущее время могущихъ возникнуть волненій было решено и по отѣѣздѣ Захарова оставить на Янкѣ маленький гарнизонъ.

Очевидно, мѣсто было выбрано и кондукторъ былъ посланъ. Но нигдѣ въ дѣлахъ чертежа городка и укрѣпленія, къ сожалѣнію, не найдено.

Въ то-же время состоялся и указъ военной коллегіи по членѣству станичнаго атамана Петра Осипова. Въ войско на имя атамана Григорія Меркульева и всего Яндскаго войска 10 сентября была записана грамота, гдѣ обычно была наложена просьба станичнаго атамана и въ концѣ грамоты говорилось, что станичникамъ за прїездъ и отѣѣздъ приказано выдать жалованье, относительно же прогонныхъ денегъ, издержанныхъ казаками отъ Янка до Москвы „за привозъ рыбы и яры“ во дворецъ о выдаѣть ихъ насать въ дворцовую канцелярію. „А вамъ, говорилось въ грамотѣ войску, когда случится отъ васъ во дворецъ рыбе и яре и прочтого въ привозѣ быть и что бы за привозъ заплатите и такжъ бы деньги требовали вы изъ дворца а не изъ военной коллегіи; а что вы бьете человѣкъ, чтобы для пожарного вашего на Янкѣ разоренія казаковъ, которые опредѣлены при Чемашанѣ рѣкѣ для осторожности отъ непріятельскихъ людей, свободить и въ томъ вашъ отказать; а быть онымъ казакамъ въ тѣхъ мѣстахъ по прежнему до указу для того, что ихъ выше за беззаконствомъ отъ набеговъ отъ непріятельскихъ переменить некемъ и наряду вскорѣ учинить невозможно“²⁾.

Въ этомъ же году состоялось и другое постановленіе коллегіи всѣмъ прибывающимъ въ Москву казачинѣ станицамъ съ доношеніями и отписками

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., синъ 1, часть 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 45. Въ концѣ черноваго отпуска грамоты помѣтка: „Такова подлинная грамота послана черезъ Ямскую почту октября 10 дня“.

„чинить рѣшеніе въ Москвѣ” и оттуда уже писать въ военную коллегію. Въ Петербургъ-же посыпать только человѣка два или три, а остальныхъ оставлять въ Москвѣ при конторѣ коллегіи¹⁾.

Когда возвратилась станица Петра Осипова на Яикъ—незавѣстно, но, судя по тому, что грамота обѣ оставленіи казаковъ на службѣ на рѣкѣ Черемшѣ была отправлена почтою, можно предположить, что станичниковъ въ это время въ Москвѣ уже не было.

Разрѣшить отпускъ яицкихъ казаковъ съ рѣки Черемши на Яикъ было въ то время невозможно.

Въ калмыцкой и киргизской ордѣ бывало волненія.

Въ степи было неспокойно. Тамъ на востокъ отъ Яика, въ киргизской ордѣ еще съ 1710 года начались междоусобія. Пользуясь этимъ, ближайшіе соседи начали ихъ тѣснить со всѣхъ сторонъ:—съ запада на нихъ нападали калмыки, съ сѣвера башкиры, а съ востока главные и вѣчные враги киргизъ—зянгorskіе калмыки, жившіе вблизи границы Китая и управлявшіе своимъ ханомъ Галданъ-Цыреномъ. Тѣснение со всѣхъ сторонъ и раздираемые междоусобіями, киргизы хотѣли принять русское подданство. Но аліательный киргизскій батырь и старшина Буканъ-бай за собравшіи киргизъ въ Каракумахъ склонилъ народъ на войну съ калмыками—зянгорцами. Киргизы окончили свои споры и междоусобія и выбрали предводителемъ Буканъ-бая и ханскоѣ достоинство было вручено Абулахайру. Ударивъ соединенными силами на зянгорцевъ, киргизы, благодаря ловкости своего предводителя, разбили калмыковъ и отбросили ихъ къ границамъ Китая. Но ведя войну съ главнымъ врагомъ, киргизы должны были одновременно выносить беззрѣвныя набѣги отъ башкиръ и каракалпаковъ. Борьба была непосильна.

Киргизы снова рѣшили просить русское подданство. Особенно на этомъ настаивали ханы: Тяка, Камы и Абулахайръ. Съ этимъ они обратились къ Петру Великому, но Петръ былъ занятъ войной со Швеціей и, заявивъ о междоусобіи среди киргизъ, не рѣшился принять какое-либо участіе въ ихъ дѣлахъ.

Узнавъ обѣ этомъ, зянгorskій ханъ, видя неудачу киргизъ въ разсчетѣ за русскую помощь, съ рангоу весною 1723 года овладѣлъ Туркестаномъ и двинулъ снова со всѣми своими силами на киргизъ. Киргизы хотя и соединились съ каракалпаками, но не выдержали написка и подъ напоромъ калмыковъ стали быстро отходить на сѣверъ и за западъ отъ Туркестана. На сѣверѣ они были вынуждены отѣснить башкиръ и заставили ихъ уйти за Яикъ въ Уральскія горы, на западѣ-же, перейдя р. Эмбу, киргизы въ среднемъ за теченіемъ сбили кочевавшихъ тамъ калмыковъ и, преслѣдуя ихъ, приблизились къ Яику²⁾.

¹⁾ Урал. войск. арх., дѣло III разр., гражд. опись 76, листы 22—23. Грамота войску 1723 г., маѣ 20, № 784.

²⁾ Витенскій—Неплюевъ и Ореображеніе, страница 135.

Главные враги казаковъ поселялись почта рядомъ. Съ этого времени набѣгъ киргизъ участились — безконечныя и безпрерывныя стычки казаковъ съ ними стали обычнымъ явленіемъ.

У калмыкъ въ этомъ году тоже было неспокойно, — у нихъ тоже начались междуусобія.

Сынъ Аюки-хана, Чакдоржанъ умеръ, оставивъ нѣсколько сыновей, изъ которыхъ младшій изъ нихъ Дундукуль-даша поссорился со старшимъ братомъ Досангомъ изъ-за того, что послѣдній не хотѣлъ отпустить его отъ себя и хотѣлъ, чтобы тотъ кочевалъ при немъ. Дундукуль-даша уѣхалъ съ женою къ Аюку. Но Аюка былъ не въ силахъ заставить Досанга отпустить отъ себя Дундука. Уже давно его власть въ ордѣ пошатнулась. Пріѣхалъ къ нему и Досавгъ, но, не дождавшись ханскаго суда, уѣхалъ къ себѣ въ улусы. Недовольные поступкомъ Досанга, сынъ Аюки Черекъ-дуадукъ и внучата Дундукуль-омбо и Дундукуль-даши безъ разрѣшенія хана двинулись со своими войсками на Досанга.

Бой произошелъ въ 50 верстахъ отъ Астрахани на рѣкѣ Берекетѣ и продолжался съ раннаго утра до трехъ часовъ пополудни. Бой продолжался бы и дальше, но въ это время къ мѣсту битвы подошелъ увѣдомленный обѣ этомъ Аюкою астраханскій губернаторъ Волынскій съ 200 человѣкъ солдатъ, 50 человѣкъ драгунъ и 100 донскихъ казаковъ. Онь прекратилъ бой и развелъ сражавшихся. Казаки потеряли съ обѣихъ сторонъ около ста человѣкъ убитыми и столько же ранеными. У Досанга было отбито до 6 тысячъ кабитокъ съ лошадьми и скотомъ. Волынскій успѣлъ снасти Досавгу только двѣ тысячи кабитокъ съ женами и переправилъ ихъ черезъ дѣвъ рѣки къ Красному яру. Однаждай Волынскій вѣсколькими часами, то калмыки Досанга были бы разбиты окончательно¹⁾.

Въ это смутное время къ границамъ калмыцкой земли пошли киргизы. О движеніи киргизъ къ берегамъ Янса калмыки были хорошо осведомлены. Но, не зная еще того, что напѣрены они предорвать въ дальний-шемъ, Аюка въ первыхъ числахъ юля послалъ для переговоровъ къ Абулханыр-хану калмыка Кочутуша Надыко съ провожатыми — всего десять человѣкъ. На обязанности Надыко лежало явиться къ Абулхану и спросить его: „Отъ Аюкою ханомъ въ миръ ли они хотятъ жить или воеваться“?

Но посланецъ, не дѣхавъ еще далеко до киргизскихъ улусовъ, встрѣтилъ всю киргизскую орду на рѣкѣ Темирѣ. Абулханъ приказалъ пословъ схватить, трехъ человѣкъ изъ нихъ убили, а остальныхъ взяли въ пленъ и связанныхъ повезли съ собою.

Но Кочутушу удалось бѣжать и онъ 16 августа появился вблизи Яң-каго городка, гдѣ выѣхалъ на казачій отѣзжій карауль, „который стоялъ

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 18, глава 1.

въ степи у табуна для опасенія отъ непріятельскихъ людей". Казаки привели его въ войсковую избу, откуда его представили полковнику Захарову. Здѣсь „въ канцеларіи розыскныхъ дѣлъ" онъ рассказалъ о своихъ пра-
вленіяхъ и сообщилъ, что киргизъ идетъ по степи къ Яику тысячъ съ
сорокъ и что ханъ идетъ войною на калмыкъ и на русскія украины ¹⁾.

Войско стало находиться „въ великомъ опасеніи". Захаровъ немедленно далъ звать о вѣстахъ въ Казань къ губернатору и къ генерал-майору хмязю Александру Волконскому, который стоялъ въ казанскомъ уѣздѣ по замо-
ской чертѣ (за Черемшанѣ) съ драгунскимъ полкомъ въ лицами казаками;
написано было спѣшаое уведомленіе въ Симбирскъ и въ Астрахань.

Получивъ эти свѣдѣнія, Волковскій срочно написалъ въ военную коллегію,
что если на Черемшанска пасы придутъ киргизы, то ему „за малодѣствомъ
здѣшнее мѣсто заполнить некѣмъ и то какъ бы матъ не взыскалось" ²⁾.

Не меньшій переполохъ произвело это сообщеніе и въ сибирской воевод-
ской канцеларіи. Въ городкѣ солдатъ почта не было. Комендантъ Федоръ Хрушовъ послалъ приказъ въ Симбирскій уѣздѣ въ солдатскія села и деревни о нарядѣ въ Симбирскъ солдатъ трехсотъ человѣкъ „съ ружьемъ ка-
кое у нихъ есть свое, понеже въ Симбирскѣ ружья и амуниціи ни какой
нетъ." Экстренно-же сообщилъ онъ объ этомъ въ свою очередь и въ Самару
майору Кушникову и въ Сызрань майору Дмитриеву. Тамъ вышелъ перепо-
лохъ неменьший чѣмъ, въ Симбирскѣ. Кушниковъ донесъ Хрушову: „Въ сномъ
городе Самарѣ пушекъ восемь и те все горелые и къ стрѣльбѣ не годные, а
пороху ручного и пушечного и свинца самое малое число; а пушечные дроби
ничего нетъ, а городовая крѣпость весьма плоха и самарскими служилыми
людьми тае крѣпость за малодѣствомъ обнять невозможно; и для такого
ради случая пропусти прислать солдатъ, пушекъ и пушечной дроби" ³⁾. Для
обороны Самары Хрушовъ вынужденъ былъ послать изъ Сибирска двѣ чу-
гунныхъ пушки, пушечного пороха десять пудовъ и дреби жалѣзной четыре пуда.

Между тѣмъ киргизы быстро подвигались къ Яику и 22 августа ⁴⁾ мел-
кія шайки ихъ подошли къ Яицкому городку, 23-го часть ихъ появилась
уже у Черемши, Самары и Алексѣвска. Близъ Самары они отогнали лошадей,
а изъ Алексѣвска „управитель" Александра Кольцовъ донесъ Кушникову,
что 24 августа за часъ до ночи алексѣвскій бояринъ Алексѣй Завидашъ,
занившись къ нему, заявилъ: „быль де онъ за вуждою свою на Кинехѣ рѣкѣ
у Бурочки рѣчки отъ города Алексѣвска всплыть верстахъ и напало на него
каракалпаковъ двадцать человекъ, отъ которыхъ уметался онъ въ воду; а

¹⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 47, кн. 30/з, листъ 157. Донесеніе изъ Казани хмязю Волконскаго
отъ 28 августа 1723 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, опись 47, кн. 30/з, листъ 105, донесеніе изъ воен. кол. Федора Хрушова.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 81. Грамота изъ войску 9 сентября 1723 г.

саловъ¹⁾ до ихъ, на чёмъ переплавляютца, и переплавъ не видаль, только, где, по Канехъ рѣкѣ плыветь бревенникъ и мелкій лѣсъ, и знатно, что во-видимому переплавывались многолюдствомъ, а гдѣ того неизвѣстно; аловидѣво Алексѣя, августа 23 числа за два часа до вечера²⁾.

25 августа въ Яңақай городокъ прибѣжалъ другой „выходецъ“ изъ киргизского плѣна. Это былъ татаринъ казавскаго уѣзда Исимкуль Тайшесовъ. Представленный къ Захарову сказалъ, что „переѣздили рѣку Яңақъ киргизовъ и каракалпаковъ съ пять тысячъ человекъ тому нынѣ четвертої день близъ реки Илека и идуть они и намерены быть подъ Его Императорскаго Величества и на черемшанскіе жилища; а озвѣ Исимкуль отъ нихъ бѣжалъ сего августа противъ 25 числа въ аочи—въ рѣкѣ Бузулукъ и прибѣжалъ на Яңақъ“³⁾.

Объ этомъ сѣѣдѣніи Захаровъ слова написалъ письма и князю Волконскому на Черемшу и въ Сызрань. Какъ ухитрилась казаки доставлять эти письма по назначению и пробираться черезъ степь, кишащую киргизами, является положительное необъяснимымъ. Мало того, что эти письма доставлялись по назначению, но при этомъ удивительно то, что они доставлялись крайне быстро для того времени. Такъ письма, посланные Захаровымъ 18 августа с сообщеніемъ калмыка Кочутуша получены на Черемшѣ 27 августа въ Сызранѣ и Самарѣ 28 числа. Послѣднее же письмо, написанное Захаровымъ 25 августа, было получено въ этихъ городахъ 28 августа, а на Черемшѣ кн. Волконскимъ 30 августа.

Получивъ письмо отъ Захарова, Волконскій былъ крайне смущенъ, у него, какъ намъ уже известно, кромѣ драгунскаго полка и яицкихъ казаковъ не было никакого войска, между тѣмъ лизія фортовъ по р. Черемшѣ тянулась чуть не 500 verstъ. Охранять ее ему не было никакой возможности.

„И доному, писалъ Волконскій въ военную коллегію, ежели отъ тогоже изъ непріятельского на здешнє мѣста сильного приходу обывателемъ учинится какое разорение, потому что ми за малолюдствомъ отъ оныхъ непріятельскихъ людей оборонатся не кемъ, и то за ми дабы не взыскивалось, понеже я многократно въ государственную военную коллегию писалъ и требовалъ помочи, разг҃а достоиной мне команды, и те мои требования опредѣлительного его Императорскаго Величества изъ государственной военной коллегіи указу я не имѣю“⁴⁾.

Но напрасны были просьбы Волконскаго. Въ краѣ войскъ не было. Колегія на всѣ его донесенія отвѣтала ему только въ октябрѣ. Отвѣтъ былъ неутѣшительный. Ему великно быть „въ прежней командѣ для того:—пол-

¹⁾ Салы—салы—легкіе щитки, дѣланные обычно изъ камыша или кути, изъ которыхъ киргизы казаки пересыпывали рѣчки. На салы висалось оружіе и одежда.

²⁾ Тамъ-же, листы 105—106. Донесеніе въ воен. колл. Федора Хрущева.

³⁾ Тамъ-же, листъ 156. Донес. кн. Волконскаго воен. кол. 30 августа 1728.

⁴⁾ Тамъ-же.

ковъ въ близости нѣтъ и наряду вскорѣ учинить невозможнѣ¹⁾). Военная коллегія рѣшила просить коллегію иностранныхъ дѣлъ чтобы она пригагала Аюбъ-хану имѣть съ Волконскимъ сощеніе и общую оборону, „а на Иакъ послать грамоту, чтобы тожь чинили“.

Черезъ нѣсколько времени киргизы уже заняли всю степь между Яикомъ и Волгою. Яицкіе казаки не оставались спокойными зрителями совершившихся событий. Одна скватка у нихъ сшибалась другою. Когда именно происходили эти бои точно неизвѣстно, объ нихъ до насъ дошли самыя скучныя свѣдѣнія.

Объ одной изъ стычекъ съ киргизами въ это время написана извѣстно изъ сказки о службѣ старшины *Андрея Мостовщикова*, составленной въ 1757 г.

„И былъ онъ,—писало войско о его службѣ,—при атаманѣ *Иванѣ Щелкунѣ* противъ подошедшаго подъ Яицкій городокъ киргизъ-кайсацкаго владѣльца *Баракъ-Балмана*, который, подойдя подъ городокъ, нѣсколько людей пѣшихъ и скотъ отогналъ, съ которыми учинала была немалая бatalia и оный непріятель ушелъ отъ насъ съ немалымъ урономъ. И на другой день онъ-же, Мостовщиковъ, отъ нашего войска посланъ былъ для подзираанія показавшаго непріятеля куда онъ идти съ своими войсками намѣренъ, и вѣено было ему изъ того войска какъ можно достать языка, который храбрыми своими поступками онаго языка досталъ и въ военную коллегію отослать“²⁾.

Не такъ счастливо отдались отъ киргизъ калмыки. Одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ Засанъ, получивъ свѣдѣнія о появленіи киргизъ, нарадилъ партію калмыкъ за развѣдку. Но развѣдка оказалась неудачной. Киргизы разбили всю партію, изъ которой спасся только одинъ человѣкъ, давшій печальную вѣсть своему владѣльцу.

Пресекавъ къ Засангу, онъ сообщилъ, что киргизъ-каїсаковъ не менѣе какъ двадцать тысячъ человѣкъ. „А командерь надъ нами,— говорилъ онъ,— Буланаріи ханъ въ Хаблааріи салтанъ, которые, переправясь Яикъ рѣку, стоять на уроцищѣ Бансанъ“³⁾.

Посланый съ этимъ свѣдѣніемъ къ астраханскому губернатору Артемію Волинскому варочный отъ Засанга сообщилъ ему, что Васангъ всѣхъ, бывшихъ при немъ Аюки хана владѣльцевъ, отправилъ къ хану съ объявлениемъ, „чтобы оны улусы свои оставили и въ займище заводами въ крѣпкихъ мѣстахъ встать, а самъ бы съ войскомъ выѣхалъ на границу улусовъ своихъ“. Что

¹⁾ Тамъ-же, реєструючи воен. кол.

²⁾ Урад. войск. арх., дѣло III раз. 1796—1800 г., 2 грам. опись, дѣло № 76, листъ 73. Объ этомъ же хѣдѣ говорится въ человѣтной войске 1752 г. апрѣля 20, о службѣ казака Иасена За-родника: „Въ 1723 году былъ при атаманѣ Иванѣ Щелкунѣ, где киргизъ побито не малое число“. Тоже говорится о службѣ Севрюмова: „Въ 1723 г. при атаманѣ Иванѣ Щелкунѣ былъ хорунжий, где киргизъ побито не малое число“. Моск. Арх. Газа. Штаба, опись 107 книга 78, листъ 69 и тамъ-же, книга 78, листъ 65.

³⁾ Моск. Арх. Газа. Штаба, опись 47, дѣло № 33, листъ 180. Донес. Астр. губерн. Волинскаго 11 сент. 1723. Здесь предводители киргизъ называны исковеркаными именами.

Даржа Назаровъ, собравъ войска пять тысячъ, всталъ у своихъ улусовъ, обегая ихъ отъ киргизъ, въ посылѣ же помощи къ Засаагу отказалъ, т. е. „за помянутыми непріятелями ему, Даржѣ, съ войсками, оставилъ улусы свои, быть не мочно”¹⁾.

Въ своемъ же письмѣ Засаагъ просилъ Волынского о пропускѣ его улусовъ „черезъ Бузанъ въ крѣпкія мѣста къ Красному Яру” и о высылкѣ изъ Астрахани для помощи русскихъ войскъ съ пушками.

Но Волынский былъ безсилѣвъ помочь Засаагу. Въ его вѣдѣніи было самое ничтожное количество войскъ. Изъ трехъ гарнизонныхъ полковъ, ввиду усиленныхъ службъ, на лицо свободныхъ оставалось всего восемьдесятъ человѣкъ солдатъ. Были въ Астрахани еще два батальона Астраханского и Ингерманландскаго полковъ, но они всеѣ были заняты караульною службою²⁾. Волынский могъ только послать къ Засаагу переводчика Бакунина съ письмомъ, въ которомъ говорилъ ему, что войскъ отправить къ нему не можетъ и что пропустить его улусы черезъ Бузанъ онъ уже распоряженіе сдѣлалъ³⁾. !

Но едва онъ отправилъ гонца обратно, какъ вслѣдъ за гонцомъ отъ Засаага приѣхалъ въ Астрахань 10 сентября гонецъ отъ Аюки-хана съ письмами о приходѣ тѣхъ-же киргизъ.

Аюка писалъ, что киргизъ идетъ не менѣе двадцати тысячъ, и просилъ Волынского „его хана Аюку и прочіе калмыцкіе улусы отъ нихъ оборонить” и прислать къ нему войскъ изъ Астрахани или изъ Царицына.

Волынский, посовѣтовавъ хану не отходить съ улусами отъ Волги, приказалъ стоявшему въ Царицынѣ бригадиру Шамордину, если возможно, охранять Аюку своей командой и послать-бы къ нему „пять или шесть шквадроновъ (ескадроновъ), чтобы онъ, ханъ, не пропалъ”.

Между тѣмъ посланный Волынскимъ переводчикъ Бакуанъ 9 сентября встрѣтился выше Краснаго Яра въ уроцішѣ Черномъ Ильменъ съ братьями Засаага Боксадаромъ и Нитаръ дарожай. Братья, не дождавшись вѣрныхъ вѣстей о приходѣ киргизъ, стояли, распустивъ собранныя ими передъ этимъ калмыцкія и татарскія (ногайскія) войска. Но въ день встрѣчи ихъ Бакуанъ къ ihnenъ прискакалъ гонецъ отъ калмыцкаго владѣльца Лекбека съ извѣстіемъ, что киргизы разбили его улусы и улусы Назарова сына Гымбю и Доржинныхъ дѣтей всего пять тысячъ кибитокъ, изъ которыхъ успѣла спастись Лекбекова жена, дочь Чакдоржала, Баира съ семью человѣками⁴⁾.

Вслѣдъ за этимъ 18 сентября въ Астрахань пришли обѣ этии болѣе подробныя свѣдѣнія отъ Засаага. Онъ доносилъ, что за улусы Лекбека запали киргизъ-кайсаки въ шести тысячахъ человѣкъ подъ командою Булатари-хана. Улусъ Лекбека состоялъ изъ тысячи кибитокъ, но калмыки съ женами и

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, листъ 130 на оборотѣ. Донесеніе губернатора Волынского въ воен. коллегію 11 сентября 1726 года.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 181.

дѣтыми успѣли усакать и киргизы захватили только двадцать человѣкъ, но зато все имущество калмыкъ досталось киргизамъ. Скота было захвачено: лошадей тридцать тысячъ, верблюдовъ десать тысячъ, и всѣ (сколько не указано) коровы и овцы¹⁾.

Лекбей, сообщая Волынскому о нападеніи киргизъ, просилъ также помощь войсками и пушками. Пославшему онъ приказалъ просить, чтобы прислали къ нему изъ Астрахани въ Красный Яръ „хотя сто человѣкъ солдатъ съ десятью или съ пятью пушками и нѣсколько донскихъ казаковъ или черкесъ, понеже они калмыки подданные Его Императорскаго Величества“²⁾.

Свое письмо Лекбей кончалъ словами: „И тако будемъ смотрѣть, что намъ въ такомъ случаѣ учинено будетъ“³⁾.

Волынскій наконецъ рѣшился отправить войска. Онъ отправилъ водою на Красный Яръ двѣ роты изъ Астраханскаго и Ингерманландскаго батальоновъ, 2 пушки и триста человѣкъ донскихъ казаковъ, прибывшихъ въ Астрахань для слѣдованія на службу въ Дербентъ. Къ калмыкамъ же написалъ, чтобы они со своими улусами приблизились къ Астрахани.

Но пока астраханскія войска двигались къ Красному Яру, калмыцкій владѣлецъ Доржа Назаровъ рѣшилъ выручать Лекбэя. Онъ собралъ уже восемь тысячъ человѣкъ и готовился выступить въ походъ, но въ это время кара-каландацкій ханъ прислалъ къ нему своихъ пословъ съ увѣдомленіемъ, что онъ, ханъ, „въ прошлыхъ годахъ учиненную сть казаками присягу не нарушилъ, а нарушилъ присягу владѣлецъ Лекбей, который угналъ у него, хана, нѣсколько тысячъ лошадей, и за то онъ, ханъ, его Лекбэя и воеваль и свою обиду ему отомстилъ, и ежели онъ, Доржа, присягу свою нарушить и будетъ съ нимъ, ханомъ, вчинять войну и онъ, ханъ, съ нимъ, Доржемъ, хотя и меньше его ииѣть войска въ войну вступить готовъ“⁴⁾.

Назаровъ, воспользовавшись пріѣздомъ посла, пригласилъ хана къ себѣ въ гости для переговоровъ и для подкѣплевія между собою присаги. Ханъ согласился на свиданье и во главѣ ста человѣкъ киргизъ пріѣхалъ за ставку Назарова, который угостилъ хана обѣдомъ. Подтверждѣвъ присягу не нападать другъ на друга, Назаровъ сталъ просить хана вернуть пленныхъ и все отбитое изъ улусовъ Лекбэя. Но ханъ отдалъ только пленныхъ, а лошадей и скотъ оставилъ у себя и возвратился со своимъ войскомъ и со взятою добычею назадъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Волынскій приказалъ отправленіемъ изъ Астраханіи двумъ ротамъ и казакамъ возвращаться обратно⁵⁾.

Дѣла набѣгъ на калмыковъ, каргизы не оставили въ покой и Яздѣ городокъ. Едва казаки отбили шайку киргизскаго батыри Баракъ-бализана, какъ

1) Тамъ-же, листъ 182. Донесеніе Волынского 1 октября 1728 г.

2) Тамъ-же, листъ 181.

3) Тамъ-же.

4) Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, дѣло 30/33, листъ 182.

5) Тамъ-же, листъ 183. Донесеніе Волынского, октября 1 1728 г.

всѣдѣ за нимъ подъ городокъ подошли киргизы подъ начальствомъ Джама-батыра. Киргизы разбили отъѣзжій казачій караулъ, но на городокъ за-пасть не рѣшились а, захвативъ въ плѣнъ караульныхъ казаковъ, пошли въ степь.

Войско снарядило въ погоню отрядъ подъ начальствомъ походного атамана Андрея Пономарева. Подробностей объ этомъ походѣ, какъ и вообще о всѣхъ схваткахъ съ киргизами, до насъ не дошло. Единственный документомъ для этого служитъ также сказка о службѣ старшины Андрея Мостовщикова.

Объ участіи его въ этой погонѣ за киргизами войско въ своей члобитвой говорить слѣдующее:

„Да въ томъ-же году (1723 г.) подѣгалъ подъ Яицкій городокъ знатны кайсацкій старшина Джанга-батыръ въ сильной партіи въ разбивши отъѣзжій караулъ отѣзжалъ, за которыми отъ насъ при атаманѣ Пономаревѣ коман-дирована партія, въ которой онъ Мостовщиковъ былъ и гдѣ изъ всѣхъ старшинъ и казаковъ такую знатную послугу показалъ, что нагнавъ онаго непріятеля, Яикъ рѣку перелѣзшаго, и показанного Джангу-батыра увидѣвъ за Яикомъ рѣкою, на пескѣ ъздавшаго и свою партію, яко знатный человѣкъ; защищающаго, не стерпя и отважа себя, токмо одинъ и на одной лошади и съ однимъ конемъ черезъ Яикъ рѣку поплылъ, и на онаго непріятеля напавъ и онаго Джангу-батыра побѣдилъ, что видя его Джанги родственникъ утерпѣть не могъ и, прибѣгавъ на лошади, ударили его конемъ, и хотя онъ, Мостов-щиковъ жестоко былъ раненъ, однако его, Джангу-батыра, не упустилъ и обѣ повалился на землю и дрались; гдѣ Мостовщиковъ, какъ отъ показанного Джанги, такъ отъ его родственника привыкъ ранъ съ десять; и если бы на ту драку другіе казаки не поспѣшили, тобъ конечно и живота лишился; однако онъ непріятель понизъ и въ войско привезенъ“¹⁾.

Рыцарскій духъ на Яикѣ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ. Не рѣдко поселянъ встрѣчали киргизы вблизи казачьяго городка. Это было орлиное гнѣздо, гдѣ ютились отважные и безстрашные приицкіе орлы. Они сами рвались въ бой, горѣли желаніемъ помѣриться силами съ врагомъ, искали широкаго поля, чтобы потѣшить свою удаль богатырскую, извѣдать сладости подвига.

Отважный Мостовщиковъ горѣлъ только жаждою схватиться одинъ на одинъ съ героями киргизомъ, умышленно отставшимъ отъ своего войска и дерзко вызывавшимъ казаковъ на бой. Богатырская душа Мостовщикова не выдержала. Геройскій духъ звалъ его на подвиги. И духъ побѣдилъ.

Кромѣ этой схватки съ киргизами у казаковъ произошло этакъ лѣтомъ еще нѣсколько боевъ. Но объ нихъ до насъ дошло таکъ же мало свѣдѣній,

¹⁾ Урал. войск. арх., дѣло III разр. 1736—1800 г., 2 грамд. опись, дѣло 76, листъ 73, на обор., ил. грамоты Елизаветы 1757 г. марта 20, № 3007. Объ этой-же стычкѣ говорится въ члоб. войска 1782 г. 16 декабря о службѣ Андрея Пономарева: „Подѣгали подъ яикъ непріятелей Жанга-батыръ съ пятью ста человѣками, за которыми непріятелями посланъ былъ онъ (Пономаревъ) отъ войска атам-комъ и догнавъ тѣхъ непріятелей побили и самого Жангу-батыра убили“. Тамъ-же, листъ 74, пунктъ 6.

казъ и о двухъ предыдущихъ.

Казаки ходили выручать и калмыкъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ слегка говорится въ войсковой членобитной о службѣ казака Василия Попова.

„Въ прошломъ 1723 году командированъ (Поповъ) при атаманѣ Никитѣ Бородинѣ за киргизъ-кайсаками за причиненную ими при здѣшнемъ войскѣ владѣльцу Дашибъ обиду, гдѣ овъ показанными киргизъ-кайсаками на баталіи взять въ полонъ съ прочими сдѣшними казаками“¹⁾).

Здѣсь, вѣроятно, говорится о Дашибѣ Булатовѣ, причисленномъ къ Яцкому войску и кочевавшемъ вблизи городка. Бой былъ, видимо, неудачный, такъ какъ нѣсколько казаковъ было захвачено въ пленъ.

Но еще болѣе неудачный бой въ этомъ же году былъ у казаковъ на рѣкѣ Утве.

Киргизская шайка въ триста человѣкъ, налетѣвъ по обычью внезапно подъ казачий городокъ, захватила пять казаковъ въ пленъ и, отогнавъ нѣсколько головъ скота, стала уходить въ степь. Войско въ погоню за ними снарядило команду въ сто пятьдесятъ человѣкъ съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Тимофеевымъ. Казаки пустились за хищниками въ погоню, но, увлекшись, слишкомъ далеко забѣхали въ степь. Пройхавъ нѣсколько дней и не догнавъ киргизъ, казаки рѣшили вернуться обратно. Но не дѣйзкая до городка, два за два юзды, на рѣкѣ Утве на казаковъ напала другая шайка киргизъ, человѣкъ съ триста. Завязался неравный бой. Казаки отбились, но потеряли при этомъ десять человѣкъ взятными въ пленъ²⁾.

Съ тѣмъ-же атаманомъ Иваномъ Тимофеевымъ казаки ходили другой разъ за киргизами тоже во сто пятидесяти человѣкъ. На этотъ разъ походное войско пошло „по Самарской сторонѣ до рѣки Иртеку“, но киргизъ и на этотъ разъ не догнали. При возвращеніи обратно, не дѣйзая до Яцкаго городка, конною юздою за день у Дарынскаго озера ѿѣ казачьи были зимовья“, отъ команды Тимофеева отстало четыре человѣка казаковъ, въ числѣ которыхъ былъ Михаилъ Бородинъ. Войско ушло въ городокъ, а казаки остались въ зимовьяхъ, но здѣсь на нихъ напали киргизы и взяли всѣхъ четырехъ въ пленъ и продали въ Бухару³⁾.

Болѣе удачно раздѣлялся съ киргизами Дашиба Назаровъ. Послѣ ухода хана на его улусы, находившіеся въ урочищѣ Узени, насыпал толпа киргизъ, каракалпаковъ и башкирцевъ. Но неутомимый и энергичный Назаровъ разбилъ ихъ и въ знакъ своей победы прислалъ Волынскому 416 киргизскихъ ушей⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 69, листъ 465. Челоб. войска 1747 г., ноября 27. Поповъ пробылъ въ плену 10 лѣтъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, свидѣка 12, листъ 150. Челобитная казака Михаила Бородина.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, дѣло 31/54, листъ 159. Показаніе Михаила Бородина о своей службѣ въ 1739 г. Бородинъ пробылъ въ плену 5 лѣтъ и былъ выкупленъ шотомъ казакомъ Иваномъ Сидоровичемъ Лобихомъ.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ 18, глава 1.

Наступил октябрь. Карагзы скрылись далеко въ глубь степей. Въ это время на Яикѣ была получена грамота изъ военной коллегіи о предосторожности отъ карагзъ и о союшніи по этому поводу съ астраханскимъ губернаторомъ Волинскимъ и съ казакомъ Волконскимъ. Войско отвѣтило отпиской:

„Все пресветлѣйшаго Державнѣйшаго Императора і Самодержца всеросійскаго Петра Великаго отца отечества Государа Всемилостивѣйшаго въ государственную военную коллегію. Сего 723 году октября 8 дна получили изъ Его Императорскаго Величества изъ государственной военной коллегіи грамоту, которая прислава къ намъ отъ Казанскаго губернатора и господина Дромантова полку вахмистрамъ Малеромъ, въ которой объявлено, что оставшиеся члены приговорили въ государственной военной коллегіи иметь осторожность отъ нападенія каракалпаковъ и киргизъ казаковъ, которые шли въ низовые російскіе города и на калмыцкую войну и объономъ каракалпакомъ и киргизъ казаковъ выходе мы чрезъ калмыкъ Лекбесева улуса известны, что каракалпакское войско воевали съ калмыками улуса Лекбесева, противъ которыхъ мы Яицкимъ войскомъ выходили съ пушками; и поманутое каракалпакское войско, разоря калмыцкой Лекбесевъ улусъ, возвратились въ тое землю, а намъ Яицкому войску никакой траты не учинили и калмыкомъ сверхъ того улуса траты не учинили; и ныне съ того числа о поманутомъ войске каракалпакомъ у насъ и въ калмыцкомъ владеніи неизвестно понеже больше тово нигде они не явились”¹⁾...

Здѣсь мы видимъ, что въ титулѣ государя казаки уже называются Петра отцомъ отечества. Видно также, что войско вышло за защиту Лекбесевыхъ улусовъ по собственному почину, не дожидалось указаій отъ коллегіи и изъ Казани, а лишь по вѣстямъ отъ калмыкъ.

Интересна также и подпись подъ этой отпискою: „При семъ атаманъ Григорій Меркульевъ и все Яицкое войско членъ быть”.

До сихъ поръ подобной подписи еще не было²⁾.

Но, вѣроятно, не одними только этими, извѣстными намъ стычками ограничились кровавые столкновенія казаковъ съ киргизами въ этомъ году. До насъ дошли свѣдѣнія чисто случайные,—то звѣдѣ позднейшихъ человѣтей войска, то при перечетѣ службы какого либы старшины или казака, то изъ человѣтныхъ вышедшихъ изъ плѣна казаковъ. Подлинныхъ же донесеній войска о этихъ дѣлахъ нигдѣ не найдено. Сходить казаки въ походъ, вернутся назадъ въ городокъ и на прошлое кладется палена забвесья. Ни въ Казань, ни въ военную коллегію доносить объ этомъ они не считали нужнымъ. Это было нѣ до машнее дѣло. До насъ дошли свѣдѣнія, можетъ быть, только о самой везнѣчительной части этихъ походовъ и схватокъ, но и по вѣнь въ достаточной мѣрѣ открывается предъ нашими глазами картина той беспокойной и тревожной жизни, полной опасности, какую вели тогда казаки на Яикѣ.

¹⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 47, книга № 33, листъ 82.

²⁾ См. приложениія, страницы 66, 68, 90, 94 и 95.

ГЛАВА XXIX.

Слѣдствіе надъ Кротковымъ, Путиловымъ и другими. Посылка станицъ въ Петербургъ. Продолженіе переписи казаковъ. Нарядъ на Черемшу и набѣги киргизъ. Судъ надъ Воейковымъ. Основаніе городка на рѣкѣ Санмарѣ. Окончаніе переписи казаковъ. (1723—24).

Въ то время, когда повсюду въ степи у береговъ Яика происходили схватки съ киргизами, въ Яицкомъ городкѣ велась перепись и дѣжался Захаровыми розыскъ по доносу Карташева.

Въ серединѣ сентября войсковой атаманъ, явившись въ разыскную канцелярію, подалъ Захарову новый, дополнительный списокъ казаковъ, которые были въ отлучкахъ и не попали въ первый списокъ. Тутъ были пропущенные раньше дѣти священнослужителей и ихъ работники, а также списокъ 98 казаковъ и ихъ дѣтей, вошедшихъ въ составъ войска вмѣстѣ съ калмыкомъ Дашию Булатовымъ¹⁾.

Сего 1723 г. сентября 16 числа,— говорилось въ заголовкѣ списка,— роспись казакомъ и ихъ дѣтей, которые сверхъ поданнаго списка, который поданъ въ канцелярію разыскныхъ дѣлъ изъ станичной войсковой избы явились незаписанными послѣ поданныхъ старшинскихъ сказокъ о чёмъ вторично подписаны, что на Яикѣ болѣе сего никакихъ людей вѣтъ аниженонменованные казаки и дѣти были въ отлучкахъ для провориленія, того ради и въ поданномъ спискѣ не написаны а нынѣ объявляемъ имена²⁾.

¹⁾ Моск. Арг. Гл. Шт., опись 107, кн. 21, листы 182—185. Въ самѣй были перечислены дѣти и работники чоловѣкъ: Ивана Клементьевы, Тимофея Михайлова, Ивана Иванова, Максимиана Павлова, Василия Семёнова и дьяконовъ: Ивана Никитина и Данилы Леонтьева,— „всего казачьихъ дѣтей и ихъ работниковъ 54 ч.“

²⁾ Тамъ-же, листъ 182. Подъ спискомъ (росписью) имѣется слѣдующая подпись:

„Къ сому доношенню вмѣсто атамана Григория Меркульева по его вѣдѣнию войсковой подьячей Иванъ Симагинъ руку приложилъ, вмѣсто Есаула Ивана Степанова Сагаватина казакъ Анна Дмитриевъ по его вѣдѣнию руку приложилъ, Есауль Василій Араповъ руку приложилъ, вмѣсто бывшаго атамана Матрѣя Миронова казакъ Анна Дмитриевъ по его вѣдѣнию руку приложилъ, вмѣсто бывшаго атамана Антона Харитонова казакъ Василій Марковъ по его вѣдѣнию руку приложилъ, Никита Зевакинъ руку приложилъ, Матрѣй Ивановъ сынъ Прашкаровъ руку приложилъ, вмѣсто бывшаго Есаула Семена Донского казакъ Василій Марковъ по его вѣдѣнию руку приложилъ, вмѣсто бывшаго Есаула Петра Павлова сына Желѣзкова казакъ Василій Марковъ руку приложилъ“. (Тамъ-же, листъ 185.)

Въ тоже время Захаровъ производилъ слѣдствіе надъ фискаломъ Путыловымъ, санарскимъ подьячимъ Иваномъ Овчинниковымъ, подьячимъ Яковомъ Соболевымъ, дворяниномъ Ефимомъ и Григориемъ Племянниковымъ, и, главнымъ образомъ, надъ Кротковымъ. Когда прибылъ послѣдній на Яикъ, незвѣстно, — слѣдствіе объ немъ было закончено лишь только въ концѣ октября.

Захаровъ допрашивалъ всѣхъ обвиняемыхъ по пунктамъ обвиненія, изложенного въ казачьей членитной, подавшей въ сенатъ въ 1719 г. 11 декабря Федоромъ Рукавишниковымъ¹⁾.

Особенно же строгое вниманіе было обращено Захаровымъ за фискала Михаила Путылова, взявшаго съ казаковъ взятку 200 р. за отпускъ войска на рыбную ловлю. Фискалы (должность, введенная при Петре) являлись въ то время царскими окомъ. На нихъ обязанности было слѣдить за правильнымъ исполненіемъ всѣхъ законовъ государства. Въ случаѣ нарушенія имъ или открытия какого либо злоупотребленія со стороны властей фискалъ обязанъ былъ доносить объ этомъ въ соответствующую коллегію.

Всякій, кто считалъ себя обижденнымъ произволомъ властей, могъ искать защиты у фискала и подать ему жалобу.

И вотъ представитель справедливости и законности фискалъ Путыловъ обвинялся языками казаками во взяточничествѣ — въ томъ, за чѣмъ онъ долженъ былъ слѣдить и доносить по начальству.

Первымъ же вопросомъ, заданнымъ ему, былъ вопросъ о томъ, взялъ ли онъ взятку 200 р. съ казаковъ.

Путыловъ сказалъ, что онъ „взятки не бирывалъ и въ томъ подписалась подъ смертною казнью“²⁾.

Поставленный на очную ставку съ бывшимъ атаманомъ Никитой Бородинымъ, онъ также не сознался, между тѣмъ Бородинъ заявилъ, что онъ Путылову денегъ дать, но не двѣсти р., какъ чинъ Рукавишниковъ въ своемъ доношении, а только шестьдесятъ рублей „за то что бъ онъ съ Егоромъ Кроткимъ казаковъ для рыбной ловли отпускали безъ задержек“. Кто еще давалъ Путылову, Бородинъ не знаетъ.

Не созвался Путыловъ и во взяткѣ съ бывшихъ въ казацкую орду казаковъ. Но Андрей Карповъ на очной ставкѣ уличилъ его и подтвердилъ, что дать ему 10 р.

По многимъ обвиненіямъ свидѣтелей не оказалось, — пѣкоторые умерли, иные уѣхали съ Яика въ Русь, особенно вдовы-казачки, которыхъ, благодаря хлѣбной голодовкѣ, въ это время на Яикѣ жилось хуже всего.

Послѣ разбора жалобъ на Путылова Захаровъ сталъ производить слѣдствіе надъ дворяниномъ Пасманиковымъ.

1) См. приложение XV, стр. 91—93.

2) Моск. Арх. Гг. Шт., опись 121, часть 2, съзака 28, дѣло 27, листъ 6. Экстрактъ Захарова изъ слѣдствія надъ фискаломъ Путыловымъ, двор. Пасманиковымъ, подьячимъ Овчинниковымъ и другимъ.

Онъ также почти ни въ чёмъ не сознался. „А дали мнѣ казаки,— говорилъ онъ,— для скудости моей денегъ три рубля да на память подводъ рубль 23 алтына, двѣ деньги, да бутылю вина въ 10 алтынъ, этого въ дачѣ было съ виномъ пять р.”¹⁾.

Болѣе Шемякиновъ ни въ чёмъ не сознался.

При допросѣ подьячаго Ивана Оечинчикова слѣдствіе упростилось, т. к. онъ съ первого же вопроса сознался во всемъ.

Сознался, что взялъ съ казаковъ двадцать рублей и что эти деньги дались ему атаману Никита Бородину; взялъ онъ эти деньги на харчъ „для того что въ ту бытность за Яикъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья ему не дано”. Сознался и въ томъ, что взялъ съ казака Никиты Шапошникова двѣ лисицы цѣною въ 2 рубля съ полтиною²⁾.

Сознался во всемъ и фискальскій подьячій Яковъ Соболевъ. Онъ сказалъ, что 15 рублей съ казаковъ взялъ за то, что онъ на нихъ работалъ: „писаль сказки, а жалование ему не дано”³⁾.

Сознался во всемъ и дворянинъ Евдокимовъ.

Одновременно съ этимъ шелъ допросъ и бывшему поручику, но теперь уже прaporщику Кроткову. За что онъ былъ лишенъ одного чина, непозѣство.

Но прежде чѣмъ почасть на Яикъ, Кротковъ побывалъ въ Петербургѣ въ военной коллегіи, куда, очевидно, былъ вызванъ, какъ и маіоръ Воейковъ, для допроса. Но когда онъ былъ тамъ, свѣдѣній не имѣется.

Въ военной коллегіи былъ снятъ съ него подробный допросъ. Но Кротковъ отказался отъ всѣхъ возводимыхъ на него преступленій. Онъ сказалъ, что никакихъ взятокъ съ казаковъ не бралъ, и все то, что написало про него войско въ своей чelobitnoy, поданной въ сенатъ, назвалъ извѣткомъ.

По окончаніи допроса Кротковъ вмѣстѣ съ его показаніемъ былъ отправленъ на Яикъ. Когда онъ прибылъ туда, установить точно, за неимѣніемъ слѣдственнаго дѣла, не представляется возможнымъ.

Съ его прибытіемъ начался допросъ всѣхъ казаковъ, такъ или иначе прічастныхъ къ дѣлу Кроткова. Первый допросъ Кроткова былъ 3 сентября.

Захаровъ сталъ вести слѣдствіе и допросы, разбирая по очереди одну казачью жалобу за другую, согласно войсковыхъ чelobitev⁴⁾.

Допрошенный по этому дѣлу еще до прибытія Кроткова на Яикъ, бывшій атаманъ Никита Бородинъ показалъ: „Какъ былъ на Яикѣ для разыска и для переписки Егоръ Кроткій и въ тое бытность казаковъ отпускался на рыбную ловлю, для ловли шевригъ, по малому числу и тѣмъ казакомъ чинилъ изнезагу, и всегда такую изнезагу я за то, чтобы онъ, Кроткій, отпускалъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 10.

²⁾ Тамъ-же, листы 10—11.

³⁾ Тамъ-же, листъ 12.

⁴⁾ См. приложение XIV, страница 90 и далѣе.

казаковъ на рыбную ловлю, привнесъ ему, Кроткову, изъ войсковой избы и изъ зборныхъ денегъ съ казаковъ 200 рублей, въ тѣ деньги она, Кроткой, у меня принялъ; а свидѣтелей въ то число у меня никакого не было. А какъ тѣ деньги принялъ и тѣхъ казаковъ на рыбную ловлю отпускаль всѣхъ безъ знаневаги”¹).

Въ показаніи же Кроткова въ военной коллегіи говорилось, что она и никакихъ денегъ съ казаковъ не бралъ и ловить рыбы войску не запрещалъ.

Закаровъ сталъ допрашивать Кроткова вторично.

„Денегъ 200 рублей я у атамана Бородина не призывалъ,—говорилъ Кротковъ,—а приносилъ она Бородинъ ко мнѣ денегъ мешокъ, можетъ быть, что двѣсти рублей и было; а тѣ деньги были за войсковою печатью, а тѣлько-ль число счетомъ тѣхъ денегъ было про то я не знаю; а тѣ деньги приносила она Бородинъ, а съ вимъ были Матвѣй Мироновъ, Антонъ Бабушкинъ, Митрофанъ Алютинъ²) и оными деньгами меня презентовали, и оставилъ тѣ деньги на хвартере моей и пошли; а я призвавъ оного атамана Бородина, на другой или на третей день после того призосу, вскоре со оными же старшинами да съ Денисомъ Воронежцомъ да съ Аврамомъ Пустоселовымъ и оные деньги при нихъ ему Бородину за тоюжъ войсковою печатью отдалъ”³).

Послѣ этого показанія стали снова допрашивать Бородина.

„За звотоусъ Яцкихъ казаковъ на рыбную ловлю, говорилъ она, я въ первой привнось приносиль Егору Кроткову мешокъ денегъ счетомъ 100 рублей, въ тѣ деньги она Кроткой принялъ и после того приему 100 рублей въ одночъ мешке я у него Кроткова принялъ назадъ. И послѣ того по совѣту Яцкаго войска при несъ я къ нему Кроткову въ двухъ мѣшкахъ 200 рублей съ Яцкими казаками съ Иваномъ Щербаковымъ, съ Митрофаномъ Алютиномъ, съ Константиномъ Железнымъ, съ Остафьемъ Муромцовымъ, съ Аврамомъ Пустоселовымъ и при оныхъ свидѣтеляхъ тѣ деньги она Кроткой у насъ приналь, и тѣ деньги отъ него Кроткова я не барыбалъ и она Кроткой мнѣ тѣхъ денегъ въ двухъ мѣшкахъ 200 рублей не отдавывалъ; и она Кроткой съ меня тѣхъ денегъ не спрашивалъ, а что я въ прежнемъ роспросе сказаль что даль ему Кроткову 200 рублей безъ свидѣтелей, и то сказаль для того, что ево Кроткова на Яикѣ ее было”⁴).

Стали допрашивать свидѣтелей. Вышій войсковой атаманъ Иванъ Ивановъ Щербаковъ сказалъ, что она съ Бородинымъ дѣйствительно ходель къ Кроткову и у Бородина въ это время было за пазухою двѣсти рублей въ двухъ мѣшкахъ „и просили мы,—говорилъ Щербаковъ,—чтобъ она Кроткой тѣ

¹) Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 1, часть 5, книга 196, дѣло 784, листъ 438. „Экстрактъ съ свидѣтихъ по звоткаль съ Яцкими казаками, праворощикомъ Егоромъ Кротковымъ”.

²) Онь-же Алютинъ, Митрофанъ Симоновичъ, бывшій покойный атаманъ въ Шведскую войну, онъ же и старшина.

³) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 169, дѣло 784, л. 488.

⁴) Тамъ-же.

деньги принялъ и онъ Кротковъ ничего вами не сказалъ и онъ Бородинъ тѣ деньги въ дву мѣшкахъ 200 рублей вынулъ изъ-за пазухи положилъ за залогъ за него Кроткова, а положа тѣ деньги пошли со квартеры; а другие въ то число кто быниль сказать не упомнить¹⁾.

Допрошенный вслѣдъ за вами Метрофасъ Чимоновъ Алютичъ подтвердилъ показанія Бородина и сказалъ, что по прізыму Бородина онъ вмѣстѣ съ нимъ у Кроткова изъ квартирѣ былъ, и когда пришли къ квартирѣ, то Бородинъ оставилъ его на крыльце вмѣстѣ съ казакомъ Астафеемъ Муромцевымъ и Бородинъ пошелъ къ Кроткову однѣйъ, сказавъ, что Кротковъ входить въ избу никому не велѣлъ. „И какъ онъ Бородинъ вышелъ на крыльцо и я говорилъ взялъ-ли де деньги Егоръ Кротковъ, и онъ мѣй сказалъ, что взялъ; а сколько счетомъ того я не слыхалъ; и какъ пошли съ квартеры никакахъ денегъ я у Бородина не видалъ такъ жъ и отдалъ-ли онъ Бородинъ ему Кроткову деньги того не вѣдаю“²⁾.

Какъ видѣмъ, Алютичъ подтвердилъ только пребываніе Бородина у Кроткова, во самое дѣло передачи денегъ ему онъ не подтвердилъ.

Допрошенный послѣ него Астафій Муромцевъ повторилъ слово показаніе Алютина, но добавилъ, что пошелъ съ Бородинымъ изъ станичной избы и что видѣлъ у него два мѣшка съ деньгами и что по выходѣ изъ квартиры Кроткова этихъ денегъ у Бородина за пазухою не было и на вопросъ, взялъ-ли Кротковъ деньги, Бородинъ отвѣтилъ, что взялъ³⁾.

Абраамъ Пустоселовъ и Константина Желѣзной показали, что съ атаманомъ Бородинымъ они у Егора Кроткова не бывали „и ста рублей также и дву мѣшковъ дву сотѣ рублей никогда съ нимъ Бородинымъ къ нему Кроткову не принашивали“⁴⁾.

Такимъ образомъ изъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрили показаніе Бородина только два человѣка—Щербаковъ и Муромцевъ; Алютичъ-же и другіе передачи денегъ Кроткову своими показаніями не удостовѣрили.

Но Кротковъ, узнавъ о показаніяхъ Щербакова, Муромцева и отчасти Алютина, бывшихъ не въ его пользу, явился 3 сентября въ розыскную канцелярию „и господину полковнику съ товарищи протестовалъ и просилъ словесно“, чтобы допросы этихъ казаковъ „освидѣтельствовать“, т. е. по его убѣждѣнію они написаны состоявшимъ при судѣ канцеляристомъ Тарабынинымъ непра- вильно и что въ томъ есть „отъ канцеляриста плутовство и на него, Кротко- вова, посагательство“⁵⁾.

Но на это заявленіе Захаровъ и капитанъ Коробовъ отвѣчали Кроткову,

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, листъ 489.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 454. Протестъ Кроткова въ военной коллегіи на дѣйствія Захарова и Тарабынина.

что они Алютина и Муромцева неоднократно спрашивали: Деньги у атамана виделись ли? и на это они казаки „сказывали прямо, что такихъ денегъ не видели и о деньгахъ не слыхали и для отдачи такихъ денегъ съ ними Бородавинъ не хаживали и не знаютъ. Только они Бородавинъ шелъ къ нему Кроткову на поклонъ и взялъ ихъ съ майдану¹⁾ что де пойденте со мною поклонатца и, какъ де пришли на дворъ, ихъ онъ оставилъ а самъ къ нему Кроткову пошелъ²⁾“).

Захаровъ, пересмотрѣвъ показанія казаковъ, нашелъ, что дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ записаны не совсѣмъ точно, и потому сдѣлалъ канцеляристу замѣчаніе.

„Я одинъ всего усмотреть не могу,—отвѣчалъ Тарабынинъ,—если правыете, я перепишу“.

Но Протасовъ заявилъ, что въ этомъ силы нѣть и такъ хорошо.

Алютинъ и Муромцевъ остались непереспрошенными.

Допросы стали продолжаться; розыскъ велся по разбору другихъ жалобъ казаковъ. Но такъ какъ этихъ жалобъ было много и пришлось спрашивать большее число лицъ, то допросы затянулись.

Кротковъ же сталъ сноситься съ казаками и узнавать, кто и что показывалъ ранѣе на него у Захарова. Пронырливый и изворотливый и искушенный въ дѣлахъ, онъ призывалъ къ себѣ казаковъ и угрозами старался добитьсѧ отъ нихъ обѣщанія не показывать на него ничего что либо о взяткахъ³⁾.

По этому во время дальнѣйшаго розыска многіе казаки отказывались отъ своихъ показаній. Изъ всѣхъ этихъ опросовъ выяснилось все то, что мы уже знаемъ изъ предыдущаго очерка, выяснились всѣ тѣ безчисленныи подчасъ даже мизерныи взятки вродѣ азбуки, которымъ не гнушался Кротковъ „отъ бездѣльной своей корысти“⁴⁾.

Очень многихъ, съ кого Кротковъ бралъ взятки, уже не было въ живыхъ, многіе были въ отлучкѣ. Одинъ-же казакъ по фамиліи Михаилъ Богоуровичъ, съ которого Кротковъ взялъ 7 рублей и всякой мелочи на 2 рубля 16 алтынъ и 4 деньги, не былъ допрошенъ потому, что по послѣдѣ въ по сказкѣ, посланного для розыска отсутствовавшихъ свидѣтелей казака Кабанова „Богоуровичъ на Сыранѣ повѣшъ“.

При всякой улкѣ, при каждомъ допросѣ Кротковъ упрямъ отказывался отъ обвиненій и не сознавался ни въ одной взяткѣ.

Когда дошла очередь до выясненія обстоятельствъ, при которыхъ Кротковъ взялъ у новокрещенаго татарина Ивана Салина ишака (осла), то Кротковъ, не смотря на явныя улкы хозяина ишака и его свидѣтелей, отрицалъ возводимое на него преступленіе и даже выставилъ свидѣтелей: москвича купецкаго человѣка Петра Якимова и казаковъ Григорія Зѣвакина и Андрея Карпова.

¹⁾ Такъ въ старину назывался базарь, толкучій рынокъ.

²⁾ Тамъ-же, листы 454—455.

³⁾ Тамъ-же, листъ Показаніе канцеляриста Тарабынина.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 440—449.

Но все эти три свидѣтеля при разспроſѣ сказали, что они начего этого не знаютъ.

Вида, что поставленныи имъ свидѣтелиничего не сказали въ его пользу, Кротковъ нашелъ другой выходъ.

„Съ татарина Салмина ишака карева ценою въ 6 рублей я не бирывалъ, — говорилъ Кротковъ, — а купилъ у него ценою за 3 рубли и торговалъ при оныхъ свидѣтеляхъ, а денегъ ему Салмину я при нихъ и после самъ не платилъ того ради, что были мои долговыи деньги на казакѣ Иване Витошномъ, и ись тѣхъ долговыхъ денегъ тѣ три рубли ему Салмину велѣлъ заплатить и съ нимъ Салминымъ ево Витошова свѣль; и онъ Витошной хотѣлъ заплатить; а платиль-ли или нѣтъ, про то скажетъ онъ Витошной, и въ того ишака къ себѣ взялъ; а что я сказалъ въ военной коллегіи, что того ишака купилъ и деньги дать при свидѣтеляхъ и то я сказалъ не освѣдомясь зъ домашнюю запискою, а только того ишака при тѣхъ свидѣтеляхъ торговалъ“¹⁾.

Отказался онъ и во взятіи казака татарина Чагориза лошади цѣною въ 10 руб. Онъ сказалъ, что купаль у него сѣрую лошадь 2 лѣтъ за три рубля при казакѣ Коловертицевѣ.

Но разслѣдовать этого Захарову не было возможности, т. к. тотъ же казакъ Кабановъ, который находился при Захаровѣ для сиску вужныхъ для дѣла лицъ, заявилъ ему, что татаринъ Чагоръ убить въ ордѣ, а Макаръ Коловертицевъ умеръ.

Тоже случилось при разслѣдовавіи о взятіи Кротковымъ съ татарина Ямансара армака въ 4 рубля. Ямансара во время слѣдствія, будучи арестованнѣмъ, изъ подъ караула бѣжалъ; не допрошено былъ также свидѣтель Коловертицевъ, на котораго снова сослался Кротковъ.

По обвиненію Кроткова во взятіи казаковъ въ крестьянство, а также въ дѣтей и женъ Никита Бородинъ представилъ списокъ этихъ казакамъ.

Но Кротковъ отказался и отъ этой вины. Онъ не сознался ни въ одномъ возводимомъ на него преступленіи.

Окончивъ слѣдствіе, Захаровъ посадилъ фискала Путялова подъ караулъ, остальныхъ-же, за исключеніемъ Кроткова, ввиду неизѣвія мѣста и малочи-сленности команды, отправилъ въ Самару къ комендантѣ Кушакову съ съ увѣдомлѣніемъ, чтобы ихъ всѣхъ держаль подъ карауломъ. Экстрактъ-же изъ слѣдствія 21 октября отправилъ въ военную коллегію.

Донося объ произведенномъ имъ слѣдствіи, онъ, между прочими, писалъ, что казаки какъ фискала Путялова, такъ и Кроткова и остальныхъ высланныхъ на Яикъ розыщиковъ уличали. „А по данной намъ инструкціи, писалъ Захаровъ съ товарищами, по четвертому пункту кто изъ нихъ будетъ запиратца а будуть ясные на нихъ улики темъ розыскивать, а буде кто по тому дойдетъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 449.

до днитки то и пытать накрѣпко наизнѣче надъ фискаломъ Путиловымъ¹⁾. Въ то же время Захаровъ просилъ указаія—какъ поступить ему въ данномъ случаѣ надъ Кротковымъ и фискаломъ, т. к. они оба, несмотря на улики, ни въ чёмъ не сознались.

11 декабря въ военной коллегіи по этому поводу состоялось постановлѣніе, въ которомъ говорилось, что согласно 3 и 4 пунктахъ данной Захарову съ товарищами инструкціи если кто изъ обвиняемыхъ будетъ запираться то тѣхъ пытать накрѣпко, въ особенности фискала Путилова. Того ради, говорилось въ концѣ постановлѣнія, по силѣ Ея Императорскаго величества указовъ и военныхъ артикуловъ и даннымъ оному полковнику съ товарища инструкціи надъ военными, а именно: надъ прaporщикомъ Кроткимъ и надъ солдатами держать крикъ рехты²⁾ обрѣтающимися при ихъ командѣ при ротахъ асцирами, а по окончаніи крикъ рехтовъ, ежели добудутъ до разысковъ, то и разыскивать и пытать; а фискаломъ Путиловымъ, ежели онъ не изъ военной службы, такъ же и дворяниномъ Племянниковымъ и прочими такими чинами бѣсъ крикъ рехтовъ разыскивать же безъ всякаго послабленія; и что въ томъ разыску будетъ чинитца репортовать; ежели по даннымъ имъ, полковнику съ товарища, указомъ и инструкціи все исполнено и о томъ имъ писать же и прсылатъ обстоятельныя репорты, а обѣ отъѣзде оттуды ожидать указу³⁾.

Въ этомъ постановлѣніи снова подтверждалось, чтобы „для опасности отъ непріятельского на Яикъ приходу надеждѣть быть на Яикѣ транжаменту гдѣ бѣ могло умѣститца до двусотъ человѣкъ и для того осмотрѣть за Яикѣ удобнаго мѣста, гдѣ таковой транжаментъ построить, который бы могъ оборонять то мѣсто, гдѣ живутъ Яикіе казаки“⁴⁾.

Для этого приказывалось послать на Яикъ изъ артиллеріи „добраго кондуктора съ привадлежащими инструментами. И указъ о сочиненіи того плана послать съ тѣмъ кондукторомъ и велѣть оное содержать тайно“⁴⁾.

Это постановлѣніе коллегіи было отправлено Захарову 23 декабря.

Выѣтѣ съ разыскомъ надъ Кротковымъ и Путиловымъ Захаровъ одновременно производилъ слѣдствіе и по другимъ дѣламъ, касавшимся только однихъ казаковъ.

Между прочимъ онъ произвѣдалъ слѣдствіе и надъ казаками Ягановыми и Краснощековыми, которыхъ выѣтѣ съ допросомъ, произведеннымъ въ Преображенскомъ приказѣ, отправилъ изъ Москвы на Яикъ.

Въ чёмъ заключалось это слѣдствіе на Яикѣ—незнѣтно, т. к. не только самого слѣдствія, но даже и экстракта изъ него разыскать не удалось.

26 декабря Захаровъ, покончивъ эти слѣдствія, послалъ съ нихъ экстракты военную коллегію. Съ дѣлами побѣжалъ прaporщикъ Скребинъ [25].

¹⁾ Военный судъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись I, часть 5, кн. 196, дѣло 784, листъ 430.

³⁾ Тамъ же, листъ 431.

⁴⁾ Тамъ же.

Въ своемъ донесеніи Захаровъ, между прочимъ, писалъ, что поручикъ Наумовъ, дѣлкъ Сухаревъ и подьячій Иванъ Муромцевъ на Яикъ еще не прибывали и просилъ распоряженія о скорѣйшей ихъ высылкѣ.

Съ наступившою зимию прекратились набѣги киргизъ. Слѣдствіе было закончено. Захаровъ ждалъ результата своихъ доношеній изъ Военной Коллегіи и продолжалъ только производить пересѣсь. Арестованыхъ казаковъ было всего двѣнадцать человѣкъ. Въ числѣ ихъ находились: Краснощековъ, Ягановъ, бывшій атаманъ Иванъ Щербаковъ и вѣроятно и остальные бывшіе атаманы и старшины.

Былъ-ли въ числѣ арестантовъ Карташевъ—неизвѣстно. Его фамилія ни разу не упоминается ни въ одноимъ дошедшемъ до насть экстрактѣ, посланномъ Захаровымъ въ Военную Коллегію. Можно только думать одво, что онъ былъ казненъ такъ-же, какъ и Рукавишниковъ, т. к. въ противномъ случаѣ онъ не сидѣлъ бы спокойно и его дососы не прекращались бы во все время пребыванія Захарова, и объ этомъ хотя вскользь гдѣ нибудь было бы упомянуто Захаровымъ. Ревко-же ходилъ на свободѣ.

Регулярная команда теперь уже не томилась отъ усиленной службы по охранѣ колодниковъ.

Тихо и монотонно текла жазыкъ въ казачьемъ городкѣ. Эту однообразную ташину лишь въ опредѣленные часы нарушалъ бой барабана. Это были зорю.

Едва лишь зимнее солнце выступало изъ-за сѣжайшой степной равнины и озаряло крыши казачьихъ куреней, и наступало время, когда „человѣка въ ста саженяхъ въ лицо и цѣль платья свободно видѣть можно“, въ разныхъ мѣстахъ въ городкѣ разносилась дробь барабана. Это были, согласно Петровскому артикулу, утреннюю „побудку“. По этому барабанному бою солдаты должны были вставать и заниматься указанными работами.

Если-же производились ученья то казаки могли видѣть длинныхъ шеренаги солдатъ, одѣтыхъ въ епанчи. Въ зеленыхъ кафтанахъ и двѣтыхъ штанахъ, треугольныхъ шляпахъ съ напудренными париками, въ дѣланыхъ чулкахъ и щитблетахъ они упражнялись въ ружейныхъ приемахъ. Тишина нарушали команды начальниковъ:

Мушкетъ на карауль! Мушкетъ къ заряду! Открой полки! Сынь порохъ на полки! Закрой полки! Перевеси мушкетъ на лѣвую сторону! Вынимай патронъ! Скуси патронъ! Клади въ дуло! Вынимай шомполь—разъ! другой! Въ третій—окрачивай къ груду! Клади въ дуло—разъ! другой! Въ третій—прибей зарядъ! Вынимай шомполь, разъ, другой! Въ третій—окарачивай въ груду! Клади шомполь въ ложу—разъ! другой! Въ третій до мѣста! ¹⁾.

Такъ учили солдатъ въ Петровское время заряжать ружье.

Наступалъ часъ ды и снова въ нѣсколькохъ мѣстахъ по городку раздавался бой барабанщиковъ—это были „зорю“. По этому бою у квартиры За-

¹⁾ Артикулъ воинскій Петра Великаго.

харева собирались вся команды, наряженные въ карауль и разводились по карауламъ. Часовые ставились у арестантовъ и у квартиръ главныхъ начальниковъ; ставились они и у городскихъ воротъ у рогатокъ. Нужно-ля казаку быть въ поле или же выѣхать въ городокъ, передъ нимъ на пути у выѣзжихъ воротъ вставалъ солдатъ и загораживалъ дорогу мушкетомъ.

„Откуда идешь?“ окликивалъ онъ проходившаго или проѣзжавшаго казака. На зовъ часового выходилъ унтер-офицеръ и дѣлалъ подробный опросъ проѣзжавшему: Откуда идешь? кто ты? куда хочешь идти? какой на тебѣ чинъ и какое дѣло? Какъ твое имя? Имѣешь ли ты васъ?“¹⁾.

И лишь только при исполненіи этихъ формальностей и при благополучномъ отвѣтѣ на все вопросы прѣбывавшій въ городокъ или выѣзжавшій въ поле казакъ могъ быть пропущенъ.

Когда же начинало смеркаться вся барабанщики и трубачи собирались у своихъ командъ и играли „тапту“ — это была вечерняя зоря, послѣ которой никто не смѣлъ безцѣльно бродить по улицамъ.

Въ концѣ декабря войско по обычю послало въ Москву царскій куезъ, со рѣбою и икрою ко двору Его Императорскаго Величества*. Со станцией поѣхалъ атаманомъ *Иванъ Степановъ Калмыковъ*²⁾.

Черезъ двѣ недѣли вслѣдъ за этой станицею была послана въ Москву другая легкая станица съ атаманомъ *Иваномъ Тимофеевымъ*³⁾. Со станицею Тимофеева поѣхалъ въ числѣ другихъ казаковъ бывшій взаменщикомъ въ походѣ князя Черкасскаго въ Хиву казакъ *Денисъ Пермяковъ*. Пробывъ въ плѣну шесть лѣтъ, онъ ухватился бѣжать и явился въ Астрахань, откуда прашель за Яикъ въ концѣ 1723 года.

На обязанности этихъ станицъ возлагалось получать въ Москву окладное жалованье изъ войска за 1723 и за 1724 годы и крайне нужные для войска „для опасности и обереженья отъ прихода подъ россійскіе города непріятельскихъ людей каракалпаковъ и киргизъ-казаковъ—пушки и припасы: пороху и свинцу... Пожале,—посадо войко,—у засѣ на Яикѣ снаго на-ное число и за непостроеніемъ отъ пожара себѣ крѣпости имѣть въ оной крайнюю скудость и опасность отъ непріятелей“⁴⁾.

Станица Калмыкова оѣбыла въ Москву 30 января, а Тимофеева 12 февраля. Здѣсь обѣ станицы явились въ контору коллегіи и передали свои челобитныя. Но пока контора дала знать о прїѣздѣ въ коллегію въ Петербургъ, пока въ коллегіи рѣшили, какъ поступить съ войсковыми челобитными, казаки просидѣли въ Москвѣ безъ дѣла весь февраль и мартъ.

¹⁾ Насъ—иропусъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листы 800 и 827. Фамиліи остальныхъ станичниковъ неизвѣстны.

³⁾ Тамъ-же, число и фамиліи остальныхъ станичниковъ тоже неизвѣстны.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 291. Грамота войску 1724 г. мая 15, № 1999.

Девятого числа этого месяца въ Москву пріѣхала третья станица всего десять человѣкъ, съ атаманомъ Иваномъ Серебряковымъ. Эта станица привезла съ собою плѣнного киргиза Бекея батыря. Въ числѣ станицы находился уже известный намъ казакъ Никита Болдыревъ, бывшій десять лѣтъ въ плѣну у шведовъ и калмыкъ Дендюкъ Булатовъ сынъ Даши Булатова. 12 марта станичники сдали плѣнного киргиза въ костору коллегіи и подали войсковые отписки. Въ чёмъ заключались эти отписки—неизвѣстно, т. к. они не найдены.

Дендюкъ Булатовъ подалъ 18 марта донашеніе.

Излагая въ немъ подробнѣ время и обстоятельства поступленія на службу въ Янцкое войско его отца съ калмыками, онъ просилъ коллегію разрѣшить ему и его отцу „принять вѣру греческаго исповѣданія, также и другихъ свою братию калмыковъ привести“.

Просилъ онъ также разрѣшить принимать въ казачество и другихъ калмыкъ, которые приходять изъ орды, т. к. войско безъ указу ихъ принимать не желаетъ.

„А отецъ мой нынѣ не пріѣхалъ потому, что былъ въ походѣ за кара-каланаками и киргизъ-казаки, — говорилъ въ членобитной Булатовъ, — и былъ бой и на томъ бою израненъ и желаетъ быть въ вѣрѣ греческаго исповѣданія“¹⁾.

Станицѣ Серебрякова сравнительно новозело. Уже 30 марта вышло рѣшеніе о выдачѣ имъ жалованья за пріѣздъ и на отѣздъ и за привозъ „полон-наго каракалпака“.

Расчетъ сдѣлали по донскому окладу съ 9 марта (со дня пріѣзда), при чёмъ кормовыхъ выдали за житѣе въ Москвѣ всего на двѣ недѣли²⁾.

3 апрѣля Серебряковъ получилъ грамоту на имя войска о результатахъ ходатайства Булатова.

По этой грамотѣ было разрѣшено принимать войску калмыкъ только изъ владѣнія Дендука, а другихъ калмыкъ до выясненія этого вопроса въ коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ до новой грамоты не принимать, т. к. „отъ того не возымѣлось бы какой противности“. Крестять же желающихъ калмыкъ войску разрѣшалось³⁾. Но все же получивъ и жалованье и грамоту, станичники Серебрякова оставались въ Москвѣ, т. к. выдачу жалованья въ штатъ-коаторѣ задержали продолжительное время.

22 апрѣля подалъ членобитъ казакъ Болдыревъ за полонное терпѣніе въ Швеціи⁴⁾. Но пока шла обѣ немъ переписка, какъ о плѣнномъ въ швед-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 133. Членобитъ Булатова.

²⁾ Всего же было выдано по этому расчету: „коровьыхъ семь рублей четырнадцать алтынъ, за птицы по истинной ценѣ семь рублей шесть алтынъ пять денегъ, за сукна и соболя и тафты и пичуги и за присездъ и за отлускъ двести пятьдесят одинъ рубль, вместо стола и за харчъ по рублю чаловѣку десять рублей, въ дорогу на два мѣсяца коровьыхъ тридцать одинъ рубль двадцать шесть алтынъ четыре денеги, за порогъ и свинецъ одинъ рубль двадцать одинъ алтынъ четыре денеги, прогоновъ отъ Самары до Москвы и отъ Москвы до Самары сорокъ рублей, всего триста сорокъ девяносто рублей два алтына три денеги“ (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листы 119—120).

³⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 138.

⁴⁾ См. прилож. XIII, стр. 76.

скую войну, станичники, получивъ разсчетъ и грамоту, выѣхали на Яикъ и Болдыревъ ничего не получили.

Станица Серебрякова, вѣроятно, выѣхала 15 мая, что видно изъ полученной станичниками грамоты за это число, въ которой сказано, что станица Серебрякова—атамазъ, есауль и рядовые казаки жалованыемъ и прогонами „пожалованы” и отпущены съ сюю Нашею Императорскаго Величества грамотою на Яикъ по прежнему¹⁾.

Вѣстъ съ нами была послана въ войско другая похвальная грамота за привозъ языка²⁾.

Но не такъ счастливы были казаки станицы Калмыкова и Тимофеева.

Получивъ разрѣшеніе коллегіи о выдачѣ жалованья войску по старому казанскому окладу, они въ тотъ же день подали челобитъе объ отпускѣ ихъ „въ дому”, въ которомъ, между прочимъ, писали:

„1) присланы мы отъ Яицкаго войска ко дворцу Его Императорскаго Величества съ рыбой и якорю и Государственной Военной Коллегіи съ войсковою отпискою; 2) и посланная риба и якоря у насъ во дворецъ прината, а по отписке отъ Военной Коллегіи на Яицкое войско окладное денежное жалованье отпускаетца съ нами на прошлой 723 и на 724 годы; 3) а прежде сего отъ Яицкаго войска когда бывали лежкие станицы и съ теми станицами на Яицкое войско отпускалось окладное годовое жалованье и дававы были оныхъ станицамъ выходы которые давались на зимовую станцу сверхъ той дачи за годъ по сту по три рубли по три алтына по одной деньге; 4) а мы на прошлой 723 и на 724 годы такой дачи себѣ противъ прежнихъ дачь нашей братъ не получали; 5) и что бъ указомъ Его Императорскаго Величества повелено было намъ помянутое жалованье противъ прежнихъ дачь нашей братъ выдать“³⁾.

Станичники не пожелали оставлять въ коллегіи деньги, которые имъ слѣдовали не только за настоящій пріѣздъ, но и за пріѣздъ прошлаго года, за который войско не получило денегъ лишь потому, что по незавѣтнымъ причинамъ легкой станицы не посыпало.

Подальше челобитную въ бывшій въ хивинскомъ плѣзу казакъ Пермяковъ. По постановленію коллегіи приказано было Пермякову „за показанную службу и полонное ево теріїніе противъ другихъ которымъ давано въ воинской коллегіи выдать 10 рублей“⁴⁾.

Когда выѣхали станичники изъ Москвы—невѣдѣсто, но, вѣроятно, не ра-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, кн. 239, листъ 123. Грамота за № 1992.

²⁾ Эта грамота не найдена, объ неї говорится въ концѣ разсчета о выдачѣ денегъ станицы Серебрякова: „А на Яикъ и по всему войску Яицкому о вышеизложенныхъ посулатахъ посыпать Его Имп. Всех. Грамоту съ похвалою“. (Тамъ-же, листъ 120).

³⁾ Тамъ-же, листъ 809. Челобитные Калмыкова и Тимофеева. Подъ челобитной подлинника по неграмотности Тимофеева за него и за себя Калмыкова.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 18.

нѣе середины июня, т. к. въ это время они получили грамоту о выдачѣ жалованья войску. Результатами ихъ ходатайства были грамоты, посланныя на Яикъ. Въ одной изъ нихъ отъ 15 мая говорилось, что приказано къ полковнику Захарову „послать нашъ Императорскаго Величества указъ:—велѣть ему на Яикъ пушки какіе есть и какихъ калибровъ осмотрѣть и описать сколько и вѣль къ службѣ годны и къ тѣмъ пушкамъ ядеръ, картечъ, пороху и прочихъ припасовъ имѣется и къ тѣмъ наличны, по его мнѣнію, сколько въ дополнку надлежитъ и въ прежніхъ годѣхъ отъ прихода непріятельскаго чѣмъ оборону чинили и вредъ чинить могутъ и къ вамъ послать грамоту, въ которой написать какъ отъ вышеописаннаго полковника Захарова вѣдомость поручена будетъ и тогда награжденіе учтено будетъ“¹).

„И какъ вами сія наша Императорскаго Величества грамота получена будеть,—говорилось въ концѣ грамоты,—и вы бъ объ томъ вѣдали и о получении въ государственную нашу коллегію писали“.

Войско, не получая два года пороха и свинца, страшно нуждалось въ нихъ и находилось въ критическомъ положеніи, т. к. борьба съ киргизами принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ и схватки, какъ мы видимъ, становились все чаще и чаще.

Войско осталось безъ пороха и свинца.

Другая грамота была о выдачѣ войску окладного жалованья:

„Вожею милостію Мы Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Все-російскій.

На Яикъ атаманамъ и казакамъ, войскому атаману Григорию Меркульеву и всему Яицкому войску. Въ инаѣшвень 1724 году Генваря 30 дня да Февраля 12 дня къ Намъ Императорскому Величеству присланы отъ васъ съ Яика въ Москву въ Государственную Нашу Военную Коллегію въ легкихъ дву станицахъ атаманы: Алексѣй Калмыковъ, да Иванъ Тимофеевъ съ станицами своими отписками и они атаманы и при нихъ обрѣтающіяся казаки противъ прежняго обыкновенія Нашимъ Императорскаго Величества жалованьемъ, подъемнымъ коркомъ и питьемъ и на прѣздѣ и на отпускѣ награждены такъ-же и васъ атамана и всего Яицкаго войска Нашимъ Императорскаго Величества годовныи окладныи жалованьемъ за прошлый 723 и за инаѣшай 724 годъ противъ прежняго, а именно по 953 рубли по 50 копѣекъ на годъ, пожалованы и отпущенны изъ Москвы къ вамъ на Яикъ со оными атаманами Калмыковымъ и Тимофеевымъ и съ рядовыми. И какъ вами сія Нашего Императорскаго Величества грамота получена будеть и вы-ѣ войсковой атаманъ и все ваше войско Яицкое вида и себѣ Нашу Императорскаго Величества милость въ полученіи посланнаго Нашего Императорскаго Величества къ вамъ жалованья о томъ вѣдали“²).

¹) Тамъ-же, опись 1, кн. 229, листъ 291.

²) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 327. Грамота помѣчена: „Писанъ въ Москвѣ, лѣта 1724 г. июня въ 11 день“ № 2649.

Въ то время, когда станичники были въ Москвѣ, на Яикѣ производилась усиленная образомъ перепись казаковъ.

Хотя войсковой атаманъ и подалъ списки казаковъ, но припомнить всѣхъ казаковъ, бывшихъ въ отлучкахъ изъ войска, онъ не могъ и потому приходилось давать Захарову дополнительные списки. Такъ 10 января было ему заявлено о прибытии на Яикъ казака Василия Торхова, который въ 1714 году былъ взятъ въ пленъ баракалпаками, где пробылъ десять лѣтъ и лишь въ январѣ 1724 г. бѣжалъ и прибылъ на Яикъ. Атаманъ Меркульевъ донесъ объ этомъ Захарову. Подъ донесеніемъ была сдѣлана такая подпись: „виѣсто атамана Григорія Меркульева станичной избы сторожъ Анка Дмитровъ по его веленію руко приложилъ”¹⁾.

Въ апрѣль прибыло нѣсколько человѣкъ изъ Черемшанскихъ форпостовъ, вѣроятно, уволенные оттуда по болѣзни или по старости; явились въ войске многіе и изъ отлучекъ. Всего прибыло 46 человѣкъ.

Изъ войсковой избы снова написали Захарову доношеніе. Эти доношенія о вновь прибывающихъ казакахъ были всѣ въ одномъ духѣ:

„1724 г. Апрѣля въ 20 день доношеніе на Яикѣ въ розыскную канцелярію господину полковнику и лейбъ-гвардіи капитану Ивану Ивановичу Захарову ставарищи сего 724 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ въ Яицкомъ войску въ войсковую станичную избу явились сверхъ поданаго списка казаки, которые были въ отлучкахъ и въ службѣ на Черемшанскихъ пасехъ, которые не писаны для того, что при Яицку войску про оныхъ вѣдомостей отъ сотниковъ не было и не сведомы были”²⁾.

По безграмотству атамана на этотъ разъ подъ спискомъ подписался казакъ Степанъ Баняковъ.

Виѣсто съ этимъ въ апрѣль-же мѣсяцѣ Захаровъ произвелъ осмотръ всѣхъ казаковъ, попавшихъ въ списокъ, годныхъ къ службѣ³⁾.

Во время смотра оказалось, что многихъ казаковъ, числившихся по самому, къ смотру не явилось. Не было главнымъ образомъ казаковъ, которые были на службѣ на Черемшанскихъ пасехъ. Услышавъ на Черемшиѣ о прибытии на Яикъ Захарова, многіе изъ нихъ, большинство бѣглецы изъ Руси, видимо, не были утѣрены въ томъ, что они останутся въ казакахъ и потому по дорогѣ обратно на Яикъ бѣжали, а часть осталась добровольно на службѣ на Черемшиѣ, выжидая результатовъ переписи.

Эти казаки въ спискѣ, посланномъ Захаровымъ въ войсковую избу, назывались вѣтчаками. Всего въ вѣтчакахъ по списку числилось 126 человѣкъ. Захаровъ приказалъ ихъ всѣхъ отыскать. Но посланное для ихъ розыска, казаки, бывшие съ ними на службѣ, никого не нашли.

¹⁾ Моск. Арх. Га. Шт., опись 107, кн. 21, листъ 187.

²⁾ Тамъ-же, листы 188—189.

³⁾ Тамъ-же, листы 195—656. При осмотрѣ на поляхъ списка цѣлялись отметки: „гомѣкъ”, „негодень” къ службѣ.

28 апреля Меркульевъ донесъ объ этомъ Захарову.

Сего апѣля 23 дня, — говорилось въ донесеніи, — въ войсковую станцію избу прислано ко мнѣ изъ розыской канцеляріи отъ нерецвованаго дѣла именная роспись, а въ той росписи написаны казаки нетчика, которые были въ службѣ на Черемшанскихъ пасахъ, а по подавноному списку оные казаки въ розыской канцеляріи сказокъ не подали и на смотрѣ не были и оные казаки по той росписи на Яикѣ сыскаваны казаками же, которые были съ вими нетчиками въ той же Черемшанской службѣ и ни кого не сыскано, а сказали оные казаки про тѣхъ нетчиковъ, что изъ тѣхъ нетчиковъ казаковъ осталось въ той Черемшанской службѣ 76 человѣкъ, бѣглыхъ по отпуску съ службы съ дороги 40 человѣкъ, въ службѣ омерли 4 человѣка, за болѣзнию въ службѣ остался 1 человѣкъ, на Самарѣ самовольно остался 1 человѣкъ, на Самарѣ же за болѣзнию остались 2 человѣка, за долгъ взять на Самарѣ 1 человѣкъ, съ дороги къ помѣщику своему пошелъ 1 человѣкъ, итого нетчиковъ 126 человѣкъ, а кто имена въ службѣ остался, также бѣглые и умершие и оставшие за болѣзнию въ службѣ и на Самарѣ и что къ помѣщику пошелъ и надѣ тѣни именами подписано въ поданномъ Янцеваго войска списѣ на Яикѣ въ розыскую канцелярію¹⁾.

При осмотрѣ вызванныхъ въ городокъ казаковъ, которые жили „по Яику вверхъ по рѣкѣ Самарѣ“ оказались тоже нетчики. Бѣжалы, уклоняясь отъ пересечки, атаманъ Сибираковъ, есаулъ Шагай и еще семь человѣкъ. Явились на смотрѣ всего 5 казаковъ²⁾.

Не явились на смотрѣ и пять человѣкъ калмыковъ, бѣжавшихъ съ орду³⁾.

Не всѣ явились на смотрѣ и жившіе „вверхъ по Яику при старцахъ“. Изъ нихъ было 14 человѣкъ. Это были въ большинствѣ старики отъ 60 до 80 лѣтъ и видимо ушедши отъ мірской суеты⁴⁾.

Пересмотрѣвъ всѣхъ казаковъ, Захаровъ на поляхъ списка сдѣлалъ отѣтки и раздѣлилъ казаковъ на годныхъ къ службѣ, отставшихъ и малолѣтнихъ дѣтей, къ службѣ еще не годныхъ.

Послѣ осмотра казаковъ стала производиться опись всѣхъ пришлихъ на Яикъ иногоородніхъ, жившихъ въ городкахъ постоянно или временно.

Всего оказалось иногоородніхъ, живущихъ на Яикѣ своимъ дворами („своевдворцевъ“) 57 человѣкъ, у нихъ дѣтей 14, пасынковъ 1, внучатъ 2⁵⁾.

Но кроме домовладѣльцевъ въ войскѣ было много и другихъ иногоородніхъ, жившихъ у казаковъ въ работникахъ. Такихъ было 267 человѣкъ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 192. За атакана подписано войсковой подьячій Иванъ Симагинъ. Списокъ казаковъ занимаетъ собою листы 687—722 той-же книги. На поляхъ его противъ фамилій помѣты: „въ дороги бѣжалъ“, „въ службѣ умеръ“, „бѣжалъ“ и друг.

²⁾ Тамъ-же, листы 779—780.

³⁾ Тамъ-же, листы 797—798.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 781—782.

⁵⁾ Тамъ-же, кн. 22, листы 327—331.

⁶⁾ Тамъ-же, кн. 22, листы 332—334.

Многіе првшіе били старики и 13 человѣкъ изъ нихъ жили въ боладѣльни, вѣтвѣшися тогда въ Яицкомъ городкѣ¹).

Въ началѣ мая Захаровъ, согласно полученнаго имъ указа изъ коллегіи, приступилъ къ осмотру казачьихъ пушекъ. По его осмотрѣ оказалось за лицо въ городкѣ пушекъ: „мѣдныхъ: разныхъ калибровъ годныхъ 9, негодныхъ 5; чугуевыхъ пушекъ: годныхъ 9, негодныхъ и горѣлыхъ 8. Всего-же годныхъ 18, негодныхъ 13, да ядеръ разныхъ калибровъ 5022”.

Доноса объ этомъ, Захаровъ написалъ, что по его мнѣнію „надлежить въ томъ городкѣ быть къ вышеозначеннымъ наличаниемъ годныхъ пушекъ въ приблизокъ чугуенныхъ 17 пушекъ да пороху 25 пудовъ”²).

Перепись постепенно приходила къ концу, но окончить слѣдствіе Захарову не удавалось. Къ нему все еще не были высланы просимые имъ Наумовъ, Муромцевъ и Сухаревъ; между тѣмъ показавшіе казаковъ были не въ ихъ пользу.

На указъ военнай коллегіи выслать подъщаго Муромцева изъ Яицъ, астраханскій губернаторъ отвѣчалъ, что Муромцевъ ему необходимъ для дѣла. Въ одной изъ таихъ отписокъ, посланной въ коллегію 24 апрѣля, онъ, между прочими, писалъ: „А онай Муромцевъ письменно объявилъ, что оные казаки просили на него затѣзвъ напрасно во взяткахъ, а другиѣ дѣль до него не касается и о томъ къ оному полковнику Захарову я писалъ ежеди до него касается важное дѣло, чтобы о томъ писацъ, понеже овъ обязанъ многими дѣлами, о чёмъ я въ Государственную Военную Коллегію писано, а онай полковникъ ко мнѣ о томъ я по сее число не писывалъ. А иной по Его Императорскаго Величества указу велико мнѣ быть въ калмыцкихъ улусахъ, а при мнѣ онай Муромцевъ одинъ, на которомъ положена вся моя контора, такожъ и прежнихъ его дѣль поручить мнѣ вѣкому, того ради прошу дабы онай Муромцевъ былъ при мнѣ доколѣ я буду здѣсь и у калмыцкихъ дѣль, тако же въ полковнику Захарову писать будеть, и о томъ Государственная Военная Коллегія что повелитъ”³).

Подъ разными другими благовидными предлогами не высыпалось и Суровъ и Наумовъ.

25 іюля Захаровъ снова написалъ въ Военную Коллегію донесеніе о высылкѣ ихъ изъ Яицъ.

Въ своемъ донесеніи онъ говорилъ, что атаманъ Меркульевъ на слѣдствіе показалъ: „когда привозжалъ Наумовъ изъ Казань для взятъя ево Меркульева и другихъ казаковъ въ Казань и въ бытность ево Наумова на Яицѣ по совѣту старшинъ забиралъ онъ изъ десятниковъ деньги и собралъ по вѣкъ же старшинскому приговору носиль по два раза по пятидесятъ рублей итого

¹⁾ Тамъ-же, листы 851—852.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 8, листъ 4.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 6, съшка 218, листъ 99.

сто рублей ко оному поручику Наумову въ почесть, а не изъ неволи за-
кой, а больша того онъ Меркульевъ иного ничего ему Наумову не давы-
валъ. И оный поручикъ, писаль далѣе Захаровъ, для оного слѣдствія на
Яикъ не прасланъ по двумъ указамъ; а бригадиръ Фамединъ писаль на Яикъ
къ розыскеніи дѣламъ что оной Наумовъ въ командѣ его для переписки
душъ и ево Наумова выслать невозможно за умаленіемъ афицеровъ”¹⁾.

Не высылали на Яикъ и Сухарева. Еще 21 января Военная Коллегія
приказала казанскому вице-губернатору Кудравцеву немедленно выслать Су-
харева на Яикъ, но Кудравцевъ донесъ, что Сухаревъ согласно царскаго
указа находится у карабельныхъ дѣлъ и ведеть расходныя и приходныя
княги въ за винъ числата на отчетъ великая сумма денегъ въ триста ты-
сячъ рублей и потому послать его не можетъ²⁾.

Такимъ образомъ всѣ эти трое, оказавшіоса болѣе оронырливими, подъ
всевозможными предлогами на Яикъ не прѣѣхали.

Довоса объ этомъ, Захаровъ одновременно написаль и другое доношеніе,
прося выслать на команду офицерамъ и рядовымъ и заплечному мастеру жа-
лованья за 1724 г.³⁾.

Но въ коллегіи получили эти довесенія только 15 сентября и отвѣтомъ
не торопились.

Между тѣмъ на Яикѣ съ наступленіемъ весны опять появилась шайки кир-
гизъ и одва схватка у казаковъ смѣнилась другою.

Еще въ степяхъ не зазеленѣла трава, какъ тысячныя толпы киргизъ устро-
ились за Яикъ въ калмыцкія степи. 19 февраля умеръ арестарѣлый ханъ Аю-
ка, правившій калмыками 51 годъ⁴⁾. Вновь утвержденный Петромъ ханъ Цы-
реевъ-Довдукъ еще не принялъ власть въ свои руки и разрозненная калмыц-
кая орда не могла дать хищникамъ должнаго отпора.

Къ этому способствовала еще рознь и вражда, возникшая между отдельными
калмыцкими владѣльцами. Часть калмыкъ, кочевавшихъ по нагорной сторонѣ
Волги, тяготилась подданствомъ Россіи и стремилась уйти на Кубань, ближе
къ Крыму, въ область турецкаго султана. Бахты Гирей — султанъ не разъ посы-
палъ пословъ, чтобы калмыки шли со своими улусами за Кубань. Собравшись на
совѣтъ, калмыцкіе владѣльцы, кочевавшия на нагорной сторонѣ Волги, по-
слали къ хану калмыченнину Бежика, который разъ не разъ ходилъ вмѣстѣ
съ Гиреемъ на русскія украины. Бежикъ долженъ былъ окончательно убѣдить-
ся въ справедливости словъ крымскаго хана и „если онъ дастъ имъ въ этомъ
вѣру то они всѣ къ нему уѣдутъ”⁵⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 4.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Прав. Сената по Воен. Колл., дѣло 11/зм, листы 131—132.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 1.

⁴⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣль, дѣла калмыцкія, картотъ 44, дѣло 1724 г., св. 6, листъ 1, доношеніе
майора Беклемишева въ Колл. Иностр. дѣль.

⁵⁾ Тамъ же, связка 7. Довесеніе Беклемишева отъ 22 марта 1724 г.

У калмыкъ, кочевавшихъ между Волгой и Яикомъ, шли разногласія и распри; вдоворить между ними порядокъ вновь назначенный ханъ не могъ.

Киргизы подались среди калмыцкой орды подъ начальствомъ самого Абаза-хана. Во главѣ 13 тысячъ человѣкъ они нападъ на улусы Доржи Назарова. Калмыки были разбиты. Киргизамъ досталось въ плѣнъ 50 человѣкъ, 500 верблюдовъ и 8 тысячъ овецъ. Назаровъ съ улусами отошелъ ближе къ Саратову на вершины рѣки Тарлыка, гдѣ его засталъ посланный къ нему царскыи дворянинъ Татариновъ¹⁾.

У другого владѣльца у хана Тайшина киргизы захватили добычу еще больше:— взяли до 400 человѣкъ плѣнныхъ, верблюдовъ 600, коровъ съ тѣлами и до 10 тысячъ овецъ.

Хотя калмыки, защищая свое имущество, и убили до 40 киргизъ и взяли въ плѣнъ 15 человѣкъ, но устоять противъ нихъ не могли и стала просить состоявшаго при ханѣ маюра Беклемишева свести ихъ съ луговой стороны на нагорную. Назаровъ-же просилъ дать ему въ прокрытие отъ киргизъ драгунскаго войска съ двѣ тысячи²⁾.

Узнавъ объ этомъ разгромѣ калмыкъ, Яцкое войско снарядило для ихъ выручки походное войско (сколько человѣкъ— невѣдѣмъ) и во главѣ походнаго атамана уже извѣстнаго намъ Ивана Щелкина и походнаго есаула Андрея Пономарева послало его на отходившихъ изъ калмыцкой орды киргизъ.

Войско ишло по слѣдамъ отходившихъ и далеко въ степи нагаило одну изъ шакъ на рѣку Булдурть. Казаки разбили киргизъ, отбили часть половыи и захватили семь человѣкъ въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ былъ взятъ „знатный старшина“ Букунча-батыръ³⁾.

При возвращеніи на Яикъ, по обычаю войска, плѣнниковъ привели въ войсковой кругъ. Плѣнники являлись общему добычю захватившаго ихъ отряда и по казачьему праву могли быть проданы желающимъ при условіи не отпуска ихъ обратно въ орду безъ разрѣшенія войска. Въ числѣ плѣнныхъ было два киргиза: одинъ старикъ Тогузбай Арактеевъ и другой малолѣтникъ Утегей. Первый былъ взятъ казаку татарину Котлыбай. Девѣну и лѣтъ двадцать тому назадъ сдѣлалъ послѣднemu громадную услугу. Котлыбай былъ тогда захваченъ въ плѣнъ киргизами и Тогузбай выкупилъ его и отпустилъ на волю за Яикъ. Малолѣтникъ-же Утегей былъ въ родствѣ съ казакомъ Иваномъ Лоби-комъ. Увидавъ въ кругу киргиза Тогузбая, казакъ Котлыбай въ благодарность за

1) Такъ-же.

2) Такъ-же.

3) Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, кн. 73, листъ 242. Челобитная войска 1751, замѣръ 16. Говорятъ о службѣ старшинамъ Григоріемъ Щелкиннмъ, войско писало: „командировавъ (въ 1724 г.) отъ атамана Щелкиннмъ изъ ярославскаго казакскаго, какъ ходили для разоренія волжскаго калмыкъ, и смыть пѣсчанко побито и знатный ихъ старшина Букунча-батыръ въ плѣнъ взятъ“. Тоже говорится и въ члоб. войска 1749 г. лек. 17, во показаніи, что взято было въ плѣнъ 7 человѣкъ киргизъ. Глаз. ма, опись 107, книга 67, листы 215—217). Объ этомъ боя упоминается и въ другихъ казачьихъ членобитннхъ.

прошуя услугу попросилъ его у войска и, заплативъ одиннадцать рублей, взялъ къ себѣ съ цѣлью отпустить его впослѣдствіи такъ-же на волю, какъ его отпустилъ когда-то Тогузбай.

Малолѣтка-же Утегея купилъ за десять рублей Лобикъ¹⁾). Это подало потонъ поводъ для Кроткова обвинить казаковъ въ отпускѣ киргизъ обратно въ степи въ вишнюю съ Хизой.

Изъ остальныхъ пѣхонихъ трехъ человѣкъ купилъ Иванъ Щелкинъ.

Разгромивъ калмыковъ, киргизы не удовольствовались только однимъ весеннимъ набѣгомъ. Все лѣто они шнырали по степи и когда въ іюнѣ и юля обычна казачья станица возвращалась изъ города Самары послѣ продажи рыбы нагруженная „хлѣбною покупкою“, казаки должны были выдержать бой съ киргизами.

Едва, растянутый по дорогѣ, казачій обозъ подѣхаль „къ урочищу Чапану перелазу“, на станицу напали „внѣріательскіе люди карападаки и киргизъ-кайсаки большиимъ собраніемъ“. Казаки, разбросанные кучками въ длиномъ обозѣ, не могли дать должнаго отпора и потерпали убитыми и взятными въ пленъ шестьдесятъ восемь человѣкъ²⁾.

Другой такой-же неудачный бой произошелъ у казаковъ на рекѣ Утепъ подъ начальствомъ походнаго атамана Ивана Логинова. Это туть самыи Логиновъ, который еще въ 1698 году въ ссорѣ убилъ казака Серебрякова³⁾, и котораго послѣ этого стали звать душегубицомъ. Теперь уже Логиновъ былъ войсковымъ старшиной. Но кличка эта осталась за нимъ до сихъ поръ. Логиновъ, видимо, страшно тяготился этимъ. Воспользовавшись тѣмъ, что на Яикѣ былъ Захаровъ, онъ пригласилъ его въ концѣ января къ себѣ въ кумовья крестить сына. На ширу по этому поводу онъ попросилъ Захарова повѣтъ на атамана и войско, чтобы его болѣе не называли душегубицомъ. Особенно надѣдалъ ему этимъ казакъ Андрей Пономаревъ.

2 февраля по просьбѣ Захарова былъ собранъ войсковой кругъ и войско приговорило старшизу Логинова болѣе такъ не называть и свой приговоръ изложило письменно, копію съ котораго выдало Логинову.

Это любопытное постановленіе круга говорило слѣдующее:

„1724 г. Февраля въ 2 ден при атаманстве ево Григорія Меркульева при есаулехъ Иване Котельникове при Сидоре Дурманове при войску въ кругу приговорили: Яицкому казаку Ивану Логинову по назывкѣ Яицкаго же казака Андрея Пономарева, какъ называлъ его Логинова душегубицомъ и єюю назывкую при войску въ кругу объявиль, и положили всемъ войскамъ чтобъ ево Ивана Логинова отасть душегубицомъ не называть для того что таково дела за нево никто не показать, а въ назывкѣ своей Андрей Пономаревъ ево

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Шт., опись 47, кн. 263, лѣп. 24. Листы въ дѣлѣ не нумерованы. Экстрактъ Захарова по звонцу Кроткова о пленѣ киргизахъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, опись 8, листы 484—485 Чалбаттая войска 1731 г. октября 18.

³⁾ См. страницу 895 настоящаго очерка.

Логинова очищалъ при атамане Григорье Меркульеве, а ежели кто назоветъ душегубникомъ его Логинова ему по суду Яицкаго войска очищатца по надлежащему; того ради приговорили чтобы оному приговору учинить запись в сии записи писана въ войсковой станицкой избе зарукою атамана Григорья Меркульева. Къ сей войсковой записи вместо атамана Григория Меркульева и по приговору Яицкаго войска подъячей Иванъ Симагинъ руку приложилъ¹⁾.

Очищенный этимъ постановлениемъ старшина Логиновъ, впослѣствіи представитель въ энергичный глава казачьей партіи, былъ, какъ говорили потомъ его враги, „по прошенію для заслуги смертнаго убийства, назначенъ въ томъ-же году походнымъ атаманомъ въ походъ за киргизами“, взвѣшивъ въ пять нѣсколько человѣкъ казаковъ. Быть ли онъ посланъ за тѣми киргизами, которые разбили казачью станицу, или за другую шайкою—невѣдѣтельно²⁾.

Подробностей объ походѣ Логинова, какъ и вообще о всѣхъ бояхъ съ киргизами, не сохранилось. Въ своей членобитной въ 1781 году войско объ этой неудачной посылкѣ казаковъ писало такъ:

„И въ прошедшемъ 724 году подѣгали подъ вашъ казачій городокъ непріятельскія люди каракалпаки и киргизъ казаки тысячными числами, и изъ войскомъ Яицкимъ за оными непріятельскими людьми выбрали изъ старшинъ походнаго атамана Ивана Логинова и при немъ семь сотъ человѣкъ, и логнули оныхъ непріятельскихъ людей при урочищѣ Утвѣ рѣкѣ; и догнавъ, состоялся съ оными непріятели бой, и бились съ ihnenъ два дня и ночь и во славу Божію и нашимъ несчастіемъ нашихъ казаковъ семьдесятъ два человѣка побито, а другихъ многое число ранены и въ полою побраны“³⁾.

Этотъ неудачный бой станицы Ивана Логинова впослѣствіи противной ему партіей ставился Логинову въ вину. Потеря казаковъ приписывалась его нерадѣнію и по произведенному по этому поводу слѣдствію казачинки показанія установлеено, что эти потери произошли отъ того, что часть казаковъ съ нѣкоторыми старшинами „загнались за оными киргизами не спросясь оного Логинова, которыхъ пропало старшинъ и казаковъ тридцать четыре человѣка“⁴⁾. Такимъ образомъ пропавшихъ, вѣроятно попавшихъ въ пѣхъ, 34 казака были тѣми отважными смѣльчаками, которыхъ не пугало число враговъ и они зарвались, отдалились отъ станицы и ринулись за киргизами безъ вѣдома атамана.

Казакамъ въ это лѣто не везло. Одинъ неудачный бой слѣдоваль за другимъ. Въ томъ-же году былъ посланъ за киргизами атаманъ Никифоръ Бородинъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, ск. 31, листъ 21.

²⁾ Въ донесеніи Вост. Коллегіи въ 1782 г. 16 декабря войско, говоря о службѣ казака Апарам Пономарева, между прочими, о этомъ походѣ писало: „При бытности у насъ господина полковника Захарова подѣгали подъ вѣсъ непріятельскіе люди каракалпаки и киргизъ-кайсаки и брали въ полонъ мнѣнія казаковъ, за которыми посланъ былъ атаманъ Иванъ Логиновъ и выбрали быть отъ войска осаждаемы“. Войск. арх. дѣло III раз., 2 градж. опись, № 76, листъ 73, пунктикъ 6.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба., опись 107, ск. 8, листъ 485.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, ск. 38, листъ 8, 6 и др. (показанія казаковъ).

дина. Догнавъ киргизъ, овъ потерпѣлъ неудачу. Казаки понесли большой уронъ. „И волю Божію и нашъ несчастіемъ,— писало потому войско объ этой посылкѣ въ своей членобитной,— побито и въ половъ побрано тридцать два человѣка”¹⁾.

За три боя казаки потеряли болѣе 170 человѣкъ!

Но не только на Яикѣ, но было неспокойно и на Волгѣ и въ уфимскихъ предѣлахъ по черемшанской границѣ, где стояло 300 яицкихъ казаковъ и драгуны. Волковскій просилъ о нарядѣ войскъ для усиления линіи.

Въ коллегіи рѣшили послать на Черемшу снова яицкихъ казаковъ, чтобы на линіи ихъ было не менѣе пяти сотъ. Рѣшено было нарядить 200 человѣкъ. Грамота объ этомъ нарядѣ была получена на Яикѣ 28 юля. Какъ ни тяжело было въ то время на Яикѣ, но войско казаковъ снарядило и отправило ихъ 13 августа²⁾.

Едва выступила станица за службу, какъ черезъ шесть дней подъ городкомъ снова появилась шайка киргизъ, захватила часть скота и повернула въ степь. Казаки снарядили станицу и пустились въ погоню³⁾.

„И Божію помощьюъ, какъ писали казаки въ членобитной, ихъ догнали разстояніемъ отъ Яицкаго городка конною ъздою шесть дней близъ реки Ембы и угнавъ ихъ побили немалое число, а иныхъ взяли въ языки зъ двадцать человѣкъ”⁴⁾.

Возвращившись на Яикѣ, казаки разобрали всѣхъ плѣнниковъ по рукамъ, чтобы обмѣнять ихъ на своихъ казаковъ, взятыхъ киргизами⁵⁾. Выбравъ двухъ киргизъ *Безенджю-батыря*⁶⁾ и каракалпачевана *Жумака-Мелчиура*, войско рѣшило отправить ихъ въ военную коллегію. Для этого были выбраны участники похода: станичнымъ атаманомъ *Остадбій Муромцевъ* и еще четыре человѣка, которые и выѣхали въ Москву 20 сентября⁷⁾.

Цѣль посыпки станции состояла главинъ образомъ въ томъ, чтобы выхлопотать позволеніе размѣнѣться захваченными плѣнными — взять у киргизъ взамѣнъ ихъ своихъ казаковъ.

Станичники прибыли въ Москву 30 октября, гдѣ явились въ контору коллегіи и подали членобитную, въ которой изложили свою просьбу о размѣнѣ плѣнными, „дабы оныхъ взятыхъ языковъ повелено было обмѣнить на своихъ казаковъ, а мы безъ указу оного собою дѣлать не смѣемъ”, — писало войско въ членобитной⁸⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаб., опись 107, съска 8, листъ 435. Членоб. войска 1781 г. октября 18.

²⁾ Тамъ-же, опись 1, книга 229, листъ 412. Войсковая членобитная 1724 г. доносеніе москов. генералъ въ воен. колл. Кто былъ походнымъ атаманомъ — неизвѣстно.

³⁾ Кто былъ походнымъ атаманомъ — неизвѣстно, но, судя по многимъ другимъ даннымъ, можно предположить что это былъ Иванъ Логиновъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, книга 229, листъ 412.

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ Вероятно того киргиза, которого звали Василий Араповъ.

⁷⁾ Тамъ-же. Фамилия осталась станичниковъ неизвѣстна.

⁸⁾ Тамъ-же.

Съ прибытием Захарова войско уже не рѣшалось въ этомъ случаѣ поступать по своей волѣ, какъ онъ дѣлало ранѣе. Извѣлась необходимость просить разрѣшенія.

Правезенныхъ киргизъ приказано было по прежнему примѣру отправить въ категорскую работу, о чѣлобитѣ же казаковъ контора донесла въ Коллегію.

Станачниковъ не пришлось дождаться разрѣшенія, оно было сдѣлано только въ слѣдующемъ году, и они уѣхали обратно на Яикъ.

На Яикѣ шла тревожная жизнь, и боя съ киргизами смыкались промежутками краткаго отдыха отъ боевыхъ заботъ. Такая-же тревожная жизнь была и за Черемшанскими форпостами. Прибывши туда 26 августа въ распоряженіе князя Волконскаго двѣстѣ лицакахъ казаковъ вступили сразу въ боевую жизнь. Отдаленность этихъ постовъ отъ Казани и Уфы, а также и отъ приволжскихъ селъ и городовъ заставляла форпости быть осторожнѣи и не надѣяться на скорую помощь откуда бы то ни было. Часты, стоявшія по этой линіи, тероймы всевозможная лишенія. Особенно тяжело отзывалось удаленное положеніе лицаковъ отъ жилыхъ мѣстъ на доставкѣ провианта и фуражу. Несмотря на зодиократіи донесенія Волконскаго въ Военную Коллегію, провиантъ для драгунъ и казаковъ своевременно не доставлялся и части недѣлями сидѣли безъ хлѣба.

По прибытіи на линію новыхъ двухсотъ язычныхъ казаковъ, а также иновь прибывшихъ драгунъ и солдатъ изъ Царицынской линіи и изъ Казани въ провиантѣ сталъ чувствоватьться крайній недостатокъ. Между тѣмъ вмѣсто провианта иногда посыпались деньги.

31 августа Волконскій снова обѣ этомъ записалъ въ Коллегію донесеніе.

„На дачу провианту не токмо что оныи новоприбывшии казакамъ, писаль между прочимъ Волконскій, во и содержавшемся при тѣхъ пасехъ Казавскаго гарнизона драгунскому полку и Яицкимъ же прежде бывшимъ трехъ сотному числу казакомъ ничего нетъ о чёмъ и въ Государственную Военную Коллегію юла 18 числа обѣ определеніи писаль, одваче же еще повалительства указа не имѣю, такожъ и въ Казань въ губернскую канцелярію многократно обѣ определеніи помянутому драгунскому полку и Яицкимъ прежде содержавшимъ трехсотному числу и иновь прибывшии двустамъ человекомъ казакамъ требовательне писаль, па которые свои требование изъ губернской канцеляріи помянутый драгунскій полкъ и Яицкимъ казакамъ трехсотному числу за покупку провианта прислано денежной казни пять сотъ рублейъ, который уже покупаетца; а на помянутыхъ новоприбывшихъ казаковъ изъ двести человѣкъ къ покупке провианта денежной казны не прислано и дачи производить имъ изъ новопокуснаго провианту определенія пѣ учинено и въ такомъ губернской канцеляріи провинцкомъ неопределеніи оные казаки претерпѣть немалой голодъ безъ чего и пробить не возможно; но токмо изъ оной канцеляріи на помянутые же свой требования получиль и въ отвѣтствиye промеморию, что на оную новоприбывшую команду провианту губернская канцелярія определить безъ указу штатскаго советника и казанскаго губернатора господина Салтыкова опасна и о тѣмъ да

къ предложению до него господина губернатора изъ Казани чрезъ нарочную почту писано и объ определеніи въ немедленныхъ числахъ невопривѣшшемъ въ команду мою на Черемшанскае пасы двусотному числу казакомъ на дачу про-віантъ государственная военная коллегія что повелѣть, на что буду ожидать повелательства дабы оныи Яицкимъ казакамъ во ипуще въ продолжительствѣ не претерпѣть всенонечной нужды и голода" ¹⁾.

На это донесеніе изъ Военной Коллегіи указъ послѣдовалъ только 27 октября. Приказано было Казанскому губернатору давольствовать всѣ войска по Черемшанскої линіи изъ доходовъ Казанской губерніи „по поданнымъ отъ коман-дующихъ тѣхъ полкамъ и казакамъ вѣдомостямъ изъ наличнаго въ казанской губерніи провіанта и фуража". Въ случаѣ же если за фуража не провіанта почему либо въ наличности не оказалось бы то приказывалось его покупать „въ тѣхъ мѣстахъ где способно" ²⁾. На первые-же мѣсяцы приказывалось выдать его изъ запасовъ, находящихся въ магазинахъ въ Свіаждской провіації ²⁾.

9 сентября состоялось постановленіе Коллегіи и по члобатью войска о зачислениі калмыкъ и о крещеніи ихъ. Въ грамотѣ, посланной по этому поводу на Яицкъ, говорилось, что согласно шертовальной (присажной) записи, заключен-ной съ ханомъ Аюкою и съ прочими тайшами въ 1573 г. о бытіи ихъ въ русскомъ подданствѣ, слѣдуетъ всѣхъ Аюкаевыхъ калинъ, которые уходить въ русскіе города, отдавать обратно Аюку. Въ слѣдующихъ же договорахъ съ калинками заключенныхъ въ 1577 и 1583 годахъ разрѣшалось остав-ваться въ русскихъ городахъ только тѣмъ калинкамъ и татарамъ, которые пожелаютъ воспріять православную христіанску вѣру. Поэтому шертовальнымъ записямъ всѣхъ крещеныхъ калинъ возвращалось требовать обратно. „И иль тайшамъ, говорилось въ записи, и улуснымъ иль людямъ иль не просить и объ иихъ не быть ченои, а некрещеныхъ калинковъ и татаръ ихъ улусовъ, которые учнутъ уходить въ россійскіе города, отдавать виъ" ³⁾.

Въ концѣ грамоты къ войску приказывалось „чинить съ калинками такъ, какъ въ тѣхъ шертовальныхъ записяхъ учинено".

Такимъ образомъ, войско могло признавать къ себѣ только тѣхъ калинъ, кромѣ пришедшихъ съ Дащею Булатовымъ, которые пожелаютъ креститься.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе по просьбѣ станичного атамана Василия Арапова. Этотъ атаманъ выѣхѣлъ съ яѣскольскимъ казаками охотниками ушли вверхъ по рѣкѣ Яику и на излюбленномъ зѣдании казаками мѣстѣ при устьѣ рѣки Сакмары построили Сакмарскій городокъ. Василий Араповъ, кашъ мы зваемъ, явился не первымъ населенікомъ городка. При

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, книга 239, листъ 407. Донесеніе князя Волконского въ Военнѣй Коллегіи 31 августа 1724 года.

²⁾ Тамъ-же, листъ 411. Промеморія изъ главы провіанской казацехаріи въ Военной Коллегіи октября 27 1724 года.

³⁾ Московскій Архівъ Главнаго Штаба, опись 1, книга 229, листъ 143. Грамота войску 1724 года сентября 9, № 8781.

началъ переписи Захарова въ 1723 году уже были казаки, „которые обрѣтаются на Яикѣ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ” съ атаманомъ Фомой Сибиряковымъ—всего 14 человѣкъ. Но и до прѣзда Захарова таинъ же на рѣкѣ Сакмарѣ былъ и разѣ два раза городокъ, оба раза разорявшійся башкирцами. Въ архивахъ не сохранилось никакихъ данныхъ ни о томъ, когда впервые яицкіе казаки поселились на этой рѣкѣ, ни о причинахъ, побудившихъ ихъ жить среди враждебныхъ имъ башкирскихъ ордъ, вдали отъ главнаго городка.

Хороша ли заѣрова охота, выгодны ли торги съ башкирами канали казаковъ на Сакмару—невѣдѣство. Яицкіе казаки, какъ бывшіе когда-то ушкуйники-новгородцы, „пролагатели путей”, не останавливались надъ препятствіями и смѣло двигались въ самыя опасныя и тревожныя мѣста и, рискуя своей головою, получали себѣ добычу, будь то заѣръ или имущество непріятеля. Отвага и смѣлость были ихъ спутниками и вожами.

Когда выѣхалъ Араповъ съ Яика и когда прибылъ въ Петербургъ—невѣдѣство.

На этотъ разъ, Сакмарскаго городка атаманъ Василій Араповъ въ Военной Коллегіи доводченіемъ требовалъ, чтобы за малолюдствомъ ихъ войска опредѣлить имъ изъ Яицкаго и изъ Довскаго войска человѣкъ съ 600, понеже отъ Яика и отъ Уфи городокъ ихъ разстояніемъ въ дальности и въ скорости помочь просить некогда¹⁾.

Это единственное, кроме упоминавшагося въ переписи Захарова, дошедшее до насъ указаніе о первомъ несомнѣнномъ заселеніи яицкими казаками береговъ рѣки Сакмары.

Результатъ по этой просьбѣ найдти не удалось, во судя по тому, что въ членобитѣ войска въ 1730 году яицкихъ казаковъ въ Сакмарскомъ городкѣ было всего 60 человѣкъ, видно, что просьба Арапова не имѣла успѣха.

О сношенихъ Яицкаго войска съ атаманомъ Сакмарскаго городка въ томъ же 1724 году имѣется указаніе въ членобитной казака Андрея Латошиникова. Въ прошломъ 1724 году, писалъ онъ въ членобитной, какъ я посланъ былъ съ Яика въ городъ Цакмарскъ къ атаману съ письмами и отъ каракалпаковъ былъ полоненъ и былъ въ рукахъ ихъ три мѣсца и оттолъ за паролемъ²⁾ на размѣну отпущенъ по прежнему на Яикъ и опредѣленъ въ службу³⁾.

Съ этого года Сакмарскій городокъ уже болѣе не разорался башкирцами и во все дальнѣйшее существованіе Яицкаго войска является его младшимъ братомъ и составляетъ съ нимъ одно вѣраздѣльное цѣлое.

Наступала осень, перенеся приходила къ концу; подводились итоги. Но из-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 12, лѣво 2, л. 18. Эта просьба атамана найдена въ болѣе позднѣй дѣлѣ (1780 г.) въ саржинѣ военной коллегіи, времени ея показано 1724 г. 29 сентября, что является нѣправильнымъ, т. к. 14 сентября этого года Василій Араповъ былъ въ походѣ за киргизами. Число 29 сентября 1724 г. нужно считать числомъ постановленія коллегіи по этому дѣлу, т. к. въ постановленіи излагались въ началь подробно просьба или суть дѣла, а потому уже рѣшеніе коллегіи по этому дѣлу и все это постановленіе помѣщалось числомъ днѣй рѣшенія дѣла.

²⁾ Упоминаніе изъ даконъ случаѣ слова „паролемъ” является совершенно необычайнымъ.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 16. Членобитная Латошиникова 1725 г. 12 марта.

рѣдка вновь на Яикъ появлялись казаки, не вошедши въ атаманскій списокъ. О такихъ приходилось снова доносить въ розыскную канцелярию и представлять списки. Такъ 8 августа явился казакъ Никита Стяговъ, пришедший со службы съ Черемшанскихъ постовъ; нашлись казаки, которые только что вышли изъ хивинского пленя и прибыли на Яикъ 11 октября. Большинство изъ нихъ были съ княземъ Бековачемъ въ несчастномъ Хивинскомъ походѣ¹⁾.

Донося объ нихъ, Меркульевъ писалъ, что кроме нихъ у Захарова содержатся казаки подъ карауломъ: „Михайло Дементьевъ сынъ Краснощакой, Яковъ Михайловъ сынъ Ягановъ, да казакъ-же пропавной по списку Данило Ларіоновъ и оные Краснощаковъ и Ягановъ и Ларіоновъ нынѣ содержатся подъ арестомъ всего двѣнадцать человѣкъ, а въ подаваемъ списку не написаны“²⁾.

Осеню-же съ сентября мѣсяца начался вторичный розыскъ надъ Кротковымъ и Путиловымъ. На этотъ разъ Захаровъ, согласно полученнымъ разъясненіямъ изъ Военной Коллегіи разыскивать виновныхъ подъ пыткою, сталъ производить слѣдствіе надъ Кротковымъ и Путиловымъ, уже не стѣсняясь въ дѣйствіяхъ.

Кротковъ-же, стараясь избѣгнуть пытокъ и не имѣя возможности противопоставить что либо свидѣтельству казаковъ и окончательно уличенный ими во взяткахъ, сталъ бороться излюбленнымъ въ то безправное время средствомъ: онъ сталъ писать клеветы на казаковъ и на канцеляриста, сталъ отводить свидѣтелей—однимъ словомъ, пустилъ въ ходъ всѣ тѣ пріемы сутяжничества, которые широко примѣнялись въ то время и благодаря которымъ воловить не было конца. Онъ сталъ играть не на сути дѣла, ибо очевидность была ясна до мелочей и виновность Кроткова во взяткахъ была вѣдь всякаго сомнѣнія, онъ сталъ играть на формѣ дѣла, на крючкотворстве того добраго старого времени, сталъ быть казаковъ оружіемъ, котораго они еще не звали и противъ котораго ихъ прямолинейность, простота и честность являлись лишь наивными и дѣтскими лепетомъ, тѣмъ болѣе жалкими, чѣмъ махальчики были пріемы ихъ противника.

Явившись въ розыскную канцелярию 23 сентября, онъ подалъ Захарову доношеніе.

„Изъ казакія, — писалъ Кротковъ, — Федоръ Рузавинниковъ съ атаманомъ Никитою Бородавымъ, съ Иваномъ Щербаковымъ, съ Федоромъ Силишинымъ, съ Трифономъ Новицкимъ съ товарищи, вѣдомые воры и смертоубийцы и продавцы христинъ въ бусурманские руки и въ подозрительные руки, умысли воровски, въ челобитье своеемъ на меня показали будто я въ быт-

¹⁾ Моск. Арх. Гм. Шт., опись 107, кн. 21, листы 193 и 194. Вышли изъ хивинского пленя чѣмъ Бухары: „Иванъ Ивановъ сынъ Мякушевъ, Ильинъ Леонтьевъ, Симеонъ Ивашовъ сынъ Мельникова, Илья Андреевъ сынъ Идошъ, Федоръ Ивановъ сынъ Ярата, Василій Прохорьевъ сынъ Мыльникъ, Михаилъ Андреевъ сынъ Кузебягинъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Ищариковъ, да съ ними же вышелъ изъ позовужь нашъ казакъ, которой взять былъ по Сырдарьской дорогѣ въ прошломъ 711 году, съ именемъ: Петъръ Федоровъ сынъ Шаповъ“. Доносение Захарову атамана Меркульева 11 октября 1724 г.

²⁾ Тамъ-же.

ность свою на Яике, учинив казакамъ великое разорение и взаимъ съ ними великие взатки; противъ котораго членобитья въ Москвѣ въ Военной Коллегії я и допрашиванъ. И на тотъ мой допросъ означенной Рукавишниковъ подпсался, что будетъ обличать показанной имъ атаману Бородину, о чёмъ повелено и слѣдоватъ по указу Его Императорскаго Величества и по уложению велено разыскать ежели отъ нихъ казаковъ ясные улики. И по прибытию на Яикъ въ разыскной канцеляріи оной Бородинъ въ улику не допрашиванъ и по многимъ статьямъ отпирался токмо показалъ, что будто далъ мнѣ, за отпускъ на рыбную ловлю казаковъ, двѣсти рублей и съмъ деньги будто ко мнѣ принесъ одицъ и отдалъ мнѣ одицъ на одицъ, а свидѣтелей въ то число у него никого не было. Да она же въ членобитьѣ въ оной Бородинъ въ допросе показалъ, что бутто въ бытность свою на Яикѣ старшинъ многихъ казаковъ бралъ себѣ и другимъ помѣщикамъ во крестьяне отдавалъ, а ково иманы подалъ оять Бородинъ роспись въ разыскную канцелярию за рукой; а какъ я ныне по указу явился на Яикъ и противъ его Бородина улики въ разыскной канцеляріи допрашиванъ и онъ Бородинъ на тотъ мой допросъ вторично допрашиванъ же; и противъ прежниго своего допросу, ныне въ допросе показалъ плутовству своему и поклѣпному членобитью ясно на себя самъ улику, а именно: о показанныхъ деньгахъ сказавъ, что принесъ ко мнѣ уже при свидѣтеляхъ самъ шесть, а не одинъ, и будто тѣ деньги отдалъ мнѣ при нихъ и съ нихъ обща въ томъ числе во свидѣтельство показалъ согласника своего, такова же вора и подозрительнаго человѣка что въ самъ, Ивана Щербакова, съ которымъ согласясь привезла и убили доносителя Елисѣева и сидать въ одномъ мѣстѣ подъ карауломъ другой годъ, котораго и принимать во свидѣтельство и вѣрить не надлежитъ; а прочтые показанные у него же Бородина свидѣтели, которыхъ онъ выбралъ самовольно и послался на нихъ, икъ же казачьи старшины четыре человѣка, во свидѣтельство въ разыскную канцелярию приваты и допрашиваны, а въ допросехъ своихъ показали разно и иначе сходства противъ его ссылка явѣть, о чёмъ явно въ деле на что и паки поклѣпъ икъ и плутовство обличаетъ явна; а что онъ же Бородинъ показалъ на меня, что я ималъ казаковъ себѣ и другимъ помѣщикамъ отдавалъ во крестьяне и оное касалось ко интересу Его Императорскаго Величества, а ныне вторично оной же Бородинъ показалъ допросомъ своимъ паки же ко обличенiuю своему плутовству, что въ бытность мою я казаковъ никакихъ къ себѣ во крестьянство не бирывалъ и другимъ помѣщикамъ не отдавывалъ, а отдавалъ онъ Бородинъ съ войсками сами по присланннмъ указамъ ико Казани, а тѣ указы и росписи ково и кому отдали при вторичномъ допросе объяснилъ съ некоторыхъ за рубежъ его приваты въ дѣлу копіи. Да въ икъ же казачьемъ поклѣпнмъ членобитьѣ написано на меня бутто я изъ нихъ казаковъ написалъ въ солдаты въ драгуны семьсотъ человѣкъ и того послѣдствованію дѣла ничего не явилось же—поклѣпали же напрасно, хотя меня раз-

зорять, покрывая свое плутовство, о чём явно показуетъ поклеть ихъ. А что въ человѣтъ же и въ допросе показалъ вора и раскольника попа Дениса сына его Петръ такой же раскольщикъ—въ первомъ допросе сказалъ, что бутто держаль я его подъ карауломъ въ поставке отца его и взялъ съ него десять рублей и, взявъ такие деньги, исъ-подъ караула свободилъ, а во вторичномъ допросе сказалъ бутто уже такие деньги я съ него взялъ по свободе исъ подъ караула и потому сталъ быть поклеть его ясень. Да въ томъ же казачьемъ человѣтъ написано что бутто я взялъ съ казака же Ивана Семенова мѣхъ лисей, да десять лисицъ; и онъ Семеновъ въ допросе сказалъ, что не казакъ, но бѣглой изъ Нижнаго щасадкой человѣкъ и сказалъ, что будто мѣхъ ко мнѣ прислать съ казакомъ Федоромъ Силишевскимъ, а лисицъ де будто самъ ко мнѣ привесъ и отдалъ мнѣ; а во вторичномъ допросе онъ Семеновъ сказалъ, что будто и лисица съ тѣмъ же Салишевскимъ прислать, а Силишевъ засирался и потому стало быть плутовство ихъ явное и поклеть чему и вѣрить не надлежать, и оба ови плуты и подозрительные люди, а подозрительнымъ людемъ по указу и вѣрить не повелено. И по всему неправое ихъ человѣтъ и жалоба плутовъ стало явно, что они показали себѣ будто отъ меня имъ было великое разорение. А въ носильномъ вывозе, будто я себѣ казаковъ во крестыли браль, и въ раздаче казаковъ другимъ помѣщикамъ, имъ же во крестьяни, и въ великихъ съ нихъ будто взятковъ и ежели покажуть на оное ясные улики то повелено и розыскавать, и оные человѣтчики вѣ токмо ясные улики на что предложили и напаче показали сами за себя и своему неправому человѣтю ясную улику и запрасной на меня поклепъ. И по оному дѣлу уже немало ка-саетца ко интересу Его Императорскаго Величества и розыску не надлежать, понеже осталось по тому исцовъ ихъ исъ показанного малой исѣ и чего они искали неувѣро и въ томъ сами же себя своими допросами и своимъ свидѣтельствомъ показанными отъ себя, на которыхъ слялись, и изобличила свою неувѣду ясно же сами. А по другимъ статьямъ въ иску своемъ сами человѣтчики отпирались и сказали, что ничего недавали и не бояли ченои. И по тому по всему стала быть поклеть ихъ явень и разоряютъ меня и убытчать нарасно. И прошу указомъ Его Императорскаго Величества и по уложенію, такимъ подозрительнымъ ворамъ явно въ показанномъ поклете не повелено бѣ было вѣрить и къ решению на ихъ плутовство исъ того дѣла повелено бѣ учинить обстоательную выписку, а изъ указу Его Императорскаго Величества изъ уложенія принадлежащие статьи къ тому дѣлу выпи-сать и потому дѣлу милостивой указъ учинить¹⁾.

Въ тотъ-же день, подавая человѣтую, Кротковъ, паки протестовалъ чтобы плутовства канцеляриста Тарабынина изслѣдоватъ и протестъ его записать²⁾, просилъ ови сююа переносить Алютига и Муромцева, а Тарабынина отставать отъ дѣла³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, ч. 5, кн. 196, лѣто 734, листы 450—452.

²⁾ Тамъ-же, листъ 455. Доказаніе Кроткова въ слѣдственную комиссию.

Результатомъ этого доношенія состоялся въ разыскной канцеляріи того-же 23 сентября приговоръ, по которому было велено „оного Митрофана Алютина допросить къ прежнему ево допросу въ дополнение для того: въ прежнемъ ево Алютина допросе сказаво какъ де онъ Бородинъ взялъ ево Алютина ходили къ Егору Кроткову на квартеру и какъ де пошли съ квартеры и денегъ де никакихъ овъ Алютина у него Бородина не видаль, а какъ взялъ ево Алютина онъ Бородинъ и шли на квартеру къ нему Кроткову и онъ Бородинъ ему деньги какие объявляль-ли и овъ Алютина какие деньги видѣль-ли того въ томъ допросе не показаво“. Алютина допросили. „И онъ, Алютина, по тому приговору сказаль какъ де шелъ онъ Алютина съ Никито Бородинымъ къ Егору Кроткову на квартеру и овъ Бородинымъ ему Алютину денегъ никакихъ не объявляль и овъ Алютина у него Бородина денегъ никакихъ не видаль же“¹⁾.

Въ своей жалобѣ, поданной въ 29 сентября въ разыскную канцелярію за имя Военной Коллегіи, Кротковъ по этому поводу писалъ, что его протестъ записанъ не былъ, а былъ овъ „высланъ вонъ изъ канцеляріи. И въ томъ часъ, — писалъ Кротковъ далѣе въ своей жалобѣ, — оной плутъ Тарабынинъ въ канцеляріи при судьяхъ бранилъ меня ругательно. И оной-же плутъ Тарабынинъ, забывъ страхъ божій и присягу черезъ указъ Его Имп. Вел. даваль казакамъ въ разыскной канцеляріи съ дѣлъ списки и о томъ сказывалъ май овъ самъ Тарабынинъ, что де то овъ дѣлалъ и списки даваль не собою— приказомъ мазорскимъ; противъ чего онъ ему, мазору, говораль что противно того дѣлать и списковъ давать не надлежить; и онъ маюръ сказаъ, что дать въ списки того ради, что де они люди простые—усмотря могутъ де къ лучшему отпогодѣ учинить, и онъ де по приказу ево имъ казакамъ списки даваль. Да овъ же, плутъ Тарабынинъ, въ разыскной канцеляріи при судьяхъ браня меня ругательно и обличаль, что будто я забираю казаковъ къ себѣ на квартеру, которые показаны па ченя въ человѣтъ и устраивая ихъ, велю въ допросехъ отпиратца. И дабы о томъ по вышепоказанному повелено было изслѣдововать а ежеля онъ, плутъ Тарабынинъ, на вышепоказаное чрезъ свое плутовство какими вымыслы отбываю становть запиратца, я паки ево плутовство повторные изобличать буду явнымъ свидѣтельствомъ; и такому плуту и подозрительному человѣкѣ не толико у такихъ сильныхъ дѣлъ быть и ни у какихъ ненадлежить; и по тому дѣлу, которую онъ дѣлалъ вишесу, чтобы ей за ево споромъ вѣрить было ве повелено а повелено бъ дѣлать другому, того ради, что еще по тому дѣлу не обовсемъ изследовано и овай ви-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 439.

писка и прочие допросы по многому моему прошесію мѣй не показана. И оное мое доношение того сентября 28 числа въ розыскную канцелярію пріято и слушено, а по слушенію присутствовалъ господинъ полковникъ и велѣлъ что бъ принять въ помѣстіе и о томъ слѣдоватъ; а мазоръ Протасовъ воспретилъ, что бъ не принимать: и для чего неизвестно написано кому онъ (Тарабынинъ) отъ дѣль давалъ сописки а то не сила, что они написали. Ежели оной Тарабынинъ отбывая будетъ запиратца и я его изобличу таки ясныи свидѣтельство мое, и оная рѣчъ будетъ въ дѣле плодоявата. И отдали мѣй оное доношение возвратно для переписки и велели переписать а ево канцеляриста тогожъ числа призвавъ сказали, что есть за тебя доношение отъ Егора Кроткова, что ты дачалъ съ дѣль казакамъ сописки и привосиль къ нему Кроткову спорное и розыскное ихъ дѣло и за руками нашими копию синструкции и даваль ему списывать. И оной Тарабынинъ, сказаль ини что я то дѣжалъ чего было прежде времени ему и сказывать не надлежало. И оной канцелярия по прежнему не уволенъ и подъ карауль не взятъ. И по всему видно, что учивена поноровка а на меня отъ него мазора, явное посягательство и по тому я ись канцелярия пошель для переписи оного доношения и капитанъ Коробовъ вышелъ за имено и меня остановилъ и говорилъ что бъ то доношение въ ини подать, и я о томъ ини объявилъ, что по приказу вашему переписавъ подать. И прошу дабы указомъ Его Императорского Величества на вышепоказанное рѣшеніе учинить¹⁾.

При подачѣ этого доношения Кротковъ вышелъ изъ себя и въ присутствіи всѣхъ членовъ розыской канцелярія сталъ ругать канцеляриста Тарабынинъ „всякою неподобною бранью“ и воромъ и просилъ его выгнать вонъ такъ у него имѣется на Тарабынна дѣло касающеся интересовъ Его Импер. Величества.

Канцеляриста попросили выйти изъ канцелярія во въ подавномъ доношениі Кроткова ни какихъ важныхъ дѣль за Тарабыниномъ не оказалось²⁾.

Кротковъ дѣжалъ все возможное для него, чтобы только затянуть розыскъ, растягнуть канцелярскую волокиту безконечно и въ концѣ волковъ запутать въ это дѣло и самаго судей. Эта уловка и пріемы были испытанное средство для бесконечной волокиты въ то далекое время, когда на Руси почти все было продажно и на правый судъ честному или бѣдному человѣку разсчитывать было нельзя. Овъ таѣ же не жалѣть красокъ для того, чтобы по возможности очернить казаковъ, главныхъ свидѣтелей его лихомиства и взятокъ, а также Протасова, Коробова и особенно канцеляриста Тарабынина, видимо, державшаго сторону казаковъ или почему либо иному сдѣлавшаго Кроткову ненавистнымъ.

Но прямолинейная и честная натура Захарова была не подкупна и онъ строго повелъ дѣло по буквѣ закона, не стѣсняясь никакими выходками Кроткова.

Ввиду этихъ донесений въ таѣ же день состоялось постановленіе розыской

¹⁾ Тамъ-же, листы 455—456.

²⁾ Тамъ-же, листъ 456.

казцеляріи снова опросить атамана Никиту Бородина и другихъ по дѣлу Кроткова въ прантии отъ Бородина взятки въ дѣсти рублей.

Въ этомъ постановленіи причиною нового разспроса Бородина выставляется противорѣчіе его первого и второго показаній. Въ первомъ овъ показалъ, что дѣльги передавались безъ свидѣтелей, а во второмъ показалъ свидѣтелей, изъ которыхъ во время допроса показали за него только двое. Но и изъ этихъ свидѣтелей самый главный бывшій атаманъ Иванъ Щербаковъ, по мнѣнію розыскной канцеляріи, оказался незаслуживающимъ довѣрія, такъ какъ „ему вѣрить не надлежать, для того, что онъ явился по розыскнымъ дѣламъ на Якѣ пытаясь и потому дѣламъ явился виновенъ и подозрителенъ. А по военному артикулу ежель кто явится наказанъ телесно такихъ въ свидѣтельство принимать не повелено и оное Щербаково свидѣтельство для того отставить“ ¹⁾.

Далѣе, разбирая показаніе Алютина, Муромцева, Пустоселова и Желѣзного, следственная комиссія сдѣлала заключеніе, что всѣ эти свидѣтели, на которыхъ сказала Бородинъ, „въ сказкахъ своихъ показали не противъ ево Бородина ссылки и потому стало быть знатно по видимому, что онъ Бородинъ тѣ казаковъ зборные дѣльги дѣсти рублей утаилъ у себя и для того изъ Бородинныхъ въ тѣхъ дѣльгахъ и розыскивать; да и для того надлежитъ изъ Бородинныхъ розыскивать, что онъ въ первомъ своемъ разспросе сказалъ тѣ дѣльги будто дали безъ свидѣтелей а пъ другомъ разспросе показалъ свидѣтелей и тѣ свидѣтели сказали не противъ ево Бородина ссылки“ ²⁾.

Задаровъ рѣшилъ также опросить и нѣкоторыхъ другихъ казаковъ, въ показаніяхъ которыхъ явилось разногласіе. Дѣло въ томъ, что до приѣзда Кроткова на Якѣ многие казаки обвинили его въ вымогательства и взяткахъ, но съ приѣздомъ Кроткова стали отказываться отъ этихъ показаній. Было-ли это результатомъ боязни цытокъ или воздѣйствія на нихъ Кроткова — невѣдѣмо, но фактъ тотъ, что такихъ противорѣчивыхъ показаній оказалось нѣсколько. Такія показанія были у казака Федора Силишина въ дачѣ Кроткову 10 ласицъ и лисъяго лапчатаго мѣха и другое.

Предъ лицомъ розыскной канцеляріи явился виновнымъ и прaporщикъ Кротковъ. Его нужно было разспросить: „для чего онъ въ Государственной Военной Коллегіи сказалъ подъ присягою и подъ штрафомъ военнаго суда, что онъ съ лицами казаковъ денегъ не биржалъ, а на Якѣ противъ разспросу бывшаго атамана Никиты Бородина скочалъ: у него же Бородина денегъ дву сотъ рублей не приносилъ а привносилъ же онъ Бородинъ къ нему денегъ можетъ быть что дѣсти рублей и было, и тѣ дѣльги были за воинскове печатию, а точное-ль число счетомъ не знаетъ, и тѣми дѣльгами ево предъставили, и оставя тѣ дѣльги на квартере ево, пошли, и признавъ овъ, Кротковъ, оного Бородина на другой же на третей день послѣ того привносилъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 452—453.

²⁾ Тамъ-же, листъ 453.

старшинами тѣ деньги за войсковою печатью отдалъ. И потому стало быть что онъ Кротковъ такие деньги принять держалъ у себя и о томъ было ему Кроткову надлежало сказать въ допросе въ Военной Коллегіи, что онъ такие деньги принялъ и после отдалъ а не запиратца”¹⁾.

Ввиду вторичного заявления Кроткова на канцеляриста Тарабынина слѣдственная канцелярия рѣшила все слѣдственное дѣло „отдать иному подьячему а канцеляриста противъ того доношения допросить а именно: къ Кроткову инструкцію приносилъ ли и давалъ ли казакамъ списковъ съ дѣль и кого Кротковъ ихъ вязы въ домъ свой призывалъ для наученія и для какова?”²⁾.

Узнавъ объ этомъ постановлѣніи канцеляріи, Тарабынинъ въ тотъ-же день подалъ въ свою очередь доношеніе на Кроткова.

„Изъ Государственной Военной Коллегіи съ указомъ присланъ на Яикъ подъ арестомъ прaporщикъ Егоръ Кроткой,—писаль Тарабынинъ,—и велено по показаннымъ дѣламъ на него отъ Яицкихъ казаковъ чинить розыскъ и надъ нимъ держать егеръ и крикъ-рехть и ежель дойдетъ до розыску то и розыскивать; и оной Кроткой прашедъ на Яикъ въ розыскную канцелярію при повеленіяхъ Военной Коллегіи судиахъ называлъ меня воромъ и бранилъ всякою неподобною бранью и говорилъ будто я переписываю допросы Яицкихъ казаковъ которые по ево Кроткову слѣдствию касаетца; а я присланъ изъ Государственной Военной Коллегіи для слѣдствия и розыску со учиненою выпискою, въ которой выписке касаетца до него Кроткова дѣла и по тѣмъ дѣламъ кого надлежитъ допрашивать и тѣ люди допрашиваны при повеленіяхъ у того дѣла судиахъ, а не одинъ; и по тѣмъ ево Кроткова дѣламъ учивена выписка и по слушанью учивенъ приговоръ. И сентябрь де 28-го числа оной же Егоръ Кроткой прашедъ въ канцелярию и при судиахъ кричаль, что бъ меня отдать подъ карауль и выслать ись канцеляріи воинъ для того, что будто касаетца до меня Его Императорскаго Величества интересъ и есть де у него о интересе доношение. И того жъ часу выславъ я воинъ и онъ Кроткой подавалъ доношение, и то доношение слушено, и въ томъ доношениѣ знатно начего ни малого бо интересу не показалось; и те доношение въ то число у него не принято а ежели бъ явилось какое дѣло о интересе то бъ надлежало приватъ того часу и слѣдоватъ; а я за собою никакого Его Императорскаго Величества интересу не имѣю и воровства моего нигдѣ не явилось, а ежели бъ явилось то и у дѣлъ ни укаекъ такимъ быть не надлежало. И что бъ повелено было мое доношение на Яикъ приватъ въ розыскную канцелярію для вѣдома а о вышесписанномъ ево Кроткова о чёмъ отъ меня показано будетъ просить впередъ гдѣ надлежитъ”³⁾.

На другой день послѣ этого 29 сентября бывшій атаманъ Никита Вороданъ былъ приведенъ въ застѣновъ и въ присутствіи Захарова и остальныхъ судій

¹⁾ Тамъ-же, листъ 454.

²⁾ Тамъ-же, листъ 456.

³⁾ Тамъ-же, листъ 456.

„былъ пытанъ и съ пытками говорилъ что синъ сборныхъ войсковыхъ денегъ двѣстѣ рублей въ бытность за Яицѣ Егора Кроткова отнесъ и отдалъ подлянко ему Кроткову“¹⁾.

Стали допрашивать подъ пытками казака Федора Силищанина. Онъ подтвердилъ свое прежнее показаніе и говорилъ, что въ бытность на Яицѣ Егора Кроткова онъ цѣльственно взялъ у казака Ивана Семенова мѣдь лисій и подланко отнесъ Кроткову а отъ того-же казака Семенова десети лисицій не бралъ и Кроткову не относилъ.

Послѣ этихъ показаній подъ пытками по закону того времени считалось, что показанія Вородина и Силищанина являются правильными и потому Кротковъ по постановленію розыскной канцеляріи былъ, какъ виновный во взяткахъ, отданъ въ тотъ-же день подъ караулъ.

На другой день, 30 сентября, былъ допрошеннъ канцеляристъ Илья Тарабининъ.

„По многой прозѣбѣ ирапорщика Егора Кроткова, говорилъ Тарабининъ, вносилъ я на квартеру къ нему Егору списокъ съ инструкциями безъ судейской руки, которой списокъ²⁾ учтено у меня для дѣлъ, у которыхъ дѣлъ имѣтъ на Яицѣ быть велено; и ему казалъ и оставилъ у него на квартере; и на другой день тотъ списокъ оной Кроткой имѣтъ отдать, а списка ему Егору съ того списка не давывалъ, и онъ съ того списка списывалъ-ли того не знаю. А подланной инструкціи, которая дана изъ Военной Коллегіи, ему Егору не казывалъ и на квартеру къ нему не нашивалъ, повеже та инструкція подланная содержатца у определенныкъ судей; а казакомъ Яицкимъ и никому съ дѣлъ списковъ никакихъ не давывалъ. А что оной Кроткой написалъ въ доношевіи будто я говорилъ ему Кроткову, что онъ Кроткой забираетъ къ себѣ на квартеру казаковъ, которые показаны на него въ человѣтѣ и устраивая ихъ-велеть въ допросахъ отпиратца, и я такихъ словъ ему Кроткову не говорилъ а говорилъ ему я въ канцеляріи, что онъ Кроткой казаковъ которые въ дѣлѣ показаны на него призываетъ прежде допросовъ въ канцеляріи къ себѣ на квартеру для того, что по призываю его Кроткова былъ у него на квартере и засталъ у него въ яицкаго казака Емельана Силкина которой написалъ въ человѣтѣ Яицкихъ казаковъ, что онъ Егоръ взадъ съ него денегъ сень рублей и въ тѣхъ деньгахъ онъ Силкинъ зачеркъ послѣ того какъ онъ у него былъ на квартере, а ему Егору прежде канцелярскаго допросу того казака и призначать было не надлежало; а другихъ казаковъ которые этому призначены онъ Егоръ къ себѣ призываю-ли того не знаю³⁾.“

Для улички канцеляриста въ тотъ же день вызвали Кроткова, но онъ въ уличку управствомъ ничего не сказали а говорилъ что онъ его уличить и говорить не можетъ потому, что онъ Кротковъ, бить, а кто его былъ ничего не сказалъ и болѣ никакого не показалъ“⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Списокъ, т. е. коніа съ подланной бумаги.

³⁾ Тамъ ж., листы 456—457.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 457.

Ввиду этого заявления по приговору розыскной канцелярии 2 октября приказано было взять сказку у караульного офицера в томъ, что не было ли кто прaporщика Кроткова, а бывшему при командѣ Захарова лекарю вѣну Иадраху Шиллеру приказано было его осмотрѣть.

На это постановление караульный офицеръ капитанъ Брунштетъ, вызванный въ канцелярию, въ своей сказкѣ показалъ, что Егоръ Кротковъ содержится подъ карауломъ съ 29 сентября и что когда его потребовала канцелярия для розыска, то Брунштетъ приказалъ его проводить въ канцелярию и обратно караульнымъ солдатамъ, „которые за нихъ были на фатеру, гдѣ онъ содержится подъ карауломъ, и по прежнему подъ карауломъ отвели и никто ево Кроткова не бывалъ и жалобъ отъ него Кроткова о бою никакого не слыхалъ“¹⁾.

Когда же полковой лекарь въ сопровождении капитана Усольца пришелъ въ квартиру къ Кроткову, чтобы „осмотрѣть прaporщика, что какая на немъ болѣзнь“, то Кротковъ никакой ему болѣзни не показалъ, а сказъ линъ, что онъ битъ.

Лекарь сталъ говорить, ему чтобы онъ показалъ, гдѣ онъ битъ. Но Кротковъ ему ничего не показалъ и показать отказался²⁾.

На другой день караульному унтеру-офицеру Вологодского полка Федору Некрасову велѣно было снова привести въ канцелярию Кроткова для допроса, почему онъ въ Военной Коллегіи показалъ, что денегъ съ казаковъ не бывалъ, тогда какъ казаки его во многомъ уличили.

Но посланный возвратился въ канцелярию безъ Кроткаго. Онъ не пошелъ, а сказалъ Некрасову, что идти не можетъ. Снова послали полкового лекаря Шиллера осмотрѣть Кроткова. Лекарь осмотрѣлъ и подалъ въ канцелярию письмо, въ которомъ записалъ:

— „Октября 3 два посланья я былъ изъ розыскной канцелярии къ прaporщику Егору Кроткову осмотрѣть на немъ болѣзнь, и я къ нему привѣль и сталъ ему, Кроткову, говорить: покажи свою болѣзнь! И онъ Кротковъ отвѣтствовалъ: Я тебѣ ее покажу, я битъ. И въ то число былъ у него под-прапорщикъ Кудрявцевъ. Такожъ и при часовомъ (спрашивавъ), что ты покажи гдѣ у тебя бито? и онъ Кротковъ ничего не показалъ“³⁾.

Чего хотѣлъ добаться Кротковъ заявлениемъ, что онъ былъ избитъ, когда въ дѣятельности этого не было—трудно сказать. Желалъ ли онъ запутать въ только судей, но и членовъ команды Захарова, чтобы осложнить дѣло или какая лабо другія побуждения руководили Кротковымъ, во онъ послѣ подачи 28 сентября жалобы въ Военную Коллегію упрямъ не желалъ болѣе отвѣтчать и на однѣй вопросъ и не выходилъ на судъ и слѣдствіе.

Захаровъ не смущался этимъ обстоятельствомъ. Онъ строго придерживался буквы закона. На основаніи полуценного имъ 3 апреля 1724 года указа не

¹⁾ Тамъ-же, листъ 458.

²⁾ Тамъ-же, листъ 457.

³⁾ Тамъ-же, листъ 458.

Военной Коллегии (отъ 23 декабря 1723 г.), гдѣ подтверждалось ему строго придерживаться инструкціи Захаровъ, согласно пункта 3, 4 и 5 этой инструкціи¹⁾, 16 октября виѣтѣ съ товарищами сдѣлать приговоръ: „Надъ оныхъ приславшими прaporщикомъ Егоромъ Кроткимъ держать крикѣ-рехтъ²⁾ съ бретающими на нихъ при команде при рогахъ офицерами, для того, что по присланному Его Императорскаго Величества указу и по приговору государственной Военнаой Коллегии, велено по приславшимъ съ Яику договоренію и изъ дѣлъ экстрактамъ, по которымъ показано на прaporщика Кроткова во взяткахъ съ нихъ Яицкихъ казаковъ разыскивать и съ очныхъ ставокъ оные Яицкие казаки уличали а прaporщикъ Кроткой во всемъ занимались; а понеже надъ военными чинами во всякихъ преступленіяхъ повелено держать фергеры и крикѣ рехты и по тѣмъ крикѣ рехтамъ ежели кто дойдетъ до разыску то и разыскивать и пытать, а оной Кротковъ, говорилось далѣе въ приговорѣ, въ тѣхъ вышепоказанныхъ взяткахъ въ Военной Коллегии запарался такъ-же и нынѣ на Яику запирается... И по тѣмъ показаннымъ статьямъ за него Кроткова отъ казаковъ во взяткахъ такъ-же и въ его Кроткова ослушаніи, что онъ по посылкѣ въ канцелярію не пошелъ и скажь на себѣ болезнь, что будто быть и ити не можетъ и тѣхъ битыхъ иѣсть посланному лекарю осмотрѣть не даль—держать крикѣ-рехтъ“³⁾.

Далѣе изъ этого дѣла видно, что приговоръ былъ посланъ прѣордерѣ въ капитану Усвальту съ экстрактомъ слѣдственаго нада Кротковымъ дѣла и съ копіей присланного 23 декабря 1723 г. указа изъ Военной Коллегии. Ему же виѣтѣ съ дѣломъ послали въ копію жалобы Кроткова поданной изъ 28 сентября на имя Военнаой Коллегіи.

Капитану приказывалось держать надъ Кротковымъ крикѣ-рехтъ по военному артикулу и уставу; для этого ему предлагалось быть „презусомъ за маэора, ассесорами за капитаномъ—поручикомъ Нормацкому да Огору (?), за порутчиковъ—прaporщикомъ Скрибниу да Швеzu, за прaporщиковъ—унтеръ-офицерамъ Милеру да Пушешникову“.

„А какъ оной крикѣ-рехтъ содержанъ и оконченъ у нихъ будетъ, говорилось въ ордерѣ, чтобы подать въ разыскную канцелярію“.

Но не долго продолжалася назначеній Захаровамъ судъ надъ Кротковымъ.

При первомъ-же требованіи, явившись въ судъ Кротковъ заявилъ презусу суда капитану Усвальту, что онъ имѣть подозрѣніе на Захарова и всю разыскную канцелярію и въ судъ онъ не пойдетъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ подалъ доношеніе въ Военную Коллегію, гдѣ говорилось, что какъ на полковника Захарова, такъ и на остальныхъ чиновъ разыскной канцеляріи онъ имѣть подо-

1) См. 720 страницу настоящаго очерка.

2) Военный судъ.

3) Тамъ-же, листъ 468.

зрѣніе и просилъ,—чтобъ поэому его дѣло было передано въ другой судъ; судьми же онъ просилъ назначить казанскаго гарнизона полуполковника Анищенкова и самарскаго маиора Кушакова¹⁾.

Захаровъ рѣшилъ судъ надъ Кротковымъ прекратить и донести объ этомъ въ Военную Коллегию.

Одновременно съ этимъ велся вторичный разыскъ надъ фискаломъ Путяловымъ. Онъ оказался менѣе изворотливъ чѣмъ Кротковъ и отъ пытки уклониться не сумѣлъ. Приведенный въ застѣнокъ онъ во всѣхъ „показанныхъ“ на него отъ Яицкихъ казаковъ взяткахъ а именно въ деньгахъ семидесяти рублей также и въ вышеписанныхъ статьяхъ²⁾ о которыхъ онъ запирался такъ-же и харчъ и пять браль и въ томъ во всемъ по приводу его въ застѣнокъ винился³⁾.

У фискала были арестованы всѣ „его животы и дворы“ въ Симбирскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Козмыльѣ девять дворовъ съ полутретью дворомъ и сверхъ того гдѣ яватся“.

29 ноября, окончивъ слѣдствіе, Захаровъ донесъ объ этомъ въ Военную Коллегию и приложилъ въ дѣла экстрактъ. Излагая въ донесеніи всѣ показанія и уликъ казаковъ противъ Кроткова и Путялова, онъ просилъ указанія, какъ поступить ему въ дальнѣйшемъ съ прaporщикомъ Кротковымъ⁴⁾.

Въ ноябрѣ-же была окончена и перепись войска. Всѣ черновыя казачье по-казанія были переписаны въ особую книгу, гдѣ казаки были распределены по сотнямъ и десанткамъ. Въ концѣ книги прописью сдѣланъ итогъ:

„Всего по сей книжѣ атаманъ и казаковъ въ службу годныхъ три тысячи сто девяносто пять, отставныхъ девяноста девятнадцать, казачихъ дѣтей и братьевъ, плѣнниковъ и шурьевъ за малыми лѣты въ службу не годныхъ дѣль тысячи триста пятьдесятъ семь, пришлыхъ, которые живутъ своимъ дворами въ казаковъ батраковъ и работниковъ триста двадцать четыре; у нихъ дѣтей двадцать шесть, пасынковъ одинъ, внука два, всего вышеписанныхъ шесть тысячъ сто двадцать четыре человѣка да сверхъ вышеписанного числа послѣ поданнаго отъ атамана списка бѣглыхъ сто двѣнадцать; умершихъ пятьдесятъ четыре⁵⁾.“

Всѣ годные къ службѣ казаки были раздѣлены на 32 сотни. При ченъ татары и калмыки образовали двѣ отдѣльныхъ сотни. Каждая сотня была разбита на 10 десантковъ, во главѣ каждого десантка стояла десантка, десант-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 1, часть 5, книга 196, дѣло 734, листъ 436.

²⁾ По всѣмъ статьямъ обвиненія во взяткѣ.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 121, часть 2, книга 23, дѣло 27, листъ 15. Экстрактъ изъ слѣдствій надъ фискаломъ Путяловымъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 734, листы 136—137. Донесеніе и экстрактъ были получены въ Петербургѣ только 1 февраля 1725 г.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 27, листъ 318. Эта цифра казаковъ не складится съ данными, показанными В. П. Бородинымъ, который, не имѣя подлинныхъ документовъ, вероятно, былъ незначительно вовлеченъ въ заблужденіе благодаря ошибкѣ цицової, переписывавшей Хорошкому списокъ казаковъ.

никъ первого десятка одновременно быть и сотникомъ. Всѣ старшины и войсковыя есаулы изъ рядовъ не выдѣлялись и входили въ составъ какойнибудь сотни.

Въ составъ годныхъ къ службѣ казаковъ вошли всѣ казаки въ возрастѣ отъ 16—17 лѣтъ, способные носить оружіе. Предѣльного возраста для службы не было, служили до глубокой старости, пока не изнѣвали силы, если болѣзнь или какое либо увѣче не заставляли казака бросить строй ряда.

Любопытно, что раздѣление казаковъ по сотнямъ было произведено неравнѣнно¹⁾. Такъ въ вѣкоторыхъ сотняхъ было всего 73 человѣка (8 сотни), въ другихъ же болѣе ста (151 человѣкъ въ 26 сотнѣ). Причины этому найти весьма трудно. Интересно то, что въ 26 сотнѣ записана исключительно почти одна молодежь и въ ней же почему то поставлено вѣскоюко человѣкъ отставшихъ казаковъ. Не была ли это сотня для подготовки и обученія молодежи воинскому дѣлу отдаванная подъ наблюденіе болѣе опытныхъ, отставныхъ казаковъ?

Но это предположеніе остается только догадкой.

Изъ всѣхъ показаний казаковъ Захаровъ составилъ краткій эстрактъ, въ которомъ распределѣлъ казаковъ по ихъ бывшему общественному положенію (изъ крестьянъ, стрѣльцовъ и др.) и по національности, который и представилъ въ Военную Коллегію [26]²⁾.

Какъ ни суха перепись Захарова, но внимательно присматриваясь къ ней, можно уловить вѣкоторыя любопытныя подробности.

Видно, что бѣжавшіе крестьяне уходили изъ тѣхъ волостей и городовъ, где казаками чаше всего приходилось бывать. Этими мѣстами служили тѣ города, которые лежали на старомъ пути, ведшемъ съ Яика въ Москву, Алатырь, Санарап, Арагамасъ, Нижній-Новгородъ съ иль уездами — вотъ главные поставщики казачества на вольный Яикъ. Къ нимъ-же нужно причислить и г. Казань, гдѣ бывали казаки чаше, чѣмъ даже въ Москвѣ. Пробѣжая мимо этихъ городовъ съ зимовыми и легкими станицами, а также и въ походы, направляясь предварительно къ Москвѣ, гдѣ походные станицы получали походное жалованье и дальѣйшее назначеніе, яицкіе казаки своимъ вольнымъ видомъ, такъ и своими рассказами о своемъ удаломъ житьѣ безъ боярской опеки, безъ прѣказныхъ людей, безъ помѣщиконъ, конечно, возбуждали интересъ, и здѣшній уніженный крестьянинъ невольно мысlenіе переносился въ благодатные казачьи края. Целнаа свобода такихъ-же, какъ и онъ, бывшихъ когда то крѣвостаній, которыхъ правительство не только не прослѣдуетъ, но даже жалуетъ, будить въ немъ завѣтную и затасканную мечту быть такимъ-же вольнымъ, какъ и они — эта не признающіе ни барь, ни помѣщиковъ люди казаки. Отчего бы и ему не быть казакомъ? Отчего-же-бы и ему не быть вольнымъ человѣкомъ? Идутъ разспросы: можно ли пробраться на Яикъ, найдеть ли его тамъ помѣщиковъ, выдѣдуть ли его казаки? Ось узнаетъ, что пробраться туда можно, что ка-

¹⁾ См. приложение VІ, ст. 46 приложенийъ.

²⁾ Тамъ же, приложения III, IV, V, VI.

заки никого изъ бѣглыхъ не выдаютъ, что каждому пришельцу войско радо, ибо на Яикѣ малолюдно. И послѣ первого же разговора, послѣ первой же встречи съ казакомъ у болѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ судьба рѣшалась—они бѣжали, уходили въ обѣтованные вольные края, шли казаковать. Крупными штрафами выдѣляются изъ черепиціи цѣлыя семьи ушедшіхъ изъ волю людей. Бѣжать вначалѣ дѣль или отецъ или старшій братъ, а затѣмъ черезъ годъ или два бѣжать вся семья. Многіе бѣжали глубокими стариками,—должно быть, горько приходилось въ родной сторонѣ.

Но не всѣ бѣжившіе на Яикѣ становились казаками. За пришедшими долго наблюдалъ, слѣдили за ними, прежде чѣмъ рѣшались преверстать въ казаки. Приверстываніе прибывшихъ на Яикѣ случалось не всегда въ первый же годъ ихъ побѣга, нѣкоторымъ это удавалось сдѣлать черезъ годъ, другимъ чѣрезъ два, а нѣкоторые же жили на Яикѣ до девяти лѣтъ, прежде чѣмъ попадали въ казачество; другіе же оставались навсегда только бѣглецами, а въ казачество не приверстывались. Красворѣчійныи давнини для этого, кромѣ показанія казаковъ, служатъ показанія изогороднихъ. Многіе изъ нихъ бѣжали на Яикѣ (безъ паспортовъ) далеко до прїѣзда туда Захарова, но бѣжали, очевидно, съ цѣлью попасть въ казаки, по переписи застаетъ ихъ, какъ работниковъ у казаковъ, безъ какой-бы то ни было надежды быть когданибудь казакомъ.

Оригинально въ показаніяхъ и то, что возрастъ малолѣтнихъ дѣтей казаки въ своихъ показаніяхъ показываютъ или годами или недѣлями, но не мѣсяцами, напримѣръ: полтора года, полгода, сорокъ недѣль, пятьдесятъ недѣль, даѣтъ падать недѣль и т. п.

Бѣжалъ народъ на Яикѣ неравно, бѣжалъ въ особенно тяжелые годы государства, которые аккуратно приходились черезъ каждые десять лѣтъ, въ годы, оканчивающіеся цифрою 3—1623, 1643 и т. д. до 1703 года и особенно въ царствованіе Петра¹).

На это вліяли различныи причины, сошадавши съ этими годами. Исравленіе церковныхъ книгъ, войны съ Польшею и Швеціею (1661—1666), бутъ Стеньки Разина, изложеніе Никона и соловецкое возмущеніе (1673—1678), двоевластіе и правлѣніе Софіи, восстаніе стрѣльцовъ (1679—1684) и бунты стрѣльцовъ, рекрутскіе наборы, булавинскій бутъ въ эпоху Петра—это причины, давшія толчокъ цѣлой волвѣ переселенцевъ на далекій Яикѣ.

Правда, списки Захарова не представляютъ собою полнотѣю всѣхъ пребывавшихъ на Яикѣ. Они захватили только бѣглецовъ уже позднаго времени; старинные же Яикціе казаки, пришедши съ атаманомъ Гугаю и Матюшемъ Мещераюкомъ, а такъ-же и участники Смоленского похода (въ 1633 г.)—всѣ они эти казаки—рыцаря не оставили по себѣ потомства. Они жили, какъ запорожцы, вольной общиной, куда жевщими не допускались²). Они казаковали,

¹) См. приложение IV, страницу 24 приложений.

²) Первый разъ упоминаніе о семейныхъ казакахъ имѣется лишь за 1630 годъ.

гибли въ схваткахъ и порѣдѣлые ряды ихъ пополнялись снова такими же энергичными искастелями приволья, какъ и они, — пополнялись постояннымъ наливомъ изъ Руси. И этотъ наливъ такъ-же нечезалъ и погибалъ на Яикѣ, не оставивъ потомства, чтобы дать мѣсто другой, третьей волнѣ такихъ же удальцовъ. Потомковъ этихъ старинныхъ лицъ казаковъ во время Захарова было всего на всѣго 74 человѣка (до бѣжавшихъ на Яикъ съ 1699 г., когда казаки уже помнить мѣста родины своихъ дѣдовъ и отцовъ). Семейная жизнь развалилась на Яикѣ въ широкомъ размѣрѣ лишь съ болѣе позднаго времени, приблизительно со второй половины XVI вѣка.

Имена казаковъ этой лихой вольницы, не оставившей потомковъ, дошли до насъ лишь въ единственномъ списѣ составленномъ Богданомъ Змѣевымъ въ 1633 году, и ярко рисующемъ намъ тотъ элементъ, изъ какого складывалось тогда казачество. Это были выходцы со всѣхъ концовъ Руси, со всѣхъ границъ и рубежей, слетѣвшіе, какъ орлы, на вольный Яикъ и основавшіе тамъ свое орлиное гнѣздо.

Казачество на Яикѣ пополнялось не однами бѣглыми. Въ его ряды вступали и всѣ плѣнники, разгѣ они изъявляли желаніе креститься. Плѣнныи не былъ рабомъ. Въ вольномъ казачьемъ братствѣ деспотизмъ и насилие были непереносимы, никто тамъ не былъ ни рабомъ, ни господиномъ. Прибыть за Яикѣ, плѣнныи исполнить всевозможныи работы, которыи даваль ему хозяинъ или войско, — но это было не рабство. Это было скорѣе товарищество. Достаточно было такому плѣннику изъявить согласіе быть православнымъ и онъ являлся полноправныи членомъ казачьей семьи — становился казакомъ.

И такими плѣнниками — казаками шестнадцать списки Захарова. Тутъ есть казаки изъ поляковъ (51), мордвы (7 ч.), шведы (4), нѣцы (2), турки (2), волоки (итальянцы) — (8), черемисы (1), чухонцы (1) — всѣ они крещены и зачислены въ казаки¹⁾.

Въ числѣ казаковъ нынѣются и малороссійскіе казаки (черкасы) 17 человѣкъ и донцы (54 человѣка).

Фамиліи всѣхъ казаковъ происходили изъ прозвищъ этихъ казаковъ. Въ прозвищахъ вылезался весь юморъ тогдашнаго казачества.

Прозвища: Голой, Азбучка, Безконной, Водрой, Большая Ворода, Большая Шапка, Бѣшесый, Гулебицъ, Жидкой, Захаровъ — зять, Коровья Шапка, Краденый, Малая Земля, Овсяной черезъ, Уиной матери, Щучьей икры, Волгина Ваукъ и много другихъ²⁾ — все это мѣткія слова по адресу казаковъ, чѣмъ либо выдѣлывавшихъ изъ общей среды. Казакъ „Уиной матери“, вѣроятно, очень часто говорилъ о своей матери, какъ объ женщинѣ очень умной, и этого было достаточно, чтобы его окрестили этими прозвищемъ. Какой нынѣ будь смѣшной случай съ другимъ казакомъ, прошедшій гдѣ набудь во времена лихого

¹⁾ См. приложение 26, списокъ Захарова.

²⁾ Смотри приложение III, страницу 24.

набѣга на Волгѣ даль поводъ назвать его „Волгинимъ внукомъ“. Иностран-
ныи же фамиліи искажались немилосерднѣй образомъ. Такъ имена и фамилія
итальянскаго выходца Марка Бруна дало его потомкамъ фамилію Марка-
броновыхъ. Фамилія выѣзжаго вѣнца Гамильтона дала впослѣдствіи, постепен-
но видоизмѣняясь, фамилію Хамутовыхъ.

Въ общемъ вся перепись Захарова представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ
интересныхъ и драгоцѣнныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ, дающій намъ
яркую картину того, изъ какого элемента составлялось тогда яицкое казачество.

Лишь только благодаря этой переписи, возможно разобраться въ этомъ
интересномъ для насъ вопросѣ.

ГЛАВА XXX.

Станица Ивана Щелкина. Розыскъ Захарова по доносу Кроткова о киргизскихъ плѣнникахъ и хивинскомъ караванѣ. Выдача войску жалованья, пороха и свинца по новому окладу. Станица Василия Арапова. Отправление тысячи казаковъ въ низовый корпусъ. Ссылька 25 старшинъ въ Тобольскъ. Судъ надъ Воейковымъ и Кротковымъ. Результаты пребыванія Захарова на Яикѣ и памятники прошедшаго времени, сохранившіеся въ войску. (1724—1725 г.).

Наступила новая зима, но дѣла на Яикѣ не измѣнились. Захаровъ хотѣлъ окончить перепись, но все еще оставался въ городѣ, дожидалась указа о выѣздѣ. Наступилъ декабрь — время отправки зимовой станцы съ царскими кусоками. Въ войску къ этому времени находилось не мало дѣлъ, рѣшать которыхъ могла только оцда Военная Коллегія. Нужно было получить жалованье на войско, порохъ и свинецъ, и получить его не по старому казанскому окладу на 600 человѣкъ, а согласно произведенной переписи, на полное число казаковъ — на 3195 человѣкъ. Кроють того, войско рѣшило хлопотать о пожалованіи пушекъ, сгорѣвшихъ во время пожара, тѣмъ больше, что послѣ смотра пушекъ Захаровыми по его заключенію войску наличныхъ пушекъ не хватало.

Предстояло и другое серьезное дѣло. Въ началѣ декабря войско получило грамоту о нарядѣ тысячи казаковъ къ крѣпости св. Креста на Терекѣ. Грамота была написана 30 октября, но получена на Яикѣ 8 декабря. Въ грамотѣ, написанной по обычаю за има войскового атамана и всего войска, между прочимъ говорилось „Велено въ Гиляевъ нарядить именъ нерегулярныхъ войскъ конныхъ и оружейныхъ казаковъ тысячу человѣкъ и чтобы сны были заряжены и къ походу во всякой готовности, а въ мартѣ иѣсацѣ предбudoщаго 725 года или въ ранѣе, ежели въ поляхъ трава будетъ, идти сюмъ къ крѣпости Святого Креста, а именно черезъ Астрахань, и пришедъ именъ всѣмъ къ помянутой крѣпости явиться къ генералъ-лейтенанту Матюшкину, а въ небытность его къ генералъ-маиору Кропотову. А для того походу выдать имъ яздкемъ казакамъ нашего Императорскаго Величества жалованья по три рубля человѣку и дать имъ тѣ деньги по указу изъ штатъ-конторы откуда заспособище та контора разсудить, о чемъ въ тою контору и къ генералъ-лейтенанту Матюшкину и къ генералъ-маиору Кропотову указы изъ Сената посланы“.

Далѣе въ грамотѣ говорилось, что за подъемными жалованьемъ по три

рубля на казака войску надлежитъ послать съ Яика въ Казань „нарочныхъ казаковъ по разсмотрѣнію полковника Захарова съ товарищи, и вашего воинского атамана и казакомъ, которымъ возможно вѣрить съ принадлежащимъ конвоемъ на своихъ подводахъ“¹⁾).

Но вѣдь съ этой грамотой на Яикѣ была получена копія съ постановлѣнія сената о нарядѣ другихъ нерегулярныхъ войскъ въ туже крѣпость²⁾. Въ немъ говорилось, что дозоры, наряженныи туда-же, надлежать выдать подъянаго жалованія по пяти рублей³⁾.

Это показалось явно казакамъ несправедливымъ,—они несли службу однаковую съ донцами, слѣдовательно и должны были бы получать и однаковое жалованье.

Черезъ два дня по полученіи грамоты о нарядѣ казаковъ, войско уже выбрали походного атамана, есауловъ, старшинъ и казаковъ въ десятаго же числа снарядило зимовую станицу съ атаманомъ *Иваномъ Щелкимъ*, всего десять человѣкъ, вручило имъ свои членитыя и отправило въ Москву⁴⁾.

Но прежде, чѣмъ уѣхала зимовая станица въ Москву, сидѣвшій до сихъ поръ подъ караулоль и не проявлявшій никакой дѣятельности прaporщикъ Кротковъ напомнилъ о своемъ существованіи.

Перваго декабря онъ подалъ Захарову ловось на этотъ разъ на войско. По-водою для этого послужили киргизские плѣнники, которыхъ некоторые казаки держали несъвѣнныи, и захватъ въ началѣ октября казаками-охотниками на рѣчкѣ Эмбѣ хивинскаго каравана.

Дѣло заключалось въ томъ, что въ концѣ сентября нѣсколько человѣкъ казаковъ во главѣ съ *Василиемъ Араповымъ* отпросились у атамана на рѣку Эмбу за звѣровыи промысломъ. Въ числѣ охотниковъ („гульбщиковъ“) были казаки *Даша Булатовъ*, *Дмитрій Желѣзный*, *Герасимъ Логиновъ*, *Сидоръ Фофановъ* и другіе. Весь они отправились съ Яика 24 сентября и остановились въ первиахъ рѣкѣ Эмбы. Въ то время, когда они занимались охотою, изъ калмыцкой орды подвигался торговый караванъ хивинца *Саты Бэлдуя*. При немъ находился кальычевинецъ *Мамбетъ Тарбедеевъ*, наездный ишъ за 7 рублей въ работники и купленный въ калмыцкой ордѣ киргизскій плѣнникъ *Енесей Шубасаровъ*. Весь караванъ состоялъ изъ однаждыдцати верблудовъ и двухъ лошадей. Въ числѣ товаровъ находились запрещенные къ вывозѣ и свободной продажѣ четырнадцать пудовъ рыбьяго kleя и четыре ружья.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, свѣдка 16, листъ 80. Грамота за № 4822.

²⁾ Одновременно съ 1000 чес. яицкихъ казаковъ въ Низовыи корпусъ Сенатомъ приказано было нарядить всѣхъ нерегулярныхъ войскъ донскихъ казаковъ 3 тыс., съ зими калмыкъ, какъ у нихъ бывшъ Чиркасскаго 500 чес., лицемъ казаковъ 1 тыс., бунчуковыхъ (валороссийскихъ) и съ иными добрыми казаковъ 2 тыс., и того двадцать тысячъ (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, св. 16, листы 64 и 65).

³⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба опись 47, кн. 16/12, листы 3 и 4. Постановление Сената 12 августа 1724 года № 4297.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 61; членитыя войска о нарядѣ казаковъ въ крѣпость скатаго Креста отъ 10 декабря 1724 года.

Когда караванъ подошелъ къ вершинамъ Эйбы, казаки-охотники начали на него и взяли въ пленъ.

Хивинецъ Болдуй, зная, что ему не миновать тяжелой доли, если казаки привезутъ его въ Русь, т. к. съ Хивою послѣ похода Бековича еще не было заключено мира, предлагалъ казакамъ уплатить въ калмыцкую ордѣ деньги, лишь бы они отпустили его на волю.

Но атаманъ Араповъ, возвратившись въ войско, предъявилъ собравшемуся кругу какъ хивинца, такъ и остальныхъ взятыхъ имъ пленниковъ, товары и верблюдовъ. При этомъ казаки Жельзинъ и Логиновъ заявили войску, что хивинецъ предлагалъ имъ за откупъ пятьсотъ рублей. Меркульевъ доложилъ объ этомъ Захарову.

Послѣдній приказалъ ихъ опросить. Собранъ былъ снова кругъ и пленники показали:

„Одинъ человѣкъ сказался именемъ Саты Баздай, а родился онъ въ Хивѣ и отецъ его связь въ малыхъ лѣтахъ въ калмыцкую орду; другой сказалъ, что онъ навался у онаго Саты Базды въ работники, а онъ де астраханскій татаринъ; а третей сказалъ что онъ каракалпачанинъ и купилъ его въ калмыцкую ордѣ онаго хивинца Салты Базда“¹⁾.

Результаты этого допроса Меркульевъ доложилъ въ розыскную канцелярію, где отъ маюра Протасова получилъ приказъ „того хивинца держать за карауломъ въ крѣпи, до прѣдалу на Яикъ казака Даши, который съ яцкими казаками поймалъ того хивинца и съ нимъ дву человѣкъ, а какъ онаго Даши прїдеть, того хивинца послать въ государственную Военную Коллегию“²⁾.

Атаманъ распорядился пленниковъ посадить подъ караулъ и заковать ихъ въ цѣни. Верблюдовъ-же, лошадей, товары и ружья отдать подъ россійску казаку Герасиму Логинову и вскорѣ прибывшему потомъ на Яикъ Даши Булатову.

Это обстоятельство въ связи съ находженiemъ у казаковъ вѣсколько пленныхъ киргизъ и дало поводъ Кроткову подать доносъ.

„Слушаю я, говорилъ Кротковъ въ свою доносы, что присланы указы изъ Государственной Военной Коллегіи на Яикъ также и изъ Казани отъ генерала Волконского чтобы весьма быть опаснымъ—смотреть и предостерегать отъ башкирцевъ съ каракалпаки и съ яцкими казаками общества (сообщества) и согласия къ воровству въ измѣнѣ, и я увѣдомлясь чрезъ некоторыхъ, что на Яикѣ татаринъ казакъ Камалыбай и другое держать у себя воровъ каракалпаковъ свободно, и ходить иездѣть они поволи какъ и яцкіе казаки, что признаю что они шпионы; и всегда каракалпаки немалымъ собраниемъ приходятъ подъ города и разоряютъ уѣзы и побиваются русскихъ людей и

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., очисъ 47, кн. 263, лѣво 24. Экстрактъ Захарова лежитъ кѣль киргизской пленницы и съ хивинскимъ караваномъ. Листы въ дѣлѣ не нумерованы.

²⁾ Тамъ-же, показаніе Меркульева.

въ подонъ беруть и запродаютъ въ Хиву и въ прочие мѣста, что явно изобличается къ воровству и къ согласию, противъ вышеписанного, отъ чего Боже сохрани. И чтобы повѣлено каракалпаковъ и хозяина ево Катлыбая взять и распросить съ пристрастиемъ, и у кого еще у казаковъ есть въ такой же свободности каракалпаки и тѣхъ по тому же забрать, а ежели вѣдьма стащутъ запиратца то ихъ изобличу и покажу я къ доказательству¹⁾).

Это былъ первый пунктъ доноса. Вторымъ пунктомъ являлось обвиненіе Арапова и другихъ въ утайкѣ Хавинскаго шлюна.

„Яицкие казаки, говорилось въ этомъ пункте, Петръ синъ Железнова съ товарищиѣ здили на рѣку Енѣбу, для поимки зверей, и взяли на дороге хивинца да принемъ служителей ево двухъ человѣкъ на десяти или больши нерблюдахъ съ рыбными клѣмъ и съ ружьемъ, и привезли за Якъ къ атаману Григорию Меркульеву, и тѣ люди въ розыскную канцелярию не взяты и не распрашиваны, а тотъ хивинецъ какъ ево везде просилъ чтобъ ево не возили въ Яакъ и не казали, а сказали бѣ друзьямъ ево за Яакъ то имъ дадуть за то пятьсотъ рублей, а ежели отвезете въ орду въ калинкамъ то ладуть тысячу рублей. И по тому я признаю что есть у яицкѣхъ казаковъ, у русскихъ въ у татаръ, которые въ ордѣ торгъ имѣютъ, такъ же и со оними хивинцомъ и съ прочими хивинцы торги и дружба; да и явно показуетца воровство потому, которой взять съ хивинцомъ клей а ему хивинцу клею и ружья взять негдѣ кроме что чрезъ яицкѣхъ казаковъ прямо или какими переводами. И чтобъ повелено было очного хивинца и служителей ево взять въ розыскную канцелярию немедленно и содержать подъ карауломъ, и очного казака Железнова и товарищѣ ево, противъ вышепоказанного, распросить порознь имѣяно о всемъ въ застенке, изъ чего можетъ показатца неизлное воровство; а взятой клей и ружья, что съ тѣмъ хивинцомъ взято, взять подъ караулъ и освидѣтельствовать какой тотъ клей севрюжей-ли или осетрой; а какъ хивинцы такъ и каракалпаки согласно Императорскому Величеству непрятати. И въ вышепоказанномъ, которые хота мало приличатца, что бѣ ихъ и меня при томъ ево довошениѣ повелено было бѣ, съ кемъ надлежитъ, послать бѣ задержанія въ Государственную Военную Коллегію. А что противъ посланыхъ указовъ чего велено смотрѣть и предостерегать накрепко и оное несмотрѣніе и неосторожность о вышепоказанномъ въ какой слабости учинено въ кто розыскной канцеляриѣ изъ судей опоказанныхъ словахъ Железнова быть сведомъ и въ какой силе оставалъ, также и о томъ я покажу обстоятельно въ Военную Коллегію. А кого еще надлежитъ для посылки со мною въ Военную Коллегію для яснова изобличенія и свидѣтельства подамъ вмѣнанъ ихъ за рукою расписъ²⁾.

Кротковъ затѣмъ новое дѣло, стараясь запутать и очернить я Захарова

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга 268, дѣло 24.

²⁾ Тамъ-же. Всѣ дальниѣшія сѣднія объ слѣдствіяхъ Захарова по этому доносу взяты изъ дѣла Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга 268, дѣло 24. Листы въ дѣлѣ не пронумерованы.

и всю следственную комиссию. Ему хотелось возможно скорее вырваться с Янка, уйти от строгого допроса и смыка Захарова. Тамъ на Руси у него были приваты и онъ всегда могъ бы найти тамъ болѣе покладистыхъ людей, чѣмъ Захарова.

Слѣдственный комиссіи предстояло основное заняться розыскомъ. Кротковъ подалъ списокъ казаковъ, которыхъ онъ обвинялъ въ сношенияхъ съ ханыцами и каракалпаками, и требовалъ немедленного ихъ арестованія и очепатанія имущества.

Казаковъ и киргизъ арестовали, описали ихъ имущество и въ розыскной казцеларіи стали производить слѣдствіе.

Первымъ былъ допрошенъ казакъ татаринъ Котлыбай. Онъ заявилъ, что купалъ киргиза Тогузбая у яицкихъ казаковъ въ кругу за десять рублей для домашнихъ работъ и держитъ его у себя не скованаго потому, что онъ вѣрить ему, что онъ ее уйдетъ. Даѣще въ показаніи Котлыбай, боясь отвѣтственности за то, что онъ хотѣлъ его отпустить обратно въ орду, сталъ говорить, что Тогузбая онъ назадъ „въ каракалпаки отпускать не хотѣлъ“ и что онъ въ Хиву ни въ Бухару онъ для торговли неѣздила.

Стала спрашивать Тогузбая. „Половину меня казакъ Иванъ Щелкунъ, говорилъ пѣнникъ, и продалъ яицкому казаку татарину Котлыбай, и оной Котлыбай далъ за меня одиннадцать рублей и я ему Котлыбай зать, и купилъ онъ Котлыбай съ первыхъ дней ковалъ меня въ железа и после усмотрѣ мою работу ковать не сталъ, и жилья я не сковывалъ; и оной Котлыбай хотѣлъ отпустить меня весною въ каракалпаки и хотѣлъ дать мнѣ лошадь. Да со мною взялъ еще въ половинѣ братъ мой родной и живетъ на Якѣ у казака Ивана Щелкунова; и я того брата своего видѣлъ скованы; да я же видѣлъ у яицкаго казака Ивана Лобика свойственника своего каракалпаччина Утегеня, которой взялъ въ половинѣ со мною же, не скованаго; и къ тому Утегеню я также же и тотъ Утегенъ ко мнѣ хаживали, и про то яицкой казакъ татаринъ Котлыбай вѣдалъ; а для разорения подъ русские города я не хаживалъ“.

Къ допросу позвали Ивана Лобика, но онъ былъ въ отѣзгѣ въ г. Самарѣ. Тогда для допроса позвали его племянника Кузьму Андреева. Онъ подтвердилъ, что у Лобика действительно есть каракалпаччинъ Утегенъ, которого онъ купилъ изъ войскового круга за одиннадцать рублей. Что пѣнникъ ходить не скованы и что онъ слышалъ, что Утегенъ приходится Лобику свойственникомъ.

Захаровъ этимъ показаніемъ придалъ большое значеніе. Его поразило то обстоятельство, что киргизские пѣнники расхаживали на свободѣ въ не были скованы, что являлось предъ его глазами преступлениемъ, т. е. киргизы считались вѣчными врагами и, какъ мы знаемъ, при поимкѣ ссылались въ каторжныя работы.

Преступление было на лицо. Киргизские пѣнники ходили на свободѣ. Захаровъ командировалъ въ Самару для ареста Лобика и другого казака татарина Кезакея Кечкинцева, вымогавшаго въ сношенияхъ съ ханыцами, унтеръ-офицера, а имущество Лобика и Кезакея были описаны. Слѣдствіе продолжалось дальше.

Стали разспрашивать бывшихъ у Ивана Щелкина каракалпаковъ Вахту-
бай и Хузакъ. Одному было патнадцать, а другому шестнадцать лѣтъ. Оба
они заявляли, что взялъ ихъ въ пленъ Щелкинъ и что оба они хотѣть не скованы
и что Щелкинъ отпустить ихъ назадъ въ орду не обѣщалъ.

Виду же заявления Тогузбая, что Котлубай хотѣль отпустить его веню
на волю и даже дать коня, между ними была сдѣлана очная ставка.

Тогузбай подтвердилъ свое показаніе и рассказалъ, какъ тому назадъ лѣтъ
съ двадцать Котлубай попасть въ пленъ къ киргизамъ и что онъ со своими
товарищами, человѣкъ шестьдесятъ, сложившись выкупили его за сто барабанъ
и отпустили на волю. И что теперь, когда азиаты казаки привезли Тогузбая
на Яикъ, то Котлубай въ благодарность за прежнее добро выкупилъ его
казаковъ и хотѣль въ свою очередь отпустить на волю, какъ сдѣлалъ съ
нимъ когда-то Тогузбай.

Послѣ этого показанія Котлубай сознался, что дѣйствительно, когда ему
было патнадцать лѣтъ, онъ былъ взятъ въ пленъ киргизами, гдѣ пробылъ четыре
года и что онъ дѣйствительно хотѣль отпустить Тогузбая на волю.

Ввиду сознанія Котлубая у него такъ-же, какъ и у Лобика, были описаны
всѣ поимѣнно, а онъ самъ былъ сосаженъ подъ караулъ.

Черезъ нѣсколько дней привезенный съ Самары казакъ Лобикъ былъ до-
прошенъ и подтвердилъ показаніе своего племянника Кузьмы Андреева. Его
посадили тоже подъ караулъ.

За нихъ было еще другое дѣло по доносу Кроткова о поимѣ хивинскаго шиона.

Первымъ по дѣлу о хивинскомъ караванѣ былъ допрошенъ Дмитрій Желѣзновъ (онъ-же ЖелѣзныЙ). Онъ рассказалъ все, что намъ уже известно,
добавивъ лишь, что хивинецъ Сата-балда по дорогѣ на Яикъ говорилъ ему:

„Если вы не привезете меня на Яикъ и не покажете казакамъ, то я дамъ
вамъ пятьсотъ рублей, а для этого отпустите калинчевнѣ Менбетя въ орду.
Если-же его нельзя отпустить, то я хоть въ землѣ а деньги вамъ найду“.

На вопросъ-же Желѣзнова, гдѣ онъ найти деньги въ землѣ, — хивинецъ
отвѣтилъ, что если его не будутъ въ городѣ Яикъ показывать и онь „хотя
ночью хода на Яикъ по оконшкамъ таскія деньги сбереть и ему такія деньги дадутъ“.

Вызванный съ Сата-балдой калинчевнѣ Менбетъ подтвердилъ Желѣзнову, что
Сата-балдай дѣйствительно хивинецъ и живеть своимъ дворомъ и у него есть
въ Хивѣ жена и братъ. Желѣзновъ заявилъ, что весь этотъ разговоръ онъ
рассказалъ въ кругу атаману Меркульеву.

Разспрошенный за нихъ Меркульевъ подтвердилъ все, уже памъ известное по
этому дѣлу, и рассказалъ что обѣ этомъ онъ своевременно доложилъ полков-
нику Захарову.

Атаманъ представлялъ въ комиссію и опись имущества, взятаго у хивинца.
Виду же того, что Кротковъ говорилъ, что клей былъ проданъ лицеми ки-

зачами, Захаровъ сталъ разспрашивать о клей. Но Меркульевъ, Даша Булатовъ и Герасимъ Логановъ сказали, что у нихъ на Яикѣ клей такого образца не делаютъ, „а делаютъ такой образецъ въ калмыцкой ордѣ, а у нихъ на Яикѣ делаетца клей скобчетой, что называется карлуштетой“.

Въ разыскную канцелярию позвали Саты-балду. Хивинцу не хотѣлось со-
знаться, что онъ хивинецъ. Онъ зналъ, что онъ попадеть въ тюрьму, хивинецъ въ Русь послѣ похода Бекевича не пускали. Это были враги. Онъ сталъ говорить неправду. „Родиною я города Тобольска, и съ отцомъ своимъ изъ того города пришелъ въ Казань, и изъ Казани сѣхъ въ Астрахань тому лѣть съ тридцать; и вынѣ, тому осмой годъ, изъ Астрахана пришелъ я въ калмыцкую орду къ хану и изъ той орды вѣжалъ въ Хиву прежде сего три раза для торговъ своихъ, и живалъ по мѣсяцу; и выне изъ той орды поѣхалъ было въ Хивужъ для торгу съ товарами а имяно повезъ клей и повезъ верблюды, и на дороге поймали меня яицкие казаки. Да со мною же былъ пойманъ киргизецъ хана калмыцкаго человѣкъ, и тотъ киргизецъ ушелъ и где вынѣ не знаю; и прежде сего вѣжалъ я въ Хиву а товаръ вождалъ верблюды, и лошади, и кофты красную. А которые четыре ружья взяты вынѣ со мною и тѣ ружья не мои, а онаго киргисца; а прежде сего привозилъ я за Яикѣ для торговли тому лѣть зъ двенадцать, и живѣ три дни поѣхалъ въ орду; а какъ вынѣ взяли меня Яицкие казаки и просили пять сотъ рублей и я давалъ винѣ двѣстѣ рублей; а что бѣ меня отвезли въ орду, то дамъ тысячу рублей такихъ словъ тѣмъ казакамъ не говоривалъ; а которые со мною взятые люди и тѣ люди одинъ калмыкъ изъ орды, и того калмыка взялъ я для походу въ Хиву а ридѣлъ ему денегъ сѣмь рублей; а другой купленной мясо каракалпачениѣ; а купилъ я того каракалпачения въ калмыцкой ордѣ. А что вынѣ у хивинцевъ и бухарцевъ съ Его Императорскаго Величества содержитца война я вѣдалъ; а на Яикѣ вынѣ у меня знакомцовъ русскихъ и татаръ никого вѣтъ“.

Спросили Мембетя. Онъ подтвердила показания Саты-балды и сказалъ, что онъ уже вѣдилъ одинъ разъ съ Саты балдою въ Хиву и везли туда товаръ воекъ и „краску лазру“ и что у Саты-балды есть въ Хивѣ дворъ, жена и братъ. Что четыре ружья, которыхъ они везли для продажи въ Хиву, были куплены въ Гурьевѣ-городкѣ, и что Саты-балда говорилъ яицкимъ казакамъ, чтобы взятое съ ними ружье за Яикѣ никому не объяснять и за то судить казакамъ денегъ двѣстѣ, а хотябы и триста рублей, и эти деньги хотѣль взять въ калмыцкой ордѣ. Слышалъ онъ также отъ своего хозяина, что на Яикѣ у него есть знакомые казаки—татаринъ Кевекей да Иванъ Чухоръ¹⁾, у которыхъ овѣ будеть просить денегъ на выкупъ, и что Иванъ Чухоръ человѣкъ богатый.

¹⁾ Иваномъ Чухоръ назывался у калмыковъ известный пакъ казакъ Иванъ Сидоровъ Лобинъ. Чухоръ—это его прозвище до крещенія. (Такъ-же, какъ показаній Лобинъ).

Спрошенный караванчанинъ Есеней сказалъ, что въ прошломъ году половили его калмыки и продали хивинцу Саты-балдѣ, и они поѣхали въ Хиву, но по дорогѣ ихъ поймали яцкіе казаки.

Послѣ этихъ показаний Саты балду поставили съ калмыкомъ и съ работникомъ на очную ставку. Но несмотря на улики, хивинецъ отказывался отъ своего происхожденія и говорилъ, что онъ татаринъ изъ Тобольска.

Тогда его повезли въ застѣнокъ и стали пытать.

Послѣ первой же пытки онъ признался и „съ пытки говорилъ: отецъ ево и онъ Саты балдуй родиною хивинцы и родился онъ Саты-балдуй въ Хиве, и братъ матери ево живеть вныѣ въ Хивѣжъ, а жены у него въ Хивѣ нѣть, а что овъ въ распросѣ своемъ сказалъ что будто онъ и отецъ ево изъ Тобольска и то онъ говорилъ напрасно; и живучи онъ изъ Хивы южалъ для торговъ своихъ въ Москву, и въ Казань, и въ Астрахань съ товараини такъ же и на Яикъ притѣжникали; а знакомцы ему за Яикѣ лицкіе казаки татаринъ Кезекей Кечкенеевъ да татаринъ Мельчай да Иванъ Чухоръ потому оной татаринъ Кезекей бывъ въ калмыцкой орде сказывалъ ему что онъ иныѣ имѣть торгъ съ хивинцами и иныхъ послалъ въ Хиву сеинь сотъ порешаний¹⁾ съ казанскими татаринами съ Ишкою, а тѣ порешаны куплены на макарьевской ярмарке, а больши того иныхъ словъ отъ него Кезекея онъ не слыхалъ; да ему же Саты-балде какъ онъ былъ въ калмыцкой орде сказывалъ Даржина улусу татаринъ Антууль Мерьгенетъ сывъ, что яцкіе казакъ Иванъ Чухоръ даль брату ево татарину Мавле на зерблюде вышъ товару а такои туть товаръ не слыхалъ; а Мельгей татарина знаетъ онъ Салты балдуй во тому лѣть съ тридцать отецъ ево Саты-балдуевъ бывъ въ Астрахане даваль товаръ брату ево Мельчею Бекчуре а иныхъ казаковъ на Яикѣ никого не знаетъ; а какъ ево Саты-балдуя иниѣ поймавъ везли на Яикѣ яцкіе казаки и онъ Саты-балдуй говорилъ тѣмъ казакамъ что бѣ послать работника ево которой де съ иниѣ взять Маабетъ въ калмыцкую орду для взятия у мурзъ денегъ за окупъ ево Саты-балдуя, а ежели въ орду не пустатъ и онъ на откупъ денегъ будетъ просить на Яикѣ у лицкіхъ казаковъ у оного казака Кезекея да у Ивана Чухора и какъ онъ Саты-балдуй привезеъ на Яикѣ и держали ево въ станишной избѣ и въ тое ставившую избу онъ Кезекейка проходилъ судитца съ казаками въ драке и онъ Саты-балдуй ево Кезекея видѣлъ и хотѣлъ просить у него денегъ себѣ на откупъ только не просилъ для того, что людей въ то число было много; да еще оной же Кезекей присыпалъ къ нему Саты-Балде въ станишную избу єсть. А которое ружье съ иниѣ взяли казаки и привезли на Яикѣ и то ружье купилъ онъ Салты-балдуй въ рыбномъ Гурьеве городкѣ и хотѣлъ то ружье продать въ Хивѣ; а какъ онъ Саты-балдуй прежде сего южалъ въ Хиву для торговъ своихъ съ товараини и въ тѣ поѣздки ружье и пороху и свинцу въ Хиву и въ Бухары не

¹⁾ Порѣшина — пытка.

важивалъ и про другихъ ни про кого про то не знаетъ; такъ же въ письмахъ какъ въ Хеву и въ Бухары такъ изъ Хевы и изъ Бухары никому не важивалъ и православной христианской вѣры людей и въ Хеву и въ Бухары и ни въ которые басурманские города не важивалъ и не продавывалъ; а клей которой взали съ ними Яцкие казаки купилъ онъ у калмыкъ а не у Яцкихъ казаковъ".

Позвали татарина казака Мелчеля Чубаркина. Онъ подтвердилъ показанія Саты-балды, что послѣдній дѣйствительно лѣтъ съ двадцать тому назадъ былъ въ Астрахани и что онъ хивинецъ и заявлялъ, что онъ не разъ выѣзжалъ въ станицу избу съ вѣдома атамана привносилъ Сату-балду есть "не по одно время".

Ввиду того, что предъ этимъ показаніемъ Саты-балды Захаровъ опечаталъ имущество Мелчеля, теперь послѣ показанія хивинца онъ отказалъ этого приказа и велѣлъ вернуть Мелчелю всѣ его пожитки подъ расписку.

Казака-же татарина Кезекея Кичкенѣева за отѣзданіе его съ Яска въ Самару не допрашивали; было однѣмъ лишь его имущество. Допросъ его начался лишь по привесѣ его выѣздѣ съ Лобикомъ изъ Самары.

Онъ сказалъ, что видѣлъ хивинца Саты-балду въ калмыцкой ордѣ и до этого случая его не зналъ, и съ нимъ никакими торгами не торговничался и ни какихъ словъ, что онъ послалъ въ Хиву сѣмь сотъ порѣшанъ съ татариномъ Ишкою, не говорилъ". Порѣшанъ же онъ купилъ въ макарьевской ярмаркѣ и продалъ ихъ въ калмыцкой ордѣ калмыкамъ порознь — кому сто, кому двѣстѣ штука и никакихъ товаровъ не въ Хиву и въ Бухару не отправлялъ.

Спросенный по этому дѣлу казакъ Иванъ Лобикъ, котораго Саты-балда называла Иваномъ Чухаромъ, тоже отказался отъ знакомства съ хивинцемъ и сказалъ что видѣлъ его въ первый разъ въ калмыцкой ордѣ и не съ нимъ и ни съ другими хивинцами и бухарцами не торговалъ.

"А какъ я въ выѣзжаніе голу лѣтомъ єздалъ для торгу въ калмыцкую орду, говорилъ Лобикъ, и былъ у Мурзы Лекбеза и онаго хивинца Саты-балду и видѣлъ, а разговоровъ никакихъ и ни о чёмъ съ нимъ Саты-балду не разговаривалъ и товаровъ никакихъ ему не продавывалъ, а только, бывъ въ той калмыцкой ордѣ, продалъ я татарину Менле выѣзжему товару съ юфтью и съ суконами; а про другихъ яцкихъ казаковъ кто съ хивинцами торгууетъ никого не знаю".

Послѣ этого показанія Саты-балдѣ и татарину Кезекею сдѣлали очную ставку, но оба они повторили свои прежнія показанія: — хивинецъ утверждалъ, что Кезекей отравлялъ порѣшанъ въ Хиву, а Кезекей говорилъ, что онъ не продалъ въ калмыцкой ордѣ.

Саты-балду повели въ застѣновку и стали пытать вторично, но оно и подъ пяткой повторилъ тоже самое и говорилъ, что Кезекей имѣетъ торговлю съ Хивой.

Привезли въ застѣновку и Кезекея и стали его допрашивать подъ пытками. Но онъ не измѣнилъ показанія.

По закону того времени въ этихъ случаяхъ нужно было допрашивать снова съ пристрастіемъ и лишь только показанія, данные послѣ третьей пытки, считались окончательными и допросы кончались.

„И по тѣмъ пыточнымъ рѣчамъ, говорится въ экстрактѣ Захарова, оные хивинецъ Саты-балдуй да Яицкой казакъ татаринъ Кезекей Кечкеньевъ проведены въ застѣнокъ, и оной хивинецъ пытавъ въ третіе, а съ той пытки говорилъ, что Кезекей Кечкеньевъ сказывалъ ему Саты-балде въ калмыцкой ордѣ, что онъ Кезекей семь сотъ порешинъ казанскому татарину Ишке отдалъ, и тотъ татаринъ Ишка почхалъ съ хивинскимъ караваномъ съ купцами въ Хиву, а про посыпку порешинъ что послалъ въ Хиву съ татариномъ Ишкою такожъ словъ ему Саты-балде онъ Кезекей не сказывалъ“.

Правду ли говорилъ хивинецъ или, не зная русскихъ законовъ, онъ рѣшилъ за лучшее сказать то, что отъ него требовали, чѣмъ ожидать новой и можетъ болѣе мучительной пытки—трудно рѣшить. Но во всякомъ случаѣ ему выгоднѣѣ было сказать, что Кезекей никакой торговли съ хивинцами не имѣлъ. Но все же онъ упрямо твердилъ, что Кезекей далъ порѣшины для продажи въ Хиву.

Подъ вторичною пыткою Кезекей отказался снова отъ возводимой на него вины.

„Сказывалъ я ему, говорилъ Кезекей, только такие рѣчи, что я семьсотъ порѣшины отдалъ казанскому татарину Ишкѣ для продажи купцамъ въ ордѣ и тѣ порѣшины у того татарина Ишкѣ я, пришедъ съ купцами, взявъ и продалъ въ калмыцкой ордѣ, при свидѣтеляхъ при Яицкихъ казакахъ при Садорѣ Савастьевѣ да при татаринѣ Ишакѣ Болтачинѣ. Да я же сказывалъ ему хивинцу Саты-балде ежели бы тѣ порѣшины въ ордѣ я не продалъ то хотѣлъ тѣ порѣшины съ купцами послать въ Хиву, и такие рѣчи сказывалъ для того, чтобы тѣ порѣшины купили у него въ ордѣ купцы скорѣе; а подлизо тѣхъ порѣшины въ Хиву посыпать я не хотѣлъ; а что я съ пытки говорилъ, что я порѣшичъ казанскому татарину Ишке недававалъ, а вынѣ сказалъ что такие порешинъ отдавалъ и то я говорилъ убоялся страха“.

Послѣ этихъ показаний допросили свидѣтелей казака Савастьевова и татарина Болтачина. Оба они „подъ смертной казнью сказали“, что лѣтомъ были въ калмыцкой ордѣ для разыска своихъ пропавшихъ лошадей и видѣли, что Кезекей продавалъ калмыкамъ порѣшины, а сколько и кому продалъ неизвѣстно и говорилъ имъ, что взялъ за нихъ восемьсотъ рублей.“

Такимъ образомъ казачьими показаніями Кезекей былъ объявленъ и показанія хивинца потерявшаго силу.

Два мѣсяца тянулось слѣдствіе по донесу Кроткова и всѣ причастные къ этому дѣлу лица находились подъ карауломъ, не зная своей участіи. Лишь только въ первыхъ числахъ февраля 1725 года по этому дѣлу состоялся приговоръ. Въ приговорѣ, излагая кратко все дѣло, разыскная казцеларія приговорила

татарина Котлубая за то, что онъ хотѣлъ отпустить Тогузбая на волю: „за ту ево вину, что овъ сперва въ распросѣ въ томъ запирался и держаль Тогузбая не скованнаго, а съ очной ставки повинился—учинить ему наказаніе: бить батоги виѣсто кнута нещадно, а того каракалпачения Тогузбая отдать ему съ роспискою и велѣть ево держать у себя во всякой осторожности скованнаго и пожатки ево Котлубаевы, которые у него отписаны отдать ему съ роспискою”.

Та же участь постигла и казака Ивана Сидорова Лобника. Его также приговорили къ нещадному битью батогами за то, что держаль каракалпаченія Утегея не скованнаго. Возвратили и ему также имущество и отдали каракалпаченія Утегея.

Казака татарина Кесекея изъ подъ караула освободили на поруки подъ росписку и возвратили имущество.

Хивинца Саты-балду Захаровъ отдалъ Василію Арапову съ товарищи „для того что по данному отъ нихъ доношенню требовали, чтобы того хивинца отдать имъ для отвода въ Москву”.

Бывшій при хивинцѣ калмыка Макбета залѣнно было отдать войскому атаману для отсылки въ калмыцкую орду, а киргиза Есенея казакамъ, „которые ихъ взяли отвезли на Яикъ: Герасиму Логинову съ товарищи съ роспискою”. После этого приговора казакамъ Лобнику и Котлубаю было учинено должное наказанье—биты нещадно батогами.

На этомъ разыгравъ кончился.

Пока шло это слѣдствіе, 22 января Захаровъ послалъ въ Казань за жалованьемъ для нараженныхъ въ Низовый корпусъ въ крѣпость Св. Креста 1000 казаковъ легкую станицу съ атаманомъ Алексѣемъ Калмыковымъ, всего 10 человѣкъ¹⁾.

Пріо выдать жалованье за походное войско, Захаровъ просилъ выслать ему на его команду провіантъ, не полученный ишь еще съ 1 сентября.

Ставчанники прибыли въ Казань 1 февраля и 2, получивъ три тысячи рублей, уѣхали обратно на Яикъ²⁾.

Перваго-же февраля прибыли въ Москву станичники Ивана Щелкана. Но пока станичники были въ пути, въ это время въ Петербургѣ совершилось крупное событие: Великій Петръ, „отецъ отечества”, 28 января умеръ, оставилъ виѣсто себя на русскомъ престолѣ супругу Екатерину I. Сдавъ въ Москвѣ царскій кусть, Щелканъ съ нѣсколькими товарищами поѣхалъ въ Петербургъ, тань 17 февраля онъ подалъ доношениe, въ которомъ налагалъ по пунктамъ обстоятельства порядка тысяча человѣкъ въ походъ въ Низовый корпусъ, между прочими, писалъ: „А въ томъ Его Императорскаго Величества указе написано: залѣнно донскихъ казаканъ жалованья выдать на человѣка по пяти рубльевъ, а

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 10/1а, листъ 97. Доношение отъ Казанскаго губернатора.

²⁾ Такъ-же.

намъ ящикиъ казакомъ по три рубли за человѣка. А нынѣ мы отъ пожарного разоренія и отъ набѣговъ непріятельскихъ, отъ каракалпаковъ и киргизъ казаковъ имѣмъ многое разореніе, а путь намъ до крепости Святого Креста, противъ донскихъ казаковъ, вдвое и больше и оныи жалованіемъ за дальностью въ пути не проплататца. Того ради покорно просимъ дабы повелено было за показаніою вашей вуждою для подъему въ пута къ крепости Святого Креста жалованіе выдать противъ донскихъ казаковъ нынѣ противъ нихъ имѣмъ и дальній маршъ”¹⁾.

По этому челобитью въ Военную Коллегію 5 марта было решено удовлетворить ходатайство войска и Щелкуну было приказано послать изъ своей станицы двухъ казаковъ въ Казань для получения тамъ добавочнаго подъемнаго жалованья по два рубля на человѣка. Щелкунъ отправилъ туда Ивана Устимова и Емельяна Иванова. Пославшись отъ Петербурга до Казани дали подводы на двѣ лошади, а казанскому губернатору приказано было отъ Казани до Янка для охраны полученныхъ тамъ денегъ „сколько по разсмотрѣнію тамошнихъ проѣздовъ надлежитъ, командировать изъ казанскаго гарнизона конвой”, а для отвоза денегъ и конвоя, на Янкъ „на подводы деньги заплатить, а буде подводъ не дадутъ, лошадей купать и изъ казаками изъ тѣхъ же праныхъ денегъ и по прибытии на Янкъ тѣхъ лошадей отдать въ войско”²⁾.

Объ этомъ распоряженіи Коллегія послала указъ въ Казань и грамоту въ войско³⁾.

17 марта Щелкунъ снова подалъ челобитную:

„Въ Государственную Военную Коллегію доношеніе, — доносить яицкой земловой станицы атаманъ Иванъ Щелкунъ а о чёмъ мое доношение тому следуютъ пункты: 1) въ прошлыхъ 723-мъ и въ 724-мъ годехъ, по указамъ изъ Военной Коллегіи, отправлено отъ насъ съ Янку на Черешанские єорпосты казаковъ пять сотъ человѣкъ съ лошадьми, которые и понынѣ обрѣтаются при тѣхъ фарпостахъ, 2) а въ нынешнемъ 725-мъ году по указамъ же изъ Сената и изъ Военной Коллегіи опредѣлено отъ насъ съ Янку отправить въ Низовой корпуусъ казаковъ тысячу человѣкъ съ лошадьми, которые ныне и отправлены, 3) а затѣмъ у насъ на Янке казаковъ осталось полторы тысячи съ небольшимъ, а въ летнее время прихаживали къ намъ и незапро западали каракалпаки и киргизъ казаки многолюдствомъ и брали у насъ людей въ полонъ и лошадей отгонали, и въ нынѣшнее лето, за прошлогодней нашъ станишной надѣль зимы поискъ, и они каракалпаки и киргизъ казаки соединяся грозятъ намъ чинить отищіе, а намъ малолюдствомъ противъ непріятельскихъ набѣговъ єорпостовъ и отпору содержать будеть и безъ трудности, 4) того ради

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 16/18, листъ 72.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, протоколы Коллегіи ѵѣло книги 2, листъ 26.

³⁾ Тамъ-же, опись 47, книга 15/18, листъ 87. Грамота войску за № 31, 5 марта 1725 г.

всепокорно прошу дабы повелено было для такихъ нуждъ съ Черемшанскою варностовою казаковъ отпустить на Яикъ по прежнему, чтобы намъ отъ врагательскихъ людей въ ковачномъ разореніи не быть — и по сому моему доношенню учинить милостивое решение¹⁾.

Въ этой членитной Щелкинъ говорилъ, что казаки 1000 человѣкъ уже выступили, но въ действительности они въ это время еще были на Яикѣ. Щелкинъ могъ только предполагать, что они уже выступили. Интересенъ въ этой членитной является и то, что въ углу «вѣмецкому вліянію ость замѣнѣ русское слово „отъѣзжій карауль“ или „пратину“ нѣмецкимъ словомъ „форпостъ“.

Результата этого члениты Щелкину дождаться не удалось.

По поданной же членитной о выдачѣ годового жалованья войску по числу 3195 человѣкъ въ сенатъ 20 марта состоялся приказъ:

„Требуютъ они яицкіе казаки, — говорилось въ указѣ, — окладного жалованья по прасланному отъ полковника Захарова извѣстію на наличное число противъ донскихъ казаковъ по преворціи отпускать за годъ окладного жалованья 3835 рублей, да хлѣба по 1547 четвертей, вана простого по 100 ведеръ и чтобы о присылки въ Военную Коллегію толкало числа денегъ указъ учинать. Правительствующій сенатъ приказали: вышеизначенныи яицкимъ казакамъ окладного жалованья прѣѣзжимъ зимовыми и легкими станицами кормовыи въ засухна отпускать изъ штатъ-конторы по 1500 руб.; а за прѣезды ихъ съ послугами давать кормовыи деньги и за питья, скерхъ вышеизначенного окладного жалованья, по прежнему противъ прѣѣзжихъ же съ Дону легкихъ станицъ²⁾.“

Станицы отъ войска на годъ было определено: одна зимовая въ 20 человѣкъ и три легкия по 10 человѣкъ въ каждой. На содержавіе („на прѣездъ и отпускъ и на кориѣ“) положено было на Яицкое войско особое годовое жалованье въ годъ 2638 руб. 30 коп. Всего вмѣстѣ „съ окладными“ жалованьемъ въ 1500 рублей — 4188 р. 30 к. Жалованье на станицы распределить слѣдующимъ образомъ:

„Зимовой станице изъ 20 человѣкъ жалованья и на прогоды 1191 р. лехой одной въ 10 человѣкахъ 370 р., а тремъ 1110 р. Всего 2301 р. За гдѣ положенное на станицы годовой суммы востатке 387 р. 30 к., которые употребить на дачу чрезвычайно праезжимъ отъ того войска сверхъ станицъ старшизмъ и казакамъ за жалованье за ковши сабля и прочные расходы³⁾.“

Такимъ образомъ всему Яицкому войску сенатъ опредѣлилъ давать окладного жалованья всего 1500 руб., т. е. чѣмъ два раза менѣе, чѣмъ на тоже количество донцовъ, но обѣ отнускѣ хлѣба и вана не проронилъ ни одного слова.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 426. Это членитъ подписано во внизу, какъ было это до сихъ поръ, въ звани, ини и фамилия Щелкина подписаны отдѣльными словами въ концѣ каждого пункта черезъ все члениты.

²⁾ Полное Собр. Закон., томъ VII, № 4686.

³⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, синика 46, листъ 5.

Черезъ два дня, 22 марта, въ сенатѣ состоялся другой указъ по челобитью яицкихъ казаковъ. Сенатъ проказалъ: „для показанныхъ на Яике отъ неприятельскихъ людей опасностей по мнѣнію Военной Коллегіи отпустить съ присланною отъ нихъ зимовою станицею изъ московской артиллериі чугунныхъ пушекъ вмѣсто негодныхъ такихъ же колибровъ 13, а изъ мѣдныхъ годныхъ 1 большую пушку 4-хъ фунтовою съ $\frac{1}{4}$, да негодныхъ 5 пушекъ взять въ Москву” ¹).

Тогда-же состоялся указъ сената объ отпускѣ ежегодно яицкимъ казакамъ 51 пуда пороха и 33 пуда синада ²).

Въ этотъ же день прибыла въ Петербургъ съ Яика новая станица съ атаманомъ *Василиемъ Араповымъ*.

Рѣшивъ послать плѣнного хивинца въ Петербургъ, войско въ серединѣ февраля выбрало для этого легкую станцу. Но для станицы нашлось не одно это дѣло. Въ войскѣ наступила хлѣбная голодовка. Въ бывшій пожаръ горѣли всѣ запасы, казаки въ теченіи года едва могли поправиться и кое какъ отстроиться и хотя и закупали въ это лѣто снова хлѣба, но по разсчету его должно было хватить только исключительно на казачье населеніе. Каждый казакъ запасъ его лично для себя и для своей семьи. Но этотъ разсчетъ казаковъ не оправдался. До этого Захаровъ, получавшій исправно провіантъ на всю свою команду, состоявшую къ этому времени изъ трехъ ротъ ³), съ наступившою осенью, несмотря на три донесенія казанскому губернатору, проівантъ не получиль и съ 1 сентября сталъ братъ его у войска.

Для этого онъ руководствовался полученнымъ имъ указомъ изъ Военной Коллегіи, по которому провіантъ этотъ долженъ доставлять за Яикъ казанскій губернаторъ. „А ежели тотъ провіантъ, говорилось между прочими въ указѣ, за тотъ конвой вскорѣ отправленъ не будетъ и отъ того учинятца оному конвою какая нужда и то взыщетца на казанскомъ губернаторе судомъ; а ежели провіанта вскорѣ привезено за Яикъ не будетъ а конвою причищатца въ провіанте нужда и въ такомъ случаѣ братъ у казаковъ хлѣбъ сколько у нихъ сыщетца, однакожъ и ини оставливать на пропитаніе по разсмотренію, и всемерно старатца, чтобы не допустить до крайней нужды, ссыкава всякой способъ къ пропитанію, а какъ иси Казани привезутъ привезенъ будетъ тогда взятой у казаковъ провіантъ ии заплатить” ⁴).

Но несмотря на этотъ указъ, посланный кромѣ Захарова и казанскому губернатору, все же послѣ 1 сентября отъ послѣднаго на Яикъ не было получено провіанта изъ одного фуата.

Захаровъ былъ вынужденъ братъ провіантъ у казаковъ.

¹) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, свидка 8, листъ 4, на оборотѣ.

²) Поли. Собр. Зак. 1725 г. № 4686. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, св. 8, дѣло 17, листъ 352.

³) Когда прибыла третья рота изъ Яика, свѣдѣній не имѣется. Къ этому времени у Захарова были Вологодского драгунскаго полка одна рота и казанскаго гарнизона одна драгунская и одна пѣхотная роты. (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, свидка 28, дѣло 27, листъ 37).

⁴) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, свидка 28, дѣло 27, листъ 28. Донесеніе Захарова въ Военную Коллегію 1724 г. ноября 29.

Уже къ концу ноября имъ было взято у войска ржаной муки „трехъ тридцать шесть четвертей съ осьминой и полчетверти четверика и шесть гарнцевъ“.

Доносъ объ этомъ въ Военную Коллегию, Захаровъ просилъ распоряженія о немедленной высылкѣ провіанта „дабы за непріисылою ись Казани за Яикъ провіанта обрѣтающемуся на Яикѣ конвою гладу не претерпѣть“.

Но, видимо, провіантъ не былъ высланъ даже и въ наступившемъ новомъ году и войско въ февралѣ иѣсѧцѣ вынуждено было само хлопотать объ этомъ.

Казаки снарядили легкую станицу съ атаманомъ Василіемъ Араповымъ и есауломъ Петромъ Кочуровымъ, всего пять человѣкъ, и отправили ихъ 14 февраля вѣтѣсъ съ взятымъ хивинцемъ, экстрактомъ Захарова объ этомъ дѣлѣ и со своею челобитной о возвратѣ провіанта, въ Москву¹⁾.

„Прошедшаго сентября въ 14 день, говорило войско въ своей челобитной, написанной все еще по неизѣнѣю седьмѣнѣя за имя умершаго императора Петра, ходили наши яицкіе казаки въ походъ къ жилищу неприятельскихъ людей каракалпаковъ и киргизъ казаковъ — атаманомъ Василіемъ Арапомъ, есауломъ Петромъ Кочуровъ съ товарищи, которые дошли до реки Ельбы и изеха же на караванъ хивинской и били за иѣво боемъ и взяли въ языка хивинскаго человѣка зовутъ ево Сату Баады“²⁾.

Изъ этого отрывка изъ челобитной видно, что войско называетъ поѣздку Арапова для охоты на звѣрей походомъ и что взяли хивинскій караванъ боемъ. Между тѣмъ это было простою случайностью на охотѣ и, вѣроятно, караванъ съ хивинцемъ сдался безъ всякаго боя. Желало ли войско предать этому захвату болѣе серьезное значеніе или другие мотивы заставили казаковъ изложить вѣсколько иначе случившееся происшествіе, сказать трудно. Но чебітъ было написано умышленно несогласно съ дѣйствительностью.

Станица, прибывъ въ Петербургъ 22 марта, отдала въ Военную Коллегію и хивинца и экстрактъ Захарова въ челобитье войска. На другой день показанному порядку Араповъ подалъ доношеніе объ отаодѣ ему и его станицѣ квартиры „на санктъ Петербургскомъ острову и объ отводѣ квартиръ въ полиціймайстерскую контору послать изъ Военной Коллегіи промеморію“³⁾.

Представляемый въ Коллегію, хивинецъ просилъ, чтобы его представили къ императорицѣ Екатеринѣ „для объясненія вѣкоторыхъ дѣлъ къ пользѣ государства“⁴⁾, объ чѣмъ онъ довесеть Ея Величеству поданію и затѣмъ онъ въ Военной Коллегіи объяснять не можетъ“, какъ говорится въ постановлении Военной Коллегіи⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, книга 263, дѣло 24. Челобитная войска и тамъ же консультъ Захарова съ экстрактомъ изъ сѣдѣствія объ этомъ дѣлѣ, помѣченое 11 февраля 1725 г. Остальные станичники были: Степанъ Давидовъ, Дмитрій Петровъ и Иакинъ Васильевъ (вѣроятно это только одинъ иакинъ и отчество).

²⁾ Такъ-же. Челобитная войска 14 февраля 1725 г. Подъ челобитной подпись: „При сихъ атаманъ Григорій Меркульевъ и все яицкое войско человѣкъ бѣльги“.

³⁾ Московский Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 1, листъ 28.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. 263, дѣло 24, постановление Кол. подъ кн. челобитной.

Былъ ли представленъ къ Екатеринѣ хивинецъ, изъ дальнѣйшихъ дѣлъ не видно. Въ одномъ изъ приказовъ Коллегіи по этому дѣлу говорится, что ему былъ сдѣланъ допросъ. „А въ допросѣ показалъ, — говорится въ приказѣ, — некоторое замѣшательство въ Хивѣ и Бухарахъ, объявляя путь, чрезъ которые иѣста изъ російскихъ городовъ пройти возможнѣ; да онъ же сказалъ, что жиль въ подданствѣ въ калмыкахъ, где и женатъ въ ченѣ шлетца на калмыцкую ханшу и нововрещеныхъ владѣльцовъ. А понеже поманутое ево объявление важное и видно, что объявляется о томъ же желая себѣ свободы, того ради оное ево объявление имѣть для извѣстия; а что онъ хивинецъ показываетъ якобы онъ живъ въ подданствѣ у калмыковъ и тому вѣрить невозможно для того, что ежели бы онъ подданный подданной былъ калмыцкой тобѣ въ такое время, что онъ въ 724 году взять былъ въ подонъ, могли обѣнятьсь калмыцкой орды свидѣтельство предложить къ тому же и на Янке якобы онъ былъ не хивинецъ сперва запирался, а потомъ объявлять съ пытками по уликамъ для того ко определѣнію ево въ каторжную работу отослать въ адмиралтейскую Калегию съ промемориою¹⁾“¹⁾.

Со своею просьбою о возвратѣ войску взятаго Захаровыи провіанта Араповъ хлопоталъ долго, и лишь только въ маѣ, вѣроятно надобѣть достаточно съ этимъ чинамъ провіантской канцелярии, кое какъ покончилъ съ этимъ дѣломъ.

„Янцкихъ казаковъ атаманъ Василій Араповъ и есауль Петръ Кочероевъ, говорится въ постановлениѣ этой канцелярии, сказкою показали: ежели повелено будетъ за вышеписанную взятую у нихъ муку выдать деньгами и они возьмутъ по рублю по петидесяти копѣкъ за четверть и тѣ деньги выдать-бы имъ въ Саілжской провинції²⁾“²⁾.

Дальше видно, что на этомъ дѣло и было окончено. Казака получали за провіантъ деньги³⁾.

Но кромѣ войсковыхъ членобитенъ у Арапова было и свое дѣло. Въ предыдущій свой пріѣздъ онъ просилъ о дозволеніи ему набираться въ построенный на устьѣ Сакмары городокъ, для житія вольными людьми охотниками изъ донскихъ и янцкихъ казаковъ и просилъ разрѣшить переселиться до 600 человѣкъ.

Резолюція сената, ни Военной Коллегіи по этому дѣлу не найдено, и, видимо, ни сенатъ, ни коллегія сразу не рѣшились дать какого либо опредѣленнаго отвѣта, ввиду сложности этого вопроса. Араповъ просилъ о разрѣшениѣ жить на границѣ башкарской земли, где родомъ жили башкеры, вѣчно волновавшіеся, вѣчно неспокойные, склонные къ возмущенію. Постройка городка и увеличеніе таѣ казачьяго населенія могло дать толчокъ для волненія башкеръ или такъ или иначе дать поводъ къ всевозможнымъ толкамъ о посягательствахъ на ихъ землю со стороны правительства.

¹⁾ Тамъ-же. Постановлениѣ это состоялось лѣтомъ 31 декабря 1725 года.

²⁾ Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 40.

³⁾ Грамота войску о выдачѣ денегъ за взятый провіантъ и обѣ отзыметъ съ Янка полковника Захарова 1725 г. июня 22. Моск. Арх. Гла. Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 45.

Неопределённость положения вынудила Арапова снова подать челобитную; на этот разъ 28 апреля онъ просилъ уже о дозволеніи построить на устьѣ р. Сакмары городокъ. Поданная челобитная объ этомъ до вѣсны не дошла, но изъ указа сената, послѣдовавшаго 27 мая, видно, что Василий Араповъ просилъ дать разрешеніе ему „и другимъ яицкимъ казакамъ для обереженія границы на заставахъ по Яику выше яицкаго городка на устьѣ реки Сакмары близъ башкардовъ где перелазить и въ Росію ходать непріятельские кара-калачи акиргизкайсаны къ городамъ комъ к тому вблизости чинять великое разорение и людей вполонъ берутъ поселение иметь икрепость построить разрешение дать, ежели яицкой войсковой атаманъ и се войско пожелаютъ и втомъ ко обережи потребность усмотрѣть“ ¹⁾).

Сенатъ, разрѣшивъ постройку крѣпости, вмѣшилъ въ обязанность Военной Коллегіи „быть имъ Арапову съ товарищи подъ смотрѣніемъ войскового атамана и другихъ яицкихъ старшинъ и казаковъ и подтвердить имъ накрею, чтобы бѣглыхъ какъ великороссійскихъ такъ и малороссійскихъ людей отнюдь непріимали, а для отпору отвѣриательскихъ людей пушки порохъ, ядра потребованію имъ давать откуда заблаго разсудить Военная Коллегія“ ²⁾.

Ввиду этого указа Коллегія послала 4 июня грамоту на Яикъ о разрѣшеніи постройки городка и приказала отпустить изъ Москвы Арапову для Сакмарского городка пять чугунныхъ пушекъ, въ томъ числѣ двѣ трехъ фунтовыхъ и три двухъ фунтовыхъ, и къ нимъ пороху и ядеръ „по усмотрѣнію главной артиллеріи... и оные пушки и ядра призвавъ ему атаману отвести за Яикъ отъ Москвы до Самары ведою на судна, которое занять или купить изъ данныхъ ему прогозныхъ денегъ, а на Яикѣ объявлять войсковому атаману и казакамъ ежели они устроеніи и поселеніи имъ Арапову и прочими казакамъ на поминуточкѣ мѣстѣ позволять то оные пушки съ пропасы отпустить съ Яикъ стемъ Араповыми столовици, а буде же въ томъ разрешеніи не дадуть то удержать на Яикѣ“ ³⁾.

Далѣе изъ дѣлъ видно, что Арапову пушки были выданы и къ нимъ отпущено 12 пудовъ пороха, 300 ядеръ и „дроби и картечи“ двѣсти зарядовъ ⁴⁾.

По приѣздѣ Арапова на Яикъ видно, что атаманъ и войско ничего не вмѣшили противъ постройки городка, т. к. въ слѣдующіе же за этимъ годы Сакмарский городокъ уже существуетъ не какъ поселеніе, а какъ крѣпость, защищенная валомъ и пушками.

Надо полагать, что въ іюнѣ же иѣланѣ, получивъ въ Москву пушки, Араповъ выѣхалъ на Яикъ. По всей вѣроатности, выѣхѣлъ съ нимъ выѣхала и

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Правит. сената по Воен. Кол., и дѣло № 486, листъ 178, Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 12, дѣло 1, листы 8 и 13. и полн. Собрание закон. № 4686.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, сапка 8, листъ 872, на оборотѣ

Янкъ и ставца Щелкина, получивши танъ-же пушки и ядря, отпущенные войску по его челобитью.

При выдачѣ пушекъ Щелкину въ Московской артиллеріи потребовали одну годовую и пять негодовыхъ изѣдныхъ пушекъ, которыхъ войско должно было сдать въ Москву, какъ негоды послѣ пожара. Но у Щелкина ихъ не оказалось. Со станицы взяли „въ поставкѣ пушекъ обязательство съ подонисаємъ ихъ руки, чтобы ины тѣ пушки того года зимою перевезти въ Москву и отдать въ артиллерию безо всякаго отлагательства“¹⁾.

Такимъ образомъ все просьбы казаковъ были удовлетворены, кроме просьбы о дачѣ жалованья хлѣбомъ и виномъ.

Между тѣмъ на Янкѣ во время ихъ отсутствія съ наступившемъ раннею весною киргизы вновь возобновили свои набѣги. Казаки побѣхали за рыбную ловлю и „булuchi за рыбной ловлѣ при атаманѣ Сидорѣ Дурмановѣ“, писали казаки въ члобитной, отъ сихъ кайсакъ незапное нападеніе учинено, только добрыми поступками и воинскими отпоромъ сами сии кайсаки разбиты а прочие въ плѣнь взяты и въ войску приведены“²⁾.

Наступилъ апрѣль, въ полѣ уже давно заселенѣла трава въ Янцкомъ войску предстояло послать нариженныхъ еще съ осени тысячу казаковъ въ Низовый корюсъ. Казаки ждали лишь присылки къ вину изъ Казави дополнительныхъ двухъ рублей на человѣка. Три тысячи рублей войско получило съ атаманомъ Калмыковымъ еще 22 февраля, но роздало ихъ только 5 апрѣля, рѣшивъ не дожидаться добавочныхъ.

9 апрѣля походное войско выступило изъ янцкаго городка во главѣ съ атаманомъ Сидоромъ Ивановичемъ Дурмановымъ³⁾.

При этомъ нарядѣ въ войскѣ въ первый разъ появляется званіе „хоружій“, до сихъ поръ неизвѣстное янцкимъ казакамъ. Оно замѣнило званіе заменщика. Въ Петровское время все передѣльвалось и поддѣльвалось за іѣмецкій ладъ. Въ солдатскихъ полкахъ русское слово знаменщикъ замѣнили словомъ прaporщикъ, въ казачествѣ же замѣнили словомъ хоружій,—словомъ польскимъ, отъ которыхъ оно перешло къ запорожцамъ, а оттуда, вѣроятно, къ дозакамъ, а отъ нихъ, вѣроятно, и къ янцкимъ казакамъ, которые съ этихъ поръ и стали называть своихъ знаменщиковъ чуждыми и непонятными для нихъ словомъ хоружій.

Но едва уѣхали казаки на службу, какъ 11 числа прибыли въ городокъ посланцы Щелкиныхъ въ Казань за добавочными жалованьемъ казаки Ивановъ и Устиновъ, которые привезли съ собою двѣ тысячи рублей. Войско послало эти деньги въ слѣдѣ походному войску, которое посланцы догнали и роздали деньги⁴⁾.

¹⁾ Урал. Арх., дѣло 1736 - 1800 г., III раз., № 89, листъ 142.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 67, листы 215 - 217. Чел. войска 1749 года декабря 17-перечень службы старшинъ Семена Землянупнова. Точное время этой суват. и подробн. ея неизвѣстно.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 15/16, листъ 179. Члобитная войска 8 июня 1725 г. Всего выступило старшинъ 20 чл., изъ нихъ: атаманъ 1, есаулъ 5, хоружихъ (заменщиковъ) 4, сотниковъ 10, рядовыхъ казаковъ 980. Въ числѣ старшинъ были: Герасимъ Пустоселовъ, Иванъ Мухинъ, Герасимъ Логиновъ и Иванъ Витомовъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, книга 15/16, листъ 134. Члоб. войска 1725 г. 15 апрѣля.

14 апрѣля войско снарядило новую станицу съ членобитьемъ въ Петербургъ, прося удовлетворить многія своихъ нужды. Ставичнымъ атаманомъ былъ выбранъ Иванъ Логиновъ, а есауломъ Михаилъ Кундриновъ, всего пять человѣкъ¹⁾.

Былъ войскъ было не мало нуждъ и потому войсковая членобитная на этотъ разъ была длинная.

Войско уведомляло Военную Коллегию о нарядѣ казаковъ въ Низовыи корпусъ. «А настъ нынѣ на Яикѣ стало быть малолюдство, — писало войско въ своей членобитной, — и вепріательскихъ людей карыкалпаковъ и киргисъ казаковъ стала подъ насъ частые набеги; объ этомъ Ея Величеству Государыни Императрицы и Самодержицы Всеросійской и Государственной Военнай Коллегии просимъ мы для нашего малолюдства отпустить нашихъ казаковъ, которые на Черенчанскѣхъ пасѣхъ, дабы оные вепріатели за малолюдствомъ насъ не осаждали и вотчину Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всеросійской въ конецъ не разорили.

Прежде сего блаженнои и вечно достойной памяти Его Императорского Величества изъ Государственной Военнай Коллегии просили мы о колоколахъ которыми колоколами вожалованы мы были блаженныи и вечно достойной памяти государи і цари Иоанномъ Алексеевичемъ и Петромъ Алексеевичемъ за службу нашу какъ ходили мы подъ Мензелинской²⁾ и съюзе колокола въ пожарное время расточилась и выѣхѣ въ оные колоколахъ имѣть нужду: когда случатца подбегъ вепріательскихъ людей подъ нашъ казачеи городокъ тогда бываетъ повестка въ набать и когда набать услышимъ тогда все оружено иже креюкую осторожность отъ непріательскихъ людей; да прошедшаго 724-го году сентября 20-го дня писали мы въ Государственную Военную Коллегию въ отписке ставичнымъ атаманомъ Остаевемъ Муромцовимъ о взятыхъ языковъ карыкалпаковъ и киргисъ казаковъ которые казаки въ плена у нихъ карыкалпакахъ; объ этомъ просимъ Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всеросійской и Государственной Военнай Коллегии дабы соблаговолили указъ обо всемъ учинить³⁾.

Три думы занимали войско — отиѣна службы на Черенчанѣ, недостатокъ колоколовъ для вновь строящихся церквей и не получение указа о размѣрѣ плѣнныхъ.

Усиливая одну границу государства, правительство вѣѣть съ тѣмъ ослабило другую, не менѣе опасную — на Яикѣ, гдѣ набѣги киргизъ съ каждымъ годомъ становились все опаснѣе и опаснѣе. Изъ трехъ тысячъ яицкихъ казаковъ, заброшенныхъ въ дикой степи въ трехстахъ verstахъ отъ окраины государства, осталось всего на всѣго полторы тысячи человѣкъ — половина всѣго войска. Этими людьми предстояло не только оберегать эту границу, но добывать себѣ пропитаніе, производить ловли иѣздить въ Самару за хлѣбомъ. Это были тягчайшіе наряды — половина жителей бралась за службу. Въ кол-

¹⁾ Остальные казаки были: Бахромъ Ивановъ, Василий Лоскутовъ и Иванъ Каримовъ. (Такъ же).

²⁾ Походъ подъ башкиръ въ 1683 году.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 14/12, листы 185—186.

легі, очевидно, понимали казачьи войска, какъ обширные воинесія каварки, откуда можно было варяжать людей, какъ солдатъ, не имѣшиъ за свою спасною никакихъ заботъ ни о домѣ, ни о семье. Этотъ взглядъ коллегіи проходитъ и въ дальнѣйшей исторіи войска при всякомъ своемъ съ казаками, какъ съ военной силой. Тамъ забывали, что казакъ былъ прежде всего житель и домохозяинъ, а потомъ уже воинъ, который сегодня бываетъ съ врагомъ, а завтра долженъ быть добывать наущный хлѣбъ и для себя и для семьи. На него смотрѣли не какъ на семьянинъ — жителя извѣстнаго мѣста, а какъ на безсемейнаго и бездомоваго солдата, не имѣшаго никакъ заботъ, кроме своего ружья.

Въ концѣ своей челобитной войско, перечисливъ казаковъ, отправленныхъ въ станицы „для отвода“ Венской Коллегіи о казакахъ, отправленныхъ въ крѣость Св. Креста, пишетъ, что посыпаетъ станицу „со взятыхъ языкомъ каракалпачевицъ, о которомъ въ государственную Военную Коллегію отъ насъ въ отпискѣ написано съ станицы атаманъ Иванъ Щелкунъ и онаго, помянутаго каракалпачевица, завоевалъ походной атаманъ Георгий Догиновъ есауль Махіло Купреиновъ, которые нынѣ посыпаютъ въ Государственную Военную Коллегію съ вышеописаннымъ извѣстствомъ и со взятіемъ языкомъ и ведели ему станичному атаману и товарищи явитца и отписки подать“.

Про какого каракалпачевица шла въ данномъ случаѣ рѣчь и въ какомъ бою онъ былъ захваченъ — неизвѣстно, такъ какъ войсковой членобитной, посланной съ Щелкуномъ не найдено¹⁾.

Станицанки уѣхали 15 апрѣля, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого войско получило ваковецъ разрѣшеніе мѣняться пѣнными.

Котлубай, вѣроятно, воспользовался этимъ и отпустилъ Тогузбаза на свободу обмѣнавъ его въ ордѣ на пѣнного казака. Тоже, вѣроятно, случилось и съ остальными киргизами. „Вашъ лицъ казакамъ, — говорилось между прочими въ грамотѣ, разрѣшившей войску обмѣнъ пѣнными, — взятыхъ и кои впередъ взяты будутъ, въ полонъ каракалпаковъ и киргизъ-кайсаковъ, по опредѣлѣнію нашей Государственной Военной Коллегіи, размѣнивать, съ подлиннаго свидѣтельства вѣстъ лицъ атамана и всего войска, за лицъ казаковъ, которые отъ насъ взяты будутъ къ нимъ каракалпакамъ и киргизъ-кайсакамъ въ полонъ, и при томъ смотрѣть ежели изъ тѣхъ пѣнныхъ вынѣ есть и впередъ будутъ ихъ народа какіе знатные люди, то за знатныхъ лицъ казаковъ братъ числомъ людей соизволиша възять, смотря по достоинству, а не одинъ на одного мѣнять, развѣ такихъ одного противъ другого размѣнить ежели изъ тѣхъ пѣнныхъ являются рядовые каракалпаки и киргизы, убогіе люди, равные лицъ казакамъ, а которые за такою размѣнью останутся, такихъ отправлять въ Москву для посылки въ работу по прежнему“²⁾.

¹⁾ Логиновъ, вѣроятно, былъ въ томъ набѣгѣ, въ которомъ взяли до 20 киргизъ изъ патри. См. 793 стр. настоящаго очерка.

²⁾ Моск. Арх. Глашн. Шт., опись 1, кн. 229, грамота отъ 1725 г. 6 апрѣля.

Окончевъ съсѣдъ о киргизскихъ пѣнникахъ и хивицѣ, Захаровъ, не имѣлъ болѣе никакого дѣла, томился бездѣятствіемъ и не смотря на посланное къ Коллегію доношеніе съ просьбою о разрѣшеніи ему выѣхать съ Яна въ иѣсту службы разрѣшенія не получалъ. Объ этомъ овъ просилъ еще въ январѣ иѣсяцъ, но отвѣта не имѣлъ. Лишь только 29 апрѣля состоялся праговоръ Военной Коллегіи, по которому было велѣно „полковнику Захарову и обрѣтающемся конвой съ Янъ выѣхать и по прибытіи въ Казань конвой отпустить во полкамъ“¹⁾.

Этотъ указъ былъ посланъ Захарову 4 мая. Того же числа была послана овъ этомъ грамота и войску²⁾.

Но почта одновременно съ этимъ, 6 мая, на Янъ былъ полученъ указъ по дѣлу Кроткова. Въ этомъ указѣ Коллегія, ввиду жалобы Кроткова на Захарова и Протасова, приказала капитану Коробову принять отъ Захарова все дѣло о Кротковѣ и если дѣло дойдетъ до суда, то судить по воинскому артикулу „и кѣмъ по указу надлежитъ розыскивать то и розыскивать и во всемъ поступать какъ данная полковнику Захарову въ томъ инструкція и посланные Государственной Военной Коллегіей указы повелѣваютъ“³⁾. Полковнику же и маюру Протасову приказано было сдать все дѣло о Кротковѣ Коробову „и по тому дѣлу не слѣдоватъ“.

Если-же Кротковъ станеть обличать Захарова и Протасова, то приказано было принять отъ Кроткова „обличеніе на письмѣ по пунктамъ“ и прислать въ Военную Коллегію.

17 мая Коробовъ съ товарищами приступилъ къ слѣдствію. Привезенный для допроса въ розыскную канцелярію, Кротковъ подалъ комиссіи „попинное доношеніе“. Онь призналь себя виновнымъ въ принятии взятокъ. Онь видѣлъ, что рано или поздно ему придется сознаться въ этомъ подъ угрозами и потому рѣшилъ за лучшее подать повинную. Это избавляло его и отъ вытокъ и отъ дальнѣйшей золотиты и давало поводъ разсчитывать на милосердіе въ судѣ, еслибы онъ состоялся.

Въ прошломъ 719 году,— говорилось въ попинномъ доношеніи Кроткова,— по члениту Яңакъ казакъ, о чёмъ явствуетъ въ подлинномъ дѣлѣ въ по доказательству на меня показанного отъ нихъ казака Бородина въ да-тѣ двухъ сотъ рублей, а нынѣ по присланному Ея Величества Государыни Императрицы указу изъ Государственной Военной Коллегіи на Янъ къ капитану Коробову съ будущими при конвой афіцеры, повелено по тому дѣлу паки слѣдоватъ и разыскивать отъ показанныхъ отъ него Бородина двухъ сотъ рублей, такожъ по показательству Денисова и Макарова въ Сибирь на за что предъявляю по ихъ доказательству, что оные деньги платить и чтобы повелено было оные двѣсти одиннадцать рублей у меня принять въ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 121, часть 2, св. 28, дѣло 27, листъ 41.

²⁾ Тамъ-же, листы 25—27, грамота за № 2224.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 69, св. 9, дѣло 66—1092, листъ ..

розинскую канцелярію, за что прошу высокаго Ея Величества милосердія къ отпушевію моего погрѣшнія для поминовенія вѣчно-достойнаго памати Его Императорскаго Величества и для многолѣтнаго здравія Ея Величества Прекраснѣйшей и Самодержавнѣйшей всероссійской Государыни Императрицы, и прошу покорно дабы сіе мое доношеніе повелено было для высокова надо мною милосердія, и рѣшенія послать въ Государственную Военную Коллегію. Къ сему доношенію пропорщикъ Егоръ Кротковъ руку приложилъ¹⁾.

Подавая въ комиссию свою повинную въ приватіи взятки двухсотъ рублей отъ атамана Никиты Бородина и однажды рублей у казака Силышкина, Кротковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, отрацалъ возводимыя на него казаками осталыя обвиненія во взяткахъ. Быть съ этимъ доношеніемъ онъ подалъ на Захарова и Протасова „обличеніе на письмѣ и по пунктамъ“. Въ чёмъ онъ вхъ обвинялъ, остается неизвѣстнымъ, т. к. это обличеніе въ дѣлахъ не найдено.

19 мая Коробовъ и товарищи донесли о результатахъ въ Коллегію, приложивъ къ доношенію и повинную и обличеніе Кроткова.

Слѣдствія кончились. Долго ли жилъ Захаровъ на Яекѣ, трудно сказать, но въ виду полученія имъ указа о выѣздѣ съ Яеки, надо думать, что онъ не оставался далѣе на Яекѣ и въ козцѣ мая уѣхалъ въ Казань²⁾. Уѣзжая съ Яеки, Захаровъ повезъ съ собою пропорщика Кроткова и фискала Путылова; отдалъ ли онъ осталыхъ арестованныхъ казаковъ въ старшинъ подъ охрану войсковому атаману или увезъ съ собою — тоже неизвѣстно. Съ отѣздомъ Захарова войско еще не знало участія, которая постигнетъ всѣхъ виновниковъ казачьихъ противностей, хотя еще съ ранней весны въ Военной Коллегіи уже началось обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ казачьихъ дѣлъ, приславшихъ Захаровымъ. Часть ихъ изъ Военной Коллегіи поступила въ сенатъ, оттуда болѣе серьезная были давы „Вышнему суду“ — учрежденію, не имѣвшему постояннаго состава, а лишь собиравшемуся временно изъ лицъ, назначаемыхъ по особому каждый разъ Высочайшему указу.

Всѣхъ дѣлъ было послано Захаровымъ пятнадцать. До насъ дошли только некоторые. Рѣшенія известны только по тремъ дѣламъ: по дѣлу Рукавишникова, о казакахъ Бахаревѣ и другихъ, участвовавшихъ въ казни атамана Бѣлоусова, и о ссылкѣ въ каторжныя работы казаковъ Яганова и Краснощекова [27]; объ участіи осталыхъ виновныхъ до насъ не дошло никакихъ сведѣній. Что ста- лось съ Картапевымъ, былъ ли онъ казненъ или оправданъ — неизвѣстно. Ни въ одномъ дѣлѣ не упоминается его фамилія. 23 марта 1725 г. въ Военной Коллегіи состоялся указъ о наказаніи осталыхъ виновныхъ казаковъ. Но имъ указа, ни приговора по этому дѣлу не найдено. Объ немъ говорится лишь въ позднейшій Челобитной войска³⁾.

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 89, сказка 9, дѣло 66—1992, листъ 3, доношеніе подѣльно 1725 года мая 17.

²⁾ Точно время его отѣзда съ Яеки неизвѣстно.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 3, св. 56, дѣло 14, листы 1—7. Челобитная войска, поданная въ военную коллегію 1734 г. 24 января.

По этому указу велико было всѣхъ яицкихъ казаковъ за тѣ убийства (Елисѣева, Назарова и Мордвацева) первыхъ зачинщиковъ послать въ дальние Сибирские города и опредѣлить въ казацкую службу¹⁾. Этими виновными оказались старшины. Сослали „старыхъ людей“, — людей, имѣвшихъ громадное влияние на войско, пользовавшихся его довѣріемъ, большинство которыхъ были войсковыми и походными атаманами. Эти всѣ старые, сѣдобородые почтенные и зажиточные люди были сосланы въ ссылку въ Сибирь, въ г. Тобольскъ.

Ссылка состоялась въ августѣ иѣсацѣ. Сослали ихъ съ женами и дѣтьми, — искореняли изъ Яицъ все, что могло напоминать казачеству о вольныхъ людяхъ, о полномъ самоуправлѣніи, изгояли всѣхъ, кто только имѣлъ вліяніе на въ-Яицо или могъ поддержать духъ непокорности и служить помѣхой при введеніи въ войскѣ дальнѣйшихъ новшествъ. Къ 1734 г. изъ числа этихъ 25 сосланныхъ старшинъ въ Тобольскѣ оставалось въ живыхъ всего тринадцать человекъ: Гаврила Старцевъ, Пётръ Фадѣевъ (Осипьевъ), Грагорій Зубаревъ, Ефимъ Раздрогинъ, Федотъ Ржуновъ, Федотъ Швунъ, Алексѣй Азовской, Авраамъ Пустоселовъ, Астаѳій Муроющевъ, Михаїло Тапуха, Алексѣй Щепеткой, Тимофей Шелудаковъ и Евсевій Комай,²⁾ изъ остальныхъ сосланныхъ извѣстно еще бывшій походный и войсковой атаманъ Никита Бородинъ, вернувшійся потомъ изъ ссылки въ 1732 году. Фамилія остальныхъ 11 человекъ замѣнена вѣстыми. Но въ числѣ ихъ безусловно находились Иванъ Щербаковъ, казакъ Мусатовъ, возившій со Старцевымъ Елисѣева въ Казань, сотникъ Чувашевъ-Кановъ и другіе казаки, такъ или иначе причастные къ дѣлу.

Не спасли ихъ отъ ссылки ни долголѣтняя служба, ни преклонный возрастъ, ни заслуги предъ родиной и войскомъ.

Этихъ людей сослали, какъ говорится въ указѣ, „безъ наказанія“, т. е. безъ битья плетьми, рвавія ноздрей и клеймъ. Но многихъ казаковъ наказали. Такому наказанію подверглись казакъ Никита Зевакинъ съ товарищи за то, что постановили рѣшеніе: „для честолюбия въ Казань никому неѣздить и Казанью не хвалится, а кто похвалится и тѣхъ быть въ рычажья царены или шестерны до смерти“. И за то велено казакамъ Зевакину съ товарищи учинить наказаніе — высѣчь клптомъ и быть по прежнему на Яицѣ³⁾. Этому же наказанію долженъ былъ подвергнуться и атаманъ Меркульевъ, но „сваго атамана Меркульева отъ вышеписанного наказанія за правый donecъ (оговорокъ казаковъ объ убийствахъ Захарова) велико освободить и быть по прежнему атаманомъ“⁴⁾.

Коллегія въ вышшей судѣ, расправившись съ казаками, не оставили безъ казаній и виновниковъ всѣхъ казачьихъ бѣдъ — тѣхъ захолощцевъ и взаточниковъ, которые довели войско до суроваго смысла Захарова.

¹⁾ Тамъ-же, опись 89, дѣло 1732 г. № 68, листъ 2. Чел. и спр. обѣ осв. Никиты Бород. изъ ссылки.

²⁾ Тамъ-же. Изъ член. видно, что Гавр. Стар. былъ сосл. за то, что привезъ изъ Казани въ Яицъ казаковъ, потому Ивана Елисѣева, а не привезъ его прямъ въ Астрахань; остальные же двинадцать томъ были сосланы за то, что они въ кругу о казни ихъ (Елисѣева и Назарова) приговорились⁵⁾.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, смыска 8, листъ 557.

⁴⁾ Тамъ-же.

Судъ надъ Воейковымъ состоялся еще въ 1724 г. въ маѣ мѣсяца. Судилъ его воеводы судомъ въ Ингерландинскомъ пѣхотномъ батальонѣ въ г. Москвѣ. Пунктами обвиненія служила членобитная Федора Михайловна Рукавишникова, поданная имъ въ сенатъ и экстрактъ изъ дѣла Захарова. Главныи же обвиненіемъ было сорваніе Воейковымъ печати съ войсковыхъ отписокъ, посланныхъ со ставчанками Иваномъ Степановимъ съ товарищи и отобранныхъ писемъ и членобитныхъ.

Въ свое оправдание Воейковъ заявилъ, что онъ вину по этому пункту не признаетъ.

„Для того, — говорилъ онъ, — что хотя о взять такой вѣтъ на меня членобитной, писма вуказехъ, по которымъ я для розыску ихъ къ нимъ былъ посланъ и не предложено, и взялъ овую ихъ членобитную, и письма безъ указу однако-жъ, вѣдающи военной артиллерию сто тридцать третей, по которому такие общие членобитные писать весьма запрещено подсмертными штрафомъ, несмотря на то, хотя какую въ причину, имѣли, а позволяетъ каждому о своихъ обидахъ быть членомъ. А не общее чрезъ что возмущеніе или быть можетъ сочинится, а я видя ихъ явное возмущеніе, что посланъ былъ къ нимъ для розыску, разсуждая потому дабы чрезъону ихъ такую общую членобитную вѣроложеніе розыска не пришли всѣ къ общему соединенію о чёмъ прежде того были розыски, а они казаки возмутительскимъ вымысломъ написали всѣхъ казаковъ во оной членобитной къ общему лицу, чрезъ которую членобитную вскали себѣ что бѣ имъ возмутителемъ привести всѣхъ къ наибольшему возмущенію, и того ради я епискалъ съ оной ихъ вымышленной членобитной и съ писма копіи послалъ въ тужъ время въ Астрахань въ губернскую канцелярію и не потайль, а подлинную ихъ членобитную въ письмо оставилъ у себя при указахъ, съ которыми указами я посланъ былъ къ нимъ для ихъ возмутительскаго розыска и не послалъ для тово что бѣ за дальностю въ путѣ не утратилось”¹⁾.

Но судъ не призналъ оправдания Воейкова и 10 июня того-же года составилъ обвинительный приговоръ, мотивируя это тѣмъ, „что оной сто тридцать третій артиллерь слѣдуетъ къ регулярному войску а имъ казакамъ, говорилось въ приговорѣ, о такихъ ихъ общихъ членобитеахъ не запрещено, повеже и изъ оного дела видно, что объ ономъ же дѣлѣ членобитная въ кабинетъ отъ ставчеваго ихъ атамана Федора Михайловна съ товарищи, а не отъ одного лица, принятая-жъ; а ежели бы такие ихъ общие членобитные были противны то бы оная членобитная въ кабинетъ была и не принята, и дѣйства бы по ней не было; а ся, онза ихъ взята имъ маеоромъ членобитналъ, написанъ въ обидахъ ихъ партквартирно на него маеора а не къ возмущенію, для того ееому маеору и братъ было въ себѣ не надлежало, чего ему и указомъ не предложено, или бѣ, хотя въ отобразѣ, то надлежало ему для такова объявленія въ овую Астрахань, или гдѣ въ надлежащее мѣсто послать тое подлинную членобитную, и письмо, а не копіи”²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 89, связка 3, дѣло 81—2755, листъ 17. Экстрактъ изъ дѣла суда надъ Воейковымъ.

²⁾ Тамъ же, листъ 19.

„И за то онъ маеоръ Воейковъ, говорилось въ ковѣдѣ приговора, сочиналиъ себѣ достойнаго штрафу; по сиѣмъ за толкованіе военнаго 28 артикула на-писать его маеора въ рядовые солдаты на три мѣсяца”¹⁾.

Приговоръ этотъ былъ утвержденъ 19-го января 1725 г. и Воейкова для отбытія наказанія приказано было выслать въ Петербургъ²⁾.

Воейковъ, совершилъ безкорыстный, благодаря, можетъ быть, только своей запальчивости и излишней горячности, — поплатился трехъ-мѣсячной службою за рядового, главный-же виновникъ всѣхъ бѣдъ лихониецъ Кротковъ ухватился выйтіи изъ бѣды совершенно чистымъ.

Согласно Высочайшему указу, послѣдовавшему 12 января 1726 г., данному на имя Казанскаго губернатора Волынского, Кроткову прощались всѣ его вины.

„По Ея Императорскаго Величества указу, говорилось въ указѣ, Государственная Военная Коллегія проказали: по дѣлу орапорщика Егора Кроткова, которой будучи за Яикъ приличился съ мицкакъ казаковъ въ денежныхъ и прочихъ взяткахъ, въ чёмъ дошелъ было до розыску по маа 17 числа при начинаніи о томъ слѣдствія принялъ въ томъ повинную, того ради, по сиѣмъ состоявшимъ Ея Императорскаго Величества милостивѣйшихъ указовъ, взыну Кроткову оставить въ взятыхъ имъ съ казаковъ денегъ и прочее, допроса за неимъ возвратить исцомъ попрежнему и полковнику и генералу адъютанту и Казанской губерніи губернатору господину Волынскому учинить въ выше-написанномъ по сену Ея Императорскаго Величества указу³⁾.

Когда были судимы остальные виновники казачьихъ противностей — Путяловъ, Наумовъ, Сухаревъ и другіе взяточники, неизвѣстно, — въ дѣлахъ объ этомъ ничего не найдено. Но что они судились, объ этомъ упоминается въ другихъ актахъ. Но были-ли они обвинены или оправданы — неизвѣстно.

Два года пробылъ Захаровъ на Яикѣ. Два года казаки должны были, согласно законовъ того времени, нести расходы по содержанію офицерскую и драгунскихъ лошадей, отводить командѣ квартиры. Изъ дошедшихъ до насъ войсковыхъ приходо-расходныхъ листковъ того времени видно, что не дешево обошелся этотъ суровый розыскъ казакамъ.

Войску пришлось заплатить полковнику Захарову однажды „разгонныхъ“ (прогонныхъ) денегъ 617 р. 13 алтынъ 2 деньги⁴⁾. Пока было лѣто, драгунская лошадь была за подножномъ корумъ, но съ 1 октября нужно было ихъ кормить сухимъ фуражомъ, что лежало на обязанности войска. Съ 1 октября 1728 г. только за четыре зимнихъ мѣсяца войско встратило чаихъ прокормъ 4360 р. 11 алт.⁵⁾, что представлять для настоящаго времени громадную сумму въ 64 тысячи рублей!

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же, листъ, 22.

3) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 80, свидка 9, лѣдо 66—1992, листъ 40. Указъ посланъ въ Казань 24 января 1726 года.

4) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 83, листъ 124.

5) Тамъ-же, листъ 255, на оборотѣ.

Содержаніе офицеровъ, команды и лошадей за зиму 1724—25 годовъ стоило войску 7472 р. 10 алтынъ 2 деньги¹⁾, т. е. болѣе ста тысячъ рублей по нашему времени. На свѣчи, червила, бумагу и дрова истрачено 128 рублей.

Прибавивъ къ этому еще пожаръ, испепелившій городокъ, хлѣбаю головы, смуты въ войскѣ, казнь Рукавишникова, набѣги киргизъ, расходы по наряду на Черемшу и тысячи казаковъ въ низовыи корпусъ, мы получимъ полную картину бѣдъ и разоренія, обрушившихся на войско съ пріѣздомъ Захарова. А судебная волокита, длившаяся чуть не десять лѣтъ,—это тоже стоило что видѣть!

Захаровъ уѣхалъ. Кончалась, казалось, безконечная, тягостная волокита. Жизнь войска вступила на новый путь—на путь постепенно увеличивающагося надъѣмъ контроля и опеки Военной Коллегіи, попло по этому пути во главѣ хота и выборнаго войскового атамана, но уже не смиреннаго войскомъ, а оставленнаго Коллегію атаманомъ пожизненно. Полному самоуправлению язdkихъ казаковъ пріѣздъ Захарова принесъ тяжелый ударъ—войско лишилось права судить своихъ членовъ по своему обычному праву въ дѣлахъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Со дна прѣбыванія его въ войско это право круга казацкъ своею властью вновь казака отошло къ Военной Коллегіи. Войско могло решать дѣла только маловажныи, приговоры круга не шли далѣе тѣлеснаго наказанія.

Организація войска осталась по отѣзду Захарова та-же, что была и до него. Войско представляло собою по старому вольную общину, гдѣ все начальство было выборное. Въ ней не было иѣста ни одному привилегированному классу. Не было ни дворянства, ни баръ, ни крѣпостныхъ,—всѣ были равны между собою.

Во главѣ войска остался по старому войсковой атаманъ, но уже теперь назначенный Военнюю Коллегію безсмѣно и пожизненно; такъ-же, какъ и раньше, непосредственными помощниками его и его совѣтниками являлись старшины „старые люди“, выбранные войскомъ изъ своей среды изъ людей старыхъ и опытныхъ въ дѣлахъ, въ большинствѣ бывшихъ войсковыхъ или походныхъ атамановъ. Исполнителями приказаний атамана и постановлений войскового круга являлись два войсковыхъ есаула. Это были лица, не имѣвшіе никакого совѣщательного голоса въ дѣлахъ общины, а лишь непосредственные помощники войскового атамана по управлению войскомъ. Они слѣдили за исполненіемъ приговоровъ круга и передавали приказаніе атамана и старшинъ въ исполненіи другія возлагаемыя на нихъ порученія.

Войсковой перепиской завѣдывалъ войсковой подьячій или позже—войсковой писарь—должность въ первыи времена войска едва замѣтна, но теперь уже занимающая по своему значенію слѣдующее мѣсто вслѣдъ за войсковымъ атаманомъ. Безъ войскового писаря (подьячаго) не обходится ни одинъ кругъ, ни одно его постановление. У подьячаго въ распоряженіи имѣлись „писчікі“, т. е. писцы. Сколько было старшинъ—ненавѣстно. Определеннаго числа имѣ-

1) Тамъ-же, листъ 255.

всё полагалось, все зависело отъ наличности „старыхъ людей“ въ войсѣ. Было въ войсѣ много опытныхъ, умныхъ и пользующихся довѣріемъ казаковъ людей, было и старшинъ больше.

Послѣ отѣзда Захарова войско вступило на новую жизнь. На далекое вольное прошлое былъ поставлена крестъ. Оглядываясь на это прошлое казачества, мы видимъ на Яикѣ вольницу, не признавшую ничего, кроме своей воли, готовую отдать за эту волю все дорогое для нея — отдать жизнь. Василий Гугви, а потомъ Матюша Мещерякъ съ волжской вольницею — вотъ первые колонизаторы Яика. Развиваясь и пополняясь бѣглецами изъ Руси, Яцкое войско выѣхѣло съ донскими, волжскими и гребенскими казаками составляли одну, почти нераздѣльную семью, во главѣ которой стояло и гегемонировало донское казачество. Яцкое войско, благодаря этому, иногда даже называлось не прямо Янцкиемъ, а Донско-Янцкиемъ войскомъ. Казаки были одною семьей. На Дону решались всѣ важныя казачьи вопросы: набѣги, походы, службы.

Казаки жили совершенно независимо отъ Москвы. Весьма слабая зависимость казачества отъ нея выражалась лишь въ посыпѣ ставицъ на службу правительству и охранѣ гравицъ, за что Москва посыпала войскамъ годовое жалованье деньгами и сукнами, а въ Донскомъ войску еще и хлѣбъ и вино.

Парады на службу производились по царскимъ грамотамъ; но не всегда казаки исполняли эти грамоты и выѣсто указанного числа казаковъ выставляли иногда и меньше, т. ч. посланному для этого изъ Москвы приходилось не разъ „уговаривать“ казаковъ нарядить требуемое число для похода. При выступлении въ походъ походное войско получало отъ казны подъемное жалованье въ размѣрѣ отъ 5 до 7 руб., — жалованье, на которое казакъ могъ не только купить коня, но и сшить необходимую для себя одежду и завести оружіе, если бы почему либо оно таинового не имѣть. Въ то время юшадь стояла, напримѣръ, на Яикѣ не болѣе 3—5 руб. Жизнь была дешева. Состоя на службѣ, казакъ получалъ отъ казны 10 руб. въ годъ, и казенныи кормъ себѣ и лошади. Жалованье это было вполнѣ достаточное, чтобы казакъ могъ поддерживать свою одежду и снаряженіе. Переводя это жалованье на наши деньги, мы получимъ, что подъемное жалованье разнилось отъ 75 до 100 рублей, а годовое жалованье на службѣ по 150 р. въ годъ или по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ на казака.

Казаки имѣли возможность просить о своихъ нуждахъ и жаловаться непосредственно царю, посыпая для этого въ Москву свои станицы зимой и легкія.

Станицы становицами давались отъ казны прогонными деньги въ оба конца путя и кормѣ въ дорогѣ. По приѣздѣ въ Москву они получали квартиры и кормъ на жуть въ Москвѣ. Являясь въ приказы (Донское войско въ Посольской приказѣ, а Яцкое и Гребенское въ приказѣ Казацкаго дворца) въ иногда и царю, они получали за свою службу и за прїездъ жалованья сабли и коши. На клинкахъ сабель дѣлалась надпись, какому казаку, при какомъ царѣ и при какомъ станичномъ атаманѣ, и когда была выдана эта сабля. Сабли

получали всю станичники. Войсковые же атаманы, старшины и станичные атаманы, являясь въ Москву, получали, кроме того, серебряные ковши. На нихъ дѣлалась также самая надпись. Старинныхъ ковшей сохранилось очень мало. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что эти ковши дѣлались по известному установленному въ Москвѣ образцу. О дачѣ одного такого ковша станичному атаману (какого войска — не указано) имеется такой указъ правительствуемаго сената:

„1713, марта въ 16 по указу великаго государя правительствуемаго сенатъ приговорили: легкой станицы атаману Ивану Игнатьеву дать его великаго государя жалованье за службу свою ковшъ серебропой, въсомъ въ фунтъ, и на то дѣло ковша овое число серебра отпустить изъ купецкой палаты въ посольской приказъ, изъ котораго серебра сдѣлать въ томъ приказѣ ковшъ, престъ прошлыхъ лѣтъ какъ имъ атаманамъ дававы съ надписаицемъ, а за дѣло, что надлежетъ, выдать изъ посольского приказу и о томъ послать въ купецкую палату его великаго государя указъ а въ посольской приказѣ въведеніе“¹⁾.

Московская Русь, вполѣ понимая всю пользу, которую приносили ей казаки, какъ военные люди, охранявшие ее границы отъ набѣговъ всегда враждебныхъ ей сосѣдей крымцевъ въ кубанцевъ на Дону, горцевъ на Тerekѣ и киргизъ на Яикѣ, охотно шло навстрѣчу казачеству и снабжало его не только окладными жалованьемъ на войско и подъемными и походными жалованьемъ станицамъ, отправлявшимся на службу, но снабжало казачьи войска порохомъ, снарядомъ, пушками и ядрами. Мало этого, правительство освобождало казаковъ наравнѣ съ остальными служилыми сословіями Москвы: дворянами, боярскими дѣтьми и стрѣльцами, отъ всѣхъ какихъ бы то ни было повинностей, кроме военной. Оно не брало съ нихъ никакихъ податей, пошлинъ и государственныхъ налоговъ, вполѣ понимая серьезность и трунность службы казачества, какъ пограничной, и почти даровой для него военной силы, нужной государству во всякую минуту.

Такъ жили казаки почти полтораста лѣтъ.

Такъ было и при Петрѣ. И лишь только послѣ усмирения Булгавинскаго бунта на Дону и съ прїѣзда за Яикъ Захарова дѣла въ казачествѣ нѣсколько измѣнились. Отъ прежней сплошности казачества не остается и слѣда. Всѣ войска обособились другъ отъ друга въ зажилѣ каждое своей жизнью самостоятельно. Сохранивъ все свои привилегіи — выборное самоуправление, окладное подъемное и походное жалованье и право не платить никакихъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ, казачество при Петрѣ теряетъ часть своего самоуправления и вольностей.

Донцы теряютъ войсковой кругъ и управляются старшиной.

Потерявъ же войсковой кругъ, Донское войско уже не могло руководить и другими войсками, особенно Яицкими, сохранившими все свои вольности даже по прїѣздѣ Захарова. Оно по старому имѣло войсковой кругъ, собиравшійся

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Правит. сената, книга 21/21, листъ 1787.

по звону колокола или по призыву одного изъ войсковыхъ есауловъ, сокращило все выборное начальство, атамановъ, есауловъ и управлялось по своимъ обычаямъ. Однимъ словомъ, Яицкое войско осталось по своему внутреннему управлению тѣмъ-же самимъ, какимъ оно было и до Захарова. Только атаманъ былъ хотя и избираемъ войскомъ, но оставался атаманомъ лишь только послѣ утверждения его Военнюю Коллегіею и правилъ войскомъ пожизненно, а не сминался ежегодно, какъ это было до Захарова. Войско не имѣло права его смиять. Это новшество было роковою ошибкою Военной Коллегіи. Несмѣленые атаманы, правда, были вѣрными слугами правительства, но по отношенію къ массѣ войска въ большинствѣ случаевъ являлись первыми его притѣснителями. Сдѣланная по примѣру донцовъ эта реформа привела потомъ Яицкое войско къ ряду волнений, нескончаемыхъ судебныхъ волокитъ и, наконецъ, истощавъ всякое терпѣніе у казаковъ и надежду на лучшее будущее, привела ихъ къ Пугачевщинѣ.

Сыскъ Захарова и его перенесъ отразились на войскѣ и въ другомъ отношеніи. Войско перестало быть вполнѣ самостоятельный въ своей внутренней жизни. Оно почти во всѣхъ своихъ дѣлахъ стало зависѣть отъ взглѣдовъ и усмотрѣнія Военной Коллегіи, выѣшивавшейся иногда даже въ самыхъ мелочныхъ дѣлахъ войска. Судъ и расправа были почти отняты отъ войска. Войско рѣшило только самыя простыя дѣла, за которые полагалось наказаніе палками или плетью.

Войско вошло по новому пути — по пути волнений, безправія, безконечныхъ тажѣй и судебныхъ волокитъ, теряя въ поискахъ за правою всѣ свои силы и вѣру въ справедливость. Своими же неумѣлыми распоряженіями Коллегія, поддерживая атамановъ, незамѣтно годами подготовляла почву для Пугачевщины. Жизнь войска на этомъ новомъ пути будетъ изложена въ слѣдующей книжкѣ.

Болѣе ста пятидесяти лѣтъ просуществовало Яицкое войско до прїезда Захарова, но по роковому стечению обстоятельствъ всѣ дѣла, которыхъ могли бы сказать намъ что либо о внутренней жизни войска, сгорѣли вѣтѣ со всѣми дѣлами Казанского приказа, въ вѣдѣніи котораго находилось. войско со днѧ своего образованія. Мы положительно не можемъ ничего сказать обь жизни казаковъ на Яицѣ за это старое далекое время иплоть до Петра Великаго. Объ этомъ не дошло до насъ ни одного дѣла. Единственными памятниками этого могутъ служить лишь случайно сохранившіеся въ дѣлахъ бумаги, гдѣ атаманы и старшины записывали приходъ и расходъ войсковыхъ денегъ. Эти листки, на самой разницѣ изъ которыхъ стоятъ 1695 годъ, были даны старшинами войска во времена слѣдствія надъ атаманомъ Меркульевымъ въ 1787 году и представляютъ изъ себя различные лоскутки бумаги, гдѣ въ самомъ хаотическомъ беспорядкѣ разбросаны всевозможныя статьи прихода и расхода войсковыхъ денегъ, большую частью даже безъ указанія времени производства ихъ. Это скорѣе памятникъ запаски, чѣмъ серьезная запись движенія войсковыхъ денегъ для отчета въ нихъ.

Изъ этикъ листковъ видно, что казаки далеко до пріѣза Захарова имѣли дѣленіе на десятки и десятосъ составлялъ самую мелкую единицу административаго и военнаго дѣленія войска. Всѣ войсковыя наряды дѣлались съ десятка, раскладка какихъ либо повинностей денежныхъ или натуральныхъ производилась съ десятка.

Особенно это бросается въ глаза въ самомъ раннемъ дошедшемъ до насъ листѣ за 1695 годъ.

„204 году (1695 г.) октября 21 дня, говорится въ заголовкѣ этого листка, книги записки при атаманѣ при Лексее Васильевѣ сыне Гречюхѣ да при есауле при Иванѣ Мельшемъ (Меньшемъ?) да при Иванѣ Щербаковѣ съ нынешнаго 204 году.

Съ Фомина десятка Степанова взято съ 3 человѣка по 8 денегъ да съ 5 по 6 денегъ, 2 на службѣ.

Иванова десятка Долговова 8 человѣкъ по 8 денегъ два на службѣ...

Съ Афанасьевыя десятка Кононова сына Бронника взято со всего десятка по 8 денегъ съ человѣка и того 13 алтынъ 2 деньги* и т. д. У этого списка конца вѣтъ.

Всего перечислено 63 десятка. Съ каждого наличнаго казака взято по 8 денегъ. На службѣ находилось (вѣроятно подъ Азовомъ) въ этихъ десяткахъ всего 75 человѣкъ.

Очевидно, расходъ во 8 денегъ на каждого казака являлся расходомъ по содержанию какихъ либо внутреннихъ карауловъ. Такъ въ другихъ статьяхъ видно, что съ вѣкоторыхъ казаковъ этихъ денегъ не брали.

„Съ Василии Болдырева да... рятугина певало—ошколой (отдельный) табунъ пасутъ“ или „да съ него Ивана Мельшова не взято овъ де слегъ“. „Не взято съ Изашки Болдырева овъ у старцевъ“. „Да съ Василия Кожева не взято овъ въ гульбѣ“¹⁾.

Какая же была служба у казака, въ войскѣ-ли или въѣхѣ войска, служба эта оплачивалась остальными казаками, оплачивалась войскомъ. Ничего не дѣжалось даромъ.

Платили за содержаніе отъѣзжихъ карауловъ, за караулъ у рогатки, т. е. у воротъ, за походъ за киргизами, за забивку учуга, за караулъ у учуга, за домосѣдную команду,—платили за всю работу и службу, которую казакъ несъ войску. Даже караульные у арестнаго дома, которые караулили Матвѣя Миронова, и конвой, бывшій у Рукавишникова, и тѣ получали деньги за свою службу. Эта плата являлась необходимостью звѣду того, что остальные казаки, не бывшіе на службѣ, могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ и производить промыслы. Изъ отѣзжихъ карауловъ чаще всего упоминается карауль у Подстепнаго и р. Барбашовой. Учуговъ было два—одинъ на Яикѣ, другой на Барбашовой, у обоихъ учуговъ стояла караулы.

Въ одной изъ статей расхода значится ведро вина, данное Дурманову съ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 38, листъ 98.

товарищами, „которые учугъ для плавки запирали“. Извѣстно, что прежде чѣмъ начать плавку, Янки перегораживали учугомъ, чтобы рыба не ушла обратно въ море.

Какъ ни кратки, какъ ни беспорядочны эти записи, но все-же нѣкоторыя изъ нихъ являются цѣнными документами, освѣщающими подробности общественныхъ ловелъ и быта войска.

Такъ выясняется, что икра и рыба, отправлявшаяся для царскаго обхода—царскій кусъ—покупалась войскомъ у казаковъ.

Одинъ изъ такихъ расходныхъ листковъ неизвѣстнаго года говорить объ этомъ такъ:

„Реестръ что Чумаковъ на плавкѣ икры и рыбы куплено у кого и по какой цѣнѣ и то писано ниже сего.

У Меркульчика выпорото 26 осетровъ—отданы.

У Ивана Григорьевича выпорота 15 осетровъ—отданы.

У Петра Мелехина 29 осетровъ отдано цѣна за десятокъ по 2 руб. 10 к.

У Петра Батракова 1 осетръ отданы цѣна 10 алтынъ.

У Осипа Макарова осетръ отдано цѣна 30 алтынъ.

У Михиты Осиновскаго 2 осетра отдано цѣна 1 р. 80 к.

У Дениса Мурашкина 3 осетра цѣна 2 р. 60 к. отдано.

У Семена Погодина Малаго 1 осетръ 1 р. взялъ отдано.

У Ивана Головачева одинъ шашъ цѣна 60 к. отдано.

У Дѣтины Зарвомъ (?) 1 осетр. ц. 31 алт. 4 д.—отдано.

Куплено лукошечекъ 30, ц. по 1 алт. по 1 д.—отдано.

Отдано соли 7 пуд. цѣна по 10 коп.

Оданы лубки на крышки, цѣна 20 коп.

Одано Григорию Меркульчу за ведро за вино 3 руб.

За масло Чинареву дано 40 алт.

Дано Михайлѣ Чумакову за работу что на войско на плавкѣ икру дѣлалъ 1 р.

Дано Гутарю за уголья за 2 мышка 40 к.“¹).

Изъ этого видно, что для царскаго куса дѣлалась икра на осенней плавкѣ, видимо, осетры приготавливались или малосольными или изъ нихъ для этой-же цѣли выдѣльвалась балыкъ.

Кромѣ царскаго куса, войско посыпало подарки икрою и рыбью еще въ Казань митрополиту и вѣроизѣству и воеводѣ, а впослѣдствіи и губернатору, о чёмъ имеется много указаний въ листкахъ болѣе позднаго времени (до 1787 г.).

Сохранилась нѣкоторыя подробности и относительно багренья. Багрять могли только числившиеся изъ службъ. Остальныe же должны были взять изъ войсковой избы „печатки“. Стоимость ихъ неизвѣстна. По печаткамъ могли багрить не только казаки, но и ногородцы—работники.

¹) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 88, листъ 216.

На одномъ листкѣ неизвѣстнаго года сохранился полный расчетъ баграчеевъ того времени.

Всего войска иныхъ по списку на лицо 2854 человѣка.

Сверхъ сего баграчеевъ, которые багрили съ печати:

Казачьихъ дѣтей 369 человѣкъ.

Русскихъ работниковъ 238 человѣкъ.

Остальныхъ казаковъ 26 человѣкъ.

Всего 632 человѣка баграчеевъ.

Всего было баграчеевъ на ятви 3496.

А въ Коловертномъ багровъ было 3316 человѣка для того, что въ караулѣ 170 человѣкъ¹⁾.

Изъ этого списка, кромѣ того, видно, что производа багренье вблизи городка, войско не наряжало никакого караула, уѣзжая же дальше на путь и производя тамъ такъ называемое коловертное багренье, баграчи выставляли отъ себя караулъ, численность котораго доходила до 170 человѣкъ.

Нѣть сомнѣнія, что для царскаго куса во время багренья рыба точно такъ-же покупалась у казаковъ, какъ это дѣлалось и на плавнѣ, таѣ какъ было бы весьма странно, если бы это дѣлалось только на одной плавнѣ.

Изъ тѣхъ-же листковъ видно, что казаки, почему либо не багривши, получали за это отъ войска по 50 коп. Такъ въ одномъ неоконченномъ небольшомъ спискѣ казаковъ, неизвѣстно по какому случаю и когда составленному, противъ всѣхъ фамилій казаковъ стоитъ помѣтка: „взять 50 копѣекъ“; въ рѣдкихъ случаяхъ имѣются отмѣтки: „въ Руслѣ“ или „на Самарѣ“, „въ Казани“ „укре на Сулацкомъ“ (въ низовомъ корпусѣ) и т. д. Въ иѣкоторыхъ листахъ помѣтки: „багрить“ и отмѣтки о выдачѣ 50 коп. въ данномъ случаѣ не имѣется. По этому списку ясно видно, что деньги 50 коп. давались войскомъ только тѣмъ казакамъ, которые почему либо были лишены возможности багрить, это видно и изъ другихъ листковъ, такъ въ одномъ изъ нихъ говорится: „Дано за багренье Логинова команды Семену Простоку 50 коп.“ и т. д. Тоже имѣется и въ другихъ листкахъ съ отмѣткою „дано за багренье“²⁾ [28].

Мы видимъ въ этихъ листкахъ и цѣны продуктовъ того времени, цѣны на лошадей и различные предметы домашнаго обихода, но все же эти листки даютъ намъ лишь слабое представление о жизни казаковъ на Яикѣ въ то далекое время. Мелочная подробности ихъ правъ въ быта теряются совершенно. Не осталось почти никакихъ памятниковъ и вхъ обычнаго права, приговоровъ и постановлений вхъ вольныхъ круговъ.

Предъ нами, въ дошедшахъ до насъ историческихъ документахъ лишь аркою натѣю проходить ихъ беспокойная и тревожная жизнь, полная опасностей и приключений, рядъ безпрерывныхъ скватокъ и боевъ, то во времена

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., списокъ 107, кн. 88, листъ 218.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., списокъ 107, кн. 88, листы 177—182.

морскихъ налетовъ за добычей, то въ борьбѣ съ дикими ордами вначалѣ татарь и калмыкъ, а потомъ и киргизъ. Эти свѣдѣнія дошли до насъ тоже въ такомъ нечтоожномъ количествѣ, свѣдѣнія случайныя, свѣдѣнія, не дающія полной картины жизни тогдашняго казачества на Яикѣ. Но и по этимъ даннымъ боевая жизнь язекаго казака того времени рисуется очень ярко. Это были прежде всего воины, готовые каждую минуту встрѣтить врага съ оружиемъ въ рукахъ. Одни схватки съ киргизами — сплошное мужество, безстрашіе и геройство. Это цѣлая геройская эпопея упорной борьбы, жестокой беспощадной борьбы за право существованія. Эти схватки шли съ перманентнымъ счастіемъ, побѣды чередовались съ пораженіями. За часами великаго подъема духа, упоенія побѣдою, шли также думы о судьбѣ попавшихъ въ пленъ въ неудачномъ боѣ товарищѣ по схваткѣ.

Многое забылъ казакъ изъ этого далекаго прошлаго, но важдать сохранила картины этихъ кровавыхъ боевъ, этихъ бесчетныхъ схватокъ. Время стушевало отдѣльныя изъ подробности и въ народной памяти оставило обѣ нихъ лишь одну общую картину тяжелаго кроваваго цирка, гдѣ казацкая кровь и казацкія кости служатъ главными и основными фономъ.

Ужасны были эти схватки, но не обѣ одной изъ нихъ не сохранилось на Яикѣ такихъ подробностей, какъ о бояхъ на рекѣ Утвой, на рекѣ, гдѣ казаки терпѣли, вѣроятно, не разъ пораженія, гдѣ казацкая кровь лилась болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Обѣихъ бояхъ говорить заувытная казацкая пѣсня и передается изъ уст въ уст печальный разсказъ о легендарныхъ герояхъ богатыряхъ, погибшихъ отъ вражескаго коня.

„Какъ за рѣченкою было за быстрою
За Утвой,
За славнини было за Утвянскими
За горами,—
Распахана была тамъ пашенка
Яровая,
Не плугомъ была пашна пахана,
Не сохомъ.
Распахана была пашня булатными
Копіами,
Взборонена она была коневыми
Копытами.
Не рожью была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею,—
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ—
Санъ юхаль.

Засѣявшіи ею, онъ, добрый молодецъ,
Самъ слезно заплакалъ:
Ты рости, моя пашенка,
Зеленѣйся.
На поливочку, моя пашенка,
Не зайдѣйся".

Такъ говорить казацкая пѣсня о бояхъ на неудачливой Утвѣ.

Въ дошедшемъ до насъ преданіи разсказывается вѣсколько подробнѣе объ одномъ изъ такихъ боевъ.

— „Въ давніе годы,— говорилъ И. И. Желѣзнову казакъ объ этомъ преданіи,— киргизы отогнали у нашихъ казаковъ изъ подъ самаго города табунъ коней.— Казаки, какъ водится, пошли въ погоню за киргизами. Сколько было казаковъ, не умѣю сказать, а полагаю сотъ пять человѣкъ. Не добѣгая до Утвы-рѣки, казаки пошли на огнище, т. е. на такое мѣсто, где у киргизовъ былъ лагерь. Казаки на нѣкоторое время пристановились, чтобы осмотрѣть мѣсто. Между казаками былъ одинъ калмыкъ, человѣкъ старый, бывалый, третий ба札чъ. Осмотрѣлъ онъ огнище и говорить походному атаману:

— Атаманъ, вераитесь назадъ: удачи не будетъ.
— Почему ты знаешь? спросилъ атаманъ.— Развѣ не догонимъ?
— Нѣтъ, догнать—догонимъ, да не освѣшимъ.
— Отчего жъ не освѣшимъ?— спросилъ атаманъ.— Развѣ это другой какой народъ, че киргизы?
— Киргизы-то, киргизы,— говоритъ казакъ,— да только выродки изъ нихъ,— народъ самыи отчаянныи, огневой.
— Почему ты знаешь?— спрашивается атаманъ.— Развѣ видѣлъ?
— Не говоря ни слова, казакъ, съ лошади, поднялъ съ земли вѣсколько шашлыковъ (заостренныхъ палочекъ), на которыхъ киргизы жарили, подалъ атаману и говоритъ:
— Видишь, атаманъ, всѣ шашлыки закопчены, значитъ, всѣ въ дѣлѣ были; на каждомъ шашлыкѣ по три маленькихъ, бѣлыхъ пятнышка—выходить три маленькихъ кусочки жарились, — значитъ, люде єдатъ мало, а такие люди храбрые бываютъ. Не освѣшимъ мы ихъ.

— Трусу праздаешь,— сказалъ атаманъ калмыку и приказалъ отряду гнать дальше, а казакъ свое толкуетъ.

— Постой,— говоритъ онъ атаману,— я тебя до конца доведу.
— Казакъ пошелъ по огнищу и сталъ подбирать шашлыки, за каждомъ, словно нарочно, по три бѣлыхъ пятнышка—значить съ каждого шашлыка закусывали по трое; казакъ хорошо зналъ эти порадки. По шашлыкамъ и по пятнышкамъ сосчитать и воиновъ: вышло вдвое больше, чѣмъ казаковъ. Атаманъ и этого въ резонъ не взялъ. Потѣхали дальше. За Утвой-рѣкой опять

набѣжали на огневище. На этомъ огневищѣ опять тоже, что и на первомъ. Калмыкъ пристаетъ къ атаману: „Вернемся. Удачи не будетъ“.

— Убираися къ чорту или къ своему бурхану,—сказалъ атаманъ казаку и приказалъ гнать дальше.

Нагнали киргизовъ. Ози, приготовившись къ бою, стоять на прегорѣ. Казаки пріоставились, чтобы дать вздохнуть конямъ и оправить оружіе. Атаманъ спрашивается сонѣта у казаковъ, огонь ли сперва открыть или прямо на „уру“ идти. Подѣбажаетъ къ атаману калмыкъ и говорить:

— Мой сонѣтъ: ни огня не открывать, и на „уру“ не идти, а сейчасъ же соѣтиться и отбиваться. Непріятель ве по нашимъ силамъ. Смотри, весь непріятель въ панциряхъ.

Не успѣлъ казакъ рѣчь докончить, какъ киргизы закидали въ сандъ пошли на „уру“.

— Крѣпче стой, ребята!—закричалъ атаманъ,—да ужъ было поздно. Казаки дрогнули и пошли за утекъ. А сробили казаки, полагать надо, отъ того, что калмыкъ раньше всѣхъ настращалъ: „люди-ле огневые, храбрые, не оселяй“.
Да, ужъ, отъ того ли, не отъ того ли, а сробили срамники, и все недолга! Скверно, что и говорить!

Калмыкъ заскакалъ впередъ, остававливаетъ казаковъ:

— Стойте, товарищи! Стойте! Шеребьють они сандъ-то всѣхъ насть,

Куда! На казаковъ робость нашла, ози улепетываютъ, а киргизы знай поковыриваютъ ихъ извѣдъ, да поковыриваютъ,—киргизамъ „лафа“ вышла. Такимъ образомъ, киргизы израдное число нашихъ добрыхъ молодцовъ перекололи,—сакая малость, говорить, осталась вживѣ, воротилась въ городъ.

Вотъ съ чего и цвѣса изаязась:

„За рѣченькой за Утвою,

За той водой за черною“...

Атаманъ, говорить, сложилъ свою голову. Въ пѣсѣ ивогда поютъ:

„Застына пашенка тѣлами бѣлыми.

Одно тѣло лежать, катъ саѣгъ бѣло,—

Это тѣло кизачыаго атаманушки...

— Не поставь, Господи, въ осужденіе,—сказалъ разскажчикъ:—атаманъ самъ виноватъ. Упреждалтъ, вѣль, казакъ, что удачи не будетъ—не послушали: сакъ на себѣ певай. По человѣчеству судить, жаль атамана, жаль и казаковъ. Ворочемъ, ничего не подѣлаешь: не они первые, не они послѣдовате. На то и родимся, чтобы кровь свою за отечество пролить. Пуще всего жаль калмыка,—такой герой былъ, такой дошлыи. Не вернулся онъ въ городъ, пропалъ. Убили ли его киргизы, въ головъ ли взяли, неизвѣстно. Вѣроюта же всего убили: такая храбрая душа была ¹⁾“.

¹⁾ Сочиненіе І. И. Жаданова, Уральцы, изданіе 2, томъ 3, стр. 67. Утапинское побоище. Рассказъ казаха Афансія Дмитріевича Барсукова.

Памятники старины, сохранившіеся въ войскѣ отъ образованія войска до царствованія Екатерины I.

Въ течевіи полторастолѣтнаго самостоятельнаго существованія Яицкаго казачества, отъ его образованія до начала царствованія Екатерины I, въ войскѣ не сохранилось почти никакихъ памятниковъ. Осталось только мѣсто, гдѣ было когда-то вольное орлиное гнѣздо — Яицкій городокъ, окаймленный съ трехъ сторонъ рѣкою Яикомъ и съ четвертой, со степной стороны, обнесенный землянѣмъ валомъ со рвомъ. Это мѣсто вы俨ѣ составлять часть города Уральска и называется Куреніемъ. Здѣсь когда-то стояли казачьи курени; недалеко отъ Михайло-Архангельскаго собора стояли другія церкви: свят. Алексія, привезенная изъ Кирсановской станицы, и во имя св. Петра и Павла; тутъ-же недалеко была и войсковая изба, и пороховой выходъ, и домъ для колодниковъ; тутъ-же собирались по звону соборнаго колокола и войсковые круги. Но на этой колыбели казацкой воли не видаится ни одного памятника — свидѣтель старыхъ дѣлъ прияцкихъ орловъ. Только во вѣньи Куренію то тутъ, то тамъ находятся забытыя кладбища „казаковъ — яицарей“, кладбища, бывшия когда-то въ городе или вокругъ теперь несуществующихъ церквей. Одинъ только Михайло-Архангельскій соборъ стоитъ на старомъ мѣстѣ, гдѣ былъ когда то такой-же деревянный соборъ, здѣсь вокругъ него и рядомъ подъ домами всюду казачьи могилы. Въ этомъ-же соборѣ и видаются единственные сохранившіеся отъ сѣдой старины и пощаженные временемъ памятники этого далекаго времени. Однимъ изъ главныхъ памятниковъ является хранящійся въ соборѣ соборный диптихъ. Велся этотъ диптихъ съ основанія войска, со дна первой церкви, появившейся у вольнаго яицкаго казачества, которою, несомнѣнно, нужно считать соборъ Михаила Архангела, вѣрою, построенной въ честь царя Михаила Федоровича, при которомъ казаки правили подданство Москвы. Первый старинный диптихъ до此刻 не дошелъ. Онъ къ 1800 г. истрапался настолько, что церковный сторожъ Стефанъ Латухинъ рѣшился его переписать заново, объ чёмъ и гласить надпись въ началѣ книги: „переписалъ церковный сторожъ Стефанъ Латухинъ 1800 г., марта 23-го.“

Въ этомъ диптихѣ записаны цари съ Ивана Грознаго до царя Михаила Федоровича; въ немъ среди разныхъ именъ записаны, между прочими, имена убитыхъ подъ Азовомъ казаковъ.

Интересныи въ высшей степени являются и хранящіеся тамъ-же образъ, поставленный въ церковь ставичными атаманомъ Федоромъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, тѣмъ самымъ Рукавишниковымъ, ходатаемъ за войско, котораго по приговору суда Захаровъ предалъ самой мучительной казни — четвертованію.

Этотъ образъ Казанской Пресвятой Богородицы стоитъ въ алтарѣ, съ

серебраной выпуклой ризой (съ предстоящими вокруг лица Богоматери святыми: Гуриемъ, Германомъ, Фарсониемъ, преп. Пименомъ, св. Николаемъ в чудотворь, свят. Петромъ, Ольгиемъ и Тихономъ). На оборотѣ образа, на серебряной пластинкѣ надпись слѣдующаго содержанія: „1721 года, октября въ 15 день домового Воскресенского монастыря, что на Едесскомъ острову, игуменъ Пименъ благословилъ сию образомъ дѣтей своихъ господина атамана Яцкаго войска Федора Михайловича со всемъ его войскомъ”.

Образъ этотъ, какъ видно изъ надписи, былъ данъ Рукавишникову во время пребыванія его въ 1721 г. въ Петербургѣ пріѣхавшимъ туда изъ Греции съ Эдесскаго острова игуменомъ Пименомъ. Очевидно, Рукавишниковъѣздилъ къ нему по какому либо дѣлу и тотъ благословилъ его и все войско этимъ образомъ. 15 октября 1721 г. Рукавишникова не было въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ оттуда въ іюль, поэтому надо предполагать, что образъ былъ привезенъ къ нему позже, послѣ уже сдѣланной игуменомъ Пименомъ надписи на оборотѣ образа.

Не меѧть цѣнности памятникомъ этого времени являются серебряная вызолоченная чаша и вѣсколько такихъ же малыхъ блюдецъ, находящихся въ томъ же соборѣ. На днѣ чаше имѣется надпись: „сіи сосуды церковные приложилъ походный атаманъ Иванъ Щелкунъ и есаулъ Иванъ Логиновъ, а вѣсу въ вихъ рѣвъ” (т. е. 158 золотниковъ).

Это даръ церкви известнаго уже вами счастливаго походного атамана Щелкунова, не разъ разбивавшаго киргизъ. Даръ этотъ былъ, вѣроятно, положенъ имъ въ бывшемъ виѣтѣ съ виномъ въ какомъ либо бою есауломъ Иваномъ Логиновымъ (впослѣдствіи главаремъ казачьей партіи) послѣ какого либо удачнаго набѣга на киргизъ или какъ исполненіе обѣта, данного имъ по случаю счастливаго окончанія какого либо опаснаго дѣла.

Къ этому-же времени надо отнести хранящееся въ томъ-же храмѣ юдное панкадило, пожертвованное казаками послѣ какого-то похода, какъ воеводы дѣбича. Это панкадило о семи свѣчахъ, внизу его имѣется шаръ, на которомъ надпись: „PAL HART IVRGEN HART HABEN DIESE KRON IN DIESE KIRO VOR EHRET 1662.”

Можно предположить, что панкадило было привезено казаками послѣ ихъ похода подъ Рагу при царѣ Алексѣ Михайловичѣ или послѣ Шведской войны при царѣ Петре.

Изъ другихъ памятниковъ особенно интересны 12 книгъ менеѣ иѣсачныхъ въ $\frac{1}{2}$ долю листа, Московской печати при царяхъ Иоаннѣ и Петре Алексѣевичѣ и патріархѣ Андріаѣ, напечатанныхъ въ 1692 году.

На одной изъ книгъ, именемъ Іоанна иѣсачца, съ первого-же листа сдѣлана чернилами надпись склонностью XVII вѣка: „По указу великаго государя куплена сія книга иѣсачная менеѣ изъ его великаго государя казенѣ изъ приказа казанскаго дворца и послана на Ямъ, вновь построенну церкви святаго небеснаго силь воеводы архистратига Михаила, 1705 г. октября иѣсачца.”

Эти книги были даны войску послѣ пожарного разоренія, бывшаго приблизительно въ 1683—85 г., когда сгорѣли въ городкѣ всѣ церкви. Видимо, окончательно отстроился городокъ и церкви были возобновлены лишь къ 1705 г., когда и были даны книги во вновь построенную, взамѣнъ сгорѣвшей, соборную церковь во имя Михаила Архангела.

Но такъ какъ эти книги были уже новопечатныя, т. е. исправленныя, то совершать по нимъ службу явицае казаки, бывшіе тогда сплошь старообрядцами, не пожелали и они хранились безъ употребленія вплоть до середины XIX столѣтія, когда были переданы войску во вновь построенный первый православный храмъ въ г. Уральскѣ во имя св. Александра Невскаго, гдѣ и находятся въ настоящее время.

Это единственные памятники старины того времени, дожедшіе до наст. Съ возникновенiemъ въ настоящее время войскового музея этимъ драгоценнымъ реликвіямъ того далекаго времени должно быть отведено почетное мѣсто въ этомъ музѣѣ. Вѣдь эти предметы принадлежать войску—это его неотъемлемая собственность и потому они и должны находиться, какъ памятники далекой минувшей старины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ собраны и будутъ сбираться эти предметы—въ войсковомъ музѣѣ.

ГЛАВА XXXI.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Во время печатания настоящего очерка было найдено много документовъ допетровского времени, которые не вошли въ соответствующія главы. Ввиду же особой важности вѣкоторыхъ изъ нихъ и виду того, что второе изданіе очерковъ едва ли возможно ожидать въ ближайшемъ будущемъ, является необходимость привести здесь вѣкоторые изъ нихъ, какъ материалы для истории войска.

Привѣщаю наиболѣе интересные изъ нихъ.

1534 г.

Ногайские мурзы, Кушумъ-мирза и другие, не посыпая своихъ пословъ въ Москву, какъ выражение дружбы, жаловались за царя:

„Да съ посылающими своихъ мещерскихъ казаковъ на всякое лѣто тысячи у насъ ковей отгавивали всякой-же годъ. Баракъ-батыръ въ Казань было-бы съ посланъ—всѣхъ ихъ было шестьдесятъ (60) человѣкъ да на дѣтей тысячу московскихъ денегъ таовару съ ними послать да 400 по головьемъ ковей у нихъ было да у нихъ-же 1000 было овецъ—то все у нихъ позвали ваши казаки мещерскіе да у нихъ-же четыре человѣкъ убили до смерти да двухъ человѣкъ полонили головами свели, да спрѣчъ того нашихъ людей сорокъ человѣкъ изъ Казани шло и мещерскіе казаки у нихъ трехъ людей взяли головами”¹).

1538 г.

На нихъ-же жалуется Калимагметъ мурза: „Когда стояли на Волгѣ мещерскіе казаки взяли четыре паробка” (взрослыхъ ребятъ)... Послать послы Байтерена а съ ними сто человѣкъ да съ нами гозца своего Кульбалду и съ ними царскій посолъ Рхоза Азей (былъ) и казаки ихъ потоптали, 50 человѣкъ привели къ ногаимъ живы и взяли у нихъ двѣ тысячи лошадей”².

На эту жалобу Грозный отвѣтилъ: „На поле ходить казаки мнозиѣ Казанцы, Азоцы, Крымцы, и иные балонои казаки. А и нашихъ украинъ съ ними иѣшавшии ходить и тѣ люди кѣкъ замъ тата, такъ замъ тата и разбойники и на яхко ихъ никто не учѣть а учиниши которые лихо, разъѣжаются по своимъ землямъ”³).

1549 г.

Письмо ногайскаго кагаза Юсуфа І'ровскому: „О сей-же годъ ваши ходили къ Москвѣ съ торгомъ. Да осенью, какъ шла назадъ то ваши казаки и севрюки (русскіе жившіе въ сѣверской украинѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра),

¹) Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Ногайскія, книга 2, листы 9—11.

²) Продолж. Древн. Россійск. Византійск., томъ 8, листы 60—61.

³) Тамъ-же, страница 75.

которые на Дону стоять, пошли за тѣхъ нашихъ людей да иныхъ побили и купы ихъ взяли а иныхъ къ тебѣ повели” ¹⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ просилъ переловить всѣхъ казаковъ за Дону и прогнать ихъ съ Дона: „которые разбойники русь живутъ на Дону ты къ намъ пришлешь или ихъ изведешь то братству знамя будетъ” ²⁾.

На эти письма Грозный отвѣтилъ: „Да пасаль еса къ намъ, что на Дону стоять Русь разбойники и гостей вашихъ грабить. И намъ бы ихъ къ тебѣ прислали или ихъ извести. И тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома а отъ насъ бѣгаютъ и мы напередъ сего посылали и не единова чтобы ихъ переносиши. И наша люди добыты ихъ не могутъ. И вы и нынѣ посылаемъ тѣхъ разбойниковъ побивати и которыхъ добудемъ и мы ихъ казнимъ” ³⁾.

Въ другой грамотѣ, посланной Иваномъ Грознымъ Ногайскому князю Изманну на Яикъ 28 июня, говорится слѣдующее: „И мещерскимъ есма казакомъ приказали накрѣпко чтобы вашъ лиха никакого во чинили. А вѣ-
что которые казаки безъ вашего вѣдома учавуть приходить шашень (?) и вы бѣ тѣхъ ведѣли имати. Да которыхъ изымаете и вы бѣ тѣхъ къ намъ прислали и мы тѣхъ велимы казнити передъ вашими людьми чтобы впередъ иные вашъ лиха ни котораго не чинели” ⁴⁾.

1551 г.

Письмо отъ Юсуфа ногайского князя Грозному: „И другъ бы мой пословъ нашихъ и гонцовъ чистъ то дружба и знамя; а севрюкомъ и казакомъ своимъ, которые промежъ насъ разбиваются не вели ходить то твоя къ намъ дружба” ⁵⁾.

1554 г.

Изъ грамоты Ивана Грознаго къ Изманну ногайскому князю на Яикъ: „А которые казаки на Волгѣ гостей вашихъ грабили, били а мы тѣхъ казаковъ предъ вашими послы велели казнить. А которые впередъ учавутъ на Волгѣ стояти и посломъ и гостемъ лихо дѣлать и мы тѣхъ такъ же велели казнить. А которые казаки выѣхъ отъ насъ бѣгаютъ и хоронятся на Волгѣ и какъ ледъ придетъ и мы за тѣхъ посылаемъ и многихъ своихъ людей и велимы ихъ тамъ побить чтобы лихихъ людей межъ нашихъ людей не было” ⁶⁾.

1557 г.

Изъ письма отъ князя Изманна изъ Сарайчика, отъ 1 августа, къ Грозному: „Иванъ Черетиншавъ (казакъ) улусы воевалъ и полонъ поймалъ, сто душъ полону взялъ, просили если и вашъ не отдали и ты бѣ отгрозяся на нихъ крѣвкою грозою и полонъ взвѣзвъ замъ отдать и если тотъ полонъ

¹⁾ Тамъ-же, страницы 146—147.

²⁾ Тамъ-же, страницы 143—149.

³⁾ Тамъ-же, листъ 138.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 135—136.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 225.

⁶⁾ Тамъ-же, томъ 9, листъ 121.

до насть не дойдеть и ино твоя правда нарушилась". Изъ дальнѣйшаго письма видно, что въ Сарайчикѣ на Яикѣ у ногаевъ было паше: „А пашю Сарайчиковскую вода взала и улусы наши животиною обмерли и головы есмы и ты бъ намъ прислалъ на семена хлѣба и запаса хлѣбаго и юду прашла намъ четыре суды (посуды)" ¹⁾.

Изъ этихъ данныхъ видно, что казаки, особенно мещерскіе, еще до взятія Казани и тотчасъ послѣ ея взятія гуляли на Волгѣ и громили ногаевъ; по-этому вѣтъ ничего удивительнаго, если шайка атамана Гуги въ это время уже была на устьѣ Яика.

1578 г.

Нѣкоторыя подробности относительно грабежа Сарайчика въ 1578 году выются, между прочимъ, въ перепискѣ Грознаго съ княземъ Урусомъ. Дѣло выговоръ Уруса за грабежъ пословъ, Грозный въ 1581 году въ маѣ послѣдѣцъ писалъ ему:

„И вами впередкахъ мочко терпѣти видѣ такие ваши неправды и такое кроворозлитье отъ вашехъ людей нашихъ людемъ починилося, а прѣжъ сего наши казаки изъ Астараханы неиноги безъ нашого вѣдома ходили и что наши казаки надъ вашимъ Сарайчикомъ учивали то вами самими вѣдово; а то мы за такие ваши неправды и грубость передъ нами повелѣмъ и васъ самихъ воевати и ваши улусы казакамъ же Астраханскимъ и Волскимъ и Донскимъ и казанскимъ и мещерскимъ и надъ вами надъ самими досаду и не такову учиватъ и намъ уже нынѣка казаковъ своихъ унити не мочено, а къ вамъ выне послѣднее приказали есмы съ служилыми татарами и свою грамоту къ тебѣ къ Урусу кнѧзю послали есмы что намъ своихъ пословъ за такие ваши неправды впередъ къ вамъ посыпать нельзя" ²⁾.

Въ грамотѣ 1581 г. 27 сентября отъ царя Ивана къ астраханскому воеводѣ и къ дѣкану Петру Федорову съ товарищи о грабежѣ Сарайчика приказано было сказать Урусу:

„А будеть отишемъ къ вамъ Уресь что наши казаки у него Сарайчикъ сожгли и на Волгѣ пословъ его побили, а онъ бы послать къ намъ и вѣбъ отписали, что ваши казаки на Сарайчикѣ не хаживали, а воровать на Сарайчикѣ приходили блѣдые казаки которые бѣгая отъ насъ искутили на Теркѣ на морѣ на Яикѣ а и на Волгѣ казаки донские пришедъ съ Дона своровали и нашихъ дѣтей боярскихъ и ихъ пословъ перебили и переграбили и мы тѣхъ воровъ сискавъ велѣли, а сискавъ ихъ казнить велѣмъ" ³⁾.

1581—1582 г.г.

Изъ этой-же переписки видно, что многие казаки, ограбивъ Сарайчикъ,

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, дѣла ногайскія, книга 5, листы 32—34.

²⁾ Моск. Арх. Имп. Им. Дѣлъ, дѣла ногайскія, кн. 10, 1581—1582 г. № 65.

³⁾ Тамъ-же, листъ 247.

ушли снова на Волгу и тамъ въ 1581 г. ограбили юхавшихъ отъ Уруса хивинскихъ купцовъ, пословъ Уруса и царского посла, бывшаго у Уруса, боярского сына Василія Пелепелицкаго съ товарищи:

„И отпустилъ ихъ Урусъ князь и всѣ мирзы пословъ своихъ къ государю послали, а всего де ногайскихъ пословъ было съ ними и тезиковъ (купцовъ) визирскихъ и хивинскія земля шестьдесятъ семь человѣкъ а лошадей съ ними было съ семьсотъ лошадей. И какъ они пришли съ ногайскими послы подъ Сосновый островъ на Волгу за перевозъ, и на перевозѣхъ и на Волгѣ казаки Иванъ Кольцовъ да Бойданъ Борбонъ да Микита Панъ да Сага Бодыря съ товарищи почали ногайскихъ пословъ и тезиковъ перевозити по прежнему обычаяу, касы добрыми дѣломъ, а дѣтей боярскихъ Василію Пелепелицкому съ товарищи и иль служилымъ татаромъ Башкешу съ товарищи говорить почали, что они напередъ перевезутъ татарскую рухладь и татарь съ половиану; и пришли съ обѣихъ сторонъ Волги на нихъ многіе люди, и дѣти боярскихъ а вхъ громили и переграбили и они де служилые татарове утекли у казаковъ вверхъ по Волгѣ позиже Лопатина острову, а дѣти боярские Василій Пелепелицкаго съ товарищи чашть утекли, а ногайскихъ пословъ и тезиковъ переграбили и самихъ перевозилъ, а за дорогъ они слышали у мордвиновъ, что дѣти боярские утекли на Алатирскую украину“¹⁾.

Объ этомъ-же грабежѣ Пелепелицкаго, прибывъ въ Москву 1 сентября 1581 г., заявилъ слѣдующее:

„А какъ Урусъ князь отпустилъ (Василія Пелепелицкаго) къ государю да своихъ пословъ Демкару (?) съ товарищи всего шестьдесятъ семь человѣкъ и съ тезиками къ государю отпустилъ съ Васильемъ виѣтѣ, а лошадей у пословъ и у тезиковъ семьсотъ лошадей, и какъ де пришли они на Волгу на Сосновый островъ и послали напередъ себя къ Волскимъ атаманамъ и изъ казаковъ, чтобы ихъ велила перевезти, и атаманы де и казаки велили ихъ перевозить да пословъ де ногайскихъ и тезиковъ на перевозѣ побили и лошади и таваръ у пословъ и тезиковъ понимали, да и у Василія де у Пелепелицкаго съ товарищи и у служилыхъ татарь лошади и рухладь понимали, и Василій Пелепелицкаго атаманъ и казакъ говорилъ, чтобы они ногайскихъ пословъ и тезиковъ не побили въ грамотѣ-бы ногайскія отдали ему Василію а казаки де ему сказали, что у нихъ урусовъ послъ живъ да товарищъ его ногайскихъ пословъ человѣкъ съ тридцать да иныхъ де ногайскихъ пословъ и тезиковъ побили да и грамоты де ногайскія у пословъ мыжъ понимали“²⁾.

Что Москва хорошо умѣла отличать казаковъ волжскихъ, донскихъ и другихъ другъ отъ друга, видно изъ многихъ приѣровъ въ перенескѣ царя Ивана Грознаго съ ногайскими князями Урусомъ.

¹⁾ Тамъ-же, листы 141—142.

²⁾ Тамъ-же, листы 147—148.

Такъ въ письѣ 1580—81 годовъ Грозныи пашетъ Урусу:— „А иного ссора чвациа от того з Днепра приходитъ атаманъ Федко Безтужевои Днепровскими казаки по третье лѣто на Волгу и тѣ иного воровство чинять і нашехъ людей грабить и побивають и на улусы ваши приходить и въ полонъ симлють а посыласть король литовскій и тѣхъ атамановъ съ Датира а хочеть насть съ вами ссорити” ¹⁾.

Когда же атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ въ тѣ же годы разгромилъ во-гайцевъ, то Грозныи писалъ Урусу:

„А что у тебя казаки Волские Ермак с товарищи отогнали тысячу шестьдесят лошадей да убилъ твоего человека Батугана и мы того сыскатъ велѣли а сыскавъ тебѣ о томъ впередъ вѣдомо учинимъ съ своимъ посломъ а приходятъ на Волгу многие казаки з Днепра и з Дону и воруютъ и оприч Волскихъ казаковъ и мы того сыскать велѣли накрѣпко” ²⁾.

Въ его-же грамотѣ къ Строгоновыи, по поводу избоя изъ Ермака для охраны своихъ промысловъ и для посыпи въ Сибирь, говорится: „А не вышлиете изъ остроговъ своихъ въ Перъе волжскихъ казаковъ атамана Ермака Тимофеевича съ товарищи” ³⁾...

Несколько сильны и многочисленны были въ свое время волжские казаки, видно изъ того, что во времена войны поляковъ съ турками подъ Хотинъ, когда запорожцы оказали действительное участіе, притло на помоць двадцать тысячъ волжскихъ казаковъ. Они пришли поздно, королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками ⁴⁾.

1585 г.

Изъ некоторыхъ документовъ видно, что яицкіе казаки не только имѣли городки за Яикъ, но и за Энбѣ, куда заходили, вѣроятно, не иначе, какъ съ моря.

Такъ бывшій въ 1585 г. посланникъ въ Турція бояринъ Благовъ доносилъ царю:

„Да приходилъ къ Крымскому царю изъ Ногай отъ Уруса визирь посолъ Кутлабердей да отъ Шабай Мурзы посолъ Тумаръ и на посольствѣ говорилъ царю... а вывѣбъ турскій (султанъ) посланъ подъ Астрахань своихъ людей а они съ турского людемъ готовы всѣ а Московской (цары) де вынѣ съ нами завоевалъ и отъ московскаго намѣ ученилась тѣснота великая ныне московскій учениль на Волгѣ казаковъ многихъ и улусы мордаки пограбили многіе и отъ Волги ихъ (вогаевъ) отбили всѣхъ и Кучукъ миризина Севдѣ-Ахмета сына улуса отромили весь, и Мильдеша кучкова убези а ныне ходили воиномъ къ Кину Кайчану за Узанэрку, а

¹⁾ Тамъ-же, листъ 87.

²⁾ Тамъ-же, листъ 120.

³⁾ Дополн. къ актамъ истор., кн. 1, статья 128.

⁴⁾ Костомаровъ, бунтъ Стеньки Разина, его ссылка на Айтосинъ Сам. Величко, 1 прил., стр. 24.

за Яикомъ днища съ три воевали по рѣку по Емъ и иль отъ московскихъ людей впереди прожить не можно: на Волъ и на Яикъ и на рѣкѣ на Эми поизставили городки мноте а крымскихъ пословъ Урусь князь посыдалъ къ московскому; тѣмъ посланъ на Москвѣ бѣзчестье было великое мало не побили на смерть и Урусь князь потому вынѣ съ Московскимъ завоевались¹⁾.

1586 г.

О первыхъ стычкахъ яицкихъ казаковъ съ татарами сохранилось весьма мало документовъ. Лишь весьма незначительные изъ нихъ найдены въ ногайскихъ дѣлахъ. Изъ этихъ документовъ видно, что у казаковъ на Яикѣ былъ не одинъ городокъ, а три и что казаки не только отбили нападеніе татаръ на Кошъ-Яикъ, но разбили ихъ и преслѣдовали, при чёмъ при преслѣдованіи вновь разбили ихъ окончательно.

Въ отписѣ въ Посольской прказѣ отъ астраханского воеводы князя Лобанова-Ростовского съ товарища въ 1586 г. въ августѣ иѣсацѣ, между прочимъ, о казачихъ дѣлахъ на Яикѣ говорится слѣдующее:

Августа въ 25 день прѣѣзжали изъ Нагаи юртовские татарова Байлъ-Тей да Казы-Майданъ, а посланы съ служивыми татары зъ Бахтеюромъ съ товарищи, а сказаль что Урусь князь Байлъ-Тей оставилъ у себя а къ Шадихъ-Мету послаль Байтерека а Курмаметъ... самъ де ко иѣѣ государь что наимъ... дани не имати і выѣѣ дѣ... дани не имали а Ивана де Хлопова Урусь князь хотѣль отпустить къ тебѣ ко государю и какъ де прїѣхали Бахтеюръ съ товарищи и Урусь де князь Ивана Хлопова оставилъ у себя а были де мы у Уруса князя тово-жъ дне въ которой день прїѣхали, и Урусь де князь твою государеву грамоту прочелъ да... замолчалъ, а Иванъ де Хлоповъ у Уруса князя въ тѣ поры не бытъ, да приходили де казаки на Хозинъ улусъ и убили Бабу-Хозю да жену его да взяли ее полонъ Карапшманъ хозяина жену Абу Ургу-ову сестру а Карапшманъ де Хозъ утекъ, а были де на тои дѣла Шад-Ахметъ-Мирза да Кучкъ-Мирза да Ханъ-Мира да Ярасманъ-Мира да Сатый-Мира и казаки де отъ нихъ отошли за лесь, а взяли де у Нагаевъ казаки ногайскихъ людей и полону съ триста душъ а атаманъ де у казаковъ Матюшою зовутъ, а было де сказывають казаковъ человѣкъ съ пять сотъ, а поставлено де государь у казаковъ на Яикѣ три городки, да взяли де казаки у Нагаевъ съ три тысячи животинъ да пятнадцать пансырей, а приходили де казаки на улусъ на Яикѣ въ полдни, да убили де казаки Сатинева улусу Накима Накетъ де Ураза, да ханъ-Марзана Юшава улусу Куюка Багатыра, и дѣти де вихъ насть не хотѣли отпустить и мы де побежали да тому де иѣсца съ полтора отпуст(иль) было къ тебѣ ко государю

¹⁾ Моск. Арх. Инв. №. Дѣлъ, дѣло Турецкія, кн. 2, листы 404—408. Донесеніе послы боярина Благова.

Урусь князь Ивана Хлопова и приходили де государь казаки на боломоль-
цовъ на Хозинъ улусъ в улусъ погромили, а взяли полону душъ за деясте,
да убили старово Хою да Акъ (?) Хозю и животину коровы и овцы ото-
гнали а соевали улусъ три дни и Урусь князь для того Ивана Хлопова
и не отпустилъ, а говорилъ де Урусь князь в Мирзы: государь де къ намъ
прислалъ пословъ да и вони за нами прислашь, а приходили де тѣ люди
на наши улусы съ Асторожанскихъ воеводъ въдома, а сказываютъ де, что
Урусь князь и миры пословъ не грабили и людей ихъ не продавывали, а
хочеть де Урусь князь съ нами холопи твоими поговорити отчево... задоръ
сталь... вить (?) (быть) да тогда де и пословъ отпустишь, а изъ за Яека
де Урусь князь и миры поворотили да половники-жъ сказали поставили де...
(воровскіе) люди городъ на Коши-Яике... къ городу (приступалъ) Ханъ-
Мирза да Ярасланъ Мирза съ ногайскими людьми и руские де люди
Наиан побили, а у рускихъ людей побитые есть же, и Урусь де князь
и миры звираютца съ людми а хотеть ити въ новому городу, а говорить
только де городъ возьмуть и въ де сказываютъ ити кочевати къ Асто-
рохану и только де города не возьмуть и въ де кочевать за Сыръ реку,
а какъ де государь Нагайски люди приходили къ новому городу и взяли
подъ городомъ твоихъ государевыхъ людей трехъ человѣка и привезли въ
къ Урусу князю, и Урусь князь ихъ распрашивалъ про городъ и они ска-
зали что города крѣпокъ взяти имъ города нельзя, а Бухарской де царь
сево лѣта въ Нагай торговыкъ людей не отпустилъ еи одновѣка, и
Нагай де стала наги, да сеъ де засы ходиль Ханъ-Мирза на Туркменца
и бой у нихъ съ туркменцами былъ а того не вѣдается на чёмъ розошелся, а
Иванъ де Хлоповъ стоять у Тиналь-Суы близко Уруса князя, а пословъ
де не грабили а казаковъ де Наиан облеми а казаки де стоятъ на
Яике въ крѣости а около ихъ вода и суды и лошади и животина у
нихъ есть... Да Ахметъ же сказашъ еже де государь на Нагаевъ при-
ходили казаки и етъ де поры пришелъ на Нагаевъ, дожжъ великой
и после де дожжъ учали наиан сушились и казаки де на нихъ дру-
рий пришли потайкомъ да у нихъ побили многихъ людей а низвѣхъ
людей убили Кочкара Ишандеша Урусову лутчеву человѣка, а прежде ю-
сударь того приходили на казаковъ Шида-Ахметъ Мирза да Кучукъ Мир-
за и иные кари и къ городку приступали и казаки де убили у нихъ на
сылаке тринадцать человѣкъ и они де и прочь пошли да приходили де
ханъ Мирза къ тѣмъ же казакамъ а съ вимъ шесть сотъ человѣкъ и
казаки де подкрадчися лѣсомъ да на нихъ приходили и ногайские де лю-
ди поутекали... да государь же ставитъ города на Самаре и
на Бѣлой Волошке и на Урѣ и на Яике и мнѣ де какъ государевыхъ
пословъ и своихъ за то отпустятъ и миры де государь и черные люди уч-
ли Урусу князю говорятъ пословъ де государевыхъ затѣмъ не держи и своихъ
пославъ а о томъ пиши ко государю, и въ тѣ де поры пришли казаки на

Хозины улусы на Боломоловы на Каражин и на Бабехозин и на Ка-
раасман Хозин и тъ улусы погромили да в тых же де улусех... ка-
заки Исмаилеву княжную доч Урусову сестру а имени еи не упомнит
и Урус де князь учал говорати мирази и черные людем смотрите де вы го-
сударева правды кой де час к намъ грамоты прислая тот де час на нас и
казаки пришли, и миразы де государь и черные люди о том учали говорати
Урусу князю о томъ де пиши къ государю а государевых послов не... ка-
заки де у них отъромили тритцат пансырев да спъда и саадаки пои-
мали и после де государь того приходили на тых же казаков Урус князь
Шияд-Ахмет мираза Ур-Магамет мираза шесть братов да Хая-мираза Урусов
княжой сынь а с ними вся ногайская орда и приступили к городку с
приметом а хотъли приметав лъс да городок зажеч да тут же де
было ногай доисти человѣк с рушнициами и казаки де вылезли из го-
родка да ногайских людей побили и убили у них с доисти человѣк и
рушница у них и рухляд поимали и Урус де князь и миразы и вся Но-
гайская орда от городка и проч пошли, да отшедчи от городка и пришол
де за них дождь и град и шол вся поч в ози де омыши (обилюшка) да по-
чали было сушатца и казаки де государь пришли на них тиском (тиш-
комъ) разделяся на шестеро и побили у них полону ногайскою с три-
ста душъ да шесть сот лошадей, а полов де давали казаки на окунь ви-
гааем а с лошадми пошли на украины да Ахмет же сказал говорит де и
миразы и черные люди только де на сей земль с Асторожаво не помиримся
и у ногай де умышленье иных хотят итти в Бухару¹⁾.

Отвѣчав Урусу на его жалобу о грабежѣ казаковъ, царь писалъ:

...а слух нас дошел будто за то их не отпустили, что бѣлые казаки
воры, которые жили на Воле и наших людей судовых побивали и гра-
били и на ваши улусы приходили, и мы их велики перенимат и каз-
ним и они збежавъ от нашие рати на Яик да Урусовы улусы погра-
мили и людей побили и... вами издавна всѣи вѣдомо что казаки воры то
дѣлают без вашего вѣдома как ваших громат так и наших судовых людей
бьют и грабят и до смерти убивают, а наши люди гдѣ тѣх воров кого ни
поймают тут и казнят смертью²⁾.

Найдены въкотория подробности о нарядѣ 150 чел. яицкихъ казаковъ
въ 1586 году съ царевичемъ Муратъ-Гиреемъ въ Крымъ (см. 81 стр. наст.
очерка.)

Въ числѣ атамановъ, пошедшихъ съ этой станицею, была Матюша Меще-
ракъ (а не Мазинка Мещеракъ, какъ напечатано на 81 стр.)³⁾ Ермакъ Пе-

¹⁾ Моск. Арх. Ии. Дѣлъ, дѣло ногайскій, дѣло 1586 г. дѣло № 1, картонъ 1, листы 18—33.

²⁾ Тамъ-же, дѣло № 4, картонъ 1, листъ 6.

³⁾ Это произошло по ошибкѣ переписчика, переписывавшаго этотъ документъ въ архивъ и сдав-
шаго его Ии. П. Хорошеву, который документа не проверилъ. Лишь по свѣркѣ его именемъ, далеко
позже посѣтившимъ главы, оказалось, что это не Мазинка, а Матюша Мещеракъ.

тровъ, Ортѣхъ Боздыревъ и Тихонъ II—шъ. Пріѣдя на Самару и явившись воеводѣ, казаки показали дурность. На требование воеводы отдать награбленную у ногаевъ добычу, они не только ее не отдали, но заявили бывшимъ тутъ жалобщикамъ ногаямъ, что они громили по указу государя и ограбили ихъ второй разъ. Но воеводѣ удалось захватить атамановъ Мещеряка, II—ша и еще трехъ человѣкъ и арестовать ихъ. Остальные отправились заслуживать венца въ Астрахань, куда и прибыла благополучно.

Воевода самъ не рѣшался вичего предпринимать съ виновными атаманами, а послать доносеніе въ Астрахань. Но пока это доносеніе шло, арестованые атаманы, согласившись вмѣсть съ литовскими вольнонаемными ратными людьми, вздумали сжечь городокъ и освободиться при помощи остальныхъ яицкыхъ казаковъ, оставшихся на Яикѣ. Объ этомъ говорить дошедшая до насть человѣтая Федора Гурьевъ съ товарищи, посланныхъ изъ Москвы съ ногайскими послами къ ногайцамъ осенью 1586 г. Человѣтная эта во многихъ мѣстахъ нестала и чернила вылили такъ, что разобрать ее весьма трудно.

«Государю царю великому князю Федору Ивановичу всеа русіи,—говорится въ человѣтной,— холопи твои государевы Фетько Гурьевъ да Иванецъ Страховъ да Рат(з)оенъ (?) Хорошъ челомъ бывут. Посланы государь мы въ лаган замерзли суды наши врозни а заземовали... мы и ногайские послы съ нами вмѣсте какъ снеслися съ судовъ въ зиму ниже Самарсково города 20 верстъ въ Пилихмицкихъ горахъ; писалъ государь къ намъ марта въ 19 день твой государевъ воевода князь Григорей...евичъ Заслькинъ и (изъ) Самарсково города, что тебѣ государю изменили... которые на твоей государеве службе въ Самарскомъ городѣ зговоряся съ казачьими атаганы которые перевезены въ твой государеве опале съ Матюшено... Мещерякомъ да съ Тимохой съ П-шемъ и съ ихъ товарищи... и ты насть ити въ ногай и Самарсково города и велелъ... сыскавъ (?) ногайскому погрому казачью рухладу да... енкуда и детину отдать передъ нами ногайскими писломъ а въ распросе государь и на щытке твоему государеву воеводѣ... (сказали) атаманы и лита что послали вѣсть на Волгу на Устяка и на Яикъ катаманамъ и къ иныхъ товарищемъ а вел... (ѣла) бытъ вѣсьмъ наѣвшаго 95 году (1587 г.) къ твоему государеву городу къ Самарскому на Олекствъ девъ человѣкъ Вожия или на Благонѣщеневъ день а не будутъ за тѣ сроки... вода расположица да воеводу и всѣхъ людей побить и городъ жечь и прашедъ въ Шелехицкие горы и насть холопей твоихъ и ногайскихъ поиски побить и казака твоа... взятъ и казнь Григорей государь велѣлъ намъ бытъ въ городъ съ твою государевою казною и ногайскими послы, а мы тотчасъ пришли съ ногайскими послы и твою государеву казну на себѣ перевезли въ городъ, а мы государь и ногайские послы свою рухладъ воясими къ городу, да ногайскимъ же поиски князь Григорей да рухладъ возитъ двадцать стрельцовъ да всѣхъ улусовъ изогне татаровъ изъ зимовья вѣйдутъ въ городъ а казнь Григорей государь послалъ къ татарамъ въ зимовье сына боярсково да двадцать человѣкъ стрельцовъ да десятъ человѣкъ литви для береженъя; писалъ ты государь въ новой городъ въ Самарской

к воеводе ко князю Григорию Засекину с сыном боярским с постяником с Косытовским а и нам холопем твоим писал с толмачем служивымъ Зиньгилемъ Испеевымъ... Матюшу Мещеряка да Тимоху Пи-ша да иныхъ изъ товарищъ пущих велѣл казнити передъ ними послы смертною казнию, и князь Григорей велел повѣсит знати человѣкъ Матюшу Мещеряка да Тимоху Пи-ша да Иванка Камышника да дву товарищъ с ними пущихъ, а рухледи государь прислав одал нагайскимъ послом с посником с Косытовскимъ передами завѣска... золотная да серебряная дороги алы да єерези дороги зелены" ¹⁾ в т. д.

Относительно же прибывшихъ въ Астрахань 150 яицкихъ казаковъ имѣется указавіе въ грамотѣ, посланной изъ Москвы въ 1587 г. 26 февраля къ Астраханскому воеводѣ князю Лобанову Ростовскому.

"И вы-бѣ ратвыши людемъ,— говорится въ грамотѣ,— всѣми стрѣльцомъ и казакамъ велѣли быти наготовѣ съ царевичемъ съ Муратъ Гирѣмъ да и тѣ бы казаки, которые громили ваганы на Яикѣ а нынѣ они прѣѣхали съ вами въ Асторохань и выбѣ имъ нашу службу сказали съ царевичемъ, а говорили вѣль, чтобы они наша оналы за себя не опасались, хота они съ ваганы и скорили сами насть, токмо ихъ нынѣ пожаловали оналы отдали и были-бѣ они на нашу службу готовы а они бы впередъ че воровали да то бы они не... (здѣсь много строкъ совершенно выщѣли и прочесть невозможно) переплыли на Волгѣ у Сама(ры) (го)рода и казнили... къ зреѣвому воровству прибавили много воровства орашдѣ подъ Самарской городъ началь съ нагайскими послы иссякія непрвожія дѣла говорить будто мы ихъ нарокомъ послала ваганы воевати и жеи ихъ соромити и начали рассказывать... Уриагметъ Мурзу и Урусова сина... и какъ жеи ихъ соромтели... и полонъ имъ почали вазадъ отдавать... на нихъ почали немѣренны цѣны... и перенѣмала и пущахъ сать казнили а подъ ними того не буд... только-бѣ есть тѣль пром... по укрѣпить и по рукам... чтобы неразѣжались... что вѣнь казни... никакіе не будетъ и не скажутся-бы яицкими казаки, а говорили-бѣ, что они туто и не бывали а говорите имъ что въ нахъ вступился царевичъ потому ихъ мы и пожаловали и были-бѣ они наготовѣ на нашу службу съ царевичемъ съ Муратъ Гирѣмъ и съ вами" ²⁾.

Любопытнѣе всего въ этой грамотѣ политика Москвы. Казакамъ прощаются вины, т. к. Москвѣ нужна ихъ служба, во чтобы не разсердить ногайцевъ, казакамъ приказано говорить, что они за Яикѣ никогда не были и что они не яицкие казаки и въ тоже время, сознавая всю несостоятельность этого объясненія казаковъ предъ ногайцами, Москва политично приказываетъ говорить казакамъ, что они прощены по просьбѣ царевича Гирѣя.

Изъ другихъ документовъ, относящихся къ этому періоду, самую интересную является челобитная дозцовъ 1632 г.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣль, дѣла Ногайскія 1586 г., карт. 1, дѣло № 10, листы 82—84.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣль, дѣла Крымскія 1579—1589 г., картонъ 1, листы не нумерованы.

Въ этой чалобитной донцы перечисляютъ всѣ свои службы и виѣсть съ этимъ говорять о службахъ и другихъ казакоъ: лицакъ, гребевскихъ и волжскихъ.

Проводомъ для этой чалобитной послужило цѣлованіе креста (дача присяги) за все Донское войско царю Михаилу Федоровичу донской станицы, бывшей въ Москвѣ, и прїездъ на Донъ дьяка князя Ивана Дашкова съ требованіемъ къ Донскому войску цѣловать крестъ царю и переписать казаковъ. Виѣсть съ этою посыпкою на Донъ, на Никъ былъ посланъ съ тѣмъ-же порученіемъ Богданъ Зимѣвъ. Зимѣву, какъ мы знаемъ, удалось привести ко кресту всѣхъ лицакъ казаковъ, но Дашковъ у донцовъ потерпѣлъ неудачу.

„И въ вынѣшнемъ государь въ 1632 г. марта въ 1 день... а какъ будеть князъ Иванъ Дашковъ да подъячей Леонтей Полуектовъ на дону въ замъ бы ихъ по вашему государскому указу встрѣтити и привати честно и по вашему государскому указу мы холопы ваши иже собою учизили приговоръ что намъ холопамъ вашемъ на князя Ивана Ондреевича дашкова да подъячего леонтия полуектова ожидати на дону въ сѣздѣ и въ походѣ на моря ни на степь вигдѣ въ походѣ ни ходити и съ отовскими людими ни размираватца и какъ дѣлъ и князъ Иванъ Ондреевичъ Дашковъ да подъячей леонтий полуектовъ будуть на дону не доѣзжая настъ, войска, на низъ и сверху къ намъ прислали съ вѣстями и по вашему государскому указу и по прибытии князя івана ондреевича дашкова да подъячего леонтия полуектова мы холопи ваши судовые и конные встрѣчали наѧ въ 13 день и признали ихъ съ великою честью по прежниму касъ и прежнихъ твоихъ государевыхъ дворянъ по вашему государскому указу встрѣчали мы и прямада і встрѣтивъ ихъ изъ большого вогненова і изъ мелкого ружья стрѣляли и вашъ государевъ дѣлъ князъ іванъ ондреевичъ да подъячей леонтей полуектовъ сказали намъ таое государское жаловальна слова і великаго государя отца твоего великаго государя святѣшаго патріарха московскаго і всеа русне благословенію святителльному мы холопи твои обрадовався велики пѣть молебны въ звонамъ и за тебя государы і великаго князя михаила єедоровича всеа рускі и за благовѣрного и благородного царевича и князя алексѣя михайловича многолѣтна здравыи и за отца твоево за великаго государя святѣшаго Филарета Никитыча патріарха московскаго і всеа русні душевно спасевія молили бога и дѣлъ князъ іванъ ондреевичъ да подъячей леонтей полуектовъ отдали вашу государскую грамоту за пріпись дьяка михаила данилья и отдаль намъ грамоту какова ваша царская грамота съ намъ присланы къ намъ холопамъ вашемъ на донъ ко всему войску а по вашей государской грамотѣ намъ указае целовати крестъ тебѣ великому государю царю і великому князю михаилу єедоровичю всеа русні и твоево царскаго величества и благовѣрному въ благородному царевичу князю алексѣю михайловичу... по записи а по крестному цѣлованью по вашему государскому указу велено привести настъ холопей вашихъ дѣлъ князю івану ондреевичу дашкову да подъячemu леонтию полуектову а приветчи имъ

кресту насть донскихъ отомановъ казаковъ холопей вашихъ взяты въ смыту сколько насть будеть а ити бы ванъ по вашему государскому указу за вашего государева недруга на польского и на литовскаго короля и за литовскихъ людей и крестнова государи целованья на дону какъ и зачелся донъ казачны головами не повелось при бывшихъ государехъ старые отоманы казаки въмъ государямъ неизмѣнно служили не за крестныхъ целованиемъ за которое время царь іванъ стоялъ подъ Казанью ¹⁾ и по его государеву указу отоманы казаки выходили зъ дону и съ воли и съ яику и съ терка ему отоманъ Сусаръ ведоровъ и многие отоманы казаки яму государю подъ казанью служили въ за крестныхъ целованиемъ после тово при царе іване михаила черкашенинъ и отоманы казаки во псковъ сидѣли въ осадѣ ²⁾ не за крестныхъ целованиемъ при царе іване выходили отоманы казаки ермакъ тимофеевъ сибирь взялъ и прислали къ москвѣ государю съ языки и царь іванъ и тыхъ отомановъ казаковъ которые къ москве прислали не вѣльзъ ко кресту приводити а еризку і впередъ указалъ быти на своихъ (?) государеве службе отомановъ казакомъ въ сибири не за крестныхъ целованиемъ при царе іване ходили князь василій пятеровичъ ...пинъ князь іванъ шуйскій и о тѣ поры отоманы казаки царевъ казакъ отоманъ триюрей картавой іванъ лукьянновъ многие отоманы казаки государеву службу служили въ осадѣ отъ ордышикъ ³⁾ не за крестныхъ целованиемъ блаженныя памят при царѣ ведорѣ ходилъ царь ведоръ подъ руодавъ и подо іванъ городъ и по его государеву указу выходили отоманы казаки зъ дону и съ воли и съ яику и съ терка со многихъ запольныхъ рѣкъ отоманъ посникъ луневъ многие отоманы казаки царю ведору івановичу подъ руодевымъ и подъ іванамъ городамъ служили ⁴⁾ не за крестныхъ целованиемъ на другой годъ после руодевской походу ходили бояры мстиславской съ товарищи подъ выборѣ ⁵⁾ и царь ведоръ призываю отомановъ казаковъ зъ дону и съ воли и съ яику и съ терка выходили отоманъ посника эса луневъ да оп(ять) съ нимъ многие отоманы казаки зъ бояры ему государю служили въ за крестныхъ целованиемъ а после государи тово борисъ ведоровичъ стоялъ на береговой о серпуховѣ ⁶⁾ была съ нимъ вся московская государства и отоманы казаки въ ту пору ему береговую службу не закрестныхъ жа целованиемъ служили да не токмо государи донскихъ и волотицкихъ и яицкихъ и терскихъ выхаживали при бывшихъ царяхъ но украинные города на бѣлгородѣ на царевъ городѣ на осколѣ на на болуйку донецкіе казаки и тѣхъ бывшии же ко кресту приводить ни гдѣ не указали а (?)намъ холопи вашими тово крестнова целованья на

¹⁾ Въ 1552 году.

²⁾ Въ 1581 г.

³⁾ Если при Иванѣ Грозномъ, то въ 1554, году, если же при Федорѣ Іоанновичѣ, то въ 1590 г.

⁴⁾ Въ 1590 г. Руодевъ, правильнѣе Ругодевъ, т. е. гор. Нарва.

⁵⁾ Зимою 1592 г.

⁶⁾ Когда—неизвестно, если же въ 1591 г., то при нашествіи Крымскаго хана на Москву.

дому не обновитиа чево искони вѣкъ не была ии холопи ваши прирождены служнии ваши государскіе вские полевые службы и вашихъ государевицъ пословъ і посланниковъ і воеводъ по вашему государскому указу встречаешь и примиаешь и провожаешь не за крестнымъ цѣлованьемъ... (далѣе говорится о убѣствѣ Богдана Каромышева)... а креста государя цѣловати ии чelobitчкамъ своимъ не писали и не приказывали то наши чelobitчеси богданъ тимофѣи учинили не помнъ старшии своими молодыми разумы безъ вѣшаго войскового совѣту и безъ приказу вы государи вольны за нашу вину и проступку въ головахъ нашихъ... а памятна государи бога и пречистую его матерь и московскихъ чудотворцевъ и свою православную крестянскую вѣру въ которой мы холопи ваши породилися и возросли и къ прежнимъ государямъ старыхъ отомановъ козаковъ не за крестнымъ цѣлованьемъ неизмѣнную службу потому-жъ и ии холопи ваши своимъ сквернымъ беззакониинъ жаться недостойны къ такой страсти христовой приступати креста цѣловати а твою царьскую службу вамъ государямъ ради служать... а расанися наль къ вамъ государямъ прислать не угодати потому что живучи на дозу и на стени по запольнымъ рѣчкамъ мы холопи ваши в рози сами себя смигти не умѣамъ сколько наась холовей нашихъ вамъ государямъ есть а служнии государи не спомѣтей и с вотчанъ вашу государскую службу с травы дас воды и о кромѣ вашева государскова жалованья намъ холовемъ вашии ожидати и вадїетца иѣ но что¹⁾...

Изъ этого документа видно, что казаки участвовали при взятии Казани (1552 г.). Правда, подача чelobitвой послѣдовала послѣ взятия Казани спустя восемьдесят лѣтъ, но, принимая во вниманіе, что на Дону въ это время могли быть такіе-же патріархи, какъ и на Яикѣ во время переписи Захаровъ, въ родѣ Осипа Бѣлоусова и Клюббса Таучева²⁾, которые великолѣпно могли знать подробности взятия Казани, а можетъ быть и были участниками ея взятия, показанія довѣръ надо считать заслуживающими полнаго довѣрія. Правда и то, что трудно предположить, чтобы въ это время (до 1552 г.) русскіе люди—казаки могли жить на Терекѣ или на Яикѣ. Если они и жили въ это время тамъ, то, вѣроятно, ютились где забудь на устьяхъ этихъ рѣкъ, какъ говорить преданіе объ Василѣ Гугаѣ на Яикѣ.

Можно предполагать также и то, что послѣ взятия Казани вольные казаки, участвовавши въ бояхъ, а ихъ было около десяти тысячъ, разбрелись по запольнымъ рѣчкамъ, спустившись внизъ по свободному пути по р. Волгѣ къ морю, и здѣсь на устьяхъ рѣкъ Яика, Терека и Эбы основали свою вольную общину. Называлась потомъ ницкими и терескими казаками она

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Кн. Дѣла Разрядного приказа, Новгородскій столъ, сказка № 89, листы 380—385. Этотъ документъ найденъ Николаемъ Петромъ Сахаровымъ, наследователемъ Донской станицы, который любезно подѣлился своимъ открытиемъ со мною.

²⁾ См. 122—128 стр. наст. очерка.

были въ правѣ считать себя участниками взятія Казани и въ послѣдующіе годы заявляли, что мы, т. е. лицкіе и терскіе казаки, были при взятіи Казани.

Остальная служба, указанная въ этой челобитной, подтверждается другими документами и потому неѣть основанія не довѣрять въ указаніи донцовъ обѣ участій ихъ и лицкіхъ и терскіхъ казаковъ при взятіи Казани.

1590 г.

Служба лицкіхъ казаковъ въ 1590 г. въ Орѣшкѣ, при его осадѣ, подтверждается другимъ документомъ, найденнымъ въ Моск. арх. иностранныхъ дѣлъ въ Крымскихъ дѣлахъ¹⁾.

Онъ представляетъ изъ себя отрывокъ безъ начала и конца.

Начинается онъ со словъ: „Федоръ Ивановичъ Мстиславскій да князь Федоръ Михайловичъ Трубецкой съ товарищи Донскихъ и Волжскихъ и Яицкихъ казаковъ и стрѣльцовъ по росписи отдадутъ и вы бѣ всѣхъ запасовъ дали атаманомъ и казакомъ Донскимъ и Волжскимъ и Яицкимъ всѣмъ, которыхъ ваши болре і воеводы въ Орѣшкѣ съ вами оставятъ дали и тѣхъ запасовъ, что изъ Нова-Города привезутъ”... Далѣе идетъ перечисленіе сколько нужно закупать корму людямъ и лошадямъ за случай осады Орѣшка. Даты на документѣ не имѣются, но, судя по фамиліямъ воеводъ Мстиславского и Трубецкого, это должно относиться къ 1590 г.²⁾.

1630 г.

О первомъ появлѣніи калмыкъ на Яикѣ и о первыхъ стычкахъ ихъ съ казаками мы до сихъ поръ ничего не знали. На этотъ разъ кое какія указанія по этому поводу удалось найти въ калмыцкихъ дѣлахъ.

Калмыки появились на Яикѣ, какъ и предполагалось, въ 1630 г.

Въ донесеніи царю по этому поводу самарскій воевода Борисъ Салтыковъ писалъ слѣдующее: „Въ извѣшнемъ государь во 138 (1630) году мая въ 17 день прислали государь изъ Самары съ Яика Лицкіе атаманы и казаки Яицкихъ же казаковъ 11 человѣкъ Троицку Филиппу съ товарища, а съ нами прислали ко мнѣ, холопу твоему, отписку; а писава къ тебѣ ко государю. А въ респросѣ, государь, маѣ холопу твоему тѣ Яицкіе казаки сказывали: зижмогали де они на Яикѣ въ Бѣломъ городкѣ съ атаманомъ съ Ефремомъ Кулакомъ 70 человѣкъ а иные по инымъ городкамъ а еспѣхъ де ихъ зимовало на Яикѣ во еспѣхъ городкахъ съ 300 человѣкъ; и пынѣ де прислали ихъ съ Еика битъ человѣкъ тебѣ государю, чтобы ты государь пожаловалъ ихъ — величиемъ выходи съ Яика за Самару и въ иные государевы города по прежнему (далѣе черезъборчично)... де государь пожалуешь ихъ величиемъ ходить яицъ съ Яика на Самару и они де государь хотать быть всѣ и съ окрестами и съ дольтими на Самару; да вынѣшніе де ямы прикочевали къ нимъ на Яикѣ

¹⁾ Картонъ 2, 1592 г. № 1.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 2, стр. 580, изд. 2, 1896 г. (шестипечатное).

кальмыцкіе люди и къ ихъ де государь казачимъ городкамъ приступали, и они государь многихъ кальмыцкихъ людей на приступахъ побили и изыгют раненыхъ поимали, и тѣ де кальмыцкіе взятые люди въ роспросѣ сказывали, что де идуть на нихъ войною большие кальмыки, и пришедчи де имъ кочевать по рекѣ по Яику по обѣ стороны и до Волги; да имъ же де государь ити въ бальшихъ нагаевъ войною — хотять де ихъ заворотить къ себѣ-жъ, и послѣ де государь роспросу тѣ кальмыцкіе взятые мужики отъ разъ померли; да зорѣла де государь въ 22 день прикочевали на Яику къ гемъ же кальмыцкимъ людемъ большие кальмыцкіе люди, и былъ де государь у нихъ бой, и тѣ де большие кальмыцкіе люди тѣхъ прежнихъ кальмыцкихъ людей многихъ побили а достальныхъ людей поворотили съ собою, а мурзы де съ неведомыми людьми ушли на внизъ по Яику къ морю и которые де кальмыцкіе люди съ разгрому и ови де бѣгутъ за мурзами-жъ по Яику на виз; и у нихъ де казаковъ съ тѣми кальмыцкими людьми былъ бой а приступали де къ нимъ тѣ кальмыцкіе люди къ Соленому городку¹⁾ съ щитами и съ приметы, и въ огненой де государь бой у нихъ есть и Божію государь милостю въ твоимъ государевымъ счастьемъ многихъ кальмыцкихъ людей казаки побили да взяли азыка и того взятаго мужика привели ко мнѣ холопу твоему на Самару; и я холопъ твой тѣхъ казаковъ Тренку съ товарищи спрашивалъ не пошли ли отъ нихъ съ Яику казаки за море для воровства или на Волгу или на Донъ; казаки государь въ роспросѣ мнѣ холопу твоему сказали до ихъ де поѣзду на сватой недѣлѣ пошли съ Яику а сказались за Донъ Яицкіе казаки Лучка-Шалай съ товарищи 30 человѣкъ, и нынѣ де тѣ казаки обѣялись въ воровствѣ на Волгу, и больше де того отъ нихъ съ Яику никто не хаживалъ; а которые государь казаки атаманъ Лучка Ясаково съ товарищи въ прошломъ во 137 (16?9?) году ходили для воровства на морѣ и съ моря прїѣхали на Яику и раскородавъ погромную рухлядь на Яику да и опять поѣхали на морѣ-жъ 80 человѣкъ въ прошломъ же во 137 г. и съ моря де и по ся мѣста не бывали, живы-ли они или нѣть тое де у нихъ вѣсти нѣть; а нынѣ де государь отъ нихъ на море никто неѣзживалъ да иѣхать нельзя потому, что кальмыцкіе люди кочуютъ по Яику по обѣ стороны выше и ниже ихъ городковъ и дорогу де у нихъ перезали и учуги по Яику забили не въ одномъ мѣстѣ; и казаки де государь поѣхали въ стругахъ Яилюкъ а вные конные на ковѣхъ по привѣтѣ мѣстамъ вверхъ и внизъ по Яику и для того, чтобы у кальмыцкихъ людей гдѣ взять азыковъ; а какъ де государь гдѣ у кальмыцкихъ людей азыковъ возмутъ и они де съ тѣми азыками на Самару пришлютъ тотчасъ; а мужикъ (кальмыкъ), государь, котораго они привезли на Самару, въ роспросѣ мнѣ холопу твоему сказался нагайской татаринъ Яште... Мурзина улуса... а былъ де въ полову у кальмыцкихъ людей у Ханъ-Дера мурза въ улусѣ, а вает на Еабѣ рекѣ тому лѣтъ сде(сать.?).; какъ де нынѣ праша отъ

¹⁾ Вѣроятно, городокъ при устьѣ Илека (Голубое Городище или Кошъ-Илекъ.)

большихъ (калины) ковъ на Яикъ калмыцкіе люди и былъ до съ прежніи калмыцкими людьми бой и на бою де государь извѣгихъ прежнихъ калмыцкихъ людей побили, а достальнихъ заверотили съ собою, и повели къ большинъ калмыцкимъ людемъ въ улусы; а теперь де государь калмыцае большіе всѣ улусные люди кочуютъ на Борсучихъ коповахъ за Енбою, а вдругъ всѣ на Яикъ и хотать кочеватъ по Яику по обѣ стороны и до Волги и до Кара-дувана, да имъ же государь приходитъ на ногайскихъ людей подъ Астрахань воиномъ; а хотать де всѣхъ ногайскихъ мурз со всѣми улусы заворотить съ собою-жъ и хотать кочеватъ имѣтъ по Яику; іа которые де государь ногайскіе мурзы Салтаней мурза да Ишнейекъ мурза кочевали съ прежніи съ калмыцкими людьми вѣтѣтъ по Яику и какъ де государь пришли на Яикъ калмыцкіе люди отъ большихъ калмыковъ и тѣ же государь ногайскіе мурзы побоялся отъ нихъ побѣжали подъ Юргенчъ; іи я холопъ твой ту ихъ яицкую отписку и того взятаго пушка и изъ нихъ изъ казаковъ выбравъ трехъ человѣкъ Тренка Филипова съ товарищи, послать къ тебѣ государю съ Самаренивомъ сыномъ боярскимъ съ Ногапомъ Волокитиннымъ изъ въ 25 день, а достальными въ товарищемъ велѣль жить на Сынтарѣ до твоего государева указа... холопъ твой къ твоему... болрину и воеводамъ ко князю Алексѣю Юрьевичу Сушкиному съ товарищи въ Астрахань къ стольнику и воеводамъ ко князю Федору Куракину съ товарищи и на Саратовъ и на Царепинъ и на Черный Яръ къ воеводашъ про тѣ калмыцкіе вѣсти писать" ¹⁾).

Приведенный въ приказѣ Казанского дворца калмыкъ въ допросѣ сказалъ, что онъ не калмыкъ, а татаринъ и что онъ самъ пришелъ къ казакамъ, но казаки показали совсѣмъ другое. Современный документъ говорить объ этомъ такъ:

„А противъ татарскаго Денайкова Московскаго роспросу Яицкіе казаки Тренка Филипова допрашиваны въ отпискѣ ихъ про того татарина извѣсано, что взяли они его у калмыцкихъ людей въ бою и въ языцѣхъ, а татаринъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ отъ калмыцкихъ людей ушелъ съ нимъ самъ, а въ языцѣхъ его они казаки не бывали, чтобы они про то сказали правду.

Яицкіе казаки Тренка Филипова въ роспросѣ сказали какъ де у нихъ съ калмыцкими людьми былъ бой и съ бою калмыцкіе люди подъ Яику побѣжали нанизъ и послѣ де въ тотчасъ побѣжали изъ городка ихъ 2 товарища казаки, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ у нихъ съ калмыцкими людьми былъ бой и куда они побѣжали, и учили разъѣзжати, и увидѣла того татарина, а онъ бѣжть за калмыцкими людьми по Яику на визъ въ луку, всего отъ нихъ въ полуверстѣ, и увидѣвъ ихъ, что ему отъ нихъ не утечь, стала, въ тѣ де казаки тутъ свою вязь, привели въ городокъ, а только-бы де казаки въ разъѣздѣ не бѣжали и тотъ-бы татаринъ къ калмыцкимъ людемъ прибѣжалъ потому, что онъ за ними къ ихъ полкомъ бѣжалъ, а въ городокъ де къ зинъ онъ самъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Инстр. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1630—1632 г., № 1, карт. № 2.

не прихаживалъ какъ его взяли такъ про него и сказали и въ томъ воленъ Богъ да государь что укажетъ¹⁾).

1631 г.

15 октября этого года въ Шатскомъ уѣздѣ появился купцы, возвращавшіеся изъ торговой поѣздки на Яикъ „къ воровскимъ казакамъ“. На нихъ былъ сдѣланъ доносъ, что они продали казакамъ зелье и свинецъ,—товары, запрещенные для продажи. Шацкій воевода Романъ Боборыкинъ посадилъ ихъ подъ караулъ и сталъ допрашивать подъ пытками. Купцы сознались и въ своихъ показаніяхъ рассказали о своемъ путешествіи за Яикъ и о житѣ казаковъ на Яикѣ. Показаніе это очень длинное, привожу изъ него только вѣкторную часть, характеризующую тогдашнее вольное житѣ на Яикѣ.

„А жили на Яикѣ у воровскихъ казаковъ четыре недѣли, а въ собраныѣ де на Яикѣ воровскихъ казаковъ ста четыре опричъ тѣхъ, которые отъ нихъ пошли на море, а отманъ-де у нихъ на Яикѣ Лукьянкомъ зовутъ Ясакоевъ, а на моря-де отъ нихъ пошли воровскіе казаки, а отманъ-де у нихъ Тимошка Попокъ; а сколько-де съ ними человѣкъ воровскихъ казаковъ на моря пошло того не вѣдаютъ, потому, что при нихъ съ моря казаки не бывали, только-де, государь при нихъ пришло съ моря передовыхъ людей человѣкъ двадцать, а про большихъ-де своихъ людей имъ сказали, что они за вами будуть вскорѣ, а онъ де Горасимка съ товарищи (купцы) съ тѣми съ Яицкимъ съ воровскими казаки ни за каковѣ воровствѣ никогда не бывали; а изъ нихъ-де городовъ на Яикѣ никакого ни съ какими товары не вѣдали, только-де за день до ихъ прѣїзду прибѣжали на Яикѣ съ Саратова стрѣльцы Щербиковъ зовутъ, а съ ними стрѣльцовъ человѣкъ съ тридцать, а были де они на Яику дѣй недѣли, а съ Яику-де сказываютъ пошелъ на Волгу воровать, а сколько-де съ ними пошло человѣкъ того не вѣдаютъ, а на Яикѣ-де Донскіе казаки въ воровство есть, а сколько ихъ человѣкъ того сказали не вѣдаютъ, а съ Яику де они Горасимка Меркуловъ съ товарищи пошли съ Донскими казаки съ Васкою Гладкимъ съ товарищи а идучи-де съ Яику Волгу перелезли за Тихихъ же плавахъ и какъ-де они будучи на рѣкѣ на Сурѣ бывшо Олаторя Васка де Гладкой съ товарищи санъ-пять поѣзда на Цоромзино юродища...“²⁾)

1632 г.

Въ числѣ разнличныхъ документовъ, особенно въ дѣлахъ Переондескихъ, Крымскихъ и Турецкихъ, винилось иного указаѣ о грабежѣ казаками турецкихъ и персидскихъ береговъ. Не правда ихъ полнотѣю, ввиду обилия матеріала, найденного объ этомъ, захожу вужнаго помѣстить лишь одинъ, указывающій на совместный налетъ яицкихъ казаковъ съ донскими въ 1632 г., за что они пошли заслуживать свои вины подъ Смоленскомъ.

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, дѣло калмыцкое, 1630 г. № 1, картонъ № 2.

²⁾ Моск. Арх. Инистр. Юстиціи, Приказный столъ, столбецъ 57, листы 484—485.

... „И Осипасей и Тихонъ (русскіе послы у турецкаго султана) везирю говорилъ, какъ царское величество повелѣвъ свое послалъ съ Москвы за Донъ къ Донскимъ атаманомъ и казакомъ въ заказъ учинилъ крепкой подъ смертою казнью, чтобы онъ на Чорное море не ходили і великовой государя брата его Мурат Салтаново величества городовъ и сель и деревень и крымскихъ улусовъ не воевали и Донские атаманы и казаки исполнявъ государское повелѣвъ на Чорное море прошлаго 140-го (1632) году не ходили и салтанова величества городовъ и селъ и деревень въ крымскихъ и ногайскихъ улусовъ не воевали, и з Дону ходили на Яикъ и собрався стогарыщи своими съ яицкими казаками со многими людми ходили на Халимское море і шаховы города и упъ(з)ды которыхъ близко моря воевали и на Халимскомъ море бусы погромили многие и воевавъ пришли назадъ на Донъ и на Дону всякие кизильбажски товары продавали дешевою ценою, то видѣлъ Мурат Салтаново величество посолъ Ахметъ Ага, какъ ѻхалъ въ Москве и съ Москвы въ Царь-Городъ”¹).

Въ донесеніи же русскаго посла въ Турціи Петра Кантакузина въ грамотѣ патріарха Филарета Никитича къ султану и царь-градскому патріарху и къ турецкому послу Тому говорится:

„Ходили ваши яицкие казаки воевать шаховыхъ городовъ и купцовъ и снуу нашему великому государю его царскому величеству и намъ патріарху вро то вѣдомо.

И ныне тѣ казаки пошли на нашу службу на волчихъ нашихъ непрруговъ на польскихъ королевичей и на всю Польшу”².

Удалось найти и вѣкториаль подробности поѣздки Богдана Зиѣева на Яикъ, посланного туда одновременно, когда послали князя Дашкова на Донъ. Обоихъ ихъ послали уговаривать казаковъ бросить воровство и идти на службу въ Польшу. Дашкову порученіе выполнить почти не удалось: донцы креста не цѣловали и къ Смоленску пріѣздали всего 400 человѣкъ.

Зиѣевъ-же яицкихъ казаковъ уговарилъ (они цѣловали крестъ) и привель съ собою къ Смоленску около тысячи челоавѣкъ.

По пріѣздѣ въ Москву въ 1633 г. 15 марта онъ подалъ о своей поѣздкѣ челобитную:

„Царю Государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси бѣть чоловѣкъ холопъ вашъ Богданъ Зиѣевъ: По Вашему Государскому указу посыпать я холопъ на Вашу государскую службу на Енѣзъ а велено мнѣ холопу вашему на Енѣки атамановъ и исауловъ и казаковъ уговаривать чтобы они шли на вашу государскую службу и уговоря ихъ велено ко кресту привести. И я холопъ вашъ будучи на вашей государской служ-

¹⁾ Моск. Арх. Извѣст. Дѣль, хѣда Турецкія 1632 г., № 3, карт. № 19.

²⁾ Моск. Арх. Извѣст. Дѣль, хѣда Турецкія съ 1632 съ сентя. 20 по маѣ 1633 г., № 6, картонъ 20. 66**

бъ на Еиѣ вѣмъ государемъ служилъ атамановъ и ясаколовъ и казаковъ уговаривалъ многими статьями чтобы они вѣмъ государемъ во всемъ по вѣшему государству послушны были и уговоря ихъ и ко кресту призвать чтобы имъ вѣмъ государемъ служить и на Еиѣ тѣхъ атамановъ и ясаколовъ и казаковъ поиль и корниль а на твой государевъ ангель все войско поиль-же и корниль безъ выбору¹⁾ и съ Еиѣ съ тѣми атаманы и ясаклы и казаки пошелъ не иѣщкая. И на Еиѣ Государи и на мори отъ морскіе погоды нужи и убытки были изногие и на море Государи встрѣтились со иной холопомъ вашимъ казаки, которые ходили изъ юртовъ воровать до моего прїѣзду²⁾ и побили на Еиѣ вашихъ государственныхъ астраханскихъ людей и нарядъ поимали. И а жъ холопъ вашъ тотъ нарядъ и зелье и савицъ у нихъ взяли на Еиѣ въ юртѣхъ ихъ и отдалъ въ Астрахань и послѣ государи того боя воровали они на море громиле вашихъ государственныхъ и всахъ людей и въ шаховой землѣ. А встрѣтилось со иной холопомъ вашимъ на мори изъ шаховской землѣ тѣхъ казаковъ три струга а пять струговъ погребли живо на Еиѣ; и я холопъ вашъ и тѣхъ казаковъ пять струговъ поврота уговаривалъ многими-же статьями³⁾ чтобы они впередъ не воровали, на вашихъ государственныхъ людей воровствомъ не прходили а шли на вашу государственную службу со иной холопомъ вашимъ вѣстѣ безъ всякого сумненія и быль вадеженъ за вашу государственную милость. И уговаря ихъ во всемъ что имъ вѣмъ государемъ служить ко кресту ихъ призвалъ же и корниль и спасокъ имѧ ихъ атамановъ и ясаколовъ казаковъ записавъ прислали къ вамъ государемъ къ Москвѣ съ прибытиемъ Арестовыми и прибылой за той прїѣздъ вашимъ государственнымъ многихъ жалованьемъ пожалованъ. А которые у казаковъ были воровскіе заводы а я холопъ вашъ отъ всакихъ ихъ воровскіхъ статей отводилъ и уговаривалъ и о томъ къ вамъ государемъ писалъ и съ Еитцами атаманы и ясаклы и казаки пришелъ къ вамъ Государемъ къ Москвѣ⁴⁾. А будучи на вашей государственной службѣ одолжаль

¹⁾ На листѣ 4 при повторѣ этого члобиты въ 1846 г. вѣрѣлъ 19 въ этомъ мѣстѣ вставление: „и лучшими людьми подорки давать имъ своихъ животишковъ а на твой государевъ ангель тѣхъ казаковъ поиль и корниль быть выбору и склонять имъ твою государственную милость и они государи смысъ твою государствскую милость тебѣ государь и смысъ твоему государю царевичу князю Алексею Михайловичу крестъ цѣловали по поди-ї записи чтобы имъ тебѣ служить и не воровать и во всемъ быть послушными и я холопъ твой въ кругахъ ихъ пріимки и сѣбѣ лучшихъ людей о той говорилъ чтобы они твою государству пушечную и зеленую казну, которую видятъ, какъ обѣликъ твоихъ государственныхъ астраханскихъ служилыхъ людей, отдали къ тѣхъ же астраханскихъ людей побитыемъ побили мнѣ погреши. И казаки государь твою государству казну отдали въ побитыемъ людей погреши мнѣ побиты. И я хол. твой тѣхъ побит. людей покорна наймуналъ своими животишками“.

²⁾ Въ члобитѣ, поданномъ Шибенику въ 1830 марта въ 19, это написано такимъ образомъ: „и на мой прїѣздъ и побили на Еиѣ твоихъ астраханскихъ государственныхъ людей“ (листъ 22).

³⁾ Въ той же члобитѣ добавлено послѣ слова статьями: „со словами“ (листъ 5).

⁴⁾ Тамъ-же, послѣ слова „къ Москвѣ“ добавлено: „и видѣвъ твою государству очи и бѣлъ чеснъ тебѣ государю о своей службѣ“ (листъ 5).

величии долгомъ. Милосердный Государь Великий князь Михаило Федоровичъ всея руси и великий государь святейшій патріархъ Філаретъ Никитичъ Московскій въсея Руси пожалуйте имена холопа своего за мое службашко и за терпѣніе и за взронъ своимъ государскимъ жалованье какъ вами праведнымъ великимъ государемъ Богъ извѣстить. Государи смируйтесь пожалуйте!" ¹⁾.

Чѣмъ былъ пожалованъ Зибевъ за свою службу, изъ дѣла не видно, но, видимо, его службу забыла, т. к. эту же челобитную, нѣсколько видоизмѣненную, онъ подавалъ послѣдовательно въ 1639, 1644, 1646 и въ 1650 годахъ, прося за ту же службу жалованья. При дѣлѣ имѣются только справки, кому и какое давалось жалованье за тѣ же посылки.

Прибылому Аристову за эту службу было дано „20 рублей, камка добрая сукно лундыши да придано къ прежнему ево окладу сто четь, денегъ 10 рублей" ²⁾.

Казаку Дашкову за посылку его одновременно съ Зибевымъ за Довъ „даю государева жалованья ковшъ въ три гривенки камка кутфтерь, да предачи училено къ прежнему окладу сто четь, денегъ 40 рублей и придана выдава" ³⁾.

1633 г.

Годовое жалованье, выдаваемое Иецкимъ казакамъ за службу подъ Смоленскомъ:

„Иецкимъ атаманамъ для смоленскія службы дано большому атаману 16 рублей, станичнымъ атаманомъ 5 человѣкамъ по 15 руб., есауломъ 11 человѣкамъ по 12 руб. съ полтиною, казакамъ 802 чал. по 10 руб., всего 818 чал. 8246 руб.; а въ нынѣшнемъ въ 1634 г. по государеву указу зелѣво имъ государева жалованья къ прежнему прибавить всѣмъ по рублю въ корыту по 2 деньги на день человѣку" ⁴⁾.

1635 г.

Показаніе татарина Берды Бека, въ 1636 году 3 марта о яцкакъ казакахъ и калмыкахъ:

„Того же дни Едиссанской татаринъ князь Канаева улуса Тибаева Мангытскаго родства Бердыбекъ Ишпердеевъ, который былъ въ полону въ калмыцкихъ улусахъ въ роспросѣ сказалъ: въ прошлочть въ 142(1634 г.) какъ проходили войной на Нагайскіе и Едиссанскіе улусы калмыцкіе люди въ тѣхъ де поры его Берды-Бека взяли въ полонъ калмыцкіе люди ранена, изъ тѣхъ де иѣсть жаль овъ Берды-Бекѣ все въ калмыцкихъ улусахъ, а про вѣсти

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ил. дѣло, Приказы дѣла старыхъ лѣтъ, картонъ 100, дѣло 1633 года, сажна 7, листы 12—18. Этотъ документъ былъ указанъ мѣтъ Евгентіемъ Дмитр. Ставешскимъ, за что описану ему глубокую благодарность.

На оборотѣ листа поѣтъ: „Государя пожаловали за службу дали... приложилъ... 1633 марта въ 15 Блажену Семену Ва-ильеву Головину да дѣлу Михаилу Данилову Государь и великий князь Михаилъ Федоровичъ всея Руси пожаловать зелѣль службу его выписать и по выписи доложить себѣ Государю. Дѣло Аксаковъ Трофимовъ. Именность".

²⁾ Тамъ-же, листъ 15.

³⁾ Тамъ-же, листъ 20.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юстин., столбецъ Москов. стола № 90, л. 159. Рассчетъ сдѣланъ за 1633 годъ.

сказаъ сей де осени ¹⁾ калмыцкій Дайчинъ Тайша съ отцомъ своимъ съ Урлюка Тайшею съ братьемъ и съ лѣтами и съ племянниками и съ Алтаульскими мурзы думавъ послали въ Астрахань Едисаевскаго татарина Абдуль Мурзина улусу Тинакъева Ялабердерика для того, чтобы имъ калмыкомъ быть въ холостѣ у великого государя и кочевати бы имъ подъ Астраханью въ ближнихъ кочевьяхъ потому, что она боится на себя калмыцкаго приходу, которые кочуютъ въ дальнихъ кочевьяхъ подъ Сибирскими городами, и послѣ де того вскорѣ по рѣкѣ Яику о урочищѣ Чеганъ напахали калмыцкіе люди въ городки воровскихъ казаковъ человѣкъ съ 300 и отогнали дѣ калмыковъ у тѣхъ казаковъ конскія стада и послѣ де того тѣ воровскіе казаки пришли изъ Дайчина Тайшинохъ улусехъ взяли два дворца и калмыцкіе дѣ люди съ тѣми казаками помирась торговали, а потомъ кочевали калмыцкіе люди внизъ по Яику къ морю и на Яицкомъ де устьѣ напахали калмыцкіе люди воровскихъ казаковъ въ городки съ 500 человѣкъ и тѣ де воровскіе казаки взяли у Алтынъзыхъ мурзы дворъ и калмыцкіе дѣ люди съ тѣми казаками помирась торговали-жъ...²⁾)

1636 г.

Показавіе тоамачи Офоньки (фамилію разобрать невозможно, т. к. червилъ во многихъ иѣстахъ выдавѣла и бумага истѣла), посланного въ Калинъизъ въ 1636 году.

...Тоамачъ Офонька... по государеву указу посланъ (3) изъ Астрахани въ калмыцкіе улусы и онъ де Офонька наѣхалъ отъ Астрахани въ десати днищахъ на урочище Узени калмыцкихъ людей съ 500 человѣкъ, а въ разговорѣ же онъ Офонька съ тѣхъ калмыцкихъ людей слышать, что они калмыцкіе люди посланы отъ Даичина Тайши въ подъѣздъ подъ Астрахань для языку, потому вѣдово де вѣтъ калмыцкимъ людямъ учиналось, что на нихъ калинъцкимъ людей посланы изъ Астрахани государевы многіе ратные люди воиною, и тѣ де калмыцкіе люди взяли его Офоньку побѣдили въ калинъцкіе улусы... и сѣѣчи де Даичинъ тайша... у него Офоньки грамоту которая послана съ нимъ Оферькою въ Даич... подъ Юргенъ да привенъ же де Оферько калмыцкой Даичин-тайши прикочевала къ рѣкѣ Яику на урочище Чиганъ, а на Чиганъ де въ тѣ поры было воровскихъ Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ съ Федыкою Боеевымъ съ 700 человѣкъ и Даичевъ не тайша съ тѣми воровскими казаками... торгоналъ, а казаки дѣ покупали у калинъцкимъ людей съ 3000 лошадей... пошли на Дома...коны съ 800 человѣкъ... за тѣми воровскими казаками... своихъ калинъцкимъ воинскимъ людей и велиль надъ тѣми казаками промышлять, чтобы ихъ побить, а конскія стада отогнать; да при немъ же де Офонько привезли Алтынъзыхъ мурзы въ Даичинъ тайшѣ съ 60 человѣкъ воровскихъ казаковъ, а сказали Алтынъзыхъ мурзы, что они тѣхъ

¹⁾ т. е. осенью 1635 г.

²⁾ Моск. Арх. Инвѣст. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1786 г., листы изъ дѣлъ не пронумерованы.

городскихъ казаковъ поимали на Яицкомъ устье и Дацкии де тайша тѣхъ казаковъ отъ себя отпустилъ къ яицкимъ казакомъ потому, что они въ тѣ поры съ Яицкими казаками быть нереъ" ¹⁾.

1683 г.

Изъ грамоты Яицкому войску отъ 1684 г. б авв. видно, что войску изъ Казанского дворца отъ правчаго кнзза Бориса Алексеевича Голицына писано: „обстбре 15 днв въ 191 (1683) году послано къ тому войску денежное жалованье и пушки съ яицкими казаками ставшими атаманомъ Иваномъ Кондаковымъ съ товаращи за ехъ службы, а сколько оныхъ пушекъ и какихъ калибровъ того неизъяснено" ²⁾.

Изъ этого документа видно, что войску послѣ пожара Яицкаго городка за службу въ Башкирии были даны не только жалованье на 600 челов. и колокола, но и пушки. Можно также замѣтить, что пожаръ городка былъ между 1680—1683 годами, т. к. колокола, жалованіе въ 1683 году, сгорѣли только въ пожарѣ 1722 года, т. е. были даны послѣ пожара, случившагося до 1683 года.

1704 г.

Дача Яицкому войску окладаго за 1704 годъ жалованья сукнамъ.

„Изъ золотые же полати взято на дачу на нынѣшней 704 годъ окладаго великаго государя жалованыи яицкимъ казакамъ 600 человѣкомъ суковъ любскіхъ по 4 аршина человѣку ценою по 12 алтынъ по 4 деньги аршинъ і того за 2400 аршинъ по цевѣ на 840 рублей" ³⁾.

1714 г.

Отпускъ жалованья Яицкимъ казакамъ, бывшимъ въ Харьковскомъ походѣ въ числѣ 1500 человѣкъ:

„Яицкимъ казакамъ Мая съ 1 ноября по 1 число этого на полгода противъ дачи 1713 г. 7500 руб., на годъ 15 тысячъ" ⁴⁾.

По разсчету приходится по 10 руб. въ годъ на человѣка.

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, казанскія дѣла 1695 г. кн. 2, листы не нумерованы.

²⁾ Урал. войск. архивъ, дѣла III разряда 1736—1800 г. № 89, л. 144.

³⁾ Моск. отд. Общ. Арх. Министер. Имп. Двора, санкт-п. 39, кн. 98, л. 15.

⁴⁾ Моск. Арх. Минист. Юст. дѣла Прав. Сената, дѣло № 38/83, л. 211.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1].

Раскопками развалинъ Сарайчика занимался завѣдующій Уральской войсковой чертежной корпуса топографовъ штабсъ-капитанъ А. Е. Алексеевъ. О нихъ Алексеевъ напечаталъ статью въ „Урал. Войск. Вѣдомостяхъ“ за 1867 г. въ № 30 „О развалинахъ татарского города Сарайль Джадита“.

„Въ 1861 г., — пишетъ онъ, — въ проѣздѣ мой чрезъ Сарайчаковскую крѣпость, используя желавшіе наказанія атамана Уральского войска, А. Д. Столыпина, я остановился тамъ на вѣсколько дней, чтобы осмотрѣть развалины древнаго мусульманскаго города. Это было вечеромъ. На другой день утромъ я пригласилъ къ себѣ стариковъ¹⁾ и объяснилъ имъ мое намѣреніе. Въ отвѣтъ на это они изъзывали согласіе мнѣ сопутствовать и мы, устроившись въ риданѣ, отправились въ дорогу, всѣми ворочемъ недалекую, такъ какъ развалины, которыхъ я хотѣлъ осмотрѣть, отстоятъ отъ крѣпости не болѣе 150 саж. Здѣсь мы остановились и я съ своими спутниками началъ собирать позеленѣвшія отъ времени кѣдныя деньги и осколки битой посуды разныхъ цѣтвовъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза — были неправильныя возвышенія городскаго вала, развалившіеся остатки когда-то бывшей тутъ цитадели. Мѣстность здѣсь совершенно ровная и извѣсть грунтъ соловцеватый, перемѣшанный съ обломками кирпича, камня и разной посуды. Поверхность этого неизривѣтливаго пустыря не оживляется никакой растительностью и только въ двухъ мѣстахъ виднѣются деревянныя съ перилами ограды, сдѣланныя въ 1846 г. татарами-торговцами, по распоряженію бывшаго хана Букеевской орды, Джангира. Ограды эти построены надъ склепами, гдѣ, по словамъ казаковъ, есть вѣсколько кирпичныхъ гробовъ, золотыхъ известью.

Осмотрѣвъ всѣ развалины, я распорядился послать за Уральскъ ванить киргизъ для земляныхъ работъ а самъ, взявъ меззулу и вѣсколько человѣкъ прислуги, отправился снимать развалины города инструментально, въ масштабѣ 100 саж. въ анг. дюймѣ и усиливъ къ вечеру снять эту мѣстность. На другой день ко мнѣ явилось много рабочихъ-киргизъ, и изъ нихъ едва только 20 человѣкъ я уговорилъ пакнуть разрывать возвышенностія города, которыхъ они считаютъ святыми, особенно тѣ его части, которыхъ огорожены Джангаръ-ханомъ.

Въ этотъ день земляные работы были бесполезны, такъ какъ киргизы большихъ бугровъ не разрывали. На слѣдующій день привыкнувшіе къ за-

¹⁾ У уральцевъ въ этомъ случаѣ имена стариковъ называются лица не по возрасту ихъ, но по ступени званія, которое они имѣютъ на другихъ мѣстахъ жителей.

Прим. А вт.

натімъ этого рода и въ особенности получавшіе отъ меня хорошую плату за труды минувшаго для возбудилъ соревнованіе въ другихъ киргизахъ и моя работа пошла какъ нельзя лучше.

Въ этотъ-же день я разрылъ вѣсколько сложенныхъ изъ обожженаго и неожженаго кирпича четыреугольныхъ склеповъ и въ одномъ изъ нихъ нашелъ двѣ гробницы, сделанныхъ изъ большого формата кирпичей, залитыхъ язвѣстью; изъ этой же известы выведены весьма отчетливо караны и наведены глянецъ. Однъ изъ склеповъ имѣть фундаментъ изъ квадратныхъ плитъ бѣлого известняка, величиною 5-ть четвертей каждый бокъ и толщиною въ одну четверть аршина.

Жители Сарайчика (или Сарайчиковской крѣпости), узывшіе, что я за хорошую плату пріобрѣтаю все найденное въ развалинахъ, тотчасъ-же взялись за лопаты. Казаки, женщины и даже дѣти рыли, искали и все, попавшееся имъ, приносили ко мнѣ; весь день около меня толпился народъ: одни продавали найденное, а другіе замѣняли свои находки рассказами, изъ которыхъ я упомянулъ слѣдующее: развалины эти изстари называются ини Можары, въ прадѣды ихъ, первые пришедшие въ Сарайчикъ, брали изъ этихъ развалинъ кирпичъ и строили изъ него свои дома и службы (надворнія строенія). Кирпичъ этотъ сохранился и до сихъ поръ: у казака Толстова, равно какъ у иѣкоторыхъ другихъ, службы сдѣланы изъ этого кирпича. Потомъ рассказывали, что и прежде, разрывая склепы, находили въ нихъ не однѣ только вещи, но и повѣщенную на шестахъ одежду, разрушившуюся отъ прикосновенія къ ней. Къ вечеру я возвратился въ свою квартиру, гдѣ отчистилъ кое какъ собранная мною монеты, а съ помощью живущаго въ крѣпости казанскаго татарина Мансурова разбиралъ надписи на нихъ. На одной сторонѣ монетъ есть общая для всѣхъ надпись: чеканена въ Сараиль-Джадитѣ (т. е. въ Новои-Сараѣ), почему я и даль называлъ это городу, развалины которого описаны мною. На третій день я отправился съ Мансуровымъ на древнее кладбище, лежащее на югъ отъ развалинъ города, въ разстояніи 200 саж., на берегъ рѣки Сарочинки. Говорятъ, тутъ было много склеповъ, но теперь ихъ смыло водою, кроме двухъ, да и этихъ часть обвалилась въ рѣчку Сарочинку, на берегъ которой видно много череповъ".

Въ Сарайчиковской-же крѣпости г. Алексѣевъ видѣлъ не моеѧ любопытную древность—120-лѣтнюю старуху казачку Толстову, которая рассказывала, что на ея память въ Можарахъ послѣ сильныхъ дождей собирали серебряные и мѣдные деньги, золотыя и серебряные колечки съ разными камешками, борцы (каменные ожерелья) и проч.; также на ея память брали оттуда для построекъ кирпичи, большиѳ бѣлые камни и вырывали много огромныхъ кувшиновъ.

На четвертый день, — продолжаетъ г. Алексѣевъ, — я продолжалъ свою разыскѣ. Разрывая бугры, и въ этотъ день нашелъ большое количество денегъ и

вашей, которымъ составилъ особое описание, а теперь включаю сюда переводъ надписи съ найденного мною въ развалинахъ камня сиаго мрамора:

„Благородѣйшіе потомки пророка, люди, путеводившіе къ достижесію совершенства въ настоящемъ мірѣ и показавшіе собою примѣръ достиженія жизни будущей: совершиенные изъ совершенныхъ, священной фамиліи, чудные правомъ, величайшіе изъ великихъ, достигшіе славы, ходжи: Камиль-аль Хазъ и Сендъ-Хасанъ Касавійскіе, свѣтила наукъ и мудрости“.

Къ этой надписи есть слѣдующее примѣчаніе, написанное по татарски:

„Хаджа Абдана, сынъ Хасана, сынъ ходжи Мухамеда старшаго, сына ходжи Маттана Хокейскаго, сына ходжи Раконидулла, сына Абу Мухамеда Джиразійскаго, сына ходжа Сюмана Дежанайскаго муалина Мухамеда Самгавійскаго, Мухамедъ Загита сына, Ахметъ Базійскаго, сына Исламъ-Гази Мусы Розійскаго, да будетъ надъ вѣми вами благословеніе Божіе“.

На другомъ найденомъ мною камѣ бѣлого мрамора можно разобрать слѣдующія имена: „Хаджа Камелъ-хаке“ и „Сендъ-Хосинъ изъ Туркестана“.

Вотъ что пишеть о Сарачекѣ Палласъ¹⁾), бывшій такъ въ 1769 году:

„Въсъ рвомъ еще вадеъ и въ окружности имѣть до пяти верстъ. Онъ начинается при углѣ, который тихо текущая изъ стена рѣчка Сарачекъ дѣлаетъ съ Яикомъ, около полуторы версты ниже вышніаго форпоста²⁾), потомъ продолжается вверхъ оной рѣчки и вадослѣдокъ, обощаъ форпостъ кравизнами, оканчивается при Яикѣ. Посреда сего мѣста проведенъ сухой ровъ, можетъ быть, для отвода прибылой воды. Внутри вала находятся основания и своды каменнаго строенія, и поэму можно заключить, что въ городе были знатныя дома. Употребленные на строеніе кирпичи продолжаютъ я нарочето велики. Также есть дикой ломанный, съ раковинными отпечатками бурый камень, которого нигдѣ вокругъ не видно. Нынѣ находять только черепья старинной посуды, которая была хорошо изуравлена отчасти голубою, бѣлою и желтою краскою. Какъ въ городѣ земля очень солова и притомъ мокра, то все остатки желѣзныхъ вещей такъ перержавѣли, что едва узять можно. Мѣдные почти сонстѣи превратились въ арѣ-иѣдаку, а серебряныя — въ бѣлую, блеска лишавшуюся и весьма хрупкую матерію. У живущихъ тамъ казаковъ видѣть я прозишки разнаго цвѣта и найденіе тамъ-же мелкіе гравеные камешки топаза и кронавика. Могилы, коихъ здѣсь очень много, были выкладены кирпичемъ и въ оныхъ иногда находить достойныя примѣчанія вещи. Вообще мѣсто сего города, въ разсужденіи болотной и соленої земли и бывшаго веслою находенія, также несноснаго мученія отъ привозимыхъ съ овера комаровъ, избрано весьма худое, и можетъ

¹⁾ Палласъ — „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійск. Имперіи“, часть I-я, стр. 611—612.

²⁾ Сарачекійскій форпостъ.

быть во время истощенной татарской силы заложенъ быть для безопасности поизвутый городъ Сарайчикъ въ столь худомъ мѣстѣ".

А вотъ описание этихъ развалинъ въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ въ 1861 г. г. Алексѣевъ¹⁾.

Развалины эти находятся въ 60 верстахъ отъ Гурьева-городка, и въ 420 отъ города Уральска, на правой сторонѣ р. Урала, на островѣ, между р. Ураломъ и рукавомъ Сарачинки, полъ 69° 20' восточной долготы и 47° 30' сѣверной широты. Длина города Сарамль-Джантъ 1 верста 100 саж., а ширина 1 верста 50 саж., все это пространство было обнесено землянымъ валомъ, который и теперь хорошо виденъ: вся окружность этого вала 3 версты 350 сажень. Въ западной части развалинъ города есть цитадель, стѣны которой гораздо выше описанного вала: фигуру цитадель имѣть неправильную, длина ея 200 саж., а ширина 100 саж.

Внутри цитадели есть признаки развалившихся построекъ и склеповъ, которые, какъ видно, были сделаны изъ хорошаго кирпича и изразца; изъ склеповъ сохранился только одинъ, который называется узкой могилой; внутренность его похожа на кибитку, имѣть одну дверь съ восточной стороны и три окна въ сводахъ: на сѣверной, западной и южной сторонахъ, внутри есть гробницы, сделанные изъ кирпича и имѣющія шесть имѣствищъ: два большихъ и 4 маленькихъ, такъ что можно золагать тутъ похороненнымъ цѣлое семейство. Подобныхъ еще два склепа есть въ восточной части города, въ одномъ изъ нихъ, который я разрылъ, были две большие гробницы, сложенные тоже изъ кирпича и залитыя известью, изъ алебастра, на нихъ выведенны карнизы, покрытые гланцемъ синаго цвета; длина этихъ гробницъ $1\frac{1}{2}$ арш., ширина въ изголовья 3 четверти, въ ногахъ 2 чет., обращены они съ ю.-в. на с.-з. Когда я вскрылъ эти гробницы, бывшия кости покойниковъ уже совершенно истаяли, склепъ этотъ былъ четырехугольный въ кирпича-же, фундаментъ его сделанъ изъ большихъ известковыхъ квадратныхъ камней, толщиною въ 1 чет. По Уралу такихъ камней вѣтъ, кроме только около Ореабурга, въ Гребенской горѣ. Всѣ развалины города 200 сажень отъ юго-западнаго угла вала, на берегу р. Сорочинки, было большое кладбище, современное этому городу, со множествомъ склеповъ, которые, кроме однаго, всѣ, по словамъ Сарайчиковскихъ жителей, обвалились въ р. Сарачинку имѣть съ зромъ, во время весеннаго разлива Урала. Нынѣ, когда я осматривалъ это кладбище, въ ару такъ много торчало череповъ (издали похожихъ на грабы), что я насчиталъ ихъ до 60. По распоряженію покойнаго Джангир-хана (ханъ Букеевской орды), клад-

¹⁾ „Урал. В. Вѣд.“ 1867 г. № 30.

бывае это загородово деревянной оградой. Склепы въ цитадели и одни скелы въ городѣ считаются торгующими здѣсь мусульманами за святыи (Аулье), равно и каргизами, тѣ и другіе въ загородномъ кладбищѣ хоронить тѣла умершихъ. Больные отъ продолжительныхъ болѣзней, мужчины и женщины (особенно каргизы), приѣзжаютъ сюда на пѣсколько дней и поклоняются этому кладбищу, прося обѣ исцѣленій. Сгребенія въ городѣ Сараиль-Дза. дать, какъ видно по обломкамъ, валяющимся въ развалинахъ его, были изъ кирпича, изразца и частью изъ мрамора. Одна кирочка формы имѣть квадратную въ $1\frac{1}{2}$ четв. каждый бокъ, а другой продолговатый, у которого одна бокъ $1\frac{1}{2}$ четв., а другой $2\frac{1}{2}$ чет.; форма изразцовъ продолговатая съ эмалью и безъ эмали, одного какого нибудь цвета: синаго или зеленаго или съ разными рисунками, прочно наложенными. Вообще въ развалинахъ сихъ можно найдено: мраморный косякъ отъ окна или двери, въ 9 пуд. вѣса, хорошо огравленный; осколки разной фарфоровой, мраморной, стеклянной въ глиняной посуды, 3 цѣльные древніе глиняные кувшины, разныхъ формъ, ханхуль-очаръ, по словамъ калмыкъ, слитый изъ мѣди, части серебра и золота. Во время богослуженія калмыцкай гиллюзъ¹⁾ береть очарь въ правую руку и обводить имъ въ воздухѣ кругъ, въ лѣвой руки держать колокольчикъ, которымъ звонить въ это время. Два нагробныхъ камня чернаго и бѣлого мрамора, съ арабскими надписями именъ похороненныхъ; разные цѣнныя камни, служавшіе украшеніемъ, заключающіеся въ боркахъ (ожерельяхъ), серыгахъ и перстняхъ, имена: 2 коралла, 2 сафира, 1 изумрудъ, 2 бирюзы, 1 аметистъ, 1 жемчужина, лятаръ, сердоликъ, топазъ, разныхъ формъ стеклянные бусы, борки съ разными рисунками, часть золотого перстня съ бирюзовыми вставками и золотая пуговица, потомъ деньги съ арабскими надписями: 9 серебряныхъ монетъ и 36 мѣдныхъ (съ надписью: иѣсто чекана, ция хана и годъ); 18 штукъ мѣдныхъ денегъ съ монгольской надписью; самой старой изъ найденныхъ монетъ 417 лѣть. Всѣ вышепрописанные вещи найдены въ самыхъ развалинахъ города, а такъ какъ онъ построенъ на соловцовомъ грунте, то всѣ вещи сильно подпорчены, кромѣ золота, камней и стекла. Мѣдныхъ монетъ изъ найденныхъ много привелось бросить по негодности, а также и часть серебряныхъ".

[2].

Вотъ что пишетъ обѣ этихъ колодцахъ на Усть-Ургѣ К. Аничкинъ, бывшій танъ съ командою уральск. казак. въ 1868 г. („Ур. Вѣск. Вѣд.“ 1868 г. № 17).

„Естественное это дѣло, Усть-Уртскіе колодцы! Нѣть сомнѣнія, что они сдѣланы народомъ, болѣе просвещеннымъ, чѣмъ настоящіе ихъ жалкіе владѣльцы-киргизы. По устройству ихъ несомнѣнно видно, что ихъ работалъ буравъ, а не лопата. Скорѣе всего, что это дѣло народовъ монгольского племени или если въ другого, то усвоившаго китайское образованіе.

¹⁾ т. е. калмыцкай поэз., какъ у насъ говорятъ казаки.

Мы помнится, я где то читалъ, что первая выдумка бурава, посредствомъ всего просверливаютъ архангельские колодцы, привадлежитъ китайцамъ.

Устройство колодцевъ довольно замысловато: по самой поверхности земли вдеть кругъ самой точной циркулярной правильности; кругъ этотъ, видающій въ диаметрѣ сажени полторы, идеть въ землю правильнымъ цилиндромъ до глубины сажень на 10, иногда и болѣе, потомъ, немного съужившись, идеть снова въ глубь на такое-же разстояніе, или болѣе, до самой воды. Но что принесено умно, такъ это, что колодецъ прикрывается одною только платою, на которой просверлено отверстіе такой величины, что въ него можетъ проходить одна лошадь, что немного болѣе нашей байды. Съ первого раза не замѣчаемъ въ этомъ простомъ устройствѣ глубокой мысли, но, пообдумавши, видимъ вѣнчать эту затаенную мысль: въ такомъ отверстіе не можетъ попасть скотина, а во вторыхъ такие колодцы незамѣтны для постороннихъ, враждебныхъ людей, которые при случаѣ могли бы имъ воспользоваться, овладѣть вѣстомъ и вытравить корыть.

У каждого колодца имѣется непремѣнно колода, высѣченная изъ камня, для водолоя скота. Въда колодцы 2-хъ свойствъ: прѣсная и солено-горькая; въ общей скучности нашій ея было почти недостаточно на нашу колонну, состоявшую изъ 100 человѣкъ съ лошадьми и верблюдами, но это было потому, что колодцы были засорены, одни отъ долгой нерасчистки, другіе съ замѣреніемъ, либо изъ крановъ, въ которые должна сочиться вода, нерѣдко приводилось вытаскивать по вѣскольку колышковъ, воткнутыхъ въ просоченіи для зачерпки воды... Это было сдѣлано, какъ видно далѣе изъ его статьи, туркменами, чтобы помѣшать проходу отряда въ глубь степи.

[3].

Надо замѣтить, что это предавіе Ватевскій напечаталъ спустя много лѣтъ послѣ того, какъ были напечатаны талантливые очерки И. И. Желѣзнова и где Рыжечка изображенъ, какъ герой Полтавской битвы. Въ другомъ самостоительномъ разсказѣ И. Желѣзнова „Видѣніе“ разсказывается о перенесеніи Кирсановского городка (а не мифического „Горячаго“) на устьѣ Чагана, какъ о событиї, бывшемъ далеко развѣ подвиговъ Рыжечки. Существованіе Кирсановского городка, какъ увидимъ далѣе, тоже подтверждается данными изъ пересы Захарова.

Витевскій, составляя свой очеркъ „Яцкое войско до Пугачева“, не могъ не знать объ этихъ статьяхъ Желѣзнова, тѣмъ болѣе что весь черновой матеріалъ, вѣ рукописи Желѣзнова послѣ его смерти находились въ рукахъ Витевского и всковлько лѣтъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось ихъ взять у него обратно.

Записывая предавіе „уважаемаго“ и „почтеннаго“ О—ва, Витевскій не вѣдомо по какимъ причинамъ совершенно игнорировалъ болѣе правдивые и болѣе талантливые рассказы Желѣзнова, даже и не упомянувъ объ нихъ, тогда какъ въ своемъ очеркѣ „Яцкое войско до Пуг.“ и „Расколъ въ Уральскомъ войску“

еъ пользовался все время трудами И. Жельзова, и опять таки почти во упомянута о немъ, а ссылалась на дѣло Войск. Архива, то на № 76, то на № 85, иначе говоря, именно на соч. Жельзова и его вензелевые рукописи и материалы, которые подъ этими №№ числются въ Войск. Архивѣ. Между дѣломъ Войскового Арх. за такимъ то номеромъ и сочиненіемъ известнаго писателя, котораго знало все войско, существуетъ громадная разница и потому не можетъ быть истины ссылки на №№ архивного дѣла тамъ, где взято чужое сочиненіе или материалы.

Можно заключить только, что передававшій Витевскому преданіе о Рыжечкѣ и о видѣніи урядника С—евъ былъ или слишкомъ старъ, т. к. передупуталъ дѣлъ совершенно различные и по времени происшествій и по содержанію, прочитанныя имъ у И. Жельзова статьи о Рыжечкѣ и Видѣніи, соединивъ ихъ въ одинъ безглазый разсказъ, или же былъ большой болагуръ, желавшій подшутить надъ Витевскимъ. Во всякомъ случаѣ, повѣривъ на честное слово „почтенному“ С—ву, онъ за такомъ-же условіе передалъ это замѣчательное преданіе и своимъ читателямъ.

[4].

Вотъ какъ описывается въ этомъ чертежѣ р. Яикъ и его притоки:¹⁾

„Рѣка Яикъ вытекла шировень съ Аразтовою горою (Араль-тау)²⁾ противу верховья Табалы рѣки (верховья р. Тобола). Отъ Великія Тюменіи (авв. Вед. Тюм. Сиасскій объяснять затрудняется), рѣка Яикъ вытекла за 250 верстъ.

А въ Россіиахъ рѣки Яика орошили езеро: изъ Россіей потекла рѣка Яикъ въ Хвилиимское море; а протоку Яику до моря 1050 верстъ. А отъ верху рѣки Яика впада въ Яикъ рѣка Юрюкъ-Сакмаръ по нашему Раз-
вал: протоку 350 верстъ, пала въ Яикъ противу Аразтовоы горы съ пра-
вой стразы.

Съ правы-же стразы, ниже Юрюкъ-Сакмары рѣки, пала въ Яикъ Трю-
зунъ-Сакмаръ рѣка: протоку Трюзунъ Сакмары 100 верстъ. А ниже 60
верстъ пала въ Яикъ Салмышъ-Сакмаръ рѣка.

А ниже Салмыша Сакмары рѣки 100 верстъ пала въ Яикъ Дюдимъ
рѣка; а ниже 50 верстъ другая Дюдимъ рѣка.

А ниже 60 верстъ третья Дюдимъ рѣка: вышлаго Дюдима протоку 70
верстъ, а нижнаго Дюдима протоку 190 верстъ. А ниже Дюдима 30
верстъ пала въ Яикъ рѣчка; а ниже тое рѣчки пала лѣвъ рѣчка, всѣ три
одинъ прозваніемъ Ишукы. А ниже тѣхъ рѣчекъ 30 верстъ пали въ
Яикъ три рѣчки одинъ прозваніемъ всѣ три Дучасы.

1) Г. И. Сиасскій. „Книга Глаголская Большой чертежъ“, Москва 1846 г. Над. Иль. Общ. ист. и хр. российскихъ, стр. 67 - 72.

2) Названія мѣстностей въ скобкахъ служатъ разъясненіемъ ст.принимыхъ названій „Большого Чертежа“ и адѣлланы Г. И. Сиасскій въ его изданіи 1846 г. въ отдѣльныхъ выноскахъ, но которыхъ я включилъ для удобства въ самъ текстъ, эти объясненія идутъ у Сиасскаго по всей.

А противъ тѣхъ рѣкъ, съ лѣвна страны Яика, пала въ Яикъ Илецъ рѣка.

А выше Илецъ рѣки конецъ Арагтова горы, пала въ Яикъ рѣка Воръ (вѣроатво р. Орь) изъ горы Урюка; изъ тоежъ горы вытекла рѣка Ирызы и пала въ озеро Акбашлы (озеро Аксакалъ-барбы)...

А съ лѣвна страны, ниже Вора рѣки 420 верстъ, пали въ Яикъ три рѣчки безъ прозванія, а межъ ними по Яику берегомъ 90 верстъ.

А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ пала въ Яикъ съ лѣвна страны Яика Илецъ рѣка (рѣка Илекъ), ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соленая: ломають въ неї соль.

А на устьи тое рѣки островъ Кошъ-Яикъ. А промежъ тѣхъ протоковъ въ рѣки Яика, на острову Казачий юродокъ.

А Илецъ рѣка вытекла за горою Урукъ, а верховьемъ взвлалася та рѣка съ рѣкою Темиромъ: вытекла тремя протоки.

А въ Илецъ-рѣку за 60 верстъ отъ устья, съ лѣвна страны пала Сунтурлукъ рѣка; а противъ горы Тустебе выше Сунтурлака вытекла рѣка Оиль (Уиль), и пала Оиль рѣка, не дошедъ до рѣки Яика въ землю; а на устьѣ тое рѣки около 8 озеръ Карагола, по нашему Черныхъ озера.

А промежъ рѣки Сунтурлукъ и Оила рѣки пали дѣвъ рѣки въ землю: рѣка Аспана и рѣка Кууей.

А тѣ обѣ рѣки вытекли изъ горы, а горѣ называнія не описано, а по той горѣ лѣсь.

А противъ Оила рѣки 30 верстъ отъ Яика, гора Индеръ и подъ тою горою озеро, а въ неи соль, какъ ледь (Индерское озеро).

А противъ тое горы на рѣкѣ Яикѣ, съ лѣвна страны, лѣсь.

А отъ той горы, внизъ рѣкою Яикомъ до Баксана (правый рукавъ рѣки Урала Баксай) протоку 50 верстъ, а Баксана протоку 60 верстъ.

Да изъ Яика же рѣки, съ лѣвна страны, выше Сорочика острова 25 верстъ, потекъ въ море протокъ Савалы: протоку его до моря 70 верстъ.

А моремъ отъ устья Яика до устья того протоку 25 верстъ".

[5].

Прозвища Шатала, Пыжала, Кладъ и Бирючихъ Ласъ въ переписи Захарова не встречаются, т. е., вѣроатво, при переписи они были замѣнены фамиліями, а прозвища остались жить въ обычной жизни. Эти прозвища, какъ фамиліи, встречаются въ архивныхъ дѣлахъ войска только съ 1780 хъ годовъ; подпись Шатало и Пыжало имѣются въ контрактѣ обѣ учугахъ, заключенномъ войскомъ въ 1752 году (Дѣло Войск. Арх. III раз. № 4). Оба числится сотниками первый „Иванъ Михайловъ сынъ Шатала“, другой „Иванъ Дмитриевъ сынъ Пыжало“, оба неграмотны и за нихъ подписаны другимъ. Фамилія Бирючихъ Ласъ имѣется въ дѣлѣ Войск. Арх. III раз., № 76, стр. 59, подъ членобитной 1772 г., гдѣ овь названъ

войсковыми ее уломъ „Петръ Бирючыхъ Лапъ“, не грамотеъ, за него под-
писался другой.

Въ диптихѣ Михайло-Архангельского собора имѣются фамиліи „Бирюч-
ыхъ Шлахъ“. Всѣ эти фамиліи теперь въ войсѣ не существуютъ, вѣроятно,
постепенно замѣнившися другими, такъ, напр., есть Бирюковы.

[6].

Современный списокъ написанъ столбцомъ на 28 листкахъ, изъ которыхъ
многіе отклеились и вѣсколько утрачено. Вѣткъ. По сбоку краемъ столб-
ца, въѣкоторыхъ мѣстахъ отъ гиности слова совсѣмъ слиняли или вы-
равнены. Скрыты и подписаны нѣтъ.

[7].

Палласъ, посѣтившій это городище въ 1769 г., пишетъ объ немъ слѣду-
щее (стр. 604—605):

„Находящаяся при Кулагинѣ древность изъ средней Россійской исторіи
особливо достойна примѣчанія, а именно тамъ есть званий шанецъ, который
называется Яцкимъ казакамъ подъ именемъ Маринкина городка; но она не
знаютъ больше никакого о томъ извѣстія, какъ только сіе, что Маринка
была такая женщина, которая въ прежнія времена ходила на разбой изъ
оного городка. За вѣроятное почесть можно, что сіе укрѣпленіе и прони-
кано по Маринѣ Сендормирской супругѣ ложнаго Дмитрія. Маринка го-
родокъ находится по сію сторону Кулагиной крѣпости, полторы версты отъ
оной на высокомъ степномъ мѣстѣ при буеракѣ, въ которомъ рѣка Яикъ,
такъ сказываютъ прежде имѣла свое течеіе, но нынѣ она отдѣлилась на
полверсты отъ онаго мѣста. Шанецъ имѣть видъ прямого угла съ кривыми
сторонами, которая кончаются при помазутомъ буеракѣ. Растояніе между концами
шанца считается 335 шаговъ, а отъ угла прямо къ буераку не много больше
половини. Къ оному видны три проѣзда, а именно самой большой въ за-
падную сторону къ калмыцкой степи, и два малыхъ отъ сторонъ шанца къ юго-
западу и къ сѣверовостоку. Внутри шанца находятся земляные кучи, про-
ишедшихъ отъ подземныхъ жилищъ, которыя, по объявлению казаковъ, прежде
тамъ были“.

[8].

Грязнаго озера въ настоящее время не существуетъ. Рычковъ такъ опи-
сываетъ это озеро (Топogr. Оренб. губ., стр. 154). „Грязное, за рѣкою
Яикомъ, отъ Яцкаго казачьяго городка 270, а отъ рѣки Яика 107 верстъ.
Окружность онаго сочиняетъ 5 верстъ девяносто сажень, за неѣ въ жар-
кіе дни садится соли множество, которую яцкіе казаки добываютъ и на
свои расходы употребляютъ, во въ дождливую погоду всю ту соль разжи-
ваютъ и претворяютъ въ тузлукъ“ (т. е. солевой растворъ).

[9].

Денежныя единицы того времени были слѣдующія: Московскій рубль дѣлился

на 200 денегъ, т. е. каждая денъма равнялась инымишней полкопѣйкѣ (полушкѣ). Грошина равнялась 20 деньгамъ или (поздѣе) 10 копѣйкамъ. Алтынъ — старинный русский монетный счетъ, название котораго получилось отъ татарскаго слова алтынъ (шесть) и равнялся при царь Михаилѣ Федоровичѣ 6 деньгамъ. Эта монета до Петра I вовсе не чеканилась, а употреблялась только для счета. При Петре начали было чеканить серебряные алтыны, но скоро ихъ уничтожили и даже запретили считать на алтыны.

Относительно старинныхъ названий мѣръ и вѣса и другихъ древнихъ и вышедшихъ уже изъ употребленія словъ, но которые будуть попадаться часто въ слѣдующихъ главахъ очерка, объясненіе даетъ Ио. Ст. Бѣляевъ въ своей книгѣ: „Практическій курсъ изученія древней русской скорописи”, стр. 27 и 28.

„Земля считалась,—говорить Бѣляевъ,—не десятинами, а четвертями или „четвѣмъ“. Четь свое название получила, вѣроятно, отъ того количества зерень, которое высѣвалось на известное пространство земли, отъ того размѣра засѣва ржи, которой хватало при разбрасываніи на приготовленную запашку. Обыкновенная четь земли большей частію равнялась нашей полудесятинѣ или 1200 квадр. саженъ. Такъ система хлѣбопашства была преимущественно трехпольная, т. е. одна часть земли отводилась подъ озимь, другая въ ярь и, наконецъ, третья подъ парь, то это трехполье обозначалось выражениемъ: „въ полѣ, а въ дну потому жъ“. Если, положимъ, написано: „50 чети въ полѣ, а въ дну потому жъ“, это значило, что въ каждой изъ трехъ полей было по 50 чети, слѣдовательно всего, всей площади земли, надо считать 150 чети, а такъ какъ въ каждой четверти, какъ мы сказали, было по полудесятинѣ, то это равняется 75-ти нашимъ десятинамъ. Сѣнная, или луговая площадь, обыкновенно обозначалась „копнами“, которыхъ въ одной десятинѣ считалось десять.

Теперешнаго изображенія частей цѣлаго дробами не было, а онѣ показывались слѣдующимъ образомъ. Половина „чети“ земли, равняющаяся 600 квадратнымъ саженямъ, называлась „осмыною“. Затѣмъ, чтобы выразить дальнѣйшія четвертую, восьмую, шестнадцатую, тридцать вторую часть „чети“ и т. д. употреблялось слово „пол“. „Полгосмины“ равнялось $\frac{1}{4}$, пол пол осмыны= $\frac{1}{8}$, пол пол пол осмыны= $\frac{1}{16}$ чети и т. д. Третья часть „чети“ называлась „третинкомъ“, для всякаго уменьшавія третьихъ долей опять употреблялось „пол“, такъ: полтретника равнялось $\frac{1}{6}$; пол пол третинка= $\frac{1}{12}$, пол пол пол третинка= $\frac{1}{24}$, пол пол пол пол третинка= $\frac{1}{48}$ и пр. „Полтора“ значило половину отнять отъ второй единицы, оставляя первую цѣлой; на этомъ основаніи „полтора“ значило отъ третьей единицы числа трѣхъ отнять половину и прибавить къ двумъ цѣлымъ, что равнялось $2\frac{1}{2}$. Въ древненъ письмѣ эти „пол“ встрѣчаются нерѣдко, указывая даже двухзначныя числа „полчетырнадцаты“= $13\frac{1}{2}$, „полсемнадцаты“= $16\frac{1}{2}$, „пол-

шестадесати” = 55. Мѣры земли больше чети назывались „вытѣями”, „сохами” и „сошками”, а самъ процессъ ихъ измѣрения — „четвертыми”, „вытѣнными” и „сошнными” — письмомъ. Мѣсто, гдѣ происходилъ сборъ сѣна, носило имя „пожни”. Берегъ рѣки, выдавшійся и обильный иломъ, взятый подъ запашку, назывался „нахолокомъ”, рѣже это слово выражало возвышеніе поселокъ. Крестьяне, пахавши землю за себя и на другое болѣе сильное лѣдо съ половиною сбора хлѣба, были извѣстны подъ именемъ „полононосецъ”, честолюбивые же крестьяне обозначались „захребетниками” и „подсостѣдниками”; государевы крестьяне, не помѣщачи, были „черные и „тиные”; „раменѣцы” назывался некрупный лѣсъ, выросшій на прежней запашкѣ, „иръи” — прѣборъ для варки соли; „борть” — колода, или дупло дерева, въ которыхъ жили пчелы; „зоны” — изѣта для ловли бобровъ; „льза” — за-пруда на рѣкѣ для ловли рыбы; „мыто” — пошлины; „сузичъ” — служилый человѣкъ, пославшійся съ какимъ-нибудь порученіемъ; „языкъ” — пѣтничекъ; „асыръ” — изгородецъ, взятый въ залогъ или рабство; „ясакъ” — подать. „Нѣтчиками” именовались воинские люди, не явившиеся къ походу въ свою часть; противъ ихъ имѣнъ въ спискахъ ставилась отмѣтка: „нѣтъ”, прибывшіе же показывались въ „естехъ”.

Добавимъ отъ себя, что поручикъ значить поручитель, заслуженъ — свидѣтели; гравенка — вѣсь почти равный нашему фунту.

[10].

Изъ этого акта видно, что яицкіе казаки были подъ Смоленскомъ еще раньше съ княземъ Черкасскимъ въ 1614 — 15 годахъ (Соловьевъ Ист. Рос., т. 9, стр. 41), когда князь Черкасскій съ княземъ Троеруковымъ осаждали этотъ городъ, но безуспешно. Безусловно съ ними были тѣ казаки, которые находились въ Москвѣ вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ Пожарского и по освобожденію Москвы пошли частію по Волгѣ съ воеводою Одоевскимъ изъ Заруцкаго, частію же на Смоленскъ съ Черкасскимъ. Но обѣ обоихъ службахъ не вмѣстѣ никакихъ подробностей.

[11].

Цитлассъ о р. Рубежной пишетъ слѣдующее: „Рубежна, при которой мы перенеслися, получила свое имя, какъ увѣрять преданіе яицкихъ казаковъ, отъ того, что сія рѣка была границею (рубежъ) настѣнъ и рыбной ловли между отдѣлившимися яицкихъ казаковъ: чѣо одна часть оныхъ имѣла жилище на Кирсановскомъ яру, другая же поселилась же 90 верстъ далѣе нынѣшняю мысту, куда такъ-же послѣ того, находившаяся па ономъ яру, деревянная церковь перенесена была, которая отъ того и по нынѣ зовется Кирсановской. Можно такъ-же еще и нынѣ видѣть съ высокого угорка (буторка?), который между такъ называемою Кирсановской старицею и нынѣшней къ югу крикнопровѣденымъ каналомъ Яика, прежнее изѣто церкви въ серединѣ выкопаннаго тамъ малаго вала, который отсѣкаетъ южнѣй конецъ угорка углообразно”. (Цитлассъ, часть 3-я, томъ 2, стр. 90—91).

[12].

Муравскій шляхъ шелъ мимо Тулы, верховьевъ рѣки Упы и р. Мечи до г. Ливенъ, потомъ по водораздѣлу притоковъ р.р. Семь, Иссела, Ворсклы, Орели и Самары (притокъ Дона) съ другой стороны далѣе по верховьямъ р. Конской до Шерекона. Дорога отъ Изюма къ сѣверу до лѣса Юшковыхъ Бояраковъ (въ верховьяхъ р. Семь), где она соединялась съ Муравскимъ шлахомъ, называлась *Изюмскою*. Она пролегала по водораздѣлу р.р. Оскола и Сѣверного Донца. Дорога отъ г. Ливенъ на югъ къ Изюму была известна подъ именемъ *Калмиюсской*. Ова тоже опредѣляется водораздѣломъ р.р. Сѣверного Донца и Оскола. (Объясненіе по Учеб. Атл. по Русск. Истор. Е. Замысловскаго 1887 г., стр. 78).

[13].

Объ участіи въ этой войнѣ яицкихъ казаковъ „Тульского полку“ ванъ говорятъ ихъ члены. Такъ неповерстанный сынъ яицкаго казака *Мирона Нестерова* въ 1657 г. пишетъ: „...служу я съ 162 (1654 г.) и былъ въ полку съ Бояриномъ *Василиемъ Борисовичемъ Шереметевымъ* съ товарищами въ *Бѣлогородъ*, а изъ Бѣлогорода посланъ на твою службу въ польскіе и литовскіе города, и на *Дражинополь* мы съ польскими и литовскими людьми бились, и подъ *Гусатинъ* городомъ на приступѣ и подъ *Еюльны* городомъ и подъ изыми польскими и литовскими городами на приступахъ и на боахъ былъ и бился не щада головы своей; да я же х. т. былъ на бою на стени подъ *Солонъ* городкомъ и бился съ литовскими же людьми въ всякую нужду и бѣдность терпѣль“ (Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Бѣлгор. ст., столб. 393, листъ 255).

Въ членѣніи 1660 г. другого яицкаго казака *Абросима Телешева* обѣ этой службы сказано съ большими подробностями: „Былъ я х. т. на твоей государевой службѣ съ бояриномъ и воеводою съ *Василиемъ Борисовичемъ Шереметевымъ* и бился на *Дражинополь* — убилъ мужика и посыпалъ я х. т. былъ въ подѣбѣ съ головою Клементьевъ Опухтинымъ въ городъ *Тетевенъ* и взялъ мужика; да я же х. т. былъ съ бояриномъ и воеводою *Василиемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ* подъ польскими и литовскими городами, подъ *Каменскими-Подольскими* и подъ *Львоевыми* и на *Потоцкомъ* бою (съ гетманомъ Потоцкимъ) былъ и убилъ мужика и подъ *Варвою* и подъ *Лохвицы* съ татарами и черкасами бился и подъ *Конотопомъ* и подъ *Лохвицы* и подъ *Нѣжинъ* и подъ *Борзною* на боахъ былъ и на рѣчкѣ *Буревель* и въ отводѣ въ *Переяславскомъ* походѣ былъ же; да я же холопъ твой посыпалъ былъ изъ *Путивля* съ *Григориемъ Косаевымъ* подъ *Коропъ* и городъ взялъ и я холопъ твой убилъ дву мужиковъ“... (Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., столбецъ Моск. стола, № 312, стол. 15, листъ 3).

Почти точно такая же членѣніе сохранилась донскаго казака *Исаачия Чурова*. (Тамъ-же, листъ 2).

[14].

Въ 1696 г. къ Бѣлгородскому полку Донскихъ, Яицкихъ и Орѣшковскихъ казаковъ было присоединено 51 семейство крещеныхъ казаковъ, которые были поселены въ Курскѣ. Жалованье имъ выдавалось слѣдующее: денегъ — мурзъ 50, а рядовыхъ отъ 38 до 17 руб. въ годъ. Хлѣба: ржи по 12 и по 10 четвертей и овса то же количество. Всѣхъ донск., яицк. и орѣшк. казаковъ въ это время было 256 человѣкъ, у нихъ дѣтей и свойственниковъ 102 чел. Это жалованье казакамъ, такъ-же какъ и казакамъ выдавалось изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, а хлѣбъ въ Бѣлгородѣ въ Курскѣ взъ окладного наличнаго хлѣба, который собирался на дачу Бѣлгородскому полку (т. е. всѣмъ войскамъ, бывшимъ у Бѣлгородскаго воеводы) съ указанныхъ для этого 32 городовъ — ржи и овса по полуосинѣ съ двора. (Моск. Гл. Арх. Мия. Юстиц., Бѣлгородскій столъ, столбецъ 1674, листы 363 — 365).

[15].

Первая церковь по преданию называла Казанской, но если это ошибka, то это легко объяснить тѣмъ, что Казанская церковь сгорѣла въ 1685 г., а вместо нея построили церковь во имя Алексія Митрополита или вѣрнѣе всего тѣмъ, что память Ивана Чакрыгина, казака, рассказывавшаго это преданіе И. И. Желѣзнову, измѣнила ему, т. к. во время сїска Кроткова въ 1719 г. мы не видимъ Казанской церкви, разрѣшеніе построить ее дано только въ 1736 г. казанскимъ епископомъ. Во время пожара 1751 года церкви Алексія Митрополита уже не существуетъ, а нынѣтъ Казанская съ приделомъ во имя св. Алексія Митрополита. Такимъ образомъ Казанская церковь вѣрѣю является наследницей церкви Алексія Митрополита и позднѣе въ 1772 г. она носить название Кирсановской, т. б. принадлежала переселившимся кирсановцамъ и построена взамѣнъ обветшавшей и разобранной въ 1736 году Кирсановской церкви во имя Алексія Митрополита.

[16].

Тутъ предполагалось напечатать выборки главъ и статей изъ книгъ санкционнаго писанія, на основавіи которыхъ старообрядцы крестятся двоечертно, не бреютъ бородъ, не курятъ и проч., но по неиздѣяніямъ обстоятельствъ эти выписки не были своевременно доставлены въ печать во попы, а потому будуть помѣщены въ слѣдующей книжкѣ.

[17].

Чугуевскій казачій конный полкъ въ 1808 г. переименованъ въ Чугуевскій казачій регулярный полкъ. Въ 1808 г. изъ него сформированъ Чугуевскій-Уланскій полкъ, при чемъ для комплектования полка послужили только коренные чугуевскіе казаки, потомки донскихъ, орѣшковскихъ и яицкихъ казаковъ. Этотъ полкъ въ настоящее время носитъ название 11-й Уланскій-Чугуевскій Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Федоровны полкъ.

[18].

Отвѣтъ Матвѣя Миронова на разыскъ поручика Кроткова въ 1718 г. въ іюнѣ мѣсяца, по дѣлу о синѣѣ бѣжавшихъ послѣ убийства Бѣлоусова казаковъ Филимонова и Сидорова (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 28, листы 1322—1323).

Того же числа противъ вышеозначенного допросу Оськиной жены Филимонова Алены Дмитревой дочери бывшей атаманъ *Матвѣй Мироновъ* допрашиванъ.

А въ допросѣ онъ Матвѣй сказалъ: въ прошлыхъ годахъ, а сколько лѣтъ того онъ не упомянуть вышеозначенные Оська Филимоновъ и Васька Сидоровъ убить атамана Ивана Бѣлоусова приговаривали и убить онъ по ихъ приговору, а убилъ его есаулъ Григорій Копыловъ, а приговорили де его убить за то, что онъ атаманъ привезъ изъ Черкасска изъ Донского войска указъ, что по приходѣ на Яикъ русскихъ людей до шести лѣтъ въ казаки не ставить, а до десяти лѣтъ къ Москвѣ никого не отпускать потому, что до въ то число Ицкое ихъ войско было подвѣдомствомъ Донскимъ, а онъ де Матвѣй съ старшинами, а именно: Степаномъ Филимоновымъ и съ прочими отъ того убийства имъ запрещали и въ то же число и ихъ они Оська и Васька сѣльнонышленники своими хотѣли побить до смерти и поубавить онаго атамана вать его Осипъ Бѣлоусовъ ѿздалъ для челобитья къ Москвѣ и по при-сылѣ изъ приказу Казанскаго Дворца товарищи ихъ единомышленники взяты были къ Москвѣ и „сажнены”, а они Оська и Васька въ то число были въ бѣгахъ и пришли они изъ бѣговъ при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ, а въ которомъ году не упомянуть и въ его Семенникова атаманство ходили явно и были въ казакахъ, а онъ Мироновъ ему Семенникову говорилъ, для чего они выѣхѣли въ казакахъ и тѣ де слова происходили къ нему Семенникову отъ него Матвѣя на единѣ и онъ де Семенниковъ сказалъ, что де тебѣ дознахъ дѣла и новыбору войска послѣ его Семенникова былъ въ атаманахъ онъ Матвѣй Мироновъ и ихъ Оску и Васку непоймай и въ Казань непослать для того, что не въ его атаманство, а до атаманства его года за четыре и какъ де его смѣнилъ атаманъ Григорій Меркульевъ и въ его атаманство они Оска и Васка были и въ прошломъ 1718 г. по указу изъ Казани, а подовошенню Карташева онъ Мироновъ и Григорій Меркульевъ взяты въ Казань подѣлу которое язвуетъ въ губернской канцелярии, а на мѣсто Григорія Меркульева выбрали въ атаманы Степанъ Филимоновъ и они Оска и Васка были со отѣзда въ на Яикѣ, а послѣ отѣзду ихъ они куда съ Яику бѣжали до указу или послѣ и въ которыхъ числахъ и именъ они гдѣ и кто въ у себя держать ли не вѣдаетъ. Къ сену допросу вмѣсто Матвѣя Миронича по его вѣдѣнію Яецкой казакъ Иванъ Масниковъ руку приложилъ.

Въ этомъ показаніи пакать Миронову взмѣнила и онъ говорить, что Бѣлоусовъ привезъ съ Дона указъ о томъ, чтобы тѣхъ, кто прибылъ на Яикъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ казаки не ставить, а кто пробылъ на Яикѣ десять лѣтъ то къ Москвѣ не отсыпать. Такого распоряженія въ то время (въ 1698 г.)

быть не могло, т. к. перепись была произведена въ 1695 г. и только послѣ этого года приказано было никого не принимать въ казаки. Тотъ приказъ, о которомъ говорить Мироновъ, былъ получеъ войскомъ въ послѣдующіе годы, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ извѣстї.

[19].

Лѣта 7214 сентябрь въ 20 день по указу великаго государя цара и величайшаго князя Петра Алексѣевича всеса великия и малыя и бѣлые россіи самодержца и противъ Астраханскихъ старшинъ Якова Ивановича Носова Гаврила Ларіоновича Гавчикова и всего Астраханскаго великаго войска приказу велико Яицкаго Гурьевъ городка старшины Макару Иванову сранять на Якѣ въ Гурьевъ городкѣ у старшины у сотника у Степана Котловскаго и у всего войска служилыхъ людей городъ и городовые ключи и по городу пушечной снарадъ и въ казаѣ зелье, порохъ и свинецъ и фетиль и ядра и дробь и что явится чего и то писано ниже сего порознь: въ спаснѣихъ воротахъ 3 пушки чудищныя, 1 ядро вѣсомъ по кружалу 6 фунтовъ, 2 ядро вѣсомъ вѣсомъ по кружалу 5 фунтовъ, 3 ядро вѣсомъ по кружалу полъ два фунта; у Казачочныхъ воротъ: пушка чудищная, къ ней ядро вѣсомъ по кружалу 4 фунта; на Угольной Головной башнѣ въ асполѣ пушки чудищная къ ней ядро вѣсомъ полъ два фунта; на средней Макарьевской башнѣ въ исподи пушки чудищная къ ней ядро вѣсомъ по кружалу полъ 3 фунта; за угольной Удебной башнѣ 2 пушки чудищныя, къ ней ядро по кружалу вѣсомъ полъ 5 фунта; 2 пушки ядро вѣсомъ по кружалу полъ 2 фунта; за башнѣ Степныхъ воротъ пушки чудищные къ ней ядро вѣсомъ по кружалу 1 фунтъ; на угольной круглой башнѣ Хавикѣ пушка чудищная къ ней ядро вѣсомъ 2 фунта; на средней башнѣ солдатской 3 пушки чудищныя 1 ядро вѣсомъ полъ 5 фунта 2 ядро вѣсомъ полъ 2 фунта 3 ядро вѣсомъ тоже; на Вышеннѣй башнѣ 2 пушки чудищныя, а къ ней ядро вѣсомъ 5 фунтовъ 2 ядро вѣсомъ 4 фунта, а тѣ вышеописанные пушки въ станкахъ безъ колѣсъ; да въ каменной будаѣ ружья фетильного цѣлаго и рванаго и безъ ложъ по счету 89, да въ зеленой казиѣ въ дну бочкахъ пушечнаго пороху 16 пудъ съ деревомъ, да въ той же казиѣ пороху ручного и засыпного 8 пудъ 10 фунтовъ безъ дерева, свинцу въ дву початыхъ свинцахъ 8 пудъ, дц фитилю 5 пудъ и во всемъ съ ними расписаны. Къ сему российскому списку Опаскій пошь Петръ Никифоръ вместо старшины Макара Иванова по его величию руку приложилъ.

(Моск. Арх. Инн. Юст. Секретныхъ дѣлъ Тайной канцелярии 1614 - 1722 г.г., опись 288, столбецъ 1144, листы 178 - 179).

[20].

Главными материалами для настоящаго очерка служатъ, кроме сочиненій, указанныхъ въ выноскахъ, еще слѣдующіе: „Описаціе Каспійскаго мора и чиезныхъ на ономъ россійскихъ завоеваній“ (Ежемѣс. Сочин. 1763 г.). Затѣмъ дополнительные свѣдѣнія находятся: въ части II Журнала Петра В., заданномъ въ 1772 г.; въ сочиненіи Могутова „Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о быв-

шей изъ Россіи въ великую Татарію экспедиції, Соб. 1772 г.*; въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, Голикова, Москва 1788 в проч. Всльдъ за неудачной экспедиціей Шеронскаго въ Хиву 1739/40 г., во время приготовлений ко второй экспедиціи, собирались въ разныхъ архивахъ свѣдѣнія о походѣ Бековича. Я. В. Ханыковъ, познакомясь съ собраніями такимъ образомъ свѣдѣніями въ Оренбургѣ, въ своей Пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря (Зап. Геогр. Об. кв. V, 1851) сдѣлалъ вѣсколько указаний, касающихся экспедиціи Бековича. Поповъ, въ статьѣ „Своюшевія Россія съ Хивою и Бухарою при Петре Великомъ“ (Зап. Геогр. Об., к. IX, 1853), къ описанію экспедиціи Бековича приложилъ вѣсколько показаний участниковъ ея. Голосовъ въ статьѣ о походѣ Бековича въ 1717 году въ Хиву (Воен. Сбор. 1861 г., № 10) приложилъ тоже вѣсколько не изданныхъ еще документовъ, которые были собраны въ 1840 г. въ Оренбургѣ. Галкинъ, въ своихъ этнogr. и историч. материалахъ по Средней Азіи и Оренбургск. краю, Сиб. 1868, напечаталъ извлечеіе изъ дѣла Московскаго сенатскаго архива обь отправлениіи Бековича на Касп. море и въ Хиву въ 1714—17 гг. Наконецъ, въ 1-мъ томѣ „Материаловъ Военно-Ученаго архива Главнаго Штаба“, изданномъ въ 1871 г. подъ редакціей А. Ф. Бычкова, помѣщены: „Дѣло 1714—1718 годовъ обь отправлениіи князя Александра Бековича Черкасскаго на Касп. море и въ Хиву“ и „Выписка, учиненная изъ столбцевъ обь отправлениіи на Касп. море князя Черкасскаго, съ начала его походу съ 1714 году мая по 10 число сего застощаго 1717 году“. Въ дѣлѣ находятся: письмо дворянина Ворошила и Сватова изъ Хивы (XXXVI) и показаніе участниковъ экспедиціи Бековича: яицкаго казака татарина Урахмета Ахметьевъ (LXXXIII), туркмена Ходжа-Нефеса, татарина Алтына Улейнова и яицкихъ казаковъ Федора Енельянова и Махмуда Бѣлотелкина (LXXXVI и LXXXVIII) и астраханца Николая Федорова (XCVI), но въ немъ нетъ вѣкоторыхъ документовъ, напечатанныхъ Голосовымъ*.

(А. И. Макшеевъ „Истор. обз. Турк.“, изд. 1790 г., приложение къ главѣ IV, пунктъ 7).

[21].

Чтобы не повторять въ будущемъ разсчета казачьихъ станицъ, настоящій указъ, какъ образчикъ всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ-же указовъ, привожу позвестію.

„Лѣта 1721 июня въ 19 день, по указу великаго Государя Цара и великаго князя Петра Алексѣевича всел великия и малыя и бѣлыя россіи Самодержца генералу фельдмаршалу и кавалеру тайному действительному советнику губернатору и Государственной Военной Коллегіи президенту гофмѣстѣшаму князю Александру Даниловичу Меншикову съ товарищи по присланіи Его Великаго Государя изъ Военной Коллегіи май 22 числа указомъ и по приговору въ Государственной штатѣ кавторъ Коллегіи сего июня въ 7 день вѣлько яицкимъ казакамъ станичному атаману Ивану Степанову и при немъ есаулу и казакамъ двумъ человѣкамъ которые прибыли съ войсковою отчиною и про обиходъ его Царскаго Величества съ якрою и рыбью и станичному атаману Ивану Яковлеву Масникову и пранемъ есаулу и казаку, которыхъ прибыли съ

отпискою о въстахъ за издержанные ихъ за наемъ подводъ денегъ первой станицѣ сто двадцать девять рублейъ шестнадцать алтынъ съ деньгою второй станице тринадцать рублейъ тринацать алтынъ здѣньгою. Итого сто сорокъ два рубли двадцать девять алтынъ двѣ деньги да станичному атаману Ивану Яковлеву исаулу Савелью Васильеву рядовому Василию Леонтьеву его великаго Государя жалованья противъ прежнихъ дачь кормовыхъ и за пять атаману 8 р. 8 алтынъ съ деньгою, исаулу 6 р. 15 алтынъ 2 деньги, рядовому 4 рубли 25 алтынъ 5 денегъ, итого 19 р. 16 алтынъ; да на прѣзде и на отпуску атаману 43 р. исаулу 32 рубли рядовому 22 р. Итого 97 р. да въ дорогу кормовыхъ противъ здѣшней дачи на 2 месяца, атаману 4 р. шесть алтынъ 4 деньги, исаулу 3 р. 20 алтынъ; рядовому 3 р. итого 10 р. 26 алтынъ 4 деньги, за порохъ и свинецъ каждому по 5 алтынъ по 3 деньги а 3 человѣкамъ 16 алтынъ 3 деньги итого за всѣ атаману 55 р. двадцать алтынъ 2 деньги, исаулу сорокъ два рубли семь алтынъ 3 деньги, рядовому 29 рублейъ 31 алтынъ 2 деньги. Всего 270 рублейъ 21 алтынъ 5 денегъ выдать изъ реитерей записавъ въ расходъ съ роспискою на счетъ въ положенной окладъ Военной Коллегіи нынѣшняго 1721 году для того что по приславшимъ вѣдомостямъ изъ иностранной коллегіи къ сочиненію штата на ону дачу оныхъ казакамъ расходу не написано и о выдаѣтъ тѣхъ денегъ въ реитерей его великаго Государя указъ посланъ и великий Государь Царь и великий князь Петръ Алексѣевичъ всѧ великия и малыя и бѣлые россіи самодержецъ указъ изъ государственной штатской-контроль коллегіи къ замѣ генералу фельдмаршалу и кавалеру тайному дѣйствительному совѣтнику губернатору изъ Государственной Военной Коллегіи президенту свѣтѣйшему князю Александру Даниловичу стоварищи для вѣдома отписать.

Подпись: графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ

(Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листы 547 и 548).

[22].

М. А. Г. Шт., опись 47, книга 263, дѣло № 2, листъ 5-й.

„И въ Государственной Военной Коллегіи противъ вышеозначенной помѣты выписано,—въ указѣ Его Императорскаго Величества въ соборномъ уложеніи начечатано,—глава 18, статья 50,—которые Государевы грамоты даны будутъ атаманомъ и исаудомъ и казакомъ которые на Москву и въ городѣхъ кормовые и ново... вѣстныя изъ упразднѣхъ дѣлъ и съ тѣхъ грамотъ съ упразднѣхъ дѣлъ печатныя пошлины иматъ по указу, а которые грамоты даны имъ будутъ о земляхъ ихъ и съ тѣхъ грамотъ пошлины не имати;—статья 51.—которые стрелецкие же и казачьи головы и сотники стрельцы и казаки городовыя учнутъ бить членомъ Государю о вселихъ управлѣнїхъ дѣлъ на сторонихъ людей и посылку про стрелецкія и казачьи земли Государевы грамоты въ по ихъ членобитию будутъ давы и съ управлѣнїемъ дѣлъ кто учнетъ бить членомъ на сторонихъ людей печатныя пошлины иматъ по указу, а которые учнутъ бить членомъ Государю другъ на друга,

а не на стороннихъ людей, или о земляхъ и съ тѣхъ пошлии не имати потому что люди служильые, а земли за вами государевы. Статья 53. Которымъ стрельцомъ и казакомъ и пушкаремъ и затищникомъ, и воротниковъ и каменщикомъ и кирпичникомъ дены будуть государевы указные грамоты въ города о ихъ челобитью на сколько рублевъ имъ торговати безошибочно, и какъ имъ про себя пятье варить и съ такихъ грамотъ печатныхъ пошлии для ихъ службы и бѣдности не имати. Глава 24, статья 1. На комъ учнуть искасть или кому отвѣтчать атаманы и казаки и имъ въ судныхъ и во всякихъ упрашныхъ дѣлехъ чинить указъ по суду и по крѣпостямъ и по списку до чего доведется; а государевыхъ пошлии на виноватомъ не имать въ двунадцати рублевъ, а что будетъ иску сверхъ двунадцати рублевъ и съ того иску государевы пошлии съ атамановъ и казаковъ имать по указу, а за бесчестия атамановъ и казаковъ кто ихъ честь обесчестить править противъ ихъ денежныхъ окладовъ, а который вдѣть корни и тѣмъ за бесчестья править по пяти рублевъ".

[23].

Что у Курилова находилось подлинное дѣло, видно изъ слѣдующихъ строкъ: „у котораго (у подъячаго Авдѣя Чинарева), какъ мы сказали уже разъ, былъ такой превосходный для того времени почеркъ, какого вѣтъ изъ одной изъ бумагъ, составляющихъ подлинное дѣло, дающее намъ печатаемые здѣсь материалы (а тутъ, въ дѣлѣ много разныхъ почерковъ и въ донесеніяхъ изъ губернаторскихъ городовъ, и собственнаго дѣлопроизводства Государственной Военной Коллегіи и изъ другихъ столичныхъ присутственныхъ мѣстъ".

(„Ур. Войск. Вѣд." 1871 г., № 47. Курилінъ, Матер. къ Ист. войска, еще нѣтъ не напечатанные):

[24].

Выписка изъ дѣла Московскаго отдѣленія общаго архива Глашного Штаба, по описи 107, кн. 21 Казачьего посѣтья, листы 180—181.

1723 г. іюня въ 25 день по указу Его Императорскаго Величества на Якѣтъ въ розыскной казцеларіи предъ полковникомъ и лейбъ-гвардіи капитаномъ Захаровыми стоварищи Яицкой войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ, есаулы Иванъ Степановъ, Василій Араповъ, бывшіе атаманы Матвѣй Мироловъ, Никита Бородинъ, Федоръ Араповъ, бывшіе есаулы Захаръ Яковлевъ, Матвѣй Ивановъ, Остафей Муромцовъ, Абраамъ Пустоселовъ, Семенъ Донской, Иванъ Астраханкинъ, Федотъ Донской, Иванъ Витошновъ, Иванъ Муханъ, Григорій Зубаревъ, Петръ Жалѣзновъ, старые люди Метрофанъ Алютичъ, Никита Зевакинъ, Агафонъ Бабушкинъ, Степанъ Даринецъ сказали который де списокъ именать яицкими казаками въ дѣтми ихъ и работниками и хлопцами и выходцами изъ полону подали въ розыскную казцеларію и въ томъ списку написано въ перечинѣ всего всѣхъ чиновъ имѣтъ состоять при Яицкомъ городкѣ шесть тысячъ сто шестнадцать человѣкъ и то де число на-

писано истинная сущая правда безъ утайки, а окромѣ того написанного числа вѣдъ на Якѣ казаковъ и дѣтей ихъ и работниковъ и хлопцовъ и выходцовъ никако нѣть, а ежели онъ атаманъ стоярища въ томъ подавномъ списку иное число въ перечне написано не правду, а воредь явится болѣши онаго числа или этой утайки кто воредь донесеть и зато ему атаману Григорию Меркульеву стоярища учивать смертную казнь по публичному Его Императорскаго Величества указу каковъ публикованъ за Якѣ, а имене ихъ взять изъ Его Императорскаго Величества къ сей сказкѣ вмѣсто атамана Григория Меркульева во его вѣдѣю казакъ Анна Дмитревъ сынъ Полунинъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ Никита Зевакинъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ Матвѣй Ивановъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Захара Яковлева, Степана Дарыча позѣяко вѣдѣю казакъ Степанъ Ивановъ сынъ Винницъ руку приложилъ, есауль Василий Араповъ руку приложилъ, вмѣсто Матвѣя Миронова по его вѣдѣю казачий сынъ Лука Ивановъ руку приложилъ, вмѣсто есаула Ивана Степанова и Федора Арапова позѣяко вѣдѣю соборные церкви священникъ Иоаннъ Ивановъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Семена Донского по его вѣдѣю соборныи церкви пономарь Андрей Петровъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Петра Желѣзного по его вѣдѣю казакъ Степанъ Ивановъ сынъ Славинъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Ивана Астраханцева по его вѣдѣю соборный діаконъ Федоръ Махайловъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Ивана Ватошкова по его вѣдѣю діаконъ соборной Федоръ Махайловъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто казака Абрама Пустоселова по его вѣдѣю Яцкой казакъ Федоръ Федоровъ сынъ Ревко руку приложилъ и вмѣсто Федора Донского яже Федоръ Ревко по его вѣдѣю руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Антона Бабушкина и Ивана Мухина по ихъ вѣдѣю діаконъ Федоръ Михайловъ руку приложилъ, вмѣсто Григория Зубарева по его вѣдѣю казакъ Петръ Ивановъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Астафья Муромцева по его вѣдѣю казакъ Иванъ Поповъ руку приложилъ.

[25].

Въ описи 92 (Аудиторской) въ Моск. Арх. Глава. Штабъ значатся съѣдѣдующія утерянныя дѣла съ помѣткою скобокъ, что ихъ „вѣдъ“, во безъ объясненія прочинъ этого обстоятельства:

1) Сказка 869, дѣло 1719 г. Декабря 28. По прошенію войска Яцкаго казака о изслѣдовании иностранной коллегіей надъ измѣникомъ яцкаго казаковъ Иваномъ Карташевымъ и отаманомъ Никитой Трифоновскимъ съ товарищи и надъ посланныхъ на Якѣ офицерахъ и другихъ чиновъныхъ людяхъ во многихъ съ яцкими казаковъ взяткахъ на 93 листахъ.

Скобку на полѣ поимѣено „нѣтъ“.

(Страница описи 376).

2) „Реестръ отысканныхъ по генераль аудиторской экспедиції сокретныхъ дѣлъ при которомъ оныя дѣла отданы въ 1767 г. въ архивъ:

Номеръ дѣла.	Когда вступила.	1721 г.
		Сии дѣла подъ камерь конторою въ маломъ сундукѣ за печатью.
175.	1718 августа 9.	По доносу капитана Борнера въ говореніе подполковнику князь Федоронъ Хованскому про его Величество Го- сударя Императора непристойныхъ словъ.
—	—	Производимая въ преображенскомъ приказѣ и на Якѣ въ розыскной экспедиціи о тамошнихъ отоманакъ старшинахъ и казакахъ въ разныхъ обстоятельствахъ, непристойныхъ про его же Величество словахъ и въ измѣнѣ и бунтѣ въ 1723 г. а когда вступили и при чемъ не отыскано,
176.	—	подъ № 2 о Афанасьевъ Назаровѣ и Васильк Мордвинцовѣ,
177.	—	подъ № 3 о Атаманѣ Иванѣ Щербаковѣ, Федорѣ Ру- ковицкихъ и прочихъ.
178.	—	Подъ № 6 о казакахъ Краснощековѣ и Ягановѣ и о Атаманѣ Григорье Меркульевѣ,
179.	—	подъ № 7 о татаринѣ Емансурѣ Ишратовѣ и солдатѣ Лар- ионѣ Забалтаевѣ,
180.	—	подъ № 8 о казакѣ Матвеѣ Мироновѣ.
		Противъ всѣхъ этихъ номеровъ сбоку помѣта „По онымъ дѣламъ каковое рѣшеніе было невидно а только въ концѣ каждаго дѣла подъ черными экстрактами подписано, что та- коиа экстракты посланы въ Санктъ-Петербургъ въ Вѣн- скую коллегію съ прaporщикомъ Сирабинъ 1723 г. де- кабря 26“.
		(Тамъ-же, стр. 608).
		Съ потерей этихъ документовъ войско лишилось однихъ изъ интереснейшихъ и важнейшихъ своихъ дѣлъ.

[26].

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, опись 107,
дѣло № 128, листы 370—372.

Вѣдомость учиненная изъ переписныхъ прошаныхъ 1723 и 724 годѣахъ
посланная отъ Военной Коллегіи въ войско Линкое полковникомъ Захаро-

внѣ съ товарищи того войска казакамъ книгу по которымъ оказались записавшіеся во сное войско разныхъ чиновъ люди и родившіеся на Яикѣ.

Записавшіеся въ войско Яиккое.	Число людей.	Ихъ дѣт.	Братья.	Племян- ники.	Шури.	Итого.
Атаманъ изъ дворцовыхъ крестьянъ	1	1	—	—	—	2
Монастырскихъ крестьянъ	157	106	3	1	—	267
Бѣлодворцовъ	5	3	—	—	—	8
Мордвиновъ	7	8	—	—	—	15
Полаковъ	46	30	—	—	—	76
Башкировъ	52	19	—	—	—	71
Швыдовъ	4	—	—	—	—	4
Ясашныхъ	34	24	—	—	—	58
Вобылевъ	15	11	—	—	—	26
Изъ выѣзжихъ нѣмцевъ	1	1	—	—	—	2
Изъ служащихъ по дворянскому списку	5	2	—	—	—	7
Стрѣльцовъ	158	119	1	—	1	279
Татаръ	48	21	—	—	1	70
Изъ татаръ новокрещеныхъ	37	20	—	—	—	57
Калмыковъ	27	6	1	—	—	34
Дворцовыхъ крестьянъ	484	314	4	1	1	804
Песадскихъ	189	119	—	—	1	309
Пршедшіхъ казаковъ	326	193	3	—	4	526
Помѣщичихъ крестьянъ	1094	724	10	5	1	1840
Турконъ	2	2	—	—	—	4
Волоховъ	7	10	—	—	—	17
Колмогорцовъ	1	—	—	—	—	1
Яищиковъ	3	5	—	—	—	6
Кузнецловъ	2	—	—	—	—	2
Нагайцовъ	1	—	—	—	—	1
Подвальчикъ	1	—	—	—	—	1
Изъ Черкасъ	16	7	—	—	—	28
Изъ Черемисъ	1	—	—	—	—	1
Изъ Чукоацевъ	1	—	—	—	—	1
Да рожденныхъ за Яикъ, а откуда родомъ не упомянуть	16	8	—	—	—	24
Всего	2741	1749	22	8	15	4586

Да по вѣдомости атамана Меркульева показано казаковъ оставшихъ на

Черемшанъ служить въ 724 году—76 человѣкъ. Казачьихъ дѣтей, братьевъ и внучатъ по смотру явилось въ службу годныхъ 153. Казачьихъ же дѣтей, которыхъ отцы побиты и померли, а они въ службу явились годными 172 человѣка. Да по указу Военной Коллегіи 722 году повелѣно казацчину Даше Булатову съ своими улусными калмыками служить съ Яңцзинскими казаками вообщѣ... Калмыковъ 52. Дѣтей и половниковъ за малыми лѣты въ службу негодныхъ 36.

По смотру за старостію и за болѣзнями въ службу негодныхъ.

			Дѣтей.	Племян. никовъ.	Внуковъ.	Итого.
Помѣщичьихъ	.	.	16	4	2	1
Изъ посадскихъ	.	.	3	1	—	4
Дворцовыхъ	.	.	11	7	—	18
Татаръ	.	.	2	1	—	3
Изъ татаръ новокрещенъ	.	.	1	—	—	1
Изъ монастырскихъ	.	.	3	—	—	3
Изъ иѣцизовъ	.	.	1	1	—	2
Изъ стрѣльцовъ	.	.	1	—	—	1
Изъ пришедшихъ казаковъ	.	.	1	—	—	1
Нѣмъ	.	.	1	—	—	1
Всего	.	.	40	14	2	1
						57

Прежніе отставные казаки по смотру стары драхлы и въ службу негодны показаны.

			Дѣт.		Итого.
Изъ помѣщичьихъ	.	.	81	17	—
Изъ дворцовыхъ	.	.	81	4	35
Изъ посадскихъ	.	.	5	—	5
Изъ монастырскихъ	.	.	7	—	7
Изъ полакъ	.	.	5	—	5
Изъ волокъ	.	.	1	3	4
Изъ новокрещенъ	.	.	1	1	2
Изъ пришедшихъ казаковъ	.	.	12	2	14
Изъ стрѣльцовъ	.	.	5	1	6
Изъ черкасъ	.	.	1	—	2
Изъ подъачникъ	.	.	1	—	1

										Итого.
Изъ татаръ	5	4	1	10	
По дворянскому сансу	1	1	1	1	
Изъ бобылей	1	1	1	1	
Изъ ямщиковъ	1	1	1	1	
Бортникъ	1	1	1	1	
Всего	159	33	1	193	

Въ службу негодныхъ по другимъ росписямъ оказалось.

										Итого.
Изъ пришедшихъ козаковъ	4	4	1	4	
Изъ помѣщачихъ	8	8	1	9	
Непомниющихъ родства	1	1	1	1	
Изъ монастырскихъ	2	2	1	2	
Изъ дворцовыхъ	3	3	1	3	
Изъ посадскихъ	1	1	1	1	
Татаринъ	1	1	1	1	
Всего	20	1	1	21	

Казачьихъ дѣтей и братьевъ за мелкии лѣты, а другіе за скорбю и за увѣчье въ службу негодныхъ безъ сказокъ по именамъ показано 475.

										Итого.
Дворцовыхъ.	9	7	1	17	
Посадскихъ	6	4	1	10	
Помѣщачихъ	29	2	1	32	
Стрѣльцовъ	2	1	1	2	
Монастырскихъ	3	3	1	5	
Изъ чорашъ новокрещенъ	1	1	1	1	

			Число людей.	Дѣтей.	Взрос. л.	Итого.
Изъ калмыкъ новокрещенъ	.	.	1	—	—	1
Черкашенинъ	.	.	1	—	—	1
Поляковъ	.	.	2	—	—	2
Татаръ	.	.	3	—	—	3
Всего	.	.	57	15	2	74

Пришлые люди, которые живутъ у казаковъ въ работѣ.

			Число людей.	Дѣтей.
Помѣщачьихъ	.	.	124	8
Монастырскихъ	.	.	16	—
Дворцовыхъ	.	.	26	—
Стрѣльцовъ	.	.	8	1
Посадскихъ	.	.	17	2
Исашиныхъ	.	.	13	—
Полякъ	.	.	5	—
Шведовъ и чукчо	.	.	10	—
Татаръ и чевашъ	.	.	36	—
По дворянскому списку	.	.	1	—
Пришедшихъ казаковъ	.	.	3	—
Непоминающихъ родства	.	.	2	—
Казынъ	.	.	1	—
Башкирцевъ	.	.	1	—
Туровъ	.	.	1	—
Бобиль	.	.	1	—
Всего	.	.	267	12

А всего всѣхъ вышеписанныхъ разныхъ чиновъ людей 6124 человѣка, въ томъ числѣ въ службу годныхъ 3195, отставныхъ 219, казачьихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ и шурьевъ за малыни лѣты въ службу негодныхъ 2857, пришлыхъ, которые живутъ своими дворами и у казаковъ батраковъ въ работниковъ 324, дѣтей у нихъ 26.

[27].

Въ Государственной Военной Коллегии высказано: въ прошломъ 722 году октября 30 дни въ указе Блаженные и вѣчно достойные памяти, Его Императорского Величества и съ Правительствующаго Сената въ военную коллегию записано, тогожъ октября 26 дни по Его Императорскаго Величества Указу Правительствующій Сенатъ по поданнымъ изъ военной коллегіи доношениямъ приговорили на Яикъ къ яцкемъ казакамъ по извѣту яцкаго казака Корташева въ измене ихъ казацкой и въ прочихъ ихъ противностяхъ о которыхъ на нихъ казаковъ показано послать для того розыску по опредѣленію военной коллегіи казанскаго гвардізона полковника Захарова и мазора Протасова капитана Коробова и съ ими две роты казацкаго гвардізона, а ежели это полковнику яцкіе казаки на Яикъ для того розыску не пустить то ему писать къ Его Императорскому Величеству и въ Сенатъ и въ военную коллегію съ нарочными курьерами немедленно будеже въ томъ противности ихъ не будетъ то ему полковнику о противностяхъ ихъ яцкихъ казаковъ и о всемъ изслѣдоватъ и розыскать какъ его Императорскаго Величества указы повелеваютъ. А какъ онъ тогъ російскъ ко окончанию приведеть тогда ему въ военную коллегію писать. И по тому указу оной полковнику за Яикъ отправленъ и что по розысканнымъ дѣламъ на Яикѣ изслѣдоватъ присланъ для решения въ военную коллегію

А сиянно

1) О начинанія злаго умыслу отъ яцкихъ казаковъ станичнаго атамана Федора Рукавишникова съ товарища.

Оное дѣло взято въ вышней судь, а Рукавишниковъ казненъ токъ по тому дѣлу со-
держатца болотника.

2) Противъ доношеніей доносителя казака Карташева и роспросовъ оного о изменѣ.

Военной Коллегіи оное
дѣло решено.

3) Противъ доношеній о казакахъ доносителей казаковъ Ивана Елисѣева, Агаѳасія Назарова, да старшины Василья Мордвинова и что по доношению казака Елисѣева показалось которое взято изъ станичной избы за печатью Царства Казанскаго

4) О яцкихъ казакахъ Федоре Вахаревѣ, Василье Сидоровѣ Осипе Брезгине въ смертномъ убийстве атамана Ивана Вѣлоусова.

Оные казаки Вахаревъ Сидоровъ Брезгинъ по розыску ком-
пании смерти повешены

5) Противъ извѣту казака Федора Ревка о продаже девки на казака Федора Силишмана.

По приговору Военнай Коллегіи марта 23
дня решено.

Т о жъ.

6) Противъ извѣту ево же Федора Ревка о про-
даже девки на казака Низату Зевакина

По приговору Воен-
ной Коллегіи марта 23
дня решено.

7) О непусканиі въ городокъ Янкъ мазора Воей-
кова.

Тожъ.

8) Противъ жалобъ Яицкихъ казаковъ на мазора
Воейкова.

Тожъ.

9) По присланному указу Военной Коллегіи искъ
каворы о яицкихъ казакахъ о Краснощекове и Яга-
нове которые присланы изъ Преображенского проказу

Въ Военной Коллегіи
решено а подлинное
дѣло въ вышемъ суде
и для вѣдома о томъ
въ вышней судь доно-
шение подано.

10) Объ яицкомъ казаке татарине Ямансаре Иш-
куванове о розыске и о побѣге ево съ Лика изъ-за
караулу.

Въ Военной Коллегіи
по приговору марта 28
дня решено.

11) Противъ членовъ Яицкихъ казаковъ на быв-
шаго атамана Матвея Миронова.

Тожъ.

12) О присылке экстракту о прaporщике о Егоре
Кроткомъ во взяткахъ а оной подозрительство пока-
залъ на онаго полковника и на мазора Протасова и
на канцеляриста Тарабынина и подъ судъ вѣдетъ.

По приговору Февраля
26 днѧ велено о взят-
кахъ изслѣдовать ка-
питану Коробову и
обращающимся зенце-
рамъ въ комвое а ка-
кое подозрение на пол-
ковника имѣть велено
записать письменное из-
вѣстие и прислатъ въ
военную коллегію и о
томъ указъ посланъ.

Кракъ-рехтъ о солдате Иване Леденскомъ что сбъ-
жель было съ каракалпаки въ каракалпакскую землю.

По конфирмациі Воен-
ной Коллегіи февраля
12 днѧ сего 725 году
велѣно ево отъ штраха
свободить и написать
въ отвощика вѣчно по-
немѣ питанъ.

Да оной же полковникъ доношениемъ требуетъ по-
велительныхъ указовъ.

О высылке поручика Наумова казанскаго гвард-
зона дьяка Сухарева подъячего Муромского.

О высылке поручика
Наумова посланы по
преждеосланнымъ отъ
него доношениямъ въ
Астраханскую губер-
нию три указа на ко-
торые изъ астраханской
губерніи отвѣтствовано
съвѣраля 11-го июля
17-го числа 723 г.
что поручикъ Иванъ
Наумовъ къ розыскъ
дѣланъ за Якъ высланъ, а подъячей
Муромкой за приемомъ
денежной казны и во
многихъ порученыхъ
дѣлахъ не высланъ а
высланъ будетъ впредь.

(Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, съска 28, дѣло 27, листы 18—19).

Изъ другихъ документовъ о розыскѣ Захарова, дошедшихъ до насть, является письмо Аюки хана Петру, посланное имъ 30 января 1724 г.:

„Всемилостивѣйши! Императоръ прошу Вашего Величества посланъ быть по указу Вашего Величества за Якъ для розыску дворянинъ и оному дво-
рянину доносили на одного татарина называемаго Кедея Ишбулатова сына,
будто онъ Кедей людей продавалъ, въ вышеозначенной дворянинъ писалъ ко
менѣ чтобы я оного татарина отдалъ, и я по письму оного дворянина тата-
рина Кедея не отпустилъ, токмо я у него подлинно спрашивалъ продавалъ ли
онъ людей или нѣть и онъ менѣ сказалъ: никакихъ людей не продавалъ и
шелся на старшанъ яицкихъ казаковъ, а доноситель на него Кедей по-
звавъ свою неправду ушелъ. А жена и дѣти его Кедея держаться подъ
арестомъ на Якѣ.

Того для покорно прошу Вашего Величества жену и дѣтей оного тата-
риза Кедея милостиво приказать освободить поваже и отецъ его убить въ
службѣ Вашего Величества отъ башкирцевъ, а сыну съ братьями и дѣтьми
по указамъ Вашего Величества повелѣво при маѣ бытъ.

Такожъ на Янѣ вишеозначеній дворянинъ арестовалъ одного татарина называемаго Исаимбетя, а доносатель де также съ Янѣ ушелъ, а когда я былъ на Янѣ и оной Исаимбетя меня во всякихъ монхъ нуждахъ не оставлять; покорно прошу Вашего Величества онаго Исаимбетя вину мое пожаловать отпустить".

Это письмо подано было въ Петербургъ посломъ Аюки 29 марта. Чѣмъ кончилась эта просьба — неизвѣстно. Отвѣтъ Аюки не послѣдовало, т. к. когда посолъѣхалъ въ Петербургъ, хадъ уже умеръ (19 февраля).

(Моск. Арх. Ин. Дѣлъ, дѣла Казимицкія, картотека № 44, създана 1724 г. № 11, л. 332—333).

[28].

Приходо-расходные листки войсковыхъ денегъ съ 1695 г. по 1725 г.

(Взяты изъ Москов. Арх. Гл. Шт., опись 107, кв. 33).

1695 г.

, 204 (1695) году октября 21-го для книги записи при атаманѣ при Лексее Васильеве сыне Гречюхѣ да при есауле при Иванѣ Мелешенѣ да при Иванѣ Щербаковѣ съ вывѣщающаго 204 году сформина десятка Степанова взято съ 5 чел. по 9 ден. да съ 5 по 6 де. 2 на службѣ.

Иванова десятка долговаво 8 чел. по 8 ден. два на службѣ.

Иванова десятка Кайдоша съ 8 по 8 ден. съ пражн. по 6 ден. а два на службѣ.

Семенова десятка Анисимова взято 5 чел. по 8 ден. съ человѣка да съ человѣка взято три чел. на службѣ.

Съ васильева десятка Степана взято съ сения чел. по 8 ден. три человѣка на службѣ.

Иванова десятка Павлова сынъ Маликого взято со 8 чел. по 8 ден. два человѣка на службѣ.

Съ Афанасьевы десятка Конопнова сына Бровника взято со всего десятка, по 8 ден. съ чел. итого 13 алт. 2 ден.

Съ Маркелова десятка Иванова взято со 8 чел. по 8 ден. съ человѣка.

Иванова десятка Чернышева взято съ 8 чел. по 8 ден. да два человѣка по 6 ден. да челов. на службѣ.

А не взяль съ Ивана Малтижтова отсталъ на караулѣ... въ т. д.

Листки представляютъ изъ себя тетрадь въ четвертую долю листа въ 20 страницъ. Списокъ, видимо, не оконченъ; на 14 стр. зачатъ десятокъ: „Съ Макарова десятка", во далѣѣ этихъ словъ начаго нѣть и слѣдуютъ 6 страницъ чистыхъ.

Всего написано 69 десятка, изъ нихъ показано на службѣ 75 человѣкъ.

(Тамъ-же, листы 98—104).

1720 г.

1720 августа въ . " день книга записная что пынѣ на воісконъ долгу и за какие потребы обо всемъ томъ следуетъ ниже сего именно по статьямъ. Въ бытность атамана Щербакова на воісконъ долгу осталась Митроену Алютину отдать заемныхъ денегъ 100 ру. Ивану Сидорову 15 ру. Каравальщикамъ что караулили Мировова 5 ру. Зевакину 10 ру. ему же переменныхъ 22 ру. 4 ал. 4 де. Алексею Кулаве переменныхъ 2 ру. 2 ал. 4 д. Якову Гаврилову 13 ру. Антову бабушкуну за 10 спинокъ 5 ру. Алексею Камыкову за 10 спинокъ 4 ру. 61 ал. 1 де. Черному Плотникову 1 ру. Казеннымъ караульщикомъ 4 человекомъ 4 ру. 26 ал. 4 де. Колокольнымъ караульщикомъ 15 человекомъ 45 ру. Федоръ Михайловъ на москве истрѣсь своихъ денегъ. Савелью Бизавову Василью ЛевоТЬеву за синокость не выдано по 26 ал. 4 де. итого 1 ру. 20 ал. Итого старого долгу вышеисписанныхъ статяхъ 229 ру. 4 ал.

Карманову за вино за 2 ведра 3 руб. 13 алт. 2 ден. при Пагадавѣ Якову Гаврилову за оковяны не доиздатныхъ десегъ 5 р. 20 алт.

(Тамъ-же, листъ 248).

1721—1722 г.г. ¹⁾.

При атаманѣ Погидаевѣ да и при Есаумехѣ Григоріи Ивановѣ, да Иванѣ Стеблановѣ въ расходахъ отправляли по войску за него. У Ильи Мартынова 3 руб. 10 алтынъ. У него же лошадь взята за 9 рублей, у Ивана Щелкина взяты двѣ лошади за 20 рублей. У Ивана Турнорина лошадь взята за 10 руб. У Дениса ронехца лошадь взята 10 руб. Да улеманна лошадь взята за 10 рублей. Мѣшокъ хлѣба ему же взять за 4 рубли. Итого 80 к. пудовникамъ отправлено денегъ 93 руб. 10 алтына. Калмыцкимъ посламъ, которые были отъ хана для прозыванія о пожарѣ, у Ильи Мартынова взято 4 сапога 4 рубли. Лувану взято же у него на 20 алтынъ итого издержано 4 руб. 20 алтынъ. У отправленія въ астрахань Михайлу Купреянова зането у Ивана Сидорова 50 руб. У Алики татарки подъ казака попова взяты двѣ лошади за 13 рублей. Дной же лѣчи на тѣхъ каракалпаковъ за 20 алтынъ. Итого отправлено десегъ 62 руб. 20 алтына. Картянскій караульщикъ 2 рубли. Въ отправленіе въ Москву. У климова заважена взято 20 руб. от отправленія отъ Астрахань Андрея Животина съ вѣдомостію о стоянѣ пожарѣ. Зането денегъ у тогроваго человѣка Михаила отдаво оныхъ за дорогу 25 рублей. Да калмычину Бебеку, который съ онымиѣездилъ 5 рублей итого 30 рублей. Въ посыпѣ косара Василья на Самару, который людемъ съ Прокофьевъ Коширскимъ отдалъ имъ 6 рублей. Да ему прокофью сверхъ того 2 рубли. Въ посыпѣ Ивана Мартынова Суссева за

¹⁾ Даты на листкахъ нѣть, но по содержанию ихъ видно, что листки относятся къ 1721—1722 г.г.

Самару даво имъ 3 руб., а зането у атамана Шагадаева. Похоженамъ, ко-
торые посланы были до Гтылова для посѣдыванія шляховъ куплено бочка
пива за 5 алтынъ у Семена обласина. Въ посылкѣ Шукрова зять да по-
любабкина, да Алексея Занака, который бѣжалъ службы заработу 3 рубля
10 алтынъ. Ивану Лотинову за лошадь, которая отдано 6 руб. 61 алт.
4 денежки для офицера. Каравульщикамъ 5 человѣкамъ, которые стояли у
рогатокъ 10 руб. 16 ал. 4 денежки. За лѣсъ Андрею Кабалову, который
и отправленъ на часовню 4 руб. 61 алтынъ 4 денежки. За пойло Марты-
новъ 5 рублей. „Да прогосподи Сережа(нта) взято подводъ 4 руб. на
25 алтынъ астраханскому ширину пола 6 рублей“. Каравульщикамъ, ко-
торые карауляли часовню 2 человѣкамъ по 10 алтынъ, а карауляли 11
вѣдъмъ итого 3 рубля 10 алтынъ. Да которые стѣ войска посылались къ
Москву за нуждами на каждого по 2 рубли, а именно: атаману Фе-
дору Михайлову, есаулу Ивану Карпову, Андрею Чумареву, Василию
Арапову, Аитусману Кольбину татарину, Василию Прикащикову,
Ивану Логинову, которые въ посолъѣ зѣдали. Въ службѣ за черемишѣ: Федоту
Савельеву, Сидору Дурнакову, Ивану васильеву. Итого 11 человѣкамъ 42
рубли. Да зѣдучи въ Москву въ арзамасѣ за ихъ василія Арпова, и съ коей
станицы найму подводъ до Москвы у торговаго человѣка Ивана Серюклова
30 рублей. Нѣкоторая плата за пиво 2 руб. 20 алтынъ 2 денежки
да за медъ 2 руб. 20 алтынъ 4 денежки да еще за пиво 20 алтынъ. Оникѣ
Дмитреву за пойло карбелью поругчику Бѣгичеву съ грамотою изъ военной
коллегіи куплено пошло у него на пушно да за вино 2 алтына 2 денежки
Федору Суслеку за посылку къ... азбиванъ... олверно... мастиль въ городокъ 1 руб.
Есаулу Ивану Степанову за калачи чиновникамъ 2 алт. За сѣтку и кру били
2 алтына. Бушуеву за ладонъ какъ посолъ ходили 3 алт. 2 денеж. За сѣно
учиневъ кошеніе взялъ Андрей Бородавъ 20 алт. Ивану Михайлову за сѣвѣти
10 алт. За калачи, что куплены 3 алт. 2 ден. Гарасину Сирбирикизу за
батогъ 5 алт. За медъ и вино, что брали на васильевъ день 12 алтынъ.
За первосортные калачи 1 ал. Калпакову за недоплатное вино 60 алтынъ.
За лукошки, что на кру 48 алтынъ. Сиделкову за походъ 9 рублей 10
алтынъ. Торговому человѣку Ивану Михайлову 25 рублей. Безматерному
василью 4 рубли. Василью Родионову 12 алтынъ 2 денежки за исклюку (?)
зашины (?) василью федорову 8 руб. Ивану Татарину за лошадь 5 руб. Ивану
Самагину за рыбу 1 руб. Монсею Семеникову за сѣчокошешіе и каравуль 20 руб.
Андрею Нарбутову за каравуль 7 руб. 8 алт. 4 ден. Макару Мисникову за мясо недо-
плачевныхъ 20 руб. 28 ал. 2 денежки. Дмитрию Калинкову заѣзу въ калмыки
2 руб. За осетра ему же 5 руб. Савелью Вязянову за сѣнокошешіе полторы (?) 8
алтынъ. Есаузу Арапову за осетра 5 алтынъ. Чердыбакову за сивокость 2 руб.
Ивану Шеманову за зѣду на Самару 3 руб. Бобеку за зѣду въ Астрахань
3 рубли. Василию Прикащикову 20 рублей за зѣду за тель (?) пудовки.
Каравульщикамъ за каравуль 45 руб. Подрядчику Ивану Спиридонову за учуж-

вой лѣсъ 20 руб. Чурбахину за пойло 20 алтынъ. Алексѣю Гаврилову 13 руб. 13 алтынъ 2 денежки да ему же за околицы недоплаченыхъ денегъ 5 руб. 20 алтынъ. Федору Донскому 40 алт. 4 денеж. Дурманову 40 ал. 4 денежка. Петру курачкуну 40 алт. Андрею Ассаку 40 алтынъ. Павлову 40 алтынъ. За иѣшокъ, что куплено Татарину Астраханскому 6 руб. 6 алт. 4 денеж. Агарчею Татарину за лошадь 3 рубли. Сщалкину отдано за зоходъ 200 руб. Абраму Пустоселову за ъзду полтора рубли. Атаману Меркульеву за сазаны, что свадебъ 44 алтына. Пагадаву Простовщику 40 алт. Вавиличу 40 алтынъ. Торноволу Пррапорщику 40 алтынъ. Паталеву за веревки 4 алтына Софѣя за пойло 5 рублей. Ивану Баринову за Сидора долгъ 2 руб. 13 алтынъ 2 денежки. Емлю тарину 11 алт. 4 денежки. За деготь 2 р. 26 алтынъ 4 денежки. За жалѣзо 26 алтынъ 4 денежки. Зевакину 12 руб. Ериклѣцкому зятю же 63 алтына 2 денежки".

(Тамъ же, листы 248—252).

1723 г.

1723 году февраля 26 дня количеъе число на воіскомъ долговъ сехъ денегъ и за какая потребы значить ниже сего. Для посылки къ Москве дадева да въ казань Котельникову зането у Григорья Меркульевича 100 ру. у Литника 100 ру. итого 200 ру.

Да въ бытность атамана Щербакова караульщикамъ что караулили Федора Михайлова 10 ру. Кардаульщикамъ что караулили Матвея Миронова 10 ру. 16 ал. 4 де. Зевакину 10 ру. ему же переменныхъ 2 ру. 24 ал. 4 де. Алексѣю Кулакину переменъ выхъ 2 ру. 2 ал. 4 де. Якову Гаврилову 13 ру. Ему же недоплатныхъ за околицы 5 руб. 20 ал. Онтову Бабушкину за 10 спицокъ 5 ру. Черному Плотаину 10 ру. Въ бытность атамана Погадаева Ширгю татарину за лошать 5 ру. Ивану Серебрякову за отежжай карауль 10 ру. 16 ал. 2 де. Ему же Серебрякову что стояли отъ орды 5 ру. 13 ал. 2 де. Сманильке татарину за лошить 5 ру. Макару Мисинку недоплатныхъ за мясо 5 ру. Артемью Ильменеву за лошать 5 ру. Григорью карманову недоплатныхъ за вино 1 ру. 23 ал. 2 де. Ивану Каплеву за еаду въ послахъ 4 ру. Семену Мансуровцу на астраханскую еаду 4 ру. 13 ал. 2 де. Литке татарину за две лошеди 6 ру. Ивану Щелкину за походъ какъ корово отбили 9 ру. За отежжай карауль Андрею Исаоботову 7 ру. 8 ал. 2 де. Силышкину за сеноносной карауль 20 ру.

(Тамъ же, листы 258—254).

1723 февраля въ 8 ден. съ Ницкого воіска збору а именно по 17 ал. въ зборе денегъ 1010 рублей сверхъ той после собрано 9 ру. 10 ал. Изъ онои часла расходъ. По письму Федора Рукавишникова Степана Шабрика. Племяннику Василью Семенову 100 ру. Арзамасцу Петру Михайлковскому земныхъ 20 ру. За учюжай иажкои карауль отдано 250 ру. Куренянову за осетра 5 ал. Онтову Бабушкину за спицокъ 5 ру. Бударченко за сено

10 ал. Меркульчу за двухъ осетровъ да Ямашю за двухъ осетровъ 20 ал. Федору Сумкину дано за синокость 2 ру. Артемью Ильинову за лошить 5 ру. Федору Серебрякову 1 ру. Стольнику за караулъ. За муку куплено муки татарину 4 ру. За караулъ Матвея Миронова шесть рублей съ полтиной. Серебрякову за караулъ 5 ру. 13 ал. 2 де. Ивану Щелкину недоплатныхъ за лошить 10 ру. За рогожи 31 ал. 2 де. что бралъ на икру" и т. д.

(Тамъ-же, листы 251—252).

„Довошение. Количеcко отдано денегъ рациональныхъ за овесь за сою за солому и за сечку присланныхъ штапъ и оборъ-аенцеромъ. На прошломъ 723 году на зинные месецы за октябрь за ноябрь за декабрь за каждую рацию по два рубли с полтиною штапъ и оборъ-аенцеромъ денгами въ первои годъ дано денгами 629 ру. 6 ал. 4 де. сена 5936 пуд... за пудъ того ради денегъ 178 ру. 2 ал. 4 де. Полковнику на 3 месеца на 17 рацъ этого 51 рацъ. Мазору на 11 рацъ всего 33 рацы. Корабову на 15 рацъ. Устволу 15 рацъ. Поручику Агару 15 рацъ. Лекарю 9 рацъ. Итого за 45 лошадей ценою за рацу по 2 ру. с полтиною всего 135 рацъ всего 337 ру. с полтиною. Государевымъ драгунскимъ лошадямъ 703 четверти по два рубли с полтиною всего денегъ 1757 ру. с полтиною на 4 месеца штапъ и оборъ-афицеромъ итого 180 рацъ итого всего 360 ру., а за рацу по 2 ру. Государевымъ драгунскимъ 952—42 гарца по два рубли итого денегъ 1905 ру. 11 ал. итого на показанной годъ рацъ 197 ч. 41 гарцъ денегъ 4360 ру. 11 ал.

(Тамъ-же, листъ 255, на оборотѣ).

1724 г.

„Сего 724 году февраля въ 11 день занято деньги на раздачу старшинъ которые выбраны на Черемышанские пасы у винника Василья Алексеева седьдесятъ рублей въ оные деньги разданы, а именно атаману Федоту Донскому 20 ру. Ясауламъ Ивану Сиговатову (?) 15 ру. Леовонылю Маркову 15 ру. Пропорщику Василью Стольникову 10 ру. Григорию Качамасову 10 ру. Февраля въ 17 день служившимъ же которые на Черемышу занято у атамана Григория Меркульева 100 ру. у Михиты Зевакина 100 ру. У Винника у Подовки 50 ру. у Матвея Прикащиковова 30 ру. У Колесова 31 ру. Д. Степанъ Стольниковъ не платилъ со всего десятку зачтено имъ по 25 ал. 4 де. Я переписывалъ Махайло Поликарповъ".

(Тамъ-же, листъ 80—81).

1725 г.

„Въ 725 году отдано денегъ штапъ и оборъ-афицеромъ 600 ру. 5 ал. Государевымъ драгунскимъ лошадамъ овса 1135 г. рацъ денегъ 1703 ру. 30 ал. 4 де. и того всего по вышеноказанной цене противу афицерскихъ рацъ этого всехъ денегъ семъ тысячъ четыреста семдесятъ два рубли десять алтынъ две деньги. Свеча и бумаги и дровъ и черниль на сто двадцать восемь рублей 26 ал. 4 де.

(Тамъ-же, листъ 255).

„Роспись что дано ваковая милость из жалованья. Алексея Митрополита в церкви къ З посаду 3 ру. дьякону 1 ру. пономарю 21 ал. 4 де. просвирии 8 ал. 2 де. На соборную церковь дьякону 1 ру. пономарю 26 ал. 4 де. дачку 26 ал. 4 де. полу дано за учть часовинамъ пономарамъ 20 ал. просвирии дано 8 ал. Старшинамъ атаману 3 ру. есауломъ двумъ 4 ру. подъячemu 2 ру. талмачу 2 ру. Пушкарамъ по 16 ал. 4 де“.

Даты на листѣ вѣтъ, во бумага того-же сорта и написана тѣми-же червилами и тѣмъ-же почеркомъ, какъ слѣдующій 124 листъ; т. е. 1725 г.

(Тамъ-же, листъ 123).

„Копия расходовъ изъ жалованыхъ денегъ Черному полу 10 ру. фаршелу за раву... 60 ал. переменныхъ недочету 46 ал. 4 де. Господину полковнику разстоянныхъ 617 ру. 13 ал. 2 де. да старыхъ девять 2 ру. 26 ал. 4 де. за добавокъ изъ жалованыхъ денегъ 1 ру. 6 ал. 4 де. и того 4 ру. отданы Прокофью Каширину Ивану Катерникову изъ жалованыхъ 5 ру. Буданичику изъ жалованыхъ 16 ал. 4 де. за багравища Федоту Зеленину 16 ал. Бородину за ступу учужаю 60 ал. Каравульщикомъ что на адинарии 60 ру. Ееву полу за муку 1 ру. за дороги 3 ру. 3 ал. 2 де. за шелкъ 2 ал. еще 13 ал. 1 ал. 2 де. еще 9 алт. Плотникомъ что въ церкви престол сооружали дано 2 ру. Миките Болдину отдано за лошадей 20 ру. Оадрею Кыбанову отдано за бревны 4 ру. 16 ал. 4 де. Полу Живетину 4 ру. Ееву 4 ру. атаману 3 ру. есауломъ 2 ру 4 ру. подъячemu 2 ру. полу Живетину 13 ал. 2 де. за правосъ рыбы и вина витошнову за косца 2 ру. Ему же 4 ал. за рабочтои краула 4 ал. Максиму полу 10 ал. Григорию Рузану 4 ру. 26 ал. Петру Кочуротову за сенокосъ 2 ру. Ему же за карауль за колвертинской 2 ру. за Багрина 4 ру. Отепаву Гоному 2 ру за карауль за плавлю 4 ал. за багрию 2 ру. 26 ал.“.

(Тамъ-же, листъ 124. Даты на листѣ вѣтъ, но по содержанию видно, что относится къ 1724—1725 годамъ).

Наемный сугатукимъ (въ низовыи корпусъ за р. Судакъ) отаману полковнику 2-мъ есауламъ дано за караулы по 36 ал. по 4 де. 4-мъ знаменищикамъ 5 сотникамъ 1 писарю 1 Фатера мистиру по 18 ал. по 2 де. Степаву Онтомову дано 11 ру. за рыжу лошедь за калмыцкую Иаву Чернову дево за работу ширмешные лукошки Алексею Таликову дано за плавной карауль 16 ал. 4 де. за карауль синокоснї другои недели дано Гарасиму Потапьеву. Іакону Штерскому дано за колвертинской карауль: выхотцамъ ис Хизы Савелью Потребешину Пимину Иннатьеву дано 2 ру. Федору Столюеву дано 2 ру. Ортемзю Иванову дано 1 ру. Лукьяну Мостовщикову 1 ру“.

(Тамъ-же, листъ 140, на оборотѣ. Даты вѣтъ, но по наряду въ низовыи корпусъ относится къ 1725 г.).

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ
къ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
Исторического очерка
УРАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

Приложение I.

1) Яицкие казаки въ списку, каковъ прислалъ *Боиданъ Змѣевъ съ Саратова* съ прибылью *Аристовымъ* написаны, а у смотру и у денежныхъ разлачи сказали про нихъ, что они пошли съ *Саратова на Самару* съ атаманомъ съ *Тимофѣемъ Попомъ*, а къ *Москву* они пришли *января въ 5 день (1633 г.)*.

И по Государеву указу дати имъ Государева жалованья: атаману 15 рублейъ, камка добрая, сукно аглиинское добре, казакамъ по 10 р.

Атаманъ Тимофей Микифоровъ (Попъ)

Казаки:

Данило Олександровъ*	Иванъ Аристовъ*
Гаврило, а прозвищемъ отца Михайловъ*	Денисъ Извавовъ*
Лука Гавриловъ*	Савка Мисуловъ*
Яковъ, а прозвищемъ Златка Гавриловъ*	Васька Федоровъ*
Васька Олекseyevъ*	Федька Рудаковъ*
Максимка Федоровъ*	Марко Семеновъ*
Иванъ, а прозвище Бажень Родионовъ*	Язовъ Ивановъ Игумновъ*
Дукъль Григорьевъ*	Иванъ Кузьминъ*
Михаилъ Дмитриевъ*	Косика, а прозв. Петрушка Григорьевъ*
Гриша Коптевъ*	Микифорко Микатинъ*
Ивашко Дудовъ*	Ондрющка Матвѣевъ*
Агейко Ивановъ Бранченинъ*	Федька Исаковъ*
Ивашко Дмитриевъ Нижегородецъ*	Ивашко Тимофѣевъ*
Игнатко Ивановъ*	Федька Степановъ*
Сенька Микифоровъ*	Кузринъ Фроловъ*

2) Яицкие казаки по отпискѣ съ Самары *Бориса Салтыкова* арашли *на Самару* съ *Яика ноября въ день*. Къ *Москву* они прїехали съ атаманомъ съ *Тимофѣемъ съ Попомъ*.

Данило Кузьминъ*	Степанко Бѣлоглавовъ*
Цавликъ Ивановъ*	Васка Ивановъ, Семенъ Волынской скажаль что свой человѣкъ*
Ивашко Павловъ*	

3) Яицкие казаки отпущены къ *Москвѣ* съ *Самары* по пописнымъ чебитинымъ.

Ивашко Степановъ*

Олешка Филиповъ*

4) Яицкіе Казаки пришли къ Москвѣ, а сказали что они отъ войска отстали въ Темниковѣ, а съ собою привезли прохожую память и скрѣплю словоды отъ оркащики отъ Долматы Барнашева.

Ивашко Гавриловъ*

Митка Тихоновъ*

Павликъ Кузинъ*

5) Списокъ Яицкихъ казаковъ, каковъ подалъ Богданъ Зибьевъ, которые пригребли съ Волга и изъ-за польныхъ рѣчекъ, а крестъ Государю цѣловали въ Темниковѣ въ 141 (1633 г.) января въ 21 д.

Ивашко Макаровъ Астраханецъ*
Васка Федоровъ Кленаковъ Шщенинъ*
Богдашко Елизаровъ Бѣлозерецъ*
Степанъ Ивановъ Казанецъ
Симашко Сафоновъ Ливенецъ*
Ромашко Степановъ Саратовецъ*
Ларас Даниловъ Волоколамскаго*
Васка Григорьевъ Пермитинъ*
Ивашко Васильевъ Арзамасецъ*
Гришка Овдокимовъ Архангельск. гор.*
Павликъ Оятононъ Дмитровецъ*
Федка Игнатьевъ Арзамасецъ
Петрушка Дорофеевъ Самаренинъ*
Игнатко Ивановъ Быковъ Володимирапецъ
Ильюшка Федоровъ Темниковецъ*
Петрушка Ивановъ Псковитинъ*
Васка Савельевъ Алатырецъ*
Захарко Ивановъ Ярославецъ
Васка Ивановъ Симбиренинъ*
Свириденко Мекифор. Устюга Желѣзного
Ивашко Осиновъ Вологжанинъ*
Игнатко Ивановъ Казанецъ*
Ондрющко Ивановъ Дорогобужанинъ*
Наумка Михайловъ Алаторецъ*
Сенка Тимофеевъ Коломенитинъ
Ивашко Константинъ Краснослободецъ*
Якушко Тимофеевъ Кашинецъ*
Кондрашко Агафоновъ Алаторецъ
Данилко Ивановъ Вѣжецкаго Верху
Савко Михайлъ Зазеркинъ Арзамасецъ
Лучка Семеновъ Нижегородецъ
Сенко Федоровъ Балахонецъ

Федька Олексіевъ Муромецъ
Данилка Авдѣевъ Муромецъ
Еремка Федоровъ Муромецъ
Грешка Левоитьевъ Алаторецъ*
Захарко Давидовъ Дубровинъ Саратов.*
Тиханко Петровъ Ржевитинъ*
Ивашко Олексіевъ Архангельскаго гор.*
Гришка Кузинъ Чебоксаренинъ*
Михайла Ивановъ Володимерецъ*
Володко Отиппинъ Дмитровецъ*
Олежка Селиверстовъ Тетюшенинъ
Илько Федоровъ Соликамской
Митка Микифоровъ Вазметинъ*
Федка Герасимовъ Москвитинъ*
Гришка Гусевъ Алатырецъ*
Мишка Елисѣевъ Костромитинъ*
Митка Онтоновъ Нижегородецъ*
Исаика Ивановъ Переславля Залѣсскаго*
Гарасимко Ивановъ Казанецъ*
Ондронко Кизяковъ Ростовецъ
Миксиенко Цементьевъ Казанецъ*
Левко Ондреевъ Шатченинъ*
Терешко Григорьевъ Малинженинъ*
Гарасимко Мартемьяновъ Арзамасецъ*
Анисимко Петровъ Красноеслободецъ
Офонко Ивановъ Костромитинъ
Вориско Семеновъ Тетюшенинъ*
Оролко Потаповъ Казанецъ*
Лучка Пароельевъ Володимерецъ
Кузенка Григ. Головачевъ Кадомецъ*
Васка Ивановъ Верхотуренитъ*
Потапко Еасѣевъ Темниковецъ*

Мишико Алексеевъ Водолимирецъ
Максимко Ивановъ Нижегородецъ
Насенко Родионовъ Сузуловъ
Митка Федоровъ Ярославецъ
Ондрюшка Онисимовъ Нижегородецъ
Федко Ондреевъ Архангельск. города
Васка Ларинъ. Ташлыковъ Свияженинъ
Степка Ивановъ Арзамасецъ
Мишко Омельяновъ Ярославецъ

Карпикъ Гавриловъ Смолевичъ*
Левко Ивановъ Вологжанинъ
Якимко Семеновъ Уржумецъ
Ивашко Степ. Колычевъ Костромичъ
Федка Васильевъ Москвитинъ*
Васка Григорьевъ Нижегородецъ
Оверка Спиридоновъ Беленинъ*
Ивашко Харитоновъ Ярославецъ

6) Казаки крестъ Государю цѣловали въ Касимовѣ.

Ивашко Михайловъ Саратовецъ*
Сенка Аверкеевъ Астраханецъ*
Промка Кузьминъ Самаренинъ*
Федка Архиповъ Москвитинъ
Филька Сысоевъ Кинешенецъ
Федка Григорьевъ Ярославецъ
Евсевейко Осиповъ Архангельск. города*
Ивашко Устинъ Елоинъ Арзамасецъ
Павликъ Мартемьяновъ Нижегородецъ*
Петрушка Максимовъ Путинлецъ*
Сенко Игнатьевъ Темниковецъ
Ондрюшка Ивановъ Нижегородецъ*
Степашко Ивановъ Путинлецъ*
Сидорка Клементьевъ Шатченинъ*
Терешка Ереяевъ Воронежецъ*
Микитка Назаровъ Тюменецъ
Извѣшко Лукъяновъ Нижегородецъ
Васка Ивановъ Угличенинъ
Ивашко Тихоновъ Шатченинъ*
Ивашко Лариновъ Шатченинъ*
Федко Васильевъ Краснослободецъ*
Митка Сергеевъ Устюженинъ
Панкратко Ивановъ Нижегородецъ*
Марко Ивановъ Кадомецъ
Матюшка Семеновъ Курмышенинъ
Тимошко Михайловъ Астраханецъ
Олешка Кериловъ Темниковецъ*
Родка Микитинъ Вычегодской соли
Офонка Тимофеевъ Уржумецъ*
Баженко Савельевъ Краснослободецъ

Васка Ивановъ Михайловъ
Гарасимко Михайл. Тениakovецъ*
Ивашко Григорьевъ Астраханецъ
Олешка Михаил. Крюковъ Гороховецъ*
Ивашко Овдокимовъ Тетюшенинъ*
Павликъ Максимовъ Новгородецъ*
Ивашко Маркеловъ Астраханецъ
Сенко Власовъ Нижегородецъ*
Оесяка Васильевъ Юрьевецъ
Ивашко Ивановъ Путинлецъ*
Гришка Макаровъ Кузнецъ Казанецъ*
Сенка Макаровъ Казанецъ
Петрушка Лариновъ Кадомецъ
Родка Давиловъ Вязетинъ
Микифорко Логиновъ Бѣлозерецъ*
Ивашко Микитинъ Нижегородецъ
Сенко Юрьевъ Руженинъ*
Савко Дмитриевъ Темниковецъ
Баженко Микитинъ Темниковецъ
Явушко Прох. Скворцовъ Астраханецъ*
Гришка Ивановъ Краснослободецъ*
Васка Ивановъ Вологжанинъ
Куземка Матвеевъ Темниковецъ*
Мишко Григорьевъ Шатченинъ
Ивашко Назаровъ Темниковецъ
Семенка Петрек. Юрьевца Поволжского
Васка Юрьевъ Нижегородецъ*
Микитка Катаевъ Краснослободецъ*
Якимко Ивановъ Уржумецъ
Микитко Переильевъ Юрьевеченинъ

Лучка Семеновъ Нижегородецъ
Сенко Ивановъ Казанецъ
Ивашко Михайловъ Темниковецъ
Ивашко Кондратьевъ Смольянинъ
Матюшка Ивановъ Красносlobодецъ
Ивашко Семеновъ Сизой Муромецъ*
Ивашко Евстихеевъ Галеченинъ*
Васка Клементьевъ Темниковецъ
Богданко Опанынъ Уржумецъ*
Федка Микитинъ Резанецъ
Осанька Максимовъ Володимирецъ
Павликъ Ивановъ Астраханецъ

Ивашко Исаевъ Колмогорецъ
Фролко Ивановъ Алаторецъ*
Савка Якимовъ Касимовецъ*
Мишке Терентьевъ Муромецъ*
Федка Федоровъ Алаторецъ
Прошка Михайл. Бородинъ Саратовецъ
Тимошка Федоровъ Юрьевченинъ*
Ивашко Федоровъ Воложенинъ
Ивашко Юдинъ Костромитинъ*
Олешка Семеновъ Устюженинъ*
Куземка Ивановъ Смольянинъ

7) Казаки же крестъ цѣловали въ Володимерѣ.

Ивашко Ермолинъ Мещериновъ*
Захарко Гавриловъ Форой Нижегородецъ
Давиденко Федоровъ Коломенетинъ
Микитко Ивановъ Воронежецъ
Гришка Ивановъ Кадомецъ *
Матка Семеновъ Василегородецъ
Ивашко Федоровъ Казанецъ
Трофимко Офонасьевъ Темниковецъ *
Ондрющка Михайловъ Вязметинъ
Ерошка Кондратьевъ Темниковецъ
Ондрющка Ермолаевъ Астраханецъ
Сенка Омельяновъ
Парамонка Матвеевъ Павловецъ*

Герасимко Гарасимовъ Саратовецъ*
Карликъ Марковъ Володимирецъ*
Ивашко Елизарьевъ Костромитинъ*
Васка Филипповъ Москвитинъ
Ивашко Васильевъ Новоторжецъ*
Сенка Филипповъ Ярославецъ
Ивашко Остаф. Вершина Нижегород.
Микитко Олексієвъ Мальцовъ Темникъ*
Богданко Ивановъ Темниковецъ*
Куземка Гавриловъ Чебоксаринъ
Ивашко Васильевъ Трусь
Обрамко Степановъ Болдырь*
Сенка Васильевъ Калинъ

8) Имена яицкихъ казакамъ, что подали атаманъ Тимофей Микифоровъ Попъ, а сказасть что приставали въ нему и въ дорогѣ какъ отошель съ Самары въ Москву, а сказались тѣ казаки съ Лука и изъ запольныхъ рѣкъ и изъ Москвы Государю крестъ цѣлонали и Государено жалованье дано и на противъ тѣхъ же по 10 рублей.

Десятникъ.

Бирюкъ Алексій Тимофеевъ*
Матюшка Кирьяновъ*
Куземка Ортеньевъ
Ларка Даниловъ*
Федка Федоровъ*
Осанька Левонтьевъ*

Дениска Ивановъ*
Михалко Ивановъ*
Назарко Самойловъ*
Михалко Семеновъ*
Любимко Григорьевъ*

Десяtnикъ

Федевитко Осиповъ*	
Дорофейко Офонасьевъ*	
Иванко Михайловъ*	
Филька Семеновъ	
Юшка Олексіевъ*	
Ивашко Дмитріевъ Новокрещенъ*	

Юшка Михайловъ Зипуновъ*	
Карпушка Дементьевъ*	
Омельянка Филиповъ*	
Яшка Семеновъ*	
Сенка Родивоновъ Коцкіловъ*	

Десяtnикъ

Сенка Оверкіевъ	
Ивашко Ларіоновъ Шатченінъ	
Ивашко Михайловъ Москвитинъ	
Богданко Елизарьевъ Бѣлозерецъ	
Даналко Овдіевъ Муромецъ*	

Федка Герасимовъ Москвитинъ	
Михалко Елісіевъ Костромитинъ	
Федка Олексіевъ Муромецъ	
Гришка Чуркіевъ	
Федка Івановъ Астраханецъ*	

Десяtnикъ

Махай Федоровъ*	
Грачка Петровъ Смолянинъ	
Трофимка Григорьевъ	
Елизарко Овасимовъ*	
Куземка Федоровъ*	

Петрушка Оадріевъ*	
Олешка Обросимовъ*	
Ермолка Самсоновъ Астраханецъ	
Сенка Филиповъ*	
Второйко Івановъ	

Десяtnикъ

Митка Прокофьевъ*	
Парfenko Офонасьевъ*	
Михалко Елісіевъ	
Петрушка Ларіоновъ Долгой	
Ивашко Евтифіевъ Животовъ	

Ломачка Фроловъ*	
Петрушка Івановъ	
Прощка Михайловъ Бородавъ	
Гришка Івановъ Рябий	
Яшка Федоровъ Скворцовъ	

Десяtnикъ

Куземка Артемьевъ	
Ивашко Семеновъ	
Левка Снирядоповъ*	
Курикъ Редіоновъ	
Кленка Александровъ Астраханецъ	
Ивашко Івановъ Хворой	

Михалко Івановъ	
Сенка Оверкіевъ	
Куземка Артемьевъ Шуевицъ	
Олешко Ігнатьевъ*	
Михалко Івановъ	

Десяtnикъ

Ивашко Дмитріевъ Антаутъ	
Микитка Кондратьевъ Щока Одмазникъ*	
Стенка Кириловъ Гонтаровъ*	
Ивашко Петровъ*	
Федка Денисовъ Астраханецъ*	

Гришка Кондратьевъ Рудавъ	
Ивашко Овікіевъ Пешеходъ*	
Іванко Деметьевъ*	
Сергейко Васильевъ*	
Матюшка Михайловъ Кудрявой*	

Десятникъ

Гришка Карповъ*	Лукьянко Ивановъ Москвитинъ*
Микитка Тимофеевъ Курмышевъ*	Мокѣйко Олексієвъ Смольянинъ*
Ивашко Поповъ*	Бориско Офонасьевъ Керженинъ
Шумилка Григорьевъ	Титко Григорьевъ сынъ Петрова*
Стенка Мартыновъ*	Ивашко Осиповъ Вологженинъ
Куземка Иавовъ	Волокитко Иавовъ*
Оксенеко Юлянь	Ивашко Ондреевъ Казанецъ*
Герасимко Федоровъ Шатченинъ*	Савка Прокофьевъ Москвитинъ*
Михалко Ондреевъ Смольянинъ	Ивашко Никифоръ Балохонецъ*

9) Царю Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Руси бьеть челомъ холопъ твой Терской казакъ Онисимовой станцы Иванова, Зиновка Павловъ сынъ Лапоша, служу я, холопъ твой, тебъ, государю, въ твоей государевой вотчинѣ на Дону и на Теркѣ и на Яикѣ всякия твои государевы службы однаждать лѣтъ и какъ по твоему Государеву указу великонастъ холопей твоихъ и къ тебѣ, Государю, къ Москве съ Терка и съ Яика на твою Государеву службу противъ твоихъ государевыхъ ведруговъ польскихъ и литовскихъ людей и присланъ къ намъ на Яикъ Богданъ Семеновичъ Змеевъ и я холопъ твой тебѣ, государю, крестъ цѣловашъ на томъ тебѣ, государю, служить и брель я къ Москвѣ на твою государеву службу о дву конь и грѣхомъ своимъ какъ намъ придти въ Красную Слободу и я холопъ твой отъ той поры на дорогѣ занемогъ и тѣ государь кони мои всякую служилую рухлять братья мои и товарищи взаги съ собою, аныѣ я, холопъ твой, послѣ неимощи приволокся къ тебѣ, государю, къ Москвѣ, а атаману государь и моей братъ казакахъ дано твое государево денежное жалованье и съ Москвы посланы на твою государеву службу подъ Смоленскъ, а я, холопъ твой, скитаюся на Москвѣ, а твое государево жалованье миѣ не даво. Милосердый государь, Царь и Великий Князь Михаиль Федоровичъ всея Руси пожалуй меня, холопа своего, вели государь миѣ по своему государеву указу свою государеву службу служить съ атаманы и врядъ съ мою братъю съ казаки пожалуй меня холопа своего своимъ царскимъ денежнѣмъ жалованьемъ и поденнымъ коромыль противъ моей братъ, чтобы миѣ холопу твоему твоей государевой службы не отбыть и впередъ передъ своею братъю и конецъ не погибнуть, царь государь смилийся. На оборотѣ написано руково дѣяка: „выписать изъ списка Богдана Змеева и что про него у смотру сказали“.

10) Въ списку каковъ прислали съ Саратова Богданъ Зиѣевъ за свою рукою съ прибылью Аристовыхъ ноября въ 27 день написаны Яицкие казаки.

1. Зиновій Павловъ—у смотру и у денежной раздачи про него сказали, что онъ умеръ, а Зиновко бьеть челомъ государю, что онъ остался отъ

войска на дорогѣ и лежалъ боленъ въ Красной слободѣ и какъ обиличало пріѣхалъ къ Москвѣ. Осматривалъ здоровье.

2. Оеозка Михайловъ—у смотру и у денежныхъ раздачъ про него сказали, что онъ боленъ.

3. Ивашко Федоровъ Чернояровъ—у смотру и у денежныхъ раздачъ про него сказали, что онъ боленъ.

11) 141 (1633 г.) генваря въ 8 день по саму списку давалъ государева жалованье Ефимъ Самаринъ да подъячій Евстѣй Юрьевъ Янгимъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ кормовыхъ деньги за генварь мѣсяцъ и въ полки подъ Смоленскъ послать списокъ съ севунчью¹⁾.

Списокъ Яицкихъ атамановъ и ясауловъ и казаковъ дачи ини государева жалованья на кормъ, на муку на генварь атаманомъ по 2 алтына, есауламъ по 10 денегъ, казакамъ по 8 денегъ на день человѣку.
Войсковой атаманъ Микифоръ Прокофьевъ

Ставичные атаманы:

Ондрей прозвище Щоталь Саоксаревъ	Онисимъ Ивановъ
Калита Ивановъ	Иванъ Семеновъ Черноярской

Войсковые ясаулы:

Федоръ Дербенской	Сава Овдѣевъ
Яковъ Давиловъ	

Ясаулы станичные.

Василій Пасаревъ	Ивањъ Коньто
Яковъ Гуща	Григорій Павловъ
Василій Казинъ	Гаврила Микуленъ
Ондрей Федоровъ сынъ Сазанъ	

Казаки:

Иванъ Шетровъ	Микита Самохваловъ
Давій Семеновъ	Василій Самаринъ
Иванъ Тимофеевъ	Оздокимъ Скоринъ Оздреевой станицы
Петръ Толстоплатой	Панфіль Елизаревъ
Родионъ Сухорукъ	Петръ Федоровъ
Джигурій Соболевъ	Яковъ Бухоновъ
Петръ Казанецъ	Елазаръ Ивановъ Москвитинъ
Осипъ Григорьевъ	Иванъ Родионовъ Тулецъ
Иванъ Степановъ	Федоръ Ивановъ
Осипъ Михайловъ	Шестой Яковлевъ
Дмитрій Михайловъ	Романъ Савельевъ
Семенъ Степановъ	Иванъ Дементьевъ

¹⁾ Севунчъ—вѣстникъ, гонецъ, тоже что курьеръ. А в т.

Федоръ Ермолаевъ
Карпъ Ованынъ
Михайло Тихановъ
Матвѣй Ивановъ
Василій Савельевъ
Семенъ Федоронъ
Ксидратій Ивановъ
Григорій Ондреевъ
Ивањъ Семеновъ
Сергѣй Обрамовъ
Иванъ Сидоровъ
Григорій Сидоровъ
Федоръ Ивановъ
Мелеатій Семеновъ Ерлановъ
Ивањъ Сидоровъ
Ондрей Ивановъ
Михайло Ивановъ
Нестеръ Максимовъ
Самойла Григорьевъ
Борисъ Ивановъ прозвища Шумила
Семенъ Федоровъ
Семенъ Лукъяновъ
Захарій Микитинъ Сухой
Овдокімъ Оенонасьевъ
Елисій Ивановъ
Якимъ Коряловъ
Іванъ Осиповъ
Карпъ Васильевъ
Степанъ Парфентьевъ
Жданъ Ондрѣевъ
Василій Оенонасьевъ

Онисимъ Нестеровъ
Якимъ Кузмичъ
Левонтій Обросимовъ
Еремей Лаврентьевъ
Тарасть Трофимовъ
Терентій Микитинъ
Ондрей Семеновъ
Ондрей Дмитревъ
Григорій Степановъ
Клеменатій Архиповъ
Прокофій Момоновъ
Нестеръ Ксидратьевъ
Степанъ Романовъ
Ивањъ Максимовъ
Іванъ Ивањъ синъ Савицовъ
Ондрей Лаврентьевъ
Еремей Федоровъ
Игнатій Тимофеевъ
Григорій Еніфановъ
Іванъ Родивоновъ
Іванъ Назаревъ
Родивонъ Марковъ
Денисъ Игнатьевъ Олферовскій
Ілья Семеновъ Олферовъ
Кузьма Прокофьевъ
Григорій Кульминъ
Федосей Нестеровъ
Трофимъ Степановъ
Онерка Семеночъ
Тивока Максимовъ
Іванъ Ондрѣевъ

12) Цѣловали крестъ на Йицкомъ устьѣ.

Якимъ Тошлесковъ
Семенъ Онисимовъ Черноларской
Каріло Казанецъ
Ларіонъ Титовъ Щедра
Дмитрій прозвище Богданъ Бѣлоусъ
Тимоха Архиповъ
Ивањъ Ивановъ Самарка
Степанъ Ивановъ
Ивањъ Лаврентьевъ

Іванъ Васильевъ Терской
Власть Ивановъ
Василій Оенонасьевъ Жиль
Тить Степановъ Тюкель
Сава Семеновъ
Романъ Семеновъ Казанецъ
Степанъ Васильевъ
Іванъ Ондрѣевъ
Степанъ Федоровъ

Викула Ивановъ
Олексій Олексієвъ
Олексій Дмитрієвъ
Сидоръ Васильевъ
Іванъ Карповъ
Ериолай, прозвище Дружина
Овдіфоръ Легонтьевъ
Ортемій Івановъ
Овдокімъ Івановъ Таханівецъ
Гуръ Петровъ Мангаль Нижегородецъ
Іванъ Максимовъ Нижегородецъ
Таміла Касимовецъ
Петръ Дмитрієвъ Астраханецъ
Іванъ Григорьевъ Воложжинъ
Василій Івановъ
Ортемій Васильевъ
Тамофей Офонасьевъ
Офонасій Степановъ
Данила Яковлевъ Николчевинъ
Остафій Федоровъ
Іванъ Одреевъ
Іванъ Яковлевъ
Микифоръ Борисовъ
Семенъ Терентьевъ
Омельянъ Онавинъ
Степанъ Макитинъ
Іванъ Семеновъ
Федоръ Макарачевъ
Григорій Микифоровъ
Іванъ Тимофіевъ
Первой Івановъ
Кирило Кузинъ
Павель Елизарьевъ
Григорій Арлаковъ
Василій Ігнатьевъ
Олексій Івановъ
Іванъ Оадріевъ

Іванъ Девісовъ
Іванъ Ериловъ
Іванъ Потаповъ
Павель Семеновъ
Омельянъ Івановъ
Сергій Івеновъ Резавецъ
Яковъ Семеновъ Смольянинъ
Оніліпъ Матрофановъ прозв. Богданъ
Захаръ Григорьевъ
Яковъ Ігнатьевъ Нижегородецъ
Дорофеї Федоровъ прозв. Касимовецъ
Андрей Дементьевъ Касимовецъ
Кирила Олександровъ
Олпатъ Ортеміевъ
Макарімъ Петровъ
Іванъ Тимофієвъ Муха
Трофимъ Івановъ
Оадрій Гавrilovъ
Яковъ Перфальевъ
Федоръ Васильевъ
Симонъ Офонасьевъ
Іванъ Кондратьевъ
Василій Сидоровъ
Ортемій Максимовъ
Іванъ Михайлівъ
Фодоръ Фомінъ
Тарасъ Павловъ
Семеаъ Васильевъ
Федоръ Семеновъ
Дербышъ Васильевъ
Василій Васильевъ
Максимъ Бълоускай
Тимофій Ігнатьевъ
Іванъ Даниловъ
Кондратій Граторьевъ
Тамоха Фад'евъ

18) Казаки жъ, которые перешли съ морей, съ Волги и съ косъ.
Потапъ Петровъ Толстой
Дементій Родіоновъ
Іванъ Марковъ

Михайліо Оадріевъ
Сава Возодимировъ Луговской
Богданъ Михайлівъ

Сава Абрамовъ Пешехонецъ
Олексій Івановъ Масла
Потат Семеновъ
Федоръ Кирівъ
Іванъ Леонасіевъ
Івањь Андріевъ Нижегородецъ
Фадій Григорьевъ Лемзакъ
Степанъ Лук'яновъ
Сила Гордіевъ Телятовъ
Макіфоръ Васильевъ
Тихонъ Івановъ
Іванъ Григорьевъ
Івањь Григорьевъ Бубенъ
Оеонасій Степановъ
Сава Федоровъ Нижегородецъ
Матвій Агіевъ
Василій Семеновъ
Мартіанъ Клементьевъ
Михайло Олферовъ
Іванъ Кариловъ
Василій Мікітінъ
Василій Анкідіновъ Колужанінъ
Дмитрій Івановъ Золотухинъ
Логінъ Корниловъ
Ортемій Івановъ
Родівонъ Денисовъ Манацкой Болдыръ
Іванъ Оносовъ
Федоръ Івановъ
Юрія Васильевъ Епаненокъ
Родівонъ Ермоловъ
Тимофій Диментьевъ
Трофимъ Павловъ
Тимофей Михайлівъ
Ісаїй Прокофьевъ
Осипъ Івановъ
Григорій Івановъ Казанецъ
Іванъ Сидоровъ
Макіфоръ Мелентьевъ
Степанъ Офонасіевъ
Кузьма Тарасовъ
Левонтій Тимофіевъ Форостовъ
Герасимъ Матвіевъ

Баний Оадріевъ синъ Астраханецъ
Дементій Фадіевъ
Фома Володамировъ
Василій Терской
Гаврила Васильевъ
Дмитрій Нестеровъ
Василій Мікетінъ
Василій Филиповъ
Паріовъ Григорьевъ
Іванъ Івановъ Москвитинъ
Іванъ Васильевъ
Некорошай Михайлівъ Сумароковъ
Яковъ Олекієвъ Свіяженинъ
Федоръ Макіфоровъ
Іванъ Юрьевъ
Образъ Карповъ
Петръ Дементьевъ
Григорій Архіповъ Голубчикъ
Фома Міліевъ
Климент Михайлівъ Костромитинъ
Федоръ Семеновъ Торопчанинъ
Семенъ Михайлівъ Алаторецъ
Василій Івановъ
Василій Родіоновъ Краснослободецъ
Онавія Оцифіровъ
Григорій Васильевъ
Макіфоръ Федотовъ
Мілованъ Олекієвъ
Олександрикъ Евесьевъ
Онтонъ Олекієвъ
Архіппъ Михайлівъ
Карпъ Івановъ
Федоръ Павловъ
Офонасій Івановъ
Оадрій Петровъ
Федоръ Осиповъ
Михайло Івановъ Рязанецъ
Іванъ Івановъ Юшковъ
Семенъ Лукасъ
Григорій Івановъ
Куаріянъ Офонасіевъ
Петръ Ерославецъ

Климентьевъ	Борисъ Хоратоновъ Бахматовъ
Якимъ Терентьевъ	Прокофій Васильевъ Леденевъ, а сказали что овъ Ларіонъ, а не Прокофій
Степанъ Михайловъ	Обрамъ Ивановъ
Андрей Микитинъ Казанецъ	Иванъ Федоровъ
Иванъ Ивановъ	Василій Ивановъ Богженинъ
Федоръ Семеновъ	Иванъ Семеновъ Башмакъ
Василій Степановъ	Петръ Ивановъ
Нефедъ Васильевъ	Ондрей Петровъ Нижегородецъ
Григорій Кулиновъ	Игнатъ Ондубевъ
Богданъ Ондреевъ Богженинъ	Олексій Онтильевъ
Кондратій Ивановъ	Ігнатъ Клементьевъ
Григорій Мартыновъ	Ігнатъ Фомінъ
Озіпъ Ігнатіевъ	Осипъ Прохоревъ
Василій Исаевъ	Власъ Ивановъ
Іванъ Яковлевъ	Олексій Ивановъ
Сава Филимоновъ	Федоръ Ивановъ сынъ Огрызковъ
Карпъ Савельевъ	Іванъ Ерофеевъ
Іванъ В'ялой	Григорій Івановъ
Миходъ Шеховскаго	Іванъ Петровъ прозвище Окрыжацъ
Денисъ Ивановъ	Семенъ Микитинъ Ярославецъ
Василій Степановъ	Ігнатъ Томилинъ
Богданъ Ильинъ Кузнецъ	Ігнатъ Івановъ
Дружана Матвіевъ Бѣлозерецъ	Давила Васильевъ
Нехорошій Солдуковъ	Петръ Ширяевъ
Михайло Деметьевъ	Петръ Ивановъ
Петръ Ерем'євъ	Ондрей Монстевъ
Іванъ Андреевъ	Іванъ Наумовъ
Кузьма Івановъ прозвище Гребенской	Василій Ондреевъ
Пократь Родионовъ	Олексій Юрьевъ
Фома Тимоф'євъ	Григорій Яковлевъ Псковитинъ
Іванъ Андреевъ Шебановъ	Мартынъ Романовъ Костромитинъ
Іванъ Филиповъ	Осипъ Петровъ Нижегородецъ
Семенъ Ігнатіевъ Вязметинъ	Ілья Васильевъ Смольянинъ
Ієроіль Івановъ Даишевецъ	Іванъ Терской Червоноарецъ
Максимъ Івановъ Уржумецъ	Івашко Клементьевъ Лысковецъ
Овонасій Івановъ Коломяєтичъ	Васка Кузминъ Венрень
Олешик Петровъ Чебоксаренинъ	Мишка Федоровъ Астраханецъ
Лучка Яковлевъ Самаренинъ	Овонасій Ваваловъ Нижегородецъ
Петрушка Степановъ Нижегородецъ	Гаврила Яковлевъ Казанецъ
Івашка Пантел. Чумичевъ Вязметинъ	Кононъ Ивановъ Шибнєвъ
Івашко Васильевъ Устюженинъ	Дмитрій Семеновъ Черноарецъ
Сава Ільинъ Муромецъ	

Евсей Устиновъ
Ондрей Петреевъ Терской
Борисъ Микеоровъ Казанецъ
Кузма Петровъ Казанецъ
Федоръ Федоровъ Казанецъ
Дружина Григорьевъ Нижегородецъ
Лука Феодоровъ Стародубецъ
Левонтий Дмитриевъ Резанецъ
Кирѣй Васильевъ Ярославецъ
Сергѣй Титовъ Темниковецъ
Филиппъ Лукъяновъ Жироклеевъ
Потапъ Федоровъ Ряпенатъ
Еремѣй Федоровъ Москвитинъ
Прокофій Игнатьевъ Орленинъ
Корнила Ивановъ Шатченинъ
Тимофей Овонасьевъ Уржумецъ
Василій Игнатьевъ Лученавъ
Семенъ Ивановъ Москвитинъ
Иванъ Игнатьевъ Курченинъ
Иванъ Ивановъ Курченинъ
Василій Еремѣевъ Нижегородецъ
Семенъ Гребенецъ Смолгиниа
Иванъ Иваи. Машениковъ Кузмодем.
Иванъ Клементьевъ Володимирецъ
Гаврила Наумовъ Тенииковецъ
Иванъ Максимовъ Москвитинъ
Данило Андреевъ Москвитинъ
Степанъ Юрьевъ Астраханецъ
Федоръ Мокѣевъ Москвитинъ
Матвѣй Романовъ Ярославецъ
Клиника Ларіоновъ Бѣлевецъ
Иванъ Федоровъ Нижегородецъ
Иванъ Федоровъ Володимирецъ
Дружина Окунь Терской
Матвѣй Матвѣевъ Нижегородецъ
Сава Ивановъ Новгородецъ
Иванъ Самойловъ Алаторецъ
Олексѣй Алишпіевъ Чебоксаренинъ
Лучка Федоровъ Балаконецъ
Машка Федоровъ Шуенинъ
Исаїка Васильевъ Кузмодемъянецъ
Дмитрій Власовъ Алаторецъ

Василій Филипповъ
Федоръ Ивановъ Брянчевинъ
Матвѣй Ильинъ Луховецъ
Микеоръ Пареентьевъ
Іванъ Кузьминъ Нижегородецъ
Дмитрій Ивановъ Алаторецъ
Михаило Васильевъ Казанецъ
Микита Йковлевъ Москвитинъ
Бажень Обросимовъ Вологженинъ
Онтий Евсѣевъ Шатченинъ
Іванъ Федоровъ Ватченинъ
Іванъ Агапитовъ Галечевинъ
Фома Васильевъ Бѣлогородецъ
Григорій Обрамовъ Самаренинъ
Ларіонъ Сафоновъ Шатченинъ
Сидоръ Карповъ
Іванъ Васил. Іоцила Москвитинъ
Іванъ Ивановъ Краснослободецъ
Ортемій Прокофьевъ
Іванъ Йковлевъ Шатченинъ
Дементій Сафоновъ Ярославецъ
Любимъ Ерофеевъ Ростовецъ
Филиппъ Тимофѣевъ Володимирецъ
Панелъ Ивановъ Можестинъ
Іванъ Петровъ Терской
Василій Ивановъ Нижегородецъ
Макита Федоровъ Муромецъ
Григорій Свиридовъ Курмышенинъ
Ларія Левонтьевъ Нижегородецъ
Кузма Москаденъ Казанецъ
Худакъ Терентьевъ Османецъ
Тихонъ Ильинъ Москвитинъ
Нерной Семеновъ Романовецъ
Дмитрій Ивановъ Муромецъ
Йакъ Ондреевъ Курмышенинъ
Петръ Дорофеевъ Шуенинъ
Тимоха Савостылкоинъ Шатченинъ
Митроха Калининъ Устюженинъ
Петръ Михайловъ Нижегородецъ
Левка Кондратьевъ Казанецъ
Онашка Осиповъ Уржумецъ
Осімъ Нефедьевъ Калуженинъ

Тимоха Васильевъ Ваземенинъ
Милюоръ Савельевъ Алаторецъ
Михита Яковлевъ Москвитинъ
Якимъ Петровъ Свиженинъ
Иванъ Григорьевъ Каргополецъ

Тимоха Васильевъ Воложенинъ
Левонтій Федоровъ Москвитинъ
Милюоръ Черкасовъ Алаторецъ
Дмитрій Семеновъ Резанецъ
Денисъ Ивановъ Ватченинъ

14) Казаки жъ прѣѣхали съ Волги и съ косъ.

Федоръ Гребенскинъ Казанецъ
Ивашко Тарасовъ Москвитинъ
Данило Овдѣевъ Алаторецъ
Дмитрій Григорьевъ Казанеръ
Иванъ Григорьевъ Алаторецъ
Петой Ивановъ Ростовецъ
Ондрющко Ортемьевъ Алаторецъ
Ивашко Степановъ Курмышинъ
Кондрашко Давидовъ Поморенинъ
Федъка Петровъ Сибиревинъ
Захарка Савельевъ Шуанинъ
Олешка Игнатьевъ Погорѣловъ городца
Гришко Борисовъ Астраханецъ
Филька Гавриловъ Москвитинъ
Ивашко Сафоловъ Кадомецъ
Микифорко Ивановъ Казанецъ
Ондрющка Ивановъ Кузмодемьянецъ
Игнатко Никоновъ Казанецъ
Федъка Ивановъ Астраханецъ
Юшка Ивановъ Казанецъ
Кирюшка Павловъ Костромитинъ
Оеонъко Онтисьевъ Тетюшенинъ
Ивашко Христофоровъ Москвитинъ
Федъка Ивановъ Касимовецъ
Петрушка Кипріяновъ Уржумецъ
Сережка Семеновъ Алаторецъ
Ивашко Семеновъ Москвитинъ
Васька Федоровъ Нижегородецъ
Дапилка Максимовъ Казанецъ
Милюкко Ивановъ Нижегородецъ
Любимко Свиридовъ Свиженинъ
Ивашко Ивановъ Устюженинъ
Ивашко Дмитриевъ Нижегородецъ

Пронька Ларіоновъ Москвитинъ
Игнатко Сергѣевъ Астраханецъ
Отюшка Федоровъ Алаторецъ
Яковъ Ивановъ Устюженинъ
Якимъ Захаровъ Поморецъ
Васька Ивановъ Чебоксаринъ
Ивашко Ероѣвъ Нижегородецъ
Степанко Ивановъ Сибиревинъ
Ивашко Васильевъ Саратовецъ
Федъка Игнат. Саврасовъ Москвитинъ
Трофимко Макаровъ Алаторецъ
Ондрющка Семеновъ Казанецъ
Милюоръ Ивановъ Костромитинъ
Васька Микифоровъ Арзамасецъ
Ондрющка Ивановъ Лайшевецъ
Семенко Савельевъ Красносльободецъ
Илюшка Ивеѣвъ Смольянинъ
Михалко Родионовъ Казанецъ
Федоска Ивановъ Мурашкинъ
Гришка Федоровъ Новокрещенъ
Трофимко Васильевъ Шатченинъ
Ивашко Михайловъ Нижегородецъ
Михита Ясимовъ Нижегородецъ
Якушко Степановъ Кузмодемьянецъ
Оеонъка Григорьевъ Каравеевъ
Степанко Федоровъ Смольянинъ
Осташко Карил. Кокушкинъ Астраханъ
Терешка Терентьевъ Вологженинъ
Мартынко Ворфомѣевъ Нижегородецъ
Федъка Лаврентьевъ Нижегородецъ
Маклюорко Каровъ Арзамасецъ
Оеонъка Григорьевъ Нижегородецъ
Потапко Елистратовъ Шатченинъ

15) Казаки-жъ съ Волги и съ косъ пригребли.

Якушко Тимофеевъ Рязанецъ
Осипко Григорьевъ Саратовецъ
Мишака Ивановъ Долгорашенинъ
Елисейко Мавитинъ Москвитинъ
Гришка Федоровъ Смолгининъ
Федька Клементьевъ Болховитинъ
Васька Макио. Переяславля Залѣскаго
Ивашко Ивановъ Нижегородецъ
Ивашко Карповъ Устюга Желѣзного
Федька Одрѣевъ Шатченинъ
Ивашко Пареевовъ Москвитинъ
Мишака Федоровъ Казанецъ
Ивашко Садоровъ Темниковецъ
Павликъ Родион. Реткинъ Рязанецъ
Тимошка Герасимовъ Чивеленинъ
Данила Матвеевъ Казанецъ
Дорофѣйко Михайловъ Белени
Степанко Овфимовъ Терской
Якимко Григорьевъ Воронежецъ
Сенка Гавриловъ Кузмодемьянинъ
Осипко Херитоновъ Галеченинъ
Ивашко Павловъ Унженинъ
Ивашко Осонасевъ Рязанецъ
Онтошко Оздѣевъ Кашенецъ
Кондрашко Титовъ Самаренинъ
Якушко Лазаревъ Пешехонецъ
Гришка Васильевъ Костромитинъ
Мишака Прокофьевъ Вязитинъ
Финка Ивановъ Вятченинъ
Иполитко Макифоровъ Юрьевченинъ
Гришка Панковъ Никонченинъ
Петрушка Осонасевъ Коломогорецъ
Маркелько Ларіоновъ Кадимецъ
Якушко Борисовъ Казанецъ
Митка Ивановъ Костромитинъ
Вторышка Павловъ Темниковецъ
Петрушка Игнатовъ Казанецъ
Федка Ивановъ Муромецъ
Ивашко Савельевъ Гребенской казакъ
Ивашко Осонасевъ Аргамасецъ

Левка Кириловъ Василевецъ
Мицита Лазаревъ Лебедянецъ
Максимио Одреевъ Кизанецъ
Яковъ Кирѣевъ Темниковецъ
Кленка Тарасовъ Дѣдиловецъ
Матюшка Осиповъ Ржеавитинъ
Ивашко Озиловъ Муромецъ
Елисѣйко Корниловъ Суздальецъ
Петрушка Дементьевъ Москвитинъ
Васька Карповъ Шатченинъ
Ериошка Мартемьяновъ Ярославецъ
Отюшка Семеновъ Володимирецъ
Фадѣйко Тимофеевъ Астраханецъ
Докучайко Федоровъ Псковитинъ
Завылко Оникимовъ Ярославецъ
Гришка Окинфіевъ Осташковецъ
Якушка Трофимовъ Караваевецъ
Финка Ивановъ Казавецъ
Ивашко Михайловъ Чебоксарецъ
Дружинка Семеновъ Чебоксарецъ
Сенка Мартемьяновъ Углеченинъ
Ивашко Тимофеевъ Кадомецъ
Ивашко Дмитріевъ Новоторжецъ
Овношко Петровъ Корѣлиа
Григорій Васил. Кисельниковъ Темник.
Ульянка Ивановъ Москвитинъ
Степанко Ивановъ Москвитинъ
Ивашко Осонасевъ Юрьевченинъ
Ивашко Васильевъ Нижегородецъ
Якимко Сидоровъ Вологжанинъ
Куземко Ларіоновъ Ярославецъ
Свиридко Ілліоновъ Ржевитинъ
Ивашко Цоликарпинъ Нижегородецъ
Игнатко Олфимовъ Нижегородецъ
Микитка Гавриловъ Гусенинъ
Тарешка Исаевъ Лайшевецъ
Гаврилка Устиновъ Ярославецъ
Федка Карповъ Преславля Залѣскаго
Ивашко Семеновъ Суздальецъ
Обросимко Герасимовъ

Васка Ивановъ Жуковъ
Лукьянко Ивановъ Астраханецъ
Ясинко Федоровъ Казанецъ
Ивашко Григорьевъ Астраханецъ
Ивашко Тимофеевъ Нижегородецъ
Степанко Петровъ Луховецъ

Данилко Ивановъ Нижегородецъ
Родка Осиповъ Астраханецъ
Павликъ Федоровъ Свияжский
Финка Макитинъ Казанецъ
Глебъ Архиповъ Астраханецъ
Ивашко Ивановъ Курченинъ

16) Списокъ Яицкихъ казаковъ которые, пристали къ Бойдану Змѣеву въ Темниковѣ и въ Касимовѣ и въ Володимира и Государю крестъ цѣловали и по Государеву указу дано имъ Государево жалованье противъ Яицкихъ прямыхъ казаковъ по 10 рублей человѣку на кормъ, на Февраль мѣсяцъ дано имъ по сему списку и въ полен подъ Смоленскъ съ Иваномъ Сабуровымъ велѣть послать такожъ.

Пришли въ Москву съ Самара
Атаманъ Тимофей Микифоровъ и т. д.

(Казаки эти переименованы въ спискахъ №№ 1, 2, 3 и 4).

17) Пристали въ Темниковѣ кормъ, имъ давъ за Москву на мѣсяцъ на Февраль по сему списку.

(Казаки эти переименованы въ списокѣ № 5 и обозначены звѣздочкой)

18) Казаки же крестъ цѣловали въ Касимовѣ.

(Казаки эти переименованы въ списокѣ № 6 и обозначены звѣздочкой)

19) Казаки же крестъ цѣловали въ Володимира

(Казаки эти переименованы въ списокѣ № 7 и обозначены звѣздочкой)

20) Ницкіе же казаки, которые пристали къ атаману къ Тимофею Попу, а крестъ цѣловали на Москву и Государево жалованье дано имъ противъ товарищѣй.

Казаки эти переименованы въ списокѣ № 8 и обозначены звѣздочкой и кромѣ того присвоены новые, а именно:

Васка Бочмановъ
Осипко Петровъ Вороновъ
Зиновка Павловъ
Оеонка Михайловъ
Ивашко Федоровъ Черноярецъ

Въ началѣ столбца помѣщенъ списокъ безъ заглавія. Хотя при сличеніи этихъ листовъ столбца (1—21) со спискомъ № 13 видно, что фамиліи и имена казаковъ тѣ же, что и въ спискѣ № 13, но въ виду отсутствія заголовка, изъ которого можно было бы вадѣть къ какому времени и слу-

раю онъ относится и повторенія его въ спискѣ № 13 печатать его особой надобности не представляется. Помѣщенные тутъ казаки написаны на листахъ № 22—83. Такъ какъ списки 16, 17, 18, 19 и 20 заключаютъ въ себѣ повтореніе тѣхъ же казаковъ, которые помѣщены въ спискахъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, то они тоже не печатаются.

Въ спискахъ этихъ (№ 1—8) повторяющіяся имена отмѣчены звѣздочкою противъ имени (*).

(Моск. Гл. Арх. М—ва Юст., столбецъ Бѣлгородскаго стола, № 40, листы 22—83).

Приложение II. Отличие Уральцевъ отъ Донцовъ по языку.

(Взято изъ неизданного труда Вачесл. Петр. Бородина „Краткій истор. очеркъ Урал. войска“).

«... Кто не узнаетъ при первой рѣчи Уральскаго казака, по рѣзкой скороговоркѣ его; Донца — по особенной пріимѣнѣи южно-русскаго говора...»
В. И. Даля. Толк. слов. жив. Гелькорус. изв. 1861.

Въ своеи очеркѣ я постарался свести именуемыя историческія указанія о происхожденіи яицкихъ казаковъ и надѣюсь, что болѣе данныхъ за то, что яицкіе казаки произошли не отъ донцовъ, а есть отпрыскъ той вольницы и ушкуйниковъ, которые разгуливали по Волгѣ, а затѣмъ, когда проторилась „сиротская дорога“ и на Яекъ, — первоначальное ядро яицкаго казачества быстро начало пополняться бѣглыми и недовольными со всѣхъ ковцовъ обширнаго русскаго царства.

Подтверждениемъ моихъ положеній о происхожденіи яицкихъ казаковъ служитъ также и нарѣчіе,—вѣрѣте говорѣ, — которымъ говорили — и теперь говорятъ—яицкіе (нынѣ уральскіе) казаки. Извѣстный знатокъ русскаго языка, Вл. Ив. Даля, долго жившій въ Оренбургской губ. болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, часто бывавъ на Уралѣ, участвовалъ съ уральцами въ походѣ на Хиву въ 1839—40 г., отлично зналъ нашего казака и, по отзывамъ его современниковъ—уральцевъ, не придавалъ никакого значенія сложившемуся мнѣнію о происхожденіи яицкихъ казаковъ отъ донцовъ.

Для того, чтобы провести разницу донца отъ уральца и по говору, я долженъ буду на короткое время остановиться на различіи главныхъ нарѣчій русскаго народа, руководствуясь въ этомъ случаѣ наслѣдовавшими о русскомъ языке Вл. Ив. Даля.

Извѣстно, что въ русскихъ нарѣчіяхъ два рѣзкихъ говора *акающе* и *оклоюще*. Это такія характерныя отличія и настолько закрѣпившіяся за народомъ извѣстной мѣстности, что даже десятки лѣтъ жизни между говорящими другими нарѣчіемъ не слаживаются рѣзкостей прежнаго произношенія. Кроме этого, весьма важнаго отличія народнаго говора, часто приходится слышать, что одни и тѣ же слова произносятся съ разнымъ удареніемъ, напр.: *высоко* и *высокѣ*, *далѣко* и *далекѣ*, *ворота* и *воротѣ* и т. д. Эти ударенія вовсе не случайность, но присуща извѣстнымъ нашимъ нарѣчіямъ.

Главное русское нарѣчіе, которымъ говорить вся образованная Россія несомнѣнно *московское*; нарѣчіе это *акающее*, т. е. почти вездѣ замѣняющее букву *о* буквою *а*, если только надѣ *о* нѣть ударенія. Но *московское нарѣчіе* *мягкое* и безъ приданій; напр.: *гаварятъ*, *харашо*, *салдатъ* и т. д.

Также мягкость слышна и въ словахъ, гдѣ гласные слѣдуютъ за шипящими ч и щ, напр.: чадо, чудо, счастіе, щупать и т. п.

Вотъ въ короткихъ словахъ главныя отличія московскаго нарѣчія отъ другихъ.

Отъ Москвы изъ сѣвера преобладаетъ нарѣчіе новгородское—нарѣчіе оказывающее: козна, боранки и замѣняющее букву ъ буквою и:—хлибъ, сино и говорящее що, ви. что. Творительный и дательный падежи множ. числа замѣняются одинъ другимъ, напр.: ходить ногамъ, береть рукамъ, съ вами, съ нами, благодаренъ сами.

Рязанское нарѣчіе преобладаетъ южнѣе Москвы—въ губерніяхъ: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и отчасти въ Саратовской и Астраханской. Нарѣчіе это отличается, во рѣзко отличается отъ Московскаго, замѣняя даже е и ѿ буквами а и я: табѣ ямъ и т. д.; сравнительно съ Московскимъ, это нарѣчіе картавитъ. Буква, и произносится съ придыханіемъ, какъ латинское h: сваѧнъ, стаѣрано и т. п. Глаголы 3-го лица оканчиваются мягко: хдитъ, любить; въ 3-мъ лицѣ единственного и множ. числа эти окончанія тѣ часто откидываются: руки балл яна берѣ. Частица что произносится: што, ще. Во многихъ губерніяхъ средняго рода нѣть, напр.: куриная яйцо, сльно хороши, положеніе бѣлья и т. д.

Владимирское нарѣчіе, или южно-русское, преобладаетъ въ губерніяхъ: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской и Самарской. Это нарѣчіе—бкающее а—только при удареніи, напр.: Владимиръ, Ондрей, волна (влага), торокана, стокана и т. п. Буква е почти всегда произносится какъ ё; по московски: харушеви, лышнево, своею, а на Владимирскомъ нарѣчіи: хордшово, лышнево, своею. Буква и безъ придыханія. Частица что вездѣ произносится што.

Смоленское нарѣчіе—въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и отличительный привратъ его такъ назыв., т. е. виѣсто д, т произносится дз, тс: дзяибъ (дата), дзень (день), тсѣтка и т. д. Такъ какъ это нарѣчіе, а также близкое къ нему, но еще болѣе типичное, бѣлорусское, совсѣмъ не подходитъ къ говору уральскаго казака, то я и не буду останавливаться на отличіяхъ этихъ нарѣчій, равно какъ и на типичномъ малороссийскомъ нарѣчіи.

Если теперь, приведя эти характерныя отличія главныхъ русскихъ нарѣчій, обратимся къ говору доицовъ, то прежде всего заслѣдимъ, что они сами рѣзко раздѣляются на два говора—верховцевъ и низовцевъ. Верховцы разселены по р. Хопру, верхнему Дону, Медведицѣ и Вузулукѣ, въ 300 отъ Воронежской губ.; всѣ же остальные—низовцы. Верховцы почти всѣ великороссы, а низовцы—малороссы.

Говоръ у верховцевъ на а, а у низовцевъ—на о; у верховцевъ буква и,

въ особенности передъ гласными, обращается въ приыханіе; окончаніе въ 3-мъ лицѣ глаг.—мягкое. Примѣры: *Анонъ жнеть, юнь яю стеречеть* и т. д.

„Начевалъ себѣ здорова“—обычное привѣтствіе донца; сколько ты, братуша, ведровъ воды принесла: не можи поговорить это; право-жъ-ну; анадысь были—обычныя выраженія донца. При всемъ этомъ рѣчь донца плавная.

Говорѣ уральскихъ казаковъ настолько своеобразенъ, что уральца тотчасъ-же можно узнать, съ первыхъ-же словъ.

Уральцы говорять рѣзко, бойко, отрывисто, не повышая и не понижая голоса, притыкая, при каждой согласной, концомъ языка къ зубамъ и часто скрадывая гласные подъ одинъ общий, средній звукъ. Такъ, напр., обычную свою ругань—*пострѣли тебя*—уралецъ скажетъ непремѣнно скороговоркой, выпуская даже всѣ гласные: „Пострѣли тебе!“—то и дѣло слышится, напр., на рыболовствахъ, когда казакъ въ полномъ азартѣ.

Говорѣ уральца скорѣе акающій и ни въ какомъ случаѣ не бкающій: скорѣе всего говорѣ уральца можно бы было отнести къ московскому, но между ними большая разница въ томъ, что московское нарѣчіе плавное, а говорѣ уральца отрывистый.

Чистаго *a*, *e*, *o* и *u*, гдѣ вѣтъ удареній, въ говорѣ почти не слышно, въ особенности послѣ шипящихъ: *a* часто (по московски) замѣняется *я*, *e*—буквою *и*, *o*—буквою *а*, а *u*—буквою *ю*. Примѣры: часы, чирносамъ, чи-лявъкъ, чюка и т. п.

Буква *g* произносится совершенно по-московски; приыханіе—латинскаго *h*—рѣзкаго отлічія донского говора—совершенно вѣтъ.

Характерно въ говорѣ уральца и то, что онъ часто замѣняетъ *a* и *o* буквою *и*: *итаманъ*, *игародъ* (огородъ), *ицури* и т. п.

Если спросить старого уральского казака *какъ ею фамилія*,—онъ затруднится отвѣтить, но тотчасъ-же отвѣтитъ, если спросить: „ты чей?“—Плотниковъ, Серебраковъ, Маркобруновъ и т. д. *)

Говорѣ уральской казачки отличается въкоторыми особенностями отъ говора казака, и похожъ на говорѣ самарской губ., что можетъ быть объяснено тѣмъ, что первыя жевщины въ войскахъ появились именно отсюда; но такъ какъ моя цѣль выяснить только происхожденіе уральского казака, то я и оставляю отлічія говора уральской казачки безъ изысканій, напомнивъ только, что В. И. Даленъ въ одномъ мѣстѣ сказалъ: „... А уралка, которая шепчетъ, рѣзко отличаясь говоромъ отъ отца и мужа..“.

Приведя отлічія говора уральца, я предлагаю самому читателю сдѣлать выводъ, къ какому изъ приведенныхъ нарѣчій болѣе всего подходитъ говорѣ уральского казака, а главное есть-ли въ его говорѣ что-либо общее съ говоромъ донского казака.

*) При этомъ примѣрѣ невозможно приходить на умъ сравненія съ сибирскими „чумахъ съ“?—Острова и фамиліи: Ильиныхъ, Кривыхъ, Петровыхъ и т. п.

Прик. В. И. Бородина.

Такъ какъ языке казаки, по моему убѣжденію, произошли отъ разншерстной вольницы, разгуливавшей по Волгѣ и по Каспійскому морю, начало которой относится къ XIV столѣтію, то ясно, что языкъ языка казака долженъ быть сложиться совершенно своеобразно, унаследовавъ много словъ изъ всѣхъ главныхъ русскихъ нарѣчий, исключая малороссійскую, смоленскую, а съдѣ. и бѣлорусскую, но прихвативъ и татарщины.

Такъ, изъ новгородской нарѣчія, несомнѣнно отъ ушкуйниковъ, языкомъ казакомъ взяты, наорим., съдѣ., слова, вошедши въ обиходъ и современаго уральца:

Упогодѣ—часть дня,
Чуять—слышать,
Торба—мѣшокъ,
Голосить—вѣтъ, плакать,
Гнила—глина *),
Хлюпать—ходить по грязи,
Осенжеватъ—рѣзать скотину,

Бѣклата—бочонокъ,
Досконально—подлинно, вѣрою,
Кайкъ—человекъ,
Сдиговать—увиваться,
Сполѣхъ—тревога,
Убѣз—убѣжалъ и т. д.
Болара—особо выдѣлавшая кожа.

Изъ Рязанского нарѣчія:

Вызѣкатъ—дразнить собаку,
Дурдѣ—сдуру, безъ толку,
Дарма—даромъ,
Фатѣра—квартира,
Рассея—Россія,
Кѣевъ—Кievъ,

Порусъ—быкъ (у донцовъ—булай)
Перепелѣсый—пестрый,
Маштакъ—пебольшая лошадь,
Куканъ—веревка, на которую сажаютъ пойманную рыбу,
Бударка—небольшая лодка и т. д.

Изъ Владимірского нарѣчія:

Кутѣнокъ—щенокъ,
Чекмаръ—пестъ, колотушка,
Шабѣра—сосѣдъ и т. д.
Изъ этого же нарѣчія Казамъ и Симбирскъ дали татарскія слова:
Малахай—шапка,
Ириакъ—чапакъ изъ коневьихъ
шкуръ,

Джабача—баранья шерсть руномъ
Турсука—кожаный мѣшокъ,
Балтѣ—топоръ,
Каймакъ—киниченыя сливы,
Шабрѣнокъ—сынъ сосѣда,
Лайдингъ—пойдемте,
Марѣ—курганъ,
Куянъ—заяцъ и т. д.

В. Н. Вородина.

*) Старымъ—уральцамъ и до сихъ поръ говорятъ гнила, ик. глина. Молодежь же говоритъ правильнѣе. В. Н. Вородина.

Приложение III.

Оригинальные фамилии по переписи Захарова.

Абтузъ	Бѣсокъ	Дека
Агай	Бѣшеной	Докука
Азбучка	Варвакъ	Долгой
Алаба	Вахя	Долотаичъ
Алеманъ	Ведервикъ	Дорона
Бакалеа	Великавъ	Донской (очень много)
Баранъ	Волгавъ-Внукъ	Дуда
Барсукъ	Волохъ	Елдашъ
Бакай	Волченокъ	Еркининецъ
Безконной	Воробейко	Живодристовъ (2 ч-ка)
Безкручинный	Выровщикъ	Жадкой
Бездонной	Гаврикъ	Жирной
Беркулакъ	Гагара	Жолпа
Бирючекъ	Галка	Журка
Блюденый	Гладило	Задвицынъ
Бобасъ	Гладокъ	Занса
Богатой	Главъ	Закладной
Бодрой	Глухой	Замарай
Болдырь	Гнусарь	Заровской
Большая Борода	Голой	Засѣдской
Большая Шашка	Голодвой	Захаровъ-Зять
Борзой	Горбунъ	Зоря
Бочкарь	Горской	Зрачка
Бояринъ	Горшенокъ	Идешъ
Брага	Гормения	Кабашка
Брегадэръ	Горшень	Каваль
Бритой	Горшокъ	Казанецъ
Будага	Горыни	Казара
Бука	Горячій	Казимировъ
Булдакъ	Грачъ	Калмыкъ
Бурыка	Губанъ	Камай
Бѣлобокъ	Гулебщикъ	Камской
Бѣлобровой	Гулящій	Капкаишкъ
Бѣлой	Гуселя	Карга
Бѣлошокъ	Гутаръ	Карженокъ
Бѣллай	Даринецъ	Карказиной

Карташъ	Лобикъ	Петрушка
Катенокъ	Ломакъ	Пацерь
Кашира	Лушникъ	Петерской
Кисель	Лыко	Плотвичъ
Кичикъ	Лятувъ	Подгорный
Клотъ	Люба	Найга
Коконской	Мазанъ	Полозъ
Колымченинъ	Малая-Земля	Польской
Копеечка	Маленькой	Поля
Корженевъ	Малевичъ	Поляна
Коровья-Шапка	Малой	Поланская
Кородшанъ	Мамонъ	Попъ
Костычъ	Маштакъ	Породный
Котель	Метла	Портной
Котъ	Митро ..	Посконной
Кочевой	Могунъ	Похвала
Кошечъ	Молебъ	Простой
Краденой	Молодечество	Простенокъ
Красненькой	Молодой	Пудовка
Красной	Моркобровъ 2 (ч-ка)	Пустобай
Криевой	Москва	Пумра
Кризоногъ	Морянъ	Цыганой
Крикъ	Мочало	Шесашной
Круглой	Мурза	Раждена
Крутогускинъ	Мусатъ	Рамзай
Бузнецъ	Мясникъ	Раненой
Кулага	Мыльникъ	Ревка
Кузыга	Назрякъ	Роздрога
Кульча	Наугольный	Романовской
Куралка	Небзыхинъ	Ростока
Курило	Нось	Рудометъ
Курокъ	Нѣмкинъ	Руланъ
Куруска	Овсяной-Черезъ	Русской
Кури	Овторниковъ	Рыга
Кутырь	Огрызокъ	Рынокъ
Лабазеъ	Окотъ	Рѣчка
Лебедь	Орель	Рябий
Лелекъ	Осавой	Рибуха
Легкой	Осеринъ	Сайгакъ
Лабаза	Ость	Сакмарской
Лизунъ	Пастухъ	Самара
Лягекъ	Пердилка	Салманъ

Самарской	Умной-Матери	Чукала
Самковъ-Шурвътъ	Урая	Чумай
Свистунъ	Усь	Чукаль
Свѣтило	Утенокъ	Чурбаевъ
Свѣчера	Утешъ	Шагай
Сласть	Уфинецъ	Шадра
Сергѣй	Ученой	Шапотинъ
Серебрякъ	Флиствъ	Шеварковскій
Сирота	Харка	Шера
Соколенокъ	Харласъ	Шестоперъ
Соловой	Хаванской	Шинкаркинъ
Солода	Хоперской	Шилкой
Стекольной	Хохлачъ	Широкий
Суханъ	Хохликъ	Шульга
Сухорукъ	Хохолъ	Шульца
Сызрань	Хризбугъ	Шумило
Сѣдой	Цапай	Щелюнь
Тарабари	Чабунко	Щучей-Икры
Тарабердя	Чапура	Юлай
Телка	Чеботарь	Юмало
Ташевокъ	Челдыбакъ	Яганъ
Толстой	Челечка	Яловой
Торновичъ	Черенокъ	Ярахта
Торшиловъ-Зать	Черненка	Ярига
Тужило	Черной	Ярижка
Тумакъ	Черноусъ	Ясанъ
Турецковъ	Чеснокъ	
Турханской	Чибера	
Удача	Чувиль	
Улченокъ	Чукай	

Кромѣ этихъ, есть еще
недцензурные фамилии.

Приложение IV.

Роспись казакамъ Яицкаго войска по времени ихъ прихода на Яикъ при переписи полковника Захарова (1723 г.)

Въ кото- ромъ году.	1) служащіе казаки.	2) умершіе казаки (показанія дѣтей).	Отставные казаки.	Всего притло- въ годъ.
------------------------	------------------------	---	----------------------	---------------------------

Старинные Яицкіе казаки

12	6	18
----	---	----

Вновь прибывшіе въ войско:

1599	1	—	—	1
1617	2	—	—	2
1622	1	—	—	1
1623	11	1	—	12
1629	2	—	—	2
1633	5	—	1	6
1634	1	—	—	1
1636	1	—	—	1
1638	2	—	—	2
1639	1	—	—	1
1640	2	—	—	2
1641	—	—	1	1
1642	2	—	—	2
1643	41	3	2	46
1644	1	—	—	1
1648	2	—	—	2
1649	1	—	—	1
1652	6	—	—	6
1653	119	—	1	122
1654	8	—	—	8
1655	4	—	—	5
1656	7	—	—	7
1657	4	—	—	4
1658	16	—	2	18
1659	10	—	—	10
1660	5	—	—	5

1661	4	—	—	4
1662	2	—	—	2
1663	284	30	17	381
1664	9	—	1	10
1665	9	—	—	9
1666	4	—	—	4
1667	8	—	1	9
1668	36	1	4	41
1669	8	1	1	10
1670	15	1	4	20
1671	26	—	3	29
1672	10	—	2	12
1673	316	28	19	363
1674	19	—	1	20
1674	15	—	1	16
1676	4	1	1	6
1677	26	—	2	28
1678	79	5	8	92
1679	27	1	3	31
1680	35	—	3	38
1681	13	—	5	18
1682	21	2	2	25
1683	267	28	25	320
1684	18	—	4	22
1685	30	—	2	32
1686	21	—	2	23
1687	24	—	2	26
1688	53	4	9	66
1689	28	—	5	38
1690	34	2	11	47
1691	31	—	1	32
1692	16	1	5	22
1693	170	17	19	206
1694	35	1	1	37
1695	27	1	3	31
1696	14	3	4	21
1697	12	2	1	15
1698	35	2	3	40
1699	12	—	—	12
1700	39	1	1	41
1701	82	1	3	86
1702	38	4	—	42

1703	151	6	10	167
1704	90	4	7	101
1705	88	1	1	90
1706	126	2	3	131
1707	102	7	2	111
1708	106	—	2	108
1709	40	1	1	42
1710	45	—	2	47
1711	16	—	—	16
1712	14	—	1	15
1713	35	—	1	36
1714	25	—	—	25
1715	11	—	1	12
1716	10	—	2	12
1717	3	—	—	3
1718	4	—	—	4
1719	—	3	—	3
1720	42	1	—	43
1721	9	—	—	9
1722	4	—	—	4
Неизвѣстн. город.	16	18	2	36
Ложныхъ показаний	18	—	2	20
Всего	3178	192	225	3595

В. И. Вородинъ.

Приложение V.

С П И С О КЪ

ДОНСКИМЪ казакамъ, поселившимся на Яикѣ.

По переписи полк. Захарова, 1723 г.

№	Имя, отчество и фамилия.	Сколько пришло.	Кто пришелъ.	Когда.	Откуда пришли.
а) Служилые казаки:					
1	Андрей Карниловъ сынъ Камаринкинъ, 30 лѣтъ.	2	Дѣдъ и отецъ.	1681	Невзвѣстно; сказано просто донскіе казаки.
2	Вавила Карниловъ сынъ Камаринкинъ, 35 лѣтъ.	—	Тоже	Тоже	Тоже, братъ № 1-го.
3	Никита Григорьевъ сынъ Галуновъ, 54 л.	1	Отецъ его	1633	Дѣлъ и отецъ были донскіе казаки г. Черкасскаго.
4	Осипъ Ивановъ сынъ (не сказано), 45 л.	1	Самъ	1704	Изъ донскихъ казаковъ городка Троилина.
5	Григорій Тихоновъ сынъ Болдыревъ, 40 л.	1	Самъ	1710	Изъ донскихъ казаковъ городка на Усть-Медведицѣ.
6	Семенъ Карповъ сынъ Донской, 30 л.	1	Самъ	1703	Родился на Дову въ Кумылговской станицѣ.
7	Лаврентій Филиповъ сынъ Наутильной, 28 л.	1	Отецъ его	1663	Родиво съ Дову, изъ Черкасскаго городка.
8	Трифимъ Гавrilовъ с. Очаниковъ, 21 г.	4	Дѣдъ, отецъ, братъ и онъ.	1707	Откуда неизвѣстно:—просто сказано донскіе казаки.
9	Иванъ Дмитр. сынъ Земленихинъ, 50 л.	1	Отецъ его	1653	Дѣдъ и отецъ его донскіе казаки Черкасскаго городка.
10	Петръ Ивановъ сынъ Полороговъ, 40 л.	1	Отецъ его	1673	Тоже, что и № 9.
11	Михаилъ Максимовъ с. Пупкинъ, 25 л.	1	Отецъ его	1683	Тоже, что и № 9.

12	Малофеи Ивановъ, синь Кузнеци, 33 л.	1	Самъ	1712	Патанабинского городка, изъ донскихъ казаковъ.
13	Савеий Мартыновъ с. Болдыревъ, 38 л.	1	Отецъ его	1663	Дѣдъ и отецъ его были Рыбнаго Черкасскаго гор.
14	Илья Панкратовъ с. Чуботарь, 40 л.	1	Самъ	1708	Родился въ г. Сараевѣ, а дѣдъ и отецъ его были донские казаки.
15	Козьма Осиповъ сынъ Донской, 45 л.	1	Самъ	1703	Родился на Дову, въ Черкасскомъ городкѣ.
16	Иванъ Борисовъ сынъ Осиповскогъ, 20 л.	2	Отецъ и онъ	1704	Городка Пяти-Избъ, что на Дову, изъ казаковъ.
17	Кирила Федоровъ с. Глухой, 30 л.	1	Отецъ его	1643	Дѣдъ и отецъ его были каз. Черкасскаго гор. донские каз.
18	Иванъ Елисеевъ сынъ Доеникъ, 40 лѣтъ.	1	Отецъ его	1663	Тоже и оттуда-же.
19	Дементій Петровъ с. Болдырь, 28 л.	1	Отецъ его	1711	Неизвѣстно:—просто донские казаки и дѣдъ и отецъ.
20	Иванъ Евдоким. сынъ Замышалка, 37 л.	1	Дѣдъ его	1617	Дѣдъ родился на Дову, въ Черкасскомъ каз. городкѣ.
21	Никифоръ Ивановъ сынъ Цербаковъ, 25 л.	1	Дѣдъ его	1643	Неизвѣстно:—просто сказано, что лѣтъ и отецъ донские казаки.
22	Андрей Никон. сынъ Коньчекинъ, 30 л.	1	Отецъ его	1643	Дѣдъ и отецъ его были донские каз. Черкасск. каз. гор.
23	Афанасій Васильевъ сынъ Хохлачевъ, 24 л.	1	Отецъ его	1679	Дѣдъ и отецъ его были донские каз. Черкасскаго Паншина городка.
24	Гаврило Иван. сынъ Оечинниковъ, 40 л.	3	Отецъ, братъ и онъ	1703	Заполянской станицы, изъ казаковъ, которые служили на р. Медведицѣ.
25	Иванъ Ивановъ сынъ Харка, 28 л.	1	Самъ	1716	Неизвѣстно:—просто изъ донскихъ казаковъ.
26	Кондратій Селигерет. сынъ Лопухинъ, 55 л.	1	Самъ	1687	Изъ донскихъ казаковъ Черкасскаго городка
27	Иванъ Григорьевъ сынъ Донской, 35 л.	1	Самъ	1717	Зимилинской станицы, изъ донскихъ казаковъ
28	Семенъ Никифоровъ сынъ Донской, 70 л.	1	Дѣдъ его	1623	Неизвѣстно, —просто дѣдъ его былъ донской казакъ.
29	Филавпъ Самойловъ сынъ Хоперскій, 41 г.	1	Самъ	1704	Изъ донскихъ казаковъ, Федосьевской ст., что изъ р. Хоперъ.

30	Иванъ Евдокимовъ сынъ Жигинъ, 24 л.	1	Отецъ его	1663	Дѣдъ и отецъ его были донескіе каз. Черкасск. гор.
31	Андрей Савельевъ сынъ Савельевъ, 17 л.	1	Отецъ его	1660	Откуда—невѣдѣсто;—про- сто сказано, что дѣдъ и отецъ донескіе казаки.
32	Иванъ Михайловъ сынъ Донской, 25 л.	1	Самъ	1720	Изъ донескіхъ казак. Чер- касского городка.
33	Михаилъ Гавриловъ сынъ Донской, 45 л.	1	Самъ	1721	Оттуда же, чѣмъ № 32.
34	Дмитрій Карповъ сынъ Донской, 35 л.	1	Самъ	1721	Неизвѣстно откуда,—про- сто изъ донескіхъ казаковъ.
35	Захарь Родіоновъ сынъ Донской, 30 л.	1	Самъ	1721	Изъ донескіхъ казаковъ го- родка Митюкина.
36	Семенъ Михайловъ сынъ Донской, 50 л.	1	Самъ	1721	Изъ донескіхъ казак. Бе- зъвѣменного городка.
37	Абрамъ Гавриловъ сынъ Донской, 23 л.	1	Самъ	1721	Тоже и оттуда же чѣмъ № 36.
38	Иванъ Трифоновъ (прозвища пѣтъ), 25 л.	1	Отецъ его	1644	Дѣдъ и отецъ его были донескіе каз. гор. Черкасск.
39	Иванъ Григорьевъ с. Мещеряковъ, 34 л.	1	Отецъ его	1655	Откуда—невѣдѣсто,—эро- сто сказано, что дѣдъ и отецъ донескіе казаки.
б) Отставные казаки:					
40	Иванъ Ивановъ сынъ Щербаковъ, 75 л.	2	Дѣдъ и отецъ	1641	Дѣдъ и отецъ были каз. г. Черкасскаго.
41	Федоръ Ивановъ сынъ Широкой, 45 л.	1	Самъ	1716	Изъ городка Павлова, чѣ- мъ на Дону; чѣмъ того городка быть на службѣ въ арміи и, за ранами, уволенъ и при- шелъ на Икъ.
в) Малолѣтни, у ко- торыхъ отцы умерли:					
42	Степанъ Калентьевъ (прозвища пѣтъ), 15 л.	1	Отецъ его	1673	Дѣдъ и отецъ родною дон- ескіе казаки, а откуда—неизвѣ- стно.
43	Герасимъ Емельяновъ сынъ Зерниковъ, 15 л.	1	Отецъ его	1683	Дѣдъ и отецъ его были донескіе казаки, а откуда— не знаеть.
44	Наката Афанасьевъ сынъ Ковалевъ, 16 л.	2	Дѣдъ и отецъ	1673	Дѣдъ и отецъ его были донескіе казаки, а откуда пришли—невѣдѣсто.
А всего 52					

Приложение

P 0 c

казакамъ Яицкаго войска, составленная по переписи Захарова.

ж е н и е VI.

П И С Ъ

1723 г., для определения происхождения казаковъ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Г. Дуброва (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Г. Елець, Ворон. губ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Ерополчинскій уѣздъ ?	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Запольянская станица (на р. Медѣѣлецѣ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Г. Зарайскъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Зарайскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Заозерногородскій у.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кадомскій у.	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инзарскій у.	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Казань	—	1	11	6	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2
Казанскій уѣздъ	—	124	1	1	5	3	6	—	7	—	1	—	—	—	—	—	—
Касимовскій у. (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карачинъ, приг. Симб. г.	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карасунскій уѣздъ	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Касимовъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Касимовскій уѣздъ	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каширскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Кашпиръ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кинешевскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Киевъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Киевскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Козловъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Козьмодемьянскъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коломенскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Коломна(по др. вое.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Копани,— въ Польшѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Костромскій уѣздъ	—	10	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Крапивинскій у.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Красный аръ, приг.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Куришъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Куришскій уѣздъ	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Лабанскій(?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Луховскій уѣздъ (?)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Минигаловъ (Москв.) (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Г. Михайловъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Михайловскій уѣздъ	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Москва	—	—	18	10	—	—	—	—	—	—	—	—	13	2	—	—	—
Московскій уѣздъ	—	13	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Г. Муромъ	—	—	5	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Г. Тверь	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тетюшскій уѣздъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тениковскій уѣздъ	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Терниковскій у. (?)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тобольскій уѣздъ	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Тула	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Унжа	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Устюгъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Уфа	1	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	5
Уфимскій уѣздъ	20	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	—	—
Г. Хлыновъ (Вят. г.)	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
и уѣздъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Цивильскъ, Каз. г.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Чебоксары	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Шацкъ	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Юрьевъ-Поволжск.	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
(по друг. показаніямъ Юрьевецъ-Пеноальскій)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шацкій уѣздъ	8	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Юрьевскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ямбургъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ярославль	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Ярославскій уѣздъ	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тильскъ, пригородъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Родились на яикѣ (Дядь и отецъ старин- ные яицкіе казаки)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Неизвѣстно откуда пришли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Калинки, пришедшіе по Указу Петра I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Донскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	-	1688	189	135	87	95	12	6	7	68	34	28	41	518	35	2	

Примѣчаніе: Общий итогъ служилыхъ казаковъ въ перечисленіи полк. Захар-
новый трудъ (и не легкій), который не измѣнитъ цѣльности этой работы.

19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
																							1
																							2
																							6
																							1
																							2
																							6
																							2
																							1
																							15
																							74
																							7
																							1
																							3
																							3
																							3
																							9
																							1
																							1
																							11
																							5
																							1
																							74
																							46
																							48
																							42
																							42
26	6	59	1	1	9	3	1	4	2	1	6	2	1	2	2	1	1	1	1	6	— 42	— 2780	

съ прибавлениемъ цифры:
 $74 + 46 + 43.$

2781, а здесь, въ итогѣ, 2780. Однѣ, значитъ, пропущены, но отыскывать его—

В. Бородинъ.

11

Прежде переписи от-
ставленные казаки,
за старостю и дрях-
достью.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Г. Ханновъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ярославль	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не знающіе родины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
отцовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бѣжаашіе и завоев.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гребенскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Донскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	239	28	17	3	17	1	1	—	7	6	1	8	—	2	2	1	—
Служилыхъ каз.	1683	183	135	87	95	12	6	7	68	34	28	41	5	18	35	21	1
А всего	1922	211	152	90	112	13	7	7	75	40	29	49	5	20	37	3	1

Примѣчаніе: Цифра донскихъ казаковъ этой росписи не можетъ совпадать съ
данными при переписи донскихъ казаковъ, а въ тотъ списокъ занесены пришедши изъ

Въ этомъ спискѣ всѣхъ казаковъ показано 3164 тогда, какъ въ приложении
казаки, бывшіе на лицо при переписи Захарова, а въ приложении IV крохѣ иныхъ
поповшими въ перепись Захарова. Точно такъ-же не совпадаютъ числа „старшинъ“
а въ настоящемъ спискѣ 74 человѣка—всѣ ихъ потомки, состоявшіе въ лицо во времена

19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
2	1	11	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	6	1	384
26	6	59	1	1	9	3	1	4	2	1	6	2	1	2	2	1	1	1	6	—	42	—	2780
28	7	70	1	1	9	4	1	4	2	1	7	2	1	4	2	1	1	1	6	1	48	1	3164

отдѣльнымъ спискомъ донскихъ казаковъ, потому что въ этой росписи показаны не отцы, дѣды и т. д., а не наличный составъ.

В. Бородинъ.

№ IV въ числится 3595. Это происходитъ отъ того, что въ настоящемъ спискѣ помѣщены вошли и дѣды ихъ и отцы, уже умершіе, но прибывши въ Николаевскъ съ детьми лицами казаковъ:—въ приложении IV показаны только дѣды и отцы, всего 18 чел., переписи.

А. Б. Нарповъ.

Приложение VII.

Таблица, показывающая сколько казаковъ числилось по сотнямъ и по сколько лѣтъ находились казаки на службѣ (лѣта постановки, т. е. сколько лѣтъ тому назадъ казаки были зачислены на службу) во время переписи Захарова.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
40	1			1	1			1	2	2	—	2	3	2	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—	—	11	1	—	31		
41	—									1	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	9		
42	—									1	—	2	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	8			
43	1									1	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	3			
44	—																										2	—	5			
45	—		1																								7	—	6			
46	—	1	—																								4	—	13			
47	—				1	—																					1	—	4			
48	—																										1	—	4			
49	—	1																										1	—	—		
50	—																															
51	—																											6	1	8		
52	—																											1	4	4		
53	—																											1	—	—		
54	—																															
55	—																															
56	—																															
57	—																														4	
58	—																											3	5	3		
59	—																											1	1	1		
60	—																											2	1	1		
61	—																											1	1	1		
62	—																											1	2	3		
63	—																											1	1	1		
64	—																											2	1	1		
65	—																											1	1	1		
66	—																											2	1	1		
67	—																											1	1	1		
68	—																											1	1	1		
69	—																											1	1	1		
70	—																											1	1	1		
71	—																											1	1	1		
72	—																											1	1	1		
73	—																											1	1	1		
74	—																											1	1	1		
75	—																											1	1	1		
76	—																											1	1	1		
98	98	95	100	91	92	98	73	94	97	100	95	92	97	95	94	81	85	91	92	95	92	82	97	95	151	97	44	147	20	40	2818	

В. П. Бородинъ.

Приложение VIII.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Федоровичу всея Руси бывать членъ холопы твои донскіе и яицкіе казаки, Ларіонової станицы Михайлова, Панька Сидорова сына да, Васильевої станицы Писарева, Васька Иоаннова сына съ товарищи 23 чел. Въ янвѣрь Государь во 142 (1634) году, какъ пришли съ твоей царьской службы изъ подъ Смоленска донскіе и яицкіе казаки къ тебѣ Государю къ Москвѣ, и ты Государь ихъ пожаловалъ донскихъ и лицкихъ казаковъ и твои государскія очи видѣла и у твоей государевої благодатной руки были, а мы х. т. привели въ послѣдствіемъ приходѣ, залежали подъ Смоленскомъ болны и твоихъ царскихъ пресвѣтлихъ очей не видали и у твоей благодатной руки не были пришедъ съ твоей царьской службы изъ подъ Смоленска, Милосердный Государь Царь... пожалуй насть холопей своихъ своихъ царскихъ жалованьемъ, вези Государь насть х. с. за нашу службницу и за кровь быть у себя царьской свѣтлости у ручки Царь Государь смируйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣнь написать къ рукѣ.

(Моск. Отд. Архива Мин. Юст., Моск. столъ, столб. 100, листъ 508).

Приложение IX.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Федоровичу всея Руси бывать членъ х. т. государевъ раззанецъ Васька Васильевичъ сынъ Трубниковъ. Быль я Государь на твоей государевої службѣ подъ Смоленскомъ съ твоимъ государеннымъ бояриномъ съ Михаиломъ Борисовичемъ Шемыгатъ и приходиль твой государевъ недругъ король польской и литовской на Покровскую гору и у насть у х. т. былъ бой и на томъ бою меня х. т. ранили и я х. т. государевъ лежаль замертво и у твоей государевої руки и у стола не былъ. Милосердый государь царь... пожалуй меня холопа своего вели государь меня холопа своего написать къ своей государевої къ руке и на столу. Царь государь смируйся пожалуй.

На оборотѣ написать къ рукѣ.

(Моск. Отд. Арх. Минист. Юст., Моск. столъ, столб. 100, листъ 617; изъ дѣла задне, что членыть принадлежать ищкомому казаку).

Приложение X.

Челобитный и списки яицкихъ казаковъ, относящіеся къ службѣ въ Тулѣ, Ливнахъ и друг. украинныхъ городахъ.

1) Челобитная Яицкаго к-ка Трофима Аеонасьева Ратова Царю Михаилу Феодоровичу о службахъ въ теченіе 8 лѣтъ подъ Смоленскомъ, въ украинныхъ городахъ Тулѣ, Ливнахъ и на Яблоновѣ, о ранахъ въ бояхъ, о приводѣ на Москву 2 языковъ; просятъ о назначеніи его подьячимъ на Козловѣ и о жалованьѣ.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Феодоровичу всехъ Русіи бѣть чоловѣкъ холопъ твой кормовой яицкій казакъ Трофимко Аеавасьевъ ссыпь Ратовъ. Бродаль я х. т. ¹⁾ съ бѣдности и съ разоренія за твое государево поле и по твоему государену указу пришла къ намъ х. т. твоя государева грамота, а велѣно намъ х. т. тебѣ государю крестъ цѣловать и тить на твою государеву службу подъ Смоленскъ, и я х. т. обрадовался твоему гос. жалованью крестъ тебѣ государю цѣловаль и былъ за твоей гос. службѣ подъ Смоленскъ съ праходу и до отходу, тебѣ государю служилъ и кровь свою пролилъ за тебя государя и дважды я х. т. на твоей гос. службѣ раненъ: прострѣлена у меня х. т. рука изъ мушкета да лѣвой глазъ выстрѣлевъ, и выѣхъ я х. т. отъ твоей гос. службы тѣмъ сноими глазами изувѣченъ; да я же х. т. привезъ къ тебѣ государю къ Москву двухъ языковъ, и тѣ государь мои рабы и приводные языки записаны у тебя государя, и какъ мы х. т. прашла изъ подъ Смоленска къ тебѣ государю къ Москву, и ты государь насть х. т. вѣльзъ поверстать поимѣстными оклады и деньгами, и иныхъ я х. т. по твоему гос. указу верстазъ; а пришодъ мы х. т. изъ подъ Смоленска служили твою гос. службу на украинныхъ городахъ на Тулѣ, и на Ливнахъ, и на Яблоновѣ 8-й годъ безъ перемѣны и безъ сѣзду и многіе государь унась х. т. съ кримскими и съ ногайскими людьми боялись и на бояхъ мы х. т. языковъ имали, а я х. т. на тѣхъ бояхъ былъ явственно убитъ двухъ татариновъ, и тѣ государь убитые мужики у тебя государя записаны, а таскаюсь я х. т. безъ ириоту съ женушкою и съ дѣтишками межъ дворъ. Милосердый государь царь.... пожалуй менѧ х. с. за мою службишко и за кровь и за разы и за убитые мужики и за приводные языки вели государь менѧ отпустить на Казловъ въ подьячіе быть у твоихъ гос. дѣль въ приказѣ и своего гос. жалованья въ мой окладъ, чтобы менѣ х. т. во-

¹⁾ Х. т. сокращаетъ въ сокращ. видѣ „холопъ твой“.

лочать межъ дворъ, въ конецъ не погинуть, а прежъ сего я х. т. бывалъ у твоихъ гос. дѣль. Царь государь смилился пожалуй.

На оборотѣ: 149 (1641) г. генваря въ 9 дѣнь государь пожаловалъ велѣль отпустить, а жалованье выписать.

л. 112. И противъ челобитья иицкаго казака Трофимка Ратова выписано въ разрадѣ въ Козловскихъ строелныхъ книгахъ, строенія ясельничаго Ивана Биркина да Михайла Спешнева 114 (1636 г.) году написано: въ Козловѣ въ съѣзжей избѣ у государевыхъ дѣль подьячихъ 3 чел.— Осипу Прутцкому, Михайло Шелковникову, Ивашко Шумовской въ городѣ дворовыми и загородными мѣстн устроены. А государева жалованья денежные оклады имъ Осилю Прутцкому 8 р., Михайлу Шелковникову 6 р., Ивашку Шумовскому 5 р. Да имъ же государева жалованья дано въ Козловскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Туриасовѣ подъ дворы усады вдлзу по 70, а поперегъ по 20 саж. человѣку. Дикаго поля на пашню: Осилю Прутцкому да Михайлу Шелковникову по 15 чети человѣку, Ивашку Шумовскому 10 чети въ поле, а въ дну потому жъ, сїва межъ поль и по заполью Осилю да Михайлу по 30, а Ивашку 20 копеекъ.

А нынѣ въ Козловѣ въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ Микита Малечкинъ, Михайло Шелковниковъ, а оклады имъ государева жалованья Микитѣ 8 р., Михайлѣ 6 р., а Ивашко Шумовской изъ Козлова сшелъ на Валуйку въ 147 году (1639 г.).

И нынѣ государю... бѣть челомъ яицкой казаку Трофимку Ратову, чтобы государь его пожаловалъ за службу и за раны велѣль ему быти въ Козловѣ въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ и рожаловалъ бы государь велѣль ему свое государево денежное жалованье учанить какъ государю Богъ извѣстить.

А въ списку верстания на Москву боярина князя Андрея Васильевича Хилкова 142 (1634) году яицкому казаку Трофимку Асанасьеву сишу Теминковцу написанъ помѣстной окладъ 300 чети, денегъ 9 рублей, да ему же придано за Дѣдиловскую службу 143 (1635) году и за рану 50 чети, денегъ 3 р.; да за новосильскую службу 146-го году (1638) за татарской бой и за убитые мужики 50 же чети, денегъ 2 р. И всего помѣстный окладъ съ придаными 400 чети, денегъ съ городомъ 14 руб.

Помѣта по склонамъ: 149 г. (1641 г.) генваря въ 30 дѣнь государь пожаловалъ велѣль ему быти за томъ мѣстѣ подьячими и о томъ указъ учинить. (Моск. Грав. архивъ, №и. Юст. Благор. столъ, столб. 188, листы 111 - 113).

2) Раздаточный списокъ Донскимъ и Яицкимъ казакамъ жалованья за декабрь 1637 г. и за январь и февраль 1638 г.г. Списокъ Яицкихъ казаковъ "Тульского полку" (поселенныхъ въ Тулѣ и въ Москвѣ).

Лѣта 7146-го (1637) декабря въ девъю по государеву цареву и вел. ин.

Михаила Федоровича всея Руси указу воевода Романа Володимеровича Истатьева да подьячий Юрий Заблоцкий давали государево царево и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси денежное жалованье мѣсячной корыть атаманамъ и ясауламъ и казакамъ донскимъ и яицкимъ на декабрь да на январь да на февраль мѣсяцъ по указанной статьѣ атаманамъ по 2 алтына по 2 деньги, ясауламъ по 2 алтына, казакамъ коннымъ по 10 денегъ членовку на день. А государевы денежные казны придано на Тулу съ польскимъ съ Юрьевъ Заблоцкимъ на корыть донскимъ и яицкимъ атаманамъ и ясауламъ и казакамъ 900 рублей.

А кому именемъ государева жалованья поденный корыть донскимъ и яицкимъ атаманамъ и ясауламъ и казакомъ на декабрь да на январь да на февраль мѣсяцъ даво и кто къ деньгамъ не бывалъ и кто за воровствомъ не служить и что за раздачею денегъ осталось и то писано въ сей тетрати.

Атаманы:

Даріонъ Анисимовъ
Фаръ Бурдуковъ

Даріонъ Курдантъ

Сила Семеновъ
Кондратій Кузьминъ

Леонасій Ивановъ.

Ясаулы:

Ясауль Григорій Костевъ

Ею станицы казаки:

Максимъ Федоровъ
Гришка Левоитьевъ Аллатирецъ
Тихонъ Петровъ Рженитинъ
Максимъ Дементьевъ Казацецъ
Иванъ Федоровъ Пряблой
Юда Федоровъ Перметинъ
Иванъ Прохоровъ Муромецъ
Дмитрій Антоновъ Нижгородецъ
Аллеасій Левоитьевъ
Басилій Юрьевъ Нижгородецъ
Трофимъ Леонасіевичъ Ратовъ
Алексѣй Тихоноевичъ Бирюкъ
Карпъ Дементьевъ
Алексѣй Абросимовъ Данковъ
Левка Смирновъ Сухаревъ

Степанъ Кирилловъ Голцовъ
Тимоѳей Марковъ Курмышенинъ
Иванъ Ермолавъ Мещеренинъ
Иванъ Петровъ
Селиверстъ Кондратьевъ
Волосита Ивановъ
Иванъ Андреевъ Казацецъ
Герасимъ Федоровъ Шатченинъ
Тимоѳей Махайловъ
Махай Федоровъ
Кузьма Федоровъ
Иванъ Михайловъ
Фроль Потаповъ
Иванъ Михайловъ Валаховецъ.

Андреевы станицы Толстошина:

Андрей Петровъ	Артемій Прокофьевъ
Климъ Клементьевъ	Алексѣй Ивановъ Семичевъ
Федоръ Игнатьевъ Саврасовъ	Павелъ Ивановъ Астраханецъ
Петръ Ивановъ	Павелъ Ивановъ Моусантинъ
Нефедь Каравеевъ	Василій Родионовъ.
Кирилъ Родионовъ	

Васильевы станицы Писарева:

Василій Ивановъ сынъ Омаревинъ	Абрамъ Ивановъ
Игнатій Фомичъ	Иванъ Дмитревъ.
Прокофій Васильевъ Лезепевъ	

Дементьевой станицы Фаддеева:

Василій Ивановъ	замасецъ
Василій Микифоровъ Балдыръ Ар-	Микифоръ Савельевъ Алатырецъ.

Калининой станицы Иванова:

Павелъ Родионовъ Рѣткінъ	Иванъ Тимофеевъ Нижегородецъ.
Лука Фофановъ	

Васильевы станицы Будикова:

Иванъ Кондратьевъ	Ефимъ Нефедьевъ Калуженинъ
Федотъ Нестеровъ	Андрей Савельевъ Гребенской
Костянтина Петровъ сынъ Телешовъ	Второй Павловъ Тениконецъ
Василій Игнатьевъ	Трофимъ Васильевъ
Матвій Ильинъ сынъ Муромецъ	Трофимъ Макаровъ Алатырецъ

Янукіе же казаки разныя станицы:

Иванъ Ивановъ сынъ Муромецъ	Третьякъ Ивановъ
Иванъ Клементьевъ	Дементій Сафроновъ
Прокофій Михайловъ Гашинъ	Левоній Клиновъ

Казаки же которые были в Литве и Польшу:

Сергѣй Антропьевъ	Иванъ Ивановъ сынъ Долгой
Афанасій Вавиловъ	Иванъ Михайловъ Татаринъ
Иванъ Семёновъ	Тахонъ Андреевъ
Максимъ Ивачевъ	Нестеръ Максимовъ
Сила Телешовъ	Семенъ Осиповичъ Корданинъ
Иванъ Асанасьевъ	Данило Андреевъ
Григорій Абрахамовъ	Иванъ Афанасьевъ Полевной

Иванъ Кондратьевъ
Василій Сидоровъ
Алексѣй Алексѣевъ
Федоръ Фоминъ
Андрей Лаврентьевъ
Иванъ Тихоновъ

Федоръ Ивановъ Брянченинъ
Иванъ Тимофеевъ Кадомецъ
Сергѣй Янышевецъ
Еремей Лавреательевъ
Гурт Петровъ Минганъ.

Казаки же разныхъ станицъ:

Гаврило Устиновъ
Савелій Прокофьевъ
Макита Гавриловъ

Еремей Федоровъ
Кузьма Лавреательевъ.

Всего дано государена жалованья поденного корму донскимъ и яицкимъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ на декабрь да на январь да на февраль иѣсцы.

3-ть человѣкамъ атаманамъ 18 рублей 30 алтынъ по 2 алт. по 2 деньги человѣку на день.

4-ти чел. ясауломъ—21 р. 20 алтынъ по 2 алт. человѣку на день.

185 чел. казакамъ 832 р. 16 алт. 4 деньги.

Всего дано атаманамъ и ясауламъ и казакамъ донскимъ и яицкимъ поденного корму на декабрь да на январь да на февраль иѣсцы 192-ть человѣкамъ 873 руб.

А въ остатокъ денегъ осталось за раздачей и съ тѣхъ деньгами который казакъ къ деньгамъ не бывалъ и который умеръ и которого не знать и которые не служать за воровствомъ 27 руб.

Казаки же—государева жалованья корму ииъ не дано:

Лазарь Лукъяновъ къ девъгамъ не бывалъ—коровыя деньги даны на Москій.

Романъ Андреевъ—умеръ.

Алексѣй Лаврентьевъ—сказали что у нихъ такова иѣсть.

Гриша Кошмаровъ—сказали что онъ не служить.

Гуляй Милюковъ—сказали что онъ не служить, все воруетъ.

(Моск. отд. Архива Минист. Юстиціи, № 6 № 100 листъ 1 -2, 7—13).

3) Списокъ полка боярина Вас. Васильевича Вутурлина—1655 г.

Донские и яицкие атаманы и ясаузы и казаки и новокрещены:

атаманы по 550 чети, по 2 алт., по 2 деньги на день: Нефедъ Осиповъ сынъ Медведевъ, Томила Корякинъ,

300 чети: Иванъ Семенъ сынъ Каторжной—убитъ подъ Гусатинскимъ

250 чети, по 3 деньги на день:

Андрей Васильевъ — написанъ въ атаманы изъ рядовыхъ — по подписанной
челобитной за помѣтю дьяка Михаила Головина.

Яицкіе: по 2 алтына на день.

Есауль Григорій Коптенъ.

Казаки — по 10 денегъ на день.

Максимъ Федоровъ умре на службѣ
Сила Гордѣевъ Телешовъ
Гришка Левонтьевъ Алаторецъ
Тихонка Петровъ Ржевитинъ
Ивашка Федоровъ Прибылой убитъ
подъ Гусатинымъ
Мятка Нижегородецъ
Каринъ Дементьевъ
Левка Спиридоновъ
Семилверстка Кондратьевъ
Ивашко Михайловъ Москва
Савка Прокофьевъ
Васька Ивановъ сынъ Самаренинъ —
убитъ подъ Каменица
Ивашка Дмитріевъ
Андрющка Петровъ
Федка Саврасовъ
Алешка Ивановъ сынъ Семичевъ
Павликъ Астраханецъ
Микифорка Савельевъ
Павликъ Ретникъ
Петрушка Осиновъ умре на службѣ
Гришка Ивановъ
Коська Петровъ Телешовъ
Трофимка Васильевъ
Деника Сафоновъ
Алешка Донконъ
Ивашка Ивановъ

Ивашка Клементьевъ
Левка Климовъ
Гришка Абрамовъ
Ивашка Асанасьевъ
Ивашка Асанасьевъ сынъ Угличенинъ
Сережка Даашевецъ умре на службѣ
Федъка Фоминъ
Нестерко Максимовъ
Сенька Федоровъ сынъ Карданъ
Ефимка Нефедовъ
Проеха Леденевъ
Ивашко Казанецъ
Федъка Нестеровъ
Андрющка Семеновъ сынъ Новгородецъ
умре на службѣ
Фролка Потаповъ
Лучка Федоровъ
Ивашко Тимофеевъ сынъ Кадомецъ
убитъ подъ Гусатинымъ
Ивашко Кондратьевъ сынъ Самаренинъ
Васька Яковлевъ
Ивашко Прохоровъ сынъ Шашинъ
Осинко Тимофеевъ сынъ Тимофеевъ
Левка Горяиновъ — на службѣ не былъ
Филька Шмаковъ
Клиника Клементьевъ
Ивашка Мужецкой — взяли татаровъ
Калинка Дементьевъ.

По 8 денегъ на день:

Сидорка Артемьевъ
Митка Незвановъ — на службѣ не
была

Абросимко Степановъ сынъ Телешовъ
Максими Чевлевъ
Савка Шокуровъ

Васька Гребенской	Ивашко Савельевъ — на службѣ не
Аничко Алексеевъ	былъ
Ивашко Ерофеевъ Токаревъ	Ивашко Ждановъ.

По 7 денегъ на день:

Васька Ефимовъ	Абрамко Степановъ сынъ Гончаровъ
Стенька Алексеевъ	Гришка Волокитинъ на службѣ не
Мокейко Федоровъ Пониковъ	былъ
Гаврилко Тимофеевъ сынъ Марковъ	Мишка Ивановъ.

По 6 денегъ на день:

Дорогейко Кирьевъ	Петрушка Андреевъ.
Наумко Ивановъ умре на службѣ	Ромашка Андреевъ Скородни
Федотко Прокофьевъ	Савва Ефановъ
Артишко Григорьевъ сынъ Марковъ	Федка Ивановъ на службѣ не былъ

По 5 денегъ на день:

Ларка Зягнъ	Ивашко Дементьевъ
-------------	-------------------

По 4 деньги на день.

Кузенка Андреевъ	Кирюшка Ивановъ сынъ Москвитиновъ
------------------	-----------------------------------

По 3 деньги на день:

Савостька Фокинъ	Алишка Васильевъ сынъ Михайловъ
Иванка Фокинъ	

(Моск. Арх. Мин. Юстиц., Москов. губль., столбецъ 1098, листы 217, 221—224).

1) Челобитная донского казака Бѣлгородскому полку Алтухова. 1693 г.

„Великии Государевъ Царемъ и великии князечъ Іоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцемъ— быть чаденъ холопъ нашъ кормовой донской казакъ Семка Ивановъ сынъ Алимухово служилъ я, холопъ нашъ отцу вашему великимъ Государей блаженныи пакати Государю Алексѣю Михайловичу и былъ на многихъ вашихъ Государскихъ службахъ подъ Варвою съ бояриномъ и воеводою со княземъ Григориемъ Григорьевичемъ Ромадановскимъ въ полку у Григория Ивановича Косогоша и отъ Варвы отшель зимовалъ въ Логгинцахъ, и въ тѣхъ городѣхъ бывалъ я холопъ нашъ съ вашими Государскими непріятелями неща-

да головы своей, и было въсѧхъ восемь боевъ да я же былъ съ винъ-же бояриномъ подъ Конотопомъ, да я же холопъ вашъ посыпанъ былъ съ стольникомъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Скуратовымъ за поговою непріятельскихъ людей и въ то число я убиль съ коней непріятельскихъ людей трехъ человѣкъ и привезли къ нему боярину въ полкъ ко князю Алексѣю Никитичу Трубецкому и отъ Конотопу—шли отводомъ изъ Путилова, изъ Путилова посыпанъ былъ я же холопъ вашъ съ полковникомъ Григориемъ Ивановичемъ Косоюзовымъ подъ Короповъ и онъ полковникъ послалъ насть пятнадцать человѣкъ для осмотру и подъѣзду подъ полки непріятельскихъ людей и на томъ подъѣздѣ взяль я непріятелей—одного человѣка и срубиъ, а знамя привезли въ полкъ къ боярину краю Григорію Григорьевичу Ромадановскому и съ Путилова вышедъ зимовали въ Карповъ и изъ Карпова пошелъ онъ бояринъ въ Малороссійскіе города, да я же холопъ вашъ посыпанъ былъ съ полковникомъ изъ Кременчуга и въ Кременчугъ годовали и написанъ былъ я холопъ вашъ разѣзди о дву конь—за машины Государевыи непріятели: а вашего великихъ Государей жалованья поденаго корму было же по два алтына безъ денги на день; а какъ Государи подъ Кременчуга подходили Батунъ полковника Луговскаго гетмана со многими непріятеляи и тутъ бился я не щадъ же головы своей, и по отвѣскѣ полковника нашего, онъ бояринъ и воевода изъ Вѣлогорода пришелъ подъ Кременчуга на степь, и съ нимъ Батуномъ и съ татарами онъ бояринъ на степи удне пробился-же и на томъ бою взяль и двукъ татарь въ за поговою одаго срубиъ, и подъ Кательвою и подъ Чернѣевымъ былъ и, какъ чернѣевцы сдали и шли въ подъ Чернѣева и на дорої всгрѣтилися татары и тутъ бились я на томъ бою раны мене холона нашего подъ правую руку и посѣ рани быть обухонъ и тѣ татары взяли мене изъ полонъ и продали въ турецкую землю паше Обрамиу и онъ паша Обрамиу и снялъ его мене изъ полону освободилъ и къ Москвиѣ вывезъ мене грекъ Афанасій Михайловъ изъ своихъ харчахъ и проторихъ поидъ я корниль а за прокориъ заплатить же нечѣтъ, а какъ былъ я холопъ начь на вашей Государской службѣ и въ то число дано чиѣ холону нашему нашего Государеваго жалованья поденаго корму сентября съ первого числа марта по первое число—десять рублей. Милосердые великие Государи Цари Иоаннъ Алексѣевичъ Петъръ Алексѣевичъ (титулъ) пожалуйте мене холона своего за многія мои службишки за кровь и за раны и за подоновъ терпѣніе, велите Государи миѣ своюъ великтихъ Государей корновыхъ жалованьемъ поденными кормомъ противъ прежнаго своего великихъ Государей указу поверстать и свою великихъ Государей службу—служить по прежнему въ корновыхъ донскихъ казакахъ великое Государи смируйтесь". „201-го (1698 г.) Mai въ 10 день—выписанъ". Думной дѣлѣцъ Перфилей Озениковъ. Справилъ Глѣбка Афанасьевъ.

„И въ Разрядѣ выписано: Въ списку Вѣлогородскаго полку донскихъ и

ицкихъ и орешниковъ казаковъ прошлого 176-го (1668 г.) написано: Рядовой Семенъ Алтуховъ Великихъ Государей жалованья кормовыхъ ему десетъ по 10 денегъ на день; а въ Черкасскомъ смотреномъ списку полку боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Ромадановского съ товарищи 176 (1668) и 177 (1669) годовъ написано: Во 177-мъ (1668) году октября въ 11 числѣ вышеписанный донской казакъ Семенъ Алтуховъ взять въ полонъ а въ записной книжкѣ положенію и раненыхъ выѣзжаго 201 (1698) году написано: Въ прошломъ въ 200 (1692) году онъ, Семенъ изъ полону окупленъ. А въ Разрядѣ по указу великихъ Государей за то его полонное терпѣніе и за выходъ ихъ великихъ Государей жалованье дано ему денегъ 2 рубли, да сукно.

(Моск. Арх. Минист. Юстиц. Бѣлогород. столь, столбецъ 1490, листы 173—174).

Приложение XI.

Вопросные и ответные пункты опроса Яицкихъ казаковъ и Казанского губернатора въ 1720 году.

1) Отвѣтъ Яицкихъ казаковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 3-го января 1720 г.

(Выписано изъ дѣлъ Московского отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба по списка 107 кн. 80 казачьаго опыта. Листы 21—25).

По принатімъ Его Императорскаго Величества укастравныхъ дѣлъ Яицкие казаки Федоръ Михайловъ, зу изъ канцеляріи Прапорщикъ Федоръ Федоровъ, Макаръ Андреевъ по допросу вѣдѣтельствующаго Сенатскими сказали.

на января 3 числа вѣдено изъ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ Яицкихъ казаковъ, которые здѣсь изъ Санктъ Петербургъ за чадо-бѣтьемъ доносили по нижеписаннымъ пунктамъ.

1.

Извѣшица ихъ доле-

1.

Жиланде ихъ на луговой сторонѣ рѣки Волги на

коль отъ Астрахани и Икъ рѣкъ, разстояніемъ отъ Астрахани съ мѣсцемъ Терка, на которой сто- (отъ Терка), отъ Самары Низового города 10 двей роиць рѣки Волги, въ конной ѿзди; между рѣки Икка и другой Чагана сдѣ- которыхъ уроцищахъ вланъ у нихъ деревянный острогъ и кругъ того остро- га земляной валъ званіе тому ихъ острогу Острогъ. Границъ они ни съ кѣмъ не имѣютъ, а то ихъ жи- лище началось какъ они отъ старинныхъ людей слы- хали тому нынѣ назадъ лѣтъ со 100, предки ихъ казаки переплыли изъ Донскихъ казачьихъ разныхъ го- родковъ.

2.

Сколько ихъ числомъ и кто у нихъ началь- ники атаманы или иные какіе чины и какъ тѣ въ то время послыданы для уплаты ихъ они Иандскіе чины производятъ.

2.

Сначала ихъ было только 600 человѣкъ, а когда Башкирцы буатовали и отлагали изъ подъ руки Царскаго Величества чену уже изволо лѣтъ съ 40 казаки 500 человѣкъ и ихъ Башкирцевъ они побили и за тое ихъ службу учавено имъ Его Великаго Государя жалованье и съ того времени войско ихъ умно- жилось приходими съ Дону казаки и изъ разныхъ го- родовъ вольными людьми и крестьянами. Напрѣдъ сего бывали подъ памя управителями атаманы выбранные войскомъ противъ Донского обыкновенія и нынѣ у нихъ управляетъ ими казаками выбранной отъ нихъ всѣмъ войскомъ атаманъ Никата Трифановъ, родомъ изъ рус- скихъ людей, а казаковъ всѣхъ нынѣ числомъ 2600 человѣкъ и напередъ сего служили они Иандскіе ка- зати и нынѣ служить Великаго Государа службы об- ще съ Донскими казаками и во вскомъ послушаніи и между собою въ приключющихся сеорахъ главную расправу имѣли и чинѣ изволть отъ Донскаго воиско- вого атамана съ войскомъ и отъ Дону до Икка иѣ- сѧцъ ѿзди.

3.

На предъ сего гдѣ видомы они бывали на предъ сего вслаками дѣла- они были видомы ини и нарядомъ и службою въ приказѣ Казанскаго полукали себѣ Великаго Государа жало- дворца, а по опредѣленію губерній видомы они были въ жалованье давано имъ по 1719 годъ изъ Казан- ской губерніи и нарядъ имъ былъ на службы отъ скольку чего и въ ко- гудыжъ и о нарядѣ на Его Великаго Государа служ- торое время.

3.

Видомы они бывали на предъ сего вслаками дѣла- они были видомы ини и нарядомъ и службою въ приказѣ Казанскаго полукали себѣ Великаго Государа жало- дворца, а по опредѣленію губерній видомы они были въ жалованье давано имъ по 1719 годъ изъ Казан- ской губерніи и нарядъ имъ былъ на службы отъ скольку чего и въ ко- гудыжъ и о нарядѣ на Его Великаго Государа служ- торое время.

скаго Дверца Великаго Государя грамоты и давано азъ Его Великаго Государя жалованье по всякодво изъ того же приказу на шесть сотное число, а именно денегъ по 953 рубли, сабицу и пороху на каждого казака по фунту, а присланніемъ отъ нихъ въ Москву о жалованье человѣкамъ 14 человѣкамъ давано жалованья на прѣѣзды атаману по 7 рублей да по сукну, есаулу по 6 рублей да по сукну, рядовыми по 4 рубли да по сукну, да кормовыхъ атаману по 2 алтына, есаулу по 10 денегъ, рядовыми по 8 денегъ человѣку на лень, на отпуска противъ прѣѣзжаго атаману по 7 рублей да по сукну, есаулу по 6 руб. да по сукну, рядовыми по 4 рубли да по сукну и въ дорогу кормъ противъ Московской дачи, а на сколько времени того не упоминать, имъ же даваны подводы атаману и есаулу по двѣ, рядовыми по двѣ и на нихъ прогоны.

4.

Бывалиль гдѣ по наряду въ полковныхъ службахъ и въ количествѣ числѣ и кто при томъ менѣ ими начальствуетъ и иные какіе службы отправляютъ.

На Его Царскаго Величества службахъ бывали они по наряду изъ Казанскаго приказу, а именно: въ земляхъ Азовскихъ и въ другихъ походахъ и на Украйнѣ противъ Шаевскихъ войскъ обще съ Донскими казаками, а при князѣ Александрѣ Бековичѣ Черкасскомъ по наряду изъ Казани было ихъ казаковъ 1500 человѣкъ и тѣ всеѣ тако остались и пыаѣ ихъ Японскѣхъ казаковъ въ Азовскомъ корпусѣ съ Донскими кѣ казаками въ службѣ 500 человѣкъ и за тѣми посланными казаки въ службу вынѣ на лицо вышеписанное число 2000 человѣкъ.

5.

Соль въ которыхъ местахъ они берутъ и сколько тоннъ соли у нихъ изъ 1500 и изъ варѣй изъ горъ бываєть, и вариТЬ ли та соль или такъ натуриально отъ себя берется и на коликое число въ продажѣ въ годъ бывало.

Соль берутъ они самсадку въ стани въ Индерскихъ орахъ, которая лежитъ къ морю привидѣніемъ Гурьеву и озеру, на которыхъ та соль сама садится и имѣтъ оной довольно, разстояніемъ отъ нихъ тѣ озера, въ которыхъ соль берутъ конской фыды съ 5 недѣль и проходить путь трудиный, нападаютъ на нихъ въ пути караинаки и киргизы по 20000 и больше и бываютъ между ими бои великие и сидятъ они, казаки, отъ нихъ караинаковъ въ осадѣ по избыцу и большо и выжигаютъ тѣ орды стени чего ради они имѣютъ въ лошадяхъ великой упадокъ. Вывозятъ они

той соли въ годъ тысячи по двѣ пуды, изъ которой держать они про себя по половинѣ, а излишней пуды по тысячи вывозить для продажи въ чрезовые города на Самару и на Сызрань и въ Алексеевской и съ той продажи имено съ нихъ въ тѣхъ городахъ за ошину десятой пуды въ предѣлъ сего тѣхъ городовъ жители пріѣзжали къ нимъ на Икъ для покупки той соли сами, а вазадъ тому 3 года вышеномянутые города съ тою солью ихъ казаковъ и къ нимъ для покупки соли тѣхъ городовъ жителей не пропускаютъ и которые ихъ Яицкие казаки съ продажной солью въ тѣ города пріѣзжаютъ и у нихъ тое соль отнимаютъ всю безъ остатку и самихъ ихъ казаковъ сажаютъ въ тюрьмы въ для того они въ хлѣбѣ имѣютъ великую скудость.

6.

Пашню, промыслы, Пашеной земли и хлѣбнаго жалованья не имѣютъ, торги и добыча какіе да и пахать немочно. имѣютъ.

7.

Не имѣютъ ли они сѣмь сооръ и боятъ и буде имѣютъ сѣмь и за что.

Приходить за нихъ каракалпаки и киргизы во многомъ собравши подъ ихъ городокъ часто и отгоняются у нихъ табуны и въ прошломъ году держали ихъ казаковъ въ осадѣ цѣлое лѣто. И невозможно имъ также за опасностю отъ нихъ не для авѣрзныхъ добычъ ни для рыбныхъ ловель изъ городка малолюдствомъ выѣзжать, но когда выѣзжаютъ для рыбной ловли по рѣкѣ Икѣ и то собраны знатными числомъ войска, а тѣ каракалпаки и киргизы кочевые свое имѣютъ разстояніемъ отъ нихъ конной юзды мѣсяца съ полтора.

2) Отвѣты казанскаго губернатора о состояніи Ицикіихъ казаковъ.

Въ Государственную Коллегию Иностранныхъ Дѣлъ отъ Казанской губерніи доношеніе.

Въ нынѣшнемъ 1720 году ноября 30 дна въ грамотѣ Великаго Государя изъ Государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи въ Казанскую губер-

вію писано изданошений а съ учивеной въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ о состояніи лицакъ казаковъ и вопросы присланы при первой полученной Великаго Государа грамотѣ копіи и велѣно на оное учиненіе и о состояніи въ казаковъ вопросомъ объявлеаія разсмотрѣть и такли они о томъ до- несли и буде что не такъ или еще не къ тому надлежитъ дополнить о томъ о всемъ въ казанской канцеларской подлинной выправясь и выписавъ прислатъ обстоятельное извѣстіе въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ немедленно и по той Его Царскаго Величества грамотѣ о состояніи лицакъ казаковъ противъ пункта и вопросовъ о чёмъ въ губернскій канцеларіи извѣстіе есть вѣдомость учиня посылаемъ при семъ по посыпѣтъ оной въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ симъ доному. Подписанъ Алексѣй Салтыковъ, декабря 16 дна 1720 году.

Ведение въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ изъ Казанской губерніи по присланнымъ изъ той коллегіи грамотамъ и пунктамъ о состояніи лицакихъ казаковъ.

Въ пунктахъ:

Отвѣтствованіе:

1.

Лицакихъ казаковъ жилища далеко оть Астрахани и Терка и за которой сторонѣ рѣки Волги и Астраханы и Терка, въ которыхъ уроцища и какъ мѣсто ихъ завется и которому строеніе рѣкъ въ Казанской губерніи неизвѣдено, а по вѣдомостямъ ихъ же лицакихъ казаковъ уроцища и какъ мѣсто ихъ завется и сесторонѣ рѣки Волги жилище ихъ въ уроцище по рѣкѣ Янку на луговой то ихъ завется и сесторонѣ рѣки Волги завется казачій лицакій городокъ. кѣмъ граничать.

2.

Сколько ихъ числомъ и кто у нихъ начальники атаманы или иные какіе чины и какъ тѣльца производятъ. Лицакими казаками Великаго Государа жалованы давно въ казанской губерніи на 600 человѣкъ, а что сверхъ того въ казаковъ того въ губернскій канцеларіи не вѣдомо, начальники у нихъ атаманы и при нихъ осаулы, оные чины производятся по ихъ казачью выбору, а не по указамъ изъ Казани.

3.

Напредъ сего гдѣ они были вѣдомы по приказѣ Казавскаго дворца, а по состояніи губерній вѣдомы были въ Казанской губерніи и денежное жалованіе себѣ Великаго

Государя жалованья въ казенное получали въ Казани, а именно: акладного 600 откуда и по сколько человѣкамъ денегъ 200 руб. да за сукна за 600 чего и въ каторовремя, тортищъ по 753 руб. 8 алтынъ 2 денги, итого по 953 руб. 8 алт. 2 денги на годъ, да за привадъ для целобитья жалование станичному атаману есаулу и рядовымъ казакамъ 12 человѣкамъ, кориныхъ и за сукна давано по 103 руб. по 3 алт. по 1 ден., все-го по 1056 р. по 11 алт. по 3 денги.

4.

Былиль гдѣ по на-
ряду въ полковыхъ
службахъ и въ коли-
коюмъ числѣ и кто при-
томъ межъ ими началь-
ствуетъ и на иные ка-
кеслужбы отправляютъ.

По указамъ изъ канцелярии Правительствующаго Сената съ состоянія казанской губерніи оные казаки бывали на службахъ, а именно: въ 711 году въ Бу-
банскомъ походѣ 1000 человѣкъ, въ 713 году въ Угриинскомъ походѣ 1000 человѣкъ — въ корпусъ близ-
шаго боярина и губернатора графа Петра Матвѣ-
евича Апраксина, въ 717 съ князь Черкасскимъ въ Хивинскомъ походѣ 1500 человѣкъ, а начальные лю-
ди атаманы и есаулы бываютъ у нихъ по ихъ казац-
кому выбору изъ казаковъ.

5.

Соль въ которыхъ
жѣстахъ они берутъ и
сколько той соли въ вы-
варкѣ въ годъ бываетъ и варять ли тое соль или такъ
сколько у нихъ той соли въ дѣлѣ и вар-
ѣ въ годъ бываетъ
или такъ натурально
отъ себя берется и на
количество число чѣмъ про-
дажѣ въ годъ бывало.

Соль, гдѣ они берутъ и сколько той соли въ вы-
варкѣ въ годъ бываетъ и варять ли тое соль или такъ
натурально отъ себя берется и на какое число въ
продажѣ въ годъ бывало того въ Казани въ губернской
канцелярии неиздомо и вѣдомостей отъ нихъ казаковъ
въ Казань было не представлено.

6.

Пашни, промыслы,
торги и добычи какіе имѣются
въ Казани въ губернской канцелярии не вѣдомо.

Пашни, промыслы и торги и добычи какіе имѣются
въ Казани въ губернской канцелярии не вѣдомо.

7.

Немнѣть ли сѣ кѣмъ
ссору и боевъ и буде сказокъ что бывало у нихъ ссоры съ каракалпаками
имѣютъ сѣкѣмъ и за что, и съ киргизь-казаками потому что, оные каракал-

таки и киргизъ-казаки послягоди подъ ихъ казачей городокъ подходять и ихъ лицемъ казаковъ беруть въ полонъ и всякой скотъ отгоняютъ.

Подпись: Алексей Салтановъ,
Справиль: Махайло Федоровъ.

(Москов. отд. обл. арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. № 30 казачья посыпка, листы 252—254)

Приложение XII.

Челобитная запольной рѣки Яину яицкихъ атамана Ивана Иванова Щербанова и всѣхъ рядовыхъ 2800 человѣкъ въ 1720 году 12 октября.

(Выписано изъ дѣлъ московск. отдѣлен. общаго архива Главнаго Штаба, по описи 107, кн. № 30 казачья посыпка, листы 352—359).

Державѣйшій Царь Государь Милостиивѣйшій.

Въ прошлыхъ 1651-мъ году, сентябре въ 3 день, по указу брата Ваше-го Царскаго Величества блаженныхъ памяти Великаго Государа Царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича всея великия и малыя и бывшия россія Са-модержца, служили мы рабы твои Вамъ Великому Государю подъ Чигиринскимъ въ службѣ съ княземъ Булатомъ Мусайловичемъ Черкасскимъ, да съ полковникомъ Козыемъ Козловымъ ильро и отъ нихъ работъ твоихъ на тое службу посыпано было съ атаканомъ сто человѣкъ. 1682 году по Вашему же Великаго Государя указу во сторничной чигиринской по-ходѣ со смириль же полковникомъ были съ атаканомъ дѣльти человѣкъ, а въ 1683 году юля въ 5 день по Вашему же Царскаго Вели-чества указаниемъ ходили мы рабы твои въ уфимскіе уѣзлы за замѣнниковъ коровъ башкиризовъ съ атаканомъ пятыдесяти человѣкъ, хотя Вамъ Великимъ Государемъ свою ильру службу объявить и помоцію Божию и Вашимъ Государемъ счастіемъ вышесказанныхъ коровъ башкиризовъ побили многое число и пришедши подъ Михалинскъ городъ и объявили свою службу въ казаки боярину и воеводѣ Петру менышему Васильевичу Шереметеву о той нашей службѣ писать къ нашему Царскому Величеству оной бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, а въ 1694 году по Вашему же Царскаго Величества указаниемъ и по грамотѣ съ бояриномъ княземъ Василемъ Васильевичемъ Госцинымъ отиравлено было отъ насть изъ крымской походѣ съ атаканомъ сто пятыдесяти человѣкъ, да съ цими же княземъ Василь-емъ Васильевичемъ по другому нараду съ атаканомъ же дѣльти чекоепѣкъ; а въ 1696 году по присланной Вашей Царскаго Величества грамотѣ изъ

приказу казанского дворца было насть со бояриномъ князь Барисомъ Алексеевичемъ Голицынныи подъ Азовыи съ атаманомъ триста человѣкъ, а въ 1697 году по твоей же Великаго Государя грамоте во вторичной Азовской походѣ съ бояриномъ Алексѣемъ Семеновичемъ Шеиннымъ было насть съ атаманомъ дѣсти человѣкъ и съ вышеписанного 1684 году по нынѣшний 720 годъ стало быть насть рабовъ твоихъ въ службѣ съ дѣтими нашими 1600 человѣкъ, а въ 701 году по присланной Вашей Великаго Государя грамоте изъ сольской походѣ отправлено съ атаманомъ шесть сотъ человѣкъ; а въ 703 году по твоему Великаго Государя указу въ тотъ соликской походѣ послано отъ насть съ атаманомъ 500 человѣкъ, а въ 704 году по твоему Великаго Государя указу послано въ тотъ же вышеписанной походѣ 500 человѣкъ, которые и по нынѣ служатъ при армии; а въ 707 году по твоему Великаго Государя указу въ военваго походу изъ польши изъ Жалкои выслано отъ насть на твою Великаго Государа службу 500 человѣкъ; а въ 708 году по присланному твоему Великаго Государя указу изъ Казани было насть изъ уфимскому уѣздѣ противъ города башкирии когда они забутовали и села и деревни разоряли и побивали женъ и дѣтей въ полонъ брали да съ атаманомъ 1225 человѣкъ въ 711 году по твоему же Великаго Государя указу въ по опредѣлѣнію ближнаго боярина и губернатора Петра Матвеевича Апраксина съ нимъ ближніи бояриномъ было насть на твоей Великаго Государа службѣ изъ Кубанскомъ походѣ 1000 человѣкъ съ атаманомъ; изъ 713 году по именному Вашему Царскаго Величества указу когда противъ Вашего Царскаго Величества войну объявила и будучи съ нимъ же ближніи бояриномъ Петромъ Матвеевичемъ было изъ Харьковскому походѣ 1500 человѣкъ съ атаманомъ и за оныя къ Вашему Царскому Величеству наши службы мы рабы Ваша милостиющи словомъ награждены и похвалены; а въ 714 году какъ по вашему Царскаго Величества указу отправленъ отъ лейбъ-гвардіи капитанъ князь Александръ Бѣлоусъ сынъ Черкасскаго на Каспийское море и отъ насть было съ нимъ 100 человѣкъ съ атаманомъ; а въ 715 году по присланному Вашему Великаго Государя указу изъ Казани съ нимъ же капитаномъ княземъ Черкасскимъ отправлено съ атаманомъ 500 человѣкъ; а въ 716 году по именному Вашему Царскаго Величества указу къ нему генералину князю Черкасскому по нарадамъ послать възвѣсить оть насть съ Яику изъ два пойма съ атаманомъ указныхъ полторы тысячи человѣкъ и во оной походѣ опредѣлѣли мы рабы твои отъ дву третьюю; а въ томъ же 716 году приходили воинскіе люди каракалпаки и киргизъ-казаки большинъ собраніемъ подъ нашей казачей городокъ и побыли Алексѣевскихъ солдатъ, которые приходили къ насть съ хлѣбами запасомъ, да тѣ же воинскіе люди были на калмыцкую орду на Доржу мурзу, з мы рабы твои были въ домашкахъ своихъ отъ приходу тѣхъ вышеписанныхъ воинскіхъ людей въ великомъ обереженіи дабы Ваша Великаго Государя вотчина какъ

и прежде была не разорена и отъ тѣхъ всѣхъ вышеписанныхъ походовъ въ даче подъенныхъ денегъ съ 1681-го году по 720 годъ одолжали мы Великими долгами, а что намъ рабамъ твоимъ въ которомъ походѣ и которыемъ походамъ атаманомъ и есауломъ и знаменщикомъ и радоевымъ казакамъ почему на подъемъ денегъ давано и что Вашею Великаю Государя жалованья къ намъ на Яикъ прислано на подгемъ и то явно при сей нашей члобитѣ въ росписи; такожъ къ намъ съ 701 году приходять къ намъ, рабамъ твоимъ, подъ нашъ казачій городокъ и когда бываємъ для соли и рыбы въ степи во вся годы и до нынѣ воянскіе люди каракалпаки и киргизъ-казаки большими собраніемъ и отговоятъ у насъ конскія и скотинныя табуны и нась, рабовъ твоихъ, въ полозъ берутъ и бьуть на смерть; да мы же рабы твои ходимъ для нуждъ своихъ въ ваши государевы города на Самару и на Сызрань съ тою вышеписанною солью и рыбью, что беремъ за великою воинскою и нуждою, а возимъ по малому числу и то у насъ берутъ на васъ Великаго Государа, а за тое намъ соль изъ твоей Великаго Государя казны денегъ не даютъ и за малолюдствомъ зашими отъ тѣхъ живемъ мы всегда въ великомъ опасеніи, чтобъ твоя Великаго Государя вотчина отъ тѣхъ воянскихъ людей не разорилася и воредь твои Великаго Государя службы; такожъ когда мы рабы твои посылаемъ быть чадомъ о жалованьи своимъ въ Казанскою губернію и за дорогъ по городамъ въ поселеньи вотчиники и помѣщики казаковъ нашихъ, которые служить тебѣ Великому Государю лѣтъ по десяти и по пятнадцати и по двадцати и по тридцати, и держать въ вотчинахъ своихъ не объява на нихъ крѣпостей и берутъ себѣ во крестьянство; и въ 702 году когда подданный вашъ Царского Величества Ханъ Юка, по изгнаніи дѣтей своихъ пришедъ былъ подъ нашимъ казачинъ городкомъ съ малыми людьми, а объявилъ азъ войску дыбы намъ рабамъ твоимъ тебѣ Великому Государю и боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну обѣ намъ писать, что дѣти его отъ него отошли со всеми улусными людьми оставили его одного понеже дѣти его не хотятъ тебѣ великому Государю служить вѣрю и мы рабы твои хотятъ тебѣ Великому Государю служить вѣрю, видя его Люкъ Хана великую нужду и раззореніе и переговори съ нимъ и выбравъ своего походного атамана Федора Семенникова и ходили все за его Люкъныши дѣтими и ишошли иль по Яику на низъ рѣки и урочище у Буяна Тугаю и призвали ихъ подъ твоя Великаго Государа руку и смирили ихъ съ отцомъ своимъ по прежнему и доними тебѣ Великому Государю онъ Юка Ханъ служить.

Всемилостивѣйшій Государь просилъ Вашего Величества вели Государь намъ рабамъ твоимъ на дѣлъ тысячи на шесть сорть человѣкъ своимъ Царского Величества денежныхъ жалованьи и сукнами, порохомъ и свинцомъ и ядрами и пушками и знаменами и колоколами и за прїѣзы ваша когда въ которое время для вашихъ Царского Величества дѣлъ ни прїѣдемъ мыкоимъ и подъсолнечнаа своимъ Великаго Государа жалованьи за скудость

вашу дабы напь чымъ воредь твою Великаго Государа службу было служить и варь работъ твоихъ пожаловать по своему Царскаго Величества милостивому разсмотрѣнію понеже мы выѣзжаемъ чрезъ степь и въ службахъ бываемъ на своихъ лошадяхъ и на своемъ коште.

Вашего Величества нижайшіе рабы запольныя рѣки язку язкіе атаман казаки Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые 2600 человѣкъ 1720 году октября въ 12 днѣвъ.

Роспись что по указу Великаго Государа въ которой походъ ходили атаманы и есаулы и знаменщики и рядовые и по скольку человѣкъ и почему намъ твое Великаго Государя жалованья присыпалось и что намъ съмъ въ тѣхъ походахъ становилось подлѣтныхъ денегъ.

Со 1681 году по 716 годъ писано ниже сего по статейно:

1) Походъ какъ ходилъ атаманъ Прокопей Семеновъ подъ Чигиринъ, а съ нимъ было сюдь человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 30 руб., двоимъ есауламъ по 25 руб., двоимъ знаменщикамъ — 23 руб., рядовымъ по 20 руб. Итого 2026 рублей.

2) Походъ подъ тотъ же Чигиринской походъ отправленъ атаманъ Иванъ Блоусовъ, а съ нимъ было 200 человѣкъ, а подмоги имъ дано: атаману 25 руб., двоимъ есауламъ по 22 руб., двоимъ знаменщикамъ по 21 руб., рядовымъ по 18 руб. Итого 3621 руб.

3) Походъ Крымской отправленъ былъ атаманъ Парфеней Тагаевскій, а съ нимъ было 150 человѣкъ, а подмоги имъ дано: атаману 26 руб., есауламъ двоимъ по 23 руб., знаменщикамъ 2 по 22 руб., рядовымъ по 18 руб. Итого 3016 рублей.

4) Походъ въ тонъ же Крымской отправленъ Яковъ Васильевъ, а съ нимъ было 200 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 25 руб., есауламъ двоимъ по 25 руб., знаменщикамъ дано по 23 руб. двоимъ я родочнымъ по 19 руб. Итого 3829 рублей.

5) Походъ подъ Азовъ отправленъ атамана Федора Семенникова, а съ нимъ было 300 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 27 руб., есауламъ двоимъ по 24 руб., знаменщикамъ по 22 руб. четырехъ человѣкъ я рядочнымъ по 16 рублей человѣкъ. Итого 4744 рубли.

6) Походъ подъ тонъ же Азова отправленъ былъ атаманъ Андрей Афанасьевъ, а съ нимъ было 200 человѣкъ, а подмоги имъ дано: атаману 29 руб., двоимъ есауламъ по 25 руб.. двоимъ знаменщикамъ по 23 руб., рядочнымъ по 17 руб. человѣкъ. Итого 1740 руб.

7) Походъ Швейской отправленъ атаманъ Иванъ Питомцевъ, а съ нимъ было 600 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 31 руб., четырехъ есауламъ по 26 руб., четырехъ знаменщикамъ по 24 руб., рядочнымъ по 19 руб. человѣкъ. Итого 1443 рубли.

8) Походъ въ тонъ же вышесказанной походъ отправленъ былъ атаманъ

12) Челобитная яицкаго казака Никиты Болдырева.

Подана апрѣля въ 22 день 1724 году. Записавъ выписать. Всепривет-
лайшии державнейший Императоръ и Самодержецъ всероссійскій Петръ Ве-
ликій отецъ Отечества Государь Всемилостивійши бѣть человѣкъ яицкой
казакъ Никита Болдыревъ, а о чёмъ мое прошение слѣдуютъ пункты: 1) въ
прошломъ 703 году ¹⁾ по указу Вашего Императорскаго Величества посланы
ми съ Яику отъ войска въ арию пять сотъ человѣкъ и служили при
арміи въ каманде господина Бахметева, 2) и въ 1711 году командиро-
ваны въ партию съ мазоромъ Жеребцовымъ и были въ разъезде и начала
за насъ швецкая партия и въ то число я взяты въ полонъ и былъ въ по-
лону въ Стектоне по 719 годъ, 3) а въ 719 году ись полону свободился
на размену и ись Савѣтъ Питеръ Бурха ись коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ
отпущенъ къ войску на Яику, а за половине терпеніе Вашего Император-
скаго Величества жалованья не получалъ, 4) а которая наша братъ каза-
ки была въ полону въ Хивѣ и снымъ за половине терпеніе Ваше Импе-
раторскаго Величества жалованье повелено выдать, а именно генулу Григо-
рью Иванову, праворщику Михаилу Степанову, 5) и чтобы указомъ Вашего
Императорскаго Величества повелено было ишь противъ моей браты Ваше
Императорскаго Величества жалованье за половине терпеніе выдать. Прошу
Вашего Величества о семъ моемъ прошении решеніе учинить апрѣля въ день
1724 году къ сему прошению вместо казака Никиты Болдырева лежкой
станицы атаманъ Алексей Калмыковъ по его желанію руку приложилъ.

(Моск. Арх. Га. Шт., опись № 1, книга № 229, листъ 305).

Приложение XIV.

Показанія вышедшихъ изъ хивинскаго плѣна Яицкихъ казаковъ
объ участіи отряда князя Черкасскаго въ 1717 г.

„Выбѣжавши изъ плѣна два Яицкіе казака въ 1717 г. октября въ 11
день по пристаниной изъ Астраханіи отинскѣ, въ Казань, въ губернскій кан-
целяріи, передъ близкимиъ бояриномъ и губернаторомъ казанскимъ Петромъ
Самойловичемъ Салтыковымъ съ товарищи, присланые изъ Астраханіи ни-
жеупомянутые допрашиваны порознь. Федоръ Емельяновъ сказалъ: Яицкій
казакъ, про походъ съ Яику со станицами атаманомъ Никитою Вороди-
нимъ. Ихъ Яицкіхъ казаковъ тысячи пятисотъ человѣкъ до Астраханіи и
изъ Астраханіи отъ лей-гвардіи съ капитаномъ господиномъ княземъ Черкас-

¹⁾ Здесь отрывко тутъ неставлена по ошибкѣ надо читать 1704 г.

скими чрезъ степъ въ Хиванску землю и по отправлении изъ пута отъ господина князя Черкасского напредъ иль Хиву астраханского дворянини Михаила Керейтова съ казаками, и что еще ведошедъ они до Хивы были у него господина князя Черкасского отъ хивинскаго хана присланые два да отъ снаго Керейтова казакъ одинъ и про тракть и про ковскіе кормы и про воды которыхъ они туда слѣдовали сказать тожъ, что и присланы съ Янку яицкій казакъ Уразметъ Ахметовъ, а изъ Астрахани туркменецъ Нифесь Хаджа, которые были съ зимы-жъ въ походѣ. А ѣдучи де отъ Гурьева Яицкаго городка до Эмбы рѣки, и отъ Эмбы до хивинской земли и до рѣки Карагаче провіантъ побросано и отсталыхъ лошадей дорогую покинуто многое число, потому что имъ дано было провіантъ въ Гурьевѣ яицкомъ на полгода и за дальностю и за неудовольствиемъ кормовъ, лошади многіе пристали и не дошли да до той рѣки Карагачъ за день съ вѣдома его господина князя Черкасского яицкаго и гребенскихъ казаковъ шестьдесятъ человѣкъ поѣхали напредъ на тое рѣку Карагачъ для рыбной ловли и до приходу де ихъ тѣхъ казаковъ хивинцы побрали въ полонъ. И какъ де онъ господинъ князь Черкасский сталь подходить той рѣки Карагачи къ разливѣ къ водѣ и не допустя де до того мѣста версты за полторы, хивинскій ханъ съ войскомъ своимъ, по видимому съ тридцать тысячъ, встрѣтили ихъ и почали наѣздомъ по нихъ стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ, а они де изъ обозу по нихъ такожъ стрѣляли. И онъ де господинъ князь Черкасский убравшись къ одной разливѣ къ водѣ и обозъ свой арбамъ и телѣгами обстановили кругомъ съ трехъ стороанъ къ водѣ, а съ четвертою вода. А потому того-жъ дня почю сдѣлали валъ земланой и батарей построили и поставили семь пушекъ и убралисъ въ тое крѣость и были отъ нихъ хивинцевъ въ той крѣости въ осадѣ три дня. А то де хивинское войско стояло отъ нихъ версты за двѣ и на четвертый де день прислали хивинскій ханъ къ той ихъ крѣости на переговорку двухъ человѣкъ отъ себя и къ нимъ де изъ той крѣости онъ господинъ князь Черкасский, въльвъ съ собою князя Михаилу Заманова, выѣхалъ самъ и погорори съ подчаса возвратились по прежнему въ крѣость и на другой день послѣ обѣда онъ господинъ князь Черкасский поѣхалъ къ хивинскому хану и съ собою взялъ вышесказанного князя Заманова, да брагадъ- комисара Волкова, да двухъ братьевъ своихъ Черкесъ, да донъщиковъ шесть человѣкъ, драгунъ съ полтараста, казаковъ иль яицкаго съ атаманомъ Никитою Бородиномъ сто, гребенскихъ триста человѣкъ, выбравъ лучшихъ людей въ мудирѣ, въ томъ числѣ и онъ Федоръ былъ-же, и какъ де стали они подѣлжать къ Хивинскому обозу и войско де ихъ хивинское было на конѣхъ и раздѣлилось на дное улицю. А отъ ханской де палатки ему господину князю Черкасскому поставлена была палатка разстоянiemъ съ полверсты. И побывъ девъ той палаткѣ часа съ два, отъ него господина князя Черкасского къ хану, также и отъ хана къ нему князю Черкасскому была пересыдка и сами между

собою не видались. И того дня по пріѣздѣ ихъ, хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошель къ Хаеву. А онъ де господинъ князь Черкасскій и съ нимиѣхалъ въ срединѣ ахъ войска. И шла до вечера и остановились близъ озера и ночевали. И по утру де онъ господинъ князь Черкасскій и съ княземъ Михаиломъ Замановымъ поѣхали съ подарками къ нему хану, а за ними де подарки несли казаки сто человѣкъ, въ томъ числѣ былъ и онъ Федоръ и несть сукна красного портца аршивъ съ пять, и по прибытии де овъ господинъ князь Черкасскій и съ княземъ Михаиломъ Замановымъ взяты къ хану въ палатку, а подарковъ до палатки не допустили саженъ за лесать и признали тѣ подарки хивинцы и положили въ одно мѣсто и былъ де онъ господинъ князь Черкасскій у него хана съ часъ и прѣѣхалъ къ своей палаткѣ. И послѣ де того спустя часа съ два хивинскій ханъ тѣ подарки прислали къ нему господину князю Черкасскому назадъ назывоча на верблудѣ и тѣ да подарки овъ господинъ князь Черкасскій приказалъ принять. И того дня на томъ мѣстѣ и ночевали. И заутро хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошель къ Хаеву. А между де войска ихъ шель и господинъ князь Черкасскій съ ними и тѣмъ днемъ дошли до старой Хивы, гдѣ у нихъ напредъ было туто жилье, а нынѣ туто огrodъ и строеніе цѣло. И отъ того мѣста шли два дни и дошли до Арыльскихъ пашень и въ томъ мѣстѣ остановились и стояли два дни и изъ тѣхъ мѣстъ господинъ князь Черкасскій послалъ дворянину Званскаго да съ нимъ драгунъ пятьдесятъ человѣкъ и всѣльѣ оставшимъ жиорамъ Франко-Берху да Пальчикову подойти къ себѣ ближе. И хивинское де войско не допустило ихъ до этого господина князя Черкасскаго за версту, и поставили они хивинцы ихъ за буграми и стало быть не видно. И стоялъ де на тѣхъ Арыльскихъ пашень, на третій день обѣ ѿбѣдъ въ Гостожинъ посты уговѣть половину, по приказу его господина князя Черкасскаго атаманъ ихъ Никита Бородинъ, визъ ихъ яицкихъ казаковъ сто человѣкъ съ хивинскимъ нурзомъ, какъ зовутъ не знаетъ, почтли изъ войска ихъ хивинского на квартиры, кудѣ они хивинцы поведугъ и отъѣхали вѣсты съ дѣтъ. И тотъ де ихъ атаманъ послалъ въ настоящій обозъ, кой шли позади, и прїѣхало къ нимъ яицкихъ же ихъ казаковъ его же человѣкъ. И собравшись того дня отъѣхали первѣцъ съ десятъ, а онъ де господинъ князь Черкасскій съ оставшимъ остались въ хивинскомъ войску въ срединѣ, а съ ними для прохожанія ихъ изъ квартиры послано хивинцамъ съ шестьсотъ человѣкъ, и ночевали они казаки тотъ днъ у озера. И по утру де вставъ рано, какъ они казаки стали сѣдѣть лошадей, а хивинцы сѣши на лошадей и подѣѣхали къ нимъ ближе, одни соскоча съ лошадей, а другіе сиди на лошадяхъ, учали ихъ разбирать по рукамъ трое одного и разобрать исѣхъ, ружье и одежду и лошадей и что при нихъ было, все обрали и развели врознь. А его до Федора взялъ хивинецъ, какъ зовутъ не знаетъ же, и отвелъ къ водѣ къ займищу, отъ того мѣста, гдѣ разбили саженъ съ пятьдесать, а самъ онъ

хивинецъ отошелъ отъ него и съ лошадью своею прочь, саженъ съ двадцать. И онъ де Федоръ въ то время бросался отъ займища и шелъ водою и камышемъ съ четверть версты, а тотъ де хивинецъ праѣжавъ къ тому мѣсту и вслѣдъ кричалъ ему, чтобы остановиться и въ воду за нимъ не побѣхъ. И былъ де онъ въ водѣ тутъ день до вечера, а ввечеру вышелъ изъ воды и на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ разбирали осмотрѣль и никого нѣть и пошелъ назадъ тою дорогою, которой отъ обозу: и ведошедъ де до того мѣста, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ ханомъ нашимъ лежитъ изрубленый человѣкъ загъ, знатно что драгунъ. И отъ того де мѣста пошелъ осмотрѣль, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ ханомъ же. И въ томъ мѣстѣ лежитъ изрубленыхъ человѣкъ со сто, паги, а знатно, что драгуны, потому что у нихъ волосы длинные. И на томъ мѣстѣ его господина князя Черкасскаго и хивинскаго войска никакого нѣть. И отъ страха да больше онъ Федоръ не смотрѣль, а разбиты де изъ тѣхъ мѣстахъ лежатъ на землѣ сухари и другое платное драно: и онъ де Федоръ набравъ тута сухарей, и пошелъ назадъ дорогою же, которой смышли съ Яику до Хивы и шелъ сутки и нашелъ на той большой дорогѣ на лицѣкаго же казака Михаила Спиридонова, идѣгъ раненый, и шли де они имѣсть день съ десять, и на дорогѣ нашли отсталыхъ трехъ лошадей и поймавъ щахали на нихъ. И вѣдоѣжая де до рѣка Ембы за два дня, щахали на нихъ казаки Даржина властѣнья человѣкъ съ восемь и взять ихъ прислали къ нему Даржѣ, и овъ де Даржа отославъ ихъ въ Гурьевъ городокъ, а изъ Гурьева присланы въ Астрахань.

Михаило Спиридоновъ сынъ, прозвище Бѣломѣдникъ сказался: Яицай же казакъ, про походъ съ Яику съ станачнымъ атаканомъ Никитою Бородинымъ ихъ лицѣкъ казаковъ тысячи пятьсотъ человѣкъ до Астрахани, и изъ Астрахани отъ лейбъ гвардіи съ капитаномъ господиномъ князенъ Черкасскими чрезъ степь въ хивинскую землю и по отправлениіи изъ пути отъ господина князя Черкасскаго напредъ въ Хиву астраханскаго дворянинъ Михаилъ Керайтова съ казаками, и что еще не дошедъ они до Хивы, были у него господинъ князь Черкасскаго отъ хивинскаго хана присланы два, да отъ оного Керайтова казакъ одинъ, и про тракты и про конскіе коры и про воды, которыми они туда сѣдовали, сказалъ тоже, что и присланіе съ Яику яицай казакъ Уразметъ Ахметовъ, изъ Астрахани туркменецъ Нефесъ-Хаджа и яицай же казакъ Федоръ Емельяновъ, которые были съ нимъ въ походѣ. А какъ де господинъ князь Черкасскій изъ учениной крѣпости побѣхъ въ хивинскому хану въ войско и въ той де крѣпости овъ господинъ князь Черкасскій оставилъ командирами маюра Франко-Верха да секунд-маюра Григорія Шальчакова съ служилыми людьми и артиллерію и овъ де Михаило оставленъ въ той же крѣпости, и бытъ де онъ господинъ князь Черкасскій въ томъ хивинскомъ войскѣ въ обозѣ сутки, присланъ въ тое ихъ крѣпость отъ себя дворянинъ Запискаго, да драгунъ пятьдесятъ че-

ловъкъ и ведѣть оныхъ наорамъ съ драгунами и казаками и съ артиллерию убраться совѣтъ идти за собою, и шли де они позади хивинского войска даи съ четыре и пришли въ Арыльскія пашни. И до него де господина князя Черкасскаго войско близко ихъ стоять не дозволили и остановили за буграми и было невидѣть. И на другой же день маюоръ Франко-Берхъ послалъ къ нему господину князю Черкасскому вышеписанного дворянину Званскаго съ тѣмъ, что ихъ ведопустили до него господина князя Черкасскаго, остановило хивинское войско, и онъ де Званскій отъ него господина князя Черкасскаго, сказалъ ему маюору Франко-Берху, что де приказалъ онъ господину князю Черкасскому раздѣлиться имъ по сотенно и ити по квартарамъ, куды хивинцы поведутъ. И какъ де драгуны и казаки раздѣлились и хивинцы де взвѣгъ передними сто человѣкъ, повели изъ обозу въ сторону, а послѣ того другое сто человѣкъ казаковъ, въ тоѣ числѣ и онъ Михаила, повѣхали съ ними хивинцы на квартиры. А было де ихъ хивинцевъ съ триста человѣкъ, а и достальныя почали изъ обозу убѣратся въ разъѣздъ-же. И отѣхали до они изъ обозу верстъ съ пять и ёдущи вдругъ набѣхавъ на нихъ, хивинцы учали ихъ съ лошадей братъ и вязать и перевязывать, ружье и лошадей, и платье, и скарбъ, что при нихъ ни было, все обрали, въ нихъ разобрали, троє одного человѣка и развели неподалеку другъ отъ друга и почали рубить, и его Михаилу хивинецъ двое взяли, рубили саблями по шею и по плечамъ и били въ голову чеканомъ. И овъ де Михаило отъ того упалъ на землю и лежалъ за мертвъ съ вечера до полуночи, а они де хивинцы его тутъ покинули. И вставъ де онъ, Михаило осмотрѣлся, и хивинцевъ на тоѣ иѣсть никого вѣтъ, а видѣль, что лежать казаковъ ихъ порубленныхъ съ пятьдесятъ человѣкъ нагиѣ, и онъ де устрашась того и больше не осмотрѣвъ, отошелъ прочь и пошелъ съ версту къ рѣкѣ, лежать тутъ сутки и вставъ вышелъ на дорогу, взялъ сухарей, которые лежали по дорогѣ разбросаны и пошелъ назадъ дорогомъ, которою они шли въ Хану. И въ другое сутки нашелъ на него на дорогѣ вышепомянутый казакъ Федоръ Емельяновъ и шла исѣ вѣстѣ до взятія ихъ калинки и отъ калинкаго владѣльца Царя, присланы они на Иккъ въ Гурьевъ городокъ, а съ Икку и въ Астрахань, и оставшия де служильые люди, драгуны и казаки, въ которыхъ иѣста поведены и живы, или кто есть порублены, того онъ Михаило не вѣдѣть. А по осмотру у него Михаила шекъ по затылку и оба плеча рублены въ трехъ иѣстахъ.

(А. Никонъ. Сибирские Россіи съ Кивомъ и Бухарой. Изд. 1658 г., стр. 98—101).

1721 года марта. Челобитыи яицкаго казака Иеана Железнова о награжденіи его за службу и понесенные имъ лишенія, во время нахожденія въ плену у хивинцевъ.

Державитѣйшии Царь, Государь милостивѣйши.

Въ прошломъ Государь 716 году, по Твоему Великаго Государи указу,

ходили мы нижайший съ полковникомъ княземъ Александромъ Бековичемъ Черкасскимъ съ Яику 1500 казаковъ. И по прибытии въ Хиву и по приказу его кнзца Бековича, съ посланникомъ Михаиломъ Керейтовымъ къ нему хану хивинскому послано насть сто человѣкъ и какъ мы прибыли, и онъ приказалъ насть оковать и посадить въ крѣпкое мѣсто. А послѣ того привезли помазанутаго кнзца Бековича и Махайда Заманова двѣ головы, а съ нихъ кожи содраны и набиты соломой. А которые наши братья уходили къ нему Бековичу, ради извѣстія, и тѣхъ на дорогѣ передовили и сажали живыхъ на колыя, губы и носы рѣзали. А насть оставшихся 50 человѣкъ приводили въ вѣру бусурманскую, и мы Государь христіанской вѣры не покинули и не побоялись мы того страха, въ надѣїсь на всесвѣтраго Бога, и на Твою Государево счастіе, проломали городскую стѣну и увѣли у него хана двѣ лошади и бѣжали мы за Караганскую пристань. И мы нижайшиe, отъ великаго гладу, одну лошадь зарѣзали и тѣмъ ялсомъ питались, а какъ мы пришли на Караганскую пристань, и поймаль насть трухческій владѣлецъ Балкта Бакчи и держазъ насть окованныхъ годъ въ хотѣль отослать къ хивинскому хану. И я рабъ твой ему Балкту говорилъ: за что де ты насть хочешь отдать хивинскому хану и Царскую милость къ себѣ превозиъ?, и въ то время прилучился при немъ Балкту излемянинъ его родной и сталъ Ваше Царское Величество повосити, въ я рабъ Твой, прослезясь о здравіи Вашемъ, ухвати топоръ и ушибъ его за Твою Царское здравіе, за что меня хотели смертью казнить. И прилучился выѣздило весною, калмыцкій посланникъ шель изъ Симукской земли Махулай-батыръ; также и я рабъ твой, надѣясь на щедроты Божіе и за Ваше Царское многолѣтнее здравіе, подговари товарища своего, съ которымъ я изъ Хивы ушолъ, и прибѣгли къ калмыцкому посланнику къ Махулай-батырю, также и онъ насть спросизъ и мы ему сказали, что мы Твоя Государевы вольные люди. И пріѣзжали въ то число Балкта-Бакчи съ товарищи и хотѣли они насть отнять и хивинскому хану отдать, и онъ насть не отдалъ и сказалъ, что я де умру и съ войскомъ, а тебѣ Государевыъ людей не дамъ. И привезъ насть въ свою землю и объявилъ насть калмыцкому хану, и сказалъ служиацы Твои Государевы. И онъ Аюка ханъ, за Ваше Царское Величество, насть надѣниль дѣлъ: по шубѣ, по лошади, по сасогамъ, по рубашкѣ и отпустиль насть за Твоя Государево здравіе съ честью.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелить Ваше Державство, ради Своего Царского многолѣтнаго здравія, за наше такое полонное терпѣніе, прикажи Государь насты: по прежнему жить на Яику и Свою милостію насть пожаловать, понеже ишиѣ мы не имѣмъ себѣ коней и ружей и жалованья за вышеномянутые годы, и за наше полонное терпѣніе Свое Государево жалованье намъ выдать, а мы рабы Твой за Ваше Царское многолѣтнее здравіе, ради служить въ казачьей службѣ до послѣдней капли крови своей.

Вашего Величества нижайшіе рабы Яицкіе казаки Иванъ Железновъ. Марта въ десь 1721 года. Къ сей челобитной прославаець Иванъ Герасимовъ, виѣсто Ивана Железнова, по его прошенію руку преложилъ.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, дѣло № 30).

Челобитная яицкаго каз. Андрея Никитыча Бородина.

Въ Государственной военной коллегіи выписано.

И апрѣля въ 29 день въ Государственной Военной коллегіи у сей выписаны вышевозначенной членобитчикъ казакъ *Андрей Никитинъ* сынъ *Бородина* сказалъ въ прошломъ де 716 году въ августѣ иѣсацѣ по Его Царскаго Величества указу и по нараду князя Александра Черкасскаго высланъ онъ членобитчикъ съ Яику съ прочими сасеко братию въ 1500 человѣкъ въ команду его Черкасскаго и былъ при яицкихъ казакахъ праворощакомъ и того де 716 году въ ноябрѣ иѣсацѣ какъ они прешли въ Астрахань и тогда по приказу его Черкасскаго дано имъ яицкимъ казакамъ изъ Его Великаго Государя казны денежнаго жалованья на годъ, а именно праворощакамъ по 15 рублей, рядовымъ по 10 рублей человѣку, въ томъ числѣ и ему членобитчiku противъ праворощацкаго окладу выдано 15 рублей и какъ въ 717 году въ іюнѣ иѣсацѣ прибыла ова въ Хизу и тогда отъ онаго Черкасскаго откомандировано изъ яицкихъ казаковъ 100 человѣкъ и посланы въ команду полковника *Михаила Карпітова* за предъ къ хивинскому хану и отъ него хивинскаго хана взяты они въ половъ и былъ онъ членобитчикъ въ томъ полову года съ три и въ 720 году въ августѣ иѣсацѣ присланъ онъ отъ него хивинскаго хана въ подарокъ къ калмыцкому хану Аюбѣ, отъ которого отпразднѣть съ письмомъ на Яикъ къ прежнюю казацкую службу и въ томъ же 720 году въ декабрѣ иѣсацѣ прибыль онъ членобитчикъ съ яицкимъ станишномъ атаманомъ и съ прочими казаки въ легкой станицѣ съ побѣзными каракалпакскими языки двумя человѣкъ въ Санктпетербургъ и въ томъ же декабрѣ иѣсацѣ по Его Царскаго Величества указу и по приговору Государственной иностранной коллегіи противъ его братьи рядовыхъ казаковъ кормовыхъ и за шитье и въ дорогу 29 рублей, 21 алтынъ, 4 деньги, а нынѣ онъ быть человѣкъ чтобъ Царское Величество пожаловалъ его указать на оные 3 года, въ которые онъ быть въ подочу выдать жалованье противъ праворощаковъ почему иль отъ онаго князя Черкасскаго дававо да и нынѣ обрѣтающими съ сю Государевой службѣ въ финляндскомъ корпусѣ въ команду генерала князя Голицына къ яицкимъ рядовымъ казакамъ дается годового жалованья по 10 рублей человѣку, а праворощику предъ рядовыми съ прибавкою, а колико они праворощики излишнаго предъ рядовыми получають про то онъ звѣдаетъ, а еже ли сказанъ ложно и за то повиненъ

штрафу наковъ по указу Царскаго Величества опредѣленъ будеть. Къ сей сказкѣ вмѣсто яицкаго казака Андрея Бородина по его велѣнію яицкой станичной подъзачѣ Алексѣй Никитинъ руку приложилъ".

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 379—380).

Челобитная яицкаго каз. Данилы Галактионова.

Въ Государственную коллегію, яицкаго войска *Данилы Галактионова* по-корябшее донесеніе, отъ января 1786 года.

Служу я, аижайшій, въ войсѣ Яицкомъ многіе годы и былъ въ походѣ въ Польшѣ на Полтавской баталіи, а въ прошломъ 716 году командиро-равалъ, я, виженоименованый, съ Яику въ Хиву при казѣ Черкасскоемъ въ тысячу пять стакъ человѣкахъ и по учинившемуся тамо несчастію взять я, аижайшій, съ прочими казаками въ пленъ и былъ въ Хивѣ года съ три, а потому изъ Хивы ушелъ, а въ пути взять киргизами-кайсаками, у ко-торыхъ былъ въ плену лѣтъ съ семь, а потому въ пути же взять черными калмыками и былъ въ пленау съ шесть лѣтъ, въ которую мою бытность въ томъ плену чрезъ оные годы перетѣрпѣвалъ великия и весомосныя ругатель-ства и мученія, а пѣ прошломъ 783 г., бытность у тѣхъ калмыкѣ, въ по-сольствѣ маюра Леснитія Угрюмова вынужденъ я, виженоименованый, съ прочими бывшими тамъ пленниками, оныхъ маюромъ въ Сибирь, а изъ Сибири при-шелъ на Яику, а вынѣ отпущенъ я, аижайшій, съ Яику въ Земловѣ станицѣ.

Того ради Государственной военной коллегіи покорно прошу, лабы указ-зовать Ея Императорскаго Величества повелѣво было за означеннуя бытность мою въ плену и за полонное терпѣніе противъ ироочей моей братъ награ-дить Ея Императорскаго Величества жалованьемъ".

(Ур. Войск. Вѣд. 1969 г. № 30).

Приложение XV.

Державнійшій Царь Государь милостивійшій.

Въ прошломъ Государь 719 году били челомъ мы нижнеименованные рабы твои всѣиъ Яицкскъ войскомъ въ Санктпетербургъ Вашему Царскому Величеству и доносили мы рабы твои Вашему Царскому Величеству на вора измѣника лицаго казака Ивана Карташева со отпомъ его Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи и на присланныхъ офицеровъ и подъячихъ, которые по доношевію онаго доносителя Карташева пріѣзжали къ намъ рабамъ твоимъ за Иикъ съ розыскомъ и брали съ насъ работъ твоихъ великия взятки; и потому нашему прошенію прислава Ваша Великаго Государя грамота изъ коллегіи иностраннныхъ дѣлъ въ Казань ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу Салтыкову съ товарищи, чтобы насъ нижнеименованныхъ рабовъ твоихъ ему ближнему боярину и губернатору съ поманутыми офицерами и съ подъячими во многихъ съ насъ взяткахъ и съ доносителемъ Карташевымъ и со отпомъ его Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи во всемъ разыскать; и по той присланной Вашей Великаго Государа грамотѣ ему ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу съ товарищи били челомъ, и по вынѣшнему прошешію боярину и губернатору Казавской посыпалъ изъ Казани Великаго Государя указы по тѣхъ офицеровъ по Егора Кроткова и по Ивана Наумова и по другихъ офицеровъ и подъячихъ и оныя офицеры тѣхъ присланныхъ Великаго Государа указовъ не послушали и на судъ не бывали и противъ насъ работъ твоихъ не отвѣтствовали а отвѣтствуютъ на письмахъ ему ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу поманутые офицеры что де мы казанской губерніи неподсудны а присуды мы де къ Астраханской губерніи къ полковнику и астраханскому губернатору Артемию Петровичу Водынскому; и ближайшій бояринъ и губернаторъ казанской Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи присяжалъ къ намъ нижнеименованнымъ Великаго Государа указъ съ посланными нашими казаками, которые посланы были отъ насъ въ Казань противъ присланной Вашей Великаго Государа грамоты изъ коллегіи иностраннныхъ дѣлъ во отвѣтствование съ офицерами и съ подъячими, въ которомъ написано, что посыпалъ де я по оныхъ офицеровъ и подъячихъ противъ присланной Великаго Государа грамоты многія Великаго Государи указы, чтобы быть имъ во отвѣтствіи противъ челобитъ насъ нижнеименованныхъ во многихъ съ насъ взяткахъ и поманутые офицеры и подъячие противъ посланныхъ по нихъ изъ Казани Великаго Государа указовъ учинались де противны и отвѣтствованія съ нами нижнеименованными противъ присланной Вашей Великаго Государа грамоты, по кото-

рой повелъно наше дѣло изслѣдоватъ въ Казани, неученили и о томъ де
ихъ офицерской и подъяческой противности писано де въ Санктпетербургъ
въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а намъ рабамъ твоимъ велѣль о томъ
бить челомъ Вашъ Царскому Величеству въ Санктпетербургъ въ Коллегію
Иностранныхъ дѣлъ вторично; и въ вышѣшнемъ 720 году октября 12 да
послали мы нижнеименованные раби твои бить челомъ Вашъ Царскому Вели-
честву вторично о вышеписанномъ нашемъ довошении и о вышѣшнемъ на-
шемъ прошеніи, чтобы приказалъ Царское Величество наше нижнеименованныхъ
рабовъ твоихъ разыскать въ Санктпетербургъ со измѣнникомъ Карташевымъ
и со отцемъ его Матвѣемъ Мироновимъ съ товарищи и съ помянутыми офи-
церами и съ подъячими во изогихъ съ нась взяткахъ, которыхъ были у нась
на Яакъ съ розыскомъ по его вора измѣнника Карташева доношениа и ро-
зыскивали въ его ложномъ доношении и вины по розыску за паки рабами
твоими независлось. А ему вору и измѣннику Карташеву за обыкновенное та-
кое дѣло затѣвать напрасно потому, что онъ же Карташевъ написалъ въ
довошении своемъ на бывшаго атамана Григория Меркульева да на старого
человѣка Некиту Зевакина будто они Меркульевъ и казакъ Зевакинъ от-
пустили въ Хиву Однагула татарина провѣдывать будто хотѣли отъ нась
Царскаго Величества отложиться въ Хиву къ татарамъ на житѣ; и пото-
му его Карташеву ложному довошению брали нась рабовъ твоихъ человѣкъ
по двадцати, и по тридцати, и по сороку и съ тѣхъ казаковъ, которые по
говору его вора измѣнника Карташева взяты въ Казань, за другихъ слался
во свидѣтельство на нихъ какъ бывшей атаманъ Григорій Меркульевъ и ка-
закъ Зевакинъ съ товарищи, что будто посылали Однагулку татарина въ
Хиву для сообщенія съ ними хивинцы и будто къ нимъ хивинцы, покиня-
твои Великаго Государа вотчину, хотѣли идти къ нимъ на житѣ; и въ
томъ во всѣхъ помянутыхъ нашихъ казаковъ въ его свидѣтелей, что на ко-
торыхъ онъ Карташевъ слался, распорашивали и у отчай ставки у донрогонъ
сказали, что да мы за поминутными казаками Меркульевыми и Зевакиними и
за всѣмъ войскою сообщеніи съ хивинцы и посылали татарина Однагулки
отъ него Меркульева и Зевакина въ Хиву никако не вѣдаешь и оной Од-
нагуль и за своякъ дѣломъ отпидъ въ Хиву не бывалъ и въ томъ онъ
воръ измѣнникъ Карташевъ доносить должно хоти твою Великаго Государи
вотчину и нась рабовъ твоихъ въ конецъ разорить; и видя оной воръ из-
мѣнникъ что затѣвалъ и поклесалъ напрасно бывшаго атамана Меркульева и
старого человѣка Зевакина и все лицою войско, принесъ покиняю членобит-
ную что въ которой написалъ онъ Карташевъ поклонъ да я бывшаго ата-
мана Меркульева и казака Зевакина и все лицою войско напрасно пын-
ствомъ своимъ и потой его покиняю членобитной, которыхъ по говору его бы-
ли взяты въ Казань казаки, или Казаны отищены въ домы свои; и потому
оной Карташевъ измѣнка съ извѣса съ два учища своими воронскимъ
унисломъ велѣль отъ тѣхъ взятыхъ людей держать бывшаго атамана Гри-

горья Меркульева и казака Никиту Зевакина Федота Донского Герасима Петрова Гарасима Логинова и удержавъ ихъ сказъ Великаго Государя слово за собою; и противъ его Карташева помянутаго слова посланъ онъ былъ изъ Казани и съ помянутыми казаками съ Меркульевымъ съ товарищи пять человѣкъ въ Преображенской приказъ; и по приѣздѣ его доносителя Карташева въ Преображенской вриказѣ съ бывшимъ атаманомъ Меркульевымъ и съ помянутыми казаками оной доноситель въ Преображенскомъ приказѣ слова Государева за собою же сказъ и подать доношениe ближнему стольнику князю Иваи Федоровичу Рамодановскому, а въ доношениe своемъ писалъ что будто мы Яицкіе казаки вновь за собою имѣемъ бууть и злое умышленіе и будто отпади отъ христіанскія вѣры къ церквамъ Божиимъ будто не ходить и отцовъ духовныхъ у себя будто не имѣть; и потому его Карташева доношению изъ Преображенского приказу со онымъ доносителемъ и помянутые казаки присланы въ Казань, а изъ Казани вѣлько послать Казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи для подавнаго розыску, чтобы насть рабовъ твоихъ по его Карташеву доношению розыскать во всемъ; и для того розыску присланъ былъ изъ Казани порутчикъ Егоръ Кретковъ да фискалъ съ Самары Михаила Путяловъ а изъ духовныхъ дѣлъ отъ Казанскаго архіерея игуменъ съ попомъ и дьякономъ; и оной Кроткой собраль насть именеменованныхъ противъ его доношения въ бунту и въ злому умышлѣніи всѣхъ распорашиваль по розыску а въ духовномъ дѣлѣ игуменъ съ попомъ и дьякономъ розыскивали священническихъ чиномъ и отцами духовными и иностранными людьми и за замѣя рабовъ твоихъ противъ его Карташева доношениа бууту и злого умысленія и отпаденія отъ православныхъ христіанскія вѣры неявилось, а что мы раби твои въ допросѣ сказали и то австествуетъ въ дѣлѣ нашемъ; а какъ оной Кроткой розысканъ прїѣхалъ въ Казань и вынешнанной же воръ измѣнилъ Карташевъ сидѣть въ Казани и видя за собою сущую свою вину у мысли воровскими своимъ умысломъ и непаметочи смертнаго часа многихъ людей клеветаль а другихъ сковориваль и къ тому еще вновь оговариваль же, изъ тѣхъ помянутыхъ казаковъ дву человѣкъ осудили въ Казани до укazu, а бывшаго атамана Меркульева и казаковъ Зевакина Герасима Петрова и еще вновь прибанилъ бывшаго атамана Степана Филимонова; и тѣ помянутые казаки Меркульевъ съ товарищи по егожъ лежному Карташеву доношению посланы были въ Преображенскъ аторично; и оттакого его лежнаго доношения мы именеменованныхъ разорились вѣконечно потому что оной доноситель Карташевъ доносить въ одному дѣлѣ про Хиву трижды а подавнаго дѣла противъ своего доношения на насть рабовъ твоихъ недовѣль, а наивѣ еще онъ же Карташевъ про ту же Хиву доносить въ четвертымъ; а помянутые казаки Меркульевъ съ товарищи четыре человѣка изъ Преображенскаго отищены въ дома свои за поруками до подавнаго розыску а доноситель Карташевъ изъ Преображенска отдавъ въ Астраханскую губернію вѣдомъ изъ Казанской губерніи

занн помянутыхъ казаковъ которые были за поруками въ Казани по оговору его взяты съ нимъ въ Астрахань; и сего настоящаго 720 году маи 22 днѧ присланъ къ намъ рабамъ твоимъ для розыску изъ Астраханской губерніи со оними доносителемъ Карташевымъ поручикъ Филионъ Григорьевъ сынъ Кустовъ да съ нимъ же поручикомъ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ да помянуты казаки Федотъ Давской съ товарищи привезенные же и держатся у него Кустова подъ карауломъ на Якѣ и помираютъ голодною смертю; и помянутый поручикъ Кустовъ подаль къ вамъ въ войско Великаго Государа указъ послушной изъ Астраханской губерніи чтобы намъ рабамъ твоимъ быть противъ ложнаго Карташева доношени въ розыскномъ дѣлѣ послужны и спрашивается на насъ рабовъ твоихъ квартиры самовольствомъ своимъ зутчихъ а на тѣхъ отведенныхъ квартирахъ которые отъ насъ отведены нестоять и во всемъ насъ рабовъ твоихъ извѣжитъ; и мы нижесловленные рабы твои противъ присланного изъ Астраханской губерніи указу съ нимъ воромъ изменникомъ Иваномъ Карташевымъ и со отцомъ его Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи подъ розыскъ не идемъ понеже оной Карташевъ и Мироновъ и прежніе розыски вторые были присланы изъ Казави по твоимъ Царскаго Величества указомъ къ вамъ на Якѣ и такія розыски оной Карташевъ и Мироновъ изменилъ въ неправду; и отъ томъ мы нижесловленные о всемъ вышеизложенномъ послали мы Вамъ Царскому Величеству быть челомъ а въ Коллежіи иностраннѣхъ дѣлъ о вскихъ нашихъ нуждахъ войсковыхъ чтобы прислали Царское Величество наасъ рабовъ твоихъ со оними доносителемъ Карташевымъ и со отцомъ его Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи и съ прислаными къ намъ офицера и подъячими розыскать въ Санктпетербургѣ, потому что онъ воръ изменилъ отца своего жиноста и Вашему Царскому Величеству въ 714 году изменилъ изъ Харковскаго походу съ службы бѣжалъ; а отъ Карташевъ выбранъ былъ въ томъ походѣ знаменщикомъ и потому его Карташовъ побѣгъ изъ походное наше войско которое было по твоему Царскаго Величества указу въ Харковскомъ походѣ отъ ближнаго боярина и прежде бывшаго губернатора графа Петра Матвеевича Апраксина Великаго Государа указы о замѣтнѣи его Карташовъ присланы были чтобы его сискать и прислать въ Военную Канцелярію за крѣпкими карауломъ; и по темъ Великаго Государа указомъ оной Карташенъ былъ не сисканъ; и послѣ его Карташева подѣлу мы нижесловленные служа тебѣ Царскому Величеству годъ отвѣщены въ дни своя и послѣ того оной Карташенъ изъ побѣгу своего инился у насъ въ городѣ въ домѣ своемъ и старшіе люди казаки познанни за нимъ побѣгъ его, что онъ бѣжалъ изъ Харковскаго походу привиди его Карташева въ войсковой кругъ и хотѣли за его побѣгу учинить наказанье и изъ старшихъ же людей отецъ его Матвей Мироновъ ему Карташену за побѣгъ его наказанье учинить не далъ и вслѣдъ онъ Матвей ему жить по прежнему въ городкѣ; и живущи онъ Карташевъ у насъ на Якѣ что за его побѣгъ хотѣли учинить наказанье рѣшилъ на насъ рабовъ твоихъ и доносить лож-

ныъ своимъ доношениемъ хота сущее свое воровство и измѣну прикрыть а твою Великаго Государя вотчину разорить и насть погубить напрасно и во-
дочетъ насть пижевменованныхъ и помянутыхъ казаковъ Меркульева съ това-
рищи тому третій годъ, а въ нынѣшнемъ же его вновь умноженномъ затей-
ниъ заводѣ ороизмѣну что будто онъ свѣдомъ отъ друзей своихъ а именно
откого свѣдомъ несказывается. Да онаго же доносителя отецъ его Матвѣй Ми-
роновъ въ прошломъ 719 году по розыскѣ помянутаго поручика Егора Крот-
кова пижевменованіе наше члобитчики приходили въ войсковую избу и
просили у атамана Никиты Трифонова сына Бородина и у старыхъ людей
отински и подорожного письма чтобы насть пробхать до Санктпетербурга и
бить чломъ ванъ Царскому Величеству отьевскихъ нашихъ вуждахъ вой-
сковыхъ чтобы твоя Великаго Государя вотчина отъ того ложнаго доноси-
тельнаго извѣту въ ковецъ неразорилася въ помянутой атаманѣ Бородинѣ съ
товарищи тѣмъ нашимъ члобитчикамъ отински и подорожного письма до Санкт-
петербурга недалъ, а въ токъ число помянутой Мироновъ говорилъ нашимъ
члобитчикамъ и въ той же войсковой избѣ что де ванъ и куда бить чломъ и какая де ванъ вужда развѣ де къ черту едете и на такія де его
Матвѣева слова есть многія свидѣтели; да и въ нынѣшнемъ же 720 году юни
въ день помянутой Мироновъ, по прибытии къ памъ на Якъ изъ Санкт-
петербурга съ нашимъ Великаго Государя грамотою которая прислана Казан-
скому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову и оной Мироновъ тое Вашу
Царскаго Величества грамоту обругадъ и назвалъ что де будто тое Вашу
Великаго Государи грамоту помянутые члобитчики написали въ баѣ, и
иная жъ въ 28 дэнь настоящаго 720 года оной же Мироновъ говорилъ въ
войсковой избѣ такія слова нашему атаману Федору Арапову что де ты ата-
манъ Федоръ Ивановъ также плутовъ члобитчикъ слушаешь потому что
де оны члобитчики были чломъ Великому Государю ложными своимъ со-
ставными члобительнъ а не отвойского и зривезли де они ложныя составлены
указы и будто не отъ Царскаго Величества и возмутяли де они что за Дову
Кузминщина была; а мы Государь раби твои такія Кузминщины за собою
имелимы; и въ тѣхъ его Миронова словахъ у насть работъ твоихъ есть многія
свидѣтели и донашиваны и свидѣтели сказали что де говорилъ таися рѣчи
онъ Мироновъ и въ станицѣ избѣ и ругалъ присланную Великаго Государя
грамоту которая прислана изъ Санктпетербурга изъ коллегіи иностранн-
ыхъ дѣлъ; въ него настоящаго 720 года юни въ дэнь ходили наши
иностранціе казаки станице для продажи якры и рыбы и для покупки
хлѣбныхъ запасокъ изъ Сызрань на Батрацкую пристать и по прїездѣ той
нашей станицы на Батрацкую пристань сызранской маіоръ и комендантъ Гагрила
Воейковъ починаиль той нашей станице изнечательство великое въ перевозѣ
и въ другомъ обиду жъ чинилъ нешпротивъ твоего Царскаго Величества ука-
зу и не даваль помянутымъ нашимъ казакамъ перевозу трои сутки; и какъ
оной комендантъ Воейковъ приказалъ перевозъ давать и брали съ насть ра-

бовь твоихъ за перевозъ непротивъ Вашего Царского Величества указу съ человѣка по двѣ а смѣха по двѣ же, и нашихъ начальникъ людей изъ той станции ловилъ и въ приказъ сажалъ а именно два человѣка есауловъ изъ тѣхъ пойманныхъ есауловъ одного человѣка отпустилъ; и потомъ прѣѣхалъ оной Воейковъ изъ Батрацкую пристать въ нашу станицу и поймалъ нашего казака Ивана Лукьянова насильствомъ своимъ безъ вины пееная ради какого вымыслу и заявши того казака посадилъ въ городе Сызранѣ въ тюрьму, и какъ помянутая станица что Батрацкой пристави подпалась въ доны свои и оной Воейковъ тѣхъ нашихъ пойманныхъ казаковъ отъ себя не отпустилъ и держатся подъ карауломъ и до днесъ; да въ бытность той же помянутой станици онъ же маюръ и комендантъ Воейковъ прислали отъ себя Великаго Государа указъ за свою рукою въ которомъ написано что будто быть ему маюру Воейкову у насъ на Икѣ съ ровномъ и чтобы въ помянутой нашей станици для проводительства и охраненія въ пути покинуть ему конвой сто человѣкъ, да въ той же помянутой станице атаманъ Степанъ Сушкинъ и съ казаками на помянутаго Воейкова въ вышеписанныхъ обидахъ и налогахъ чадили якошное доношение Сызранскому фискалу Алексѣю Иванову и солдатамъ бурнестриямъ такожь въ торговыи людинаи; и иная въ . . . день сего жъ настоящаго 720 году ходили же наши яицкие казаки станицю въ городъ Самару на пристави для продажи икры и рыбы и для покупки хлѣбныхъ запасовъ и самарскій дворянинъ Тихонъ Волковъ называлъ тое станицу и казаковъ тѣхъ бунтовщиками и измѣнивниками, да самарской же дворянинъ Филиппъ Могутовъ такожь называлъ всѣхъ насть рабовъ твоихъ что де ваше все куревское войско бунтовщики измѣнили; а мы рабы твои служимъ Вашему Царскому Величеству иѣроно и за собою бунту измѣны и шатости никакой незнаемъ; и сего настолаго 720 году августа въ 7 день писали мы винчесменованные за Самару отпискою къ помянутому Волкову о прѣходѣ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизцовъ что прѣшли воинскии люди вышеизначенныи выше нашего городка великииъ собрались въ полонъ взяли нашихъ казаковъ восемь человѣкъ и чтобы оной Волковъ по получении нашей отписки былъ отъ приходу воинскихъ людей въ великомъ описании и числь бы про прѣходъ воинскихъ людей на предлежащія города и уезды и оной Волковъ той нашей отпискѣ не поверилъ и насть предлежащія города и уезды не послалъ и отъ тѣхъ воинскихъ людей учинилось вотчинѣ твоей Великій Государь раззореніе воинское; да по прїѣздѣ той же помянутой нашей станици въ Самару подиоругчикъ Иванъ Порецкой поймалъ нашихъ яицкихъ казаковъ шесть человѣкъ и держалъ въ колодкахъ подъ карауломъ и помянутые станици атаманъ Иванъ Тимофеевъ объ тѣхъ казакахъ ему Порецкому пришель и сталъ говорить что де за какое дѣло поймани казаковъ и держишь подъ карауломъ и воинской Порецкой оному атаману о пойманіи казаковъ неотвѣтствованъ и его атамана и со есаулы посадилъ подъ караулъ же въ колодки и сидѣ-

ли въ колодкахъ сутки потопь и вынудить ихъ на расписку а за какое дѣло оной Порецкой поманутаго атамана и есауловъ держаль подъ карауломъ въ колодкахъ про то мы раби твои не вѣдаемъ; да оной же Порецкой въ поманутой же станице поймалъ нашихъ же казаковъ четыре человѣка ко торыя къ намъ рабами твоими съ Самары пришли за житѣемъ и служили Вашему Царскому Величеству съ нами въ казакахъ лѣтъ по 13 и по 14 и тѣхъ казаковъ безъ Вашего Царскаго Величества указу поверсталь въ солдаты, да изъ поманутые же станицы въ Самарѣ фискалъ поймалъ нашего казака Ивана Махаблова и вызвалъ его своимъ крестьяниномъ въ крѣпостей на него не положиль и везь въ свою вотчину въ поманутой казакъ служилъ намъ Царскому Величеству двадцать лѣтъ. Да въ прошломъ 717 году по твоему же Великаго Государа указу были отъ насъ отправлены въ Хивинской походъ съ господиномъ княземъ Черкасскимъ 1500 человѣкъ изъ того походу въ прошломъ 717 году которыхъ бѣжали тридцать три человѣка и тѣхъ мы бѣглецовъ поймавъ держали подъ карауломъ и писали въ Казань отпескю бляжнему боярству и прежде бывшему казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи о учиненномъ за побѣгъ ихъ указу и по отчинѣ нашей изъ Казани приславъ былъ Великаго Государа указу въ которомъ написано чтобъ за побѣгъ такихъ бѣглецовъ учинить намъ рабамъ твоимъ за Яикъ по своему казачьему обыкновенному суду какъ обстоять право и потому Великаго Государа указу изъ тѣхъ бѣглецовъ и въ войскомъ четырехъ человѣкъ казнили смертью, а другихъ бѣглецовъ были по обыкновенному своему суду въ риچакъ чтобъ напредъ такимъ бѣглецамъ съ твоей Великаго Государа службы бѣгать было не повадно; и въ прошломъ 719 году по прїездѣ къ намъ за Яикъ поманутой Кротковъ бѣглыхъ поманутыхъ казаковъ которые были по указу Вашего Царскаго Величества отъ насъ наказаны пелѣть всѣхъ сыскать и держать подъ карауломъ и мы войскомъ по его Кроткаго приказу сыскавъ держали подъ карауломъ до отѣзда его и какъ разыскавъ насъ рабовъ твоихъ поманутой Кротковъ по отѣзду своей въ Казань тѣхъ поманутыхъ казаковъ двадцать девять человѣкъ взяли съ собою въ Казань, повеже оной Кротковъ не вѣри твоему Великаго Государа указу что по которому мы раби твои оныхъ казаковъ за побѣгъ ихъ чинили наказаны по своему казачьему обыкновенному суду, и привезучи къ Казань поманутыхъ казаковъ разобрали поманщи во крестьянство въ другихъ поверстали въ солдаты; да оной же Кротковъ въ прїездѣ своей бралъ самовольно во крестьяне женъ и дѣтей и съ пожитками, которыхъ мужья ихъ служа тебѣ Великому Государю въ Хивинской походѣ побиты за смерть, а круглѣ и выѣхъ въ путь у тѣхъ казаковъ и отъ того Кроткова поручника вышеписанныхъ казаковъ службъ домы ихъ разорились безъ остатку.

Всемилостивѣйший Государь просимъ Вашего Величества да повелѣть Ваша Царская Держава наше нижесловленныхъ рабовъ твоихъ со смиль

донасителемъ Карташевымъ и съ поимянутымъ атаманомъ Бородинымъ и съ поизвестившимъ донасителемъ отцомъ Матвеемъ Мироновымъ съ товарищи и съ призывными офицерами о вышеписанныхъ нашихъ обедахъ и налогахъ разыскать въ Санктпетербургъ, а что у насъ рабовъ твоихъ которые офицеры въ подъячие въ прѣздѣ своемъ брали взятки и что которому офицеру въ прѣздѣ своемъ изненательство чинилъ намъ рабамъ твоимъ и то писано подъ сию челобитною росписью.

Вашего Величества нижайше раби запольныя рѣки Яикъ яицкія атаманы казакъ Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые казаки 2600 человѣкъ, 1720 году октября въ „ „ „ день. Къ сей челобитной вместо войскового атамана Ивана Иванова и всего яицкаго войска по ихъ велѣнію Алексѣевскія церкви священникъ Евѳимъ Климентьевъ руку приложилъ.

Р О С П И С Ь

которые офицеры прѣѣзжали къ намъ на Яикъ и что которой офицеръ съ войсками и порознь нападками бралъ и кто именно и то явствуетъ ниже сего.

Въ прошломъ 717 году въ которомъ и-ца въ числѣ того неупомянутъ при атаманѣ Григоріе Меркульевѣ прибылъ къ намъ на Яикъ дворянинъ Тихонъ Волковъ съ указомъ Государевымъ о крестьянахъ свѣтлѣйшаго князя и взялъ съ насъ 100 руб. да онъ же Волковъ взялъ съ насъ колчью шубу цѣною 20 руб. да съ казака Василья Першина взялъ онъ же Волковъ два кума-ча; а въ прошломъ 718 году въ которомъ и-ца въ числѣ неупомянутъ при бытности атамана Степана Иванова какъ прибылъ къ намъ на Яикъ порутчикъ Иванъ Наумовъ для взятия старыхъ людей и опой поимянутой Тихонъ Волковъ съ иныхъ же прибылъ къ намъ рабамъ твоимъ на Яикъ съ указомъ Великаго Государа по которому учинено крестисе цѣлонанѣ за ви-слѣдника Государи Царевича Петра Петровича и того числа было время рыбной ловли, и мы раби твои нехотя отстать рыбной ловли дали ему Вол-кову 100 рублей и иныхъ такихъ деньги отпустить къ дорогу и послѣ того числа съ вышеописаннымъ порутчикомъ Наумовымъ онъ же Волковъ нападкою великою взяли 200 рублей да иному же порутчику и Волкову дворянину послѣ тѣхъ взятковъ харчень и питья переданыю всего на 60 руб. 10 алтынъ.

И въ томъ же 718 году какъ прибылъ къ намъ на Яикъ ундеръ-офи-церъ Григорій Черкасчинъ съ указомъ Великаго Государа для взятия старыхъ людей по оговору того же поимянутаго вора измѣника Каргашева и стать спрашиватъ безвременно въ скорыхъ числахъ и тѣхъ людей у насъ неприлучилось дома и отъ того мы раби твои дали ему деньги и хар-чень 8 руб. 16 алтынъ 4 деньги; да того же 718 году какъ прибылъ къ намъ рабамъ твоимъ на Яикъ по оговору того же вора измѣника Карта-

Матфей Мироновъ, а съ нимъ было 500 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 30 руб., есауламъ двумъ человѣкамъ по 22 руб., знаменщикамъ дано четыреимъ человѣкамъ по 20 руб., рядовымъ по 18 руб. человѣку. Итого 7563 рубли.

9) Походъ въ тогъ же вышеписанный походъ отправленъ атаманъ *Матфей Рекуновъ*, а съ нимъ 500 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 28 руб., есауламъ 4 человѣкамъ по 22 руб., 4 человѣкамъ знаменщикамъ по 18 руб., рядовымъ по 16 руб., а твоего Царскаю Величества жалованья оныхъ казакамъ дано на Самаре по 5 руб. человѣку. Итого 8044 р.

10) Походъ въ польскіе города, отправленъ атаманъ *Митрофанъ Чиминовъ*, а съ нимъ было 500 человѣкъ, а твоего Царскаю Величества жалованья прислано было по 10 руб. человѣку, да мы же рабы твои дали имъ на подъемъ: атаману 20 руб., 4 человѣкамъ есауламъ по 12 руб., знаменщикамъ 4 чел. по 10 р., рядовымъ по 8 руб. Итого 4036 рублей.

11) Походъ на измѣнники башкирицы, посланъ атаманъ *Федоръ Семенниковъ*, а съ нимъ было 1225 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 20, есауламъ десяти человѣкамъ по 10 руб., знаменщикамъ десяти человѣкамъ по 8 руб., рядовымъ по 3 рубли. Итого 3875 рублей.

12) Походъ подъ Кубань, атаманомъ былъ *Кононъ Никоновъ*, а съ нимъ было 1000 человѣкъ, подмоги имъ дано: атаману 35 руб., есауламъ шеста человѣкамъ по 25 руб., знаменщикамъ 6 человѣкамъ по 20 руб., рядовымъ по 14 руб. Итого 14123 руб.

13) Походъ подъ Харьковъ, атаманомъ посланъ былъ *Матфей Ивановъ*, а съ нимъ было 1500 человѣкъ, а твоего Царскаю Величества жалованья прислано было къ нама на Яикъ на подъемъ по 5 руб., а мы рабы твои имъ же на подъемъ давали по 15 руб. человѣку, а какъ прибыли мы походными войсками за укрывшися походъ подъ Харьковъ, дано вами рабамъ твоимъ по 5 руб. же на человѣка, а станичнымъ довольное излишество: атаману 40 руб., есауламъ по 25 руб. 8 человѣкамъ, да знаменщикамъ 8 человѣкамъ по 20 руб., рядовымъ вышеписанное по 15 руб. человѣку. Итого 22642 рубли.

14) Походъ съ княземъ *Александромъ Черкасскимъ*, атаманъ былъ отправленъ *Иванъ Котельниковъ*, а съ нимъ было 100 человѣкъ, а подмоги имъ дано: атаману 40 руб., есаулу 30 руб., знаменщикамъ двумъ по 25 руб., рядовымъ по 20 руб. Итого 2040 руб.

15) Походъ съ нимъ же княземъ *Черкасскимъ*, атаманъ былъ отправленъ *Зиной Михайловъ*, а съ нимъ было 500 человѣкъ, подмоги имъ дано: 45 руб. атаману, есауламъ 4 человѣкамъ по 30 руб., знаменщикамъ 4 человѣкамъ по 25 руб., рядовымъ по 15 руб. человѣку. Итого 7630 руб.

16) Походъ съ вышеписанными же князями *Черкасскимъ* въ прошломъ

716 году, атаманъ Никита Трифановъ, а съ нимъ было 1102 человѣка, а подмога имъ дано: атаману 42 руб., полковнику 35 руб., есауламъ по 32 руб. четыремъ человѣкамъ, писарю 20 руб., рядовымъ по 14 руб. по 16 алтынъ по 4 деньги человѣку. Итого 14905 рублей.

17) *Походъ по вторичному твоему Великаго Государя указу велико выслать съ нимъ же княземъ Черкасскимъ 398 человѣка и мы рабы твои отправили атамана Ивана Котельникова, а съ нимъ 398 человѣкъ, а подмоги имъ дано: атаману 40 руб., есаулу 30 руб., знаменщикамъ двоимъ человѣкамъ по 25 руб., рядовымъ по 22 рубли человѣку. Итого 4652 руб.*

И всего во оные походы дано подъемныхъ денегъ 119728 рублей.

Да въ нынѣшнемъ 720 году марта въ день присланъ къ намъ на Яикъ Его Царскаго Величества именной указъ изъ Государственной высокославной иностранныхъ дѣлъ коллегіи, а въ указѣ Великаго Государя сказано чтобы намъ рабамъ твоимъ всему яицкому войску быть въ готовности куда Его Царское Величество велъ повелить и мы рабы твои по твоему Великаго Государа именному указу были во всякомъ описаніи и готовности. Къ сей членобитной и росписи войсковой виѣсто войскового атамана Ивана Иванова и всего яицкаго войска по ихъ величинѣ церкви Михаила Архангела священникъ Яковъ Артемьевъ руку положилъ".

(Фотографическая копія съ подписи священника Артемьева въ послѣднаго листа этой членобитной приложена къ настоящему очерку).

Годинагошно У^ГР^Д града & марта въ ^{дн^и} 26
 прииде ^к князь Иванъ царя присланъ величайши
 Имено упазъ изъ приставы въ сане
 Служка князя Германа тѣль Коллеги
 изъказе великородъ рѣчи писаны чѣмъ
 Надѣялся ^{тѣлою} всему бывшему и
 бывшему бысть прѣподобности ~~бога~~
 Царя присланъ величествомъ Надѣялся
 да моя рабъ ^{тѣлою} поднесицъ величайшаго
 Губы именемъ упазъ были бывши
 Опасеніи прѣподобности ~~бога~~ чесъ
 Бытии иконы ~~бога~~ доколи
 дѣлъ (то) доколи апостолъ
 Иаковъ бывшъ въ (бѣ) А
 ического дѣлъ доколи дѣ
 леніи прѣкодъ иконы а
 архангела Симеона ^{къ} въ
 дикой азгельевѣ ^{въ} рѣкѣ
 Тубыложи

Приложение XIII.

Челобитный казановъ и другіе матеріалы, относящіеся къ Сѣверной войнѣ.

1) Челобитная Яицкаго казака Григорія Субботина.

„Державинѣшій Царь Государь Милостивѣшій.

Въ прошлыхъ Государъ годехъ по власті города Выборга посланъ я нижайшій изъ города Выборга отъ бригадара что нынѣ генераль маюоръ Григорія Петровича Чернышева изъ Санктпетербурга съ цисьмами и за дорогъ подъ Муловою мызною взяли меня нижайшаго въ половъ шведскіе вепріательскіе люди и отвѣли изъ Стокгольма въ неволь десѧть лѣтъ и въ прошломъ 1720 году въ осень вывезли насъ вижайшихъ изъ Стокгольма въ Ревель на Шведскому кораблю и отдали коменданту и отъ коменданта присланы въ Санктпетербургъ въ военную коллегію для выбора въ солдатскую службу.

Всемилостивѣшій Государь прошу Вашего Величества повели Государь за свое мое положеніе терпѣвіе приверстать меня въ казачью службу поваже отецъ мой служить и выѣтъ братъ мой служить и я служить Тебѣ Великій Государь изъ Яицкаго казачью службу.

Вашего Величества нижайшій рабъ лицей казакъ Григорій Субботинъ 1721 году генваря въ день къ себѣ человѣтной вѣсто Григорія Субботина по его прошевію коллегіи иностранныхъ дѣлъ капраль Петръ Соболевъ руку приложилъ.

1721 года генваря въ 9 день записавъ въ книгу допросить о всѣмъ человѣтчика.

И сего генваря въ 11 день въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ лицей казакъ Григорій Субботинъ допрошіянъ, а въ допросѣ сказали:

Уроженецъ де овъ заїдкаго городка казачій сынъ отецъ его Василій Субботинъ тугощней ли быль уроженецъ или пришой того онъ не знаетъ потому что овъ отъ отца своего остался изъ малыхъ лѣтъ, а овъ Григорій на ликѣ и роднѣ и отъ роду ему сорокъ сѧмъ лѣтъ. И въ прошлыхъ годехъ, а въ которомъ именно не упомянуть передъ наческимъ взятымъ высланъ овъ Григорій съ линку на службу Великаго Государя изъ другой Нарской полодъ съ атаманомъ Михаиломъ Гекуновымъ, всего икъ было въ высылкѣ пять сотъ человѣкъ и служили при арміи подъ командою полковника Дмитрия Бахметева и въ 710 году

по взятии города Выборга посланъ онъ Григорій да другой съ нимъ уфимской казакъ Василий Марышъ изъ Выборга въ Санктпетербургъ къ генераль-лейтенанту и оберъ-команданту Роману Вилимовичу Брюсу отъ бригадира, что выѣтъ генераль-маіоръ Григорія Петровича Чернышева съ письмами и на дорогѣ отъ Выборга въ тридцати верстахъ подъ Муромою напали за нихъ живики и взяли ихъ въ полонъ и отвели ихъ въ Абовъ и были они въ Абовѣ мѣсяца съ четыре и потомъ отвезли ихъ въ Стокгольмъ¹⁾ и держали ихъ въ Стокгольмѣ за арестомъ четыре года, а изъ Стокгольма свезены они за островъ Васильск и на томъ островѣ держали ихъ три года, а съ острова Васильск свезены они съ другими русскими арестантами въ мѣстечко Икши и въ томъ мѣстечкѣ держали ихъ годъ, а изъ того мѣстечка вывели ихъ въ мѣстечко Лянконнинъ и держали ихъ въ томъ мѣстечкѣ годъ, а изъ того мѣстечка перевели ихъ въ мѣстечко Копорберье и въ томъ мѣстечкѣ были безъ маіа годъ и изъ того мѣстечка вытали въ Стокгольмъ и въ Стокгольмѣ были мѣсяца четыре изъ Стокгольма прошедшаго 1720 году въ сентябрѣ вывезли ихъ русскихъ полонянниковъ всего двѣстѣ восемь человѣкъ въ которомъ числѣ ихъ яицкихъ казаковъ было два человѣка на шеецкомъ кораблѣ въ Ревель въ отдании они всѣ генералу и оберъ-команданту фонъ Дальдену и по разбору его генерала яицкой ихъ казакъ Никита Болдыревъ въ Ревель привержтана въ солдаты въ Эстляндской полкѣ и выѣтъ въ Ревель, а онъ Григорій съ другими вывезенными русскими и черкассы всего 98 изъ Ревеля присланы въ военную коллегию къ смотрѣ. Къ сому допросу выѣсто яицкаго казака Григорія Суботина по его велѣнию яицкой ставицкой писарь Алексей Никитинъ руку приложилъ*.

Вышеписанный казакъ Григорій Суботинъ отпущенъ въ домъ его приговоръ и отпущенъ въ донскихъ дѣлахъ и дано ему на дорожный проездъ рубль.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 171, 172).

2) 1709 г. апр. 21. Дѣло по прошенію Донскихъ и Яицкихъ пѣтнныхъ казаковъ атамана Кондр. Никифорова съ товарищами, всего 41 челов., объ освобожденіи ихъ изъ заключенія въ Стокгольмѣ.

(Моск. Арх. М. Ин. Д., по III реестру Донскихъ дѣлъ, св. 25, к. № 5).

„Державицій Царь Государь Милостивицій.

Въ прошломъ Государь 1708 г. по Твоему Величайшему Государству указу неѣло вакъ бытъ на твоей В-ї. Государя службѣ въ Польшѣ противъ Слѣскихъ людей съ войсковыми атаманами съ Максимомъ Фроловымъ да со яицкими атаманами съ Митрофаномъ Пимоновымъ и какъ служили имъ противъ тѣхъ всерѣтей Свѣтскихъ людей въ Польшѣ въ мѣстечкѣ Йамши-

1) Стокгольмъ. Прим. авт.

кахъ противъ Вѣшневѣцкаго и Свѣскехъ людей въ баталіи и на той баталіи взяли нась Донскихъ и Яцкихъ казаковъ сорокъ одинъ чл. въ полонъ и взяты привели въ Ригу и въ Ригѣ были скоро, а изъ Риги отвезли нась за море въ Стекольное¹⁾ вмѣстѣ съ Московскими невольниками и сидимъ въ Стекольной въ Баргушѣ въ крѣпи и въ великой нуждѣ, въ королевского величества идеть насть хлѣбъ. Всемилостивѣйшій Государь просилъ Вашего Величества для Соаса и Пресвятыхъ Богородицы и для своего Государева ангела хранителя и для своего Государскаго многогодѣтнаго здравія вели Государь обѣ нась бѣдныхъ невольникахъ Донскихъ и Яцкихъ казакахъ свою Государеву милость гказъ учинить чтобы насть бѣдныхъ будучи въ невѣльѣ напрасною смертью не помереть, а мы бѣдные невольники Тебѣ Великому Государю желаемъ служить вѣрио и за Твоє Великаго Государа многогодѣтное здоровье Бога молить вѣчно. Вашего Величества нажайши рабы Донские и Яцкие казаки атаманъ Кондратій Микафоровъ, Федоръ Ашиара, Василій Вѣлуга, Федосей Бабской, Яцкой казакъ Тимофей Горшковъ, Потасъ Григорьевъ, Родіозъ Кумшацковъ съ товарищи сорокъ одинъ человѣка нынѣшняго 1709 г. генваря въ 19 день".

Болѣе въ этомъ дѣлѣ вѣтъ ничего и какая судьба постигла создавшихъ эту чадобитную — неизвѣстно. На чадобитной имѣется такая надпись: „Сю чадобитную отдать въ чосольскій приказъ. Секретарь Василій Степановъ, а сказать, что ему поручалъ эту — боярину Тихону Никитичу Стрешневу, и дабы послать сю чадобитную въ походъ. Отдана апрѣля въ 21 день 1709 году.

Изъ другихъ документовъ, которые могутъ пролить хотя иѣкоторый свѣтъ на дѣятельность яцкихъ казаковъ во время Сѣверной войны, а также и въ другихъ походахъ и хотя сдвигъ наѣтъ путь, по которому онишли въ этой войѣ, служить сказки старшинъ и казаковъ во времена слѣдствія въ 1718, 1719 годахъ и надѣ атаманомъ Прѣтконымъ въ 1739 г., а также показанія другихъ лицъ и иѣкоторыхъ данныхъ изъ переписи Захарова. Показанія изъ нихъ наиболѣе существенны.

3) Показаніе наказнаго атамана Прѣткова.

Родился я въ Яцкѣ казачій сынъ, отъ рода маѣ лѣтъ съ падесать. Въ службѣ Ея Императорскаго Величества состоялъ при яцкомъ войскѣ и съ 709 года и былъ въ походахъ (1) на полтавской баталіи (2) въ турецкой акціи (3) съ кнізенъ Черкасскимъ за Астрахань до Красныхъ горъ праворщикомъ (4) въ визомомъ короусе въ камандѣ у генерала Владимира Петровича Шереметева, Гаврила Семёновича Кроопотова полтара

¹⁾ Въ загородѣ дѣла города этотъ называлъ Отоколовъ.

года и быть тамъ есауломъ (5) по требованію статского советника Кириллова былъ съ пятью стами человѣкъ атаманомъ и не дошевъ до Сакмары возвращенъ съ тою командою въ Самару, а изъ Самары въ Мензелинскъ къ господину генералу лейтенанту и кавалеру Румянцову въ которомъ былъ до половины лѣта и отпущенъ съ войскомъ по прежнему въ домъ.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга № 11/4, листъ № 4, листъ 1).

Показаніе Пряткова интересно тѣмъ, что онъ единственный говорить о „Турецкой акціи“ и въ тоже время, участвуя въ Полтавской битвѣ, говорить, что поступилъ на службу въ 1709 г., а не въ 1707 г., (во время наряда послѣдней станицы Алешина). Изъ этого можно только вывести два заключенія: что или Прятковъ ошибся годомъ службы или въ 1709 г. была командирована еще какая-либо станица къ Полтавѣ.

4) Показаніе старшины Тимофея Истомина.

Въ службѣ при Яицкомъ войске тому летъ съ тридцать и былъ въ походахъ 1) съ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ въ тысяче человѣкъхъ противъ бутовщиковъ воровъ башкирдовъ когда Алдарка воевалъ редовыми 2) съ походнымъ атаманомъ Конономъ Услениковымъ въ тысяче человѣкъхъ подъ кубаны редовыми и въ протчиъ походахъ изъ городка Яицкъ противъ киргизцевъ свою братью.

(Тамъ же, листъ 78).

Это показаніе интересно потому, что въ немъ указывается фамилія походного атамана Конона Никѣева.

5) Показаніе старшины Андрея Кузнецова.

Въ службѣ при Яицкомъ войске летъ съ тридцать пять и былъ въ походахъ 1) до Полтавской битвы юда за полтора съ походными атаманами Митрофаномъ Пименовымъ сыномъ Алешинымъ въ пять стахъ человѣкъхъ противъ спичечного генерала Лесенкупта подъ Леснимъ въ битали, потомъ на другой годъ на битали же подъ полтавскою въ полтавской битали пошли въ польшу во ста человѣкъхъ съ атаманомъ Климономъ Кузминскимъ сыномъ Портниковымъ знаменщикомъ, а на польшу въ комѣрчю и далее где былъ въ польшѣ и въ другихъ государствахъ всего девять летъ 2) Потомъ командированъ изъ Яицкаго города въ низовий корпустъ съ атаманомъ Гаваночъ Турыбреннымъ въ пять стахъ человѣкъхъ знаменщикомъ поль-третью года 3) когда калмыки волновались съ походнымъ атаманомъ Гаваночъ Меркульевымъ въ тысяче сори стахъ человѣкъхъ знаменщикомъ до красного яру і о протчиъ походахъ изъ городка свою братью противъ киргизовъ былъ же.

(Тамъ же, листъ 89).

6) Показаніе наказнаго атамана Копѣчнина.

Въ службѣ Ея Імператорскаго Величества при Яицкомъ воіске за пять летъ до азовскаго похода и былъ въ походахъ до азовскаго походу 1) когда казака яицкаго Качерина киргизъ каїсаки убили съ атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ 2) въ первомъ руделевскомъ походе съ атаманомъ Иваномъ Серпуховскимъ сыномъ Витошновымъ 3) когда на бывшаго хана Юку дети его вавилоновались тогда былъ съ поминутныи атаманомъ Федоромъ Семенниковымъ казакомъ 4) когда башкирец Алдарка бутоваль тогда былъ съ поминутныи же атаманомъ Семенниковымъ 5) какъ сперва послы были казаки въ азовской корпусъ былъ съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановимъ и били тамъ полтора года 6) паки въ назовомъ корпусе былъ съ атаманомъ Михаиломъ Кундриновимъ одинъ годъ есауломъ, а въ вышеписанныхъ походахъ былъ редовничи въ протяжнъ походахъ отъ Яицкаго воіска бывалъ противъ киргизъ каїсаковъ.

(Тамъ-же, листъ 105.)

7) Показаніе казана Леонтия Афонасьева (въ 1718 г.).

„Съ графомъ Петромъ Матвеевичемъ Апраксиниимъ въ походѣ съ атаманомъ Матвеемъ Прикащиковымъ есауломъ былъ”. (Въ Иловѣ въ Харьковской походѣ).

(Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 231—236).

8) Показаніе казана Ивана Иванова Витошнова (1719 г.):

„Отецъ его Иванъ Сергиевъ старинный Яицкій казакъ и умер на службѣ въ Шведскомъ походѣ”.

(Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. № 29, листъ 4. Списъ Кроткова.)

9) Изъ Челобитной Яицкаго войска царю Петру въ 1719 г.

„Атаманъ Витошновъ... былъ въ первомъ Руделевскомъ походѣ атаканомъ умро... Матвѣй Ремуловъ былъ атаканомъ подъ Выборгомъ убатъ”.

(Тамъ же, опись 107, кн. 54, листы 20—33).

10) Показаніе казана Федора Донского (въ 1718 г.).

„Какъ по нараду выслано съ Яику въ первый Нарвскій походъ 600 человѣкъ казаковъ въ томъ числѣ онъ Донской былъ есауломъ и какъ прибыли къ Моккуну... встали въ Сущевъ слободѣ... (далѣе говорится о поимѣ участника убийства атамана Ивана Бѣлоусова казака Оськи Филимонова)... и потомъ пошли изъ Москвы на службу въ Нарвскій походъ”.

(Тамъ же, книга 54, листы 812—817).

Это единственное показаніе о походѣ подъ Нарву станицы Витошнова. Но оно противоречитъ членобитной казаковъ въ 1720 г. (см. прил. XII), тѣмъ годъ похода указанъ 1701, а Нарва взята въ 1700 г., а также и

показанія старшини Кообечкина и членовъ войска въ 1719 г. (смот. пун. 6 и 9 этого приложения), где походъ названъ Руделевскимъ и Ругодевскимъ.

11) Показанія казаковъ при переписи Захарова. (1723—25 г.).

1) Показаніе казака Василія Донскова: „отець мой Андрей Донсковъ убить въ Шведскомъ походѣ”.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 28, стр. 1824).

2) Показаніе казака Василія Азовскова: „отець мой Антиохъ Азовскій убить подъ Мезелинскъ”.

(Тамъ же, стр. 1824).

3) Показаніе каз. Алексея Феклистова: „исповѣдался въ Хивинскомъ походѣ въ городѣ Валкахъ”.

(Тамъ же, стр. 1403).

4) Пок. каз. Засухина: „быть въ Харьковскомъ походѣ и тамъ быть на исповѣди въ Кругсоцкомъ уѣздѣ, въ селѣ подъ Краскомъ”.

(Тамъ же, листъ 87).

5) Пок. каз. Назарова: „отець мой умеръ въ Крымскомъ походѣ”.

(Тамъ же, листъ 14).

6) Показаніе работника Степана Васильева: „живу у казака Василія Арапова, швѣдъ города Калми, завоеванъ Яицкими казаками и крещенъ въ 1710 году.

(Тамъ же, листъ 348).

7) У него же другой работникъ швѣдъ: „швѣдъ города Вазы, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками въ сень сотъ третьемъ на десять году (1713 г.), крещенъ въ 1719 г.”

(Тамъ же, листъ 349).

8) Тоже у него работникъ: „швѣдъ мыстечка Узы, завоеванъ въ крещенъ Яицкими казаками въ сень сотъ второмъ на десять году (1712 г.)”.

(Тамъ же, листъ 349).

9) Пок. работника Ивана и Егора Алексеевыkh: „швѣды — чухонимъ, завоеваны Яицкими казаками Алексеемъ Кулакинимъ съ товарищами и приведены на Яику: — Иванъ въ 1720 г., а Егоръ въ 1706 г., и живутъ у Кулакина”.

10) Пок. работника: „чухонецъ швѣдъ, завоеванъ подъ Новыи Гродомъ, проданъ московской таможни сторожу Михайлу, а онъ продалъ его Яицкому казаку Семену Чернову въ 1717 году”.

11) Тоже: „Василій Королинъ, фискалнецъ, городка Короли, чухонецъ, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками, года не помнить” (листъ 349).

12) Тоже: „швѣдъ, города Ваны Карбы, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками”.

(Тамъ же, листъ 350).

шева для розыску капитанъ Кемецковъ и въ то чвло мы раби твои были на съявыхъ покосахъ и помянутой капитанъ Кемецкой сталь насть изневажить и съ съявыхъ покосовъ сбивать и оттого мы дали ему капитану Кемецкому дано 100 руб. и взявши съ насть такія деньги еще отпустилъ на сѣнокось, да еще онъ же Кемецкой неотущалъ насть въ степь посоль для своей бездѣльной корысти и мы раби твои нехотя отстать отъ таковой поездки дано ему 120 руб. и взявъ такія деньги и отпустилъ въ степь.

Да ему капитану Кемецкому харчемъ въ пятьемъ и дровами и сѣномъ и отъ провожатыхъ которыхъ онъ насесалъ съ собою коя за старастю немогутъ на ковъ сѣсть и отѣхъ отъ всѣхъ налогу передавано ему 261 рубль 16 алтынъ.

Да по его же капитана Кемецкаго залогъ дано солдатамъ которые съ нимъ были 32 руб.

Р О С П И С Ъ

что капитанъ Кемецкой взялъ порознь и съ кого взять и то писано ниже сего.

Съ атамана Степана Филимонова взялъ нападкою лошадь цѣною 10 р.

Да старыхъ людей которыхъ бралъ въ сторожи съ Якова Никонова взялъ 5 алтынъ, съ Максима Иванова взялъ 7 алт. да съ Трифона Филиппева 1 рубль, да онъ же Кемецкой развора казачій куревъ изабралъ весь казачій пожитокъ къ себѣ а пожитку на 40 руб. да съ казака взялъ Михаила Филиппева нападкою денегъ 9 руб. да четыре кумача, да съ казачьей жены Феклы Екимовой взялъ нападкою 2 руб. да кумачъ въ полъ, 2 руб., да съ татарина Ямансары взялъ кумачей и занавѣсокъ на 3 руб., да съ казака съ Григорія Евстаѳева взялъ лисицу цѣн. 1 руб., да съ казака Федора Никитина онъ же взялъ нападкою 1 руб. 16 алт. 4 деньги.

Да въ прошломъ 719 году апрѣля въ 7 день при вѣдомости атамана Никиты Бородина по оговору прежде поминутаго же вора изменика Карташева присланъ изъ Казани поручикъ Егоръ Кротковъ для розыску къ наимъ рабамъ твоимъ и по прибытии своеемъ къ наимъ въ Янькъ оной поручикъ Кротковъ сталь насть рабовъ твоихъ изневажить и на рыбную ловлю не отвущать и мы раби твои нехотя раззориться до конца и отъ той рыбной ловли отстать дали ему 200 руб. да Фискалу Михаилу Путилову который съ нимъ же Кротковымъ присланъ былъ ему дано отъ той же залоги 200 р., да подьячими которыми были съ нимъ же Кротковымъ у розыску Ивану Муронцеву дано 50 руб. да подьячemu Ивану Овчинникову дано 20 руб. да самарскому подьячemu фискальскимъ зѣль Икову Соболеву дано 15 руб. да священнику который присланъ изъ Казани отъ архіерея для изслѣдованія духовнаго дѣла и иной священникъ Симіонъ сталь также непорядочно чинить и въ духовномъ дѣлѣ нападать напрасно и оттого дано ему 50 руб

Да самарскому дворянину дано отъ тойже Егорова нападки самарскому дворянину 5 руб.

Да по егожъ поручику Кроткову велѣнію дано солдатамъ шести человѣкамъ дано 9 руб.; да ему же вышеписанному поручику Егору Кроткову и Фискалу Михаилу Путялову и при немъ дворянину подъячимъ и священнику и солдатамъ харчъ и пойло и девыгами и за подводы и на сѣно и на дрова и всякихъ налогъ дано 200 руб. 12 алтынъ.

Роспись что по рознь взять съ кого нападкою жь.

У Степана Филимонова взялъ ковъ въ 50 р.; Иванъ Муромцевъ подъячій у него жъ коверь въ 7 р.; да онъ же Кротковъ взялъ съ Емельяна Силкина нападкою 7 рублей, да съ казака же взялъ съ Петра Попова 10 рублей.

Да фискалъ Михаила Путялова съ помянутаго Степана Филимонова взять овечину астраханскую въ 1 руб. 1 алтынъ 4 деньги да бѣлужью синину въ полтину.

Да онъ же Кротковъ взялъ у казака Дмитрия Макарова азбуку скорописную писащи золотомъ дава 1 руб. да онъ же Кротковъ заставливалъ дѣлать лисицъ 55 да 60 косороковъ и оттого дѣла недалъ 4 руб. да онъ же Егоръ дѣлалъ 6 уздъ а девыги не далъ а денегъ доведется взять 2 руб. 5 алтынъ, да съ казака съ Овдокима Лаврентьевна взялъ 5 алтынъ, да казаку Якову Сосновцу за токарную работу недалъ 1 р. 5 алт., да съ казачьей жены Аны Филипповой взялъ денегъ 5 руб., да фискалъ Михаила Путялова взять со вдовы Варвары Семеновой 7 алтынъ денегъ, да подъячій Иванъ Муромцевъ взялъ съ той же вдовы 5 алтынъ денегъ, да съ Никиты Шапошникова взять две лисицы дани 2 руб. 5 алт., да съ казака Овдокима Лаврентьевна взялъ онъ же Муромцевъ 6 алтынъ, да у Ивана Муромцева взять фурму дана 1 руб.

Да помянутой Кротковъ съ Михаилы Благоуродиваго 7 р. и всяких мелочи на 2 руб. 5 алт., да съ казака Авдакина Лаврентьевна взялъ 5 алтынъ, да портному мастеру платили за него Кроткова мы раби твои за работу всемъ воинскомъ 4 руб., да съ Ивана Семенова взялъ онъ же Кротковъ десять лисицъ иныхъ лапчатой лисей иского на 16 руб.

Да у татарина Иванки Салмини взялъ онъ же поручику Кроткову пшена цѣлу ему 6 р., да у татарина же Чагора взялъ лошадь въ 10 р., да съ Никиты Шапошникова взялъ 4 лисицы дани 9, да съ казака же Григория Кастьева денегъ 15 р., да десять лисицъ иныхъ лапчетой лисей всего на 16 р., да съ татарина Емансири взялъ арякъ въ 4 р., да фискалъ Михаила Путялова съ казачьей жены вдовы денегъ 2 р., и всякихъ харчей стало напль 3 алт. 2 ден. да онъ же казачьей жены вдовы Елены Черновой 2 р., да съ казака Никиты Шапошникова взялъ четыре лисицы 2 р. 5 алт. дани, да съ Овдокима Лаврентьевна взялъ полтину.

Да самарской дворянинъ Григорій Авдокимовъ съ помянутыя вдовы жены Черновой банныхъ денегъ 1 р. Да самарской подьячей Иванъ Овчинниковъ взялъ съ Никиты Шапошника двѣ лисицы цѣна 2 р. 5 злт. Да онъ же порутчикъ Егоръ Кротковъ отдалъ у казака Клементыя Иванова дворъ и отнявъ продалъ цѣна 50 р., да оной же Порутчикъ Егоръ Кротковъ браль насильствомъ нашихъ казаковъ и ихъ женъ и дѣтей во крестьянство и дома съ пожитками собравъ распродалъ, да оной же Кротковъ которая наши яицкіе казаки отправлены были въ походъ съ казацемъ Черкасскимъ изъ того походу бѣжали и по указу Вашему Царскаго Величества и по нашему обыкновенному суду наказаны были я онъ тѣхъ казаковъ забралъ съ собою въ Казань а оставшия по наихъ отцы и матери и жены и дѣти и дома браль къ себѣ во крестьянство и дома ихъ продавалъ и пожитки ихъ къ себѣ забралъ да съ ними же Егоромъ вышеписаннымъ порутчикомъ Кротковымъ отъ иныхъ помѣщиковъ пріѣзжали приказчики а именно отъ Никифора Маркова пріѣзжалъ приказчикъ его и побралъ у насъ тавожъ казачихъ женъ и дѣтей.

Да вышепомянутой фискалъ Михайла Пугиловъ будучи у насъ работъ твоихъ на Яикѣ привезъ доношеніе у нашего же яицкаго казака, которой одолжавъ величими долгами и жаль въ пріертье, у Афавасы сына Назарова а въ доношениі писать которая казаки били ченою замъ яицкому войску обѣ отпускѣ въ калинцкую орду для иѣны коней про свой обиходъ и будто тѣ казаки на везли съ собою свинецъ и порохъ и помянутый фискалъ Михайло Пугиловъ приставя и досматривъ у нихъ и такого свинца и пороху необысканъ и держалъ ихъ для своей бездѣльной корысти на стели двѣ ведѣли и вида тѣ наши казаки такое его фискала Михаила Пугилова нападку и некото себя непріятелямъ отдать потому что отомъ єсть по часту бываетъ пріѣзгъ непріятелей и беруть скотину и людей дали ему фискалу 100 р. и взявиша такія деньги ихъ казаковъ отпустилъ.

Да вышепомянутой порутчикъ Егоръ Кротковъ будучи у насъ работъ твоихъ на Яикѣ браль насильствомъ своимъ въ писари нашихъ яицкихъ казаковъ и пріѣзжихъ людей изъ лавокъ числомъ всѣхъ сорокъ человѣкъ и наихъ рабахъ твоимъ ученициль изнечестіество великое платили мы раби твои помянутыми писарями по разсмотрѣнію по багренью и подва, а багренья продаются у насъ по 4 рубли.

Да вышеписанной же капитанъ Дмитрій Кемецковъ браль у насъ насильствомъ своимъ писарей на сѣтѣй дворъ не малое платили тѣмъ помянутыми писарями по багренью инымъ и по два, а багренья у насъ продаютца на Яикѣ по 4 рубля.

И въ прошломъ 718 году по прибытии въ Казань вышепомянутаго порутчика Ивана Наумова съ нашими яицкими казаками и отданы были въ дѣломъ въ повытъ подьячemu Федору Сухареву и помянутой подьячей взялъ съ тѣхъ казаковъ нападкою деньгами 200 р. да харчемъ и одежею дано

ему же 100 р. да брату его Алексею Сухареву какъ прибылъ на его Федорово място даво ему 10 р. Да овь же, подъячій Федоръ Сухаревъ взялъ съ казака съ Парфеномъ Никифорова 20 р. девягъ.

Да вышеписанные офицеры поручикъ Егоръ Кротковъ и капитанъ Кемецкой будучи у насъ рабовъ твоихъ на Яикѣ съ розыскомъ и брали съ насъ великия взятки и харчекъ и пойломъ и противъ ихъ налогъ намъ рабамъ твоимъ давать стало нечимъ и мы для ихъ изненавистства нехотя багрили въ рѣкѣ яиковны мѣста и оттого мы раби твои всеконечно разорились жень своихъ и дѣтей закладывали. Къ себѣ росписи вмѣсто яицкаго атамана Ивана Иванова и всего войска по ихъ вѣдѣнію Алексѣевскія Церкви священникъ Евѳ Елентьевъ руку приложилъ.

(Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 213—222).

Приложеніе XVI.

Челобитная Яицкаго войска 1720 г. о дачѣ грамоты на Яикъ взамѣнъ сгорѣвшей въ 1685 г.

Державицкій Царь, Государь милостицкій.

Въ прошлыхъ Государь годѣхъ, тому будетъ лѣть съ сорокъ, были члены мы, нынѣ именованные, Вамъ Царскому Величеству за прежніе наши рабовъ твоихъ службы, чтобы Ваше Царское Величество пожаловалъ бы насъ рабовъ твоихъ, что на которой мы раби твои рѣкѣ Яикѣ за Вашу Царскаго Величества волю набрались на житье зольными людми пожаловалъ бы насъ рабовъ твоихъ тою поминуткою рѣкою Яикомъ съ вершинъ и до устья и которые въ Яикѣ тануть рѣки и протоны такожъ и въ тѣ рѣчки и протоки, которые бѣгутъ воды, и со всѣми угоди; и противъ нашего рабовъ твоихъ прошевія дана Ваша Царскаѧ Величества поминутъ рѣки по владѣніс грамота чтобы намъ рабамъ твоимъ тою поминуткою рѣкою видѣть Яикомъ съ вершинъ и до устья съ рѣки и притоки никакъ которыес съ тѣ рѣчки и протоки бѣгутъ воды и со всѣми угоди, въ другихъ городовъ обывателіи тою поминуткою рѣкою съ рѣчками и протоками и со всѣми угоди самарянъ, и сибирянъ, и проихъ городовъ людии-башкирица и калмыка и такожъ рыбы не ловить и другихъ промысловъ и учуговъ не запирать и другихъ обидъ не чинить кромѣ насъ рабовъ твоихъ никому не вѣрою; въ прошлыхъ государь годѣхъ, тому будетъ лѣть тридцать и болѣе, волю Божию церковь соборнаѧ такожъ и войсковаѧ наша изба сгорѣла въ то пожарное время въ поминутой избѣ, которая присланная отъ Вашего Величества грамоты о владѣніи нашей рѣки Яику и одругихъ нашихъ казачьихъ дѣлахъ, погорѣла; и уѣдомивши о томъ въ прошломъ 716 году градскіе самарскіе жители калмыки и башкиры, что появляются у насъ рабовъ твоихъ.

ихъ владѣнная грамота сгорѣла, и въ томъ насть рабовъ твоихъ самаране и башкирцы и калмыки чинять изненавистство немалое и владѣютъ нашими рѣчками и протоками и всѣми угодья; тако же калмыки въ Яикѣ рѣкѣ рыбу ловить и учуги засираютъ; и противъ той помянутой на насть рабовъ твоихъ обиды съ вышеписанными сахаранами, съ башкирцы и съ калмыки противиться стало не почему.

Да въ прошлыхъ же Государь съ сѣмьсотъ первого году и по нынѣшней 720 годъ калмыціе владѣльцы, а именно *Даргас и дѣти его Добжса и Бай,* да владѣлецъ же *Алгейб* творять намъ рабамъ твоимъ изненавистство немалое: въ Яикѣ рѣкѣ рыбу въ мировыхъ мѣстахъ ловать, и табунами своими съ нашихъ урошныхъ мѣстовъ рыбу сгоняютъ, и учуги засираютъ, и сѣные наши покосы табунами травить, изъ подгородка нашего воровски скотину всякую отгоняютъ, и ударомъ на насть рабовъ твоихъ бьютъ, и во всемъ насть разозгаютъ; а противъ ихъ калмыцкаго воровства съ ними, безъ твоего царскаго величества указу, не сиѣмъ противиться; да къ нимъ же, помянутымъ владѣльцамъ, прѣѣжаютъ воинскіе люди каракалпаки и киргизцы человѣкъ во двѣсти и по триста и оные владѣльцы безъ Вашего Царскаго Величества указу съ ними мирятся и живутъ у нихъ владѣльцовъ въ улусехъ ихъ помянутые непріятельскіе люди мѣсяца по два и по три; и тѣхъ помянутыхъ владѣльцовъ улусные ихъ люди подводятъ тѣхъ непріятельскихъ людей подъ твои Государевы города и уѣзды и подъ насть, рабовъ твоихъ; и оные непріятельскіе люди вотчине твоей Государевской и насть, рабамъ твоимъ, чинять раззореніе малое: ковскіе и табунны скотинные безпрестанно отгоняютъ и насть рабовъ твоихъ въ полость беруть и на смерть побивають; а какъ де оные воинскіе люди къ нимъ владѣльцамъ прѣѣжаютъ и отъ нихъ взъ улусовъ отѣѣжаютъ и насть рабамъ твоимъ про нихъ вѣдомости никакой не учиняютъ.

Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества вели Государь насть, рабамъ твоимъ, за службы наши по своему милостивому Царскаго Величества, противъ прежнихъ вашего Царскаго Величества грамоты, что у насть рабовъ твоихъ сгорѣла, виѣсто ея во владѣніе помянутые рѣки Нику съ рѣчками и протоками и со всѣми угодья пожаловать прислатъ къ намъ, рабамъ твоимъ, свою Великаго Государя грамоту; также насть нижесмѣнованныхъ отъ обидъ и отъ налоговъ отъ самарскихъ обывателей, отъ башкирцовъ и отъ калмыкъ оборонить, чтобы твоей Царскаго Величества потчины и насть рабамъ твоимъ въ конецъ нераззоритъся и твоей государевой службы не отбыть.

Вашего Величества нижайшіе раби запольные рѣки Нику яицкіе атаманы-казаки: Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые казаки 2600 человѣкъ, 1720 году октября въ 12 день. Къ сей чалобитной виѣсто яицкаго атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска по ихъ чалѣнїю Алексѣевскія церкви священникъ Евѳ Клементьевъ руку приложилъ.

(Моск. Арх. Гл.в. Штаба, опись 107, книга 30, листы 303 и 304).

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие	I
Глава I-я. Кто жилъ на Яикѣ до прихода казаковъ	1
Глава II-я. Борьба Москвы съ татарами и образование казачьихъ общинъ на Руси	19
Глава III-я. Какъ собиралось Яицкое войско! Атаманъ Василій Гугна. Прибытие 600 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Матюшемъ Мещеракомъ въ 1685 году	35
Глава IV-я. Откуда собирались казаки на Яикѣ, кто они были, ихъ нравы и обычай. Списки Зимѣева въ 1632 г. и перепись Захарова въ 1723 г. Преданіе объ атаманѣ Терскомъ	55
Глава V-я. Борьба яицкихъ казаковъ съ татарами. Первые службы казаковъ: 1586, 1591 и 1594 г.г./Преданіе о трехъ Иванахъ	71
Глава VI-я. Смутное время на Руси. Походъ Нечая въ Хиву. Участіе яицкихъ казаковъ въ рядахъ самозванцевъ. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ и избрание на царство Михаила Федоровича Романова	88
Глава VII-я. Переселеніе городка къ Кирсановскимъ ярамъ. Поника на Яикѣ Зарудскаго и Марини. Преданіе о пребываніи Марини на Яикѣ. Переенесеніе городка на устье реки Чагана. Преданіе о явленіи казакамъ святителя Алексія Митрополита. Походъ Шемяя въ Хиву. Служба казаковъ въ 1629 году (1613—1632 г.г.)	109
Глава VIII-я. Старинная жизнь и обычай яицкихъ казаковъ. Внутреннее управление. Атаманъ, круги, судъ, обычай, одежда, ремесла, рыбные промыслы, добыча соли, военная походная организація, вооруженіе	136
Глава IX-я. Разбор казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Разгромъ персидскихъ береговъ. Высылка противъ нихъ стрѣльцовъ и разбитіе ихъ казаками. Высылка Богдана Зимѣева уговаривать казаковъ. Казаки за-	

служивающи вини подъ Смоленскомъ съ атаманомъ
Попко (озвъ же Попъ). Осада Смоленска; бой подъ
Смоленскомъ (1632—1634 г.г.) 166

Глава X-я. Первое появление калмыковъ на Яикѣ. Разбой казаковъ на Волгѣ и на Каспийскомъ морѣ. Доносъ Полѣнова. Постройка на устьѣ Яика города Гурьевъ (1634—1645 г.г.) 185

Глава XI я. Служба казаковъ въ Тулѣ, Ливнахъ, Яблоновѣ, Веневѣ, Осколѣ, Усманѣ и въ другихъ украинскихъ городахъ (1634—1645 г.г.) 200

Глава XII-я. Вступление на царство царя Алексея Михайловича. Намѣреніе калмыковъ ити на русскіе города. Продолженіе службы яицкихъ казаковъ въ Усманѣ, Бѣлгородѣ, Ливнахъ и другихъ украинскихъ городахъ. Приготовленіе къ Польской войнѣ (1645—1653 г.г.) 218

Глава XIII-я. Грабежи казаковъ на морѣ. Поѣзда атамана Ивана Бѣлоусова съ казаками въ Москву съ половиною. Служба казаковъ въ Польши и подъ Ригою. Первый свѣдѣнія о высылкѣ жалованья Иецкому войску. Разгромъ казаками Яикѣ-Гурьевъ городка и его учуговъ (1654—1666 г.г.) 235

Глава XIV-я. Атаманъ Разинъ. Грабежи и разбои на Волгѣ. Набѣгъ его на персидскіе и туркменскіе берега. Участіе яицкихъ казаковъ въ дѣлахъ Разина. Преданіе казаковъ о пребываніи Разина на Яикѣ (1666—1669 г.г.) 251

Глава XV-я. Бунтъ Разина. Взятие Царицына въ Астрахани. Бой подъ Симбирскомъ. Водопадъ въ восточной Россіи. Предестинная письма казаковъ. Разгромъ Разина подъ Симбирскомъ. Казнь Разина. Усмирение бунта. Дѣла въ Астрахани. Преданіе о Разинѣ на Яикѣ (1670—1671 г.г.) 276

Глава XVI-я. Продолженіе службы казаковъ въ украинскихъ городахъ. Первый и второй Чигиринскій походы. Походъ подъ Киевъ. Морской набѣгъ Васильки Касимовы. Усмирение башкирскаго бунта. Появленіе киргизъ на Яикѣ. Преданіе о Харько (1666—1682 г.г.) 300

Глава XVII-я. Переселеніе Кирсановской станицы въ Иецкій городокъ. Башкирскій бунтъ. Смыкъ бѣлыхъ стрѣльцовъ Тиги и Гоги. Приходъ донцовъ на Яикѣ.

- Огнѣна десатина съ рыбы. Пожаръ городка. Первый Крымскій походъ. Первое преслѣдованіе старообрядцевъ на Якѣтъ. Отліска войска казацкому митрополиту Адріану. Прибытие донцевъ на Якѣтъ. Письмо войска московскому патріарху Кирилло-Іоакиму. Второй походъ въ Крымъ. Бой съ Самарянами и сраженіе о этомъ бой 334
- Глава XVIII-я. Таможенные сборы въ Гурьевѣ. Служба лицъ казаковъ Бѣлгородского полка въ украинскихъ городахъ. (Первый и второй походы подъ Азовъ. Переездъ на Якѣтъ въ 1695 г. Разгромъ башкирцевъ въ казачьемъ городѣ. Смуты въ войскахъ. Казни и ссылка виновныхъ казаковъ. Разгромъ Гурьева-городка атаманомъ Шаменкомъ. Казнь войскового атамана Ивана Бѣлоусова голутвенными казаками. Судъ надъ виновными въ Преображенскомъ приказѣ. Казни и ссылки виновныхъ казаковъ. (1690—1699 г.г.) 369
- Глава XIX-я. Набѣги киргизъ на Якѣтъ. Наезды въ Шведской походъ. Смуты въ казацкой ордѣ и уходъ казаковъ отъ Аюб-хана. Астраханскій бунтъ. Дѣла въ Гурьевѣ. Башкирскій бунтъ. Булавинскій бунтъ на Дову 404
- Глава XX-я. Шведская война. Наездъ ставца атамана Ватошнова, ея службы; могила Ватошнова. Станцы Дмитрия Мировова, Матвѣя Рекунова, Матрефаса Алексея. Полтавский бой. Преданіе объ атаманѣ Прокорѣ Дурмановѣ и казакѣ Рыжечѣ (1701—1709 г.г.) 435
- Глава XXI я. Предодложеніе Сѣверной войны. Прутскій походъ. Кубанскій походъ. Харьковскій походъ. Набѣги киргизъ. Походы съ казацемъ Черкасскимъ въ 1714—1715 г.г. Походъ въ Хиву въ 1717 г. Гибель отряда. Преданіе о походѣ въ Хиву (1710—1717 г.г.) 464
- Глава XXII я. Донъ-казак Чулектинъ. Волненія въ войскахъ. Приговоръ о выгнанныхъ въ Русь казакахъ. Розыскъ бѣглыхъ крестильщиковъ князя Меншикова. Возвращеніе казачьего каравана изъ Хивы. Изгнаніе Карташева въ Русь, его донъ-казакъ Нуумова. Осада городка киргизами. Допросы въ Казани. Погонда на Якѣтъ

Черениснова. Розыскъ капитана Кемецкаго. Набѣги киргизъ (1717—1718 г.г.) 490

Глава XXIII-я. Донось казака Василія Мордвинкина. Продолжение розыска по доносу Карташева. Допросы казаковъ въ Преображенской приказѣ въ Москвѣ. Донось казака Афанасія Назарова. Прибытие на Яикъ поручика Кроткова и его розыскъ. Письма изъ Хивы пленныхъ казаковъ. Взятки и поборы Кроткова (1719 г.) 527

Глава XXIV-я. Набѣги киргизъ и осада ини Яицкаго городка. Побѣда въ Петербургѣ станичнаго атамана Федора Михайловича Рукавишникова. Отправление Карташева и казаковъ снова въ Москву и новые допросы въ Преображенской приказѣ. Прибытие Рукавишникова въ Петербургъ и его хлопоты: жалоба на взятки Кроткова и другихъ сыщиковъ, просьбы: о зачислении всѣхъ прибывшихъ на Яикъ послѣ 1695 г. въ казаки, о продажѣ сола. Подчиненіе войска вѣдѣнію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Назначеніе сѣдѣствія надъ Кротковымъ и друг. Отправление Карташева въ колодниковъ въ Астрахань съ поручикомъ Евлаховыемъ. Вопросы казакамъ въ отвѣты станичниковъ Рукавишникова въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Донось казака Ивана Елисѣева. Отправление въ Петербургъ станицы Ивана Астраханкина. Прибытие Рукавишникова на Яикъ и волнесія въ войскѣ. Отправление Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани на Яикъ съ поручикомъ Кустовымъ и назначеніе для розыска маиора Воейкова. Прибытие Кустова на Яикъ. Ссоры казаковъ съ Воейковымъ въ Омзранѣ и Самарѣ. Прибытие на Яикъ солдатъ Соринчева и Варакина. Бой съ киргизами (1719—1720 г.г.) 559

Глава XXV-я. Вторичная поѣздка Рукавишникова въ Петербургъ. Челобитныя войска. Смуты въ Яицкомъ городкѣ. Новые ссоры казаковъ съ Воейковымъ и его поѣздка на Яикъ (1720 г.) 605

Глава XXVI-я. Смуты въ войскѣ. Казнь казаковъ Елисѣева и Назарова. Вѣсти о киргизахъ. Посыпка станицы Ивана Масакова. Хлопоты Рукавишникова въ Петербургѣ. Дача войску знаменъ и пушекъ. По-

сылка станицы Балмашнова на разъѣзду въ киргизскіе аулы. Наездъ казаковъ на Терекъ. Посылка въ Петербургъ станицы Балмашнова. Возвращеніе Рукавишникова въ войско и казнь старшины Василія Мордвинкина. Возвращеніе на Яикъ изъ Шведской войны ставцы Ревунова въ плѣнныхъ казаковъ изъ Швеціи (1721 г.)	639
Глава XXVII-я. Наездъ казаковъ на рѣку Черемшу. Третья посылка Рукавишникова въ Москву. Доносы Картышева и челобитная Рукавишникова. Чожарь въ Яицкомъ городкѣ. Наездъ казаковъ въ Персидскій походъ. Доность казака Ревка. Схватки съ киргизами. Посылка въ Москву станицы Ватошнова. Допросъ казаковъ въ Военной Коллегіи. Назначеніе на Яикъ полковника Захарова и данная ему инструкція (1722 г.)	682
Глава XXVIII-я. Оправленіе въ Москву ставцы Фадѣева. Сыскъ Захарова въ Казани и на Яикѣ. Заговоръ казаковъ и замѣренія войска бѣжать въ Хиву и за море. Казнь Рукавишникона и другихъ. Доность Яганова и Краснощекова. Перепись Захарова. Набѣги киргизъ (1723 г.)	728
Глава XXIX-я. Слѣдствіе надъ Кротковымъ, Путиловымъ и другими. Посылка станицъ въ Петербургъ. Продолженіе переписи казаковъ. Наездъ на Черемшу и набѣги киргизъ. Основаніе городка на рѣкѣ Сакмарѣ. Окончаніе переписи казаковъ (1723—24 г.г.)	773
Глава XXX-я. Ставца Ивана Щелкина. Розыскъ Захарова по доносу Кроткова о киргизахъ—идѣнитикахъ и хивинскомъ караванѣ. Выдача войску жалованья, пороха и спичка по новому окладу. Станица Василія Арапова. Отправление тысячи казаковъ въ низовыій корпусъ. Сылка 25 старшинъ въ Тобольскъ. Судъ надъ Воейковымъ и Кротковымъ. Результаты пребыванія Захарова на Яикѣ и памятники прошедшаго времени, сохранившіеся въ войску (1724—25 г.г.)	812
Глава XXXI-я. Дополненія	850
Примѣчанія	872
Приложенія	1—95

Замѣченныя опечатки.

Строчк. Справка.	С т р о ч к а .		Н а п е ч а т а н о .	Слѣдуетъ читать.
	Сверху.	Снизу.		
21	2	—	ѣзжать	ѣзжали
*	4	—	1392 г.	1390 г.
25	—	5	казанскаго царя	астраханскаго царя
42	—	16	Коловоротное	Коловортное
44	10	—	1-го Февраля	10-го февраля
45	8	—	военной коллегіи	иностр. кол.
55	—	2	что казаковъ на Яикѣ	что воровскихъ казаковъ на Яикѣ
66	14	—	1682 г.	1678 г.
81	съ 10 до кон. стр.	—	Мазимка Мещерякъ	Матюша Мещерякъ
82	12	—	Мазимомъ Мещерякомъ	Матюшой Мещерякомъ
89	—	1	Сигелманъ	Браневскій
96	1	—	языкіе казаки двинулись	языкіе казаки вѣроятно двинулись
97	—	13	казаки и толпы крестьянъ	казаки и крестьяне
99	—	16	Госѣвскій	Госѣвскій
109	5	—	потоплена	позатоплена
111	—	12	Кузнецовъ	Кудравцевъ
122	—	14	тихо	тихо
128	—	9	Никита Чакрыгина	Иванъ Чакрыгинъ
133	—	3	1726 г.	1626 г.
140	18	—	1696 г.	1769 г.
143	—	1	хорѣство	хозайство
165	—	14	развивался	развѣвился
167	17	—	токо	только
180	7	—	10 чети въ полѣ, а потому жъ	10 чети, а въ полѣ пъ дву потому жъ
187	—	2	станицу	единицу
203	—	8	высвободить	освободить
252	—	12	до конца Александра I-го	до 1832 г.
255	—	7	Это письмо	Письмо
260	9	—	на поискахъ	въ поискахъ
260	—	5	Разинъ	Разинъ
*	—	4	Предлагать	Предлагать
262	8	—	стрѣльцовъ	стрѣльцами
263	13	—	казакыковъ	кузаковъ
*	—	3	ихъ	наши

Стр.	Строчка.		Напечатано.	Следует читать.
	Сверху.	Снизу.		
270	12	—	киргизскую	татарскую
305	—	6	XIII	XII
—	—	2	(см. прилож. XIII)	(см. прилож. XII)
306	—	3	(прилож. XIII)	(прилож. XII)
314	—	12	Объ однокъ изъ такихъ	Объ однокъ такомъ
318	17	—	Кротковныи	Кротковыи
366	—	19	и что ни Москва, ни кому	и что ни Москвѣ, и ни кому
367	—	1	2) Соч. И. И. Желѣзнова	нужно все это приимѣніе
			и т. д.	перенести на стр. 368 какъ
				выноску:
				1) Соч. И. И. Желѣзнова
				и т. д.)
368	—	3	1) Моск. Арх. Гл. Шт.	нужно все это приимѣніе
				перенести на стр. 367 какъ
				выноску:
				2) Моск. Арх. Гл. Шт.
				и т. д.
398	9	—	говорныи	говорныи
400	10	—	Въ сохранившимся ключкѣ	Въ сохранившемся полу- истлевшемъ и выцвѣтшемъ ключкѣ
401	—	3	Тамъ-же	Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ
434	—	6	казачій городокъ и Гурьевъ подчинялись	казачій городокъ подчинялся Казани, а Гурьевъ под- чинялся
476	13	—	Кудаберда и Одналузъ.	Кудаберда.
490	—	2	1791 г.	1721 г.
502	—	14	Федота Донскова ¹⁾	Федора Донскова, Степана Дементьевна ¹⁾
506	13	--	Казани	Казани
—	19	--	Митрофана Пименова, Остафья Трифонова	Митрофана Пименова, Але- ттина, Остафья Трифонова
—	20	—	Петра Фадѣева,	Петра Фадѣева, Осипова,
509	—	10	Петръ Фадѣевъ	Петръ Фадѣевъ 4)
—	—	9	Митрофанъ Пименовъ	Митрофанъ Пименовъ 5)
—	—	6	Степанъ Лукьянцовъ	Степанъ Лукьянцовъ 6)
—	—	5	Семенъ Васильевъ	Семенъ Васильевъ 7)
—	—	3	Иванъ Матвеевъ 4)	Иванъ Матвеевъ 8)

Строчк. Справ.	Строчк. Сверту.		Напечатано.	Следует читать.
	Сверту.	Сизу.		
509	—	1	4) Чеботарь	4) Осиповъ, 5) Алетинъ, 6) Сумкинъ, 7) Муромцевъ, 8) Чеботарь,
512	1	—	Петра Фадѣева.	Петра Фадѣева Осипова,
*	2	—	боязливый Фадѣевъ	боязливый Осиповъ
529	9	—	мая	моя
556	15	—	Ивана Бѣлоусова и оправ- данный	Ивана Бѣлоусова оправдан- ный
604	10	—	сь иими и Кустовъ	сь иими и Карташевъ
629	16	—	Всемогущаго десница	Всемогущаго Бога сохранил- ся десница
715	—	14	ожаго	ожидаемаго
736	—	5	родомъ нагаецъ	родомъ калмыкъ
752	—	15	20 человѣкъ,	14 человѣкъ,
761	—	1	кн. 191,	кнага 196,
793	—	3	Василій Араповъ	Иванъ Щелковъ
810	10	—	XVI вѣка	XVII вѣка
*	—	12	всѣхъ казаковъ	большинство казаковъ
Замѣченныя отпечатки				
57	17	—	3 го января	10-го января
68	—	7	рабы твои	рабы твои
81	7	—	29 день въ	29 день 1721 г. въ
*	—	7	въ половину	въ половину
82	—	1	(Ур. Волск. Вѣд. 1869 г. № 80).	(Ур. Волск. Вѣд. 1869 г. № 80). Моск. Арх. Глааз. Штаба, опись 107, кн. 12, листъ 215.
92	—	9	пшеница	пшака